

Российская академия
юридических наук

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

25

2025

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Выпуск 25

Москва
2025

УДК 34
ББК 67я431
Н 34

Н 34 Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 25. —
М. : ООО «Издательская группа «Юрист», 2025. — 734 с.

Редакционная коллегия:

Блажеев В.В., Бублик В.А., Голиченков А.К., Капустин А.Я., Кропачев Н.М.,
Шахрай С.М., Шерстобитов А.Е., Ястребов О.А.

Ответственный редактор:

Гриб В.В.

В сборнике представлены труды членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и материалы XXV Международной научно-практической конференции «Российская правовая система: в поисках национальной идентичности», организованной Юридическим факультетом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Российской академией юридических наук, Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина, Московским отделением Ассоциации юристов России при участии органов законодательной, исполнительной и судебной власти, общественных объединений юристов, юридических вузов и научных учреждений права, которая состоялась в Москве 26 ноября — 29 ноября 2024 г.

Статьи публикуются в авторской редакции.

Сборник предназначен для преподавателей, научных сотрудников, аспирантов, студентов юридических вузов.

DOI: 10.18572/978-5-94103-523-6-2025-1-734

ISBN 978-5-94103-566-3

© Российская академия юридических наук, 2025
© ООО «Издательская группа «Юрист», 2025

ISBN 978-5-94103-566-3

Уважаемые коллеги!

Российская академия юридических наук представляет очередное издание ежегодных научных трудов. Тысячи преподавателей, аспирантов, юристов-практиков опубликовали свои статьи за прошедшие годы в научном сборнике. Академия предоставляет возможность проявить себя молодым ученым из всех регионов России и стран СНГ. В этом году сборник издается на базе материалов XXV Международной научно-практической конференции «Российская правовая система: в поисках национальной идентичности», организованной Юридическим факультетом Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Российской академией юридических наук, Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Московским отделением Ассоциации юристов России при участии органов законодательной, исполнительной и судебной власти, общественных объединений юристов, юридических вузов и научных учреждений права, которая проводилась в Москве 26–29 ноября 2024 года.

Российская академия юридических наук сотрудничает не только с юридическими вузами, научными организациями, но и с институтами гражданского общества, консолидируя юридическую науку и общественность в деле построения правового государства.

Одним из итогов такого сотрудничества являются «Научные труды», которые будут и дальше помогать нашим коллегам в их профессиональной, научной и общественной деятельности.

Голиченков А.К.,

сопредседатель Ученого совета РАЮН,
декан Юридического факультета Московского государственного
университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова,
академик Российской академии образования,
доктор юридических наук, профессор

Гриб В.В.,

председатель Исполкома РАЮН,
заведующий кафедрой конституционного права МГИМО МИД России,
академик Российской академии образования,
доктор юридических наук, профессор

1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА. ИСТОРИЯ ПРАВОВЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ

Белоусова М.А. Святейший Синод и проблема раздельного жительства супругов в Российской империи..... 10

Бухалов В.И. О проблемах распределения наказаний в историческом контексте 16

Кацапова И.А. О преемственности идей в русской школе философии права XVIII — начала XX в. 22

Леонова Т.А. Проблема типологии юридического голосования 28

Марков С.М. Логические основы аналогии права и закона в системе российского права..... 38

Осипов М.Ю. К вопросу об особенностях российского правового менталитета как одного из идентифицирующих признаков российской правовой системы 45

Пузиков Р.В. Концептуальные подходы к пониманию правовых ограничений в современной юридической доктрине: от правовых традиций к правовым новациям..... 50

Сергеева Т.Н. Ценность российской правовой системы 59

Таранюк Ю.В. Особенности толкования права в Европе в период раннего Средневековья..... 65

Фальшина Н.А. Транспозиция идей правосознания в современной философско-правовой науке..... 72

Фетисова Н.К. Правовой обычай в странах Латинской Америки (на примере многонационального Государства Боливия)..... 78

Фролова Е.А. Европа и Россия: неокантианцы о личности, праве и государстве (вторая половина XIX — начало XX в.)..... 84

Шичанин А.В. Смысл и роль права на современном этапе развития российского общества..... 90

Шляхтин Н.Д. Аналитическая философия права в цивилистическом процессе: как совершать действия при помощи слов 97

2. КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Брусалинская Г.С. Конституционное закрепление приднестровской идентичности в контексте российских ценностных ориентиров в сферах науки, образования и культуры..... 104

Вербицкая Т.В., Вербицкая Н.О., Конов А.А. Экономической патриотизм в системе обеспечения национальной безопасности как конституционно-правового института 112

Денисов С.А. Конституционная идентичность в философии конституционализма 119

Ильина О.Ю. Социальное партнерство как инструмент гармонизации индивидуального и коллективного начал в конституционализации основ российского общества..... 125

Кокорин А.М. Экономическая безопасность отечественной киноиндустрии в системе национальной безопасности России..... 132

Корабельникова Ю.Л. Особенности конституционных полномочий российского парламента в сфере обеспечения безопасности городов ... 137

Костылева Е.Д. Перспективы формирования российского социального государства 144

Кравец А.А. Стратегия вовлечения общественного самоуправления в систему муниципальной демократии (пути реализации конституционной и муниципальной реформы в России) 149

Кравец И.А. Ассамблеи граждан в конституционном праве: в поисках национальной идентичности 155

Кулакова Е.В. О конституционном принципе невозможности лишения гражданства Российской Федерации ... 163

Макарцева (Раздъяконова) Е.В. Судебная делиберация как инструмент совершенствования социального законодательства 171

Рахимова Л.М. О правовых основаниях отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации 176

Федотова Ю.Г. Роль правового института участия граждан в обеспечении обороны страны и безопасности государства: в поисках национальной идентичности 183

3. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО. ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Брежнев О.В. Законодательство субъектов Российской Федерации о противодействии коррупции: становление и предмет регулирования 189

Гузанова М.М. Правовое регулирование взимания целевых налогов и сборов в Российской Федерации..... 195

Курбаков И.А. Вопросы взаимодействия правоохранительных

органов при рассмотрении дел об административных правонарушениях 202

Максимов И.В. Государственное управление в условиях цифровизации и цифровой трансформации..... 210

Переседов А.М. Об истории развития регулирования обязательных требований на законодательном уровне 217

Сынкова Е.М. О совершенствовании защиты прав граждан при рассмотрении дел об административных правонарушениях 222

Шеншин В.М., Попков Д.В. К вопросу о цифровизации государственного управления..... 228

4. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Валек И.П. Особенности правового положения гражданина Российской Федерации, имеющего двойное гражданство или множественное гражданство в текущих реалиях, — на примере практических кейсов 2024 г. 233

Вашанова О.В. Оговорка о публичном порядке: современные тенденции применения в практике арбитражных судов Российской Федерации 239

Гаркуша-Божко С.Ю. О перспективах создания универсальных международно-правовых руководящих принципов деятельности государств в киберпространстве 246

Колябин А.Ю. К вопросу о развитии альтернативных негосударственных и надгосударственных систем разрешения трансграничных споров (в частности, на примере МКАС при ТПП РФ) 255

Кузнецов М.Н. Международное частное право: спорные вопросы фундаментального характера 263

Максименко С.В. Национальная безопасность Российской Федерации: российский народ: миф или реальность 273

Патрин Д.А. К вопросу о национально-правовых средствах исполнения решений международных судов (проблема взаимодействия международного и внутригосударственного права в связи с решениями международных судов) 278

Титов И.Е. Проблемы установления юридического статуса корпораций Соединенных Штатов Америки и полномочий их представителей в делах о защите исключительных прав на товарные знаки 289

5. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО. СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Алиева К.М. Некоторые проблемы реализации акционерами права на выкуп принадлежащих им акций 297

Ворожейкина Ю.В. Особенности рассмотрения и разрешения судами бесспорных дел о наследовании объектов предпринимательства 303

Гаджиев А.Э. Аксиологическая теория коммерческой корпорации 313

Летута Т.В. Особенности становления и тенденции развития российского деликтного права: отдельные аспекты 318

Максимова Н.А. Правовые основы государственной семейной политики в России 327

Михайлова А.С. К вопросу о брачно-семейных отношениях в контексте современной государственной политики, нацеленной на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей 334

Мицык Г.Ю. Законодательная конструкция злоупотребления правом 346

Петурова Н.Н. Несоответствие некоторых аспектов российского законодательного регулирования опеки и попечительства международным стандартам 352

Пушкина А.В. Судьба долей жилых помещений при банкротстве наследственной массы 359

Семенова Е.Г. Правовое обеспечение защиты интересов лиц при принудительном прекращении права собственности: проблемы и перспективы совершенствования ... 365

Телибекова И.М. Договор образовательного страхования как способ реализации субъективного гражданского права 373

Хужин А.М. Частноправовые механизмы обеспечения национальной идентичности 380

6. ГРАЖДАНСКИЙ И АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Авдякова В.А. Отдельные вопросы распределения судебных расходов по уплате государственной пошлины 384

Гаврилов Е.В. Скриншот в форме электронного документа как доказательство в гражданском и арбитражном процессе: постановка вопроса 391

Грибов Н.Д. Влияние традиционных российских духовно-нравственных ценностей на гражданское судопроизводство 396

Мазурова А.П. Установление фактов, имеющих юридическое значение, в арбитражном суде 402

Нахова Е.А. К вопросу о механизме определения предмета доказывания в гражданском процессе 407

Приходько И.А. Вопросы применения норм ГПК РФ и АПК РФ в уголовном процессе 413

Скобелев В.П. Принцип состязательности в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь 419

Смагина Е.С., Фролова Е.Ю. Алгоритмизация процесса подготовки дел к судебному разбирательству в гражданском процессе 428

Чекмарева А.В. Традиции и новации российского гражданского процесса 435

7. ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

Баландин А.Ю. Проблемы правового обеспечения кибербезопасности в условиях реализации национального проекта «Экономика данных» 442

Деркачева Т.В., Егоров Г.Г. Перспективы внедрения зарубежного опыта информационно-правового обеспечения бесплатной юридической помощи населению 448

Коробейникова К.В. Правовое регулирование сетевой безопасности 463

8. МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО

Еникеев О.А. Проблемы правового регулирования применения систем искусственного интеллекта в биобанковской деятельности 469

9. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ. ПРАВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Антохина А.Ю. Искусственный интеллект и будущее русского языка: новые вызовы и возможности для сохранения и развития 474

Василенко Л.Р. Правовое регулирование искусственного интеллекта и нейросетей 480

Государев Т.Л. Влияние национальной идентичности в борьбе с дезинформацией в российской правовой системе 484

Иванов Н.Е. Депонирование как способ регистрации авторских прав. Сравнительно-правовой анализ отечественной и зарубежной практики 491

Кадовченко В.Д. К вопросу о правопреемстве объектов, созданных с помощью системы искусственного интеллекта 496

Королькова Д.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт России и Китая 502

Новикова А.В. Правоприменительные практики и этические аспекты использования методов SMM в журналистике: кросс-культурный анализ 509

Попов Я.Д. Развитие института секретных и совершенно секретных изобретений в СССР 515

10. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО. БАНКОВСКОЕ ПРАВО

Григорьев Н.Д. Ответственность участников корпораций за нарушение обязанностей: исключение «недружественного» участника из корпорации 519

Елисеев В.С. О структуре сельскохозяйственного законодательства в области растениеводства: перспективы развития 525

Ильина А.В. Новые элементы международной платежной инфраструктуры: Банк БРИКС и BRICS Clear 531

Поеров С.В. Значение принципа добросовестности при установлении оспоримости сделки должника в рамках банкротства 535

11. ТРУДОВОЕ ПРАВО. ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Василенко Ю.Е. Особенности квалификации причин в качестве «уважительных» при увольнении по ч. 1 ст. 312.8 Трудового кодекса РФ 541

Ганчурина Н.С. Отношения по организации труда и управлению им на современном этапе 546

Забрамная Е.Ю. Значение концепции трудового поведения в реализации принципа уважения человека труда 552

Карданова И.В. Российская правовая система: в поисках национальной идентичности через разрешение демографических проблем 558

Касьяненко Т.С. Премировать (,) нельзя (,) депремировать? 566

Мамедов О.Д. оглу. Трудовые правоотношения в системе государственной службы: современные взгляды 571

12. ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО. ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Барбашова Н.В. Обеспечение экологической безопасности — основная задача экологического права России 581

Морозов А.А. Динамика развития экологической безопасности в рамках реализации национального проекта «Экология» 588

Харьков В.Н. Глобальные планы устойчивого развития как фактор развития экологической политики России 595

13. РЕЛИГИЯ И ПРАВО

Абдуллаев Р.А. оглы. Исламские финансовые институты в Турции: регулирование и перспективы 602

Алиев Р.Р. Особенности регулирования права собственности с использованием исламского элемента в Турецкой Республике 609

Артемьев В.Ю. Исламское право в Пакистане: опыт реформирования Уголовного кодекса Британской Индии 1860 г. 615

Прошина М.В. Мурабаха и истисна как инструменты торгового финансирования в Саудовской Аравии 621

Юсиф-Зада А.-А.И. оглы. Правовое регулирование трансплантации органов и тканей человека в рамках исламского права..... 628

14. СУДЕБНАЯ СИСТЕМА

Даровских К.И. Специализация юрисдикции как критерий идентичности российской судебной системы: исторический контекст..... 635

15. УГОЛОВНОЕ ПРАВО. КРИМИНОЛОГИЯ. КРИМИНАЛИСТИКА. УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Афанасьева Т.И. Пределы прокурорской деятельности: понятие и система..... 643

Бунова И.И. Реализация уголовной ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповедания: современное состояние и тенденции развития 649

Дакашев И.Х. К вопросу о нейтрализации негативных факторов, способствующих приобщению осужденных к идеологии криминального мира..... 655

Лесников Г.Ю., Сторожихин И.С. Преступление как основание правомерного причинения вреда при осуществлении уголовно-правового задержания..... 660

Луценко П.А. К вопросу о способах разрешения уголовно-правового конфликта 665

Матвеева А.А. Научное наследие профессора М.Н. Гернета в свете криминологической урбанографии 671

Мацкевич И.М. История сборника «Преступный мир Москвы» и его последствия..... 678

Перетокина В.В. К вопросу о классификации уголовно-процессуальных гарантий прав лица, помещаемого в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях 684

Рычков В.С. Проблемы существования института понятий в России и пути их разрешения..... 692

Сазонов А.И. Анализ связи уровня пассионарности в обществе с уровнем рождаемости и преступности: концепция сублимационной пассионарности 697

Смирнова А.С. Отдельные проблемы определения объекта преступления в ч. 1 ст. 148 УК РФ..... 703

Смоляков П.Н. Синергия законодательства об уголовной и административной ответственности — преимущества и недостатки российского опыта..... 708

Спесивов Н.В. Транспарентность как сущностная характеристика современного уголовного судопроизводства в контексте нравственных начал 715

Ткачев А.В. Персональные данные как элемент установления личности в компьютерных сетях 722

Щенина Т.Е. Женская преступность в семье: профилактика, проблемы и пути их разрешения 727

Святейший Синод и проблема раздельного жительства супругов в Российской империи

Как известно, расторжение брака в Российской империи было сильно затруднено нормами церковного и светского права, и подобная возможность представлялась лишь по ограниченному перечню оснований при сложной процедуре¹. В связи с этим на протяжении всего XIX в. практика деятельности высших органов государственной власти (III отделения Собственной его Императорского Величества канцелярии, Комиссии (Канцелярии) прошений на высочайшее имя, Правительствующего сената) и местных органов власти и управления (волостных крестьянских судов, земских начальников, непрерывных членов уездного по крестьянским делам присутствия и других) вырабатывала альтернативный механизм разлучения супругов, брак которых, при отсутствии формальных оснований к разводу, сохраняться полноценно не мог².

Такое разлучение не приводило к прекращению брачных отношений и супружеских обязанностей, но предоставляло возможность раздельного жительства супругов через выдачу отдельных видов на жительство женам даже при отсутствии согласия мужа. Подобная практика, хотя и оформлявшаяся решением компетентного органа, до 1914 г. не вполне соответствовала закону, прежде всего ст. 103 Свода законов гражданских³, обязывавшей супругов к совместному жительству. Противоречие привело Государственный совет к принятию Высочайше утвержденного мнения о поручении Министерству юстиции разработать проект закона о раздельном жительстве супругов в 1897 г. Проект имел сложную судьбу: в 1898 г. он был отклонен решением Государственного совета, хотя именно этот орган инициировал его разработку. В 1907 году вопрос об узаконении раздельного жительства был

¹ Яненко О.Ю. Расторжение брака в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13. № 1. С. 192.

² Полянский П.Л. Семейно-правовые последствия жестокого обращения с женами у податного населения России в середине XIX в. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 64; Веремченко В.А. «Семейные несогласия» и раздельное жительство супругов: проблема законодательного регулирования в России во второй половине XIX — начале XX века // Диалог со временем. 2007. № 18. С. 328–352.

³ Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. I: О правах и обязанностях семейственных. СПб., 1857.

поднят вновь, и после продолжительного обсуждения проект был принят в качестве закона 12 марта 1914 г.

Таким образом, уже в XIX в. практика правоприменения, а с 1914 г. — закон предоставляли супругам в Российской империи возможности для установления режима раздельного жительства. Однако данное правило распространялось не на все категории населения. Духовное сословие так и не получило разрешения устанавливать режим раздельного жительства супругов, так как было подконтрольно не только светскому законодательству, но и специальным церковным правилам и, что представляется наиболее важным, решениям своего духовного начальства по данному вопросу.

Для понимания причин недопущения раздельного жительства среди духовных лиц необходимо определить отношение церковного ведомства (прежде всего Святейшего Синода и его обер-прокуроров) к институту раздельного жительства вообще.

Церковно-правовые нормы предусматривают обязанность супругов пребывать в совместном жительстве. Такой вывод, не подвергавшийся обсуждению, основывался на библейских положениях о сути супружества: «и будут два одною плотью» (Быт. 2:24; Мф. 19:5; Мк. 10:8; 1 Кор. 6:16; Еф. 5:31), и «что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19:6).

В XVIII веке консистории, которым приходилось разрешать супружеские неурядицы, не имея возможности ни примирить супругов, ни осуществить развод по подлежащим основаниям, иногда устанавливали отдельное жительство с перспективой примирения⁴. При этом формально выдача «распустных (ропускных) книг» (документ об официальном разрешении отдельного жительства супругов) священнослужителями была запрещена еще в 1730 и 1767 гг.⁵. В 1819 году Святейший Синод при поддержке министра духовных дел и народного просвещения князя А.Н. Голицына добился принятия высочайше утвержденного мнения Государственного совета о запрете светским органам утверждать соглашения о раздельном проживании супругов⁶.

Несмотря на этот запрет, возможность раздельного жительства продолжала предоставляться решениями светских органов, в виде монаршей милости, в административном или судебном порядке. Духовная власть часто «умывала руки», предоставляя борьбу с супружескими неурядицами гражданским властям и признавая свое бессилие в этом вопросе⁷,

⁴ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Ч. 2: Права семейные, наследственные и завещательные. СПб., 1896. С. 107.

⁵ ПСЗ-1. Т. VIII. № 5655, Т. XVIII. № 12935.

⁶ Полянский П.Л. Дело Шелковникова: к вопросу о разграничении компетенции российских церковных и светских органов в брачных делах в XIX в. // Вестник Московского университета. 2014. № 5. С. 38–39.

⁷ Веретенко В.А. Указ. соч. С. 328.

но в целом осуждала практику разлучения супругов, предлагая более «гуманные» и соответствующие сущности брака средства в виде увещевания в целях примирения супругов с сохранением совместного жительства⁸.

Первый законопроект о раздельном жительстве супругов 1897–1898 гг., по мнению современников, был отклонен Государственным советом из-за отрицательного отзыва обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева⁹. По мнению обер-прокурора, которое вполне разделялось Святейшим Синодом, разрешение супругам жить отдельно, даже при формальном сохранении статуса брака и большинства супружеских прав и обязанностей, станет замаскированным способом расторжения брака. Поэтому данный институт противоречил бы каноническим нормам.

Вторая попытка принятия соответствующего закона тоже встретила сопротивление духовных властей: в 1910 г. Синод выскажется против проекта об узаконении раздельного жительства супругов, составленного Министерством юстиции по инициативе 73 депутатов Государственной думы¹⁰. Лишь в 1913 г. духовная власть, наконец, согласится с принятием урезанного закона, даже из названия которого будет вытравлено упоминание о раздельном жительстве супругов¹¹.

Поэтому неудивительно, что супруги духовного сословия, находящиеся под максимальным попечением церковных властей, оказались изъяты из общегосударственной практики дозволения раздельных жилищ.

Попытки раздельного жительства, оформленного или не оформленного официально, в среде церковно- и священнослужителей были крайне редкими. Это обуславливалось формулировкой 5-го правила св. апостолов, хотя принятого по другому поводу, но прямо запрещающего изгнание духовным лицом своей жены, даже «под видом благоговения»¹².

Мужья духовного сословия не предоставляли своим женам отдельных видов на жительство, потому что это могло повлечь за собой карательные меры со стороны церковных властей в виде лишения священнического сана, а значит, и средств к существованию. Иллюстрацией такого положения могут служить следующие примеры.

⁸ См., например: Клитин А., свящ. Слово в день рождения Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны // Киевские епархиальные ведомости. 1898. 16 июня. № 12. С. 506.

⁹ Гессен И.В. Раздельное жительство супругов. Закон 12 марта 1914 года о некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собой и к детям. СПб., 1914. С. 8; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 589. Д. 600. Л. 3.

¹⁰ РГИА. Ф. 1162. Оп. 3. Д. 186. Л. 231.

¹¹ Гессен И.В. Указ. соч. С. 59.

¹² Л. Может ли священник или псаломщик отпускать жену свою, давая ей отпускной документ, для продажи вина в казенной винной лавке? // Подольские епархиальные ведомости. 1897. № 28–29. С. 751.

Крайне немногочисленные дела, связанные с попытками установления раздельного жительства у духовенства, инициировались женами. Однако и в этих случаях властные органы не допускали раздельного жительства, причем не всегда путем «гуманного» увещевания. В 1904–1905 годах жена священника Надежда Ясиевич пыталась через протопресвитера военного и морского духовенства добиться увеличения содержания от мужа, с которым она не жила. В ответ на прошение Надежда получила требование примириться с угрозой лишиться и имеющегося содержания, ведь в противном случае муж потеряет священническое место¹³.

Подобные угрозы адресовались и мужьям, оставлявшим своих супругов¹⁴. Поэтому жены «исчезнувших» мужей благодаря жестко отрицательной позиции духовного начальства по вопросу супружеского разножительства успешно возвращали беглецов в семьи. Так, жена священника Николая Охонского Мария просила протопресвитера военного и морского духовенства и митрополита помочь выяснить, собирается ли ее муж, почти пять лет не живший с ней и не предоставлявший ей содержание, возвращаться. Разумеется, священника довольно быстро разыскали, убедили примириться с супругой и забрать ее к месту его службы¹⁵.

При этом священников и дьяконов старались не наказывать, если раздельное жительство устанавливалось фактически женой вопреки желанию мужа. Дякона Митрофана Илларионова не подвергли отстранению от священнослужения, хотя его жена, длительное время проживавшая отдельно, прижила незаконного ребенка. Сохранение брака с женой-прелюбодейкой по церковным правилам должно было влечь за собой извержение из сана, но именно отдельное жительство, по мнению Синода, оградило дякона от осквернения, а потому ему были дозволены развод и сохранение места¹⁶.

В 1908 году по запросу епископа Тамбовского и Шацкого Иннокентия (Беляева) Синод выпустил разъяснительное определение о раздельном жительстве супругов духовного звания¹⁷. Согласно этому определению, священник, уклоняющийся от сожительства с женой «по причинам благословным» (имеются в виду в основном практики духовного воздержания), подлежит запрещению в священнослужении до прекращения и лишения священства в случае упорства. «Неблагословные» причины (нежелание вести совместную

¹³ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 4716. Л. 1–18.

¹⁴ Там же. Л. 16.

¹⁵ РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 3663. Л. 1–6.

¹⁶ РГИА. Ф. 796. Оп. 169. Д. 2208. Л. 1–6.

¹⁷ Разъяснительное определение Святейшего Синода по вопросу о раздельном жительстве священноцерковнослужителей с их женами // Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем Правительствующем Синоде: еженедельное издание с прибавлениями. СПб., 1908. № 46. 15 ноября. С. 342–344.

жизнь с женой, разлучение с супругой для прелюбодеяния или иного предосудительного поведения) должны были отдельно рассматриваться церковным судом.

В отношении жен священнослужителей работало похожее правило: если желание жены жить отдельно было обусловлено жестоким обращением или «неблагоповедением» мужа, к виновному применялись все способы исправления (от увещаний до наказаний). Если же нет, увещания и церковная епитимья назначались жене. Особо подчеркивалось, что невиновный муж не обязан выдавать жене отдельный вид на жительство и предоставлять содержание. Каждый случай раздельного жительства должен был *тщательно исследоваться* духовными властями, а брачное сожительство — всеми способами восстанавливаться.

Данное определение было разослано циркулярно и опубликовано в местных епархиальных газетах, хотя, судя по отложившейся в архивных фондах практике, раздельное жительство в среде священно- и церковнослужителей **не было распространенной проблемой**. Сам повод к разъяснению — обращение епископа Тамбовского и Шацкого с вопросом о том, как поступать с покинувшим жену священнослужителем, — свидетельствует об отсутствии практики по подобным делам. Об этом же свидетельствует и время данного обращения (1908 г.), т.е. в течение многих веков рассматриваемая проблема в духовном сословии не поднималась и не рассматривалась.

Представляется, данное обращение стало лишь поводом для официального объявления позиции Святейшего Синода по поводу института раздельного жительства супругов. В 1907 году вовсю продвигалась вторичная разработка проекта общего закона о супружеском разномыслии, и духовному ведомству было об этом известно. Разъяснительное определение Синода 1908 г. было откровенно противопоставлено положениям этого еще не принятого проекта, явно перекрывая все возможности для установления раздельного жительства священно- и церковнослужителей.

Соответственно, положения Закона от 12 марта 1914 г., позволявшие раздельное жительство супругов, также не могли распространяться на духовное сословие.

Таким образом, практика светских органов и действие закона 1914 г., устанавливавшие возможность раздельного жительства супругов, распространялись формально на все население Российской империи, но совершенно не касались лиц духовного сословия. Святейший Синод, выступая против установления института раздельного жительства как противоречащего канонам и отсрочивая принятие соответствующего закона, все же не смог добиться окончательного отказа законодателя от нормативного регулирования данного явления. Однако для духовенства, подконтрольного Святейшему Си-

ноту и каноническим правилам, эта возможность в Российской империи так и не была открыта. Наоборот, через дела о супружеских неурядицах духовных лиц Синод мог открыто демонстрировать свое отрицательное отношение к раздельному жительству.

Белоусова М.А.,

аспирант кафедры истории государства и права
Юридического факультета Московского государственного университета
(МГУ) имени М.В. Ломоносова
(г. Москва)

Литература

1. Веретенко В.А. «Семейные несогласия» и раздельное житье супругов: проблема законодательного регулирования в России во второй половине XIX — начале XX века / В.А. Веретенко // Диалог со временем. 2007. № 18.
2. Клитин А., свящ. Слово в день рождения Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны / А. Клитин, свящ. // Киевские епархиальные ведомости. 1898. № 12. 16 июня.
3. Л. Может ли священник или псаломщик отпускать жену свою, давая ей отпускной документ, для продажи вина в казенной винной лавке? / Л. // Подольские епархиальные ведомости. 1897. № 28–29.
4. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. В 3 частях. Ч. 2. Права семейные, наследственные и завещательные / К.П. Победоносцев. 3-е изд., с переменами и дополнениями. Санкт-Петербург : Тип. Министерства путей сообщений, 1896.
5. Полянский П.Л. Дело Шелковникова: к вопросу о разграничении компетенции российских церковных и светских органов в брачных делах в XIX в. / П.Л. Полянский // Вестник Московского университета. 2014. № 5.
6. Полянский П.Л. Семейно-правовые последствия жестокого обращения с женами у податного населения России в середине XIX в. / П.Л. Полянский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3.
7. Яненко О.Ю. Расторжение брака в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. / О.Ю. Яненко // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. Т. 13. № 1.
8. Гессен И.В. Раздельное житье супругов. Закон 12 марта 1914 года о некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собой и к детям / И.В. Гессен. Санкт-Петербург : Право, 1914.

О проблемах распределения наказаний в историческом контексте

Уголовные наказания являются самыми крайними средствами борьбы государства с правонарушениями. Существующие в мире распределения наказаний значительно различаются по странам и имеют национальные социокультурные, правовые и исторические корни. Даже максимальные сроки лишения свободы за тяжкие преступления в странах совершенно разные и не определены в международном законодательстве. Они не были определены и в целом ряде стран мира, включая Великобританию, Францию, Германию, РФ и др., где для части (или всех) категорий осужденных предусмотрено пожизненное лишение свободы. Так, в США максимальные сроки лишения свободы могут достигать 100 лет, формально считаясь менее строгими наказаниями, чем пожизненное лишение свободы. Они предусмотрены законодательством только нескольких штатов и ряда территорий США. Например, при неприменении федерального законодательства США на Аляске и в Пуэрто-Рико лишение свободы на срок 99 лет является наиболее строгим уголовным наказанием. В Алабаме и Техасе лишение свободы на срок 99 лет является менее строгим наказанием, альтернативным пожизненному лишению свободы. В Монтане альтернативным пожизненному лишению свободы менее строгим наказанием является лишение свободы на срок 100 лет. По федеральному законодательству США и законодательству многих штатов США максимальные сроки лишения свободы могут не иметь высшего предела и даже превышать 30 000 лет. Однако законодательство ряда штатов и территорий США, устанавливающее сроки лишения свободы, превышающие продолжительность жизни человека, обязывает освобождать тех, кто отбыл определенную законом часть срока (например, от 35 лет).

Максимальные сроки лишения свободы за особо тяжкие преступления, предусмотренные, например, в Бразилии — 40 лет, а также 50 лет — в Боснии и Герцеговине, в Хорватии, могут являться пожизненными наказаниями для осужденных в возрасте старше 60 лет, хотя пожизненные наказания запрещены конституцией Бразилии, а также конституциями Венесуэлы, Колумбии, Португалии и ряда других стран мира.

В истории России, Германии и других стран романо-германской правовой системы максимальные сроки лишения свободы сокращались до 15, 10 или даже до 5 лет. В Уголовном кодексе (УК) Германии максимальный определенный срок лишения свободы составляет 15 лет, а в УК Швеции — 10 лет. В Португалии и странах, ориентирующихся на законодательство Португалии, максимальные сроки лишения свободы составляют 25–30 лет, при наличии конституционных запретов на установление пожизненных наказаний.

В УК части стран мира, в которых отменено или отсутствует пожизненное лишение свободы, максимальные определенные сроки лишения свободы составляют менее 35 или 30 лет. В частности, в УК Норвегии максимальным уголовным наказанием является 21 год лишения свободы.

В уголовном законодательстве России до 1917 г., РСФСР и СССР максимальные определенные сроки лишения свободы составляли не более 25 лет, при этом наказание в виде лишения свободы на срок до 25 лет было предусмотрено только с 1937 по 1958 г.

В уголовном законодательстве СССР и РФ с 1958 по 1996 г. максимальный срок наказания в виде лишения свободы при его назначении за несколько преступлений не мог превышать максимального его срока, предусмотренного за наиболее тяжкое по наказанию из совершенных преступлений. Максимальный срок наказания в виде лишения свободы по нескольким приговорам составлял 10 лет, а за преступления, предусматривающие лишение свободы на срок более 10 лет, — 15 лет (Основы уголовного законодательства СССР 1958 и 1991 гг. (ст. 35 и 36, ст. 44 и 45) и УК РСФСР 1960 г. (ст. 40 и 41)).

В 1993 году в УК РСФСР были внесены изменения, отменившие смертную казнь для всех осужденных женщин и для осужденных мужчин в возрасте от 65 лет, при сохранении прежнего максимального наказания, альтернативного смертной казни, — 15 лет лишения свободы. Подобные изменения были внесены и в УК многих других бывших союзных республик СССР, а в части из них, включая Россию, 15 лет лишения свободы стало наиболее строгим уголовным наказанием для всех осужденных при введении моратория на смертную казнь. В результате этого возникло грубое несоответствие наказаний: с учетом обратной силы уголовного закона сроки до 15 лет лишения свободы получали и могут получать люди, не только совершившие нетяжкие деяния, за которые указанные сроки предусмотрены, но и наиболее опасные преступники, виновные в жестоких и массовых убийствах.

В Модельном УК СНГ, который носит рекомендательный характер, максимальный срок лишения свободы по совокупности преступлений составляет не более 20 лет, а по совокупности приговоров — не более 25 лет (ч. 6 ст. 58). В УК большинства стран СНГ, как и значительного числа других стран мира, максимальные сроки наказания в виде лишения свободы на определенный срок по совокупности преступлений и приговоров составляют менее 30 и 35 лет. При этом в УК многих стран СНГ максимальные сроки наказания в виде лишения свободы на определенный срок по совокупности преступлений и приговоров составляют не более 25 лет. В УК значительного числа стран СНГ (Туркменистана, Узбекистана, Белоруссии и др.) максимальные сроки наказания в виде лишения свободы, превышающие 15 или 20 лет, могут быть назначены только в исключительных случаях, предусмотренных соответствующими УК, к которым относится совершение убийства и других наиболее опасных особо тяжких преступлений.

В настоящее время в России, к сожалению, проводится политика усиления наказаний. Например, увеличены наказания за различные деяния, отнесенные к преступлениям в УК РФ: незаконный сбыт холодного оружия (ч. 7 ст. 222), клевету, предусмотренную ч. 2–5 ст. 128.1, хулиганство с угрозой насилием или его применением (ст. 213) и др. При этом отсутствуют четкие ориентиры распределения максимальных сроков лишения свободы за преступления, совершенные несовершеннолетними и престарелыми, за убийство и за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

В 1868 году минимальный максимальный срок лишения свободы за особо тяжкое преступление предусматривался в УК Ольденбурга и составлял 10 лет, являясь там наиболее строгим уголовным наказанием, в то время как в других странах широко применялись смертная казнь и пожизненное лишение свободы. В России и в ряде других стран, входивших в состав Российской империи, минимальный максимальный срок лишения свободы составлял 15 лет, как предусматривалось в Уголовном уложении 1903 г., в актах Временного правительства и **в актах** советской власти в 1917 г.

Минимальный максимальный срок лишения свободы, как альтернативный смертной казни, в РСФСР с 1921 по 1922 г. составлял лишь 5 лет. В УК РСФСР 1922 г. и в УК РСФСР 1926 г. минимальный максимальный срок лишения свободы, как наиболее строгое уголовное наказание, составлял 10 лет и предусматривался за любое количество жестоких преступлений.

Минимальный максимальный срок лишения свободы за любое умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека, как наиболее строгое уголовное наказание, составлял лишь 8 лет по УК Грузинской ССР 1926 г. и по УК Эстонской ССР 1961 г. В настоящее время минимальный максимальный срок лишения свободы за любое умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека в ряде стран мира составляет всего лишь 10 лет (например, в законодательстве Армении, Украины, Сан-Марино, а в Средней Азии — в УК Узбекистана). Такой же срок за любое умышленное причинение тяжкого вреда здоровью человека предусматривался, например, в Уголовном уложении России 1903 г., УК Эстонии 1929 г., УК РСФСР 1922 и 1926 гг., во всех УК Узбекской ССР, а также в УК ГДР.

Минимальный максимальный срок лишения свободы за любое преступление для несовершеннолетних, являющийся для них наиболее строгим уголовным наказанием, составлял 8 лет и предусматривался в УК Эстонской ССР 1961 г. и УК Эстонии 1992 г. В настоящее время в УК Эстонии 2008 г. он составляет 10 лет, как и в УК РФ, и в законодательстве Германии и ряда других стран.

Минимальный максимальный срок лишения свободы за любое преступление для осужденных преклонного возраста (старше 70 лет), являющийся наиболее строгим уголовным наказанием для них, составлял лишь 6 лет и предусматривался в УК Эстонии 1929 г. Данный срок составлял 10 лет в про-

екте Уголовного уложения РСФСР 1918 г. и 15 лет в УК РСФСР 1960 г. (с 1993 г.). 15 лет он составлял и в УК Украинской и Армянской ССР в последние годы их действия, а также в УК Монголии 2002 г. — до 2016 г. В настоящее время он составляет не менее 13 лет в ряде стран СНГ (в частности, в УК Узбекистана).

Следует отметить, что УК РФ предусматривает излишне строгие максимальные наказания для осужденных преклонного возраста, что требует уменьшения максимальных сроков лишения свободы для осужденных данной возрастной категории и установления для них других специальных видов смягчения наказания, в особенности учитывая их меньшую общественную опасность, чем молодых совершеннолетних (в УК РФ до 20 лет (ст. 96 УК РФ)), несовершеннолетних и малолетних осужденных, максимальный срок лишения свободы которых не превышает 10 лет лишения свободы (ч. 6 ст. 88 УК РФ). К тому же к части молодых осужденных вместо уголовной ответственности возможно применение меры воспитательного воздействия в виде направления в учебно-воспитательное учреждение закрытого типа на срок от 1 года до 3 лет (с 11 до 15 лет) или до исполнения 18 лет (с 15 до 17 лет). Возможно применение иных воспитательных мер (передача под надзор родителей, ограничение досуга, предупреждение и др.), являющихся наиболее строгими мерами для указанных лиц в возрасте до 11 лет или от 18 лет либо имеющих медицинские противопоказания к применению меры в виде направления в учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

В большинстве стран мира установлен минимальный возраст уголовной и иной юридической ответственности и применения лишения свободы и других наказаний, но ни в одной из стран мира не предусмотрено дополнительных смягчений наказаний либо освобождения от уголовной или иной юридической ответственности для осужденных в возрасте от 90 или от 100 лет, несмотря на то, что любой срок наказания носит для них пожизненный характер, и с учетом того, что смягчение мер ответственности и наказаний с возраста 90 лет имелось в законах ряда феодальных государств прошлого (в частности, Японии VIII в. н.э. и Китая XIX в.). Очевидно, необходимо введение более либеральных правил назначения лишения свободы при привлечении к уголовной ответственности лицам, достигшим пенсионного, преклонного возраста, или лицам, имеющим определенные тяжелые заболевания.

В настоящее время наблюдается тенденция увеличения максимальных сроков лишения свободы за особо тяжкие преступления: сроки лишения свободы до 5–15 лет уже не являются наиболее строгими уголовными наказаниями ни в одной стране мира (если они не подлежат применению за преступления прошлого в соответствии с принципом обратной силы уголовного закона). Минимальный максимальный срок лишения свободы за особо тяжкое преступление составляет не менее 25 лет, что имеет место, например, в Португалии, Макао (КНР), Восточном Тиморе, а также в Туркменистане,

где пожизненное заключение в УК до настоящего времени не предусмотрено (оно было введено Постановлением Халк Маслахаты (Народного совета Туркменистана) в 2002 г. для изменников родины, но не было включено в УК Туркменистана).

Подход, основанный на обобщении минимальных максимальных наказаний, положен в основу гармонизации уголовного законодательства в рамках правоохранительной политики Европейского союза (ЕС), которая направлена на повышение эффективности борьбы с преступностью на наднациональном уровне и на применение эффективных, соразмерных и сдерживающих наказаний (так называемой «минимальной триады»). В соответствии с этой политикой, во всех государствах — членах ЕС должны предусматриваться криминализация определенных деяний и одинаковый уровень ответственности за преступления, носящие трансграничный характер, чтобы минимизировать риски двойного вменения (*Double criminality*)¹. Согласно ч. 3 ст. 67 Договора о функционировании ЕС (ДФЕС, *Treaty on European Union (TEU)*), в странах ЕС в целях сближения уголовных законодательств проводится гармонизация санкций с учетом различной степени тяжести преступных действий. Государства-члены, в соответствии с установленными на уровне ЕС требованиями, обязаны принимать необходимые меры, чтобы в качестве максимального наказания применялся размер наказания не ниже минимального максимального наказания (*'minimum maximum penalty'*) либо не ниже нижнего порога 'минимального максимального диапазона наказания' (*'minimum maximum penalty range'*).

Однако сравнительное исследование, проведенное в 2019 г. исследовательской группой «Европейская инициатива уголовной политики» (ЕСПИ), в составе из 20 ученых от 12 государств — членов ЕС приводит к выводу, что попытки гармонизировать уголовные санкции на основе ст. 83 ДФЕС, путем использования «минимально-максимальных наказаний», не смогли достичь своей цели, а привели к трудностям ее реализации во многих национальных правовых системах².

В законодательстве ЕС используются восемь различных минимальных максимальных наказаний: 1, 2, 3, 4, 5, 8, 10 и 15 лет и три минимальных максимальных диапазона наказаний: 1–3, 2–5 и 5–10 лет, но применение этих наказаний и диапазонов наказаний сильно различается. В то время как самые строгие и наименее строгие минимальные максимальные наказания применялись только один раз (например, 1 год, предусмотренный в директиве о «жестокое обращение с детьми», и 7 и 15 лет — в директиве «о борьбе с терроризмом»); минимальное максимальное наказание в 8 лет применя-

¹ Энтин М.Л. Проблема гармонизации норм уголовного права в рамках ЕС / М.Л. Энтин, В.В. Войников // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 313.

² Satzger H. The harmonisation of criminal sanctions in the European Union — A new approach. *Law eucrim — The European Criminal Law Associations' Forum*. 2019. Vol. 2. P. 115–120.

лось пять раз, а минимальное максимальное наказание в 5 лет использовалось в общей сложности четыре раза, а в последних законах преимущественно применяются минимальные максимальные наказания в 2, 3, 5 и 8 лет. После вступления в силу Лиссабонского договора минимальные максимальные наказания имеют тенденцию к ужесточению. При этом размер установленных законом максимальных наказаний значительно различается в государствах — членах ЕС (например, в Финляндии — 12 лет, во Франции — 30 лет). Гармонизация, касающаяся только максимального наказания, плохо работает в большинстве стран, где максимальное наказание применяется значительно реже, чем его минимальный порог. Использование минимально-максимальных наказаний для гармонизации уголовных санкций, как правило, ведет к усилению наказаний и имеет тенденцию нарушать согласованность и пропорциональность национальных уголовных концепций. Таким образом, оказалось, что использование минимально-максимальных наказаний, а также минимально-максимальных диапазонов наказаний не эффективно.

В исследовании ЕСПЧ предлагалось использовать так называемую «модель категорий» правонарушений, в достаточной степени дифференцирующую их по характеру и тяжести и позволяющую обеспечить внутреннюю согласованность национальных систем, одновременно предоставив ЕС возможность построить эффективную систему наказаний. При этом должно учитываться, что для целей гармонизации важны не формальное сопоставление наказаний и их количественная оценка, а эффект уголовного наказания и последствия для потерпевшего лица в контексте национального законодательства.

Отказ от подхода, основанного на минимальных максимальных наказаниях, и использование модели категорий позволят достичь адекватного баланса интересов законодателя ЕС в отношении гармонизации, с одной стороны, с интересами государств-членов в отношении поддержки внутренней согласованности законодательства — с другой. В долгосрочной перспективе в ЕС будут возможны не только гармонизация национальных уголовных наказаний, но и введение наднациональных наказаний за наднациональные правонарушения, что может стать основой базовой структуры для последующего наднационального уголовного права.

Бухалов В.И.,

аспирант социологического факультета
Государственного академического университета гуманитарных наук
(г. Москва)

Литература

1. Энтин М.Л. Проблема гармонизации норм уголовного права в рамках ЕС / М.Л. Энтин, В.В. Войников // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2.
2. Satzger, H. The harmonisation of criminal sanctions in the European Union — A new approach / H. Satzger // Law eucrim — The European Criminal Law Associations' Forum. 2018. Vol. 2.

О преемственности идей в русской школе философии права XVIII — начала XX в.

В настоящее время философия права представлена многочисленными направлениями и учениями, в которых не только обосновывается необходимость философии права как особой отрасли знания, но и содержится весь научный арсенал: от категориального аппарата до методологии познания. Различия философско-правовых теорий отражают прежде всего характер и духовные основы как общества, так и своего времени, поскольку обусловлены национальными, историческими и религиозными особенностями, а также общим уровнем развития философии.

Начало осмысления отечественной философско-правовой традиции относят к первой четверти XIX в., связывая с этим периодом становление русской философии, заявившей о себе как о знании, обращенном прежде всего к историческим идеям, таким как смысл истории, предназначение человека, его ответственность перед человечеством, моральные основы мироздания.

Теоретический уровень русской философии права во многом определялся ее отношением к классической западноевропейской философско-правовой традиции. Однако теоретический интерес к западноевропейской философско-правовой культуре не стал для отечественной философско-правовой мысли простым заимствованием. Отечественная философско-правовая мысль отличалась оригинальностью и ориентировалась на собственные принципы и интересы. Важной особенностью русской философии права, в отличие от философско-правовой традиции в странах Западной Европы, является то, что она в существенной мере сосредоточена была на нравственно-правовых принципах, являющихся (или долженствующих стать) основаниями правотворчества и правоприменения.

На становление философско-правовых исследований в России существенное влияние оказала «Энциклопедия законоведения» (1839–1840)¹ К.А. Неволина — первая в России философско-правовая работа. Но хотя правоведение и философия права в России в период с XVIII — по середину XIX в. и находились под влиянием идей, выработанных в Германии, Англии и других странах Западной Европы, однако это не помешало создать собственную философско-правовую традицию и даже школу.

Начиная с Десницкого, в центре внимания которого были не только проблемы методологии юридического знания, но и то, что именно он стремился к единству экономической, этической и собственно юридической проблематики, заявив, что этика, или «нравоучительная философия», является первым способом «к совершению наших чувствований, справедливости и неспра-

¹ Неволин К.А. Энциклопедия законоведения. Киев, 1839. Т. I.

ведливости», которая в соединении с «натуральной» юриспруденцией является «первым руководством» для всех рассуждений в сфере права. По сути, этика — это знание, которое составляет «первоначальное учение законоискусства»².

Русская мысль пыталась найти формы государства и права, воплощающие в жизнь такие начала, которые соотносились бы с понятиями бытия свободы и абсолютного добра. Проблема соотношения права и нравственности, проблема отношения закона и добра всегда выступала в качестве главной проблемы русской философско-правовой мысли. Достаточно указать на произведения таких авторов, как: Козельский Я.П. Философия нравоучительная; Десницкий С.Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции; Сперанский М.М. О свободе и рабстве; Яценко А.С. Добро, право, нравственность; и мн. др.

В принципе, такое понимание заложено было древнерусской традицией благодати, заявленной в середине XI в. митрополитом Иларионом в его «Слове о законе и благодати»³, ставшем впоследствии программным для русского национального самосознания⁴. Ярким примером является и открытый В.Н. Татищевым юридический памятник — «Русская Правда»⁵, восходящий по истокам своим к древнейшей истории Руси, свидетельствует о том, что руководящей идеей древних компиляторов являются не закон, не право, не санкция, не различие между положительным и естественным правом, между лицами и вещами, а правосудие и его органы. Если принять во внимание вышеуказанную руководящую цель — дать правила для прекращения споров, то нужно будет признать, что Русская Правда по преимуществу процессуальный сборник.

В России всегда искали правду жизни, не удовлетворялись полезностью и умозрительностью. И хотя правда не может быть чисто юридической регламентацией поведения граждан, тем не менее, правда, это стремление к справедливости, истинности человеческих отношений, добру и совершенству.

В период с XIX по начало XX в. проблематика русской философии права встраивается в исторический контекст духовной жизни страны. Для духовной

² Десницкий С.Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции (печат. по изд.: Десницкий С.Е. Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. : в 2 т. Т. 1. М. : 1952. С. 194–199) // Русская философия права: философия веры и нравственности (антология) / сост. : А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова. СПб. : Алетей, 1997. С. 35–40.

³ Иларион. Слово о законе и благодати // Русская идея / сост. и авт. вступ. статьи М.А. Маслин. М. : Республика, 1992. С. 18–36.

⁴ В произведении «Слово о законе и благодати» Иларион раскрыл пропасть между формальным законом (тенью) и благодатью (истиной), данной отзывчивой и просветленной душе. Он учил тому, что началом самосознания (а значит, и основой права) должен быть не формализм закона, а благо бытия, исходящее от Бога, благодати.

⁵ Руководящей идеей древних компиляторов являются не закон, не право, не санкция, не различие между положительным и естественным правом, между лицами и вещами, а правосудие и его органы. Если принять во внимание вышеуказанную руководящую цель — дать правила для прекращения споров, то нужно будет признать, что Русская Правда — по преимуществу процессуальный сборник.

культуры этого периода характерным становится своеобразный синтез всех сфер духовной жизни: литературы, искусства и, конечно, философии, значение которой и степень ее влияния на духовную жизнь общества происходили через ценностные символы и смыслы. Близость к философии выявляют практически все виды интеллектуального творчества, позже и отечественная правовая мысль сориентировалась на философско-правовую проблематику, о чем свидетельствуют труды Б.Н. Чичерина, В.С. Соловьёва, Е.Н. Трубецкого, П.И. Новгородцева, Л.И. Петражицкого, И.А. Ильина, С.И. Гессена и мн. др.

Отечественная философия права в этот период существенно отличалась от западноевропейской философско-юридической мысли, воспринимавшей право как самоограничение государственной власти в пользу гражданина (Г.В. Гегель, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и др.), в то время как в русском правоведении конца XIX — начала XX в. философия права являлась составной частью философии, которая, в свою очередь, оказывала существенное влияние на формирование ее предмета⁶. Эта особенность определялась и тем, что в русском дореволюционном правоведении философия права в основном занималась изучением идеальных первооснов права, которые противопоставлялись действующей системе правовых норм. В дальнейшем, однако, постепенно наблюдается тенденция смещения философии права из сферы философской дисциплины в область юридической науки. И в настоящее время многие концепции философии права разработаны именно в рамках юридической науки, что не исключает необходимость философского обоснования и изучения понятия «право», «правовой реальности» в рамках философии и философских дисциплин (социальной философии, этики и др.).

Сложное переплетение общеевропейского и национального элементов в русской духовной культуре конца XIX — начала XX в. определялось своеобразием русской мысли, связанной с православной традицией. В русской культуре, в отличие от западной, жесткого размежевания с религиозной традицией не было, что во многом определило «главный корень»⁷ ее своеобразия, по сути, сформировало особое отношение и к правовой культуре. Можно сказать, что, с одной стороны, размышления на темы, подобные проблеме соотношения морали и права, были связаны с христианской аксиологией, а, с другой, новая аксиология личности и ее неотъемлемых прав, выработанная Европой, не была основополагающей для России.

⁶ Философия права конца XIX — начала XX в., являясь общетеоретическим учением о праве, конституировалась как особое направление на стыке правоведения и философии. В дальнейшем, однако, постепенно наблюдается тенденция смещения философии права из сферы философской дисциплины в сферу юридической науки. И в настоящее время многие концепции философии права разработаны именно в рамках юридической науки. Конечно, это не является основанием нивелирования именно философского обоснования и изучения понятия «право», «правовой реальности» в рамках философии и философских дисциплин — социальной философии, этики и др.

⁷ Зеньковский В.В. История русской философии. Харьков, 2001. С. 7.

Отсюда чисто формальное, рассудочное отношение к правовым законам, столь свойственное народам протестантской и католической ветвей христианства, исторически не было присуще культуре русского народа. Поэтому можно сказать, что по своему содержанию русская философия права представляет собой синтезированный проект «философии бытия, веры, нравственности»⁸, проявляясь, скорее, как особая юридическая философия ценностей.

Философия права в России призвана была изучать правовые принципы, а точнее — нравственно-правовые принципы, которые должны были, в свою очередь, лежать в основе правотворчества и правоприменения. В то время как западная философия права была глубоко интегрирована в систему правоведческих наук и, собственно, юридического образования. И в перспективе преобразовалась в философию политики.

Юридическое образование в России традиционно было связано с философским образованием. И очень многие русские мыслители, будучи по образованию юристами (П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой, Б.П. Вышеславцев, И.А. Ильин и мн. др.), интересовались не только правовыми вопросами, но и нравственными, политическими, педагогическими, религиозными. Почти всех отечественных мыслителей волновали судьба России, судьба национальной культуры, государственности и роль личности в государстве. И это был не просто универсализм в познании, а, скорее, органическое родство правовых и нравственно-религиозных исканий, которые присущи как характеру национальной культуры, так и национальному мировоззрению.

Таким образом, к концу XIX в. философия права становится носителем духовных смыслов, которые определили не только ее мировоззренческие основания, но, по сути, со всей определенностью можно утверждать, что отечественная философия права создала свое культурное пространство.

Для отечественной идейно-правовой традиции этого периода характерны выступления в защиту и оправдание права выдающихся российских юристов П.И. Новгородцева, Е.В. Спекторского, И.А. Ильина, Б.А. Кистяковского и мн. др. Особое место среди них занимает философское обоснование права, представленное их духовным наставником В.С. Соловьевым, который проблеме «оправдания» рассматривал в двух аспектах: с одной стороны, как «оправдание Добра по отношению к праву», а с другой стороны, как оправдание права по отношению к Добру⁹.

⁸ Русская философия права: философия веры и нравственности / сост. : А.П. Альбов, Д.В. Масленников, А.И. Числов, С.В. Филиппова. СПб., 1997.

⁹ В своем главном произведении «Оправдание добра. Нравственная философия» философ предьявляет «окончательную формулировку своей философии права», которая в некотором смысле стала опровержением собственных взглядов, высказанных Соловьевым, в частности в его «Критике отвлеченных начал», где право он изображает как феномен, нейтральный с точки зрения закона высшей правды. Но в «Оправдании добра» он уже стремится «показать добро как правду, то есть как единственно правый, верный себе путь жизни во всем и до конца — для всех, кто решится его предпочесть».

В целом, правоведами и философами предпринимались попытки дать определение философии права¹⁰, но разнообразие взглядов относительно предмета философии права в этот период определяли два ведущих направления: сторонниками одного задача и особенность философии права задавались построением метафизического учения о праве, и в таком случае философия права отождествлялась с методологией; тогда как другого — сводили философский элемент к гносеологии, т.е. теории познания, и полагали задачу философии права в исследовании особенностей теории познания правовых явлений. В этом случае гносеология чаще смешивалась с аксиологией (проблема ценности знания)¹¹.

Относительно смысла современного философско-правового дискурса надо заметить, что он должен заключаться не в выяснении междисциплинарных принципов и возможностей философии права в контексте философского или юридического знания в обосновании права и правовой реальности — здесь более-менее все ясно, а, скорее, в поиске синтеза возможностей в обосновании не столько положительного значения права, сколько в определении смысла социального праворегулирования и формировании у людей правосознания, т.е. правовой культуры.

Вызовы и риски, с которыми сталкивается современное общество, создают негативные условия не только для человека, но и для самого права, которое, как это ни парадоксально звучит, необходимо защищать от чрезмерной его политизации, которая, надо заметить, приводит к тому, что общественное сознание воспринимает право как совокупность норм и правил, обеспечивающих интересы конкретной социальной группы. Актуальной сегодня является и тема определения: что на самом деле является правовым в праве, — по сути, тот самый главный вопрос, на который Гегель стремился ответить в своей философии права. Конечно, более современной становится проблема изучения той основы права, которая базируется на принципах морали и имеет фундаментальное и непреходящее значение разумно организованного человеческого общежития. И как утверждал П.И. Новгородцев, учения возникают в живой связи с действительностью, не отрешаясь от исторических основ, имея в виду конкретные исторические события. Поэтому, если указывать сегодня на

¹⁰ При этом определения давались самые разнообразные, но чаще названия этой науки выражали какую-либо одну из сторон ее предмета. Например, «рациональное право» воспринималось в смысле разумного права, исходя из положения о том, что источником его познания является человеческий разум, а не государственная деятельность. «Нормальное право» предполагало изучение базовых юридических принципов, которые являются нормами для положительного права. «Всеобщее право» мыслилось в значении права, общего для всех времен и народов, как бы такой закон законов. «Дикеология» занималась изучением права — по справедливости, т.е. не права в собственном смысле слова, а определяло «саму правду и справедливость».

¹¹ Правовая аксиология в юридическом лексиконе использует понятие «ценность» в специальном смысле, которое имеет значение должностования и свободы, а в смысле нравственно должного восходит к кантовской практической философии. И, собственно, речь здесь идет о нормативно-регулятивном значении ценностей, которые представляют собою априорные императивы разума — цели, требования, максимы должного (сформулированные Кантом применительно к морали и праву).

особенности различных подходов к анализу и способам исследования социальной действительности, то становится понятным, что одни мыслители ищут подтверждения своим воззрениям в истории, для других смысл и содержание их теорий заключаются в сознательном и последовательном анализе условий возникновения этих теорий. Главное — следовать установке, что любая точка зрения имеет право на «жизнь». И уж тем более сегодня, как никогда, было бы очень полезно, как утверждал Г.Л.А. Харт, «покровительство восстановлению дружеских отношений между юриспруденцией и философией»¹².

Иными словами, реальность права в рамках философии права должна изучаться как единое целое — с учетом как мировоззренческих, так и методологических принципов, и не только юриспруденции и философии — по определению, но и таких областей знания, как политология, социология, этика. В любом случае только профессиональная компетентность во всех областях знания, которые непосредственно или опосредованно пересекаются с юридическими вопросами, способна адекватно разрешить проблему правильного общественного устройства с правилами справедливого распределения, а также должного нормативного поведения членов общества по отношению друг к другу.

Ответы на многие современные вопросы в области философско-правовой проблематики можно найти в теоретическом наследии наших замечательных и выдающихся соотечественников, которые своим жизненным примером самоотверженного служения Отечеству, желанием качественно изменить существующую реальность разработали социальные программы, не утратившие и сегодня своей актуальности.

Кацапова И.А.,

старший научный сотрудник Института философии
Российской академии наук, кандидат философских наук
(г. Москва)

Литература

1. Десницкий С.Е. Слово о прямом и ближайшем способе научению юриспруденции / С.Е. Десницкий // Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология / В.П. Сальников ; составители : А.П. Альбов, Д.В. Масленников, М.В. Сальников. 2-е изд., доп. Санкт-Петербург : Алетейя, 1997.
2. Зеньковский В.В. История русской философии / В.В. Зеньковский. Москва : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 2001.
3. Иларион. Слово о законе и благодати / Иларион // Русская идея : сборник / составитель и автор вступительной статьи М.А. Маслин ; комментарий Р.К. Медведевой. Москва : Республика, 1992.
4. Неволин К.А. Энциклопедия законоведения. В 2 томах. Т. 1. Введение в энциклопедию законоведения, общая часть ее и первая половина особенной части / К.А. Неволин. Киев : Университетская типография, 1839.
5. Харт Г.Л.А. Философия и язык права / Г.Л.А. Харт. Москва : Канон ; РООИ «Реабилитация», 2017.

¹² Харт Г.Л.А. Философия и язык права. М. : Канон + РООИ «Реабилитация», 2017. С. 114.

Проблема типологии юридического голосования

Юридическое голосование — фундаментальный институт права, реализующий принцип коллективного волеизъявления в рамках правового поля. Его многообразие проявляется как в широком спектре регулируемых общественных отношений — от формирования органов власти до управления жилищными кооперативами, так и в разнообразии форм и процедур — от тайного голосования на выборах до открытого голосования в судебной коллегии. Эта многогранность обуславливает необходимость теоретического осмысления юридического голосования, выявления его существенных характеристик и, в частности, построения типологии. Как отмечает В.Н. Сагатовский, разработка типологии любого сложного явления — задача не простая, требующая четкого методологического обоснования: «Реальности, соответствующие всеобщим категориям, не поддаются такому ясному чувственному отличению друг от друга, как металлы или растения»¹. Следовательно, для построения типологии юридического голосования необходимо, во-первых, дать четкое определение самому понятию «юридическое голосование», отграничив его от смежных понятий, во-вторых, разграничить понятия «типология» и «классификация», а в-третьих, и это наиболее важно, обоснованно выбрать критерии типологизации, которые позволят выявить существенные характеристики этого правового феномена.

Прежде чем говорить о проблеме типологии юридического голосования, считаем необходимым определить само это понятие. Юридическое голосование, являясь одним из фундаментальных правовых институтов, представляет собой специфическую форму реализации коллективной воли, опосредованную нормами права и направленную на достижение юридически значимого результата. В отличие от голосования как социального явления, которое может проявляться в различных формах и не всегда связано с правовыми последствиями (например, голосование при выборе председателя родительского комитета или капитана спортивной команды), юридическое голосование характеризуется четкой нормативной регламентацией. Его процедура детально описывается в законах, подзаконных актах, уставах организаций, локальных нормативных актах или договорах. Эта нормативная регламентация обеспечивает стабильность и предсказуемость процесса голосования, а также защиту прав его участников. Не менее важным отличительным признаком юридического голосования является наличие юриди-

¹ Сагатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий / Том. гос. мед. ин-т. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1973. С. 69.

чески значимых последствий, под которыми принято понимать изменения в правах, обязанностях субъектов либо в правоотношениях между ними, которые происходят в результате наступления юридических фактов, то есть фактов реальной действительности, с которыми нормы права связывают возникновение, изменение или прекращение правоотношений. Безусловно, результаты такого голосования непосредственно влияют на правовую сферу, порождая, изменяя или прекращая правоотношения, воздействуя на права и обязанности субъектов. В качестве примера можно привести избрание кандидата на должность в результате голосования, что влечет за собой возникновение трудовых правоотношений между избранным лицом и организацией. Принятие коллегиальным органом решения по конкретному вопросу порождает обязанность его исполнения всеми членами этого органа, независимо от того, как они голосовали индивидуально. Вердикт присяжных, вынесенный по результатам голосования, может определить меру наказания подсудимого. Таким образом, юридическое голосование — это не просто техническая процедура подсчета голосов, а сложный правовой институт, посредством которого воля отдельных индивидов преобразуется в общеобязательные решения. Юридическое голосование выступает гарантом легитимности принимаемых решений, обеспечивает участие граждан и организаций в управлении государством и обществом, способствует разрешению социальных конфликтов в правовом поле.

В методологии научного познания важное место занимает проблема упорядочивания и систематизации знаний об изучаемом объекте. Одним из инструментов разрешения этой проблемы являются классификация и типология. При этом важно понимать, что если понятия «типология» и «классификация» связаны друг с другом, значит необходимо определить каждое, выявить связи между ними, иначе говоря — систему отношений. Когда речь идет о применении этих понятий для описания процесса познания того или иного объекта, возникает еще одна задача: следует выяснить логическое место классификации и типологии, последовательность применения их методов в процессе познания. Однако, как справедливо отмечает Э.Р. Сукиасян, отождествлять эти понятия недопустимо: «...методы и результаты типологической и классификационной деятельности различны, как различны сами термины — “типология” и “классификация”»². Классификация представляет собой распределение объектов по классам на основе заранее выбранных признаков, стремясь к максимально полному охвату всех элементов исследуемого множества и четкому разграничению классов. Это своего рода система соподчиненных понятий (классов объектов) какой-либо области знания или деятельности человека, используемая как средство для установления

² Сукиасян Э.Р. Классификация или типология // Научные и технические библиотеки. 1996. № 10. С. 10.

связей между этими понятиями или классами объектов, а также для ориентации в их многообразии. Она оперирует реальными, эмпирически наблюдаемыми объектами, выявляя их сходства и различия. Результатом классификации является система классов, где каждый объект занимает свое место в соответствии с присущими ему признаками. Например, классификация юридических фактов включает в себя такие классы, как события и действия, законные и незаконные действия и т.д. Каждый юридический факт может быть однозначно отнесен к одному из этих классов.

Типология, в отличие от классификации, не стремится к исчерпывающему охвату всех объектов. Она выделяет идеальные типы, модели, абстракции, которые не всегда встречаются в чистом виде в эмпирической реальности. «Тип... образец, который выражает общие, существенные черты определенной группы предметов, явлений; форма, вид, модель, которой соответствует определенный класс объектов... типизация — воплощение, олицетворение общих понятий, идей, мыслей с помощью конкретных образцов, группирование объектов по характерным признакам»³. Типология служит для понимания сущности явления, его основных тенденций и закономерностей. Например, можно говорить о типе «демократическое государство», хотя в реальности не существует государств, полностью соответствующих этому идеальному типу. Каждое конкретное демократическое государство имеет свои особенности, но все они обладают некоторыми общими чертами, которые и позволяют отнести их к данному типу.

Таким образом, если мы хотим понять сущность юридического голосования, его роль в правовой системе, то должны обратиться именно к типологии. Типологический подход позволяет выявить не просто внешнее разнообразие форм и видов голосования, а его внутреннюю логику, основные функции, которые оно выполняет в различных социальных системах. Именно типология, в отличие от классификации, дает ответы на вопросы, каким может быть юридическое голосование в принципе, каковы его предельные возможности и ограничения. Она позволяет нам абстрагироваться от конкретных правовых систем и культур и исследовать это явление в его наиболее общем виде. Более того, типологический подход, по мнению Э.Р. Сукиасяна, предшествует классификационному, являясь необходимой предпосылкой для его проведения: «...на следующем “витке” классификационная система может оказаться полезной для углубленного типологического анализа»⁴. Это означает, что сначала мы выделяем типы, а затем, на основе выявленных типологических признаков, строим классификацию.

³ Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник / АН СССР ; Ин-т философии. 2-е изд., испр. и доп. М. : Наука, 1975. С. 595.

⁴ Сукиасян Э.Р. Классификация или типология // Научные и технические библиотеки. 1996. № 10. С. 10.

Методологической основой нашего исследования служит системно-функциональный подход. Системный подход рассматривает право как целостную, упорядоченную систему, элементы которой взаимосвязаны и взаимодействуют друг с другом. Функциональный же анализ заключается в выяснении той роли, которую право призвано играть в жизни общества, и тех задач, которые оно призвано решать. Безусловно, важнейшим признаком всякой системы является ее функция, назначение. От того, какую функцию выполняет система, зависят ее структура, составные элементы, их взаимосвязь. Исходя из изложенного, в рамках системно-функционального подхода мы будем рассматривать юридическое голосование не как изолированную процедуру, а как элемент правовой системы, выполняющий определенные функции для ее поддержания, развития и эффективного функционирования. Системно-функциональный подход позволяет выявить существенные характеристики юридического голосования, абстрагируясь от его конкретных форм, процедур и отраслевой принадлежности. В центре нашего внимания находятся не формальные признаки голосования (способ проведения, субъектный состав), а те функции, которые оно выполняет в обществе. Именно функциональный аспект позволяет нам понять сущность этого правового феномена, его значение для правовой системы и его место в механизме правового регулирования.

Выбор нами системно-функционального подхода для проведения типологии юридического голосования обусловлен рядом причин. В первую очередь он позволяет выявить универсальные модели юридического голосования, применимые к разным правовым системам и культурам. Например, голосование в парламенте демократического государства и голосование на собрании старейшин в традиционном обществе — это процедуры, имеющие мало общего с точки зрения формы. Однако, с позиций системно-функционального подхода, их объединяет общая функция — легитимация власти и принятых ею решений. Также системно-функциональный подход к изучению юридического голосования позволяет нам не только выявить его сущностные характеристики, но и увидеть взаимосвязи между различными его видами, которые на первый взгляд могут казаться изолированными. Возьмем, к примеру, голосование в парламенте и голосование на выборах. Это разные процедуры, регулируемые разными отраслями права: первое — конституционным законодательством, второе — избирательным. Однако они тесно связаны между собой. Результаты выборов определяют состав парламента, а значит, влияют на характер принимаемых им решений. Ну и, наконец, системно-функциональный подход дает нам инструменты для оценки эффективности и значения юридического голосования в целом и в результате позволяет судить о том, насколько успешно голосование выполняет свои функции в обществе и какие факторы способствуют или, наоборот, препятствуют его результативности.

Конечно, системно-функциональный подход не является единственно возможным, и изучение юридического голосования возможно и с других точек зрения. Так, например, формально-юридический подход через изучение действующих нормативных актов (их происхождение, развитие, систематизацию, толкование), а также выявление их связей друг с другом позволит нам проанализировать его нормативную регламентацию, выявить пробелы и противоречия в законодательстве. Сравнительно-правовой подход даст нам возможность сравнить различные модели голосования в разных странах и правовых системах. Исторический подход, в свою очередь, позволит проследить эволюцию института голосования, понять, как он менялся под влиянием различных факторов. Однако для построения типологии, по нашему мнению, наиболее правильным является именно системно-функциональный подход, поскольку он позволяет выявить сущностные характеристики юридического голосования, независимо от его внешних проявлений. Этот подход дает ответы на вопросы: зачем вообще существует юридическое голосование в правовой системе, какие социальные потребности оно удовлетворяет, каковы его возможности и ограничения?

На основе системно-функционального подхода мы выделяем следующие типы юридического голосования:

- легитимирующее голосование;
- регулятивное голосование;
- охранительное голосование;
- консультативное голосование;
- процедурное голосование.

Рассмотрим каждый из этих типов более подробно и обоснуем, почему мы выделяем именно их в качестве основных моделей юридического голосования.

Легитимирующее голосование, по нашему мнению, является одним из наиболее важных типов. Его выделение в качестве самостоятельного типа обусловлено тем, что функция легитимации власти, ее решений и правовых норм — одна из ключевых функций юридического голосования вообще. Именно благодаря голосованию, даже формальному, власть приобретает общественное признание и поддержку. Это необходимо для ее эффективного функционирования и для обеспечения социальной стабильности. Легитимирующая функция настолько важна, что ее реализация прослеживается в различных правовых системах и исторических эпохах, хотя конкретные формы легитимации могут быть весьма разнообразны. Таким образом, легитимирующая функция является одним из сущностных признаков юридического голосования, что и обосновывает выделение легитимирующего голосования в качестве самостоятельного типа.

На государственном уровне наиболее яркими примерами легитимирующего голосования являются выборы и референдумы. Несмотря на суще-

ственные различия в процедурах, оба этих института преследуют одну и ту же цель — легитимацию власти. Выборы позволяют гражданам выбирать своих представителей в органах власти, а референдумы дают им возможность непосредственно высказаться по ключевым политическим вопросам. Аналогичную функцию на уровне организаций выполняют утверждение устава и избрание руководящих органов. Участие членов организации в этих процедурах способствует формированию чувства сопричастности к делам организации и признанию легитимности ее руководства.

Важно отметить, что легитимирующее голосование играет важную роль даже в тех случаях, когда реальное влияние граждан на власть ограничено. Например, в авторитарных государствах выборы могут носить формальный характер, а их результаты — быть заранее известны. Однако даже такое «управляемое» голосование выполняет важную символическую функцию, создавая иллюзию народного волеизъявления и поддерживая стабильность политического режима. История знает множество примеров, когда именно потеря легитимности власти приводила к социальным потрясениям и смене политического режима. В этом контексте юридическое голосование, в том числе и формальное, можно рассматривать как важный инструмент предотвращения конфликтов и поддержания социального мира. Оно выступает своеобразным «предохранительным клапаном», позволяющим снять социальное напряжение и сохранить стабильность системы.

Второй тип юридического голосования, по нашему мнению, это регулятивное голосование. Мы предлагаем выделение регулятивного голосования в качестве самостоятельного типа юридического голосования в силу особой роли его регулятивной функции в механизме правового регулирования. Эта функция, направленная на непосредственное упорядочивание общественных отношений путем установления, изменения или отмены правовых норм и принятия общеобязательных решений, является одним из существенных признаков юридического голосования и отличает его от других форм коллективного волеизъявления. Регулятивное голосование, по сути, представляет собой способ превращения воли большинства (или квалифицированного большинства) в общеобязательные правила поведения. Цель регулятивного голосования — не просто выявить мнение или достичь согласия, а именно сформулировать и закрепить нормы, регулирующие общественные отношения. В отличие от легитимирующего голосования, фокус которого направлен на формирование общественного мнения и признание власти, регулятивное голосование непосредственно воздействует на поведение людей и организаций, определяя правовые рамки взаимодействия в различных сферах. Оно является важнейшим инструментом правового регулирования, обеспечивая динамику правовых отношений и адаптацию правовой системы к изменяющимся общественным потребностям.

Примеры регулятивного голосования многочисленны и разнообразны. На государственном уровне — это прежде всего законотворческая деятельность парламента. Принятие законов, поправок к ним, утверждение государственного бюджета — все эти процедуры основаны на регулятивном голосовании. Решения правительства, министерств, ведомств, органов местного самоуправления также являются примерами регулятивного голосования в сфере публичного права. В частноправовой сфере регулятивное голосование широко используется в корпоративном управлении — голосование акционеров на общих собраниях, голосование членов совета директоров, решения о распределении прибыли, о выплате дивидендов. Наконец, на уровне жилищных отношений ярким примером регулятивного голосования являются решения общих собраний собственников жилья по вопросам управления многоквартирным домом.

Заметим, что эффективность регулятивного голосования напрямую влияет на качество правового регулирования в целом. От того, насколько четко и прозрачно организованы процедуры голосования, насколько компетентны его участники, насколько сбалансированы интересы различных групп, зависит способность правовой системы адекватно реагировать на общественные потребности и обеспечивать устойчивое развитие.

Охранительное голосование мы предлагаем выделять как самостоятельный тип юридического голосования, поскольку оно непосредственно связано с охранительной функцией права, направленной на защиту прав и свобод, разрешение споров, обеспечение ответственности за правонарушения и, в конечном счете, — на поддержание правопорядка. Именно эта функция — охрана права и обуславливает как выделение данного типа юридического голосования, так и его название. Охранительное голосование, в отличие от регулятивного, целью которого является установление общих правил поведения для всех субъектов правоотношений, направлено на реагирование на конкретные случаи нарушения этих правил. Оно вступает в действие тогда, когда правопорядок уже нарушен и возникает необходимость в применении мер юридической ответственности для его восстановления, защиты прав потерпевших и привлечения виновных к ответственности. Таким образом, охранительное голосование реализует охранительную функцию права, обеспечивая не столько формирование правовых норм, сколько их применение и охрану от нарушений.

Сфера применения охранительного голосования охватывает различные процедуры, связанные с установлением юридической ответственности. В рамках уголовного судопроизводства коллегия присяжных заседателей выносит вердикт о виновности или невиновности подсудимого путем голосования. Аналогичным образом, в судах, рассматривающих дела коллегиально (апелляционные, кассационные инстанции), решение принимается боль-

шинством голосов судей. Охранительное голосование также используется в дисциплинарных процедурах. Дисциплинарные комиссии различных организаций и суды чести применяют голосование для установления факта нарушения дисциплины или профессиональной этики и для определения мер дисциплинарного воздействия. В третейских судах голосование арбитров служит способом разрешения спора между сторонами.

Важнейшим аспектом охранительного голосования является строгое соблюдение фундаментальных правовых принципов: объективности, беспристрастности, презумпции невиновности, гарантий прав всех участников процесса. Несоблюдение этих принципов может привести к судебным ошибкам и несправедливым решениям, что наносит ущерб авторитету правосудия и подрывает доверие к правовой системе в целом.

Консультативное голосование, в отличие от охранительного, направлено не на применение мер юридической ответственности, а на выявление общественного мнения и получение экспертных оценок по правовым вопросам. Его результаты не обладают прямой юридической силой и носят рекомендательный характер. Цель консультативного голосования — информировать органы, принимающие решения, и обеспечить учет различных точек зрения в процессе правотворчества и правоприменения.

К формам консультативного голосования относятся общественные слушания по проектам нормативных правовых актов, градостроительным планам, экологическим программам и другим актуальным вопросам. Они предоставляют гражданам возможность выразить свое мнение и внести предложения по обсуждаемым проектам. Важную роль в системе консультативного голосования играет также работа экспертных советов. Мнения и рекомендации экспертов, обладающих специальными знаниями в различных областях, помогают органам власти принимать более взвешенные и обоснованные решения. С развитием информационных технологий активно развиваются и онлайн-платформы для проведения консультаций с гражданами, сбора их предложений и проведения голосований по различным вопросам. Эти инструменты делают процесс принятия решений более демократичным и прозрачным, способствуя развитию гражданского общества и повышению правовой культуры. Однако отметим еще раз, что консультативное голосование не заменяет других форм демократического участия, таких как выборы и референдумы. Его результаты должны восприниматься именно как рекомендации, а не как обязательные указания.

Последний из выделенных нами на основании его специфической функции, а именно обеспечения эффективной работы коллегиальных органов, тип голосования — процедурное голосование. Название этого типа прямо указывает на его назначение — регулирование процедуры принятия решений. В отличие от других типов, которые направлены на решение существенных

вопросов (легитимация власти, регулирование общественных отношений, охрана правопорядка), процедурное голосование фокусируется на организационных аспектах деятельности коллегиальных органов. Оно определяет процесс функционирования самого органа, устанавливая порядок его работы, распределение полномочий, способ голосования по существенным вопросам и решая другие процедурные вопросы.

Хотя результаты процедурного голосования не имеют самостоятельного значения для правовой сферы и не порождают новых правоотношений, оно играет важную роль в обеспечении эффективности и легитимности работы коллегиальных органов. Четкие и прозрачные процедуры, принятые по результатам процедурного голосования, способствуют тому, чтобы процесс принятия решений был упорядоченным, предсказуемым, защищенным от манипуляций и злоупотреблений. Они гарантируют равные возможности для всех членов коллегиального органа, способствуют конструктивному диалогу и повышают доверие к принятым решениям. Например, в парламенте процедурное голосование используется для утверждения повестки дня, для определения времени выступлений депутатов, для выбора способа голосования по законопроектам. Нарушение процедур может привести к тому, что решения будут приняты с нарушением прав меньшинства или что сам процесс принятия решений будет хаотичным и неэффективным.

Таким образом, процедурное голосование хотя и не влияет напрямую на содержание принимаемых решений, является необходимым условием для нормального функционирования любого коллегиального органа. Оно обеспечивает техническую сторону процесса принятия решений, создавая базу для его эффективности и легитимности.

Выделенные нами типы юридического голосования — это, безусловно, идеальные модели, абстракции. В реальной практике чистые типы встречаются крайне редко, поскольку одно и то же голосование может выполнять несколько функций, сочетая в себе черты разных типов. Например, голосование на выборах, помимо легитимации власти, также выполняет регулятивную функцию, формируя персональный состав органов власти. Голосование присяжных, наряду с охранительной функцией, также способствует установлению истины по делу. Тем не менее типологический подход позволяет нам выявить доминирующую функцию юридического голосования в каждом конкретном случае и проанализировать ее значение для правовой системы.

Отметим, что построение типологии юридического голосования сопряжено с рядом методологических трудностей. Одной из таких трудностей является размытость границ между выделенными типами. Многофункциональность юридического голосования затрудняет его однозначное отнесение к тому или иному типу. Другая трудность связана с динамичным развитием института голосования. Появление новых форм, таких как электронное голо-

сование, требует постоянного пересмотра и уточнения типологии. Наконец, нельзя игнорировать и культурную обусловленность юридического голосования. Восприятие и значение голосования могут существенно различаться в разных странах и культурах, что также необходимо учитывать при разработке общей типологии.

В заключение отметим, что разработанная нами типология юридического голосования, основанная на системно-функциональном подходе, решает важную задачу в изучении этого правового феномена. Выделенные типы юридического голосования — легитимирующее, регулятивное, охранительное, консультативное и процедурное позволяют анализировать это сложное явление с точки зрения его функционального назначения и роли в различных социальных системах.

Леонова Т.А.,

старший преподаватель кафедры
административного права и административной деятельности
органов внутренних дел
Уральского юридического института МВД России
(г. Екатеринбург)

Литература

1. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Наука, 1975.
2. Сагатовский В.Н. Основы систематизации всеобщих категорий / В.Н. Сагатовский. Томск : Издательство Томского университета, 1973.
3. Сукиасян Э.Р. Классификация или типология / Э.Р. Сукиасян // Научные и технические библиотеки. 1996. № 10.

Логические основы аналогии права и закона в системе российского права

Как правило, аналогия в словарях и учебниках по логике относится к классу индуктивных и недемонстративных умозаключений (А.А. Ивин, А.Л. Никифоров, Ю.В. Ивлев, А.А. Тер-Акопов, В.П. Малахов, В.А. Светлов и др.), в связи с тем, что она, как и индукция, не дает достоверного заключения. Остальные логики считают аналогию правдоподобным умозаключением, т.е. недедуктивным (В.И. Кириллов, А.А. Старченко, Е.А. Иванов, Ю.П. Попов и др.)¹. Так, петербургский логик В.А. Светлов понимает аналогию как разновидность индукции в вероятностной интерпретации, аргументируя свою позицию тем, что аналогия работает по принципу сходства: если мысли сходны в одном отношении, они могут быть (но не обязательно) сходными в другом отношении².

Эти точки зрения обусловлены гегелевской традицией определения аналогии как недемонстративного вида умозаключений (немецкий классик дал характеристику аналогии в своей знаменитой «малой» логике). Пожалуй, всех логиков, а вслед за ними юристов-теоретиков, объединяет позиция отношения к аналогии как правдоподобному умозаключению³. Мы не будем здесь отдельно рассматривать источник происхождения столь «популярного» заблуждения о недемонстративном характере логического вывода по аналогии. Эта тема отдельного исследования. Отметим лишь одно важное обстоятельство: умозаключения по аналогии можно сравнить с дедуктивными и даже представить в форме аристотелевских фигур силлогизма.

Заметим, что Платон аналогию использует в диалоге «Горгий», в котором он выводит сходство в искусстве красноречия судьи и софиста (оратора), уточняя словами Сократа, что искусство судьи убеждает народ в делах справедливых и несправедливых, а красноречие софиста убеждает народ лишь в полезном и приятном. Красноречие, — говорит Сократ, — это как бы поварская сноровка, но не для тела, а для души: «...искусство наживы избавляет от бедности, врачебное искусство — от болезни, а правый суд (судебная риторика. — Прим. С.М.) — от несправедливости»⁴.

Как нам представляется, методологический отголосок гегелевской трактовки аналогии оказал негативное влияние на юридический дискурс. В правовой идеологии сегодня, например в цивилистике, не упоминая уго-

¹ Марков С.М. Лекции по логике для юристов : учебное пособие. Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2009. С. 233.

² Светлов В.А. Логика. Современный курс. 2-е изд. М. : Юрайт, 2024. С. 10.

³ Марков С.М. Лекции по логике для юристов : учебное пособие. Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2009. С. 233–234.

⁴ Платон. Горгий // Собр. соч. : в 4 т. Т. 1. М. : Мысль, 1994. С. 516.

ловно-правовую сферу, сложилось предвзятое отношение к аналогии как исключительному методу юридической техники, несмотря на явное указание его использования в ст. 6 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) и других кодексах. Метод аналогии, полагает В.А. Микрюков, юристами-теоретиками и практиками (О.А. Красавчиков, А.А. Милюшин, И.В. Панова, А.Я. Рыженков, В.М. Шафиров, В.В. Момотов, Г.Д. Улетова и др.) воспринимается как исключительный, применяемый лишь в редких (единичных) случаях⁵. Негативное отношение среди юристов к аналогии не смог поколебать даже Пленум Верховного Суда РФ, постановление которого (от 23 июня 2015 г. № 25) непосредственно относится к вопросам методики ее правоприменения. Как считает правовед, сегодня настала очередь доктринального, добавим, логико-философского переосмысления, самого института аналогии целиком в системе российского права.

Каким же образом метод аналогии применяется в правовой методологии? Вначале отметим: в философии и теории права выделяют две аналогии — аналогию права и аналогию закона (например: ст. 6 ГК РФ или ст. 3 ч. 5 Арбитражного процессуального кодекса РФ; далее — АПК РФ).

Аналогия права — это применение права, исходя из общего смысла и общих начал права, из того, что называют *'ratio legis'*. Ориентирами могут служить: общепризнанные принципы и нормы международного права, а также общие положения естественного права, взятые в конкретный исторический период, такие как добросовестность, разумность и справедливость (например, ч. 2 ст. 6 ГК РФ).

Аналогия права — способ разрешения юридического конфликта на основе общих мировоззренческих и правовых ценностей (этико-религиозных и национальных, общепризнанных норм о правах человека и гражданина, философского и правового толкования равенства, свободы, справедливости, ответственности, добра и зла и др.). В ракурсе сказанного будет уместно сослаться на ст. 18 Конституции РФ, в которой говорится: «Права и свободы человека... определяют смысл, содержание и применение законов...» (в Российской Федерации. — *Прим. С.М.*). Тем не менее, и это следует особо подчеркнуть, данный вид аналогии в юридической науке недостаточно исследован⁶.

В поле научных интересов юристов попадает более прагматичный тип аналогии — *популярная аналогия*, да и то как исключительный прием юридической техники, связанный с так называемой пробельностью в законодательстве или логикой поисковой работы в судебно-следственной практике. В теоретической сфере — по аналогии мыслятся источники и концепты

⁵ Микрюков В.А. О состоянии научных исследований по проблемам института аналогии в гражданском праве // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1(86). С. 61.

⁶ Марков С.М. Логика : учебник. 2-е изд. М. : РИОР, ИНФРА-М, 2024. С. 151–152.

правоведения, например в сравнительном правоведении. В этом случае «по аналогии» общие положения правовых конструкций переносятся на конкретные законопроекты и нормативные акты.

Аналогия права не ограничивается исключительно сферами источников происхождения и реализации права, как считают многие компетентные юристы (А.Б. Венгеров, Д.А. Керимов, В.Н. Дмитрук и др.). Довольно часто юристы-теоретики аналогию относят лишь к области реализации права (читай: закона), под которой понимается соблюдение, исполнение, использование и применение юридических норм. В результате аналогия исключается из очень важных правовых сфер общественной жизни: правотворчества, правосознания и правовой культуры, толкования правовых норм и др.

Логический аппарат умозаключений по аналогии применяется в юридической эпистемологии и научной юриспруденции. В частности, аналогия занимает достойное место в современной юридической методологии: сравнительном правоведении, социологическом, логико-математическом и других методах.

Объективной основой правоприменения юридической аналогии выступают противоречия и конфликты всех форм общественных отношений (экономические, политические, религиозные, национальные и т.д.), в первую очередь — рождение новых общественных отношений, требующих законодательного оформления. Так, например, законодательный запрет на религиозный экстремизм (фанатизм) в современной России был закреплен в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», поскольку он противоречил духу и принципам как международного права, правам и свободам человека и гражданина, так и конституционным основам правового государства — Российской Федерации.

Аналогию права часто применяют в конкретных случаях, например в судебном разбирательстве, когда юристы (теоретики или практики) обращаются в своих действиях к определению смысла и сущности права. Так, ч. 5 ст. 3 АПК РФ рекомендует обращаться к аналогии права исходя из принципов осуществления российского правосудия.

В уголовно-правовой сфере аналогия применяется, во-первых, в связи с пробелами законодательства, как считает правовед из Белоруссии Н.А. Петровский, при этом не всегда они связаны с просчетами законодателя⁷. Во-вторых, аналогия права применяется в таком «щепетильном» пункте уголовного процессуального права, как «оценка доказательств». При этом если в Уголовно-процессуальном кодексе 90-х годов XX столетия (ст. 71) рекомендовалось «оценивать доказательства *по-своему внутреннему убежде-*

⁷ Петровский Н.А. Метод аналогии в теории уголовно-процессуального права // Уголовная юстиция: законодательство, теория и практика / ред. Г.И. Займист, И.А. Заранка. Брест : БрГУ, 2023. С. 90–91.

нию... руководствуясь законом и социалистическим правосознанием» (Уголовно-процессуальный кодекс (УПК) РСФСР, 1997), то в новом УПК РФ (ст. 17) оценка доказательств определяется через (аналогично, можно сказать) «внутреннее убеждение, основанное на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь законом и совестью».

В философском же смысле аналогия уголовного и гражданского законодательства применяется через источники формирования правовой культуры и юридических законов, когда речь идет о влиянии естественного права и живого права на правовую сферу общественной жизни. Можно вполне говорить о соответствии, т.е. аналогии современного законодательства, например, с библейскими заповедями Моисея. Библейские заповеди выступают в роли общих мировоззренческих принципов (можно и по-другому — идеологии) для любого законодательства, если оно хочет принять цивилизованные формы⁸. Если говорить о логике, то здесь аналогия выступает как демонстративное умозаключение, в котором «библейские заповеди» будут выполнять роль объекта-оригинала (исходных суждений). Разумеется, только в том случае, когда речь идет о строгой («основательной») аналогии. Как считает правовед Н.А. Петровский, «метод аналогии целесообразно использовать в процессе применения права»⁹ и, добавим, в процессе правотворчества¹⁰.

Итак, аналогия права все-таки применяется в правовой идеологии и методологии. Впрочем, хотя в юридическом словаре и кодексах различаются понятия «аналогия права» и «аналогия закона», все равно авторы их смешивают в методологическом режиме (понимают как одинаковые), поскольку для многих юристов «право» и «закон» — одно и то же. Поэтому получается, что аналогия права применяется в крайне редком случае (для восполнения пробелов). И то только в отдельной отрасли права, в которой рассматривается соотношение общей части с конкретными статьями законодательства. Более того, почему-то утверждается очень узкая сфера «анalogии права» — судебная практика (А.В. Новиков, В.И. Каминская, Т.Н. Добровольская и др.). Итак, аналогия права — это применение к общественным отношениям общих начал и принципов правового регулирования юридических норм международного права и естественного права.

Аналогия закона — это разрешение юридических конфликтов через ссылку на другие (сходные) правовые нормы (например, ст. 3 АПК РФ). Применение закона по аналогии допускается, если 1) отношение, по поводу которого возник спор, не урегулировано непосредственно нормами данного законодательства или договором (ч. 3 ст. 3 АПК РФ); 2) имеется законода-

⁸ Иванников И.А. Истина и справедливость // Вопросы философии. 2017. № 3. С. 5–15.

⁹ Петровский Н.А. Метод аналогии в теории уголовно-процессуального права // Уголовная юстиция: законодательство, теория и практика / ред. Г.И. Займист, И.А. Заранка. Брест : БрГУ, 2023. С. 90.

¹⁰ Марков С.М. Логика : учебник. 2-е изд. М. : РИОР, ИНФРА-М, 2024. С. 153.

тельный акт, который регулирует сходные отношения, и потому может быть применен к спорному случаю (ч. 4 ст. 3 АПК РФ). Как считают юристы, аналогия закона «служит средством восполнения пробелов в праве» (крылатое выражение юристов) и регулирует сходные отношения в системе права (аналогия закона).

В российской системе права аналогия закона применяется в гражданском, трудовом, административном праве, но не в уголовном законодательстве. Впрочем, в уголовно-процессуальном праве России аналогия закона не отрицается. Аналогия закона (но не права) применяется тогда, когда в законодательстве отсутствуют соответствующие правовые нормы, ибо пробелы в праве не только объективно возможны, но и в определенной мере неизбежны. Соотношение живого права и права — противоречие, которое порождает новое знание о правовой сфере и новые законопроекты. Частный случай аналогии закона — прецедентное право, которое можно рассматривать как особый вид аналогии предметов. Как отмечается в юридическом словаре, «применение аналогии оправдано в той мере, в какой оно способствует укреплению правопорядка»¹¹. Еще один прием аналогии встречается в юридической технике по правилу — одна дефиниция для всех законов, что, например, было ранее продемонстрировано на концепте «должностного лица» для всех кодексов¹².

Методологическая основа применения аналогии закона — логика умозаключений по аналогии. Аналогия закона, как и логическая аналогия, может быть «поверхностной» (не строгой), в том числе ложной, и «основательной» (строгой). Одинаков процесс аналогии закона и умозаключения по аналогии: 1) простая аналогия (сходство примерное и не по существенным признакам); 2) «поверхностная» (сходство общих признаков); 3) «основательная», или строгая (определение сходных признаков в их существенном различии). Кроме того, аналогию закона можно сравнить с аналогией предметов, а аналогию права — с аналогией отношений.

В более яркой форме аналогия проявляет себя в толковании правовых норм в судопроизводстве. Здесь действует прецедент толкования правовой нормы, в котором логико-философские правила и приемы, а также мировоззренческие (нравственные) взгляды, например Кодекс чести юриста, выступают в роли общего методологического ориентира. Логические правила и методы, философские теории, юридическая эпистемология — это еще и необходимое основание (методология) для толкования правовой нормы.

¹¹ Юридический энциклопедический словарь / гл. ред. О.Е. Кутафин. М.: Большая российская энциклопедия, 2002. С. 29.

¹² Марков С.М. Статус «должностного лица» в постсоветской бюрократической реальности: логический и юридический анализ концепта // XI Южно-российский политологический конвент ЮФУ «Современная парадигма государственных интересов: концепт и постсоветская реальность» / отв. ред. Р.А. Пупыкин, К.П. Пилюгина. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2021. С. 38–46.

В толковании действуют все способы и приемы интеллектуальных операций: логические, грамматические, лингвистические, системные и др. Аналогия применяется на всех этапах толкования правовой нормы, а также во всех формах воспроизведения ее в мышлении субъекта и адресата. На всякий случай обращаем внимание на суть логического способа толкования. Это есть логический прием, который предполагает использование законов логики для уяснения смысла, содержания нормы права, ее соотношения с другими нормами.

В толковании правовых норм действуют одновременно два вида аналогии: 1) аналогия отношений — если речь идет о соответствии правовых норм мировоззренческим (например, религиозно-этическим), философским установкам (например, сравнительной методологии), а также общепризнанным международным конвенциям; 2) аналогия предметов — если речь идет о логическом, грамматическом, лингвистическом анализе правовой нормы.

Итак, все виды аналогии действуют в правовом мышлении в качестве методологического ориентира. Аналогия как логический прием широко применяется не только в обыденной жизни, но и в теоретической сфере, в том числе в юридических науках. Наиболее часто она применяется в философии и теории права, гражданском праве. Если коротко, то проблема заключается в том, что философы-юристы не учитывают конкретных реалий правоприменения законов по аналогии, или, как отмечает В.А. Микрюков, «новейших правоприменительных подходов... указывающих на аналогию права и аналогию закона... Поэтому сегодня назрела насущная необходимость интенсификации комплексного, всестороннего научного изучения аналогии... Цивилисты должны сформировать целостное представление об аналогии как об элементе современной юридической техники...»¹³.

Аналогия права и аналогия закона — может вполне послужить отдельной темой научного исследования. Мы же ограничились логико-философским анализом наиболее распространенных и общих методологических приемов применения аналогии в юридической теории и практике — *'sunt certi denique fines'*.

Марков С.М.,

доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Дальневосточного филиала
Российского государственного университета правосудия,
кандидат философских наук, доцент
(г. Хабаровск)

¹³ Микрюков В.А. О состоянии научных исследований по проблемам института аналогии в гражданском праве // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1(86). С. 64–65.

Литература

1. Иванников И.А. Истина и справедливость / И.А. Иванников // Вопросы философии. 2017. № 3.
2. Марков С.М. Лекции по логике для юристов : учебное пособие / С.М. Марков. Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2009.
3. Марков С.М. Логика : учебник / С.М. Марков. 2-е изд. Москва : РИОР, ИНФРА-М, 2024.
4. Марков С.М. Статус «должностного лица» в постсоветской бюрократической реальности: логический и юридический анализ концепта / С.М. Марков // XI Южно-российский политологический конвент ЮФУ «Современная парадигма государственных интересов: концепт и постсоветская реальность» : материалы Всероссийской онлайн-конференции с международным участием (г. Ростов-на-Дону, 26–30 октября 2021 г.) : сборник тезисов / ответственные редакторы : Р.А. Пупыкин, К.П. Пилюгина. Ростов-на-Дону ; Таганрог : Южный федеральный университет, 2021.
5. Микрюков В.А. О состоянии научных исследований по проблемам института аналогии в гражданском праве / В.А. Микрюков // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 1(86).
6. Петровский Н.А. Метод аналогии в теории уголовно-процессуального права / Н.А. Петровский // Уголовная юстиция: законодательство, теория и практика : электронный сборник научных статей / редакционная коллегия : Г.И. Займист, И.А. Заранка. Брест : БрГУ, 2023.
7. Платон. Горгий // Платон. Собрание сочинений. В 4 томах / Платон ; общее редактирование А.Ф. Лосева [и др.] ; примечание А.А. Тахо-Годи. Т. 1 / перевод с древнегреческого Вл.С. Соловьева [и др.]. Москва : Мысль, 1990.
8. Светлов В.А. Логика. Современный курс : учебное пособие для среднего профессионального образования / В.А. Светлов. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Юрайт, 2024.
9. Юридический энциклопедический словарь / главный редактор О.Е. Кутафин. Москва : Большая российская энциклопедия, 2002.

К вопросу об особенностях российского правового менталитета как одного из идентифицирующих признаков российской правовой системы

Проблема идентификации российской правовой системы, то есть ее отнесение к той или иной группе правовых систем, — это одна из актуальных проблем, которые стоят перед российской юридической наукой. Этой проблеме посвящен целый ряд научных работ как в отечественной¹, так и зарубежной юридической литературе². В указанных работах рассматриваются особенности и проблемы становления, развития и функционирования российской правовой системы.

Возникает, однако, вопрос: к какому типу правовых систем можно отнести правовую систему России, иными словами — какое место занимает Россия на юридической карте мира? Для ответа на данный вопрос представляется необходимым рассмотреть основные особенности российской правовой системы, а также выявить те идентифицирующие признаки, которые в полной мере позволят осуществить идентификацию российской правовой системы в качестве таковой. Что же могут представлять собой эти признаки?

Для этого, по нашему мнению, необходимо произвести анализ правовой системы как таковой, выявить ее структурные элементы. При этом к числу основных структурных элементов правовой системы, как известно, относятся следующие элементы: нормативные элементы (нормы, институты, подотрасли, отрасли права, межотраслевые правовые образования и источники права), организационные элементы (органы государственной власти, органы местного самоуправления, физические и юридические лица, иные

¹ Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach / V.V. Arkhipov, A.V. Gracheva, V.B. Naumov [et al.] // State and Law. 2022. № 1. P. 168–178. DOI:10.31857/S102694520018288-7. EDN FOUSTF; Майорова В.С. Особенности российской правовой системы // Проблемы совершенствования российского законодательства : сборник тезисов Всероссийской (с международным участием) научной конференции курсантов, слушателей и студентов (Барнаул, 12–13 апреля 2021 г.) / под редакцией Ю.В. Анохина. Барнаул : ФГКОУ ВПО «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2022. С. 280–282. EDN ABCNUM; Лезов И.Л. Особенности российской правовой системы второй половины XIX — начала XX века // Евразийский юридический журнал. 2015. № 9(88). С. 97–102. EDN UXJYJM; Метлин С.В. Особенности российской правовой системы на современном этапе // Современные научные исследования и разработки. 2019. № 1(30). С. 710–712. EDN YZSRTN.

² Maggs P.B., Schwartz O., Burnham W. Law and legal system of the Russian Federation. Juris Publishing, Inc., 2015; Butler W.E. Russian law // Elgar Encyclopedia of Comparative Law / Ed. by Jan M. Smits. Second Edition. Cheltenham : Edward Elgar Publishing Ltd, 2012.

субъекты права), коммуникативные элементы (разнообразные правоотношения), процессуальные элементы (все виды правовых процессов), психолого-культурные элементы (особенности общественного правосознания и правовой культуры того или иного общества, включая такие компоненты, как правовая ментальность и правовой менталитет)³.

Каковы же критерии, позволяющие идентифицировать ту или иную правовую систему? Необходимо отметить, что в юридической литературе не существует одного критерия, позволяющего однозначно выделить те или иные критерии идентификации правовых систем. Одни исследователи описывают два критерия: «идеологический», включающий фактор религии, философии, социально-экономического строя, и юридико-технический⁴. К. Цвайгерт в качестве критерия типологии правовых систем выделял такие факторы, как происхождение и эволюция правовой системы, своеобразие юридического мышления, специфические правовые институты; природа источников права и способы их толкования; идеологические факторы⁵. А.Х. Саидов полагает, что в основе глобальной типологии правовых систем лежат социально-экономические критерии, а в основе внутритиповой классификации — юридические критерии⁶.

Думается, однако, что типологию правовых систем все же следует проводить по одному критерию, который включает в себя различные особенности правовых систем. В качестве такого критерия вполне может выступать понятие «правовой авторитет», то есть способность того или иного элемента правовой системы быть своеобразным центром, вокруг которого как планеты вокруг Солнца обращаются все другие элементы правовой системы. Введение такой категории, как правовой авторитет, позволяет провести более четко типологию правовых систем.

Так, для романо-германской правовой системы высшим авторитетом является закон; для англосаксонской правовой системы — решение суда; для исламской правовой системы — Коран, Сунна, иджма, кияс; для традиционной правовой системы — правовой обычай, традиция; для советской правовой системы решения партии, труды вождей партии, для постсоветской правовой системы — указы главы государства, сила, богатство, могущество, власть и т.д.⁷.

³ Осипов М.Ю. Системы в праве и правовые процессы // Академический юридический журнал. 2011. № 1(43). С. 4–8. EDN NEDUSB; Осипов М.Ю. Системы в праве и правовые процессы. 3-е изд. М.: Изд. центр РИОР, 2019. 348 с. DOI:10.29039/01820-0. EDN UKBFBS; Осипов М.Ю. О российской правовой ментальности в свете социоестественной истории и коммуникативной концепции права // Журнал российского права. 2017. № 6 (246). С. 18–25. DOI:10.12737/article_59240953ed0575.42842322. EDN YPLVPN.

⁴ См.: Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1967; Муромцев Г.И. Понятие и классификация правовых систем // Проблемы общей теории права и государства / под ред. В.С. Нерсисянца. М., 2000. С. 283.

⁵ Там же.

⁶ Саидов А.Х. Введение в основные правовые системы современности. Ташкент, 1988; Муромцев Г.И. Понятие и классификация правовых систем // Проблемы общей теории права и государства / под ред. В.С. Нерсисянца. М., 2000. С. 283.

⁷ Подробнее о правовых системах каждого из этих типов см.: Давид Р. Основные правовые системы современности М., 1967; Муромцев Г.И. Понятие и классификация правовых

Возникает, однако, вопрос: а что представляет собой правовой авторитет, какова его природа?

По нашему мнению, правовой авторитет — это довольно сложный феномен, связанный, с одной стороны, с объективным явлением правовой действительности (правового бытия)⁸, с другой стороны, значимостью того или иного социального явления для тех или иных субъектов права, которая определяется спецификой общественного правосознания и правовой культурой того или иного общества⁹.

Возникает вопрос: какую природу в данном случае имеет такое явление, как «правовой авторитет»? По нашему мнению, исходя из всего вышеизложенного, данное явление имеет сложную (объективно-субъективную) природу и является элементом правовой культуры того или иного общества. К какому же классу объектов относится явление «правовой авторитет»? По нашему мнению, «правовой авторитет» относится к понятийному ряду правового менталитета, поскольку именно правовой менталитет понимается «как совокупность правовых установок того или иного общества по отношению к праву и правовой реальности»¹⁰.

Исходя из данного определения и особенностей российского правового менталитета, можно сказать, что для российского правового менталитета

систем // Проблемы общей теории права и государства / под ред. В.С. Нерсисянца. М., 2000. С. 283–306; Сравнительное правоведение : учебное пособие для магистрантов / составитель М.Ю. Осипов. 2-е изд. М. : Ай Пи Ар Медиа, 2024. 704 с. // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : [сайт]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/135010.html> (дата обращения: 14.12.2024); Осипов М.Ю. Сравнительное правоведение : курс лекций. Тула : Институт законоведения и управления ВПА, 2018. 618 с. // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : [сайт]. URL: <https://www.iprbookshop.ru/78625.html> (дата обращения: 17.09.2024).

⁸ Скоробогатов А.В. Правовой архетип как форма бытия правовых ценностей / А.В. Скоробогатов // Традиции и инновации в праве : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию юридического факультета и 50-летию Полоцкого государственного университета : в 3 т. (Новополоцк, 6–7 октября 2017 г.) / И.В. Вегера (отв. ред.). Т. 1. Новополоцк : Учреждение образования «Полоцкий государственный университет» = Установа адукацыі 'Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт', 2017. С. 151–153. EDN YRWJOG; Синченко Г.Ч. Субъект правового бытия (Антропные формы) : специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания» : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Синченко Георгий Чонгарович. Омск, 2002. 349 с. EDN QDPION; Попова А.В. Онтология (бытие) права в современных реалиях правового регулирования социально ориентированной экономики // Lex russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 3(160). С. 80–89. DOI:10.17803/1729-5920.2020.160.3.080-089. EDN UECSYJ.

⁹ Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность транзитивного общества: дискурс и нарратив. СПб. : Алетейя, 2024. 556 с.

¹⁰ Бакина Ю.В. Понятие менталитета. Каков менталитет в России? // Наука. Образование. культура: актуальные проблемы и практика решения : материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции (Прокопьевск, 23 ноября 2023 г.). Прокопьевск : Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, 2023. С. 23–27. EDN DOEHUO; Осипов М.Ю. О российской правовой ментальности в свете социоестественной истории и коммуникативной концепции права // Журнал российского права. 2017. № 6(246). С. 18–25. DOI:10.12737/article_59240953ed0575.42842322. EDN YPLVPN.

(его ценностного аспекта) идея правды является доминирующей¹¹. Но, поскольку каждый считает, что он прав, а другие неправы, это может приводить к очень острым дискуссиям по правовым вопросам, включая возможный переход на личности (например: дискуссия о целесообразности сохранения права женщин на совершение аборт в нашей стране)¹². При этом базовое право эмбриона женщины на жизнь сторонников абортов не интересуют, и аргументы о том, что эмбрион, который вынашивает женщина, это тоже человек, и что вы тоже когда-то были в этом состоянии, и что есть другие средства обеспечения предохранения от беременности, без совершения абортов, сторонники абортов не интересуют¹³.

Подобного рода критическое восприятие других точек зрения с переходом на личности свидетельствует об огромных рисках построения в нашей стране авторитарного и тоталитарного политического режима разного толка и преследования инакомыслящих. Таковы вкратце особенности российского правового менталитета как одного из идентифицирующих признаков российской правовой системы.

Осипов М.Ю.,

старший научный сотрудник автономной некоммерческой организации
высшего образования «Международная полицейская академия ВПА»,
кандидат юридических наук
(г. Тула)

Литература

1. Байниязов Р.С. Правосознание и российский правовой менталитет / Р.С. Байниязов // Известия высших учебных заведений. Серия: Правоведение. 2000. № 2 (229). EDN: TKSNNV.
2. Бакина Ю.В. Понятие менталитета. Каков менталитет в России? / Ю.В. Бакина // Наука. Образование. культура: актуальные проблемы и практика решения : материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции (г. Прокопьевск, 23 ноября 2023 г.) : сборник научных статей. Прокопьевск : Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, 2023. EDN: DOEHUO.
3. Давид Р. Основные правовые системы современности : сравнительное право / перевод с французского М.А. Крутоголова и В.А. Туманова ; предисловие В.А. Туманова. Москва : Прогресс, 1967.

¹¹ Осипов М.Ю. О российской правовой ментальности в свете социоестественной истории и коммуникативной концепции права // Там же; Байниязов Р.С. Правосознание и российский правовой менталитет // Известия высших учебных заведений. Серия: Правоведение. 2000. № 2(229). С. 31–40. EDN TKSNNV; Петровская А.В. Идея правового закона в контексте характеристики различных правовых культур // История государства и права. 2007. № 4. С. 38–40. EDN JXDJQT.

¹² URL: https://dzen.ru/a/YpY_ejYAXR-QTHTr?comments_data=n_reply (дата обращения: 17.09.2024).

¹³ Там же.

4. Лезов И.Л. Особенности российской правовой системы второй половины XIX — начала XX века / И.Л. Лезов // Евразийский юридический журнал. 2015. № 9 (88). CEDN: UXUJMV.
5. Майорова В.С. Особенности российской правовой системы / В.С. Майорова // Проблемы совершенствования российского законодательства : материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции курсантов, слушателей и студентов (г. Барнаул, 12–13 апреля 2021 г.) : сборник тезисов / под редакцией Ю.В. Анохина. Барнаул : Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. EDN: ABCNUM.
6. Метлин С.В. Особенности российской правовой системы на современном этапе / С.В. Метлин // Современные научные исследования и разработки. 2019. № 1 (30). EDN: YZSRTN.
7. Муромцев Г.И. Понятие и классификация правовых систем / Г.И. Муромцев // Проблемы общей теории права и государства : учебник для юридических вузов / Н.В. Варламова, В.В. Лазарев, В.В. Лапаева [и др.] ; под общей редакцией В.С. Нерсесянца. Москва : Норма ; ИНФРА, 2000.
8. Осипов М.Ю. О российской правовой ментальности в свете социоестественной истории и коммуникативной концепции права / М.Ю. Осипов // Журнал российского права. 2017. № 6 (246). DOI:10.12737/article_59240953ed0575.42842322. EDN: YPLVPN.
9. Осипов М.Ю. Системы в праве и правовые процессы / М.Ю. Осипов // Академический юридический журнал. 2011. № 1 (43). EDN: NEDUSB.
10. Осипов М.Ю. Системы в праве и правовые процессы / М.Ю. Осипов. 3-е изд. Москва : Издательский центр РИОР, 2019. DOI: 10.29039/01820-0. EDN: UKBFBS.
11. Осипов М.Ю. Сравнительное правоведение : курс лекций / М.Ю. Осипов. Тула : Институт законоведения и управления ВПА, 2018.
12. Петровская А.В. Идея правового закона в контексте характеристики различных правовых культур / А.В. Петровская // История государства и права. 2007. № 4. EDN: JXDJQT.
13. Попова А.В. Онтология (бытие) права в современных реалиях правового регулирования социально ориентированной экономики / А.В. Попова // Lex Russica (Русский закон). 2020. Т. 73. № 3 (160). DOI:10.17803/1729-5920.2020.160.3.080-089. EDN: UECSYJ.
14. Саидов А.Х. Введение в основные правовые системы современности / А.Х. Саидов. Ташкент : Фан, 1988.
15. Синченко Г.Ч. Субъект правового бытия (Антропные формы) : диссертация ... доктора философских наук / Г.Ч. Синченко. Омск, 2002. EDN: QDPION.
16. Скоробогатов А.В. Правовая реальность транзитивного общества: дискурс и нарратив / А.В. Скоробогатов, А.В. Краснов. Санкт-Петербург : Алетей, 2024.
17. Скоробогатов А.В. Правовой архетип как форма бытия правовых ценностей / А.В. Скоробогатов // Традиции и инновации в праве : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию юридического факультета и 50-летию Полоцкого государственного университета (г. Новополоцк, 6–7 октября 2017 г.) : сборник научных статей. В 3 томах. Т. 1 / ответственный редактор И.В. Вегера. Новополоцк : Полоцкий государственный университет, 2017. EDN: YRWJOG.
18. Сравнительное правоведение : учебное пособие для магистрантов / составитель М.Ю. Осипов. 2-е изд. Москва : Ай Пи Ар Медиа, 2024.
19. Arkhipov V.V. Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach / V.V. Arkhipov, A.V. Gracheva, V.B. Naumov [et al.] // State and Law. 2022. Iss. 1. DOI:10.31857/S102694520018288-7. EDN: FOUSTF.
20. Butler W.E. Russian law / W.E. Butler // Elgar Encyclopedia of Comparative Law / ed. by J.M. Smits. Second Edition. Cheltenham : Edward Elgar Publishing Ltd., 2012.
21. Maggs P.B. Law and legal system of the Russian Federation / P.B. Maggs, O. Schwartz, W. Burnham. Sixth Edition. Juris Publishing, Inc., 2015.

Концептуальные подходы к пониманию правовых ограничений в современной юридической доктрине: от правовых традиций к правовым новациям

Концептуальные подходы играют важную роль в наших знаниях и исследованиях. Они помогают расширить наше понимание мира и развивать новые идеи и концепции. Кроме того, они предоставляют нам фреймворк для анализа и интерпретации различных явлений, а также способствуют развитию креативного мышления и поиску решений для проблем. Вместе они образуют мощный инструмент для построения знаний и обогащения нашей культуры.

В современной юридической доктрине все больше внимания уделяется концептуальным подходам к осмыслению правовых ограничений. Исследование этой темы становится важным в контексте изменяющихся социально-экономических условий, научно-технического прогресса и глобализации. Одной из ключевых составляющих концептуального подхода является понимание того, что правовые ограничения не только ограничивают свободу, но и защищают права и интересы юридических субъектов. Исследование важных подходов также включает изучение международного и национального права, а также правовой практики в различных странах мира. Значительное внимание уделяется роли правовой науки, которая является основным инструментом развития и формирования концептуальных подходов к пониманию правовых ограничений. Одним из интересных направлений в современной юридической доктрине является исследование принципов справедливости и пропорциональности в правовых ограничениях. Принцип справедливости подразумевает, что ограничения должны быть применены одинаково и объективно ко всем субъектам права без привилегий или дискриминации. Учет принципа пропорциональности включает оценку того, насколько ограничение соответствует целям, к которым оно направлено, и не выходит ли за пределы необходимости для достижения этих целей.

Также важным аспектом является связь правовых ограничений с другими областями права, включая права человека и международное право. С одной стороны, правовые ограничения должны быть согласованы с принципами и нормами прав человека, для того чтобы обеспечивать защиту основных прав и свобод. С другой стороны, ограничения могут носить международный характер в связи с обязательствами стран по соблюдению международных договоров и соглашений. Исследование концептуальных подходов к понима-

нию правовых ограничений в современной юридической доктрине является важным шагом к развитию более справедливого и эффективного правового регулирования.

Целью работы является изучение концептуальных подходов к пониманию правовых ограничений в современной юридической доктрине.

Задачи:

— раскрыть ограничение права, ограничения в праве, правовые ограничения: соотношение понятий;

— рассмотреть ограничения в праве: методологические подходы с позиции классического и постклассического понимания права.

Теоретическая основа. При написании работы мы опирались на труды таких ученых, как: А.В. Малько, В.В. Субочев, М.Н. Марченко, Н.И. Матузов, А.А. Воротников, В.Л. Кулапов, Л.А. Морозова, Р.Т. Мухаев, В.С. Нерсисянц, С.И. Ожегов, В.Д. Перевалов, Т.Н. Радько, Л.П. Рассказов, М.М. Рассолов, П.В. Никитин, А.В. Рыжик, В.К. Бабаев, Д.В. Шепелев, В.С. Бялт, В.А. Григорьев, А.В. Корнев, С.В. Липень, Т.Н. Радько, М.Н. Марченко, В.С. Нерсисянц, Л.П. Рассказов, М.А. Рейснер, О.В. Старков, И.В. Упоров, А.В. Малько, А.Ю. Саломатин, В.Н. Хропанюк, Р.В. Шагиева и др.

В отечественной литературе внимание уделяется анализу прав человека, которые выражают и ограничивают их свободу. Права являются обязательными и не могут быть менее или более обязательными по сравнению друг с другом.

Они могут быть лишь правильными или неправильными. Ограничения свободы возможны в рамках правового регулирования. «Смысл и содержание правовой деятельности государственных и муниципальных органов Российской Федерации определяются правами человека» (ст. 18 Конституции РФ). Однако Конституция, наряду с перечисленными в ней основными правами и свободами, предполагает наличие общепризнанных прав и свобод. Конституция содержит прямой запрет издания законов, отменяющих либо умаляющих права и свободы человека и гражданина. Вместе с тем, в исключительных, указанных в ст. 55 и 56 Конституции, случаях допускается возможность их ограничения. При этом законом допускается возможность не просто ограничения (отмены или умаления) прав и свобод как таковых, а условий, целей, пределов и сроков их действия. Поэтому правильнее говорить не об ограничении прав и свобод, а об ограничении их реализации¹.

В наше время, когда правовые нормы играют ключевую роль в общественной жизни, понимание и исследование этой темы становится

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

все более актуальным. Суть правовых ограничений заключается в установлении определенных рамок для поведения субъектов права, которые обусловлены законом или иными правовыми актами. Эти ограничения могут касаться различных сфер деятельности, включая экономику, политику, социальные отношения и др. Однако, несмотря на широкое распространение и обсуждение данной темы, многие аспекты правовых ограничений остаются недостаточно изученными. Необходимо провести более глубокий анализ и исследование применения этих ограничений в различных сферах права и жизни общества.

Важным направлением исследования является анализ эффективности правовых ограничений в достижении поставленных целей. В контексте демократических обществ особенно важно обеспечить баланс между необходимостью ограничения свободы действий индивида в интересах общества и защитой его прав и свобод.

При написании объемного текста об однозначности и безусловности правовых ограничений следует учитывать, что они не всегда имеют однозначное и безусловное обоснование. Возникают вопросы о легитимности и справедливости определенных ограничений, а также о способах их применения и контроля. Такие вопросы требуют тщательного исследования и анализа со стороны юристов и правоведов. Ведь ограничения, которые кажутся необходимыми и справедливыми, могут быть оспорены и считаться неприемлемыми с точки зрения некоторых граждан или групп общества. Поэтому для достижения баланса между правами и свободами индивидов и необходимостью общественного контроля правовые ограничения должны быть обоснованными и пропорциональными.

Рассмотрим указанную категорию подробнее. «Правовое ограничение» — сложное словосочетание, состоящее из двух слов: «ограничение» и «правовое». Прежде всего «ограничение»².

Словарь русского языка С.И. Ожегова определяет ограничение как «правило, ограничивающие какие-нибудь права, действия. Ограничить — значит стеснить определенными условиями, поставить в какие-нибудь рамки, границы»³.

Согласно Толковому словарю В. Даля, ограничение состоит «в удержании в определенных пределах (границах), в умерении, обуздании, стеснении чего-либо»⁴. Как видим, категория «ограничение» имеет вполне определенное содержание, получает широкое распространение в различных сферах общественной жизни.

² Шабуров А.С. «Ограничение права», «ограничения в праве», «правовые ограничения»: соотношение понятий // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 26.

³ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1953. С. 96.

⁴ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989. Т. 2. С. 659.

С точки зрения философии ограничения характерны для любых систем в языковых оборотах. «Полное отсутствие ограничений, — по мнению А.С. Шабурова, — приводит к деструктуризации системы как целого»⁵.

Таким образом, несмотря на то что правовые ограничения занимают центральное место в современном правовом обществе, многие аспекты этой темы требуют дальнейшего изучения и анализа. Раскрытие и понимание сложной природы правовых ограничений способствует развитию правовой науки и практики, а также эффективному функционированию правового государства.

К сожалению, действующее отечественное законодательство не дает официальной дефиниции «ограничения» в сфере правового регулирования, правового ограничения. Подобная дефиниция была закреплена в Федеральном законе от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»⁶. Статья 1 указанного закона гласила: «Ограничение (обременение) — наличие установленных законом или уполномоченными органами в предусмотренных законом порядке условий, запрещений, стесняющих правообладателя при осуществлении права собственности либо иных вещных прав на конкретный объект недвижимого имущества (сервитута, ипотеки, доверительного управления, аренды, ареста имущества и других)». Категория «правовое ограничение» не субъективное словесное образование, созданное каким-либо исследователем. Ее нельзя рассматривать и как результат юридизации категорий, имеющей место в отечественном правоведении, когда правовой характер придается какому-либо явлению лишь путем добавления прилагательных «правовой», «юридический»⁷.

Правовые ограничения играют важную роль в обеспечении законности и порядка в обществе, обеспечивая соблюдение прав и свобод граждан при соблюдении законодательных норм. Например, ст. 131 Гражданского кодекса РФ подчеркивает, что право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение имеют близкое, но не идентичное с «правовым ограничением» содержание⁸. Действующее право знает не только ограничение конкретных субъективных прав. В соответствии со ст. 29 и 30 Гражданского кодекса РФ, гражданин не только может быть ограничен в реализации конкретных субъективных прав, но и признан судом ограниченно дееспособным либо вообще недееспособным.

⁵ Шабуров А.С. «Ограничение права», «ограничения в праве», «правовые ограничения»: соотношение понятий // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 28.

⁶ Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (утратил силу) // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3594.

⁷ Там же. С. 3594.

⁸ Шабуров А.С. «Ограничение права», «ограничения в праве», «правовые ограничения»: соотношение понятий // Там же. С. 28.

В правовом регулировании имеют место и иные ситуации, которые не обозначаются термином «ограничение», но по содержанию играют ту же роль. Они ограничивают сферу деятельности субъектов права, конкретные виды деятельности и т.д. В качестве таковых выступают экономические, политические, психологические и другие факторы, которые, воздействуя на характер правового регулирования, осуществляют определенные ограничения правового регулирования в целом⁹.

В любом правовом документе ограничения могут проявляться в различных формах и распространяться на разные его составляющие: начиная от гипотезы, через диспозицию, и заканчивая санкцией. Гипотеза — это часть правового акта, которая определяет условия его применения. Здесь могут быть закреплены ограничения по территории, времени, субъектам права и др. Диспозиция содержит основные нормы и права субъектов, однако и здесь могут быть введены ограничения, например, по количеству, размеру, порядку осуществления права и проч.

Санкция представляет собой меры ответственности за нарушение правовых норм. Ограничения в этой части могут выражаться в виде штрафов, административных или уголовных наказаний. Таким образом, ограничения могут быть вложены в любую часть правового акта, обеспечивая его эффективное и сбалансированное действие.

Так, в частности, в сфере гражданского права получили практическое распространение такие виды ограничений, как «сервитут», «доверительное управление», «аренда», «концессуальное соглашение» и др. Все они имеют разную правовую природу, роль и место в правовом регулировании. Юридическим основанием возможности подобного ограничения служат положения п. 3 ст. 55 Конституции РФ и конкретизирующие ее положения п. 2 ст. 1 Гражданского кодекса РФ¹⁰. В соотношении этих понятий ограничение права является общим термином, указывающим на сам акт ограничения конкретного права или свободы. Таким образом, понимание соотношения между ограничением права, ограничениями в праве и правовыми ограничениями позволяет более полно воспринять суть и значение этих понятий в контексте правовой системы.

В современном обществе вопрос об ограничениях в праве остается одним из центральных и наиболее обсуждаемых. Методологические подходы к рассмотрению этого вопроса варьируются в зависимости от того, как понимается природа права: классическим или постклассическим образом. Классический подход к праву основывается на идее естественного права, которое считается объективно существующим и основано на абсолютных прин-

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹⁰ Там же. Ст. 3301.

ципах и нормах. В рамках классической концепции право является идеальной формой организации общественных отношений, которая определяется моральными и рациональными принципами. Определение того, какой методологический подход является более подходящим для исследования данного вопроса, требует изучения конкретных аспектов и целей исследования. Для некоторых исследователей классическая концепция права может оказаться более удобной в объяснении и анализе определенных правовых явлений.

Другие исследователи могут предпочесть постклассическую концепцию, так как она позволяет более гибко учитывать социальные изменения и различия. «Приступая к доктринальному анализу ограничений в праве, следует отметить, что разработанность проблемы ограничений в отечественной юридической науке является довольно серьезной, и краткий анализ идей и концепций позволит избежать такого негативного явления, как описание и анализ тех проблем, которые уже были объектом исследования и не требуют научной ревизии»¹¹.

В журнале «Советское государство и право» профессор С.С. Алексеев опубликовал статью, посвященную правовым средствам и их видам. В этой статье он впервые предложил концепцию ограничений в праве как одного из видов правовых средств. Эта концепция стала популярной в отечественной юриспруденции. Вторая половина XX в. привела к расширению предмета правового регулирования, что обусловило необходимость пересмотра классического подхода к правовым ограничениям. Социальное государство и мельчайшее правовое регулирование привели к формированию огромного количества правовых ограничений. Это явление, которое называется «биополитика», стало предметом исследования в работах Фуко и Агамбена.

Сформулированная проблема заключается в том, что современное государство осуществляет полную власть над телом человека через юридические механизмы. «Юридическая наука должна исследовать философско-правовую проблему чрезвычайного положения и исключений, через которые действие законности в правовых системах теряет свою силу»¹².

Впервые проблему исчезновения правовых гарантий в процессе развития современного государства раскрыл французский философ Мишель Фуко, который использует для описания полной безграничной власти государства над человеком термины «биовласть» и «биополитика»¹³.

Термин «биовласть» был введен Мишелем Фуко в 1975 г. и связан с возникновением государственного расизма. Фуко утверждал, что право

¹¹ Денисенко В.В. Ограничения в праве: методологические подходы с позиции классического и постклассического понимания права // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 98.

¹² Там же. С. 99.

¹³ Там же. С. 102.

суверена распоряжаться жизнью и смертью подданных в XIX в. превратилось в противоположность — «заставить жить или позволить умереть». Он также описал дисциплинарные техники власти, направленные на индивидуализацию, и новые технологии биополитики, обращенные к массам. Джорджо Агамбен развил идею Фуко о чрезвычайном положении, указав на ограниченное применение правовых норм в условиях кризиса, а также на присутствие абсолютного суверена в обществе, контролирующего законность.

Таким образом, в современном государстве с его рациональным правом гражданин на вполне законных основаниях может быть лишен юридического статуса. В условиях развития социального государства в течение последних 150 лет происходит расширение предмета правового регулирования, которое называют «юридификация». Гражданин может ощутить последствия, вытекающие из этой юридической концепции. При таком развитии событий важно понимать, что лишение юридического статуса может иметь серьезные последствия для человека, включая ограничения в правах и свободах. Однако все эти процессы осуществляются в соответствии с законами и правилами, установленными в государстве. Вместе с тем юридификация является неотъемлемой частью современного общества, помогая обеспечить справедливость и правовую защиту для всех граждан. Она сочетает в себе не только систему правил и процедур, но и нравственные принципы и ценности, которые формируют основу нашего юридического порядка.

Каковы же последствия биополитики через рациональное право в современных государствах? Вне всякого сомнения, они носят отрицательный характер и приводят к кризису легитимности существующего правопорядка. Выход из сложившейся ситуации видится в методологии теории признания, разработанной современным немецким философом Акселем Хоннетом в ряде работ, прежде всего в труде «Борьба за признание»¹⁴. По мнению А. Хоннета, «преступление напрямую связано с пренебрежением, то есть отсутствием признания субъекта и его прав. Увеличение ограничений и наказаний в праве приводит к накоплению седиментации и пренебрежения (например, тюрьмы, как показал Фуко, и их дисциплинарные практики не исправляют, а наоборот). Это приводит в конечном итоге к институционализации протестных сообществ. Такое сообщество не только протестное, но и резистентное»¹⁵.

С позиции классического понимания права, ограничения в праве рассматриваются в контексте его роли в обществе. Классические теории права, в частности линейный правовой позитивизм, сосредоточиваются на законах как основе права. Ограничения в этом случае воспринимаются как нормативные рамки, установленные законом для регулирования поведения граждан

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

и институтов. Такие ограничения обычно выражены в форме конституционных норм, законов и нормативных актов. «Если мы рассматриваем право как инструмент или, как писал Макс Вебер, инструментальный разум, то проблемы биополитики, указанные выше, являются неизбежными и неустраняемыми. Единственным выходом из сложившейся действительности представляется теоретическая модель коммуникативного разума, основанная на концепте взаимного признания.

Так как социальное государство неизбежно связано с расширением правового регулирования, то правовая регламентация в современный период должна быть направлена на увеличение участия граждан в юридических процедурах демократическим путем, а не на увеличение количества ограничений»¹⁶.

С другой стороны, постклассическое понимание права предполагает более широкий взгляд на его сущность. В этом контексте ограничения в праве рассматриваются не только с точки зрения формальных норм, но и в рамках социокультурных, экономических и политических факторов. Подходы, основанные на этом понимании, акцентируют внимание на роли общественных ценностей, справедливости и человеческих прав в формировании ограничений в правовой системе. «Императивные ограничительные меры в условиях современного социального государства приводят лишь к кризису правового регулирования, поэтому ответом на вызовы современных изменений в политической и правовой системе являются концепция делиберативной демократии и комплекс правовых процедур, связанных с данной идеей»¹⁷.

Следует отметить, что методологические подходы к рассмотрению ограничений в праве не являются взаимоисключающими, а, скорее, дополняют друг друга, создавая более полное представление о природе права и его роли в обществе. Таким образом, изучение ограничений в праве требует учета как классических, так и постклассических подходов к пониманию права, что позволяет получить более глубокое и комплексное понимание этой проблемы.

В заключение можно сделать несколько основных выводов. Понимание права предусматривает человеческую природу и общественные, финансовые и культурные обстоятельства, какие оказывают большое влияние на развитие и применение правовых норм.

Во-первых, правовые ограничения считаются необходимой составляющей законодательной концепции и играют немаловажную роль в обеспечении справедливости и порядка в мире. Они характеризуют пределы возможного поведения и защищают права и свободы людей.

Во-вторых, разнообразные концептуальные подходы к осмыслению правовых ограничений существуют с целью систематизации и уточнения

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. С. 103.

их применения. Любой подход содержит собственные характерные черты и преимущества, а также результативное использование правовых ограничений требует организации разных концепций.

В-третьих, современная юридическая доктрина дает обширный спектр концептуальных подходов к осмыслению правовых ограничений, таких как позитивистский, натуралистический, правовой реализм и проч. Любой из них имеет свои преимущества и предлагает уникальные возможности для рассмотрения и использования правовых ограничений.

В-четвертых, в настоящее время имеется необходимость усовершенствования и развития подходов к осмыслению правовых ограничений в соответствии с меняющимися социальными, политическими и финансовыми условиями. Это немаловажно для успешной защиты прав и свобод людей, а кроме того, для обеспечения стабильности и развития общества в целом.

Таким образом, понимание правовых ограничений в современной юридической доктрине представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий совместной работы и подходов от различных юристов и специалистов. Важно продолжать исследования и совершенствование концептуальных подходов для обеспечения эффективного функционирования правовой системы и защиты интересов общества в целом.

Пузиков Р.В.,

доцент кафедры гражданского права Института права и национальной безопасности Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, кандидат юридических наук, доцент
(г. Тамбов)

Литература

1. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 томах. Т. 2. И — О / В. Даль. Москва : Русский язык, 1989.
2. Денисенко В.В. Ограничения в праве: методологические подходы с позиции классического и постклассического понимания права / В.В. Денисенко // Юридическая техника. 2018. № 12.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка : 52 000 слов / составитель С.И. Ожегов ; под общей редакцией С.П. Обнорского. 3-е изд. Москва : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1953.
4. Шабуров А.С. «Ограничение права», «ограничения в праве», «правовые ограничения»: соотношение понятий / А.С. Шабуров // Юридическая техника. 2018. № 12.

Ценность российской правовой системы

В современном мире российская правовая система играет важную роль в современном праве. На ее развитие влияет множество факторов. А именно политические, правовые, социальные, культурные, идеологические, экономические и проч. Цель и задачи работы — исследовать прежде всего российскую правовую систему, ее понятие, особенности, ценность с различных научных точек зрения.

По мнению С.А. Маркова-Мурашова, стержневым вопросом, нуждающимся в обновленном научно-методологическом подходе к исследованию, является феномен «правовая система», поскольку «анализ структуры и содержания данного явления позволяет представить в единстве правовую жизнь общества, рассмотреть в системных связях организацию и взаимодействие всего комплекса правовых явлений»¹.

Трудно не согласиться с утверждением В.Н. Жукова, под системой обычно понимают совокупность элементов, связанных друг с другом и образующих определенную целостность, единство².

По мнению Д.С. Корчевского, правовая система — динамичное явление, заявляющее о себе в той мере, в какой современное общество или определенная его часть «связывает задачи социального прогресса с формированием правового сознания, совершенствованием правовой культуры, с достижением законоустроенности и правовой стабильности в национальной правовой системе и в международных отношениях»³.

По мнению автора, ценность такой правовой категории, как «правовая система», применительно к особенностям российского государства предопределяется тем, что понимание этого явления формирует перспективы объективной оценки эффективности правотворческой и правоприменительной деятельности, а также направления дальнейших исследований, основная цель которых не только поднятие на новый уровень имеющегося знания, но и повышение правовой культуры общества.

Разделяем позицию С.А. Комарова, что правовая культура в данном случае может быть обозначена как право, внедренное в жизнь людей.

¹ Маркова-Мурашова С.А. Национально-правовая система России и типология правопонимания : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006. 482 с.

² Жуков В.Н. Государство. Право. Власть: философия и социология. М. : Мир философии, 2015. 591 с.

³ Корчевский Д.С. Современная правовая система Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 200 с.

«Опыт развития цивилизованных обществ показывает, что добровольное и сознательное выполнение своих общественных обязанностей есть условие дальнейшего развития демократии; осознание ответственности личности перед обществом, государством своими гражданами является одним из важнейших элементов правосознания, условием высокой реализации прав, свобод и обязанностей личности, ибо уважение к праву, закону должно стать и становится личным убеждением каждой личности, превращается в привычку, в навык»⁴.

По мнению автора, именно общество с помощью правовой культуры через структуру правосознания эволюционирует ее ценность, уважение и важность российской правовой системы в современном мире.

Рассмотрим особенности правовой системы современной России, к ним относятся:

- интенсивный диалог с иными правовыми системами, способствующий формированию единой правовой общности в сочетании с правовой идентичностью и правовой автономностью⁵;

- целостность и структурная организация;

- взаимосвязь и взаимная зависимость системообразующих элементов;

- методологическая консолидация с системой права;

- основной источник права — нормативный правовой акт, поскольку Россия является приверженцем традиций континентальной (романо-германской) правовой семьи;

- обусловленность национально-историческими традициями государственности и общественной жизни;

- зависимость от экономического базиса, изменения в котором ставят задачу кардинального изменения подходов к правовому регулированию и практической реализации общественных отношений;

- диалектичность (совершенствование, трансформация, преобразование, развитие) — свойство, определяемое потребностью государства в оперативном урегулировании изменчивых общественных отношений;

- влияние на правосознание членов общества;

- основание на признании верховенства Конституции Российской Федерации⁶;

- согласованность с предписаниями международных нормативных актов, поскольку общепризнанные принципы и нормы международного права

⁴ Комаров С.А. Общая теория государства и права : учеб. 8-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во Юрид. ин-та, 2012. С. 431.

⁵ Котковец С.П. Правовая система России в контексте тенденций глобализации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 31 с.

⁶ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. от 01.07.2020) // СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 851.

и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы⁷.

Последние две особенности логически вытекают из реалий глобализации мировых процессов и интеграции правовых систем. Россия, являясь частью мирового сообщества, не может дистанцироваться от закономерностей и даже коллизий его развития, несмотря на серьезные разногласия, главным образом политического характера, существующие в межгосударственных отношениях. По мнению Ю.А. Шелестова, бесспорно, к примеру, что глобализационные процессы привели в ряде случаев к снижению стандартов социальной защищенности населения в развитых странах⁸. И Россия вынуждена считаться с такими результатами зарубежных государств при корректировании своей внешней и внутренней политики.

Нежелание оппонентов России вести с ней диалог на платформе равных субъектов международного права — серьезное препятствие на пути развития правовой системы России в контексте согласованности с нормами международного права. Но серьезное — не значит непреодолимое. Так, 15 марта 2022 г. Парламентская ассамблея Совета Европы (далее — ПАСЕ) проголосовала за выход России из Совета Европы, в этот же день МИД РФ сообщил о передаче Генеральному секретарю Совета Европы уведомления о выходе Российской Федерации из Совета Европы (далее — СЕ), а 16 марта ПАСЕ была принята соответствующая резолюция⁹.

В заявлении МИД России о запуске процедуры выхода из Совета Европы говорится о том, что государства НАТО и Евросоюза, злоупотребляя своим большинством в СЕ, последовательно превращают эту организацию в инструмент антироссийской политики, отказываясь от равноправного диалога и от всех принципов, на которых создавалась эта общеевропейская структура¹⁰.

В заявлении МИД России также сделан акцент на том, что сложившаяся ситуация влечет за собой разрушение общего гуманитарно-правового пространства и самого СЕ, который без России лишится своих общеевропейских координат.

Прочность позиции Российской Федерации отчасти обеспечивается ее приверженностью мировым установкам, закрепленным в обширном

⁷ Там же.

⁸ Шелестов Ю.И. Правовая государственность: природа и перспективы. Калуга : ИД «Эйдос», 2003. 224 с.

⁹ Резолюция CM/Res (2022) о прекращении членства Российской Федерации в Совете Европы : принята Комитетом министров совета Европы 16 марта 2022 г. // Официальный сайт Совета Европы. URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectId=0900001680a5da51

¹⁰ Заявление МИД России о запуске процедуры выхода из Совета Европы от 15 марта 2022 г. // Сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1804379

арсенале международных актов, а не только действующих на европейском пространстве, главным образом Всеобщей декларации прав человека¹¹.

Итак, для того чтобы исследовать ценность российской правовой системы в современном мире, необходимо определить ее ценность в современном праве. Прежде чем определять ценность российской правовой системы в современном мире, исследуем само понятие ценности. Прежде всего определим, что является ценностью?! Ценность — понятие растяжимое. Так как ценности могут быть у человека, группы людей, образования, экономики и культуры, а также правовые ценности.

По мнению П.С. Гуревича, ценности в истории человеческого рода появлялись как некие духовные опоры, помогающие человеку устоять перед лицом жизненных испытаний¹².

По мнению автора, ценности систематизируют действительность, вносят в нее определенный смысл, определяют оценочные моменты, позволяют измерять свое поведение с нормой, целью, которая выступает в качестве эталона, образца. Таким образом, ценностями могут быть понятия добра и зла, определяющие взгляды, убеждения людей — ценностные идеи, которые определяют предназначение явлений в действительности.

Общепризнанные ценности — мир, взаимопонимание, сотрудничество, взаимопомощь, права и свободы человека, государственный суверенитет являются универсальными в силу принятия их всеми правовыми системами в качестве особого объекта защиты и ориентира для правотворческой и правоприменительной деятельности. И это сближает государства, невзирая на различие их политических и правовых систем, продвигая отдельные государства и союзные образования по пути сотрудничества и компромисса, поскольку при ином подходе человечество может оказаться на грани глобальной катастрофы.

Тем самым, согласно точке зрения Т.Н. Сергеевой, правовая ценность — это результат интеллектуально-практической волевой деятельности субъекта (индивидуального или коллективного) и продолжительной работы по осознанию правовых процессов, происходящих в праве, создаваемой нормы, правореализуемой во благо государства и общества, которая представляет собой регулятор в обеспечение социального регулирования для правового и социального прогресса в праве и имеет формальное закрепление в высшем нормативно-правовом акте¹³. Тем самым можно определить право-

¹¹ Всеобщая декларация прав человека : принята Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1995. № 67.

¹² Гуревич П.С. Философия культуры. М. : Аспект Пресс, 1994. С. 121.

¹³ Сергеева Т.Н. Учение о правовых ценностях и их генезис // Образование и право. 2024. № 3. С. 52–57.

вую ценность как фундаментальный, правовой феномен, который позитивно влияет на эволюцию правового государства, права и гражданского общества в современном мире. Российская правовая система представляет собой интеграцию, в которой систематизированы правовые ценности, являющиеся фундаментом для эффективного развития правового государства и гражданского общества. Все правовые ценности равны между собой. В широком смысле понятие «правовые ценности» представляет собой достижения регулятивной культуры, выражающие позитивный потенциал права, его «вклад» в обеспечение социального регулирования. Роль правовых ценностей чаще всего рассматривается как самое важное функциональное предназначение, которое позволяет добиться добровольного и осознанного сотрудничества подавляющего большинства членов общества на почве осознания важности соблюдения норм права.

Автор делает вывод, что правовые ценности представляют собой формы субъективного восприятия права, обусловленные отношением к правовой системе общества, определяющие выбор соответствующего поведения и юридическую оценку событий. Их следует рассматривать не отдельно, а в системном взаимодействии: народ и общий интерес, стабильность, правда, порядок, свобода, равенство должны выступать ориентирами в правотворческой деятельности. Правовые ценности являются основой российской правовой системы в современном праве.

По нашему мнению, правовые ценности показывают, что в современном праве они являются ориентирами и основными тенденциями развития Российской правовой системы в современном мире.

Поле глобальных проблем формирования правовых ценностей в условиях общества риска является актуальным и практически значимым в условиях современной России. Объясняется это тем, что в условиях социальной нестабильности, высоких скоростей происходящих изменений нарушается порядок социальных действий и взаимодействия, изменяются особенности передачи социального опыта, общения и обмена информацией. Указанные обстоятельства особенно важны в контексте формирования правовых ценностей в целях создания социальной обстановки, способствующей их генезису. В современном мире, в результате раскола между Россией и западными государствами происходит переоценка российских ценностей, становится важной их роль в российской правовой системе. Это патриотизм, коллективизм, справедливость, долженствование, гуманизм, законность, правопорядок, а также семейные ценности и проч. Правовые ценности являются фундаментом для формирования российской правовой системы, тем самым позволяют укрепить ее. Российский народ силен духом, им движут патриотические ценности и единство, что олицетво-

ряет непобедимость русского общества. Таким образом, правовые ценности в российской правовой системе эффективно влияют на развитие правового государства и гражданского общества.

Сергеева Т.Н.,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права
и международного права
Московского международного университета,
научный сотрудник, научный стажер кафедры
теории и истории государства и права Юридического института
г. Санкт-Петербурга,
соискатель кафедры теории права и сравнительного
правоведения МГИМО МИД РОССИИ,
член партии «Единая Россия»
(г. Москва)

Литература

1. Гуревич П.С. Философия культуры / П.С. Гуревич. Москва : Аспект Пресс, 1994.
2. Жуков В.Н. Государство. Право. Власть: философия и социология / В.Н. Жуков. Москва : Мир философии, 2015.
3. Комаров С.А. Общая теория государства и права : учебник / С.А. Комаров. 8-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Издательство Юридического института, 2012.
4. Корчевский Д.С. Современная правовая система Российской Федерации : диссертация кандидата юридических наук / Д.С. Корчевский. Москва, 2000.
5. Котковец С.П. Правовая система России в контексте тенденций глобализации : автореферат диссертации кандидата юридических наук / С.П. Котковец. Краснодар, 2010.
6. Маркова-Мурашова С.А. Национально-правовая система России и типология правопонимания : диссертация доктора юридических наук / С.А. Маркова-Мурашова. Санкт-Петербург, 2006.
7. Сергеева Т.Н. Учение о правовых ценностях и их генезис / Т.Н. Сергеева // Образование и право. 2024. № 3.
8. Шелестов Ю.И. Правовая государственность: природа и перспективы / Ю.И. Шелестов. Калуга : Эйдос, 2003.

Особенности толкования права в Европе в период раннего Средневековья

В Древнее время и в период Средневековья право было не только результатом реализации властных полномочий, но и способом самоорганизации общества в соответствии с его историческими ценностями. Можно сказать, что оно в большей мере было выражением позиции социума, нежели государства, поскольку являлось продуктом общественного опыта.

С окончательным распадом Римской империи в V в. с некоторых ранее принадлежавших ей территорий практически полностью исчезают постулаты римского права. Это было характерно в основном для германских королевств. Важнейшим правовым принципом, характерным для германских народов в период раннего Средневековья, было признание личного закона, согласно которому закон для каждого человека зависел от его принадлежности к тому или иному роду (племени). Следовательно, правила поведения отличались не в зависимости от места нахождения, а были этническим наследием.

Этот принцип сделал возможным сосуществование различных правовых порядков на одной территории. Законы варваров были личными законами, поэтому было трудно применить их к каждому представителю завоеванного населения. Вследствие этого, варвары были вынуждены признать правосубъектность римского права, хотя они и не распространяли эту привилегию на другие варварские народы.

Немаловажную роль в формировании правовых предписаний в германском племенном обществе играла интерпретация испытаний в судебном процессе.

Главной целью данных испытаний было выяснение воли Божьей, «приговора Бога» по конкретному юридическому делу. В большинстве случаев толкование результатов испытаний не было четко регламентированным и оставляло место для усмотрения. Оно осуществлялось всей общиной, и данные выводы, принимаясь за основу, в дальнейшем неоднократно применялись при вынесении последующих судебных решений. Таким образом, в ранне-средневековом германском обществе они играли важную роль в формировании новых правовых установлений.

Отметим, что этот способ не был единственным, способствующим рождению нового права посредством применения интерпретаций.

Так, с целью разрешения споров германские народы собирали народное собрание — фолькмот, правомочия которого зависели от согласия обращающихся сторон. В определенных случаях данные собрания объявляли общие

постановления, которые получили название 'dom'. Интерпретация правовых предписаний, закреплённая в них, могла приводить к внесению поправок в уже существовавшие нормы. Несмотря на это, данные поправки не признавались законодательством в германском обществе. Мудрецы, входившие в состав народного собрания, считались не законодателями, а законоговори-телями. Сама же поправка понималась не как новый закон, а как раскрытие ранее неизвестного смысла закона знающими людьми, который теперь оглашен вслух¹. Поэтому членов фолькмота следует считать скорее правоинтерпретаторами, нежели субъектами правотворчества.

Данное обстоятельство говорит о том, что в раннесредневековом германском обществе большое значение отводилось такому этапу толкования, как разъяснение правовых норм. Нередко оно приводило к изменению уже сложившихся правил поведения и, следовательно, к формированию нового права.

В раннесредневековый период регулярное фиксирование результатов толкования было затруднительным, поскольку письменность еще не имела широкого распространения. Поэтому правовые представления древних германцев в основной своей массе существовали в устной форме, что допускало при их применении или цитировании не только перефразирование, но и подмену понятий. Во многих случаях это влекло за собой изменение смысла предписания. Видимо, для того, чтобы не допустить подобного, на определенных этапах своего развития различные народы стали собственные обычаи фиксировать.

К примеру, такая европейская племенная группа, как лангобарды, создавала основные положения своего права в VII–VIII вв., преимущественно закрепляя в письменных источниках уже существовавшие народные обычаи. Отличительным признаком обычаев, зафиксированных в лангобардском законодательстве, была их устойчивость. Наибольшим авторитетом обладали самые древние нормы.

Известно, что переписчики законов очень часто по своему усмотрению изменяли содержание правовых норм, добавляли новые и убирали вышедшие из употребления предписания. Кроме этого, они могли давать положения в собственной интерпретации либо той, которая складывалась в результате применения на практике. Поэтому, закрепляя обычаи в законодательстве, лангобардские короли старались также включить нормы, оберегающие их нерушимость. Так, эдиктом короля Ротари (ст. 388) было установлено следующее положение: «И вообще даем в постановлениях, чтобы писцы не меняли самочинно каким-либо обманым способом этот эдикт...»²

¹ Pound R. Jurisprudence. St. Paul. Minn., 1959. III. P. 8–15.

² Шервуд Е.А. Законы лангобардов. Обычное право раннегерманского племени (К раннему этногенезу итальянцев). М. : Наука, 1991. С. 64.

Приведенное выше положение Эдикта ограничивало волю переписчика, а следовательно, затрудняло как расширительное, так и ограничительное толкование норм лангобардского права.

Также расширительное и ограничительное толкование норм права не дозволялось лангобардским законодательством в случае возникновения пробелов в праве. О том, что такое обращение с нормами закона было в порядке вещей и некоторые судьи были самостоятельны в применении и интерпретации норм при разборе юридических дел, свидетельствует цитата из пролога к Законам короля Лиутпранда 727 г.: «...одни желали судить по обычаям, другие выносить собственный приговор». Поэтому король сам взял на себя обязанность по фиксации и толкованию древних обычаев с целью не допустить их различной интерпретации, что было закреплено в данной норме: «Но ныне будет лучшим, чтобы клался предел притеснению наших подданных; и каково среди нас появилось одно согласие, так лишь и должно [оно] пребывать в будущем»³.

Законы Лиутпранда 735 г. подтвердили это волеизъявление короля: «...мы знаем, какие возникают раздоры, чтобы затем или когда-либо не появлялось какое сомнение у наших судей, которые должны будут вынести приговор, но прочно [они] смогли бы определить, как то мы записали с одобрения Господа...»⁴

Таким образом, судейское усмотрение и свобода интерпретации норм были ограничены. Судьи обязывались к точному соблюдению воли монарха, зафиксированной в законах.

Известно, что нормы права не всегда успевают за развитием общественных отношений. Поэтому иногда правоприменители имеют дело со спорными ситуациями, которые невозможно разрешить на основе имеющихся норм. Данная ситуация не была редкостью и в период раннего Средневековья. Поскольку расширительное толкование и свобода судейского усмотрения не допускались, в лангобардском законодательстве закрепилась процедура разрешения таких споров.

Законы короля Лиутпранда (ст. 26, 27) предусматривали обязанность схульдахия (сотника)⁵ в случае невозможности самостоятельно решить дело направить стороны в течение 6 дней к своему судье. Последнему, на основании ст. 27 указанных законов, давался 8-дневный срок для разрешения дела. Если же и судья не мог прекратить спор, он должен был принудить стороны в течение 12 дней идти в присутствие короля⁶.

³ Законы короля Лиутпранда. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/VIII/700-720/Liutprand/text21.phtml?id=8025> (дата обращения: 25.11.2024).

⁴ Там же.

⁵ Схульдахий — королевское должностное лицо с судебно-административными и военными функциями главы территориального округа, обычно на равнинной территории (Прим. авт.).

⁶ Законы короля Лиутпранда. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/VIII/700-720/Liutprand/text21.phtml?id=8025> (дата обращения: 25.11.2024).

Таким образом, можно констатировать, что при пробелах в праве или невозможности однозначного толкования юридической нормы правоприменители раннего Средневековья были ограничены в свободе усмотрения, а должны были обратиться к верховной власти, которая единственная этим правом обладала.

Лангобардский король Ратхис решил по-другому посмотреть на данную проблему. В правовом памятнике «Главы, которые установил король Ратхис в кратком предписании», датированном приблизительно 746 г., уже отводится место судейскому усмотрению. В статье 14 говорится, что, если судья затруднялся решить дело, он должен был призвать на помощь «прочих из того же места сотоварищей» (т.е. судей), «которые знали бы, какое вынести решение»⁷. Таким образом, верховная власть постепенно переставала вмешиваться в судебную деятельность, предоставляя судьям толковать нормы законов по своему усмотрению.

Тем не менее король не полностью отстранился от правоинтерпретационной деятельности. Наблюдая за судебной практикой, лангобардские монархи, если находили в судебных решениях что-либо противное своей воле, время от времени корректировали их посредством издания новых правовых предписаний или толкования обычаев, что ярко видно на примере Законов короля Айстульфа 755 г.⁸.

Огромное влияние на развитие права германцев и других бывших территорий Римской империи оказало распространение христианства. Его пик приходится на V–X вв. В связи с этим многие германские правовые предписания утрачивают свое значение. Но для развития оставшихся немаловажную роль сыграла письменность, распространявшаяся вместе с христианством.

Благодаря каноническому праву, особое внимание при рассмотрении уголовных дел уделялось исследованию доказательств. При этом на усмотрение судьи отводились вопросы квалификации неясных и неопределенных свидетельств, т.е. фактов, препятствующих ясным выводам; слишком общих свидетельств — фактов, порождающих неясность, противоречащих природе свидетельств — фактов, в которые невозможно поверить.

Таким образом, широкий круг вопросов, по закону, оставался в сфере судейского усмотрения и толкования. Первый кодекс королевского права — Ассизы Ариано, изданный королем Роджером II, напрямую разрешал применение толкования. Статья 1 данного сборника так и называлась — «По поводу толкования законов». Она содержала повеление короля о необходимости соблюдения всех законов, но при этом отмечалось, что слишком

⁷ Шервуд Е.А. Законы лангобардов. Обычное право раннегерманского племени (К раннему этногенезу итальянцев). М.: Наука, 1991. С. 122.

⁸ Законы короля Айстульфа 755 г. URL: <https://drevlit.ru/docs/italy/VIII/740-760/Aistulf/text21426.php>. (дата обращения: 25.11.2024).

большая строгость в их осуществлении должна смягчаться чувством благочестия. Но и «своеволие» при этом «необходимо ограничить», а неясные места законов должны быть прояснены⁹.

Таким образом, вместе с фактом издания закона король допускал, что право будет несвободно от пробелов, и разрешал их восполнение при помощи толкования. Однако исследователи отмечают, что толкование при этом не могло осуществляться простыми гражданами. Оно являлось привилегией прежде всего монарха и было направлено на укрепление государственной власти¹⁰.

Создание германских королевств в Италии, Галлии, Испании и Северной Европе, можно сказать, «низвело» римское право до статуса личного закона. Среди франков, бургундов, вестготов и даже остготов сложилась дуалистическая система, при которой римляне сохраняли привилегию своего частного права согласно принципу правосубъектности, но германское право, несомненно, имело большую юридическую силу в спорах между германцами и римлянами. В рассматриваемый период римское право также признавало существование и обоснованность местных обычаев, традиций и народных законов наряду с официальными, римскими, источниками.

Древнеримские правовые принципы, правовые институты и точные определения были слишком сложны для германских народов. При интерпретации римских правовых положений широко было распространено общее заблуждение. По мнению некоторых ученых, такое сосуществование различных национальных законов на одной территории следует изучать не с точки зрения этической дилеммы или классовых противоречий, а с позиции «встречи народов, находившихся на различных этапах развития»¹¹. Если принять во внимание данную позицию, становится ясным, что так называемое «вульгарное римское право» стало результатом систематического толкования римских норм и национального права европейских народов, оказавшихся одновременно на одной территории. Согласно одной из точек зрения, римское гражданское право на практике постепенно стало учитывать местные обычаи и провинциальные законы, подвергаясь их влиянию, тем самым утратило свою чистоту и стало «вульгарным».

Применение толкования способствовало не только переработке положений римского права, но и выработке новых норм. Несмотря на культурные и языковые различия между национальными разговорными языками

⁹ Берман Г.Дж. Западная традиция права : Эпоха формирования. М. : ИНФРА-М — НОРМА, 1998. С. 393.

¹⁰ Hoffman M. Die Stellung des Königs von Sizilien nach den Assisen von Ariano (1140). Munster, 1915. P. 65.

¹¹ Guterman S.L. The Principle of the Personality of Law in the Early Middle Ages: A Chapter in the Evolution of Western Legal Institutions and Ideas // University of Miami Law review. 1966. № 21. P. 265.

и латынью, нельзя отрицать, что римское право оказало преобразующее воздействие на концепции, язык, процессуальное и материальное право светских судов.

Однако, перед тем как быть примененными, нормы римского права в германских королевствах периода раннего Средневековья переводились на национальные языки. Исследователи отмечают, что данные переводы поначалу не подвергались глубокому анализу. Возникновение и развитие европейских университетов открыло прямой доступ к сложным правовым идеям и сделало доступным понимание римских текстов, которые раньше нельзя было понять полностью и правильно интерпретировать из-за языкового барьера.

Следует отметить, что перевод римских текстов не был просто заменой аналогичных слов одного языка другим. Он представлял собой также культурный трансфер, перенос римских юридических идей в новую, варварскую культуру, с учетом особенностей которой они могли пониматься по-разному. Это означало возможность возникновения противоречий между исходным текстом и пониманием его смысла со стороны переводчиков, неправильный подбор целевых компонентов для передачи концепции юридических текстов. По сути, это одна из причин, по которой оригинал и переведенные версии текста не всегда отражали один и тот же смысл. Кроме этого, в период раннего Средневековья переводчики были известны достаточно вольной интерпретацией римских источников, которая не только касалась произвольного выбора слов, но и проявлялась в добавлении или удалении текста, который мог изменить смысл первоначальной нормы. Следовательно, ее последующая интерпретация уже содержала другой смысл норм права, нежели это предполагалось автором.

Таким образом, переводы римского права в период раннего Средневековья предлагали «переломленные» версии римских правовых идей, вызванные желанием сделать их доступными для широкого круга правоприменителей и адаптировать к новой культурной среде.

Подводя итог, отметим, что особенности толкования права в Европе в период раннего Средневековья выражались в стремлении высшей власти ограничить судебское усмотрение и применение расширительной и ограничительной интерпретаций. Частично это удалось сделать вследствие законодательного закрепления за монархами функций по высшей правовой конкретизации. Однако существовали случаи, когда без свободы усмотрения правоприменителей нельзя было обойтись. Это касалось прежде всего толкования результатов ордалий (испытаний) в судебном процессе.

Кроме этого, широко распространенный в период раннего Средневековья принцип личного закона лица вызвал необходимость согласования норм, регулирующих жизнедеятельность народов, проживающих на одной

территории, в целях обеспечения правопорядка. Это могло быть обеспечено посредством толкования и повлекло за собой постепенное становление единообразных правовых предписаний.

Кроме этого, применение в некоторых случаях на территории раннесредневековой Европы римского права требовало не только перевода древних норм, но и их адаптации к иным национально-культурным условиям, что также делалось посредством толкования правовых норм и позволило обогатить и развить национальные правовые системы европейских государств.

Таранюк Ю.В.,

доцент кафедры юриспруденции
факультета управления и права

Краснодарского кооперативного института (филиала)

Российского университета кооперации,

кандидат юридических наук, доцент
(г. Краснодар)

Литература

1. Берман Г.Дж. Западная традиция права: Эпоха формирования / Г.Дж. Берман. Москва : ИНФРА-М ; Норма, 1998.
2. Шервуд Е.А. Законы лангобардов. Обычное право раннегерманского племени (К раннему этногенезу итальянцев) / Е.А. Шервуд. Москва : Наука, 1991.
3. Guterman S.L. The Principle of the Personality of Law in the Early Middle Ages: A Chapter in the Evolution of Western Legal Institutions and Ideas / S.L. Guterman // University of Miami Law review. 1966. Vol. 21.
4. Hoffman M. Die Stellung des Königs von Sizilien nach den Assisen von Ariano (1140) / M. Hoffman. Munster, 1915.
5. Pound R. Jurisprudence. In 5 Volumes. Vol. 3 / R. Pound. St. Paul: West Publishing Co., 1959.

Транспозиция идей правосознания в современной философско-правовой науке

Усложнение в настоящее время социальных отношений и увеличение динамики их развития стимулирует к поиску новых способов познания правовой действительности. Объективной необходимостью в таких условиях становится осмысление сущности права, его идеи, целей как социального института, обладающего способностью накапливать уникальный опыт.

Поиск новых решений, как нам представляется, должен лежать в плоскости метафизических состояний права, в частности, в плоскости такой категории, как правосознание.

Будучи источником права, правосознание выступает как сложный, многогранный, динамично развивающийся феномен, являющийся неотъемлемой компонентой социально-правовой действительности. Особенности развития феномена правосознания обусловили актуальность его изучения и в наши дни. Исследуются проблемы правосознания как философско-правовой категории, в контексте установления глубинной связи современной отечественной философско-правовой теории с основными традициями и величайшими достижениями философско-правовой мысли древности, периода Средневековья, Нового и Новейшего времени. Одновременно интерес к правосознанию обуславливается практической важностью, поскольку для построения правового демократического государства необходимо сформировать должный уровень правосознания — не только общественного, но и индивидуального.

К теме правосознания ученые-правоведы обращаются на всем протяжении развития философско-правовой науки. Таким образом, рассматриваемая проблема не является новой.

Изучить феномен предпринимаются попытки еще на заре развития юридической науки, в теориях таких ученых, как Сократ, Платон, Аристотель. Системно проблемы правосознания изучаются в Новое и Новейшее время (И. Кант, Ф. Гегель, Э. Гамильтон, И. Фихте, К. Маркс, Ф. Энгельс, Т. Гоббс). Феномен активно исследуется в русской философии права (И. Ильин, П.И. Новгородцев, И. Петражицкий); в советской правовой науке интерес к нему обусловлен идеологической парадигмой развития общества и государства, однако такие ученые, как П.И. Стучка, М.А. Рейснер, М.С. Строгович, И.Е. Фарбер, рассматривали его с других позиций. В середине двадцатого столетия в правовой дискурс по проблемам правосознания включился великий ученый-профессор С.С. Алексеев.

Научное философско-правовое наследие позволило современным ученым-юристам, систематизируя накопленный опыт, создать предпосылки для дальнейшего развития теории правосознания. Так, в девяностых годах двадцатого столетия складывается система фундаментальных подходов к иссле-

дованию феномена. В частности, социологический подход, отдельные аспекты которого были разработаны еще дореволюционными учеными, стал частью не только научного, но и учебного материала, вошедшего в образовательные программы для будущих юристов. Гносеологический подход — в рамках которого возможно системно изучать бинарную структуру правосознания, представленную правовой идеологией и правовой психологией (его разделяют В.В. Русских, П.П. Баранов, Н.Н. Вопленко). Указанный подход также является востребованным в рамках высшего юридического образования. Широкое распространение получил подход, который позволяет исследовать уровни правосознания. Его авторами являются Н.И. Матузов, А.В. Малько, А.В. Венгеров. Имеют место и современные подходы исследования феномена. К их числу следует отнести инструментальный подход, который определяет структуру феномена элементами, гармонизирующими с соответствующими видами юридической деятельности. В этой связи авторы подхода выделяют научный (теоретический), профессиональный (специализированный) и массовый (обыденный) уровни. В современной философии права появляются такие подходы, как классический и инструментальные¹.

Таким образом, феномен правосознания исследуется, что называется, перманентно, в различных аспектах и в различные исторические периоды развития общества и государства.

Если детально рассматривать транспозицию взглядов известных ученых на проблему формирования и развития правосознания, то нам представляется целесообразным руководствоваться базовой идеей: правосознание есть источник права.

Философы древности не оперировали таким понятием, как «правосознание», в современном его понимании, однако в их работах имеет место ряд идей, которые сейчас объединены в широкую область исследования. Платон, размышляя о справедливом государстве, подчеркивает, что это такое государство, воля которого выражена в законе, и справедливо выполнять только такую волю, а закон есть высшее благо для общества и высочайшая ценность для индивида. Нарушение закона поражает сознание индивида. Ученик Платона — Аристотель отождествляет право с политической справедливостью, подчеркивая тесную связь права с государством как моральным общением между свободными гражданами. Нестабильные законы, по его мнению, вредны. Как бы предчувствуя, Аристотель в своих работах отмечает, что сознание человека зависит не только от содержания закона, но и от его стабильности, поскольку нестабильность законов ведет к правовому нигилизму. Очевидно, что Аристотель имеет в виду не что иное, как правосознание².

¹ Лещенко О.В. Теоретико-правовые подходы к исследованию сущности правосознания. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-pravovye-podhody-k-ponimaniyu-suschnosti-pravovogo-soznaniya> (дата обращения: 26.11.2024).

² Платон. Апология Сократа. URL: <https://opentextnn.ru/man/platon-gosudarstvo/>; Аристотель. Этика. URL: <https://kant.narod.ru/arist.htm> (дата обращения: 26.11.2024).

Системным является изучение проблем правосознания в Новое и Новейшее время. Это изыскания таких великих философов, как Ф. Аквинский и А. Августин, Н. Макиавелли, Ж.-Ж. Руссо, Г. Гроций, Д. Локк, Ш.Л. Монтескье, Т. Гоббс, И. Кант, Ф. Гегель, И. Фихте, К. Маркс, Ф. Энгельс.

Первые удачные попытки изучения проблем правосознания предпринимаются частично в период Средневековья, а затем в Новое и Новейшее время.

Философ Ф. Аквинский³ и А. Августин рассматривают проблемы правосознания через приоритет христианских догматов во всех сферах социальных связей, указывая на преимущества власти церкви.

Макиавелли рассматривал право как средство достижения целей государства. Исходя из таких убеждений, считал, что государству необходимо иметь законодательную базу, которая обеспечит стабильное устройство общества, а государи должны стать олицетворением служения закону⁴.

Ж.-Ж. Руссо разработал такие принципы политико-правового мировоззрения, как эгалитаризм (стремление к равенству), идея целостности (человека и общественных отношений), а также правовой и государственный нигилизм⁵.

Г. Гроций различал естественное и волеустановленное виды права. Источник естественного права — разум (сознание) человека, направленный на дружелюбное общение с себе подобными. Из охраны спокойного существования людей вытекают требования разума (сознания) человека (предписания естественного права)⁶.

Д. Локк, будучи родоначальником концепции прав и свобод личности, внес огромный вклад в развитие идеи правосознания в XVII в.⁷

Ш.Л. Монтескье полагал, что право — это то, что предшествует закону и определяет его. Право является выражением справедливости, только справедливое может быть правом. Сегодня мы можем развить эту мысль глубже: правосознание — это то, что предшествует праву, а право — то, что предшествует закону и определяет его⁸.

Т. Гоббс искал в правосознании корни политико-правового устройства общества, сформулировав некоторые основополагающие принципы бур-

³ Аквинский Ф. Сумма теологии. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/konfessii/summa-teologii-tom-1> (дата обращения: 26.11.2024); Августин А. Исповедь. URL: <https://opentextnn.ru/old/man/index.html?id=6273> (дата обращения: 26.11.2024).

⁴ Макиавелли Н. Государь. URL: <https://lib.ru/POLITOLOG/MAKIAWELLI/gosudar.txt> (дата обращения: 26.11.2024).

⁵ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. URL: https://lib.ru/FILOSOF/RUSSO/prawo.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 26.11.2024).

⁶ Гроций Г. О праве войны и мира. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Groziy_Kn3.pdf (дата обращения: 26.11.2024).

⁷ Локк Д. Два трактата о правлении. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Lokk_Traktaty_2.pdf (дата обращения: 26.11.2024).

⁸ Монтескье Ш.Л. О духе законов. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Monteskye_O%20dukhe.pdf (дата обращения: 10.11.2024).

жуазного правосознания, такие как свободное волеизъявление и равенство прав⁹.

И. Кант и Г.В.Ф. Гегель одними из первых попытались рассмотреть правосознание и право в контексте более широкого целого — в его связи с нравственностью, правом и саморазвивающейся духовной культурой (духом).

Правосознание у Фихте воплощается в мыслях о том, что свобода индивидов не застрахована от нарушений. Господство закона не наступает автоматически. Свободу надлежит защищать принуждением. Других средств нет. Потребность обеспечить личные права людей обуславливает необходимость государства¹⁰.

Концепция К. Маркса и Ф. Энгельса исходит из обусловленности права, а значит и правосознания, экономическим строем общества, исключительно классового характера, права как системы норм, от государства и обеспеченности его принудительной силой государства (примата государства над правом), перспектив его трансформации в правила коммунистического общежития (мифологизация правосознания)¹¹.

В Новейшее время в науке возникает философский дискурс, который целесообразно использовать как один из методов исследования основных аспектов категории правосознания. Дискурс возникает в работах таких русских философов, как П.И. Новгородцев, И.А. Ильин, Л.И. Петражицкий. Именно эти ученые в свое время разработали философско-правовые концепции, основные аспекты которых также стали фундаментальными.

П.И. Новгородцев приходит к выводу о том, что современное ему общество испытывает кризис правосознания, проявляющийся в том, что человечество потеряло веру в гармоничное общество, в возможность согласованности природы человека, его сущности с определенными формами жизни и возведение этих форм жизни в категорию абсолютных ценностей. Кризис преодолим, если формирование правосознания будет обусловлено нравственной интенцией¹².

И.А. Ильину удалось феномен правосознания соотнести с особенностями современной ему культурно-исторической формы, сформулировав самостоятельное понятие правосознания, выявив его структурные элементы, формы и признаки дифференциации¹³.

⁹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (дата обращения: 10.11.2024).

¹⁰ Кант И. Метафизические начала учения о праве. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_Metaphisika_2.pdf (дата обращения: 10.11.2024).

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. URL: https://vkpb-andreeva.ru/images/pdf/Marx_Engels/tom_26_1.pdf (дата обращения: 10.11.2024).

¹² Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. URL: http://dugward.ru/library/novgorodcev/novgorodcev_vvedenie_v_filosofiu_prava.html?ysclid=Isofyk0uja592632984 (дата обращения: 16.02.2024).

¹³ Ильин И.А. О сущности правосознания. URL: <https://politconservatism.ru/upload/iblock/674/674e437fa0ac9ebb36694d3de970b801.pdf?ysclid=Ispudx0ac749060162> (дата обращения: 17.02.2024).

По Л.И. Петражицкому, основанием должного уровня правосознания выступает осознание личностью собственного достоинства, принятие себя как носителя прав и обязанностей¹⁴.

Советская правовая наука исследовала правосознание через идеологические догмы. П.И. Стучка¹⁵, М.А. Рейснер¹⁶, М.С. Строгович¹⁷ при исследовании правосознания основывались на нормативистском понимании права, где внимание акцентировалось на исследовании революционного правосознания как переходного типа общества, от буржуазного к советскому. Советский ученый-правовед И.Е. Фарбер рассматривал правосознание через его взаимосвязь с коммунистическим воспитанием и укреплением законности в советском обществе. Ученый считал, что основополагающим принципом правосознания выступает поведенческая характеристика личности, выражающая его социально-активную позицию. Зрелая советская правовая наука присоединилась к правовому дискурсу о правосознании в лице профессора С.С. Алексеева. По мнению ученого, правосознание есть субъективная реакция личности на право, это неизбежный спутник права¹⁸.

Усложнение социальных связей и отношений, развитие правовой науки, технический прогресс обуславливают необходимость дальнейшего расширения научно-исследовательского поля для формирования актуализированного представления о категории правосознания.

Современная категория правосознания представляет собой сложный, многогранный, динамичный феномен, которому свойственны определенные характеристики. Он обусловлен интенсивным развитием цифровых технологий и сетевой коммуникацией, высокой или низкой степенью информированности индивида и уровнем социального интеллекта. Правосознание личности в настоящее время выступает как иммерсионное, то есть на постоянной основе взаимодействует с цифровой средой, что детерминирует технологический фактор моделирования правосознания посредством визуализации искусственного пространства (трансграничность, закрытые комментари, анонимность, доступность).

Фальшина Н.А.,

доцент кафедры теории и истории государства и права
юридического факультета Южного федерального университета,
кандидат юридических наук,
(г. Ростов-на-Дону)

¹⁴ Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности: основы эмоциональной психологии. URL: <http://elibrary.ru/nodes/82978-petrazhitskiy-l-i-vvedenie-v-izuchenie-prava-i-nravstvennosti-osnovy-emotsionalnoy-psihologii-spb-1908#mode/inspect/page/13/zoom/4> (дата обращения: 10.11.2022).

¹⁵ Стучка П. Право и закон. URL: https://kritikaprava.org/library/178/pravo_i_zakon (дата обращения: 10.11.2024).

¹⁶ Рейснер М.А. Основы советской Конституции. URL: https://vk.com/wall-61771654_9001 (дата обращения: 10.11.2024).

¹⁷ Строгович М.С. Право и правосознание. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005231056/ (дата обращения: 10.11.2024).

¹⁸ Алексеев С. Опыт комплексного исследования. URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/library/0128560> (дата обращения: 10.11.2024).

Литература

1. Августин А. Исповедь / А. Августин // Открытый текст. <https://opentextnn.ru/old/map/index.html?id=6273> (дата обращения: 26.11.2024).
2. Аквинский Ф. Сумма теологии. В 13 томах. Т. 1 / Ф. Аквинский ; перевод С.И. Еремеева, А.А. Юдина. Киев : Эльга, Ника-Центр, Элькор-МК, Экслибрис, 2002.
3. Алексеев С.С. Право: Азбука — Теория — Философия. Опыт комплексного исследования / С.С. Алексеев. Москва : Статут, 1999.
4. Аристотель. Этика // Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель. Минск : Литература, 1998.
5. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс ; перевод с английского А.А. Гутермана ; предисловие и редакция А.А. Ческиса. 2-е изд., стер. Москва : URSS : ЛЕНАНД, 2023.
6. Гроций Г. О праве войны и мира / Г. Гроций. Москва : АСТ, ОГИЗ, 2023.
7. Ильин И.А. О сущности правосознания / И.А. Ильин ; подготовка текста и вступительная статья И.Н. Смирнова. Москва : Рарогъ, 1993.
8. Кант И. Сочинения. В 5 томах. Т 5. Ч. 1. Метафизика нравов. Метафизические начала учения о праве / И. Кант ; подготовлено при участии А. Круглова, А. Судакова, Д. Хюннинга [и др.]. Москва : Наука, 2014.
9. Лещенко О.В. Теоретико-правовые подходы к пониманию сущности правового сознания / О.В. Лещенко // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21. № 3.
10. Локк Д. Два трактата о правлении / Д. Локк ; перевод с английского Е.С. Лагутина и Ю.В. Семенова. Москва ; Челябинск : Социум, 2014.
11. Макиавелли Н. Государь : перевод с итальянского / Н. Макиавелли. Москва : Эксмо, 2023.
12. Маркс К. Сочинения. В 39 томах / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 26 / Том подготовили к печати В.К. Бругилинский и И.И. Прейс. 2-е изд. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1962.
13. Монтескье Ш.Л. О духе законов / Ш.Л. Монтескье ; перевод с французского А. Горнфельда. Москва : АСТ, 2022.
14. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания / П.И. Новгородцев. Санкт-Петербург : Лань, 2000.
15. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности: основы эмоциональной психологии / Л.И. Петражицкий. 3-е изд. Санкт-Петербург : Тип. Ю.Н. Эрлих, 1908.
16. Платон. Апология Сократа // Платон. Государство ; Диалоги ; Апология Сократа / Платон. Москва : Эксмо, 2024.
17. Рейснер М.А. Основы советской Конституции : лекции / М.А. Рейснер. Москва : Издательство Академии Генерального Штаба Рабоче-Крестьянской Красной Армии, 1920.
18. Руссо Ж.-Ж. Об Общественном договоре, или Принципы политического Права // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты / Ж.Ж. Руссо ; перевод с французского А.Д. Хаятина и В.С. Алексеева-Попова. Москва : КАНОН-пресс, Кучково поле, 1998.
19. Строгович М.С. Право и правосознание : тезисы доклада / М.С. Строгович. Москва : [б. и.], 1940.
20. Стучка П. Право и закон / П. Стучка. URL: https://kritikaprava.org/library/178/pravo_i_zakon (дата обращения: 10.11.2024).

Правовой обычай в странах Латинской Америки (на примере Многонационального Государства Боливия)

В современном латиноамериканском обществе на фоне социальных изменений, трансформации законодательства происходит переосмысление форм права, в частности правового обычая. Конституция Боливии 2009 г. провозгласила, что государственным приоритетом является защита индейских и крестьянских общин. В то же время несовместимость в отдельных случаях правовых обычаев коренных народов и национального законодательства приводит к нарушению прав человека.

Правовые обычаи в странах Латинской Америки и вопросы применения нескольких правовых систем в одном и том же социально-политическом пространстве были предметом специальных юридических исследований. В частности, в работах Марии Ямиле Хейс Мишель, Эдвины Рохаса Кальвимонте, Сильвины Рамирес, Висенте Кабедо Маллол, Магдалены Гомес, Германа де Кастро Виторес, Ксавьера Альбо, Рауля Касереса, Родольфо Ставенхагена и др.

В отечественной юридической науке одной из первых работ, посвященной в том числе источникам права и правовым обычаям в странах Латинской Америки является «История государства и права стран Латинской Америки» известного российского ученого Жидкова Олега Андреевича¹.

В то же время на сегодня отсутствуют комплексные научные труды, посвященные источникам права стран Латинской Америки. В связи с этим, на наш взгляд, актуальным является исследование общественных отношений в сфере создания, применения источников права стран Латинской Америки.

В рамках данной статьи предпринята попытка определить место правового обычая в праве Многонационального Государства Боливия.

Происхождение обычного права коренных народов Боливии, как, собственно, и других стран Латинской Америки, неразрывно связано с социально-политическими процессами, происходившими в данном регионе.

В настоящее время тридцать шесть официально признанных коренных народов Боливии имеют свои правовые системы и отправляют правосудие в соответствии со своими правовыми обычаями. Наиболее многочисленными этническими группами в Боливии являются «кечуа» и «аймара». Этническая группа «аймара» насчитывает почти два миллиона человек, более трех

¹ Жидков О.А. История государства и права стран Латинской Америки : учебное пособие / О.А. Жидков ; Ун-т дружбы народов им. Патриса Лумумбы. Кафедра теории и истории государства и права. Москва : [б. и.], 1967. 175 с.

четвертей из которых проживают в департаменте Ла-Пас, 11% — в департаменте Оруро, 6% — в Северном Потоси и 2% — на юго-западе Кочабамбы. Этническая группа «кечуа» с населением более двух с половиной миллионов человек занимает более обширную территорию Боливии, в основном сосредоточена в департаментах Кочабамба, восточный Оруро, северный Потоси, в Сукре, в Ла-Пасе; на границе с Перу, а миграции за последние десять лет пришлось на Санта-Крус. Обе этнические группы составляют 75% от общей численности населения, которое, согласно демографическим данным, насчитывает более 6,5 млн жителей².

Боливия является унитарным, но децентрализованным государством с автономией департаментов. Территориальное устройство представлено департаментами, провинциями, муниципалитетами и коренными крестьянскими территориями. Все коренные народы имеют свой собственный язык, хотя очень немногие из них сохраняют язык в чистом виде, поскольку большинство из них включают и выражения испанского языка. Конституция Боливии признает первые нации и коренные народы, жившие на территории страны до испанского колониального вторжения, а также испанский язык и 36 «языков» коренных наций и народов в качестве «официальных языков».

Моральные принципы народа Боливии закреплены в ст. 8 Конституции. Среди них: не ленись, не будь лжецом и вором; живи хорошо; живи дружно; земля без зла и др.³. Принцип «не ленись» запрещает лень как в семье, так и в обществе. Принцип «не будь лжецом» учит не лгать и всегда говорить правду, потому что ложь наносит вред человеку, семье и обществу. Принцип «не будь вором» — древнейший принцип, связан с уважением к другим. Принцип «непрелюбодеяния» определяет, что семья создается раз и навсегда. Мужу и жене запрещено поддерживать эмоциональные и сексуальные отношения с другими людьми. Принцип «не убивай» учит не лишать жизни другого человека. Этот принцип священен, как и Пачамама (Мать-Земля).

В статье 1 Конституции определяется, что Боливия представляет собой унитарное социальное правовое государство. Социальные, экономические и культурные права коренных народов, населяющих национальную территорию, признаются, уважаются и защищаются в рамках закона, особенно те, которые касаются общинных земель, гарантируя устойчивое использование и эксплуатацию природных ресурсов; их идентичность, ценности, языки, обычаи и институты. Государство признает правосубъектность коренных и крестьянских общин, крестьянских ассоциаций и союзов⁴.

² Carrasco Tania. La costumbre jurídica indígena entre los pueblos aymara y quechua de Bolivia // Sociedad y derecho indígenas en América latina / Centro de estudios mexicanos y centroamericanos. Mexico, 1995. Párrafo 11.

³ Constitución política comentada del Estado plurinacional de Bolivia : Ley de 7 de febrero de 2009. URL: <https://jorgemachicado.blogspot.com/2009/10/cpe-bolivia.html>

⁴ Там же.

Статья 190 Конституции Боливии определяет, что нации и коренные сельские жители выполняют юрисдикционные функции и компетенцию через свои органы власти и применяют свои собственные принципы, культурные ценности, нормы и процедуры. В соответствии со ст. 191, юрисдикция коренных жителей сельских районов основана на особых отношениях между лицами, принадлежащими к соответствующей нации, коренными жителями сельских районов.

Государство через свои институты, в том числе через судебную систему, не может охватить все общины коренных народов и в своей конституции определяет возможность применения правовых обычаев для регулирования проблем, возникающих в повседневной жизни общин.

Юрисдикция коренных жителей сельских районов представлена в следующих сферах: личного, материального и территориального права. Коренные жители сельских районов подпадают под действие данной юрисдикции независимо от того, выступают ли они в качестве истцов или ответчиков, обвинителей, являются ли они правонарушителями⁵.

На международном уровне документами, подтверждающими коллективные права коренных народов, являются: Декларация ООН о коренных народах, Конвенция № 169 Международной организации труда «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах».

Основные положения Декларации ООН о коренных народах в отношении обычаев коренных народов, в том числе правовых, звучат так:

— коренные народы имеют право сохранять и укреплять свои особые политические, правовые, экономические, социальные и культурные институты, сохраняя при этом свое право, если они того желают, на полное участие в политической, экономической, социальной и культурной жизни государства (ст. 5);

— коренные народы имеют право на соблюдение и возрождение своих культурных традиций и обычаев (ст. 11);

— коренные народы имеют право соблюдать, отправлять, развивать и передавать свои духовные и религиозные традиции, обычаи... (ст. 12);

— коренные народы имеют право на поощрение, развитие и сохранение своих институциональных структур и своих особых обычаев, духовности, традиций, процедур, практики в соответствии с международными стандартами в области прав человека (ст. 34)⁶.

Статья 191 Конвенции № 169 Международной организации труда провозглашает, что органы власти коренных народов осуществляют правосудие,

⁵ Constitución política comentada del Estado plurinacional de Bolivia : Ley de 7 de febrero de 2009. URL: <https://jorgemachicado.blogspot.com/2009/10/cpe-bolivia.html>

⁶ Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах : от 27 июня 1989 г. № 169 / Международная организация труда. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml

применяя свои собственные правила и процедуры для разрешения конфликтов в соответствии со своими обычаями, при условии, что они не противостоят конституции и законам⁷.

Анализ Конвенции о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах, показывает, что при применении национальных законов должны учитываться правовые обычаи. Кроме того, при рассмотрении правонарушений, совершаемых лицами, принадлежащими к соответствующим народам, должно проявляться уважение к методам, традиционно практикуемым этими народами, но с учетом национальной правовой системы и прав человека.

Под правовым обычаем коренных народов понимается концепция права, характеризующаяся социальной организацией поведения, посредством практических норм, направленных на общение с силами природы и передаваемых в устной форме. Национальное право понимается как правовая концепция, характеризующаяся социальной организацией поведения посредством письменных правил, исходящих от специализированного органа и узаконенных теми же правилами⁸.

Правовые обычаи коренных народов регулируют такие вопросы жизни общин, как:

- правила общественного поведения;
- определение прав и обязанностей членов общин;
- распределение природных ресурсов (вода, земля, леса и др.);
- обмен товарами и услугами;
- способы разрешения конфликтов и др.

Самыми распространенными правонарушениями среди коренного населения являются: материальный ущерб фермам, причиненный животными владельца фермы; конфликты и насилие в семье; конфликты по поводу границ между общинами; ущерб пастбищам. Реже случаются кражи, грабежи. Тяжелые преступления практически не совершаются.

Мария Хейс отмечает, что одними из наиболее часто разрешаемых конфликтов являются драки между парами, которые приводят к насилию в отношении женщин и детей. Насилие происходит в повседневной жизни, как в частных, так и в общественных местах⁹.

Применение правовых обычаев во Многонациональном Государстве Боливия направлено на то, чтобы человек признал свою ошибку и «вернулся» в общество. Среди санкций, применяемых в коренных общинах, —

⁷ Там же.

⁸ Carrasco Tania. La costumbre jurídica indígena entre los pueblos aymara y quechua de Bolivia // Sociedad y derecho indígenas en América latina / Centro de estudios mexicanos y centroamericanos. Mexico, 1995. Párrafo 17.

⁹ Hayes Michel, Maria Yamile. Pluralismo jurídico en Bolivia. La coexistencia del Derecho indígena y el Derecho estatal en Bolivia : tesis doctoral. Valencia : Universidad De Valencia, 2016. P. 136.

общественные работы, в том числе ремонт дорог, сбор урожая, строительство домов; штрафы в пользу пострадавшего лица и общины. Применяются и моральные санкции — изоляция личности, игнорирование при принятии решений общиной.

Одним из серьезных наказаний, которое применяется за тяжкие преступления, такие как убийство, супружеская измена, неоднократное ограбление, поджоги полей, — является изгнание за территориальные границы общины без права возврата¹⁰.

В случае совершения серьезного преступления и когда имеется достаточно доказательств, виновному публично и формально наносится несколько небольших ударов, для того чтобы он мог задуматься и исправиться. Это символическая и моральная санкция, за которой не следует унижение, которую не следует смешивать с актом пытки. Наказание осуществляется умеренно и с согласия членов семьи, если они присутствуют, сопровождается советами виновному лицу.

В то же время следует отметить, что применение правовых обычаев коренных народов Боливии ограничивается уважением прав человека, прежде всего права на жизнь и здоровье.

Правовые обычаи коренных народов Боливии содержат правила и процедуры, которые регулируют отношения, в соответствии с ценностями, потребностями и мировоззрением членов общин. Правовые обычаи направлены на реабилитацию и реинтеграцию правонарушителя в сообщество. Согласно представлениям коренных народов, виновный в каком-либо преступлении должен быть освобожден, независимо от совершенного преступления, поскольку это более полезно обществу¹¹.

Таня Карраско отмечает, что правовые обычаи коренных народов в отдельных случаях могут нарушать права тех, кто принял в качестве своих нормы, установленные национальным законодательством. Данное явление встречается среди лиц, которые возвращаются из городов в места своего происхождения¹².

Правовые обычаи во Многонациональном Государстве Боливия применяются для поддержания социальной стабильности в общинах коренных народов, в пределах, установленных Конституцией Боливии, и для восста-

¹⁰ Gonzales Isidro, Ivan. La necesidad de normar la justicia comunitaria en coordinación con la justicia ordinaria sin necesidad de desvirtuar la naturaleza de los usos y costumbres de la justicia comunitaria en resguardo de los derechos humanos : tesis doctoral. La Paz, BO : Universidad Andina Simón Bolívar, 2019. P. 84.

¹¹ Thais Luzia Colaço. Reconocimiento constitucional del derecho y la jurisdicción de los pueblos indígenas como prueba libre determinación de los pueblos indígenas // Revista Alegatos Artigo. México. 2014. Mayo/Agosto. Num. 87. P. 241–258.

¹² Carrasco Tania. La costumbre jurídica indígena entre los pueblos aymara y quechua de Bolivia // Sociedad y derecho indígenas en América latina / Centro de estudios mexicanos y centroamericanos. Mexico, 1995. Párrafo 47.

новления нарушенных прав как отдельных членов общины, так и общины в целом. В конституциях стран Латинской Америки закрепляется одновременное существование разнообразных систем социального регулирования и разрешения конфликтов, основанных на культурных, этнических, исторических традициях и обычаях.

Фетисова Н.К.,

доцент кафедры административного права
и административной деятельности
ОВД Луганского филиала
Воронежского института МВД России,
кандидат педагогических наук, доцент
(г. Луганск, Луганская Народная Республика)

Литература

1. Жидков О.А. История государства и права стран Латинской Америки : учебное пособие / О.А. Жидков. Москва : [б. и.], 1967.
2. Carrasco T. La costumbre jurídica indígena entre los pueblos aymara y quechua de Bolivia / T. Carrasco // Sociedad y derecho indígenas en América latina / Sous la direction de Th. Calvo, B. Méndez. Mexico : Centro de estudios mexicanos y centroamericanos, 1995.
3. Colaço T.L. El Reconocimiento constitucional del derecho y la jurisdicción indígena como afirmación de la autodeterminación de los pueblos indígenas / T.L. Colaço // Revista Alegatos Artigo. 2014. № 87.
4. Gonzales Isidro I. La necesidad de normar la justicia comunitaria en coordinación con la justicia ordinaria sin necesidad de desvirtuar la naturaleza de los usos y costumbres de la justicia comunitaria en resguardo de los derechos humanos : tesis doctoral / I. Gonzales Isidro. La Paz, BO : Universidad Andina Simón Bolívar, 2019. 185 p.
5. Hayes M. Pluralismo jurídico en Bolivia. La coexistencia del Derecho indígena y el Derecho estatal en Bolivia : tesis doctoral / M. Hayes, M. Yamile. Valencia : Universidad De Valencia, 2016.

Европа и Россия: неокантианцы о личности, праве и государстве (вторая половина XIX — начало XX в.)

В середине XIX — начале XX в. в русской либеральной философии права все громче раздаются голоса в защиту прав и свобод человека, предлагаются проекты построения правового и социального государства. Мировоззренческим и юридическим ориентиром в этих умонастроениях выступает высоко-нравственная, самобытная и самодостаточная личность. Во многом такой настрой в среде отечественных философов и юристов был связан с рецепцией ими западных философских течений, прежде всего философии И. Канта и баденской школы неокантианства.

Моральная философия Канта связана с понятием категорического императива, представляющим собой высший принцип нравственности и обозначающим безусловное веление или запрет. В отличие от гипотетического (технического или условного) императива предписания категорического императива раскрывают закон этики. Требования категорического императива носят формальный характер, т.е. не содержат указаний, каким образом необходимо поступать человеку в каждом конкретном случае. Этот вид императива выражает только идею «долга перед лицом человечества» и является всеобщим общеобязательным принципом, которым каждый человек должен руководствоваться независимо от своего происхождения, общественного положения и иных условий.

Ценностное отношение к личности в наибольшей степени проявляется во второй формуле кантовского категорического императива, которая гласит: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»¹. Основу этики Канта образует воля, но не в случайном и временном выражении ее у отдельных лиц, а в ее общей разумно-нравственной основе. Это воля, носящая в себе закон своего нравственного бытия и в этом автономном самоограничении полагающая и свою высшую свободу, и свое безусловное значение². Этика Канта связана с его учением о праве. Право, утверждал кенигсбергский мыслитель, относится к сфере внешних, практических отношений людей. С помощью права поступки одного лица совмещаются с действиями других лиц с точки зрения всеобщего закона свободы; право — это взаимное принуждение, охраняющее общую свободу.

¹ Кант И. Критика практического разума. 3-е изд., стер. СПб.: Наука, 2007. С. 90.

² Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование // Новгородцев П.И. Сочинения / сост., вступ. статья и прим. М.А. Колерова, Н.С. Плотнокова. М.: Паритет, 1995. С. 179.

К концу XIX века оформились две основные школы последователей неокантианской философии: марбургская и баденская. Первая — в 70-е гг. (в Германии — Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер, А. Риль, Р. Штаммлер, в России — В.А. Савальский, С.Л. Рубинштейн, Б.П. Вышеславцев, отчасти Н.Н. Алексеев и др.); вторая — в 80-е гг. (в Германии — В. Виндельбанд, Г. Риккерт, Г. Радбрух, в России — Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев, С.И. Гессен, В.М. Хвостов, отчасти Ф.А. Степун и др.). В русской философии права с большой долей условности можно выделить ортодоксальных кантианцев, целью исследования которых являлась аутентичная трактовка и популяризация положений философии Канта (А.И. Введенский, И.И. Лапшин, Г.И. Челпанов) и сторонников творческого развития его философии — неокантианцев.

Согласно неокантианской философии, наряду с принципами логического и методологического долженствования, выделяется принцип этического долженствования. Нравственный принцип — это принцип оценки, устанавливающий различие между добром и злом: все, согласное с добром, представляется как нравственно должное, все, несогласное с добром, выглядит не должным. Добро и зло, естественно, необходимы, так как природа безразлична к оценкам. Только сознание человека в силу нравственного принципа устанавливает это различие. Этические нормы по аналогии с законами могут быть в известное время сформулированы, под влиянием определенных обстоятельств распространены и применяться в конкретных условиях, но значение нравственных предписаний не зависит от их применения. Нравственное имеет ценность само по себе, независимо от какой-либо другой, даже самой благой цели. Поэтому познавать нравственность возможно не в эмпирическом мире, а только практическим разумом, закон добра не может основываться на принуждении какой-либо гетерономной (внешней) воле, а должен иметь источник в собственном внутреннем законе, в автономной воле. Такая постановка этической проблемы (независимость нравственной оценки) — особенность кантианской философии. Кант и его последователи сосредоточили свое внимание не на условиях правового образования (методология историзма и позитивизма), а на вопросах этики и нравственного начала в праве.

Под влиянием кантианской философии на рубеже XIX–XX вв. в русской философии права высказываются идеи права на достойное человеческое существование. Провозглашение и юридическое очертание этого права свидетельствовало о воплощении постоянной идеи естественного права с изменяющимся содержанием в общественной действительности начала XX в. Идея права на достойное человеческое существование и сам термин принадлежат русскому философу В.С. Соловьеву. Объектом этого права он считал требование, согласно которому всякий человек имел бы не только

обеспеченные средства к существованию (т.е. одежду и жилище) и достаточный физический отдых, но и средства для досуга с целью своего духовного совершенствования.

Идеи Вл. Соловьева были восприняты П.И. Новгородцевым и преобразованы с позиции требований юриспруденции. П.И. Новгородцев различал формальное и фактическое обеспечение свободы правом: цель права — охрана свободы, однако пользование этой свободой может быть парализовано недостатком средств. Поэтому, рассуждал русский юрист, не менее важна возможность осуществления этой задачи — забота о материальных условиях свободы: без этого свобода некоторых может остаться пустым звуком, недостижимым благом, закрепленным за ними юридически и отнятым фактически. Правовое обеспечение материальных условий жизни индивидов должно составить самостоятельную задачу права. Во имя охраны свободы право должно взять на себя заботу о материальных условиях ее осуществления; во имя достоинства личности оно должно взять на себя заботу об ограждении права на достойное человеческое существование.

Право на достойное человеческое существование имеет нравственную природу, однако, по мысли русских правоведов, ему следует придать юридическое значение. Это право предполагает не положительное содержание человеческого идеала, черты которого сложно воплотить в законодательство, а только отрицание тех условий, которые «совершенно исключают возможность достойной человеческой жизни». Согласно Новгородцеву, необходимо обеспечить каждому возможность человеческого существования и «освободить от гнета таких условий жизни, которые убивают человека физически и нравственно»³. Подобная забота относится прежде всего к экономически слабым лицам (зависимым от недостатка средств, от неблагоприятно сложившихся обстоятельств и др.).

Обоснование права на достойное человеческое существование потребовало критического переосмысления ряда положений классического либерализма. Бурное экономическое развитие XIX в. показало необходимость материальных гарантий формально-признанных прав и свобод и социальной помощи нуждающимся. В это время общество еще не имело систем социальной помощи, рабочего законодательства, массовых и влиятельных организаций рабочего класса, способных отстаивать свои интересы перед собственником и государством, бороться за нормальные условия труда и быта, заработную плату. Конечно, потребности человека разнообразны и субъективны, определить точно, где начинается образ жизни, достойной человека, с математической точностью нельзя; вместе с тем, несомненно, в каждом обществе есть свой уровень жизни, который считается нормой, и есть свой предел, за которым начинается недопустимая крайность. Новгородцев вер-

³ Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование // Там же. С. 322.

но замечал: «Можно спорить о восьми- или девятичасовом рабочем дне, но совершенно очевидно, что пятнадцать или восемнадцать часов работы есть бессовестная эксплуатация. <...> Право берет на себя определение известных условных норм»⁴. Право на достойное человеческое существование охватывает идеи естественного права, нормы положительного права, содержание относительного и абсолютного идеалов; в то же время важно понимать, что реализация данного принципа возможна только в условиях развитого гражданского общества, сущность и цель которого составляет материально и духовно свободная личность.

Юридическое закрепление права на достойное человеческое существование имеет нравственное значение — признание принципа личности для каждого человека: «Высказать в самом законе принцип поддержки всех слабых и беззащитных — это значит возвысить в них чувство собственного достоинства, укрепить сознание, что за них стоит сам закон»⁵. Необходимо перевести предписания этого принципа в правовую плоскость, с тем чтобы из него вытекали конкретные юридические следствия. Во-первых, это — право на труд и законодательство о рабочих. Второе следствие из этого права заключается в организации профессиональных союзов. В начале XX в. профсоюзы представляли собой институт, важный для уяснения нужд рабочего класса и более последовательного отстаивания их прав перед государством. Третье юридическое следствие, вытекающее из признания права на достойное человеческое существование, есть обязательное общественное и государственное призрение беспомощных лиц и неспособных к труду. Приобретая юридический характер, эта забота становится под охрану права.

Право на достойное человеческое существование исследовалось в русле разработки идей правового и социального государства. Необходимость такого механизма государственной власти и соответствующего ему правового режима в это время отстаивал также сторонник баденской школы неокантианства Б.А. Кистяковский. В своих работах «Социальные науки и право: Очерки по методологии социальных наук и общей теории права», в «Лекциях по государственному праву (общему и русскому)» он утверждал, что основным признаком правового государства заключается в наличии границ деятельности власти — власть носит подзаконный характер. В правовом государстве механизм осуществления государственной власти таков, что отдельные государственные органы и порядок в обществе функционируют при непосредственной помощи народа. Государство с этих позиций есть правовая организация народа, обладающая во всей полноте своею собственною и первичною,

⁴ Там же. С. 324.

⁵ Там же.

то есть ни от кого не заимствованною властью⁶. Б.А. Кистяковский, как либерально настроенный мыслитель, полагал, что, вопреки множеству насилия, во имя настоящей и будущей власти окончательная победа будет не на стороне своевластия, а за идеей свободы. Прогрессивное начало, полагал русский юрист в 1908–1909 гг., изменит государственную жизнь в России — победит идейная сила справедливости, а не элементы грубой физической силы.

С особым вниманием Кистяковский относился к вопросу оправдания государственной власти. Среди ее признаков (престиж, авторитет, традиция, привычка, сила, внушающая страх и покорность) необходимо, по его мнению, выделить наиболее значимый — власть должна быть носительницей какой-либо идеи, т.е. должна иметь *нравственное оправдание*. Нравственное оправдание, по оценкам Кистяковского, может заключаться: в величии и славе народа и государства (в абсолютно-монархических государствах), в упрочении правового и общественного порядка (в правовых и конституционных государствах), в регулировании экономической жизни и в обеспечении наиболее значимых материальных и духовных нужд своих граждан (в социалистическом государстве). Нравственное оправдание власти является качественной характеристикой правового государства — если власть теряет одухотворяющую ее идею, она с неизбежностью гибнет. Если в России не восторжествовал вполне правовой строй, то главным образом потому, что идея правового государства еще не вполне признана в сознании нашего народа⁷.

Таким образом, правовое государство, по мысли Кистяковского, есть высшая форма государства, выработанная цивилизованным человечеством как реальный факт: все современные народы организованы в правовые или конституционные государства. Россия, полагал он в 1909 г., также совершила переход к формам правового государства: «Если у нас конституционный строй далеко еще не осуществлен полностью, то с каждым годом, и даже с каждым месяцем он будет и должен осуществляться», — заверял русский юрист⁸.

Развивая идеи Канта, Кистяковский утверждал, что связанность государства своим правом имеет в основе идею признания личности и ее неотчуждаемых прав. Впервые, подчеркивал он, с осуществлением этого типа государства признается сфера самоопределения и самодостаточности личности, в которую государство не имеет права вторгаться. «Неприкосновенными»

⁶ Кистяковский Б.А. Социальные науки и право : очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916 // Кистяковский Б.А. Философия и социология права / сост., примеч., указ. В.В. Сапова. СПб. : РХГИ, 1998. С. 243.

⁷ Кистяковский Б.А. Государственное право (Общее и русское). Лекции Б.А. Кистяковского, читанные в Московском Коммерческом Институте в 1908/9 акад. году // Философия и социология права / сост., примеч., указ. В.В. Сапова. СПб. : РХГИ, 1998. С. 470.

⁸ Там же. С. 419.

права личности не создаются, а *признаются* государством. Личность выражает себя в поступках, в функциях, в деятельности. Совокупность этих внешних проявлений личности выражает ее внутреннее содержание и образует неотъемлемое право; права человека составляют границу деятельности правового государства.

Русские юристы-неокантианцы считали необходимым приблизить формальный подход Канта к действительной жизни. В синтезе науки и этики, в поиске конечной объективной цели, в разработке идей правового и социального государства отечественные правоведы видели соединение принципов долженствования с началами бытия, развитие этики, основу которой составляет автономная воля свободной личности применительно к условиям XX в.

Фролова Е.А.,

заведующая кафедрой теории государства и права и политологии
Юридического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор
(г. Москва)

Литература

1. Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов / И. Кант. 3-е изд., стер. Санкт-Петербург : Наука, 2007.
2. Кистяковский Б.А. Философия и социология права / Б.А. Кистяковский ; составитель, автор примечания, указаний В.В. Сапова. Санкт-Петербург : РХГИ, 1998.
3. Новгородцев П.И. Право на достойное человеческое существование / Новгородцев П.И. Сочинения / П.И. Новгородцев ; составитель, автор вступительной статьи и примечания М.А. Колерова, Н.С. Плотникова. Москва : Раритет, 1995.
4. Фролова Е.А. Методология и философия права: от Декарта до русских неокантианцев : монография / Е.А. Фролова. Москва : Проспект, 2025.
5. Фролова Е.А. Философия права в России: неокантианство (вторая половина XIX — первая половина XX века) : монография / Е.А. Фролова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2025.

Смысл и роль права на современном этапе развития российского общества

Философия права — раздел философии и юриспруденции, который исследует смысл права, его сущность и понятия, ценности и значимости, роли в жизни человека, общества и государства. Ключевая роль права — для всех направлений деятельности государства, для защиты прав человека, для обеспечения безопасности, для формирования благополучного образа жизни.

Если право играет присущую ему роль, то большинство проблем и вопросов разрешается цивилизованно, человек и общество будут прибегать к юридическим инструментам защиты прав, будут восстанавливать нарушенную справедливость законными и цивилизованными методами. Если право будет превращено в декларативный либо коррупционно-деструктивный механизм, то человек, общество, государство неизбежно будут скатываться в агрессивно-криминальное состояние, разрешать свои проблемы с помощью не просто неправовых методов, а прибегать к эмоционально-аморальным действиям, формировать ущербное понимание правды, искажать общественные реалии, пристрастно интерпретировать любые обстоятельства, патологически лгать для оправдания своего противоправного поведения, восстанавливать свои права любыми методами.

«Сила государства — в доверии между властью и народом. И наш долг — сохранить все это для потомков, «чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству» и исходя, как сказано в Преамбуле к Конституции РФ, «из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями». А для этого нам надо иметь сильное государство.

Что такое сильное государство применительно к современной России? Очевидно, что это прежде всего сильная власть. А вот что такое сильная власть — вопрос не простой. Для того чтобы попытаться ответить на него, обратимся к работам выдающегося русского мыслителя Ивана Александровича Ильина, в творчестве которого проблема власти занимает значительное место. Такое внимание к этой проблеме со стороны философа, которого называют теоретиком русской патриотической идеи, не случайно: «...русская государственная власть, — утверждал он, — или будет сильной, или ее не будет вовсе». При этом Ильин предостерегал от соблазнов упрощенного подхода к пониманию сильной власти как «произвольной, бюрократической, централизованной, воинской, полицейски-брутальной». России, утверждал Ильин, нужна власть сильная, но при этом «выдержанно-правовая». Но даже в исто-

рии самых благополучных государств, предупреждал Ильин, «может пробыть час, который потребует единства, волевой энергии, доверия, повелительности, быстроты, сильных людей и ответственных решений». И трудно даже представить, в каких объемах все требуется сейчас в России. Из всего перечня такого рода насущных требований исторического момента остановимся на тех, которые ближе всего к правовой тематике. Это требования единства и доверия»¹.

Историческая теория происхождения права (Савиньи). Происхождение права — стихийный исторический процесс. Оно складывается в ходе жизни общества, является продуктом развития нации. Право развивается подобно растению, языку, на котором говорят народы. Среди источников права важнейшую роль сторонники исторической школы отдавали обычаям, закрепившимся в нормах права с течением времени, а не законам. В статье кандидата юридических наук, доцента кафедры теории и истории права и государства ВолГУ Ю. Гавриловой «Смысл права: философские и правовые проблемы определения понятия» рассматривается многозначность категории «право» и его определений. Для исследования смысла права возможны три основных контекста употребления этого термина: 1) корреляция права с другими процессами и явлениями общественной жизни; 2) взаимосвязь права с основными субъектами общественных отношений в системе «личность — общество — государство»; 3) право как специальный объект изучения самой юриспруденции (право внутри права).

Рассматривая взаимные связи и отношения права с явлениями общественной жизни, нельзя не отметить связь права с культурой. Право предстает не только как система общеобязательных для исполнения норм, но и как явление общественной жизни, как явление культуры, нашедшее отражение в правовой мысли.

Право в системе «личность — общество — государство». Отношение к государству как к субъекту, обладающему правами и несущему обязанности, формировалось на протяжении всей истории политико-правовой мысли.

Право внутри самого права. Формула «взгляд на право из самого права» — это основной способ восприятия правовой картины мира в рамках правосознания юриста. Н.Н. Алексеев выделял 3 основных подхода к праву: юридическую догматику, юридический социологизм и теорию естественного права². В современной российской юридической науке они представлены нормативной (Н.Н. Вопленко, В.А. Сапун, В.М. Сырых), философской (школа профессора В.С. Нерсесянца) и социологической (Ю.И. Гревцов,

¹ URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=96>

² Алексеев Н.Н. О гарантийном государстве // Русский народ и государство. М. : Мысль, 1998. С. 588.

Р.А. Ромашов) традициями в праве. Зачатки философского понимания права восходят к древности, но четкое воплощение этот подход получил в немецкой философии, у Канта и Гегеля. Философское понимание права близко к теории естественного права, носит идеальный характер, исходит не из действующего права, а из того, каким право должно быть. Образцом философского понимания является кантовское определение: «Право есть совокупность условий, при которых произвол одного (лица) совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы». Слово «произвол» употребляется здесь не в негативном, а в архаичном смысле, как синоним проявления свободной воли. Это становится ясным из другого варианта кантовского определения: «Действуй внешним образом так, чтобы свободное проявление твоего произвола могло быть согласовано со свободой каждого по общему закону». Гегель делает определение более лаконичным: «идея права есть свобода», а система права — «царство осуществленной свободы». П.И. Новгородцев писал: «Право немыслимо без элементов равенства и свободы, хотя бы и в скромном их проявлении», и ту же самую мысль подтверждал как бы от противного: «В самом понятии права содержится ограничение свободы, и размер этого ограничения может весьма существенно меняться». Б.Н. Чичерин, следовавший гегелевской философии права, пояснял, что «закон определяет права и обязанности граждан, т.е. “свободу с ее границами”, и полагал, что эти границы есть основное начало права как нормы свободы»³.

Таким образом, органическое единство и взаимосвязь философско-концептуального и исторического аспекта смысла права формирует главный тренд его развития — практическо-когнитивную значимость права.

Нет права — нет цивилизации, нет благополучия, нет справедливости, нет эффективности, нет нормальной жизни. Право, а точнее, состояние правовой системы — барометр адекватности, осмысленности, человеколюбия, защищенности и безопасности человека, общества и взаимоотношений людей. Без права, надлежащего правового регулирования общество, люди в основном быстро переходят в корыстолюбиво-неадекватное, алчное, желчное состояние, и никакая культура их от этого не остановит. Человек начинается и заканчивается только в правовом обществе. Без правовой защиты даже ритуал погребения превращается в издевательско-мафиозный марафон торжества криминала, глумления над памятью умершего и над чувствами потерявших близкого человека людей. Так, ситуация, когда в Ленобласти из-за жалоб жителей на действия похоронной мафии пришлось вмешаться главе Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкину, описана 15 ноября

³ Гаврилова Ю.А. Смысл права: философские и правовые проблемы определения понятия // Власть. 2013. Т. 21. № 12. С. 121–123.

2023 г. в статье А. Ермаковой «Даже помирать не хочется»⁴. Недовольство высокой стоимостью ритуальных услуг уже стало обыденностью. Все настолько привыкли к «похоронной мафии», что закрывают на это глаза. Депутаты Ломоносовского района обратились в районный совет с просьбой проверить местное кладбище. Люди утверждают: на кладбище уже заготовлены места с фундаментом, которые стоят от 110 тыс. руб. Местная жительница рассказала, что ее просили заплатить 40 тыс. за установку уже изготовленного в другом месте памятника на могилу сына. После вмешательства властей цена снизилась до 20 тыс. руб. Другая жительница поделилась, что хранит прах родственника с августа и копит деньги, так как средств на погребение не хватает: за опалубку участка запросили более 120 тыс. руб.

Разделы права важны лишь при формирующе-конструктивной, а не номинальной роли права. Когнитивно-правовой диссонанс возникает неизбежно при социальной безответственности юристов: кому много дано — с того и спрос.

Право приобретает значение реального, а не искаженного механизма регулирования общественных отношений и утрачивает смысл при его номинальной или деструктивной роли. Защита прав граждан и преобразовательная, формирующая социальная роль в конструировании эффективных управленческих механизмов — это не только ориентир для развития страны, но и основная роль права. Однако в настоящее время гораздо чаще прослеживается тенденция дерегулирования общественных отношений со знаком отрицательного правового качества на примере знаковых социальных институтов.

Так, при защите трудовых прав граждан отчетливо прослеживается тенденция дискредитации правовых норм трудового законодательства, абсолютно не защищающих граждан от произвола работодателей при давлении в момент написания заявления об увольнении. Значение вопроса увольнений связана с тем, что работа для большинства трудоспособного населения имеет главное значение для обеспечения жизни. Человек 1/3 всего своего времени проводит на работе, и от того, какие у него там условия, зависят многие социальные отношения. О распространенности психологических форм давления на работника со стороны работодателя свидетельствуют исследования портала 'Superjob.ru' по итогам опроса представителей населения: 31% россиян утверждают, что сталкивались на работе с формами психологического давления администрации. Работники указывают на такие факторы психологического давления работодателя, как задержка зарплаты, навязывание работнику работы, не обусловленной трудовым договором,

⁴ URL: https://spb.octagon.media/ekonomika/zhiteli_lenoblasti_zhaluyutsya_na_pohoronnyu_mafiyu.html

злоупотребление властью, оскорбления, унижение в присутствии членов коллектива, постоянная неконструктивная критика результатов работы, очернение репутации работника, угрозы, шантаж, склонение к противоправной деятельности. Работодатели маскируют увольнение по их инициативе под увольнение по собственному желанию работника, вынуждая написать заявление.

Ущемленные в своих правах работники не получают должной защиты со стороны судебной системы и прокуратуры. Дошло до того, что суды трех инстанций не приняли во внимание даже избиение работника работодателем при оценке давления на работника при написании им заявления об увольнении. Это требует серьезного изменения трудового законодательства и практики рассмотрения споров о вынужденном увольнении работника на уровне Верховного Суда РФ. Необходим механизм фиксации способов давления и служебной дискриминации работника и системы предпосылок вынужденного увольнения работника.

Однозначно знаковой проблемой ненадлежащего правового регулирования является ненадлежащая защита граждан от незаконных долговых обязательств. В последние годы небывалую остроту приобрела в России проблема кредитно-заемных отношений. Так, по данным Fitch, всего россияне задолжали банкам 11 трлн руб. Ситуация с теми заемщиками, которые брали кредиты в микрофинансовых организациях, хуже: лишь 35% из них не сталкиваются с трудностями.

В России высокий уровень мошенничества в финансовой сфере. За последние 5 лет, по официальной статистике Генеральной прокуратуры, уровень мошенничества в России вырос со 166 тыс. до 222 тыс. зарегистрированных преступлений. До сих пор нет эффективной системы предупреждения и борьбы с финансовыми аферами злоумышленников. Руководители коммерческих организаций нередко заставляют работников брать кредиты якобы на потребительские цели и затем присваивают себе полученные кредиты у работников под предлогом необходимости пополнения оборотных средств организации, потом их тратят на цели предприятия или на свои нужды. При этом для понуждения работников к заключению кредитного договора работодатели используют обман и принуждение. Так, А. Манн (таблоид «СПИД-Инфо») подозревался в хищении кредитов на 100 млн руб., оформленных на сотрудников. Сотрудники банка «Клиентский» подозревались в массовой подделке подписи за заемщиков на кредитных договорах, в том числе вкладчиков этого банка. Как установил Следственный комитет РФ, более 6 млрд руб. из банка были выведены под видом выдачи кредитов физическим лицам. Получателями огромных средств значились люди, которые ранее об этом банке и не слышали. Дела по кредитам составляют примерно

1/3 гражданских дел. При этом эффективность исполнительного производства низка, а число должников превысило 18 млн.

Чрезвычайно важны изменения законодательства и судебной практики в части долговых обязательств, исполнительного производства, защиты граждан от финансовых афер, в том числе при банкротстве и субсидиарной ответственности, а также создания действенных механизмов возмещения имущественного и морального вреда.

Знаковой социальной проблемой, прямо влияющей на качество жизни, является проблема защиты от шумных соседей, игнорирующих права граждан. Шумовое загрязнение в крупных городах России отравляет жизнь большинства горожан; рядом с шумными соседями существенно повышен шумовой фон, кратно превышающий норму и вызывающий стресс. Всемирная организация здравоохранения в отчете 2018 г. заявила, что шум негативно влияет на человека с 53 Дб. Отчет Министерства природных ресурсов РФ показал: Москва занимает 1-е место по уровню шума в городской среде⁵. Всемирный банк опубликовал доклад, в котором ущерб мировой экономике от шумового воздействия оценивается в 7,3 трлн долл. в год. При этом ежемесячный ущерб экономике Москвы от шума составляет до 1,1 млрд долл.⁶. На разных форумах по бытовому шуму участники (около 70%) высказывают точку зрения, что могут не считаться с интересами соседей и шуметь, когда им вздумается, что приводит к дракам, убийствам, переездам людей из своих квартир. Шумовое загрязнение, характерное сейчас для всех больших городов, сокращает жизнь примерно на 11 лет, т.е. почти более чем в 2 раза сильнее, чем курение (примерно 7 лет), приводит к сильному увеличению сердечно-сосудистых заболеваний, а также органов слуха и нервной системы. Необходима разработка действенной системы мер для борьбы с шумом в городе, включая изменения в законах и правоприменительной практике.

Ну и, наконец, самое главное право человека — право на жизнь. Как пишет газета «Аргументы и факты» (Новосибирск, 12 июля 2024 г.) спортсменка Головинова, неоднократно судимая за кражу, забила 72-летнего пенсионера за замечание на хохот и мат, добивая его на асфальте, и получила 2,5 года условно. В возмещении морального вреда было отказано. Зачем право в концептуальном или практическом виде, если возникают вышеуказанные ситуации, если юридическое сообщество не создало против них эффективного противоядия. Состояние общества, культура, правовая культура напрямую зависят от роли юристов. Философия права и состояние современного общества напрямую связанные явления. Юридическая пассионарность в условиях гражданского общества не просто юридическая потребность для

⁵ URL: <https://alexradchenko.medium.com/вокпир-шум-f425ab82fb23>

⁶ URL: <https://naukatv.ru/articles/622>

выживания общества, но и основа для существования цивилизованного государства. Смысл жизни и смысл права неразделимы. Смысл жизни в условиях бесправия неизбежно становится уязвим, так как только свободный и защищенный человек может быть гражданином и реализовывать свои цели, воплощать в жизнь глубинные смыслы. Философию права и ответственность современного юриста за состояние общества иллюстрирует формула: системе характеризует не ошибка, а реакция на ошибку. Юридический реализм свидетельствует о плачевном состоянии гражданского общества, о доминировании бесправия, что является прямым следствием антисолидарности, юридического эгоизма и конформизма.

Шичанин А.В.,

директор АНО «Центр юридических, социальных
и политических исследований», кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Алексеев Н.Н. О гарантийном государстве // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство / Н.Н. Алексеев. Москва : Мысль, 1998.
2. Гаврилова Ю.А. Смысл права: философские и правовые проблемы определения понятия / Ю.А. Гаврилова // Власть. 2013. Т. 21. № 12.
3. Ермакова А. Жители Ленобласти жалуются на похоронную мафию / А. Ермакова // Октагон. 2023. 15 ноября.
4. Зорькин В.Д. Под знаком обновленной Конституции / В.Д. Зорькин // Конституционный Суд Российской Федерации. 2023. 12 декабря.

Аналитическая философия права в цивилистическом процессе: как совершать действия при помощи слов?

Классическим примером классификации видов юридических фактов является система, предложенная О.А. Красавчиковым. В основе классификации лежит волевой критерий. Все юридические факты в зависимости от наличия в них проявления воли распадаются на две основные группы: юридические события и юридические действия¹.

Применительно к цивилистическому процессу, Е.В. Васьковским и Е.Г. Лукьяновой высказывается мнение, что процессуальное действие само по себе не может образовать процессуального юридического факта. Возможен лишь фактический состав, в частности, процессуальное действие и процессуальный ответ суда на такое действие и будут образовывать процессуальный факт. П.Ф. Елисейкин считает, что не просто ответ суда на действие, а именно санкционирование (одобрение) суда процессуального действия стороны влечет появление процессуального юридического факта².

Из тезиса П.Ф. Елисейкина можно сделать вывод, что все процессуальные факты должны находить свое отражение в судебных документах — протоколах, определениях и решении.

Как замечено выше, процессуальный юридический факт облекается в форму определений суда, но причиной такого вывода суда о необходимости перевести процесс на следующую стадию (далее не обязательно пойдет речь о стадиях судебного процесса, закрепленных в процессуальных кодексах, например, определение о проведении судебной экспертизы также подходит под заданные нами критерии) является, в соответствии с принципами состязательности и диспозитивности, либо волеизъявление лиц, участвующих в деле, либо процессуальный юридический факт с последующим накоплением элементов, — проще говоря, когда сам смысл процесса подводит судью к принятию определенного решения, например об окончании стадии исследования доказательств и переходе к прениям сторон.

Таким образом, волеизъявление может быть устным либо письменным, но по требованиям процессуальных кодексов должно иметь форму ходатайства либо процессуального документа, содержащего позицию стороны касательно определенного вопроса.

¹ Красавчиков О.А. Юридические факты в гражданском праве. М., 1958. С. 82.

² Елисейкин П.Ф. Предмет и принципы советского гражданского процессуального права. Ярославль, 1974. С. 48.

Ситуация, когда запрос не имеет формы, а вызван «необходимостью процесса», оставляет больше возможностей для дискуссий. Можно сказать, что запроса в данном случае вообще нет, так как нет адресанта. Следовательно, и коммуникация на данном этапе односторонняя — от суда к сторонам, в императивной форме. «Необходимость процесса» — это последний элемент юридического состава с последовательным накоплением элементов, в котором перечень элементов остается открытым. Судья сам принимает решение, основываясь на собственном убеждении о правильности ведения процесса при рассмотрении того или иного дела.

В теории философии языка имеется раздел, разрабатывавшийся Л. Витгенштейном, Дж. Остином, Дж. Серлем и Г.Л.А. Хартом в середине — конце XX столетия. Л. Витгенштейн в своих ранних работах замечал, что слова, в частности имена, обозначают реальные вещи окружающего нас мира. Эти имена не могут быть уничтожены, даже если объект, который был в реальном мире, перестал существовать. Например, мы знаем, что у нас в комнате растет цветок, мы можем его так и называть «цветок», можем назвать его «Цветок Виталий», но если он погибнет, то в мире слов, мыслей и образов все равно останется конкретный цветок или «Цветок Виталий». Таким образом, заключал Л. Витгенштейн, «объекты образуют субстанцию мира», а сама субстанция «есть то, что существует независимо от того, что имеет место»³.

Позднее, для юридического дискурса Г.Л.А. Харт назовет слова, которые обозначают объект реального мира, например: цветок — дескриптивными, а слова, которые не имеют «привязки» к физическому миру бытия, — недескриптивными (аскриптивными). Например: цветок — дескриптивное понятие, а добросовестность — аскриптивное. В.В. Оглезнев в своей исследовательской работе по аналитической философии права пишет о недескриптивных (аскриптивных) понятиях следующее: «Следовательно, недескриптивный термин должен пониматься не как термин, ничего не обозначающий, а как термин, использующий нестандартный тип обозначения по отношению к обычному и общепринятому способу задания семантики слов. Обычный, то есть дескриптивный, или, в более узком смысле, эмпирический термин предполагает семантическую связь между термином и объектом, на который он ссылается, в виде “окулярной”, “зеркальной” или “картинной” метафоры. Термин описывает, отражает, формирует ментальный образ предмета или процесса, о котором он говорит»⁴.

Таким образом, с точки зрения философии языка существует обоснование деления юридических фактов на сами материальные факты (события или

³ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат : пер. с нем. и сверено с авторизованным английским переводом И. Добронравовым, Д. Лахути ; общ. ред. и предисл. В.Ф. Асмуса. М., 1958. 2.021, 2.024.

⁴ Оглезнев В.В., Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 126.

явления, с которыми норма права связывает появление, изменение или прекращение материального правоотношения) и обстоятельства, имеющие значение для дела, с которыми норма права хотя и связывает динамику материального правоотношения, тем не менее такие обстоятельства имеют только ментальный образ предмета или процесса, который нигде не может быть зафиксирован для последующего использования в гражданском и арбитражном процессах. Примерами обстоятельств, имеющих значение для дела, являются добросовестность, введение в заблуждение, порочное экспертное заключение, объект, создающий угрозу жизни и здоровью граждан, и т.п.

Г.Л.А. Харт вслед за И. Бенхамом подвергает сомнению эффективность применения традиционного метода определения посредством *per genus et differentiam* таких юридических понятий, как «объективное право», «субъективное право», «ответственность», «государство» и т.д. Несмотря на известность общего употребления этих слов, оно непонятно, потому что в сравнении с большинством обычных слов эти юридические термины в различных отношениях считаются «аномальными». Попытки определить эти термины показывают, что они не имеют прямой связи с фактуальными аналогами, которая есть у большинства обычных слов, для определения которых мы обращаемся к этой связи⁵.

При этом нужно учитывать, что язык как форма общения является средством коммуникации и возможен только в человеческом социуме. Вместе с тем используемые в юриспруденции термины, структура и форма позволяют отнести юридический язык к особой категории, так как каждое слово в юридическом дискурсе имеет прочную связь либо с материальным, либо с процессуальным фактом. Можно сказать, что юридический язык создан для того, чтобы как можно более точно описать события и явления, не придавая им какую-либо эмоциональную окраску. Этим юридический язык вызывает как скуку, так и уважение, но право, как искусство доброго и справедливого⁶, не имеет возможности принимать решения посредством эмоций. Тем не менее можно принимать решения и действовать посредством слов.

Если мы вернемся к гражданскому процессу, то следует обратить внимание на изменение процессуального статуса посредством точно описанных в практике, почти сакральных выражений: «Мы заявляем ходатайство о привлечении А в качестве соответчика», «Суд своим определением назначает экспертизу в экспертной организации Б», «Суд переходит к исследованию доказательств».

В протоколе судебного заседания каждая такая формулировка будет означать самостоятельный процессуальный юридический факт, который изменил динамику процесса в ту или иную сторону. Устанавливая процессу-

⁵ Simpson A.W.B. The Analysis of Legal Concepts // Law Quarterly Review. 1965. Vol. 80. P. 535–558.

⁶ 'Jus est ars boni et aequi' — древнеримский юрист Цельс.

альные правила, Гражданский процессуальный кодекс РФ и Арбитражный процессуальный кодекс РФ создают контекст, в рамках которого толкуется речь сторон. Сложно представить себе ситуацию, когда при покупке мороженого в ларьке мальчик заявит продавцу: «Заявляю ходатайство о возложении расходов на покупку мороженого на своего отца». Тем не менее фразу о возложении расходов на проведение судебной экспертизы на какую-либо сторону понимается юристами как самая простая и очевидная в ходе процесса.

Таким образом, «в основании любого правила лежит идея повиновения или следования ему»⁷. Г.Л.А. Харт критиковал модель принуждающих приказов суверена, указывая на необходимость наличия «правила признания», согласно которому «везде, где принимается такое правило признания, и частные, и официальные лица получают надежный критерий для идентификации первичных правил обязанности»⁸. Как было изложено в предыдущих параграфах, право признания есть коммуникация между государством и гражданами, посредством которой легитимируется закон.

Тем не менее Г.Л.А. Харт различает ситуацию «приказа» со стороны государства посредством издания закона и ситуацию, когда приказ отдается грабителем. Г.Л.А. Харт описывает ситуацию с грабителем, который под угрозой жизни приказывает некоему гражданину передать ему сумку, замечая, что «приказ людям делать какие-то вещи — это форма коммуникации, и она действительно предполагает “обращение” к ним, то есть привлечение их внимания или принятие шагов, чтобы привлечь его, но принятие законов для людей этого не делает». Далее ученый пишет: «Что обычно имеется в виду теми, кто говорит о том, что законы “обращены” к определенным лицам, — так это то, что существуют лица, к которым отдельный закон применяется, то есть от кого он требует вести себя определенным образом. Если мы используем здесь слово “обращен”, нам, может, не удастся заметить важную разницу между принятием закона и отдачей персонального приказа, а также мы можем спутать два различных вопроса: “К кому этот закон применяется?” и “Кому он был оглашен?”»⁹.

Для нас важен иной аспект размышлений Г.Л.А. Харта, в частности, что в приказе грабителя нет «правила признания» со стороны общества, такой приказ осуждается, так как нарушает право собственности лица, которому принадлежит сумка, а также потенциально создает угрозу жизни и здоровью гражданина. В свою очередь, законы легитимны в той части, в которой они признаются обществом как социально оправданные ограничения личности.

⁷ Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права. С. 84.

⁸ Харт Г. Понятие права : пер. с англ. Е.В. Афонасина, М.В. Бабака, А.Б. Дидикина и С.В. Моисеева / под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. С. 63.

⁹ Там же. С. 15–16.

Создавая правила коммуникации в суде, закон также устанавливает контекст, с учетом особенностей каждого конкретного дела. Было бы как минимум неразумным в делах о деликтах докладывать суду о неосновательном обогащении, следовательно, контекстом, в самой общей форме, можно назвать: 1) процессуальные правила; 2) предмет и основание иска.

Дж. Серл замечает, что «одни правила регулируют формы поведения, которые существовали до них; например, правила этикета регулируют межличностные отношения, но эти отношения существуют независимо от правил этикета. Другие же правила не просто регулируют, но создают и определяют новые формы поведения. Футбольные правила, например, не просто регулируют игру в футбол, но, так сказать, создают саму возможность такой деятельности или определяют ее»¹⁰.

Данную мысль впоследствии развивает Г.Л.А. Харт, приводя в пример игру в шахматы, заявляя, что для детей, не знающих правила игры в шахматы, такая игра будет казаться просто произвольным перемещением фигур по шахматной доске. Таким образом, ребенок, который произвольно передвигает фигуру, в принципе не делает ход.

Далее постараемся разобраться, как стороны делают свой «ход» в судебном процессе.

Дж. Серл сосредоточил свое внимание на значении речевого акта. Сам речевой акт состоит из трех уровней:

1. Иллокутивный акт — это действие, которое мы совершаем посредством произнесения некоторой фразы (мы можем убеждать кого-то, просить, обвинять, наставлять).
2. Локутивный акт — само по себе произнесение некоторых звуков или записи некоторых значков на бумаге.
3. Перлокутивный акт — воздействие нашего высказывания на действия, мысли или эмоции слушающих (наше высказывание может убедить / не убедить собеседника, заставить его сделать что-то либо вызвать у него раздражение или скуку и т.п.)¹¹.

Таким образом, иллокутивный акт — это намерение по достижению результата, который можно представить в формуле «Х считается Y». Таким образом, заявляя ходатайство об экспертизе, мы подразумеваем: «пусть суд посчитает данное ходатайство основанием для перехода судебного процесса на стадию экспертного исследования». Посредством заявления ходатайства сторона пытается оказать воздействие на адресата речевого акта — суд.

Далее Дж. Серл указывает на необходимую часть иллокутивного акта — конвенцию или «условие искренности». Суть заключается в отсутствии

¹⁰ Философия языка / ред.-сост. Дж.Р. Серл : пер. с англ. 2-е изд. М. : Едиториал УРСС, 2010. С. 58.

¹¹ Привод. по: Рябинская Н.С. Речь как социальное действие: основные понятия дискурсивного анализа // Социологический журнал. 2002. № 4. С. 79.

внутреннего и внешнего противоречий между тем, что человек думает, и тем, что человек заявляет адресанту. Нельзя сказать: «я заявляю ходатайство о назначении экспертизы, но я соврал».

Кроме контекста и искренности необходима еще одна часть иллокутивного акта — форма. Юриспруденция, как наука, искусство и ремесло, очень формализованна и требует, чтобы в нужное время и в нужном месте произносились нужные слова. В частности, выходя из совещательной комнаты, судья начинает оглашать решение по делу со слов «именем Российской Федерации оглашается решение по делу...», без которых решение не будет иметь силу, в то же время пропуск стадии разъяснения прав сторонам перед началом судебного процесса в установленной процессуальным кодексом форме будет являться нарушением порядка проведения судебного заседания и в некоторых, особо щепетильных случаях — основанием для отмены судебного решения (ст. 165 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации). Согласно п. 2 ст. 154 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, лица, участвующие в деле, и иные участники арбитражного процесса обращаются к арбитражному суду со словами «уважаемый суд!». Свои объяснения и показания суду, вопросы другим лицам, участвующим в деле, ответы на вопросы они дают стоя. Отступление от этого правила может быть допущено только с разрешения суда¹².

Дж. Серл выделял следующие классы иллокутивных речевых актов:

- репрезентативы — возлагают ответственность на адресанта за истинность речевого акта (например, клятва);
- директивы — направлены на адресата с целью побудить последнего сделать что-либо (например, просить);
- комиссивы — возлагают ответственность на адресанта следовать определенной линии поведения (например, «мы будем ходатайствовать об отложении судебного заседания для ознакомления с позицией ответчика»);
- экспрессивы — описывают психологическое отношение адресанта к адресату (например, благодарить);
- декларации — речевой акт закрепляет положение дел (например, «исковые требования — удовлетворить»)¹³.

В гражданском и арбитражном процессах примером репрезентативов будет являться подписка эксперта об уголовной ответственности за дачу ложных показаний, директивой — ходатайство стороны, комиссивами — высказанное намерение стороны следовать какой-либо линии поведения,

¹² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в акт. ред.) // СЗ РФ. 2002. № 30.

¹³ См.: Философия языка / ред.-сост. Дж.Р. Серл. М., 2010.

экспрессивами — приветствие судьи и его секретаря либо благодарность суду перед удалением из зала судебного заседания; декларациями — любое решение суда по конкретному вопросу.

Шляхтин Н.Д.,

ведущий специалист публичного акционерного общества
«Московская объединенная энергетическая компания»,
магистр юриспруденции
(г. Москва)

Литература

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Витгенштейн ; перевод с немецкого и сверено с авторизованным английским переводом И. Добронравовым, Д. Лахути ; общая редакция и предисловие В.Ф. Асмуса. Москва : Издательство иностранной литературы, 1958.
2. Елисейкин П.Ф. Предмет и принципы советского гражданского процессуального права : учебное пособие / П.Ф. Елисейкин. Ярославль : ЯрГУ, 1974.
3. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве / О.А. Красавчиков. Москва : Госюриздат, 1958.
4. Оглезнев В.В. Г.Л.А. Харт и формирование аналитической философии права : монография / В.В. Оглезнев. Томск : Издательство Томского университета, 2012.
5. Рябинская Н.С. Речь как социальное действие: основные понятия дискурсивного анализа / Н.С. Рябинская // Социологический журнал. 2002. № 4.
6. Философия языка / редактор-составитель Дж.Р. Серл ; перевод с английского И.М. Кобозевой [и др.]. 3-е изд. Москва : URSS, 2011.
7. Харт Г.Л.А. Понятие права / Г.Л.А. Харт ; перевод с английского Е.В. Афонасина, М.В. Бабака, А.Б. Дидикина и С.В. Моисеева ; под общей редакцией Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007.
8. Simpson A.W.B. The Analysis of Legal Concepts / A.W.B. Simpson // Law Quarterly Review. 1965. Vol. 80.

Конституционное закрепление приднестровской идентичности в контексте российских ценностных ориентиров в сферах науки, образования и культуры

Понятие идентичности как таковое не содержится ни в тексте конституций Приднестровья и Российской Федерации, ни в ключевых действующих международно-правовых документах. В современном мире оно соотносится с судьбой значительной части мирового сообщества государств на планете и в каждом из них имеет свою специфическую историю вопроса и внутреннее наполнение. В контексте мировых политических событий последнего десятилетия это понятие связывается с идентификацией — как определением сути и сущности того или иного народа, нации или национальной общности, активно отстаивающей свои законные права и свободы, но не всегда проживающей на территории одной страны. Причина этого обусловлена осложнившейся геополитической ситуацией, двойными стандартами в толковании противоречивых начал и принципов международного права, закрепленных во множестве конституций и иных государствообразующих нормативно-правовых актах целого ряда развитых демократических стран, дающих отправное начало очень острым и продолжительным межнациональным и региональным конфликтам в Евразии и далеко за ее пределами.

Так, в п. 2 ст. 1 Устава ООН предусмотрено в качестве одной из целей ООН развитие дружественных отношений между нациями на основе принципа равноправия и самоопределения народов. А в соответствии с п. 4 ст. 2 Устава ООН все члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой ее применения против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, а также каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций¹.

После Второй мировой войны обеспечение мира и безопасности на Земле стало приоритетной задачей, для решения которой большинство стран мира должны были объединить свои силы. В то время еще сохранялись надежды на ее положительное решение.

¹ Устав Организации Объединенных Наций. Был подписан 26 июня 1945 г. в г. Сан-Франциско на заключительном заседании Конференции ООН по созданию Международной Организации и вступил в силу 24 октября 1945 г. См.: Действующее международное право : в 3 т. Т. 1 / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М., 1996. С. 8–9.

16 декабря 1966 г. был принят Международный пакт о гражданских и политических правах, в ст. 1 которого было установлено, что все народы имеют право на самоопределение, в силу чего они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие². И сам факт того, что до вплоть до сегодняшнего дня это положение не отменено, свидетельствует о его важности и значимости. Именно оно породило целый ряд сложных политических процессов после распада Советского Союза и привело к созданию в соответствии с этим принципом на его бывшей территории целого ряда самоопределившихся государств, в том числе и Приднестровской Молдавской Республики. Покушаясь на целостность и огромные природные и экономические ресурсы СССР, страны Запада нарушили принцип территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела других государств, и в прямом смысле способствовали разжиганию конфликтов и войн на национальной и религиозной почве, что привело к приданию нового смысла праву народов на самоопределение и на дальнейший выбор своего пути развития.

Первые ростки агрессивного национализма начали появляться по всему периметру Союза в 80-х годах XX в. Все началось с Прибалтики, затем затронуло Молдову, Грузию, Армению, Азербайджан. Практически синхронно были заявлены «титульные нации», вследствие чего русскоязычное население этих республик лишалось большей части своих прав и свобод. Представители титульных наций — литовцы, молдаване (впоследствии ставшие румынами), латвийцы и многие другие наделили себя полномочиями решать судьбу всех остальных этносов своих стран, вплоть до насилия в случае сопротивления навязанным порядкам. В результате в Молдове и Грузии произошел раскол территорий, повлекший отделение Абхазии и Южной Осетии от Грузии и Приднестровья от Молдовы.

В свое время образование МССР привело к негативным изменениям для Приднестровья. Как показал опыт, совместное существование части Бессарабии и Приднестровья на протяжении 50 лет в составе одной союзной республики (МССР) и большой страны (СССР) так и не объединило два берега Днестра. Разница между Приднестровьем и Бессарабией в этнической структуре населения, в политической и культурной ориентации, мировоззрении, в ментальности не позволила Молдавской ССР за годы советской власти стать единым целым. Более того, людей, проживавших на территории, которая никогда не входила в состав молдавского государства, в Кишиневе вдруг стали называть оккупантами, отказывая им в языковом равноправии

² Вступил в силу 23 марта 1976 г. В пакте участвовало 133 государства, в том числе Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Кыргызстан, Латвия, Литва, Молдова, Россия, Украина, Узбекистан, Эстония. По состоянию на 2024 г. насчитывает 174 стороны и еще 6 подписавших его государств без ратификации (КНР, Куба и др.). См.: Там же. Т. 2. С. 21.

и возможности свободно говорить по-русски на своей земле. Почувствовав угрозу, приднестровцы обратились к истории: в 1924–1940 годах была провозглашена первая республика на Днестре в Приднестровье, обеспечившая равноправие всех проживавших в ней этносов. Принципиально важно, что именно к ней присоединили нынешнюю территорию Молдовы, а не наоборот. Поэтому на референдумах, прошедших в городах и селах Приднестровья, было решено воссоздать республику в качестве инструмента защиты своих исконных прав и свобод. А когда в Кишиневе официально признали создание Молдавской ССР незаконным актом³, стало ясно, что на основе государственности 1924–1940 годов нужно провозглашать Приднестровскую Молдавскую Республику, что и произошло 2 сентября 1990 г.

При этом положениями Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. закреплено, что «каждое государство обязано воздерживаться от каких-либо насильственных действий, лишающих народы их права на самоопределение и независимость». Также в декларации установлено, что «каждое государство обязано воздерживаться от организации, подстрекательства, оказания помощи или участия в актах гражданской войны или террористических актах в другом государстве или от потворствования организационной деятельности в пределах собственной территории, направленной на совершение таких актов, в том числе в случаях, когда акты связаны с угрозой силой или ее применением»⁴. И тогда в 90-х годах XX в. данный нормативный акт был цинично попран и привел к вооруженной агрессии со стороны Республики Молдова в отношении Приднестровья, которая унесла жизни тысяч мирных людей, и никто за эти преступления не ответил.

Инициированная ООН миротворческая миссия Российской Федерации, как показала жизнь, не имеющая аналогов по эффективности в мире, остановила кровопролитие в 1992 г. и удерживает от опасных и угрожающих дальнейшему существованию Приднестровья как государства действий Респу-

³ 23 июня 1990 года — Верховный Совет ССР Молдова одобрил заключение комиссии по пакту Молотова — Риббентропа, признавшей создание в 1940 г. Молдавской ССР незаконным актом сталинского руководства. Юридически парламент Молдовы подтвердил, что МАССР, существовавшая до 1940 г., была ликвидирована незаконно и ее включение в состав Молдавии является юридически необоснованным. URL: <https://novostipmr.com/ru/news/24-10-12/pervaya-respublika-gosudarstvennosti-pridnestrovyya-100-let>. (дата обращения: 12.10.2024).

⁴ Принцип, согласно которому государства воздерживаются в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместим с целями Организации Объединенных Наций. См.: Действующее международное право : в 3 т. Т. 1. / сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М., 1996. С. 67–68.

блики Молдова совместно с Румынией и рядом стран Запада по настоящее время.

На политической карте мира в разных уголках земного шара изменения происходят ежедневно. Архитектура мировой безопасности стала настолько хрупкой, что перспектива социального и экономического благополучия многих государств и народов, как никогда раньше, выглядит очень туманно и проблематично.

Геополитически Приднестровье на данный момент находится в непростой ситуации. В соседней Украине идет специальная военная операция, направленная на защиту мирного народа от геноцида и удушающего национализма. Другой сосед — Республика Молдова на референдуме 20 октября 2024 г. выбрал путь евроинтеграции без учета мнения приднестровцев, проголосовавших еще в 2006 г. также на Всенародном референдуме за независимость с последующим возможным присоединением к Российской Федерации. Прямой границы с Россией у Приднестровья пока нет, что осложняет положение и дает все основания сохранять здесь по мандату ООН присутствие российских миротворцев как оплота стабильности и гарантий повторного ненападения на эту территорию. Все это приводит к неутешительному выводу о том, что все статуты и каноны международного права в современном мире соблюдаются лишь некоторыми из многих стран, когда-то одобрявших и принявших их. Среди немногих стран и Российская Федерация, но уже с оговоркой о непротиворечии указанных норм внутригосударственному законодательству и Конституции РФ.

Неправильное, а порой и извращенное понимание международного права и двойные стандарты в отношении неугодных государств породили такие ограничения и порочную практику экономических, политических и социальных санкций, что понятие самосохранения, суверенитета и идентичности того или иного народа или нации стало размываться вплоть до полной его утраты, несмотря на его основополагающую значимость и далеко идущие негативные последствия.

У каждого народа свой исторический опыт, но необходимо делать выводы из допущенных ранее ошибок. С учетом мировых событий последних лет и целого ряда внешних угроз (риска идущего процесса поглощения Республики Молдова Румынией и полной утраты государственной целостности и суверенитета народа Украиной) и постоянных провокаций Президент Приднестровской Молдавской Республики объявил своим Указом 2025 год Годом приднестровского народа⁵.

⁵ Указ Президента ПМР от 26 сентября 2024 г. № 402 «Об объявлении 2025 года в Приднестровской Молдавской Республике Годом приднестровского народа» // Официальный сайт Президента ПМР. URL: <https://president.gospmr.org/pravovye-akty/ukazi/ob-obyavlenii-2025-goda-v-pridnestrovskoy-moldavskoy-respublike-godom-pridnestrovskogo-naroda.html>

Указ был издан в целях укрепления единства многонационального народа Приднестровья, популяризации традиций и многонациональной идентичности приднестровцев для сохранения уникального культурного наследия Приднестровской Молдавской Республики. Позиция главы государства после безуспешных попыток конструктивного дипломатического диалога с Президентом Республики Молдова Майей Санду с 2019 г. по нормализации добрососедских отношений и защиты прав граждан от насильственной румынизации Молдовы, с полным упразднением молдавского языка и культуры не раз озвучивалась в официальных источниках, но так и не была принята во внимание ни политическими партнерами, ни мировым сообществом.

Одно из главнейших достижений не только современного Приднестровья, а всего края — как продолжения его истории, по мнению президента страны, — это создание и формирование многонационального приднестровского народа, состоящего из людей 72 разных национальностей, этносов и этнических групп. Основные группы — это русские, украинцы, молдаване, гагаузы, болгары и множество небольших групп людей иных национальностей.

Приднестровский народ, как показала его история, неконфликтный и дружный, и это наше главное достижение. Все это отражено в Стратегии развития Приднестровья⁶.

Говоря об историческом формировании приднестровского народа, можно вспомнить еще период Г. Потемкина-Таврического, когда Российская империя дала защиту жителям Бессарабии, Валахии, Молдовы (столица Яссы) от турецких угроз. Екатерина Великая предложила людям молдавской национальности перебраться с правого берега на левый. Их здесь никогда не было. Так они сюда и переехали, образовав целые села. Кроме того, Екатерина Великая предложила всем жителям Российской империи переехать на пустынные земли исторического Приднестровья и заниматься их развитием. Здесь не было крепостного права, было очень серьезное послабление в налогах, давали наделы земли крестьянам. Край расцвел и очень быстро набирал определенный уровень и качество жизни. Сюда съехались люди разных национальностей и народностей. В результате был сформирован приднестровский народ. Объективно, по факту, это не молдавская земля, и она никогда ею не была.

Люди проживают в молдавских селах благодаря Екатерине Великой, их предки пришли за защитой именно в Российскую империю и сформировали новую общность — приднестровский многонациональный народ.

⁶ Указ Президента ПМР от 12 декабря 2018 г. № 460 «Об утверждении Стратегии развития Приднестровской Молдавской Республики на 2019–2026 годы» // Официальный сайт Президента ПМР. URL: <https://president.gospmr.org/pravovye-akty/ukazi/ob-utverjdenii-strategii-razvitiya-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-na-2019-2026-godi.html>

Следует обратить внимание и на то, как в Приднестровье развиваются все языки, традиции и обычаи. Не только русских, украинцев, молдаван, а абсолютно всех этносов, то есть это полинациональное направление развития общества, а не мононациональное⁷.

В приднестровском научном сообществе отмечают, что приднестровцы — это часть русского мира, но при этом они не относятся к русскому народу в традиционном понимании, как, например, жители России. То же касается и Молдовы, и Украины. Жители Приднестровья совмещают различные культуры и национальности других стран, но при этом они не принадлежат к их гражданственности как таковой. Для подавляющего большинства приднестровцев определение себя с точки зрения гражданской идентичности важнее, чем этническая, конфессиональная или любая другая идентичность. Приднестровцы высоко ценят свою уникальность, которая формировалась в условиях тесного взаимодействия с другими народами и культурами, проживающими на разных исторических этапах развития на данной территории.

По данным недавнего социологического опроса, сегодня 71,6% жителей республики ощущают себя гражданами Приднестровья. Это почти три четверти от общей численности населения. Этот народ отличается миролюбием, стремлением к переговорам и нахождению компромиссов. Он всегда выступает за конструктивный диалог как важный аспект приднестровской идентичности. Кроме того, под воздействием непростых исторических условий сформировались такие черты приднестровцев, как стрессоустойчивость и умение справляться с кризисами⁸.

Если сравнивать конституционные положения, отражающие идентичность приднестровского народа с российским, то начинать надо с формулировки преамбулы обеих конституций, имеющей определяющее значение для более глубокого понимания культурного, социального и политического кода как самого народа, так и государства в целом: «Мы, многонациональный народ Приднестровской Молдавской Республики, соединенные общей судьбой на своей земле... подтверждая приверженность общечеловеческим ценностям, стремление жить в мире и согласии со всеми народами в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права... чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству...»⁹ и «мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей

⁷ URL: <https://novostipmr.com/ru/news/24-08-30/press-konferenciya-prezidenta-pmr-vadima-krasnoselskogo-v>; <https://novostipmr.com/ru/archive/all/2024/8/30>

⁸ Выступления проф. С.А. Осиповой и проф. Е.А. Бобковой на конференции «Приднестровская идентичность и истоки государственности». ПГУ им. Т.Г. Шевченко. URL: <https://novostipmr.com/ru/news/01-10-2024/sochetanie-raznyh-kultur-i-religiy-stalo-osnovoy-kulturnogo-koda>

⁹ Преамбула Конституции Приднестровской Молдавской Республики : принята на всенародном референдуме 24 декабря 1995 г. (текущая редакция по состоянию на 2023 г.).

судьбой на своей земле, утверждая... гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов и норм равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству... исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущим поколениями, принимаем Конституцию»¹⁰. Исходя из их смысла, видно, что между приднестровским и российским народами существует много общего и это объясняет, почему в основных, самых главных документах обеих стран все начинается с народа и его судьбы.

Именно поэтому Президент Приднестровской Молдавской Республики уделяет большое внимание идентичности и самобытности приднестровского народа, а Президент Российской Федерации в недавней беседе с Генеральным секретарем ООН А. Гутерришем (26 октября 2024 г., саммит БРИКС) высказал свою четкую позицию о том, что международный принцип территориальной целостности государств из международных нормативно-правовых актов идет после закрепления в Уставе ООН права наций на самоопределение, а также необходимости соблюдения прав человека, что принципиально важно и для Приднестровья сегодня, наполняющего свою идентичность историческими и традиционными ценностями: семья как союз мужчины и женщины, патриотизм, любовь к Родине, сохранение природных богатств и культурного наследия, языковое и национальное разнообразие (по Конституции, в Приднестровье три официальных языка — русский, молдавский и украинский)¹¹, социальная поддержка и забота о благополучии своих граждан, создание условий для всестороннего духовного, нравственного и физического развития детей, воспитания в них гражданственности и уважения к старшим, ведения здорового образа жизни. Государство без народа — всего лишь территория, что также подчеркнул в своем интервью 27 октября 2024 г. министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров: «Западу нужны территории с полезными ископаемыми, а Россия думает о людях, проживающих там, чьи права, свободы и законные интересы ежедневно в течение многих лет безжалостно нарушаются, вплоть до их физического уничтожения»¹².

Если мирных граждан Украины сегодня в буквальном смысле надо спасать, то на фоне европейского выбора соседней Молдовы Приднестровью надо помочь выстоять и сохранить все накопленное, что уже происходит более 30 лет с момента введения миротворцев России на эту территорию.

¹⁰ Преамбула Конституции Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (текущая редакция по состоянию на 2022 г.).

¹¹ Статья 12 Конституции Приднестровской Молдавской Республики : принята на всенародном референдуме 24 декабря 1995 г. (текущая редакция по состоянию на 2023 г.).

¹² Интервью министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова для международной сети TV BRICS. Москва, 2 ноября 2024 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации : <https://mid.ru>

На протяжении целого исторического периода после кровавой агрессии Молдовы против Приднестровья мы чувствуем себя защищенными, и в случае воссоединения с Россией есть уверенность, что это именно та страна, которая позволит и дальше культивировать идентичность многонационального приднестровского народа, способного стать органичной частью уникального многонационального народа России и делать все от него зависящее для укрепления и приумножения национальных богатств и традиционных духовных и культурных исторических ценностей.

Брусалинская Г.С.,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
юридического факультета Приднестровского государственного
университета имени Т.Г. Шевченко,
кандидат юридических наук
(г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика)

Литература

1. Действующее международное право. В 3 томах. Т. 1. Разд. 1–13 / составители : Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Москва : Издательство Московского независимого института международного права, 1996.
2. Действующее международное право. В 3 томах. Т. 2. Разд. 14–16 / составители : Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Москва : Издательство Московского независимого института международного права, 1996.

Экономический патриотизм в системе обеспечения национальной безопасности как конституционно-правового института

Национальную безопасность можно понимать как комплексный конституционно-правовой институт, предмет регулирования которого — достижение состояния защищенности суверенитета народа от внутренних и внешних угроз. Комплексность данного института достигается вследствие сложности объекта защиты — суверенитета народа, применяемых инструментов (политических, экономических, социальных, духовных), материальных и нематериальных ресурсов, необходимых и достаточных для поддержания действенности совокупности мер, применяемых для защиты суверенитета народа. Отметим, что суверенитет народа как способность народа осуществлять свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и местного самоуправления, представляет собой сочетание элементов, таких как технологический (способность государства обеспечивать себя необходимыми и достаточными технологиями), промышленный (способность страны поддерживать экономическую и техническую независимость, сохранение контроля за основными производственными мощностями и ресурсами) и финансовый (сохранение способности государства поддерживать самостоятельность своей финансовой системы) суверенитеты. Система обеспечения национальной безопасности — упорядоченная совокупность элементов, функционирование которых позволяет достигать и сохранять состояние защищенности суверенитета народа от внутренних и внешних угроз с помощью совокупности необходимых для этого инструментов и ресурсов. В свою очередь, угроза — неблагоприятное обстоятельство, возникновение которого приводит к возможности нанесения ущерба защищаемой конституционной ценности — суверенитету народа.

В системе обеспечения национальной безопасности можно выделить следующие элементы: организационный (совокупность властных субъектов — органов государственной власти, местного самоуправления, принимающих в рамках своей компетенции во взаимодействии между собой меры по защите суверенитета народа от внутренних и внешних угроз, и невластных субъектов — общество в целом и различные социальные структуры, и учреждения, коммуницирующие и взаимодействующие с органами власти для обеспечения национальной безопасности посредством налаженных каналов связи), материально-технический (сочетание различных технических средств, орудий, инструментов, оборудования, необходимого для функционирования

защиты от внутренних и внешних угроз), коммуникационный (взаимодействие субъектов в сфере национальной безопасности при решении вопросов о принятии тех или иных защитных мер посредством каналов связи, в том числе принятие правовых актов, обмен данными), духовный (господствующие в обществе мировоззренческие установки, в том числе в отношении того, как должна выстраиваться система защиты от угроз, и восприятие угроз и степени их опасности, особенности правосознания, общественного сознания, специфика морально-нравственных устоев).

Инструменты обеспечения национальной безопасности представляют собой специфическое сочетание средств и методов, необходимых и достаточных для устранения внутренних и внешних угроз суверенитету народа. По сферам применения можно выделить такие инструменты, как политические (принятие властью мер по достижению в обществе лояльного отношения к принимаемым защитным мерам, их необходимости и своевременности), экономические (предоставление мер поддержки отечественным товаропроизводителям в случае необходимости перераспределения ресурсов рынка на нужды безопасности), социальные (функционирование различных социальных учреждений, центров культуры, нацеленных на прививание культурных ценностей, положительного отношения к историческому прошлому страны в целом и отдельных регионов).

Под ресурсами обеспечения национальной безопасности можно понимать совокупность материальных и нематериальных ценностей, использование которых позволяет добиться решения конкретных задач по предотвращению, устранению внутренних и внешних угроз суверенитету народа. Также по сферам классифицируются такие ресурсы обеспечения национальной безопасности, как материальные (имущественные ценности, приборы, оборудование, техника, необходимые и достаточные для принятия защитных мер), человеческие (наличие соответствующим образом подготовленных людей, квалификация которых позволяет решать поставленные перед ними задачи по защите от угроз), духовные (специфика восприятия обществом себя в качестве единого организма, готовность выступить сообща, сплотиться против угроз и поддерживать власть при принятии защитных мер), политические (имеющиеся у власти рычаги воздействия на общество для того, чтобы добиться поддержки принимаемых защитных мер).

Обратимся теперь к анализу содержания понятия экономического патриотизма для того, чтобы определить место воспитания экономического патриотизма в системе обеспечения национальной безопасности.

К изучению понятия «экономический патриотизм», определению его существенных признаков, элементов и видов постоянно обращались исследователи¹.

¹ Глинкина С.П. Экономический патриотизм: понятие, предпосылки появления в Центральной и Восточной Европе (практика Венгрии) // Общественные науки и современность.

Так, З.В. Брагина, Е.В. Пономаренко определяют экономический патриотизм как развитую у каждого специалиста заботу об интересах своей родины и готовность отстаивать ее экономические интересы, гордость за достижения Родины, бережное отношение к ее историческому прошлому, народной памяти и культурным традициям². Как указывают И.Ю. Древицкая, И.В. Древицкая, «процессы формирования ценностей экономического патриотизма находятся в междисциплинарной области, включающей в себя и экономику, анализ ресурсообеспеченности, конкурентоспособность региона, и педагогические науки и практику»³. В результате обобщения представленных в науке подходов к определению указанного термина экономический патриотизм может быть охарактеризован в качестве совокупности убеждений, мировоззрений граждан, выражающихся в осознании сопричастности совместно с иными гражданами к обеспечению благосостояния своей страны и готовности выполнять обязанности для поддержания этого благосостояния, воспринимаемые в качестве гражданского долга. К одному из ключевых видов экономического патриотизма можно отнести промышленный патриотизм в качестве совокупности убеждений, мировоззрения граждан об их сопричастности к тому, чтобы благосостояние страны поддерживалось посредством промышленного производства, гордости за достижения промышленности и готовности вносить свой вклад в успешное функционирование промышленности в региональном и общегосударственном масштабах.

Воспитание экономического патриотизма выступает скрепой, соединяющей между собой элементы национальной безопасности, поскольку направлено на развитие чувства уважения к такой культурной ценности, как индустриальное наследие государства в целом и отдельных регионов, что приводит к сплочению социума на основе осознания общности исторического прошлого, достигнутых успехов. В соответствии с п. 22 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, сохранение российской самобытности, культуры, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и патриотическое воспитание граждан будут способствовать дальнейшему развитию демократического устройства Российской Федерации и ее открытости миру⁴.

2018. № 6. С. 48; Новашина М.С. Экономический патриотизм у студентов вузов // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2021. № 2(62). С. 121; Новикова Е.Ю., Галухин А.В. Экономический патриотизм как мировоззрение // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 5. С. 174; Максимов В.А. Экономический патриотизм: поиск микро- и макроэкономических оснований на фоне современного российского кризиса // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2017. Т. 17. № 4. С. 401.

² Брагина З.В., Пономаренко Е.В. Экономический патриотизм как управленческий ресурс // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 4. С. 95.

³ Древицкая И.Ю., Древицкая И.В. Инновационные подходы к формированию экономического патриотизма у молодежи // Сервис plus. 2020. Т. 14. № 3. С. 60.

⁴ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

Отметим, что роль и значение патриотизма для обеспечения национальной безопасности постоянно находится в поле зрения исследователей, российских⁵ и зарубежных⁶. Однако отсутствовало комплексное исследование, позволяющее составить целостное представление о месте экономического патриотизма в системе обеспечения национальной безопасности.

Воспитание экономического патриотизма относится к духовным элементам национальной безопасности, поскольку позволяет формировать мировоззренческие установки общества, осознание им себя в качестве единого сплоченного организма, имеющего свою систему ценностей, национальное достоинство, основанное как на текущих достижениях, так и заслугах, полученных в исторической перспективе, готовность бороться сообща против внутренних и внешних угроз и одновременно лояльность к власти при принятии защитных мер. Лучшее понимание своего исторического прошлого, трудностей, которые пришлось преодолеть, и все же достичь промышленных богатств, является основой для понимания причин, служащих обоснованием для принимаемых властью защитных мер, и, соответственно, для готовности общества к поддержке таких мер. Кроме того, таким путем достигается уважение к культурным ценностям страны и отдельных регионов, что приводит к повышению морально-нравственного уровня в обществе. Именно поэтому воспитание экономического патриотизма можно определить как духовный инструмент, позволяющий задавать морально-нравственные установки сплочения против внутренних и внешних угроз на основе осознания того, с какими сложностями сталкивались предшествующие поколения, для того, чтобы добиться промышленных богатств, имеющихся в настоящее время.

С помощью такого инструмента формируются человеческие ресурсы — люди, знающие о своем историческом прошлом, воспринимающие индус-

⁵ Багрецов Д.Н. Патриотическое воспитание как новая идеология личности и общества // Молодежь и наука. 2022. № 4. С. 4; Багрецов Д.Н., Ширшов В.Д. Патриотизм: современные вызовы и перспективы // Педагогическое образование в России. 2016. № 5. С. 64; Нестеров Н.О. Ценностные ориентиры человека как основа мировоззренческой безопасности // Известия Международной академии аграрного образования. 2016. № 31. С. 64; Мухаметзянова Л.Ю. Формирование поликультурных ценностных ориентаций обучающихся в процессе филологической подготовки как условие обеспечения безопасности образовательной среды // Вестник НЦБЖД. 2017. № 2 (32). С. 48; Петров С.И. Патриотизм как фактор безопасности и конкурентоспособности России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2015. Т. 11. № 1. С. 196.

⁶ Aleshkovski I., Gasprishvili A., Smakotina N. Global values in the context of civilizational dialogue // Journal of Globalization Studies. 2020. Т. 11. № 1. P. 74; Brown W. American nightmare. neoliberalism, neoconservatism, and de-democratization // Political Theory. 2006. Т. 34. № 6. P. 694; Haruta V. F. People's veto: theory issues // Regional Revue. 2020. Т. 1. № 2. С. 184; Healy M. The other side of belonging // Studies in Philosophy and Education. 2020. Т. 39. № 2. P. 121; Schaar J., Abrams F. What is patriotism? // Nation. 1991. Т. 253. № 3. С. 77; Volkov Yu.G., Vereshchagina A.V., Lubsky A.V., Vagina V.O. Patriotism as the subject of discursive practices in Russia // Astra Salvensis. 2017. Т. 5. № 52. С. 845; Qasimova N. Heydər əliyev və milli dövlətçiliyin Azərbaycan modeli // Metafizika. 2023. Т. 6. № 21-1. С. 211.

стриальное наследие как культурную ценность и готовые защищать такую ценность от угроз, и духовные ресурсы — удается добиться роста в обществе патриотических настроений, готовности вместе, в качестве единого целого бороться против угроз, воспринимаемых как вызов всему социуму. Однако для того, чтобы воспитание экономического патриотизма достигало указанной цели, необходимо, чтобы оно охватывало все слои населения. Именно поэтому важно, чтобы представление индустриальных богатств происходило в местах массового посещения — музеях, культурных центрах, а также сопровождалось обучающими курсами на заводах, с тем, чтобы и в теории, и на практике происходило ознакомление с тем, как формировались указанные богатства, сколько сил было вложено на протяжении веков, как происходило развитие промышленности в исторической перспективе. Необходимо, чтобы в социуме происходило осознание сопричастности данным процессам, развивалось чувство гордости достигнутым, общим историческим прошлым. Так будет происходить сплочение и возникать готовность выступить сообща против угроз, которые будут восприниматься как общие.

Экономический патриотизм как российская реалья в исторической перспективе

Подобное значение экономического патриотизма для обеспечения национальной безопасности обуславливает то, что идеи экономического патриотизма были глубоко укоренены в сознании россиян уже с XIX в., что проявлялось в готовности мобилизовать все имеющиеся экономические ресурсы для победы державы против угроз ее безопасности.

Однако известны и более ранние исторические примеры: так, первый частный заводовладелец Никита Демидович Антуфьев сумел выпускать фузеи по цене в разы ниже, чем у других заводчиков, наладил поставку нужных металлов, орудий и оружия, что внесло существенный вклад в победу России в Северной войне; его сыновья и внуки, ставшие заводчиками, также были лучшими поставщиками металлов и оружия для государственных нужд, при необходимости (во время ведения Россией боевых действий) умели как наращивать производственные мощности, так и наладить выпуск оружия и орудий указанных заказчиками параметров.

Во время Отечественной войны 1812 г., используя ресурсы Нижнетагильского завода, Николай Никитич Демидов сумел снарядить целый полк, успешно выступавший под его командованием. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. на нужды обороны жертвовали десятки тысяч рублей семьи Демидовых, Исуповых и Яковлевых.

Своеобразным проявлением экономического патриотизма стало обучение Демидовыми за рубежом будущих работников своих предприятий в соответствии с российскими образовательными программами. Однако одним

из самых ярких примеров экономического патриотизма можно назвать деятельность уральских инженеров железнодорожного транспорта.

Иными словами, экономический патриотизм будет иметь ключевое значение для сплочения российского общества против внешних и внутренних угроз, поскольку он является устоявшейся на протяжении нескольких веков мировоззренческой установкой. Экономический патриотизм, являясь духовной скрепой российского общества, является опорным элементом системы обеспечения национальной безопасности, пронизывающим все иные элементы, и поэтому достигается согласованность в функционировании этой системы и действенность обеспечения национальной безопасности. Одновременно экономический патриотизм станет основой сохранения технологического суверенитета страны, поскольку специалисты, участвующие в разработке и внедрении новых технологий, будут делать все возможное для того, чтобы технологии, которыми государство владеет, были передовыми в мире.

Вербицкая Т.В.,

научный сотрудник Государственного архива Свердловской области
(г. Екатеринбург)

Вербицкая Н.О.,

профессор кафедры экономики труда и управления персоналом
Уральского государственного экономического университета,
доктор педагогических наук
(г. Екатеринбург)

Конов А.А.,

доцент кафедры управления в социальных и экономических системах,
философии и истории
Уральского государственного университета путей сообщения,
доктор исторических наук
(г. Екатеринбург)

Литература

1. Багрецов Д.Н. Патриотизм: современные вызовы и перспективы / Д.Н. Багрецов, В.Д. Ширшов // Педагогическое образование в России. 2016. № 5.
2. Багрецов Д.Н. Патриотическое воспитание как новая идеология личности и общества / Д.Н. Багрецов // Молодежь и наука. 2022. № 4.
3. Брагина З.В. Экономический патриотизм как управленческий ресурс / З.В. Брагина, Е.В. Пономаренко // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 4.
4. Вербицкая Н.О. Анализ понятия «экономический патриотизм» в современной России: системно-феноменологический подход / Н.О. Вербицкая, Л.В. Оринина // Фундаментальные исследования. 2014. № 11–10.

5. Глинкина С.П. Экономический патриотизм: понятие, предпосылки появления в Центральной и Восточной Европе (практика Венгрии) / С.П. Глинкина // *Общественные науки и современность*. 2018. № 6.
6. Древицкая И.Ю. Инновационные подходы к формированию экономического патриотизма у молодежи / И.Ю. Древицкая, И.В. Древицкая // *Сервис plus*. 2020. Т. 14. № 3.
7. Максимов В.А. Экономический патриотизм: поиск микро- и макроэкономических оснований на фоне современного российского кризиса / В.А. Максимов // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2017. Т. 17. № 4.
8. Мухаметзянова Л.Ю. Формирование поликультурных ценностных ориентаций обучающихся в процессе филологической подготовки как условие обеспечения безопасности образовательной среды / Л.Ю. Мухаметзянова // *Вестник НЦБЖД*. 2017. № 2 (32).
9. Нестеров Н.О. Ценностные ориентиры человека как основа мировоззренческой безопасности / Н.О. Нестеров // *Известия Международной академии аграрного образования*. 2016. № 31.
10. Новашина М.С. Экономический патриотизм у студентов вузов / М.С. Новашина // *Новое в психолого-педагогических исследованиях*. 2021. № 2 (62).
11. Новикова Е.Ю. Экономический патриотизм как мировоззрение / Е.Ю. Новикова, А.В. Галухин // *Социально-гуманитарные знания*. 2020. № 5.
12. Оринина Л.В. Экономический патриотизм студентов в условиях современного высшего образования / Л.В. Оринина // *Бизнес. Образование. Право*. 2021. № 2 (55).
13. Петров С.И. Патриотизм как фактор безопасности и конкурентоспособности России / С.И. Петров // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2015. Т. 11. № 1.
14. Aleshkovski I. Global values in the context of civilizational dialogue / I. Aleshkovski, A. Gasprishvili, N. Smakotina // *Journal of Globalization Studies*. 2020. Т. 11. № 1.
15. Brown W. American nightmare. neoliberalism, neoconservatism, and de-democratization / W. Brown // *Political Theory*. 2006. Т. 34. № 6. P. 690–714.
16. Haruta V.F. People's veto: theory issues / V.F. Haruta // *Regional Revue*. 2020. Т. 1. № 2.
17. Healy M. The other side of belonging / M. Healy // *Studies in Philosophy and Education*. 2020. Т. 39. № 2.
18. Qasimova N. Heydər Əliyev və milli dövlətçiliyin Azərbaycan modeli / N. Qasimova // *Metafizika*. 2023. Т. 6. № 21–1.
19. Schaar J. What is patriotism? / J. Schaar, F. Abrams // *Nation*. 1991. Т. 253. № 3.
20. Volkov Yu.G. Patriotism as the subject of discursive practices in Russia / Yu.G. Volkov, A.V. Vereshchagina, A.V. Lubsky, V.O. Vagina // *Astra Salvensis*. 2017. Т. 5. № S2.

Конституционная идентичность в философии конституционализма

Конституционная идентичность — это новое понятие, пришедшее в доктрину российского государственного права из-за границы совсем недавно¹. В большей части работ оно рассматривается в рамках методологии юридического позитивизма². Совсем иное значение эта категория имеет в философии конституционализма. Термин «идентичность» означает тождественность чему-либо. В юридическом позитивизме выделяют основы официального конституционного права (основы конституционного акта) и задают вопрос о том, соответствуют ли поправки в конституционный акт или нормы международного права этим основам. Философия конституционализма опирается на аксиологический подход. Здесь имеется базовая доктрина конституционализма, и право государства сверяется с этой доктриной. Ставится вопрос о том, идентично (тождественно) оно этой доктрине или выходит за ее пределы, делает нормы государственного права или правовые идеи неконституционными (не тождественными конституционализму)?

Философия конституционализма, в отличие от доконституционной (антиконституционной) философии, за основу конституционализма берет два принципа (ценности). Конституционное право должно закреплять господство гражданского общества над государством и обеспечивать верховенство прав и свобод человека и гражданина. Инструментальными в конституционной доктрине являются ценности демократии, республики, децентрализации власти и правового государства. Все, что не соответствует этим ценностям, является не идентичным конституционализму (антиконституционно). Доконституционная философия пытается выводить конституционные ценности из архаичных традиций общества (нации).

При философском подходе к конституционной идентичности на соответствие конституционной доктрине может быть проверен конституционный акт государства. Если в нем закрепляется возможность пожизненного правления одного человека, устранения разделения властей, то этот акт признается не идентичным доктрине конституционализма. Его нормы объявляются неконституционными. Например, явно не тождественными идеям конституционализма были конституции СССР, отрицающие разделение властей, парламентаризм и правовое государство.

¹ Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: теория и практика. URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=82>

² Шустров Д.Г. Конституционная идентичность и изменение конституции // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2020. № 4. С. 21–49.

Идентичность норм конституции (нормативный акт) предлагается проверять конституционным судам и аналогичным им институтам. При философском подходе к конституционной идентичности проверкой конституционного акта, закона, международной нормы, решения конституционного суда занимаются ученые, носители конституционной идеи. При этом следует отличать ученых-конституционалистов от ученых-государствоведов, которые не являются носителями конституционных идей. Они играют роль верных слуг государства. Для них все, что государство записало в конституционный акт, является конституционным. Понятие конституционализма у них меняется с принятием каждой новой конституции и поправок в конституционный акт. Для них сегодня основой конституционализма является человек. Завтра — государство и самодержавие.

С точки зрения философии конституционализма, конституционный суд может проверять нормы на идентичность конституционным идеям, если в него входят конституционалисты, а не люди с этатистским сознанием, для которых воля правителя превыше всего.

Многие общества мира не достигли способности перейти к конституционализму. Но их правящие группы стараются имитировать переход к конституционным отношениям. Они принимают конституционные акты, нормы которых не идентичны конституционализму (ложные конституции). В рамках имитации перехода к конституционализму они объявляют о создании особого вида конституционализма (советского, африканского, мусульманского) и собственной конституционной идентичности. Под идентичностью здесь понимается особое качество государственного права (основного закона страны). Для оправдания этой тактики правящие группы и обслуживающая их интересы служилая интеллигенция заявляет об особой идентичности (особом качестве) своего народа, своей культуры. Обычно речь идет об архаических (традиционалистских) свойствах той или иной социальной системы. Конституционный акт страны, заявляют они, должен соответствовать этой культурной идентичности. Конституция в их идеологии теряет конституционный смысл (сущность и содержание) и превращается в основной закон, такой же как законы царя Хаммурапи или законы Ману. Так, И.А. Умнова-Конюхова заявляет, что Конституция России должна закрепить модифицированные принципы, изложенные в формуле графа Уварова «православие, самодержавие, народность», закрепить сословность общества³. Таким образом, средневековые нормы жизни общества выдаются за особую конституционную идентичность.

Философия конституционализма противопоставляет конституционной идентичности (соответствие норм права страны конституционным идеалам)

³ Российская конституционная идентичность и мировые тенденции конституционного... URL: <https://yandex.ru/video/preview/14139994496679575816>

антиконституционную идентичность, т.е. тождество норм права какой-то страны антиконституционным (доконституционным) принципам организации власти и отношений к человеку. Антиконституционным ценностям идентичны нормы, закрепляющие огосударствление экономики, разделение людей по их полезности государству (например, лишение гражданства правонарушителей, выдворение из страны оппозиции, стигматизация представителей оппозиции), лишение (умаление) прав граждан (политических прав), закрепление монархии или олигархического правления с устранением разделения властей, вторжение права в область духовной жизни, например, в форме объявления каких-то духовных ценностей обязательными для всего населения страны.

Как обычно бывает, понятия, переносимые из конституционных стран в доконституционные, приобретают в них совершенно иной смысл и значение⁴. В конституционных странах доктрина конституционной идентичности используется для охраны конституционных принципов, для уточнения их содержания. В доконституционных странах ее начали использовать для охраны традиционалистской культуры, старого архаичного правопорядка и основ доконституционного государства⁵. Охранители понимают, что воспрепятствовать прогрессу они могут только с помощью государства. Поэтому для борьбы с инакомыслием они требуют ввести обязательную для всех государственную идеологию. Это позволит привлекать к юридической ответственности тех, кто пытается вести страну по пути прогресса и разрушает средневековые традиции. Борьбу с зарождающимися в архаичном обществе идеями конституционализма предлагается вести под предлогом соборного объединения людей и общинной духовности, исключающей инакомыслие.

Конституционная идентичность часто рассматривается как особенность страны (ее самобытность)⁶, закреплённая в основном законе⁷. С точки зрения философии конституционализма, эта особенность может быть в рамках конституционной доктрины или быть антиконституционной (доконституционной). Современная Россия похожа на подростка, который пытается искать

⁴ Шустров Д.Г. Конституционная идентичность и изменение конституции // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2020. № 4. С. 28.

⁵ Карцов А.С. Юрисдикционная защита конституционной идентичности (компаративные аспекты) // Религия и культура как факторы конструирования конституционной идентичности в Российской Федерации : материалы круглого стола (Санкт Петербург, 7 октября 2020 г.). СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. С. 15–16.

⁶ Барциц И.Н. Конституционная идентичность и международное право. О конституционализации международного права и интернационализации конституционного права. М. : Издательский дом «Дело», 2020. С. 10.

⁷ Карцов А.С. Юрисдикционная защита конституционной идентичности (компаративные аспекты) // Там же. С. 16.

свою идентичность. «Кризис идентичности стал спутником трансформирующихся обществ», — отмечают политологи⁸. Часть населения страны стремится стать ее гражданами и подчинить себе государственный аппарат (конституционная идентичность). Другая часть населения предпочитает оставаться подданными и отдает себя в руки государства (антиконституционная идентичность). На три группы раскололись конституционалисты. Конституционалисты пытаются противостоять авторитарным тенденциям государственной политики. Государствоведы оправдывают возвращение государства к антиконституционным ценностям монархии, авторитарного режима и ограничение прав человека. Есть группа, старающаяся уйти от выбора своей идентичности, не обозначая своих установок.

В психологии выделяют идентичности субъекта прошлого (кем он был), настоящего (кто он сейчас) и будущего. Очевидно, что Россия прошлого идентифицируется философией конституционализма как активное антиконституционное государство, сформировавшее общество подданных. Современная Россия, как уже отмечалось, стоит на распутье. В стране принята конституция, носящая в основном формальный характер. Государство пытается вернуть страну к ее доконституционному состоянию. Как мягко замечают А. Шайо и Р. Уитц, это незавершенный демократический проект, находящийся на перепутье «между тягой к конституционализму и желанием отойти от него»⁹. Россия будущего, с точки зрения идеологии конституционализма, неизбежно станет конституционным обществом. Естественно, для этого нужно время. Конституционные отношения не возникают с принятием конституционного акта.

И.Н. Барциц обращает внимание на то, что категорию «конституционная идентичность» применяют с целью изоляции страны от мира¹⁰. К этой изоляции сегодня прибегают слабые страны доконституционного мира, прелящие группы которых видят в глобализации угрозу потери своей власти. При этом делается ссылка на то, что доктрину «конституционной идентичности» применяют все страны. Упускаются из виду цели применения этой доктрины. Конституционные страны применяют ее для снижения темпов перехода к глобальному конституционализму. Доконституционные страны используют эту доктрину для противостояния конституционализации мира.

⁸ Политическая идентичность и политика идентичности : словарь терминов и понятий : в 2 т. Т. 1: Идентичность как категория политической науки. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 9.

⁹ Шайо А., Уитц Р. Конституция свободы. Введение в юридический конституционализм. М. : Ин-т права и публичной политики, 2021. С. 7–8.

¹⁰ Барциц И.Н. Конституционная идентичность и международное право. О конституционализации международного права и интернационализации конституционного права. М. : Издательский дом «Дело», 2020. С. 8–9.

Борьба с конституционными ценностями с применением доктрины конституционной идентичности ведется под лозунгом кризиса либерализма. С момента появления зачатков конституционализма его противники начали заявлять о его скорой гибели. Смерть конституционализму предрекали в XIX в. (К. Маркс) и XX в. (О. Шпенглер). Об этом сообщалось на каждом съезде КПСС. Продолжают твердить об этом и сейчас.

В ходе использования категории «конституционная идентичность» в целях охраны архаичных отношений служилая интеллигенция прибегает к отождествлению этого понятия с понятием «национальная идентичность». В ход идет мифологическое представление о народе (нации). Нация рассматривается как мифический герой, как гомогенное явление, не содержащее в себе разных социальных общностей с совершенно различными установками. Народом называется самая консервативная часть населения, для которой свойственны подданническое сознание, опора на традиции, веру и чувства. Это население легко подвергается манипулятивному воздействию государственной пропаганды. Оно не дошло до порога Просвещения, для которого характерен переход к поведению на основе разума. Административный класс и служилая интеллигенция объявляют себя представителями этой подданнической массы и от ее имени борются с теми, кто выступает за конституционализацию общества. Государствоведы от имени «народа» требуют, чтобы конституция закрепила идеи этатизма (государственные ценности), которые внедрены в сознание подданнической массы. Конституционное право предлагают выводить из мистического кода или менталитета нации, из ее нравственного духа. Естественно, служилая интеллигенция оставляет за собой право решать, что соответствует общему «духу нации», а что требует искоренения. С психологической точки зрения эта идеология опирается на стадные установки архаичного человека.

Категория «идентичность» безусловно полезна для науки. Она позволяет понять, чем один предмет отличается от другого¹¹. Применение ее в философии конституционализма позволяет отличить конституционализм от его подделок в виде антиконституционного права, антиконституционных отношений и идей.

Денисов С.А.,

доцент кафедры прав человека юридического факультета
Гуманитарного университета г. Екатеринбурга,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Екатеринбург)

¹¹ Малинова О.Ю. Идентичность как категория практики и научного анализа: о различии подходов // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире. СПб. : Норма, 2005. С. 10.

Литература

1. Барциц И.Н. Конституционная идентичность и международное право. О конституционализации международного права и интернационализации конституционного права / И.Н. Барциц. Москва : Издательский дом «Дело», 2020.
2. Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: теория и практика / В.Д. Зорькин // Конституционный Суд Российской Федерации. 2017. 16 мая.
3. Карцов А.С. Юрисдикционная защита конституционной идентичности (компаративные аспекты) / А.С. Карцов // Религия и культура как факторы конструирования конституционной идентичности в Российской Федерации : материалы круглого стола (г. Санкт-Петербург, 7 октября 2020 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор В.В. Лавров. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021.
4. Малинова О.Ю. Идентичность как категория практики и научного анализа: о различии подходов / О.Ю. Малинова // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире : материалы Международного научно-практического симпозиума (г. Санкт-Петербург, 8–9 июля 2004 г.) : сборник научных статей / редакторы : О.Ю. Малинова, А.Ю. Сунгуров. Санкт-Петербург : Норма, 2005.
5. Политическая идентичность и политика идентичности. В 2 томах. Т. 1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий / редколлегия : И.С. Семененко, В.В. Лапкин, Л.А. Фадеева. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012.
6. Шайо А. Конституция свободы. Введение в юридический конституционализм / А. Шайо, Р. Уитц. Москва : Институт права и публичной политики, 2021.
7. Шустров Д.Г. Конституционная идентичность и изменение конституции / Д.Г. Шустров // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2020. № 4.

Социальное партнерство как инструмент гармонизации индивидуального и коллективного начал в конституционализации основ российского общества

Конституционалисты говорят, что в Конституции можно рассмотреть «прошлое, настоящее и будущее государства, прочитать страхи и опасения, с которыми борется общество, разглядеть его надежды и устремления»¹. Если принятие конституций в мировой истории свидетельствовало об отказе от прошлого страны (или же его части) и учреждении новых основ данного политического сообщества², то в возведении в России идеи социального партнерства в ранг конституционных, наряду с положениями об экономической, политической и социальной солидарности, взаимном доверии общества и государства и другими новеллами Конституции РФ 2020 г., можно увидеть частичный отказ от конституционной парадигмы, первоначально закрепленной в Конституции 1993 г.

Этот отказ явился ответом на ярко выраженный социальный запрос на восстановление в правовых категориях опыта и приверженностей прежнего советского общества, одной из основных черт которого являлся коллективизм. Западные исследователи обращают внимание на то, что новеллы 2020 г. направлены на регулирование элементов коллективной идентичности и частичное возрождение традиционного российского/советского общества³.

С развитием современного постиндустриального общества усиливается социальная дифференциация, возрастает необходимость общественной интеграции. При этом следует учитывать и то, что общество — это не только совокупность индивидов. В социальной сфере существуют и действуют два элемента — индивид и множество различных малых и больших сообществ (коллективов), в которые индивиды объединяются с разной степенью устойчивости аффилиации на основе имманентно присущих природе человека личного и коллективного начал. Это предопределяет в социальных науках проблему соотношения индивидуального и общественного, а в юриспруденции — проблему соотношения прав и обязанностей социальных субъектов. Требуется новая конституционная аксиоматика, основанная

¹ Троицкая А.А., Храмова Т.В. Основы основ: экспрессивный и функциональный потенциал конституционных устремлений // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 1 (122). С. 54–79.

² Там же.

³ Бланкенгель А. Конституции, коллективная идентичность и конституционная идентичность: куда мы должны двигаться? // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 1 (146). С. 43–75.

на двойственной природе человека, являющегося всегда не просто индивидом, но и участником разных коллективов и общества в целом. При этом, как отмечает В.Е. Чиркин, коллективистская структура общества, роль, значение коллективов получили незначительное отражение в современных конституциях, в них отсутствуют принципиальные положения об отношениях коллективов и власти, их роли в обществе, не говоря уже о конституциях прошлого, исходивших из индивидуалистических позиций⁴. Индивидуализм выступил в свое время важным фактором в становлении автономности и уникальности личности в социальном познании⁵. Вместе с тем односторонний методологический индивидуализм (персоноцентризм) как научный подход не смог преодолеть абсолютизацию индивидуалистской стороны человеческой сущности. Для индивидуалистических доктрин общество в целом и иные формы коллективного бытия людей являются механической совокупностью индивидов, в которой нет ничего нового, что бы уже не присутствовало в индивиде. В правовой доктрине методологический индивидуализм проявился в абсолютизации концентрации на правах и свободах человека в ущерб «чувству солидарности, ответственности, жажде духовного преобразования мира»⁶ и другим продуктивным сторонам коллективистской методологии. Методологический индивидуализм не учитывает присущий человеку коллективизм как желание и умение индивида жить в социуме. Противоположным научным методом является методологический коллективизм или системоцентризм, который неизбежно ведет к подавлению личности, права которой выступают в этом случае в качестве дара государства, а не атрибутивного свойства индивида. Идея отказа от этих двух крайностей начинает развиваться в современной отечественной науке⁷, в том числе в науке конституционного права⁸. Особого внимания для науки конституционного права заслуживает методологический дуализм индивидуализма и коллективизма, признающий как индивидуальное, так и коллективистское начало. Такой интегративный научный подход дает возможность более глубоко и адекватно осмыслить конкретные вопросы социальной реальности, по-новому взглянуть на систему правового регулирования политических, социальных и экономических взаимодействий в обществе, увидеть в ней элементы, не свойственные сугубо индивидуалистическому поведению людей. В этой системе все большее значение приобретают сообщества людей (коллективы) и взаимодействия между ними, оказывающие влияние на работу органов публич-

⁴ Чиркин В.Е. Конституционная терминология. М., 2024. С. 110.

⁵ Душина Т.В., Микеева О.А. Принцип индивидуализма как методологическое основание исследования социальности. Ставрополь, 2009.

⁶ Поляков А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : учебник. М., 2017.

⁷ См.: Князев Ю.К. Индивидуализм и коллективизм в современной экономике. М., 2019.

⁸ См.: Эбзеев Б.С. Философия российского конституционализма. М., 2023.

ной власти, побуждающие последних учитывать пожелания людей и совершенствовать свою деятельность⁹.

Как отмечает В.Е. Чиркин, эти сообщества могут быть по-разному организованы¹⁰, среди них есть общности, которые складываются естественно и являются совокупностями лиц на основе разных социальных критериев (пол, возраст, этническая и религиозная принадлежность, класс и др.). В то же время существуют сообщества, в которых люди объединяются осознанно на основе общих интересов и дел и которые могут приобретать те или иные организационные формы — союзы женщин, партия пенсионеров, объединение работодателей, ассоциации потребителей, хозяйственные общества.

В том и другом случаях объединение людей происходит на основе такого качества, как солидарность, основанного на сходстве или идентичности по отдельно взятым признакам (признаку), которую Э. Дюркгейм называл механической солидарностью. И.А. Алебастрова обращает внимание, что механическая солидарность может иметь в той или иной степени в качестве оборотной стороны ксенофобию, ведущую к агрессивности и таящую опасность социальных конфликтов, так как представляет собой средство не только сплочения тех или иных общностей, но и борьбы против тех, кто к ним не относится. Задачей конституционализма является предоставление необходимого инструментария¹¹, обеспечивающего органическую солидарность между всеми социальными субъектами, в том числе коллективными, солидарность более высокую по Дюркгейму, существующую вопреки множеству конкретных различий между людьми и их индивидуальными и коллективными интересами. Идея социальной солидарности, по мнению председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина, является интегральной идеей, философской основой обновления конституционного текста в ходе реформ 2020 г., которая развивает положение Конституции РФ о социальном государстве (ст. 7) и согласуется с принципом недопустимости нарушения прав и свобод других лиц (ч. 3 ст. 1). Б.С. Эбзеев называет социальную солидарность позитивным основанием государственности и права России и условием устойчивого функционирования всего общественного организма¹².

К инструментам реализации принципа социальной солидарности относится конституционная идея социального партнерства (ст. 75.1 Конституции РФ), которую можно определить как систему взаимодействия между коллективными социальными субъектами, обеспечивающую согласование и реализацию интересов этих субъектов¹³ в различных сферах

⁹ См.: Князев Ю.К. Указ. соч. С. 42.

¹⁰ См.: Чиркин В.Е. Указ. соч. С. 108.

¹¹ Алебастрова И.А. Принцип социальной солидарности в конституционном праве : дис. д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 5.

¹² Эбзеев Б.С. Философия российского конституционализма. М., 2023. С. 261.

¹³ Иванов С.А. Социальное партнерство как феномен цивилизации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 3. С. 79–99.

общественных отношений. Представляется, что у социального партнерства имеется значительный конституционный потенциал как механизма гармонизации индивидуального и коллективного начал в политико-юридической организации социума, способного обеспечить его устойчивое развитие.

Идея социального партнерства дает ответ, как на практике может быть обеспечена реализация единства правового и социального государства. Баланс между индивидуальной свободой, гарантируемой правовым государством и общественным благом, гарантируемой социальным государством, можно достигнуть опираясь на идею социального партнерства, механизмы которого обеспечивают достижение согласия на основе общего понимания социальной справедливости. Концепция социального партнерства отражает конвенциональный (договорной) аспект достижения социальной интеграции и обеспечивает широкие правовые возможности и гарантии для процесса согласования множества публичных и частных интересов. Социальное партнерство в этой связи рассматривают как способ практического осуществления идей конвенционализма на основе принципа социальной справедливости¹⁴. Данное определение содержит важный отличительный признак социального партнерства, который дает возможность выделить его среди других договорных форм взаимодействия, — критерий социальной справедливости.

Социальная справедливость в разных постиндустриальных обществах построена на разных социокультурных парадигмах. Либеральная парадигма социальной справедливости в западных обществах предполагает равенство возможностей, в незападных обществах социальная справедливость больше понимается как равенство при распределении государством социальных благ. Для устойчивого развития России неприемлемы оба этих подхода в «чистом» виде. Следует согласиться с тем, что в современных условиях важное значение приобретает интегративная модель социальной справедливости¹⁵, при которой, с одной стороны, у государства есть достаточный экономический потенциал для осуществления дистрибутивной функции, с другой стороны, социальная функция государства обеспечивается также его горизонтальными связями с гражданскими институтами.

Необходимо разделить мнение В.Е. Чиркина о том, что социальная справедливость в наши дни становится одним из важнейших социально-экономических положений современного конституционного права¹⁶. При этом социальная справедливость может быть интерпретирована как оптималь-

¹⁴ См.: Митрохин В.И. Социальное партнерство : учебно-методическое пособие. М., 1998. С. 31.

¹⁵ Аубакирова И.У. Ориентирующий смысл идеи социальной справедливости в управлении государственно-организованным обществом // Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве : материалы международной научно-практической конференции / под общ. ред. Т.А. Сошниковой. М., 2015. С. 48–54.

¹⁶ Чиркин В.Е. Социальная справедливость в конституционном праве // Журнал российского права. 2016. № 7. С. 5–12.

ный баланс интересов сторон социального партнерства, устраивающий все стороны, снимающий или сглаживающий конфликт и оцениваемый ими как справедливый¹⁷. И в этом смысле социальное партнерство приобретает самостоятельную конституционную ценность, являясь средством согласования множества публичных и частных интересов на основе социальной справедливости, оно отражает желаемый результат, конституционное устремление российского общества и государства, предпочтительный выбор стандарта социального партнерства во взаимоотношениях социальных субъектов с разными социальными интересами.

Как обоснованно отмечает Э. Хубер, говоря об имманентно присущих современному государству социальных противоречиях, важнейшей чертой социального государства является укрощение социального конфликта путем социального контакта¹⁸. Социальные группы с противоположными интересами не вступают в борьбу на уничтожение, а разрешают возникающие между ними конфликты, исходя из готовности к социальному партнерству. Социальное партнерство как конституционная ценность конкретизирует цель развития России как социального государства, в котором противоречия между социальными группами и выражающими их интересы социальными институтами разрешаются путем применения системы согласования противоположных интересов социальных групп на основе общего понимания социальной справедливости, истоки которого заложены в коллективистской цивилизационной российской, а также советской идентичности.

В качестве конституционного принципа социальное партнерство является регулятором, обозначающим суть требуемого от субъектов конституционно-правовых отношений поведения в виде необходимости следования партнерским отношениям, гарантией сохранения смысла которых служит правовая позиция органа конституционного контроля. Принцип социального партнерства, как и обеспечиваемая им реализация идеи социальной солидарности, относится к принципам функционирования общества и государства, на которых, по мнению исследователей, «должны строиться система организации, деятельности и ответственности институтов гражданского общества, государства и взаимодействие человека с ними»¹⁹. Роль идеи социального партнерства как конституционного принципа заключается в долге социальных групп с противоположными интересами осуществлять постоянные усилия в направлении гражданского мира и согласия.

¹⁷ О договорной теории социальной справедливости см.: Вайпан В.А. Теория справедливости: право и экономика : монография. М., 2017. С. 79.

¹⁸ См.: Хубер Э.Р. Правовое и социальное государство в современном индустриальном обществе // Политическая философия в Германии : сборник статей. М., 2005. 520 с.

¹⁹ Саликов М.С., Гончаров М.В. Конституционные ценности на новом этапе развития Основного закона Российской Федерации // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. № 1. С. 60–68.

Закрепление в Конституции РФ принципа социального партнерства отражает эволюцию роли государства во взаимосвязи «государство — общество», наметившийся переход от веберовской модели бюрократической организации к горизонтальным отношениям партнерства и отвечает на вопрос, какими должны быть взаимосвязи современного государства как постоянного института общества, его составной части, с другими его институтами²⁰, частями. В конституционном принципе социального партнерства отражается новая сущностная характеристика российского государства как современного демократического государства, использующего механизмы делиберативной демократии. Концепция делиберативной демократии (от англ. *deliberation* — обсуждение, обдумывание) является одним из направлений современной теории демократии, основанном на работах Дж. Дьюи, Ю. Хабермаса, Дж. Ролза. Эта концепция возникла в ответ на вызовы современного общества как попытка преодоления кризисных моментов представительной демократии, к числу которых относят обоснованное Р. Михельсом неизбежное объединение избранных политических партий с крупными экономическими элитами²¹, стремительно возрастающую политическую власть корпораций, иррациональность политических представлений преимущественного числа граждан, отчуждение политической власти от общества и др.²² Сущность делиберативной демократии состоит в расширении власти гражданского общества и его влияния на представительную власть и исполнительную при помощи процедуры обсуждения, при условии, что оно будет информированным, сбалансированным, независимым и всесторонним.

Таким образом, идея социального партнерства, возведенная в ранг высокого конституционного стандарта взаимодействия социальных субъектов, благодаря своей консолидирующей роли в качестве конституционной ценности и конституционного принципа, конституционализует развитие общества и государства на основе баланса индивидуальной свободы и общественного блага.

Ильина О.Ю.,

доцент юридического факультета

Северо-Восточного федерального университета,

кандидат юридических наук

(г. Якутск, Республика Саха — Якутия)

²⁰ О взгляде на государство как на институт общества см.: Чиркин В.Е. Современное государство. М., 2001. С. 294, публично-властным образом организованное общество см.: Мамут Л.С. Государство как публично-властным образом организованный народ // Журнал российского права. 2000. № 3. С. 88–100.

²¹ См.: Новая философская энциклопедия : в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В.С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 2010. 2816 с.

²² См.: Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход. М., 2010; Крауч К. Постдемократия. М., 2023.

Литература

1. Алебастрова И.А. Принцип социальной солидарности в конституционном праве : диссертация доктора юридических наук / И.А. Алебастрова. Москва, 2016.
2. Аубакирова И.У. Ориентирующий смысл идеи социальной справедливости в управлении государственно-организованным обществом / И.У. Аубакирова // Социальная справедливость и гуманизм в современном государстве и праве : материалы международной научно-практической конференции (г. Москва, 18 февраля 2015 г.) : сборник научных статей / под общей редакцией Т.А. Сошниковой. Москва : Московский гуманитарный университет, 2015.
3. Бланкенгель А. Конституции, коллективная идентичность и конституционная идентичность: куда мы должны двигаться? / А. Бланкенгель // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. № 1 (146).
4. Вайпан В.А. Теория справедливости: право и экономика : монография / В.А. Вайпан. Москва : Юстицинформ, 2017.
5. Дзоло Д. Демократия и сложность. Реалистический подход / Д. Дзоло ; перевод с английского А. Калинина, Н. Эдельмана, М. Косима. Москва : Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010.
6. Душина Т.В. Принцип индивидуализма как методологическое основание исследования социальности : монография / Т.В. Душина, О.А. Микеева. Ставрополь : Издательство СевКавГТУ, 2009.
7. Иванов С.А. Социальное партнерство как феномен цивилизации / С.А. Иванов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 3.
8. Князев Ю.К. Индивидуализм и коллективизм в современной экономике / Ю.К. Князев. Москва : ИЭ РАН, 2019.
9. Крауч К. Постдемократия / К. Крауч ; перевод с английского Н.В. Эдельмана. Москва : Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010.
10. Митрохин В.И. Социальное партнерство : учебно-методическое пособие / В.И. Митрохин. Москва : УИЦ МФП, 1998.
11. Новая философская энциклопедия. В 4 томах / председатель научно-редакционного совета В.С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Мысль, 2010.
12. Поляков А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : учебник / А.В. Поляков. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Проспект, 2016.
13. Саликов М.С. Конституционные ценности на новом этапе развития Основного закона Российской Федерации / М.С. Саликов, М.В. Гончаров // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2020. № 1.
14. Троицкая А.А. Основы основ: экспрессивный и функциональный потенциал конституционных устремлений / А.А. Троицкая, Т.В. Храмова // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 1 (122).
15. Хубер Э.Р. Правовое и социальное государство в современном индустриальном обществе / Э.Р. Хубер // Политическая философия в Германии : сборник статей / составитель Д. Миронова ; перевод с немецкого Д. Мироновой, С. Погорельской. Москва : Современные тетради, 2005.
16. Чиркин В.Е. Конституционная терминология : монография / В.Е. Чиркин. Москва : Норма, 2024.
17. Чиркин В.Е. Социальная справедливость в конституционном праве / В.Е. Чиркин // Журнал российского права. 2016. № 7.
18. Эбзеев Б.С. Философия российского конституционализма : очерки / Б.С. Эбзеев. Москва : Проспект, 2023.

Экономическая безопасность отечественной киноиндустрии в системе национальной безопасности России

В Стратегии национальной безопасности РФ в качестве стратегических национальных приоритетов обозначены:

- сбережение народа России и развитие человеческого потенциала;
- оборона страны;
- государственная и общественная безопасность;
- информационная безопасность;
- экономическая безопасность;
- научно-технологическое развитие;
- экологическая безопасность и рациональное природопользование;
- защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти;
- стратегическая стабильность и взаимовыгодное международное сотрудничество.

В определенной степени успешная реализация этих приоритетов зависит от уровня конкурентоспособности отечественной киноиндустрии.

Производственно-технологическое содержание киноиндустрии характеризуется многоотраслевой структурой взаимосвязанных хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность по созданию, продвижению и реализации фильма.

Кино с момента своего зарождения и по сегодняшний день остается визуальным воплощением достижений прогресса, для того чтобы удивлять и привлекать зрителя не только драматургией фильма, но и технологическими новшествами. Отечественная киноиндустрия в условиях информационной глобализации, как никогда раньше, зависит от уровня развития образования, науки, технологий, инфраструктуры, экономики и стабильности правовой системы.

Как отмечает В.И. Сидоренко, кинопроизводство как сфера создания произведений экранного искусства является высокотехнологической отраслью, требующей значительного ресурсного обеспечения, где в сферу высокого творчества вторгаются планирование, бюджет, юридические проблемы¹.

Кинематография — это область культуры и искусства, включающая в себя совокупность профессиональной, творческой, производственной, научной, технической, образовательной деятельности, направленной на создание и использование произведений кинематографии².

¹ Сидоренко В.И. От идеи к бюджету фильма : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Продюсирование». М. : ЮНИТА-ДАНА, 2018. С. 4.

² О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации : Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 126-ФЗ. Ст. 3. URL: <http://www.consultant.ru>

Киноиндустрия является отраслью больших инвестиций. В России самым крупным инвестором является государство, что предопределяет противоречивое взаимодействие предпринимательских и регулирующих органов и организаций.

Регулирующие органы, представленные соответствующими структурами федеральной и региональной власти, заинтересованы в выполнении государственных и региональных программ, в решении задач, поставленных обществом и государством.

Хозяйствующие субъекты являются субъектами предпринимательской деятельности, то есть, согласно п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ³, самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Предприниматели обязаны платить законно установленные налоги и сборы, быть социально ответственными перед обществом и государством. В соответствии со ст. 75.1 Конституции РФ⁴, в России создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность.

Кинематография Российской Федерации, являясь неотъемлемой частью культуры и искусства, должна сохраняться и развиваться при поддержке государства⁵. При этом, согласно Реестру обязательных требований⁶, при вводе в его поисковую строку ОКВЭД 59.11 (Производство кинофильмов) информационная система находит 246 321 обязательное требование.

Обязательные требования — это содержащиеся в нормативных правовых актах требования, которые связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, и оценка их соблюдения в рамках государственного контроля (надзора), муниципального контроля, привлечения к административной ответственности, предоставления лицензий и иных разрешений, аккредитации, оценка соответствия продукции, иные формы оценки и экспертизы⁷.

Получение прибыли не всегда является результатом законопослушной предпринимательской деятельности. Прибыль может увеличиваться как за счет разумной минимизации затрат и производства конкурентной продукции, так и путем использования денежных средств вопреки интересам

³ Гражданский кодекс РФ. URL: <http://www.consultant.ru>

⁴ Конституция РФ. URL: <http://www.consultant.ru>

⁵ О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации : Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 126-ФЗ. Преамбула. URL: <http://www.consultant.ru>

⁶ Реестр обязательных требований. URL: <https://ot.gov.ru>

⁷ Об обязательных требованиях в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ. Ст. 1. URL: <http://www.consultant.ru>

общества и государства. Например, за счет ухода от соблюдения трудового, налогового законодательства или совершения коррупционных преступлений.

Как писал профсоюзный деятель XIX в. Томас Джозеф Даннинг, «капитал боится отсутствия прибыли... Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение; при 20 процентах он становится оживленным, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает ногами все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы»⁸.

Для преодоления указанного противоречия необходимо создание и обеспечение целостной системы киноиндустрии как важной, социально ориентированной отрасли экономики, с учетом интересов как хозяйствующих субъектов кинопроизводства, так и общества и государства.

Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 г. рассматривает туризм в качестве перспективной экономической специализации для 73 субъектов РФ⁹.

Президент РФ В.В. Путин на президиуме Госсовета по вопросу «О развитии туризма в России» (6 сентября 2022 г.) отметил, что развитие туризма не только способствует экономическому росту регионов, но и «напрямую влияет на развитие более 50 других смежных отраслей, создает рабочие места, хорошие перспективы для малого и среднего бизнеса»¹⁰.

При этом в развитии туризма немаловажную роль играет киноиндустрия. Например, в Кисловодске, локации которого были использованы для съемок фильма «Чебурашка», в 2023 году туристический поток вырос на 20%. В 2024 году санатории загружены до начала октября¹¹. Фильм «Левиафан» Андрея Звягинцева принес режиссеру «Золотой глобус», а селу Териберка Мурманской области, месту съемок фильма — мировую известность. За три года после выхода фильма в поселке открыли четыре гостиницы, хостел, ресторан и провели третий арктический фестиваль «Териберка. Новая жизнь»¹².

Положительное влияние киноиндустрии на формирование позитивного имиджа регионов подтверждено не только российским, но и мировым опытом. По мнению министра культуры РФ О.Б. Любимовой, это не только использование региональных локаций, но и работа региональных киноко-

⁸ Цит. по: Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1: Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 764.

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года». URL: <http://www.consultant.ru>

¹⁰ Почему президент сделал ставку на туризм и как он изменит экономику России // Life.ru. URL: <https://life.ru/p/1521787>

¹¹ Пермяков А. Мнение: Кисловодск становится центром кинематографического туризма // RBC. URL: <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/freenews/65fc00609a79479f8fd9db5f> (дата обращения: 30.11.2024).

¹² Бакланов А. Териберка. Дальше только океан // CHOB. URL: <https://snob.ru/selected/entry/128216/> (дата обращения: 26.11.2024).

миссий, фестивалей, образовательных курсов, кружков для талантливых и креативных ребят, обсуждение проблем отрасли и проч.¹³.

Киноиндустрия положительно влияет на развитие социально-культурной среды, выявление старых или нереализованных активов региона, снижение уровня межрегионального социально-экономического неравенства.

В 2020 году Конституция РФ была дополнена рядом нововведений. В частности, культура была признана уникальным наследием ее многонационального народа (ч. 4 ст. 68)¹⁴. Государство впервые возводит культуру в ранг национальных приоритетов. Деятельность по созданию, распространению, сохранению, освоению и популяризации культурных ценностей и предоставлению культурных благ в области кинематографии признается культурной деятельностью¹⁵.

Защита традиционных духовно-нравственных основ российского общества рассматривается жизненно важной для России, наряду с укреплением ее суверенитета, независимости, обеспечением обороны и безопасности¹⁶.

В качестве угроз традиционным ценностям называют деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций, действия США и других недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, деятельность некоторых организаций и лиц на территории России¹⁷.

Конституция РФ является правовым фундаментом государства, а его культура — духовно-нравственным.

Что касается фильма как результата кинематографии, помимо того что это аудиовизуальное произведение, он обладает определенным влиянием на духовный мир потребителя, формирование его алгоритма ценностей.

С. Холланд, британский директор по кастингу таких сериалов, как «Уэнсдей», «Ведьмак», говоря о кино, отмечает его глубокое влияние на людей. «Вы можете повлиять на перемены... потому что вы находитесь в домах людей, и они наблюдают за этим миром»¹⁸.

¹³ Министр культуры Ольга Любимова — об отечественных фильмах, российских артистах за рубежом и культуре отмены // IZ.RU. URL: <https://iz.ru/1753805/izvestiia/po-sboram-v-kino-my-vernulis-v-dokovidnye-gody> (дата обращения: 17.11.2024).

¹⁴ Конституция РФ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 19.11.2024).

¹⁵ Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.11.2024).

¹⁶ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.11.2024).

¹⁷ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 26.11.2024).

¹⁸ “Wednesday” and “The Witcher” Casting Director Sophie Holland on Seeking Diversity and the Power of Casting to Change People’s Perceptions // Variety. URL: <https://variety.com/2023/artisans/features/wednesday-the-witcher-casting-director-sophie-holland-1235677927/> (дата обращения: 19.11.2024).

Председатель Госдумы В.В. Володин одной из причин развала СССР назвал выход в 1989 г. фильма «Интердевочка». «Все рукоплескали. Очереди в кинотеатр. Секретари ЦК ходили, смотрели. Итог? Страны не стало»¹⁹.

Культурный суверенитет — это совокупность социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния, быть защищенными от деструктивного идеологического и информационного воздействия, сохранять историческую память, придерживаться традиционных российских духовно-нравственных ценностей²⁰.

Под экономической безопасностью киноиндустрии мы рассматриваем систему организационно-управленческих отношений, обеспечивающую производственно-технологическую, финансовую, интеллектуальную, информационную, ментально-социальную, пространственную и внешнеэкономическую безопасность, основанную на идентификации внешних и внутренних угроз, возникающих на всех этапах создания и представления потребителю кинопродукции как результата производственно-технологической и творческой деятельности²¹.

На основании изложенного экономическая безопасность отечественной киноиндустрии является неотъемлемой составляющей обеспечения культурного суверенитета, духовно-нравственной основы национальной безопасности России и достижения стратегических национальных приоритетов.

Кокорин А.М.,

доцент кафедры продюсерского мастерства
Всероссийского государственного университета кинематографии
имени С.А. Герасимова,
кандидат экономических наук
(г. Москва)

Литература

1. Бакланов А. Териберка. Дальше только океан / А. Бакланов // СНОБ. 2017. 24 августа.
2. Кокорин А.М. Формирование системы экономической безопасности национальной киноиндустрии : автореферат диссертации кандидата экономических наук / А.М. Кокорин. Москва, 2019.
3. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. В 3 томах. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала / К. Маркс ; перевод И.И. Степанова-Скворцова. Ленинград : Государственное издательство политической литературы, 1949.
4. Пермьяков А. Мнение: Кисловодск становится центром кинематографического туризма / А. Пермьяков // РБК. 2024. 21 марта.
5. Сидоренко В.И. От идеи к бюджету фильма : учебное пособие для студентов вузов / В.И. Сидоренко. Москва : ЮНИТА-ДАНА, 2018.
6. Riley J. “Wednesday” and “The Witcher” Casting Director Sophie Holland on Seeking Diversity and the Power of Casting to Change People’s Perceptions / J. Riley // Variety. 2023. 24 July.

¹⁹ Володин связал фильм «Интердевочка» с распадом СССР // NTV. URL: https://www.ntv.ru/no_vosti/2854964/?ysclid=m3q0d5rccm59581791 (дата обращения: 20.11.2024).

²⁰ Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.11.2024).

²¹ Кокорин А.М. Формирование системы экономической безопасности национальной киноиндустрии : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2019. С. 8.

Особенности конституционных полномочий российского парламента в сфере обеспечения безопасности городов

Федеральное Собрание Российской Федерации в Конституции РФ характеризуется как представительный и законодательный орган. Реализуя правотворческие полномочия, Федеральное Собрание РФ принимает общеобязательные правовые предписания, обеспечивает законодательное регулирование отношений в области обеспечения безопасности. Однако, помимо законодательных, Федеральное собрание выполняет отдельные контрольные функции, а также полномочия по назначению должностных лиц и органов государственной власти. Палаты Федерального собрания наделены собственной компетенцией в сфере безопасности, при этом могут собираться совместно для заслушивания посланий Президента РФ. Председатели палат по должности входят в состав Совета Безопасности РФ. В результате именно Парламент РФ непосредственно устанавливает и предопределяет качественное состояние безопасности в государстве, включая безопасность в российских городах.

Ключевым направлением деятельности Федерального Собрания РФ является законодательствование, которое должно носить системный и консолидированный характер. К полномочиям Государственной думы относится принятие федеральных законов в области обеспечения безопасности. На Совет Федерации возложена обязанность их рассмотрения¹. Таким образом, данная категория законов является обязательной для рассмотрения палатами Федерального Собрания РФ, что представляется вполне логичным и обоснованным, учитывая значение безопасности для личности, общества и государства. Анализ законодательства в сфере обеспечения безопасности в городах показал, что соответствующие нормы содержатся в большом массиве действующего законодательства. По оценкам ученых, в России принято и действует более ста федеральных законов в сфере безопасности². В связи с чем абсолютно очевидно, что качество и системность законодательства во многом предопределяют качество правоприменительной деятельности по обеспечению безопасности в городах.

¹ Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (в действ. ред.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 25.11.2024).

² Белокрылова Е.А., Бевзюк Е.А. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/>

Палаты Федерального Собрания РФ самостоятельно и раздельно решают в соответствии с Конституцией РФ вопросы, относящиеся к их компетенции, для каждой из палат закреплены различные полномочия в сфере обеспечения безопасности.

Совет Федерации наделен широкими полномочиями в сфере обеспечения безопасности в городах. Именно данная палата Парламента РФ утверждает указы Президента РФ о введении чрезвычайного положения, в том числе в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств в городах, санкционирует изменение границ между субъектами Российской Федерации. Так, 27 декабря 2011 г. Совет Федерации утвердил³ соглашение, заключенное между Москвой и Московской областью⁴, согласно которому границы города федерального значения были расширены и в его состав включены новые территории.

Совет Федерации проводит консультации по предложенным Президентом РФ кандидатурам на должности Генерального прокурора РФ, руководителей федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих функции в сфере обеспечения безопасности личности, общества и государства; назначает и освобождает от должности судей Конституционного и Верховного судов РФ, включая их председателей и заместителей.

При Совете Федерации функционируют консультативно-совещательные органы, в том числе Комитет по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера; Комитет по обороне и безопасности, Совет по местному самоуправлению. По результатам заседаний данных органов принимаются решения, содержащие конкретные рекомендации органам публичной власти правового и управленческого характера, направленные на государственную поддержку социально-экономического развития городов и городских агломераций⁵; совершенствование контроля (надзора) за деятельностью органов местного самоуправле-

³ Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 27 декабря 2011 г. № 560-СФ «Об утверждении изменения границы между субъектами Российской Федерации городом федерального значения Москвой и Московской областью» // СЗ РФ. 2012. № 1. Ст. 17.

⁴ Соглашение об изменении границы между субъектами Российской Федерации городом Москвой и Московской областью (от 29 ноября 2011 г.): утв. Постановлением Московской городской Думы от 7 декабря 2011 г. № 372 «Об утверждении Соглашения об изменении границы между субъектами Российской Федерации городом Москвой и Московской областью», Постановлением Мособлдумы от 7 декабря 2011 г. № 1/177-П «Об утверждении Соглашения об изменении границы между субъектами Российской Федерации городом Москвой и Московской областью» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.11.2024).

⁵ Решение Совета по местному самоуправлению на тему «Государственная поддержка социально-экономического развития муниципальных образований в современных условиях (актуальные вопросы, механизмы и формы)» от 16 июля 2024 г. // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/media/files/D5ZgAldnvwIOAzsEJhQQ4EYB0fyBQgq7.pdf> (дата обращения: 26.11.2024).

ния и муниципальных учреждений⁶; повышение качества муниципального управления в городских округах, в том числе в сфере пожарной безопасности, внедрение современных технологий («Умный город»), затрагивающих все аспекты жизни города, включая безопасность⁷, и т.д. Таким образом, можно заключить, что обеспечению безопасности в городах со стороны Совета Федерации уделяется пристальное внимание.

Государственная дума, реализуя полномочия в сфере безопасности, утверждает кандидатуру Председателя Правительства РФ, предложенную Президентом РФ.

Однако вышеуказанные полномочия парламента нельзя признать исчерпывающими. Как уже упоминалось выше, палаты Федерального Собрания, помимо основной законодательной функции, осуществляют парламентский контроль (ст. 103.1 Конституции РФ), формы и методы которого являются не менее значимыми для обеспечения безопасности, включая безопасность российских городов. Справедливо мнение В.И. Васильева, А.В. Павлушкина и А.Е. Постникова о том, что наличие достаточных контрольных полномочий позволяет значительно укрепить авторитет законодательных органов⁸. Более того, обоснованна позиция Д.Л. Суркова, согласно которой реализация контрольных полномочий пронизывает компетенцию законодательного органа власти. В этом аспекте контроль является элементом общей государственной воли, выражаемой при принятии государственно-правовых и государственно-исполнительских решений⁹. Это обусловлено представительным характером данного органа власти, который выражает волю всего многонационального народа России.

В числе законодательно установленных форм парламентского контроля многие в той или иной степени охватывают сферу обеспечения безопасности в городах. Обратим внимание на те из них, которые являются наиболее значимыми для проводимого исследования. К ним относятся парламентские запросы, а также запросы сенаторов России и депутатские запросы руководителям органов публичной власти, «правительственный час», в рамках

⁶ Решение Совета по местному самоуправлению на тему «Актуальные вопросы совершенствования контроля (надзора) за деятельностью органов местного самоуправления и муниципальных учреждений» от 7 ноября 2023 г. // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/media/files/SP7KjhUasvnEcQ2qPCOIyYRi6qfTMV02.pdf> (дата обращения: 26.11.2024).

⁷ Решение Совета по местному самоуправлению на тему «Повышение качества муниципального управления» от 6 июня 2023 г. // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/media/files/RsSvSXrY89rcSGuk3ZctLAWFFDL1aUHD.pdf> (дата обращения: 26.11.2024).

⁸ Васильев В.И. Законодательные органы субъектов Российской Федерации: правовые вопросы формирования, компетенции и организации работы : учебное пособие / В.И. Васильев, А.В. Павлушкин, А.Е. Постников. М., 2001. С. 101.

⁹ Сурков Д.Л. Законодательная и исполнительная власть субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование) : монография. Иркутск, 1999. С. 152–153.

которого члены Правительства РФ и иные должностные лица заслушиваются палатами Федерального Собрания РФ. Они позволяют парламентам напрямую вести диалог с чиновниками, получать разъяснения по наиболее значимым вопросам и давать рекомендации по совершенствованию деятельности, в том числе в сфере обеспечения безопасности. Палаты парламента активно используют это право. По результатам заслушивания в рамках «правительственного часа» 28 июля 2023 г. министра РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий о защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций Совет Федерации выявил необходимость совершенствования законодательства в данной сфере с учетом новых вызовов и угроз для вновь присоединенных регионов Российской Федерации¹⁰. Заслушав информацию заместителя Председателя Правительства РФ о мерах по реализации приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды», Совет Федерации рекомендовал органам государственной власти субъектов и органам местного самоуправления городов исходить из приоритетной необходимости принятия мер по обеспечению правопорядка и общественной безопасности в городах¹¹.

Текущим парламентским контролем охватывается реализация государственных программ и национальных проектов. Так, концепция комплексного развития города-курорта Кисловодска¹² предусматривает совершенствование транспортной, инженерной и иной инфраструктуры, переселение граждан из аварийного жилья, повышение уровня экологической безопасности на территории города, реализацию плановых проектов по строительству и ремонту ряда социальных, культурных, спортивных, туристических объектов, масштабирование системы «Безопасный город». По результатам рабочей поездки в Кисловодск 24 июля 2024 г. Председатель Совета Федерации В.И. Матвиенко пришла к выводу, что дорожная карта комплексного развития города успешно реализуется, город развивается и благоустраивается¹³.

¹⁰ Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 28 июля 2023 г. № 547-ФЗ // Официальный сайт Совета Федерации. URL: <http://www.council.gov.ru/activity/documents/147390/> (дата обращения: 25.11.2024).

¹¹ Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 24 октября 2018 г. № 461-СФ // Официальный сайт Совета Федерации. URL: <http://council.gov.ru/activity/documents/97544/> (дата обращения: 25.11.2024).

¹² Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2016 г. № 2899-р «О перечне мероприятий по комплексному развитию города-курорта Кисловодска до 2030 года»; Распоряжение Правительства РФ от 11 сентября 2021 г. № 2540-Р «О перечне мероприятий по комплексному развитию городов-курортов региона Кавказских минеральных вод до 2030 года»; Закон Ставропольского края от 12 февраля 2020 г. № 27-КЗ «Стратегия социально-экономического развития города-курорта Кисловодска до 2035 года; Стратегия пространственного развития города-курорта Кисловодска до 2035 года (мастер-план) // Официальный сайт города-курорта Кисловодска. URL: <https://adm-kislovodsk.ru/site/section?id=400> (дата обращения: 25.11.2024).

¹³ В. Матвиенко посетила в Кисловодске Военный санаторий и встретила с участниками СВО, проходящими реабилитацию // Официальный сайт Совета Федерации. URL: <http://council.gov.ru/events/news/159021/> (дата обращения: 25.11.2024).

Новое качество развития современного курортного города напрямую влияет на повышение уровня его безопасности.

Парламентские слушания как одна из форм парламентского контроля также относятся к значимым инструментам обеспечения безопасности в российских городах. Российские парламентарии регулярно уделяют внимание сфере обеспечения безопасности в городах и вырабатывают конструктивные рекомендации в этой части. Так, на прошедших 24 июня 2024 г. в Государственной думе парламентских слушаниях по вопросу законодательного обеспечения опережающего социального развития Дальнего Востока и Арктики обсуждались вопросы интеграции мастер-планов развития городов Дальнего Востока и опорных населенных пунктов Арктической зоны в законодательство о градостроительной деятельности для реализации экономических и инфраструктурных проектов. Предложено создание единого национального стандарта по туристическим услугам для Дальнего Востока и Арктики, что позволит вывести на качественно новый уровень требования по безопасности организации отдыха в городах дальневосточного макрорегиона¹⁴.

Одним из существенных инструментов парламентского контроля Государственной Думы РФ является заслушивание ежегодных отчетов Правительства РФ, которые в том числе посвящены обеспечению безопасности городов. Так, 3 апреля 2024 г. Председатель Правительства РФ М.В. Мишустин отчитался об итогах работы в 2023 г., а также ответил на вопросы депутатов всех фракций, из них 309 вопросов были направлены в Правительство РФ депутатами письменно. Председатель Правительства РФ сообщил о запуске масштабных проектов обновления транспортной инфраструктуры, поскольку развитая транспортная инфраструктура существенно повышает безопасность в городах. В результате в 2023 г. построено и отремонтировано более 31 тыс. км дорог, открыто движение на трассе М-12 «Восток» от Москвы до Казани, то есть стали безопаснее около 53% региональных дорог. Реконструированы взлетно-посадочные полосы на аэродромах девяти городов, что помогло повысить связанность регионов. Отмечена работа Правительства РФ и Минтранса РФ по модернизации городского электрического транспорта, что также способствует повышению их комфортности и безопасности¹⁵.

Парламентские расследования являются важным контрольным механизмом обеспечения безопасности в городах. В представленном А.Ю. Кузнецовой итоговом докладе Парламентской комиссии по расследованию преступных действий в отношении несовершеннолетних со стороны киевского режима приведены сведения об убийствах детей в городах Донбасса

¹⁴ Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/59543/> (дата обращения: 28.11.2024).

¹⁵ В Государственной Думе прошел ежегодный отчет Правительства РФ // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://duma.gov.ru/news/59129/> (дата обращения: 28.11.2024).

и Новороссии, их похищениях в Луганске, Кременной, Донецке, Артемовске, Херсоне, Славянске, Мелитополе, Бердянске и других городах; преступлениях против половой неприкосновенности, установленных, в частности, в одном из городов Луганска; незаконных трансплантации органов и медицинских опытах над детьми в больницах Лисичанска и Мариуполя, а также в Рубежном и Северодонецке; умышленном создании угрозы жизни детей и нарушении их социальных прав; экономической и гуманитарной блокаде; пропаганде идеологии нацизма, в том числе с использованием информационных технологий; распространении наркотиков среди несовершеннолетних¹⁶. Доклад принят на пленарном заседании Государственной Думы и утвержден Советом Федерации¹⁷. По итогам деятельности Парламентской комиссии выработаны предложения, направленные на восстановление нарушенных прав несовершеннолетних, профилактику преступных посягательств со стороны иностранных государств, привлечение к ответственности причастных к преступлениям лиц¹⁸. Все эти меры обращены на обеспечение общественной безопасности в городах новых российских регионов.

Таким образом, анализ полномочий Федерального Собрания РФ позволяет сделать вывод о том, что по своей сути парламент России обладает реальной политической властью в сфере обеспечения безопасности¹⁹. Являясь высшим федеральным законодательным и представительным органом государственной власти, данный государственный орган не только осуществляет правотворческие функции и полномочия по назначению отдельных высших должностных лиц и органов, но и обладает действенными контрольными инструментами. Причем существенным представляется то, что данные органы посредством реализации комплекса возложенных на них полномочий участвуют в обеспечении безопасности не только государства в целом, но и всех российских городов. Это обусловлено тем, что города играют ключевую роль в стабильном функционировании и развитии государства, большин-

¹⁶ Анна Кузнецова представила итоговый доклад Парламентской комиссии по расследованию преступных действий в отношении несовершеннолетних со стороны киевского режима // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://duma.gov.ru/news/59521/> (дата обращения: 29.11.2024).

¹⁷ Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации № 182-СФ от 19 июня 2024 г. «Об итоговом докладе парламентской комиссии по расследованию преступных действий в отношении несовершеннолетних со стороны киевского режима» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 29.11.2024).

¹⁸ Итоговый доклад парламентской комиссии по расследованию преступных действий в отношении несовершеннолетних со стороны киевского режима // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <http://duma.gov.ru/media/files/Amekn1mKMUqVP0T8uNAUo7I09ICmOzMm.pdf> (дата обращения: 29.11.2024).

¹⁹ Баталов Д.Е. Законодательная власть в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : материалы VI Международной научно-практической конференции. Омск, 2022. С. 128–131.

ство граждан которых проживают в городской среде²⁰. В результате конституционной реформы 2020 г. на конституционном уровне установлены положения, не только определяющие юридический статус городов федерального значения как субъектов Российской Федерации, но и отражающие тот факт, что особенности осуществления публичной власти на территориях данных городов, а также административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и на других территориях могут устанавливаться федеральным законом. Таким образом, можно сделать вывод о конституционализации городов как основного места пребывания граждан, где удовлетворяются их политические, социальные, экономические, культурные и духовные интересы и потребности. Именно города являются центром приложения интеллектуальных, творческих и физических возможностей населения, в связи с чем обеспечение их безопасности является главным условием функционирования и развития не только самих городов, но и государства в целом.

Корабельникова Ю.Л.,
докторант факультета подготовки научных
и научно-педагогических кадров
Академии управления Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература

1. Баталов Д.Е. Законодательная власть в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / Д.Е. Баталов // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы : материалы VI Международной научно-практической конференции (г. Омск, 15–16 декабря 2021 г.) : сборник научных статей / члены редакционной коллегии : В.А. Гусев, М.А. Бучакова, С.М. Гасанова [и др.] ; председатель редакционной коллегии С.К. Буряков. Омск : Омская академия МВД России, 2022.
2. Васильев В.И. Законодательные органы субъектов Российской Федерации: правовые вопросы формирования, компетенции и организации работы : учебное пособие / В.И. Васильев, А.В. Павлушкин, А.Е. Постников. Москва : Городец-издат, 2001.
3. Сурков Д.Л. Законодательная и исполнительная власть субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование) : монография / Д.Л. Сурков. Иркутск : Издательство ИГЭА, 1999.
4. Белокрылова Е.А. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» / Е.А. Белокрылова, Е.А. Бевзюк. Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2012.

²⁰ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

Перспективы формирования российского социального государства

Социальное государство — достаточно сложное понятие, которое много лет является предметом исследования ученых-юристов. До настоящего времени доктрина не определилась с пониманием социального государства. Проведенный анализ имеющихся в научной литературе определений данного понятия позволяет выделить концептуальные различия в подходе ученых к понятию социального государства. Эти различия во многом связаны с его противоречивостью в связи с необходимостью обеспечения интересов как самого государства, так и различных слоев населения с их последующим ограничением.

В современной российской правовой литературе существуют различные подходы к дефиниции социального государства. В трактовке одних социальное государство раскрывается через оценочные суждения, нуждающиеся в дальнейшей конкретизации, — социальная справедливость, социальная солидарность, высокий уровень жизни (Е.А. Лукашева, А.М. Нечаева). Другие исследователи акцент делают не только на принципах социального государства, но и на механизме реализации, в том числе на перераспределении социальных благ (С.А. Авакьян, О.Е. Кутафин, И.А. Умнова-Конюхова, В.А. Иваненко, В.С. Иваненко, М.В. Баглай). Выделяется группа исследователей, которые подчеркивают целеполагание социального государства, заключающееся в создании условий для самореализации человека (В.Д. Зорькин, Л.Н. Кочеткова). Еще одна группа исследователей считает социальным государством юридическое выражение ответственности и обязанностей государства перед обществом и человеком по осуществлению социальной программы, заложенной в экономических, социальных и культурных правах (Н.В. Колотова), либо симметрично увязывают признаки социального государства с его социальной функцией. Обращает на себя внимание выделение отечественными авторами нравственно-этической составляющей природы социального государства. В частности, В.А. Иваненко, В.С. Иваненко определяют социальное государство как государство, в котором экономика, политика, идеология, законодательство, правоприменительная практика и другие сферы общественной жизни основываются на моральных общечеловеческих принципах социальной справедливости, равенства и общественной солидарности и направлены на создание условий, необходимых для достойной жизни и свободного развития каждого человека, в котором конституционно закреплены и гарантированы, реально обеспечиваются и соблюдаются основные экономические и социальные права и свободы человека и социальные обязанности государства перед обществом и человеком.

Развитие идеи социального государства имеет долгую историю и уходит своими корнями в идеи о равенстве, справедливости и достоинстве. Еще античные философы, такие как Платон и Аристотель, размышляли о социаль-

ной справедливости и распределении доходов государства для удовлетворения потребностей своих граждан.

Аристотель разработал формальную структуру справедливости, выделил две ее формы — уравнивающую и распределяющую. Уравнивающая справедливость предполагает воздаяние равным за равное, распределяющая — признает справедливым как равное, так и неравное распределение благ между различными лицами в зависимости от их вклада в общественное благо. Для Аристотеля понятие справедливости было главным понятием, которое регулировало и общественную, и политическую жизнь.

Дальнейшее развитие общества и идеи социального государства связано с идеологией классического либерализма (XVIII в.), в частности о независимости и индивидуальной свободе личности, принципе «негативной» свободы. В этот период роль феодального государства ослабляется, наблюдается интенсивный подъем частного предпринимательства, производственных сил, создание новых технологий. В результате этих процессов резко увеличилось фактическое неравенство между бедными и богатыми, что способствовало назреванию социальной напряженности в обществе.

Во второй половине XX столетия одни авторы отождествляют социальное государство с государством благоденствия (*welfare state*); другие — с трудовым государством (*work state*), то есть с государством, которое должно обеспечить лишь основные нужды человека (человек сам должен принимать меры для обеспечения своего существования); третьи авторы полагают, что проблематика социального государства в новом контексте постмодернизма перемещается в плоскость легитимного государства. В настоящее время все чаще используются термины *enabling state*, *work-fare state*, суть которых сводится к принципу поддержки со стороны государства каждого индивида, ответственного за свое благополучие, государство, в свою очередь, обеспечивает развитие экономики, стимулирует развитие занятости, в том числе путем создания рабочих мест, развития различных форм занятости.

Социальное государство должно обеспечивать достойный уровень жизни граждан, свободное развитие и самореализацию каждого человека через определение и гарантирование системы социальных прав, благ и обязанностей, основанной на принципах социальной справедливости, социальной ответственности и социальной солидарности и реализуемой государством в тесной взаимосвязи с обществом и каждым человеком. «В современную эпоху наблюдается устойчивая тенденция определения основных требований социального государства как принципа основ конституционного строя. В Конституции Российской Федерации трактовка социального государства дана через два основных критерия: создание государством условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ч. 1 ст. 7)»¹.

¹ Умнова-Конюхова И.А. Принцип социального государства в Российской Федерации: эволюция содержания и применение в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / И.А. Умнова-Конюхова, Е.Д. Костылева // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18. № 5. С. 14–19. EDN NMUEQG. С. 18.

Главный критерий социального государства — это интересы общества, населения, других социальных общностей и категорий людей. В социальном государстве наблюдаются социализация общественных интересов, повышение рейтинга социальных ценностей и приоритета социальной защиты таких общностей, как семья, дети, молодежь, пенсионеры, инвалиды, и других категорий, нуждающихся в социальной поддержке со стороны государства. В контексте противодействия росту социального напряжения возрастает значение таких принципов, как социальное единство, социальная солидарность, социальная справедливость, социальное благополучие, социальная идентичность, социальная ответственность.

Несмотря на общую позитивную динамику социализации государств, сохраняется немало проблем подлинного утверждения социальных прав. Одно из очевидных противоречий — диспропорции между содержанием социальных прав и отсутствием гарантий их реализации. Эти проблемы актуальны и для Российской Федерации. Социальная политика России еще не переориентировала в необходимой мере социальную деятельность публичной власти на создание более конструктивной социально-распределительной системы социальных благ и на эффективное внедрение новых технологий повышения качества и уровня жизни людей.

Сущность и содержание социальных прав определяют публично-правовые нарративы, целостная формализация которых обеспечивает эффективность реализации социально-правовых норм. Под такими нарративами понимаются: концепция, понятие и политика социального государства, его цели и задачи; социальные функции государства и права; социальные ценности как цели (благополучие, здоровье, социальная активность, трудовая занятость); социальные общности и социальные группы как объекты социальной защиты (например, семья, пожилые люди, инвалиды); социальная конституция как структурная формально-юридическая подсистема конституции, регулирующая социальный строй; социальное законодательство как система источников социального права.

Главные направления деятельности социального государства — это социальное обеспечение, социальное страхование, социальные услуги. Конституционно-правовые гарантии социального государства — это социальная защита, социальная безопасность, социальная ответственность. Общей целью социальной политики государства в сфере социальной защиты пожилых граждан выступает ориентир на здоровое старение, здоровый образ жизни, организацию досуга и комфортного проживания, реализацию планов пожилых людей и продление их трудовой деятельности.

Желаемый уровень социального государства охватывает задачи: повышения социальных стандартов жизни, обеспечения социальной справедливости в распределении благ, роста гарантий со стороны государства для обеспечения равных возможностей в получении социальных благ и социальном обеспечении, расширения доступности социальных услуг, введения бесплатного образования, бесплатного жилья и прочих недоступных сегодня

благ и услуг для работающей и незащищенной части населения, повышения качества жизни; обеспечения взаимной социальной ответственности власти, общества и индивида.

Социальная ответственность государства означает, что органы власти несут ответственность за реализацию социальной функции, обеспечивают эффективное функционирование отраслей социальной инфраструктуры. Ответственность общества состоит в активном участии в реализации социальной функции государства. Ответственность человека перед обществом и государством заключается в соблюдении законов и других правовых норм, в добросовестном отношении к труду, уплате обязательных платежей и выполнении других социальных обязательств, за счет которых, в частности, реализуется социальная политика государства.

Именно выработка и реализация социальной политики является важнейшим инструментом функционирования социального государства. Принцип социального государства предполагает обязанность государства обеспечить справедливый социальный строй; закрепление данного принципа в основном законе государства свидетельствует об определении цели государства.

Важнейшим фактором и условием развития социального государства является его финансовое обеспечение. Социальное государство реализует свои цели только при наличии высокоэффективной социально ориентированной экономики и ответственного отношения к труду всего экономически активного населения.

Основными критериями социального государства являются правовые нормы, регулирующие социальные права человека. Обеспечивая их реализацию, государство ищет баланс между социальной активностью человека и его возможностью удовлетворить свои социальные потребности. Российская Федерация в соответствии с Конституцией 1993 г. придерживается смешанной (либерально-демократической и социалистической) модели социального государства.

Конституционные поправки 2020 г. призваны обеспечить реализацию одной из основ конституционного строя — социального государства. Оценить эффективность реализации и целесообразность принятия поправок в социальной сфере можно будет спустя определенное время, в настоящее время ученые анализируют с позиции теоретических знаний.

Перед Российской Федерацией в настоящее время стоит очень много нерешенных задач и проблем, и одной из них является «необходимость удовлетворения сложившихся социальных потребностей при одновременной институциональной перестройке всей системы социальной защиты»². Особо остро стоит проблема разноразовного дохода населения и увеличения числа бедных людей.

² Умнова-Конюхова И.А. Конституционная доктрина социального государства в решениях Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации на примере защиты социальных прав / И.А. Умнова-Конюхова, Е.Д. Костылева // Правосудие. 2023. Т. 5. № 2. С. 128. DOI:10.37399/2686-9241.2023.2.110-131. EDN LAUYLG.

Гарантии реализации социальных прав зависят от многих составляющих, таких как уровень демографии в стране, наличие трудового потенциала, от которых во многом зависят показатели жизни пенсионеров (пенсии), развитости социальной инфраструктуры. Значение реализации социальных прав не вызывает сомнений, они занимают основное место в системе ценностей человека, а также «являются частью цивилизованного общества, выражая его моральный уровень, и являются индикатором справедливости»³. Обязательным признаком социальных прав является их обеспечение со стороны государства с учетом принципа социальной справедливости.

Перспективы формирования и совершенствования российского социального государства видятся в создании особой русской модели, применимой к современному состоянию экономики и принятой народом страны. Для формирования новой идеологии российского социального государства необходимо провести научные исследования с учетом современных тенденций развития общества, изучить и оценить отношение людей к существующим социальным проблемам и разобраться в их причинах. Новая модель социального государства должна способствовать реализации социальных программ, гарантированности социальных прав, предотвращению социальных конфликтов и обеспечению достойной жизни граждан.

Для российской государственности предпочтителен вариант концепции государства всеобщего благосостояния, учитывающий высокие стандарты прежде всего личной безопасности, экологической безопасности, доступность образования, здравоохранения, жилья. Необходимо также обеспечить всенародный доступ к культурным и духовным благам.

Все это требует перестройки социальных институтов и формирования такой системы, которая будет устойчива к шокovým ситуациям, молниеносно приспосабливаться к новым условиям и реалиям, иметь расширенный спектр вариативных мер для разрешения социальных проблем.

Костылева Е.Д.,

доцент кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука
Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература

1. Костылева Е.Д. Проблемы судебной защиты социальных прав и свобод в условиях кризиса / Е.Д. Костылева // Современный юрист. 2022. № 1 (38). EDN: CYWMTK.
2. Умнова-Конюхова И.А. Конституционная доктрина социального государства в решениях Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации на примере защиты социальных прав / И.А. Умнова-Конюхова, Е.Д. Костылева // Правосудие. 2023. Т. 5. № 2. DOI:10.37399/2686-9241.2023.2.110-131. EDN: LAUYLG.
3. Умнова-Конюхова И.А. Принцип социального государства в Российской Федерации: эволюция содержания и применение в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / И.А. Умнова-Конюхова, Е.Д. Костылева // Проблемы экономики и юридической практики. 2022. Т. 18. № 5. EDN: HMUEQG.

³ Костылева Е.Д. Проблемы судебной защиты социальных прав и свобод в условиях кризиса // Современный юрист. 2022. № 1(38). С. 20. EDN CYWMTK.

Стратегия вовлечения общественного самоуправления в систему муниципальной демократии (пути реализации конституционной и муниципальной реформы в России)

Общественное самоуправление — важная сфера развития муниципальной демократии и местного самоуправления в России. Одним из ключевых направлений муниципального реформирования после проведения конституционной реформы 2020 г. стало распространение на организационную основу местного самоуправления принципа единства публичной власти, предусмотренного в Конституции РФ 1993 г. (ч. 3 ст. 132).

Согласно данному принципу, органы местного самоуправления и органы государственной власти «входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории».

Следует подчеркнуть, что целевая функция данного принципа применительно к муниципальным образованиям включена также в конституционную норму. Такой функцией провозглашено «наиболее эффективное решение задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». Эта цель является многоплановой задачей, так как предполагает выявление и хорошее знание интересов местного населения, а также разработку и использование механизмов правового регулирования и организационного воздействия на муниципальное хозяйство и муниципальное управление. Повышать эффективность муниципального управления в целях обеспечения интересов местного населения — комплексная задача, вытекающая из принципа единства системы публичной власти.

В исследованиях в области территориального самоуправления и муниципальной демократии не раз отмечалось, что необходимо создавать *многоуровневую модель территориального самоуправления* в границах муниципальных образований и расширять сферу нормативно-правового регулирования в части поддержки развития территориального общественно-го самоуправления на уровне субъектов РФ. Среди предложений, сформулированных в сфере расширения нормативно-правовой основы деятельности территориального самоуправления, можно отметить два: 1) предложение принять на федеральном уровне федеральный закон о территориальном общественном самоуправлении (ТОС) (скорее об общих принципах организации и деятельности); 2) предложение принимать на региональном уровне

законы субъектов РФ по вопросам организации и деятельности территориального самоуправления (после соответствующего включения такой возможности в Федеральный закон № 131).

Появляется новая *тенденция встраивания органов общественного самоуправления в систему органов публичной власти*. Наблюдается тренд централизации в вопросах организационного взаимодействия ТОС и органов публичной власти, которая подтверждается тем, что ТОС приобретают новые полномочия и начинают более активно взаимодействовать с органами местного самоуправления в муниципальных образованиях. Появляется и стратегия развития территориального самоуправления в стране, призванная содействовать изучению опыта внедрения передовых технологий и форм участия, а также расширению координационных возможностей ассоциаций и советов ТОС.

Помимо этого, можно отметить позицию тех исследователей территориального самоуправления, которые обращают внимание на существование в российском законодательстве стимулирующего и мотивирующего воздействия на процесс организации ТОС¹. Доминирование стимулирующих и мотивационных норм в сфере организации территориального самоуправления снижает эффект активности ТОС снизу и увеличивает заинтересованность органов публичной власти в муниципальных образованиях мотивировать и создавать территориальное самоуправление под своим патронажем, так как финансирование и содействие их развитию возможно преимущественно через средства местного бюджета, распорядителем которых являются глава муниципального образования и местная администрация.

В 2021 году общенациональной ассоциацией ТОС (ОАТОС) на общем собрании было принято решение (от 13.05.2021), которым утверждена Стратегия развития территориального общественного самоуправления в Российской Федерации до 2030 г.². Появился документ *стратегического планирования в области территориального самоуправления*, который развивает нормативные возможности, заложенные в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ и согласуется в определенной части с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

В Стратегии развития ТОС предложены уровни организации системы ТОС (приложение 4): всего их семь. Однако не все из предложенных в стратегии уровней относятся к организации ТОС как института местного само-

¹ Nigmatzyanov A.A. Motivating and stimulating effect on the organization of territorial public self-government // Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law. 2024. Vol. 24. Iss. 3. P. 330–336 (in Russian). DOI:10.18500/1994-2540-2024-24-3-330336

² Стратегия развития территориального общественного самоуправления в Российской Федерации до 2030 г. // Официальный сайт Общероссийской ассамблеи ТОС. URL: <https://www.oatos.ru/> (дата обращения: 25.11.2024).

управления и общественного самоуправления в границах муниципальных образований. Семь уровней включают: 1) уровень дома и улицы (первичное звено ТОС); 2) уровень территории ТОС (уровень формирования блока партнеров ТОС для более активного вовлечения жителей и организаций, действующих на территории ТОС); 3) уровень части муниципалитета (под ним понимается округ (избирательный округ), на котором осуществляют свою деятельность несколько ТОС); 4) уровень муниципалитета (на этом уровне предлагается советам ТОС формировать совместно с органами местного самоуправления Совет по развитию ТОС при главе муниципального образования); 5) уровень субъекта РФ (на этом уровне формируется Совет по развитию ТОС при высшем должностном лице субъекта РФ на ежегодной муниципальной конференции ТОС); 6) уровень общероссийский (на этом уровне Общероссийская ассоциация ТОС выступает с инициативой создания консультативного органа по реализации национальных проектов и стратегии развития РФ, а при Председателе Правительства РФ формируется Совет по развитию ТОС); 7) уровень международный (на этом уровне представители ОАТОС участвуют в работе, обсуждении программ развития в Международной ассоциации развития сообществ (IACD))³.

Первые три уровня организации системы ТОС в целом отвечают требованиям действующего законодательства и связаны в той или иной степени с территориальными основами ТОС, реальной деятельностью и сотрудничеством ТОС как в границах собственной территории, так и в границах муниципального образования в целом. Четвертый уровень, отмеченный в стратегии, скорее призван наладить координацию деятельности различных ТОС в пределах отдельных муниципальных образований, а создание Совета по развитию ТОС при главе муниципального образования может иметь позитивный результат такой координации и уже предполагает совещательный орган делиберативного участия самоорганизованного населения в территориальном самоуправлении. В целом следует поощрять *создание делиберативных форм участия населения в муниципальной демократии* и в процессах взаимодействия органов территориального самоуправления и органов местного самоуправления⁴.

Пятый, шестой и седьмой уровни организации системы ТОС (из предложенных в стратегии) не относятся непосредственно к деятельности ТОС в тех территориальных границах, которые определены как возможные в действу-

³ Официальный сайт Международной ассоциации развития сообществ (International Association for Community Development (IACD)). URL: <https://www.iacdglobel.org/about> (дата обращения: 25.11.2024).

⁴ См.: Кравец И.А. Делиберативный народный конституционализм и конституционные изменения: формы, процедуры и технологии в сравнительной конституционной теории и практике (к 30-летию Конституции РФ в сравнительном аспекте) // Государство и право. 2023. № 12. С. 48–58.

ющем законодательстве. Это уровни деятельности (пятый и шестой в первую очередь) не самих ТОС, а ассоциаций или советов ТОС как форм сотрудничества ТОС между собой (в форме некоммерческой организации, например, ассоциации ТОС) или как формы представительства интересов ТОС в органах публичной власти (регионального или федерального уровня), формы делиберативного участия ТОС в обсуждении и принятии решений по вопросам организации и деятельности ТОС в системе публичной власти, что в целом согласуется с принципом единства системы публичной власти. Что же касается седьмого уровня, то он отражает возможности международного сотрудничества не самих ТОС, а ассоциаций ТОС или советов ТОС с международными структурами и, в частности, с Международной ассоциацией развития сообществ. Представляется важным развивать и внедрять в практику все отмеченные уровни в организации системы ТОС, однако следует дифференцировать уровни деятельности ТОС как формы самоорганизации населения на части территории муниципального образования и формы ассоциативного сотрудничества ТОС между собой и органами публичной власти на различных территориальных уровнях.

Исследователи обращают внимание на некоторые проблемы взаимодействия органов ТОС и органов местного самоуправления. Возможно активное вовлечение в политическую деятельность ТОС на стороне действующего главы муниципального образования (особенно для мотивирования избирателей на муниципальных выборах). Глава муниципального образования может быть заинтересован в этом случае в финансировании деятельности ТОС для формирования мотивационного поведения⁵. А Федеральный закон № 131 и муниципально-правовые акты о территориальном самоуправлении не препятствуют такому политическому подходу и не гарантируют равные материально-финансовые основы деятельности ТОС в пределах муниципального образования.

Меры государственно-правового (а не муниципального-правового) характера, направленные на развитие территориального самоуправления, стали появляться во многих субъектах РФ задолго до принятия Стратегии развития территориального общественного самоуправления в Российской Федерации до 2030 г. Так, постановление губернатора Новосибирской области от 1 февраля 2018 г. № 21 «О мерах по созданию условий для развития территориального общественного самоуправления в муниципальных образованиях Новосибирской области»⁶ было издано во исполнение Указа Пре-

⁵ См.: Рой О.М. Территориальное общественное самоуправление: возможности ликвидации или неисчерпанные возможности // Вестник СурГУ. 2017. Вып. 2 (16). С. 99–104.

⁶ Постановление губернатора Новосибирской области от 1 февраля 2018 г. № 21 «О мерах по созданию условий для развития территориального общественного самоуправления в муниципальных образованиях Новосибирской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.11.2024).

зидента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»⁷. Региональный нормативно-правовой акт был направлен на создание условий для развития ТОС на территории Новосибирской области. Данный документ закрепляет комплекс мероприятий по оказанию информационно-методической, консультационной, организационной помощи органам местного самоуправления муниципальных образований Новосибирской области, а также «меры государственной поддержки территориального общественного самоуправления на условиях софинансирования с местными бюджетами по вопросам создания и развития деятельности территориального общественного самоуправления на территориях муниципальных районов и городских округов Новосибирской области». Однако влияние принципа единства системы публичной власти, отраженного в новеллах 2020 г. в Конституции РФ, пока слабо ощутимо на уровне муниципально-правового и регионального государственно-правового регулирования.

Многие регионы Российской Федерации, в том числе Новосибирская область, осуществляют поддержку развития территориального общественного самоуправления. К примеру, в соответствии с постановлением Правительства Новосибирской области от 26 декабря 2018 г. № 570-п «Об утверждении государственной программы Новосибирской области “Развитие институтов региональной политики и гражданского общества в Новосибирской области”»⁸, способами эффективного решения относительно направлений государственной программы являются: содействие в развитии институтов местного самоуправления, стимулирование активного участия населения в решении вопросов местного значения. В число активно используемых форм вовлечения граждан входят инициативное бюджетирование, проведение публичных слушаний с участием граждан, поощрение правотворческой инициативы. Вместе с тем нуждается в серьезной проработке вопрос о законодательном гарантировании и муниципально-правовом развитии форм делиберативного участия граждан в муниципальной демократии, включая расширение возможностей по организации и проведении собраний граждан (ассамблей граждан) локального уровня по предусмотренной повестке дня заседания или по вопросам, обязательным для предварительного

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2017. № 4. Ст. 637.

⁸ Постановление Правительства Новосибирской области от 26 декабря 2018 г. № 570-п «Об утверждении государственной программы Новосибирской области “Развитие институтов региональной политики и гражданского общества в Новосибирской области”» (ред. от 15.07.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.11.2024).

рассмотрения на собраниях граждан по месту жительства (которые на текущий момент, как правило, отсутствуют в системе действующего правового регулирования).

По последним данным, в Новосибирской области действуют 1283 ТОС⁹, свое развитие они получили при поддержке государственной программы Новосибирской области «Развитие институтов региональной политики и гражданского общества»; в настоящее время во всех городских округах и муниципальных районах области приняты муниципальные программы по развитию территориального общественного самоуправления.

Данные о реализации государственной программы Новосибирской области показывают, что в период с 2019 по 2023 г. из областного бюджета ежегодно осуществлялось финансирование «на поддержку развития ТОС в объеме 20 млн рублей и около 7 млн рублей — из местных бюджетов». В 2024 году практика оказания финансовой поддержки была увеличена с 20 до 81,5 млн руб. Это были субсидии на реализацию проектов ТОС через софинансирование мероприятий муниципальных программ развития ТОС муниципальных районов и городских округов, инициированных жителями муниципальных образований.

Кравец А.А.,

старший преподаватель кафедры государственного управления
и отраслевых политик Сибирского института управления —
филиала Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
(г. Новосибирск)

Литература

1. Кравец И.А. Делиберативный народный конституционализм и конституционные изменения: формы, процедуры и технологии в сравнительной конституционной теории и практике (к 30-летию Конституции РФ в сравнительном аспекте) / И.А. Кравец // Государство и право. 2023. № 12.
2. Нигметзянов А.А. О мотивирующем и стимулирующем воздействии на организацию территориального общественного самоуправления / Нигметзянов А.А. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24. № 3. DOI:10.18500/1994-2540-2024-24-3-330336
3. Рой О.М. Территориальное общественное самоуправление: возможности ликвидации или неисчерпанные возможности / О.М. Рой // Вестник Сургутского государственного университета. 2017. № 2 (16).

⁹ В Новосибирской области начал работу масштабный форум местного и общественного самоуправления. Официальный сайт Правительства Новосибирской области. URL: <https://www.nso.ru/news/66005> (дата обращения: 27.11.2024).

Ассамблеи граждан в конституционном праве: в поисках национальной идентичности¹

Делиберативные процедуры и гражданское участие: конституционное прочтение учредительной власти

Развитие теории и практики демократического участия в конце XX в. и первой четверти XXI в. совпало с активным обсуждением трудностей, проблем и успехов новой волны *делиберативной демократии и делиберативных переговоров*, которые стали рассматриваться многими учеными и практиками как *неотъемлемый тренд в конституционном развитии современных демократических государств* и как *фактор влияния на процесс конституционных изменений*². Возникает феномен делиберативного народного конституционализма³, и развивается доктрина и практика демократического конституционного дизайна⁴.

Одни исследователи утверждают, что опыт демократических государств показывает *влияние различных институтов делиберативной демократии на процесс конституционной модернизации*, где ключевая тема — это «демократические инновации посредством обсуждения», полагая, что такой подход может вполне оправданно иметь и своих сторонников, и своих противников⁵. Другие исследователи обращают внимание на изменение публичной сферы, где происходит коммуникация по важнейшим вопросам конституционного характера и демократического участия, появляются демократические инновации, в том числе и в связи с использованием новых информационных и цифровых технологий. Демократические инновации изменяют представление о *динамических возможностях действующей конституции* и о *социально-политических и социально-технологических аспектах* преобразования конституции. Интерес к социально-правовым технологиям

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00627 (<https://rscf.ru/project/23-28-00627>) «Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы)».

² Reuchamps M., Vrydagh J., Welp Y. De Gruyter Handbook of Citizens' Assemblies. Berlin, Boston : De Gruyter, 2023. P. 1–36.

³ Кравец И.А. Народный делиберативный конституционализм как коллективная мудрость: понятие и предназначение в российской и сравнительной конституционной юриспруденции // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 10. С. 37–46.

⁴ Кравец И.А. Демократический конституционный дизайн в современном государстве и публично-правовой коммуникации: воля народа, мнение экспертов, правовая и информационная инженерия органов публичной власти // Юридический мир. 2024. № 4. С. 18–21.

⁵ Eerola A., Reuchamps M. Constitutional Modernisation and Deliberative Democracy: A Political Science Assessment of Four Cases // Revue interdisciplinaire d'études juridiques. 2016/2. Vol. 77. P. 319–336, 319. DOI:10.3917/riej.077.0319

реформирования конституций, осмысление роли новой коммуникационной среды между органами публичной власти и гражданами в процессах конституционных изменений становятся все более актуальными⁶.

Третьи исследователи, выражая скепсис в отношении эффективности использования новых технологий (в том числе в виде краудсорсинговых парламентских платформ), тем не менее, считают возможным их изучение для понимания динамики, востребованности и некоторой концептуализации опыта демократических инноваций. Этот опыт имеет значение в немалой степени и для формирования *права на информационное самоопределение в современном демократическом государстве*⁷.

Российские конституционалисты (профессор С.А. Авакьян) прозорливо полагают, что конституционное право постепенно «все в большей мере становится правом общества», «масштабы влияния общественных сил на государственные дела тоже радикально меняются»⁸. Александр Хадсон, зарубежный исследователь проблем «завесы участия» (граждан и политических партий) в процессах разработки конституции, отмечает, что «стремление разрешать сложные проблемы, консультируясь с народом заново» — «это один из великих импульсов нынешней эпохи»⁹.

С философско-правовой и политической точек зрения трансформацию публичной сферы исследует Ю. Хабермас, указывая на то, что «публичная сфера представляет собой социальный феномен, выходящий далеко за рамки функционального вклада в демократическое принятие решений в конституционных государствах»¹⁰.

Действующее конституционное право пока мало внимания уделяет формам участия граждан в демократическом создании конституций и конституционных поправок; такой подход предполагает *выявление и постулирование нормативного содержания процедур делиберации*. Оправданным является мнение Елены Гарсиа-Гуитиан, как исследователя делиберативного участия граждан: «Конституции являются инструментами, которые выражают суверенную волю народа, но они также являются гарантией его коммуникативной власти»¹¹.

⁶ Конституция и права человека: современная доктрина и практика / И.А. Алешкова, П.Н. Андреева, О.С. Белослудцев [и др.]. М. : Институт государства и права РАН, 2021. С. 68–69.

⁷ Обеспечение прав человека и осуществление публичной власти в современных условиях: проблемы и решения / С.А. Авакьян, М.В. Антонов, Н.В. Варламова [и др.]. М. : Институт государства и права РАН, 2023. С. 11.

⁸ Авакьян С.А. Основные тенденции современного развития конституционного права // Конституционное право: итоги развития, проблемы и перспективы : сборник материалов международной научной конференции / отв. ред. С.А. Авакьян. М. : РФ-Пресс, 2017. С. 6.

⁹ Hudson A. The veil of participation: citizens and political parties in constitution-making processes. New York : Cambridge University Press, 2021. P. 2.

¹⁰ Habermas J. Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik. Berlin : Suhrkamp, 2022. S. 10.

¹¹ García-Gutián E. The meanings of deliberation and citizen participation. Representing the citizens in constitution-making processes // Deliberative Constitution-making. Opportunities and Challenges / eds. by M. Reuchamps, Y. Welp Abingdon, Oxon : Routledge, 2024. P. 17.

Обращаясь к делиберативным процедурам в публичной сфере (в том числе и по *конституционным или иным значимым вопросам*), следует понять, насколько важны обсуждения и их сопутствующие процедуры — переговоры для согласования интересов и достижения заявленных целей. В *теории политических переговоров* существует убеждение, что во многих (если не во всех) демократиях *переговоры так же важны, как и правило большинства*. Джейн Мэнсбридж и Кэти Джо Мартин отмечают, что «делиберативные переговоры описывают тип политических переговоров, которые с наибольшей вероятностью приведут к соглашениям, которые охватывают интересы и ценности широкого большинства, оставаясь совместимыми с демократическими идеалами»¹². Влияние *делиберативной доктрины на различные сферы политики* (как внутренней, так и внешней) становится в первые два десятилетия XXI века особенно актуальным и ощутимым.

Уже в последней декаде XX столетия *технологии делиберативных переговоров* были применены для разработки и принятия Конституции Южно-Африканской Республики в период 1994–1996 гг., в частности, использовались некоторые инновационные методы вовлечения граждан («О написании и сертификации конституции» в 1994–1996 гг.)¹³: например, была создана «*конституционная линия разговоров*» и запущена программ «*публичных конституционных собраний*» в рамках более широкой «Программы участия общественности» (Public Participation Programme (PPP)). Уникальность южно-африканского опыта была и в том, что впервые была применена процедура судебной «*сертификации*» конституции¹⁴.

В Бразилии идея «*конституции граждан*» (*'citizens' constitution'*) стала основой для процессов демократизации при переходе от авторитарного военного правления, разработки и принятия Конституции 1988 г. с последующим созданием *инфраструктуры народного включения* (*'popular sector inclusion'*)¹⁵.

В Колумбии и Венесуэле *элементы конституционного популизма и формы демократического участия* нашли закрепление в новых конституциях и отразились на использовании как традиционных, так и новых институтов участия граждан в обсуждении и формировании публичной политики

¹² Political negotiation: a handbook / eds. by Jane Mansbridge and Cathie Jo Martin. Washington, D.C. : Brookings Institution Press, 2016. P. 4.

¹³ См.: Writing and Certifying the Constitution (1994–1996). <https://ourconstitution.wethepeoplesa.org/timelines/writing-and-certifying-the-constitution/> (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁴ Judgment, 6 September 1996. Constitutional Court of South Africa. Certification of The Constitution of The Republic of South Africa, 1996, Case CCT 23/96. URL: <https://www.saflii.org/za/cases/ZACC/1996/26.pdf> (дата обращения: 20.10.2024).

¹⁵ См.: Constituição Da República Federativa Do Brasil. Constituição Federal de 1988 atualizada até a Emenda Constitucional nº 134/2024 // Câmara dos Deputados — Palácio do Congresso Nacional. URL: https://www2.camara.leg.br/atividade-legislativa/legislacao/constituicao1988/arquivos/ConstituicaoTextoAtualizado_EC%20134.pdf

(например, ассамблеи граждан, или *Cabildo Abierto*, и др.). Институт *'cabildo abierto'*, рожденный первоначально в испанской Кастилии и получивший распространение в колониальных владениях метрополии как элемент городских советов, изменил свой статус, *поднялся до конституционного уровня* и стал в XX и XXI вв. рассматриваться как *модернизированная форма муниципального и народного конституционализма* или в качестве составной части в механизме *народного участия* в некоторых конституциях Латинской Америки: в Колумбии — Конституция Колумбии 1991 г. (ст. 103)¹⁶ и в Венесуэле — Конституция Венесуэлы 1999 г. (ст. 70 и 348)¹⁷.

Можно отметить следующие особенности процессов конституционных изменений с участием граждан. Во-первых, опыт и нормативное регулирование форм демократического участия в различных частях мира (в том числе *привлечение граждан для разработки и принятия конституционных поправок и проектов конституций*) говорят нам, что следует отказаться от узкого понимания источников и географии распространения демократических инноваций и делиберативной демократии как «принадлежащих западным демократиям» в современный период. На это вполне оправданно указывает Жюльен Вридаг¹⁸.

Во-вторых, *широкое распространение и использование инструментов делиберативной демократии в различных странах мира* не сопровождается, как правило, созданием устойчивых конституционных демократий и усилением влияния граждан на принятие решений в системе представительной демократии. Например, существует ограниченный или даже сомнительный успех делиберативных и иных форм участия граждан в различных регионах мира, в том числе в странах Латинской Америки.

В-третьих, ряд исследователей отмечают сомнительный оптимизм, другие полагают, что «демократические и авторитарные силы переплетены в политических процессах и институциональном дизайне»; вследствие чего получается такой симбиоз, который не всегда отнюдь конструктивно влияет на процесс и глубину «включения граждан в политические решения». Эта тенденция демонстрирует, что *делиберативная политика может не содействовать демократизации представительного правления*, а текущее состояние можно описать как «закрывание латиноамериканской политики одобрения демократических тенденций»¹⁹.

¹⁶ См.: Constitución de Colombia, 1991, con enmiendas hasta 2015. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Colombia_2015.pdf?lang=es

¹⁷ См.: Конституция Боливарианской Республики Венесуэла 1999 г. (Constitucion De La Republica Bolivariana De Venezuela). URL: https://www.oas.org/dil/esp/constitucion_venezuela.pdf

¹⁸ Vrydagh J. Citizens' assemblies: An introduction // Reuchamps M., Vrydagh J., Welp Y. De Gruyter Handbook of Citizens' Assemblies. Berlin, Boston : De Gruyter, 2023. P. 1–36, 3.

¹⁹ Valdés-Ugalde F. Democracy in Latin America: The Failure of Inclusion and the Emergence of Autocratization. Berlin, Boston : De Gruyter, 2023. DOI:10.1515/9783110773675

О природе ассамблей граждан

Существует по меньшей мере *три подхода к пониманию ассамблей граждан*, которые применяются в конституционном праве, в доктрине и практике представительного правления и в юриспруденции прав человека (которая опирается на национальную юрисдикцию, но вполне может найти содержательные элементы в наднациональной и международной юрисдикциях относительно собраний граждан и гражданских инициатив).

Первый подход возникает на заре конституционных (буржуазно-демократических) революций и связан с *формой осуществления конституирующей власти* в ходе разработки и принятия первых писаных конституций. Полноправные граждане как учредители должны были собираться для разработки, обсуждения и принятия конституции; формой их сбора выступали *национальные собрания, национальные конвенты, учредительные собрания* и другие формы коллективного обсуждения и принятия решений по вопросу проекта конституции (то есть *конституционных коллективных действий*)²⁰.

Второй подход является *наиболее распространенным* и возникает в связи с реализацией права граждан собираться мирно и без оружия, — это форма политического коллективного самовыражения тех или иных позиций, взглядов; это разновидность форм публично-правовой массовой коммуникации и одновременно, как можно полагать, форма политического участия. Многие институты политической системы и гражданского общества (что говорит о сложной, многоплановой природе свободы собраний) используют собрания и (или) конференции граждан для институционализации и работы политических партий, общественных объединений как политического, так и не политического характера, для обсуждения и принятия решений в различных некоммерческих организациях (национально-культурных автономиях, профсоюзах, др.)²¹.

²⁰ Из отечественных работ, анализирующих природу учредительной власти, следует отметить следующие: Комарова В.В. Учредительная власть: теория и механизм ее реализации // Евразийский юридический журнал. 2011. № 4(35). С. 61–64; Балагурова Н.Н. Учредительная власть: понятие и способы ее реализации // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7(145). С. 14–19; Шустров Д.Г. Теория учредительной власти: пределы изменения конституции и конституционный контроль за их соблюдением. М. : Юрлитинформ, 2021. Из зарубежных авторов, обративших внимание на специфическую роль учредительной власти в современном правовом порядке, см.: Negri A. Insurgencies. Constituent Power and the Modern State. Minneapolis, London : University of Minnesota Press, 1999; Loughlin M. The Concept of Constituent Power // European Journal of Political Theory. 2014. Vol. 13 (2). P. 218–237; Kalyvas A. Popular Sovereignty, Democracy and Constituent Power // Constellations. 2005. Vol. 12, № 2. P. 223–244. DOI:10.1111/j.1351-0487.2005.00413.x; Hardt M., Negri A. Assembly. Oxford University Press, 2017. 369 p.; Oklopcic Z. The Paradox of Constitutionalism: Constituent Power and Constitutional Form // International Journal of Constitutional Law. 2008. Vol. 6. Iss. 2. P. 358–370. DOI:10.1093/icon/mon006

²¹ См., например, новейшую работу сравнительно-правового характера о праве публичных собраний в России и Германии: Саленко А.В. Право публичных собраний в России и Германии : монография / А.В. Саленко ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Высшая школа права. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023.

Третий подход возник сравнительно недавно под воздействием *инклюзивной парадигмы участия граждан в конституционных изменениях и развитием форм делиберативной демократии*. В данной парадигме понимания и развития *ассамблей граждан* важное значение приобретают способы кооптации членов таких собраний, непрофессиональный характер их деятельности, специально предусмотренный круг вопросов для обсуждения и принятия решений по важнейшим публично-правовым проблемам современности, включая вопросы разработки и обсуждения поправок к конституции, проекта новой конституции или вопросы *национального и/или глобального значения*²².

Как *мини-публики (мини-общества, мини-общественности)*, так и более широкое понятие *ассамблей граждан* предназначены в современной конституционной теории для осмысления институтов участия граждан; их продвижение в различные публично-правовые институты и процедуры было связано с достижением *триединой цели*: 1) создание условий для *последовательного демократического обсуждения публично значимого вопроса* (большее количество граждан, хотя очевидно, что не все (как полагает Янина Велп) «будут думать о публичной проблеме, если у них будет время для обсуждения этого вопроса»)²³; 2) *развитие инклюзивной парадигмы демократического участия* (включение обычных граждан через процедуры отбора или путем жеребьевки); 3) оказание влияния на процесс разработки и принятия решений в публичной политике, в том числе на основе учета мнений и различных интересов («влияние на разработку политики»).

Конституционная линия разговоров, мини-публики, ассамблеи граждан, цифровое участие, инициативное бюджетирование проектов, референдумы по инициативе граждан и ряд других форм гражданской активности в первой четверти XXI столетия правомерно рассматриваются в качестве различных *типов демократических инноваций*²⁴, которые оказывают влияние на многоуровневое государственное правление, так как могут применяться и применяются на различных территориальных уровнях организации публичной власти.

²² Reuchamps M., Vrydagh J., Welp Y. De Gruyter Handbook of Citizens' Assemblies. Berlin, Boston : De Gruyter, 2023; Chwalisz C. Introduction: Deliberation and new forms of governance // OECD. Innovative Citizen Participation and New Democratic Institutions: Catching the Deliberative Wave. Paris : OECD Publishing, 2020. DOI:10.1787/2884d4c0-en; Smith G. Democratic Innovations: Designing Institutions for Citizen Participation, Theories of Institutional Design. Cambridge : Cambridge University Press, 2009; Chwalisz C. Reimagining democratic institutions: Why and how to embed public deliberation // OECD. Innovative Citizen Participation and New Democratic Institutions: Catching the Deliberative Wave. Paris : OECD Publishing, 2020. DOI:10.1787/056573fa-en

²³ Welp Y. Citizens' assemblies: Beyond utopian and dystopian approaches // Reuchamps M., Vrydagh J., Welp Y. De Gruyter Handbook of Citizens' Assemblies. Berlin, Boston : De Gruyter, 2023. P. 393–406, 394.

²⁴ О подходах к типологизации демократических инноваций в контексте государственного управления. См.: Handbook of Democratic Innovation and Governance / eds. By Stephen Elstub, Oliver Escobar. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA : Edward Elgar Publishing, 2019. P. 11–31.

Исследователи *поколений делиберативной демократии* ставят вопрос о появлении *четвертого поколения* в связи с *возрождением научно-прикладного интереса* и к делиберативным системам, осмыслением их *нового значения в современном мире*. «Системный подход к делиберативной демократии, — пишут исследователи, — открывает новый способ мышления о публичном обсуждении»²⁵. Системность изучения и исследования предполагает «более тщательное теоретическое критическое изучение и эмпирическое исследование»²⁶, а также концептуализацию проблем и перспектив развития делиберативных систем.

Таким образом, существуют различные национальные модели и международный опыт использования, нормативного регулирования института ассамблей граждан и форм участия граждан в конституционных изменениях.

Кравец И.А.,

заведующий кафедрой конституционного и муниципального права,
главный научный сотрудник Института философии и права
Новосибирского государственного университета (НГУ),
доктор юридических наук, профессор
(г. Новосибирск)

Литература

1. Авакьян С.А. Основные тенденции современного развития конституционного права / С.А. Авакьян // Конституционное право: итоги развития, проблемы и перспективы : материалы международной научной конференции (г. Москва, 16–18 марта 2017 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор С.А. Авакьян. Москва : РГ-Пресс, 2017.
2. Балагурова Н.Н. Учредительная власть: понятие и способы ее реализации / Н.Н. Балагурова // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (145).
3. Комарова В.В. Учредительная власть: теория и механизм ее реализации / В.В. Комарова // Евразийский юридический журнал. 2011. № 4 (35).
4. Конституция и права человека: современная доктрина и практика / И.А. Алешкова, П.Н. Андреева, О.С. Белослудцев [и др.]. Москва : Институт государства и права РАН, 2021.
5. Кравец И.А. Демократический конституционный дизайн в современном государстве и публично-правовой коммуникации: воля народа, мнение экспертов, правовая и информационная инженерия органов публичной власти / И.А. Кравец // Юридический мир. 2024. № 4. DOI:10.18572/1811-1475-2024-4-18-21
6. Кравец И.А. Народный делиберативный конституционализм как коллективная мудрость: понятие и предназначение в российской и сравнительной конституционной юриспруденции / И.А. Кравец // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 10. DOI:10.18572/1812-3767-2024-10-37-46

²⁵ В книге используется термин «поколения» как обобщающий термин, который раскрывает «повествование об изменениях в делиберативной демократии, которые не являются линейными, подобно метафоре “волны” в феминизме». Авторская цель — «привнести согласованность и единство в разнообразие подходов к делиберативной демократии». См.: Elstub S., Ercan S.A., Mendonça R.F. The fourth generation of deliberative democracy // *Deliberative Systems in Theory and Practice* / eds. by Stephen Elstub, Selen A. Ercan and Ricardo Fabrino Mendonça. Abingdon, Oxon, UK : Routledge, 2018. DOI:10.4324/9781351182645; оригинальную статью см.: Elstub S., Ercan S.A., Mendonça R.F. The fourth generation of deliberative democracy // *Critical Policy Studies*. 2016. Vol. 10. Iss. 2. P. 139–151.

²⁶ Ibid.

7. Обеспечение прав человека и осуществление публичной власти в современных условиях: проблемы и решения / С.А. Авакьян, М.В. Антонов, Н.В. Варламова [и др.]. Москва : Институт государства и права РАН, 2023.
8. Саленко А.В. Право публичных собраний в России и Германии : монография / А.В. Саленко. Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023.
9. Шустров Д.Г. Теория учредительной власти: пределы изменения конституции и конституционный контроль за их соблюдением / Д.Г. Шустров. Москва : Юрлитинформ, 2021.
10. Chwalisz C. Introduction: Deliberation and new forms of governance / C. Chwalisz // *Innovative Citizen Participation and New Democratic Institutions: Catching the Deliberative Wave*. Paris : OECD Publishing, 2020. DOI:10.1787/2884d4c0-en
11. Chwalisz C. Reimagining democratic institutions: Why and how to embed public deliberation / C. Chwalisz // *Innovative Citizen Participation and New Democratic Institutions: Catching the Deliberative Wave*. Paris : OECD Publishing, 2020. DOI:10.1787/056573fa-en
12. Eerola A. Constitutional Modernisation and Deliberative Democracy: A Political Science Assessment of Four Cases / A. Eerola, M. Reuchamps // *Revue interdisciplinaire d'études juridiques*. 2016. Vol. 77 (2). DOI:10.3917/riej.077.0319
13. Elstub S. The fourth generation of deliberative democracy / S. Elstub, S.A. Ercan, R.F. Mendonça // *Deliberative Systems in Theory and Practice* / eds. by S. Elstub, S.A. Ercan, R.F. Mendonça. Abingdon, Oxon, UK : Routledge, 2018. DOI:10.4324/9781351182645
14. Elstub S. The fourth generation of deliberative democracy / S. Elstub, S.A. Ercan, R.F. Mendonça // *Critical Policy Studies*. 2016. Vol. 10. Iss. 2.
15. García-Gutián E. The meanings of deliberation and citizen participation. Representing the citizens in constitution-making processes / E. García-Gutián // *Deliberative Constitution-making. Opportunities and Challenges* / eds. by M. Reuchamps, Y. Welp. Abingdon, Oxon : Routledge, 2024.
16. Habermas J. Ein neuer Strukturwandel der Öffentlichkeit und die deliberative Politik / J. Habermas. Berlin : Suhrkamp, 2022.
17. Handbook of Democratic Innovation and Governance / eds. by S. Elstub, O. Escobar. Cheltenham, UK ; Northampton, MA, USA : Edward Elgar Publishing, 2019.
18. Hard M. Assembly / M. Hardt, A. Negri. Oxford University Press, 2017.
19. Hudson A. The veil of participation: citizens and political parties in constitution-making processes / A. Hudson. New York : Cambridge University Press, 2021.
20. Kalyvas, A. Popular Sovereignty, Democracy and Constituent Power / A. Kalyvas // *Constellations*. 2005. Vol. 12. Iss. 2. DOI:10.1111/j.1351-0487.2005.00413.x
21. Loughlin M. The Concept of Constituent Power / M. Loughlin // *European Journal of Political Theory*. 2014. Vol. 13 (2).
22. Negri A. Insurgencies. Constituent Power and the Modern State / A. Negri. Minneapolis, London : University of Minnesota Press, 1999.
23. Oklopcic Z. The Paradox of Constitutionalism: Constituent Power and Constitutional Form / Z. Oklopcic // *International Journal of Constitutional Law*. 2008. Vol. 6. Iss. 2. DOI:10.1093/icon/mon006
24. Political negotiation: a handbook / eds. by J. Mansbridge, C.J. Martin. Washington, D.C. : Brookings Institution Press, 2016.
25. Reuchamps M. De Gruyter Handbook of Citizens' Assemblies / M. Reuchamps, J. Vrydagh, Y. Welp. Berlin, Boston : De Gruyter, 2023.
26. Smith G. Democratic Innovations: Designing Institutions for Citizen Participation, Theories of Institutional Design / G. Smith. Cambridge : Cambridge University Press, 2009.
27. Valdés-Ugalde F. Democracy in Latin America: The Failure of Inclusion and the Emergence of Autocratization / F. Valdés-Ugalde. Berlin, Boston : De Gruyter, 2023. DOI:10.1515/9783110773675
28. Vrydagh J. Citizens' assemblies: An introduction / J. Vrydagh // *De Gruyter Handbook of Citizens' Assemblies* / eds. by M. Reuchamps, J. Vrydagh, Y. Welp. Berlin, Boston : De Gruyter, 2023. DOI:10.1515/9783110758269-003
29. Welp Y. Citizens' assemblies: Beyond utopian and dystopian approaches / Y. Welp // *De Gruyter Handbook of Citizens' Assemblies* / eds. by M. Reuchamps, J. Vrydagh, Y. Welp. Berlin, Boston : De Gruyter, 2023. DOI:10.1515/9783110758269-031

О конституционном принципе невозможности лишения гражданства Российской Федерации

Принцип невозможности лишения гражданства Российской Федерации и права на его изменение получил свое закрепление в ч. 3 ст. 6 Конституции Российской Федерации¹.

Принятие нового Федерального закона (ФЗ) от 28 апреля 2023 г. «О гражданстве Российской Федерации», который вступил в силу 26 октября 2023 г., существенно разграничило правовое положение лиц, рожденных гражданами Российской Федерации, и натурализованных лиц, в части оснований прекращения гражданства². Таким образом, законодатель четко разделил своих граждан на две категории, закрепив различные основания прекращения гражданства, что, как представляется, противоречит одному из основных конституционных принципов — принципу равенства.

Так, согласно Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 6), гражданство Российской Федерации является единым и равным независимо от оснований приобретения. Кроме того, ч. 2 этой же ст. 6 Конституции предусматривает, что «каждый гражданин... несет равные обязанности...».

Поэтому исследование и анализ оснований прекращения гражданства рожденных и натурализованных граждан Российской Федерации представляются актуальными на современном этапе государственного развития.

Важно отметить, что указанные выше принципы гражданства относительно невозможности лишения гражданства, о равенстве граждан независимо от оснований приобретения гражданства, а также о равных обязанностях граждан закреплены в главе 1 «Основы конституционного строя» Конституции Российской Федерации.

Необходимо обратить внимание, что указанные нормы находятся в той части Конституции, которая может быть изменена только по особой, усложненной, по сравнению с иными частями Конституции, процедуре, а фактически влечет принятие новой Конституции, поскольку изменения касаются основ конституционного строя.

Кроме того, согласно ч. 2 ст. 16 Конституции РФ, никакие другие положения настоящей Конституции не могут противоречить основам конституционного строя Российской Федерации.

¹ Конституция Российской Федерации (с изменениями, внесенными на общероссийское голосование). М. : Изд-во АСТ, 2020. С. 4.

² О гражданстве Российской Федерации : Федеральный закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2023. № 18. Ст. 3215.

Поэтому указанные конституционные принципы гражданства являются нормами прямого действия, обладают высшей юридической силой как относительно норм иных глав Конституции, так и всего текущего законодательства.

Необходимо отметить, что и в новом ФЗ от 28 апреля 2023 г. «О гражданстве Российской Федерации» указанные конституционные принципы также нашли свое закрепление (в ст. 5) и фактически полностью повторяют конституционные положения.

Статья 22 ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» закрепляет основания прекращения гражданства, к которым относятся:

1) добровольное волеизъявление гражданина Российской Федерации (выход из гражданства Российской Федерации);

2) сообщение заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию Российской Федерации и законодательство Российской Федерации, выразившееся в том числе в совершении:

а) преступления (приготовление к преступлению или покушение на преступление).

Данное основание прекращения гражданства применяется только относительно лиц, которые приобрели гражданство Российской Федерации в результате признания гражданином Российской Федерации на основании федерального конституционного закона, международного договора Российской Федерации или приема в гражданство Российской Федерации. На сегодняшний день указанное основание прекращения гражданства распространяется на совершение преступлений по 64 статьям Уголовного кодекса Российской Федерации³;

б) действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации.

Гражданство Российской Федерации прекращается по данному основанию, если гражданин Российской Федерации, который приобрел гражданство Российской Федерации в результате признания гражданином Российской Федерации на основании федерального конституционного закона, международного договора Российской Федерации или приема в гражданство Российской Федерации, совершил действия, создающие угрозу национальной безопасности Российской Федерации.

Факт совершения действий, создающих угрозу национальной безопасности Российской Федерации, устанавливается органами федеральной службы безопасности, о чем выносится заключение. Порядок вынесения заключения и его форма определяются федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности;

³ Уголовный кодекс Российской Федерации : принят 13 июня 1996 г. // СЗ РФ. 1996 . № 25. Ст. 2954.

3) установление факта представления лицом поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщения им заведомо ложных сведений, на основании которых принималось решение о приеме в гражданство Российской Федерации или решение о признании гражданином Российской Федерации.

Факт представления заявителем поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщения заявителем заведомо ложных сведений устанавливается судом;

4) иные основания, предусмотренные международным договором Российской Федерации (РФ), предоставляющим возможность сохранить или изменить гражданство.

К числу иных оснований прекращения гражданства закон относит выбор иного гражданства (оптацию) при изменении государственной границы (ст. 20). Международными договорами РФ в настоящее время иные основания для прекращения гражданства РФ не установлены.

Представляется необходимым также отметить, что 24 августа 2024 г. группой депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации был внесен законопроект № 703353-8 «О внесении изменения в статью 24 Федерального закона “О гражданстве Российской Федерации” (в части расширения перечня преступлений, совершение которых влечет за собой прекращение гражданства Российской Федерации)», который также касается прекращения гражданства исключительно натурализованных граждан⁴.

Кроме того, с принятием нового закона о гражданстве РФ институт отмены решений о приеме в гражданство Российской Федерации, который действовал в предыдущем ФЗ от 31 мая 2002 г. «О гражданстве РФ»⁵, фактически поглотился институтом прекращения гражданства Российской Федерации.

Анализ зарубежной практики прекращения гражданства свидетельствует, что основаниями такого прекращения могут являться: добровольный выход из гражданства; лишение гражданства; утрата гражданства; наличие международных договоров; прекращение существования государства как субъекта международных отношений.

Соответственно, российская модель исследуемого правового института предусматривает добровольный выход из гражданства, который применим как к лицам, которые рождены гражданами, так и натурализованным лицам,

⁴ Проект Федерального закона от 24 августа 2024 г. № 703353-8 «О внесении изменения в статью 24 Федерального закона “О гражданстве Российской Федерации” (в части расширения перечня преступлений, совершение которых влечет за собой прекращение гражданства Российской Федерации)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/703353-8>

⁵ О гражданстве Российской Федерации : Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ // СЗ ФР. 2002. № 22. Ст. 2031.

а также принудительный, который, согласно новому закону, применяется только в отношении натурализованных граждан.

Федеральный закон устанавливает 10-летний срок, по окончании которого нельзя принять решение о прекращении гражданства Российской Федерации в связи с нарушениями, допущенными в процессе приема в гражданство. Вместе с тем, в случае прекращения гражданства Российской Федерации, в связи с совершением определенного перечня преступлений 10-летний срок не применяется (ст. 24).

Ввиду отсутствия четкого закрепления в законодательстве трактовки основных терминов, связанных с прекращением гражданства, представляется целесообразным их изучить и проанализировать.

Относительно прекращения гражданства в научных источниках употребляются различные термины, которые схожи, но имеют различные правовые последствия для лиц, в отношении которых они применяются: «выход из гражданства», «отмена решения о приеме в гражданство», «лишение гражданства», «утрата гражданства».

Относительно термина «выход из гражданства», его трактовка имеется в действующем федеральном законе (п. 1 ч. 1 ст. 22), под ним понимается именно добровольное волеизъявление гражданина Российской Федерации.

Согласно предыдущему ФЗ «О гражданстве РФ» (ст. 22) была предусмотрена возможность отмены решений по вопросам гражданства Российской Федерации, т.е. фактически в отношении лица, которое получило гражданство на основании подложных документов или заведомо ложных сведений либо отказалось от принесения присяги, — принималось решение о признании его гражданства ничтожным, изначально недействительным в силу закона. Таким образом, такое лицо не могло впоследствии считаться лицом, когда-либо имевшим российское гражданство.

Подтверждает ничтожность отмененного гражданства и позиция Конституционного Суда РФ в определении от 11 февраля 2021 г. № 183-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности части второй статьи 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»», согласно которой отмена решения о приеме лица в российское гражданство, когда после его вынесения выявлен факт невыполнения этим лицом установленных законом условий приобретения гражданства, не является лишением гражданства, а представляет собой конституционно допустимую меру, притом что решение уполномоченного органа об отмене решения о приеме в гражданство не носит произвольный характер⁶.

⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Верховного Суда Республики Карелия о проверке конституционности части второй статьи 22 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»: Определение Конституционного Суда РФ от 11 февра-

В свою очередь, институт лишения гражданства представляет собой прекращение гражданства по решению государственных органов против воли данного лица. Как отмечают исследователи (И.А. Алебастрова⁷, С.Ю. Пронякина⁸), лишение гражданства является санкцией, применяемой к лицу в случаях, если его поведение не согласуется с интересами данного государства. Подобное применение института лишения гражданства прослеживается и в понимании советского законодателя, поскольку Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. предусматривал лишение гражданства в качестве санкции за совершение ряда контрреволюционных действий⁹. В дальнейшем, как отмечает Н.М. Милованов, с принятием Основ уголовного законодательства в 1956 г. лишение гражданства перестает быть мерой уголовной ответственности, но сохраняется в качестве меры конституционной ответственности¹⁰.

На сегодняшний день, как уже было отмечено в начале исследования, Конституция РФ в ч. 3 ст. 6 исключает какую-либо возможность лишения гражданства Российской Федерации.

Такой подход, с точки зрения его оценки соответствия интересам человека и государства, является весьма сложным. С одной стороны, это создает дополнительные гарантии прав гражданина, а с другой — исключает возможность для государства изменить свое отношение к гражданину в силу его поведения и совершенных деяний.

Вероятно, законодатель, закрепляя в новом ФЗ «О гражданстве РФ» различные основания прекращения гражданства относительно рожденных и натурализованных граждан Российской Федерации, как раз и предусматривает свое право на изменение отношения к гражданам в силу их неправомерного поведения. Однако, как представляется, такой подход однозначно нарушает норму Конституции о равном гражданстве независимо от оснований его приобретения, а также о равенстве обязанностей.

Зарубежный опыт свидетельствует о наличии еще одного инструмента прекращения гражданства, который называется «утратой гражданства». Встречается данный термин и в ФЗ «О гражданстве РФ» 2023 г., в ст. 11, которая закрепляет обязанность граждан РФ подавать уведомление об утрате

ля 2021 г. № 183-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-11022021-n-183-o/> (дата обращения: 24.09.2024).

⁷ Алебастрова И.А. Конституционное право зарубежных стран. М.: Проспект, 2007. С. 48.

⁸ Пронякина С.Ю. Лишение гражданства как особое основание прекращения правовой связи с государством // Юридические исследования. 2021. № 10. С. 61.

⁹ Уголовный кодекс РСФСР: принят 2-й сессией ВЦИК XII созыва: введен в действие 1 января 1927 г. постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757374/> (дата обращения: 24.09.2024).

¹⁰ Милованов Н.М. Лишение гражданства: опыт России и зарубежных стран // Научно-практический электронный журнал «Аллея науки. 2018. № 4(20). URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/053April18/ (дата обращения: 24.02.2024).

гражданства (подданства) иностранного государства. Однако далее в законе отсутствует трактовка данного понятия.

Анализ зарубежного опыта института утраты гражданства (Австрия, Андорра, Украина) позволяет выделить основания, в связи с которыми лицо автоматически утрачивает свое гражданство: получение гражданства иностранного государства; длительное проживание вне страны своей государственной принадлежности без регистрации в консульских учреждениях; приобретение гражданства вследствие обмана, представление неправдивых сведений или фальшивых документов; добровольное поступление гражданина на воинскую службу иностранного государства без согласия государства его гражданской принадлежности.

Таким образом, утрата гражданства существенно отличается от институтов «отмены решения о приеме в гражданство» и от «лишения гражданства», поскольку имеет совершенно другие правовые последствия.

Если отмена решения о приеме в гражданство свидетельствует о ничтожности гражданства конкретного лица, т.е. его недействительности с самого момента приобретения; а лишение гражданства является санкцией, применимой государством к правонарушителю в качестве меры наказания; то утрата гражданства — наиболее «мягкий» правовой инструмент прекращения гражданства, поскольку наступает автоматически вследствие нарушений со стороны гражданина, но не влечет для него иных мер юридической ответственности, кроме конституционной.

Представляется, что именно институт автоматической утраты гражданства вследствие совершения гражданином запрещенных государством действий является наиболее оптимальным вариантом для возможного изменения государством своего отношения к гражданину в силу его поведения и совершенных деяний. Такой инструмент позволяет автоматически прекратить гражданство «неблагонадежных» граждан, которые собственными деяниями повлекли его применение.

Современное развитие миграционной политики в России характеризуется сочетанием жесткой публичной риторики в защиту национальных интересов и правопорядка от рисков, возникающих из-за притока мигрантов¹¹. Кроме того, как отметил председатель Следственного комитета, в России увеличилось число преступлений, совершенных мигрантами и лицами без гражданства в 2023-м и начале 2024 г. В Следственном комитете предлагается добавить совершение умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления к основаниям для лишения приобретенного гражданства. Усилить контроль за иностранцами планируют с помощью использования процедур биоме-

¹¹ Попова С.М., Яник А.А., Карпова С.Ф. Трансформация миграционной политики России: этапы, особенности, проблемы (1989–2023) // Административное и муниципальное право. 2023. № 4. С. 38.

трии, дактилоскопии, геномной регистрации и цифрового учета места работы и жительства.

Кроме того, проведение Российской Федерацией специальной военной операции (СВО) также обострило многие проблемы, касающиеся в том числе лояльности граждан к собственному государству.

Указанные выше обстоятельства однозначно вызывают необходимость реагирования со стороны государства, при этом с применением не только мер уголовного наказания, но и конституционно-правовых санкций.

Таким образом, принятие в состав России новых субъектов, существенно возросший миграционный поток, упрощение порядка и оснований приобретения российского гражданства поставили новые задачи и вызовы перед государством в сфере защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, а также обеспечения обороны и безопасности государства.

Вероятно, включая в новый ФЗ «О гражданстве» нормы о возможном прекращении гражданства России, которые касаются исключительно натурализованных граждан, законодатель исходил прежде всего из приоритета прав и свобод граждан, необходимости защиты интересов государства и общества. Однако подобное разграничение граждан на тех, кто был рожден россиянином, и тех, кто стал им впоследствии, представляется не соответствующим сразу нескольким конституционным принципам, в частности: принципу невозможности лишения гражданства, принципу равенства граждан независимо от оснований приобретения гражданства и принципу равных обязанностей граждан. Кроме того, фактически создает огромную категорию граждан «второго сорта» (получивших гражданство путем натурализации, признания, оптации), которых можно фактически лишить гражданства, в отличие от граждан, имеющих гражданство России по рождению. Также подобная градация граждан несколько противоречит заявленным гуманным целям СВО.

Указанная ситуация ставит вопросы к конституционности некоторых положений нового законодательства о гражданстве.

В этой связи предлагается закрепить институт «автоматической утраты гражданства» в законодательстве Российской Федерации, что даст возможность государству реагировать на деяния «неблагонадежных» граждан и позволит обеспечить конституционный принцип равенства граждан, при этом не будет дискриминировать натурализованных граждан, а применяться ко всем гражданам одинаково.

Законодателю необходимо очень детально проработать вопрос об основаниях автоматической утраты гражданства с тем, чтобы эти основания были однозначны для понимания и применения ко всем гражданам Российской Федерации.

Институт прекращения гражданства в последние годы находится в постоянном развитии, о чем свидетельствуют неоднократные поправки в закон, а также принятие нового ФЗ «О гражданстве РФ», поэтому дальнейшее совершенствование данного института является неизбежным, подлежит дальнейшему исследованию, анализу и трансформации.

Кулакова Е.В.,

доцент кафедры конституционного и международного права
Юридического факультета
Донецкого государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

Литература

1. Алебастрова И.А. Конституционное право зарубежных стран / И.А. Алебастрова. Москва : Проспект, 2007.
2. Милованов Н.М. Лишение гражданства: опыт России и зарубежных стран / Н.М. Милованов // Аллея науки. 2018. Т. 2. № 4 (20).
3. Попова С.М. Трансформация миграционной политики России: этапы, особенности, проблемы (1989–2023) / С.М. Попова, А.А. Яник, С.Ф. Карпова // Административное и муниципальное право. 2023. № 4.
4. Пронякина С.Ю. Лишение гражданства как особое основание прекращения правовой связи с государством / С.Ю. Пронякина // Юридические исследования. 2021. № 10.

Судебная делиберация как инструмент совершенствования социального законодательства¹

За четыре года существования новых норм Конституции РФ после принятия закона о поправке к Конституции Конституционный Суд РФ при рассмотрении дел внимательно отнесся к ее новейшим положениям, в том числе к применению в конституционном правосудии ст. 75.1, закрепляющей, что в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. По данным официального сайта Конституционного Суда РФ, более 200 актов, из них 181 Постановление Конституционного Суда за период с 1 июля 2020 г. по 1 июля 2023 г., содержат ссылки на указанную норму, устанавливая, по мере возможности, связи преемственности с прежними позициями в контексте новых норм Конституции РФ и наполняя новым смыслом содержание идеи социального государства.

В юридической науке указывается, что «конституционная догматизация принципа социального государства, то есть закрепление соответствующих положений в Конституции РФ, отражает стремление государства и, что не менее важно, самого общества, запрос которого лежит в основе определения вектора социальной политики, к формированию позитивной политической повестки, проведению изменений, позволяющих создать максимальный объем возможностей для человека»².

По мнению Н.С. Бондаря, «при всей важности научных дискуссий и многообразии оценок конституционного развития России нельзя не признать, что в плане правовой стратегии, пожалуй, главное, в чем, безусловно, нуждается наше общество, — это предсказуемость, научная обоснованность, по-

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00627 (<https://rscf.ru/project/23-28-00627>) «Коммуникативный конституционализм и конституционная мобилизация: проблема делиберативного участия в публичном и информационном пространстве и трансформация системы публичной власти (концепты, нормы и институциональные механизмы)».

² Клишас А.А. Современная концепция социального государства : монография / А.А. Клишас ; предисл. Т.Я. Хабриевой ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023. С. 263.

литическая выверенность перспектив конституционного будущего»³. Этот подход должен стать базисом при формировании современной модели социального государства, где, по мнению И.М. Ильина, «сохраняются проблемы подлинного утверждения социальных прав. Одно из очевидных противоречий — диспропорция между содержанием социальных прав и гарантией их реализации. Эти проблемы актуальны для современной России, которая до настоящего времени не переориентировала социальную политику на создание более конструктивной перераспределительной системы социальных благ и эффективное внедрение новых технологий повышения качества и уровня жизни людей»⁴. В связи с этим одну из основных ролей в этом процессе играет Конституционный суд, который на основании поправок к Конституции РФ 2020 г. корректирует содержательные характеристики трудовых правоотношений, их целеполагание. Трудовой кодекс РФ, принятый в 2001 г., является итогом законотворческой деятельности эпохи «жесткого капитализма», рассматривает трудовые отношения с позиций равноправия сторон в рамках абсолютной рыночной экономики, оставляя государству роль ночного сторожа, но поправки в Конституцию вносят этическую составляющую в эти правоотношения, что должно порождать гуманизацию трудовых правоотношений. Но законодатель не активизировался после поправок в части изменения Трудового кодекса РФ, хотя непосредственное изменение норм трудового права не всегда способствует достижению этой цели, а в большинстве случаев делает это невозможным. В связи с этим проводником этой политики выступает Конституционный Суд РФ, который путем формирования правовых позиций в сфере свободы труда и применения норм ст. 75.1 Конституции РФ обуславливает новый виток правовой мобилизации. Примером тому служат правовые позиции, в которых Конституционный суд стимулирует законодателя по-новому посмотреть на содержание «старых» норм Трудового кодекса РФ. В Постановлении от 11 апреля 2023 г. № 16-П Конституционный Суд РФ подчеркивает, что «...возможность собственным трудом обеспечить себе и своим близким средства к существованию представляет собой естественное благо, без которого утрачивают значение многие другие блага и ценности... Поскольку заработная плата (оплата труда работника) является для большинства работников основным (а зачастую и единственным) источником дохода, постольку задержка ее выплаты, а равно и ее невыплата либо выплата не в полном размере, как правило, приводят к снижению уровня материального обеспечения работника и членов его семьи, тем самым ограничивая право указанных лиц

³ Цит. по: Стратегии правового развития России : монография / колл. авт. ; под ред. О.Ю. Рыбакова. 3-е изд., стер. М. : ЮСТИЦИЯ, 2020. С. 54.

⁴ Ильин И.М. К вопросу о праве человека на достойный уровень жизни (конституционно-правовой аспект) // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 4-1. С. 100.

на достойное существование и в определенной мере посягая на само их достоинство. Вместе с тем достоинство личности, равно как и уважение человека труда, составляет основу прав и свобод человека, гражданина и работника и одновременно выступает в качестве необходимого условия существования и соблюдения этих прав и свобод, охраняется и защищается государством, и ничто не может быть основанием для его умаления (статья 21, часть 1; статья 75.1 Конституции Российской Федерации)».

В Постановлении от 25 июня 2023 г. № 32-П предметом рассмотрения явилась часть вторая ст. 135 Трудового кодекса РФ, которая «не содержит требований к локальным нормативным актам и ограничений для работодателя при их принятии, тем самым предоставляя ему право изменять по своему усмотрению определенную коллективным договором систему оплаты труда в части, касающейся стимулирующих выплат, и не устанавливает приоритета коллективного договора над локальными нормативными актами, а часть первая статьи 193 данного Кодекса не определяет критериев отнесения лиц, занятых у работодателя, к числу его представителей, уполномоченных на привлечение работника к дисциплинарной ответственности. <...> Такой пробел в правовом регулировании имеет конституционную значимость, поскольку приводит к нарушению не только права работника на справедливую заработную плату, но и конституционного права на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации, а также принципов справедливости и равенства и не согласуется с конституционными предписаниями об уважении человека труда и самого труда и с конституционно одобряемыми целями возможных ограничений прав и свобод человека и гражданина».

Формулировки отсылки в правовых позициях Конституционного суда к норме Конституции РФ, содержащейся в ст. 75.1, свидетельствуют о том, что Конституционный Суд РФ еще не избрал для себя приемлемую концепцию использования новых конституционных принципов, адаптируя норму под каждое конкретное дело через взаимосвязь с конституционными правами и свободами, закрепленными в главе 2. При этом законодатель, когда идет по пути конституционализации принципов социального государства, пытается тем самым создать прочный фундамент защиты социально-экономических прав либо через политическую волю, либо через судебный механизм. Конституционный Суд РФ через формулирование правовых позиций со ссылкой на норму ст. 75.1 Конституции РФ склонен отдавать приоритет общему функционированию конституционной системы, которая состоит из прав и принципов и в которой его решения призваны производить ожидаемые эффекты. Это явление очевидно в вышеупомянутой прецедентной практике Конституционного Суда РФ в тех случаях, когда отсутствуют адекватные нормы и стабильные иерархические порядки, но при этом ценности и принципы

не следует стигматизировать, а, скорее, рассматривать как неизбежные конституционные положения, которые являются эластичными и открытыми для судей и законодателя. На этом фоне судебное правотворчество посредством использования ценностей и принципов вследствие бездействия законодательных властей является востребованным и оправданным.

В контексте представленных правовых позиций отсылка к норме ст. 75.1 выступает неким принципом, лежащим в основе современного механизма защиты конституционных прав и свобод, где происходит в настоящее время смещение акцента на коммуникативный дискурс, где, по мнению В.Н. Руденко, «граждане как участники коммуникативного дискурса взаимодействуют с органами власти по важнейшим вопросам закрепления и защиты прав человека, артикулируя в этом взаимодействии свои интересы»⁵. Также он указывает, что «это концепция делиберативной демократии, развитая в трудах Ю. Хабермаса, ключевой идеей которого является теория о том, что только те действия значимы, с которыми все лица, кого они, возможно, затрагивают, могли бы согласиться, выступая в качестве участников рационального дискурса»⁶. В литературе отмечается, что «делиберативная модель демократии позволяет включить в процесс принятия решений всех субъектов политического процесса и повысить степень легитимности конституционного правопорядка»⁷. По сути, делиберативная демократия направлена на создание и участие в аутентичных и аргументированных дебатах для принятия решения о курсе действий. Другими словами, если оно носит совещательный характер, то является инклюзивным и значимым. Безусловно, четыре года — это небольшой срок для формирования потенциала новых конституционных норм, и Конституционный Суд РФ, как орган конституционного контроля, в настоящее время находится в поиске оптимальных решений их применения и толкования в своей практике. В то же время в ходе обсуждения закона о поправке 2020 г. Конституционный суд давал заключение⁸, хотя законодательно этого не требовалось. В процес-

⁵ Руденко В.Н. Делиберативная демократия в аксиологии защиты прав человека // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. Наук. 2017. Т. 17. Вып. 4. С. 120.

⁶ Руденко В.Н. Стратегия коммуникативного дискурса в конституционно-правовой защите прав человека // Дискурс-Пи. 2018. № 2 (31). С. 142.

⁷ Дробот С.Е. Коммуникативные возможности политического участия в механизме конституционной модернизации: ретроспективные аспекты и перспективы совершенствования // История государства и права. 2023. № 5. С. 22.

⁸ Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 1-3 о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации. URL: <http://pravo.gov.ru>

се конституционной модернизации в 2020 г. КС РФ выступил основным экспертом по предлагаемым конституционным нормам. В данном контексте он является элементом делиберативного конституционализма с экспертно-профессиональным представительством.

Макарцева (Раздъяконова) Е.В.,

доцент кафедры конституционного и муниципального права
Новосибирского государственного университета,
кандидат юридических наук
(г. Новосибирск)

Литература

1. Дробот С.Е. Коммуникативные возможности политического участия в механизме конституционной модернизации: ретроспективные аспекты и перспективы совершенствования / С.Е. Дробот // История государства и права. 2023. № 5.
2. Ильин И.М. К вопросу о праве человека на достойный уровень жизни (конституционно-правовой аспект) / И.М. Ильин // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 4–1.
3. Клишас А.А. Современная концепция социального государства : монография / А.А. Клишас ; предисл. Т.Я. Хабриевой. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023.
4. Руденко В.Н. Делиберативная демократия в аксиологии защиты прав человека / В.Н. Руденко // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2017. Т. 17. № 4.
5. Руденко В.Н. Стратегия коммуникативного дискурса в конституционно-правовой защите прав человека / В.Н. Руденко // Дискурс-Пи. 2018. № 2 (31).
6. Стратегии правового развития России : коллективная монография / под редакцией О.Ю. Рыбакова. 3-е изд., стер. Москва : Юстиция, 2016.

О правовых основаниях отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации

Среди мер ответственности, которые могут быть применены к высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации, ключевой является отрешение от должности главы субъекта Российской Федерации Президентом Российской Федерации. Центральная роль данного вида ответственности обусловлена прежде всего тем, что данная мера несет максимально негативные последствия по сравнению с остальными, ведь высшее должностное лицо субъекта Федерации в случае применения к нему выговора, предупреждения или временного отстранения от своих обязанностей имеет законом установленные возможности для восстановления своего положения. А отрешение главы субъекта Российской Федерации — это полное лишение его специального статуса должностного лица.

Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 414-ФЗ) устанавливает перечень оснований для отрешения высшего должностного лица субъекта Федерации от должности. Одним из них является утрата доверия Президента Российской Федерации. Дискуссии по определению правовой природы «утраты доверия» и установлению ее конкретных законных границ по-прежнему острые, хотя данный термин функционирует в нашем государстве уже не первый десяток лет.

Впервые в законодательстве такое основание применения института отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, как утрата доверия, появилось в Федеральном законе от 11 декабря 2004 г. № 159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и в Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”»¹.

Вообще, данные изменения выглядели как установление ответственности высшего должностного лица субъекта Федерации перед Президентом Российской Федерации по причине утраты доверия Президента либо за ненад-

¹ Федеральный закон от 11 декабря 2004 г. № 159-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и в Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2004. № 50. Ст. 4950.

лежащее исполнение своих обязанностей, а также ответственности за издание актов, противоречащих Конституции и федеральному законодательству, и неприведение их в соответствие с судебным решением в течение определенного срока.

То есть Президент Российской Федерации назначал главу субъекта Федерации, соответственно, оказывал ему доверие, и это логично, что именно президент потом ему и отказывал в этом доверии. Получается, что между двумя субъектами выстраивается связь не только субординационного характера, но и правового и психологического. Наличие доверия, безусловно, необходимо в отношениях двух властных субъектов, так как это существенно влияет на эффективное выполнение ими своих функций.

Кроме того, доверие Президента Российской Федерации к высшему должностному лицу субъекта Федерации можно рассматривать с нескольких позиций: во-первых, это отношения субординации между вышестоящим властным субъектом и нижестоящим; во-вторых, это позиция населения, которое представляет Президент Российской Федерации, по отношению к главе региона; и, в-третьих, позиция главы Федерации к главе составной части Федерации. Еще доверие напрямую влияет на такой параметр, как распределение полномочий между Федерацией и ее составными частями, а именно если Федерация достаточно доверяет субъекту Федерации, то и круг передаваемых на региональный уровень полномочий будет шире, и наоборот. А так как Президент Российской Федерации представляет федеральный уровень, а главы субъектов — региональный уровень, то и аспект доверия здесь будет играть немаловажную роль.

Вообще, Толковый словарь Д.Н. Ушакова гласит, что «доверие — это убежденность в чьей-нибудь честности, порядочности; вера в искренность и добросовестность кого-нибудь»².

По мнению В.В. Наумкиной, «термин “доверие” больше относится к сфере взаимодействия между уровнями власти или должностными лицами и может носить как правовой, так и политический, этически-нравственный характер»³.

Но характеризовать институт «утраты доверия» только с психологической точки зрения в межличностных отношениях между Президентом Российской Федерации и главой субъекта Российской Федерации было бы неверным, так как данный термин все-таки используется еще и в правовом контексте.

«Утрату доверия Президента Российской Федерации» можно определить как встречное отношение Президента Российской Федерации в виде ожида-

² Толковый словарь Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=12890> (дата обращения: 29.03.2024).

³ Наумкина В.В. К вопросу об утрате доверия Президента Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12 (216). С. 185.

ния негативного поведения высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации, вызванное его неправомерным деянием, предусмотренным законом⁴. Следует согласиться с вышеприведенным определением, так как оно наиболее полно отражает все аспекты данного института, хотя понятие «неправомерное деяние» все-таки является чрезмерно широким в аспекте анализа такого института, как утрата доверия.

Также особое внимание стоит уделить основаниям утраты доверия. Согласно утратившему силу Федеральному закону от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», утрата доверия Президента Российской Федерации была возможна только в связи с несоблюдением антикоррупционных требований либо ненадлежащим исполнением своих обязанностей высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации. Но принятый ему на смену Федеральный закон № 414-ФЗ закрепляет право Президента Российской Федерации отрешить высшее должностное лицо субъекта Федерации без привязки к каким-либо основаниям.

Среди ученых встречаются довольно расхожие мнения по поводу необходимости установления конкретных оснований утраты доверия. К примеру, С.В. Нарутто отмечает наличие настоятельной потребности в определении конкретных оснований утраты доверия, которые препятствуют волюнтаризму со стороны главы государства⁵.

Итак, наличие такого основания отрешения высшего должностного лица субъекта Российской Федерации от должности Президентом Российской Федерации, как утрата доверия, крайне важно еще и потому, что население, избирая главу субъекта Федерации посредством прямых выборов, в какой-то степени выражает ему определенное доверие, а так как сейчас институт отзыва главы населением упразднен, то одним из инструментов скорого реагирования являются как раз таки меры ответственности, представленные в ст. 29 Федерального закона № 414-ФЗ и реализуемые Президентом Российской Федерации.

Следующим основанием для отрешения высшего должностного лица субъекта Российской Федерации является выражение ему недоверия законодательным органом субъекта Федерации. Статья 30 Федерального закона № 414-ФЗ закрепляет порядок выдвижения такого недоверия, который состоит из ряда условий, необходимых для допустимости данного события.

⁴ Прохоров В.Н. Утрата доверия Президента Российской Федерации как основание отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 20 с.

⁵ Нарутто С.В. Отрешение высшего должностного лица субъекта Российской Федерации от должности Президентом РФ // Lex russica. 2013. № 7. С. 703.

Во-первых, для выражения недоверия высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации законодательным органом субъекта Российской Федерации глава субъекта Федерации должен издать акт, который будет противоречить Конституции Российской Федерации и ряду нормативных правовых актов, по силе расположенных выше, чем акты высших органов власти субъектов Федерации. Кроме того, данные противоречия должны быть установлены судом, а после этого высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации должно устранить указанные противоречия в течение месяца со дня вступления в силу судебного решения. Только в комплексе вышеперечисленные события создают законную почву для принятия решения законодательным органом субъекта Федерации и последующего его направления Президенту Российской Федерации, который, в свою очередь, будет решать вопрос об отрешении.

Часть 4 ст. 29 Федерального закона № 414-ФЗ устанавливает случаи, когда Президент Российской Федерации вправе отрешить высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, что определенно означает вариативность в действиях Президента Российской Федерации: то есть он вправе как принять решение об отрешении, так и прийти к иному решению.

А.Н. Борисов указывает, что, согласно п. 2 ч. 1 ст. 20 Кодекса административного судопроизводства РФ, административные дела об оспаривании нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации в качестве суда первой инстанции рассматривают верховный суд республики, краевой, областной суд, суд города федерального значения, суд автономной области и суд автономного округа⁶. Соответственно, именно эти суды и будут устанавливать противоречия вышерассмотренных актов.

Во-вторых, решение о вынесении недоверия законодательным органом субъекта Российской Федерации принимается в случае иного грубого нарушения Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, конституции (устава) и законов субъекта Российской Федерации. Важным условием здесь является массовое нарушение прав и свобод граждан, которое произошло вследствие нарушения высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации вышеупомянутых нормативных правовых актов. Здесь также необходимо установление факта данного нарушения судом.

⁶ Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (постатейный). М.: Деловой двор, 2022.

В-третьих, недоверие со стороны законодательного органа субъекта Российской Федерации возможно при ненадлежащем исполнении высшим должностным лицом субъекта Федерации своих обязанностей.

Стоит отметить, что решение законодательного органа субъекта Российской Федерации о недоверии высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации принимается двумя третями голосов от установленного числа депутатов по инициативе не менее одной трети от установленного числа депутатов⁷. Кроме того, решение о недоверии (доверии) высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации оформляется постановлением законодательного органа субъекта Российской Федерации⁸.

Конкретного, установленного законом разъяснения понятия «ненадлежащее исполнение своих обязанностей» не существует, но общие пределы возможно попытаться определить. Из содержания Федерального закона № 414-ФЗ вытекает, что высшее должностное лицо обязано соблюдать Конституцию Российской Федерации, федеральные законы, нормативные акты Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, а также Конституцию (Устав) и законы субъекта Российской Федерации. Кроме того, ст. 25 Федерального закона № 414-ФЗ закрепляет перечень полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации. Будет верным предположить, что все это в совокупности формирует круг его обязанностей. Соответственно, ненадлежащим исполнением своих обязанностей можно считать нарушение либо невыполнение главой субъекта Федерации данного круга полномочий.

Кроме того, глава субъекта Федерации может быть отрешен от должности в случае неисполнения им решения Конституционного Суда Российской Федерации, принятого в отношении изданного высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации нормативного правового акта, если указанное решение не исполнено в течение двух месяцев со дня его вступления в силу или в иной указанный в решении срок.

Также отрешение от должности грозит в случае, если в течение месяца со дня вынесения Президентом Российской Федерации предупреждения, объявления выговора высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации за ненадлежащее исполнение своих обязанностей высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации не были приняты в пределах его полномочий меры по устранению причин, послуживших основанием для вынесения ему предупреждения, объявления выговора.

⁷ Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // СЗ РФ. 2021. № 52. Ст. 8973.

⁸ Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (постатейный). М., 2022.

В этом случае отрешение от должности является стадией, следующей за какой-либо иной мерой ответственности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации.

Вопрос ответственности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации перед Президентом Российской Федерации вызывает различные споры. К примеру, Р.М. Дзидзоев считает, что сущность прямых выборов губернаторов входит в противоречие с таким основанием прекращения губернаторских полномочий, как отрешение в связи с утратой доверия, ведь именно электорату глава субъекта обязан доверием, причем этот электорат вправе и отозвать губернатора, а не Президенту РФ, который по факту лишает полномочий высшее должностное лицо субъекта⁹. Аналогичное мнение высказывает и М.Г. Мирзоев, отмечая, что позиция Президента РФ ставится теоретически выше мнения и интересов избирателей соответствующего субъекта, что противоречит основам народовластия¹⁰.

Возможно, определенную сложность в поиске единого мнения создает двойственность статуса главы субъекта Российской Федерации, когда, с одной стороны, он является должностным лицом Российской Федерации, а с другой — должностным лицом субъекта Российской Федерации.

Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации является звеном в единой системе исполнительной власти в Российской Федерации и в силу принципа единства системы государственной власти находится в отношениях субординации с Президентом Российской Федерации, который как глава государства, избираемый посредством всеобщих прямых выборов, обеспечивает согласованное функционирование всех органов государственной власти¹¹.

Но не стоит забывать, что статус высшего должностного лица субъекта Российской Федерации не исчерпывается только отношениями подчинения Президенту Российской Федерации, ведь значительным компонентом его деятельности является его самостоятельность как главы субъекта Российской Федерации и как руководителя всей системы исполнительной власти в субъекте Российской Федерации.

⁹ Дзидзоев Р.М. Призвание к должности главы субъекта Российской Федерации: новый формат // Конституционное право и политика : сборник материалов международной научной конференции (Юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 28–30 марта 2012 г.) / отв. ред. С.А. Авакьян. М. : МГУ, 2012. С. 464–468.

¹⁰ Мирзоев М.Г. К вопросу о конституционно-правовых способах влияния федеральной власти на порядок замещения и процедуру досрочного прекращения полномочий главы субъекта Российской Федерации / М.Г. Мирзоев // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 1. С. 33–38.

¹¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2005 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” в связи с жалобами ряда граждан» // Российская газета. 2005. 29 декабря.

Подводя итог, стоит отметить, что совокупность мер ответственности, установленной Федеральным законом № 414-ФЗ, является целесообразной и последовательной, так как если высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации имеет двойственный статус, то и ответственность должна быть двойной: как перед главой государства, так и перед народом в лице его представителей.

Рахимова Л.М.,
старший преподаватель кафедры конституционного
и административного права
Башкирской Академии государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан
(г. Уфа, Республика Башкортостан)

Литература

1. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (постатейный) / А.Н. Борисов. Москва : Деловой двор, 2022.
2. Дзидзоев Р.М. Призвание к должности главы субъекта Российской Федерации: новый формат / Р.М. Дзидзоев // Конституционное право и политика : материалы международной научной конференции (г. Москва, 28–30 марта 2012 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор С.А. Авакьян. Москва : МГУ, 2012.
3. Мирзоев М.Г. К вопросу о конституционно-правовых способах влияния федеральной власти на порядок замещения и процедуру досрочного прекращения полномочий главы субъекта Российской Федерации / М.Г. Мирзоев // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 1.
4. Нарутто С.В. Отрешение высшего должностного лица субъекта Российской Федерации от должности Президентом РФ / С.В. Нарутто // Lex russica (Русский закон). 2013. № 7.
5. Наумкина В.В. К вопросу об утрате доверия Президента Российской Федерации / В.В. Наумкина // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12 (216).
6. Прохоров В.Н. Утрата доверия Президента Российской Федерации как основание отрешения от должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации : автореферат диссертации кандидата юридических наук / В.Н. Прохоров. Москва, 2016.

Роль правового института участия граждан в обеспечении обороны страны и безопасности государства: в поисках национальной идентичности

Предназначение участия граждан в обеспечении обороны страны и безопасности государства, определяющее его смысл и роль в общественной жизни общества, состоит в защите Отечества и реализации функций государства в обеспечении обороны и безопасности. Именно его ключевое назначение позволяет отграничить рассматриваемый правовой институт и форму народо-властия от незаконной деятельности (наемничество, терроризм, насильственный захват власти, экстремистская деятельность и т.п.) и наметить его роль в поисках национальной идентичности.

Поставленная в подп. «е» п. 21 Военной доктрины Российской Федерации (утв. Президентом России 25 декабря 2014 г. № Пр-2976) задача объединения усилий государства, общества и личности по защите Российской Федерации, остро актуализирующаяся в условиях современных военных угроз и опасностей, привлекает интерес к раскрытию сущностных признаков правового института участия граждан в обеспечении обороны и безопасности. Человек, его права и свободы — высшая ценность (ст. 2 Конституции России); интересы, преследуемые при обеспечении различных видов безопасности, находятся во взаимосвязи и взаимозависимости, а гражданин, личность, является и объектом, и субъектом обеспечения безопасности, а также участвует в осуществлении государственной функции — в обеспечении обороны страны.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. указом Президента России от 2 июля 2021 г. № 400) является основой взаимодействия различных субъектов защиты национальных интересов России и обеспечения безопасности гражданина, общества и государства. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. (утв. Указом Президента России от 29 мая 2020 г. № 3440) в числе субъектов противодействия экстремизму назвала граждан, институты гражданского общества, организации. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом России 14 ноября 2013 г. № Пр-2685) призывает к объединению усилий органов публичной власти, институтов гражданского общества, организаций и граждан в целях обеспечения национальной безопасности, пресечения экстремистской деятельности, укрепления гражданского единства и т.д. Задачи взаимодействия органов публичной власти и граждан, организаций и общественных объединений поставлены **и в иных базовых правовых актах в сфере обеспечения национальной безопасности России.**

Обеспечение безопасности личности является первостепенной задачей. Деятельность органов публичной власти должна быть нацелена на реализацию и защиту правового статуса граждан. В идеальной политико-правовой конструкции, защищая личность, общество и государство охраняют себя, а, защищая общество и государство, личность защищает свои законные интересы. Интересы личности, общества и государства равнозначны и неделимы, общество, личность и государство состоят во взаимовлиянии и взаимодействии. Безопасность личности следует рассматривать обособленно от общественной безопасности, поскольку ее интересы являются первичными по отношению к интересам общественным. Не все интересы, права и свободы личности, ее блага связаны с общественными интересами и их реализацией, а права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления (ст. 18 Конституции России). Обеспечение безопасности личности оказывает прямое влияние на эффективность функционирования органов публичной власти.

Обеспечение безопасности личности напрямую влияет на уровень безопасности общества и государства, и наоборот. Задачи защиты конституционного строя, обеспечения обороны и безопасности связаны с обеспечением безопасности личности, в связи с этим востребован механизм участия граждан в обеспечении обороны и безопасности, основанный на соблюдении баланса частных и публичных интересов и соразмерных способах и средствах нормативного определения возможного поведения управомоченного субъекта. Поэтому существует взаимная заинтересованность личности, общества и государства в обеспечении безопасности.

В разные исторические периоды задача государства заключалась в том, чтобы сохранить целостность общества и обеспечить его функционирование¹. Цель обеспечения безопасности личности должна определять деятельность всех органов публичной власти и институтов гражданского общества. Соблюдение и защита прав и свобод указаны в числе основных принципов обеспечения безопасности (п. 1 ст. 2 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»). В силу ст. 5 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина — один из принципов деятельности службы. Статья 6 закона, конкретизируя реализацию этого принципа, обращает внимание на соблюдении требований применения ограничений прав и свобод личности.

Важным условием соблюдения прав и свобод личности является следование требованиям, предъявляемым к допустимым законом их ограничениям. Ограничения основываются на признании необходимости обеспечения баланса частных и публичных интересов, исходя из того, что в иерархии кон-

¹ Шумилов В.М. Категория «государственный интерес» в политике и праве (системно-теоретические и международно-правовые аспекты) // Право и политика. 2000. № 3. С. 4–5.

ституционных ценностей «личность, общество, государство» введение ограничений прав и свобод является востребованным, так как эти ценности не могут существовать изолированно, вне или в ущерб триаде. Особенности ограничения прав и свобод в целях защиты основ конституционного строя, обеспечения обороны и безопасности состоят в том, что приведение в исполнение ограничений ведет к обеспечению не только стабильности конституционного строя, обороны и безопасности, но и общественной безопасности, защиты личности, ее прав, свобод и интересов. Государство является не только целью, но и средством обеспечения безопасности всех элементов триады «личность, общество, государство». При этом в условиях современной правовой системы России, политического режима и политической реальности недопустимы подходы к ограничению прав и свобод, основанные на недемократических принципах, влиянии церкви и т.д.

Исходя из взаимозависимости уровня обеспечения безопасности каждого из элементов триады «личность, общество, государство», соблюдение прав и свобод состоит не только в следовании принципам и требованиям, предъявляемым к ограничениям прав и свобод, но и в построении деятельности органов публичной власти в соответствии со следующими постулатами:

1) поскольку угрозы безопасности государства обусловлены наличием конфликтов в какой-либо сфере общественных отношений, источники угроз и опасностей связаны с угрозами безопасности личности, которые выражаются в массовых нарушениях прав и свобод личности, правонарушениях и др. Выявление таких проблем происходит не только в процессе ограничения прав и свобод личности, но и для установления оснований необходимости и целесообразности введения ограничений и принятия иных мер. Это положение вытекает из конституционных норм о том, что человек, его права и свободы — высшая ценность, а носителем суверенитета в России является ее многонациональный народ (ст. 2 Конституции России);

2) обеспечение безопасности личности является важным условием деятельности по обеспечению безопасности государства. Создавая условия для реализации прав и свобод личности, органы публичной власти обеспечивают государственную безопасность, устраняя причины возникновения угроз и опасностей либо предупреждая их. Безопасность личности — важная составляющая правового государства и верховенства закона, а права личности — еще и средство реализации интересов государства и общества;

3) защита прав и свобод личности способствует предупреждению, предотвращению и пресечению угроз и опасностей государственной безопасности. Как отмечают Е.В. Матвеева, А.А. Левин, развитие демократических стран определяется местом неправительственных организаций в их политико-правовой системе². Учитывая, что защите интересов личности способствуют

² Матвеева Е.В., Левин А.А. Неправительственные организации в современной России: к вопросу о политико-правовой трансформации // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 9. С. 38–42.

действенные правозащитные механизмы, востребованно такое правовое регулирование деятельности неправительственных организаций, которое не только способствовало бы предупреждению, предотвращению и пресечению деятельности, идущей вразрез с интересами безопасности, но и обеспечивало бы становление субъекта, института гражданского общества, предусматривающего выявление проблем безопасности личности и реализацию и защиту прав и свобод человека и гражданина. Они должны стать своеобразным связующим звеном, посредником в обмене позициями не только между личностью и государством, но и между личностью, государством и общественными организациями, другими объединениями.

Обеспечивая государственную безопасность, органы публичной власти обеспечивают безопасность личности, и наоборот. Понимание этой взаимосвязи позволяет уточнить представление о допустимых формах и средствах осуществления полномочий государственных органов и повысить эффективность деятельности по обеспечению обороны и безопасности. Признание того, что обеспечение безопасности личности можно считать общеправовым принципом, налагает обязанности прежде всего на органы публичной власти не только соблюдать права и свободы личности, но и принимать активные действия для обеспечения безопасности личности.

Несмотря на то что нередко некоторые субъекты правоотношений действуют формально в соответствии с законом, их деятельность фактически может приводить к возникновению угроз и опасностей. В связи с этим привлечение граждан к противодействию угрозам, например, экологической, экономической, религиозной безопасности может быть весьма продуктивным. Воздействие на субъекты, осуществляющие, по сути, деструктивную деятельность, но, с точки зрения легальности, на законных основаниях, нормативно не предусмотрено. Гражданское общество имеет правовые средства защиты прав преимущественно в сфере частноправовых отношений. В то же время в арсенале институтов гражданского общества имеются способы защиты, которые не могут быть инициированы государственными органами.

Деятельность органов публичной власти должна быть основана на необходимости обеспечения безопасности личности. При выборе форм привлечения граждан к участию в обеспечении обороны и безопасности требуется провести анализ массовых нарушений прав и свобод и определить пути их преодоления, выбрать способы защиты прав, варианты стабилизации обстановки в обществе. Средством противодействия деструктивным явлениям становится освещение информации в средствах массовой информации. При этом актуальны вопросы выработки критериев эффективности организации связей органов публичной власти с заинтересованной общественностью, экспертами, деловыми кругами, поиск новых способов разрешения этих проблем. Следует отметить и то, что граждане, как правило, обращаются к сведениям, которые касаются прежде всего их прав и интересов.

Это подчеркивает необходимость расширения полномочий органов публичной власти по привлечению граждан и их объединений к обеспечению различных видов безопасности, тем более что организационные и социальные возможности для этого имеются.

Необходимо развитие возможностей участия граждан в противодействии информационным угрозам при проведении выборов (нарушениям предвыборной агитации, порядка финансирования выборов, провокациям экстремистского характера). Общественный контроль будет не только способствовать реагированию на правонарушения, но и снизит уровень политического абсентеизма. Участие государственных органов в создании и деятельности общественных объединений патриотической и иной социальной или политической направленности, например через работу общественных советов, не противоречит ст. 15, ч. 3 ст. 17 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», ст. 5, 17, 19, 51 Федерального закона от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» и др.

Характер современных военных угроз и опасностей показывает необходимость объединения усилий государства, общества и личности по защите России, что актуализирует участие граждан в обеспечении обороны и безопасности. Не только государство, но и само гражданское общество способно выявлять, предупреждать и пресекать военные угрозы и опасности. Деятельность общественных объединений может быть как непосредственно направлена на осуществление участия путем решения задач, значимых для реализации и защиты прав и свобод человека и гражданина, так и косвенно.

Таким образом, с одной стороны, гражданин является субъектом обеспечения разных видов безопасности, а с другой стороны, он выступает объектом обеспечения безопасности. В числе угроз безопасности личности особенно выделяются массовые нарушения прав и свобод личности, которые могут быть катализатором дестабилизации обстановки в стране, ослабления легитимности государственной власти, провоцирования экстремистских проявлений, политического абсентеизма и др. Из взаимодетерминированности безопасности личности, общества и государства следует, что, обеспечивая безопасность личности, государство защищает свои интересы, и наоборот. Социальная ответственность и активность граждан и организаций в легитимных и легальных формах является предпосылкой становления механизма, способствующего защищенности внутренней сферы государства и информационного пространства. Участие граждан в обеспечении обороны страны и безопасности государства может быть актуально для противодействия угрозам различных видов безопасности или опасностям различного характера, нарушениям различных видов прав и свобод человека и гражданина (личных, политических, экологических, социальных, информационных и т.д.), проблемам реализации каких-либо правоотношений.

Личность может стать субъектом обеспечения видов безопасности, вмешательство государства в которые имеет легальные ограничения. Поэтому участие граждан в противодействии отдельным угрозам и опасностям (в сферах обеспечения отдельных видов безопасности) востребованно. Поскольку возникновение угроз безопасности государства обусловлено наличием конфликтов в определенной сфере общественных отношений, источники угроз и опасностей связаны с угрозами безопасности личности, которые выражаются в массовых нарушениях прав и свобод, правонарушениях, злоупотреблениях и т.д. Защита прав и свобод личности способствует предупреждению, предотвращению и пресечению угроз и опасностей общественной и государственной безопасности. Анализируя активность и целевую направленность деятельности представителей гражданского общества, можно заключить, что не только государство, но и гражданское общество способно выявлять, предупреждать и пресекать угрозы и опасности. Субъекты общественного контроля могут участвовать в обеспечении обороны и безопасности прямо или косвенно. Деятельность общественного объединения может быть как непосредственно направлена на осуществление такого участия путем решения задач, значимых для реализации и защиты прав и свобод личности, так и косвенно. С этой точки зрения важна система преференций для общественных организаций, льгот, гарантий, дополнительных прав, обеспечивающих их дальнейшее развитие и взаимодействие с населением и органами публичной власти. Это обеспечит конкуренцию среди некоммерческих организаций, что не только усилит их активность в социальной сфере, но и благотворно скажется на уровне правовой и политической культуры общества, а также может способствовать легитимации публичной власти в России и, соответственно, укреплению национальной идентичности современного российского общества.

Федотова Ю.Г.,

эксперт Центра экспертных исследований факультета национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук
(г. Курган)

Литература

1. Матвеева Е.В. Неправительственные организации в современной России: к вопросу о политико-правовой трансформации / Е.В. Матвеева, А.А. Левин // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 9.
2. Шумилов В.М. Категория «государственный интерес» в политике и праве (системно-теоретические и международно-правовые аспекты) / В.М. Шумилов // Право и политика. 2000. № 3.

Законодательство субъектов Российской Федерации о противодействии коррупции: становление и предмет регулирувания

В России в настоящее время взаимосвязанно происходит процесс формирования двух уровней законодательства о противодействии коррупции: федерального и субъектов РФ. Больше внимание научных исследователей, конечно, привлекает федеральный уровень, в генеральном смысле обеспечивающий проводимую в стране антикоррупционную политику. Но и уровень субъектов РФ является значимым: в его развитии имеются проблемы, требующие разрешения, сформированы определенные подходы, касающиеся его нормативного наполнения.

До начала в 2003 г. административной реформы законодательство, регулирующее противодействие коррупции в России, развивалось только на федеральном уровне, и главным образом в части, касающейся уголовной ответственности за деяния, содержащие коррупционные признаки¹. Отсутствовало и нормативное определение понятия «коррупция».

Концепция административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 гг., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р, предусмотрела в качестве одного из основных направлений преобразований в государственном аппарате создание эффективного механизма противодействия коррупции в тех сферах публичного управления, которые связаны с повышенными коррупционными рисками². Данное направление предполагало реализацию комплекса мер профилактического характера, а также организацию антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов. Осуществление данных мер требовало надлежащего нормативного обеспечения как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ³.

В период 2005–2008 гг. в некоторых субъектах РФ появляются вначале подзаконные нормативные правовые акты, а затем первые законы о противодействии коррупции (республики Татарстан, Калмыкия, Карелия,

¹ Буянова К.А. Коррупционное деяние в XXI в.: международные стандарты и национальные подходы // Административное право и процесс. 2023. № 2. С. 64–68.

² См.: Кузякин Ю.П., Кузякин С.В. Противодействие коррупции в системе государственной службы: международный опыт // Административное право и процесс. 2022. № 1. С. 70–74.

³ См.: Ваймер Е.В. Правовые технологии противодействия коррупции // Административное право и процесс. 2023. № 8. С. 61–64.

Кабардино-Балкарская Республика, Калужская, Курская области и др.), многие из которых были приняты еще до вступления в силу соответствующего федерального закона. Первые законодательные акты субъектов РФ в большинстве своем отличались лаконичностью содержания и предусматривали следующие меры профилактики коррупции, как правило уже обозначенные к этому времени в федеральном законодательстве: антикоррупционная экспертиза, антикоррупционная пропаганда, осуществление антикоррупционных мер в рамках реализации законодательства о государственной и муниципальной службе, противодействие коррупции при поставках товаров, выполнении работ, предоставлении услуг для государственных и муниципальных нужд, административное регламентирование исполнения государственных (муниципальных) функций и предоставления государственных (муниципальных) услуг и др.

После вступления в силу Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» специализированные антикоррупционные законы с разными наименованиями и различным содержанием были приняты во всех субъектах РФ. Это актуализировало проблему определения *предмета ведения субъекта РФ* в части нормативного правового регулирования отношений в рассматриваемой области. Какие нормативные решения в сфере противодействия коррупции могут приниматься на уровне субъектов РФ? Каковы границы их самостоятельности в этой сфере?

Проблема заключается в том, что конституционные нормы о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и субъектов РФ (ст. 71–73 Конституции РФ) не упоминают о законодательстве о противодействии коррупции и, соответственно, прямо не относят его к какому-либо предмету ведения. Возможны три подхода к пониманию компетенции субъекта РФ в этой сфере.

Первый исходит из того, что регламентация отношений в сфере противодействия коррупции является частью мер по обеспечению безопасности, которые согласно п. «м» ст. 71 Конституции РФ относятся к ведению России, что означает возможность их первичного регулирования исключительно на федеральном уровне (ч. 1 ст. 76 Конституции РФ).

Для подобного подхода имеются определенные предпосылки. Стратегия национальной безопасности РФ, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 (подп. 3 п. 25, п. 45, 46, подп. 13 п. 47, подп. 30 п. 67, подп. 25 п. 101), исходит из того, что противодействие коррупции относится к мерам обеспечения национальной безопасности, причем как государственной, так и экономической.

Из данного подхода вытекает, что субъекты РФ могут наделяться полномочиями по нормативному правовому регулированию отношений в области

противодействия коррупции лишь в тех случаях, если они будут на это прямо уполномочены федеральным законодателем, и в пределах, им обозначенных.

Второй подход предполагает, что противодействие коррупции относится к сфере обеспечения законности, правопорядка, общественной безопасности, которая составляет предмет совместного ведения РФ и субъектов РФ (п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ). По предметам совместного ведения осуществляется так называемое «рамочное» федеральное регулирование, предполагающее установление основных понятий, принципов, институтов на федеральном уровне и допускающее возможность их нормативной конкретизации субъектами РФ применительно к условиям каждого региона (ч. 2 ст. 76 Конституции РФ).

Для этого подхода также есть некоторые основания. Концепция общественной безопасности в России (утверждена Президентом РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685) исходит из того, что коррупция — одна из основных угроз общественной безопасности, а меры по противодействию ей — организационная составная часть обеспечения такой безопасности (п. 16, подп. «л» п. 26). Отметим, что некоторые из первых законов субъектов РФ о противодействии коррупции содержали ссылки на то, что они приняты в порядке реализации полномочий субъекта РФ по предмету совместного ведения, предусмотренному п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ (например, преамбула Закона Курской области от 11 ноября 2008 г. № 85-ЗКО «О противодействии коррупции в Курской области»).

Наконец, *третий подход* был сформулирован Конституционным Судом РФ в Определении от 17 июня 2008 г. № 452-О-О применительно к противодействию экстремизму и терроризму (эта сфера также не упомянута в конституционных нормах о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и субъектов РФ) и может быть распространен и на противодействие иным глобальным деструктивным социальным явлениям, включая коррупцию. Конституционный Суд РФ указал, что противодействие этим явлениям — в силу «самой природы... противоправных деяний, как угрожающих коренным интересам личности, общества и государства, — составляет общегосударственную задачу», поэтому Конституция РФ «непосредственно не определяет его в качестве сферы ответственности какого-либо одного уровня публичной власти». А это, в свою очередь, предполагает «вовлеченность» всех трех уровней власти в сферу противодействия терроризму, экстремизму, коррупции и необходимость реализации ими комплексных мер в этой области, в том числе связанных и с нормативным правовым регулированием данных отношений в соответствии с разграничением полномочий между органами власти, предусмотренным федеральным законодательством. При этом регламентация

применения мер, выходящих за рамки профилактики коррупционных правонарушений, должна осуществляться преимущественно на федеральном уровне.

Данный подход в настоящее время является юридически ориентирующим. В идеале федеральное законодательство должно ясно, четко и недвусмысленно определить предметы нормативной регламентации тех или иных отношений в сфере противодействия коррупции как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ. Но практически какого-то единого перечня предметов ведения субъектов РФ в рассматриваемой области нет: соответствующие нормы носят «точечный» характер и «разбросаны» среди различных федеральных законов. Таким образом, предметы ведения субъектов РФ в сфере противодействия коррупции определены посредством своего рода «нормативных вкраплений» в федеральные законы, которые в некоторых случаях указывают на необходимость принятия закона субъекта РФ, в других — нормативного правового акта субъекта РФ (не определяя четко его форму), в третьих — предусматривают, что соответствующие отношения регулируются нормативными правовыми актами РФ (в силу подп. «б» п. 3 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» это понятие включает в себя и законы, а также иные нормативные правовые акты субъектов РФ).

Федеральный закон «О противодействии коррупции» ограничивается общей лаконичной формулой о том, что органы государственной власти субъектов РФ осуществляют деятельность в антикоррупционной сфере, в том числе принимают нормативные правовые акты, «в пределах своих полномочий» (ч. 4 ст. 5). Предметом регламентации таких актов в соответствии с этим федеральным законом, в частности, могут быть:

- координация деятельности органов публичной власти субъекта РФ в сфере противодействия коррупции (ч. 5 ст. 5);

- установление перечня лиц, замещающих должности государственной гражданской службы субъекта РФ, на которых возлагается обязанность по представлению сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера (п. 3.2 ч. 1 ст. 8);

- установление порядка размещения сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера в части, касающейся должностных лиц субъектов РФ, в средствах массовой информации и сети Интернет (ч. 6 ст. 8);

- определение тех случаев, когда депутаты законодательных органов субъектов РФ, осуществляющие свои полномочия на постоянной основе, лица, замещающие иные государственные должности субъектов РФ, муниципальные должности на постоянной основе, вправе участвовать в управлении коммерческой или некоммерческой организацией (п. 3 ч. 3.3, п. 2 и 4 ч. 3.4, п. 2 ч. 3.5 ст. 12.1);

— установление порядка представления лицами, замещающими государственные должности субъекта РФ, муниципальные должности, сведений о доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера (ч. 4, 4.1-2, 4.2 ст. 12.1);

— определение порядка сообщения лицами, замещающими государственные должности субъекта РФ, муниципальные должности, о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов (ч. 4.1 ст. 12.1);

— установление порядка уведомления лицами, замещающими государственные должности субъекта РФ, обо всех фактах обращения к ним в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений (ч. 4.1-1 ст. 12.1);

— регламентация порядка проверки достоверности и полноты сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых лицами, замещающими муниципальные должности (ч. 4.4 ст. 12.1);

— установление для лиц, замещающих государственные должности субъектов РФ и муниципальные должности, иных запретов, ограничений, обязательств и правил служебного поведения, кроме тех, которые предусмотрены федеральным законодательством (ч. 1 ст. 12.5);

— регламентация порядка увольнения (освобождения от должности) в связи с утратой доверия лиц, замещающих государственные должности субъектов РФ (ч. 1 ст. 13.1).

Федеральный закон от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» предоставляет субъектам РФ право регламентировать законами и иными нормативными правовыми актами отдельные элементы процедуры контроля за расходами в отношении должностных лиц этих субъектов (ч. 2 ст. 2), в частности, порядок и сроки такого контроля (ч. 2 ст. 3), режим его инициирования (ч. 6 ст. 5), устанавливать полномочия государственного органа субъекта РФ по профилактике коррупционных и иных правонарушений, связанные с контролем за расходами (ч. 3 ст. 6), порядок опубликования соответствующих сведений (ч. 4 ст. 8).

Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами» предоставляет субъектам РФ правомочие по определению перечня должностей государственной гражданской службы субъекта РФ, осуществление полномочий по которым предусматри-

вает участие в подготовке решений, затрагивающих вопросы суверенитета и национальной безопасности РФ, в отношении которых применяется соответствующий запрет на открытие счетов в иностранных банках (подп. «и» п. 1 ч. 1 ст. 2).

Федеральный закон от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» наделяет субъекты РФ правом устанавливать порядок проведения антикоррупционной экспертизы органами, организациями, должностными лицами соответствующего субъекта РФ по единой методике, утвержденной Правительством РФ (п. 3 ч. 1 ст. 3).

Таким образом, нормы федерального законодательства, определяющие предметы ведения субъекта РФ в части правового регулирования отношений в сфере противодействия коррупции, носят разрозненный характер и нуждаются в систематизации.

Федеральный закон «О противодействии коррупции» следует дополнить положениями, которые бы с большей степенью формальной определенности устанавливали предмет регионального и муниципального нормативного правового регулирования в рассматриваемой области. Отсутствие подобного разграничения нормотворческих полномочий приводит к тому, что принимаемые в субъектах РФ законодательные акты в сфере противодействия коррупции не становятся эффективными регуляторами данных отношений. Они принимаются зачастую просто потому, что необходимость этого вытекает из норм федерального законодательства. Подобная ситуация нуждается в изменении.

Брежнев О.В.,

профессор кафедры административного права
Юридического факультета Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, профессор
(г. Москва)

Литература

1. Буянова К.А. Коррупционное деяние в XXI в.: международные стандарты и национальные подходы / К.А. Буянова // Административное право и процесс. 2023. № 2.
2. Ваймер Е.В. Правовые технологии противодействия коррупции / Е.В. Ваймер // Административное право и процесс. 2023. № 8.
3. Кузякин Ю.П. Противодействие коррупции в системе государственной службы: международный опыт / Ю.П. Кузякин, С.В. Кузякин // Административное право и процесс. 2022. № 1.

Правовое регулирование взимания целевых налогов и сборов в Российской Федерации

Во времена серьезных структурных экономических изменений особое значение приобретают вопросы содействия скорейшей адаптации отечественной экономики и стабилизации финансовой системы, столкнувшихся с санкционным давлением иностранных государств. В Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов¹ отмечается возрастающая важность стимулирующей функции налоговой системы. Это предполагает переход к разработке и внедрению налоговых механизмов, способствующих улучшению качества налогового администрирования, сокращению административной нагрузки на налогоплательщиков и повышению собираемости налогов.

Одним из предложений такого налогового механизма может стать возвращение института целевых налогов. Целевое налогообложение не является новым для российского законодательства: долгое время система целевых налогов и сборов составляла значительную часть отечественной налоговой системы². Под каждый целевой налог выделялись внебюджетные фонды, однако средства из этих фондов не всегда расходовались по целевому назначению, кроме того, такую сложную систему было сложно контролировать. Как следствие, был введен негласный запрет на установление новых целевых налогов.

Согласно Т. Куну, смена парадигмы приводит к разработке более точных и продуманных теорий³. Следовательно, целесообразно рассмотреть переход от догматического подхода к институту целевого налогообложения, к теории синтеза общих и целевых налогов. Такой подход позволит совместить преимущества общего налогообложения, обеспечивающего широкую базу для сбора налоговых поступлений, с преимуществами целевого налогообложения, направленного на финансирование конкретных целей и программ. Это обеспечит более эффективное использование налоговых ресурсов, а вместе с тем и повышение прозрачности и контроля за их использованием.

¹ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов (утв. Минфином России). URL: https://minfin.gov.ru/ru/document?id_4=300570-osnovnye_napravleniya_byudzhethnoi_nalogovoi_i_tamozhenno-tarifnoi_politiki_na_2023_god_i_na_planovyi_period_2024_i_2025_godov (дата обращения: 26.11.2024).

² Демин А.В. Налоговое право России : учеб. пособие. М. : Юрлитинформ, 2006. С. 11.

³ Кун Т. Структура научных революций. М. : АСТ, 2003. С. 98–101.

Можно заметить, что начиная с 2021 г. механизм целевого финансирования расходов становится все более востребованным в государстве, хотя публично о целевом налогообложении не упоминают. Так, в 2021 году была введена целевая надбавка 2% к НДФЛ, которая собирается в фонд «Круг Добра»⁴. В Государственную Думу Российской Федерации регулярно вносятся законопроекты о дополнительных целевых сборах. В частности, депутатами был предложен, но не рассмотрен «военный налог»⁵, 17 мая 2023 г. года внесен законопроект «О ресторанном сборе в целях дополнительной поддержки участников специальной военной операции, иных лиц и членов их семей», в 2024 г. введен целевой по своей природе туристический налог.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в рекомендациях в области повышения эффективности налогообложения указывает на то, что оптимальные методы взимания налогов имеют огромное значение наряду с объемом собранных средств⁶. Кроме того, в последних рекомендациях ОЭСР прослеживается и иная тенденция: указывается на необходимость правительствам перейти от политики, направленной непосредственно на ограничение повышения цен, к политике, смягчающей эффект таких процессов за счет целевой системы доходов государства. Придание целевого назначения налогам позволяет в таком случае выстроить более эффективную систему налогообложения.

Хотя институт целевого налогообложения существовал в российском налоговом праве достаточно давно, составляющие его основу правила до сих пор содержат значительное число пробелов и противоречий. В связи с этим представляется важным сделать первое приближение к вопросу создания системы целевых налогов в Российской Федерации и рассмотреть, как в настоящее время институт целевого налога, фактически существующий до сих пор, регулируется государством.

Об идее отражения курса государства путем анализа целевых налогов писал еще Ф. Нитти в «Основных началах финансовой науки». В частности, он отмечает, что «для надлежащей оценки объема и значения государственных расходов и для того, чтобы составить себе точное представление об их влиянии на общеэкономическую жизнь страны, необходимо достоверно знать, на что они идут; другими словами, необходимо знать цели, ради которых эти средства собираются, а расходы совершаются. Страна, в которой известная

⁴ Федеральный закон от 23 ноября 2020 г. № 372-ФЗ (ред. от 19.12.2022) «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации в части налогообложения доходов физических лиц, превышающих 5 миллионов рублей за налоговый период» // Российская газета. 2020. 10 ноября.

⁵ Депутат Госдумы Олег Нилов предложил ввести в России военный налог в размере до 3% от доходов. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5927701> (дата обращения: 26.11.2024).

⁶ 10 Principles for International Engagement in Supporting Developing Countries in Tax Matters. URL: <https://policycommons.net/artifacts/3815102/10-principles-for-international-engagement-in-supporting-developing-countries-in-tax/4621018/> (дата обращения: 26.11.2024).

сумма расходов вызывается чисто военными целями, находится совершенно в иных условиях, нежели другая страна, в которой та же сумма расходов обращена на осуществление задач цивилизации и культуры»⁷.

В поддержку целевого налогообложения часто выделяют следующие аргументы:

1) прозрачность. Целевое налогообложение делает связь между налоговыми поступлениями и государственными расходами более очевидной — налогоплательщики могут решать, сколько и за что они готовы платить;

2) гарантированность. Целевое налогообложение напрямую влияет на доверие государственным органам. Так как расходы для целевых налогов планируются заранее и не могут изменяться в процессе, то можно проследить, какого курса придерживается правительство при реализации этих плановых расходов, проконтролировать его работу⁸;

3) общественная поддержка. Осознание налогоплательщиком того факта, что его налоговые отчисления пойдут непосредственно на необходимые услуги (например, на здравоохранение), может помочь уменьшить недовольство населения налоговой нагрузкой;

4) защита ресурсов. Целевое назначение может защитить аккумулированные средства для финансирования конкретных услуг (например, для защиты окружающей среды) от расходования на иные цели, сферы деятельности⁹.

Автором предложена собственная концепция разделения налогов на несколько групп, соответствующих целям их введения: *финансово-целевые налоги*, позволяющие государству привлекать средства на проведение экстраординарных мероприятий; *балансирующие бюджет целевые налоги*, введение которых направлено на покрытие конкретных статей расходов бюджета, с тем чтобы избежать дефицита бюджетных средств, и *целевые налоги, стимулирующие правомерное поведение налогоплательщиков* и повышающие мотивацию платить налоги: «налогоплательщику проще расстаться с частью своих средств в том случае, когда он понимает, на что конкретно они будут потрачены»¹⁰.

Если более пристально посмотреть на существующую в Российской Федерации систему налогов и сборов, можно отметить, что целевой элемент присущ достаточно большому количеству сборов, взносов и внесистемных обязательных платежей, регулируемых, однако, не Налоговым кодексом РФ (далее — НК РФ), а отдельными федеральными законами.

⁷ Нитти Ф. Основные начала финансовой науки. М., 1904. С. 103.

⁸ Joel Michael. Policy Brief: Earmarking State Tax Revenues. URL: <https://www.house.mn.gov/hrd/pubs/earmarking.pdf> (дата обращения: 26.11.2024).

⁹ Wagner Richard E. (ed.) Charging for Government: User Charges and Earmarked Taxes in Principle and Practice. New York : Routledge, 2011.

¹⁰ Пепеляев С.Г. Налоговое право : учебное пособие. М., 2000. С. 41–47.

Автором предложена концепция разделения таких внесистемных публично-правовых платежей на несколько групп:

- целевые налоги (например, целевая надбавка 2% к НДС);
- целевые налоги, не поименованные в законодательстве в качестве таковых (например, социальные взносы: страховые взносы на обязательное пенсионное страхование, медицинское страхование и социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, сбор «Платон»);
- целевые сборы (туристический налог (ранее курортный сбор), экологический сбор, утилизационный сбор и проч.);
- целевые внесистемные платежи (взносы на развитие инфраструктуры в особых экономических зонах (ОЭЗ), сбор за использование водных биоресурсов, сбор за предоставление права на пользование участками недр и проч.);
- налоги, ошибочно принимаемые за целевые, но таковыми не являющиеся (акцизы, таможенные пошлины и проч.);

Введение целевого налогообложения в Российской Федерации в связи с ростом налоговой нагрузки в условиях санкций могло бы стать стимулом для российской экономики, более того, введение целевого налога не противоречит положениям Налогового кодекса РФ.

Однако специфика целевого налога порождает ряд проблем, обусловленных его целевым элементом. И в первую очередь это связано с тем, что введение целевого налога противоречит принципу общего (совокупного) покрытия расходов бюджета, предусмотренного ст. 35 Бюджетного кодекса РФ¹¹ (далее — БК РФ). В связи с чем для симметричного отражения целевого налога в НК РФ и БК РФ нужны меры по доработке БК РФ в части допустимости отклонения от принципа совокупного покрытия расходов бюджета. Подобный опыт уже существует в странах ЕС, где законодательные нормы также предусматривают принцип совокупного покрытия, однако система целевых налогов существует и развивается¹².

Принцип общего (совокупного) покрытия расходов бюджета полноценно раскрывается в финансовых правилах Европейской организации высших органов финансового контроля и подразумевает, что «все доходы должны покрывать все расходы, кроме доходов, связанных с определенными расходами»¹³. Подобная трактовка данного принципа позволяет гармонично совмещать в одном бюджете как общие налоги, так и налоги специальные,

¹¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ. Ст. 35 // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

¹² Богачева О.В. Принцип Общего (совокупного) покрытия расходов и целевые бюджетные доходы // Финансы и кредит. 2015. № 16. С. 41–49.

¹³ European Implementing Guidelines for the INTOSAI Auditing Standards. URL: https://www.esa.europa.eu/Lists/ECADocuments/GUIDELINES/GUIDELINES_EN.PDF (дата обращения: 26.11.2024).

направляемые на строго обозначенные заранее целевые расходы, — этот подход законодателя крайне важен в условиях двухуровневости бюджета в рамках Европейского союза, что позволяет покрывать за счет целевых поступлений общие для ЕС проблемы и социальные вопросы.

Очевидно, на соответствующих этапах налогового процесса при дополнении НК РФ правовой конструкцией целевого налога методы преодоления существующих пробелов законодательных положений, а также недостатков правоприменения потребуют предварительной всесторонней выработки мер по регламентации вопросов, связанных с элементами администрирования целевых налогов:

1) при отсутствии явного обозначения обязательного платежа целевым, при перераспределении поступающих средств не напрямую в соответствующий фонд, а через счета общего бюджета в эквивалентных суммах происходит размытие целевого назначения средств — не всегда исполнители четко могут определить не только саму цель, но и тот способ, которым она могла бы быть достигнута, что может вести к снижению эффективности использования целевых налогов, дискредитации этого правового института в глазах общественности и налогоплательщиков;

2) при указании в законодательстве четкой цели сбора целевых налогов возможны дефекты администрирования соответствующих платежей на этапе расходования средств:

— исполнители соответствующих бюджетов внебюджетных фондов или иных методов обособления поступлений от целевых налогов могут направить аккумулированные средства не на те цели — как, в частности, произошло со средствами, собранными по системе «Платон»: вместо ремонта федеральных трасс они были направлены на ремонт региональных, что хотя и требовало немедленных вложений, но не было указано в качестве целей сбора. Данная ситуация привела к росту негативного восприятия системы общественностью и налогоплательщиками — последние были возмущены перераспределением средств, а это автоматически означало резкое снижение поступлений от соответствующей системы.

Для того чтобы нивелировать подобные риски, необходимо предусмотреть надлежащий уровень контроля за расходованием средств, поступающих в целевые фонды от таких налогов, определить ответственность за нецелевое использование средств;

— изначально на этапе нормотворческой деятельности не заложен продуманный механизм администрирования целевого налога, в результате чего переориентирование сбора средств в отдельные фонды и направление их на конкретные цели фактически не может быть достигнуто.

Однако, несмотря на трудности администрирования, включение в НК РФ внесистемных платежей, по своей природе являющихся целевыми налогами,

позволит привести систему налогов и сборов Российской Федерации в соответствие с п. 3 ст. 3 НК РФ: «Налоги и сборы должны иметь экономическое основание и не могут быть произвольными»¹⁴; а также с п. 5 ст. 3 НК РФ: «Ни на кого не может быть возложена обязанность уплачивать налоги и сборы, не предусмотренные настоящим Кодексом либо установленные в ином порядке, чем это определено настоящим Кодексом»¹⁵.

В связи с чем автором предлагаются следующие меры по разработке и внедрению концепции целевого налога:

1. Закрепление в п. 1 ст. 8 НК РФ¹⁶ определения целевого налога: «Целевой налог — это налог, установление, введение и взимание которого обусловлено конкретной социальной программой, имеющей конституционное значение и предусмотренной нормативно-правовыми актами, поступления от которого направляются исключительно на мероприятия по финансированию этой программы».

2. Включить в ст. 35 Бюджетного кодекса РФ пункт, указывающий на допустимость отклонения от принципа общего (совокупного) покрытия расходов бюджета.

3. Определение критериев допустимости выделения целевых налогов в российском налоговом законодательстве и включение их в ст. 8.1 НК РФ. Они должны быть объективными и учитывать потребности общества, соответствовать основным стратегическим целям государственной политики.

В качестве таковых предлагается установить цели, обуславливающие целесообразность введения целевого налогообложения:

— критерий необходимости мобилизации денежных средств в условиях введения чрезвычайного положения, в порядке ст. 3 и 13 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»¹⁷;

— критерий повышения мотивации налогоплательщиков для уплаты налогов, а следовательно, придание целевым налогам социальной значимости, для чего назрела необходимость, при этом у налогоплательщиков имеется достаточный уровень гражданской активности, выражающийся в желании контролировать, как расходуются средства, собранные за счет налогов.

4. Включить в систему целевых налогов публично-правовые платежи, имеющие природу целевого налога.

¹⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ. П. 3 ст. 3 // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

¹⁵ Там же. П. 5 ст. 3.

¹⁶ Там же. П. 1 ст. 8.

¹⁷ Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // СПС «КонсультантПлюс».

5. Установить правила, регулирующие превышение налоговых поступлений от целевых налогов над нуждами бюджета того или иного уровня (расходов).

6. Законодательно закрепить цели и задачи внебюджетных фондов для сбора целевых налогов, а также возможности реформирования и (или) ликвидации таких фондов в случае достижения поставленных целей.

7. Предусмотреть механизмы перераспределения средств из других источников бюджета в случае недостаточности средств в целевом фонде.

Гузанова М.М.,

директор по взаимодействию со стратегическими партнерами
АО «Право.ру», соискатель кафедры финансового права
Юридического факультета Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
(г. Москва)

Литература

1. Богачева О.В. Принцип Общего (совокупного) покрытия расходов и целевые бюджетные доходы / О.В. Богачева // Финансы и кредит. 2015. № 16.
2. Демин А.В. Налоговое право России : учебное пособие / А.В. Демин. Москва : Юрлитинформ, 2006.
3. Кун Т. Структура научных революций : сборник : перевод с английского / Т. Кун. Москва : АСТ : Ермак, 2003.
4. Налоговое право : учебное пособие / под редакцией С.Г. Пепеляева. Москва : ФБК Пресс, 2000.
5. Нитти Ф. Основные начала финансовой науки / Ф. Нитти. Москва : М. и С. Сабашниковы, 1904.
6. 10 Principles for International Engagement in Supporting Developing Countries in Tax Matters // Robinson M. Ten Principles for International Tax Engagement in Developing Countries / M. Robinson. URL: <https://policycommons.net/artifacts/3815102/10-principles-for-international-engagement-in-supporting-developing-countries-in-tax/4621018/>
7. Charging for Government: User Charges and Earmarked Taxes in Principle and Practice / ed. by R. Wagner. New York : Routledge, 2011.
8. Joel M. Earmarking State Tax Revenues : Policy Brief / M. Joel. URL: <https://www.house.mn.gov/hrd/pubs/earmarking.pdf>

Вопросы взаимодействия правоохранительных органов при рассмотрении дел об административных правонарушениях

В современном обществе соблюдение законности и правопорядка является одним из основных принципов правового государства. Для обеспечения этого принципа деятельность правоохранительных органов играет ключевую роль. В связи с этим вопросы взаимодействия данных органов при рассмотрении дел об административных правонарушениях очень важны для обеспечения эффективной защиты общественной безопасности и прав граждан.

Эффективное рассмотрение дел об административных правонарушениях требует координированной работы различных правоохранительных органов. Настоящий доклад анализирует юридические аспекты взаимодействия правоохранительных органов в этом процессе, выявляет существующие проблемы и предлагает возможные пути их разрешения.

Субъекты взаимодействия:

Правоохранительные органы являются органами государственной власти, чьей прямой обязанностью является обеспечение соблюдения законности, защита прав и свобод граждан. Основные задачи правоохранительных органов при рассмотрении дел об административных правонарушениях — выявление фактов нарушения административного законодательства, документирование этих фактов, принятие мер по привлечению виновных лиц к ответственности.

Рассмотрение дел об административных правонарушениях зачастую требует взаимодействия между различными субъектами, включая:

- **органы внутренних дел:** основной субъект проведения административного расследования, составления протоколов об административных правонарушениях¹;
- **прокуратура:** осуществляет надзор за соблюдением законодательства при рассмотрении дел об административных правонарушениях. Прокурор может вносить протесты на незаконные постановления;

¹ Емельянов В.М., Новичкова Е.Е. Проблемы взаимодействия полиции и службы судебных приставов при взыскании административных штрафов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47). С. 38. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-vzaimodeystviya-politsii-i-sluzhby-sudebnyh-pristavov-pri-vzyskanii-administrativnyh-shtrafov> (дата обращения: 17.11.2024).

- **суды:** рассматривают дела об административных правонарушениях в апелляционном и кассационном порядке, могут отменять незаконные постановления;

- **другие федеральные органы исполнительной власти:** например Федеральная служба судебных приставов, Федеральная таможенная служба, Федеральная налоговая служба, Роспотребнадзор и др. — имеют полномочия по составлению протоколов об административных правонарушениях в своей компетенции;

- **муниципальные органы:** в пределах своей компетенции могут рассматривать дела об административных правонарушениях.

Взаимодействие между правоохранительными органами осуществляется через различные формы:

- **обмен информацией:** между органами о совершении административных правонарушений, о лицах, привлеченных к ответственности;

- **совместное проведение оперативно-разыскных мероприятий:** для выявления и пресечения административных правонарушений;

- **согласование действий:** для обеспечения координированной работы при рассмотрении сложных дел;

- **участие в судебных заседаниях:** представители различных правоохранительных органов могут участвовать в судебных заседаниях в качестве свидетелей или представителей.

Проблемы взаимодействия:

Для обеспечения эффективности и оперативности деятельности правоохранительных органов необходимо совершенствовать механизм их взаимодействия. Одним из основных инструментов взаимодействия является обмен информацией между различными правоохранительными органами. Такой обмен позволяет оперативно получать необходимую информацию о совершенных правонарушениях и координировать действия по их расследованию и привлечению виновных лиц к ответственности.

1. Отсутствие четкой регламентации взаимодействия: не всегда определены четкие порядок и механизмы взаимодействия между разными правоохранительными органами. В рамках ст. 28.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) определен круг должностных лиц, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях. Однако вся сложность заключается в том, что при равной «подведомственности» возможности составления протокола по административному нарушению государственные органы исполнительной власти ссылаются друг на друга, лишая тем самым потерпевшего объективного и полноценного расследования дела, перенаправляя заявления и ходатайства из ведомства в ведомство, растягивая процессуальные сроки привлечения правонарушителя (пример — множественная «подведомственность» ст. 5.35

КоАП РФ «Неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних»). Статья 28.3 КоАП РФ регламентирует производство по делам об административных правонарушениях, однако не всегда четко определяет круг лиц, ответственных за составление протокола по ч. 2 и 3 ст. 5.35 КоАП РФ. Эта размытость ответственности способствует безнаказанности за ненадлежащее исполнение должностных обязанностей и препятствует привлечению виновных к ответственности². В результате правонарушители избегают наказания, а судебные решения остаются неисполненными.

2. Территориальная разрозненность: органы, расположенные в разных регионах, могут испытывать трудности с обменом информацией и координацией своих действий.

3. Различие в подходах к правоприменению: различные органы могут иметь разные подходы к квалификации и рассмотрению административных правонарушений.

4. Недостаток механизмов контроля: отсутствие эффективного контроля за взаимодействием правоохранительных органов может приводить к нарушениям закона.

Анализ проблем, возникающих при исполнении судебных решений, касающихся порядка осуществления родительских прав отдельно проживающим родителей, выявляет слабые позиции российского правоприменительного механизма. В центре внимания — неэффективная работа судебных приставов-исполнителей (СПИ), слабое взаимодействие Федеральной службы судебных приставов (ФССП) с другими правоохранительными органами и ведомствами (органами внутренних дел, органами опеки и попечительства (ООиП), комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНиЗП), прокуратурой), а также размытость ответственности должностных лиц за составление протоколов по ч. 2 и 3 ст. 5.35 КоАП РФ.

Вопрос исполнения судебных решений, определяющих порядок осуществления родительских прав, является одним из наиболее острых в сфере защиты прав ребенка. Ситуация осложняется, когда один из родителей проживает отдельно от ребенка и сталкивается с препятствиями не только в общении с ним, но и в воспитании, обучении, реализации образования и развития. Ненадлежащее исполнение таких решений судебными приставами-исполнителями (СПИ) и слабое взаимодействие ФССП с другими государственными органами ведут к систематическим нарушениям прав, наилучших всесторонних интересов ребенка и усугубляют конфликтную ситуацию меж-

² Степанов Д.В. Актуальные проблемы применения законодательства об административных правонарушениях субъектов Российской Федерации сотрудниками полиции // Вестник ННГУ. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-primeneniya-zakonodatelstva-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-subektov-rossiyskoy-federatsii-sotrudnikami> (дата обращения: 21.11.2024).

ду родителями. Проанализируем существующие проблемы, фокусируясь на размытости ответственности должностных лиц за составление протоколов об административных правонарушениях в соответствии с ч. 2 и 3 ст. 5.35 КоАП РФ, проблемы межведомственного взаимодействия при составлении протоколов не судебными приставами, а другими компетентными государственными органами: органами внутренних дел (отдел по делам несовершеннолетних), комиссией по делам несовершеннолетних и органами прокуратуры³.

Эффективное исполнение судебных решений о родительских правах невозможно без тесного взаимодействия ФССП с ОВД, ООиП, КДНиЗП и прокуратурой. Однако на практике взаимодействие между этими органами зачастую слабое и нескоординированное. Это приводит к:

1) дублированию усилий: каждый орган действует самостоятельно, не обладая полной информацией о действиях других органов, что приводит к нерациональному расходованию ресурсов и затягиванию процесса;

2) отсутствию оперативного реагирования: задержки в обмене информацией приводят к тому, что нарушения прав ребенка остаются без должного внимания и реакции со стороны соответствующих органов;

3) недостаточной эффективности мер принуждения: отсутствие четкой координации действий различных органов значительно снижает эффективность мер по принудительному исполнению решений суда.

Составление протоколов по ч. 2 и 3 ст. 5.35 и ст. 17.15 КоАП РФ является важным инструментом обеспечения исполнения судебных решений. Однако на практике возникают сложности, связанные с:

1) неправильной квалификацией деяния: СПИ часто некорректно квалифицируют действия должника, что приводит к отказу в возбуждении дела об административном правонарушении;

2) неполнотой и неточностью сведений в протоколе: недостаток информации в протоколах, нечеткое описание обстоятельств дела, отсутствие необходимых доказательств и сведений о понятых — все это приводит к отклонению протоколов КДНиЗП и судами;

3) несвоевременным направлением протоколов: задержка с направлением протоколов в соответствующие органы снижает эффективность мер административного воздействия⁴.

Немаловажными представляются проблема давности привлечения к административной ответственности в соответствии со ст. 4.5 КоАП РФ (Поста-

³ Сосновская Ю.Н., Маркина Э.В. Актуальные вопросы правоприменительной практики в сфере профилактики и производства по делам об административных правонарушениях за неисполнение обязанностей по воспитанию и содержанию несовершеннолетних // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6. С. 229. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-pravoprimenitelnoy-praktiki-v-sfere-profilaktiki-i-proizvodstva-po-delam-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-za> (дата обращения: 05.12.2024).

⁴ Мотрович И.Д. О применении административных наказаний в административно-юрисдикционном производстве // Административное право и процесс. 2014. № 10. С. 63.

новление по делу об административном правонарушении не может быть вынесено по истечении шестидесяти календарных дней (по делу об административном правонарушении, рассматриваемому судьей, — по истечении девяноста календарных дней) со дня совершения административного правонарушения)⁵, а также проблема неточности признания правонарушения, касающегося нарушения родителями или иными законными представителями несовершеннолетних прав и интересов несовершеннолетних, выразившегося в лишении их права на общение с родителями или близкими родственниками, если такое общение не противоречит интересам детей, в намеренном сокрытии места нахождения детей помимо их воли, в неисполнении судебного решения об определении места жительства детей, в том числе судебного решения об определении места жительства детей на период до вступления в законную силу судебного решения об определении их места жительства, в неисполнении судебного решения о порядке осуществления родительских прав или о порядке осуществления родительских прав на период до вступления в законную силу судебного решения либо в ином воспрепятствовании осуществлению родителями прав на воспитание и образование детей и на защиту их прав и интересов⁶. Отсутствие в КоАП РФ определения «длящегося административного правонарушения» и четких критериев его отнесения к этой категории порождает споры о применении сроков давности к отдельным правонарушениям. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 (ред. от 23.12.2021) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»⁷ указана следующая позиция. Согласно ч. 2 ст. 4.5 КоАП РФ, при длящемся административном правонарушении сроки, предусмотренные частью первой этой статьи, начинают исчисляться со дня обнаружения административного правонарушения. При применении данной нормы судьям необходимо исходить из того, что длящимся является такое административное правонарушение (действие или бездействие), которое выражается в длительном непрекращающемся невыполнении или ненадлежащем выполнении предусмотренных законом обязанностей. При этом следует учитывать, что такие обязанности могут быть возложены и иным нормативным правовым актом, а также правовым актом ненормативного характера, например представлением прокурора, предписанием органа (должностного

⁵ Статья 4.5 КоАП РФ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/66a4b2666eea5f75cd1e947452b66bf52bf024d8/?ysclid=m4aisldqtg791970904 (дата обращения: 20.11.2024).

⁶ Статья 5.35 КоАП РФ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/8c909d7721021e06a0cd78ded36d20014e532670 (дата обращения: 19.11.2024).

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 (ред. от 23.12.2021) «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52681/#dst100129 (дата обращения: 20.11.2024).

лица), осуществляющего государственный надзор (контроль). Невыполнение предусмотренной названными правовыми актами обязанности к установленному сроку свидетельствует о том, что административное правонарушение не является длящимся. При этом необходимо иметь в виду, что днем обнаружения длящегося административного правонарушения считается день, когда должностное лицо, уполномоченное составлять протокол об административном правонарушении, выявило факт его совершения. Таким образом, нарушения порядка осуществления родительских прав отдельно проживающим родителем со стороны должника по исполнительному производству являются недлящимися правонарушениями, в связи с чем привлечение к административной ответственности правонарушителя, который лишил ребенка/детей права на общение с родителями или близкими родственниками, намеренно скрыл места нахождения детей помимо их воли, не исполняет судебное решение о порядке осуществления родительских прав или о порядке осуществления родительских прав на период до вступления в законную силу судебного решения либо в ином виде препятствует осуществлению родителями прав на воспитание и образование детей и на защиту их прав и интересов, должно производиться по каждому временному интервалу препятствования другому законному представителю ребенка и/или родственникам в соответствии с Семейным кодексом РФ.

Что касается современного положения дел, то, согласно сведениям об административной практике в ФССП, в 2023 г. по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 5.35 КоАП РФ, на территории России возбуждено 743 дела, при этом вынесено определений об отказе в возбуждении дела — 255.

После возбуждения административного дела материалы, включающие в себя протоколы, рассматриваются комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав. На конец 2023 г. КДНиЗП не завершили рассмотрение 335 дел, прекратили за истечением срока — 99.

Давность привлечения к административной ответственности по ч. 2 и 3 ст. 5.35 КоАП РФ в настоящее время составляет 60 календарных дней.

Жалоба, в том числе на определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, подлежит рассмотрению судом в двухмесячный срок со дня поступления жалобы с материалами дела.

В случае если суд отменит определение об отказе в возбуждении дела, пересмотр дела об административном правонарушении будет невозможен в связи с истечением срока давности.

Таким образом, давность привлечения в 60 календарных дней исключает возможность для потерпевшего родителя привлечь виновное лицо к ответственности, что нарушает права не только самого потерпевшего, но и несовершеннолетних детей.

В данном случае увеличение срока давности привлечения до 1 года позволит значительно уменьшить количество дел, прекращаемых за истечением срока давности, и не позволит избежать ответственности лицу, злоупотребляющему своими правами в ущерб интересам детей. Представляется целесообразным ч. 1 ст. 4.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях после слов «о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию» дополнить словами «, о неисполнении родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних (в части административных правонарушений, предусмотренных частями 2 и 3 статьи 5.35 настоящего Кодекса)».

Пути разрешения проблем:

Для разрешения этих проблем необходимо разработать единую систему обмена информацией, а также проводить регулярные совещания и координационные мероприятия между органами.

1) усовершенствование законодательства: разработка более четких норм, регламентирующих взаимодействие правоохранительных органов при рассмотрении дел об административных правонарушениях;

2) внедрение информационных технологий: использование единых информационных систем для обмена информацией между правоохранительными органами;

3) повышение квалификации сотрудников: обучение сотрудников правоохранительных органов методам эффективного взаимодействия и современным методам расследования административных правонарушений;

4) усиление контроля за правоприменением: внедрение механизмов контроля за действиями правоохранительных органов, повышение ответственности за нарушения закона.

В частности, для повышения эффективности исполнения судебных решений и защиты прав ребенка необходимо:

1) ужесточить ответственность судебных приставов-исполнителей и их непосредственных руководителей за ненадлежащее исполнение решений судов, вплоть до привлечения к дисциплинарной и административной ответственности;

2) улучшить межведомственное взаимодействие: разработка и внедрение единой информационной системы, обеспечивающей оперативный обмен информацией между всеми заинтересованными органами, а также создание межведомственных рабочих групп для координации действий при исполнении решений судов;

3) повышать квалификацию судебных приставов: проведение регулярных обучающих семинаров и тренингов для сотрудников ФССП по вопросам правильного составления протоколов и взаимодействия с другими органами;

4) уточнить нормативные правовые акты: внести изменения в законодательство, направленное на более четкое определение круга лиц, ответственных за составление протоколов по ч. 2 и 3 ст. 5.35 КоАП РФ; установить более строгие меры ответственности за неисполнение должностных обязанностей, указать на недлящийся характер правонарушений в сфере воспитания детей; увеличить давность привлечения к административной ответственности;

5) внедрить современные технологии: использовать новейшие разработки информационных технологий для автоматизации процесса исполнения решений судов, контроля за деятельностью судебных приставов и обмена информацией между органами.

Эффективное взаимодействие правоохранительных органов является залогом эффективного рассмотрения дел об административных правонарушениях. Проблема халатного обеспечения исполнения решений судов о родительских правах и слабого взаимодействия правоохранительных органов является серьезной угрозой для защиты прав ребенка. Для ее разрешения необходимы комплексные меры, направленные на повышение ответственности должностных лиц, улучшение межведомственного взаимодействия и укрепление правовой базы. Только в этом случае можно обеспечить эффективное исполнение судебных решений и гарантировать соблюдение прав ребенка на общение с обоими родителями. Разрешение существующих проблем требует комплексного подхода, включающего в себя совершенствование законодательства, внедрение современных технологий и повышение квалификации сотрудников. Это позволит повысить эффективность правосудия и укрепить законность в стране.

Курбаков И.А.,

ассистент кафедры государственного управления и социальных технологий Института № 5 «Экономика и менеджмент высокотехнологичной индустрии» Московского авиационного института (Национального исследовательского университета)
(г. Москва)

Литература

1. Емельянов В.М. Проблемы взаимодействия полиции и службы судебных приставов при взыскании административных штрафов / В.М. Емельянов, Е.Е. Новичкова // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47).
2. Мотрович И.Д. О применении административных наказаний в административно-юрисдикционном производстве / И.Д. Мотрович // Административное право и процесс. 2014. № 10.
3. Сосновская Ю.Н. Актуальные вопросы правоприменительной практики в сфере профилактики и производства по делам об административных правонарушениях за неисполнение обязанностей по воспитанию и содержанию несовершеннолетних / Ю.Н. Сосновская, Э.В. Маркина // Вестник экономической безопасности. 2022. № 6.
4. Степанов Д.В. Актуальные проблемы применения законодательства об административных правонарушениях субъектов Российской Федерации сотрудниками полиции / Д.В. Степанов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 2.

Государственное управление в условиях цифровизации и цифровой трансформации

В настоящее время сфера государственного управления находится в условиях перехода цифровизации к масштабному применению цифровых технологий, практической цифровой трансформации, заключительному этапу регуляторного IT-ландшафта стратегии. Базовым вопросом сущностной характеристики цифровой трансформации государственного управления является рассмотрение этого процесса сквозь этапы ее развития, с точки зрения эволюции траектории реализации стратегии развития информационного общества в России в части реформирования государственного управления.

Первый этап — это автоматизация государственного управления экономикой страны. На рубеже 1950–1960-х годов происходило воплощение в жизнь идей научно-технической революции, символом которой стали электронно-вычислительные машины (ЭВМ), что заложило основы в дальнейшем (1960–1970-е гг.) процесса компьютеризации, когда создавались государственные вычислительные центры (ГВЦ) обработки и передачи макроэкономической информации под началом Госплана СССР в рамках общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации (ОГАС), входившие в единую систему автоматизации управления экономикой страны. В мае 1963 г. было принято постановление ЦК КПСС и СовМин СССР о внедрении вычислительной техники и автоматизированных систем управления в экономику¹. Результатом стало утверждение в 1966 г. Минрадиопромом СССР «Аванпроекта государственной сети вычислительных центров (ГСВЦ)» — первой стратегии развития автоматизации в СССР, когда сеть создавалась по территориальному иерархическому принципу. В условиях развертывания в стране НТР Госкомитет по координации научно-исследовательских работ СССР преобразовался в общесоюзный Госкомитет СовМин СССР по науке и технике — главный государственный орган по управлению научно-техническим развитием, с возложением на него задач по контролю за внедрением достижений науки и техники в народное хозяйство².

¹ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 21 мая 1963 г. № 564 «Об улучшении руководства внедрением вычислительной техники и автоматизированных систем управления в народное хозяйство» // СПС «КонсультантПлюс». См. также: Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 4 октября 1965 г. № 729 «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» // СП СССР. 1965. № 19–20. Ст. 153.

² Закон СССР от 2 октября 1965 г. № 4041-VI «Об изменении системы органов управления промышленностью и преобразовании некоторых других органов государственного управления» // ВВС СССР. 1965. № 39. Ст. 558.

В 70-е годы происходит экспансия ЭВМ 3-го поколения всех отраслей народного хозяйства, возникает кибернетическая индустрия, представляющая собой сеть научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций в области вычислительной техники. Вместе с тем ЦК КПСС и Совет Министров СССР отмечали слабую работу органов государственного управления по внедрению электронной вычислительной техники и автоматизированных систем для управления в народном хозяйстве. Поэтому, исходя из актуальных потребностей того времени, в структуре вышеуказанного комитета образуются новые подразделения, в частности отдел приборостроения и радиоэлектроники, главное управление вычислительной техники и систем управления³, формулируются их функции и задачи.

В 80-е годы создается сеть ЭВМ, терминалов и коммутационных центров, допускающая интеграцию баз данных и их автоматическую транспортировку с электронными скоростями, а все хозяйственные единицы народного хозяйства вовлекаются в сферу применения ЭВМ через сеть вычислительных центров коллективного пользования⁴. В итоге к середине 1980-х годов разработкой и выпуском вычислительной техники занимались разные общесоюзные органы государственного управления: Министерство промышленности средств связи, Министерство радиотехнической промышленности, Министерство электронной промышленности, Государственный комитет по электронной технике. Учитывая бессистемную работу ведомств, был создан Государственный комитет СССР по вычислительной технике и информатике (ГКВТИ СССР)⁵, на который возлагалась ответственность за проведение единой технической политики, состояние, развитие и координацию работ в области вычислительной техники и информатики, включая право ведомственного правового регулирования программ для ЭВМ⁶. Менялась и схема управления данной отраслью — осуществлен переход на двухзвенную систему управления: Государственный комитет СССР по вычислительной технике и информатике — научно-производственное объединение, производственное объединение, предприятие, организация⁷. На основе четкого разграничения

³ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 8 октября 1970 г. № 849-291 «О мерах по совершенствованию управления в народном хозяйстве на основе широкого использования средств вычислительной техники» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Ершов А.П. Развитие вычислительного дела в СССР: доклад, подлежащий прочтению на XXXI Дибольдовской конференции. Рим, 11–13 июня 1974 г. // Архив академика А.П. Ершова. URL: <https://ershov.iis.nsk.su/ru/node/791289> (дата обращения: 26.11.2024).

⁵ Указ Президиума ВС СССР от 21 марта 1986 г. № 4357-XI «Об образовании общесоюзного Государственного комитета СССР по вычислительной технике и информатике» // ВВС СССР. 1986. № 13. Ст. 219.

⁶ Постановление Совмина СССР от 21 апреля 1987 г. № 456 «Об утверждении Положения о Государственном комитете СССР по вычислительной технике и информатике» // СП СССР. 1987. № 29. Ст. 101.

⁷ Постановление Совмина СССР от 14 июня 1988 г. № 738 «О генеральной схеме управления Государственного комитета СССР по вычислительной технике и информатике» // СПС «КонсультантПлюс».

функций государственного управления и непосредственного хозяйствования, а также в целях активизации работ по разрешению проблем информатизации общества и развитию в стране сферы информационно-вычислительных услуг также была перестроена организационная структура управления⁸.

С 1990-х годов на государственном уровне создаются государственные структуры и определяются их новые задачи по реализации государственной информационной политики. В 1994 году был образован Комитет при Президенте РФ по политике информатизации⁹, в компетенцию которого входило формирование и осуществление единой государственной научно-технической и промышленной политики в сфере информатизации, отвечающей современному мировому уровню. В 1995 году были заложены основы правового регулирования отношений во всех важнейших предметных областях информационных процессов¹⁰. Появилась новая управленческая грань функционирования, которая характеризуется широким внедрением новых форм организации и методов управления, усилением значимости информационных методов управления обществом, государственными органами. Особую роль приобретает государственное управление информационными процессами по обеспечению прав в сфере административно-правовых отношений.

На втором этапе — в конце двадцатого века был взят вектор на цифровизацию государственного управления, когда Россия подписала Окинавскую хартию глобального информационного общества¹¹. Первые шаги в электронном управлении государством были сделаны в 2002 г. в рамках принятой федеральной целевой программы «Электронная Россия»¹², основной целью которой являлось формирование траектории, направленной на внедрение и развитие информационных и телекоммуникационных технологий в деятельности органов государственной власти (как в межведомственном взаимодействии, так и в отношении с обществом) и ориентированной на обеспечение прозрачности деятельности государственных органов, повышение эффективности и оперативности предоставляемых услуг, а также гарантирование полноты и качества контроля за деятельностью органов государственной власти. Завершением этой ступени стало принятие документов страте-

⁸ Постановление Совмина СССР от 26 декабря 1989 г. № 1150 «Об организационной структуре Государственного комитета СССР по вычислительной технике и информатике» // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Указ Президента РФ от 20 января 1994 г. № 170 «Об основах государственной политики в сфере информатизации» // САПиП РФ. 1994. № 4. Ст. 305.

¹⁰ Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» // СЗ РФ. 1995. № 8. Ст. 609.

¹¹ Окинавская хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 г. // Президент России : [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 15.11.2024).

¹² Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. № 65 «О федеральной целевой программе “Электронная Россия (2002–2010 годы)”» // СЗ РФ. 2002. № 5. Ст. 531; 2010. № 25. Ст. 3166.

гического характера¹³, закрепивших основные подходы к формированию в России цифровизации всех сфер государственного управления¹⁴, которыми осуществлялись формирование кадрового потенциала, развитие современной инфраструктуры и ведомственных информационных систем¹⁵, подготовка и ввод в строй портала государственных и муниципальных услуг¹⁶, начало перехода к оказанию государственных услуг населению в электронном виде¹⁷.

Правовой анализ национального проекта «Цифровая экономика»¹⁸ и принятого на его основе решения Президиума Совета при Президенте РФ в 2019 г., утвердившего паспорт национального проекта «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”»¹⁹ в рамках национальных целей и стратегических задач развития страны²⁰, позволяет сделать вывод, что активная роль в их реализации принадлежит именно органам публичной власти, что обусловлено рядом причин. Во-первых, речь идет не только об органах государственного управления, но и органах местного управления, которые, несмотря на свою конституционную структурную обособленность по отношению к органам государственной власти (ст. 12), подчинены принципам системы публичного управления. Во-вторых, в связи с реализацией передаваемых органам местного управления государственных функций, их включенностью в сервисные системы они выступают в качестве и субъектов, и объектов цифровой трансформации.

Цифровая экономика невозможна без участия государства, что обуславливает изменение подходов к государственному управлению, цифровизация которого отражена в федеральном проекте — «Цифровое государственное управление», направленном на переход на электронное взаимодействие

¹³ Распоряжение Правительства РФ от 25 октября 2005 г. № 1789-р «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах» // СЗ РФ. 2005. № 46. Ст. 4720.

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ от 27 сентября 2004 г. № 1244-р «О Концепции использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года и плане мероприятий по ее реализации» // СЗ РФ. 2004. № 40. Ст. 3981; 2009. № 12. Ст. 1429.

¹⁵ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 07.02.2008 № Пр-212) // Российская газета. 2008. 16 февраля.

¹⁶ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ (ред. от 08.07.2024) «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4179; 2024. № 29 (часть II). Ст. 4101.

¹⁷ Распоряжение Правительства РФ от 6 мая 2008 г. № 632-р «О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года» // СЗ РФ. 2008. № 20. Ст. 2372.

¹⁸ Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» // СЗ РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.

¹⁹ Паспорт национального проекта «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”» (утв. Протоколом заседания президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 04.06.2019 № 7).

²⁰ Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» // СЗ РФ. 2018. № 20. Ст. 2817; 2020. № 30. Ст. 4884.

граждан с государством: доступ к государственным услугам и сервисам в цифровом виде, создание национальной системы управления данными, формирование инфраструктуры электронного правительства, внедрение сквозных платформенных решений в государственное управление, что представляет собой цифровую трансформацию всей системы государственного управления.

В настоящее время взаимосвязанные, взаимообусловленные термины «цифровизация» и «трансформация» используются и в законах²¹, и в подзаконных актах как федерального²², так и регионального уровней²³. Но их легальные определения отсутствуют, несмотря на «настоятельные напоминания» законодателю со стороны Конституционного Суда РФ о принципе формальной определенности закона, предполагающем точность и ясность законодательных предписаний, как неотъемлемом элементе верховенства права, когда, исходя из текста соответствующей нормы, каждый может предвидеть юридические последствия своих действий (бездействия)²⁴.

В основном законодатель определяет «цифровизацию» как одну из ключевых движущих сил улучшения качества жизни и условий ведения бизнеса²⁵; как необходимую меру в практической деятельности органов государственного управления федерального, отраслевого и регионального уровней²⁶, как переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую²⁷, а чаще

²¹ См.: Федеральный закон от 27 ноября 2023 г. № 540-ФЗ (ред. от 12.07.2024) «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» // СЗ РФ. 2023. № 49 (часть I). Ст. 8657; 2024. № 29 (часть II). Ст. 4104.

²² См.: Приказ Минстроя России от 25 декабря 2020 г. № 866/пр «Об утверждении Концепции проекта цифровизации городского хозяйства “Умный город”» // СПС «КонсультантПлюс»; Распоряжение Правительства РФ от 3 ноября 2023 г. № 3097-р (ред. от 21.10.2024) «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 46. Ст. 8274; 2024. № 44. Ст. 6677.

²³ См.: Распоряжение Правительства Ленинградской области от 27 декабря 2017 г. № 743-р (ред. от 25.10.2019) «Об утверждении Стратегии по обеспечению благоприятных условий для развития экспортной деятельности в Ленинградской области до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс»; Распоряжение Правительства МО от 23 декабря 2019 г. № 1081-РП «О целесообразности заключения соглашения об информационном сотрудничестве между Правительством Московской области и Советом министров Республики Крым» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27 мая 2008 г. № 8-П // СЗ РФ. 2010. № 29. Ст. 3983.

²⁵ См.: Распоряжение Правительства РФ от 23 ноября 2023 г. № 3309-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отраслей агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 50. Ст. 9093.

²⁶ См.: Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 года (утв. Правительством РФ 29.09.2018 № 8028п-П13) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Распоряжение Правительства Москвы от 11 октября 2010 г. № 2215-РП «О Концепции обеспечения жителей города Москвы телекоммуникационными услугами для получения социально значимой информации путем создания условий равного доступа к кабельному телевидению и интернет-ресурсам» // СПС «КонсультантПлюс».

всего как внедрение цифровых технологий и платформенных решений в различные отрасли экономики²⁸ и как совокупность действий, направленных на изменение государственного (муниципального) управления и деятельности субъекта учета по предоставлению им государственных (муниципальных) услуг и исполнению государственных (муниципальных) функций либо по обеспечению реализации полномочий по предоставлению указанных услуг и исполнению указанных функций в электронном виде за счет использования в указанных целях ИТ-активов²⁹. Очевидно, что, во-первых, нормативные акты, составляющие правовую основу регулирования общественных отношений, связанных с цифровизацией и трансформацией государственного управления, характеризуются широким многообразием по своей правовой форме и юридической силе, во-вторых, большим количеством государственных органов, в компетенцию которых входит издание правовых актов по данным вопросам; и, в-третьих, внутренний технологический процесс отказа государства от аналогового способа передачи информации и переход к цифровому формату передачи информации можно рассматривать как цифровизацию в исключительно узком понимании, как диджитализацию.

В юридической литературе понятие и границы «цифровизации» и «трансформации» также не имеют однозначного определения. Они рассматриваются с позиции отраслевого подхода, что объясняет как различное понимание терминов, так и зависимость от сферы их использования. Вместе с тем динамическая трансформация — это главный современный тренд, который находит отклик во многих областях экономики и включает в себя четыре компонента: 1) индекс развития киберфизических систем; 2) индекс роботизации производства; 3) индекс развития аддитивных технологий; 4) индекс трансформации бизнес-модели. То есть цифровизация — это малая часть цифровой трансформации, которая является более фундаментальным преобразованием структуры организации и технотратегии ее развития.

Цифровые технологии, используемые при осуществлении государственных функций, меняют их формат, права и обязанности участников государственного управления. С позиции интересов субъектов государственного управления цифровизация является одним из приоритетных направлений в условиях глобальных вызовов цифрового технологического развития и видится, как внедрение цифровых технологий в деятельность государственных органов, что позволяет обеспечить качественные преобразования в реализации государственных функций и оказании государственных услуг.

²⁸ См.: Распоряжение Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р (ред. от 06.11.2024) «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // СЗ РФ. 2021. № 50 (часть IV). Ст. 8613.

²⁹ Постановление Правительства РФ от 1 июля 2024 г. № 900 «О порядке учета ИТ-активов, используемых для осуществления деятельности по цифровой трансформации системы государственного (муниципального) управления» // СЗ РФ. 2024. № 28. Ст. 4028.

Доктрина определяет цифровизацию государственного управления как процесс внедрения в деятельность государственных органов цифровых технологий, позволяющих осуществить качественные преобразования в реализации государственных функций и оказании государственных услуг, обеспечить эффективное взаимодействие граждан и государства³⁰, полагая, что цифровизация охватывает сферу государственных услуг, полную автоматизацию документов и распространение цифрового удостоверения личности с электронной подписью, а также сферы инноваций и построения в управленческой сфере цифрового правительства³¹. В условиях цифровизации государственного управления трансформируется деятельность органов исполнительной власти, что требует гибкого реагирования правовой базы и необходимости зафиксировать в проекте «Цифровое государственное управление» принятие закона «Об административных процедурах»³², поскольку без этого нормативно-правового акта нельзя достичь цифровой трансформации государственного управления.

Максимов И.В.,

профессор кафедры административного права и процесса
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Ершов А.П. Развитие вычислительного дела в СССР : Доклад, подлежащий прочтению на XXXI Дибольдовской конференции. Рим, 11–13 июня 1974 г. / А.П. Ершов // Архив академика А.П. Ершова. URL: <https://ershov.iis.nsk.su/ru/node/791289> (дата обращения: 26.11.2024).
2. Зубарев С.М. Правовые риски цифровизации государственного управления / С.М. Зубарев // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6.
3. Кабытов П.П. Влияние цифровизации на реализацию полномочий органов исполнительной власти / П.П. Кабытов, О.Е. Стародубова // Журнал российского права. 2020. № 11.
4. Мигачев Ю.И. Публичные органы власти в Российской Федерации и зарубежных странах / Ю.И. Мигачев, М.М. Поляков, Г.Ф. Чекмарев // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12.

³⁰ Кабытов П.П., Стародубова О.Е. Влияние цифровизации на реализацию полномочий органов исполнительной власти // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 113–126.

³¹ Мигачев Ю.И., Поляков М.М., Чекмарев Г.Ф. Публичные органы власти в Российской Федерации и зарубежных странах // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 60–67.

³² Зубарев С.М. Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 23–32.

Об истории развития регулирования обязательных требований на законодательном уровне

По итогам ежегодного обращения Президента Российской Федерации к Федеральному Собранию Российской Федерации в 2019 г. был подписан перечень поручений от 26 февраля 2019 г. № Пр-294, в соответствии с которым было объявлено о масштабной реформе обязательных требований. В соответствии с подп. «б» п. 3 этого документа Правительству Российской Федерации при участии ведущих деловых объединений предпринимателей было поручено обеспечить внесение в действующее законодательство изменений, предусматривающих отмену с 1 января 2021 г. всех нормативных правовых актов, устанавливающих требования, соблюдение которых подлежит проверке при осуществлении государственного контроля (надзора)¹. Основными результатами преобразований должны были стать сокращение административного давления на бизнес, дебюрократизация государственного контроля (надзора) и постепенный переход на «цифру».

Для многих отечественных правоведов именно с данного периода времени институт обязательных требований стал предметом пристального внимания и изучения². Более того, отдельные авторы отмечают, что именно в этот период законодателем стал впервые регулироваться данный новационный институт³. Вместе с тем на деле впервые обязательные требования упоминались значительно раньше, а именно не только в законодательстве Российской Федерации на самых ранних этапах его становления, но и даже в советское время⁴.

Рассмотрение опыта законодательного регулирования дает возможность проследить методы законодательного регулирования, применяемые в отношении обязательных требований и, как следствие, определить, насколько

¹ Пункт «3б» Перечня поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию (утвержден Президентом Российской Федерации 26.02.2019 № Пр-294) // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Киреева Ю.В., Кванина В.В. Понятие и условия установления обязательных требований при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности // Интернаука. 2022. № 44-7 (267). С. 5–6; Дидикин А.Б. Обязательные требования и правовые средства их оценки в механизме регуляторной политики // Мониторинг правоприменения. 2021. № 1. С. 4–9; Отнюкова Г.Д. Обязательные требования к предпринимательской деятельности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 7. С. 147–155.

³ Катаева М.С., Телегин А.С. Отдельные вопросы осуществления муниципального контроля и законодательство об обязательных требованиях // Административное право и процесс. 2023. № 11. С. 69.

⁴ Переседов А.М. Ретроспективный анализ института обязательных требований // Административное право и процесс. 2024. № 10. С. 20.

полно регулятор смог определить сущность данного института. В настоящей статье приводится анализ российских законодательных актов, регулирующих обязательные требования с целью выявления, насколько точно законодателью определить природу данного института.

Начнем с того, что термин «обязательные требования» употреблялся еще в советское время. Так, в законодательстве СССР под обязательными требованиями понимались правила (нормативы, условия, критерии), которые предъявлялись к какой-либо деятельности (объектам, документам, товарам, работам, услугам) и должны были соблюдаться как предприятиями, так и органами власти. Однако обозначенное определение прямо не упоминается в советских актах, но выведено автором на основе анализа ряда норм периода СССР, в которых используется термин «обязательные требования». При этом, наряду с «обязательными требованиями», в одних и тех же актах упоминались просто «требования», «требования, обязательные к...», что позволяет нам говорить о том, что употребление термина «обязательные требования» в советский период носило преимущественно случайный характер. Случайное употребление термина «обязательные требования» позволяет нам сделать вывод о том, что, несмотря на частое упоминание в нормативных правовых актах, в советский период институт обязательных требований так и не был сформирован, а употребление данного термина осуществлялось наряду с «требованиями», «условиями» и т.д.

Изначально в части регулирования обязательных требований российский законодатель шел по тому же пути, что и в советский период. Так, первое употребление термина «обязательные требования» позволяло толковать его весьма по-разному: условия, предъявляемые к договору оценки объекта, заключаемому между оценщиком и заказчиком; нормативы к формированию и использованию государственного банка данных о детях; регламент применения пестицидов и агрохимикатов; условия договора между добровольческой (волонтерской) организацией и добровольцем (волонтером)⁵. Обозначенные примеры непоследовательности законодателя, которые во многом противоречат законодательству о контрольной (надзорной) деятельности, до настоящего времени не устранены.

Впервые же на законодательном уровне термин «обязательные требования» в том понимании, в котором мы его воспринимаем сейчас, то есть в ка-

⁵ Федеральный закон от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» (ред. от 14.02.2024). Ст. 10 // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3813; Федеральный закон от 16 апреля 2001 г. № 44-ФЗ «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей» (ред. от 04.08.2023). Ст. 4 // 2001. № 17. Ст. 1643; Федеральный закон от 19 июля 1997 г. № 109-ФЗ «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами» (ред. от 08.08.2024). Ст. 1 // 1997. № 29. Ст. 3510; Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (ред. от 08.08.2024). П. 5 ст. 17.1 // 1995. № 33. Ст. 3340.

честве инструмента регулирования деятельности хозяйствующих субъектов, был установлен в Федеральном законе от 8 августа 2001 г. № 134-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» (далее — Закон № 134-ФЗ). В данном акте фиксировалось, что проводимой в рамках государственного контроля (надзора) проверке подлежат обязательные требования, которые: 1) выполняются со стороны юридических лиц и индивидуальных предпринимателей; 2) предъявляются к товарам (работам, услугам); 3) установлены федеральными законами или принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами, исключая законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, а также указы Президента Российской Федерации⁶.

Как мы можем наблюдать, Закон № 134-ФЗ отразил противоречивость регулирования того времени, поскольку определил регулирование в отношении лишь некоторого круга обязательных требований. Вместе с тем ограничительный подход законодателя может быть понятен, поскольку основной целью законодателя было урегулирование процессуальных правоотношений, связанных с проведением контрольной (надзорной) деятельности, а не установление единообразия в отношении употребления термина «обязательные требования».

На смену Закону № 134-ФЗ в 2008 г. в качестве регулирующего контрольную (надзорную) деятельность акта пришел Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (далее — Закон № 294-ФЗ), в отношении которого в части регулирования обязательных требований можно сказать следующее.

С одной стороны, перечень потенциальных источников обязательных требований был расширен, поскольку в Законе № 294-ФЗ было уточнено, что такие требования могут устанавливаться не только федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами, но и законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. С другой стороны, данный акт унаследовал тот же ограничительный подход в части конкретизации природы обязательных требований, что и Закон № 134-ФЗ, поскольку такие требования упоминаются только в следующей части: 1) подлежат соблюдению со стороны юридических лиц и индивидуальных предпринимателей; 2) предъявляются к осуществляемой деятельности или действиям (бездействию) контролируемых лиц, производимым и реализуемым ими товарам (выполняемым работам, предо-

⁶ Федеральный закон от 8 августа 2001 № 134-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» (ред. от 18.07.2008). Ст. 2 // СЗ РФ. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3436.

ставляемым услугам); 3) могут быть установлены Законом № 294-ФЗ, другими федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации⁷.

Таким образом, отдельные элементы понятия обязательных требований существовали в российском законодательстве уже значительное время. Однако даже в новейших правовых нормах наряду с обязательными требованиями долгое время использовались термины «требования», «правила» и иные подобные⁸. Данные нормы не отличались единообразием их терминологического изложения, в том числе в части конкретизации природы обязательных требований. Основным лейтмотивом правовых актов, устанавливающих положения об обязательных требованиях, выступало то, что оценка степени соблюдения данных требований являлась предметом контроля (надзора). Лишь в 2020 году был принят ряд законодательных актов, призванных не только установить единые правила к процессу разработки актов, содержащих обязательные требования, но и в некоторой степени более подробно конкретизировать природу данного института, уточнив, к каким сферам предъявляются обязательные требования, а также зафиксировать порядок актуализации устаревших (избыточных, дублирующих) обязательных требований. Одним из основных законодательных актов, направленных на реализацию реформы, является Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (далее — Закон № 247-ФЗ).

Закон № 247-ФЗ определил, что обязательными требованиями, на которые распространяет свое действие обозначенный акт, являются содержащиеся в нормативных правовых актах требования, которые связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности и оценка соблюдения которых осуществляется в рамках контроля (надзора), привлечения к административной ответственности, предоставления лицензий и иных разрешений, аккредитации, оценки соответствия продукции, иных форм оценки и экспертизы. Данный акт также определил перечень актов, которыми могут быть установлены обязательные требования, а также правила установления и оценки применения, которые применяются к проектам нормативных правовых актов, содержащих обязательные требования⁹. Однако необходимо сделать важное уточнение: правила

⁷ Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» (ред. от 08.08.2024). П. 1 ст. 2 // СЗ РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6249.

⁸ Переседов А.М. Указ. соч. С. 20.

⁹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (ред. от 08.08.2024). Ч. 1 ст. 1, ч. 1–4 ст. 2, ст. 10–12 // СЗ РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5006.

Закона № 247-ФЗ распространяются не на все обязательные требования, а лишь на те из них, оценка соблюдения которых прямо предусмотрена данным законодательным актом и осуществляется преимущественно в рамках видов контроля (надзора), урегулированных Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

Как следствие, привнеся много нового в области регулирования обязательных требований (в том числе принципы и условия установления (и оценки применения) обязательных требований, реформа «регуляторной гильотины» и т.д.), как ни парадоксально, Закон № 247-ФЗ так и не установил понятия обязательных требований, лишь обозначив, в каких актах содержатся такие требования, что в значительной мере лишь дублирует уже существовавшее ранее регулирование. В результате мы можем наблюдать уникальную ситуацию, при которой единый законодательный акт об обязательных требованиях на деле эти самые обязательные требования регулирует лишь отчасти, оставляя решение значительного объема вопросов иным нормативным правовым актам.

Данное положение вещей не может считаться приемлемым и требует надлежащего научного осмысления и последующего законодательного совершенствования с целью урегулирования природы обязательных требований в едином законодательном акте. Как предполагается, данное мероприятие будет способствовать обеспечению единообразия и выработке единого понятия «обязательных требований» в административно-правовой науке.

Переседов А.М.,

доцент кафедры юридических дисциплин филиала
Российского государственного гуманитарного университета
в г. Домодедово Московской области,
кандидат юридических наук
(г. Домодедово, Московская область)

Литература

1. Дидикин А.Б. Обязательные требования и правовые средства их оценки в механизме регуляторной политики / А.Б. Дидикин // Мониторинг правоприменения. 2021. № 1.
2. Катаева М.С. Отдельные вопросы осуществления муниципального контроля и законодательство об обязательных требованиях / М.С. Катаева, А.С. Телегин // Административное право и процесс. 2023. № 11.
3. Киреева Ю.В. Понятие и условия установления обязательных требований при осуществлении предпринимательской и иной экономической деятельности / Ю.В. Киреева, В.В. Кванина // Интернаука. 2022. № 44-7 (267).
4. Отнюкова Г.Д. Обязательные требования к предпринимательской деятельности / Г.Д. Отнюкова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 7.
5. Переседов А.М. Ретроспективный анализ института обязательных требований / А.М. Переседов // Административное право и процесс. 2024. № 10.

О совершенствовании защиты прав граждан при рассмотрении дел об административных правонарушениях

Проблема защиты прав граждан при рассмотрении дел об административных правонарушениях в рамках проведения муниципального контроля является особенно актуальной в свете проводимой государством реформы контрольно-надзорной деятельности. В рамках реформы административного законодательства предусматривается снижение нагрузки на лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. В частности, предполагается постепенная замена привлечения лиц к административной ответственности более мягкими мерами воздействия¹. В то же время приоритетом становится проведение профилактических мероприятий, которые направлены на раннее выявление признаков нарушений обязательных требований действующего законодательства.

В современной юридической практике новеллы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ), дополненные ст. 28.1, ч. 3.1–3.5, представляют собой важный шаг в направлении защиты прав граждан и упрощении административных процедур. Эти изменения направлены на усиление ответственности должностных лиц, обеспечивая более открытую и прозрачную систему рассмотрения дел об административных правонарушениях.

Цель исследования: выявление современных юридических особенностей возбуждения дела об административном правонарушении (ст. 28.1 КоАП) и обоснование необходимости разработки алгоритма реализации административно-процессуальных полномочий должностных лиц полиции при выявлении фактов несоблюдения обязательных требований, оценка соблюдения которых является предметом деятельности иных субъектов государственного контроля (надзора).

В связи с этим нельзя не отметить, что в большинстве случаев привлечение к административной ответственности по предметам, относящимся к сферам муниципального контроля, осуществляется по основаниям, указанным в ст. 28.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонаруше-

¹ Синько И.М. Важность и эффективность соблюдения административных процессуальных сроков в защите прав и интересов граждан // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях : сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией (Симферополь, 15 марта 2024 г.). Симферополь : Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография “Ариал”», 2024. С. 876.

ниях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. То есть должностные лица органа местного самоуправления имели возможность привлечь лицо к ответственности сразу после выявления признаков административного правонарушения. При этом зачастую проведение каких-либо контрольных мероприятий игнорировалось.

Порядок организации и осуществления государственного контроля (надзора) в 2022–2024 гг. более не предусматривает возможности проведения органами контроля (надзора), в том числе полицией, внеплановых контрольных (надзорных) мероприятий и внеплановых проверок без согласования с органами прокуратуры, в том числе при непосредственной угрозе или по фактам причинения вреда жизни и здоровью граждан (Постановление Правительства РФ от 10 марта 2022 г. № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля»).

Статья 28.1 устанавливает порядок рассмотрения дел, определяя рамки для правоприменительных действий и фиксируя обязательные требования к количеству и качеству доказательств. Части 3.1–3.5 вносят уточнения в процедуру привлечения к ответственности, расширяя возможности для обжалования решений и устанавливая новые механизмы защиты прав граждан. Это содействует созданию сбалансированной модели, в которой соблюдаются принцип презумпции невиновности и право на защиту.

Действовавший ранее порядок осуществления государственного контроля (надзора) предусматривал ряд особенностей возбуждения дела об административном правонарушении в связи с несоблюдением установленных государством обязательных требований. Исследуемое процессуальное решение могло быть принято только на основании документально оформленных результатов проверки, ранее согласованной с органом прокуратуры и проведенной во взаимодействии с контролируемым лицом².

В связи с этим были предусмотрены новые процессуальные правила возбуждения дел об административных правонарушениях, выявленных при осуществлении контрольно-надзорной деятельности (ч. 3.1–3.5 ст. 28.1 КоАП). Так, дело может быть возбуждено только после проведения контрольно-надзорных мероприятий во взаимодействии с контролируемыми лицами и надлежащего оформления их результатов.

14 июля 2022 г. Президентом Российской Федерации подписан Федеральный закон № 290-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 1 Федерального закона “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях”».

² Матыцина Н.В. Защита прав граждан в административном процессе // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение : сборник научных трудов X Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 21 марта 2024 г.). СПб. : ООО «Поволжская научная корпорация», 2024. С. 400.

В соответствии с внесенными изменениями предусмотрен новый порядок применения наказания в виде предупреждения для всех юридических лиц и предпринимателей.

Так, согласно ч. 3 ст. 3.4 КоАП РФ, в случае, если назначение административного наказания в виде предупреждения не предусмотрено соответствующей статьей КоАП РФ или закона субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях, за впервые совершенное правонарушение, выявленное в ходе осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля, штраф подлежит замене на предупреждение при наличии оснований, предусмотренных ч. 2 ст. 3.4 КоАП РФ.

Частью 2 ст. 3.4 КоАП РФ предусмотрены следующие основания — отсутствие причинения вреда жизни и здоровью людей, объектам животного и растительного мира, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, безопасности государства, угрозы чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также отсутствие имущественного ущерба.

Установлено, что должностное лицо, непосредственно участвующее в проведении контрольного мероприятия, проверки и возбудившее дело об административном правонарушении, не вправе рассматривать такое дело.

Уточнен порядок возбуждения дела об административном правонарушении при проведении государственного контроля (надзора) или муниципального контроля.

Дело об административном правонарушении, выражающемся в несоблюдении обязательных требований, оценка соблюдения которых является предметом государственного контроля (надзора), муниципального контроля, может быть возбуждено только после проведения контрольного (надзорного) мероприятия во взаимодействии с контролируемым лицом, проверки, совершения контрольного (надзорного) действия в рамках постоянного государственного контроля (надзора), постоянного рейда и оформления их результатов, за исключением некоторых случаев.

Таким образом, в настоящее время установление факта административного правонарушения является недостаточным основанием для привлечения виновного лица к ответственности. Для возбуждения дела об административном правонарушении необходимо обязательное проведение внепланового контрольного мероприятия с участием контролируемого лица.

На основании изложенного выше видно, что количество совершаемых должностными лицами процессуальных действий увеличивается практически вдвое. При этом стоит отметить, что указанная таблица содержит лишь идеальный вариант проведения контрольного мероприятия в рамках муниципального контроля, при котором произошло согласование проверки с органами прокуратуры, а также надлежащее уведомление лица на проведение контрольного мероприятия и составление протокола.

В связи с этим можно сделать следующие выводы. С одной стороны, законодателем принимаются меры, направленные на защиту интересов граждан и юридических лиц от возможного произвола должностных лиц органов, осуществляющих муниципальный контроль. Также данная мера направлена на безоговорочное соблюдение контролирующими органами прав граждан и юридических лиц на предоставление доказательств своей невиновности до возбуждения дела об административном правонарушении.

Однако нельзя не отметить, что подобные изменения имеют и негативные последствия. В частности, у виновных лиц появляется больше возможностей избежать наказания и не понести какой-либо ответственности за совершенные им правонарушения. Учитывая изменения действующего законодательства, процедура привлечения к административной ответственности может растянуться на несколько месяцев, что позволяет недобросовестным гражданам и юридическим лицам избегать ответственности.

Кроме того, новеллы предполагают улучшение взаимодействия между органами власти и гражданами, что способствует эффективному предотвращению правонарушений и повышению уровня правопорядка в стране³.

Введение данных изменений также подразумевает необходимость повышения квалификации сотрудников, занимающихся рассмотрением дел об административных правонарушениях. Обучение должностных лиц новым процессуальным аспектам позволит минимизировать человеческий фактор и снизить вероятность ошибок, что, в свою очередь, благоприятно скажется на результатах правоприменительной деятельности. Упрощенные процедуры и четкие инструкции способствуют более оперативному и справедливому разрешению споров.

Новеллы кодекса акцентируют внимание на важности документирования всех этапов процесса, что создает возможность более тщательной проверки законности принятых решений. Систематизация и хранение данных о каждой стадии рассмотрения дел позволят эффективно анализировать практику и выявлять слабые места, требующие доработки. Это способствует не только повышению прозрачности, но и общей правовой культуре в стране.

Части 3.1–3.5 также обеспечивают гарантии для граждан, позволяя им обжаловать решения не только в вышестоящие органы, но и в судебные инстанции. Такое расширение правового поля дает возможность гражданам более активно защищать свои интересы, тем самым повышая уровень доверия к системе административного правопорядка⁴.

³ Пачин Г.А. К вопросу об отказе прокурора от административного иска // Актуальные проблемы предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса : сборник научных статей (ежегодник). Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2024. С. 131.

⁴ Кужельный А.А. Совершенствование правовых механизмов деятельности органов власти по защите прав и законных интересов граждан // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2024. № 2 (64). С. 92–98.

Кроме того, новеллы предполагают улучшение взаимодействия между органами власти и гражданами, что способствует эффективному предотвращению правонарушений и повышению уровня правопорядка в стране⁵.

Важным аспектом изменений в кодексе является введение новых механизмов мониторинга и оценки работы должностных лиц⁶. Это позволит не только улучшить качество их работы, но и создать стимулы для профессионального роста и повышения ответственности. Регулярные проверки и оценки позволят выявлять недостатки в работе органов, занимающихся рассмотрением дел об административных правонарушениях, а также стимулировать повышение квалификации сотрудников.

Кроме того, внедрение электронных систем оформления и учета дел существенно ускорит процесс рассмотрения административных правонарушений. Цифровизация поможет исключить множество бюрократических процедур и сократит временные затраты как для граждан, так и для должностных лиц. Это не только повысит эффективность работы, но и создаст более удобные условия для всех участников процесса.

Также стоит отметить возможность создания обучающих программ и семинаров для сотрудников, что обеспечит постоянное совершенствование их навыков. Такой подход не только повысит уровень профессионализма, но и создаст положительный имидж административных органов, способствуя укреплению общественного доверия к системе правопорядка.

Важным аспектом реализации данных инициатив является использование современных технологий. Цифровизация процессов, таких как подача жалоб и мониторинг стадий рассмотрения дел, значительно упростит взаимодействие граждан с органами власти. Внедрение электронных платформ для подачи документов и получения консультаций сведет к минимуму бумажную волокиту и ускорит процесс принятия решений.

Сынкова Е.М.,

профессор юридического факультета
Донецкого государственного университета
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

Литература

1. Алтухов С.Н. Административно-правовые формы защиты прав и свобод человека и гражданина / С.Н. Алтухов // Приднепровский научный вестник. 2024. Т. 1. № 1.

⁵ Алтухов С.Н. Административно-правовые формы защиты прав и свобод человека и гражданина // Приднепровский научный вестник. 2024. Т. 1. № 1. С. 30–39.

⁶ Сербинов Д.В. Гарантии реализации права на судебную защиту интересов физических и юридических лиц в административном судопроизводстве // Студенческий сборник научных статей по итогам проведения месяца науки, посвященного 10-летию воссоединения Крыма с Российской Федерацией : сборник научных статей. Симферополь : ООО «Издательство Типография “Ариал”», 2024. С. 483.

2. Воронин Д.Ю. Особенности исполнения судебных актов по административным делам, связанным с защитой избирательных прав граждан / Д.Ю. Воронин, С.Ф. Сахаров // Российский судья. 2024. № 7.
3. Кужельный А.А. Совершенствование правовых механизмов деятельности органов власти по защите прав и законных интересов граждан / А.А. Кужельный // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2024. № 2 (64).
4. Матыцина Н.В. Защита прав граждан в административном процессе / Н.В. Матыцина // Правозащитная деятельность в современной России: проблемы и их решение : материалы X Международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 21 марта 2024 г.) : сборник научных статей. Санкт-Петербург : Поволжская научная корпорация, 2024.
5. Пачин Г.А. К вопросу об отказе прокурора от административного иска / Г.А. Пачин // Актуальные проблемы предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса : сборник научных статей. Ежегодник. Вып. 7 / ответственный редактор В.Г. Голубцов. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2024.
6. Синько И.М. Важность и эффективность соблюдения административных процессуальных сроков в защите прав и интересов граждан / И.М. Синько // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях : материалы по результатам II Международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией (г. Симферополь, 15 марта 2024 г.) : сборник научных статей. Симферополь : Ариал, 2024.

К вопросу о цифровизации государственного управления

Риски, с которыми сталкиваются граждане нашей страны и государство в целом в ходе цифровизации, и способы борьбы с ними достаточно обширны. Сегодня российское законодательство, конечно же, серьезно нуждается в модернизации и корректировке, прогресс сейчас развивается быстрее, чем норма права.

В указе Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» обозначен крайне важный аспект, согласно которому «на фоне сохраняющихся в Российской Федерации социально-экономических проблем *растет потребность общества в повышении эффективности государственного управления*».

Как и любая иная деятельность государства, государственное управление подвергается процессу цифровизации.

Цифровизация — это неотъемлемая часть современной жизни, инструмент для достижения целей каждого из действующих национальных проектов¹, помимо прочего, она повышает эффективность, скорость и удобство работы исполнительных органов власти², а также инструментов, которые используют граждане, она охватывает все сферы нашей жизни, в том числе рабочие процессы, начиная от возможности получать прогнозы погоды и заканчивая самыми разными технологиями.

Сегодня цифровые услуги прочно вошли в повседневную жизнь людей, при этом максимально активно интернет-сервисами пользуется молодежь. Другие ключевые ежедневные пользователи цифровых услуг — высокообразованные, материально обеспеченные жители городов-миллионников. Перевод повседневной рутины в цифровой формат для подавляющего большинства пользователей электронных сервисов сопряжен с повышением комфорта, экономией времени.

Молодое поколение чаще ценит разнообразие выбора товаров и услуг в цифровом формате, а самое старшее — возможность решать вопросы не выходя из дома. Несмотря на разность поколений в частоте использования, восприятии цифровизации, россияне едины во мнении насчет главной опас-

¹ Боровицкий А.М. Трансформация образовательной системы в военных учреждениях Росгвардии // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2024. № 1(19). С. 55–64. EDN CFLSKU.

² Горошко И.В. Цифровизация — современный тренд развития правоохранительных органов // Обозреватель. 2022. № 2(385). С. 98–110. DOI:10.48137/2074-2975_2022_02_98. EDN QTEYHC.

ности использования цифровых услуг, поэтому требуется обеспечение безопасности данных.

Стоит отметить, что информирование, направленное на повышение онлайн-безопасности и цифровых компетенций, будет способствовать повышению активности пользователей электронных услуг в разных направлениях и сферах жизни. Это является одним из направлений работ в рамках национальной цели развития страны «цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы».

Президентом Российской Федерации подписан Указ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». В документе в качестве одной из основных национальных целей развития Российской Федерации значится *цифровая трансформация государственного и муниципального управления*.

В августе 2024 г. Президент Российской Федерации утвердил перечень поручений по итогам расширенного заседания Совета по стратегическому развитию и нацпроектам и комиссий Госсовета.

Для реализации национальной цели «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы» в поручения вошли:

- обеспечение устойчивой связи и высокоскоростной доступ к Интернету в малочисленных и приграничных населенных пунктах, удаленных районах, а также на федеральных автодорогах и железнодорожных путях общего назначения;
- льготные кредиты на модернизацию и увеличение пропускной способности сетей телефонной связи, увеличение мощности мобильных LTE-сетей и развертывание сетей 5G;
- завершить создание беспроводных wi-fi-сетей в государственных и муниципальных общеобразовательных и профессиональных образовательных организациях;
- изучить вопрос обеспечения врачей скорой помощи и учителей отечественными планшетами на базе российской ОС;
- развитие группировки космических аппаратов в целях обеспечения связи и телерадиовещания;
- модернизация и цифровая трансформация «Почты России».

Главные целевые показатели цифровой трансформации, которые позволяют говорить об успешном достижении соответствующей национальной цели к 2030 г., закреплены в подп. «д» п. 2 Указа Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474.

Распоряжением Правительства РФ от 16 марта 2024 г. № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» на период до 2030 г. актуализировано

стратегическое направление в области цифровой трансформации государственного управления.

Видно, что Правительство Российской Федерации продолжает проводить системную работу в сфере цифровизации государственного управления.

Стратегическое направление в области цифровой трансформации в сфере госуправления до 2030 года предусматривает:

- сокращение сроков предоставления госуслуг в онлайн-формате³;
- обеспечение дальнейшего перехода на электронный документооборот органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений;
- автоматизацию и упрощение межведомственного взаимодействия.

Ранее распоряжением Правительства РФ от 22 октября 2021 г. № 2998-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» утверждены мероприятия по цифровой трансформации государственного управления. Цифровая трансформация государственного управления подразумевает, в частности, создание:

- единой платформы исполнения функций по государственному и муниципальному контролю;
- единой системы предоставления государственных и муниципальных услуг;
- типового автоматизированного рабочего места государственного служащего на базе «облачных» технологий;
- единой платформы разработки государственных информационных систем.

Документом также определены приоритеты, цели, задачи, проблемы и вызовы цифровой трансформации государственного управления, а также участники ее реализации.

Распоряжением Правительства России от 17 апреля 2024 г. № 959-р утверждено стратегическое направление в области цифровой трансформации здравоохранения. Документ содержит перечень приоритетов, задач и целей цифровизации здравоохранения, главным из которых является создание «цифровых двойников» пациентов, проектов (в том числе искусственный интеллект, персональные медицинские помощники, информационная безопасность), оценку текущего «цифрового» состояния отрасли, а также индикаторы цифровой трансформации и показатели проектов, в частности:

- доля дистанционных записей на прием к врачу;
- доля граждан — пользователей ЕПГУ;

³ Бондуровский В.В. Меры по противодействию вызовам и угрозам коллективной безопасности: основные итоги ноябрьской (2023 года) сессии Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2024. № 1(62). С. 34–41. DOI:10.61260/2074-1626-2024-1-34-41. EDN AMXXIV.

- доля граждан, которые находятся под диспансерным наблюдением и используют дистанционный мониторинг состояния своего здоровья (от 10% в 2024 г. до 50% в 2030 г., но лишь в пилотных регионах);

- доля телемедицинских консультаций на ЕПГУ;

- доля случаев оказания медпомощи, по которым предоставлены ЭМД в подсистемы ЕГИСЗ;

- создание цифровых двойников для застрахованных лиц (100% в 2025 г.);

- количество медизделий с технологиями ИИ (3 медизделия — в 2024 г., в 2030 г. — 12 изделий).

Государство намерено до 2030 г. внедрить в сфере здравоохранения новые информационные технологии, в том числе нейротехнологии и ИИ, работы с большими данными, технологии беспроводной связи.

На развитие искусственного интеллекта в 2024 г. выделено свыше 5 млрд руб. из федерального бюджета. Об этом заявил Председатель Правительства РФ **М. Мишустин** на стратегической сессии «Развитие искусственного интеллекта», которая состоялась 26 сентября 2023 г.

Председатель Правительства РФ отметил необходимость развития правовой базы в этой области. Он напомнил, что в России уже действуют восемь экспериментально-правовых режимов (два в сфере медицины, шесть — в области высокоавтоматизированных транспортных средств и беспилотных летательных аппаратов). Экспериментально-правовые режимы позволяют проверить новые технологии на практике до начала их повсеместного использования и уже по результатам создавать законодательную базу.

В России также действует Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (от 26 октября 2021 г.), к которому компании могут присоединиться на добровольной основе (в настоящее время таких организаций около 270).

М. Мишустин также рассказал, что рынок искусственного интеллекта активно развивается: в 2023 г., например, его объем достиг почти 650 млрд руб., рост составил примерно 18%. В области задействовано около тысячи российских организаций.

Также искусственный интеллект активно внедряется во все отрасли экономики⁴. В лидерах — финансовый сектор (95% предприятий применяют в работе ИИ). Напомним, согласно результатам совместного исследования Минэкономразвития России, Фонда «Общественное мнение» и Сбера «Предприниматели России: исследовательский мониторинг» ИИ пользуются 45% российских бизнесменов.

⁴ Ронжина Н.А. Развитие системы кибербезопасности в Российской Федерации как основное условие обеспечения национальной информационной безопасности // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2023. № 1 (58). С. 24–34. EDN QOBZJV.

Таким образом, поиск адекватных и выверенных решений поможет в дальнейшем сформировать целостную систему нормативно-правового регулирования цифровизации государственного управления.

Исследуемое понятие довольно быстро вошло в сознание граждан, пользующихся преимуществом данного направления государственного развития.

Принимаемые государством решения показывают необходимость дальнейшего развития цифровизации государственного управления.

Шеншин В.М.,

доцент кафедры правоведения Санкт-Петербургского
государственного архитектурно-строительного университета,
кандидат юридических наук, доцент,
(г. Санкт-Петербург)

Попков Д.В.,

профессор кафедры философских
и социально-экономических дисциплин
Военной ордена Жукова академии войск национальной гвардии
Российской Федерации, кандидат экономических наук,
(г. Санкт-Петербург)

Литература

1. Бондуровский В.В. Меры по противодействию вызовам и угрозам коллективной безопасности: основные итоги ноябрьской (2023 года) сессии Совета коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности / В.В. Бондуровский, С.В. Поспелов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2024. № 1 (62). DOI:10.61260/2074-1626-2024-1-34-41. EDN: AMXXIV.
2. Боровицкий А.М. Трансформация образовательной системы в военных учреждениях Росгвардии / А.М. Боровицкий // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2024. № 1 (19). EDN: CFLSKU.
3. Горошко И.В. Цифровизация — современный тренд развития правоохранительных органов / И.В. Горошко // Обозреватель. 2022. № 2 (385). DOI:10.48137/2074-2975_2022_02_98. EDN: QTEYHC.
4. Ронжина Н.А. Развитие системы кибербезопасности в Российской Федерации как основное условие обеспечения национальной информационной безопасности / Н.А. Ронжина, А.А. Глазатов // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2023. № 1 (58). EDN: QOBZJV.

Особенности правового положения гражданина Российской Федерации, имеющего двойное гражданство или множественное гражданство в текущих реалиях, — на примере практических кейсов 2024 г.

Второе гражданство в российском законодательстве

Согласно ст. 10 Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138¹ «О гражданстве Российской Федерации», гражданин Российской Федерации, имеющий двойное гражданство или множественное гражданство, рассматривается Российской Федерацией **только как гражданин Российской Федерации, вне зависимости от места его проживания**, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом или международным договором Российской Федерации. Приобретение гражданином Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства не влечет за собой прекращение гражданства Российской Федерации.

Двойное и второе гражданство во многом сходны, однако законодательство России позволяет выделить их основные различия.

Термин «двойное гражданство» закреплен в ст. 62 Конституции Российской Федерации².

Согласно российскому законодательству, двойное гражданство гражданина Российской Федерации признается только в случае наличия соответствующего двустороннего договора о двойном гражданстве между Российской Федерацией и другой страной.

В список стран, которые подписали договор о двойном гражданстве с Россией, входит **Таджикистан**. До 2015 года аналогичное соглашение действовало с **Туркменистаном**, но утратило свою силу. Соответствующий закон о ратификации соглашения между Россией и Южной Осетией об урегулировании вопросов двойного гражданства вступил в силу 8 июня 2022 г., соглашение же вступает в силу с даты обмена ратификационными грамотами и будет действовать в течение 5 лет³.

¹ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49216>

² URL: <https://constitutionrf.ru/rzd-1/gl-2/st-62-krf>

³ URL: https://rfsosetia.mid.ru/ru/press-centre/novosti/zakon_o_ratifikatsii_soglasheniya_mezhdu_rossiyei_i_yuzhnoy_osetiey_ob_uregulirovaniy_voprosov_dvoynoy/

В июне 2023 года Госдума ратифицировала соглашение между Россией и Абхазией о двойном гражданстве, по которому граждане могут с одной стороны вправе без отказа от имеющегося у них гражданства этой стороны приобретать гражданство другой стороны.

Во всех остальных случаях гражданство будет считаться вторым.

В первом случае обе страны признают за человеком статус бипатрида (человека с несколькими гражданствами), а также его права и обязанности по отношению к другой стране. К примеру, обладатель паспорта Таджикистана, прошедший военную службу у себя на родине, при наличии российского паспорта не подлежит призыву в Российской Федерации. Также человек с двойным гражданством оплачивает налоги только в стране постоянного проживания.

Во втором случае каждое государство расценивает человека исключительно **в качестве своего гражданина**. Поэтому при наличии второго гражданства может возникнуть необходимость **повторного прохождения военной службы**.

Не стоит забывать, что наличие нескольких паспортов предполагает наличие у резидента определенных обязанностей по отношению ко всем государствам, гражданином которых он является. В первую очередь это необходимость соблюдения законодательства со всеми его нюансами. Также сюда относятся и оплата налогов, воинская служба, защита интересов и территории страны в случае военных конфликтов.

Наличие у гражданина Российской Федерации двойного гражданства или множественного гражданства **не может являться основанием для его высылки из Российской Федерации или выдачи иностранному государству**, в том числе государству, гражданство (подданство) которого имеет гражданин Российской Федерации⁴.

Гражданин Российской Федерации, имеющий двойное гражданство или множественное гражданство, осужденный российским судом и приговоренный к лишению свободы, при наличии его добровольного согласия может быть передан для отбывания наказания в иностранном государстве, гражданство которого он имеет, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации⁵.

Федеральным законом могут быть предусмотрены ограничения в отношении гражданина Российской Федерации, имеющего двойное гражданство или множественное гражданство либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное место жительства такого гражданина на территории иностранного государства.

⁴ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49216>

⁵ URL: <https://rg.ru/documents/2023/05/03/document-o-grazhdanstve.html>

Стоит отметить, что на данный момент в России пока нет четкого и отлаженного механизма, по которому органы МВД могли бы проконтролировать наличие множественного гражданства у человека, так как пока нет общей базы, которая содержит и отслеживает наличие паспортов других государств.

При этом по закону россияне должны сообщать о получении второго паспорта или виде на жительство в МВД России в течение 60 календарных дней со дня приобретения гражданства (подданства) иностранного государства либо получения им ВНЖ или иного документа, подтверждающего право на ПМЖ гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства⁶.

По официальным данным, в 2023 г. о приобретении второго гражданства сообщили около 30 000 человек.

Если россиянин сообщит о втором гражданстве позже установленного срока, его могут оштрафовать на сумму от 500 до 1000 руб. и привлечь к ответственности по ст. 19.8.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) (грозит штрафом от 500 руб. до 1000 руб.) или по ст. 330.2 Уголовного кодекса РФ (УК РФ) (штраф до 200 тыс. руб. или обязательные работы на срок до 400 часов).

В октябре 2023 г. вступил в силу Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ, регламентирующий новый порядок уведомления загранучреждений о получении второго гражданства. Он предполагает, что россияне, находящиеся за рубежом, вправе подать уведомление о получении гражданства или ВНЖ в загранучреждения в течение 60 дней.

МВД в 2023 г. привлекло к административной ответственности 4585 россиян, не уведомивших о втором гражданстве или ВНЖ иностранного государства. Это почти вдвое больше, чем в 2022 г., когда за аналогичные нарушения (ст. 19.8.3 КоАП РФ) было составлено 2584 административных протокола.

По официальным данным в МВД, за шесть месяцев 2023 г. в России зарегистрировали 13 преступлений по ст. 330.2 УК РФ (неисполнение обязанности по подаче уведомления о наличии гражданства или подданства иностранного государства). Один из первых случаев — задержание в Казани журналистки «Радио Свободная Европа / Радио Свобода» (признана в России иностранным агентом) Алсу Курмашевой, у которой было обнаружено наличие гражданства США, она была признана виновной в неуведомлении о втором паспорте (ст. 330.2 УК РФ)⁷.

⁶ URL: https://israel.mid.ru/ru/consular-services/dlya_grazhdan_rossii/voprosy_grazhdanstva/uvedomlenie_o_vtorom_grazhdanstve/

⁷ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6283649>

Выход из гражданства Российской Федерации

Недостатки второго гражданства связаны с тем, что страны признают человека только своим подданным.

В результате отказа от российского гражданства человек не может стать лицом без гражданства (определение Верховного Суда РФ от 3 апреля 2012 г. №АПЛ12-157)⁸. Это своего рода гарантия того, что человек не останется без правовой защиты какого-либо государства.

Кроме того, оформить отказ от гражданства не могут лица, которые имеют невыполненные обязательства перед Российской Федерацией, субъектами Российской Федерации или муниципальными образованиями, в том числе по уплате пошлин, сборов, штрафов и т.д. Согласно Порядку выдачи налоговых органами документа об отсутствии задолженности по уплате налогов физическим лицам, выходящим из гражданства Российской Федерации, утвержденному приказом МНС России от 12 марта 2004 г. № БГ-З-23/192, при выходе из гражданства Российской Федерации заявителям — физическим лицам представляется документ налогового органа Российской Федерации об отсутствии задолженности по уплате налогов⁹.

Кейсы

Павел Дуров является гражданином **России, ОАЭ, Франции, а также Сент-Китса и Невиса**.

Официальный представитель МИД России Мария Захарова 25 августа 2024 г. после его задержания говорила, что Париж «в качестве основного» воспринимает французское гражданство Дурова.

Его он получил в 2021 г. в качестве «почетного иностранца», который «способствует влиянию Франции».

В момент задержания Франция, согласно своим законам, рассматривала его **только как своего гражданина**, не учитывая гражданства ОАЭ и Российской Федерации, т.е. консульская, дипломатическая, судебная защита других государств на него не распространялась.

На данный момент в международном праве **отсутствуют какие-либо единые правовые акты**, которые регулировали бы вопрос и средства дипломатической защиты.

В 2006 году Комиссия международного права ООН опубликовала доклад со статьями, посвященными дипломатической защите, лишь рекомендованными к применению¹⁰, где, в соответствии с принципом суверенного равенства государств, обе страны, в гражданстве которых состоит лицо,

⁸ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_128604/

⁹ URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/fl/interest/dual_nationality/exit_rf/

¹⁰ URL: <http://chrome-extension://efaidnbmninnipacajpgclclefindmkaj/https://legal.un.org/ilc/reports/2006/russian/chp4.pdf>

распространяют равную юрисдикцию в отношении соответствующего гражданина.

Однако, если одно государство, гражданином которого является лицо, пытается защитить его от неправомерных действий другого государства, гражданство которого это лицо также имеет, такая защита может быть отклонена.

Это правило было зафиксировано еще в 1930 г. в Гагской конвенции¹¹, регулирующей некоторые вопросы, связанные с коллизией законов о гражданстве.

Согласно ст. 3 конвенции «лицо, обладающее гражданством двух или более государств, может рассматриваться каждым из государств, гражданством которого оно обладает, в качестве своего гражданина.

Кроме того, ст. 4 конвенции гласит, что «государство не может предоставлять дипломатическую защиту кому-либо из своих граждан от другого государства, гражданством которого такое лицо также обладает.

Есть еще **понятие эффективного гражданства**, значимой связи с государством. В случае с Павлом Дуровым, возможно, стоило апеллировать к данным прецедентам и к тому, что его французское гражданство не соответствует принципу «эффективности».

Таким образом, Франция не может рассматривать его исключительно своим гражданином, скорее, эффективным является его гражданство ОАЭ, где сосредоточен бизнес Павла.

Инцидент с Павлом Дуровым показал, что очередное гражданство может в том числе стать и фактором риска. Не было бы у него французского паспорта, он мог бы претендовать на консульскую/дипломатическую защиту Российской Федерации.

Второе гражданство и запреты на пересечение границ

С точки зрения наличия второго гражданства, так или иначе, сохраняется возможность людей передвигаться между странами даже в тех случаях, когда эти страны ограничивают въезд.

В сентябре 2022 г. Литва, Латвия и Эстония ввели ограничения в отношении граждан России и запретили им въезд на свою территорию, но сделать это на практике было вполне реально — благодаря второму гражданству и паспорту США или Евросоюза, который человек показывал на пограничном контроле при въезде.

Но известны запреты въезда на территорию Эстонии тем россиянам, у которых есть второе гражданство Израиля¹². Как заявили представители мест-

¹¹ URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900750>

¹² URL: <https://rus.err.ee/1608727468/jestonija-podtverdila-sluchai-otkazov-vo-vezde-rossijanam-u-kotoryh-est-i-grazhdanstvo-izrailja>

ных властей, отказ во въезде был связан не с их гражданством, а с «предоставлением ложной информации на границе».

Страны, действительно, имеют право запрещать въезд на свою территорию гражданам тех или иных государств даже при наличии у них второго гражданства, которого этот запрет может не касаться.

Подобная проблема наблюдалась не только на границе в Эстонии, но и на границе с Латвией и Польшей. Попастъ в страну через внешнюю границу Шенгенской зоны могут только те россияне, у которых есть особые основания, например приглашение на работу. Но, для того чтобы въехать в Польшу из других государств Шенгенского соглашения, уважительные причины не нужны.

Запреты в Российской Федерации

С 1 июля 2021 г. в силу вступил запрет на двойное гражданство или ВНЖ для российских госслужащих. Запрет также касается военнослужащих Минобороны, Росгвардии, МЧС и органов ФСБ¹³. Согласно соответствующему закону, получение россиянином иностранного гражданства не влечет за собой прекращение гражданства Российской Федерации.

Второе гражданство и налоги

На уплату налогов влияет статус налогового резидента. Налоги начисляют по законам страны проживания.

Для того чтобы этого избежать, страны заключают соглашения об избежании двойного налогообложения. Россия подписала соглашение об избежании двойного налогообложения с 65 странами, в том числе с ОАЭ, Аргентиной и Арменией. В августе 2023 г. Президент Российской Федерации приостановил действие большинства статей соглашений с 38 странами¹⁴.

Как пересекать границу с двумя паспортами

Владелец двух паспортов может покупать билеты по-любому — они одинаково легитимны, но въезжать в страну и выезжать из нее необходимо по одному и тому же документу.

Валек И.П.,

генеральный директор ООО «Квазархаузис»

(г. Москва)

Литература

1. Воронов А. Задержание вместо паспорта / А. Воронов, Е. Черненко // Коммерсантъ. 2023. 19 октября.

¹³ URL: <http://duma.gov.ru/news/51926/>

¹⁴ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_454278/

Оговорка о публичном порядке: современные тенденции применения в практике арбитражных судов Российской Федерации

Начиная с 2014 года Россия находится под беспрецедентным санкционным давлением со стороны более чем 40 стран, нацеленным на нанесение максимального ущерба российской экономике и сохранение геополитической гегемонии США. За несколько месяцев 2022 г. одновременно «в отношении России был применен практически весь накопленный за последние десятилетия инструментарий санкций»¹, в том числе установление потолка цен на нефть и нефтепродукты, уход значительного числа западных компаний из России, заморозка российских зарубежных активов, ведение санкционных блокирующих списков в отношении российских лиц, морских и воздушных судов.

Координация недружественных действий, экономическая блокада, неосновательное присвоение чужого имущества, отказ от исполнения обязательств перед резидентами подсанкционного государства являются нарушениями не только национального, но и международного публичного порядка².

В ответ на санкционную политику Россия приняла ряд контрсанкционных мер. Так, Федеральным законом от 4 июня 2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» было введено понятие «недружественные государства», под которыми понимаются Соединенные Штаты Америки и иные иностранные государства, совершающие недружественные действия в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц. Согласно распоряжению Правительства РФ от 5 марта 2022 г. № 430-р «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» в перечень недружественных государств входят 49 стран.

¹ Герасимов В., Розина В., Солдаткин Я. Антироссийское «санкционное цунами» 2022 года и его последствия для рынка комплаенс-информации в России // Политика санкций: цели, стратегии, инструменты : хрестоматия. 3-е изд., перераб. и доп. / сост. И.Н. Тимофеев, П.И. Чуприянова, К.В. Троцкая ; Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2023. С. 10–26.

² Печегина П.Д., Дьяконова М.О., Сеницын С.А. Публичный порядок: к проблеме институционализации в международном гражданском процессе // Международное публичное и частное право. 2024. № 1. С. 21–25.

Указами Президента Российской Федерации были введены специальные меры экономического характера в связи с недружественными действиями ряда государств. Например, теперь необходимо получать разрешение Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в России на: заключение ряда сделок; возникновение права собственности на ценные бумаги и недвижимое имущество; выплату резидентами прибыли иностранным кредиторам; выплату вознаграждения за исключительные права на результаты интеллектуальной собственности. Для расчета с иностранными кредиторами предусмотрено открытие специальных счетов типа «С» с разрешения ЦБ РФ или Правительственной комиссии³. Введен запрет совершения сделок и финансовых операций с лицами, находящимися под российскими санкциями, перечень которых определен Правительством РФ⁴.

Серьезный вклад в защиту интересов российских лиц от санкционной политики недружественных стран вносят российские суды, проверяя иностранные судебные решения на предмет соответствия их публичному порядку Российской Федерации. Под иностранными судебными решениями в настоящей статье мы будем понимать также решения международных коммерческих арбитражей, принятых за рубежом.

За период с 1 января по 1 ноября 2024 г. арбитражные суды Российской Федерации рассмотрели около 80 заявлений о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений и заявлений о запрете инициировать и продолжать разбирательство дел с участием российских подсанкционных лиц в иностранных судах. Из них 45 заявлений были удовлетворены, а в 35 случаях в признании иностранных судебных решений было отказано, запрещено инициировать или продолжать разбирательство в иностранных судах.

Интересна география судебных решений, которые стали предметом рассмотрения арбитражных судов Российской Федерации. Так, были признаны

³ Указ Президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций»; Указ Президента РФ от 1 марта 2022 г. № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 5 марта 2022 г. № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами»; Указ Президента РФ от 3 мая 2022 г. № 252 «О применении ответных специальных экономических мер в связи с недружественными действиями некоторых иностранных государств и международных организаций» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Перечень юридических лиц, в отношении которых применяются специальные экономические меры, Перечень юридических лиц, осуществляющих деятельность в области военно-технического сотрудничества, в отношении которых применяются специальные экономические меры, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 11 мая 2022 г. № 851 // СПС «КонсультантПлюс».

судебные акты, принятые государственными судами Азербайджана, Беларуси, Бразилии, Германии, Казахстана, Кыргызстана, Сербии, Узбекистана, а также международными коммерческими арбитражами: Арбитражным институтом Торговой палаты Стокгольма, Международным арбитражным судом при Белорусской торгово-промышленной палате, Постоянным арбитражем при Торгово-промышленной палате Сербии, Арбитражной комиссией открытого акционерного общества «Белорусская универсальная товарная биржа», Международным арбитражным центром города Павлодар (Казахстан).

Процессуальные основания стали причиной отказа в признании и приведении в исполнение 20 судебных решений, принятых на территории Белоруссии, Казахстана, Китая, ОАЭ, Украины, Узбекистана, а также Международным арбитражным судом при БелТПП, Арбитражем Национального юридического агентства в г. Нур-Султане (Казахстан), Арбитражным судом 'Atrium' (Казахстан). В этих делах суды установили следующие процессуальные нарушения: отсутствие сведений о надлежащем извещении российской стороны спора; возможность исполнения решения на территории иностранного государства; отсутствие компетенции у международного коммерческого арбитража; истечение срока для предъявления решения к принудительному исполнению; непредставление заявителем суду арбитражного соглашения; отсутствие необходимости принудительного исполнения решения и, как следствие, судебного признания; договорная подсудность дела государственному арбитражному суду Российской Федерации.

В 15 делах арбитражные суды Российской Федерации отказали в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений или запретили инициировать и продолжать разбирательство в иностранных судах по причине нарушения публичного порядка Российской Федерации. Данные дела были связаны с юрисдикциями Бельгии, Британских Виргинских островов, Великобритании, Кипра, Южной Кореи, Латвии, Сингапура, Украины, Швейцарии, Эстонии.

Оговорка о публичном порядке, предусмотренная ст. 1193 Гражданского кодекса Российской Федерации, предотвращает негативное влияние судебных решений, принятых в иностранных юрисдикциях, на основы правопорядка Российской Федерации. Согласно разъяснению Верховного Суда Российской Федерации, под публичным порядком понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы Российской Федерации⁵.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // СПС «КонсультантПлюс».

Какие же фундаментальные правовые начала (принципы) правовой системы России были применены арбитражными судами в качестве основания для отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений в 2024 г.?

Наиболее часто суды применяли принцип объективности и беспристрастности суда, нарушение которого предполагается, если спор рассматривается на территории недружественного государства или арбитром назначается гражданин такого государства. Так, в деле № А45-19015/2023 по заявлению компании C. Thywissen GmbH (Бельгия) к АО «Новосибирскхлебопродукт» Верховный Суд Российской Федерации отменил судебные акты арбитражных судов первой и кассационной инстанций, которыми было признано и приведено в исполнение на территории России решение арбитража «Федерация ассоциаций торговли масличными культурами, семенами и жирами (FOSFA)», расположенного в Лондоне, о взыскании убытков в сумме 600 000 долл. США в виде разницы между ценой договора и ценой товара на момент неисполнения российской компанией обязательств по поставке 3000 метрических тонн льняного семени. Верховный Суд Российской Федерации указал, что назначение арбитрами представителей Украины, Великобритании и Дании — граждан недружественных стран предполагает отсутствие беспристрастности и независимости при таком составе судей, что нарушает публичный порядок, а именно принцип объективности и беспристрастности суда как основополагающий принцип российского права⁶.

В другом деле № А60-24839/2024 Арбитражный суд Свердловской области отказал АО «Рельсовые транспортные средства ПЕСА Быдгощ» (Польша) в признании и приведении в исполнение решения Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма о взыскании с АО «Уральский завод транспортного машиностроения» задолженности за поставленные трамвайные вагоны. Арбитражный суд сослался на состав арбитров из граждан недружественных государств, а также на неисполнение российским заводом обязательств ввиду введенного Правительством РФ запрета на закупку для государственных и муниципальных нужд трамвайных вагонов иностранного производства как ответной (зеркальной) меры на введенные иностранными государствами санкции в отношении России, что не зависело от воли российского предприятия⁷.

В 2024 году в арбитражной практике сформировалась тенденция отказа в признании судебных актов, принятых на территории недружественных государств, в случае невозможности исполнения российскими компаниями при-

⁶ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 2024 г. № 304-ЭС24-2799 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Определение Арбитражного суда Свердловской области от 16 августа 2024 г. по делу № А60-24839/2024. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/8b6f3f24-6628-4817-aeeb-f15f91eb3108>

нятых обязательств по причине введенных санкций. Однако бывают и исключения. Так, Арбитражный суд Камчатского края признал решение Корейского коммерческого арбитражного совета о взыскании с ООО «Универсальный производственный перегрузочный терминал “ЮГ” в пользу акционерного общества ‘Dow Steel Co.’ (Республика Корея) 2,2 млн долл. США долга по договору купли-продажи металлолома, указав, что российское общество не доказало, как исполнение иностранного судебного решения нарушит публичный порядок России⁸. Заметим, что в силу ч. 2 ст. 244 АПК РФ суд проверяет решение иностранного суда на предмет противоречия публичному порядку России самостоятельно, ex officio, независимо от заявления соответствующих доводов сторонами по делу⁹.

Принцип объективности и беспристрастности суда также лежит в основе новой категории дел, появившейся в 2020 г. в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации — о запрете инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде в отношении российских лиц, к которым применены политические или экономические санкции иностранными государствами (ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ). Предполагается, что в недружественной стране спор не будет рассмотрен справедливым и беспристрастным судом, а ограничительные меры лишают российских лиц возможности защитить там свои права. Условиями удовлетворения такого заявления являются личный характер ограничительных мер, то есть адресация их конкретному лицу персонально, а также происхождение их от публичной государственной власти.

Арбитражным судом города Москвы было удовлетворено несколько заявлений российских самолетостроительных корпораций, в отношении которых США и Европейским союзом были введены санкции, о запрете инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде. Так, в связи с введенными Европейским союзом, США, Великобританией, Швейцарией, Канадой и Украиной санкций в отношении ПАО «Объединенная авиастроительная корпорация» (ПАО «ОАК») и связанных с ним лиц Арбитражный суд г. Москвы запретил рассматривать споры с участием ПАО «ОАК»¹⁰, ПАО «Яковлев»¹¹, АО «Ильюшин финанс Ко.»¹² в судах Брюсселя (Бельгия),

⁸ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 2 августа 2024 г. по делу № А24-283/2024. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/996905cc-e966-4508-8b1f-8dc9dea3b084>

⁹ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26 февраля 2013 г. № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорок о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Определение Арбитражного суда г. Москвы от 3 июня 2024 г. по делу № А40-230120/2023. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/b0bca4c5-d19f-455b-9a15-d5708fc1a547>

¹¹ Определение Арбитражного суда г. Москвы от 7 мая 2024 г. по делу № А40-292530/2023. URL: <https://kad.arbitr.ru/> <https://kad.arbitr.ru/Card/57dce8bb-684b-425a-9dc2-4fa6545e3e94>

¹² Определение Арбитражного суда г. Москвы от 28 мая 2024 г. по делу № А40-24356/2024. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/5fb64116-6f2f-4898-b8a9-d9ab25501c7f>

Женевы (Швейцария) и Украины, поскольку введение иностранным государством персональных санкций в отношении российских лиц является достаточным для вывода об ограничении российскому лицу доступа к правосудию в иностранном государстве.

Интересно отметить, что, несмотря на сложившуюся практику о необходимости персонального характера ограничительных мер в отношении лица, обращающегося с заявлением о запрете инициировать или продолжать разбирательство в иностранном суде, встречаются судебные решения, в которых признается, что и общие ограничительные меры, не имеющие персонального характера, также могут повлечь невозможность для российского лица защитить свои права в иностранном государстве. Так, Арбитражный суд г. Москвы запретил продолжать разбирательство в суде Видземского предместья города Риги о взыскании денежных средств с российского гражданина ввиду введения Латвийской Республикой визового запрета в отношении всех граждан РФ¹³.

Арбитражные суды применяют суверенитет и безопасность государства как фундаментальные правовые начала, угроза которым влечет нарушение публичного порядка Российской Федерации. Значительный интерес с точки зрения доказательства судом причинения иностранным решением угрозы национальной и военной безопасности России представляет определение Арбитражного суда Московской области по делу № А41-2687/2023. Суд отказал в признании и приведении в исполнение решения корейского Коммерческого арбитражного совета (г. Сеул) о взыскании в пользу корейской компании 'Hanwha Corporation' с российской компании ООО «Трансмехсервис» компенсации за нарушение сроков оплаты по договору о поставке российской компании специализированной строительной техники. Суд указал, что Республика Корея включена в перечень недружественных России стран, компания 'Hanwha Corporation' является головной организацией южнокорейской финансово-промышленной группы 'Hanwha Group', в состав которой входит компания 'Hanwha Defense' — ведущий разработчик вооружения: систем ПВО, ракетных систем залпового огня, боевых машин, беспилотников, заявившая о планах стать надежным партнером НАТО. Корейская компания 'Hanwha Corporation' через свои дочерние предприятия участвует в военном оснащении Украины. Суд пришел к выводу, что исполнение решения корейского арбитража приведет к использованию взысканных денежных средств против национальной и военной безопасности России, что противоречит публичному порядку России¹⁴.

¹³ Определение Арбитражного суда г. Москвы от 16 августа 2024 г. по делу № А40-35035/2024. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/62b27591-5618-48c2-bfd6-cabbf87f108a>

¹⁴ Определение Арбитражного суда Московской области от 29 июля 2024 г. по делу № А41-2687/2023. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/d16bdf28-6a59-4382-b5a5-ee8b5e3dbd65>

Подводя итог, сделаем вывод, что из-за резкого усиления санкционной политики в отношении Российской Федерации изменились основания, по которым арбитражные суды признают исполнение иностранных судебных решений противоречащим публичному порядку Российской Федерации. Наиболее распространенными причинами отказа в признании иностранных решений или запрета продолжать судебные разбирательства за рубежом стали: рассмотрение дел в недружественных государствах; невозможность российских компаний исполнить обязательства перед иностранными контрагентами по причине принятых в отношении России санкций; вероятное использование взысканных денежных средств против военной безопасности России.

Вашанова О.В.,

адвокат,

доцент кафедры правового обеспечения государственной
и муниципальной службы факультета государственного управления
и права Московского областного филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Герасимов В. Антироссийское «санкционное цунами» 2022 года и его последствия для рынка комплаенс-информации в России / В. Герасимов, В. Розина, Я. Солдаткин // Политика санкций: цели, стратегии, инструменты : хрестоматия / составители И.Н. Тимофеев, П.И. Чуприянова, К.В. Троцкая. 3-е изд., испр. и доп. Москва : НП РСМД, 2023.
2. Печегина П.Д. Публичный порядок: к проблеме институционализации в международном гражданском процессе / П.Д. Печегина, М.О. Дьяконова, С.А. Сеницын // Международное публичное и частное право. 2024. № 1.

О перспективах создания универсальных международно-правовых руководящих принципов деятельности государств в киберпространстве

24 июня 2013 года Группа правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности (ГПЭ ООН) в своем докладе подтвердила применимость международного права к киберпространству¹.

Вместе с тем киберпространство является новшеством для международного права, что ставит вопрос о том, как именно его принципы применяются в этом пространстве? Не приобретают ли принципы международного права при применении в киберпространстве новое содержание?

Основываясь на анализе докладов ГПЭ ООН², позиций государств, представленных в том числе на рассмотрение международного сообщества³,

¹ Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности от 24 июня 2013 г. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n13/371/68/pdf/n1337168.pdf?token=st7rbWLuv mEwn6M3hE&fe=true>

² Там же; Доклад Группы правительственных экспертов по поощрению ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности от 14 июля 2021. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n21/075/88/pdf/n2107588.pdf?token=1NnfvuJ2yVGfGVgoZG&fe=true>

³ Обновленная концепция Конвенции ООН об обеспечении международной информационной безопасности. Приложение к письму постоянных представителей Беларуси, КНДР, Никарагуа, РФ и САП при ООН от 15 мая 2023 г. на имя Генерального секретаря. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4012277?ln=ru&v=pdf>; Доктрина информационной безопасности РФ : утв. Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 // СПС «Консультант-Плюс»; International Strategy of Cooperation on Cyberspace. China position of 01.03.2017. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zzjg_663340/jks_665232/kjlc_665236/qtw_665250/201703/t20170301_599869.html; On the Application of International Law in Cyberspace. Germany Position Paper — March 2021. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2446304/32e7b2498e10b74fb17204c54665bdf0/on-the-application-of-international-law-in-cyberspace-data.pdf>; Ireland Position Paper on the Application of International Law in Cyberspace. URL: <https://prod-ireland-ie-assets.s3.amazonaws.com/documents/Ireland---National-Position-Paper.pdf>; International Law applicable in cyberspace. Canada position. URL: https://www.international.gc.ca/world-monde/issues_developpement-enjeux_developpement/peace_security-paix_securite/cyberspace_law-cyberespace_droit.aspx?lang=eng#a14; International law and cyberspace. Finland's national positions. URL: <https://valtioneuvosto.fi/en/-/finland-published-its-positions-on-public-international-law-in-cyberspace>; Совместное заявление РФ и КНР о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии от 4 февраля 2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5770>; Военная доктрина РФ : утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 // СПС «КонсультантПлюс»; Военная доктрина Союзного государства : утв. постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 4 ноября 2021 г. № 5. URL: <https://посткомс.рф/documentation/document/1899/>

и доктринальных мнений⁴, можно предложить следующий проект Руководящих принципов деятельности государств в киберпространстве, представленный в виде резолюции Генеральной Ассамблеи ООН:

«Генеральная Ассамблея:

отмечая положительными перспективами, открывающимися перед человечеством в результате стремительного развития информационно-телекоммуникационных технологий (далее — ИКТ),

признавая общемировую заинтересованность всего человечества в использовании информационного пространства (киберпространства) в мирных целях и недопустимость использования государствами ИКТ в целях агрессии, подрыва (ущемления) суверенитета, нарушения территориальной целостности, общественной и экономической стабильности суверенных государств, вмешательства в их внутренние дела, а также осуществления в киберпространстве иных действий, препятствующих поддержанию международного мира и безопасности,

полагая, что проведение кибератак на информационные ресурсы государств, в том числе на объекты критической информационной инфраструктуры, недопустимо,

⁴ Данельян А.А. Киберпространство и международное право // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». URL: <https://inter-legal.ru/kiberprostranstvo-i-mezhdunarodnoe-pravo>; Terentieva L.V. The Issue of State Sovereignty in Cyberspace // *Legal Issues in the Digital Age*. 2021. Vol. 2. № 2. P. 49–67; Corn G.P., Taylor R. Sovereignty in the age of cyber // *American journal of international law unbound*. 2017. Vol. 111. P. 207–212; Русинова В.Н., Ассаф А.Н., Мошников Д.К. Спор о суверенитете в киберпространстве: содержание, пределы и перспективы развития позитивистского дискурса // *Международное правосудие*. 2020. № 3 (35). С. 55–66; Терентьева Л.В. Территориальный аспект юрисдикции и суверенитета государства в киберпространстве // *Lex Russica*. 2019. № 4 (149). С. 139–150; Терентьева Л.В. Принципы установления территориальной юрисдикции в киберпространстве // *Lex russica*. 2019. № 7 (152). С. 119–129; Gisel L., Rodenhäuser T. and Dörmann K. Twenty years on: International humanitarian law and the protection of civilians against the effects of cyber operations during armed conflicts // *International Review of the Red Cross*. 2020. Vol. 102. № 913. P. 287–334; Дзере К. Слезай с моего облака: кибернетическая война, международное гуманитарное право и защита гражданских лиц // *Международный журнал Красного Креста*. 2014. Т. 94. С. 1–58; Zhang L. Chinese perspective on cyber war // *International Review of the Red Cross*. 2012. Vol. 94. № 886. P. 801–807; Lin H. Cyber conflict and international humanitarian law // *International Review of the Red Cross*. 2012. Vol. 94. № 886. P. 515–531; Banks W. State Responsibility and Attribution of Cyber Intrusions After Tallinn 2.0 // *Texas Law Review*. 2017. Vol. 95. № 7. P. 1487–1513; Shany Y., Schmitt M.N. An International Attribution Mechanism for Hostile Cyber Operations // *International Law Studies*. 2020. Vol. 96. P. 196–222; Eichensehr K.E. The Law and Politics of Cyberattack Attribution // *UCLA Law Review*. 2020. Vol. 67. P. 520–598; Гаркуша-Божко С.Ю. Определение вооруженного конфликта в киберпространстве // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право*. 2023. Т. 14. Вып. 1. С. 194–210; Гаркуша-Божко С.Ю. Международное гуманитарное право в киберпространстве: *ratione materiae*, *ratione temporis* и проблема квалификации кибератак // *Цифровое право*. 2021. Т. 2. № 1. С. 64–82; Гаркуша-Божко С.Ю. Применение принципов международного гуманитарного права (принципы проведения различия, соразмерности и предосторожности) к вооруженным конфликтам в киберпространстве // *Российский журнал правовых исследований*. 2021. Т. 8. № 3. С. 73–90; Ivanenko V.S. The origins, causes and enduring significance of the Martens Clause: A view from Russia // *International Review of the Red Cross*. 2022. Vol. 104. P. 1708–1724.

желая обеспечить равноправный доступ государств мира к передовым ИКТ и противодействовать монополизации отдельными государствами и/или при их содействии частными компаниями информационного пространства, в том числе путем ограничения и/или лишения доступа других государств к передовым ИКТ, а также не допустить цифрового неравенства государств и их зависимости от доминирующих в сфере ИКТ государств и их цифровых компаний-гигантов,

подчеркивая, что необоснованные обвинения одних государств в адрес других государств в совершении международно-противоправных деяний в киберпространстве недопустимы,

напоминая о распространении на киберпространство верховенства права и основных прав и свобод человека, в первую очередь права на защиту частной (личной) жизни,

отмечая недопустимость манипуляций государственными информационными инфраструктурами в ущерб международному миру и безопасности,

выражая озабоченность совершением в информационном пространстве международно-противоправных деяний, в том числе осуществлением агрессивных кибератак, а также невозможностью точного установления ответственного за такие деяния государства,

придавая важное значение действию в киберпространстве принципа сотрудничества государств,

принимая во внимание необходимость обеспечения в информационном пространстве безопасности и благоприятной обстановки в общественно-политической, социально-экономической, духовной, нравственной и культурной сферах,

принимая во внимание резолюцию Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 78/237 от 22 декабря 2023 года “Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности”,

принимает следующие Руководящие принципы деятельности государств в киберпространстве:

1. Цели и предмет регулирования

Предметом регулирования настоящих Руководящих принципов является деятельность государств в киберпространстве.

Целями настоящих Руководящих принципов являются:

1) укрепление доверия и развитие сотрудничества государств — членов ООН в информационном пространстве, в том числе в сфере международной информационной безопасности, в целях преодоления напряженности, возникшей в результате противоправного использования ИКТ;

2) содействие наращиванию потенциала государств в области обеспечения международной информационной безопасности;

3) предотвращение и урегулирование межгосударственных (в том числе вооруженных) конфликтов в киберпространстве.

2. Термины и определения

Для целей настоящих Руководящих принципов используются следующие термины и определения:

“вооруженный конфликт в киберпространстве (кибервооруженный конфликт)” — ситуация вооруженного столкновения и противостояния правительственных вооруженных сил двух и более государств, а также ситуация продолжительного вооруженного противостояния между правительственными вооруженными силами и организованными вооруженными группами или же между такими группами внутри одного государства, в контексте которой сторонами такого противостояния используются киберсредства с целью осуществления различных киберопераций друг против друга;

“информационная безопасность (кибербезопасность)” — состояние защищенности интересов личности, общества и государства от угроз деструктивных и иных негативных воздействий в информационном пространстве (киберпространстве);

“информационная инфраструктура” — совокупность технических средств и систем формирования, преобразования, передачи, использования и хранения информации;

“информационное оружие (кибер-оружие)” — киберсредства, используемые для осуществления кибератаки;

“информационное пространство (киберпространство)” — глобальная электронная среда, образованная физическими и нефизическими компонентами, включая комплекс технических и программных средств, в которой посредством использования компьютерных и мобильных сетей, включая глобальную информационно-коммуникационную сеть “Интернет”, осуществляется формирование, передача, прием, хранение, обработка, модификация и уничтожение информации;

“информационная система” — совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств;

“информационно-телекоммуникационные технологии (ИКТ)” — процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов;

“кибератака” — нападение с использованием киберсредств, приводящее к гибели людей, причинению им увечий, физическому разрушению или повреждению объектов, а также к нарушению нормального функционирования объектов критической информационной инфраструктуры без их физического разрушения или повреждения;

“международная информационная безопасность” — состояние международных отношений, исключающее нарушение мировой стабильности и создание угрозы безопасности государств и мирового сообщества в информационном пространстве;

“международно-противоправное деяние в информационном пространстве (киберпространстве)” — поведение государства в информационном пространстве (киберпространстве), состоящее в действии или бездействии, которое:

- а) присваивается государству по международному праву; и
- б) представляет собой нарушение международно-правового обязательства этого государства;

“объекты критической информационной инфраструктуры” — информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети государственных органов; информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети и автоматизированные системы управления технологическими процессами, предназначенные для обеспечения обороны страны, безопасности государства и правопорядка, а также функционирующие в области здравоохранения, транспорта, связи, в кредитно-финансовой сфере, в оборонно-промышленном и топливно-энергетическом комплексах, в атомной, ракетно-космической и химической промышленности, в отраслях промышленности с непрерывным циклом производства;

“распространение информации” — действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц;

“угроза информационной безопасности” — факторы, создающие опасность для личности, общества, государства и их интересов в информационном пространстве.

3. Руководящие принципы

Государства признают, что их деятельность в киберпространстве регулируется нижеследующими принципами:

1. Государство обладает суверенитетом в киберпространстве (цифровой суверенитет).

2. Государство имеет право осуществлять территориальную и личную юрисдикции, а также в установленных международным правом случаях — универсальную (экстерриториальную) юрисдикцию в информационном пространстве.

3. Государство обладает суверенным правом на управление национальным сегментом киберпространства, а также на обеспечение и защиту национальных интересов и национальной безопасности в нем.

4. Государства равноправны в своей деятельности в информационном пространстве.

5. Государства в своей деятельности в киберпространстве обязуются руководствоваться принципом воздержания в международных отношениях от угрозы силой или ее применения.

6. Государства обязуются не допускать использование ИКТ для подрыва и ущемления суверенитета, нарушения территориальной целостности и независимости государств, а также для вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

7. Государства обязуются отказаться от бездоказательных обвинений суверенных государств в организации и совершении международно-противоправных деяний с использованием ИКТ, включая кибератаки, в том числе для последующего принятия различного рода ограничений в виде односторонних мер экономического воздействия и иных способов реагирования.

8. Все межгосударственные конфликты в информационном пространстве разрешаются путем переговоров, посредничества, примирения или иными мирными средствами по выбору государств, в том числе путем проведения консультаций с участием национальных органов государств, уполномоченных на решение задач в области обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий кибератак.

9. В случае возникновения вооруженного конфликта в киберпространстве (кибервооруженного конфликта) он будет регулироваться нормами международного гуманитарного права (права вооруженных конфликтов).

10. При изучении, разработке, приобретении или принятии на вооружение информационного оружия (кибероружия), иных киберсредств или киберметодов ведения войны государства должны определить, подпадает ли их применение, при некоторых или при всех обстоятельствах, под запрещение норм права вооруженных конфликтов.

11. Для обеспечения уважения и защиты гражданского населения и гражданских объектов стороны кибервооруженного конфликта должны всегда проводить различие между гражданским населением и комбатантами, а также между гражданскими объектами и военными объектами и, соответственно, направлять свои действия только против военных объектов.

12. Гражданское население и отдельные гражданские лица пользуются общей защитой от опасностей, возникающих в связи с военными кибероперациями. В целях осуществления этой защиты, в дополнение к другим применимым нормам международного права, при всех обстоятельствах соблюдаются следующие нормы.

13. Гражданское население как таковое, а также отдельные гражданские лица не должны являться объектом кибератак.

14. Гражданские лица пользуются защитой, гарантированной нормами международного гуманитарного права, за исключением случаев и на такой период, пока они принимают непосредственное участие в военных действиях в информационном пространстве.

15. Кибератаки неизбирательного характера запрещаются. К ним относятся:

а) кибератаки, которые не направлены на конкретные военные объекты;

б) кибератаки, при которых применяются киберметоды или киберсредства ведения военных действий, которые не могут быть направлены на конкретные военные объекты; или

с) кибератаки, при которых применяются киберметоды или киберсредства ведения военных действий, последствия которых не могут быть ограничены, как это требуется в соответствии с нормами права вооруженных конфликтов, и которые, таким образом, в каждом таком случае поражают военные объекты и гражданских лиц или гражданские объекты без различия;

д) кибератаки, которые, как можно ожидать, попутно повлекут гибель людей, причинение им увечий, физическое разрушение или повреждение объектов, а также нарушение нормального функционирования объектов критической информационной инфраструктуры без их физического разрушения или повреждения, или то и другое вместе, которые были бы чрезмерны по отношению к конкретному и непосредственному военному преимуществу, которое предполагается таким образом получить.

16. Запрещаются кибератаки на гражданское население или на отдельных гражданских лиц в порядке репрессалий.

17. В случаях, не предусмотренных настоящими Руководящими принципами или другими международными соглашениями и документами, гражданское население и комбатанты постоянно остаются под защитой и действием принципов международного права, проистекающих из установившихся обычаев, из принципов гуманности и требований общественного сознания.

18. Государства обязуются добросовестно и в полном объеме выполнять взятые на себя обязательства по обеспечению международной информационной безопасности.

19. Государства обязуются отказаться от принятия программных документов, нацеленных на провоцирование угроз и конфликтов в информационном пространстве, а также на создание напряженности в международных отношениях в нем.

20. Государства обязуются создать механизмы для предотвращения кибератак с их территории или с использованием информационной инфраструктуры, находящейся под их юрисдикцией, а также механизмов для взаимодействия между государствами в целях определения источника кибератак, проведенных с их территории, противодействия этим атакам и ликвидации их последствий.

21. Присвоение той или иной деятельности в сфере ИКТ государству лишь на основании происхождения этой деятельности с территории или объектов информационной инфраструктуры указанного государства недо-

пустимо. Любое обвинение в организации и совершении международно-противоправных деяний, выдвигаемое против государства, должно быть обоснованным.

22. Заведомое использование государствами своей территории для совершения международно-противоправных деяний с использованием ИКТ и задействования посредников, а также стремление к использованию территорий государств негосударственными субъектами для совершения таких деяний недопустимы.

23. Недопустимы заведомые осуществление и поддержка государствами деятельности в сфере использования ИКТ, если такая деятельность противоречит их обязательствам по международному праву, наносит преднамеренный ущерб объектам критической информационной инфраструктуры или иным образом препятствует использованию и функционированию таких объектов.

24. Государства обязуются принять надлежащие меры для защиты собственных объектов критической информационной инфраструктуры от угроз информационной безопасности.

25. Государства обязуются защищать основные права и свободы человека в киберпространстве, в первую очередь право на тайну личной (частной) жизни.

26. Государства обязуются защищать и уважать свободное выражение мнения каждого человека, включая свободу искать, получать и распространять информацию, при возможности введения ограничений, установленных законом, для защиты прав и репутации других лиц, охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

27. Государства обязуются оперативно обмениваться информацией об угрозах информационной безопасности и принимаемых мерах в отношении их урегулирования и нейтрализации.

28. Государства обязуются проводить консультации по вопросам деятельности в киберпространстве, которая может вызывать озабоченность, в целях предотвращения и мирного урегулирования конфликтов.

29. Применение против государств неоправданных ограничений, в том числе односторонних принудительных мер, препятствующих всеобщему доступу к преимуществам от использования ИКТ в мирных целях, международному сотрудничеству или передаче таких технологий, недопустимо».

Гаркуша-Божко С.Ю.,

соискатель кафедры международного права
Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ),
юрисконсульт АО «Усть-Луга Ойл»
(г. Санкт-Петербург)

Литература

1. Гаркуша-Божко С.Ю. Международное гуманитарное право в киберпространстве: *ratione materiae, ratione temporis* и проблема квалификации кибератак / С.Ю. Гаркуша-Божко // Цифровое право. 2021. Т. 2. № 1.
2. Гаркуша-Божко С.Ю. Определение вооруженного конфликта в киберпространстве / С.Ю. Гаркуша-Божко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. 2023. Т. 14. № 1.
3. Гаркуша-Божко С.Ю. Применение принципов международного гуманитарного права (принципы проведения различия, соразмерности и предосторожности) к вооруженным конфликтам в киберпространстве / С.Ю. Гаркуша-Божко // Российский журнал правовых исследований. 2021. Т. 8. № 3.
4. Дреге К. Слезай с моего облака: кибернетическая война, международное гуманитарное право и защита гражданских лиц / К. Дреге // Международный журнал Красного Креста. 2014. Т. 94.
5. Русинова В.Н. Спор о суверенитете в киберпространстве: содержание, пределы и перспективы развития позитивистского дискурса / В.Н. Русинова, А.Н. Ассаф, Д.К. Мошников // Международное правосудие. 2020. № 3 (35).
6. Терентьева Л.В. Принципы установления территориальной юрисдикции в киберпространстве / Л.В. Терентьева // Lex russica (Русский закон). 2019. № 7 (152).
7. Терентьева Л.В. Территориальный аспект юрисдикции и суверенитета государства в киберпространстве / Л.В. Терентьева // Lex russica (Русский закон). 2019. № 4 (149).
8. Banks W. State Responsibility and Attribution of Cyber Intrusions After Tallinn 2.0 / W. Banks // Texas Law Review. 2017. Vol. 95. Iss. 7.
9. Corn G.P. Sovereignty in the age of cyber / G.P. Corn, R. Taylor // American journal of international law unbound. 2017. Vol. 111.
10. Eichensehr K.E. The Law and Politics of Cyberattack Attribution / K.E. Eichensehr // UCLA Law Review. 2020. Vol. 67.
11. Gisel L. Twenty years on: International humanitarian law and the protection of civilians against the effects of cyber operations during armed conflicts / L. Gisel, T. Rodenhäuser, K. Dörmann // International Review of the Red Cross. 2020. Vol. 102. Iss. 913.
12. Ivanenko V.S. The origins, causes and enduring significance of the Martens Clause: A view from Russia / V.S. Ivanenko // International Review of the Red Cross. 2022. Vol. 104.
13. Lin H. Cyber conflict and international humanitarian law / H. Lin // International Review of the Red Cross. 2012. Vol. 94. Iss. 886.
14. Shany Y. An International Attribution Mechanism for Hostile Cyber Operations / Y. Shany, M.N. Schmitt // International Law Studies. 2020. Vol. 96.
15. Terentieva L.V. The Issue of State Sovereignty in Cyberspace / L.V. Terentieva // Legal Issues in the Digital Age. 2021. Vol 2. Iss. 2.
16. Zhang L. Chinese perspective on cyber war / L. Zhang // International Review of the Red Cross. 2012. Vol. 94. Iss. 886.

К вопросу о развитии альтернативных негосударственных и надгосударственных систем разрешения трансграничных споров (в частности, на примере МКАС при ТПП РФ)

Невозможно говорить о международно-частных правоотношениях в общем и разрешении трансграничных споров с помощью альтернативных негосударственных и надгосударственных систем в частности, без общего представления о международных отношениях сегодня, вчера и планируемого завтра. Так, на наш взгляд, последние события, как выборы США, определенные локальные кризисы с международной повесткой, развитие БРИКС, подтверждают развитие и установление нового миропорядка, которое было описано в монографии 2013 г. «Влияние геополитических итогов распада СССР на формирование современной системы международных отношений и возможные пути становления мирового порядка в XXI веке»¹. Где была предпринята попытка определения вектора развития нового мирового порядка в XXI в., на основе проведенного системного и комплексного анализа исторической, геополитической эволюции становления современной системы международных отношений с учетом причин и последствий распада СССР. Так, спустя 11 лет можно смело утверждать о тенденции становления нового многополярного мира в рамках сложившейся политической неустойчивости в разных регионах планеты и непрекращающихся финансовых кризисов при параллельном развитии политического радикализма и экстремизма. Но характер трансформации системы международных отношений в ближайшее время может сложиться и по-другому: возврат к биполярности — G7 и БРИКС.

Формирующийся миропорядок, в авангарде которого находятся глобальная экономика и обслуживающие ее трансграничные частноправовые отношения, по-прежнему регулируется правом, исходящим от государства, но последнее утрачивает регулятивную монополию, а потому требуется переосмысление нормативной надстройки и формирование нового юридического языка, способного осмыслить и объяснить последствия глобализации в правовом поле².

Глобализация изменила облик мира, породила перестройку социума, трансформацию государства и его суверенитета и привела к «разгосударствлению» права. Наибольшим изменениям подвержено сегодня меж-

¹ Колябин А.Ю., Глухова Т.В. Influence of geopolitical results of USSR disintegration on the formation of contemporary foreign relations system and possible ways of global order establishment in the XXI century // Montreal. 2013.

² Мажорина М.В. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 193–217.

дународное частное право, где наблюдаются: увеличение числа субъектов нормотворчества; усиление и видоизменение процесса делегализации права; стандартизация и поиск новой правовой идентичности; беспрецедентное разрастание массива норм негосударственного регулирования и поиски путей их легитимизации; активное развитие альтернативных негосударственной и надгосударственной систем разрешения трансграничных споров.

На протяжении последних десятилетий в России эволюционируют и внедряются различные процедуры урегулирования споров, альтернативные государственному судопроизводству, поскольку мирное разрешение проблемной ситуации признается наиболее оптимальным способом. Концептуальная идея альтернативного подхода к урегулированию и разрешению споров продиктована необходимостью разгрузки судов, повышения эффективности работы судебной системы, сокращения финансовых и организационных расходов, ориентирования на повышение уровня культуры деловых отношений.

Дальнейшее развитие процедур урегулирования и разрешения споров, помимо государственного судопроизводства, и принятие их обществом в перспективе могло бы качественным образом повлиять на мировоззрение социума и изменить представление о способах и формах защиты субъективных прав, переориентировав на стремление к мирному урегулированию конфликта негосударственными способами, поэтому, считаем, в будущем грядут новые изменения и дополнения законодательства, направленные на развитие и модернизацию альтернативных путей урегулирования и разрешения споров для их эффективного применения сторонами³. Тем более основными причинами привлекательности международного арбитража неизменно остаются сравнительная легкость в признании и приведении в исполнение решений, сроки процедуры, конфиденциальность и цена⁴. Соответственно, эффективность приведения в исполнение решений на основании Нью-Йоркской конвенции является основополагающим преимуществом арбитража. Россия подписала заключительный акт, которым принята конвенция, принимаемые на территории России судебные решения будут признаваться и приводиться в исполнение в других странах — участницах конвенции. Однако данные события имели место до принятия изменений в Конституцию РФ⁵ и украинского кризиса со всеми вытекающими событиями, и тем самым

³ Альтернативные способы урегулирования и разрешения споров в России : учебное пособие / В.В. Котлярова ; под ред. доктора юридических наук А.В. Юдина. Самара : Изд-во Самарского университета, 2021. 104 с.

⁴ Колябин А.Ю. К вопросу о разрешении споров в международном коммерческом арбитраже // Общество, экономика и право: вызовы современности и тенденции развития : сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции. Волжский, 2024. С. 64–67.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». 2024. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 08.11.2024).

был нарушен принцип «недискриминации», поскольку российские стороны были поставлены в худшие условия, чем лица других государств, что послужило основанием для реторсий (обратной взаимности) — ответных ограничительных действий.

Как было сказано, становление международного публичного права напрямую соотносится с развитием международного частного права, примером может служить настоящая ситуация вокруг России, когда санкционный порядок выстраивания дипотношений ломает фундаментальную надстройку «экономика-право-политика», что вызывает коллапс в коллизионно-правовом методе международного частного права, реализуемом правоприменительными органами, в том числе в контексте применения унифицированных коллизионно-правовых норм, при выделении международного (трансграничного) характера международного частного права. Современное международное частное право характеризуется наличием симбиоза традиционных способов государственного материального и коллизионно-правового регулирования и негосударственного регулирования, исходящего от субъектов частноправовых отношений, формируемого с учетом использования современных информационных технологий и зачастую реализуемого в цифровой среде, в том числе с применением негосударственных альтернативных способов разрешения споров, формы реализации которых модернизируются с развитием технологий (ODR, блокчейн-арбитраж, UDRP)⁶. Отмечается формирование «трансграничного частного права», которое является в собственном смысле, в контексте порядка формирования частным, то есть исходящим от субъектов частного права, что непосредственно будет приводить к трансграничным спорам. Разрешение которых сегодня осложнено «замораживанием» некоторых способов разрешения, тем самым может быть дан толчок к использованию альтернативных негосударственных и надгосударственных систем разрешения споров.

Так, международная практика выделяет следующие способы по альтернативному рассмотрению споров по различным отраслям права с учетом специфики правового регулирования и отнесения того или иного государства к определенной правовой семье: англосаксонской, романо-германской и религиозной. Многими учеными делаются выводы о роли альтернативных способов разрешения споров (APC) в урегулировании конфликтов с учетом развитости указанного института в рассматриваемых правовых семьях и аргументируется актуальность внедрения этих способов рассмотрения споров с целью предоставления субъектам гражданского оборота выбора способа защиты нарушенных прав. Безусловно, внесудебные способы разрешения трансграничных споров не должны конкурировать и тем более полностью

⁶ Шахназаров Б.А. Современные тенденции развития международного частного права и его место в системе права // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 7. С. 44–60.

заменять традиционный способ решения споров — правосудие, однако их существование и активное функционирование позволит создать дополнительные гарантии правовой защиты для сторон правоотношений частного характера и снижения нагрузки на судебные учреждения в целом⁷. В зависимости от региона существуют свои АРС, призванные обеспечить разрешение споров в отдельном государстве. В России таковым является МКАС при ТПП РФ⁸.

Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МКАС) — один из старейших и авторитетных международных арбитражных институтов, который с 1999 г. является членом Международной федерации коммерческих арбитражных институтов. Правовое положение МКАС с момента его создания всегда определялось законом, сегодня оно определяется Приложением I к Закону Российской Федерации от 7 июля 1993 г. «О международном коммерческом арбитраже», который, в свою очередь, основан на Типовом законе ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже. До 2017 года МКАС рассматривал исключительно международные коммерческие споры, ежегодно разрешая несколько сотен международных дел, опережая по этому показателю многие международные институты, в том числе Лондона и Стокгольма⁹.

Одним из результатов реформы законодательства об арбитраже в целях развития арбитража в России на базе авторитетных арбитражных центров стало наделение МКАС полномочиями по рассмотрению не только международных, но и внутренних споров, а также открытию отделений вне места своего нахождения в Москве. Так, Торгово-промышленной палатой Российской Федерации (ТПП РФ) и МКАС открыто уже 26 отделений суда в регионах России, в том числе в Волгограде, членом которой является автор¹⁰. Отделение работает и рассматривает как внутренние, так и международные дела в соответствии с положениями и правилами МКАС. В 2017 году Торгово-промышленной палатой Российской Федерации с учетом требований законодательства были утверждены новые правила арбитража МКАС, списки арбитров, порядок исчисления арбитражного сбора. Правила МКАС учитывают современные тенденции в сфере арбитража, предусматривают возможность про-

⁷ Акимова А.С., Волкова Е.Ю., Григорьев К.В., Тарасенко А. Е. Применение альтернативных способов разрешения споров в международной практике // Научные записки молодых исследователей. 2023. № 11 (2). С. 23–32.

⁸ Закон РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» // Российская газета. 1993. № 156; Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (в актуальной редакции) // СЗ РФ. 2016. № 1 (часть I).

⁹ Колябин А.Ю. Гражданско-правовые способы защиты интересов предпринимателей : учебное пособие для студентов высшего и среднего профессионального образования. М., 2023.

¹⁰ URL: <https://mkas.tpprf.ru/ru/arbitrators/kolyabin-i377753/> (дата обращения: 11.11.2024).

ведения ускоренного арбитражного разбирательства, обмена документами в электронном виде, участия сторон, их представителей посредством видеоконференц-связи. Утвержденные палатой списки арбитров МКАС носят рекомендательный характер, не ограничивая стороны в выборе арбитров, и включают специалистов из 25 стран. Торгово-промышленная палата России и МКАС сотрудничают с другими международными арбитражными центрами; отметим также, что сегодня весьма активно развивается сотрудничество с арбитражными учреждениями стран Азии и Востока. Так, на взаимной основе состоялось включение авторитетных арбитров из Российской Федерации и Китайской Народной Республики в списки Китайской международной экономической и торговой арбитражной комиссии (CIETAC) и МКАС. В рамках VII Восточного экономического форума подписаны меморандумы о сотрудничестве между МКАС и Гуанчжоуской арбитражной комиссией (КНР). Наряду с английской и немецкой версиями интернет-сайта МКАС, запущена в работу китайская версия сайта МКАС. В 2022 году во время визита делегации ТПП РФ во главе с президентом ТПП России С.Н. Катыриным в Иран состоялось подписание меморандума о развитии сотрудничества в области международного коммерческого арбитража между МКАС и Арбитражным центром Торговой палаты Ирана.

В современных условиях весьма важно, чтобы арбитражные учреждения, идя в ногу со временем, применяя современные технологии, тем не менее, сохраняли приверженность фундаментальным принципам международного коммерческого арбитража, таким как независимость и беспристрастность арбитров, состязательность, равное отношение к сторонам. Именно этими принципами сегодня руководствуются ТПП России и МКАС. Как результат, рассмотрение сотен дел в прошлом году, часть из которых — это международные дела с участием компаний из 40 стран. Ежегодно увеличивается количество споров с участием компаний из стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Около 10% международных дел МКАС — это споры между нерезидентами Российской Федерации, которые выбирают МКАС как нейтральный арбитражный институт. Весьма показательно, что примерно 80% исковых требований сторон вне зависимости от их страновой принадлежности удовлетворяются в МКАС полностью или частично. Решения МКАС исполняются сторонами добровольно или приводятся в исполнение в соответствии с Нью-Йоркской конвенцией 1958 г. более чем в 170 странах — участницах конвенции. И эта тенденция продолжается и в сегодняшней непростой внешнеполитической ситуации в условиях санкций¹¹.

¹¹ Подшибякин Д.Н. Деятельность МКАС при ТПП РФ в современных условиях // Материалы VII Тихоокеанского юридического форума, посвященного празднованию 65-летия непрерывного юридического образования на Дальнем Востоке России. Владивосток, 2023. С. 67–70.

В результате работы МКАС обнаруживается влияние международно-правовых и национально-правовых источников на развитие Международного коммерческого арбитража. Особое внимание уделяется правовому регулированию деятельности международного коммерческого арбитража на национальном уровне в свете соотношения Типового закона ЮНСИТРАЛ и Закона РФ «О международном коммерческом арбитраже». При исследовании проблемы выбора материального права выявлены методы, с помощью которых Международный коммерческий арбитраж выбирает право в случае отсутствия прямого указания на выбор применимого права в тексте договора. Делается вывод о том, что в случае отсутствия соглашения сторон о выбранном праве суд все равно старается учесть их волю. Такая позиция суда благоприятно влияет на деловой климат, увеличивает объективность, так как выбор материального права может существенно изменить решение. Тем самым развитие МКАС стирает границу между странами¹².

Однако за рубежом отношение к МКАС при ТПП РФ неоднозначное, а частую предвзятую, о чем свидетельствует А.И. Муранов, анализируя информацию из GAR Guide to Regional Arbitration (Vol. 10 — 2022), в том числе указывая на важные моменты и неточности в этом путеводителе¹³. В частности, приводится суждение, не соответствующее действительности: «7) еще одно преувеличение: 'Lawyers appearing... it and settling it)'. Доверенность, выданную за рубежом, действительно лучше представить с апостилем и (или) с нотариально засвидетельствованным переводом на русский язык, но компетентные арбитры знают, что это необязательно». В дополнение можно указать, что анализ последних отечественных законодательных изменений в расширении и упрощении процедуры нотариальных действий со стороны работников консульских учреждений способствует позитивному развитию всего Консульского департамента, «в ногу с цифровизацией», и, несмотря на увеличенный функционал консулов, их работа ограничивается со стороны Запада¹⁴.

Несмотря на проблемы внешнего и внутреннего характера, присутствует необходимость своевременного совершенствования Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Россий-

¹² Луконькина О.В., Пакшин П.К. Особенности рассмотрения споров, осложненных иностранным элементом, в МКАС при ТПП РФ и проблема выбора применимого материального права при их разрешении // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 6. С. 261–265.

¹³ Муранов А.И. GAR Guide to Regional Arbitration (Vol. 10 — 2022): о российском арбитраже, МКАС при ТПП РФ, «Р»АЦ, АЦ РСПП, ICC и SIAC. Сравнение МКАС при ТПП РФ с МКАС при ТПП Украины. Неточности насчет МКАС при ТПП РФ // Вестник Международного коммерческого арбитража. 2022. № 2 (25). С. 86–95.

¹⁴ Колябин А.Ю. К вопросу о сложностях в деятельности работников консульских учреждений в условиях «дипломатических войн», цифровизации и расширении функционала // Нотариус. 2024. № 4. С. 14–17.

ской Федерации. Как то: в целях приближения судебных разбирательств, проводимых в МКАС, к международному опыту предлагается обеспечить прямое взаимодействие между арбитрами и сторонами арбитража, а также обязать их согласовывать модель будущего разбирательства и процессуальный график, для того чтобы создать институциональные стимулы для использования гибкости арбитражной процедуры. Вместе с тем предлагается ввести упрощенную и ускоренную процедуру для относительно небольших дел, по которым проведение полноценного арбитражного разбирательства может быть неоправданным. Кроме того, предлагается внести определенные изменения в процесс формирования состава арбитража. В частности, избавиться от обязательного назначения запасных арбитров и докладчиков по любому делу в МКАС. Предлагается также установить, что председатель состава арбитража при коллегиальном рассмотрении дела по общему правилу назначается по соглашению сторон. Наконец, с целью привлечения иностранных арбитров предлагается изменить структуру вознаграждения арбитров. В связи с этим можно начать с перераспределения долей арбитражного сбора, приходящихся на административный и гонорарный сбор, таким образом, чтобы не менее 70% уплачиваемых сторонами денежных средств передавались на оплату услуг арбитров.

Еще одним моментом, напрямую связанным с эффективностью процедуры, является то, что Регламент МКАС не требует направлять какие-либо документы другой стороне. Зато устанавливает необходимость подачи всех документов в секретариат в шести экземплярах (при рассмотрении дела тремя арбитрами). Требование о представлении доказательств и процессуальных документов на бумажных носителях само по себе архаично и сильно затрудняет жизнь сторонам. Поэтому предлагается внести в Регламент МКАС изменения, в соответствии с которыми вся переписка по делу будет вестись через секретариат только до формирования состава арбитража и передачи ему материалов дела с целью ее упрощения и ускорения.

Колябин А.Ю.,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волжского института экономики, педагогики и права,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Международного юридического института,
арбитр МКАС при ТПП РФ, кандидат юридических наук, доцент
(г. Волжский, Волгоградская область)

Литература

1. Акимова А.С. Применение альтернативных способов разрешения споров в международной практике / А.С. Акимова, Е.Ю. Волкова, К.В. Григорьев, А.Е. Тарасенко // Научные записки молодых исследователей. 2023. № 11 (2).

2. Альтернативные способы урегулирования и разрешения споров в России : учебное пособие / В.В. Котлярова ; под редакцией А.В. Юдина. Самара : Издательство Самарского университета, 2021.
3. Колябин А.Ю. Influence of geopolitical results of USSR disintegration on the formation of contemporary foreign relations system and possible ways of global order establishment in the XXI century / А.Ю. Колябин, Т.В. Глухова. Montreal : Accent graphics communications, 2013.
4. Колябин А.Ю. Гражданско-правовые способы защиты интересов предпринимателей : учебное пособие для студентов высшего и среднего профессионального образования / А.Ю. Колябин. Москва : Издательская группа «Юрист», 2023.
5. Колябин А.Ю. К вопросу о разрешении споров в международном коммерческом арбитраже / А.Ю. Колябин // Общество, экономика и право: вызовы современности и тенденции развития : материалы V Международной научно-практической конференции (г. Волжский, 22 декабря 2023 г.) : сборник научных статей / члены редакционной коллегии : Р.Ю. Скоков, Т.А. Дугина, Е.О. Клименко [и др.] ; ответственный редактор А.А. Вакарев. Волжский, 2024.
6. Колябин А.Ю. К вопросу о сложностях в деятельности работников консульских учреждений в условиях «дипломатических войн», цифровизации и расширения функционала / А.Ю. Колябин // Нотариус. 2024. № 4.
7. Луконькина О.В. Особенности рассмотрения споров, осложненных иностранным элементом, в МКАС при ТПП РФ и проблема выбора применимого материального права при их разрешении / О.В. Луконькина, П.К. Пакшин // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16. № 6.
8. Мажорина М.В. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации / М.В. Мажорина // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1.
9. Муранов А.И. GAR Guide to Regional Arbitration (Vol. 10 — 2022): о российском арбитраже, МКАС при ТПП РФ, «Р»АЦ, АЦ РСПП, ICC и SIAC. Сравнение МКАС при ТПП РФ с МКАС при ТПП Украины. Неточности насчет МКАС при ТПП РФ / А.И. Муранов // Вестник Международного коммерческого арбитража. 2022. № 2 (25).
10. Подшибякин Д.Н. Деятельность МКАС при ТПП РФ в современных условиях / Д.Н. Подшибякин // Поворот на Восток: тенденции изменения институтов права и государства в эпоху глобализации и цифровизации : материалы VII Тихоокеанского юридического форума, посвященного празднованию 65-летия непрерывного юридического образования на Дальнем Востоке России (г. Владивосток, 13 октября 2023 г.) : сборник научных статей / составитель В.В. Гаврилов. Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2023.
11. Шахназаров Б.А. Современные тенденции развития международного частного права и его место в системе права / Б.А. Шахназаров // Lex russica (Русский закон). 2021. Т. 74. № 7.

Международное частное право: спорные вопросы фундаментального характера

Более 800 лет коллизионисты искали философский камень. Если бы они его нашли, то мы достигли бы как минимум общего согласия о подходящей методике. В реальности сегодня мы более разобщены, нежели статутисты. Мне кажется, что нам лучше исследовать подающие надежды тропинки, нежели тупиковые аллеи международного частного права.

Th.M. de Boer

В настоящей статье мы обращаем внимание на некоторые спорные вопросы международного частного права, носящие, на взгляд автора, фундаментальный характер.

Такая постановка вопроса отнюдь не имеет в виду ниспровержение чьих-либо взглядов, признания их ложными или устаревшими, поскольку возвращение к ним вновь со временем в науке является не столь редким явлением.

Тезис I: о кризисе МЧП, или о том, как методология мстит науке о МЧП за невнимание к ней со стороны этой науки

О наличии такого кризиса свидетельствуют многочисленные высказывания как крупных, так и пока менее значимых исследователей проблем МЧП.

На Западе с завидной последовательностью об этом пишут наши современники профессора Г. Кегель¹, Симеонидес², А. Скотт и др. Подвергается сомнению правильность как отдельных категорий МЧП, так и всей его совокупности в целом.

Такие российские ученые, как А.Н. Макаров³ и Р.А. Мюллерсон⁴, указывают на отсутствие своих норм в МЧП, а профессор В.В. Гаврилов утверждает, что «международное частное право является искусственным образованием... не образует оно и собственной системы права, так как само состоит

¹ Kegel G. The Crisis of Conflict of Laws // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. 1964. Vol. 112. Hague Academy of International Law. P. 108.

² Private International Law at the End of the 20th Century: Progress or Regress? XVth International Congress of Comparative Law / ed. by Symeonides. The Hague-London-Boston, 2000. P. 44.

³ Макаров А.Н. Основные начала международного частного права. М., 1924. С. 25–26.

⁴ Мюллерсон Р.А. О соотношении международного публичного, международного частного и национального права // СГИП. 1982. № 2. С. 86.

из норм этих (международной и внутригосударственной. — М.К.) правовых систем»⁵.

Есть и такие российские исследователи, которые утверждают, что «вообще нельзя говорить о МЧП как отрасли международного либо национального права или даже отдельной системы права. Международное частное право — научная дисциплина»⁶.

Продолжая далее свою мысль, эти авторы пишут: «Таким образом, то, что обычно называют международным частным правом, является искусственным образованием, объединяющим две или три группы разносистемных норм (международно-правовые, нормы права РФ, нормы права иностранных государств)»⁷.

Как видно, такой подход к МЧП просто уничтожает его или по крайней мере нарушает принцип целостности, поскольку в лучшем случае растаскивает на отдельные отрасли права, например, международное валютное право⁸, международное частное морское право⁹, подотрасли и даже подсистемы. Например, К.Л. Разумов предложил выделить из МЧП коллизионное право как подсистему национального права¹⁰.

Известные теоретики гражданского права и позитивисты М.И. Брагинский, А.Л. Маковский и О.Н. Садилов, например, отрицают самостоятельный характер международного частного права и считают его частью, своего рода «срезом» гражданского права. В качестве обоснования данной позиции профессор А.Л. Маковский приводит следующие доказательства:

— Отношения, регулируемые международным частным правом, хотя и имеют свою специфику, но все же являются *однородными* с другими гражданско-правовыми отношениями.

— На значительной *общности предмета регулирования* имущественных отношений, осложненных иностранным элементом и без такового, основано все коллизионное регулирование первых, подчиняющее их нормам общего гражданского права.

— На том же основана своеобразная *взаимозаменяемость* МЧП и общего гражданского права, *отсутствие* между ними абсолютно четкой разграничительной линии.

— Основные коллизионные нормы, правила об автономии воли, публичном порядке содержатся в отраслевых актах гражданского законодательства.

⁵ Гаврилов В.В. Международное частное право: учебное пособие. Владивосток. 1997. С. 13–14.

⁶ Бирюков П.Н., Понедельченко Н.М. Еще раз о международном частном праве // Международное публичное и частное право. М., 2005. № 3.

⁷ Там же.

⁸ Альтшулер А.Б. Международное валютное право. М., 1984. С. 256.

⁹ Маковский А.Л. Унификация морского права и понятие международного частного морского права // Советский ежегодник международного права — СЕМП. 1979. М., 1980. С. 220.

¹⁰ Разумов К.Л. Международное частное право: некоторые вопросы теории и практики // Материалы лекции права. 1983. № 34. ТПП СССР. С. 7–26.

— Свойственные международному частному праву специальные методы регулирования: автономия воли сторон, коллизионный метод и другие — чаще всего необходимо сочетать с использованием для регламентации имущественных отношений, осложненных иностранным элементом, метода равенства сторон гражданского правоотношения¹¹.

«Все изложенное выше, — резюмирует профессор А.Л. Маковский, — позволяет прийти к выводу, что международное частное право — своего рода надстройка над другими нормами гражданского права, специально созданная для регулирования отношений, осложненных иностранным элементом, «срез», «слой» гражданского права, захватывающий почти все его подотрасли и институты»¹².

В данной научной позиции много того, с чем теоретики права не смогут согласиться.

Прежде всего вряд ли приемлем термин «срез», «слой» применительно к МЧП, да и праву вообще. Не ясно, на каком теоретическом фундаменте вводится понятие «общего» гражданского права и чем оно отличается от собственно гражданского права, утвердившегося за последние 2000 лет в праве всех без исключения стран и никем не оспариваемое. Что означает «своеобразная взаимозаменяемость» МЧП и общего гражданского права? Вряд ли служит убедительным аргументом в пользу отнесения МЧП к «срезу» гражданского права то обстоятельство, что коллизионные нормы, правила об автономии воли и публичном порядке размещены в отраслевых актах гражданского законодательства. Возражения у теоретиков права может вызвать отнесение к методам правового регулирования такой категории, как автономия воли (см. ст. 1210 ГК РФ), или принципа равенства сторон гражданского правоотношения.

На наш взгляд, высказанная профессором А.Л. Маковским научная позиция скорее подчеркивает, нежели снимает проблему кризиса международного частного права, о которой говорилось выше.

Подтверждением данной оценки может служить научная позиция ряда других цивилистов: М.М. Богуславского, Л.А. Лунца, И.С. Перетерского, С.Н. Лебедева, Г.К. Дмитриевой, которые не разделяют позицию профессора А.Л. Маковского о том, что МЧП является «срезом», «слоем» гражданского права, и высказываются в его пользу самостоятельности.

Например, С.Н. Лебедев утверждает, что *«МЧП следует рассматривать как особую отрасль цивилистического по характеру содержания»¹³.*

¹¹ Маковский А.Л. Проблема природы международного частного права в советской науке // Проблемы совершенствования советского законодательства : труды ВНИИСЗ. М., 1984. Вып. 28.

¹² Там же.

¹³ Лебедев С.Н. Предмет и природа международного частного права. Методы регулирования // Международное частное право : учебник : в 2 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова. М. : Статут, 2011. С. 18–19.

К аналогичному выводу приходит и профессор Г.К. Дмитриева: *«В системе внутреннего права международное частное право не является частью гражданского права (семейного, трудового). Оно занимает самостоятельное место в этой системе — является самостоятельной отраслью со своим специфическим предметом и методом регулирования»*.¹⁴

В поддержку этой позиции в ряде своих работ высказывался и профессор М.М. Богуславский, который отмечал, что объективные показатели *«дают основания рассматривать международное частное право как особую отрасль права»*.¹⁵

Выход из положения кризисного тупика при осмыслении феномена МЧП может и должен быть найден на путях применения диалектического, а не только формально-логического метода исследования проблем МЧП. На практике это должно означать: во-первых, изучение противоречивых и даже взаимоисключающих явлений МЧП в самой сущности предмета и в его развитии; во-вторых, жестко очерчивая область конкретного исследования, не нарушать принцип целостности МЧП; в-третьих, шире привлекать для анализа арсенал общей теории права, что поможет не допустить одиозность выводов и суждений.

Частным проявлением признаков кризиса международного частного права являются такие высказывания отдельных зарубежных ученых о нем, как *«это не право», «не частное» и «не международное»* (Г. Кегель, А. Скотт), либо некоторых наших, ослабляющих его путем подмены целостности полисистемным комплексом (Р.А. Мюллерсон, В.В. Гаврилов), либо, наконец, расчленения его на *«коллизийное»*, как подсистему национального права, с одной стороны, и *«международное гражданское»* как часть общего международного права — с другой (К.Л. Разумов).

На самом деле более глубокий анализ показывает, что признаки кризиса МЧП — это признаки его роста: объективное развитие мирохозяйственных связей на базе научно-технической революции обгоняет развитие МЧП и его доктрины, создает в теории тупиковые ситуации; методика исследований явлений МЧП обновляется слабо, доминирует не оправдывающий себя в новых условиях формально-логический подход, например, международное или цивилистическое направление развития МЧП и природы его норм.

Тезис II — о нормативном составе МЧП

Согласно общей теории права стержнем любых рассуждений о праве является норма. Каждой сфере бытия должен соответствовать свой набор норм, своя интегральная совокупность их.

¹⁴ Международное частное право: учебник / под ред. Г.К. Дмитриевой. М.: Проспект, 2001. С. 37–38.

¹⁵ Богуславский М.М. Международное частное право: учебник. М.: Международные отношения, 2002. С. 30.

Совокупность норм не может появиться и стать устойчивой, если нет той сферы общественных отношений, которая эту совокупность востребует, то есть без этой новой совокупности не может обойтись. Рассуждая об этом, нам удалось установить 5 социально-правовых обоснований появления и бытия международного частного права. Сегодня кажется бесспорным, что консенсус по этому вопросу и на Западе, и на Востоке, и у нас в России достигнут. Возникли и продолжают множиться такие сферы общественных отношений, урегулировать которые ранее известными совокупностями правовых норм, а именно нормами гражданского, предпринимательского, семейного, наследственного, трудового и даже международного права не представляется возможным. Мешает так называемый *«иностранный элемент»*.

В научной литературе ни у нас, ни за рубежом пока нет указаний на то, что собой представляет сфера действия МЧП.

По нашему мнению, сфера действия МЧП может быть определена как та жизненная среда, в которой наполняющие ее жизненные (общественные) отношения не могут быть урегулированы ни одной из известных интегральных совокупностей правовых норм, кроме тех, которые мы называем нормами международного частного права.

После завоевания в общественных отношениях и науках о них своего жизненного пространства перед МЧП встает задача, какими конкретно правилами поведения следует наполнить ту интегральную совокупность норм, которая должна будет на практике осуществить регулирование этих общественных отношений. Скажем проще: каким будет нормативный состав МЧП.

Сегодня в научном осмыслении этого вопроса мы находимся на рубеже 30–50-х годов XX столетия. В исследовании феномена МЧП мы дружно шагаем по широким аллеям цивилистической или международной природы МЧП, которые ведут нас в тупик, поскольку сами эти аллеи выстроены в рамках формально-логического метода познания.

Противоречивой ли является цивилистическая концепция МЧП? Нет, не является. Здесь в рамках формальной логики выстроена последовательная цепочка выводов, которые вполне совместимы и не противоречат друг другу, начиная с исходно взятого тезиса о том, что МЧП регулирует имущественные и личные неимущественные отношения.

То же самое можно сказать и о международной природе и характере МЧП, взяв за исходный тезис международный (неоднонациональный) характер тех же самых общественных отношений, о которых цивилисты говорят как об имущественных. Здесь так же, как и в первом случае, балом правит царица — формальная логика.

Но как объединить сторонников этих двух взаимно исключających друг друга тезисов? Предложено назвать МЧП полисистемным комплексом.

Впервые это в 1924 г. предложил российский ученый А.Н. Макаров¹⁶, идею которого подхватили и разработали наши современники Р.А. Мюллерсон¹⁷ и В.В. Гаврилов¹⁸. Полисистемность МЧП они определяют как результат *«взаимодействия определенных частей национально-правовых систем как между собой, так и с определенной частью международного публичного права при регулировании международных отношений невластного характера»*¹⁹.

Другой особенностью полисистемного комплекса является отрицание прямого метода регулирования МЧП отношений даже в тех случаях, когда целью международного соглашения является унификация конкретных материально-правовых норм. *«Прямого (неотсылочного или неколлизионного) метода регулирования, — утверждает Р.А. Мюллерсон, — здесь все равно нет»*²⁰.

Как видно, концепция МЧП как полисистемного комплекса зиждется на старых представлениях теории права и оперирует старой методологией исследования, для которой характерно создание формально не противоречивых логических структур, лишенных внутреннего динамизма и диалектической противоречивости.

Она апеллирует к источникам права как к главным критериям образования некоего «полисистемного комплекса», что теоретически неверно, поскольку причиной возникновения МЧП является не наличие источников, а появление особых общественных отношений, которые постоянно рождает объективное развитие мирохозяйственных связей.

Спорным является также сам термин «полисистемный комплекс», который общей теории права не известен и введение которого в научный оборот требует соответствующих обоснований.

Наконец, и это, возможно, самое главное, концепция полисистемного комплекса МЧП создает ложное представление о возможности существования систем, институтов и отраслей права без своих собственных норм.

Где же выход из тупика, в котором оказалось современное международное частное право, и существует ли он в принципе?

Да, существует. Но искать его надо не в рамках формальной логики, а логики диалектической, где тезис и антитезис равно доказуемы. В философии такие явления называются антиномиями. Об их богатстве в природе и обществе можно прочесть в 6-м томе Собрания сочинений Эммануила Канта. Взять, к примеру, свет. Давно известно, что он имеет волновую природу, но в 1934-м году академик Лебедев доказал, что свет — это корпускула. Появилась корпускулярная теория света.

¹⁶ Макаров А.Н. Указ. соч.

¹⁷ Мюллерсон Р.А. Указ. соч.

¹⁸ Гаврилов В.В. Указ. соч.

¹⁹ Мюллерсон Р.А. Указ. соч. С. 120.

²⁰ Там же. С. 86.

Что это может дать международному частному праву? Очень многое. Больше, чем любым другим интегральным совокупностям правовых норм, которые не обладают такой богатой и динамичной жизненной средой, в которой они выполняют роль регулятора.

МЧП дает мощный толчок для дальнейшего и более глубокого понимания, что собой представляют норма и источник права, их место в пространстве жизненной среды, где постоянно возникают новые и отмирают старые общественные отношения.

МЧП толкает нас к размышлению над тем, почему некоторые имущественные и личные неимущественные отношения мы называем международными. Основу для движения мысли в этом направлении заложил наш современник — выдающийся ученый-цивилист профессор А.А. Рубанов, опубликовавший в 1984-м году свою работу «Теоретические основы международного взаимодействия национальных правовых систем». А еще раньше с этой идеей в общем виде выступил К. Маркс²¹.

Не ломая представления теории об источниках и нормах права, рискнем предложить следующий шаг в их осмыслении применительно к международному частному праву. Каков в действительности нормативный состав МЧП? Какие нормы следует признать его собственными? Ведь без собственных норм ни институты, ни отрасли, ни, наконец, системы права существовать не могут!

При таких обстоятельствах, учитывая именно международный характер МЧП-отношений, полагаем возможным и целесообразным объединить все нормы, насыщающие МЧП, в следующие четыре группы.

1. Все коллизионные нормы, изначально сформулированные национальным законодателем или уполномоченными представителями государств в рамках разработанного ими международного соглашения для регулирования имущественных и личных неимущественных отношений международного характера. Эти нормы не касаются и не регулируют коллизии интертемпорального или интерперсонального характера внутри отдельно взятых государств.

2. Материальные и процессуальные нормы, первоначально сформулированные национальным законодателем специально для регулирования имущественных и личных неимущественных отношений международного характера и не касающиеся отношений между юридическими и физическими лицами своего государства, в которых иностранный элемент отсутствует. Например, закон о правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства, закон об иностранных инвестициях, суперимперативные нормы или нормы непосредственного применения (ст. 1192 Гражданского кодекса РФ).

²¹ Из рукописного наследия К. Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12. С. 735.

3. Материальные и процессуальные нормы, первоначально сформулированные национальным законодателем для целей внутреннего потребления, но получившие возможность стать нормами МЧП, поскольку их применение вытекает из указания коллизионной нормы, без которой в рамках МЧП они применимы быть не могут.

С помощью коллизионной нормы, не нанося ущерба национальному законодателью и установленной им внутренней системе права, МЧП воспроизводит для себя тот масштаб поведения, который национальный законодатель установил для собственного применения.

4. Материальные и процессуальные нормы, изначально сформулированные уполномоченными представителями государств в рамках разработанного ими международного соглашения для регулирования имущественных и личных неимущественных отношений международного характера.

Такие нормы называют нормами прямого действия. Они не требуют никакой трансформации. Их дестинаторами являются физические и юридические лица стран, участвующих в данном соглашении. Эти нормы не являются политическими и не образуют международного права. Дестинаторы не участвовали в их разработке и принятии. Разработка и принятие международных норм — это неотъемлемое качество субъекта международного права, а дестинаторы такими субъектами не являются.

Государство, являясь представителем всего общества в видимой корпорации²², *ipso facto* не нуждается в каких-либо полномочиях от индивида на свою деятельность от его имени в международной сфере.

Индивид, со своей стороны, *eo ipso* также не нуждается в каких-либо дополнительных актах трансформационного характера со стороны государства для исполнения его воли, объективированной в международном соглашении, и для него, индивида, предназначенного, ибо «международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы»²³.

Тезис III: о методе МЧП

Если признать правомерность предложенного нормативного состава МЧП, то спорной и, более того, контрпродуктивной при таких обстоятельствах становится и позиция Р.А. Мюллерсона, который считает, что только отсылочный метод является характерным для МЧП и не признает возможности иного метода регулирования гражданско-правовых отношений с иностранным элементом²⁴.

На самом деле из предложенного нами нормативного состава усматривается свой уникальный метод воздействия МЧП на общественные отношения.

²² Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 241–241.

²³ Часть 4 ст. 15 Конституции РФ.

²⁴ Мюллерсон Р.А. Указ. соч. С. 86.

Этот метод может быть охарактеризован как сложносоставной, насыщенный тремя дополняющими друг друга составляющими.

Современное МЧП использует:

- коллизионный (отсылочный) метод;
- метод международной унификации материальных, коллизионных и процессуальных норм;
- метод прямого действия тех согласованных на международном уровне норм МЧП, которые прямо предназначены для регулирования имущественных и личных неимущественных отношений с иностранным элементом.

Выводы

С учетом вышеизложенного мы приходим к выводу о возможности дать следующее определение международному частному праву. *МЧП — это целостное, диалектически развивающееся межсистемное образование совокупности правовых норм, предназначенных для опосредования и оформления собственным методом объективно происходящего процесса хозяйственного, научного, культурного и гуманитарного сближения стран и народов в той части, в какой этот процесс не может быть урегулирован иной интегральной совокупностью правовых норм отраслевого или системного характера.*

Данное определение, на наш взгляд, отражает целостность МЧП как правового явления. Оно строится на объективном фундаменте — многообразных реальных общественных отношениях особого вида, которые постоянно рождает общение стран и народов. Оно отражает богатство источников права, то есть нормы МЧП и его методы, которые адекватны богатству и разнообразию тех отношений, которые МЧП регулирует. Наконец, данное определение отражает диалектическую противоречивость самого международного частного права, выставляя ее, однако, не как недостаток, а как достоинство по сравнению с другими известными интегральными совокупностями правовых норм.

Кузнецов М.Н.,

профессор кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Юридического института
Российского университета дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, почетный работник высшего
профессионального образования, доктор юридических наук, профессор
(г. Москва)

Литература

1. Альтшулер А.Б. Международное валютное право / А.Б. Альтшулер. Москва : Международные отношения, 1984.

2. Бирюков П.Н. Еще раз о международном частном праве / П.Н. Бирюков, Н.М. Понедельченко // Международное публичное и частное право. 2005. № 3.
3. Богуславский М.М. Международное частное право : учебник / М.М. Богуславский. Москва : Международные отношения, 2002.
4. Гаврилов В.В. Международное частное право. Общая часть : учебное пособие / В.В. Гаврилов. Владивосток : Издательство Дальневосточного университета, 1997.
5. Из рукописного наследства К. Маркса // Маркс К. Сочинения. В 39 томах / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 12 / том подготовлен к печати А.С. Дергуновой ; раздел «Из рукописного наследства К. Маркса» подготовил С.М. Григорьян. 2-е изд. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1958.
6. Лебедев С.Н. Предмет и природа международного частного права. Методы регулирования / С.Н. Лебедев // Международное частное право : учебник. В 2 томах. Т. 1. Общая часть / ответственные редакторы : С.Н. Лебедев, Е.В. Кабатова. Москва : Статут, 2011.
7. Макаров А.Н. Основные начала международного частного права / А.Н. Макаров. Москва : Юридическое издательство, 1924.
8. Маковский А.Л. Проблема природы международного частного права в советской науке / А.Л. Маковский // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды ВНИИСЗ. Вып. 28. Москва : ВНИИСЗ, 1984.
9. Маковский А.Л. Унификация морского права и понятие международного частного морского права / А.Л. Маковский // Советский ежегодник международного права, 1979 / главный редактор Е.Т. Усенко. Москва : Наука, 1980.
10. Международное частное право : учебник / под редакцией Г.К. Дмитриевой. Москва : Проспект, 2001.
11. Мюллерсон Р.А. О соотношении международного публичного, международного частного и национального права / Р.А. Мюллерсон // Советское государство и право. 1982. № 2.
12. Разумов К.Л. Международное частное право: некоторые вопросы теории и практики / К.Л. Разумов // Материалы секции права : сборник, подготовленный секцией права Торгово-промышленной палаты СССР. Вып. 34 / С.Н. Братусь, С.Н. Лебедев, А.Л. Маковский [и др.]. Москва : Издательство Торгово-промышленной палаты СССР, 1983.
13. Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Ф. Энгельс // Маркс К. Сочинения. В 39 томах / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 20 / том подготовил к печати Г.А. Багатурия ; редактор В.К. Брушлинский. 2-е изд. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1961.
14. Kegel G. The Crisis of Conflict of Laws / G. Kegel // Collected Courses of the Hague Academy of International Law. Vol. 112. Nijhoff : Brill, 1964.
15. Private International Law at the End of the 20th Century: Progress or Regress? XVth International Congress of Comparative Law / ed. by S. Symeonides. The Hague ; Boston : Kluwer Law International, 2000.

Национальная безопасность Российской Федерации: российский народ: миф или реальность

Национальной безопасностью Российской Федерации (РФ) называется защищенность РФ, ее граждан и территории от различных опасностей и угроз¹, а также то, что обеспечивает потенциал развития РФ на длительный срок².

Основные документы, регулирующие обеспечение безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности и безопасности личности, — Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 2 июля 2021 г.³ и федеральные законы от 28 декабря 2010 г. «О безопасности»⁴ и от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации»⁵.

Актуальность проблематики научного осмысления таких понятий, как «народ», «нация», «этнос», расположена в нормативно-дефинитивной плоскости понимания текста Конституции РФ, а точнее, его преамбулы, в которой речь идет о многонациональном народе РФ (ст. 3)⁶.

Этносу, нации и народу как историческим и социальным общностям людей предшествовали фратрии и племена.

Закрепление племени на определенной территории и переход к оседлому образу жизни служили основой для появления такого исторического объединения людей, как этнос.

В то же время до сих пор нет (и в обозримом будущем не предвидится) четкого определения указанных понятий.

Этнос (от греч. — народ, племенной, языческий, чужой, варвар, поганный) — группа людей, имеющая общие название и элементы культуры, обладающая

¹ Борщевский Г.А. Роль государства в формировании преемственного исторического сознания в контексте проблемы обеспечения национальной безопасности России // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2012. № 1 (январь — февраль).

² Ярочкин В.И. Секьюритология — наука о безопасности жизнедеятельности. М. : Ось-89, 2000. С. 115.

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 01.10.2024).

⁴ О безопасности : Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 01.10.2024).

⁵ О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 01.10.2024).

⁶ Баглай М.В., Туманов В.А. Малая энциклопедия конституционного права. М., 1998. С. 254.

мифом (версией) об общем происхождении и общей исторической памяти, ассоциирующая себя с особой территорией и обладающая чувством солидарности⁷.

Разновидностями этноса в дальнейшем становятся «народ» и «нация».

Народ — историческое изменяющееся объединение этносов, которые проживают на закрепленной за ними территорией, имеют единые социально-экономический уклад и политическое устройство, общую судьбу исторического развития, общие традиции и язык общения.

Еще одно понятие, имеющее множество толкований и вызывающее жаростные споры, — это «нация» (от лат. — рождение)⁸.

Нация — понятие строго политическое, неразрывно связанное с государством, причем с конкретным государством — современным европейским буржуазным государством Нового времени. Говорить, что нация и народ имеют сильные отличия, сложно, и латинская семантика термина, и славянская сути одинаковы. Политический же словарь вносит свои коррективы, преподнося понятие нации над народным, аргументируя это тем, что нация — это осмысленно связанный народ. Объединены идеей, а не только родством, кровью. Поэтому правомернее было бы считать, что «нация» — понятие этническое, а «национальность» понятие гражданское.

Термин «национальность» получил особую смысловую нагрузку только в русскоязычном контексте (научном и правовом), тогда как на европейских языках смысл этого термина однозначен и не вызывает никаких двусмысленностей: «национальность» (английское 'nationality', французское 'nationalite', немецкое 'Nationalität') означает принадлежность к какому-то национальному государству, т.е. «гражданство». Это категория правовая и фиксируемая в документах.

В советской истории в связи с рядом обстоятельств понятие «национальность» приобрело совершенно иное значение и стало означать «принадлежность к этносу». Таким образом, произошла существенная путаница.

Особым образом происходило формирование таких полиэтнических исторических социальных объединений, как американский народ, советский народ и российский народ. В некоторых случаях народы приобретали статус исторического социального объединения в результате освобождения от колониальной зависимости или распада государства.

Примечательно, что, отступив от общепризнанного в мировой политике и практике, особенно после образования ООН, понимания категории «нация», советские идеологи были вынуждены сконструировать понятие, фиксирующее гражданское единство населения СССР, введя понятие «советский

⁷ Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. С. 60.

⁸ Дугин А.Г. Этносоциология. М.: Академический проект, 2011. С. 288–315.

народ». С точки зрения политической теории и международного права, советский народ представлял собой гражданскую нацию, а СССР был национальным государством, что на практике подтверждалось его членством в международных организациях (и приматом международного права), призванных согласовывать национальные интересы государств.

Советский народ — гражданская идентичность⁹ в СССР. С.Т. Калтахчян в Большой советской энциклопедии определял эту общность так¹⁰: «Историческая, социальная и интернациональная общность людей, имеющих единую территорию, экономику, социалистическую по содержанию культуру, союзное общенародное государство и общую цель — построение коммунизма; возникла... в результате социалистических преобразований и сближения трудящихся классов и слоев, всех наций и народностей».

Первое официальное упоминание о советском народе прозвучало в 1961 г. на XXII съезде КПСС, когда Н.С. Хрущев в докладе о новой программе КПСС заявил, что «в СССР сложилась новая историческая общность людей различных национальностей, имеющих общие характерные черты, — советский народ. Они имеют общую социалистическую Родину — СССР, общую экономическую базу — социалистическое хозяйство, общую социально-классовую структуру, общее мировоззрение — марксизм-ленинизм, общую цель — построение коммунизма, много общих черт в духовном облике, в психологии»¹¹. С.Г. Кара-Мурза в своем труде «Советская цивилизация» фиксирует понятие «советский народ» с 1966 г., понимая под ним полиэтническую гражданскую нацию СССР¹². Нормативное же закрепление этого термина произошло в 1971 г. постановлением XXIV съезда КПСС, в котором советский народ был провозглашен результатом прочного социально-политического и идейного единства всех классов и слоев, наций и народностей, заселяющих территорию СССР.¹³ Окончательное признание того, что советский народ как новая историческая общность людей действительно образовался, нашло отражение в Конституции СССР 1977 г.

Однако уже с середины 1980-х годов с политикой перестройки начали проявляться сепаратистские идеи в разных уголках СССР, начиная от стран Балтии и заканчивая Кавказом. По сути, основания советской общности

⁹ Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4.

¹⁰ Советский народ / С.Т. Калтахчян // Собаки — Струна. М. : Советская энциклопедия, 1976 (БСЭ : [в 30 т.] / гл. ред. А.М. Прохоров. 1969–1978. Т. 24. Кн. I).

¹¹ 22-й съезд КПСС (17–31 октября 1961 г.) : стенографический отчет. М. : Госполитиздат, 1962. Т. 1. С. 153.

¹² Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. URL: https://www.kara-murza.ru/books/sc_a/sc_a_content.htm; https://www.kara-murza.ru/books/sc_b/sc_b_content.htm (дата обращения: 01.10.2024).

¹³ 24-й съезд КПСС (30 марта — 9 апреля 1971 года) : Стенографический отчет. М. : Госполитиздат, 1971. Т. 2. С. 232.

были поколеблены. Возник всплеск национальных идей, национального возрождения. Именно национальное самосознание различных общностей привело к крушению такой идеи, как советский народ.

В отличие от советской политики национальной идентичности, декларировавшей советский народ как интернациональную и наднациональную общность, Конституция РФ 1993 г.¹⁴ говорит о «многонациональном народе Российской Федерации»; с самого начала идея российской нации (российского народа, россиян) как сообщества всех граждан РФ встретила оппозицию¹⁵; большинство из них считают себя православными; распространены также ислам, буддизм, иудаизм и другие религии¹⁶.

Внедрение в общественное сознание политического концепта российской нации вместо конституционного «народ России» или обычного, но понятного всем самоназвания «россияне» не разрешает, а, скорее, напротив, усугубляет не разрешенные до сих пор проблемы российского федерализма. Ведь за один или за два срока президентского правления это невозможно.

Поэтому после распада СССР эта сложившаяся¹⁷ наднациональная идентичность была постепенно¹⁸ утрачена, замены ей на территории РФ к началу XXI в. не создано.

Таким образом, семья — племя — фамилия, род — это самый древний, фундаментальный, объединяющий людей институт. Этнос — это прежде всего культурное сообщество людей. Народ — это очень большая семья. Народность — это симулякр народа, название для поработенных и угнетенных наций. Народ, потерявший свое право на независимость, стал субэтнотом суперэтнотом империи. Народ, состоявшийся политически, осознавший, что такое политическая самоидентификация, осмысленно объединенный идеей, территорией, целью и задачей, — это нация.

Здесь во всех случаях большое значение имеют язык и религия, которая становится цементирующим моральным фактором для целых правительств, кроме атеистических «народов» — СССР и др.

Исходя из различных моделей взаимодействия общества принимающих стран, можно поставить вопрос о полной ассимиляции или мультикультура-

¹⁴ Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.10.2024).

¹⁵ Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. 2010. № 2. С. 90–105.

¹⁶ Россияне / В.А. Тишков // Пустырник — Румчерод. 2015. С. 685–686 (БРЭ : [в 35 т.] / гл. ред. Ю.С. Осипов ; 2004–2017. Т. 28).

¹⁷ Алексеев А.А. Проблема патриотического воспитания в современной России и ее особенности в нашем вузе // СГГА. Единое информационно-образовательное пространство — основа инновационного развития вуза: сб. материалов региональн. научно-метод. конф. (2–4 февр. 2011 г.). Новосибирск, 2011. С. 294–295.

¹⁸ Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4.

лизме, которые являются важными составляющими для многих «миграционных» государств, в том числе РФ. Имеется много разных мнений ученых, в том числе о российском народе.

Максименко С.В.,

ведущий специалист Аппарата ЦК Профсоюза автомобильного
и сельскохозяйственного машиностроения
Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР),
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Алексеев А.А. Проблема патриотического воспитания в современной России и ее особенности в нашем вузе / А.А. Алексеев // Единое информационно-образовательное пространство — основа инновационного развития вуза : материалы региональной научно-методической конференции (г. Новосибирск, 2–4 февраля 2011 г.) : сборник научных статей. Новосибирск : Сибирская государственная геодезическая академия, 2011.
2. Баглай М.В. Малая энциклопедия конституционного права / М.В. Баглай, В.А. Туманов. Москва : БЕК, 1998.
3. Борщевский Г.А. Роль государства в формировании преемственного исторического сознания в контексте проблемы обеспечения национальной безопасности России / Г.А. Борщевский // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2012. № 1.
4. Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян / Е.Н. Данилова // Социологический журнал. 2000. № 3–4.
5. Дугин А.Г. Этносоциология / А.Г. Дугин. Москва : Академический проект, 2011.
6. Калтахчян С.Т. Советский народ / С.Т. Калтахчян // Большая Советская энциклопедия. В 30 томах / главный редактор А.М. Прохоров. Т. 24. Кн. 1. Собаки — Струна. 3-е изд. Москва : Советская энциклопедия, 1976.
7. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. В 2 томах. Т. 1. От начала до Великой Победы / С.Г. Кара-Мурза. Москва : Эксмо : Алгоритм, 2004.
8. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. В 2 томах. Т. 2. От Великой Победы до краха / С.Г. Кара-Мурза. Москва : Эксмо : Алгоритм, 2004.
9. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России / О.Ю. Малинова // Полис. Политические исследования. 2010. № 2.
10. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии / В.А. Тишков. Москва : Наука, 2003.
11. Тишков В.А. Россияне / В.А. Тишков // Большая Российская энциклопедия. В 30 томах / главный редактор Ю.С. Осипов. Т. 28. Пустырник — Румчерод / ответственный редактор С.Л. Кравец. Москва : Большая Российская энциклопедия, 2015.
12. Ярочкин В.И. Секьюритология — наука о безопасности жизнедеятельности / В.И. Ярочкин. Москва : Ось-89, 2000.

К вопросу о национально-правовых средствах исполнения решений международных судов (проблема взаимодействия международного и внутригосударственного права в связи с решениями международных судов)

Общеизвестное ключевое отличие международной судебной процедуры от дипломатических средств разрешения международных споров, да и в целом — одна из ключевых характеристик деятельности международных судов, заключается в том, что они выносят обязательные для сторон разбирательства решения.

Также общепризнано, что природа этой обязательности проистекает в международном праве из согласия государств, учредивших суд и/или передающих на разбирательство в него дела, на юрисдикцию для них такого органа, и, как следствие, из этого же согласия вытекает обязательство подчиниться его решению. То есть согласие с юрисдикцией суда, которое может быть выражено различными способами, порождает международно-правовое обязательство по его исполнению¹.

Здесь для простоты и «чистоты» рассуждений мы не будем затрагивать отдельную тему: все ли решения международных судов одинаково «обязательны», что делать с «промежуточными» решениями судов (временные меры, процессуальные решения), какова обязательность решений, связанных с сопутствующими функциями судов, такими как предоставление консультативных заключений, — и ограничимся только окончательными решениями по разрешению споров. Из предмета дальнейшего рассмотрения, пусть и несколько искусственно, исключим также рассмотрение обязательности решений международных уголовных судов и трибуналов.

Продолжая начатую мысль с учетом сделанной оговорки: решение международного судебного органа можно уподобить обязательным решениям международных межправительственных организаций, если их учредительными договорами предусматривается возможность принятия обязательных для государств решений. Такое уподобление не полностью отражает ситуацию, поскольку с точки зрения доктрины судебные решения обладают и специфической характеристикой, называемой по латыни '*res judicata*', если

¹ Подробный анализ природы обязательности решений международных судов и Международного суда ООН см., в частности: Rosenne Sh. *The Law and Practice of the International Court. 1920–2005*, 4th ed. Boston : V.I. Leiden, 2006, P. 195–206.

ориентироваться на англосаксонскую модель, или '*chose jugée*', если ориентироваться на франко-континентальную модель, что отражает в целом такое свойство судебного решения, как его окончательность, если оно принято по одному основанию и между теми же сторонами. В уголовном процессе это же свойство судебного решения приводит нас, как следствие, к не менее известному принципу '*non bis in idem*'.

Также, и это поддерживается доктриной, характеристику обязательности решения следует отличать от процедуры, процесса исполнения решения² и тем более не смешивать с эффективностью исполнения решения или решений.

Решение суда, принимаемое путем применения международного права и/или конкретного международного договора, создает новое международно-правовое обязательство по его исполнению. Поскольку обязательность решения суда черпается из согласия государств, то и на это обязательство распространяет действие основной общепризнанный принцип международного права, на императивности которого выстроена вся система международного права: *pacta sunt servanda*.

Сделаем небольшое отступление: учитывая императивный характер принципа и связь *jus cogens* с обязательствами *erga omnes*, а далее с концепцией серьезных нарушений обязательств, вытекающих из императивных норм общего международного права, приведенную в проекте статей об ответственности государств 2001 г.³, можно сформулировать вопрос: а в случае неисполнения решения международного судебного органа к ответственности за такое нарушение может призывать только «потерпевшее государство» — выигравшая сторона разбирательства или такое неисполнение создает «угрозу» всему «международному правопорядку» и призывать к исполнению решения и ответственности за его неисполнение может любой член «международного сообщества в целом» (в широком понимании смысла этого понятия)? Этот вопрос можно заставить играть и еще более «яркими красками», если учесть, что достаточное количество международных судов допускают частных лиц в качестве стороны спора, не утрачивая статуса ни международного суда, ни констатации в своем решении нарушения соответствующим государством своих международного-правовых обязательств. И тогда следует ли говорить о нарушении норм *erga omnes* или для соответствующих региональных судов обязательств *erga omnes partes*? Данные вопросы являются, скорее, риторическими, поскольку достаточно очевиден двусторонний характер обязывающей связи судебного решения, вытекающий из тезиса о *res judicata*. Однако применение к судебным решениям концепций

² Ibid. P. 199.

³ Ответственность государств за международно-противоправные деяния (приложение к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/56/83 от 12 декабря 2001 г.).

норм *jus cogens* и обязательств *erga omnes* приоткрывает дверь расширительным толкованиям международно-правовых обязательств в связи с решениями международных судов.

Возвращаясь к основной теме и ее логике: если с природой обязательности более или менее понятно, то и порядок исполнения соответствующего обязательства вытекает из него. То есть, если государства, учреждавшие суд, ни о чем другом сверх того не договорились, то порядок исполнения и, более того, порядок принуждения к нему остаются в рамках общего международного права, как и любого иного международного обязательства.

В качестве примера этого самого «ничего другого» приведем положения Устава ООН и Статута Международного Суда ООН или же Статута Международного трибунала по морскому праву в части его «общей компетенции»:

— Устав ООН⁴: «Каждый Член Организации обязуется выполнить решение Международного Суда по тому делу, в котором он является стороной» (п. 1 ст. 94);

— Статут Международного Суда ООН⁵: «Решение Суда обязательно лишь для участвующих в деле сторон и лишь по данному делу» (ст. 59); «Решение окончательно и не подлежит обжалованию...» (ст. 60);

— Статут Международного трибунала по морскому праву⁶ (ст. 33):

«Окончательность и обязательная сила решений

1. Решение Трибунала является окончательным и выполняется всеми сторонами в споре.

2. Решение имеет обязательную силу только для сторон и только в отношении данного спора».

Из этого следует в целом тот факт, что если решение не исполнено, то такое неисполнение составляет самостоятельное нарушение международного права и должно влечь международно-правовую ответственность при необходимости соблюдения или понуждения к соблюдению соответствующего обязательства, т.е. исполнению решения. Механизм понуждения — через «самопомощь» (реторсии и контрмеры), а в случае с Международным Судом ООН есть предусмотренная Уставом ООН (п. 2 ст. 94) возможность обратиться в Совет Безопасности ООН, на который, однако, функции судебного пристава-исполнителя не возлагаются: принимая соответствующие решения, он действует в рамках своей компетенции. Учитывая вышесказанное об

⁴ URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102010084&page=1&rdk=0#10 (дата обращения: 27.11.2024).

⁵ URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=102010084&page=1&rdk=0#10 (дата обращения: 27.11.2024). Также см.: Статут Международного суда // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. М., 1956.

⁶ URL: https://www.un.org/Depts/los/convention_agreements/texts/unclos/annex6.htm (дата обращения: 27.11.2024).

обязательности судебного решения, *pacta sunt servanda, erga omnes*, пролиферации международных судов, нельзя не заметить благотворное влияние принципа неприменения силы и угрозы силой и запрета вооруженных репрессалий/контрмер на весь процесс исполнения решений международных судов, иначе бы судебная деятельность стала бы удобным способом оправдания применения силы в международных отношениях.

В свою очередь, и механизм «добросовестного исполнения» решений международного судебного органа (как связанного с необходимостью достижения отдельного соглашения между сторонами спора о порядке его исполнения, так и не связанного с таковым) на национальном уровне также вписывается в механизм взаимодействия международного и национального права, где для реализации международно-правовых обязательств государств необходим национально-правовой трансформационный акт⁷.

Здесь и далее автор настоящей статьи будет придерживаться терминологии, свойственной школе международного права МГУ им. М.В. Ломоносова, а именно применяя для обозначения этого акта термин «трансформация» и разделяя ее на следующие способы: инкорпорация, легитимация, отсылка.

Сразу следует отметить, что в этом «классическом случае» за решениями международных судов не признается характер самоисполнимости. То есть они нуждаются в дополнительном «трансформационном» действии со стороны «обязанного» государства для их реализации в национальной правовой системе. И на этом пути они встречаются уже не только с концептом государства как субъекта отношений, регулируемых международным правом, не просто с национальной правовой, но и с национальной судебной системой. Это наиболее очевидно в делах, которые затрагивают права частных лиц в той или иной степени, признаваемые, подтверждаемые международными судебными органами.

Нельзя не вспомнить в качестве примера дело Международного суда ООН — «Авена и другие мексиканские граждане против США» (Мексика против США)⁸, в рамках которого США были признаны ответственными за нарушение соответствующих международно-правовых обязательств по Венской конвенции о консульских сношениях⁹. Сходные ситуации были предметом рассмотрения и в ряде других дел Международного суда ООН: Венская конвенция о консульских сношениях (Парагвай против США)¹⁰, дело «ЛаГранд» (Германия против США)¹¹.

⁷ Международное право : классический университетский учебник / под ред. Л.Н. Шестакова М., 2005. С. 114–115.

⁸ *Avena et autres ressortissants mexicains (Mexique c. états-Unies d'Amérique)*. Arrêt : C.I.J. Recueil, 2004. P. 12, 62–65.

⁹ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf (дата обращения: 27.11.2024).

¹⁰ *Affaire relative à la Convention de Vienne sur les relations consulaires (Paraguay c. états-Unies d'Amérique)*. Demande en indication de mesures conservatoires. Ordonnance du 9 avril 1998. C.I.J. Recueil, 1998. P. 248.

¹¹ *LaGrand (Allemagne c. états-Unis d'Amérique)*, arrêt. C.I.J. Recueil, 2001. P. 466.

Но при попытке лицом — Меделлин, который входил в число тех самых мексиканских граждан из вышеуказанного дела Авена, дожившим до соответствующего решения Международного суда ООН «воспользоваться», так сказать, «плодами» международного правосудия, оно столкнулось с позицией Верховного суда США, который в деле «Меделлин против Техаса» (*Medellin v. Texas*, 552 U.S. 491 (2008))¹² решил, что, даже если договор США представляет собой международное обязательство, он не является обязательным для исполнения по внутринациональному праву, если только он не был имплементирован (так в тексте. — прим. Д.П.) в национальное законодательство актом Конгресса США или сам договор не содержит указание на его самоисполнимость, и в таком качестве он был ратифицирован Конгрессом. Аналогичные требования были предъявлены и к решениям Международного суда ООН (соответственно, Уставу ООН, Статуту Международного суда ООН), которые и предусматривают обязательность соответствующих решений суда. На этом основании Верховный суд США констатировал, что решение Международного суда ООН не может непосредственно применяться в качестве национального права внутригосударственными судами США, со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая отказ в пересмотре ранее вынесенных решений с последующим приведением в исполнение смертного приговора в отношении самого Меделлина.

Строго говоря, в случае неисполнения решения международного судебного органа мы сталкиваемся с проявлением дуалистического, так называемого «компромисса Фитцмориса», где между международным правом и национальным правом нет конфликта норм, а есть конфликт обязательств. Соответственно, если приложить его к ситуации неисполнения решения международного судебного органа, соответствие действий и решений национальных властей национальному праву вовсе не предопределяет международно-правовую правомерность такого деяния и не означает невозможность применения механизмов международно-правовой ответственности.

Если посмотреть Конституцию РФ¹³, то она в ч. 4 ст. 15, где сформулирована общая трансформационная отсылка к международному праву, об исполнении решений международных судов, как известно, ничего не говорит: *«4. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».*

¹² URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/552/491/#materials> (дата обращения: 27.11.2024).

¹³ См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря (первоначальный текст).

Ситуацию даже несколько улучшили поправки, внесенные в 2020 г., а именно второе предложение ст. 79: *«Решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации».*

Хотя и через отрицание от обратного, но можно предположить, что не противоречащие Конституции РФ решения межгосударственных органов исполнению, наверное, все-таки подлежат. О «самоисполнимости» здесь тоже речи не идет, в правовую систему такие решения не включаются и приоритетом над нормами национального права не обладают, и тем более не составляют сами по себе основания для пересмотра или отмены ранее вынесенных национальными судами решений. Очевидным образом такой эффект решений международных судов может предусматриваться только путем изменения соответствующего национального процессуального законодательства, если национальный законодатель сочтет это необходимым.

Была ли такая практика в российской правовой системе? Была, и касалась она, разумеется, не всех международных судов, а вполне конкретного, а именно Европейского суда по правам человека (далее — ЕСПЧ). Здесь нужно отметить, что, строго говоря, формулировка ст. 46 (ранее ст. 53) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод¹⁴ (далее — ЕКПЧ) — *Обязательная сила и исполнение постановлений* вполне «традиционна» для международных судов: *«1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по любому делу, в котором они выступают сторонами».* Даже при определенном несовершенстве ее официального перевода на русский, что отмечается в литературе¹⁵, скорее, она отражает указанный ранее обычный, традиционный подход к механизму исполнения решений суда на национальном уровне.

Сам ЕСПЧ в своих относительно ранних решениях даже подтверждал это (см., например, решение «Белилос (Belilos) против Швейцарии»¹⁶. Решение Европейского суда по правам человека от 29 апреля 1988 г.), где указывалось, что¹⁷:

«76. Суд подтверждает, что Конвенция не наделяет его полномочиями, позволяющими требовать от Швейцарии пересмотра дела, если только она сама не согласится отменить решение национального суда в отношении заявительницы» (см. *mutatis mutandis* решение по делу Ле Конта, Ван Левена и Де Мейера от 18 октября 1982 г. Серия А, т. 54, с. 7, п. 13).

¹⁴ Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.).

¹⁵ Имплементация решений Европейского суда в российской правовой системе / под ред. В.В. Лазарева М., 2019. С. 32–33.

¹⁶ URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57434> (дата обращения: 27.11.2024).

¹⁷ Перевод на русский язык не официальный.

«78. Суд обращает внимание на то, что Конвенция не наделяет его полномочиями требовать от Швейцарии изменения ее законодательства. Решение Суда оставляет за государством выбор средств, которые могут быть использованы во внутреннем правовом порядке для выполнения его обязательств по статье 53» (см. *mutatis mutandis* решение по делу «Маркс» от 13 июня 1979 г. Серия А, т. 31, с. 25, п. 58, а также решение по делу «Ф. против Швейцарии» от 18 декабря 1987 г. Серия А, т. 128, с. 19, п. 43).

Дальнейшая же эволютивная практика самого ЕСПЧ в толковании конвенции как живого инструмента и усиление контроля за исполнением решений Суда со стороны Комитета Министров Совета Европы привели фактически к утверждению самоисполнимости решений ЕСПЧ в национальных правовых системах государств — участников Совета Европы и созданию в них механизмов пересмотра национальными судами ранее вынесенных ими решений, а затем, правда уже договорным путем, и к еще большему взаимодействию с национальными судами, в том числе к внедрению в европейскую модель контроля за соблюдением прав человека элементов, свойственных не международным, а наднациональным судам, например, в виде механизма преюдициальных заключений.

При этом в Российской Федерации в период совместной жизни с ЕСПЧ в плане законодательства, связанного с трансформацией/имплементацией его решений в национальную правовую систему, было сделано весьма много. Проблема пересмотра ранее вынесенных решений, в частности, была разрешена путем соответствующих изменений процессуального законодательства: ранее действовавшими статьями (ст. 392 Гражданского процессуального кодекса РФ¹⁸, ст. 350 Кодекса административного судопроизводства РФ¹⁹, ст. 311 Арбитражного процессуального кодекса РФ²⁰) предусматривались основания для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, в случае, если решением ЕСПЧ устанавливались нарушения при рассмотрении судом конкретного дела. Уголовно-процессуальное законодательство также предусматривало возможность пересмотра уголовных дел в случае установления ЕСПЧ нарушений. На обя-

¹⁸ В первоначальной редакции текст Гражданского процессуального кодекса опубликован в «Российской газете» от 20 ноября 2002 г. № 220, в «Парламентской газете» от 20 ноября 2002 г. № 220-221, в Собрании законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. № 46, ст. 4532.

¹⁹ В первоначальной редакции текст Кодекса административного судопроизводства опубликован на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 9 марта 2015 г., в «Российской газете» от 11 марта 2015 г. № 49, в Собрании законодательства Российской Федерации от 9 марта 2015 г. № 10, ст. 1391.

²⁰ В первоначальной редакции текст Арбитражного процессуального кодекса опубликован в «Российской газете» от 27 июля 2002 г. № 137, в «Парламентской газете» от 27 июля 2002 г. № 140-141, в Собрании законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30, ст. 3012.

зательность постановлений ЕСПЧ, вынесенных в отношении Российской Федерации, а также на необходимость учета практики ЕСПЧ в целом ориентировали и постановления высших судов Российской Федерации (см., например, п. 10, 11 постановления Пленума ВС от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»)²¹.

Вместе с выходом Российской Федерации из Совета Европы в марте 2022 года и принятием Федерального закона от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»²² эпоха трансформации/имплементации соответствующих решений данного Суда в российскую правовую систему в целом закончилась.

Но здесь следует задаться вопросом: а есть ли иной подход или у международных судов, чтобы «выжить под солнцем», не было иного выхода, кроме как «вытапывать» себе исполнимость решений с помощью «судебного активизма»?

Как представляется, есть и другой подход, но он связан не с «классическими» международными судами, а как раз с наднациональными, которые учреждаются на основании международного договора, но призваны создавать новый самостоятельный правопорядок между государствами, входящими в состав интеграционного объединения. В них положения о компетенции, обязательности решения и его исполнимости в объединениях, ориентированных на глубокую интеграцию, прорабатываются более детально.

Посмотрим на то, как об этом говорилось при учреждении Европейского экономического сообщества (далее — ЕЭС), т.е. той организации, которая стала одной из основ нынешнего Европейского союза. Почему смотрим сразу в Договор об учреждении ЕЭС²³, а не гораздо более современный ДФЕС? Делаем это для того, чтобы исключить влияние того самого судебного активизма, результаты которого могли закрепляться впоследствии договорными положениями. Далее не будем касаться всех особенностей формулирования компетенции Суда ЕЭС в договоре, остановимся только на вопросах его обязательности и исполнения.

²¹ Текст постановления опубликован в «Российской газете» от 2 декабря 2003 г. № 244, в Бюллетене Верховного Суда Российской Федерации от 2003 г. № 12.

²² Опубликован : Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). 11 июня 2022 г. № 0001202206110028; Российская газета. 15 июня 2022 г.; СЗ РФ. 13 июня 2022 г. № 24, ст. 3943.

²³ Текст в первоначальной редакции см. по ссылке: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/PDF/?uri=CELEX:11957E/TXT> (дата обращения: 27.11.2024).

В статье 189, касающейся всех институтов сообщества, указывалось на обязательность решения самого по себе, во всех его элементах и для всех адресатов, им указываемых. Затем в отдельных статьях специально указывалось на обязательства по исполнению решения, например: в ст. 171 прямо предусматривалось, что, если судом будет признано, что государство-член не исполнило свои обязательства по договору, это государство обязано принять меры, которые обеспечат исполнение решения Суда. В отношении актов институтов сообщества предусматривалось (ст. 174) полномочие Суда признать их ничтожными и изначально неприменимыми, а на соответствующий институт (ст. 176) возлагалось обязательство принять меры, связанные с обеспечением исполнения решения Суда. В статье 177 прямо закреплялись основы преюдициальной процедуры, а в ст. 187 и 192 устанавливалось, что по имущественным требованиям, вытекающим для частных лиц из решений Суда, такие решения Суда вообще обладают силой исполнительного листа, подлежат исполнению в соответствии с национальным гражданским-процессуальным законодательством, при этом проверке подлежит только подлинность представленного к исполнению решения.

Таким образом, ожидая и намереваясь обеспечить функциональную исполнимость решений соответствующего, и здесь следует уточнить — уже не совсем международного, а надгосударственного суда, государства изначально согласились с такими его полномочиями; на часть решений прямо указывается как на обязательство по принятию мер по исполнению, а части — вообще придается статус практически исполнительного листа. Таким образом, в отношении судебных актов закладывается механизм, практически не нуждающийся в трансформационном воздействии, а соответствующее, создаваемое в рамках такого объединения право наделяется в соответствующей части верховенством над национальным правом.

То есть, в отличие от традиционного международного права, отношения наднационального и внутреннего права строятся, скорее, по монистической модели, где в некоторой части наднациональное право «верховенствует» над национальным, создавая, в том числе и с использованием механизма судебных решений наднациональных судебных органов, собственный правопорядок.

Проблему исполнимости решений международных судов для частных лиц сходным образом, кстати, предложено разрешать в Статуте Трибунала по морскому праву, но применительно только к полномочиям Камеры по морскому дну, учитывая доступ к ней частных лиц (предприятий) и возможность формирования элементов правопорядка Органом по морскому дну в этой специфической сфере. (См.: положения ст. 39 Статута Трибунала по морскому праву:

«Обеспечение исполнения решений Камеры

Исполнение решений Камеры обеспечивается в территориях государств-участников таким же образом, что и исполнение решений или распоряжений высшего суда государства-участника, в котором испрашивается исполнение».)

В этом смысле интересно посмотреть: а как сформулированы положения об обязательности решений в Суде ЕАЭС? В Статуте Суда ЕАЭС (Приложение 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 г.)²⁴ указывается:

«99. По результатам рассмотрения споров, предусмотренных подпунктом 1 пункта 39 настоящего Статута, Суд выносит решение, которое является обязательным для исполнения сторонами спора (данное положение отсылает к спорам по обращениям государств — членов Союза. — Прим. Д.П.).

100. По результатам рассмотрения споров, предусмотренных подпунктом 2 пункта 39 настоящего Статута, Суд выносит решение, которое является обязательным для исполнения Комиссией (данное положение касается обжалования актов Комиссии ЕАЭС хозяйствующими субъектами, при этом данная формулировка не упоминает как «реципиента» решения другую сторону спора, самого хозяйствующего субъекта. — Прим. Д.П.).

101. Решение Суда не может выходить за рамки указанных в заявлении вопросов.

102. Решение Суда не изменяет и (или) не отменяет действующих норм права Союза, законодательства государств-членов и не создает новых.

103. Без ущерба положениям пунктов 111–113 настоящего Статута стороны спора самостоятельно определяют форму и способ исполнения решения Суда».

Относительно исполнения решения Суда ЕАЭС также указывается, что:

«114. В случае неисполнения решения Суда государство-член вправе обратиться в Высший Евразийский экономический совет с целью принятия необходимых мер, связанных с его исполнением.

115. В случае неисполнения Комиссией решения Суда хозяйствующий субъект вправе обратиться в Суд с ходатайством о принятии мер по его исполнению. Суд по ходатайству хозяйствующего субъекта в течение 15 календарных дней с даты его поступления обращается в Высший Евразийский экономический совет для принятия им решения по данному вопросу.

Ориентируясь на эти формулировки, можно увидеть, что государства — члены Союза выбрали достаточно осторожный подход, направленный на значимое ограничение полномочий Суда ЕАЭС в части принятия актов,

²⁴ Текст договора опубликован на правовом портале Евразийского экономического союза (<https://docs.eaeunion.org>), на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru) 16 января 2015 г.

обладающих или даже претендующих на какую-либо «самоисполнимость» в их национальных правовых порядках. Формулировки, касающиеся исполнения решений Суда ЕАЭС и обращения в случае их неисполнения к высшему политическому органу Союза, отсылают к традиционному для международного права механизму, а не к «жесткой» наднациональной модели.

В связи с такими обязательствами государств по Договору о ЕАЭС сложно ожидать обретения актами Суда ЕАЭС самоисполнимости в национальных правовых порядках государств-участников даже посредством «активизма» Суда. Идее внесения в национальное процессуальное законодательство государств — членов Союза поправок, предусматривающих возможность пересмотра ранее вынесенных национальных судебных актов, в случае отмены или изменения соответствующих актов Комиссии ЕАЭС согласно решению Суда ЕАЭС, как представляется, должна предшествовать общая договоренность государств — членов Союза о таких изменениях, а равно, если такой путь будет избран государствами, уточнение положений Статута в части более широких полномочий Суда и исполнимости его решений в национальном праве. «Скользкий» путь «судебного активизма» представляется не лучшей дорогой, которая может вести не столько к гармонизации, сколько к напряженности в рамках Союза.

Патрин Д.А.,

доцент кафедры международного права
Юридического факультета Московского государственного
университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в российской правовой системе: концепции, правовые подходы и практика обеспечения : монография / Т.Я. Хабриева, А.Я. Капустин, А.И. Ковлер [и др.] ; под общей редакцией В.В. Лазарева. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2019.
2. Международное право : учебник для студентов вузов / под редакцией Л.Н. Шестакова. Москва : Юридическая литература, 2005.
3. Rosenne Shabtai. The Law and Practice of the International Court, 1920–2005. 4 vols / Shabtai Rosenne, Yaël Ronen. 4th ed. V. I. Leiden/Boston : Martinus Nijhoff Publishers, 2006.

Проблемы установления юридического статуса корпораций Соединенных Штатов Америки и полномочий их представителей в делах о защите исключительных прав на товарные знаки

Компании из Соединенных Штатов Америки (далее — США) продолжают играть значимую роль для российской экономики. Несмотря на наличие санкционных и контрсанкционных ограничений между США и Россией, определенные гуманитарно значимые товары, по общему правилу, под запреты не попадают. Например, с американской стороны, в частности, действует Генеральная лицензия (англ. *General License*) № 6D¹, освобождающая из-под санкционных запретов производство, перевозку, продажу и проч. сельскохозяйственных товаров и оборудования, лекарственных препаратов и медицинских изделий, запасных частей к ним и обновлений для медицинского программного обеспечения.

С российской стороны подобные «гуманитарные коридоры» видны, в частности, по перечню товаров, разрешенных для так называемого «легального параллельного импорта». В частности, большинство категорий таких товаров содержат оговорку «за исключением товаров, зарегистрированных в качестве медицинских изделий», а категория «фармацевтические изделия» содержит лишь отдельные товары, маркированные товарными знаками 'Miltenyi Biotec', 'O.B.' и 'Carefree'².

Согласно последним опубликованным статистическим данным (за 2022 г.), наиболее популярными категориями товаров, поставляемых в Россию из США, выступали различные фармацевтические субстанции (12%), медицинские изделия (5,59%), лекарственные препараты в упаковках (3,02%), ортопедические приспособления (2,64%) и проч.³.

¹ General License No. 6D. Transactions Related to Agricultural Commodities, Medicine, Medical Devices, Replacement Parts and Components, or Software Updates, the Coronavirus Disease 2019 (COVID-19) Pandemic, or Clinical Trials. URL: <https://ofac.treasury.gov/media/932921/download?inline> (дата обращения: 22.11.2024).

² Перечень товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения ст. 1252, 1254, п. 5 ст. 1286.1, ст. 1301, 1311, 1406.1, подп. 1 ст. 1446, ст. 1472, 1515 и 1537 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия, утвержденный приказом Минпромторга России от 21 июля 2023 г. № 2701.

³ Exports from United States to Russia (2022). The Observatory of Economic Complexity. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/usa/partner/rus?timeLinePlot=yearOption> (дата обращения: 22.11.2024).

Торговая активность американских корпораций (фирменные наименования заканчиваются как правило на 'Corp.', 'Inc.', 'Co.')⁴ на российском рынке требует обеспечения защиты исключительных прав на интеллектуальную собственность, прежде всего на товарные знаки для предотвращения попадания на российский рынок контрафактных товаров.

Однако разница правопорядков создает коллизии между законодательством России и отдельных штатов США, с которыми вынуждены сталкиваться российские суды.

Юридический статус юридического лица

Юридический статус компании определяется на основании личного закона юридического лица (*lex societatis*)⁵. При этом согласно двусторонней коллизионной норме п. 1 ст. 1202 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) личным законом юридического лица считается право страны, где такое лицо учреждено, то есть право США в рассматриваемом нами случае.

Первая проблема, с которой сталкивается российский суд, заключается в том, что в США отсутствует аналог торгового реестра, характерного для стран романо-германской правовой системы⁶ (например, *Handelsregister* — в Германии, *Firmenbuch* — в Австрии, Единый государственный реестр юридических лиц — в России). Соответственно, общее правило о том, что статус иностранного юридического лица подтверждается выпиской из официального торгового реестра⁷, в рассматриваемой ситуации не применяется, и суду надлежит принимать в качестве подтверждения статуса «иные эквивалентные доказательства статуса»⁸, которые признаются таковыми в США. Если же российский суд полагает, что статус американской компании должен быть подтвержден исключительно выпиской из торгового реестра, то суд в судебном акте должен привести конкретные нормы личного закона корпорации, которые бы указывали на возможность подтверждения регистрации юридического лица исключительно выпиской из торгового реестра⁹.

Для установления статуса юридического лица США, как правило, используется свидетельство о надлежащем правовом статусе юридического лица

⁴ Hecking O., Decker N. Beck'sches Steuerberater-Handbuch 2023/2024. 19. Auflage 2023 Rn. 935, 936. URL: https://beck-online.beck.de/Dokument?vpath=bibdata%2Fkomm%2Fstbh_19%2Fcont%2Fstbh.gli.glxxxvii.gli.htm&pos=2&hlwords=on (дата обращения: 25.11.2024).

⁵ Подпункт 1 и 6 п. 2 ст. 1202 ГК РФ.

⁶ Ebenroth C.T., Boujong K., Schaub B. 5. Aufl. 2024, HGB Anh. § 12 Rn. 51. URL: https://beck-online.beck.de/Dokument?vpath=bibdata%2Fkomm%2Febenroth_5_band1%2Fhgb%2Fcont%2Febenroth.hgb.nach1.p12.gli.gl2.glc.htm&pos=7&hlwords=on (дата обращения: 22.11.2024).

⁷ Пункт 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом».

⁸ Там же.

⁹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 1 марта 2018 г. № C01-48/2018 по делу № A62-8520/2016.

(англ. *'Certificate of Good Standing'*), в котором содержится информация о фирменном наименовании юридического лица и подтверждается, что данная корпорация является действующей. Свидетельство о надлежащем правовом статусе юридического лица выдается государственным секретарем каждого конкретного штата США (англ. *'Secretary of State'*), который, например, в штате Делавэр возглавляет Государственный департамент штата Делавэр (англ. *'Department of State'*), где имеется Управление корпораций (англ. *'Division of Corporations'*), которое и занимается регистрацией юридических лиц в данном штате¹⁰. Следовательно, и свидетельство о надлежащем правовом статусе юридического лица, выдаваемое официальным лицом штата — Государственным секретарем, носит официальный характер. Российские суды признают государственного секретаря штата США «должностным лицом США»¹¹, «должностным лицом государства, ответственным за регистрацию и учет юридических лиц»¹², «органом, уполномоченным осуществлять государственную регистрацию юридических лиц»¹³. Суды принимают данный документ в качестве подтверждения статуса юридического лица¹⁴.

Анализ практики Суда по интеллектуальным правам показывает возможность подтверждения статуса юридического лица и иными документами, среди них:

- апостилированное свидетельство об учреждении и свидетельство о внесении изменений в свидетельство об учреждении с проставлением актуального апостиля¹⁵.

Например, в соответствии с § 101 Общего закона о корпорациях штата Делавэр¹⁶, Свидетельство об учреждении (англ. *'Certificate of incorporation'*) — это учредительный документ юридического лица, который подается в Управление корпораций Государственного департамента штата Делавэр (англ. *'Division of Corporations in the Department of State'*), которое возглавляет государственный секретарь штата Делавэр. В данном документе указываются фирменное наименование корпорации, адрес зарегистрированного агента (англ. *'Registered agent'*) и его наименование, а также в некоторых случаях

¹⁰ Параграф 102 Общего закона о корпорациях штата Делавэр. URL: <https://delcode.delaware.gov/title8/c001/sc01/index.html> (дата обращения: 23.11.2024).

¹¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 6 декабря 2021 г. № C01-1735/2021 по делу № A73-19024/2020.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Постановления Суда по интеллектуальным правам от 16 марта 2023 г. № C01-164/2023 по делу № A38-365/2022, от 29 ноября 2022 г. № C01-1964/2022 по делу № A33-30966/2021, от 6 декабря 2021 г. № C01-1735/2021 по делу № A73-19024/2020.

¹⁵ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 19 апреля 2023 г. № C01-230/2023 по делу № СИП-646/2022; Решение Суда по интеллектуальным правам от 29 ноября 2022 г. по делу № СИП-646/2022.

¹⁶ Параграф 101 Общего закона о корпорациях штата Делавэр. URL: <https://delcode.delaware.gov/title8/c001/sc01/index.html> (дата обращения: 23.11.2024).

имена лиц, которые будут занимать должности директоров до первого общего собрания акционеров корпорации¹⁷;

- сведения о юридическом лице с сайта, расположенного на домене верхнего уровня .gov, «*который согласно Международной организации по управлению доменными именами и IP-адресами... создан исключительно для регистрации правительственных организаций*»¹⁸.

При этом бремя доказывания утраты юридическим лицом своего статуса лежит на второй стороне спора¹⁹.

Лица, действующие от имени юридического лица без доверенности

Порядок приобретения юридическим лицом гражданских прав и принятия на себя гражданских обязанностей также определяется на основании личного закона юридического лица (*lex societatis*)²⁰, т.е. в рассматриваемом случае, согласно п. 1 ст. 1202 ГК РФ, правом США.

Следовательно, и полномочия лиц, имеющих право действовать от имени юридического лица без доверенности и полномочия на подписание доверенности от имени юридического лица определяются также по личному закону иностранного юридического лица²¹.

Корпорация (англ. 'corporation') является самой старой, известной и проверенной временем организационно-правовой формой юридического лица с ограниченной ответственностью в англо-американской правовой системе²². Наиболее популярным штатом США для учреждения корпорации считается Делавэр, при этом фактическая коммерческая деятельность корпорации может осуществляться в ином штате, например в Калифорнии, при условии соответствующей регистрации в таком другом штате²³.

Согласно § 141 (а) Общего закона о корпорациях штата Делавэр, по общему правилу без доверенности от имени юридического лица действует совет директоров (англ. 'Board of directors')²⁴.

¹⁷ Параграф 102 Общего закона о корпорациях штата Делавэр. <https://delcode.delaware.gov/title8/c001/sc01/index.html> (дата обращения: 23.11.2024).

¹⁸ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 6 декабря 2021 г. № C01-1735/2021 по делу № A73-19024/2021.

¹⁹ Там же.

²⁰ Подпункт 6 п. 2 ст. 1202 ГК РФ.

²¹ Пункт 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом».

²² Melot de Beauregard P., Lieder J., Liersch J. Managerhaftung-HdB/Heppe, 1. Aufl. 2022, § 11. Rn. 29. URL: https://beck-online.beck.de/Dokument?vpath=bibdata%2Fkomm%2Fmdbhdbmanagerhaftg_1%2Fcont%2Fmdbhdbmanagerhaftg.glssect11.glb.glii.gli1.htm&pos=3&hlwords=on (дата обращения: 25.11.2024).

²³ Melot de Beauregard P., Lieder J., Liersch J. Managerhaftung-HdB/Heppe, 1. Aufl. 2022, § 11. Rn. 20–21. URL: Melot de Beauregard/Lieder/Liersch Managerhaftung | § 11. Haftung von Geschäftsleitern in den USA Rn. 20-23 - beck-online (дата обращения: 25.11.2024).

²⁴ Параграф 141 (а) Общего закона о корпорациях штата Делавэр. URL: <https://delcode.delaware.gov/title8/c001/sc04/index.html> (дата обращения: 23.11.2024).

Проблема, с которой сталкивается российский суд, заключается в том, что *Certificate of Good Standing* не содержит сведений о том, кто конкретно от имени юридического лица обладает полномочиями на приобретение гражданских прав и принятие гражданских обязанностей, поскольку это не предусмотрено законодательством²⁵.

В связи с этим суд должен установить таких лиц по иным документам, которые не обязательно должны носить официальный характер.

Например, в деле *Spectrum Brands, Inc. vs ООО «Диоген»*²⁶ суды установили лиц, обладающих полномочиями на приобретение гражданских прав и принятие гражданских обязанностей, на основании следующих документов:

- годовой отчет Компании «Spectrum Brands, Inc»;
- документ, подтверждающий назначение директора компании, — совместное письменное согласие единственного акционера и совета директоров компании Spectrum Brands, Inc.

Также для данных целей может использоваться свидетельство о полномочиях (англ. *Certificate of Incumbency*)²⁷.

Важно заметить, что, в отличие от *Certificate of Good Standing*, данные документы не являются официальными по своей природе: речь идет лишь о корпоративных документах самой компании или заявлениях, направляемых в адрес государственного департамента соответствующего штата.

Полномочия должностных лиц юридического лица

Однако на практике в крупных американских корпорациях члены совета директоров доверенности не подписывают.

Каждая корпорация в США, по общему правилу, должна иметь должностных лиц (англ. *'officers'*), чьи полномочия определяются либо в учредительных документах (англ. *'bylaws'*), либо в решениях совета директоров²⁸. При этом должностные лица самостоятельного (исполнительного) органа корпорации не образуют²⁹.

Как правило, доверенности от имени корпораций выдают именно такие должностные лица. Данные должностные лица назначаются советом директоров двумя способами: (а) на собрании совета директоров или (б) посредством подписания членами совета директоров так называемого единоглас-

²⁵ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 6 декабря 2021 г. № C01-1735/2021 по делу № A73-19024/2020.

²⁶ Там же.

²⁷ Решение Арбитражного суда Оренбургской области от 19 марта 2018 г. по делу № A47-12232/2016.

²⁸ Параграф 142 (а) Общего закона о корпорациях штата Дэлавер. URL: <https://delcode.delaware.gov/title8/c001/sc04/index.html> (дата обращения: 24.11.2024).

²⁹ Melot de Beauregard P., Lieder J., Liersch J. Managerhaftung-HdB/Heppe, 1. Aufl. 2022, § 11. Rn. 31. URL: Melot de Beauregard/Lieder/Liersch Managerhaftung. § 11. Haftung von Geschäftsleitern in den USA Rn. 27-31 — beck-online (дата обращения: 25.11.2024).

ного письменного решения совета директоров³⁰ (англ. *'unanimous written consent of the board of directors'*), которое принимается без проведения собрания совета директоров. Например, возможность принятия такого решения предусмотрена разделом 307(b) Кодекса о корпорациях штата Калифорния³¹. Поскольку такой вариант принятия решения является весьма удобным и популярным в США, в российской судебной практике можно часто встретить упоминание данного документа при анализе судом наличия полномочий представителя американской корпорации³².

Должностное лицо, назначенное советом директоров американской корпорации, самостоятельно, по понятным причинам, скорее всего, не будет представлять интересы своей корпорации в российском арбитражном суде, но выдаст для данных целей доверенность на российского представителя.

Проблемный вопрос, с которым сталкивается суд на данном этапе, заключается в следующем: какое право применимо к единогласному письменному решению совета директоров, которым назначается такое должностное лицо корпорации?

В данной ситуации также подлежит применению личный закон юридического лица, на что прямо указывает и высшая судебная инстанция: *«полномочия на подписание доверенности от имени юридического лица определяются также по личному закону такого иностранного юридического лица»*³³. То есть достаточность полномочий должностного лица корпорации, действующего на основании, в частности, единогласного письменного согласия, должна определяться исключительно по законодательству соответствующего штата регистрации корпорации США.

На данное обстоятельство обращает внимание и Суд по интеллектуальным правам, подтверждая правильность анализа достаточности полномочий должностного лица корпорации, действующего на основании единогласного письменного согласия, в вопросе выдачи доверенности для представле-

³⁰ Иногда в судебных актах данный документ именуется «единогласным письменным согласием», см., например: Определение Арбитражного суда Республики Дагестан от 17 ноября 2022 г. по делу № А15-523/2022.

³¹ Раздел 307(b) Кодекса о корпорациях штата Калифорния. URL: https://leginfo.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?lawCode=CORP&division=1.&title=1.&part=&chapter=3.&article= (дата обращения: 24.11.2024).

³² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30 ноября 2022 г. № C01-2026/2022 по делу № А27-744/2022; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 6 октября 2022 г. № C01-1800/2022 по делу № А51-935/2022; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 22 сентября 2020 г. № C01-958/2020 по делу № А68-10350/2019; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 26 июня 2020 г. № C01-461/2020 по делу № А57-21908/2019; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 29 мая 2020 г. № C01-468/2020 по делу № А66-14930/2019.

³³ Пункт 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом».

ния интересов корпорации в российском арбитражном суде, когда в таком единогласном письменном согласии полномочия сформулированы следующим образом: совершение «[л]юбых... действи[й]... от имени [корпорации], когда о них известно указанному совету, с даты их избрания считаются и на основании настоящего документа являются одобренными, подтвержденными и утвержденными»³⁴.

Аналогичного подхода Суд по интеллектуальным правам придерживался и по делу *Spectrum Brands, Inc. vs ООО «Диоген»*³⁵, где указал, что совместное письменное согласие представляет собой корпоративный документ компании, удостоверяющий факт занимаемой должности и не предполагающий конкретизацию полномочий³⁶.

В деле *MGA Entertainment, Inc. vs ООО «Пресс-Экспресс»*³⁷ Суд по интеллектуальным правам правомерно согласился с тем, что предоставление единогласного письменного решения совета директоров компании об избрании должностного лица является достаточным подтверждением его полномочий действовать от имени корпорации и выдавать доверенности для представления интересов корпорации в российском арбитражном суде.

Содержание доверенности на представление интересов в российском суде

Доверенность же, выдаваемая, как правило, должностным лицом американской корпорации на защиту прав и законных интересов в российском арбитражном суде, в силу п. 4 ст. 1217.1 ГК РФ уже подчиняется российскому праву как праву страны, где производится судебное разбирательство, поэтому и объем полномочий в такой доверенности, в отличие от единогласного письменного решения совета директоров, должен соответствовать специальным требованиям ч. 2 ст. 62 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, то есть включать такие полномочия, как право на подписание искового заявления, заявления о пересмотре судебных актов и проч.

Суд по интеллектуальным правам также соглашается с таким действием коллизионной нормы: к единогласному письменному решению совета директоров американской корпорации применяется соответствующее право

³⁴ Постановления Суда по интеллектуальным правам от 11 мая 2021 г. № C01-496/2021 по делу № A32-45460/2019, от 25 февраля 2021 г. № C01-11/2021 по делу № A11-11255/2019, от 7 октября 2020 г. № C01-1137/2020 по делу № A32-53811/2019; Постановления Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 23 октября 2022 г. № 13АП-16883/2022 по делу № A56-16452/2022, от 21 июля 2022 г. № 13АП-16469/2022 по делу № A56-17004/2022; Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 15 ноября 2022 г. № 01АП-7464/2022 по делу № A38-6698/2021; Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 27 октября 2022 г. № 18АП-11592/2022 по делу № A07-2748/2022; и проч.

³⁵ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 6 декабря 2021 г. № C01-1735/2021 по делу № A73-19024/2020.

³⁶ Там же.

³⁷ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 6 октября 2022 г. № C01-1800/2022 по делу № A51-935/2022.

штата США, а «именно к доверенности» на ведение дела в российском арбитражном суде, которая выдана должностным лицом, действующим на основании такого решения, применяется право Российской Федерации³⁸.

Выводы

Несмотря на временные экономические трудности сегодняшних дней, обеспечение охраны интеллектуальной собственности американских корпораций и создание правовых условий для эффективной судебной защиты исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, в рассматриваемом случае на товарные знаки таких корпораций, является конституционной обязанностью российского государства, закрепленной в ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации.

При этом судам следует учитывать значительные отличия англо-американской правовой системы от романо-германской, которые особенно явно выражаются в вопросах подтверждения статуса американских корпораций и лиц, имеющих право действовать от их имени в российском арбитражном суде.

Как показано в настоящей статье, лишь правильное толкование и применение коллизионных норм, содержащихся в российском законодательстве, позволяет провести границу между действием права российского и права соответствующего штата США, что имеет критическое значение для признания или непризнания российским судом наличия у представителя полномочий на обращение в суд от имени американской корпорации и на защиту ее прав и законных интересов в России.

Титов И.Е.,

юрист международной юридической фирмы ADVANT Beiten,
аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного
частного права Юридического института
Российского университета дружбы народов
имени Патриса Лумумбы, магистр права Свободного университета
Берлина (LL.M.)
(г. Москва)

Литература

1. Beck'sches Steuerberater-Handbuch 2023/2024 / O. Hecking, N. Decker. 19. Auflage. München : C.H. Beck, 2023.
2. Heppе H. § 11. Haftung von Geschäftsleitern in den USA / H. Heppе // Managerhaftung / Herausgegeben von P. Melot de Beauregard, J. Lieder, J. Liersch. München : C.H. Beck, 2022.
3. Schaub B. Anhang § 12. Handelsregisteranmeldungen mit Auslandsbezug / B. Schaub // Handelsgesetzbuch: HGB. Kommentar. Gesamtwerk in 2 Bänden. Bänd. 1 / C.T. Ebenroth, K. Boujong. 5. Auflage. München : C.H. Beck, 2024.

³⁸ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 6 декабря 2021 г. № C01-1735/2021 по делу № A73-19024/2020.

Некоторые проблемы реализации акционерами права на выкуп принадлежащих им акций

При принятии общим собранием акционеров решений, создающих существенные риски изменения состава активов и (или) условий деятельности общества, правопорядок гарантирует миноритарным акционерам, не согласным с принятыми решениями, возможность прекратить свое участие в корпорации на условиях получения справедливой стоимости акций до того, как упомянутые риски реализуются и повлекут за собой неблагоприятные последствия для акционеров. Так, случаи обязательного выкупа акций по требованию акционеров предусмотрены ст. 75 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее — ФЗОАО):

- принятие общим собранием акционеров решения о реорганизации общества либо о согласии на совершение или о последующем одобрении крупной сделки, предметом которой является имущество стоимостью более 50% балансовой стоимости активов общества;

- внесение изменений и дополнений в устав общества или утверждение устава общества в новой редакции, ограничивающей права акционеров;

- принятие общим собранием акционеров решения о смене статуса общества с публичного на непубличное и решения об обращении с заявлением о делистинге акций общества и (или) эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в его акции, а в непубличном обществе с числом акционеров более 500 по вопросу об обращении в Банк России с заявлением об освобождении общества от обязанности осуществлять раскрытие или предоставление информации, предусмотренной законом.

Право требования выкупа возникает только тогда, когда акционеры голосовали против принятия соответствующих решений либо не принимали участия в голосовании по этим вопросам. Федеральным законом от 8 августа 2024 г. № 287-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об акционерных обществах” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» внесены изменения, направленные на разработку механизма, регулирующего проблемы с акционерами, сведения о которых отсутствуют и которые не осуществляют права акционеров на протяжении длительного периода времени. С 1 марта 2025 г. право требования выкупа возникнет, если акционеры голосовали против принятия соответствующих решений либо не участвовали в голосовании по этим вопросам.

На практике, несмотря на то что положения о выкупе акций по требованию акционеров действуют не первый год, при их реализации продолжают возникать сложности.

Так, реализация права на выкуп акций при совершении крупной сделки в большинстве случаев связана со сложностями квалификации самой сделки в качестве крупной и обходом акционерным обществом законодательных положений о необходимости ее одобрения. Однако нередко даже в тех случаях, когда общество признает сделку в качестве крупной, оно отказывается в реализации права акционеров на выкуп акций. Представляется, что сам факт принятия решения о даче согласия на совершение крупной сделки означает, что общество намерено совершить сделку, влияние которой на имущественное положение общества может оказаться существенным. После совершения сделки рыночная стоимость акций, а также вероятность их отчуждения акционером иным участникам оборота могут значительно измениться.

В этой связи возникновение у акционера права требовать выкупа обществом принадлежащих ему акций определено законодателем моментом принятия общим собранием решения об одобрении сделки, а не моментом совершения одобренной сделки, что обеспечит интересы миноритарных акционеров в сохранности активов общества. Необходимо принимать во внимание сам факт созыва и проведения общего собрания акционеров с повесткой дня об одобрении крупной сделки.

Так, ссылка на тот факт, что повестка собрания и принятые решения не содержат конкретных условий сделки, а только устанавливают предельно допустимые размеры соглашений, отклонена судом, в связи с тем, что возникновение у акционера права требовать выкупа обществом принадлежащих ему акций определено законодателем моментом принятия общим собранием решения об одобрении сделки, а не моментом совершения одобренной сделки¹.

Выкуп акций обществом осуществляется по цене, определенной советом директоров (наблюдательным советом) общества, но не ниже рыночной стоимости, которая должна быть определена независимым оценщиком без учета ее изменения в результате действий общества, повлекших возникновение права требования оценки и выкупа акций (п. 3 ст. 75 ФЗОАО). Как правило, акционеры требуют возмещения убытков в виде разницы между стоимостью акций, определенной на основании отчета независимого оценщика, и выплаченной стоимостью акций².

Применительно к выкупу акций по требованию акционеров при принятии решения о реорганизации, несмотря на сложившуюся судебную прак-

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 8 июля 2024 г. № 308-ЭС24-2859 по делу № А63-20262/2022 // СПС ГАРАНТ. Здесь и далее использованы материалы справочно-правовых систем «КонсультантПлюс» и ГАРАНТ.

² Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11 октября 2021 г. № Ф01-5051/2021 по делу № А39-6188/2019; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 11 января 2019 г. № Ф02-5762/2018 по делу № А33-18303/2017; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 февраля 2019 г. № Ф05-788/2019 по делу № А40-125374/2017.

тику³, акционерные общества продолжают отказывать в реализации такого права со ссылкой на ст. 76 ФЗОАО, устанавливающую лимит на общую сумму средств, направляемых обществом на выкуп акций. Такая сумма не может превышать 10% стоимости чистых активов общества на дату принятия решения, повлекшего возникновение у акционеров права требовать выкупа обществом принадлежащих им акций.

В таких случаях суды указывают, что все акционеры реорганизуемого акционерного общества имеют право на получение доли (паев) в уставном (складочном) капитале во вновь создаваемом юридическом лице, а признание акций погашенными лишило истца права на имущество, что противоречит ст. 35 Конституции РФ и ст. 235 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ)⁴.

Кроме того, неучастие в голосовании или выражение отрицательного мнения в отношении реорганизации общества не свидетельствует об отказе акционера в целом от статуса участника корпоративных отношений и не влечет утрату права участия во вновь образованном юридическом лице⁵.

Акционеры, которые лишились ценных бумаг при реорганизации и не приобрели статус участника вновь образованного юридического лица, требуют возмещения причиненных им убытков в размере либо действительной стоимости доли в уставном капитале нового юридического лица, либо стоимости утраченных акций. При этом судам необходимо исходить из наибольшей среди указанных двух величин⁶.

Акционеры-владельцы голосующих акций могут требовать выкупа акционерным обществом всех или части принадлежащих им акций при принятии общим собранием акционеров решения о внесении изменений и дополнений в устав общества или утверждении устава общества в новой редакции, ограничивающих их права, если они голосовали против принятия соответствующего решения или не принимали участия в голосовании. Указанные положения устава могут рассматриваться как ограничивающие права акционеров в случае, если их принятие уменьшит объем прав акционеров по сравнению с ранее существовавшим⁷.

³ Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 декабря 2019 г.

⁴ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 5 апреля 2022 г. № Ф08-1927/2019 по делу № А32-8838/2018; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 9 декабря 2021 г. № Ф08-12204/2021 по делу № А63-5202/2020;

⁵ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 9 марта 2023 г. № Ф04-7853/2021 по делу № А03-2091/2020.

⁶ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2022 г. № 305-ЭС22-14990 по делу № А40-213998/2021.

⁷ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 3 июня 2020 г. № Ф01-9502/2020 по делу № А43-30889/2019; Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28 июня 2018 г. № Ф08-4899/18 по делу № А53-35852/2017; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 7 июня 2018 г. № Ф05-6728/18 по делу № А40-195309/2016 и т.д.

Однако на практике часто квалификация тех или иных изменений, вносимых в устав, далеко не очевидна:

1. Изменение количества членов совета директоров (наблюдательного совета) (далее — совета директоров) в сторону их уменьшения и, соответственно, внесение таких изменений в устав акционерного общества. Дело в том, что при кумулятивном голосовании миноритарный акционер вправе отдать полученные голоса полностью за одного кандидата или распределить их между двумя и более кандидатами. Такой вид голосования позволяет обеспечить избрание своих представителей в состав совета директоров, следовательно, решение общего собрания об уменьшении членов совета директоров может привести к уменьшению количества голосов, ранее имевшихся у миноритарных акционеров прав.

Так, если акционер требовал выкупа принадлежащих им акций в связи с изменением устава на основании принятия решения об уменьшении количества членов совета директоров, то суд, при соответствии такого решения закону и внутренним документам акционерного общества, рассматривает это как основание для возникновения права требования выкупа акций в зависимости от пакета принадлежащих акционеру акций, заключения соглашений с другими акционерами для избрания членов совета директоров. Например, суд отказал в признании права требования выкупа принадлежащих акционеру обыкновенных акций в том числе в связи с тем, что принадлежащий ему пакет акций единолично либо в совокупности с другими акционерами исключает возможность избрания членов совета директоров⁸.

В случае, если акционер сохраняет все права акционера, позволяющие ему участвовать в управлении обществом, уменьшение количественного состава совета директоров не привело к уменьшению объема корпоративных прав, соответственно, после внесения изменений в устав процентное соотношение количества принадлежащих ему акций к уставному капиталу общества не изменилось, то основания для предъявления требований о выкупе акций отсутствуют⁹.

2. Изъятие из компетенции общего собрания акционеров вопроса об избрании и прекращении полномочий исполнительного органа и отнесение его к компетенции совета директоров общества. Согласно ФЗОАО, право по решению вопроса образования исполнительных органов общества и досрочное прекращение их полномочий предоставлено только одному из органов управления общества (общее собрание или совет директоров). В случае передачи данного вопроса совету директоров изменяется объем прав акционеров общества в сторону уменьшения, поскольку в указанной ситуа-

⁸ Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 28 апреля 2018 г. по делу № А32-36266/2017.

⁹ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 3 июня 2020 г. № Ф01-9502/2020; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 26 июля 2018 г. № А12-31680/17.

ции акционеры при решении указанного вопроса данным органом лишены права голоса¹⁰.

Вместе с тем если такие изменения не отражаются на объеме прав акционера, например при небольшом количестве принадлежащих акций, не позволяющих выдвигать кандидатов на должность единоличного исполнительного органа, то основания для выкупа принадлежащих акционеру акций отсутствуют¹¹.

3. Увеличение уставного капитала путем размещения дополнительных обыкновенных акций посредством закрытой подписки. Размещение дополнительных акций путем закрытой подписки направлено на привлечение хозяйственным обществом денежных средств, влекущее за собой увеличение уставного капитала. Главной целью дополнительного выпуска акций является привлечение дополнительных денежных средств в целях исправления финансовой ситуации, стабилизация финансового положения общества (на практике нередко целью дополнительной эмиссии является получение больше корпоративного контроля). Принятие общим собранием акционеров решения о внесении изменений в устав общества в связи с увеличением количества объявленных акций само по себе не ограничивает прав акционера. Более того, при закрытой подписке акционеры, голосовавшие против увеличения уставного капитала или не принимавшие участия в таком голосовании, имеют преимущественное право приобретения части размещаемых акций пропорционально тем, которыми они владеют (ст. 40 ФЗОАО).

Однако зачастую акционеры указывают, что дополнительная эмиссия не только снижает их влияние на принимаемые обществом решения (уменьшает процентное соотношение принадлежащих им акций к их общему числу, устраняет от управления акционерным обществом), но и обесценивает принадлежащие им акции, уменьшает размер дивидендов на одну акцию, в результате чего им причиняется ущерб. Причем такие требования возможны не только от миноритарных акционеров, но и владельцев крупных пакетов акций¹². При рассмотрении таких споров суды, как правило, отмечают необходимость установления цели дополнительной эмиссии акций (целесообразность увеличения уставного капитала). Например, суд указал на необходимость исследования вопроса экономической целесообразности увеличения уставного капитала с учетом дополнительного размещения акций по объявленной цене за акцию, ввиду того что истцы указывали, что размещение акций по номинальной стоимости фактически направлено не на увеличение уставного капитала общества, а на приобретение мажоритарным

¹⁰ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28 ноября 2019 г. № Ф08-11172/2019 по делу № А63-4814/2018.

¹¹ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 31 июля 2024 г. № Ф02-3253/2024 по делу № А58-4318/2023.

¹² Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 27 мая 2024 г. № Ф09-9234/23 по делу № А76-28402/2022.

акционером дополнительных акций для получения корпоративного контроля над обществом путем увеличения принадлежащего ему пакета акций в обмен прав миноритарных акционеров¹³. В другом случае суд, удовлетворяя исковые требования акционера о взыскании задолженности за выкупленные акции, указал, что совокупность обстоятельств дела свидетельствует о целенаправленном и намеренном совершении обществом последовательных действий, которые привели к ограничению и умалению прав истца как миноритарного акционера¹⁴. Также указывается на необходимость проведения судебной экспертизы для установления рыночной стоимости акций (ее изменение в результате увеличения уставного капитала)¹⁵.

Зачастую акционеры указывают на причинение убытков в результате занижения стоимости размещения дополнительных акций, что основано на неверном толковании закона, так как низкая цена акций в этом случае в еще большей степени способствует обеспечению прав миноритарного акционера, имеющего преимущественное право приобретения дополнительных акций. Кроме того, право акционера дополнить принадлежащий ему пакет акций до уровня, предшествующего размещению дополнительных акций, позволяет такому акционеру сохранить прежний уровень участия в обществе и размер получаемых им дивидендов¹⁶.

Таким образом, представляется, что реализация права на выкуп акций должна основываться на обеспечении баланса интересов всех участников соответствующих отношений, исключая формальный подход. Даже если соблюдены все процедурные моменты, но «страдают» имущественные интересы акционеров, требующих выкупить принадлежащие им акции, осуществление последующего судебного контроля должно обеспечить защиту их прав.

Алиева К.М.,

доцент кафедры гражданского права и процесса
Северо-Кавказского института (филиал)
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), кандидат юридических наук
(г. Махачкала, Республика Дагестан)

¹³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30 ноября 2023 г. № Ф05-26815/2023 по делу № А40-18397/2023.

¹⁴ Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 февраля 2024 г. № 14АП-10459/2023 по делу № А13-9280/2020.

¹⁵ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 апреля 2024 г. № Ф05-4028/2024 по делу № А40-136521/2023.

¹⁶ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 4 июля 2023 г. № Ф09-3392/23 по делу № А50-10577/2022.

Особенности рассмотрения и разрешения судами бесспорных дел о наследовании объектов предпринимательства

В соответствии со ст. 262 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ) в порядке особого производства суд рассматривает дела, в частности, об установлении фактов, имеющих юридическое значение. Суд устанавливает факты, имеющие юридическое значение, только при невозможности получения заявителем в ином порядке надлежащих документов, удостоверяющих эти факты, или при невозможности восстановления утраченных документов (ст. 265 ГПК РФ).

Средством судебной защиты будет заявление, не содержащее материально-правового требования к другому участнику материальных правоотношений. Заявление должно соответствовать как общим требованиям, предусмотренным в ст. 131–132 ГПК РФ, так и специальным, установленным для отдельных категорий дел. Дела разрешаются на основе материальных норм частноправового характера. Основная цель особого судопроизводства заключается в защите законных прав и интересов наследников путем установления предположительно конкретного события, являющегося основанием для последующей реализации законных субъективных наследственных прав.

При наследовании объектов предпринимательской деятельности остановимся на некоторых вопросах, а именно на установлении юридического факта принятия наследства, закрепленного в п. 9 ст. 264 ГПК РФ, а также на закрепленных в п. 10 ст. 262 ГПК РФ делах по заявлениям о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении.

Наследственная практика складывается таким образом, что наследники, осуществившие фактическое принятие наследства, зачастую вынуждены доказывать данный факт в суде. В ситуациях с имуществом, которое к предпринимательской деятельности не относится, можно смело опираться на принцип универсального правопреемства. Практика по этому поводу в большей степени совпадает, суды признают факт принятия оставшейся части наследственной массы наследниками при принятии иного наследственного имущества по закону¹.

¹ См.: Решение Кировского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 10 февраля 2022 г. по делу № 2-1070/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-kirovskii-raionnyi-sud-g-ekaterinburga-sverdlovskaja-oblast/> (дата обращения: 18.08.2024).

В случае, когда речь идет о наследовании такого сложного имущества, как доля в коммерческой организации, судебная практика и теория разнятся в своих выводах. Зададимся вопросом: как рассматривается субъективное право наследования гражданина, не принявшего наследство юридически в установленный срок, которое относится к предпринимательской деятельности? В соответствии с общими нормами такой наследник, доказав фактическое принятие иной части наследства умершего участника, сможет претендовать на компенсацию, равную сумме принадлежавшей доли умершего, если иные условия не предусмотрены уставом организации (п. 1 ст. 1176 Гражданского кодекса РФ; далее — ГК РФ). Но, когда наследственная масса состоит только из указанной предпринимательской доли, а срок вступления в наследство пропущен, нотариус вынужден отказать в выдаче свидетельства о праве на наследство по закону и предлагает обратиться в суд в порядке особого производства с вопросом о восстановлении срока на принятие наследства и признание наследника принявшим наследство.

Ситуация может усложниться, когда существуют иные наследники, принявшие наследство в срок, и они не воспользовались своим правом и не выразили письменного согласия на принятие наследства заявителем (п. 2 ст. 1155 ГК РФ). Заявителю в таком случае следует подробно указать причины, которые помешали ему принять наследство, и предоставить соответствующие доказательства в срок не более шести месяцев после того, как наследнику стало известно о пропуске срока (п. 1 ст. 1155 ГК РФ). Иные наследники в данном случае будут относиться к заинтересованным лицам, а если они не воспользовались правом на отчуждение своей доли (ст. 21 ГК РФ), то и ко всему прочему будут являться участниками коммерческой организации. Соответственно, суду при принятии решения также необходимо учитывать интересы юридического лица.

Практика гласит, что при отсутствии согласия наследников суд определит, что установление факта принятия наследства в порядке особого производства недопустимо, поскольку установление данного факта сопряжено со спором о праве наследника на получение наследства. Установление данного факта, имеющего юридическое значение, повлечет изменение круга наследников имущества умершего и тем затронет права других наследников².

Отказ нотариуса регламентирован нормами права, а именно, когда наследник обратится к нотариусу по истечении срока, установленного для принятия наследства (ст. 1154 ГК РФ), нотариус откажет в выдаче свидетельства (п. 7.1 Методических рекомендаций по оформлению наследственных прав, утв. решением Правления ФНП от 25 марта 2019 г., протокол № 03/19). В этом случае рекомендуется получить от нотариуса письменный отказ (например,

² См.: Определение Мясниковского районного суда Ростовской области от 27 июня 2017 г. по делу № 2-640/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/gNXYDMn7AIN1/> (дата обращения: 02.09.2024).

Апелляционное определение Московского городского суда от 28 августа 2019 г. № 33-38743/2019).

Соответственно, мы можем прийти к выводу, что особое производство имеет место в случае отсутствия иных наследников или при наличии письменного нотариально заверенного согласия наследников, которые приняли наследство в установленный срок. В других случаях подобные случаи будут рассматриваться в исковом производстве.

Особое производство может быть применимо при реализации субъективных прав наследников по закону. Толкуя буквально норму права, посвященную наследованию акций (п. 3 ст. 1176 ГК РФ), отметим, что не составит труда стать собственником акций в крупной корпорации, принадлежавших наследодателю, если наследник после смерти фактически принял наследство. Приведем пример из судебной практики. Нотариус, ссылаясь на отсутствие форм распоряжения имуществом (завещание, наследственный договор), а также в связи с истечением сроков принятия наследства отказывает в выдаче свидетельства о праве на наследство заявителю, который фактически принял другую часть наследственной массы. В статье 48 «Основ» закреплены случаи, при которых отказ в совершении нотариального действия может являться правомерным³.

Исходя из материалов дела, заявитель являлась единственным наследником, что подтверждается и не требует дополнительных каких-либо действий по предоставлению доказательств и выявлению иных наследников. Завещание или наследственный договор в отношении указанного наследственного имущества не составлялись наследодателем. В соответствии с п. 2 ст. 1155 ГК РФ, наследство может быть принято наследником по истечении срока, установленного для его принятия, без обращения в суд при условии согласия в письменной форме на это всех остальных наследников, принявших наследство. Так как единственный наследник — заявитель, очевидно, что для нотариуса отсутствовали препятствия в выдаче свидетельства о праве на наследство.

Соответственно, требование, которое содержится в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», а именно споры, связанные с восстановлением срока для принятия наследства и признанием наследника принявшим наследство, рассматриваются в порядке искового производства с привлечением в качестве ответчиков наследников, приобретших наследство (при наследовании выморочного имущества — Российской Федерации либо муниципального образования, субъекта Российской Федерации), независимо от получения

³ См.: Решение Кировского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 10 февраля 2022 г. по делу № 2-1070/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-kirovskii-raionnyi-sud-g-ekaterinburga-sverdlovskaja-oblast> (дата обращения: 18.08.2024).

ими свидетельства о праве на наследство к данному делу не применяется. Более того, отсутствие форм распоряжения имуществом не умоляет прав наследника как наследника по закону и позволяет реализовать свое субъективное право путем принятия наследства (ст. 1111 ГК РФ). Соответственно, рассмотрение дела в порядке особого производства имеет место.

Приведем пример об установлении факта принятия наследства по праву представления в порядке особого производства. Исходя из материалов дела с момента смерти наследодателя (дедушки), заявитель (внучка) постоянно пользовалась имуществом покойного в своих целях, несла за свой счет расходы на содержание имущества, а также приняла меры по сохранению имущества и защите его от посягательств третьих лиц в соответствии со ст. 1153 ГК РФ, то есть фактически приняла наследство, так как иных родственников у дедушки на момент смерти не было.

После обнаружения заявителем документа на акции акционерного общества, владельцем которых был указан наследодатель (дедушка), преемница обратилась к нотариусу для оформления права на наследство в виде акций, однако нотариус ей объяснил, что оформить свидетельство о праве на наследство она не может, в связи с тем, что отсутствуют правоустанавливающие документы на имущество, имеются наследники первой очереди, а также в связи с тем, что был пропущен срок принятия наследства, и порекомендовал обратиться в суд.

В свою очередь, иные наследники первой очереди написали нотариально заверенные заявления об отказе принять наследство и не возражают о принятии указанного наследственного имущества внучкой (п. 2 ст. 1155 ГК РФ). Доказательств какими-либо заинтересованными лицами, опровергающими фактическое принятие внучкой наследства после смерти дедушки, суду не представлено. Суду также не представлены доказательства о праве на наследство, наличии завещания, договора или же фактического вступления в наследственные права после смерти наследодателя иными наследниками.

Ко всему сказанному, в соответствии с п. 36 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», при отсутствии у наследника возможности представить документы, содержащие сведения об обстоятельствах, на которые он ссылается как на обоснование своих требований, судом может быть установлен факт принятия наследства. При указанных обстоятельствах суд полагает возможным выделить определенную долю акций и признать за заявителем в порядке наследования по праву представления после смерти наследодателя право собственности на акции⁴.

⁴ См.: Решение Табасаранского районного суда Республики Дагестан от 19 января 2022 г. по делу № 2-20/2022 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-tabasarsanskii-raionnyi-sud-respublika-dagestan/> (дата обращения: 20.08.2024).

Достаточное количество заявлений рассматривают суды, которые связаны с признанием факта принятия наследства. Требование заявителя о признании своего субъективного права обращено непосредственно к суду. Зачастую требование о признании данного права является необходимым условием для применения иных предусмотренных ст. 12 ГК РФ способов защиты гражданских прав. Соответственно, рассмотрение и разрешение судами бесспорных дел о наследовании объектов предпринимательства является необходимой формой при дальнейшей реализации наследниками своих прав, так как в первую очередь речь идет о принятии наследства добросовестными наследниками и защите их субъективных наследственных прав.

В наследственных правоотношениях речь всегда должна идти о правах добросовестных наследников. Так как презумпция объективной и субъективной добросовестности однозначно облегчает процесс доказывания. Нам видится близкой позиция Е.А. Суханова в части наследственных прав. В своей работе он придерживался так называемой субъективной добросовестности, т.е. не добросовестности как этической, нравственной категории, служащей для оценки поведения участников гражданских правоотношений (как она понимается в п. 3 ст. 1 ГК РФ), а добросовестности в смысле фактического незнания определенных обстоятельств, незнание которых и послужило отсутствием возможности реализации субъективных прав⁵.

В ГПК РФ присутствует глава 37, которая посвящена рассмотрению заявлений о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении. С заявлением на действия нотариусов и должностных лиц, полномочных совершать нотариальные действия, вправе обратиться лишь заинтересованные лица. К ним могут быть отнесены наследники и юридические лица, в отношении которых совершено нотариальное действие либо которые получили отказ в его совершении. То есть стороны данного производства строго определены, в отличие от искового производства, где истец более широкое понятие. В исковом производстве истцом, исходя из положений закона, называют лицо, чье субъективное материальное право или охраняемый законом интерес предположительно нарушены и которое обращается в суд с просьбой об их защите.

В соответствии со ст. 45 ГПК РФ такое дело может быть возбуждено и по заявлению прокурора при необходимости защиты прав граждан, которые по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и иным уважительным причинам не могут сами обратиться в суд. Другое лицо, полагающее, что его права и охраняемые законом интересы были или могли быть нарушены совершением нотариального действия, вправе обратиться за защитой в порядке искового производства⁶.

⁵ См.: Суханов Е.А. Вещное право : научно-познавательный очерк. М. : Статут, 2017. 560 с.

⁶ См.: Балашова И.Н. Рассмотрение заявлений о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении // Вестник Саратовской государственной академии. 2013. С. 151–157.

Отметим, что суды могут оставлять заявления без рассмотрения, исходя из того, что оспариваемое действие нотариуса в порядке особого производства порождает права у иных лиц на приобретение права собственности, что свидетельствует о возникновении спора о праве, который заявитель вправе разрешать уже только в порядке искового производства. В соответствии с п. 1 ст. 310 ГПК РФ заинтересованное лицо, считающее неправильным совершенное нотариальное действие или отказ в совершении нотариального действия, вправе подать заявление об этом в суд по месту нахождения нотариуса или по месту нахождения должностного лица, уполномоченного на совершение нотариальных действий. Заявление об оспаривании совершенных нотариальных действий, а также отказа в совершении нотариальных действий оформляется по общим правилам искового производства с учетом особенностей, предусмотренных законом для особого производства (ст. 131, 132, ч. 1 ст. 263 ГПК РФ).

Обязательным предметом судебного рассмотрения, а, следовательно, предметом доказывания по данной категории дел является законность действий нотариуса по совершению нотариального действия или отказ в его совершении. В случае, если представленными заявителем документами не будут подтверждены нарушения порядка совершения нотариальных действий, а также нарушение прав и охраняемых законом интересов заинтересованного лица, в удовлетворении требований судом будет отказано.

Приведем пример из судебной практики, когда суд первой инстанции вынес определение, в котором оставил заявление заявителя о требованиях в признании незаконным постановления временно исполняющей обязанности нотариуса без рассмотрения на основании ч. 3 ст. 263 ГПК РФ в связи с наличием спора о праве. Судебная коллегия не только признала заслуживающими внимания доводы частной жалобы об отсутствии спора о праве, но и признала ошибочными выводы суда первой инстанции о наличии спора о праве.

Наследник обратился в суд с административным исковым заявлением о признании незаконным постановления временно исполняющей обязанности нотариуса Белгородского нотариального округа Белгородской области об отказе в выдаче свидетельства о праве на наследство на долю в размере 50% в уставном капитале ООО и возложении на нотариуса обязанности совершить вышеназванное нотариальное действие. Требование мотивировано тем, что он обратился в нотариальный орган после смерти своего отца, который погиб. Однако в совершении данного нотариального действия ему было отказано. В оспариваемом постановлении нотариуса в качестве основания к отказу в удовлетворении его заявления о выдаче свидетельства о праве на наследство по закону указано на то, что наследником не представлен оригинал или надлежащим образом заверенная копия устава общества,

утвержденного общим собранием участников общества, а также нотариус сослался на отсутствие согласия другого участника общества на переход доли в уставном капитале юридического лица к наследникам. При этом приведены положения устава, согласно которому переход доли в уставном капитале общества к наследникам и правопреемникам юридических лиц, являющихся участниками общества, передача доли, принадлежавшей ликвидированному юридическому лицу, его учредителям (участникам), имеющим вещные права на его имущества или обязательные права в отношении этого юридического лица, допускаются только с согласия остальных участников общества.

Определением судьи Октябрьского районного суда г. Белгорода заявление оставлено без рассмотрения на основании ч. 3 ст. 263 ГПК РФ в связи с наличием спора о праве, заявителю разъяснено право на обращение в суд в порядке искового производства. В частной жалобе заявитель просит об отмене определения судьи ввиду его незаконности и необоснованности, нарушения норм процессуального права и неправильного применения норм материального права.

Оставляя заявление наследника без рассмотрения, суд первой инстанции, руководствуясь положениями п. 10 ч. 1 ст. 262, ст. 310 ГПК РФ, исходил из того, что оспариваемое постановление нотариуса порождает права наследника на приобретение права собственности на долю в уставном капитале ООО, а также что общество и другой участник общества должны быть привлечены к участию в деле, так как правопритязаниями на долю в уставном капитале общества затрагиваются их права, что свидетельствует о наличии спора о праве, который заявитель вправе разрешить в порядке искового производства.

Вместе с тем судебная коллегия признает заслуживающими внимания доводы частной жалобы об отсутствии спора о праве. Поскольку личные неимущественные права в состав наследства не входят (ч. 3 ст. 1112 ГК РФ), то неимущественные (организационные) права участника (прежде всего право участия в управлении делами общества) не наследуются, но могут переходить к его наследникам с переходом к ним имущественной составляющей доли в уставном капитале общества безусловно либо при условии согласия остальных участников общества, если получение такого согласия предусмотрено уставом общества.

Указанное отражено в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2016 г. по делу № 309-ЭС15-10685, в котором отмечено, что в силу п. 4 ст. 1152 ГК РФ принятое наследство признается принадлежащим наследнику в полном объеме со дня открытия наследства независимо от времени его фактического принятия. Исходя из указанной нормы, со дня открытия наследства к наследнику переходят все права, удостоверяемые долей, в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью,

и он приобретает статус участника общества, если уставом прямо не предусмотрено право участников давать согласие на переход доли в уставном капитале такого общества к наследникам участников общества.

Поскольку право указанного лица на выплату стоимости унаследованной им доли или ее части возникает в связи с переходом к нему в порядке универсального правопреемства имущественных прав и обязанностей от наследодателя и обусловлено его статусом наследника, спор о действительной стоимости этой выплаты следует расценивать в качестве спора, возникшего из наследственных правоотношений, в связи с этим рассмотрение дел по требованиям о выплате действительной стоимости доли наследодателя в уставном капитале общества подлежит рассмотрению в судах общей юрисдикции (Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2015), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 4 марта 2015 г.).

Как следует из разъяснений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» свидетельство о праве на наследство лишь удостоверяет юридическое основание, определяющее переход к наследнику права собственности, других прав и обязанностей, принадлежавших наследодателю при его жизни. В связи с чем правообразующее значение имеет само наследование как основание правопреемства, а не свидетельство о праве на наследство, лишь подтверждающее это основание. Таким образом, из изложенного следует, что свидетельство о праве на наследство по закону является лишь основанием для обращения наследника в общество с заявлением о принятии его в состав участников.

Обращение наследника с заявлением о даче согласия участников общества на переход доли или части доли в уставном капитале возможно лишь после его вступления в наследство и представления обществу свидетельства о праве на наследство на долю в уставном капитале. При этом получение свидетельства о праве на наследство доли не может быть поставлено в зависимость от решения иных участников общества. Право наследования установлено законом и не может быть связано с волеизъявлением членов общества. До получения свидетельства о праве на наследство у участников общества отсутствуют основания для дачи согласия или отказа в согласии на переход доли.

Таким образом, до получения заявителем свидетельства о праве на наследство в виде доли в организации права иного участника общества не затрагиваются. В связи с чем вывод судьи суда первой инстанции о том, что оспариваемое заявителем постановление нотариуса порождает его права на приобретение права собственности на долю в уставном капитале ООО «БББ», что свидетельствует о наличии спора о праве на это имущество, признается судебной коллегией ошибочным. При таких обстоятельствах оспариваемое

определение подлежит отмене как постановленное с нарушением норм процессуального права, а материал — направлению в суд первой инстанции на стадию решения вопроса о принятии заявления к производству суда⁷.

Согласно сведениям судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, суды общей юрисдикции рассмотрели около девяти тысяч дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, за 2023 г. Стоит отметить, что общее количество случаев отказа заявителям в удовлетворении заявленных требований по указанной категории дел не превышало двухсот (около 2% от общего количества рассмотренных дел).

В делах особого производства определяются факты и ситуации, с которыми норма права связывает возникновение, изменение или прекращение определенных прав и обязанностей. Только после завершения особого производства у заявителя появляется возможность далее продолжить реализацию своего права. Особенностью этого производства является установление определенного правового состояния гражданина, заявителя. Речь идет о правовом статусе гражданина как физического лица.

Особое производство имеет важное значение в наследственных правоотношениях только тогда, когда речь идет о добросовестных наследниках, которые обращаются в суд в случае отсутствия возможности каким-либо иным законным способом осуществить свое право на наследственное имущество, в случаях, когда отсутствуют инструменты наследственного планирования.

Важной характеристикой особого производства является то, что заявление наследника не будет содержать материально-правового требования к кому-либо. При определении наследников, как показывает практика, не всегда те лица, которые заняли активную позицию, обратившись к нотариусу по вопросу принятия наследства, замыкают количество наследников. Так как, помимо юридического принятия наследства, законодатель закрепил фактическое принятие наследства. Соответственно, наследники, которые являются таковыми, порой не всегда могут реализовать свое законное право без суда.

Особое производство имеет существенное значение для наследственного права в Российской Федерации. Наследственное право — это право, которое содержит в себе все возможности конкретного субъекта гражданско-правоотношения наследовать имущество наследодателя. Ведь предметом наследственного права являются гражданско-правовые отношения, которые возникают в связи с открытием наследства, осуществлением, защитой

⁷ См.: Апелляционное определение Белгородского областного суда от 28 июля 2020 г. по делу № 33-3299/202. URL: [https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/apellyatsionnoe-opredelenie-33-5549_20-ot-17.11.2020-belgorodskogo-oblastnogo-suda-\(belgorodskaya-oblast\)](https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/apellyatsionnoe-opredelenie-33-5549_20-ot-17.11.2020-belgorodskogo-oblastnogo-suda-(belgorodskaya-oblast)) (дата обращения: 08.07.2024).

и оформлением наследственных прав. А особое производство, при отсутствии спора о праве, направлено непосредственно на защиту и восстановление гражданских субъективных прав.

Ворожейкина Ю.В.,

соискатель кафедры гражданского права
Саратовской государственной юридической академии,
старший специалист 1-го разряда 1-го отдела надзора
(за процессуальной деятельностью военных следственных органов)
управления надзора за исполнением законов при расследовании
преступлений Главной военной прокуратуры
(г. Саратов)

Литература

1. Балашова И.Н. Рассмотрение заявлений о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении / И.Н. Балашова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 6 (95).
2. Суханов Е.А. Вещное право : научно-познавательный очерк / Е.А. Суханов. Москва : Статут, 2017.

Аксиологическая теория коммерческой корпорации

Цивилистика на протяжении веков пытается отыскать «субстрат» юридического лица и корпорации. Уяснение сущности этих правовых феноменов остается одной из ключевых проблем частного права, сопровождающей его развитие на протяжении всей истории. Палитра многочисленных теорий и продолжающийся научный поиск свидетельствуют о многоаспектности и затруднительности доктринального осмысления сущности данных правовых феноменов. Важную роль в этом процессе играет правоприменительная и судебная практика, которые, наряду с фундаментальной трансформацией общественных и правовых отношений в условиях цифровизации, выступают драйвером для переосмысления понятий «юридическое лицо» и «корпорация».

Несмотря на отсутствие единого подхода в отечественных и зарубежных правовых доктринах к природе юридического лица и корпорации, каждая из существующих теорий обладает своей научной значимостью. Теории фикции и коллектива акцентируют внимание на «людском» субстрате, в то время как теория целевого имущества и контрактная теория сосредоточены на имущественном аспекте и снижении издержек. Теория интереса, в свою очередь, фокусируется на материальных и идеальных выгодоприобретателях. Такой многоаспектный подход позволяет выявить отдельные элементы организации коммерческой корпорации, которые могут стать объектами угроз экономической безопасности. Правоприменительная и судебная практика подтверждают, что для стабильного функционирования бизнеса недопустимо ограничиваться одной точкой зрения на многогранные категории, такие как «юридическое лицо» и «корпорация».

В контексте вышеизложенного следует обратиться к одному из наиболее всеобъемлющих подходов к пониманию института юридического лица. Как справедливо отмечал советский правовед О.А. Красавчиков, «его нормы закрепляют организационно-структурное, имущественное и функциональное единство указанного субъекта права...»¹.

Представляются актуальными суждения В.К. Андреева, в соответствии с которыми юридическое лицо рассматривается как упорядоченная совокупность принадлежащих ему гражданских и иных прав и обязанностей.

¹ Красавчиков О.А. Сущность юридического лица // Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права: избр. тр. : в 2 т. М., 2005. Т. 2. С. 242–243.

Исследуя юридическое лицо в данном ключе, ученый приходит к выводу, что ст. 48 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) перечисляет элементы его устройства (законодательные и уставные положения об организационно-правовой форме, внутреннем управлении и внешнем участии в гражданском обороте и т.д.), а не признаки, вопреки господствующей позиции в доктрине. Исходя из этого, юридическое лицо признается реально существующей организацией, обладающей собственным штатом сотрудников и системой органов. Следует согласиться с В.К. Андреевым, что подход к юридическому лицу как к правовому устройству и системе, состоящей из взаимосвязанных элементов, позволяет инкорпорировать юридическое лицо в цифровую среду². Таким образом, прослеживается тенденция к переосмыслению классических подходов и адаптации института юридического лица к вызовам цифровой эпохи. Кроме того, достоинством представленного взгляда является возможность идентификации отдельных элементов юридического лица, экономическую безопасность которых необходимо обеспечить.

На основе теоретического анализа предлагается аксиологическая теория коммерческой корпорации, учитывающая полифункциональный характер этого феномена и потребности предпринимательской практики. Основной тезис теории заключается в том, что все элементы устройства корпорации определяются ее ценностями — материальными и нематериальными активами, включая имущество, ресурсы, кадры и деловую репутацию. Именно эти ценности формируют корпоративное управление, производственную деятельность и организационное единство.

При этом ценности, безусловно, включая объекты гражданских прав, перечисленные в ст. 128 ГК РФ, не могут и не должны ими ограничиваться. Существенное значение в идентификации актуальных ценностей корпорации имеет судебная практика, выступающая индикатором реальных потребностей субъектов гражданского оборота. Так, в последние годы арбитражные суды все чаще рассматривают дела, связанные с «доменными спорами»³, хотя домен не упомянут в ст. 1225 ГК РФ как охраняемый результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации. Это подтверждает, что судебная практика выступает движущей силой в развитии правовых норм, адаптируя их к меняющимся условиям. В этой связи в условиях информационного общества коммерческую корпорацию следует рассматривать как *симбиоз материальных и нематериальных активов*.

² См.: Андреев В.К., Лаптев В.А. Защита прав юридического лица в условиях применения цифровых технологий. М., 2022. С. 28–32, 36.

³ См., напр.: Определение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 23 мая 2024 г. по делу № А56-118228/2023. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 29.09.2024).

Для более полного понимания сущности коммерческой корпорации целесообразно ввести следующую дефиницию. *Ценности коммерческой корпорации* — это любые объекты гражданских прав, материальные, нематериальные активы и ресурсы, включая человеческие и цифровые, а также технологические, организационно-управленческие процессы и методы, прямо или косвенно используемые коммерческой корпорацией для организации и (или) осуществления предпринимательской деятельности. Из данного определения следует, что коммерческая корпорация представляет собой реально существующую организацию, включающую людской, имущественный, организационно-управленческий и хозяйственно-производственный субстраты (элементы), в системном и функциональном единстве формирующие условия для осуществления предпринимательской деятельности.

Таким образом, в ракурсе обеспечения экономической безопасности конституирующим элементом экономико-правового устройства коммерческой организации являются ее ценности в указанном значении. Рассмотрение ценностей коммерческой корпорации требует учета их неразрывной связи с интересами организации.

В науке корпоративного права господствует позиция о наличии у корпорации собственных интересов, подкрепляемая тем, что законодатель эксплицитно подчеркнул их наличие в п. 3 ст. 53 и п. 3 ст. 53.1 ГК РФ⁴. Вместе с тем в доктрине не уделено должного внимания содержанию понятия «интересы коммерческой корпорации», что вынуждает обратиться к изучению судебной практики. Суды раскрывают данное понятие через призму основной цели деятельности коммерческой корпорации — получение прибыли⁵, а иногда и прямо указывают, что это ее основной интерес⁶. Законодательная формулировка «действия в интересах юридического лица» толкуется как принцип лояльности управляющего, запрещающий ему удовлетворять личные интересы и интересы третьих лиц⁷.

Подход к сущности коммерческой корпорации, интегрирующий перечисленные субстраты на базе понятий «ценности» и «интересы», демонстрирует отсутствие теоретической и практической значимости классификации корпораций на «объединения лиц» и «объединения капиталов».

⁴ См., напр.: Андреев В.К., Лаптев В.А. Указ. соч. С. 103.

⁵ См., напр., абз. 9 п. 2 постановления Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 28 июня 2023 г. № 06АП-2865/2023 по делу № А04-2518/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 октября 2022 г. № 20АП-6125/2022 по делу № А62-4226/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

Доказывая данную гипотезу, укажем, что, согласно преобладающей позиции в науке корпоративного права, конституирующим признаком корпорации признается участие (членство)⁸. Одновременно с этим авторы единодушно отмечают, что «компании одного лица» не укладываются в традиционную парадигму понимания корпорации как объединения лиц, называя их исключением из правил⁹ и даже «юридическими мутантами»¹⁰. При этом масштабы такой исключительности по-прежнему остаются неисследованными. Встают резонные вопросы: действительно ли корпорации одного лица являются исключением из правил? Или данный вид корпорации перестал быть таковым и фактически является преобладающим в гражданском обороте?

Для решения этих принципиальных вопросов корпоративного права проведен анализ данных ЕГРЮЛ, который показал, что на 1 июня 2024 г. 1 809 777 хозяйственных обществ с единственным участником составляют 69% от общего числа коммерческих корпораций (2 618 628)¹¹.

На основании приведенных статистических данных осмелимся заключить, что *в современной российской правовой системе участие не является сущностным признаком коммерческой корпорации*. Участие приобретает квалифицирующий характер лишь при классификации коммерческих корпораций по критерию количества участников на коммерческие корпорации одного лица и коммерческие корпорации с множественностью участников. Выдвинутый тезис играет ключевую роль в формировании системы обеспечения экономической безопасности и идентификации угроз, поскольку коммерческая корпорация является «объединением разноплановых субстратов».

В заключение подчеркнем, что аксиологическая теория, основанная на системном и комплексном подходах, позволяет в теоретическом плане выявить эмерджентный субстрат коммерческой корпорации через введение понятия «ценности», что закладывает методологическую основу для построения системы мер правовой охраны компаний. Правоприменительная и судебная практика подтверждают значимость индивидуального и диффе-

⁸ См., напр.: Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России. С. 83 (автор главы — В.К. Андреев); Корпоративное право : учебный курс : в 2 т. / отв. ред. И.С. Шиткина. Т. 1. М., 2017. С. 54 (автор главы — И.С. Шиткина).

⁹ См., напр.: Андреев В.К., Лаптев В.А. Корпоративное право современной России. С. 88 (автор главы — В.К. Андреев).

¹⁰ Кулагин М.И. Избранные труды по акционерному и торговому праву. М., 2004. С. 26.

¹¹ Статистика хозяйственных обществ с единственным участником приводится на основании выгрузки и анализа данных, осуществленных по заказу автора ООО «АйБиКонсалт» (ИНН 7719418209) с применением современных научных методов автоматизированного сбора и обработки больших данных. Статистика по государственной регистрации юридических лиц приводится по данным ФНС России. См.: URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/14414858/ (дата обращения: 14.07.2024).

ренцированного подходов к понятию «ценности», что позволяет выявить угрозы экономической безопасности конкретным субъектам предпринимательской деятельности и разработать эффективные меры реагирования, тем самым способствуя стабильности гражданского оборота в Российской Федерации. Выявленная тенденция переосмысления классических подходов к институту юридического лица с акцентом на его цифровой адаптации отражает цифровизацию российского частного права и формирует основу для дальнейшего совершенствования законодательства.

Гаджиев А.Э.,

директор по правовым вопросам

ООО «Юридическая компания “МААТ”»,

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права

Московского государственного юридического университета

имени О.Е. Кулафина (МГЮА)

(г. Москва)

Литература

1. Андреев В.К. Защита прав юридического лица в условиях применения цифровых технологий / В.К. Андреев, В.А. Лаптев. Москва : Проспект, 2022.
2. Андреев В.К. Корпоративное право современной России / В.К. Андреев, В.А. Лаптев. Москва : Проспект, 2023.
3. Корпоративное право : учебный курс. В 2 томах. Т. 1 / Е.Г. Афанасьева, В.А. Вайпан, Г.В. Габов [и др.] ; ответственный редактор И.С. Шиткина. Москва : Статут, 2017.
4. Красавчиков О.А. Сущность юридического лица // Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права : избранные труды. В 2 томах. Т. 2 / О.А. Красавчиков. Москва : СПС «КонсультантПлюс», Статут, 2005.
5. Кулагин М.И. Избранные труды по акционерному и торговому праву / М.И. Кулагин. Москва : Статут, 2004.

Особенности становления и тенденции развития российского деликтного права: отдельные аспекты

Становление деликтного права изначально связано с максимально широким представлением всякого нарушения прав вне зависимости от состояния потерпевшего в гражданско-правовых отношениях. В переводе с латинского языка термин *delictum* означал правонарушение или проступок¹. В трактовке дореволюционных энциклопедических изданий частный «деликт» (*delictum privatum*) означал поступок, влекущий за собой возмещение вреда и ущерба или штраф, взыскиваемые в пользу потерпевших, а также всякое противоправное действие, вторгающееся в личную имущественную сферу личности и причиняющее тот или иной ущерб². Представления о чрезвычайной близости деликта с пониманием преступления или правонарушения всегда обуславливали как самобытность норм гражданского права, регламентирующих отношения по возмещению вреда, так и специфику научных представлений о месте и роли деликтной ответственности в системе гражданского права.

Зарождение деликтной ответственности в древнейший период римского права детерминировалось, по некоторым соображениям, неразвитостью идеи государственной защиты общественных (публичных) интересов, при которой ряд нарушений рассматривался только в качестве посягательства на частные права и порождал «автоматическое» возникновение статуса должника для правонарушителя³.

Другой причиной формирования деликтного права являлось стремление государства к централизации власти, совершенствованию государственного управления, недопущению произвола. Укрепление публичной власти возможно путем создания потребности для граждан и их объединений в обращении за защитой своих прав в государственные органы, а не в разрешении возникшей вследствие деликта несправедливости самостоятельно. «Первородная потребность человека в устранении любого неприятного последствия»⁴ от нарушения его прав и законных интересов должна была нахо-

¹ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976. С. 302.

² Энциклопедический словарь. Томъ X. Давенпортъ-Десминъ / Издатели Ф.А. Брокгаузь, И.А. Ефронъ. С.-Петербург :Типография И.А. Ефрона, 1893. С. 338.

³ Климович А.В. Обязательства из деликтов в римском праве // Сибирский юридический вестник. 2008. № 1(40). С. 44–50.

⁴ Избегание «неприятного» и стремление к «приятному», по Л.И. Петражицкому, суть необходимые и основные биологические законы, которым подчиняется каждый человек. См.: Проф. Л.И. Петражицкий. Введение въ изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. Издание второе. С.-Петербург, 1907. С. 210.

дить свое удовлетворение вне рамок принципа талиона, который для государственной власти свидетельствовал о самоуправстве и децентрализации в управлении. Согласно учению Л.И. Петражицкого, любое правонарушение порождает репрессивную тенденцию психики, которая выражается в ярких эмоциональных переживаниях, вынуждающих потерпевших к проявлению гнева, негодования, актов кровавой мести⁵. М.А. Рейснер также обращал внимание на психическую сторону явлений, на «правовые эмоции», которые отличаются характером требовательности насильственного осуществления своих прав, их боевой защиты и беспощадной мести за их нарушение⁶. В таком состоянии естественной потребностью личности является обращение за восстановлением своих прав и устранением негативных последствий к субъектам, способным разделить с ней страдания, сгладить их последствия, в том числе к такому субъекту, как государство. Необходимость справедливой замены талиона и привела к первоочередному развитию деликтных обязательств, значительно опередивших, как указывал А.Г. Гусаков, договорные обязательства в древнем праве⁷. По мнению данного автора, все описываемые в источниках права преступления и иные нарушения являлись лишь основанием для обязательственных требований потерпевших к нарушителям⁸.

В Российском государстве вплоть до принятия Свода законов гражданских Российской империи⁹ право и законодательство не содержали неоспоримых свидетельств сформированности самостоятельного института деликтной ответственности как гражданско-правовой категории¹⁰. А учения о психической составляющей в отношениях причинителя вреда и потерпевшего получили развитие в теориях о вине, ее индивидуализации (персонификации) при совершении правонарушения несколькими лицами совместно. В деликтных отношениях вина в причинении вреда предполагается, пока не доказано обратное. Данное правило известно как презумпция виновности, при которой бремя доказывания невиновности возлагается на причинителя вреда, что для арбитражного или гражданского процесса не свойственно. Нравственное понимание вины раскрывается в трудах Э.Э. Пирвица¹¹ и К.П. Победоносцева¹². Так, первый из указанных ученых пояснял, что вина

⁵ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий (сост., автор вступ. ст. и коммент. А.Н. Медушевский). М., 2010. С. 183.

⁶ Рейснер М.А. Теория Л.И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология. СПб., 1908. С. 160.

⁷ Гусаков А. Деликты и договоры. Историко-юридическое изслѣдование. М., 1896. С. 161–164.

⁸ Там же. С. 113.

⁹ Законы гражданские: (Свод законов, т. X, ч. I изд. 1914 г., по прод. 1914 г.) с включением узаконений, последовавших в порядке 87 ст. осн. зак. и разъяснений Правительствующаго Сената с 1866 г. по 1 октября 1915 г. / сост. В.Л. Исаченко. Петроград, 1916. 1085 с.

¹⁰ См. подроб.: Иванов Д.А. Общеправовое понятие вреда, причиненного преступлением, в российском законодательстве: исторический экскурс и современные правовые реалии // Философия права. 2017. № 1(80). С. 153–158.

¹¹ Пирвиц Э.Э. Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве. СПб., 1895. С. 12.

¹² Победоносцев К.П. Курс гражданского права. М., 2014. Тома I–III. С. 2348, 2351.

влияет на возникновение деликтного обязательства, поскольку всякое причинение вреда должно быть возмещено, если причинитель не был принужден к совершению деяния и не мог предотвратить это¹³. Вина называлась данным автором неправомерной волей дееспособного лица, без которой любые взыскания будут несправедливыми. Для установления ответственности недостаточно факта причинения вреда и причинной связи, а если бы такое было возможно, то «в случае поджога здания малолетним возмещение производилось с самого поджигателя»¹⁴.

К.П. Победоносцев отмечал, что степень злого умысла и вины нарушителя должна отражаться не только на уголовном, но и на гражданском вменении¹⁵. Вина являлась главным лейтмотивом рассуждений различных авторов относительно разных категорий деликтной ответственности, но, так или иначе, все они сводились к исключительной значимости вины в определении вопросов о возложении или освобождении от ответственности за причинение вреда¹⁶.

Установление вины было необходимым условием и в правонарушениях, связанных с владением опасными предприятиями (ст. 683 Свода законов гражданских Российской империи)¹⁷. В.Л. Исаченко приводил примеры кассационных положений, подтверждающих широкое использование теории вины в спорах о возмещении вреда, причиненного железными дорогами¹⁸. Закреплялась она и в отдельных актах, например в Общем уставе российских железных дорог от 12 июня 1885 г.

Традиционно деликтная ответственность возлагалась именно на самого причинителя вреда, как непосредственно виновное лицо. Например, в кассационных положениях по вопросам русского гражданского права за 1866–1905 годы разъяснялось, что «господа не отвечают за преступления своих слуг»¹⁹, «несовершеннолетние не освобождаются от обязанности вознаградить за убытки, причиненные их действиями кому-либо»²⁰. Но со второй половины XIX в. постепенно приходило понимание необходимости возмещения вреда в особом порядке в тех случаях, когда он причинялся опасными объектами, а также в тех деликтах, где требуется установление иных обязанных к возмещению лиц, нежели непосредственных причинителей вреда. Деликтная ответственность стала пониматься как плата за профессиональ-

¹³ Пирвиц Э.Э. Указ. соч. С. 28, 16.

¹⁴ Там же. С. 35, 38, 39, 42.

¹⁵ Победоносцев К.П. Указ. соч. С. 2348.

¹⁶ См., например: Яблочков Т.М. Понятие непреодолимой силы въ гражданскомъ правѣ. Ярославль, 1911. С. 14, 27, 30, 32; Бертель Ж.-Л. Общая теория права : пер. с фр. / под общ. ред. В.И. Даниленко. М., 2000. С. 497–513.

¹⁷ Каргановъ Г.Н. Статья 683, ч. I т. X Свода Законовъ, исторія и анализъ ея въ связи съ данными для ея пересмотра. С.-Петербургъ, 1911. 166 с.

¹⁸ Исаченко В.Л. Сводъ кассационныхъ положеній по вопросамъ русскаго гражданского матеріальнаго права за 1866–1905 годы. С.-Петербургъ, 1906. № 8. С. 1.

¹⁹ Там же. С. 558.

²⁰ Там же. С. 560.

ную деятельность лиц, владеющих опасными объектами²¹. Как отмечал И.А. Покровский, их обычная эксплуатация неизбежно влечет за собой известное количество несчастных случаев, которые даже при самом строгом отношении никак не могут сводиться к какой-либо вине хозяина. Некоторое время судебная практика пыталась удовлетворить интересы потерпевшего, «растягивая понятие вины до самых фиктивных пределов»²². Этим объясняется наличие судебных дел, где потерпевшие все же компенсировали свои убытки, несмотря на невиновность владельцев железных дорог, например, как в деле, где супруга пассажира, которому был причинен вред здоровью в результате аварии, получила соответствующую компенсацию²³. Но введение в отечественное законодательство правила о безвиновной ответственности произошло лишь в 1922 г., когда такая ответственность владельцев источников повышенной опасности была закреплена в ст. 404 Гражданского кодекса (ГК) РСФСР 1922 г.²⁴.

Широкое распространение в период развития советского права получает теория причинности в деликтном праве (теория причинно-следственных связей), которая была в достаточной степени детально изучена в силу господства учения о детерминизме и соответствующей ему потребности развития представлений об объективной причинности. Как отмечал Ю.Г. Матвеев, непроработанность теории объективной причинности не позволяла зарубежным исследователям взглянуть на категорию «причинная связь» как на нечто внешнее, объективно существующее, отраженное в нашем сознании²⁵. Следовательно, не позволяла рассматривать «случайность» в качестве объективной категории. Разработки таких признаков причинности, как необходимость, однозначность динамического развития²⁶, формулировка генетического принципа²⁷ позволили глубоко погрузиться в развитие идеи «индивидуализированной» причинно-следственной связи, позволяющей точно идентифицировать субъект, чьи действия явились первопричиной (непосредственной причиной) возникновения вреда.

Параллельно развивалась теория причинения, которая обосновывала обязанность возмещения вреда по «факту причинения»²⁸. Принцип причи-

²¹ Принцип ответственности железных дорог за ущерб, причиненный при эксплуатации А. Гордона. С.-Петербург, 1887. С. 33–42.

²² Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998. С. 286.

²³ Исаченко В. Л. Указ. соч. С. 562.

²⁴ Гражданский кодекс РСФСР : с алфавитно-предметным указателем. 6-е изд. Л., 1926. С. 247–267.

²⁵ Матвеев Ю.Г. Современное англо-американское деликтное право : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1966. С. 9, 11.

²⁶ См. подроб.: Категория причинности в диалектической концепции связи. Категории диалектики. Вып. 3 / отв. ред. И.Я. Лойфман. Свердловск, 1974. С. 10, 12.

²⁷ Бунге Марио. Причинность: место принципа причинности в современной науке : пер. с англ. / общ. ред. и закл. ст. Г.С. Васецкого. 2-е изд. М., 2010. С. 40.

²⁸ Малеин Н.С. Возмещение вреда при повреждении здоровья несовершеннолетних. М., 1962. С. 16; Свердлов Г.М. Охрана интересов детей в советском семейном и гражданском праве. М., 1955. С. 25.

нения является антиподом принципа вины, наподобие противоположности между социальной солидарностью и индивидуализмом²⁹. Этическое основание применения теории причинения усматривали в сформулированном О. Гирке правиле: «Пусть причинивший вред невиновен, но ведь еще менее виновен пострадавший»³⁰. Теория причинения демонстрирует превалирование интересов потерпевшего в оперативном возмещении вреда. Ее можно рассматривать и в качестве продолжения принципа генерального деликта, предполагающего обязанность компенсации при любом причинении вреда.

С течением времени отдельными учеными выдвигалась проблема несоответствия классического принципа вины требованиям эффективной защиты прав потерпевших³¹. Например, Ли Чжеву отмечал, что необходимыми для вынесения справедливого решения являются моменты установления судом факторов, сопутствующих нарушению, таких как: «природа и значимость защищаемого законом интереса», «уровень профессионализма», «доступность мер предосторожности и затраты, связанные с этим»³², а не выяснение индивидуализированной вины причинителя. В некоторой степени можно констатировать постепенное расширение сфер применения мер к причинителю вреда на безвиновной основе, где, как верно отмечает Д.Е. Богданов, установление вины конкретного участника — сложная задача для потерпевшего³³. Но такие сферы остаются строго в рамках возмещения вреда вследствие дефекта товара и эксплуатации источника повышенной опасности и не претендуют на нивелирование значения вины в установлении деликтной ответственности.

С момента своего становления и до настоящего времени деликтное право отличается от других институтов гражданского права доминированием императивных норм и рамочностью свободы субъектов деликтных отношений в определении договорного порядка регулирования возмещения вреда. И от того, насколько ограничены данные рамки в конкретном государстве, можно определить его приоритеты. Например, в социальном государстве нормы о деликтной ответственности насыщены дополнительными правомочиями лиц с ограниченными возможностями здоровья, несовершеннолетних, иждивенцев (ст. 1087, 1089 ГК РФ); в государстве с доминирующим режимом государственной собственности будет отсутствовать действенный механизм реализации права граждан на возмещение вреда, причиненного государственными органами (ст. 407 ГК РСФСР предусматривала ответственность учреждений только в случаях, установленных в законе, которые охватывали

²⁹ Покровский И.А. Указ. соч. С. 287.

³⁰ Gierke Otto Friedrich von. Die soziale Aufgabe des Privatrechts : Vortrag gehalten am 5. April 1889 in der Juristischen Gesellschaft zu Wien. P. 33. URL: <https://archive.org/details/BRes040128/page/n31/mode/2up> (дата обращения: 18.11.2024).

³¹ Ли Чжеву. Принцип вины в деликтных обязательствах в традиции континентальной правовой семьи: сравнительно-правовой аспект : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2013. С. 9.

³² Ли Чжеву. Указ. соч. С. 10.

³³ Богданов Д.Е. Справедливость как основное начало формирования безвиновной деликтной ответственности // Адвокат. 2012. № 6. С. 32–40.

лишь несколько казусов); в социалистическом государстве с характерным для него социальным равенством будут слабо проработаны вопросы определения размера возмещаемого вреда (ст. 1183 ГК КНР). Поэтому деликтная ответственность всегда нацелена не только на разрешение «внутренних» проблем компенсации убытков потерпевшим, образовавшихся в силу деликта, но и на косвенное регулирование экономики страны в целом, на разрешение «внешних» по отношению к конкретным гражданским правоотношениям проблем.

Посредством института деликтной ответственности регулируются вопросы возмещения вреда, причиненного государству, обеспечения экологической, экономической и национальной безопасности. С.Ю. Чапчиков отмечал, что в сфере национальной безопасности только правоприменитель может «принять акт, который... составит фундамент для нового ряда правовых и социальных последствий»³⁴. Благодаря актам применения в исследуемой сфере, как указывал данный автор, «воплощаются правостимулирующие факторы». Такие факторы служат общим целям: установлению новых видов пособий, субсидий и иных мер государственной поддержки, их изменению, исходя из того объема правомочий, которыми наделяется потерпевший в отдельных отношениях. В качестве примера такого влияния можно отметить судебное дело, в котором государственный надзорный орган успешно взыскал более ста сорока шести миллиардов рублей за вред, причиненный окружающей среде в результате аварии на опасном объекте³⁵. Подобные решения, в которых посредством гражданско-правовых способов защиты фактически выполняются функции, направленные на обеспечение национальной безопасности, формируют отношение к деликтному праву как к мегарегулятору экономических процессов и механизму достижения общественно полезных целей. Как указано в работах зарубежных исследователей, деликтная ответственность «дает возможность потерпевшим быть услышанными», кроме того, она создает стимулы для предпринимателей и юридических лиц «проявлять должную заботу и уменьшать количество травм»³⁶ в отношении работников и потребителей. Деликтная ответственность в российской правовой системе является необходимым элементом в механизме косвенного контроля за качеством производимой и реализуемой продукции, за внедрением инновационных технологий и цифровизации всех сфер жизнедеятельности, поскольку, благодаря соответствующим нормам, допустим отзыв товара (ч. 5 ст. 7 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»), допустимо уста-

³⁴ Чапчиков С.Ю. Стадии механизма обеспечения национальной безопасности: деятельностный подход // Вестник Прикамского социального института. 2017. № 2 (77). С. 53.

³⁵ Решение Арбитражного суда Красноярского края от 12 февраля 2021 г. по делу № А33-27273/2020 по иску Енисейского межрайонного управления федеральной службы по надзору в сфере природопользования к АО «Норильско-Таймырская энергетическая компания». URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/4490905b-aec9-472e-a30a-c384e1679527> (дата обращения: 18.11.2024).

³⁶ Ben C.J. Van Velthoven. Empirics of tort // In book : Michael Faure (ed.) Tort Law and Economics. 2009. P. 453–498.

новление широкого круга субъектов, обязанных к возмещению вреда в условиях цифровизации и внедрения автономных объектов (ст. 2–3 Федерального закона от 10 июля 2023 г. № 294-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

Поэтому за счет удовлетворения частных интересов потерпевших могут достигаться и публичные (общественные) цели обеспечения национальной безопасности, что невозможно в случаях удовлетворения требований по искам о нарушении договорных или иных гражданско-правовых обязательств.

Современные деликтные иски могут охватывать нарушения в сферах общественной безопасности (жертвы преступлений против личности, а также потерпевшие, которым административным правонарушением причинен физический, моральный, имущественный вред, имеют возможность компенсировать вред в гражданско-правовом порядке), информационной и экологической безопасности, санитарно-эпидемиологического благополучия, земельных и строительных отношений и т.д. Нормы специального законодательства, несмотря на различия и специфику регулируемых отношений, содержат отсылки к положениям гражданского законодательства при указании правил о возможности компенсации вреда. Предъявление в гражданско-правовом порядке исков о возмещении вреда допустимо с точки зрения как материального, так и процессуального законодательства не только непосредственно самим потерпевшим, но и сотрудниками государственных контрольных и надзорных органов в интересах неограниченного круга лиц, что позволяет эффективно предупреждать вред или нивелировать последствия деликта.

На пути формирования дальнейших приоритетных направлений развития деликтного права необходимо учитывать, что положения о деликтной ответственности не должны создавать необоснованных преград для развития науки и техники, для распространения систем искусственного интеллекта и робототехники в виде повышенной угрозы возмещения вреда производителями при рискованности инновационного предпринимательства³⁷. В то же время, несмотря на высокую скорость распространения и востребованность инновационных объектов, потерпевшим в случае деликта должно быть гарантировано быстрое и полное возмещение вреда. Пренебрежение эффективной защитой прав потерпевших в угоду общей технологизации и автоматизации всех процессов жизнедеятельности общества недопустимо.

Исходя из представленного экскурса развития основных идей деликтного права в отечественном правовом порядке необходимо отметить, что российское деликтное право с момента своего зарождения преследовало цель оптимальной идентификации делинквента путем задействования всех необходимых оснований ответственности. В дальнейшем, с развитием представлений об источниках повышенной опасности и необходимости защиты прав отдель-

³⁷ Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1. С. 105.

ных категорий потерпевших, происходит дифференциация условий возложения ответственности в зависимости от статуса конкретного потерпевшего и причинителя вреда, а также способа причинения. В настоящее время основные тенденции развития деликтного права связаны с конкретизацией в правовых позициях высших судебных инстанций правил об определении размера компенсации морального вреда и расширением сферы ее применения³⁸.

В ближайшем будущем требуется разрешение проблемы отсутствия в нормах гражданского законодательства общих правил о возмещении вреда, причиненного в результате эксплуатации систем искусственного интеллекта и робототехники, поскольку на уровне специального законодательства устанавливаются нормы, противоречащие правилам об определении лица, обязанного к возмещению в нормах гл. 59 ГК РФ³⁹. Прогнозируемое распространение автономных объектов предопределяет дальнейшее развитие института предупреждения причинения вреда путем расширения сфер его применения.

Летуа Т.В.,

заведующая кафедрой административного и финансового права,
доцент кафедры гражданского права и процесса
Юридического факультета
Оренбургского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Оренбург)

Литература

1. Бержель Ж.-Л. Общая теория права : перевод с французского / Ж.-Л. Бержель ; под общей редакцией В.И. Даниленко. Москва : NOTA BENE, 2000.
2. Богданов Д.Е. Справедливость как основное начало формирования безвиновной деликтной ответственности / Д.Е. Богданов // Адвокат. 2012. № 6.
3. Бунге М.А. Причинность: место принципа причинности в современной науке : перевод с английского / М.А. Бунге ; общее редактирование и заключительная статья Г.С. Васецкого. 2-е изд. Москва : URSS, 2010.
4. Гордон А. Принцип ответственности железных дорог за ущерб, причиненный при эксплуатации / А. Гордон. Санкт-Петербург : Тип. Правительствующего Сената, 1887.
5. Гусаковъ А. Деликты и договоры : историко-юридическое изслѣдованіе / А. Гусаковъ. Москва : Университетская типографія, 1896.
6. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь : около 50 000 слов / И.Х. Дворецкий. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Русский язык, 1976.
7. Законы гражданские (Свод законов, т. X, ч. I изд. 1914 г., по прод. 1914 г.) со включением узаконений, последовавших в порядке 87 ст. осн. зак. и разъяснений Правительст-
вующего

³⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2021 г. № 45-П «По делу о проверке конституционности статьи 151 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шиловского». URL: <https://rg.ru/documents/2021/11/12/postanovlenie-dok.html> (дата обращения: 18.11.2024).

³⁹ См. подроб.: Мищенко Е.В., Летуа Т.В. Предупреждение и возмещение вреда, причиненного окружающей среде при эксплуатации объектов топливно-энергетического комплекса : монография. Оренбург : ООО «Агентство “Пресса”», 2024. 113 с.

- щего Сената с 1866 г. по 1 октября 1915 г. / составитель В.Л. Исаченко. Петроград : Юридический книжный склад «Право», 1916.
8. Иванов Д.А. Общеправовое понятие вреда, причиненного преступлением, в российском законодательстве: исторический экскурс и современные правовые реалии / Д.А. Иванов // *Философия права*. 2017. № 1 (80).
 9. Исаченко В.Л. Сводъ кассационныхъ положений по вопросамъ русскаго гражданского матеріальнаго права за 1866–1905 годы / В.Л. Исаченко. Санкт-Петербургъ, 1906.
 10. Каргановъ Г.Н. Статья 683 ч. I т. X Свода Законовъ, исторія и анализъ ея въ связи съ данными для ея пересмотра / Г.Н. Каргановъ. Санкт-Петербургъ : Тип. М.Д. Ломковского, 1911.
 11. Категории диалектики. Вып. 3. Категория причинности в диалектической концепции связи / ответственный редактор И.Я. Лойфман. Свердловск, 1974.
 12. Климович А.В. Обязательства из деликтов в римском праве / А.В. Климович // *Сибирский юридический вестник*. 2008. № 1 (40).
 13. Малеин Н.С. Возмещение вреда при повреждении здоровья несовершеннолетних / Н.С. Малеин. Москва : Госюриздат, 1962.
 14. Мищенко Е.В. Предупреждение и возмещение вреда, причиненного окружающей среде при эксплуатации объектов топливно-энергетического комплекса : монография / Е.В. Мищенко, Т.В. Летута. Оренбург : Агентство «Пресса», 2024.
 15. Петражицкий Л.И. Введение въ изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии / Л.И. Петражицкий. Издание второе. Санкт-Петербургъ : Тип. Ю. Н. Эрлих, 1907.
 16. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий ; составитель, автор вступительной статьи и комментария А.Н. Медушевский. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
 17. Пирвиц Э.Э. Значение вины, случая и непреодолимой силы в гражданском праве / Э.Э. Пирвиц. Санкт-Петербург : Типография Правительствующего Сената, 1895.
 18. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. В 3 томах / К.П. Победоносцев. Москва : Директ-Медиа, 2014.
 19. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский ; редколлегия : В.С. Ем, Н.В. Козлова, С.М. Корнеев [и др.] ; автор вступительной статьи А.Л. Маковский. Москва : Статут, 1998.
 20. Понкин И.В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И.В. Понкин, А.И. Редькина // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 1.
 21. Рейснер М.А. Теория Л.И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология / М.А. Рейснер. Санкт-Петербург : Общественная польза, 1908.
 22. Свердлов Г.М. Охрана интересов детей в советском семейном и гражданском праве / Г.М. Свердлов ; ответственный редактор В.С. Тадевосян. Москва : Издательство АН СССР, 1955.
 23. Чапчиков С.Ю. Стадии механизма обеспечения национальной безопасности: деятельностный подход / С.Ю. Чапчиков // *Вестник Прикамского социального института*. 2017. № 2 (77).
 24. Энциклопедическій словарь. В 86 томах. Т. 10. Давенпортъ-Десминъ / Издатели Ф.А. Брокгаузъ, И.А. Ефронъ ; под редакцией К.К. Арсеньева. Санкт-Петербургъ : Типография И.А. Ефрона, 1893.
 25. Яблочков Т.М. Понятие непреодолимой силы въ гражданскомъ праве / Т.М. Яблочков. Ярославль : Тип. Губернского правления, 1911.
 26. Gierke O.F. von. Die soziale Aufgabe des Privatrechts : Vortrag gehalten am 5. April 1889 in der Juristischen Gesellschaft zu Wien / O.F. von Gierke. Berlin : Verlag von Julius Springer, 1889.
 27. Velthoven Ben C.J. van. Empirics of tort / Ben C.J. van Velthoven // *Tort Law and Economics* / eds. by M. Faure. Edward Elgar, 2009.

Правовые основы государственной семейной политики в России

Основная ценность общества и важнейший ресурс страны — это семья. И от того, как она будет выполнять свои функции, зависит в конечном итоге будущее страны. Завершился год, который в соответствии с решением главы государства проходил под эгидой «Года семьи»¹. Целями этого решения значились популяризация государственной политики в сфере защиты семьи и сохранение традиционных семейных ценностей. Указ Президента РФ явился логическим продолжением стратегической национальной парадигмы по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, заложенной в 2020 г. законом в ходе поправок в Конституцию², когда традиционные семейные ценности на макроуровне были включены в сферу правового регулирования, а их сохранение и защита возложены на Правительство РФ (п. «в» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ)³, затем в 2021 г. в рамках обеспечения и защиты национальных интересов⁴ и в 2022 г. в части реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей⁵.

Осознание роли семьи как важнейшей ячейки общества подтверждается правовыми моделями семейно-брачных отношений, разнообразными технологиями взаимодействия государства с семьей на различных исторических этапах государственно-правового развития. В этой связи представляется актуальным обратиться к этому историческому опыту с тем, чтобы на основе социальной практики прошлого выявить закономерности семейно-правового регулирования, которые не теряют актуальности в настоящее время.

На первом (монструозном) этапе, назовем его дореволюционным, выделяют три периода в развитии древнерусского института семьи: языческий (обычный), переходный (кровно-договорной) и христианский (церковно-правовой)⁶. Но «начало законной формы брака соединяется с принятием

¹ Указ Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // СЗ РФ. 2023. № 48. Ст. 8560.

² Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

³ Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.11.2024).

⁴ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

⁵ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

⁶ Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. 512 с.

христианства и с началом церковной организации», так как «до тех пор не видно, чтобы существовала определенная форма брака; видны только неформальные признаки совершившегося брака в обычных действиях, происходивших при браке»⁷.

Проблематика семьи как базовой ячейки общества была зафиксирована в нормах Русской Правды⁸, отражающих согласование интересов институтов государства и семьи. Интересно, что эволюция данного акта показывает изменение статуса и значения малой семьи в период перехода от язычества к христианству, укрепление рациональных основ хозяйства, ослабление родовых связей в рамках больших семей, отказ от устаревших форм института брака. В институциональном анализе семьи Древней Руси как системы называют два обобщенных уровня детерминации: внешние общественные институты ее среды, определяющие тип, класс и порядок формирования семьи, и внутренние родовые и видовые институты, раскрывающие структурно-функциональную вариативность линий, форм и фракций ее членов⁹. Поэтому при анализе этого документа очевидна системная сложность семьи как института, образующегося из комбинации множества специфичных институций в рамках организации этой первичной группы общества. В системе семейных отношений есть институты разных уровней, которые реализуются ее членами, закреплены в их статусах, обеспечивают ее сохранность, способствуют устойчивому и расширенному воспроизводству. Эволюция Русской Правды проявляет осознание возрастающего значения воспроизводства семьи для сохранения качества и количества народа как естественной и социальной основы государства, как решающего фактора укрепления Древней Руси. Защита членов и имущества малой семьи, которая представляла собой тройственный институт, формирующийся: а) на основе договора мужа и жены; б) на кровно-родственных связях поколений; в) на договоре союза родителей с детьми (в случае их усыновления, удочерения), — постепенно, под давлением сложных общественных процессов, становится приоритетом государственной семейной политики, направленной на полноценную семью, в основе которой была репродуктивная функция, важнейшая по представлению древнерусского человека.

Изучение семейных отношений в Древней Руси, начало которому было положено в первой половине XIX в. Н.М. Карамзиным¹⁰, а позднее предста-

⁷ Победоносцев К.П. Курс гражданского права : учебное пособие : в 3 т. / под ред. В.А. Томсинова. М. : Зерцало-М, 2013 Т. 2: Права семейственные, наследственные и завещательные. 2013. С. 57 и след.

⁸ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / отв. ред. : В.Л. Янин ; под общ. ред. : О.И. Чистякова. М. : Юрид. лит., 1984. С. 27–132.

⁹ Иншаков О.В. Отражение эволюции института семьи в Русской Правде // Вестник Волгогр. гос. ун-та. 2016. № 4. С. 6–17.

¹⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского : в 12 т. М. : Наука, 1989. Т. 1. 640 с.

вителями историко-правовой школы (И.Ф. Эверс¹¹ и А.М. Рейц¹²) показало, что семейно-брачные отношения как на Руси, так и в Российской империи регулировались в основном церковными, а не правовыми документами. Дело в том, что с принятием христианства на Руси, происходящей рецепцией византийского брачно-семейного законодательства (Номоканон)¹³, основанного на канонических представлениях о браке, церковь стремилась к внедрению в древнерусском обществе христианского брака, основанного на строгом соблюдении всех условий и требований, необходимых для его заключения.

Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 г.¹⁴ также рассматривает вопрос действительности брака, заключенного только в церкви. Заключение брака совершалось в форме венчания, другие процедуры считались недействительными.

Отметим, что ни русское законодательство (в том числе Русская Правда), ни свод законов Московского государства XVII в., ни Свод законов Российской империи XIX в.¹⁵ не смогли полностью заменить кормчие книги и официальный сборник общецерковных канонов — Правила святых апостолов. Так, действующий в то время Устав духовных консисторий¹⁶ устанавливал свои собственные материальные и процессуальные правила рассмотрения брачных дел, регулировал порядок ведения записей брака, рождения и смерти в метрических книгах. Весь бракоразводный процесс проходил в соответствии с ним. Первой инстанцией по рассмотрению дел в духовных судах выступала Епархиальная духовная консистория, подчиненная епархиальному архиерею (ст. 1 Устава духовных консисторий), второй — апелляционной и ревизионной инстанцией выступал Синод (ст. 215, 235, 237 Устава духовных консисторий). При этом, например, при рассмотрении бракоразводных процессов устанавливалось, при каких именно обстоятельствах развод совершается в духовных консисториях. Так же как и ранее христианская церковь активно регулировала взаимоотношения полов и внутрисемейные отношения, что было возможным в силу укрепления авторитета церкви в общественном сознании и благодаря организации церковной юрисдикции.

¹¹ Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб. : Тип. Штаба отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1835. 422 с.

¹² Рейц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М. : Унив. тип., 1836. 414 с.

¹³ В последующем Номоканон был дополнен постановлениями русских князей. Русский перевод Номоканона с этими дополнениями получил название Кормчей книги.

¹⁴ Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. Т. 3: Акты Земских Соборов / отв. ред. : А.Г. Маньков ; под общ. ред. : О.И. Чистяков. М. : Юрид. лит., 1984. С. 75–442.

¹⁵ Свод Законов Российской Империи 1832 г. : в 16 т. / под ред. и с прим. И.Д. Мордухай-Болтовского // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Устав духовных консисторий. СПб. : Синодальная типография, 1843. 192 с. (репринт : изд-во Nobel Press, 2012).

На втором — послереволюционном, советском этапе развития законодательства государственная семейная политика кардинально меняется. Во-первых, исходя из концепции равноправия полов признавалась одна модель жизненной стратегии женщины — сочетание профессионального труда и материнства при необходимой поддержке со стороны государства¹⁷. Во-вторых, после смены в стране политического режима церковь была отделена от государства, соответственно, вопросы брака выведены из-под ее юрисдикции. В декабре 1917 г. вступили в действие Декретные нормы права о признании легитимными только гражданских (светских) браков¹⁸, о расторжении брака местным судом по желанию одного из супругов или непосредственно в отделе записей браков по обоюдному согласию¹⁹, то есть по упрощенной процедуре, которые получили свое развитие в последующих актах²⁰.

Принятый в 1926 г. Кодекс законов о браке, семье и опеке, не отменяя государственную регистрацию брака, признавал за лицами, фактически состоящими в брачных отношениях, право на общую совместную собственность, приобретенную в период сожительства²¹. Необязательность оформления брака в органах регистрации актов гражданского состояния породила многочисленные сложности на практике, связанные с правовой неопределенностью, путаницей и подрывом принципа моногамии²². Вектор на упрощение расторжения брака привел к исчезновению судебной процедуры развода, когда супругам было предоставлено право одностороннего развода в административном порядке. Весьма показательна тенденция к росту разводов, в том числе как результат либерализации государственной семей-

¹⁷ См.: Ленин В.И. Либеральный профессор о равенстве // Полное собрание сочинений. М. : Госполитиздат, 1961. Т. 24. С. 361–364; Ленин В.И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике // Полное собрание сочинений. М. : Госполитиздат, 1963а. Т. 39. С. 198–205; Ленин В.И. Международный день работниц // Полное собрание сочинений. М. : Госполитиздат, 1963б. Т. 42. С. 368–370.

¹⁸ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» // СУ РСФСР. 1917. № 11. Ст. 160.

¹⁹ Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 19 декабря 1917 г. «О расторжении брака» // СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 152.

²⁰ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 16 сентября 1918 // СУ РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818; Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 27 сентября 1921 г. «Об изменении порядка публикации по делам о расторжении брака, о перемене фамилии, об опеке, о социальном обеспечении, о безвестном отсутствии и об изменении наименований органов, ведущих вышеуказанные акты» // СУ РСФСР. 1921. № 67. Ст. 512.

²¹ Постановление ВЦИК от 19 ноября 1926 г. «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» (вместе с Кодексом законов о браке, семье и опеке) // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

²² Иванова Н.А. Принцип добровольности брака в российском семейном праве с учетом конвергенции норм права // Конвергенция частного правового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права : коллектив. монография / К.А. Абдуллаев, А.В. Абрамова, Э.А. Абызова [и др.] ; отв. ред. А.Н. Левушкин, Э.Х. Надысева. М. : Юстицинформ, 2023. С. 621–638.

ной политики: в 1920 г. число разводов составило 19 тыс., в 1921 г. — 32 тыс., в 1922 г. — 31 тыс.²³.

В 30-х годах государство взяло курс на корректировку деформализации заключения браков и усложнения процедуры разводов, требуя, например, для ее проведения личного присутствия обоих супругов и уплаты государственной пошлины²⁴.

Заметим, что негативная ситуация с брачностью населения в начальный период войны была обусловлена не только нарушением половозрастной структуры населения в связи с мобилизацией значительных контингентов мужчин в действующую армию, массовыми перемещениями населения в связи с эвакуацией, общим ухудшением экономической ситуации, но и «законодательным эхом» 20-х годов в части необязательности регистрации брака и отсутствия законодательных стимулов для регистрации отношений семейных пар, состоящих в фактических браках.

Общие людские потери СССР в Великой Отечественной войне — военнослужащих и гражданского населения составили почти 27 млн человек, что стало ударом по демографической ситуации страны. Поэтому советская власть осуществляла пронаталистскую политику, выражающуюся в интенсивном стимулировании репродуктивного поведения²⁵, которая разрабатывалась и претворялась в жизнь на основе алармистского подхода к демографии страны, в дискурсах упадка нации и необходимости ее возрождения. Одновременно вводился налог на малосемейных, холостяков и бездетных²⁶, взимание которого прекращалось после рождения ребенка.

С середины 1950-х гг. был запущен механизм отхода от жесткого государственного регулирования брачно-семейных отношений, в частности декриминализации производства аборт²⁷ и снятия запрета аборт²⁸.

²³ Жиромская В.Б. После революционных бурь: Население России в середине 20-х годов. 2-е изд., стер. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. С. 13–14.

²⁴ Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах» // СЗ СССР. 1936. № 34. Ст. 309.

²⁵ Указ Президиума ВС СССР от 8 июля 1944 г. (ред. от 07.05.1986) «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия — звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»» // Свод законов СССР. 1990. Т. 3. С. 138.

²⁶ Указ Президиума ВС СССР от 21 ноября 1941 г. (ред. от 25.12.1972) «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР» // ВВС СССР. 1941. № 42.

²⁷ Указ Президиума ВС СССР от 5 августа 1954 г. (с изм. от 13.04.1959) «Об отмене уголовной ответственности беременных женщин за производство аборта» // ВВС СССР. 1954. № 15. Ст. 334.

²⁸ Указ Президиума ВС СССР от 23 ноября 1955 г. (ред. от 13.04.1959) «Об отмене запрещения абортов» // ВВС СССР. 1955. № 22. Ст. 425.

В период 60-х годов предпринимается попытка унификации семейно-правовых норм²⁹, а затем на базе уже принятых союзных Основ законодательства о браке и семье проводится работа по принятию собственных семейных кодексов всех без исключения союзных республик, с использованием Кодекса РСФСР³⁰ в качестве модельного, но с учетом национальных традиций в этой сфере.

В Кодексе нашли отражение фундаментальные принципы: равноправие женщины и мужчины в семейных отношениях; равноправие граждан в семейных отношениях; охрана семьи государством; охрана и поощрение материнства. Устанавливалась регламентация всех тех видов брачно-семейных отношений, которые были отнесены «Основами» к ведению союзных республик, в том числе возможность снижения брачного возраста, последствия недействительности брака, право на обращение в суд с заявлением об установлении отцовства, порядок выявления согласия ребенка при усыновлении, правила усыновления, условия признания усыновления недействительным, условия отмены усыновления, последствия отмены, введение раздела о применении советского законодательства о браке и семье к иностранцам и лицам без гражданства, а также норм о браке и семье иностранных государств, международных договоров и соглашений и мн. др. Серьезные изменения претерпела и процедура расторжения брака, которая заключалась в возможности подачи заявления о разводе в органы ЗАГС и была обусловлена в том числе практикой судов по рассмотрению дел о расторжении брака³¹.

Отметим, что оба вышеуказанных акта стали последней крупной вехой в развитии советского института брака, которые задавали вектор развития всего семейного права вплоть до принятия в 1995 г. и введения в действие в 1996 г. ныне действующего Семейного кодекса РФ³². Советское государство продолжало осуществлять активную семейно-правовую политику в области демократизации семейной сферы, с одной стороны, и укрепления брачно-семейных ценностей, популяризации традиционных семейных ценностей, повышения престижа семьи — с другой.

Проведенный анализ ключевых правовых документов, а также практики их реализации позволяет утверждать, что исследование опыта правового регулирования семейных отношений может подсказать ответы на те вопросы, которые являются крайне актуальными в настоящее время. Особенно

²⁹ Закон СССР от 27 июня 1968 г. № 2834-VII (ред. от 05.03.1991) «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье» // ВВС СССР. 1968. № 27. Ст. 241.

³⁰ Закон РСФСР от 30 июля 1969 г. (ред. от 24.02.1987) «Об утверждении Кодекса о браке и семье РСФСР» // ВВС РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086.

³¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 февраля 1973 г. № 3 (ред. от 27.05.1998) «О некоторых вопросах, возникших в практике применения судами Кодекса о браке и семье РСФСР» // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1973. № 5.

³² Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16; 2024. № 48. Ст. 7212.

в кризисной ситуации, переживаемой сегодня современным западным обществом, связанной с разрушением института семьи, что неминуемо влечет за собой не только неблагоприятные демографические, но и духовно-нравственные последствия. В этих условиях сохранение России в качестве независимого и суверенного государства возможно лишь при условии укрепления институтов семьи и государства.

Максимова Н.А.,

доцент кафедры правовых дисциплин

Алтайского филиала

Российской академии народного хозяйства и государственной службы

при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),

кандидат юридических наук

(г. Барнаул, Алтайский край)

Литература

1. Жиромская В.Б. После революционных бурь: Население России в середине 20-х годов / В.Б. Жиромская. 2-е изд., стер. Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2019.
2. Иншаков О.В. Отражение эволюции института семьи в Русской Правде / О.В. Иншаков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3: Экономика. Экология. 2016. № 4 (37).
3. Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 томах. Т. 1 / Н.М. Карамзин. Москва : Наука, 1989.
4. Конвергенция частноправового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права : коллективная монография / К.А. Абдуллаев, А.В. Абрамова, Э.А. Абызова [и др.] ; ответственные редакторы : А.Н. Левушкин, Э.Х. Надысева. Москва : Юстицинформ, 2023.
5. Ленин В.И. О задачах женского рабочего движения в Советской республике // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 томах. 5-е изд. Т. 39. Июнь — декабрь 1919 / том подготовлен к печати И.М. Бутуловой ; редактор Ю.П. Шарапов. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1970.
6. Ленин В.И. Либеральный профессор о равенстве // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 томах. 5-е изд. Т. 24. Сентябрь 1913 — март 1914 / том подготовлен к печати М.Г. Власовой ; редактор К.А. Остроухова. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1973.
7. Ленин В.И. Международный день работниц // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 томах. 5-е изд. Т. 42. Ноябрь 1920 — март 1921 / том подготовлен к печати М.М. Вассером и Г.С. Жук ; редактор Ю.П. Шарапов. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1970.
8. Победоносцев К.П. Курс гражданского права : учебное пособие. В 3 томах. Т. 2. Права семейственные, наследственные и завещательные / К.П. Победоносцев ; под редакцией В.А. Томсинова. Москва : Зерцало-М, 2013.
9. Рейц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / А. Рейц. Москва : Университетская типография, 1836.
10. Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян / И.Я. Фроянов. Санкт-Петербург : Издательство СПбГУ, 1996.
11. Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / И.Ф.Г. Эверс. Санкт-Петербург : Тип. Штаба отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1835.

К вопросу о брачно-семейных отношениях в контексте современной государственной политики, нацеленной на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей

В начале настоящей статьи подчеркнем, что тема совместной конференции МГУ им. М.В. Ломоносова и Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), обозначенная как «Российская правовая система: в поисках национальной идентичности», актуальна. Как пишут Н.И. Матузов и А.В. Малько, «правовая система... это категория, отражающая всю правовую организацию общества, целостную правовую действительность», а национальная правовая система — «органический элемент конкретного общества, его истории, культуры, традиций, социального уклада, географического положения»¹. Правовая система каждого государства уникальна по-своему, а являющееся ее неотъемлемой частью «право неотделимо от культуры»², при этом особое значение приобретают ценности, формирующиеся в обществе. В «Послании Президента Федеральному Собранию» 2024 г. отмечается, что незыблемые «ценности любви, взаимной поддержки передаются в семье... так же как культура, традиции, история, нравственные устои»³. «Мы видим, что происходит в... странах, где сознательно разрушают нормы морали», а также фундаментальные «институты семьи», где «толкают целые народы к вымиранию», — констатирует Президент РФ и акцентирует внимание на том, что «мы выбираем жизнь», соответственно — «Россия была и остается оплотом традиционных ценностей, на которых строится человеческая цивилизация»⁴. В Указе Президента РФ 2021 г. «О Стратегии национальной безопасности РФ» важнейшим приоритетом названо сбережение народа России, подчеркнута необходимость уделять особое внимание поддержке семьи, материнству, отцовству и детству, инвалидам и пожилым гражданам, воспитанию детей, их всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию⁵.

¹ Цит. по: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права : учебник. М., 2004. С. 85, 88.

² Комаров С.А. Общая теория государства и права : учебник. 6-е изд., доп. СПб., 2001. С. 287.

³ Послание Президента Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. // Официальный сайт Администрации Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 01.11.2024).

⁴ Там же. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 01.11.2024).

⁵ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности РФ» // СПС ГАРАНТ.

В другом Указе Президента РФ 2022 г. «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» выделены деструктивные тенденции современного мира: насаждение «чуждой российскому народу и разрушительной для... общества системы идей и ценностей... включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание... естественного продолжения жизни... брака, многодетности...», а также «пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений»⁶. Сделан вывод о создании угрозы демографическому благополучию страны. Дается определение традиционным ценностям, они раскрываются как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие... единство»⁷. Знаменательно, что среди них названа крепкая семья.

Близится к завершению 2024 г., объявленный Указом Президента РФ «Годом семьи»⁸, тем не менее укрепление института семьи становится важнейшей задачей всей государственной политики, требующей мобилизации общественно-государственных (экономических, социальных, правовых) ресурсов на долгосрочную перспективу. Многие отечественные правоведы откликнулись на «импульс», данный в названных нормативно-правовых актах, и в своих исследованиях затронули целый спектр тем, касающихся семейных правоотношений, справедливо обратив внимание на то, что многие положения семейного права до сих пор являются дискуссионными. В частности, это касается таких базовых явлений, как «семья» и «брак», не раскрытых в форме отдельных понятий даже в Семейном кодексе РФ (СК РФ). Остановившись на этом, А.А. Мохов и Ю.А. Свиринов приводят два противоречивых мнения: одно из них принадлежит М.В. Антокольской, которая считает понятие семьи социологическим, а не правовым, не требующим выработки отдельной дефиниции; второе — Т.В. Шершень, заключающееся в том, что законодательное закрепление данного понятия необходимо⁹. Однако как не утихали, так и не утихают споры о том, что такое «семья». Многие авторы все чаще ссылаются на трансформацию современной семьи и представлений о ней, указывая на распространение в обществе такого явления, как «сожитительство», на что также обращают внимание А.А. Мохов и Ю.А. Свиринов, весьма справедливо

⁶ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС ГАРАНТ.

⁷ См.: Там же.

⁸ Указ Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // СПС ГАРАНТ.

⁹ Мохов А.А., Свиринов Ю.А. Новый подход к пониманию института семьи // Современное право. 2024. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».

ставя вопрос о том, является ли данная форма «реализации физическими лицами отдельных сходных функций семьей?»¹⁰. Они подчеркивают, что по закону «сожителство» не порождает идентичных зарегистрированному браку правовых последствий. Как известно, согласно ст. 1 СК РФ, признается брак, заключенный только в органах записи актов гражданского состояния. Применительно к обозначенной теме, И.А. Михайлова пишет, что, несмотря на это, в отношении «сожителства» (которое часто заменяется термином «гражданский брак», несмотря на то что последний исторически связан именно с фактом регистрации в государственном органе, не по религиозным¹¹ нормам), спорными остаются вопросы, связанные с механизмами, позволяющими приравнивать «фактические брачные отношения» (не зарегистрированные) к отношениям, возникшим на основе законного (зарегистрированного) брака. Указанный автор отмечает, что ученые в отношении этого вопроса придерживаются диаметрально противоположных позиций — от мнения о целесообразности и необходимости правового регулирования данного явления (И.А. Михайлова разделяет эту точку зрения) до активного отстаивания противоположного мнения о недопустимости этого со ссылкой на то, что приравнивание фактического брака к юридическому — это дискредитация брака (О.Ю. Косова, П.А. Якушев и др.). Подчеркивается, что именно этот второй подход превалирует среди науч-

¹⁰ Там же.

¹¹ Согласно документу «О канонических аспектах церковного брака», принятому на Архиерейском соборе Русской православной церкви в 2017 г., церковный брак (венчание) совершается после государственной регистрации брака. Из этого правила сделано лишь одно исключение — венчание до регистрации в органе ЗАГС допускается по причине подтвержденного медицинскими документами тяжелого заболевания, могущего привести к скорой кончине, или ввиду предстоящего участия в военных, а также иных действиях, связанных с риском для жизни, и при условии, что государственная регистрация брака в желаемые сроки невозможна (по благословению епархиального архиерея, а в безотлагательных случаях по решению священнослужителя с последующим докладом архиерею). В документе это обосновывается так: «“Брак есть союз мужчины и женщины, общность всей жизни, соучастие в божеском и человеческом праве” — гласит принцип римского права, вошедший и в... церковные правовые источники». См.: Сайт Московского патриархата РПЦ. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/rext/5075384.html> (дата обращения: 01.11.2024). Несложно заметить, что, несмотря на то что церковный брак для представителей христианской веры имеет приоритетное значение, церковь исходит из необходимости регистрации брака не только лишь в угоду требованиям государства, но и исходя из логики, что если человек не может взять на себя ответственность за судьбу второй половины и возможных детей, дав обещание перед обществом и государством, проявив гражданственность и приобретя общественно-государственные гарантии для своей будущей семьи, то нельзя с уверенностью сказать, что он сделает это перед церковью и Богом. Схожие суждения прослеживаются и в иных конфессиях. На сайте «Духовного управления мусульман РФ» в отношении регистрации брака находим утверждение: «Если... представитель власти потребует... регистрация станет обязательной, поскольку по шариату выполнение дозволенного становится шариатской обязанностью, если этого потребует представитель власти». URL: <https://dumrf.ru/islam/rites/1972> (дата обращения: 01.11.2024).

ного сообщества¹² (мы, в свою очередь, разделяем данную точку зрения). В своем исследовании И.А. Михайлова вспоминает о том, что в 2018 г. в Государственную Думу Федерального Собрания РФ уже вносился законопроект № 368962-7¹³, предусматривающий вариант признания за фактическими брачными отношениями юридических последствий, таких же, как и за отношениями, возникшими на основе зарегистрированного брака; однако данная попытка «легализации» не увенчалась успехом, зато вызвала широкий общественный резонанс и существенную критику, в частности по мотиву, что признание фактических браков (сожительства) не согласуется «с ценностью официально признанного союза мужчины и женщины»¹⁴ (заметим: имеется в виду официально признанное обществом по форме и содержанию, отраженного в праве и закрепленного в законодательстве, которые сами по себе связаны с категориями «ценности в праве» и «ценность права» как важнейшими регуляторами общественных отношений). Прошло время, и в 2024 г. мы обсудили иной законопроект № 539969-8¹⁵, затрагивающий тот же вопрос, но уже более узко, применительно не к гражданам России вообще, а к лицам, фактически состоявшим в брачных отношениях, погибшим, признанным безвестно отсутствующими или объявленным умершими в связи с участием в специальной военной операции (СВО) либо в связи с проживанием или временным пребыванием на территориях ее осуществления. Другая сторона отношений в этом случае будет иметь право, согласно законопроекту, установить факт состояния в брачных отношениях в суде в порядке особого производства, а в случае установления в суде наличия спора о праве — в порядке искового производства (в обоих случаях при условии: если мужчина и женщина проживали совместно не менее 3 лет или не менее 1 года при наличии совместного ребенка и вели общее хозяйство). Законопроект предусматривает, что установленный в судебном порядке факт состояния в брачных отношениях «является браком», о чем должны вноситься сведения в Единый государственный реестр ЗАГС. Сразу же отметим, что, с нашей точки зрения, особенно учитывая формулировку «является браком» (указанную выше), вызывает сомнение правильность перспективы внесения данной нормы именно в Гражданский кодекс РФ. Семейная правосубъектность «существенно отличается» от гражданско-правовой, в рамках нее важно «приобретение в первую очередь личных неимущественных субъективных прав и обязанностей в сфере брачно-семейных отношений», а «имущественные отношения строятся в семейном праве на иных... началах, нежели в гражданском», потому что они «подчиняются правовой регламентации личных

¹² Михайлова И.А. Гендерное неравенство в брачно-семейной сфере: формы проявления и возможности преодоления // Lex russica. 2022. Т. 75. № 8. С. 121–122.

¹³ Законопроект № 368962-7 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ См.: Михайлова И.А. Указ. соч. С. 121.

¹⁵ Законопроект № 539969-8 // СПС «КонсультантПлюс».

неимущественных отношений» (данные, ставшие классикой теоретические положения можно найти у В.Ф. Яковлева в работе «Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений»)¹⁶. Иными словами, недостаточно, чтобы лица пожили под одной крышей, ведя хозяйство, их отношения изначально должны были обладать признаками «семьи» (личными неимущественными в первую очередь). Понимая это, а также то, что отраслевым актом, закрепляющим базовые основы брачно-семейных отношений, является Семейный кодекс РФ, считаем правильным внесение подобного рода норм в первую очередь в него (если вообще таковое¹⁷ внесение в российское законодательство необходимо, что далеко не бесспорно). Помимо этого, содержание законопроекта № 539969-8 заставляет нас высказать ряд иных соображений. На них остановимся ниже.

В литературе имеются различные суждения, касающиеся предполагаемого нововведения (от одобрительных до негативных), и уже заявлен ряд конструктивных замечаний. Сошлемся на мнение И.Г. Прокофьева, высказанное «Адвокатской газете». Эксперт полагает, что «распространение нормы об установлении фактических брачных отношений только применительно к тем, кто состоял в таковых с участниками СВО, является несправедливым по отношению к другим гражданам», к тому же «не исключены ситуации, когда в суд может поступить... два аналогичных заявления от разных женщин, каждая из которых... состояла в... фактических брачных отношениях с участником СВО и имеет с ним совместных детей»¹⁸. Полагаем, данные замечания заслуживают внимания. В приведенном примере явно прослеживается «коллизия», конкуренция интересов нескольких женщин, а также детей; и вопрос о том, кому из них должен быть «отдан приоритет» в признании «официальности и законности» фактических брачных отношений, кому из них положена максимальная степень защиты прав и законных интересов как «признанной семьи», а кому нет, является крайне спорным. К тому же, возможна и иная ситуация. Например, один из супругов, находясь в зарегистрированном браке, долгое время не поддерживал фактические брачные отношения с другим супругом, но и не прибегал к процедуре расторжения вроде бы «на бумаге»

¹⁶ Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М., 2006 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Также вызывает сомнение с точки зрения юридической техники внедрение в федеральное законодательство, тем более в системообразующий кодифицированный акт, «привязки» к конкретному обстоятельству — «специальной военной операции», которая по своему характеру является временной мерой государственного военного реагирования на сложившуюся мировую ситуацию.

¹⁸ Цит. по: Зинаида Павлова «Сожительство смогут признавать браком после смерти одного из фактических супругов из-за участия в СВО» (экспертное мнение И. Прокофьева) (31.01.2024) // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/sozhitelstvo-smogut-priznat-brakom-posle-smerti-odnogo-iz-fakticheskikh-suprugov-iz-zachastiya-v-svo/> (дата обращения: 01.11.2024).

существующего, но «по факту» отсутствующего брака. При этом фактические брачные отношения поддерживались с другой женщиной, был рожден ребенок или дети (что может случиться и в момент нахождения человека на СВО). Обе женщины могут вообще не знать о существовании друг друга. Возникает закономерный вопрос: а получится ли на уровне общества игнорировать законный брак (с юридической точки зрения — точно нет), концентрируя все внимание на фактических отношениях (выясняя, с кем они реально есть, а с кем давно нет)? Тем временем причина возможности такой ситуации кроется в социально-нравственной допустимости максимально свободно вступать в отношения, не подтверждая факт отсутствия иного брака, не интересуясь наличием брака у другой стороны (имеют место «отношения на вере» или безразличие), а «разменной монетой» может стать судьба детей, рожденных от таких параллельных с официальными, но фактических отношений.

Особого внимания заслуживают случаи явки безвестно отсутствовавшего или объявленного умершим (мировая история изобилует примерами, когда человек возвращается из плена спустя продолжительное время). Весьма странной может выглядеть ситуация, в которой он обнаруживает «дома» теперь «законную» супругу с полным спектром прав и свобод. При этом человек (перед отправкой на СВО и в период отпусков) в брак с ней по своей воле так и не вступил, вполне возможно, наоборот, принял для себя решение растаться, полностью прекратив отношения. Не будет лишним напомнить, что специальная военная операция началась в 2022 и в 2025 гг. исполнится три года, как она осуществляется, в течение которых ее участник мог отсутствовать, даже не приезжая в отпуск к «фактической супруге» (заметим, многие зарегистрированные и продолжительные браки распадаются за время длительного отсутствия одного из супругов). Возникает вопрос: а должен ли он был заблаговременно «информировать» (когда и как) общественность о браке, в который юридически не вступал, и сообщать с кем именно? Вернувшись, он может обнаружить не только «супругу», на что не рассчитывал (за трехлетний период проведения специальной военной операции у человека могла возникнуть иная «фактическая семья»). Он может столкнуться с полным или частичным отсутствием своего имущества, которым ранее фактическая, а теперь «новая» законная супруга (с ней он, как полагал, расстался), вступив в наследство и став собственницей, свободно распорядилась. По своей сути это санкционированное правом игнорирование воли человека. Получается, что в случае явки гражданин будет вынужден по суду доказывать, что не состоял в браке и состоять в нем не намеревался, что с некогда фактической супругой расстался. Ему придется тратить время и ресурсы (если они вообще будут) на обеспечение защиты своих прав. А если к этому моменту у него возникнут проблемы со здоровьем, связанные с ранениями? С нашей точки зрения, все это способно нивелировать меры поддержки участников СВО,

реализуемые со стороны государства и общества. Возможна и иная ситуация, когда человек вернется инвалидом, прикованным к постели, не имеющим возможности в полной мере выразить свою волю (высокая степень парализации, нарушение речи и иных функций организма, нахождение в коме). Сможет ли он самостоятельно, своевременно и в полной мере отстоять свои права и законные интересы, особенно если иных родственников, кроме признанной в его отсутствие «фактической супруги», у него нет? Однако такая супруга после признания судом фактического брака будет иметь права, характерные для близкого родственника¹⁹. Можно упомянуть и иные риски, связанные с ситуациями, которые кажутся более экзотичными, но не значит, что не реализуемыми. Речь идет о правонарушениях, спланированных и даже подпадающих под действие уголовно-правовых норм. Мотивы для того, чтобы воспользоваться ситуацией у фактической супруги(га), могут быть самыми разнообразными, связанными с желанием завладеть имуществом, разделить или присвоить бизнес, и иными. Разумеется, можно возразить, сославшись на то, что мотивы могут быть и у законного супруга(ги). Однако разница очевидна — с фактическим супругом человек при жизни по каким-то причинам в брак не вступил, возможно в связи с недоверием. Нельзя исключить еще один риск, связанный с возможностью различного рода мошеннических схем, когда могут быть использованы списки погибших в корыстных интересах. К тому же законопроект не указывает на то, может ли фактический супруг быть гражданином иностранного государства, не имеющим или имеющим детей от умершего, безвестно отсутствующего или объявленного умершим (в данном случае дополнительно могут наличествовать мотивы, связанные с желанием таким образом «легализоваться» в стране; в то время как вопросы миграционной политики во всем мире являются острейшими). Безусловно, стремление законодателя обеспечить защиту детям, в том числе родившимся после смерти или исчезновения участника СВО, а также «фактическим супругам», планировавшим, но не успевшим зарегистрировать брачные отношения в предусмотренном законом порядке, объяснимо. Тем не менее риски, связанные с введением мер, предлагаемых законопроектом, весьма велики и непредсказуемы. Данные меры способны дважды создать дополнительную нагрузку на судебную систему — первый раз в случае установления факта нахождения в браке, а второй раз — в случае возникновения споров с иными

¹⁹ Только Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» предусматривает права супругов на информацию о состоянии здоровья лица в случае неблагоприятного прогноза развития болезни; на знакомство с медицинской документацией; заявление несогласия на изъятие органов и тканей для трансплантации; право на отказ от аутопсии; получение сведений, составляющих врачебную тайну после смерти гражданина и др. Это не считая иных норм как материального, так и процессуального права. См.: СПС «КонсультантПлюс».

субъектами, чьи права могут быть нарушены, даже с самим участником СВО в случае его явки.

С нашей точки зрения, если и говорить о возможности признания фактического брака, то в отношении ситуаций, сопряженных с высокой степенью риска для жизни. В первую очередь это действительно касается военнослужащих (но может быть в дальнейшем распространено на иных граждан, осуществляющих деятельность в условиях повышенного риска). Однако иметь право претендовать на признание брака должны не все. Разумно в Федеральном законе «О воинской обязанности и военной службе» и Федеральном законе «О статусе военнослужащих»²⁰ предусмотреть нормы, позволяющие не состоящему в законном браке гражданину при заключении контракта о прохождении военной службы указывать (по желанию) данные лица, которое в случае его гибели, признания безвестно отсутствующим или объявления умершим сможет считаться лицом, с которым он «намеревается вступить в брак» или «фактическим супругом», если указанное лицо это подтвердит, посредством подачи заявления в компетентный орган (полагаем, что в идеале таковым должен все равно являться суд). Следует установить, что если такое лицо гражданином не названо, то в случае его гибели или исчезновения никто не может претендовать на приобретение статуса законной супруги(га) и признание фактического брака (даже по суду). В последнем случае вопрос может решаться только об установлении отцовства в отношении ребенка или детей, рожденных в результате сожителства их родителей.

Учитывая современные тенденции, нам кажется перспективным направлением развитие дистанционных методов регистрации брака, заключения и прекращения сделок. В 2022 году мы писали²¹, что считаем важным создание условий для осуществления нотариальных действий в цифровой форме с применением дистанционных технологий (использованием защищенных каналов связи). Мы обращали внимание на то, что, несмотря на положение ст. 1124 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ), согласно которому не допускается составление завещания с использованием электронных либо иных технических средств, в некоторых случаях это необходимо. Согласно ст. 1127 ГК РФ (завещания, приравненные к нотариально удостоверенным), функция по удостоверению завещаний возлагается, в частности, на главных врачей, их заместителей, дежурных врачей больниц, госпиталей и иных медицинских учреждений, на капитанов судов во время плавания, командиров воинских частей и др. Мы обращали внимание на то, что эта норма

²⁰ Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (ред. от 02.10.2024) «О воинской обязанности и военной службе», Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О статусе военнослужащих» // СПС ГАРАНТ.

²¹ См.: Михайлова А.С. Дистанционное участие в удостоверении завещаний в соответствии со ст. 1127 Гражданского кодекса РФ как одно из возможных направлений расширения системы электронного нотариата // Бюллетень нотариальной практики. 2022. № 2. С. 46–48.

связана с тем, что в ряде случаев невозможно присутствие нотариуса. Однако прогресс не стоит на месте, и развитие технологий может обеспечить участие нотариуса и даже нескольких в процессе удостоверения завещания главврачом госпиталя или командиром воинской части, что увеличит степень защиты прав и интересов завещателя. Полагаем, еще большую актуальность это приобретает в условиях проведения специальной военной операции. С нашей точки зрения, перспективной мерой может стать обеспечение участнику СВО возможности вступить в брак дистанционно (что дополнит имеющиеся нормы, позволяющие заключать брак в сокращенные сроки, согласно ст. 11 Семейного кодекса (СК) РФ и ст. 27 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»)²². Важной становится возможность дистанционного удостоверения наследственных и брачных договоров, ряда иных сделок. Более того, необходимо обеспечение полноценного взаимодействия с адвокатским сообществом, в том числе в рамках оказания бесплатной юридической помощи.

Возвращаясь к дискуссии более широкого порядка, касающейся предложения о закреплении возможности по суду устанавливать факт нахождения в браке, не только применительно к ситуации, связанной со специальной военной операцией, а вообще, снова обратим внимание на ряд аргументов, приведенных И.А. Михайловой. Автор указывает, что в отношениях именно «женщина вынуждена мириться с навязанной ей моделью внебрачной связи» со ссылкой, что исторически «регистрация брака осуществляется исключительно по инициативе и желанию мужчины»²³. В отношении приведенных аргументов могут быть все же выдвинуты и контраргументы. Сложно согласиться с тем, что в современном мире регистрация брака происходит исключительно по инициативе и желанию мужчины. Несмотря на преобладание исторически сложившейся традиции, когда мужчина проявляет инициативу, возможна и иная ситуация, когда инициатором становится женщина, к тому же в силу прямого указания ст. 19 Конституции РФ мужчина и женщина имеют равные права и свободы, равные возможности для их реализации (поэтому приведенный исследователем пример социальный, исторический, морально-этический, но не чисто правовой). Вызывает сомнение утверждение, что «женщина вынуждена мириться с фактическим браком»²⁴. Полагаем, что у нее (как и у мужчины) всегда имеется право вообще не вступать в незарегистрированные отношения (если в перспективе не считает их приемлемыми для себя) или прекратить их. У дееспособного лица, согласно ст. 21 ГК РФ (с нашей точки зрения, до достижения 18-летнего возраста говорить о факти-

²² Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об актах гражданского состояния» // СПС ГАРАНТ.

²³ Михайлова И.А. Указ. соч. С. 122–123.

²⁴ Там же.

ческом браке как о норме вообще не стоит), всегда есть право выбора либо соглашаться на «сожительство», либо нет (как на любые общественные отношения). В случае согласия обе стороны, будучи полностью дееспособными, безусловно, берут на себя ответственность и принимают на себя все риски, связанные с последствиями отказа от регистрации брака²⁵. Соответственно, о вынужденности женщины мириться с «сожительством» можно говорить как о реальной проблеме только в том случае, если ее воля была тем или иным образом изначально парализована, например в случаях понуждения к заключению брака, в том числе насильственными методами, как со стороны мужчины, так и со стороны кого бы то ни было. Однако в данном случае следует говорить уже об иной квалификации сложившихся отношений, как и о том, что в отношении лиц принуждающих всегда должна существовать строгая ответственность. Полагаем, это единственный случай, когда фактический брак (для лиц, чья деятельность не сопряжена с высокими рисками для жизни, как в описанных выше случаях) должен подлежать признанию по суду, если женщина (тот, кто был принужден) этого захочет. Во всех остальных случаях вопрос заключения брака должен решаться добровольно, по свободному взаимному согласию лиц. Нам не кажется правильным введение нормы, позволяющей признавать «сожительство» браком после смерти одного из супругов, независимо ни от каких сроков (иначе нарушится право сожителя на защиту своих прав, законных интересов, отстаивание своего мнения).

Часто говорят, что существует «вакуум» в регулировании «сожительства». С нашей точки зрения, прослеживается иное: одна часть общества выбирает для себя закрепленный семейным правом режим брака и семьи (следует выработанной обществом, закрепленной в законе правовой модели); другая часть общества отказывается от предложенной государством правовой модели и «изобретает» некую «конструкцию» из гражданско-правовых средств (индивидуальную и порой не предсказуемую), используя в первую очередь не семейно-правовые, а гражданско-правовые методы регулирования. Вспомним В.Ф. Яковлева, анализировавшего особенности правового метода и предмета каждой из отраслей права, отметившего, что в семейных отношениях к личным «подтягиваются» имущественные; а вот «нормы гражданского права», наоборот, «свидетельствуют о том, что в большинстве своем они рассчитаны на регулирование имущественных отношений, которые

²⁵ Напомним, что регистрация заключения и прекращения брака четко обозначает сроки такого длящегося юридического факта, как брак; позволяет однозначно говорить о правах и обязанностях супругов и их детей, заранее обозначая выработанную обществом и закрепленную в законе модель. Это «маркер» для любого правоприменителя, позволяющий сразу же установить наличие брака как факта, а не пытаться выяснить некие «фактические отношения» сторон. Это избавляет от необходимости их доказывать, загружая административный и судебный ресурс, от дополнительных трат, которые могут быть весомыми (государственные пошлины, экспертизы, плата за юридические услуги и (или) медиацию и т.д.).

преобладают в составе предмета» и это «они «притягивают» к себе неимущественные»²⁶. Семья и брак не случайно являются категориями семейного права, имеющего яркую специфику. Существует зависимость метода правового регулирования (и средств) от предмета, которую нельзя игнорировать. Ключевой вопрос заключается в том, почему стороны в ряде случаев отказываются от семейно-правовой модели, переводя ее в совершенно иную плоскость — стихийно сложившейся модели по сути гражданско-правовой. Снова сошлемся на данные, приведенные И.А. Михайловой²⁷: автор справедливо обращает внимание на то, что граждане, состоящие в «сожительстве», при опросах по-разному идентифицируют свою роль в отношениях. В целом, эти ответы можно разделить на две группы: 1) сожители, которые взаимно идентифицируют свои отношения (сожительство) как «семью», при этом они в разной степени активности регулируют свои имущественные отношения гражданско-правовыми средствами (полагаем, что к данной группе могут быть отнесены две категории пар — для первой это вопрос осознанного выбора и согласованных ролей, для второй — следствие недостаточной правовой грамотности и осведомленности в отношении последствий, в том числе из-за нежелания эту информацию получать, безразличия к ней); 2) сожители, которые в паре по-разному определяют свою роль по отношению к другому и по-разному идентифицируют свои отношения — для одного сожителя это семья, а для второго из них нет (И.А. Михайлова приводит²⁸ примеры характерного поведения одного из таких супругов — это желание избежать брака, его последствий, ответственности, связанной с ним; что говорит о «маргинальном поведении», с выраженной готовностью поступиться правами и интересами своего сожителя). С нашей точки зрения, такая градация вскрывает суть. В отношении первой категории граждан, для которой это осознанный взаимный выбор, причина заключается в удобстве для них той или иной модели. В данном случае на первый план выходят вопросы, связанные с важностью своевременной оптимизации семейно-правового механизма регулирования, а также создания правовых стимулов для выбора семейно-правовой модели отношений²⁹. В двух других случаях на первый план выходят вопросы, связанные с правовым просвещением и воспитанием, правосознанием и культурой, основанной на важнейших ценностях общества, о которых шла речь выше. Вспомним слова В.А. Рыбакова о том, что «формирование правового государства... невозможно без... правового воспитания», которое представляет собой «обусловленное характером обществен-

²⁶ Яковлев В.Ф. Указ. соч.

²⁷ Михайлова И.А. Указ. соч. С. 121.

²⁸ См.: Там же. С. 123.

²⁹ А.А. Мохов и Ю.А. Свиринов очень кстати приводят в пример точку зрения К.П. Победоносцева, считавшего, что важно «побуждать людей к заключению брака». См.: Мохов А.А., Свиринов Ю.А. Указ. соч.

ных отношений организационно-идеологическое воздействие на сознание и психологию людей с целью формирования и повышения их правосознания для обеспечения правомерного, ответственного, социально активного поведения», а правовая активность — «это высший уровень правомерного поведения личности»³⁰. Решение вопросов, связанных с созданием условий для того, чтобы граждане избирали правовые, адекватные предмету, методы и средства для регулирования своих отношений, требует не только оптимизации механизмов правового регулирования и обеспечения стимулирующих условий, в том числе социально-экономических. Важны просвещение, знание правовых норм и понимание их ценности, закрепление в обществе уважения к государству и праву; воспитание молодого поколения (начиная с детского возраста, дошкольного и школьного) в духе истинных ценностей отечественной культуры.

Михайлова А.С.,

доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Государственного социально-гуманитарного университета,
кандидат юридических наук
(г. Коломна, Московская область)

Литература

1. Михайлова И.А. Гендерное неравенство в брачно-семейной сфере: формы проявления и возможности преодоления / И.А. Михайлова // Lex russica (Русский закон). 2022. Т. 75. № 8.
2. Мохов А.А. Новый подход к пониманию института семьи / А.А. Мохов, Ю.А. Свиригин // Современное право. 2024. № 1.
3. Рыбаков В.А. Избранные труды по гражданскому праву / В.А. Рыбаков. Коломна : Инлайт : Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2013.
4. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В.Ф. Яковлев. 2-е изд., доп. Москва : Статут, 2006.

³⁰ Избранные труды по гражданскому праву / В.А. Рыбаков. Коломна, 2013. С. 304, 245, 234.

Законодательная конструкция злоупотребления правом

Наличие самой оптимальной детализации и четкости правовой регламентации границ реализации личностных гражданских прав на практике не в состоянии упредить все потенциальные проявления социально недопустимых способов, средств и целей реализации соответствующих прав.

Иными словами, даже самое скрупулезное законодательное регламентирование вопроса границ реализации того либо иного права индивида не в состоянии исключить ситуации, когда он, реализуя определенное личностное право, опираясь на него, осуществляет действия, непосредственно не запрещенные законом, но выходящие за рамки законодательного регламентирования, тем самым противореча цели и назначению соответствующего права, что предопределяет наличие законодательного введения принципа запрета злоупотребления правом.

Указанный принцип базируется на положениях основного закона нашего государства, гласящих, что реализация прав и свобод индивида не должна нарушать права и свободы иных индивидов¹; законодательное отражение задекларированных конституционных положений содержится в п. 1 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) и ряде других федеральных законов, регламентирующих другие виды отношений.

Так, согласно установлениям п. 1 ст. 10 ГК РФ, не допускаются действия индивидов и организаций, реализуемые исключительно с намерением причинить вред другому индивиду, в равной степени злоупотребление правом в других формах.

В практической деятельности наличествует многообразный потенциал действий, которым в той или иной степени свойственны параметры недопустимого превышения личностных гражданских прав индивидом, выражающиеся по преимуществу в законодательных запретах. Оттого положения ст. 10 ГК РФ содержат базовые установления принципа, устанавливающего общие требования к индивидам, — не злоупотреблять своими правами.

Поскольку указанный выше принцип выступает непосредственно действующим, постольку всякие действия, непосредственно законом не обозначенные как запрещенные, но в то же время злонарушающие права сторонних по отношению к индивиду лиц, будут определяться в качестве правового нарушения в силу злоупотребления правом. Оттого параметр юридическо-

¹ Часть 3 ст. 17 Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.

го свойства для признания действия, непосредственно не запрещенного законом, гражданским правовым нарушением в контексте правового злоупотребления должен расцениваться как принцип реализации гражданских прав².

В связи с чем потенциал использования юридического принципа в качестве общеобязательного параметра для трактовки правомерности либо неправомерности поведения индивидов обретает законный юридический базис. При этом, как установлено законом, гражданские права могут образовываться вследствие действий индивидов и фирм, которые, может, и не предусмотрены законом, но ввиду общих начал и смысла гражданского закона обуславливают их образование³. Итак, по воле законодателя правовое злоупотребление явствует собой гражданское правовое нарушение, совершенное правомочным индивидом при реализации принадлежащих ему личностных прав, сводящееся к применению им конкретного формата его реализации, противоречащей социальному назначению права, и нацеленное на причинение вреда стороннему индивиду⁴. Иными словами, правовое злоупотребление выражается в таком формате реализации личностного гражданского права, при котором цели реализации противоречат существу соответствующего права, то есть реализуются недобросовестно. Оттого любое правовое злоупотребление — суть противоречия социальному назначению личностного гражданского права.

В гражданско-правовой доктрине на сегодняшний день существует полемика относительно понимания термина «злоупотребление правом», а именно понимание данной дефиниции в узком и широком смыслах. Сторонники первого подхода сводят злоупотребление правом к шикане.

В подтверждение своей позиции они приводят два основных аргумента:

— теория злоупотребления правом не должна являться способом регулирования коллидирующих прав или средством устранения пробелов в праве;

— расширительное толкование злоупотребления правом может привести к судебному произволу⁵.

Согласиться с данными аргументами затруднительно, поскольку, как известно, все аспекты гражданского оборота нельзя охватить правом.

Приверженцы второго подхода рассматривают злоупотребление правом несколько шире, что представляется более правильным, поскольку это

² Эрделевский А.М. О некоторых вопросах злоупотребления правом // Закон. 2022. № 10. С. 11.

³ Пункт 2 ст. 6, пункт 1 ст. 8 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 16.04.2022 № 99-ФЗ) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁴ Османова Д.О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве) : монография / под ред. О.А. Беляевой. М. : Юстицинформ, 2020. С. 34.

⁵ Гончаров Д.В. Содержание термина, злоупотребление правом, проблема пресечения злоупотребления правом // Вестник Международного юридического института. 2022. № 3. С. 63.

особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения.

Таким образом, правовое злоупотребление характеризуется такими ключевыми свойствами, как:

- наличие у лица определенного права. Злоупотребить или выйти за границы права может только то лицо, которое этим правом обладает;

- само злоупотребление выступает одной из форм противоправного поведения, так как в процессе нарушаются пределы осуществления прав, что запрещено законодательством;

- само злоупотребление выражается в активном поведении лица при реализации своего права;

- недобросовестность при осуществлении права. Как правило, в данной ситуации лицо заведомо знает, что выходит за границы дозволенного и желает ущемления права другого лица. Следовательно, у злоупотребляющего лица имеется умысел в недобросовестной реализации своих гражданских прав;

- негативные последствия — нарушение границ при реализации своих прав нарушает чьи-то права или интересы, а также причиняет вред или создает условия для его причинения другому лицу, что, в свою очередь, несет негативные последствия для лица, допустившего злоупотребление правом;

- есть сторона, которая пострадала от злоупотребления правом со стороны другого лица⁶.

Опасность правового злоупотребления сводится к тому, что оно существенно нарушает интересы добросовестной стороны и наносит ущерб ее выгоде. При этом недобросовестная сторона получает выгоду за счет добросовестной стороны⁷.

Разновидности правового злоупотребления вкратце перечислены законодателем в ст. 10 ГК РФ, а именно:

- причинение вреда стороннему индивиду;
- действия в обход закона для достижения противоправной цели;
- реализация права для цели ограничения конкуренции;
- реализация права для цели занятия доминирующего положения на рынке;

- иная заведомо недобросовестная реализация гражданского права⁸.

⁶ Несынова М.С. Проблема злоупотребления правом в гражданском праве / М.С. Несынова, Е.А. Очеретько // Наука молодых — будущее России. 2023. С. 172.

⁷ Гончаров Д.В. Содержание термина, злоупотребление правом, проблема пресечения злоупотребления правом // Там же. С. 67.

⁸ Пункт 1 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 16.04.2022 № 99-ФЗ) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Сообразно субъективной стороне ситуации правового злоупотребления делятся на две категории:

— злостное применение превышенного права, реализуемое в форме действия исключительно с намерением причинить ущерб стороннему индивиду: так называемая «шикана»;

— злостное применение превышенного права, реализованное в отсутствии намерения причинить ущерб, но по объективным причинам причиняющее ущерб стороннему индивиду⁹.

Первая категория представлена правовым нарушением, реализованным индивидом с прямым умыслом на причинение ущерба стороннему индивиду; второй свойственен косвенный умысел либо неосторожность. Квалификационное деление второй категории находится в зависимости от анализа объективных и субъективных факторов конкретной ситуации. Однако при любом варианте нужно установить цель конкретного действия индивида по реализации своего гражданского права и наличие противоречий в ее достижении, определенных законом. То есть требуется доказать правовое злоупотребление, основываясь на факте реализации права в противоречии с его назначением.

Действия в обход закона законодателем не раскрываются. Как представляется, речь в данной ситуации может идти о действиях, в первую очередь в виде сделок, явно нарушающих закон. Так, согласно позиции высшей судебной инстанции, «к сделке, реализованной в обход закона с противоправной целью, необходимо применять положения гражданского законодательства, в обход которых она была реализована, а именно: подобная сделка может быть признана недействительной на базе ст. 10 и п. 1, 2 ст. 168 ГК РФ. При специальном основании недействительности, отмеченном в законе, подобная сделка признается недействительной по соответствующему основанию (примером могут служить положения ст. 170 ГК РФ)»¹⁰.

Реализация права для цели ограничения конкуренции подразумевает наличие таких свойств указанного института, как:

— минимизация количества фирм, не входящих в одну группу лиц, на товарном рынке;

— повышение или понижение цены реализуемой продукции, не обусловленные рыночными трансформациями;

— отказ фирм, не входящих в одну группу лиц, от самостоятельных действий на рынке;

⁹ Османова Д.О. Указ. соч. С. 35.

¹⁰ Пункт 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

— установление общих условий обращения продукции на рынке соответственно заключенным соглашениям между фирмами, либо соответственно обязательным для исполнения, установленным данными фирмами указаниям, либо по итогам согласовательных действий кооперации фирм;

— создание иных факторов, формирующих потенциал для фирм и их коопераций в одностороннем порядке влиять на общие условия обращения продукции на рынке;

— установление государственными либо местными органами власти, фирмами, принимающими участие в оказании государственных или муниципальных услуг, при участии в оказании подобных услуг требований к продукции либо фирмам, не предусмотренных законодательством России¹¹.

Реализация права для цели занятия доминирующего положения на рынке подразумевает такое занятие положения, при котором положение фирмы либо кооперации фирм на рынке конкретной продукции предоставляет им право оказывать решающее влияние на общие требования обращения продукции на соответствующем рынке, либо ликвидировать с данного рынка фирмы-конкуренты, либо осложнять для иных фирм доступ на соответствующий рынок¹².

Фактические разновидности иной заведомо недобросовестной реализации гражданского права нарабатываются судебной практикой.

При этом любой формат правового злоупотребления влечет для нарушителя определенные правовые последствия, к числу которых законодатель в первую очередь относит:

- отказ в определенном способе защиты;
- лишение правомочий на итог, достигнутый посредством правового злоупотребления в процессе реализации права;
- лишение личностного гражданского права в целом;
- обязанность компенсации убытков;
- признание сделки недействительной и т.д.¹³.

При этом правовое злоупотребление необходимо отличать от иных разновидностей правовых нарушений, нацеленных на причинение вреда во зло иному индивиду. В частности, это касается конкретных составов института защиты конкуренции, где правовые злоупотребления доминирующим положением на рынке выступают первопричиной ограничения конкуренции и ущемления интересов иных фирм. При наличии подобных составов применяется специальное законодательство, устанавливающее соответствующие санкции, в первую очередь положения закона о защите конкуренции.

¹¹ Пункт 17 ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (с изм. и доп. от 29.12.2022 № 620-ФЗ) // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3434.

¹² Там же. Ст. 5.

¹³ Пункт 2 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 16.04.2022 № 99-ФЗ) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

В целом не вызывает сомнений тот факт, что во всех ситуациях правового злоупотребления ключевую роль играет судебное усмотрение, без которого отсутствует потенциал претворения в практику принципов индивидуализации ответственности и справедливости наказания.

Таким образом, принцип запрета правового злоупотребления гласит, что в гражданском обороте не допускается реализация личностных гражданских прав лишь с намерением причинить ущерб либо нарушить законодательные установления. Базисом наличия правового злоупотребления выступает недобросовестное поведение правомочного индивида.

Суть данного принципа сводится к выходу за границы дозволенной реализации личностного гражданского права под влиянием субъективных интересов, что повлекло нарушение прав иных индивидов, социума и государства. При этом данный принцип приводится в действие исключительно при отсутствии законодательно установленной ответственности за совершенные действия. В числе общих последствий правового злоупотребления выступает отказ суда в защите права.

Мицык Г.Ю.,

старший научный сотрудник кафедры юриспруденции
юридического факультета Тверского института (филиала)
Московского гуманитарно-экономического университета,
кандидат юридических наук
(г. Тверь)

Литература

1. Гончаров Д.В. Содержание термина, злоупотребление правом, проблема пресечения злоупотребления правом / Д.В. Гончаров // Вестник Международного юридического института. 2022. № 3.
2. Несынова М.С. Проблема злоупотребления правом в гражданском праве / М.С. Несынова // Наука молодых — будущее России : материалы 8-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых (г. Курск, 12–13 декабря 2023 г.) : сборник научных статей. В 8 томах. Т. 4. Часть 2. Юриспруденция. Государство / ответственный редактор А.А. Горохов. Курск : Университетская книга, 2023.
3. Османова Д.О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве) : монография / Д.О. Османова ; под редакцией О.А. Беляевой. Москва : Юстицинформ, 2020.
4. Эрделевский А.М. О некоторых вопросах злоупотребления правом / А.М. Эрделевский // Закон. 2022. № 10.

Несоответствие некоторых аспектов российского законодательного регулирувания опеки и попечительства международным стандартам

В России цель применения опеки — защита прав и интересов подопечных в некоторых случаях оборачивается нарушением их прав. Наиболее часто такие нарушения и злоупотребления происходят в случаях, когда обязанности опекунов (попечителей) возлагаются на директоров и сотрудников интернатов и организаций, в которые подопечные помещены под надзор, при отсутствии должного контроля за их деятельностью.

Например, главный врач В.Г. Бабанов оформил на свой личный счет в депозитарии акции ОАО «Газпром», приобретенные им на приватизационные чеки, полученные за пациентов психиатрической больницы. Полномочия В.Г. Бабанова были предусмотрены законом и вытекали из его служебного положения (Постановление Президиума ВАС РФ от 23 апреля 2007 г. № 16209/06).

Возложение обязанностей опекунов или попечителей на организации и учреждения, в которые подопечные помещены под надзор, может являться также препятствием для осуществления прокурором надзора за исполнением обязанностей опекунов или попечителей, о чем свидетельствуют примеры судебной практики. Определением ВС РФ от 22 августа 2008 г. № 78-Впр08-24 было признано отсутствие возможности обращения в суд прокурора в защиту интересов недееспособного лица, так как у него есть опекун — психоневрологический интернат. В соответствии с п. 3 ст. 36 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ) опекуны и попечители обязаны заботиться о содержании своих подопечных, об обеспечении их уходом и лечением, защищать их права и законные интересы, следовательно, обязанность по защите прав подопечной Г. лежит на психоневрологическом интернате № 4 — ее законном представителе. При этом причиной обращения прокурора в суд послужили результаты проведенной проверки, в ходе которой было установлено, что проживающая в интернате недееспособная Г. не обеспечивается техническими средствами реабилитации.

Еще одним примером злоупотреблений выступает случай признания старшей медицинской сестры ГБУ РХ «Абазинский психоневрологический интернат» Н.М. Голощаповой виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 Уголовного кодекса РФ (УК РФ), и назначения наказания с применением ст. 64 УК РФ в виде штрафа в размере

тридцати тысяч рублей. По делу установлено, что старшая медицинская сестра, назначенная опекуном над пятью недееспособными гражданами, помещенными в Интернат, совершила умышленное преступление — мошенничество из корыстной заинтересованности, выразившейся в желании совершить хищение путем обмана денежных средств, принадлежащих недееспособным гражданам, находящимся на социальном обслуживании Интерната, с использованием своего служебного положения. Н.М. Голощапова выносила на заседания совета предложения о необходимости приобретения одежды для ее подопечных. После чего на основании решений совета снимала и похищала с лицевых счетов недееспособных граждан принадлежащие им денежные средства на общую сумму 69 000 руб.

Следует отметить, что спецификой данной категории дел является редкость обращения таких граждан в судебные инстанции. О многих злоупотреблениях сведения до судов не доходят, поскольку попытки недееспособных лиц, помещенных в организации, обратиться в государственные и муниципальные органы, правозащитные организации и суды пресекаются сотрудниками этих организаций, письма и обращения не направляются адресатам, а приобщаются к личному делу или медицинской карте¹.

В европейской и в отечественной доктрине выработана единообразная позиция, в соответствии с которой наиболее серьезную проблему [в аспекте соответствия российской правовой системы Конвенции о правах инвалидов] в настоящий момент представляет назначение директоров и сотрудников интернатов и организаций, в которые недееспособные и ограниченно дееспособные лица помещены под надзор опекунами и попечителями этих лиц. Такой ситуации, как в России, нет уже ни в одном европейском государстве. В России интернаты представляют, с одной стороны, услуги по лечению, надзору, питанию, уходу, а, с другой стороны, являясь опекунами или попечителями, сами себя контролируют в предоставлении этих услуг, что является нарушением и принципов гражданского права, и прав человека. Эти функции необходимо разделить. В европейских государствах организации и сотрудники организаций, в которые помещены инвалиды, *не могут осуществлять представительские полномочия* в отношении этих инвалидов, потому что возможен конфликт интересов².

В связи с многочисленными нарушениями прав подопечных в России необходимо закрепить в ГК РФ возможность назначения *внешних опекунов и попечителей*, как это предусмотрено в первоначальной версии законопроекта

¹ См.: Недееспособность и опека (Вопросы и ответы) / Ю.Н. Аргунова. М.: Грифон, 2013.

² Подроб. см.: Интервью к.ю.н., профессора Свободного университета Амстердама М.В. Антокольской «В Германии, Бельгии, Чехии, Дании нет такого понятия, как полная недееспособность. Что должна сделать Россия, чтобы выполнить Конвенцию ООН о правах инвалидов». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4408203>

«о распределенной опеке»³. Обязанности по осуществлению поиска кандидатов на роль опекунов (попечителей), а также функции по оказанию помощи опекунам (попечителям) — физическим лицам целесообразно возлагать не только на органы опеки и попечительства, которые не справляются с ними из-за перегруженности, но и на некоммерческие организации.

Еще одной проблемой является то, что закрепленное в п. 1 ст. 39 ГК РФ регулирование норм о том, что при помещении подопечного под надзор в образовательную, медицинскую или иную организацию орган опеки и попечительства *освобождает ранее назначенного опекуна или попечителя* от исполнения им своих обязанностей, *если это не противоречит интересам подопечного*, не находит применения на практике, в связи с чем нуждается в более четком изложении позиции законодателя по данному вопросу⁴.

Судебная практика выявляет случаи, когда опекун по состоянию здоровья не может осуществлять все возложенные на него обязанности и обращается с заявлением в органы опеки и попечительства с просьбой оказать ему содействие либо поместить подопечного в организацию или интернат, при этом желая оставаться опекуном. Однако органы опеки и попечительства довольно часто, не разобравшись в ситуации, не выяснив, что опекун хотел бы забирать подопечного из организации на выходные, проводить с ним время, организовывать его досуг, неправомерно применяют п. 2 комментируемой статьи о том, что опекун может быть освобожден от исполнения своих обязанностей по его просьбе.

Например, Апелляционное определение Московского городского суда от 30 марта 2016 г. по делу № 33-11146/2016, в котором бабушка несовершеннолетнего внука заявила, что под диктовку представителя органа опеки и попечительства она и внук написали заявления с целью устройства внука в школу-интернат, вследствие чего ее освободили от обязанностей опекуна по ее просьбе на основании данных заявлений (руководствуясь п. 2 ст. 39 ГК РФ), несмотря на то что она не имела намерения отказываться от обязанностей опекуна и была введена в заблуждение представителем органа опеки и попечительства (в Апелляционном определении Ростовского областного суда от 27 февраля 2014 г. № 33-2453/2014 по делу № 33-2453/2014 отражена аналогичная ситуация).

В качестве еще одного примера можно привести решение от 26 февраля 2020 г. по делу № 2А-446/2020 Красноармейского районного суда г. Вол-

³ Заблоцкис Е.Ю. Опека и попечительство над недееспособными и ограниченно дееспособными — ожидания законодательных изменений // Модернизация гражданского законодательства : сборник материалов к XIV Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / ред. колл. : В.М. Жуйков, О.В. Гутников, С.А. Синицын, М.Л. Шелютто ; Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правительстве Российской Федерации. М. : Статут, 2020. 266 с.

⁴ Там же.

гограда Волгоградской области об отказе гражданке Маркосян в удовлетворении административного искового заявления к Администрации Советского района Волгограда о признании незаконным постановления администрации об отказе в назначении ее опекуном недееспособного сына. В данном деле заявительница указала, что ее недееспособный сын в настоящее время находится в ГБССУ СО ГПВИ «Волгоградский дом-интернат для престарелых и инвалидов», поскольку она по состоянию здоровья и в силу пенсионного возраста не может самостоятельно ухаживать за сыном, у которого тяжелое заболевание и инвалидность. Однако данный факт не влияет на ее желание участвовать в жизни сына, как мать, она имеет право быть его опекуном и собирается исполнять обязанности опекуна, связанные с защитой его прав и законных интересов. Назначение вторым опекуном предоставит ей законные полномочия по взаимодействию с интернатом, контролю за деятельностью по обеспечению ее сына необходимыми вещами и качеством питания. Назначение вторым опекуном положительно скажется на жизни ее сына в интернате. В 2014 году наблюдалось негативное отношение к ее сыну со стороны персонала ГБССУ СО ГПВИ «Волгоградский дом-интернат для престарелых и инвалидов», в связи с чем она обращалась в орган опеки и попечительства, а также в Министерство здравоохранения с жалобой. Назначение вторым опекуном позволит исключить недобросовестное отношение к ее сыну со стороны персонала, получать данные из его истории болезни и направлять его на дополнительные обследования в иные медицинские учреждения.

Отказывая матери в назначении ее вторым опекуном сына, суд руководствовался в том числе ч. 4 ст. 35 ГК РФ, п. 5 ст. 11 закона об опеке и попечительстве, в которых установлено, что недееспособным гражданам, помещенным под надзор в организации, оказывающие социальные услуги, и иные организации опекуны или попечители не назначаются. Исполнение обязанностей опекунов или попечителей возлагается на указанные организации. Суд посчитал, что администрация Советского района Волгограда, действуя в пределах предоставленных полномочий и руководствуясь действующим законодательством (ч. 4 ст. 35 ГК РФ, п. 5 ст. 11 закона об опеке и попечительстве), правомерно отказала матери в установлении второй опеки над совершеннолетним недееспособным сыном, проживающим в стационарном учреждении социального обслуживания, которое в силу закона исполняет обязанности опекуна в отношении последнего.

Также суд указал, что доводы матери о том, что в результате принятого решения нарушено ее право на участие в бытовой жизни сына, в контроле за состоянием его здоровья, обеспечении его необходимыми вещами и питанием, не опровергают законности оспариваемого решения, поскольку опека устанавливается в интересах опекаемого по основаниям и в порядке,

установленным законом об опеке и попечительстве, и не может расцениваться как единственное основание для общения матери с недееспособным сыном, для защиты его прав и законных интересов, участия в его повседневной бытовой жизни и контроле за состоянием здоровья, а нарушение этих прав подлежит защите иными, предусмотренными законом способами.

В связи с неправомерным отказом суда в назначении матери вторым опекуном ее сына следует обратить внимание, что в ч. 7 и 8 ст. 10 закона об опеке и попечительстве установлена возможность назначения нескольких опекунов или попечителей одному подопечному. На практике, как правило, эта возможность реализуется только в случаях назначения супругов опекунами (попечителями) несовершеннолетних лиц.

Таким образом, для исключения возможности неправомерных отказов судов назначать внешними опекунами близких родственников лиц, помещенных в организации, а также для предотвращения злоупотреблений, возникающих при возложении исполнения обязанностей опекунов на организации, в которые подопечные помещены под надзор, необходимо:

1) исключить из п. 4 ст. 35 ГК РФ слова: «Недееспособным или не полностью дееспособным гражданам, помещенным под надзор в образовательные организации, медицинские организации, организации, оказывающие социальные услуги, или иные организации, в том числе в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, опекуны или попечители не назначаются»;

2) из ч. 5 ст. 11 закона об опеке и попечительстве исключить слова: «Опекуны или попечители не назначаются недееспособным или не полностью дееспособным лицам, помещенным под надзор в образовательные организации, медицинские организации, организации, оказывающие социальные услуги, или иные организации, в том числе для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

Обращаясь к законодательному регулированию назначения нескольких опекунов одному подопечному в европейских странах, можно увидеть отличие, заключающееся в том, что разделения исполнения обязанностей между несколькими опекунами российским законодательством не предусмотрено — защита прав и интересов осуществляется одновременно всеми опекунами и попечителями, для которых предусмотрена солидарная ответственность, что может порождать трудности при согласовании действий, а в некоторых случаях отказ от принятия на себя роли опекуна, для того чтобы избежать солидарной ответственности.

Например, в Германии суд по делам опеки может распределить обязанности между несколькими опекунами по определенным сферам деятельности. В пределах своей сферы деятельности каждый опекун осуществляет опеку самостоятельно (п. 2 §1797 Германского гражданского уложения).

Лицу, которое находится на попечении родителей или под опекой, назначается особый попечитель по делам, вызывающим затруднение у родителей или опекуна.

Суд по делам попечительства в Германии может назначить нескольких попечителей, если одного попечителя недостаточно для защиты прав и интересов совершеннолетнего лица, и таким образом дела подопечного можно вести с большим успехом (§ 1899 ГГУ). Если одного или нескольких лиц недостаточно для обеспечения необходимого содействия подопечному, судья также может назначить признанное попечительское объединение для исполнения обязанностей по попечительству. Объединение предлагает нескольких служащих на роль попечителей совершеннолетнего, который может выразить свои пожелания в отношении их назначения. Его пожелания должны быть выполнены, если нет обстоятельств, которые бы этому препятствовали.

Задачи могут быть распределены не только между частными попечителями, но и между частным и профессиональным попечителями или двумя попечителями, действующими на профессиональной основе, имеющими разную специализацию. Например, в определенных обстоятельствах оправданно возложить защиту личных прав на одного попечителя, пользующегося доверием подопечного и способного выполнить эту задачу, а на попечителя, выполняющего свои функции на профессиональной основе, — возложить сложное управление имуществом. Другим примером может выступать случай, когда родственник подопечного находит силы и время взять на себя защиту личных прав подопечного, но не хочет возлагать на себя обязанности по управлению его имуществом из опасения, что другие родственники будут подозревать его в желании обогатиться. Попечитель, действующий на профессиональной основе, сможет оказывать помощь и давать советы частным попечителям в рамках исполнения их роли. При назначении нескольких лиц попечителями одного подопечного существует возможность установить иерархию между ними и назначить попечителя, который будет руководить остальными.

В доктрине выработана четкая позиция о необходимости принятия в России закона о распределенной опеке⁵. Многие люди не готовы забрать человека с инвалидностью к себе домой, но многие готовы стать одним из попечителей и уделять ему какую-то часть своего времени. Например, один попечитель занимается имуществом, другой представляет интересы в банке, третий решает медицинские вопросы, и это должно быть четко зафиксировано в акте органа опеки⁶.

⁵ Доклад к.ю.н., профессора Свободного университета Амстердама М.В. Антокольской «Сравнительный анализ развития законодательства о правовой защите недееспособных лиц» на Парламентских слушаниях в ГД РФ 15 ноября 2019 г.

⁶ Интервью к.ю.н., профессора Свободного университета Амстердама М.В. Антокольской // Там же.

Закрепленное в праве европейских государств распределение компетенции и ответственности между опекунами (попечителями), применявшееся еще римскими юристами, способствует предотвращению конфликтов между несколькими опекунами (попечителями) одного подопечного, в связи с этим предлагается закрепить в российском законодательстве общее правило распределения сфер деятельности между опекунами (попечителями), так называемую «специализацию опекунов (попечителей)». Совместное исполнение обязанностей по опеке (попечительству) несколькими опекунами (попечителями) следует допускать лишь в исключительных случаях. В случае распределения сфер деятельности между несколькими опекунами (попечителями) каждый из них должен нести ответственность только за исполнение возложенных на него задач, например, один опекун — за защиту личности, другой — за защиту имущественных прав. Введение солидарной ответственности нескольких опекунов или попечителей за вред, причиненный подопечному за неисполнение обязанностей одним из опекунов, представляется необоснованным.

Петурова Н.Н.,

член академической сети «Семейное право в Европе»,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Аргунова Ю.Н. Недееспособность и опека (Вопросы и ответы) / Ю.Н. Аргунова. Москва : Грифон, 2013.
2. Заблоцкис Е.Ю. Опека и попечительство над недееспособными и ограниченно дееспособными — ожидания законодательных изменений / Е.Ю. Заблоцкис // Модернизация гражданского законодательства : материалы к XIV Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / члены редакционной коллегии : В.М. Жуйков, О.В. Гутников, С.А. Сеницын, М.Л. Шелютто. Москва : Статут, 2020.

Судьба долей жилых помещений при банкротстве наследственной массы

Статья 16 Жилищного кодекса РФ (ЖК РФ) относит к видам жилых помещений жилой дом, часть жилого дома; квартиру, часть квартиры и комнату. Однако в ст. 15 ЖК РФ сделан акцент на том, что жилым помещением признается изолированное помещение. Что касается таких объектов жилищных прав, как «часть жилого дома» и «часть квартиры», неизбежно появляющихся в результате приватизации, наследования и иных обстоятельств, законодательство нацелено на сокращение их количества. Причины этого в том, что в отдельной квартире трудно сосуществовать нескольким семьям или лицам, не связанным узами родства.

Кроме того, существует категория мошенников под названием «профессиональные соседи», которые недорого покупают маленькую долю квартиры, вселяются в нее и вынуждают своего сособственника продать им оставшуюся долю в ущерб себе. А затем, захватив таким образом всю квартиру, продают ее по рыночной стоимости, зарабатывая при этом крупные суммы денег. Способы злоупотребления обладателя небольшой доли в жилом помещении своими правами давно обсуждаются в юридическом сообществе. Микродоля (например, 1/100) могла ранее приобретаться с целью регистрации в квартире по месту жительства. Практика шла по пути отказа в регистрации по месту жительства собственникам незначительной доли квартиры, которая не позволяла проживать в данном помещении¹.

Иногда целью отчуждения микродоли выступал обход права преимущественной покупки остальных сособственников. Так, обладатель трети жилого помещения мог подарить 1/81 часть квартиры третьему лицу, а затем продать ему оставшиеся 26/81 жилого помещения как сособственнику, обладающему преимущественным правом покупки. После этого новый обладатель трети квартиры создавал невозможные для проживания условия с целью заставить продать остальных сособственников их части жилого помещения по заниженной цене.

Поэтому законодательство направлено на предотвращение деления квартир и их продажи посторонним лицам². Так, установлено, что сделки по отчуждению долей в праве общей собственности на недвижимое

¹ См., например: Апелляционное определение Московского городского суда от 16 января 2017 г. по делу № 33-720/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

² Более подробно об этом см.: Нотариат в системе защиты прав личности и государства в современной России / К.А. Корсик, Е.В. Михайлова, И.А. Аникеева [и др.]. М. : Институт государства и права РАН, 2023. С. 188–200.

имущество должны быть нотариально удостоверены. Это правило было введено Федеральным законом от 29 декабря 2015 г. № 391-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», а затем подтверждено Федеральным законом от 2 июня 2016 г. № 172-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Но нотариату необходимы были законодательные ориентиры для решения вопроса о возможности удостоверения сделок с долями в недвижимом имуществе. Федеральным законом № 310-ФЗ от 14 июля 2022 г. «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в ст. 30 ЖК РФ была введена часть 1.1, запрещающая отчуждение доли, составляющей менее 6 кв. м общей площади.

Таким образом, постепенно законодательство корректируется таким образом, чтобы минимизировать количество дробных жилых помещений. Однако на практике появляются новые проблемы, связанные с делением жилых помещений, требующие своего решения.

В соответствии со ст. 2 ЖК РФ органы государственной власти и органы местного самоуправления в пределах своих полномочий обеспечивают условия для осуществления гражданами права на жилище. Причем государство обязано обеспечить гражданам не просто место для проживания, а достаточный уровень жизни³. Достойное существование предполагает в идеале проживание каждой семьи в отдельном жилом помещении. Поэтому законодательство направлено на сокращение количества коммунальных квартир и на предотвращение их дробления. В настоящее время социальная задача по обеспечению граждан жилыми помещениями решается в основном путем всемерной поддержки тех, кто самостоятельно приобретает жилые помещения.

Если сумма долгов гражданина превышает стоимость его имущества, в соответствии со ст. 446 ГПК РФ единственное жилое помещение должника обладает исполнительским иммунитетом. Это свидетельствует о том, что публичный интерес состоит в сохранении за должником права на жилище даже в том случае, если сумма его долгов значительно превышает стоимость его имущества. Для погашения долгов в данном случае используется механизм банкротства гражданина.

Однако на практике возникают проблемы в ситуации, когда гражданин-должник умирает до окончания процедуры банкротства или дело о банкротстве возбуждается после смерти гражданина-должника. К.А. Михалев и Е.Ю. Петров пишут об этом: «В 2015 году идея понимания наследства

³ См., например: Ст. 25 Всеобщей декларации прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1995. № 67.

в качестве обособленного имущественного комплекса неожиданно для многих получила развитие с появлением правил о банкротстве умершего гражданина. Требованиям кредиторов в таком банкротстве противостоит само оставленное наследство (*cum viribus hereditatis*), а не кто-либо другой: умерший правоспособность утратил, наследники участвуют в производстве, но должниками, на наш взгляд, не являются, во всяком случае, их личному (неунаследованному) имуществу ничего не угрожает. С учетом обозначенных особенностей новый институт начал именоваться в юридической литературе банкротством наследственной массы»⁴.

В настоящей статье также указанный институт будет именоваться банкротством наследственной массы. По поводу его правового регулирования есть разные точки зрения: «Некоторые эксперты процесс банкротства наследственной массы называли персонификацией, когда наиболее целесообразным способом удовлетворения требований кредиторов является конкурсный процесс»⁵.

В последнее время увеличивается количество дел о банкротстве наследственной массы, в составе которой имеется доля квартиры, являющейся единственным жилым помещением для родственников наследодателя. Сначала практика складывалась в пользу обращения взыскания на такую долю и распределения вырученной суммы между конкурсными кредиторами.

Это делалось на основании ст. 223.1 «Условия и порядок банкротства гражданина в случае его смерти» Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Согласно п. 7 данной статьи, жилое помещение (его части) не включается в конкурсную массу:

«до истечения срока принятия наследства, установленного законодательством Российской Федерации, если в жилом помещении (его частях) проживают лица, имеющие право на обязательную долю в наследстве гражданина, и для них такое жилое помещение (его части) является единственным пригодным для постоянного проживания помещением;

по истечении срока принятия наследства, установленного законодательством Российской Федерации, если такое имущество является единственным пригодным для постоянного проживания помещением для наследника».

В остальных случаях п. 7 указанной статьи предусматривает, что единственным пригодным для постоянного проживания наследников жилое помещение или его часть могут быть включены в конкурсную массу по решению арбитражного суда, рассматривающего дело о банкротстве.

⁴ Михалев К.А., Петров Е.Ю. Персонификация наследственной массы // Закон. 2023. № 6. С. 25–39 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Кириллова Е.А. Институт банкротства наследственной массы в российском гражданском праве: проблемы практики // Нотариус. 2018. № 2. С. 23–28 // СПС «КонсультантПлюс».

Поворотным пунктом стало Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2021 г. № 305-ЭС18-3299(8) по делу № А40-25142/2017, которое решило такого рода спор в пользу наследника. Наследник указывал, что спорная доля в квартире, принадлежавшая при жизни должнику, подлежит исключению из конкурсной массы, поскольку данная квартира является для него и члена его семьи единственным пригодным для постоянного проживания помещением. Требование наследника было удовлетворено, так как спорная квартира использовалась всеми членами семьи полностью, выдел долей в натуре не производился, в связи с чем наследник и член его семьи, для которых квартира является единственной пригодной для проживания, вправе рассчитывать на оставление ее за собой без изъятия доли должника-наследодателя.

После данного определения суды стали решать такого рода споры в пользу наследников, хотя законодательство и не изменилось. Представляется, что необходимо законодательно закрепить запрет дробления жилых помещений в подобных ситуациях. Право на жилище является социально значимым благом и имеется публичный интерес в его сохранении за гражданами. Этот интерес более значим для правопорядка, чем интерес конкурсных кредиторов, связанный с удовлетворением требований за счет конкурсной массы. При дроблении отдельной квартиры качество жизни граждан существенно ухудшается, это может привести к появлению новых нуждающихся в предоставлении жилых помещений за счет государства.

Для разрешения обозначенной проблемы предлагается дополнить ст. 1175 ГК РФ п. 4 следующего содержания:

«4. Если в состав наследства входит жилое помещение (его части), которое для наследников и членов их семьи является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, на него не допускается обращение взыскания по долгам наследодателя. При этом не допускается обращение взыскания по долгам наследодателя на долю в праве собственности на жилое помещение, принадлежавшую наследодателю, если остальные доли этого жилого помещения являются для наследников единственным пригодным для постоянного проживания помещением».

Параллельно с этим необходимо внести изменения и в п. 7 ст. 223.1 «Условия и порядок банкротства гражданина в случае его смерти» Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», сделав в нем отсылку к п. 4 ст. 1175 ГК РФ.

Вопрос о соответствии Конституции РФ п. 7 ст. 223.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» рассматривался Конституционным Судом РФ. Определением Конституционного Суда РФ от 30 мая 2023 г. № 1287-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Черемисиной Елены Владимировны на нарушение конституционных прав

ее несовершеннолетнего сына абзацем вторым части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пунктами 1 и 3 статьи 213.25 и пунктом 7 статьи 223.1 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в их взаимосвязи с положениями пункта 1 статьи 1110 Гражданского кодекса Российской Федерации» был сделан вывод, что ее нормы не могут расцениваться в качестве нарушивших конституционные права на жилище несовершеннолетнего ребенка Е.В. Черемисиной в конкретном деле.

Возникают и иные вопросы, связанные с реализацией права на исполнительский иммунитет для единственного жилого помещения в ходе процедуры банкротства наследственной массы. Д.М. Наземцев пишет: «Так, одним из них является не решенный до настоящего времени вопрос о том, вправе ли нотариус выдать свидетельство о праве на наследство в отношении жилого помещения, наделенного исполнительским иммунитетом, если в отношении наследодателя возбуждено дело о банкротстве. На практике возникают ситуации, когда наследники обращаются к нотариусу при незавершенной процедуре банкротства наследодателя за получением свидетельств в отношении соответствующего жилого помещения»⁶.

Представляется верной позиция Т.В. Андроповой: «Процедура банкротства наследственной массы требует детального и пристального внимания и совершенствования регламентации, поскольку на сегодняшний день имеется немало проблем и пробелов, требующих устранения»⁷. Е.А. Останина отмечает основную цель корректировки законодательства в сфере банкротства наследственной массы: «Обретение баланса между интересами добросовестных наследников и интересами кредиторов крайне важно для того, чтобы этот институт развивался во благо общества»⁸.

Таким образом, появившийся в 2015 г. институт банкротства наследственной массы успешно развивается. Когда речь идет о банкротстве граждан при жизни, верно утверждение: «В российском праве мы видим дисбаланс в пользу интересов должника, когда дело связано с обращением взыскания на единственное жилье гражданина-банкрота»⁹. Однако после смерти гражданина-банкрота нередко закон отдает приоритет интересам кредиторов,

⁶ Наземцев Д.М. К вопросу о недопустимости выдачи свидетельства о праве на наследство в отношении единственного жилья при наличии производства по делу о банкротстве наследодателя // Наследственное право. 2023. № 1. С. 26–29 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Андропова Т.В. Банкротство наследственной массы: актуальные проблемы в теории и в правоприменительной практике // Наследственное право. 2021. № 4. С. 35–38 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Останина Е.А. Банкротство наследственной массы: в поисках баланса между интересами кредиторов и наследников // Судья. 2017. № 6. С. 58–61 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Законодательство о банкротстве: преемственность и новации : монография / П.Р. Абдуллаева, Н.В. Бандурина, Ю.М. Воронина [и др.] ; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. М. : Юстицинформ, 2023. 348 с. // СПС «КонсультантПлюс».

а не наследников, когда речь идет об исполнительском иммунитете на единственное жилье наследника, принадлежавшее наследодателю.

Представляется, что социально значимые интересы наследников являются более ценными для общества, чем интересы кредиторов. Поэтому если речь идет о доле жилого помещения, принадлежавшей наследодателю, в ситуации, когда остальные доли этого помещения являются для наследников единственным пригодным для постоянного проживания помещением, необходимо законодательно закрепить переход такой доли к наследникам.

Пушкина А.В.,

старший научный сотрудник сектора процессуального права
Института государства и права Российской академии наук,
доцент кафедры частного права Государственного
академического университета гуманитарных наук,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература

1. Андропова Т.В. Банкротство наследственной массы: актуальные проблемы в теории и в правоприменительной практике / Т.В. Андропова // Наследственное право. 2021. № 4.
2. Законодательство о банкротстве: преемственность и новации : монография / П.Р. Абдуллаева, Н.В. Бандурина, Ю.М. Воронина [и др.] ; ответственные редакторы С.А. Карелина, И.В. Фролов. Москва : Юстицинформ, 2023.
3. Кириллова Е.А. Институт банкротства наследственной массы в российском гражданском праве: проблемы практики / Е.А. Кириллова // Нотариус. 2018. № 2.
4. Михалев К.А. Персонификация наследственной массы / К.А. Михалев, Е.Ю. Петров // Закон. 2023. № 6.
5. Наземцев Д.М. К вопросу о недопустимости выдачи свидетельства о праве на наследство в отношении единственного жилья при наличии производства по делу о банкротстве наследодателя / Д.М. Наземцев // Наследственное право. 2023. № 1.
6. Нотариат в системе защиты прав личности и государства в современной России / К.А. Корсик, Е.В. Михайлова, И.А. Анисеева [и др.]. Москва : Институт государства и права РАН, 2023.
7. Останина Е.А. Банкротство наследственной массы: в поисках баланса между интересами кредиторов и наследников / Е.А. Останина // Судья. 2017. № 6.

Правовое обеспечение защиты интересов лиц при принудительном прекращении права собственности: проблемы и перспективы совершенствования

Согласно ч. 2 ст. 8 Конституции Российской Федерации (далее — Конституция РФ) в Российской Федерации защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности¹. Указанное конституционное положение получило развитие в различных отраслях законодательства, прежде всего гражданском, для которого неприкосновенность собственности, наряду с необходимостью беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечением восстановления нарушенных прав, их судебной защитой, является одним из основных начал². Юридическое содержание неприкосновенности собственности сводится не только к невозможности произвольного лишения владения, пользования и распоряжения имуществом, но и направлено на обеспечение стабильности отношений в данной сфере. Указанное гарантируется различными гражданско-правовыми средствами, в том числе закреплением на законодательном уровне оснований принудительного прекращения права собственности³.

Правовые гарантии защиты частных интересов конкретизируются в ч. 3 ст. 35 Конституции РФ, которая содержит положение о допустимости принудительного «отчуждения» имущества собственника для «государственных нужд» только по решению суда и при условии предварительного и равноценного возмещения⁴. В то же время цель такого отчуждения в основном законе не указана, как и не проработан на конституционном уровне вопрос национализации и реквизиции имущества. В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) закреплена возможность принудительного «изъятия» имущества с выплатой его стоимости (реквизиция),

¹ См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : [с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ]. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/>

² См.: Ст. 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ См.: Пункт 2 ст. 235 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Там же.

⁴ См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Там же.

которое может осуществляться «в интересах общества»⁵. Однако нормы ни Конституции РФ, ни ГК РФ не содержат дефиниции понятия «интересы общества». Указанные обстоятельства создают реальные предпосылки для злоупотреблений в отношении гарантированных Конституцией РФ имущественных прав и интересов физических лиц и организаций.

Проблематика защиты интересов лиц в сфере собственности в значительной степени обусловлена нечеткостью и несовершенством самого гражданского законодательства. Гражданский кодекс РФ предусматривает большое количество оснований для принудительного прекращения права собственности, в том числе в связи с проведением крупномасштабного строительства, комплексным развитием территории. Кроме того, в современных геополитических условиях постепенно расширяется концепция экспроприации, проведения национализации, реприватизации. Однако, насколько справедливыми и соразмерными они являются с позиций частных интересов, необходимо анализировать.

Конституционный Суд РФ неоднократно обращал внимание на то, что «вмешательство государства в отношения собственности не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями *интересов общества* (курсив наш. — Е.С.) и необходимыми условиями защиты основных прав личности, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью с тем, чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению»⁶.

Принудительное отчуждение имущества в гражданском законодательстве именуется «изъятием для государственных и муниципальных нужд»⁷. Поскольку официального определения понятия «государственные и муниципальные нужды» законодательство не содержит, данный пробел восполняется в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ, который под государственными или муниципальными нуждами понимает «потребности публично-правового образования, удовлетворение которых направлено на достижение *интересов общества* (общественно полезных целей) (курсив

⁵ См.: Пункт 1 ст. 242 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Там же.

⁶ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2008 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жадобой гражданина В.В. Костылева» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 4; Постановление Конституционного Суда РФ от 11 января 2018 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 81.1 и пункта 3.1 части второй статьи 82 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Синклит» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 3.

⁷ См.: Ст. 279 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

наш. — Е.С.), осуществить которые невозможно без изъятия имущества, находящегося в частной собственности»⁸. Непосредственно в Земельном кодексе Российской Федерации (далее — ЗК РФ) перечислены основания, позволяющие производить указанное изъятие имущества (земельных участков) для соответствующих государственных или муниципальных нужд, связанные с выполнением международных договоров России, строительством (реконструкцией) объектов государственного значения, иными основаниями, предусмотренными федеральными законами⁹.

Соответственно, понятие «интересы общества», как и «общественный интерес», не имеет четкой формулировки в законодательстве, в юридической доктрине также трактуется по-разному. В теории права понятия публичного, государственного и общественного интереса часто употребляются как тождественные. В свою очередь еще Е.В. Васьковский обращал внимание на нетождественность общественного и государственного интересов¹⁰. По мнению В.В. Субочева, «государственные интересы заключаются в нахождении наиболее приемлемых путей и способов реализации общественных и частных интересов, их защите»¹¹. Поскольку государство признается самостоятельным субъектом права, Д.А. Туманов полагает, что его интерес как такого субъекта может противопоставляться любым другим, в том числе общественным интересам¹².

Указанная теоретико-методологическая ситуация усугубляется и неоднозначным использованием анализируемых терминов в нормативных правовых актах. Законодатель почти всегда объединяет общественные интересы с государственными, однако не отождествляет их¹³.

Исключительно государство может приобретать право собственности на основании реквизиции, конфискации, национализации, принудительного изъятия земельного участка для государственных или муниципальных нужд. Четкость изложения условий приобретения права собственности в указанных случаях исключает возможность злоупотребления и нарушения интересов других лиц. В то же время анализ положений ГК РФ позволяет выделить

⁸ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016) : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13 апреля 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 11, 12.

⁹ См.: Ст. 49 Земельного кодекса Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

¹⁰ См.: Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. Петербург : Типография П.П. Сойкина, 1893.

¹¹ См.: Субочев В.В. Интерес и право: анализ взаимосвязи // Актуальные проблемы правоведения. 2003. № 3. С. 62.

¹² См.: Туманов Д.А. О понимании общественного интереса Е.В. Васьковским и о значении его воззрений по этому вопросу для современного права и процесса // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 3. С. 160–171.

¹³ См.: Андреев Ю.Н. Интересы в современном российском праве: теория и практика. М. : Проспект, 2023. С. 87.

наличие абстрактных формулировок, не способствующих эффективному регулированию вопросов, связанных с принудительным прекращением права собственности.

Так, законодательство не содержит легальное определение национализации. В ГК РФ установлено, что «обращение в государственную собственность имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц (национализация), производится на основании закона с возмещением стоимости этого имущества и других убытков»¹⁴. Соответственно, основное различие, предполагаемое между законодательными понятиями «национализация» и «реквизиция», заключается в том, что при национализации не требуется существования «обстоятельств, носящих чрезвычайный характер», установления в качестве условия ее осуществления «интересов общества»¹⁵. Отсюда и отсутствие четкого представления о целях и пределах национализации, ее основании и процедуре проведения, соответственно пределах защиты частных интересов.

Целью национализации, как акта государства по переходу титула собственника от частного лица к государству, является осуществление социально-экономических преобразований. Это отличает национализацию, например, от реприватизации, как реакции на нарушение приватизационного законодательства и восстановление положения участников, которое существовало до нарушения. То есть национализация направлена на защиту общественных интересов, тогда как реприватизация — на возобновление государственной собственности на имущество из-за допущенных нарушений приватизационного законодательства.

В соответствии с гражданским законодательством земельные участки также изымаются при отсутствии чрезвычайной составляющей и соблюдении «интересов общества», причиной являются «государственные или муниципальные нужды»¹⁶. При этом следует подчеркнуть, что в силу положений ЗК РФ возможным является изъятие земельных участков, «находящихся в границах территории, в отношении которой принято решение о комплексном развитии»¹⁷, которое также не предусматривает установления в качестве обоснованности принятия решения о таком изъятии земельного участка необходимости удовлетворения интересов общества. Таким образом, понятия допустимости, обоснованности и общественной необходимости являются

¹⁴ См.: Пункт 2 ст. 235 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹⁵ См.: Статья 242 Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Там же.

¹⁶ См.: Статья 279 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Там же.

¹⁷ См.: Статья 56.12 Земельного кодекса Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4147.

достаточно субъективными с точки зрения решения государства о принудительном прекращении права собственности.

В современных исследованиях подчеркивается, что «идея общественного интереса безгранична, но гарантии правовой охраны интересов частной собственности также должны быть осязаемы в праве (например, экспроприация земельных участков с постройками для проведения Олимпийских игр, сооружения парка отдыха, офисного центра и т.д.). Несомненно, в этом имеется общественный интерес, который может быть представлен как острая необходимость, но, каковы ясные и четкие критерии соотношения частных и публичных интересов, до настоящего времени не определено»¹⁸.

По мнению некоторых авторов закрепление на законодательном уровне понятия государственных и муниципальных нужд позволит установить четкие критерии для принятия решения об изъятии земельного участка и будет способствовать недопущению случаев необоснованного изъятия¹⁹. Предлагается и отказаться от использования рассматриваемой терминологии, заменив ее такими общими понятиями, как «общественные нужды»²⁰, «общее благо»²¹.

Как известно, идея общественного интереса является фундаментом любой правовой нормы, независимо от того, относится ли такая норма к публичному или частному праву. Поскольку общество не является определенной отдельной единицей, а составляет совокупность частных лиц, соответственно, совокупность интересов частных лиц составляет общественный интерес, то есть общественный интерес носит универсальный характер, должен приниматься во внимание государством в первую очередь. Интерес членов общества как совокупный интерес должен удовлетворять права каждого частного лица, закреплять неприкосновенность и охрану таких прав.

При принудительном прекращении права собственности основным показателем является правомерность изъятия имущества, которая должна быть определена четко установленной целью — «в интересах общества». В настоящее время отмечается, что несоблюдение требований законности для государства не имеет никаких дополнительных неблагоприятных

¹⁸ См.: Синицын С.А. Институт экспроприации иностранной собственности: de facto & de jure // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2023. Т. 64. № 3. С. 45.

¹⁹ См., например: Чаплин Н.Ю. Защита прав собственников при принудительном прекращении права частной собственности на земельные участки // Экономика. Право. Общество. 2020. № 1 (21). С. 44.

²⁰ См.: Белова Т.В., Собенина М.А. Государственные и муниципальные нужды как условие изъятия земельного участка и прекращения права частной собственности на него // Новая наука: стратегии и векторы развития. 2016. № 6–2 (88). С. 206.

²¹ См.: Рузанов И.В. Конституционная идея общего блага как основание изъятия земельных участков для государственных нужд // Юридический вестник Самарского университета. 2015. № 3. С. 46.

последствий²². Такое положение, по мнению С.А. Сеницына, требует обсуждения и новых правовых решений²³. Полагаем, что баланс интересов частного собственника и государства может быть соблюден только при детальном регламентировании правовой процедуры принудительного отчуждения и изъятия имущества.

В Гражданском кодексе РФ предусмотрено беспрепятственное осуществление гражданских прав, обеспечение восстановления нарушенных прав, их судебной защиты, закреплены способы защиты гражданских прав²⁴. Как и субъективное право, интерес в гражданском праве может иметь различную направленность. Следует согласиться с тем, что интересы могут существовать, охраняться и защищаться самостоятельно либо одновременно с охраной (защитой) субъективных прав²⁵. Учитывая такое понимание правовой основы защиты интересов, считаем целесообразным разграничение на нормативном уровне гражданско-правовых способов защиты прав и интересов, а также установление комплексных способов защиты гражданских прав и интересов.

В состав механизма гражданско-правовой защиты интересов лиц при принудительном прекращении права собственности входят и гражданско-правовые принципы. Обоснованной видится позиция Е.В. Вавилина о том, что «первым шагом на пути разработки и оптимального использования механизма обеспечения сбалансированности юридически значимых интересов является формирование четкой системы принципов осуществления прав и исполнения юридических обязанностей»²⁶. По мнению профессора, такую систему составляют «принцип равенства участников правоотношений, принцип беспрепятственного осуществления гражданских прав, принцип сочетания прав и обязанностей, принцип эффективности, принцип гарантированности, принцип диспозитивности, принцип сочетания личных и общественных интересов, принцип недопустимости злоупотребления правом, принцип сотрудничества»²⁷.

Безусловно, проблема соблюдения баланса интересов собственника и интересов общества крайне актуальна. Однако, помимо указанных принципов осуществления прав и исполнения юридических обязанностей, гарантиями защиты интересов лиц при принудительном прекращении права

²² См., например: Сеницын С.А. Институт экспроприации иностранной собственности: *de facto & de jure* // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2023. Т. 64. № 3. С. 46.

²³ См.: Там же.

²⁴ См.: Статьи 1 и 12 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

²⁵ См.: Мальцев Г. В. Социальные основания права. М. : Норма, 2007. С. 378–379.

²⁶ См.: Вавилин Е.В. О соотношении частных и публичных интересов в гражданском праве // Актуальные проблемы частного и публичного права в свете теории конвергенции : сб. науч. ст. / отв. ред. Ю.С. Харитонов, Н.Д. Эриашвили. М. : Закон и право, 2012. С. 66–73.

²⁷ См.: Там же.

собственности должны являться принципы законности, справедливости и обоснованности.

Так, при решении вопроса эффективного регулирования взаимоотношений участников собственности исходным является установление четких оснований и порядка принудительного прекращения собственности в силу требований закона. Принцип справедливости давно является предметом отечественных цивилистических исследований, обосновывается необходимость его закрепления на законодательном уровне²⁸. Справедливость понимается в том, что никто не должен посягать на чужую собственность, никто не должен быть лишен своей собственности²⁹. Так, национализация, как исключительный способ принудительного отчуждения имущества у частных лиц, должна осуществляться в полной мере с учетом принципа справедливости, что должно получить закрепление на конституционном уровне.

В современных условиях гарантирования экономической солидарности³⁰ в качестве приоритетных оснований принудительного отчуждения права собственности, в том числе путем национализации, должны закрепляться не только государственные нужды, но и общественные интересы. Необходимость удовлетворения интересов общества раскрывает содержание принципа обоснованности принудительного прекращения права собственности. Таким образом, осуществление принудительного отчуждения права собственности исключительно в интересах общества должно быть четко установлено в нормах Конституции РФ во избежание злоупотреблений и нарушений частных интересов.

Семенова Е.Г.,

профессор кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского университета Министерства
внутренних дел Российской Федерации России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература

1. Андреев Ю.Н. Интересы в современном российском праве: теория и практика / Ю.Н. Андреев. Москва : Проспект, 2023.
2. Белова Т.В. Государственные и муниципальные нужды как условие изъятия земельного участка и прекращения права частной собственности на него / Т.В. Белова, М.А. Собенина // Новая наука: стратегии и векторы развития. 2016. № 6–2 (88).

²⁸ См., например: Кузнецова О.А. Принципы гражданского права: современное состояние вопроса // Власть закона. 2011. № 4 (8). С. 87–94.

²⁹ См.: Давитадзе М.Д. Право и справедливость // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 134–140.

³⁰ См.: Статья 75.1 Конституции Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution/>

3. Вавилин Е.В. О соотношении частных и публичных интересов в гражданском праве // Актуальные проблемы частного и публичного права в свете теории конвергенции : сборник научных статей / ответственные редакторы : Ю.С. Харитонов, Н.Д. Эриашвили. Москва : Закон и право, 2012.
4. Васьковский Е.В. Организация адвокатуры / Е.В. Васьковский. Петербург : Типография П.П. Сойкина, 1893.
5. Давитадзе М.Д. Право и справедливость / М.Д. Давитадзе // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4.
6. Кузнецова О.А. Принципы гражданского права: современное состояние вопроса / О.А. Кузнецова // Власть закона. 2011. № 4 (8).
7. Мальцев Г.В. Социальные основания права / Г.В. Мальцев. Москва : Норма, 2007.
8. Рузанов И.В. Конституционная идея общего блага как основание изъятия земельных участков для государственных нужд / И.В. Рузанов // Юридический вестник Самарского университета. 2015. № 3.
9. Сеницын С.А. Институт экспроприации иностранной собственности: de facto & de jure / С.А. Сеницын // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2023. Т. 64. № 3.
10. Субочев В.В. Интерес и право: анализ взаимосвязи / В.В. Субочев // Актуальные проблемы правоведения. 2003. № 3.
11. Туманов Д.А. О понимании общественного интереса Е.В. Васьковским и о значении его воззрений по этому вопросу для современного права и процесса / Д.А. Туманов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2017. № 3.
12. Чаплин Н.Ю. Защита прав собственников при принудительном прекращении права частной собственности на земельные участки / Н.Ю. Чаплин // Экономика. Право. Общество. 2020. № 1 (21).

Договор образовательного страхования как способ реализации субъективного гражданского права

Сегодня в российском обществе особо остро ощущается значимость образования. Реализуя свои субъективные права в данной сфере, граждане Российской Федерации (далее — РФ) стали относиться более осознанно к получению высшего образования. Как отмечают С.С. Малиновский и Е.Ю. Шибанова, «в представлении населения высшее образование — не только всеобщее право, но и социальная норма»¹. В соответствии с мнением О.П. Недоспасовой, А.Ю. Кайды и А.А. Недоспасова, несмотря на финансовый кризис и ряд бюджетных ограничений, среди населения спрос на высшее образование не уменьшается, а растет, особенно среди молодежи². Рост спроса на поступление в высшие учебные заведения и получение высшего образования связан с тем, что каждый понимает его значимость для будущего, так как наличие высшего образования дает возможность трудоустройства, материального достатка, а значит, социального благополучия, здоровья и активной гражданской позиции с целью быть полезным обществу.

В связи с возросшей потребностью в обеспечении имущественных интересов страхователей, связанных с поступлением их детей в высшие учебные заведения (далее — вуз) страховые компании (далее — СК, страховщик) предлагают различные программы страхования (далее — ПС). Так, например, страховая компания «ЭРГО Жизнь» еще 10 лет назад внедрила ПС «Образование без границ», а страховая компания «Уралсиб Жизнь» включила в список своих продуктов образовательную накопительную программу «Абитуриент», «Детский», а также «взрослую» программу «Надежное будущее». Такого рода образовательное страхование предлагалось и ООО «Страховая компания “Альянс РОСНО Жизнь”»³. И сегодня страховщики в порядке лич-

¹ Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю. Барьеры доступности высшего образования и социальные факторы дифференциации образовательных траекторий : информационный бюллетень / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2023. С. 8. URL: [chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.hse.ru/data/2023/04/21/2029995470/ib_8\(50\)_2023.pdf](chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.hse.ru/data/2023/04/21/2029995470/ib_8(50)_2023.pdf)

² Недоспасова О.П., Кайда А.Ю., Недоспасов А.А. Финансирование высшего образования в условиях экономической нестабильности: общее и частное для стран ОЭСР // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 7 (340). С. 178–191, С. 180–182.

³ Сидорова К. Страхование для образования. Страхование сегодня. URL: <https://www.insur-info.ru/press/79153/>

ного страхования жизни внедрили образовательное страхование, например: ПС «Детский образовательный план» в ООО СК «Сбербанк страхование жизни»⁴. Например, ПС «Детский образовательный план» от СК «Сбербанк страхование жизни» предусматривает программу накоплений для финансирования образования ребенка в будущем. Согласно последней ПС страхователем заключается договор страхования на срок от 7 до 15 лет, уплачиваются страховые взносы, а страховым случаем определяется достижение ребенком-выгодоприобретателем определенного возраста. При наступлении страхового случая СК адресно передает накопления ребенку. Бонусом от СК является то, что ПС предусматривает условие, согласно которому при наступлении неблагоприятного события в виде утраты трудоспособности родителем (1-я и 2-я группы инвалидности) страховые взносы за страхователя вносит сам страховщик и к указанному в договоре страхования сроку ребенок получает оговоренную страховую сумму. Здесь следует согласиться со справедливым высказыванием О.П. Недоспасовой, А.Ю. Кайды и А.А. Недоспасова, исследующих вопросы финансирования образования в условиях нестабильности, о том, что именно «вложения в высшее образование являются весьма выгодными инвестициями, приносящими отдачу и индивиду, и обществу в целом»⁵.

Однако у рассмотренной ПС есть недостаток: нет гарантии, что выгодоприобретатель может действительно использовать полученную от страховщика сумму для оплаты обучения в вузе. В связи с этим мы обратились к изучению опыта образовательного накопительного страхования в странах зарубежья. Изучение правового порядка зарубежных стран показало, что накопительное образовательное страхование давно и широко применяется в странах Латинской Америки⁶ (Аргентина, Бразилия, Колумбия, Мексика, Чили и др.), Юго-Восточной Азии⁷ (Индонезия, Малайзия, Таиланд, Тайвань, Филиппины и др.), Турции⁸, в Южно-Африканской Республике⁹, а также в некоторых странах Содружества Независимых Государств¹⁰ (далее — СНГ, Содружество).

⁴ Сбер Страхование. Программа страхования «Детский образовательный план». URL: https://sberbank-insurance.ru/policy/obrazovatelniy_plan

⁵ Недоспасова О.П., Кайда А.Ю., Недоспасов А.А. Финансирование высшего образования в условиях экономической нестабильности: общее и частное для стран ОЭСР // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 7(340). С. 181.

⁶ Seguro Estudia. Seguros SURA. URL: <https://www.segurossura.com.co/paginas/futuro/educacion.aspx>

⁷ 12TX Insurance, 24TX Insurance. Chubb Limited. URL: <https://www.chubb.com/th-en/personal/child-education.html>

⁸ Türkiye Sigorta/Türkiye Hayat Emeklilik. Страхование поддержки образования. URL: <https://www.turkiyesigorta.com.tr/urunlerimiz/hayat-sigortalari/egitim-destek-sigortasi>

⁹ Global Education Protector. Discovery Ltd. (Discovery Insurance Group). URL: <https://www.discovery.co.za/life-insurance/education-protector>

¹⁰ СК АО 'Halyk Life'. Единая добровольная накопительная программа «Келешек». URL: <https://www.halyklife.kz/customer-support/useful-news-inner/8>

Остановимся на казахстанском правовом порядке, согласно которому в рамках государственной образовательной накопительной системы (далее — ГОНС) заключается соответствующий договор страхования, который представляет собой договор накопительного страхования жизни. Согласно такому договору, страхователь уплачивает периодические страховые взносы, а страховщик, который участвует в ГОНС, обязуется при наступлении страхового случая осуществить страховую выплату¹¹. В отличие от ПС «Детский образовательный план» от СК «Сбербанк страхование жизни» получателем страховой выплаты является не ребенок-выгодоприобретатель, а организация образования, а страховым случаем является заключение договора с вузом, куда на обучение поступает ребенок. Страховщик, участвующий в ГОНС, в течение пяти рабочих дней перечисляет страховую выплату на банковский счет организации образования. Сумма страховой выплаты включает в себя гарантированные государством страховые премии 5%, которые начисляются в течение всего срока действия договора страхования ежегодно на расчетную сумму договора по состоянию на 1 января. Кроме того, по такому же принципу ежегодно начисляется инвестиционный доход 7%. Если ребенку от 5 до 6 лет, государство в качестве поощрения добавляет сумму в размере от 60 до 120 месячных расчетных показателей. Даже если ребенок не поступает в вуз либо поступает на грант, то страхователь имеет право получить сумму страховой выплаты. Государство предъявляет особые требования к страховщику, который должен иметь лицензию по классу страхования жизни в рамках государственной образовательной накопительной системы и быть участником системы гарантирования страховых выплат. Кроме того, при переводе выгодоприобретателя в другую организацию образования вуз перечисляет на счет принимающей организации образования остаток произведенной оплаты образовательных услуг, о чем уведомляет оператора, страховую организацию-участника в течение трех рабочих дней, а при отчислении выгодоприобретателя из организации образования сумма, не использованная на образовательные услуги, подлежит перечислению организацией образования на банковский счет страховой организации-участника в течение пяти рабочих дней со дня издания вузом приказа об отчислении¹². Эти же правила распространяются на случаи оформления академического отпуска. Как видим, в соответствии с ГОНС страховщик, страхователь и вуз между собой «поддерживают связь», а данная страховая накопительная образовательная программа позволяет реализовать субъективное право на образование даже с учетом некоторых объективных жизненных ситуаций.

¹¹ Закон Республики Казахстан от 14 января 2013 г. № 67-V «О Государственной образовательной накопительной системе». URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000067>

¹² Там же.

Реализация субъективного права на образование является одним из прав, провозглашенных как в национальных законодательствах стран, так и в основных международных документах¹³. Как известно, решение вопросов доступности образования напрямую влияет на формирование человеческого капитала, который, в свою очередь, оказывает воздействие на экономическое развитие государства. Н.М. Плискевич, говоря о роли различных типов человеческого капитала в трансформации российского общества, предлагает создать условия и мотивационные стимулы для их развития и совершенствования, а также пересмотреть государственную социальную политику с целью создания условий, при которых повышение образовательного уровня должно стать ключевым стимулом для носителей человеческого капитала¹⁴. Для модернизации российского общества необходима квалифицированная рабочая сила, которая могла бы претворить в жизнь высокотехнологичные, наукоемкие и инновационные проекты, которые на сегодня имеют важное значение для развития экономики страны. И здесь можно привести высказывание Н.М. Плискевич о том, что успех постиндустриальной модернизации ставится в прямую зависимость от накопленного человеческого капитала, который необходим для осуществления масштабных преобразований отечественной экономики, для того чтобы сделать ее подлинно инновационной¹⁵.

Поступить в вуз России можно на грант, на бюджет либо можно обучаться на платной основе. Не все выпускники школ могут пройти конкурсный отбор для обучения за счет государственного финансирования. Многим приходится использовать денежные средства, накопленные за долгие годы, оформлять образовательный кредит и т.д. Финансовые трудности, испытываемые при поступлении в вуз, стали основным препятствием для многих. По этому поводу С.С. Малиновский и Е.Ю. Шибанова указывают, что «россияне считают государство ответственным за поддержание социальной справедливости и предоставление общедоступных благ в виде всех уровней образования»¹⁶.

Российская Федерация в лице правительства предпринимает серьезные шаги для того, чтобы каждый мог реализовать свое право на получение

¹³ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах : принят Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml; Декларация Организации Объединенных Наций об образовании и подготовке в области прав человека : принята Резолюцией 66/137 Генеральной ассамблеи от 19 декабря 2011 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/hr_education.shtml

¹⁴ Плискевич Н.М. Человеческий капитал в трансформирующейся России. М. : Изд-во ИЭ РАН, 2012. 231 с. URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/chelovecheskij_kapital_v_transformiruyuschejsya_rossii/

¹⁵ Там же.

¹⁶ Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю. Указ. соч.

ние высшего образования. Так, 22 ноября 2012 г. была утверждена Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг.¹⁷, а в 2017 г. Государственная программа «Развитие образования»¹⁸. Однако эти программы были нацелены решать вопросы реализации субъективного гражданского права на образование за счет государственных субсидий. Министерством экономического развития разработан Прогноз долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г., согласно которому развитие сферы образования должно быть ориентировано на повышение его доступности для российских граждан¹⁹, в рамках которого предусмотрены инновационный, консервативный и форсированный сценарии развития сферы образования²⁰.

В Едином плане по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г. (далее — Единый план 2024–2030 гг.)²¹ в связи с ростом требований граждан к качеству жизни, в том числе к образованию, оказываемым услугам, законодатель поставил задачи не только по радикальному повышению их качества, адресности услуг, но и обеспечению их доступности на всей территории страны²².

В своем Послании Федеральному Собранию в 2024 г. глава России, отмечая поддержку семьи и принятие решений в системе образования как новый нравственный выбор на уровне государства, а становление молодого поколения как важнейший залог и гарантию суверенитета России, подчеркнул, что к 2030 г. количество граждан в возрасте от 20 до 24 лет будет более 8 млн, а в 2035 г. — более 9 млн, и важно, чтобы они были профессионалами своего дела²³. Цифры показывают, что буквально через

¹⁷ Постановление Правительства РФ «Об утверждении Государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 годы» от 22 ноября 2012 г. № 2148-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138166/

¹⁸ Постановление Правительства РФ «Об утверждении Государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» от 26 декабря 2017 г. № 1642. URL: <http://gov.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>

¹⁹ Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/e59d0198a6b86d35269590004bc1bb4d18c9fa29/

²⁰ Там же.

²¹ Распоряжение Правительства РФ от 1 октября 2021 г. № 2765-р «Об утверждении Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398015/

²² Распоряжение Правительства РФ от 1 октября 2021 г. № 2765-р «Об утверждении Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398015/118923fc2dc5fa444e09587c03e837231c89df2d/

²³ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/73585>

несколько лет возрастет количество желающих получить высшее образование. В этой связи предполагается необходимым рассмотреть эту ситуацию с точки зрения анализа социологических исследований. В этой связи представляются справедливыми доводы А.А. Напреенко о том, что для достижения определенного положительного результата при проведении научных исследований необходимо «изучать жизнь общества и государства, функционирование права в русле его действительного предназначения в жизни людей, общества»²⁴. В соответствии с результатами, полученными Институтом статистических исследований и экономики знаний Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (далее — ИСИЭЗ НИУ ВШЭ)²⁵, согласно ожиданиям семей относительно максимально-го уровня образования для детей 40% родителей²⁶ желают, чтобы их дети получили диплом бакалавра и 25% диплом магистра²⁷.

Согласно докладу Правительства Федеральному Собранию «О политике в сфере образования» в России к 2024 г. количество бюджетных мест планируется сократить, а данный показатель с 2017 г. (575,7 тыс. мест) снизится до 432,4 тыс. мест²⁸. Здесь можно привести точку зрения С.С. Малиновского и Е.Ю. Шибановой о том, что «емкость вузовской системы не соответствует масштабной заинтересованности молодежи в получении высшего образования»²⁹, а «спрос на диплом об окончании вуза показывает невозможность вузовской системы удовлетворить потребности россиян, 60% из которых считают высокие затраты ключевым барьером его получения»³⁰.

Думается, вопросы по достижению национальных целей развития Российской Федерации, по радикальному повышению их качества и адресности образовательных услуг, обеспечению их доступности на всей территории страны можно решить посредством накопительного образовательного страхования. Полагаем, данные возможности страхования могут быть востребованны. В этой связи представляются актуальными и уместными слова В.П. Мозолина, который в своих трудах, анализируя направления и пути

²⁴ Напреенко А.А. Значение и форма обучения методологии юриспруденции // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования : сб. науч. ст. / под ред. А.А. Напреенко. Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2006. Вып. 2. С. 7–17, С. 9.

²⁵ Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю. Барьеры доступности высшего образования и социальные факторы дифференциации образовательных траекторий : информационный бюллетень / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2023. С. 9–10. URL: [chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgicfindmkaj/https://www.hse.ru/data/2023/04/21/2029995470/ib_8\(50\)_2023.pdf](chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgicfindmkaj/https://www.hse.ru/data/2023/04/21/2029995470/ib_8(50)_2023.pdf)

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Ивушкина А. Указ. соч.

²⁹ Малиновский С.С., Шибанова Е.Ю. Указ. соч.

³⁰ Там же. С. 12, 16.

развития российского гражданского права, подчеркивал социальную роль государства в охране и защите имущественных и личных неимущественных прав граждан³¹.

Телибекова И.М.,

профессор Высшей школы естественно-гуманитарных наук
учреждения «Баишев университет»

(г. Актобе, Республика Казахстан),

кандидат юридических наук;

докторант Российской государственной академии
интеллектуальной собственности

(г. Москва)

Литература

1. Малиновский С.С. Барьеры доступности высшего образования и социальные факторы дифференциации образовательных траекторий: информационный бюллетень / С.С. Малиновский, Е.Ю. Шибанова. Москва : НИУ ВШЭ, 2023.
2. Мозолин В.П. Система российского права // Мозолин В.П. Современная доктрина и гражданское законодательство / В.П. Мозолин. Москва : Юстицинформ, 2008.
3. Напреенко А.А. Значение и форма обучения методологии юриспруденции // Государство и право: вопросы методологии, теории и практики функционирования : сборник научных статей. Вып. 2 / под редакцией А.А. Напреенко. Самара : Издательство Самарского университета, 2006.
4. Недоспасова О.П. Финансирование высшего образования в условиях экономической нестабильности: общее и частное для стран ОЭСР / О.П. Недоспасова, А.Ю. Кайда, А.А. Недоспасов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 7(340).
5. Плискевич Н.М. Человеческий капитал в трансформирующейся России / Н.М. Плискевич. Москва : Институт экономики РАН, 2012.
6. Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию / В.В. Путин // Президент России. 2024. 29 февраля.
7. Сидорова К. Страхование для образования. Страхование сегодня / К. Сидорова. URL: <https://www.insur-info.ru/press/79153/>

³¹ Мозолин В.П. Система российского права // Современная доктрина и гражданское законодательство : монография. М. : Юстицинформ, 2008. С. 9.

Частноправовые механизмы обеспечения национальной идентичности

Современные условия экономико-правовой устойчивости России претерпевают проверку на прочность под воздействием санкций ряда недружественных стран. Именно в этот период требуются слаженные и эффективные механизмы противодействия со стороны как государства в целом, так и непосредственных участников хозяйственной деятельности. Безусловно, одной из приоритетных задач в этом направлении является создание крепкого правового базиса, где частноправовые механизмы обеспечения национальных интересов выступают одним из драйверов устойчивости экономического оборота. Если в законотворческой деятельности современного периода развития частного права мы наблюдаем отчетливые тенденции «взвешенного подхода» к выстраиванию защитных механизмов, то в правореализационной сфере такое взаимодействие носит несколько хаотичный и рефлексивный характер. Это обусловлено рядом факторов экономического и политического свойства.

Следует отметить, что сама политическая, а вслед за ней и экономическая ситуация в стране потребовали для правоприменителей кардинального пересмотра и перестроения всех сложившихся правовых связей как на внутригосударственном, так и на международном уровнях. Введенные санкции в отношении отечественных организаций и частных лиц, уход многих западных иностранных компаний с российского рынка, запреты и ограничения на производство и использование продукции, технологий и услуг, разрыв экономических и деловых связей не могли не сказаться на первичной «шоковой» ситуации частного бизнеса в стране. Четкие и действенные меры со стороны представителей публичной власти позволили стабилизировать ситуацию в экономико-правовом секторе. Обратим внимание на ряд мер частноправового характера в правореализационном аспекте.

Так, одной из приоритетных мер Правительства РФ в условиях санкций выступила форма *субсидирования приоритетных отраслей экономики*. В частности, были дополнительно профинансированы и докапитализированы такие направления, как внутренние авиаперевозки, импортозамещение лекарственных препаратов, сельское хозяйство, региональные фонды поддержки предприятий, социального обслуживания населения и другие важные сферы отношений. Данные меры финансовой поддержки со стороны государства, безусловно, позволили усилить развитие базовых направлений экономики.

Отдельно следует выделить правореализационные меры по *параллельному импорту* отдельных групп иностранных товаров. Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 г. № 506¹ легализован параллель-

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 г. № 506 «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения

ный импорт отдельных оригинальных товаров без согласия правообладателей. Путем введения данных мер публичной власти в кратчайший срок удалось обеспечить внутренний рынок востребованными импортными товарами и стабилизировать цены на них. Такая мера позволила не только динамично среагировать на спрос по отдельной продукции, но и простимулировать частный бизнес на деятельность по альтернативному ввозу и реализации такой продукции.

Немалую роль в балансировке экономики играют меры по бюджетированию бизнеса *посредством проведения государственных закупок*. Ряд из принятых действий позволил простимулировать данную сферу правоотношений. Например, Постановление Правительства Российской Федерации от 6 марта 2023 г. № 348 дало возможность производить авансирование государственных контрактов с 30 до 50%, финансируемых из федерального бюджета и подлежащих казначейскому сопровождению. Такая же мера поддержки бизнеса предложена для контрактов, финансируемых из региональных бюджетов. Эта мера позволяет, с одной стороны, для публичной власти повысить объем авансирования деятельности организаций, в том числе в частном секторе, с другой — обеспечить контроль за расходованием бюджетных средств.

Введение *цифрового контракта* в систему государственных закупок с 1 октября 2024 г. также позволяет усилить как защищенность от внешних угроз самой системы проведения торгов, так и дальнейшую реализацию проектов среди хозяйствующих субъектов. Цифровой контракт дает возможность автоматически создавать структурированные формы со всеми исходными данными в единой информационной системе (ЕИС)². Введение цифровых технологий, безусловно, представляет собой один из механизмов обеспечения национальных интересов в экономической сфере, позволяющих формировать устойчивую отечественную платформу для проведения государственных закупок и реализации договорных отношений.

Включение частноправовых механизмов обеспечения национальных интересов происходит в *высокотехнологичном секторе*. Постановлением Правительства РФ от 27 марта 2023 г. № 486 принят ряд мер по обеспечению технологического суверенитета страны³. Так, производители электроники на российской элементной базе получили преимущество при проведении государственных закупок на данную продукцию. В настоящее время действует трехуровневый механизм допуска электроники: с приоритетом «первого уровня» для российской техники, работающей на российских процессорах; «второй уровень» вводится,

Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы». URL: <http://static.government.ru/media/files/wiACCKhIqBBRhLDOoPaC0xgnA4Y2mlAT.pdf> (дата обращения: 10.10.2024).

² URL: https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/news/news_preview.html?newsId=33813 (дата обращения: 10.10.2024).

³ Постановление Правительства Российской Федерации от 27 марта 2023 г. № 486 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303300053> (дата обращения: 10.10.2024).

если на отечественной технике установлены компоненты иностранного производства; и лишь «третий уровень» отводится иностранной технике. Данная мера позволяет придавать приоритеты в финансировании отечественного производства и приобретении технической продукции со стороны государства и стимулировать частный бизнес в этом процессе, что также свидетельствует о правореализационном выстраивании публичного и частного интересов.

Современная судебная практика, следуя за правоприменителем в сложившихся реалиях, также была вынуждена выравнивать временную разбалансировку публичных и частных интересов. Сказывалась неординарность возникающих споров, а также желание ряда представителей судебного сообщества политизировать либо гипертрофировать складывающуюся ситуацию. Достаточно вспомнить уже ставшим знаменитым спор «О свинке Пеппе», где суд посчитал, что «с учетом введения ограничительных мер в отношении Российской Федерации и статуса истца (местом нахождения истца является Великобритания), действия истца как злоупотребление правом, что является самостоятельным основанием для отказа в иске»⁴. Второй апелляционный арбитражный суд был вынужден отменять такое решение, указывая на равное право по защите частных интересов на территории Российской Федерации⁵. Следует особо подчеркнуть, что такое восприятие судебной защиты недружественным государством в качестве злоупотребления правом носило единичный характер. Судебная система не должна подменять публичные интересы, тем более политического характера, путем ограничения одних частных прав над другими внутри отечественной юрисдикции.

Что касается самих тенденций, возникающих в судебной практике «санкционного периода», то здесь, в контексте обеспечения национальных интересов, можно отметить следующее.

Определенный баланс публичных и частных интересов в современной судебной практике усматривается и при применении ст. 222 Гражданского кодекса РФ (ГК), в случаях, когда объект недвижимости был возведен без согласия собственника земельного участка. Позиция Конституционного Суда РФ относительно конституционности положений ст. 222 ГК о том, что закрепленные в ней признаки самовольной постройки и последствия такой постройки обеспечивают необходимый баланс публичных и частных интересов⁶, максимально поддерживается в судах общей юрисдикции⁷.

⁴ Решение Арбитражного суда Кировской области от 3 марта 2022 г. по делу № А28-11930/2021. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/qs5luHb9RJbr/> (дата обращения: 10.10.2024).

⁵ Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 27 июня 2022 г. по делу № А28-11930/2021. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/XKueqyeCNJr1/> (дата обращения: 10.10.2024).

⁶ Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2020 г. № 2206-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сорокун Татьяны Валерьевны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьей 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 3 августа 2022 г. по делу № 88-19510/2022, 2-1095/2021; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13 июля 2022 г. № 88-18228/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

Следует отметить, что современная судебная практика сделала колоссальный крен в защиту отечественных юридических лиц, подвергшимся недружественным действиям иностранных компаний. В качестве доводов сторон об отстаивании интересов указываются как сами недружественные действия иностранных контрагентов, так и возникающие препятствия в осуществлении нормальной хозяйственной деятельности. Так, в частности, если судом установлено, что ввиду отказа иностранной компании от соглашения и оказания услуг по исполнению договорных обязательств у нее образовалось перед истцом неосновательное обогащение в виде ранее полученного, но не закрытого до расторжения соглашения аванса, которое в силу ст. 1102 ГК РФ подлежит возврату истцу, суд считает, что требования истца о взыскании с ответчика денежных средств подлежат удовлетворению⁸.

Очень часто суды стали применять обеспечительные меры, направленные на удержание активов иностранных компаний. Наиболее часто применяются меры по аресту счетов и объектов недвижимости, аресту движимого имущества и ценных бумаг, долей участия в компании. Такие обеспечительные меры позволяют российским юридическим лицам в дальнейших судебных процессах исполнять свои притязания к иностранным компаниям в рамках предъявляемых требований по неисполнению обязательств в связи с введенными санкциями.

Полагаем, применяемые меры противодействия санкционной политике отдельных недружественных стран и их организаций являются оправданными и обоснованными в современный период экономических отношений. Механизмы по защите интересов как государства, так и отдельных субъектов экономической деятельности, используемые в частноправовой юридической практике, способствуют укреплению национального суверенитета и самоидентичности страны.

Хужин А.М.,

профессор кафедры гражданского права и процесса
Нижегородской академии Министерства внутренних дел
Российской Федерации; профессор кафедры гражданского права
и процесса Нижегородского государственного университета
имени Н.И. Лобачевского,
доктор юридических наук, доцент
(г. Нижний Новгород)

⁸ Постановление Арбитражного суда г. Москвы от 23 ноября 2023 г. по делу № А40-108545/2023-52-882. URL: <https://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.10.2024).

Отдельные вопросы распределения судебных расходов по уплате государственной пошлины

Как неоднократно отмечал в своих постановлениях Конституционный Суд Российской Федерации, право на возмещение судебных расходов является одной из составляющих права на судебную защиту. В Постановлении от 11 июля 2017 г. № 20-П¹ Конституционный суд указал, что «правосудие нельзя было бы признать отвечающим требованиям равенства и справедливости, если расходы, понесенные в связи с судебным разбирательством, ложились бы на лицо, вынужденное прибегнуть к судебному механизму обеспечения принудительной реализации своих прав, свобод и законных интересов, осуществление которых из-за действий (бездействия) другого лица оказалось невозможно, ограничено или сопряжено с несением неких дополнительных обременений». Данный общий принцип неоднократно подчеркивался в постановлениях Конституционного Суда РФ от 21 января 2019 № 6-П², от 28 апреля 2020 г. № 21-П³, от 15 июля 2020 г. № 36-П⁴, от 13 мая 2021 г. № 18-П⁵, от 15 июля 2021 г. № 37-П⁶.

В силу положений российского процессуального законодательства (ст. 88 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ)⁷, 101 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ)⁸, 103 Кодекса административного судопроизводства РФ (КАС РФ)⁹) судебные расходы состоят из государственной пошлины и судебных издержек, связанных с рассмотрением дела арбитражным судом.

Соответственно, вопросы уплаты государственной пошлины и распределения между сторонами понесенных в этой связи судебных расходов являются составной частью цивилистического процесса (здесь и далее автор разделяет высказываемую в юридической литературе позицию об отнесении к цивилистическому процессу гражданского, арбитражного и административ-

¹ СЗ РФ. 2017. № 30. Ст. 4726.

² СЗ РФ. 2019. № 4. Ст. 361.

³ СЗ РФ. 2020. № 20. Ст. 3225.

⁴ СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4999.

⁵ СЗ РФ. 2021. № 21. Ст. 3673.

⁶ СЗ РФ. 2021. № 30. Ст. 5884.

⁷ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁸ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

⁹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

ного судопроизводства)¹⁰. Основой решения указанных вопросов представляется определение функций государственной пошлины, уплачиваемой при обращении в суд.

Обобщая выводы посвященных данному вопросу исследований¹¹, полагаем возможным выделить две базовые функции государственной пошлины — фискальную, состоящую в финансировании государственного бюджета, за счет которого в том числе обеспечивается работа судебной системы, и регулятивную, направленную на побуждение участников процесса (включая потенциальных) к совершению определенных, «одобряемых» с точки зрения политико-правовой системы действий или воздержанию от совершения «нежелательных» действий.

Фискальная функция государственной пошлины осуществляется посредством указания в законе на необходимость уплаты пошлины при обращении в суд с иском, заявлением, жалобой, а также установления размера пошлины.

Регулятивная функция государственной пошлины реализуется через предусмотренное в статьях 98 ГПК РФ, 110 АПК РФ, 111 КАС РФ правило о распределении судебных расходов, включая расходы по уплате государственной пошлины, в зависимости от исхода дела, пропорционально размеру удовлетворенных судом исковых требований, а также указанные в налоговом законодательстве случаи возврата пошлины при урегулировании спора в том или ином порядке.

Между тем цивилистическому процессу известны и категории дел, в рамках которых не производится возмещение понесенных истцом судебных расходов. Общая характеристика таких дел дана в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела»¹² (далее — постановление Пленума № 1).

¹⁰ Ярков В., Боннер А., Никитин С., Туманова А., Тай Ю., Архипов Д., Овчарова Е., Голубок С., Чумаков А., Подоксенов М., Гаврилов Е., Буланов М., Щербаков Н., Плешанова О. Кодекс административного судопроизводства: ожидания и перспективы // Закон. 2015. № 9. С. 18–33; Боннер А. Т. Административное судопроизводство в Российской Федерации: миф или реальность, или Спор процессуалиста с административистом // Закон. 2016. № 7. С. 24–51; Самсонов Н.В. Типология административного судопроизводства и пути унификации цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. № 5. С. 118–133; Самсонов Н.В. Завершена ли дискуссия о правовой природе административного судопроизводства? // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 201–203.

¹¹ Решетникова И.В. Судебные расходы в арбитражном процессе: комментарий и постатейные материалы к главе 9 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации / И.В. Решетникова, И.В. Курганникова. М. : Волтерс Клувер, 2008. С. 3; Егорова Т.В. Судебные расходы в арбитражном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 8; Шмотин К.С. Судебные расходы в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 3.

¹² Российская газета. 2016. 1 марта.

В силу данного пункта не подлежат распределению между лицами, участвующими в деле, издержки, понесенные в связи с рассмотрением требований, удовлетворение которых не обусловлено установлением фактов нарушения или оспаривания прав истца ответчиком, административным ответчиком, например исков о расторжении брака при наличии взаимного согласия на это супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей (п. 1 ст. 23 Семейного кодекса Российской Федерации)¹³.

В определениях Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 мая 2017 г. № 86-КГ17-4 и от 12 июля 2016 г. № 22-КГ16-5¹⁴ высказана позиция, согласно которой под оспариванием прав истца ответчиком следует понимать совершение последним определенных действий, свидетельствующих о несогласии с предъявленным иском, например, подачу встречного искового заявления, то есть наличие самостоятельных претензий ответчика на объект спора.

Примерами подобных производств, наряду с указанным в п. 19 постановления Пленума № 1 являются, в частности, дела особого производства, дела об устранении реестровой ошибки в случае, когда вторая сторона не спорит с существом требований, однако устранение ошибки производится по решению суда (ч. 4 ст. 61 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»¹⁵, Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 января 2024 г. № 4-КГ23-85-К1¹⁶).

При этом, как справедливо отмечает А.П. Илюхин, применительно к рассматриваемой категории дел «выражение несогласия ответчика с доводами истца путем направления возражений на иск по смыслу приведенных норм и разъяснений не является тем оспариванием прав истца, которое ведет к возложению на ответчика обязанности по возмещению судебных расходов»¹⁷.

Соответственно, полагаем возможным утверждать, что даже в тех случаях, когда ответчик или заинтересованное лицо занимает в споре активную позицию и представляет возражения против рассматриваемого иска или заявления, отнесение на такую сторону судебных расходов по уплате государственной пошлины не должно производиться, если сама подача заявления не обусловлена незаконными действиями второй стороны спора.

Так, в определениях Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации по экономическим спорам от 11 июля 2017 г. № 305-КГ15-20332 и от 2 сентября 2021 г. № 305-ЭС21-8475¹⁸ указано, что если суд не установит факт

¹³ СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

¹⁴ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.11.2024).

¹⁵ Российская газета. 2015. 17 июля.

¹⁶ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Илюхин А.П. Судебные расходы применительно к правовой конструкции убытков // Российский судья. 2022. № 6. С. 3–8.

¹⁸ СПС «КонсультантПлюс».

нарушения ответчиком прав истца, в защиту которых он обратился в суд, либо оспаривания ответчиком защищаемых прав, то в таких случаях судебные издержки не подлежат возмещению за счет ответчика.

К примеру, по делам о признании права собственности на самовольную постройку (п. 27 Обзора судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 16 ноября 2022 г.)¹⁹, о продлении срока ликвидации общества с ограниченной ответственностью (п. 6 ст. 57 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»)²⁰, в отдельных случаях — об оспаривании регистрационных действий в ЕГРЮЛ, ЕГРИП, ЕГРН (внесение сведений на основании заявления лица, полномочия которого впоследствии оспорены, или на основании подложного заявления) ответчик может активно спорить с удовлетворением иска. Однако если в действиях ответчика, предшествующих обращению истца в суд, не установлено нарушений, судебные расходы по уплате государственной пошлины подлежат оставлению на истце, независимо от процессуальной позиции ответчика. Данный подход отражен, к примеру, в постановлении Арбитражного суда Поволжского округа от 5 июня 2020 г. № Ф06-61525/2020 по делу № А65-1186/2019²¹.

С принятием Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 259-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» (далее — Закон № 259-ФЗ) перечень случаев уплаты государственной пошлины при обращении в суд, не связанном с нарушением прав и законных интересов заявителя, расширен.

Статьями 333.19 и 333.21 Налогового кодекса РФ (НК РФ)²² в новой редакции предусмотрена уплата государственной пошлины при подаче заявлений о процессуальном правопреемстве (кроме случаев универсального правопреемства), о выдаче дубликата исполнительного листа, о восстановлении пропущенного срока для предъявления исполнительного листа к исполнению, об отсрочке или рассрочке исполнения судебного постановления, о разъяснении судебного постановления, изменении способа и порядка его исполнения.

Как следствие, если ранее приведенные правила распространялись на конкретные категории дел, то Законом № 259-ФЗ введено требование об уплате государственной пошлины за рассмотрение заявлений, подача которых возможна в рамках любого находящегося в производстве суда дела.

¹⁹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2.

²⁰ Российская газета. 1998. 17 февраля.

²¹ СПС «КонсультантПлюс».

²² СЗ РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.

Рассматривая вопрос о праве заявителя на компенсацию понесенных в данной части судебных расходов, полагаем необходимым исходить из того, что, как и в описанных выше делах, если при рассмотрении данных заявлений суд не установит факт нарушения второй стороной прав заявителя, то судебные расходы по уплате государственной пошлины не подлежат возмещению.

К примеру, уступка права требования и вызванная этим подача заявления о процессуальном правопреемстве не свидетельствует о принятии судебного акта против второй стороны. Уплаченная за рассмотрение такого заявления государственная пошлина не подлежит отнесению на иное участвующее в деле лицо. Аналогичный подход применим к случаям утраты исполнительного листа, не обусловленным виновными действиями должника, пропуска срока для предъявления исполнительного листа к исполнению, имеющейся, по мнению стороны, необходимости разъяснения судебного постановления.

Возможные дискуссионные вопросы нам видятся, во-первых, в ситуациях, когда между сторонами при рассмотрении поименованных выше заявлений возник спор и, во-вторых, когда применительно к отдельным заявлениям будет доказана обусловленность их подачи виновными действиями иного участвующего в деле лица.

Отметим, что при рассмотрении указанных выше заявлений возникновение спора возможно. Даже применительно к тем заявлениям, которые рассматриваются судом без вызова сторон и проведения судебного заседания (о разъяснении судебного постановления), иными лицами, участвующими в деле, могут быть представлены письменные отзывы, а с учетом необходимости заслушивания сторон суд не лишен права назначить судебное заседание. Большинство же поименованных заявлений рассматривается в судебном заседании с извещением лиц, участвующих в деле, которые вправе высказывать свои возражения.

При этом интерес должника, к примеру, в отказе в удовлетворении заявления о восстановлении срока для предъявления исполнительного листа к исполнению вполне очевиден. При рассмотрении иных заявлений лица, участвующие в деле, также могут иметь интерес в отказе в их удовлетворении, в связи с чем занимать активную позицию и спорить с заявителем.

Особую актуальность данный вопрос приобретает с учетом указания в постановлении Конституционного Суда РФ от 28 мая 2024 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.М. Туманиной»²³ на возможность удовлетворения требования о возмещении судебных расходов, понесенных не в связи с рассмотрением дела

²³ Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.11.2024).

по существу, а в рамках так называемого обособленного спора (применительно к описанным в Постановлении № 26-П обстоятельствам — заявлению о процессуальном правопреемстве).

Допустимо ли толкование высказанных в данном постановлении позиций таким образом, что при подаче лицом, участвующим в деле, возражений против рассматриваемого заявления, впоследствии отклоненных судом, у заявителя возникает право на возмещение не только судебных издержек, но и расходов по уплате государственной пошлины?

Не будучи безусловно категоричными в своем суждении и допуская существование случаев, когда распределение судебных расходов по уплате государственной пошлины станет возможным, представляется, что по общему правилу изложенные в Постановлении № 26-П правоположения²⁴ распространяются только на понесенные стороной судебные издержки и исключительно в той части, когда их несение обусловлено не подготовкой заявления и участием в заседании суда по его первоначальному рассмотрению, а необходимостью опровержения доводов иного лица, участвующего в деле. Иными словами, если это повлекло для лица дополнительные судебные издержки.

Судебные расходы по уплате государственной пошлины по своему размеру никак не связаны с длительностью рассмотрения заявления, наличием или отсутствием отзывов иных лиц, участвующих в деле, несутся в связи с самим фактом подачи заявления в суд. При этом уплата пошлины в данном случае не обусловлена нарушением прав заявителя. Как следствие, процессуальная позиция иных лиц, участвующих в деле, не влияет на несение стороной судебных расходов. На данном основании, полагаем, по общему правилу такие расходы подлежат оставлению на заявителе.

В отличие о рассмотренных выше случаев, возможны ситуации, когда подача заявления в суд вызвана действиями иди бездействием лица, участвующего в деле. К примеру, применительно к заявлению об изменении способа и порядка исполнения судебного акта невозможность исполнения прежним образом может быть обусловлена действиями должника. При доказанности заявителем наличия такого рода обстоятельств отнесение на должника судебных расходов взыскателя по уплате государственной пошлины представляется допустимым.

Возвращаясь с учетом проведенного анализа к функциям государственной пошлины, полагаем, что применительно к рассмотренной категории дел и заявлений реализуются обе функции государственной пошлины.

²⁴ О понимании термина «правоположение» см., например: Самсонов Н.В. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как источник отечественного гражданского процессуального права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 152.

Однако выполнение регулятивной функции ограничено и направлено только на подателя иска или заявления, которому предстоит соотнести выгоду от рассмотрения судом соответствующего спора (вопроса) с размером подлежащей уплате в этой связи пошлины, которая, по общему правилу, не подлежит возмещению.

По изложенному признаку данная категория дел и заявлений может быть объединена в общую группу с формулированием правового подхода, согласно которому: если обращение в суд обусловлено не нарушением прав заявителя иным лицом, участвующим в деле, а указанием в законе на рассмотрение данного вопроса в судебном порядке, уплачиваемая государственная пошлина остается на заявителе, независимо от процессуальной позиции иных лиц, участвующих в деле.

Авдякова В.А.,

судья Арбитражного суда Северо-Кавказского округа
(г. Краснодар)

Литература

1. Боннер А.Т. Административное судопроизводство в Российской Федерации: миф или реальность, или Спор процессуалиста с административистом / А.Т. Боннер // Закон. 2016. № 7.
2. Егорова Т.В. Судебные расходы в арбитражном процессе : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Т.В. Егорова. Саратов, 2011.
3. Илюхин А.П. Судебные расходы применительно к правовой конструкции убытков / А.П. Илюхин // Российский судья. 2022. № 6.
4. Решетникова И.В. Судебные расходы в арбитражном процессе: комментарий и постановочные материалы к главе 9 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации / И.В. Решетникова, И.В. Курганникова. Москва : Волтерс Клувер, 2008.
5. Самсонов Н.В. Завершена ли дискуссия о правовой природе административного судопроизводства? / Н.В. Самсонов // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3.
6. Самсонов Н.В. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации как источник отечественного гражданского процессуального права / Н.В. Самсонов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2.
7. Самсонов Н.В. Типология административного судопроизводства и пути унификации цивилистического процесса / Н.В. Самсонов // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. № 5.
8. Шмотин К.С. Судебные расходы в гражданском судопроизводстве : автореферат диссертации кандидата юридических наук / К.С. Шмотин. Москва, 2018.
9. Ярков В. Кодекс административного судопроизводства: ожидания и перспективы / В. Ярков, А. Боннер, С. Никитин [и др.] // Закон. 2015. № 9.

Скриншот в форме электронного документа как доказательство в гражданском и арбитражном процессе: постановка вопроса

В условиях цифровизации современного мира получило распространение представление о *скриншотах*. В частности, в настоящее время скриншоты активно применяются в гражданском и арбитражном процессе.

В российском законодательстве определение термина «скриншот» отсутствует, поэтому для понимания того, что такое скриншот, требуется обращение к специализированной литературе, а также судебному толкованию.

Так, выдающийся отечественный ученый-юрист А.Т. Боннер справедливо отмечал, что «в самом недалеком будущем развитие науки и техники, а также общественных отношений заставит законодателя дополнить и (или) сделать открытым перечень допустимых в гражданском и арбитражном процессах средств доказывания»¹. В развитие этих идей не удивительно, что скриншот появился в российском праве как одно из доказательств.

В специализированной литературе под скриншотом понимается снимок экрана². Схожее определение встречается в судебной практике: скриншот — снимок экрана, показывающий то, что видит пользователь на экране монитора³.

Таким образом, скриншот представляет собой снимок экрана, его изображение в электронном виде (цифровое изображение). Иными словами, *скриншот в своей основе имеет цифровую природу*.

Одной из первых о допустимости применения скриншотов в качестве доказательств официальные разъяснения дала Федеральная налоговая служба в своем письме от 31 марта 2016 г. № СА-4-7/5589. Ссылаясь на судебную практику, фискальный орган считает скриншоты надлежащими доказательствами, если они содержат информацию о дате их получения, наименование сайта; на скриншотах должны быть проставлены дата и время получения информации с сайта в сети Интернет; скриншот должен содержать данные о лице, которое

¹ Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе : монография. М. : Проспект, 2014. С. 7–8.

² См., например: Горшков П.А. Сленг хакеров и геймеров в Интернете : дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. С. 157; Миронов Д. Интернет без страха для начинающих. М. : Эксмо, 2012. С. 6; Райтман М.А. Как найти и скачать в Интернете любые файлы. СПб. : БХВ-Петербург, 2011. С. 326.

³ См., например: Пункт 9 Обзора по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г.; Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 ноября 2013 г. № 18002/12, Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19 сентября 2019 г. по делу № А03-3116/2018, Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20 апреля 2018 г. № 18АП-13625/2017 по делу № А76-22209/2017 // Здесь и далее судебная практика приводится по СПС «КонсультантПлюс».

произвело его выведение на экран и дальнейшую распечатку, программном обеспечении и использованной компьютерной технике⁴.

Спустя три года разъяснения последовали и со стороны Пленума Верховного Суда РФ.

В абзацах первом, втором п. 55 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» отмечено следующее: при рассмотрении дел о защите нарушенных интеллектуальных прав судам следует учитывать, что законом не установлен перечень допустимых доказательств, на основании которых устанавливается факт нарушения (ст. 55 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ), ст. 64 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ)). Поэтому при разрешении вопроса о том, имел ли место такой факт, суд в силу ст. 55 и 60 ГПК РФ, ст. 64 и 68 АПК РФ вправе принять любые средства доказывания, предусмотренные процессуальным законодательством, в том числе полученные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в частности сети Интернет. Допустимыми доказательствами являются в том числе сделанные и заверенные лицами, участвующими в деле, распечатки материалов, размещенных в информационно-телекоммуникационной сети (скриншот), с указанием адреса интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точного времени ее получения. Такие распечатки подлежат оценке судом при рассмотрении дела наравне с прочими доказательствами (ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ)⁵.

Из указанного разъяснения Пленума Верховного Суда РФ следует, что скриншот является допустимым доказательством, если распечатан, заверен лицами, участвующими в деле, при этом указан адрес интернет-страницы, с которой сделана распечатка, а также точное время ее получения. Схожее толкование содержится в абзаце втором п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства», пункте 66 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда», абзаце третьем п. 43 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты», п. 36 Обзора судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 29 мая 2024 г.

Ранее нами уже были высказаны критические замечания к указанной правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ⁶. В частности, претензия касает-

⁴ Письмо ФНС России от 31 марта 2016 г. № СА-4-7/5589 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС ГАРАНТ.

⁶ См., например: Гаврилов Е.В. Некоторые комментарии к постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 10 в части разъяснений, касающихся использования сети «Интернет» // Хо-

ся того, что в разъяснении Пленума Верховного Суда РФ акцент делается на «распечатке материалов».

По логике высшей судебной инстанции, скриншот следует распечатать и только после этого представлять в суд в качестве доказательства. Очевидно, при выполнении определенных условий (заверение, указание адреса страницы в сети Интернет, время получения) такой скриншот может быть признан судом письменным доказательством. Однако правильно ли такое умозаключение? Разве скриншот не может существовать в цифровой (электронной) форме и представляться в суд без распечатки?

По нашему мнению, *имманентная природа скриншота — цифровая, а распечатка имеет лишь вторичное значение*. Именно поэтому недостатком правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ является отсутствие разъяснения относительно того, можно ли представлять в суд скриншот в качестве доказательства в форме электронного документа; каковы условия использования данного доказательства, представленного в электронной форме (на каком съемном носителе его представлять в суд; какой должен быть формат файла; обязательно ли использовать при этом систему «Мой Арбитр», портал ГАС «Правосудие»; требуется ли использование усиленной квалифицированной электронной подписи; какие обязательные атрибуты должны быть на электронном скриншоте и проч.).

Напомним, что, в соответствии с п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» электронный документ — это документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах.

С 1 января 2022 г. в АПК РФ, ГПК РФ, Кодекс административного судопроизводства РФ (КАС РФ) внесены изменения, связанные с возможностью представления в суд документов в форме электронного документа.

Так, в соответствии с ч. 7 ст. 4 АПК РФ, ч. 1.1 ст. 3 ГПК РФ, ч. 2.1–2.3 ст. 45 КАС РФ исковое заявление (административное исковое заявление), заявление, жалоба, представление и иные документы (далее — документы) могут быть поданы в суд на бумажном носителе или *в электронном виде, в том числе в форме электронного документа*. Документ в электронном виде могут быть поданы в суд посредством ФГИС «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (далее — единый портал государственных и муниципальных услуг), либо информационной системы, определенной Верховным Судом РФ, Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, либо систем

зайство и право. 2019. № 9. С. 68–70; Он же : Понятие и условия применения скриншотов в качестве доказательств по гражданским делам в российском праве // Гражданин и право. 2021. № 2. С. 71–82; Он же : Скриншот как доказательство в арбитражном процессе // Арбитражные споры. 2020. № 2. С. 75–92.

электронного документооборота участников арбитражного процесса с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия. Документы, которые подаются посредством единого портала государственных и муниципальных услуг, информационной системы, определенной Верховным Судом РФ, Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, могут быть подписаны простой электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации и порядком, определяемым Верховным Судом РФ, Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, если АПК РФ не установлено, что документы должны быть подписаны усиленной квалифицированной электронной подписью. Документы, которые подаются посредством систем электронного документооборота участников арбитражного процесса, должны быть подписаны усиленной квалифицированной электронной подписью.

Учитывая, что «иные документы» вполне могут иметь доказательственное значение, допустимость использования скриншота в форме электронного документа (электронного скриншота) в качестве доказательства не вызывает сомнения.

По нашему мнению, скриншот не обязательно должен быть распечатан, он может быть представлен в форме электронного документа на съемном носителе (например, на «компакт-диске», «флеш-карте») либо (по выбору заявителя) через единый портал государственных и муниципальных услуг, через соответствующие информационные системы, например в рамках «Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа», утвержденного приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251, «Порядка подачи в арбитражные суды Российской Федерации документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа», утвержденного приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28 декабря 2016 г. № 252.

Применение скриншотов в электронной форме в качестве допустимых доказательств признается отдельными учеными-юристами⁷, а также распространено в зарубежных правовых порядках⁸. В российской судебной практике имеются положительные случаи использования электронных скриншотов в качестве доказательств⁹.

К слову, имеется тенденция к упрощению оценивания скриншотов в качестве доказательств. Так, по одному из дел в 2023 г. Судебная коллегия по граж-

⁷ См., например: Дубровина А.А. Электронные средства доказывания в условиях цифровой реальности // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 6. С. 40.

⁸ Об этом подроб. см., например: Гаврилов Е.В. Зарубежный опыт использования скриншотов в качестве доказательств по гражданским делам // Нотариус. 2021. № 7. С. 38–41.

⁹ См., например: Постановления ФАС Дальневосточного округа от 29 апреля 2013 г. № Ф03-1597/2013 по делу № А24-3468/2012, Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 5 августа 2016 г. № Ф04-2892/2016 по делу № А75-8492/2014, Арбитражного суда Уральского округа от 16 сентября 2024 г. № Ф09-5762/24 по делу № А60-27604/2024; Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13 марта 2024 г. № 88а-5449/2024; Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 18 мая 2020 г. по делу № 88-8979/2020 // СПС ГАРАНТ.

данским делам Верховного Суда РФ (далее — Коллегия) пришла к выводу, что скриншоты являются допустимыми доказательствами, если «заявлений о фальсификации этих документов ответчиком сделано не было»¹⁰. Таким образом, единственным условием доказательственного значения скриншотов, по мнению коллегии, является отсутствие заявлений об их фальсификации. Иными словами, установлена презумпция доказательственной силы скриншотов, которая может быть опровергнута в случае заявления ходатайства о фальсификации. Критически относимся к такому выводу¹¹.

На основании изложенного считаем, что необходимо официальное разъяснение со стороны Пленума Верховного Суда РФ относительно использования скриншотов, представляемых в электронной форме, в качестве доказательств в судебном процессе, а также поддерживаем общую идею о целесообразности легализации электронных доказательств в качестве самостоятельного вида доказательств в российском процессуальном законодательстве.

Гаврилов Е.В.,

советник юридического отдела экспертно-правового управления
Законодательного Собрания Красноярского края
(г. Красноярск)

Литература

1. Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе : монография / А.Т. Боннер. Москва : Проспект, 2014.
2. Гаврилов Е.В. Зарубежный опыт использования скриншотов в качестве доказательств по гражданским делам / Е.В. Гаврилов // Нотариус. 2021. № 7.
3. Гаврилов Е.В. Некоторые комментарии к постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 10 в части разъяснений, касающихся использования сети «Интернет» / Е.В. Гаврилов // Хозяйство и право. 2019. № 9.
4. Гаврилов Е.В. О доказательственной силе скриншотов в цивилистическом процессе. Комментарий к определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 7 февраля 2023 года № 5-КГ22-144-К2 / Е.В. Гаврилов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 6.
5. Гаврилов Е.В. Понятие и условия применения скриншотов в качестве доказательств по гражданским делам в российском праве / Е.В. Гаврилов // Гражданин и право. 2021. № 2.
6. Гаврилов Е.В. Скриншот как доказательство в арбитражном процессе / Е.В. Гаврилов // Арбитражные споры. 2020. № 2.
7. Горшков П.А. Сленг хакеров и геймеров в Интернете : диссертация кандидата филологических наук / П.А. Горшков. Москва, 2007.
8. Дубровина А.А. Электронные средства доказывания в условиях цифровой реальности / А.А. Дубровина // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 6.
9. Миронов Д. Интернет без страха для начинающих / Д. Миронов. Москва : Эксмо, 2012.
10. Райтман М.А. Как найти и скачать в Интернете любые файлы / М.А. Райтман. Санкт-Петербург : БХВ-Петербург, 2011.

¹⁰ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 февраля 2023 г. № 5-КГ22-144-К2 // СПС ГАРАНТ.

¹¹ Гаврилов Е.В. О доказательственной силе скриншотов в цивилистическом процессе. Комментарий к определению Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 7 февраля 2023 года № 5-КГ22-144-К2 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2024. № 6. С. 4–13.

Влияние традиционных российских духовно-нравственных ценностей на гражданское судопроизводство

Постановка проблемы. Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 утверждены Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹. Нормативный акт относит к традиционным ценностям: (1) жизнь, (2) достоинство, (3) права и свободы человека, (4) патриотизм, (5) гражданственность, (6) служение Отечеству и ответственность за его судьбу, (7) высокие нравственные идеалы, (8) крепкую семью, (9) созидательный труд, (10) приоритет духовного над материальным, (11) гуманизм, (12) милосердие, (13) справедливость, (14) коллективизм, (15) взаимопомощь и взаимоуважение, (16) историческую память и преемственность поколений, (17) единство народов России. Одним из правовых инструментов по реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей является совершенствование нормативно-правовой базы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, включая улучшение процессуального законодательства в соответствии с государственной политикой. В науке верно отмечается, что сам факт фиксации традиционных ценностей в нормативном акте указывает на то, что в сложных случаях толкования права и для разработки модели юридической аргументации легитимно обращение к ценностям, указанным в указе Президента Российской Федерации². Подобное обуславливает необходимость исследования и осмысления влияния традиционных российских духовно-нравственных ценностей на гражданское судопроизводство. Автор настоящей статьи выделяет четыре таких аспекта, где традиционные ценности влияют на интерпретацию позитивного права.

Доказывание и традиционные духовно-нравственные ценности. Первым аспектом влияния духовно-нравственных ценностей на гражданский процесс выступает взаимодействие материального и процессуального права в рамках формирования предмета доказывания и распределения бремени доказывания по цивилистическим делам.

Для примера отметим трудовые споры. Во-первых, в них работник выступает слабой стороной, поэтому бремя доказывания законности увольнения и соблюдение установленного порядка увольнения возлагается на работо-

¹ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».

² Кропачев Н.М., Архипов В.В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. 2023. № 2. С. 301.

дателя, исключением является увольнение работника по собственной инициативе, где истец доказывает, что расторжение договора было следствием морального или физического воздействия³. Во-вторых, фиксирование в самих нормах трудового права абстрактных понятий, толкование которых зависит от усмотрения судьи и сложившейся судебной практики. И именно подобное толкование должно осуществляться в соответствии с духом российских духовно-нравственных ценностей.

В качестве иллюстрации приведем пример увольнения за «аморальный поступок» сотрудника, осуществляющего воспитательные функции. Официальной дефиниции или судебного акта правотолкования, разъясняющего содержание этого оборота, не имеется. В общих чертах «аморальный поступок» подразумевает противоречие определенным нравственным или моральным правилам, сложившимся в обществе. Более того, бремя доказывания, что поступок является аморальным, возлагается на ответчика, а оценка его «аморальности» осуществляется судом. Так, суды отметили, что аморальный поступок нельзя оценивать применительно к текущей спорной ситуации, а следует учитывать и предшествующее поведение педагогического работника⁴. В другом деле кассационная инстанция указала, что использование нецензурной брани в отношении подопечных является поступком, исключающим возможность дальнейшей работы сотрудника, выполняющего воспитательные функции, однако, во-первых, имеются дефекты в процедуре увольнения сотрудника, во-вторых, работодатель не доказал невозможность применения к истцу иного, менее строгого вида дисциплинарного взыскания, поэтому требования истца о восстановлении на работе подлежат удовлетворению⁵. В обозначенных делах, на взгляд автора, судами учитывались такие ценности, как милосердие, достоинство, взаимопомощь и взаимоуважение. При отправлении правосудия могут применяться и иные традиционные ценности, влияющие на истолкование «аморальности поступка».

Также нравственные аспекты влияют на процессуальную форму оценки самих доказательств, представленных сторонами. В частности, в рамках проведения закрытого судебного заседания, если исследуются материалы, раскрывающие, например, частную жизнь гражданина. Тем самым гарантируют идеи гуманизма, взаимоуважения.

Обязанности участников процесса и традиционные духовно-нравственные ценности. Вторым аспектом влияния духовно-нравственных ценностей на гражданский процесс является толкование процессуальных обязанностей сторон в контексте интерпретации в соответствии с нравственными идеалами.

³ См.: Пункт 23 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 7 февраля 2024 г. № 88-3645/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 16 июля 2024 г. № 88-14383/2024 (УИД 75RS0001-02-2023-008854-92) // СПС «КонсультантПлюс».

Например, обязанность соблюдать порядок в судебном заседании включает недопущение грубых выражений или оскорбительных высказываний в судебном заседании. Процессуальное законодательство не уточняет, что понимается под «грубым выражением», «оскорбительным высказыванием». В административном праве под оскорблением толкуется унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятой нормами морали и нравственности форме. Но подобное определение также является открытым, так как идет ссылка на общепринятые моральные правила. Проблема заключается в том, что для одного субъекта подобные слова допустимы, а для другого — являются оскорбительными. Поэтому, во-первых, суд, исходя из идей взаимоуважения, обязан предупредить, что расценивает слова стороны как оскорбительные и в дальнейшем применит меры процессуального принуждения; во-вторых, в идеальном варианте должны быть установлены конкретные правила, а не абстрактные формулировки. В частности, не вмешиваться в действия судей и других участников судебного процесса, не мешать ведению судебного разбирательства вопросами, не допускать использования ненормативной лексики.

Другим примером влияния духовно-нравственных ценностей является процессуальная обязанность действовать в соответствии с доброй совестью (*bona fides*). Добросовестность — субъективная и априорная категория, толкование которой зависит от взглядов на действительность конкретного субъекта. Любые распорядительные действия участников процесса должны проходить в соответствии с добросовестностью. Именно через *контркатегорию* «недобросовестность» российские суды могут указать на отсутствие действительного процессуального интереса у стороны в реализации соответствующего права и применить правовые последствия по противодействию злоупотреблению правом. Фактически с позиции духовно-нравственных ценностей эта категория обозначает высокие нравственные идеалы, когда субъект учитывает не только свой конкретный интерес, а принимает во внимание потребности общества и судебной системы. Например, ответственный субъект не будет реализовывать право на апелляционное обжалование, если решение отвечает действительным обстоятельствам дела и соответствует нормам права. Соответственно, в этом случае мы говорим о таких ценностях, как ответственность за судьбу Отечества, материальная справедливость, взаимопомощь и взаимоуважение.

Следует отметить, что, кроме добросовестности, в гражданском процессе применяются категории сотрудничества, справедливости в плане права на справедливое разбирательство дела, разумности, публичного интереса, которые также имеют духовно-нравственный окрас. Так, сотрудничество при состязательных началах гражданского судопроизводства обозначает, что лица, участвующие в деле, должны в максимальной степени способствовать мирному разрешению спора или более быстрому и правильному рассмотрению дела. Правовед М.Ф. Лукьяненко верно указывала, что оце-

ночные понятия в праве выполняют и воспитательную функцию, связанную с обеспечением поведения участников правоотношений в соответствии с «потребностями, интересами и ценностями гуманного общества»⁶.

Задачи цивилистического судопроизводства и традиционные духовно-нравственные ценности. Третьим аспектом влияния духовно-нравственных ценностей на гражданский процесс является толкование задач гражданского судопроизводства. В процессуальном законодательстве закреплено, что процесс должен способствовать формированию уважительного отношения к закону и суду, мирному урегулированию споров, предупреждению правонарушений. Фактически в рамках этих задач мы говорим о воспитательной функции суда. Так, советский правовед Н.А. Чечина отмечала, что задачу воспитания суд осуществляет своей деятельностью на каждой отдельной стадии, каждым своим действием. Причем она реализуется через применение норм не только процессуального права, но и материального законодательства. В некоторых делах прослеживается доминирование над непосредственной целью защиты конкретных субъективных прав. Например, для сохранения семьи, а не ее разрушения суд убеждает супругов примириться⁷.

Автор соглашается с данной точкой зрения, хотя она высказывалась в рамках советского гражданского процессуального права, но и применима к современному процессу. Так, через задачу содействия мирному урегулированию споров явно прослеживается влияние нравственных основ на порядок отправления правосудия по гражданским и административным делам. В пояснительной записке к Федеральному закону от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», внесшему существенные изменения в регулирование и реализацию примирительных процедур в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве, отмечалось, что механизм примирительного урегулирования конфликтов будет способствовать: (1) повышению качества правосудия за счет оптимизации судебной нагрузки, (2) снижению конфликтности, укреплению социальных и деловых связей, (3) становлению и развитию партнерских отношений, формированию уважительного отношения к закону, а также (4) повышению правосознания и социальной активности⁸. Добиваясь заключения мирового соглашения, суд показывает, что все конфликты можно разрешить не только через обращение к субъекту, по которому выносится решение, но и, договорившись, учитывая интересы каждого лица. Например, в юридической литературе отмечается, что, заключая мировое соглашение по трудовому спору между работником и работодателем,

⁶ Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. С. 78.

⁷ Чечина Н.А. Воспитательная функция советского гражданского процессуального права. М.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1972. С. 54, 57.

⁸ Законопроект № 421600-7. URL: <https://elibrary.asu.ru/bitstream/123456789/39779/1/bibilo.pdf> (дата обращения: 22.09.2024).

банковская организация избежала отрицательного судебного решения, которое бы негативно сказалось на условиях будущей сделки по продаже данной организации⁹. Соответственно, можно утверждать о соблюдении в рамках гражданского процесса идей прав и свобод работника, гуманизма.

Более того, автор соглашается с позицией Д.А. Плотникова о том, что в рамках реформ процессуального законодательства, связанных с минимизацией общения судьи с участниками судопроизводства, распространением упрощенного производства на все большее число дел, законодатель решает исключительно математическую задачу по формальному рассмотрению дела и исключает решение функции гражданского судопроизводства по воспитательному воздействию¹⁰. В подкрепление этой точки зрения следует отметить, что, во-первых, судья при письменном производстве не оказывает реального воздействия на стороны для примирения, так как вопросы разрешения спора таким способом отражаются лишь на бумаге, во-вторых, снижаются гарантии формирования уважительного отношения к суду, так как решение в полном объеме может не изготавливаться, что влияет на уровень доверия в рамках уверенности в его обоснованности. Соответственно, упрощенные производства должны являться временной мерой, связанной исключительно со снижением нагрузки на суды, а не становиться общим правилом для рассмотрения определенных категорий дел.

Принципы и традиционные духовно-нравственные ценности. Четвертым аспектом влияния духовно-нравственных ценностей на процесс является их воздействие на толкование содержания принципов процесса. В науке и на практике выделяется достаточно много принципов судопроизводства. Однако, на взгляд автора, воздействие идей нравственности отражается на принципах равенства всех перед законом и судом и справедливого рассмотрения дела. Первый обозначает, что правосудие осуществляется независимо от юридического статуса участников процесса, их имущественного положения, формы собственности и иных критериев. Равенство лежит в основе нравственности общества, тогда как исключительность — нравственности человека. Достичь абсолютного равенства индивидов в силу естественных различий (пол, возраст, интеллектуальные способности и др.) между ними невозможно¹¹. Но с позиции юридической действительности люди равны, особенно в процессуальной сфере перед лицом суда. Правовое равенство — это отражение христианских религиозно-нравственных начала о том, что пе-

⁹ Михайличенко К. Мировое соглашение в трудовых спорах: в чем выгода и как заключить // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2021. № 11. С. 60.

¹⁰ Плотников Д.А. Перспективы унификации процессуальной формы разрешения вопроса о восстановлении процессуального срока в гражданском и административном судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 5. С. 31.

¹¹ Торосян О.А. Идеал справедливости в социально-гуманистическом измерении : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 [Место защиты : Иван. гос. ун-т]. Иваново, 2014. С. 30.

ред Богом все равны, Господь смотрит на сердце человека, а не на какие-то внешние признаки.

Справедливость при рассмотрении дела обозначает два аспекта. Первый состоит в том, что при принятии решения суд не нарушил фундаментальных основ процесса, связанных с обеспечением состязательности, гласности, процессуального равенства, возможности высказаться участнику по существу вопроса. Второй аспект связан с фактами по делу. В рамках конкретного материального требования истца решение будет справедливым, если оно отвечает установкам нравственности общества. Как верно указывают правоведы в научных источниках, «справедливость в делах о компенсации морального вреда обеспечивает, с одной стороны, равный подход в разрешении дел, с другой стороны — индивидуальный подход, учитывающий конкретные обстоятельства дела»¹².

Подводя итог изложенному, следует отметить, что традиционные духовно-нравственные ценности, как показано в работе, влияют на толкование задач процесса, его принципов, на процедуры доказывания, интерпретации процессуальных обязанностей применительно к конкретным случаям их неисполнения. Влияние нравственных ценностей на порядок отправления правосудия требует дальнейшего научного осмысления в целях совершенствования процедуры отправления правосудия по гражданским делам.

Грибов Н.Д.,

доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства
Российского государственного университета правосудия
имени В.М. Лебедева, кандидат юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература

1. Кропачев Н.М. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты / Н.М. Кропачев, В.В. Архипов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. 2023. Т. 14. № 2.
2. Лукьяненко М.Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность / М.Ф. Лукьяненко. Москва : Статут, 2010.
3. Михайличенко К. Мировое соглашение в трудовых спорах: в чем выгода и как заключить / К. Михайличенко // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. 2021. № 11.
4. Плотников Д.А. Перспективы унификации процессуальной формы разрешения вопроса о восстановлении процессуального срока в гражданском и административном судопроизводстве / Д.А. Плотников // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 5.
5. Сирик Н.В. Реализация принципа справедливости при компенсации морального вреда по делам о защите прав туристов / Н.В. Сирик, А.С. Кусков // Адвокат. 2017. № 3.
6. Торосян О.А. Идеал справедливости в социально-гуманистическом измерении : диссертация кандидата философских наук / О.А. Торосян. Иваново, 2014.
7. Чечина Н.А. Воспитательная функция советского гражданского процессуального права / Н.А. Чечина. Москва : Издательство Ленинградского университета, 1972.

¹² Сирик Н.В., Кусков А.С. Реализация принципа справедливости при компенсации морального вреда по делам о защите прав туристов // СПС «КонсультантПлюс».

Установление фактов, имеющих юридическое значение, в арбитражном суде

В настоящей статье тезисно постараемся отобразить сходства и различия проблем рассмотрения дел по установлению юридических фактов в арбитражном суде. Методом сравнительного анализа приведем несколько суждений доктринальной мысли правоведов в области основных отличительных черт особого производства в цивилистическом судопроизводстве, в наиболее процессуальных дискуссионных вопросах.

В исследовательской научной работе¹ А.В. Аргунова постараемся тезисно выделить специфические особенности особого производства гражданского процесса в сравнении двух государств; сравнение видов производств по типу процесса — для искового характерен состязательный тип, для особого производства — следственный; в особом производстве суд занимает активную роль в оппонентном взаимоотношении с заявителем; при этом построение процессуальной стороны также характеризуется набором особенностей: слушания по делу — не публичные, заинтересованные лица вступают в дело по усмотрению суда. Важным подтверждением является и тот факт, что судебная процедура сохраняется по рассмотрению дел по установлению юридического факта, не заменяется на административную функцию или нотариальную, и, главное, остается соблюдение в процессе принципов правосудия.

В общеизвестном гражданско-правовом значении процессуального рассмотрения дел по исковому и неисковому требованию существует сходство в доказывании фактов обстоятельств различного дела. Аналогия доказывания прослеживается в гражданско-правовых характеристиках фактов, в свою очередь, в делах особого производства доказывание сводится к отсутствию лиц (их возражений) при становлении факта, имеющего юридическое значение. Неоднократно оповещалось и в правовой доктрине исследование вопроса доказывания в делах неискового производства. Об общеизвестных фактах в цивилистическом процессе ученые рассуждают как о наличии истинности и невозможности в сомнении этих фактов², соответственно, «общеизвестные» факты в делах особого производства также могут рассматриваться как средства доказывания.

¹ Аргунов А.В. Особое производство в гражданском процессуальном праве России и Франции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 28 с.

² Мазуренко М.А. Роль общеизвестных фактов в современном арбитражном судопроизводстве // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2021. № 4 (13). С. 89–97.

В обоснование сходства категорий дел некоторые правоведы приводят мнение о необходимости установления мотива несогласия по требованиям заявителя между лицами, участвующими в деле, как наличия спора о факте, а не о праве, характерном для искового производства³. Вероятнее всего, в процессе доказывания в делах особого производства наиболее важным и действительным является «устойчивый факт непритязания» заявителя и заинтересованных лиц (с подтверждением отсутствия возражений по установлению юридического факта). Для соблюдения цели особого производства — непосредственного установления факта в суде в отсутствие спора правомерно и обоснованно «не завуалировать» наличие спора в материально-правовых отношениях. Для примера также приводится мнение ученых о выборе заявителем административного рассмотрения или судебного (человеку нужен документ — административный орган отказывает; у заявителя появляется право выбора, возможность действовать через исковое производство в состязательности с органами власти либо установить факт в особом производстве)⁴. Становится очевидным, что по методу наименьшего сопротивления заявитель останавливается на бесспорном рассмотрении интересующих его требований. Соответственно, определяясь с выбором защиты и охраны законных интересов в особом производстве, заявитель сталкивается с определенными трудностями — это процессуальные особенности и материально-правовая форма требований. К вопросам затруднительного характера можно отнести: предмет требований по заявлению, предмет доказывания, а также выяснение судом отсутствия спора. Несколько примеров рассмотрения бесспорных дел возможно привести для наглядности.

В гражданском процессе в делах особого производства об установлении факта постоянного проживания для получения гражданства необходимой доказательственной базой являются факт постоянного проживания или временного пребывания, наличие иного гражданства, место рождения и другие факты, подтверждающиеся документально. Присутствует некоторое противоречие — при требовании установления факта и одновременного его подтверждения как доказательства⁵. Как предположение, и в арбитражных судах «наложение» требований заявителя на средства доказывания по своим же требованиям является запретной темой в делах об установлении фактов, имеющих юридическое значение.

³ Апоревич В.Н. Особенности процесса установления юридических фактов в правоотношениях сферы экономической и иной предпринимательской деятельности // Актуальные тенденции и инновации в развитии российской науки : сб. научных статей. Ч. VIII. М., 2020. С. 132–140.

⁴ Скуратовский М.Л. О сущности и тенденциях особого производства в арбитражном процессе // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2019. № 3. С. 118–128.

⁵ Шестопалова В.В., Уколова О.В. Обзор практики рассмотрения гражданских дел по заявлениям об установлении юридических фактов // Российское правосудие. 2014. № 2 (94). С. 50–64.

В приводимом примере давностного владения имуществом, помимо подтверждающих фактов владения — по сроку давности, добросовестного использования, открытого и непрерывного владения, необходимы доказательства об отсутствии лиц, чьи права могут быть нарушены. Как известно из положений процессуального закона (ст. 219 Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК РФ)), на заявителя возлагается бремя доказывания по обоснованию необходимости установления факта и невозможности его установления иным способом, а также по обстоятельствам отсутствия лиц, заинтересованных в деле⁶. В процессе доказывания судом не установлены нарушение прав правообладателей, принадлежность земельных участков на праве собственности другим лицам, не поступало возражений от указанных лиц, в связи с чем суд придерживается вывода о рассмотрении заявления именно в порядке бесспорного производства с удовлетворением требований заявителя. По данной категории дел в науке также бытует мнение⁷, что в процессе доказывания заинтересованные лица могут ссылаться на отрицательные факты путем доказывания противоположного по своему содержанию положительного факта, но в особом производстве невозможно перейти к доказыванию отрицательных фактов и перераспределить бремя доказывания между заинтересованными лицами и заявителем. В делах устоявшейся категории, согласно п. 1 ч. 2 ст. 218 АПК РФ, подробное раскрытие опровержения заявленных требований заявителями (например, государственными органами) бессмысленно. В аналогичном же деле первой инстанции, в доказательственной части судьей обозначается отсутствие факта притязания третьих лиц по недвижимому имуществу и отсутствует спор⁸.

Если с решениями арбитражных судов об установлении юридических фактов положительного характера и с процессом доказывания по ним наблюдается идентичность, то с отрицательными последствиями (как неудовлетворение требований в связи с доказанностью) остается вопрос нерешенным. Стоит обратиться к методу доказывания неизвестного от противного. Переходя еще к одному из видов доказательств, образующих наличие или отсутствие спора по делам об установлении юридического факта, важно прибегнуть к определениям арбитражных судов об оставлении заявлений без рассмотрения. В делах об установлении фактов, имеющих юридическое значение, актами судебного реагирования являются решения об установлении факта, а также определения (для нашего случая — об оставлении заявления

⁶ Решение Арбитражного суда Омской области от 20 ноября 2024 г. по делу № А46-19076/2024. URL: <https://ras.arbitr.ru/>

⁷ Шихова М.В. Особенности доказательств и доказывания по делам об установлении юридических фактов в гражданском и арбитражном процессах // MODERN SCIENCE. 2021. № 12-3. С. 336–338.

⁸ Решение Арбитражного суда Курганской области от 20 ноября 2024 г. по делу № А34-7466/2024. URL: <https://ras.arbitr.ru/>

без рассмотрения). В определении органа правосудия указано, что при обращении в суд с требованием о признании существования строения, права собственности на объект, даже если заинтересованные лица не предъявили возражений по требованиям заявителя⁹, мотивированность позиции суда основывается на законном основании: вопросы наличия или отсутствия права собственности (права оперативного управления имуществом и другие вещные права) могут исследоваться в особом производстве, но материально-правовую оценку возможно получить только в исковом производстве в соответствии с принципом состязательности сторон и доказыванием обстоятельств во делу (125, 168, 217, 221, 222 АПК РФ). Арбитражные суды руководствуются постановлением Пленума Верховного Суда и Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» по вопросам приобретательной давности с иском *о признании* права собственности (ст. 11, 12 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ)), по заявлению в исковом производстве — согласно Информационному письму Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17 февраля 2004 г. № 76. В связи с чем непоступившие возражения от заинтересованных лиц по требованиям заявителя либо неприятие участия в деле последними не являются подтверждением отсутствия спора о праве.

Если переходить к вопросу наличия спора о факте и спора о праве, то стоит заострить наше внимание на положениях исследований в области установления юридических фактов в гражданском процессе процессуалистов советского периода¹⁰. В диссертационном исследовании И.Б. Морейн поднимает множество вопросов по теории особого производства гражданского процесса, подчеркнем некоторые, основополагающие. Выделим несколько тезисов о существовании спора о факте в особом производстве: невозможность искусственного разделения факта и права ввиду нецелесообразности их применения — правовые выводы должны основываться на фактах, а также подвергаться доказыванию в достоверности устанавливаемого факта (так как могут привести к гражданскому спору); целью особого производства в установлении фактов ученый обозначает связанные с ними факты — охраны, обеспечения и признания прав бесспорными. Соответственно, напрашивается вывод о разделении искового производства и особого производства в самостоятельные виды цивилистического производства: по наличию и отсутствию спора между участниками процесса при рассмотрении дела.

⁹ Определение Арбитражного суда Тульской области от 15 октября 2024 г. по делу № А68-7814-2024. URL: <https://ras.arbitr.ru/>

¹⁰ Морейн И.Б. Основные вопросы теории особого производства в советском гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л. : [б. и.], 1951. 32 с.

Согласны с тем, что законодательство придерживается разделения искового и особого производства на самостоятельные виды арбитражного процесса, но обращаем внимание, что с точки зрения теоретических дискуссий и различных противоположных мнений граница между производствами может быть неточной.

В обобщение приведенных тезисных концепций в отношении института по установлению юридических фактов в арбитражном суде нами в настоящей статье обозначено процессуальное законное положение заявителя. Заявителем предусматриваются инициатива охраны и защиты нарушенных прав, формулирование требований в заявлении, определение в выборе на этапе подачи заявлений именно рассмотрения дела в особом производстве; бремя доказывания возлагается на заявителя. Заинтересованные лица и органы правосудия наделены в том числе своим процессуальным правовым статусом в делах по установлению фактов, имеющих юридическое значение в арбитражном суде.

Мазурова А.П.,

старший преподаватель кафедры юриспруденции
Российского университета кооперации,

соискатель кафедры арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата
Саратовской государственной юридической академии
(г. Москва)

Литература

1. Апоревич В.Н. Особенности процесса установления юридических фактов в правоотношениях сферы экономической и иной предпринимательской деятельности / В.Н. Апоревич // Актуальные тенденции и инновации в развитии российской науки : сборник научных статей. Ч. VIII / научный редактор С.П. Акутина. Москва : Перо, 2020.
2. Аргунов А.В. Особое производство в гражданском процессуальном праве России и Франции : автореферат диссертации кандидата юридических наук / А.В. Аргунов. Москва, 2011.
3. Мазуренко М.А. Роль общеизвестных фактов в современном арбитражном судопроизводстве / М.А. Мазуренко // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2024. № 4 (13).
4. Морейн И.Б. Основные вопросы теории особого производства в советском гражданском процессе : автореферат диссертации кандидата юридических наук / И.Б. Морейн. Ленинград, 1951.
5. Скуратовский М.Л. О сущности и тенденциях особого производства в арбитражном процессе / М.Л. Скуратовский // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2019. № 3 (51).
6. Шестопалова В.В. Обзор практики рассмотрения гражданских дел по заявлениям об установлении юридических фактов / В.В. Шестопалова, О.В. Уколова // Российское правосудие. 2014. № 2 (94).
7. Шихова М.В. Особенности доказательств и доказывания по делам об установлении юридических фактов в гражданском и арбитражном процессах / М.В. Шихова // Modern Science. 2021. № 12–3.

К вопросу о механизме определения предмета доказывания в гражданском процессе

Под концепцией предмета доказывания понимается система взглядов на предмет доказывания в гражданском процессе, характеристикой которой выступает взаимосвязанность элементов. Концепция предмета доказывания в гражданском процессе включает в себя учение о его понятии и содержании в аспекте классификации фактов предмета доказывания, а также взгляды на соотношение с концепцией бесспорных обстоятельств. Кроме того, в содержание концепции предмета доказывания в гражданском процессе входят положения о механизме определения предмета доказывания, к элементам которого относятся: юридическая квалификация спорного материального правоотношения; определение предмета доказывания по делу через структуру нормы материального права; конкретизация как форма судебного усмотрения при определении предмета доказывания; реализация процессуальных полномочий суда при определении предмета доказывания; судебное познание требований и возражений лиц, участвующих в деле; выявление последовательности реализации этапов определения предмета доказывания; установление общих и частных правил определения предмета доказывания. Наряду с этим, к элементам механизма определения предмета доказывания относятся выявление фактического состава правоотношения с учетом его динамики, а также ошибок в определении фактического состава. Отклонениями от общей модели механизма определения предмета доказывания рассматриваются судебные ошибки при определении предмета доказывания. Более того, в концепцию предмета доказывания включено учение о локальном предмете доказывания и его содержании, а также положения о выявлении взаимосвязи между предметом доказывания и правилами распределения обязанностей по доказыванию, обоснование общего и частного механизмов распределения обязанностей по доказыванию.

Под предметом доказывания в цивилистическом процессуальном праве понимаются обстоятельства материально-правового и процессуально-правового характера, среди прочих обстоятельства, от которых зависит конкретизация прав и обязанностей лиц, участвующих в деле, установление которых необходимо суду для правильного рассмотрения и разрешения дела. В рамках механизма определения предмета доказывания материально-правовые факты классифицируются на искомые, доказательственные (вспомогательные), проверочные.

В аспекте механизма определения предмета доказывания процессуально-правовые факты классифицируются на искомые, проверочные, установление которых необходимо для совершения процессуального действия.

Особенности доказывания процессуально-правовых фактов зависят от того, входит ли данный факт в общий предмет доказывания по делу либо в локальный предмет доказывания по делу.

В связи с концепцией предмета доказывания детализировано учение о бесспорных обстоятельствах в двух аспектах. В первом, узком — это юридически значимые факты, не оспариваемые сторонами. В данном аспекте к бесспорным обстоятельствам относятся не оспариваемые сторонами факты, ноторные факты, факты умолчания. Во втором, широком — это обстоятельства, не подлежащие доказыванию. В последнем аспекте к бесспорным обстоятельствам относятся все факты, не подлежащие доказыванию. Понятия «бесспорные обстоятельства» и «факты, не подлежащие доказыванию» совпадают по объему при широком понимании концепции бесспорных обстоятельств. Факты, не подлежащие доказыванию, наряду с фактами предмета доказывания входят в предмет познания суда.

Говоря о роли бесспорных обстоятельств в механизме определения предмета доказывания, следует отметить, что бесспорные обстоятельства можно рассматривать в контексте совершенствования фактического состава как элемента определения предмета доказывания.

Функции бесспорных обстоятельств заключаются в сужении процесса доказывания. Отдельные бесспорные обстоятельства могут быть проверены судом. Приводятся дополнительные доводы в пользу того, что бесспорные обстоятельства включают в себя общеизвестные, преюдициальные, признанные факты, факты, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия и не опровергнутые в установленном законом порядке, ноторные факты, факты умолчания. Презюмируемые обстоятельства рассматриваются вне рамок концепции бесспорных обстоятельств, они не входят в предмет доказывания, однако существует исключение — опровержение презюмируемого факта противоположной стороной.

Представляется правильным охарактеризовать отдельные элементы механизма определения предмета доказывания. В рамках реализации первого элемента механизма при определении общего предмета доказывания осуществляется юридическая квалификация спорного материального правоотношения. В отношении определения локального предмета доказывания применяется норма процессуального права к спорным процессуальным правоотношениям. Определение общего предмета доказывания осуществляется через структуру нормы материального и процессуального права при реализации второго элемента механизма. Локальный предмет доказывания устанавливается через структуру нормы процессуального права.

Особенности структуры нормы права в механизме определения предмета доказывания детерминируют конкретизирующую деятельность суда. Реализация относительно определенных (ситуационных) норм предоставляет право правоприменителю разрешать дело с учетом конкретных обстоятельств.

Для надлежащего функционирования механизма определения предмета доказывания имеет значение классификация гипотез, диспозиций и санкций по характеру и степени определенности. Учитывая классификацию норм на нормы-предписания, регулятивные (правоустановительные) и охранительные нормы, фактическое основание иска в зависимости от вида нормы может содержаться либо в гипотезе и диспозиции (регулятивные нормы), либо только в диспозиции нормы (охранительные нормы). Нормы с относительно определенной гипотезой или диспозицией нуждаются в конкретизирующей деятельности суда.

Конкретизация является третьим элементом механизма определения предмета доказывания. Она, как форма судебного усмотрения, детерминирует потребность закрепления в действующем процессуальном законодательстве предмета доказывания и механизма его определения с учетом вида и структуры применяемой нормы права при его установлении с учетом конкретных обстоятельств рассматриваемого дела.

Процессуальные полномочия суда в механизме определения предмета доказывания при установлении общего предмета доказывания подразделяются в зависимости от стадий цивилистического процесса.

Процессуальные полномочия суда при определении локального предмета доказывания ограничены рамками одной стадии гражданского процесса и того результата, ради которого совершается процессуальное действие.

Этапами определения общего предмета доказывания являются следующие этапы. Первым этапом выступает установление фактического состава материального правоотношения. Вторым этапом является квалификация этого правоотношения, под которой понимается оценка конкретного жизненного случая с позиции действующих норм права, направленная на выяснение юридической значимости обстоятельств, соответствия или несоответствия их критериев признакам юридических фактов, закрепляемых нормами права.

Правильность реализации этапа квалификации определяет надлежащее выполнение обязанности суда по установлению обстоятельств предмета доказывания. Третий этап — выявление структуры и содержания нормы права, применяемой при определении предмета доказывания (при применении относительно определенных, ситуационных норм большое значение придается конкретизации спорного права или в отдельных случаях — прав и обязанностей сторон как форме судебного усмотрения). Четвертым этапом

выступает собственно определение предмета доказывания и распределение обязанностей по доказыванию, учитывая общие и специальные правила распределения обязанностей по доказыванию. Пятый этап можно охарактеризовать как «накопление» обстоятельств фактического состава, выявление соотношения предмета доказывания и стандарта доказывания. Шестым этапом служит конкретизация фактического состава, изменение обстоятельств предмета доказывания при трансформации предмета или основания иска, увеличении, уменьшении исковых требований.

Особенности этапов определения локального предмета доказывания обусловлены применением судом норм процессуального права к спорным правоотношениям.

Требования и возражения лиц, участвующих в деле, в механизме определения предмета доказывания учитываются судом при выявлении общего предмета доказывания. Обосновывается, что концепция предмета доказывания коррелирует общей теории иска. Фактические обстоятельства (предмет доказывания по делу), подлежащие установлению судом и являющиеся условием применения нормы, образуют фактическое основание иска (обстоятельства, подтверждающие притязание истца). Данные основания подразделяются на следующие факты: а) правоустанавливающие; б) повод к иску; в) активная и пассивная легитимация. При рассмотрении и разрешении дела в исковом производстве суд определяет а) правопроизводящие, б) правоизменяющие, в) правопрепятствующие, г) правопрекращающие факты, имеющие значение для рассмотрения и разрешения дела по существу.

Говоря о неисковых судебных производствах фактическое основание требований институционализируется в зависимости от вида нормы, либо из гипотезы и диспозиции правовой нормы, либо только из диспозиции правовой нормы. Фактические обстоятельства (предмет доказывания по делу), подлежащие установлению судом и являющиеся условием применения нормы, образуют фактическое основание требования. Определенное спецификой судебное познание характеризуется при рассмотрении фактических составов в групповых и косвенных исках. Здесь предмет доказывания составляет следующая группа обстоятельств: а) правовое основание предъявления соответствующих исков; б) нарушение прав и законных интересов группы лиц при предъявлении группового иска; в) причинение ущерба обществу конкретными действиями лиц при предъявлении косвенных исков.

При определении локального предмета доказывания требования и возражения лиц, участвующих в деле, также учитываются судом. В указанных требованиях и возражениях имеют значение следующие факты, установление которых необходимо для удовлетворения ходатайства о совершении процессуального действия: а) правопроизводящие; б) правоизменяющие; в) правопрепятствующие; г) правопрекращающие факты.

Механизм определения предмета доказывания включает в себя общие и частные правила определения такого предмета доказывания. Согласно немецкой институциональной системе гражданского процесса, виды производства по материально-правовому критерию дифференцируются на исковое, публичное, особое. В свою очередь, французский гражданский процесс дифференцирует судебные процедуры на упрощенные, заочные и иные виды.

В институциональной и процедурных системах применяется различная методология. Как правило, судебные процедуры не различаются по материально-правовому критерию, но подразделяются по процессуально-правовым признакам. Как следствие, в качестве общего правила определения предмета доказывания допустимо говорить о положении, согласно которому суд обязан определить предмет доказывания с учетом подлежащих применению норм материального и процессуального права, исходя из оснований требований и возражений лиц, участвующих в деле, а также с учетом обстоятельств, от которых зависит конкретизация прав и обязанностей лиц, участвующих в деле. Указанное правило охватывает следующие виды судебных производств: а) исковое; б) возникающее из административных и иных публичных правоотношений (в отношении Кодекса административного судопроизводства РФ — производство по отдельным категориям административных дел); в) особое. В искомом производстве предмет доказывания определяется с учетом применяемой нормы материального и процессуального права к спорным правоотношениям, основания иска и возражений против него и с учетом обстоятельств, от которых зависит конкретизация прав и обязанностей лиц, участвующих в деле. Частные правила определения предмета доказывания установлены для выявления локального предмета доказывания. Обосновывается, что обязанность определения фактов предмета доказывания и распределения обязанностей по доказыванию должна быть закреплена в процессуальном законе. Суд обязан поставить на обсуждение обстоятельства, даже если стороны на них не ссылались.

Фактический состав правоотношения как элемент механизма определения предмета доказывания представляет собой совокупность юридических фактов, которые закреплены в гипотезе и диспозиции (или только в диспозиции) нормы права, при наступлении которых норма приводится в действие, что, иницирует юридические права и обязанности у субъектов правоотношения. Фактический состав в искомом производстве образует фактическое основание иска — совокупность фактических обстоятельств, при наличии которых норма права вступает в действие, а также юридические права и обязанности возникают у субъектов. Фактический состав — основание иска, может быть закреплён в зависимости от вида нормы либо в гипотезе и диспозиции нормы, либо только в диспозиции нормы права, применяемой

судом при определении предмета доказывания и разрешении дела в целом. Классификация составов по признаку структурной сложности имеет значение для правильного и полного накопления фактов предмета доказывания, когда установлены не все обстоятельства либо нарушен порядок в их последовательности установления, данные нарушения ведут к неполному либо неправильному установлению обстоятельств предмета доказывания. Классификация фактических составов по степени завершенности позволяет суду сравнить установленный либо неполно установленный состав с его юридической моделью и сделать правильный логический вывод о завершенности накопления фактического состава и о правовых последствиях, ошибка при этом ведет к несоответствиям вывода суда действительным обстоятельствам дела. Динамика фактического состава обстоятельств предмета доказывания, как правило, связана с изменением основания или предмета иска, предъявлением встречного иска, уточнением требований и возражений, увеличением, уменьшением требований.

Наличие индивидуально определяемых фактов, а также составов с элементом-конкретизатором определяет сложность установления обстоятельств предмета доказывания. Конкретизирующая деятельность суда обусловлена возможностями конкретизации различных структурных элементов нормы (гипотезы и диспозиции либо того и другого, то есть фактической предпосылки и правовых последствий либо того и другого). Такая деятельность ограничена объемом конкретизации (здесь имеются в виду нормы с альтернативной, факультативной, ситуационной конкретизацией). Дифференциация норм по объему конкретизации связана с делением юридических норм по степени определенности на альтернативные, факультативные и ситуационные нормы. Под конкретизацией права, а также прав и обязанностей предлагается понимать урегулированный правовыми нормами, осуществляемый в процессуальной форме специфический вид правоприменительной деятельности суда, сущность которой заключается в предоставлении ему в соответствующих случаях правомочия разрешать спорный правовой казус исходя из конкретных обстоятельств дела, на основе правосознания и правил морали с учетом начал справедливости, разумности и добросовестности.

Нахова Е.А.,

доцент кафедры арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата
Саратовской государственной юридической академии,
доцент кафедры гражданского процессуального права Северо-Западного
филиала Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук
(г. Санкт-Петербург)

Вопросы применения норм ГПК РФ и АПК РФ в уголовном процессе

Уголовно-процессуальный кодекс РФ (УПК) не упоминает о возможности применения норм Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК) и Арбитражного процессуального кодекса РФ (АПК) в уголовном процессе.

Согласно ст. 1 УПК порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим кодексом, что на первый взгляд не оставляет места для применения в уголовном процессе норм ГПК и АПК.

Вместе с тем, как свидетельствует судебная практика, нормы ГПК и АПК в ряде случаев применяются к гражданскому иску, предъявляемому в уголовном деле.

В науке гражданского и арбитражного процессуального права вопросы применения норм ГПК и АПК в уголовном процессе практически не рассматриваются, соответственно, с позиций гражданского и арбитражного процесса эти вопросы остаются совершенно не исследованными.

Ни в доктрине, ни в законодательстве, ни в судебной практике так и не удалось сформулировать общей позиции по вопросу о том, применимы ли, и если применимы, то в какой мере и при каких условиях, нормы гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства при предъявлении и рассмотрении гражданского иска, заявленного в уголовном деле.

Существующие по этому вопросу воззрения диаметрально противоположны: от полного отрицания применимости к такому иску норм ГПК до признания применимости этих норм в полном объеме.

В науке уголовно-процессуального права преобладает позиция о том, что нормы ГПК в части, не урегулированной УПК, подлежат (при условии, что они не противоречат последнему) субсидиарному применению к гражданскому иску¹.

Однако важно понять, как эта теоретическая конструкция «сопрягается» с реальной судебной практикой, в какой мере последняя подтверждает или, наоборот, опровергает соответствующие теоретические выводы.

В условиях умолчания законодателя как относительно самой возможности применения норм ГПК в уголовном процессе, так и о его условиях и пре-

¹ Обзор соответствующих воззрений и их анализ приведен в монографии: Приходько И.А., Бондаренко А.В., Столяренко В.М. Применение исковой давности при предъявлении иска в уголовном деле и вне его. М. : Международные отношения, 2020. 888 с.

делах суды, как правило, избегают прямых ссылок на нормы ГПК, в то же время применяя некоторые из них фактически.

Вместе с тем такое применение носит сугубо избирательный характер, как свидетельствует судебная практика, множество норм и институтов ГПК РФ, которые никак не противоречат регулированию, содержащемуся в УПК РФ, в реальности в уголовном процессе, тем не менее, не применяются.

На самом деле известно лишь несколько норм УПК, которые в части гражданского иска прямо устанавливают иное регулирование, чем ГПК.

Так, в силу п. 10 ч. 1 ст. 299 и п. 1 ч. 1 ст. 309 УПК гражданский иск разрешается в приговоре, в то время как в гражданском процессе вопрос об удовлетворении или об отказе в удовлетворении иска разрешается в решении.

Следовательно, нормы ст. 196 и 198 ГПК не могут применяться в уголовном процессе, так как в последнем по вопросу о том, каким судебным актом разрешается иск, содержится собственное регулирование и это регулирование отличается от того, которое содержится на этот счет в ГПК.

Сложнее обстоит дело с применением иных норм ГПК.

Так, в литературе ведется оживленная дискуссия относительно применимости к гражданскому иску положений ст. 130–131 ГПК о форме и содержании искового заявления и о прилагаемых к нему документах.

Некоторые ученые считают, что эти нормы неприменимы к гражданскому иску, который может предъявляться в устной форме и без указания ответчика.

Другие считают, что такой подход не соответствует классическому пониманию иска, а кроме того, не позволяет установить тождество исков в случае оставления гражданского иска без рассмотрения и последующего его предъявления в гражданском судопроизводстве.

Далее, УПК неизвестны институты отказа в принятии искового заявления, оставления иска без движения, возвращения искового заявления.

Не определены в УПК и последствия предъявления гражданского иска при отсутствии условий, предусмотренных законом. Например, когда предмет иска являются требования, не указанные в ст. 44 УПК.

В связи с этим возникают вопросы о возможности вынесения в подобных случаях следователем постановления об отказе в признании заявителя гражданским истцом и об обжаловании такого постановления в судебном порядке. И то и другое в судебной практике признается допустимым.

Вместе с тем, если дело находится в суде, Пленум предлагает оставлять иск в этой части без рассмотрения (п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» (далее — постановление № 23)).

Отсутствует в кодексе и процессуальный механизм замены ненадлежащего гражданского ответчика. Особенно часто вопрос о такой замене возникает в случае предъявления иска к непосредственному причинителю вреда в ситуации, когда гражданско-правовую ответственность за его действия несет третье лицо (работодатель причинителя вреда, владелец источника повышенной опасности и т.д.).

В постановлении № 23 в таких случаях предлагается привлекать в качестве гражданского ответчика лицо, ответственное за вред, причиненный обвиняемым. При этом замены первоначального ответчика не происходит, нормы ГПК о порядке замены ненадлежащего ответчика надлежащим не применяются.

Далее, в УПК отсутствуют указания на возможность признания гражданским ответчиком гражданского иска. Верховный суд в п. 20 постановления № 23, с одной стороны, предписывает судам выяснять, признает ли гражданский ответчик гражданский иск, что свидетельствует о том, что нормы ГПК о признании иска применимы и в уголовном процессе, а, с другой стороны, в п. 24 того же постановления указывает, что характер причиненного преступлением вреда и размер подлежащих удовлетворению требований суд устанавливает на основе совокупности исследованных в судебном заседании доказательств с приведением их в приговоре, в том числе и в случае признания иска гражданским ответчиком.

Возникает вопрос: а в чем тогда смысл признания гражданского иска, если никаких последствий оно не влечет?

Противоположная судебная практика складывается по вопросу о последствиях добровольного возмещения гражданским ответчиком требований гражданского истца.

Часть судов в такой ситуации отказывают в удовлетворении гражданского иска, в то время как другие — прекращают производство по гражданскому иску.

Третьи в указанном случае оставляют гражданский иск без рассмотрения, четвертые — признают за гражданским истцом право на удовлетворение гражданского иска с направлением его на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

УПК (ч. 5 ст. 44) предусматривает возможность прекращения производства по гражданскому иску по единственному основанию — отказ истца от иска. Вместе с тем на практике некоторые суды полагают возможным прекращать производство по гражданскому иску и по другим основаниям, предусмотренным ст. 220 ГПК.

В частности, это имеет место в случаях, когда тождественный спор уже разрешен в гражданском или в арбитражном судопроизводстве. Правда, соответствующую практику нельзя признать устойчивой.

Далее, УПК не упоминает о возможности предъявления гражданским ответчиком встречного иска к гражданскому истцу, в том числе встречного иска, направленного к зачету.

В УПК не найти нормы, которая бы препятствовала предъявлению встречного иска в уголовном процессе (и соответственно, применению норм ГПК о встречном иске), вместе с тем на практике институт встречного иска в уголовном процессе не применяется, хотя встречный иск в большинстве случаев служит средством защиты от первоначального иска.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств», казалось бы, сняло все вопросы, связанные с условиями, при которых возможно предъявление встречного иска, однако в этом постановлении отсутствуют указания о том, что оно применяется в уголовном процессе, что косвенно свидетельствует о том, что ВС РФ исходит из того, что встречный иск не имеет применения в уголовном судопроизводстве.

Не выявлено в практике и применения внесудебного зачета, что вызывает недоумение, поскольку применение такого зачета является способом прекращения обязательства и не зависит от предъявления встречного иска.

Следующий вопрос — о примирении гражданского истца и гражданско-го ответчика.

УПК (ст. 25) допускает в установленных случаях примирение потерпевшего и обвиняемого, если речь идет о совершении преступления небольшой или средней тяжести. Уголовно-процессуальным последствием такого примирения является прекращение уголовного дела в отношении лица, обвиняемого в совершении такого преступления.

Вместе с тем в кодексе отсутствуют нормы о возможности заключения мирового соглашения между гражданским истцом и гражданским ответчиком по гражданскому иску и об утверждении такого мирового соглашения судом, а также о последствиях заключения мирового соглашения для судьбы гражданского иска.

Заключение мирового соглашения между потерпевшим и лицом, ответственным за вред, причиненный преступлением, ни гражданским процессуальным, ни арбитражным процессуальным законодательством не исключается, никаких ограничений на этот счет ГПК и АПК не установлено.

Следовательно, если потерпевший обратится в гражданский суд с иском о возмещении вреда, причиненного преступлением, или если уголовный суд передаст гражданский иск на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства, то никаких препятствий к заключению мирового соглашения не имеется, в том числе и в случае, когда уголовный суд признал за гражданским истцом право на удовлетворение исковых требований.

На практике в уголовном процессе мировые соглашения между гражданским истцом и гражданским ответчиком заключаются, но за единичными исключениями² судом не утверждаются. Соответственно, гражданский иск в подобных случаях либо удовлетворяется, если гражданский истец не отказался от иска, либо производство по иску прекращается, если истец отказался от иска.

В обоих случаях интересы сторон оказываются необеспеченными, так как их договоренность о прекращении спора на согласованных условиях судом не санкционирована и не влечет прекращения спора, что сдерживает примирение.

Можно ли применять нормы ГПК к случаям заключения мирового соглашения между гражданским истцом и гражданским ответчиком?

На первый взгляд, никаких препятствий к этому нет, из чего исходит и уголовно-процессуальная теория.

Тем не менее на практике суды не утверждают такие мировые соглашения, хотя и не считают их недействительными.

Таким образом, выводы уголовно-процессуальной теории кардинальным образом расходятся с выводами судебной практики, которая (за исключением единственного выявленного примера) напрочь отрицает возможность утверждения такого мирового соглашения судом.

В практике выявлены случаи непосредственного применения судами в уголовном процессе следующих норм ГПК РФ:

- 1) о судебных извещениях юридических лиц³;
- 2) об обязательности указания в исковом заявлении ответчика⁴;
- 3) об отказе от иска⁵;
- 4) о распределении судебных расходов на оплату юридических услуг⁶;
- 5) о доказывании и о признании иска⁷;

² См.: Обобщение Московского областного суда по результатам изучения практики применения судами Московской области норм главы 40.1 УПК РФ об особом порядке принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве за 2010 год и первое полугодие 2011 года.

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 26 ноября 2019 г. по делу № 22-2397/2019 // СПС ГАРАНТ. Здесь и далее используются материалы СПС ГАРАНТ.

⁴ Приговор Московского городского суда от 8 мая 2018 г. по делу № 2-0013/2018.

⁵ Приговор Верховного суда Республики Мордовия от 30 июня 2014 г. по делу № 2-3/14.

⁶ Приговоры Верховного суда Республики Марий Эл от 13 января 2020 г. по делу № 2-2/2020, 2-5/2019; Верховного суда Республики Тыва от 30 июня 2015 г. № 2-10/2015; Иркутского областного суда от 12 марта 2015 г. по делу № 2-30/2015.

⁷ Приговоры Ивановского областного суда от 8 февраля 2013 г. по делу № 2-03/2013; Астраханского областного суда от 8 октября 2014 г.; Тюменского областного суда от 3 августа 2015 г. № 2-23/2015; Новосибирского областного суда от 15 ноября 2017 г. по делу № 2-27/2017; Кемеровского областного суда от 28 марта 2014 г. по делу № 2-18/2014; Хабаровского краевого суда от 15 декабря 2015 г. по делу № 2-60/2015.

- 6) о процессуальном правопреемстве⁸;
- 7) о последствиях повторной неявки истца в судебное заседание;
- 8) о прекращении производства по делу в связи со смертью стороны⁹;
- 9) о содержании решения суда¹⁰.

Кроме того, выявлено применение норм АПК при рассмотрении в рамках уголовного дела косвенного иска миноритарного акционера в интересах юридического лица, признанного потерпевшим¹¹.

Вместе с тем применение норм ГПК в уголовном процессе в целом остается, скорее, исключением.

Как представляется, причиной такого положения является то, что гражданский иск на самом деле не может рассматриваться в качестве иска как такового, представляя собой по сути лишь одно из ходатайств, которые может заявлять лицо, пострадавшее от преступления.

При таком подходе оснований для применения к гражданскому иску норм ГПК об искомом производстве не усматривается, их и невозможно применить к тому, что иском не является.

Детальный анализ обозначенных выше и ряда иных проблем, связанных с предъявлением и рассмотрением гражданского судопроизводства, приведен в коллективной монографии И.А. Приходько, А.В. Бондаренко, В.М. Столяренко «Гражданский иск в уголовном процессе: теория и практика», которая, будем надеяться, в следующем году выйдет в издательстве «Международные отношения».

Приходько И.А.,

адвокат Первой коллегии адвокатов г. Москвы,
доктор юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Приходько И.А. Применение исковой давности при предъявлении иска в уголовном деле и вне его : монография / И.А. Приходько, А.В. Бондаренко, В.М. Столяренко. Москва : Международные отношения, 2020.

⁸ Приговоры Санкт-Петербургского городского суда от 10 июня 2021 г. по делу № 2-24/2021; Верховного суда Республики Дагестан от 16 июля 2015 г. по делу № 2-42/2015.

⁹ Приговор Ленинградского областного суда от 29 января 2010 г. по делу № 2-2/10.

¹⁰ Приговор Приморского краевого суда от 26 октября 2012 г. по делу № 2-102/2012.

¹¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 26 ноября 2019 г. по делу № 22-2397/2019.

Принцип состязательности в Кодексе гражданского судопроизводства Республики Беларусь

Состязательность относится к числу тех принципов, которые наиболее ярко характеризуют судебную форму правоприменения, включая и гражданское судопроизводство. По этой причине указанный принцип всегда находился в фокусе пристального внимания представителей науки цивилистического процесса¹. При этом в настоящее время исследование названного принципа правосудия приобретает особую актуальность в связи с очередным этапом кодификации процессуального законодательства — принятием Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее — КГС), который с 1 января 2026 г. заменит собой Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее — ГПК) и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (далее — ХПК). Грядущее вступление КГС в силу ставит на повестку дня вопросы о том, насколько он сохраняет преемственность с ГПК и ХПК в части принципа состязательности, какие новеллы в его регулирование привносит и т.п. Должной разработки данные вопросы, несмотря на отдельные, имеющиеся по данной тематике работы², в белорусской доктрине не получили.

¹ Тихиня В.Г., Тихонович В.В. Конституция БССР и принципы судебной защиты гражданских прав. Минск : Изд-во БГУ, 1980. С. 40–42; Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства. М. : Юрид. лит., 1982. С. 121–125; Евтодьева И.А. Принципы диспозитивности и состязательности советского гражданского процессуального права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Моск. гос. ун-т. М., 1983; Тараненко В.Ф. Принципы диспозитивности и состязательности в советском гражданском процессе : учеб. пособие / отв. ред. М.С. Шакарян. М. : Изд-во Всесоюз. юрид. заоч. ин-та, 1990; Основные принципы гражданского процесса / под ред. М.К. Треушникова, З. Чешки. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1991. С. 47–57; Ференс-Сороцкий А.А. Принципы гражданско-процессуального права : учеб. пособие. СПб. : СПбГУ, 1993. С. 37–42; Шишкин С.А. Состязательность в гражданском и арбитражном судопроизводстве. М. : Юрид. бюро «Городец», 1997; Самсонов В.В. Состязательность в гражданском процессуальном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Сарат. гос. акад. права. Саратов, 1999; Фокина М.А. Состязательность в гражданском судопроизводстве: закономерности и исключения. Саратов : Изд-во Саратов. юрид. ин-та МВД РФ, 1999; Таранова Т.С. Реализация принципа состязательности в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Белорус. гос. ун-т. Минск, 2001; Шерстюк В.М. Развитие принципов арбитражного процессуального права. М. : ОАО «Изд-во Дом «Городец», 2004. С. 122–154; Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее. М. : Изд. Дом «Городец», 2009. С. 282–416.

² Филиппчик Р. Применение конституционного принципа состязательности при рассмотрении гражданских дел в контексте унификации процессуального законодательства // Судовы веснік. 2020. №1. С. 28–31; Король Э. Возможные пути развития принципа состязательности при унификации и совершенствовании гражданского процесса // Судовы веснік. 2020. № 1. С. 32–35.

Принцип состязательности получил закрепление в ст. 14 КГС, причем в регулировании данного принципа КГС воспринял подходы, предусмотренные ХПК, а не ГПК. Так, если в ГПК состязательности посвящена статья, состоящая из единственной части (ст. 19 ГПК), в которой к собственно состязательности имеет отношение только одно из двух содержащихся там предложений — «гражданские дела во всех судах рассматриваются на основе состязательности и равенства сторон в процессе» (второе предложение ст. 19 ГПК касается совсем другого вопроса о добросовестности сторон — «в споре между собой стороны обязаны добросовестно пользоваться принадлежащими им материальными и процессуальными правами и исполнять процессуальные обязанности»), то в ХПК статья, отведенная принципу состязательности (ст. 19 ХПК), имеет гораздо более пространный характер: помимо предписания (схожего с присутствующим в первом предложении ст. 19 ГПК) о том, что «судопроизводство в суде, рассматривающем экономические дела, осуществляется на основе состязательности» (ч. 1 ст. 19 ХПК), данная статья ХПК содержит еще ряд положений, образующих содержание ее второй, третьей и четвертой частей. В статье 14 КГС предписания ст. 19 ХПК нашли отражение в несколько переработанном и дополненном виде и были распределены по семи частям данной статьи.

Тем не менее нам представляется, что в ст. 14 КГС, несмотря на всю ее объемность, суть принципа состязательности раскрытия так и не получила. Обратимся к анализу ч. 1 ст. 14 КГС: «Рассмотрение гражданских дел в суде осуществляется на основе состязательности». Из данной нормы следует, что состязательность отражает не содержание процессуальной деятельности (содержанием процессуальной деятельности является «рассмотрение гражданских дел в суде»), а ее форму (слова «на основе» использованы в ч. 1 ст. 14 КГС в смысле «в форме» и потому вполне безболезненно на последнее словосочетание могут быть заменены) или, другими словами, порядок процессуальной деятельности, т.е. в какой последовательности, по какому алгоритму процессуальная деятельность должна происходить. И из ч. 2–7 ст. 14 КГС (равно как и из ч. 2–4 ст. 19 ХПК) видно, что закрепленные в них нормы отражают не форму (порядок) организации взаимной процессуальной деятельности суда и участвующих в деле лиц, а лишь содержание отдельных направлений деятельности названных субъектов, что, безусловно, затрудняет получение четкого представления о сущности принципа состязательности, а в определенной мере и запутывает данный вопрос. Думается, что именно по этой причине ст. 19 ГПК ограничивается указанием на то, что «гражданские дела во всех судах рассматриваются на основе состязательности и равенства сторон в процессе», и не содержит положений, аналогичных ч. 2–7 ст. 14 КГС (ч. 2–4 ст. 19 ХПК).

Но в чем же тогда заключается принцип состязательности судопроизводства? По нашему мнению (и об этом мы уже писали)³, состязательность представляет собой такую форму (порядок) организации процессуальной деятельности (т.е. правосудия), при которой рассмотрение и разрешение всех наиболее значимых правовых вопросов (как вопросов частного характера, так и самого главного правового вопроса — о судьбе поданного иска, жалобы или заявления) должно происходить путем выяснения, проверки и учета позиций абсолютно всех юридически заинтересованных в исходе дела лиц (в терминологии ХПК и КГС — лиц, участвующих в деле). А поскольку интересы названных лиц и, соответственно, занимаемые ими позиции носят противоположный характер (интересы лица, предъявившего требования в суд, и выступающих в его поддержку субъектов противоположны интересам лица, к которому предъявлены требования, и субъектов, поддерживающих его), то процессуальная деятельность по гражданскому делу протекает в форме состязания (дискуссии, спора), что, собственно, и отражено в наименовании «состязательность» анализируемого принципа судопроизводства.

Для того чтобы судебный процесс мог быть действительно состязательным, должны обеспечиваться определенные условия (гарантии). Так, заинтересованные лица должны не только иметь возможность представить собственную позицию и подвергать критике позицию своего оппонента, но и активно реализовывать эту возможность. Именно поэтому в ст. 14 КГС говорится, что «стороны обосновывают свои требования и возражения, избирают по своему усмотрению позицию, способы и средства ее отстаивания, представляют доказательства, заявляют ходатайства, высказывают мнения, в том числе в отношении доводов других лиц, участвующих в деле» (ч. 2), «стороны вправе знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства» (ч. 3), «каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований или возражений» (ч. 4), «стороны несут риск наступления последствий совершения или несовершения ими процессуальных действий» (ч. 7).

Суд же должен не только проверять и принимать во внимание позиции всех юридически заинтересованных лиц, но и обеспечивать последним реальную возможность для представления и отстаивания ими собственных позиций. По этой причине положения ст. 14 КГС гласят: «Суд, сохраняя независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом, оказывает лицам, участвующим в деле, содействие в реализации их прав, создает условия для всестороннего и полного исследования

³ Скобелев В. О роли и значении принципов гражданского судопроизводства в контексте Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь // Судовы веснік. 2024. № 1. С. 77.

доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения норм материального и процессуального права при рассмотрении и разрешении гражданских дел. Суд основывает решение лишь на тех доказательствах, участие в исследовании которых на равных основаниях было обеспечено всем лицам, участвующим в деле» (ч. 5); «Суд освобождается от собирания доказательств по собственной инициативе, если иное не предусмотрено настоящим Кодексом. Однако в целях установления фактических обстоятельств дела по мотивированному ходатайству стороны суд оказывает содействие в истребовании необходимых доказательств по делу, если их представление стороной является невозможным» (ч. 6).

Таким образом, нормы ч. 2–7 ст. 14 КГС (и аналогичные им нормы ч. 2–4 ст. 19 ХПК) раскрывают не суть принципа состязательности судопроизводства, а наиболее важные условия (гарантии), при соблюдении которых данный принцип может реально работать в сфере правосудия. Вместе с тем текстуальные формулировки данных условий (гарантий), равно как и содержание ч. 1 ст. 14 КГС, имеющей отношение к сущности анализируемого принципа, не во всех отношениях представляются удачными.

Согласно ч. 1 ст. 14 КГС на основе состязательности осуществляется «рассмотрение гражданских дел в суде». Тем самым ч. 1 ст. 14 КГС восприняла подход, реализованный в первом предложении ст. 19 ГПК, где тоже указано, что на основе состязательности «гражданские дела во всех судах рассматриваются». Совсем иная позиция отражена в ч. 1 ст. 19 ХПК: на основе состязательности осуществляется «судопроизводство в суде, рассматривающем экономические дела».

По нашему мнению, говорить о том, что принцип состязательности действует только при рассмотрении дел в судах (как это имеет место в ч. 1 ст. 14 КГС и первом предложении ст. 19 ГПК), не совсем верно, потому что на основе состязательности в судах рассматриваются не только гражданские дела в целом, но и множество частных вопросов, возникающих как в ходе производства по делу, так и тогда, когда гражданского дела еще или уже на рассмотрении суда нет. Примером частного вопроса, который возникает еще до возбуждения гражданского дела в суде, но должен обсуждаться на основе состязательности, может служить вопрос об обеспечении доказательств, инициируемый заинтересованным лицом до подачи искового заявления в суд. Согласно ч. 6 ст. 235 КГС «суд рассматривает заявление об обеспечении доказательств без вызова сторон. В необходимых случаях заявитель и иные лица, участвующие в деле, могут быть извещены о времени и месте рассмотрения заявления». Как видно, «в необходимых случаях» ч. 6 ст. 235 КГС гарантирует рассмотрение вопроса об обеспечении доказательств на основе состязательности.

Правда, стоит заметить, что в ч. 2 ст. 236 ГПК отражен совсем другой подход: заявитель и другие юридически заинтересованные в исходе дела лица всегда (а не только «в необходимых случаях») извещаются о времени и месте рассмотрения заявления. Нам представляется, что правило ч. 2 ст. 236 ГПК является более оптимальным, нежели ч. 6 ст. 235 КГС, так как обеспечение доказательств представляет собой очень серьезное процессуальное мероприятие, результаты которого способны самым непосредственным образом отразиться на итогах разрешения будущего гражданского дела, соответственно, всем заинтересованным лицам необходимо предоставить возможность участвовать в данном мероприятии и отстаивать в ходе него свои позиции (интересы). Содержание ч. 6 ст. 235 КГС можно объяснить, вероятно, заимствованием (с некоторой доработкой) правила ч. 6 ст. 109 ХПК: «Суд, рассматривающий экономические дела, рассматривает заявление об обеспечении доказательств без вызова сторон».

Частный вопрос может возникнуть и тогда, когда гражданского дела на рассмотрении суда уже нет, т.е. когда оно было судом разрешено. Рассмотрение такого рода частных вопросов предполагает глава 43 КГС «Производство, связанное с исполнением судебных постановлений, исполнительных документов, выдаваемых иными органами» (по смыслу п. 6 ст. 1 КГС, закрепляющего дефиницию термина «гражданские дела» и оканчивающегося словами «иные дела, отнесенные к компетенции судов настоящим Кодексом и другими законодательными актами», правовые вопросы, которым посвящена глава 43 КГС, с формальной точки зрения есть основания считать самостоятельными гражданскими делами, однако нам представляется, что если поставленный перед судом в порядке главы 43 КГС вопрос связан с ранее разрешенным судом делом, то такой вопрос нужно считать не самостоятельным гражданским делом, а продолжением (частью) прежде разрешенного дела, соответственно, и все представленные (собранные) по такому вопросу материалы должны приобщаться к материалам данного дела, а не храниться отдельно).

Например, в соответствии с ч. 2 ст. 484 КГС «заявление сторон или представление судебного исполнителя о выдаче дубликата исполнительного листа, определения о судебном приказе рассматриваются судом в срок не позднее одного месяца без извещения сторон исполнительного производства, судебного исполнителя. В случае необходимости суд вправе вызвать стороны, судебного исполнителя в судебное заседание». По данному вопросу, подобно ч. 6 ст. 235 КГС, принцип состязательности тоже подлежит реализации лишь «в случае необходимости», и объяснить подобный усеченный подход к действию принципа состязательности достаточно сложно, потому что и ч. 2 ст. 464 ГПК, и ч. 2 ст. 330 ХПК предусматривают извещение сторон исполнительного производства (а ч. 2 ст. 330 ХПК — также и судебного исполнителя)

о времени и месте рассмотрения судом вопроса о выдаче дубликата исполнительного документа во всех случаях.

Можно привести примеры и других случаев, когда действие принципа состязательности при рассмотрении названных в главе 43 КГС вопросов неоправданно сужено. Так, ч. 7 ст. 490 КГС предписывает вызывать стороны исполнительного производства и судебного исполнителя в судебное заседание, посвященное вопросу о замене, приостановлении или отмене меры по обеспечению исполнения исполнительного документа, лишь «в случаях, когда суд признает это необходимым». Между тем, по нашему мнению, необходимость в извещении данных субъектов существует всегда, потому что неправильное решение судом названных вопросов способно существенным образом нарушить интересы или одной, или другой стороны исполнительного производства (в зависимости от того, удовлетворяет суд заявленные требования или отказывает в них), а также помешать достижению целей исполнительного производства. В то же время появление нормы ч. 7 ст. 490 КГС само по себе является значительным шагом вперед на пути развития состязательности судопроизводства, потому что в ст. 469 ГПК и ст. 334 ХПК аналогичного рода нормы вообще нет.

Другой пример — это вопрос о повороте исполнения судебного постановления. В КГС совершенно отсутствуют предписания относительно процедуры разрешения судом первой инстанции данного вопроса, в ч. 2 ст. 487 КГС сказано лишь, что, «если в определении или постановлении суда апелляционной, кассационной или надзорной инстанции нет указания о повороте исполнения судебного постановления, должник, исполнивший судебное постановление, вправе подать соответствующее заявление в суд первой инстанции» (тем самым здесь фактически нашло отражение правило ч. 3 ст. 332 ХПК: «Если в постановлении об изменении или отмене судебного постановления нет указания о повороте его исполнения, должник вправе подать заявление о повороте исполнения судебного постановления в суд, рассматривающий экономические дела, первой инстанции»). Однако первое предложение ч. 3 ст. 466 ГПК на этот счет гласит, что «заявление о повороте исполнения судебного постановления рассматривается в судебном заседании с извещением юридически заинтересованных в исходе дела лиц», и с такой позицией законодателя нельзя не согласиться.

Еще одна группа вопросов частного характера, которые могут возникать уже после разрешения судом гражданского дела, предусмотрена § 4 главы 27 КГС. Это вопросы разъяснения решения, исправления в нем опечаток, опечаток и явных счетных ошибок, отсрочки и рассрочки исполнения решения, изменения способа и порядка исполнения решения, индексации присужденных денежных сумм. И здесь, к сожалению, тоже приходится констатировать сужение сферы действия принципа состязательности. Так, если вопросы

отсрочки и рассрочки исполнения решения, изменения способа и порядка исполнения решения подлежат рассмотрению судом в судебном заседании с извещением участвующие в деле лиц о времени и месте его проведения (ч. 1 ст. 314 КГС), то в отношении вопросов разъяснения решения, исправления описок, опечаток и явных счетных ошибок, индексации присужденных денежных сумм прямо написано, что они «рассматриваются судом без проведения судебного заседания и без извещения лиц, участвующих в деле» (ч. 2 ст. 314 КГС).

Вероятно, это тоже является следствием заимствования подходов из ХПК, который предписывает решать в судебном заседании с извещением сторон о времени и месте его проведения вопросы об отсрочке и рассрочке исполнения судебного постановления, об изменении способа и порядка его исполнения (ч. 3 ст. 211 ХПК), а процедуру рассмотрения вопросов о разъяснении решения суда, исправления в нем описок, опечаток и арифметических ошибок не регламентирует, указывая лишь, что по данным вопросам судом в течение десяти дней со дня поступления ходатайства (представления) выносится определение (что же касается индексации присужденных денежных сумм, то решение подобного вопроса ХПК вообще не предусмотрено). Однако ГПК (см. ч.2 ст. 3 18-2, ч. 1 ст. 330) требует и, думается, совершенно правильно абсолютно все обозначенные вопросы рассматривать в судебном заседании с извещением юридически заинтересованных в исходе дела лиц.

Вообще, стоит сказать, что в тех случаях, когда согласно КГС вопрос частного характера подлежит разрешению судом первой инстанции без учета позиций участвующих в деле лиц (т.е. без проведения судебного заседания и вызова в него данных субъектов), действие принципа состязательности может быть обеспечено на этапе апелляционного пересмотра определения суда, вынесенного по итогам рассмотрения указанного вопроса (проверка законности и обоснованности судебных постановлений всегда осуществляется судом апелляционной инстанции в судебном заседании). Ведь КГС позволяет обжаловать (опротестовать) в апелляционном порядке определение по вопросу обеспечения доказательства (ч. 8 ст. 235), определение о выдаче или об отказе в выдаче дубликата исполнительного листа, определение о судебном приказе (ч. 3 ст. 484), определение по вопросам обеспечения исполнения исполнительного документа (ч. 8 ст. 490), определение по вопросам разъяснения решения, исправления описок, опечаток и явных счетных ошибок, индексации присужденных денежных сумм (ч. 3 ст. 314). Однако тогда состязательная форма будет использоваться в условиях, когда соответствующий вопрос судом первой инстанции уже был решен и для целей поиска предположительно допущенной судом первой инстанции при решении данного вопроса ошибки, в то время как более целесообразно

было бы применять состязательный порядок непосредственно при рассмотрении судом первой инстанции этого вопроса с целью того, чтобы возможные ошибки со стороны суда первой инстанции предотвратить.

Однако наибольшее число частных вопросов рассматривается судом в условиях состязательной формы именно тогда, когда гражданское дело уже находится в его производстве. Состязательность здесь обеспечивается прежде всего за счет того, что большая часть данных вопросов решается в судебном разбирательстве, т.е. в судебном заседании, в котором происходит рассмотрение дела по существу и о времени и месте которого извещаются все заинтересованные лица. Однако для решения некоторых вопросов частного характера КГС предусмотрено проведение специальных (отдельных) судебных заседаний с вызовом в них участвующих в деле лиц, в частности, это вопросы восстановления пропущенного процессуального срока (для обсуждения этого вопроса судебное заседание проводится не всегда, а, как сказано в ч. 2 ст. 119 КГС, «с учетом характера и сложности процессуального вопроса»), изменения, замены и отмены обеспечительных мер (в соответствии с ч. 3 ст. 161 КГС о времени и месте рассмотрения судом данного вопроса лица, участвующие в деле, извещаются тоже лишь «в необходимых случаях»), утверждения мирового соглашения (ч. 1 ст. 167 КГС), выполнения судебного поручения (ч. 3 ст. 236 КГС), подготовки дела к судебному разбирательству (согласно ст. 252 КГС в этом случае проводится предварительное судебное заседание).

Таким образом, формулировка ч. 1 ст. 19 ХПК о том, что на основе состязательности осуществляется судопроизводство, является более предпочтительной, нежели правила первого предложения ст. 19 ГПК и ч. 1 ст. 14 КГС, указывающие на применение состязательности только при рассмотрении дел, поскольку формулировка ч. 1 ст. 19 ХПК позволяет учесть, что в условиях состязательности происходит рассмотрение не только дела в целом, но и множества отдельных правовых вопросов, причем как связанных с данным делом, так и носящих вполне самостоятельный характер (например, самостоятельный характер будет иметь вопрос принятия судом меры по обеспечению исполнения исполнительного документа, который был выдан не судом, а другим юрисдикционным органом). В то же время вряд ли можно приветствовать тот факт, что КГС ограничивает (во многом под влиянием норм ХПК) применение состязательных начал для решения многих частных вопросов судопроизводства.

Скобелев В.П.,

заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям
юридического факультета Белорусского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Минск, Республика Беларусь)

Литература

1. Воронов А.Ф. Принципы гражданского процесса: прошлое, настоящее, будущее / А.Ф. Воронов. Москва : Издательский дом «Городец», 2009.
2. Евтодьева И.А. Принципы диспозитивности и состязательности советского гражданского процессуального права : автореферат диссертации кандидата юридических наук / И.А. Евтодьева. Москва, 1983.
3. Король Э. Возможные пути развития принципа состязательности при унификации и совершенствовании гражданского процесса / Э. Король // Судовы веснік. 2020. № 1.
4. Основные принципы гражданского процесса / М.К. Треушников, З. Чешка, П.В. Логинов [и др.] ; под редакцией М.К. Треушникова, З. Чешки. Москва : Издательство Московского университета, 1991.
5. Самсонов В.В. Состязательность в гражданском процессуальном праве : автореферат диссертации кандидата юридических наук / В.В. Самсонов. Саратов, 1999.
6. Семенов В.М. Конституционные принципы гражданского судопроизводства / В.М. Семенов. Москва : Юридическая литература, 1982.
7. Скобелев В. О роли и значении принципов гражданского судопроизводства в контексте Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь / В. Скобелев // Судовы веснік. 2024. № 1.
8. Тараненко В.Ф. Принципы диспозитивности и состязательности в советском гражданском процессе : учебное пособие / В.Ф. Тараненко ; ответственный редактор М.С. Шакарян. Москва : ВЮЗИ, 1990.
9. Таранова Т.С. Реализация принципа состязательности в гражданском судопроизводстве : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Т.С. Таранова. Минск, 2001.
10. Тихиня В.Г. Конституция БССР и принципы судебной защиты гражданских прав / В.Г. Тихиня, В.В. Тихонович. Минск : Издательство БГУ, 1980.
11. Ференс-Сороцкий А.А. Принципы гражданско-процессуального права : учебное пособие / А.А. Ференс-Сороцкий. Санкт-Петербург : СПбГУ, 1993.
12. Филиппик Р. Применение конституционного принципа состязательности при рассмотрении гражданских дел в контексте унификации процессуального законодательства / Р. Филиппик // Судовы веснік. 2020. № 1.
13. Фокина М.А. Состязательность в гражданском судопроизводстве: закономерности и исключения / М.А. Фокина. Саратов : Издательство Саратовского юридического института МВД РФ, 1999.
14. Шерстюк В.М. Развитие принципов арбитражного процессуального права / В.М. Шерстюк. Москва : Издательский дом «Городец», 2004.
15. Шишкин С.А. Состязательность в гражданском и арбитражном судопроизводстве / С.А. Шишкин. Москва : Юридическое бюро «Городец», 1997.

Алгоритмизация процесса подготовки дел к судебному разбирательству в цивилистическом процессе

Полноценная реализация задач подготовки дела к судебному разбирательству на протяжении всего периода действия цивилистических процессуальных кодексов остается остроактуальной и столь же остро труднодостижимой. Распространенные на практике формализм и шаблонность оформления подготовки приводят к тому, что она фактически превращается в «стадию, которой нет», а подготовительные действия запоздало начинают выполняться только в судебном разбирательстве. Основная причина некачественной подготовки банальна и, к сожалению, на текущем этапе вряд ли устранима — высочайшая судебная нагрузка. Убеждены, что списывать ненадлежащую подготовку на непрофессионализм, неподготовленность судей и участников процесса непродуктивно, так же как и регулярно призывать их к улучшению работы над подготовкой. Пока не будет реальных возможностей и инструментов для облегчения бремени количества рассматриваемых дел и ускорения совершения процессуальных действий, добиться качественного сдвига будет невозможно.

Тем не менее ученые и правоприменители не оставляют попыток повлиять, а скорее, «заговорить» проблему, конструируя новые и новые рекомендации по улучшению качества подготовки как общего характера, так и по отдельным категориям дел. Так, в постановлении Пленума ВС РФ от 4 июня 2024 г. № 12 «О подготовке дела к судебному разбирательству в арбитражном суде» такая попытка выглядит уже вполне отчаянной. В пункте 16 этого постановления речь зашла о самостоятельном получении судом сведений из открытых, официальных источников, в том числе в сети Интернет, что сложно оценить положительно с точки зрения состязательности и «профессионализма» (а не «патернализма») арбитражного процесса, в котором, как это привычно было считать, непредставление доказательств стороной после разъяснений суда всегда означало одно — неудовлетворительный для нее результат процесса.

Текущие и предшествующие рекомендации по улучшению подготовки представляют собой лучшее доказательство необходимости коренных, системных изменений подхода, изменений, направленных на радикальное разрешение основной проблемы, но средствами, не допускающими посягательства на базовые начала, принципы процесса.

Нами неоднократно упоминалось, что альтернативой «инвазивного», грубого вмешательства в процесс за счет секвестирования его процедур является развитие информационных технологий¹. Именно они способны обеспечить желаемое ускорение, разгрузку и повышение эффективности на уровне помощи в разрешении проблемы, а не устранение основания этой проблемы. Как совершенно справедливо отмечает Е.А. Борисова: «Поскольку речь идет о суде и отправлении им правосудия по гражданским делам, то поиск путей преодоления проблем высокой нагрузки и значительных финансовых затрат должен вестись не только и не столько в процессуальной сфере, но и в сферах управления, финансов, несудебных форм защиты права или альтернативного разрешения споров»².

Применительно к подготовке дела к судебному разбирательству использование информационных технологий с целью повышения ее качества выглядит весьма обоснованно и даже органично в силу ряда причин.

Во-первых, единообразие подготовительных действий по аналогичным делам согласуется с краеугольными задачами оптимизации судопроизводства — обеспечением единообразия судебной практики, прозрачности и предсказуемости судебных актов по аналогичным делам. К решению этой задачи принято подходить с конца, то есть исправлять судебные ошибки, в том числе ошибки подготовки, при отмене судебных актов судами вышестоящих инстанций, фактически обучая одни суды на ошибках других. В то же время логично было бы начать унифицировать все с начала, обеспечив единообразие уже со стадии подготовки. Очевидно, что нормальным не может являться различный объем подготовки по аналогичным делам. Как справедливо отмечает Е.В. Слепченко, рассуждая о разнице подходов Гражданского процессуального кодекса РФ и Арбитражного процессуального кодекса РФ к регулированию подготовки, унификация соответствующих правил была бы полезна лицам, обращающимся в суды за защитой своих прав и интересов³.

Во-вторых, основной составляющей деятельности по подготовке дела к судебному разбирательству являются формирование, систематизация и типизация информации⁴. С этой задачей хорошо справляются компьютеры,

¹ Смагина Е.С. Использование информационных технологий как альтернатива масштабным изменениям гражданского процессуального законодательства, направленным на повышение эффективности гражданского судопроизводства и оптимизацию судебной нагрузки // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1.

² Борисова Е.А. Снижение судебной нагрузки ставится во главу преобразований процессуального законодательства. URL: <http://www.garant.ru/interview/1144157/> (дата обращения: 25.11.2024).

³ См.: Слепченко Е.В. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Сер. 14. Вып. 2.

⁴ Об информационной составляющей процесса см. подроб.: Зайченко Е.В. Информационное обеспечение в гражданском и арбитражном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

машины. Для решения этой задачи они, по большому счету, создавались и в данный момент преимущественно используются, учитывая слабые характеристики нынешнего искусственного интеллекта.

В литературе неоднократно подчеркивалось, что автоматизированы, стандартизированы могут быть только повторяющиеся, типичные, рутинные действия, в которых излишними являются вариативность, субъективность, произвольность⁵. Напротив, деятельность, результат которой зависит в большей степени от аналитической, оценочной, интеллектуальной и даже моральной составляющей, сложна для машины в принципе⁶.

Формирование состава информации, подлежащей сбору по делу в ходе подготовки, на основе обобщения практики по аналогичным делам, и реализация некоторых способов сбора этой информации при нынешнем развитии техники, по нашему мнению, вполне могут быть автоматизированы как технические функции, несомненно в режиме «ручного» контроля и корректировки со стороны человека, судьи.

И, наконец, в текущих условиях, при существующих обыкновениях подготовки, «интеллектуальная» автоматизация действительно способна улучшить ее качество, достигнуть пусть и стандартизации, но стандартизации на принципиально ином уровне — не пустого формализма, а формализма, наполненного пусть и типичным, но содержанием. Попросту ответственные лица, получая готовый минимальный набор подготовительной информации, будут вынуждены обратиться к ней, подчеркиваем еще раз, не лишаясь при этом возможности дополнить, изменить, переработать ее.

Осознание приведенных обстоятельств и изучение достигнутого уровня развития искусственного интеллекта привело к возникновению идеи создания системы, позволяющей оптимизировать подготовку с помощью этого инструмента. Возможности искусственного интеллекта на настоящий момент вполне способны справиться с задачей поиска, отбора и систематизации информации, в то время как вынесение машиной решения суда является явно фантастической и, по нашему убеждению, вовсе не нужной затеей.

⁵ См.: Тихомиров Ю.А., Нанба С.Б. Юридическая концепция роботизации : монография. М., 2019; Кондрашов И., Иванов А., Цшайге Х., Пронин А., Серго А., Гаштайер Т., Вашкевич А., Квитко Р., Нестеренко А., Савельев А., Переверзев С., Калятин В., Будылин С. LegalTech и юристы будущего // Закон. 2017. № 1; Солохин А.Е. Электронное правосудие: особенности, проблемы и перспективы // Закон. 2019. № 6; Шереметьев И.И. Использование цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел в суде: реальность и перспективы // Lex russica. 2019. № 5.

⁶ См.: Кириллов А.Е. Процессуальные основы электронного правосудия // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1; Соседова М.В. Возможность применения искусственного интеллекта при рассмотрении отдельных гражданских дел: предсказанное правосудие // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 5; Смолин А.Ю. Уголовный процесс: технология или искусство? // Уголовное судопроизводство. 2016. № 3.

Итогом многолетних поисков и анализа стала подготовка рабочей группой, возглавляемой к.ю.н., доцентом кафедры уголовного процесса и криминологии, IT-директором юридического факультета ЮФУ Еленой Юрьевной Фроловой и д.ю.н., доцентом, заведующим кафедрой гражданского процессуального и трудового права ЮФУ Еленой Сергеевной Смагиной, модели искусственного интеллекта, обеспечивающей алгоритмизацию подготовки дела к судебному разбирательству.

В самом общем виде задумка была такова: модель искусственного интеллекта должна была анализировать судебную практику по отдельным категориям дел и формировать перечень наиболее релевантных и типичных требований, лиц, привлекаемых к участию в деле, и доказательств, составлять примерное определение суда о подготовке дела к судебному разбирательству, но не формальное, а наполненное конкретным содержанием, почерпнутым из судебных актов.

В решении этой задачи не могли помочь существующие модели, включающие элементы искусственного интеллекта. Все они обучены на данных, которые зачастую нерелевантны: в русскоязычных моделях использовались искусственно сформированные наборы данных, тексты из художественной литературы и Википедии. И полагаться на них, тем более в судебной практике, не представляется возможным.

Это предопределило необходимость разработки модели фактически с нуля и обучения ее на релевантных данных из судебной практики.

В связи с этим для обучения необходимо было сформировать базу данных из судебной практики, а также отредактированную, пригодную для обучения базу, условно мы называем ее — банк идеальных решений судов (БИРС). Это было сделано нами на основании решений по делам о сносе самовольной постройки.

Поставив перед собой **цель** по созданию модели машинного обучения по формированию круга лиц и доказательств, необходимых для подготовки дел к судебному разбирательству в цивилистическом процессе, мы приступили к решению необходимых для ее достижения **задач**:

- формирование концепта модели;
- отбор всех рассмотренных судами в период с 2004 по 2023 г. решений по делам определенной категории;
- отбор «идеальных» с точки зрения содержания и формы решений для формирования базы обучения модели;
- выбор архитектуры модели;
- выбор метода разметки суцностей;
- разметка решений с целью обучения модели;
- обучение модели;
- тестовые запуски на «идеальных» решениях, на иных решениях по делам определенной категории;

— тестовые запуски на решениях по иным категориям дел.

За основу обучения было взято 6000 решений по делам о сносе самовольной постройки. Из них было отобрано 200 «идеальных» решений, ставших образцовыми для обучения.

Для получения данных в необходимом формате разработан алгоритм по автоматическому извлечению текста из pdf-файлов с решениями с помощью языка программирования Python. Затем полученный текст подвергался операции токенизации, где одним токеном являлось слово. Каждому токenu присваивалась метка формата BIO, где B — являлось началом именованной сущности, I — продолжением и одновременно окончанием сущности, O — отражало отсутствие сущности. Помимо метки токенам задавался класс; на примере нашей задачи в качестве классов выступили: ISTEС — истец, OTV — ответчик, TRET — третье лицо, TREB — требования, DELO — номер дела, DOC — доказательство.

Размер выборки составил 484 513 токенов. Для обучения модели именованных сущностей необходимо было осуществить пропорциональное деление выборки на тестовый, валидационный и тренировочный наборы данных. Размер валидационного набора данных составлял 10% от имеющихся токенов в выборке, размер тренировочного — 70%, тестового — 20%. Тренировочный набор данных необходим для обучения модели, валидационный набор служит для подбора оптимальных гиперпараметров и проверки работоспособности модели, тестовый набор создан для оценки качества распознавания именованных сущностей.

Сформированный набор данных подавался на вход модели машинного обучения по распознаванию именованных сущностей BERT, которая включает анализ последовательности текстовых данных с помощью crf-слоя.

Выбор данной архитектуры объясняется следующим: классические рекуррентные нейронные сети, обладающие высокой эффективностью при работе с текстовыми данными в таких задачах, как классификация, анализ тональности и аннотирование, не способны в полной мере анализировать контекст передаваемой информации. Добавление crf-слоя, отвечающего за анализ последовательности текста, в рекуррентную нейронную сеть с долгой краткосрочной памятью не привело к результатам с требуемой точностью. В связи с чем была выбрана архитектура трансформерной нейронной сети BERT, которая эффективно обрабатывает последовательность текста, учитывает контекст поступающей информации и классифицирует именованные сущности с высокой точностью.

Модель по распознаванию именованных сущностей обладает следующими гиперпараметрами:

- максимальная длина последовательности токенов составляет 512;
- оптимизатор AdamW;

- коэффициент скорости обучения 2e-05;
- количество эпох 30;
- размер батча 10.

Точность модели на уровне предложений составила 59,1%, на уровне слов — 77,5%. Затем произведен тестовый запуск модели на решениях по иным категориям дел — результат оказался в пределах релевантных значений.

В результате создана демонстрационная модель машинного обучения по формированию круга лиц и доказательств, необходимых для подготовки дел к судебному разбирательству в цивилистическом процессе, предназначенная для участников судебных разбирательств, готовящихся к вступлению в процесс, и для судей, реализующих действия на этой стадии процесса.

Уникальность заключается именно в таком подходе к обучению — на судебной практике, а не на вводных данных из законодательства, где, как правило, нет ориентиров, необходимых для подготовки по конкретному делу. Модель анализирует решения по делам определенной категории и выдает результат в виде типичных лиц, участвующих в деле, и доказательств, подлежащих сбору.

Модель может быть усовершенствована за счет обучения на большем объеме входных данных — судебных решений по различным категориям дел. Также задачей совершенствования является создание полноценного конструктора определения о подготовке дела к судебному разбирательству.

Использование систем искусственного интеллекта для подготовительной деятельности суда, уверены, может дать совершенно новый импульс к повышению качества и оперативности подготовки, обеспечивая в итоге и результат судебного разбирательства.

Смагина Е.С.,

заведующая кафедрой гражданского
процессуального и трудового права
Южного федерального университета,
доктор юридических наук, доцент
(г. Ростов-на-Дону)

Фролова Е.Ю.,

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Южного федерального университета,
кандидат юридических наук
(г. Ростов-на-Дону)

Литература

1. LegalTech и юристы будущего / И. Кондрашов, А. Иванов, Х. Цшайге [и др.] // Закон. 2017. № 1.
2. Борисова Е.А. Снижение судебной нагрузки ставится во главу преобразований процессуального законодательства / Е.А. Борисова // ГАРАНТ.ру. 2017. 23 октября.
3. Зайченко Е.В. Информационное обеспечение в гражданском и арбитражном процессе : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Е.В. Зайченко. Москва, 2013.
4. Кириллов А.Е. Процессуальные основы электронного правосудия / А.Е. Кириллов // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1.
5. Слепченко Е.В. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству / Е.В. Слепченко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. 2012. № 2.
6. Смагина Е.С. Использование информационных технологий как альтернатива масштабным изменениям гражданского процессуального законодательства, направленным на повышение эффективности гражданского судопроизводства и оптимизацию судебной нагрузки / Е.С. Смагина // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1.
7. Смолин А.Ю. Уголовный процесс: технология или искусство? / А.Ю. Смолин // Уголовное судопроизводство. 2016. № 3.
8. Солохин А.Е. Электронное правосудие: особенности, проблемы и перспективы / А.Е. Солохин // Закон. 2019. № 6.
9. Соседова М.В. Возможность применения искусственного интеллекта при рассмотрении отдельных гражданских дел: предсказанное правосудие / М.В. Соседова // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 5.
10. Шереметьев И.И. Использование цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел в суде: реальность и перспективы / И.И. Шереметьев // Lex russica (Русский закон). 2019. № 5.
11. Юридическая концепция роботизации : монография / Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. Москва : Проспект, 2019.

Традиции и новации российского цивилистического процесса

Современное мироустройство, чреватое противоречиями и даже военными конфликтами, в очередной раз возвращает человечество к осмыслению роли традиций изменчивого мира. Упадок нравственных ценностей, девальвация правовых рычагов еще более усугубляют противоречивость современной эпохи.

В связи с этим поворот к традиционным российским ценностям, обозначенным в указе Президента¹ Российской Федерации В.В. Путина, весьма значим. Он влияет на всю общественную жизнь России, на правовую сферу в особенности. Цивилистический процесс, являющийся одной из динамичных ее частей, претерпевает и будет претерпевать позитивные изменения.

Осмысление проблемы традиций и новаций невозможно без уточнения понятия «традиция». В словаре С.И. Ожегова дана следующая трактовка: «Традиция — это: 1) то, что перешло от одного поколения к другому, что унаследовано от предшествующих поколений (например, идеи, взгляды, вкусы, образ действий, обычаи и т.д.); 2) установившийся порядок в поведении, в быту»². В литературе встречается различное понимание феномена традиции. Однако общими являются связи прошлого и настоящего. Так, Д. Гросс полагает, что понятие «традиция» относится к совокупности верований или образу мышления, существующим в настоящем, но перешедшим к нам из прошлого³. Э.С. Маркарян дает следующее определение: «Культурная традиция — это выраженный в социально организованных стереотипах групповой опыт, который путем пространственно-временной трансмиссии аккумулируется и воспроизводится в различных человеческих коллективах»⁴.

Применительно к нашему исследованию традиции в гражданском процессе — это соблюдение правил обеспечения судебной защиты нарушенных прав субъектов гражданских правоотношений на основе гражданских процессуальных принципов, с помощью правил ведения судопроизводства, а также использование методов, оправданных временем, с учетом нравственных ценностей общества.

¹ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986. С. 700.

³ Gross D. The Past in Ruins: Tradition and the Critique of Modernity. Amherst, 1992. MA. P. 8.

⁴ Маркарян Э.С. Узловые проблемы культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 80.

Весь исторический опыт России показывает, что традиционно формировалось первенство нравственных начал перед правом. Одним из проводников этой идеи является В.С. Соловьев, который утверждал «безусловной» и «неотъемлемой» ценностью обоснование права человека на достойное существование⁵.

Вслед за В.С. Соловьевым П.И. Новгородцев считал, что именно естественное право представляет ценность в его духовной и нравственной основе. Гуманистическое значение в духе российского менталитета отстаивал С.А. Муромцев. Его концепция справедливости существенно повлияла на правотворчество в конце XIX в.

Глубоко укоренившиеся в сознании россиян религиозные верования вплоть до начала XX в. превалировали над правом, что также свидетельствует о примате нравственности.

После прихода к власти большевиков в 1917 г. началась полоса новаций. Принимались новые конституции, создавалось новое советское право, закреплялась ведущая линия правотворчества, традиционно характеризующая сознание народа России, — справедливость. Что касается прав человека, то в Конституции СССР 1936 г., задолго до появления Всеобщей декларации прав человека, провозглашались демократические права и свободы, которых не было в западных странах⁶.

Исторический экскурс показывает, что Россия и ранее активно внедряла новации в отечественное судопроизводство. Так, в ходе реформы 1864 г., согласно Судебному Уставу, было создано специальное отечественное законодательство, регламентирующее гражданский процесс отдельно от уголовного. Однако данная новация сохраняла традиции древнерусского права, содержащиеся в Русской Правде (XI–XII вв.), Новгородской и Псковской судебных грамотах (XV в.). Этот процессуальный дуализм просуществовал длительное время в законодательстве и судебной практике «московского» и значительной части «имперского», «Санкт-Петербургского» периодов: с конца XV в. почти до конца XVIII в.⁷.

Главная новация, состоявшаяся в XIX в., — это принятие 20 ноября 1864 г. Устава гражданского судопроизводства, фактически ставшего первым серьезным процессуальным документом, заложившим основы гражданского судопроизводства, многие из которых функционируют в настоящее время.

⁵ Соловьев В.С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. СПб., 1914. С. 523–533.

⁶ Савенков А.Н. Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества. М., 2019. С. 60–61.

⁷ Ефремова Н.Н. К вопросу о генезисе гражданского процесса в России // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практика его применения : материалы I Международной научно-практической конференции (10–11 апреля 2014 г.). Казань, 2014. С. 362.

В данном случае можно утверждать, что создание этого документа из новаций превратилось в традицию в современных условиях.

Революционные события начала XX в. поставили под угрозу сохранение традиций. «Отречемся от старого мира», «мы наш, мы новый мир построим» — вот лозунги, угрожающие сохранению традиций. Отношение к традициям в правоведении очень четко сформулировано А.Я. Вышинским: «Народному суду нового коммунистического строя заимствовать неоткуда. Всякое позаимствование сводится к возврату старому, к сознательной или бессознательной контрреволюции»⁸.

Тем не менее некоторые традиционные обязанности судов сохранялись. Это прежде всего защита действующей власти, влияния власти на судопроизводство. Что касается новаций, их спектр достаточно широк. Прежде всего создание общественных судов, характерной чертой которых был отказ от формальных процедур, отрицание буквы закона, руководство пролетарского революционного чутья. Важной чертой деятельности судов в 20-е годы было упрощение процессуальных норм. Господствовала идея: «простой процесс для простых судей». Лишь к середине 30-х годов от этой политики отказались⁹. Однако именно в этот период зародилась традиция подчиненности судов партийному влиянию.

В 60–80-е годы эта традиция укоренилась, приобрела негативные формы в виде давления на суд, появления так называемого «телефонного права», ущемления независимости судей.

События 1991 г. вызвали новые явления не только в стране, но и в судопроизводстве, которые можно охарактеризовать как новации, во многом символизирующие возврат к дореволюционным порядкам в судопроизводстве. Так, в Концепции судебной реформы в Российской Советской Федеративной Социалистической Республике, одобренной Верховным Советом РСФСР от 24 октября 1991 г., были обозначены следующие задачи: возрождение суда с участием присяжных заседателей, института мировых судей, введение принципа несменяемости судей и др. Кроме того, в Конституции РФ закреплялось, что судебная власть независима и самостоятельна.

Анализ современного изучения названных задач показывает активность ученых России в исследовании как сохранения традиционных ценностей, так и новаций в цивилистическом процессе. Об этом свидетельствуют материалы целого ряда конференций¹⁰. Примечательно, что если в 90-е годы путь

⁸ Из речи А.Я. Вышинского на заседании Верховного Суда РСФСР // Советская юстиция. 1992. № 9.

⁹ Шахрай С.М., Краховский К.П. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех. К 150-летию судебной реформы в России. М., 2014. С. 507.

¹⁰ Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения : материалы I Международной научно-практической конференции (Казань, 10–11 апреля 2014 г.). Казань, 2014; Перспективы развития

к новациям у многих ученых виделся сквозь призму зарубежного опыта, то теперь ученые осознали опасность «правовой интервенции», при которой «государственный суверенитет размывается», «человек теряет стойкую юридическую связь с конкретным государством»¹¹. Активно изучается опыт российских судов, влияние традиционных российских ценностей на осуществление правосудия, актуализируется современное законодательство, прогнозируются пути совершенствования цивилистического процесса. Большое внимание уделяется изучению принципов цивилистического процесса¹² как главных традиционных основ судопроизводства. Полагаем, что совершенствование гражданского правосудия в современных условиях во многом тормозится отсутствием соразмерности отношения как к традициям, так и новациям.

Оценивая итоги процессуальной реформы 2018–2019 гг., Е.А. Царегородцева, отмечая их положительное влияние на примирительные процедуры, упрощенное производство, не случайно задается вопросом: все ли изменения процессуального законодательства можно считать оптимальными?¹³ Ответ очевиден: уровень эффективности новаций пока еще не высок.

Наиболее обсуждаемой сегодня является проблема влияния цифровых технологий на эффективность судопроизводства. Данная новация способствует повышению уровня доступности правосудия, сокращению сроков рассмотрения дел. Принятие в декабре 2021 г. изменений в Гражданском процессуальном кодексе РФ, Арбитражном процессуальном кодексе РФ и Кодексе административного судопроизводства РФ существенно расширило возможности использования информационно-технологических средств в судебном процессе. Оценки перспектив будущего электронного правосудия свидетельствуют: с помощью технического обслуживания улучшается обмен информацией, обеспечиваются дистанционная явка и участие в судебном заседании, прямой доступ к юридическим услугам и т.д. Технологические

гражданского процессуального права : сб. статей по материалам международной научно-практической конференции (г. Саратов, 16 сентября 2017 г.). Саратов, 2017; Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества : доклады членов Российской академии наук / под общей редакцией члена-корреспондента РАН А.Н. Савенкова. М., 2019; Цивилистический процесс: вчера, сегодня, завтра. М. : Изд. дом «Гордец», 2023.

¹¹ Савенков А.Н. Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества : доклады членов Российской академии наук. М. : ИГП РАН, 2019. С. 69.

¹² Зарубина М.Н. О принципах современного цивилистического процесса // Перспективы развития гражданского процессуального права : сб. статей по материалам международной научно-практической конференции (г. Саратов, 16 сентября 2017 г.). Саратов, 2017. С. 136–141; Исаенкова О.В. О проектной модели принципов гражданского процессуального права // Там же. С. 156–158.

¹³ Царегородцева Е.А. Отдельные аспекты процессуальной реформы сквозь призму оптимизации гражданского судопроизводства // Цивилистический процесс: вчера, сегодня, завтра. М., 2023. С. 575.

подходы способны снизить расходы и сроки судебного разбирательства. Но разрешение этих проблем потребует коренного структурного изменения судопроизводства. Этот пересмотр затронет также основополагающие процессуальные принципы¹⁴. Следовательно, российский цивилистический процесс вступает в новую фазу развития и повышения эффективности.

Вместе с тем нельзя обольщаться, что заданный вектор совершенствования цивилистического процесса будет быстрым. Причиной тому служат и недостаточная технологическая база судов, и кадровый потенциал, а главное, далеко не всегда обычные граждане владеют техническими средствами, для того чтобы воспользоваться услугами электронного правосудия. Сохранение традиционного правосудия обусловлено также привычкой граждан к общению с человеком, а не с машиной. Так что в ближайшей перспективе предстоит установить необходимый баланс между традициями и новациями в гражданском процессе. В этой связи выразим солидарность с предложениями М.И. Клеандрова о необходимости создания так называемого «генерального штаба судебной власти»¹⁵. Прерогативой его действия должна стать стратегическая линия развития института судебной власти на перспективу. Именно такой институт может скоординировать работу судебной сферы, определить вектор ее развития, выявить так называемые «белые пятна», а также соответствие принимаемых судебных решений Конституции РФ. Предлагая название такого органа, можно обозначить его как «Высший совет правосудия». Место такого органа четко сформулировано М.И. Клеандровым: «Нашему государству необходим государственно-властный орган, олицетворяющий судебную власть, разрабатывающий стратегию ее развития и обеспечивающий реализацию этой стратегии, орган, равный Парламенту и Правительству в других ветвях государственной власти»¹⁶. Такой орган также будет способствовать обеспечению охраны субъективных прав граждан от «трафаретного электронного правосудия», позволит умело соединять внедрение новаций с традиционными ценностями судебской деятельности. Наконец, данный орган мог бы защитить национально особенное, оградить от непродуманного заимствования зарубежного опыта.

Итак, изучение традиций и новаций в цивилистическом процессе России показало, что обеспечение меры в заимствовании зарубежного опыта и сбережение собственных традиций способствуют процветанию самой России и ее судебной сферы. Игнорирование традиций, чрезмерное увлечение

¹⁴ Курочкин С.А. Эффективность гражданского и арбитражного судопроизводства : монография. М. : ИД «Городец», 2024. С. 429.

¹⁵ Клеандров М.И. Философия права и правосудия // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества : доклады членов Российской академии наук. М. : ИГП РАН, 2019. С. 219.

¹⁶ Там же. С. 213.

западными ценностями приводит к печальным последствиям. Сам реформатор Александр II пал жертвой проводимых им реформ. Об этом убедительно свидетельствовал публицист Михаил Катков: «Реформы предыдущего царствования не все должным образом и с достаточной зрелостью продуманы, а во многом сфабрикованы по чужим лекалам»¹⁷.

Опора на российские ценности и традиции в современных условиях является не только укреплением самобытности России, но и ответом на вызовы санкционирующего Запада, дает шанс на оздоровление общества, его властных структур, в том числе и судебной власти, укрепление нравственных начал в обществе и правовой сфере. Современный цивилистический процесс медленно, но верно продвигается к своему совершенствованию, опираясь на российские традиционные ценности, апробируя новации позитивного свойства. На этом пути судебной власти, безусловно, необходим координирующий стратегический центр, объединяющий научную и практическую деятельность по совершенствованию связи и доверия судебной власти и общества, ради блага которого она и существует.

Чекмарева А.В.,

профессор кафедры гражданского права Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
профессор кафедры гражданского процесса
Саратовской государственной юридической академии,
доктор юридических наук, доцент
(г. Саратов)

Литература

1. Ефремова Н.Н. К вопросу о генезисе гражданского процесса в России / Н.Н. Ефремова // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практика его применения : материалы I Международной научно-практической конференции (г. Казань, 10–11 апреля 2014 г.) : сборник научных статей. Казань : РАП, 2014.
2. Зарубина М.Н. О принципах современного цивилистического процесса / М.Н. Зарубина // Перспективы развития гражданского процессуального права : материалы международной научно-практической конференции (г. Саратов, 16 сентября 2017 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор О.В. Исаенкова. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2017.
3. Исаенкова О.В. О проектной модели принципов гражданского процессуального права / О.В. Исаенкова // Перспективы развития гражданского процессуального права : материалы международной научно-практической конференции (г. Саратов, 16 сентября 2017 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор О.В. Исаенкова. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2017.

¹⁷ Кудряшев К. Александром Третьим будешь // Аргументы и факты. 2014. № 44. С. 18.

4. Клеандров М.И. Философия права и правосудие / М.И. Клеандров // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества : доклады членов Российской академии наук всероссийских научных конференций с международным участием (г. Москва, 10–11 декабря 2018 г.) : сборник научных статей. Т. 1 / ответственный редактор А.Н. Савенков. Москва : Институт государства и права РАН, 2019.
5. Кудряшев К. Александром Третьим будешь. Почему император ценил идеалы допетровской Руси / К. Кудряшев // Аргументы и факты. 2014. 30 октября.
6. Курочкин С.А. Эффективность гражданского и арбитражного судопроизводства : монография / С.А. Курочкин. Москва : Издательский дом «Городец», 2024.
7. Маркарян Э.С. Узловые проблемы культурной традиции / Э.С. Маркарян // Советская этнография. 1981. № 2.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка : около 57 000 слов / С.И. Ожегов. 18-е изд., стер. Москва : Русский язык, 1986.
9. Савенков А.Н. Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации / А.Н. Савенков // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества : доклады членов Российской академии наук всероссийских научных конференций с международным участием (г. Москва, 10–11 декабря 2018 г.) : сборник научных статей. Т. 1 / ответственный редактор А.Н. Савенков. Москва : Институт государства и права РАН, 2019.
10. Соловьев В.С. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики // Соловьев В.С. Собрание сочинений Владимира Сергеевича Соловьева. В 10 томах. Т. 8. 1894–1897 / В.С. Соловьев. 2-е изд. Санкт-Петербург : Просвещение, 1914.
11. Царегородцева Е.А. Отдельные аспекты процессуальной реформы сквозь призму оптимизации гражданского судопроизводства / Е.А. Царегородцева // Цивилистический процесс: вчера, сегодня, завтра. Liber Amicorum. В честь профессора И.В. Решетниковой : сборник статей / ответственный редактор В.А. Бублик. Москва : Издательский дом «Городец», 2023.
12. Шахрай С.М. Суд скорый, правый, милостивый и равный для всех. К 150-летию судебной реформы в России / С.М. Шахрай, К.П. Краховский. Москва : Кучково поле, 2014.
13. Gross D. The Past in Ruins: Tradition and the Critique of Modernity / D. Gross. Amherst : University of Massachusets press, 1992.

Проблемы правового обеспечения кибербезопасности в условиях реализации национального проекта «Экономика данных»

Увеличение числа нормативных правовых актов в области информационных отношений позволяет сделать вывод о том, что развитие правового регулирования в данной области является приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации. Цифровизация охватывает все аспекты человеческой деятельности — от личной коммуникации до функционирования государственных учреждений и частных организаций. Достижения научно-технического прогресса являются предметом содержательной дискуссии российского научного сообщества и формирования подходов общественной адаптации к преобразованиям социальной действительности¹. Объем данных, циркулирующих в информационных системах, растет в геометрической прогрессии и вместе с позитивным эффектом приводит к расширению ландшафта рисков и угроз. В этой связи возникает острая необходимость своевременной актуализации правовых норм, обеспечивающих защиту информации, предотвращение совершения противоправных действий в информационной сфере, и способствующих укреплению международного сотрудничества в противостоянии деструктивному информационному воздействию. Особую значимость данный вопрос приобретает в сфере защиты информации, содержащей сведения, составляющие государственную тайну. В условиях экономики данных исследователями отмечается целесообразность применения новых подходов, сочетающих принципы открытости и доступности информации с необходимостью обеспечения национальной безопасности Российской Федерации².

Несмотря на то что термин «кибербезопасность» в российской правовой системе не применяется, данная категория укрепились в обиходе участников профессионального комьюнити, участники которого осуществляют профессиональную деятельность в области компьютерных технологий. Дискуссионным является вопрос детерминирования предметной области и объекта правового регулирования кибербезопасности, однако следует

¹ Батулин Ю.М. Гамлет как робот // Четвертые Бачиловские чтения : материалы международной научно-практической конференции / отв. ред. Т.А. Полякова, А.В. Минбалева, В.Б. Наумов. Саратов, 2022. С. 265.

² Полякова Т.А., Камалова Г.Г. Государственная тайна как институт правового обеспечения национального суверенитета и безопасности Российской Федерации // Государство и право. 2024. № 7. С. 174–183.

отметить, что совершенствование киберугроз, техник и тактик их реализации обосновывает необходимость формирования структурно упорядоченной системы правового обеспечения безопасности ИКТ — среды на национальном и международном уровнях. Анализ применяемых для этих целей мер позволяет сделать вывод о невозможности эффективного противодействия киберугрозам без формально определенной юридической базы, отвечающей общественному запросу и формирующей запас прочности правовой системы перед изменениями научно-технического прогресса и связанных с этим социальных преобразований.

Целью данной статьи является анализ проблематики правового обеспечения кибербезопасности в условиях экономики данных и выработка предложений по формированию практических решений. Исследование фокусируется на трех ключевых аспектах: унификации терминологии, кодификации правовых норм и проблемах актуализации правовых механизмов, применимых на национальном и наднациональном правовых уровнях.

Унификация терминологии

Применение в законодательной и правоприменительной практике единого понятийно-категориального аппарата является основным принципом правового регулирования. В области кибербезопасности наблюдается значительное разнообразие определений и ключевых понятий, таких как «киберугроза», «информационная безопасность», «данные» и т.д. Однако отсутствие единого подхода к определению применяемых терминов создает существенные затруднения для успешного коммуникации в данной области. Кроме того, субъективная трактовка фундаментальных понятий может вызвать заметные затруднения при определении ответственности за правонарушения, совершенные в ИКТ-среде. Возникает коллизия, основанная на необходимости соблюдения правовых принципов неотвратимости наказания и презумпции невиновности, и одновременно вопрос об эффективности функционирования государственных институтов.

На международном уровне несогласованность правовых категорий препятствует эффективному взаимодействию субъектов международного права в вопросах противодействия киберпреступности и атрибуции нарушителей. Особую актуальность данная проблема приобретает в условиях транснационального характера киберугроз и вовлеченности некоторых хакерских сообществ, мотивированных недружественными государствами на совершение деструктивных воздействий на объекты критической информационной инфраструктуры.

Представляется, что выработка единого подхода к формированию понятийного аппарата, необходимого для устранения выявленных недочетов, может быть основана на успешных практиках международных организаций,

таких как ООН, ОДКБ и ШОС. При этом для достижения консенсуса по данному вопросу представляется целесообразным включить в программу подготовки профильных специалистов в области информационного права, способных выполнять задачу по обеспечению кибербезопасности на национальном и международном правовых уровнях, вопросы исследования унифицированных межотраслевых терминов, применяемых в профессиональной деятельности³.

Кодификация и структурирование

Вопрос кодификации информационного законодательства рассматривается исследователями в парадигме научно-технологического процесса и внедрения цифровых технологий в различные сферы общественной жизни⁴.

Целесообразность упорядочения юридических актов обоснована межотраслевой конкуренцией и имплементацией отдельных положений информационного права в кодифицированные законы иных отраслей российского права, недостаточностью проработки нормативных правовых актов, регулирующих информационные правовые отношения, необходимостью обеспечения государственного суверенитета⁵ и технологической независимости на современном этапе исторического развития.

Анализ правоприменительной практики показывает, что отсутствие единого источника права вносит существенные противоречия и приводит к несогласованности действий субъектов информационных правоотношений, затрудняет процесс правовой коммуникации и негативно сказывается на безопасности ИКТ-среды. Комплексный подход правового регулирования в области обеспечения кибербезопасности требует применения согласованных унифицированных правовых дефиниций, взаимной ориентированности актов правового и технического регулирования, создания единой формализованной юридической платформы для последующего совершенствования правовых механизмов в рассматриваемой области.

Ожидается, что взаимная межотраслевая интеграция позволит снизить административные барьеры для бизнес-сообщества и государственных органов, обеспечит прозрачность регулятивных механизмов, формирует

³ Морозов А.В. Проблемы и перспективы подготовки кадров высшей квалификации в области правового обеспечения международной информационной безопасности // Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности : сборник докладов участников XVI Международного форума. М., 2023. С. 83–85.

⁴ Полякова Т.А. Минбалеев А.В., Наумов В.Б. К вопросу о кодификации информационного законодательства в условиях цифровой трансформации // Государство и право. 2024. № 1. С. 81–91.

⁵ Чубукова С.Г. Государство как субъект информационного права // Право и государство : теория и практика. 2017. № 2. С. 131–134.

основу для своевременной актуализации норм и общественной адаптации в условиях постоянного изменения информационных технологий, а внедрение механизмов государственно-частного партнерства в область разработки стандартов безопасности и в повседневную практику повысит эффективность противодействия угрозам в ИКТ-среде.

Представляется, что формирование информационного (цифрового) кодекса позволит устранить разногласия в интерпретации отдельных правовых положений, сделав правоприменение в данной области более понятным и доступным для всех субъектов информационных правовых отношений.

Разработка актуальных правовых механизмов

В условиях развития экономики данных перед научным юридическим сообществом стоит глобальная задача формулирования эффективной правовой концепции и моделирования проектов нормативных правовых актов, соответствующих вектору технологического и общественного развития⁶.

Существующее законодательство в области информационных технологий и кибербезопасности зачастую оказывается не готово к вызовам научно-технического прогресса, что осложняется необходимостью обеспечения условий для общественной адаптации к внедрению новых организационных и правовых механизмов. Эффективное решение поставленной задачи видится в применении регуляторных песочниц, укреплении международного сотрудничества и стимулировании разработки правовых режимов в области информационных правовых отношений. При этом формированию оптимальной правовой модели может способствовать применение best practice, включая зарубежный опыт. Отмечается, что высокая эффективность применения экспериментального метода может обеспечиваться внедрением наукоемких технологий в различные отрасли экономики, социальную сферу и систему публичного управления в сочетании со специально разработанными экспериментальными правовыми режимами, исключающими возникновение факторов, замедляющих развитие в данной области⁷. Отдельного внимания в рамках обсуждения публично-правового обеспечения кибербезопасности заслуживают взгляды о появлении нового социального конструирования, *позволяющего сдвинуть контролируруемую правовым инструментарием границу должного поведения субъекта информационных правовых отношений*⁸.

⁶ Полякова Т.А., Минбалева А.В., Кроткова Н.В. Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных // Государство и право. 2023. № 9. С. 158–171.

⁷ Полякова Т.А., Минбалева А.В., Кроткова Н.В. Трансформация науки информационного права и информационного законодательства: новый этап в условиях научно-технологического развития России // Государство и право. 2024. № 9. С. 166–179.

⁸ Тедеев А.А. Право, цифровая трансформация, цифровой посткапитализм (постановка проблемы) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12. С. 61–73.

Международное сотрудничество является ключевым элементом в разработке актуальных правовых механизмов в области международной информационной безопасности. Создание платформ для обмена информацией между странами, разработка универсальных соглашений по обмену данными о кибератаках и внедрение единого формата отчетности могут способствовать повышению эффективности взаимодействия специализированных правовых институтов на международном уровне.

Следует отметить, что, несмотря на актуальность международной коммуникации, приоритетным видится обеспечение технологического развития отечественного производства и продолжение государственной политики импортозамещения, в том числе за счет предоставления налоговых льгот и реализации государственных программ финансирования научных исследований в области обеспечения кибербезопасности.

Заключение

Правовое обеспечение кибербезопасности в условиях экономики данных требует реализации комплексного подхода, объединяющего междисциплинарные практики и объектную ориентированность применяемых регулятивных мер. Унификация терминологии, кодификация информационного законодательства и разработка новых правовых механизмов являются ключевыми задачами на пути к повышению уровня защищенности ИКТ-среды. Представляется, что создание устойчивых экосистем, обеспечивающих стабильное развитие национальной экономики, достигается консолидированными усилиями государств, бизнеса и общества.

Перспективы дальнейших исследований в данной области связаны с постоянным развитием информационных технологий и их влиянием на общественные отношения. Данное обстоятельство обосновывает необходимость совершенствования методов и средств правового регулирования информационных правовых отношений и кибербезопасности как одного из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Баландин А.Ю.,

аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Литература

1. Батури́н Ю.М. Гамлет как робот / Ю.М. Батури́н // Четвертые Бачиловские чтения : материалы международной научно-практической конференции (г. Москва, 5–6 февраля 2021 г.) : сборник научных статей / ответственные редакторы : Т.А. Полякова, А.В. Минбале́ев, В.Б. Наумо́в. Саратов : Амирит, 2022.

2. Морозов А.В. Проблемы и перспективы подготовки кадров высшей квалификации в области правового обеспечения международной информационной безопасности / А.В. Морозов // Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности : материалы XVI Международного форума (г. Москва, 19 сентября 2022 г.) : сборник докладов. Москва, 2023.
3. Полякова Т.А. Государственная тайна как институт правового обеспечения национального суверенитета и безопасности Российской Федерации / Т.А. Полякова, Г.Г. Камалова // Государство и право. 2024. № 7.
4. Полякова Т.А. К вопросу о кодификации информационного законодательства в условиях цифровой трансформации / Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов // Государство и право. 2024. № 1.
5. Полякова Т.А. Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных / Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, Н.В. Кроткова // Государство и право. 2023. № 9.
6. Полякова Т.А. Трансформация науки информационного права и информационного законодательства: новый этап в условиях научно-технологического развития России / Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, Н.В. Кроткова // Государство и право. 2024. № 9.
7. Тедеев А.А. Право, цифровая трансформация, цифровой посткапитализм (постановка проблемы) / А.А. Тедеев // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12.
8. Чубукова С.Г. Государство как субъект информационного права / С.Г. Чубукова // Право и государство: теория и практика. 2017. № 2.

Перспективы внедрения зарубежного опыта информационно-правового обеспечения бесплатной юридической помощи населению

Оказание юридической помощи населению в современном обществе представляет собой динамично развивающуюся сферу, потребность в которой неуклонно возрастает. Сложность и многообразие правовых отношений, а также постоянное совершенствование законодательства приводят к тому, что все больше людей сталкиваются с ситуациями, требующими профессиональной юридической поддержки. Однако по различным причинам далеко не все граждане имеют возможность оплатить юридические услуги, что обуславливает особую актуальность проблемы обеспечения бесплатной квалифицированной юридической помощи, позволяющей каждому гражданину защитить свои права и законные интересы¹.

Реализация института бесплатной юридической помощи (БЮП) на практике сопряжена с существенными трудностями. Несмотря на формальную возможность получения такой помощи безвозмездно, ее качество, профессионализм и квалифицированность зачастую оставляют желать лучшего. В связи с этим система бесплатной юридической помощи и ее нормативно-правовое регулирование находятся на стадии активного развития и совершенствования. Основной задачей является повышение доступности и качества бесплатной юридической помощи, что требует комплексного подхода и решения ряда организационных, финансовых и правовых вопросов.

Функционирование государственных и муниципальных органов власти нередко сопровождается принятием решений, которые ограничивают права, свободы и законные интересы отдельных граждан. При этом значительная часть населения не располагает достаточными знаниями, навыками и опытом для самостоятельной и эффективной защиты своих нарушенных прав. Отсутствие юридической грамотности и понимания правовых механизмов существенно затрудняет для многих граждан возможность отстоять свои интересы в сложных правовых ситуациях, возникающих в результате взаимодействия с государственными органами².

¹ Егоров Г.Г., Деркачева Т.В., Ращевская А.Е. Организационно-правовое регламентирование консультации граждан в условиях развития современных цифровых систем // Проблемы устойчивого развития и эколого-экономической безопасности регионов : материалы XVI Международной научно-практической конференции (г. Волжский, 25–26 ноября 2021 г.) / оргкомитет конференции : М.М. Гузев, А.И. Кочеткова ; ВФ ВолГУ. Волгоград : Сфера, 2022. С. 215–218.

² Приказ Минюста России от 20 мая 2024 г. № 157 «Об утверждении стандарта оказания бесплатной юридической помощи субъектами, указанными в пункте 4 части 1 и части 2 статьи 15,

Более того, современное общество характеризуется рядом негативных факторов, таких как низкий уровень правовой культуры, негативное отношение к праву и деформация правосознания, что существенно затрудняет реализацию гражданами своих прав и законных интересов. Отсутствие у значительной части населения необходимых правовых знаний приводит к тому, что люди не всегда осознают свои права и не знают, как их защитить. В результате возникает острая потребность в квалифицированной юридической помощи. В связи с этим обеспечение доступности правовой помощи для социально незащищенных слоев населения приобретает особое значение, так как именно они наиболее уязвимы в правовых отношениях и нуждаются в дополнительной поддержке³.

БЮП, будучи социальным благом, предоставляемым государством в рамках реализации социальной политики, направлена на обеспечение равного доступа граждан к правосудию. Реализация этого права является правом, а не обязанностью гражданина, то есть каждый вправе самостоятельно решать, воспользоваться ли данной возможностью. Однако реальная доступность данной помощи во многом определяется качеством и полнотой ее правового регулирования. В Российской Федерации право на бесплатную юридическую помощь закреплено на федеральном уровне Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»⁴, который детально регламентирует порядок и условия предоставления такой помощи, тем самым способствуя ее более эффективной реализации.

Вместе с тем, наряду с обеспечением правовой основы и доступности БЮП для населения, не менее важным является гарантирование высокого качества, квалифицированности и профессионализма оказываемых услуг. Более того, для данной помощи эти требования являются даже более актуальными, чем для платных юридических услуг, поскольку граждане, обращающиеся за такой помощью, зачастую находятся в наиболее уязвимом положении и нуждаются в особенно тщательной и всесторонней правовой поддержке. Обеспечение высокого качества помощи требует не только наличия соответствующего законодательства, но и создания эффективной системы подготовки и аттестации специалистов, а также внедрения механизмов контроля качества оказываемых услуг.

части 2 статьи 22 Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», и порядка обеспечения контроля за соблюдением его требований» (Зарегистрировано в Минюсте России 21.05.2024 № 78214) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.10.2024).

³ Закомолдин А.В. Проблемы оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном процессе России. М. : Юрлитинформ, 2009. С. 5–6.

⁴ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 23 ноября.

Одной из наиболее актуальных проблем в сфере правового регулирования бесплатной юридической помощи является отсутствие четкого и однозначного законодательного определения понятия «квалифицированная юридическая помощь». Несмотря на неоднократные попытки законодателя дать определение этому понятию, предложенные формулировки не лишены существенных недостатков. В 2015 году была предпринята попытка уточнить это понятие, однако и новая формулировка, акцентирующая внимание на возмездности оказания услуг и постоянном характере деятельности, не полностью отражает сущность бесплатной юридической помощи⁵. Существующие законодательные определения либо излишне сужают понятие квалифицированной юридической помощи, сводя ее к платным юридическим услугам, либо, наоборот, делают его слишком широким и неопределенным. Отсутствие четкого законодательного определения квалифицированной юридической помощи создает существенные трудности при ее организации и оказании, а также затрудняет правоприменительную практику.

Квалифицированная юридическая помощь, будучи субъективным правом, предоставляет гражданину возможность самостоятельно выбирать, воспользоваться этой гарантированной государством услугой или нет. Аналогичным образом, право на бесплатную юридическую помощь также носит субъективный характер.

Итогом многолетних усилий по созданию системы бесплатной юридической помощи стало принятие Федерального закона № 324-ФЗ. Впервые на федеральном уровне были определены основные принципы и механизмы предоставления бесплатной юридической помощи, установлены категории граждан, имеющих право на ее получение, и конкретизированы формы и методы оказания такой помощи. Закон предусмотрел создание двух подсистем бесплатной юридической помощи: государственной (обязательной), включающей в себя государственные юридические бюро, и негосударственной (добровольной), в которой активное участие принимают адвокаты и иные субъекты, оказывающие бесплатную юридическую помощь.

Решение о создании системы БЮП на базе государственных юридических бюро было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, традиционная система оказания данной помощи, основанная на привлечении адвокатов, имела ряд недостатков. Прежде всего адвокаты, как правило, сосредоточены в крупных городах и мегаполисах, что создавало существенные трудности для доступа к квалифицированной юридической помощи для жителей

⁵ Проект Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи (подготовлен Министерством юстиции Российской Федерации в 2015 г.) // Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: www.minjust.gov.ru (дата обращения: 28.08.2024).

отдаленных, сельских и малообеспеченных районов. Кроме того, оказание помощи не всегда было привлекательным для адвокатов ввиду отсутствия материального стимулирования и высокой нагрузки. Во-вторых, государство стремилось обеспечить доступность БЮП для наиболее уязвимых категорий населения, таких как малоимущие граждане, инвалиды, пенсионеры и другие социально незащищенные группы. Организация государственных юридических бюро позволила создать устойчивую систему оказания правовой помощи, гарантирующую ее доступность для всех нуждающихся, независимо от места жительства и уровня дохода. При этом государство ставило перед собой цель сохранить высокое качество оказываемой юридической помощи и обеспечить ее профессионализм.

Проблема обеспечения населения бесплатной квалифицированной юридической помощью является сложной и многогранной, имеющей глубокие конституционные и социально-правовые основания. Она требует комплексного и системного подхода, направленного на создание эффективной и доступной системы правовой помощи. Любые реформы в данной сфере должны быть ориентированы прежде всего на обеспечение доступности качественной юридической помощи для всех слоев населения, особенно для наиболее уязвимых групп, таких как малоимущие граждане, инвалиды, пенсионеры и другие социально незащищенные категории.

В ходе реформирования системы правовой помощи государство вновь обращает свое внимание на адвокатуру, возлагая на нее значительные надежды в сфере оказания правовой помощи. Однако мы считаем, что параллельно с развитием адвокатской деятельности необходимо продолжать совершенствовать систему государственных юридических бюро⁶. Аргументов в пользу такого подхода несколько. Во-первых, деятельность государственных юридических бюро обладает более широким спектром возможностей, охватывая представительство граждан по гражданским, административным и другим делам. В то же время защита по уголовным делам традиционно считается прерогативой адвокатуры. Во-вторых, государственные юридические бюро обеспечивают постоянную и системную помощь гражданам, осуществляемую государственными служащими на профессиональной основе и за счет государственного финансирования.

Таким образом, государственные юридические бюро представляют собой наиболее эффективную модель обеспечения бесплатной юридической помощи населению, особенно тем категориям граждан, которые испытывают материальные трудности или оказались в сложной жизненной ситуации. Что касается юридических клиник при вузах, то их возможности в сфере оказания бесплатной юридической помощи существенно ограничены.

⁶ Дорошева А.А. Некоторые проблемы участия адвоката-защитника по уголовным делам // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 289.

Прежде всего студенты, работающие в юридических клиниках, не обладают достаточными знаниями, навыками и опытом для оказания полноценной юридической помощи гражданам. Кроме того, в связи с последними изменениями в законодательстве студенты юридических вузов не имеют права на самостоятельное представительство интересов граждан в суде, что существенно ограничивает их возможности. В результате качество юридической помощи, оказываемой в юридических клиниках, может быть недостаточным для удовлетворения потребностей граждан, столкнувшихся с юридическими проблемами. Следовательно, государственные юридические бюро являются более надежным и эффективным инструментом обеспечения бесплатной юридической помощи населению⁷.

Анализируя правовые и организационные формы оказания бесплатной юридической помощи, нельзя не обратить внимания на международный опыт оказания данного вида услуг в дистанционном формате посредством цифровых систем.

Широкое внедрение глобальной сети Интернет и стремительное развитие цифровых технологий в XXI в. привели к необратимому усилению значимости информационных технологий во всех аспектах современной жизни. От бизнеса и экономики, сферы социальных взаимодействий и государственного управления до науки, образования и повседневных рутинных действий — ни одна сфера человеческой деятельности не осталась не затронутой этим процессом⁸. Информационные технологии проникают в каждый уголок нашего существования, формируя уникальное информационное пространство, в рамках которого протекает жизнь современного человека. Этот процесс трансформации, вызванный стремительным развитием цифровых технологий, оказывает глубокое влияние на все сферы общества, создавая новые возможности и вызовы для каждого из нас.

Согласно авторитетному источнику, 'Oxford Learner's Dictionaries', цифровизация представляет собой процесс перевода информации из аналогового формата в цифровой, удобный для обработки компьютерными системами⁹.

⁷ Krasilnikova T.K., Egorov G.G., Kazachenok S.Y., Martirosyan M.G. Institute of Public Discussion of Draft Regulatory Legal Acts as One of the Mechanisms of E-democracy Action and Its Role in the Formation of a Civil Society in Russia // Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT / Ed. E.G. Popkova. [Б. м.] : Springer International Publishing, 2019 (Book series: Studies in Computational Intelligence. Vol. 826). P. 17–25.

⁸ Егоров Г.Г., Деркачева Т.В., Ращевская А.Е. Организационно-правовое регламентирование консультации граждан в условиях развития современных цифровых систем // Проблемы устойчивого развития и эколого-экономической безопасности регионов : материалы XVI Международной научно-практической конференции (г. Волжский, 25–26 ноября 2021 г.) / оргкомитет конференции : М.М. Гузев, А.И. Кочеткова ; ВФ ВолГУ. Волгоград : Сфера, 2022. С. 215–218.

⁹ Oxford Learners Dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/digitization?q=Digitization> (дата обращения: 07.10.2024).

Этот процесс в последние годы приобрел особую актуальность в России, вызвав повышенный интерес государства к трансформации социальной сферы посредством цифровых технологий. Свидетельством этого служат многочисленные дискуссионные площадки, организованные в различных регионах страны для обсуждения перспектив цифровизации социальных услуг и служб.

Процесс цифровизации социальной сферы приобретает для Российской Федерации характер крайне актуальной и значимой задачи, требующей выработки комплексной стратегии и разработки эффективных механизмов реализации. Необходимость создания такой стратегии обусловлена тем, что данный процесс способен существенно повысить качество жизни граждан, оптимизировать государственное управление и обеспечить более эффективное распределение ресурсов. Можно констатировать, что в российском обществе сформировалось четкое понимание важности и актуальности цифровизации социальной сферы, что свидетельствует о готовности к масштабным преобразованиям в данной области.

Стоит отметить, что Великобритания одной из первых стран начала активно внедрять цифровые технологии в государственные услуги, запустив свою масштабную цифровую стратегию еще в 2012 г. Этот ранний старт позволил Великобритании накопить значительный опыт и достичь впечатляющих результатов в области цифровизации, что делает ее опыт особенно ценным для изучения и адаптации в других странах.

С момента запуска своей цифровой стратегии в 2012 г. Великобритания продемонстрировала впечатляющие результаты в области цифровизации государственных услуг. Страна активно работала над созданием единого, всеобъемлющего портала государственных услуг GOV.UK, направленного на предоставление максимально широкому кругу граждан удобного и доступного доступа к необходимой информации и сервисам. За относительно короткий период времени, всего за семь лет, Великобритании удалось консолидировать информацию с почти двух тысяч разрозненных правительственных сайтов на единой платформе. Такой масштабный проект не только значительно упростил взаимодействие граждан с государственными органами, но и привел к существенной экономии бюджетных средств. По оценкам экспертов, в 2014 г. экономический эффект от внедрения системы составил около 1,7 млрд фунтов стерлингов. Этот значимый результат свидетельствует о высокой эффективности выбранной стратегии и подчеркивает важность цифровизации государственных услуг для повышения качества жизни граждан и оптимизации государственного управления¹⁰.

¹⁰ Digitalization of Government Services. Luxembourg : Arthur D. Little, 2018. 20 p. URL: https://www.adlittle.com/sites/default/files/viewpoints/adl_digitalisation_of_government_services-min.pdf (дата обращения: 07.10.2024).

GOV.UK представляет собой универсальную платформу, объединяющую в себе разнообразные информационные ресурсы, предназначенные как для граждан страны, так и для иностранных граждан. Различные разделы и сервисы портала обслуживаются отдельными подразделениями государственных органов, каждое из которых проводит независимый анализ использования своей части платформы. Данный подход позволяет обеспечить гибкость и адаптивность портала к меняющимся потребностям пользователей и специфике различных государственных услуг, при этом сохраняя единый пользовательский интерфейс и обеспечивая удобную навигацию по ресурсу.

Организация информации на сайте обладает уникальными особенностями, отличающими его от традиционных государственных веб-ресурсов. В отличие от большинства сайтов, структура которых строго соответствует иерархии государственных органов, информация на сервисе структурирована с учетом потребностей пользователей, независимо от их ведомственной принадлежности. Это означает, что информация предоставляется максимально доступно и интуитивно, следуя принципу пошаговой навигации. Такой тематический подход открывает перед пользователями новые возможности для поиска и изучения информации, значительно упрощая процесс нахождения необходимых данных. По сути, GOV.UK предлагает пользователям не просто набор разрозненных сведений, а удобную и логичную систему навигации, позволяющую быстро ориентироваться в многообразии государственных услуг и найти ответы на интересующие вопросы (рис. 1).

Рис. 1. Раздел «Пособия» веб-сайта: gov.uk

Примечание: The best place to find government services and information // Crown copyright. GOV.UK (дата обращения: 10.10.2023).

Guidance and regulation

Search

47,282 results

[Get emails](#)
[Subscribe to feed](#)

Sort by

Most viewed

Topic

Organisation

World location

Updated

Cost of Living Payments 2023 to 2024
 Guidance on getting extra payments to help with the cost of living if you're entitled to certain benefits or tax credits.
 From: Department for Work and Pensions Updated: 1 August 2023

UK bank holidays
 Find out when bank holidays are in England, Wales, Scotland and Northern Ireland - including past and future bank holidays
 From: Prime Minister's Office, 10 Downing Street Updated: 6 December 2021

Visa processing times: applications outside the UK
 Check how quickly you'll receive a decision on your UK visa application if you are applying from outside the UK.
 From: UK Visas and Immigration Updated: 26 June 2023

Track or view your DBS certificate
 You can use our online services to check the progress of basic, standard or enhanced checks, or view your certificate.

Рис. 2. Инструкция по подаче заявки на предоставление гранта «Доступ к работе» на веб-сайте: gov.uk

Примечание: The best place to find government services and information // Crown copyright. GOV.UK (дата обращения: 10.10.2023).

Представляется интересным более детально изучить электронные социальные услуги, доступные на британском правительственном портале GOV.UK, с целью выявления тех из них, которые могли быть успешно адаптированы и внедрены в России. В качестве яркого примера такой услуги можно привести раздел, посвященный финансовой поддержке инвалидов на рынке труда, — «Доступ к работе» (рис. 2). Данная услуга представляет собой удобный и интуитивно понятный онлайн-инструмент, позволяющий инвалидам получить необходимую информацию о доступных видах поддержки, подать заявку на финансовую помощь и отслеживать статус рассмотрения своего обращения.

Данная государственная программа поддержки занятости инвалидов нацелена на создание условий, позволяющих людям с ограниченными возможностями здоровья успешно интегрироваться в трудовую деятельность. Суть программы заключается в предоставлении финансовой помощи работодателям для адаптации рабочих мест к потребностям инвалидов. Речь идет о компенсации затрат на приобретение специального оборудования, приспособлений, а также оплату услуг ассистентов, необходимых для выполнения трудовых функций. Кроме того, программа предусматривает компенсацию транспортных расходов, связанных с поездками на работу и обратно. Государство создает условия, при которых инвалиды получают равные возможности для трудоустройства и профессиональной реализации.

Информация о программе представлена на сайте в максимально доступной и структурированной форме, позволяя пользователям быстро и легко найти интересующие их сведения, не отвлекаясь на лишние детали.

Данная страница содержит исчерпывающую информацию о программе поддержки занятости инвалидов. Она структурирована в четыре логически связанных раздела. В первом разделе дается общее описание программы, ее целей и направленности. Второй раздел посвящен детальному перечислению критериев, которым должен соответствовать потенциальный получатель помощи, для того чтобы иметь право на ее получение. Третий раздел содержит пошаговую инструкцию о том, как подать заявку на получение финансовой поддержки. Важно отметить, что в некоторых случаях заявку можно подать непосредственно на сайте, что значительно упрощает процедуру. В четвертом разделе представлена информация о дальнейших действиях, которые необходимо предпринять как заявителю, так и государственным органам после подачи заявки. Структурированная подача информации позволяет пользователям легко ориентироваться на сайте и быстро находить ответы на интересующие их вопросы.

Помимо основной информации о программе поддержки занятости инвалидов, на странице можно обнаружить ряд дополнительных ссылок. Эти ссылки направляют пользователя на смежные разделы сайта, где представлена более подробная информация о различных аспектах программы, а также на официальный сайт ведомства, ответственного за реализацию данной услуги. Пользователь получает возможность не только ознакомиться с основными положениями программы, но и углубить свои знания в интересующих его вопросах. Следует отметить, что сайт GOV.UK обладает достаточно сложной иерархической структурой. Информация на сайте организована по принципу от общего к частному: от широких тематических разделов пользователь постепенно переходит к более узкоспециализированным, где содержится детальная информация по конкретным вопросам. Такая организация данных позволяет пользователям легко ориентироваться на сайте и находить необходимую информацию, независимо от уровня их осведомленности в данной области.

Ярким примером такой трехуровневой системы организации информации служит раздел «Уход за детьми и воспитание». Этот раздел, в свою очередь, делится на более конкретные подразделы, такие как «Беременность и роды», «Воспитание, усыновление и суррогатное материнство», «Финансовая помощь, если у вас есть дети» и др. (рис. 3). При выборе одного из этих подразделов пользователь получает доступ к обширному перечню ссылок, ведущих на страницы с детальной информацией по конкретным вопросам. Структура и оформление этих страниц аналогичны тем, которые мы уже рассмотрели на примере страницы с описанием гранта для инвалидов. Такой подход позволяет пользователям легко ориентироваться в большом объеме информации, быстро находить нужные сведения и получать исчерпывающие ответы на свои вопросы.

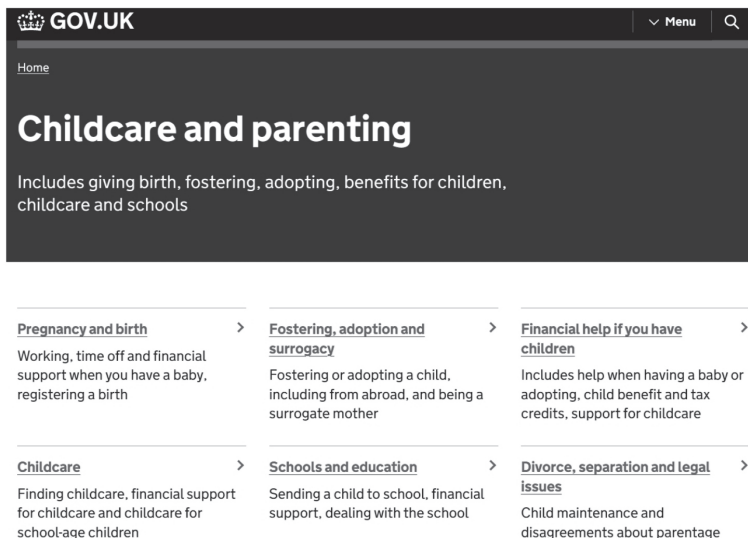
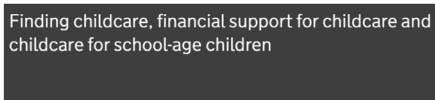

Рис. 3. Раздел «Уход за детьми и воспитание» на веб-сайте: gov.uk

Примечание: The best place to find government services and information // Crown copyright. GOV.UK (дата обращения: 10.10.2023).

Find childcare

- [Employing someone to work in your home](#)
- [Find a Sure Start Children's Centre](#)
- [Find an Ofsted inspection report](#)
- [Find a nursery school place](#)
- [Find a registered childminder](#)
- [Find free early education and childcare](#)
- [The law on leaving your child on their own](#)
- [Complain about a school](#)
- [Unpaid parental leave](#)

Рис. 4. Сервис поиска местного органа власти на веб-сайте: gov.uk

Примечание: The best place to find government services and information // Crown copyright. GOV.UK (дата обращения: 10.10.2023).

На веб-странице, помимо прочих полезных функций, представлен интерактивный инструмент, призванный существенно облегчить поиск веб-сайтов местных органов власти. Пользователю достаточно ввести интересующий его почтовый индекс, и система автоматически выдаст соответствующую инфор-

мацию. Более того, для дополнительного удобства разработчики предусмотрели прямую ссылку на сервис поиска почтовых индексов Royal Mail, что позволяет уточнить почтовый индекс при необходимости (рис. 4). Однако при более детальном анализе данного функционала обнаруживается ряд недостатков. В частности, на главной странице сайта отсутствует явная, легко заметная ссылка, ведущая непосредственно к разделу с интерактивным поиском по местным органам власти. В настоящее время доступ к этому полезному инструменту возможен только через общий поиск по сайту. Такая реализация, на наш взгляд, не вполне логична и может затруднить поиск нужной информации для пользователей, не знакомых с особенностями структуры данного ресурса.

Помимо предоставления исчерпывающих данных о местных органах власти, ответственных за оказание различных видов социальной помощи, веб-портал gov.uk содержит специализированный раздел, посвященный деятельности Комиссии по делам благотворительности для Англии и Уэльса. Данное государственное учреждение наделено полномочиями по осуществлению надзора за деятельностью всех зарегистрированных благотворительных организаций, функционирующих на территории Англии и Уэльса. Одним из ключевых направлений работы комиссии является ведение общедоступного Центрального реестра благотворительных организаций, предоставляющего подробную информацию о каждой зарегистрированной организации. Аналог такого реестра, позволяющего осуществлять поиск благотворительных фондов и общественных объединений, на российском портале государственных услуг «Госуслуги» на данный момент отсутствует, но частично реализована через сайт Министерства экономического развития РФ¹¹.

Информация о благотворительных организациях, функционирующих на территории Англии и Уэльса, сконцентрирована в отдельном разделе веб-портала gov.uk, носящем говорящее название «Найдите благотворительную организацию». Данный раздел предоставляет пользователям уникальную возможность осуществлять поиск любой интересующей их благотворительной организации. При помощи удобного интерфейса поиска можно быстро проверить, является ли та или иная организация официально зарегистрированной на территории Соединенного Королевства, что служит гарантией ее легитимности и надежности. Кроме того, раздел предлагает пользователям интерактивные графические материалы, визуализирующие финансовую деятельность благотворительных организаций. Благодаря этим диаграммам, любой желающий может получить наглядное представление о структуре доходов и расходов благотворительных фондов, а также ознакомиться с другими ключевыми показателями их деятельности, что позволяет оценить эффективность их работы и степень прозрачности.

¹¹ Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций, сформированный в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июля 2021 г. № 1290 // Министерство экономического развития РФ. URL: <https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko/all> (дата обращения: 10.10.2024).

Веб-портал предлагает пользователям удобный инструмент для сортировки благотворительных организаций по различным критериям, таким как общий объем полученных доходов, количество привлеченных добровольцев, величина инвестиций и другие значимые показатели. Кроме того, данный раздел оснащен мощной системой расширенного поиска, позволяющей пользователям находить интересующую их благотворительную организацию с учетом широкого спектра параметров. В частности, система поиска позволяет задавать фильтры по дате регистрации организации, периоду ее активной деятельности, а также по сфере ее благотворительной деятельности, что значительно упрощает процесс поиска. Для пользователей, предпочитающих более простой поиск, предусмотрена функция поиска по точному названию организации или ее уникальному регистрационному номеру, что позволяет быстро отыскать необходимую информацию.

В Соединенном Королевстве деятельность специалистов, работающих в сфере здравоохранения и ухода, подлежит строгому государственному регулированию. Для того чтобы оказывать медицинские или социальные услуги на территории Великобритании, профессионал обязан пройти обязательную регистрацию в специальном реестре, который ведется Советом профессионалов в сфере здравоохранения и ухода (Health and Care Professions Council, HCPC). Данный реестр, доступ к которому открыт для всех пользователей сети Интернет по адресу: <https://www.hcpc-uk.org/check-the-register/>, содержит исчерпывающую информацию о каждом зарегистрированном специалисте, включая его квалификацию, опыт работы, а также подтверждение соответствия установленным профессиональным стандартам в области знаний, навыков и этического поведения¹². Реестр охватывает широкий спектр медицинских и социальных профессий, среди которых можно выделить практических психологов, арт-терапевтов, ортопедов, диетологов, физиотерапевтов и мн. др. Общее число специалистов, подпадающих под юрисдикцию HCPC, превышает 280 тыс. человек, что свидетельствует о масштабности и значимости деятельности Совета в сфере регулирования медицинских и социальных профессий в Соединенном Королевстве.

Характеризуя общий стиль британских веб-ресурсов, предоставляющих электронные социальные услуги, можно отметить их стремление к максимальной простоте и интуитивной понятности интерфейса. Дизайнеры таких сайтов, как правило, отдают предпочтение лаконичному оформлению, используя сдержанную цветовую гамму и минимальное количество графических элементов¹³. Текстовая информация на таких сайтах представлена

¹² Крылова Д.Д. Опыт цифровизации социальных услуг в государственном секторе на примере Великобритании // Цифровизация социальных услуг в современном российском обществе : сборник научных статей студентов / под науч. ред. С.Е. Гасумовой ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2020. 172 с. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/cifrovizacia-soc-uslyg-v-sovr-ros-obschestve.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).

¹³ Там же.

в максимально кратком и ясном виде, сфокусированном на ключевых аспектах предоставляемых услуг. Такой подход позволяет пользователям быстро ориентироваться в структуре сайта и находить необходимую информацию без лишних затруднений. Очевидно, что авторы этих ресурсов сознательно отказываются от использования сложных графических решений, стремясь избежать отвлечения внимания пользователя от основной цели визита на сайт.

Можно сделать вывод о том, что цифровизация государственных услуг в Великобритании строится на принципах пользовательского центризма и гибкого подхода к предоставлению услуг. При проектировании и разработке цифровых сервисов ключевое внимание уделяется созданию интуитивно понятного и удобного интерфейса, который позволяет пользователям легко ориентироваться в системе и получать необходимую информацию без лишних затруднений. При этом цифровые сервисы разрабатываются с учетом полного жизненного цикла взаимодействия пользователя с государственными органами, начиная с момента обращения за услугой и заканчивая ее получением. Государство стремится обеспечить доступность услуг через различные каналы коммуникации, позволяя пользователям выбирать наиболее удобный для них способ взаимодействия. Кроме того, при разработке цифровых сервисов активно используются данные, полученные в результате анализа пользовательского поведения. Это позволяет оптимизировать процессы предоставления услуг и сделать их более эффективными. Важным аспектом является также высокое качество предоставляемых услуг, которое обеспечивается за счет строгого соблюдения специально разработанных стандартов качества (Digital Service Standards)¹⁴. Можно констатировать, что цифровизация государственных услуг в Великобритании направлена на создание удобной, эффективной и ориентированной на пользователя системы взаимодействия граждан с государством.

В рамках усилий по совершенствованию единого национального портала электронных государственных услуг Великобритании стремится создать универсальную цифровую платформу, которая будет служить максимально эффективным инструментом взаимодействия граждан с государственными органами. Основная цель заключается в объединении и структурировании разрозненной информации, предоставляемой различными государственными ведомствами, в единую, легкодоступную систему. Такая платформа должна обеспечивать удобный и интуитивно понятный поиск необходимой информации, а также представлять ее в максимально простой и доступной форме, подобной пошаговой инструкции.

Безусловно, процесс цифровизации государственных услуг, в особенности социальных, в Соединенном Королевстве является непрерывным и дина-

¹⁴ Government Transformation Strategy. UK, 2016. 93 p. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/590199/Government_Transformation_Strategy.pdf (дата обращения: 07.10.2024).

мичным. Ярким подтверждением этого служит принятие в 2016 г. Стратегии правительственной трансформации, охватывающей период с 2016 по 2021 г. Данная стратегия представляет собой комплексный документ, направленный на всестороннюю модернизацию государственного управления с использованием цифровых технологий¹⁵. Она предусматривает разработку и внедрение инновационных механизмов, инструментов и технологий, призванных оптимизировать взаимодействие государственных органов с гражданами и бизнесом. В рамках реализации данной стратегии планируется создание новых рабочих мест, связанных с развитием цифровых сервисов и технологий, что свидетельствует о понимании важности человеческого капитала в процессе цифровой трансформации.

Исходя из британского опыта, для внедрения аналогичных сервисов в России можно рекомендовать следующее¹⁶: создать единый портал государственных услуг, предоставляющий доступ ко всем социальным услугам в одном месте; разработать систему онлайн-поддержки по социальным вопросам, доступную всем гражданам в режиме реального времени; внедрить возможность онлайн-оплаты социальных услуг и разработать систему онлайн-оформления документов на социальные услуги, что позволит сэкономить время и усилия граждан.

Безусловно, внедрение подобных сервисов требует существенных затрат сил и средств. Тем не менее, учитывая их очевидные преимущества, такие инициативы являются оправданными и заслуживают поддержки.

Деркачева Т.В.,

заведующая юридической клиникой,

доцент кафедры юриспруденции и психологии

Волжского филиала Волгоградского государственного университета,

кандидат юридических наук, доцент

(г. Волгоград)

Егоров Г.Г.,

научный сотрудник, доцент кафедры юриспруденции и психологии

Волжского филиала Волгоградского государственного университета,

кандидат юридических наук, доцент

(г. Волгоград)

¹⁵ Крылова Д.Д. Опыт цифровизации социальных услуг в государственном секторе на примере Великобритании // Цифровизация социальных услуг в современном российском обществе : сборник научных статей студентов / под науч. ред. С.Е. Гасумовой ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь, 2020. 172 с. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/cifrovizacia-soc-uslyg-v-sovr-ros-obshchestve.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).

¹⁶ Krasilnikova T.K., Egorov G.G., Derkacheva T.V. The use of modern digital technologies in the implementation of the rights and legitimate interests of citizens // Lecture Notes in Networks and Systems (см. в книгах). 2021. Vol. 155. P. 1118–1125.

Литература

1. Дорошева А.А. Некоторые проблемы участия адвоката-защитника по уголовным делам / А.А. Дорошева // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2.
2. Егоров Г.Г. О стратегии развития правовой системы в контексте юридической безопасности / Г.Г. Егоров, И.Б. Орешкина // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1 (150).
3. Егоров Г.Г. Организационно-правовое регламентирование консультации граждан в условиях развития современных цифровых систем / Г.Г. Егоров, Т.В. Деркачева, А.Е. Ращевская // Проблемы устойчивого развития и эколого-экономической безопасности регионов : материалы XVI Международной научно-практической конференции (г. Волжский, 25–26 ноября 2021 г.) : сборник научных статей. Волгоград : Сфера, 2022.
4. Закомолдин А.В. Проблемы оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном процессе России / А.В. Закомолдин. Москва : Юрлитинформ, 2009.
5. Крылова Д.Д. Опыт цифровизации социальных услуг в государственном секторе на примере Великобритании / Д.Д. Крылова // Цифровизация социальных услуг в современном российском обществе : сборник научных статей студентов / под научной редакцией С.Е. Гасумовой. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020.
6. Digitalization of Government Services. Luxembourg / R. Duneja, A. Lasku, H. Pichai, P. Kilefors. Arthur D. Little, 2018.
7. Government Transformation Strategy / ministerial foreword B. Gummer. UK, 2016.
8. Krasilnikova T.K. Institute of Public Discussion of Draft Regulatory Legal Acts as One of the Mechanisms of E-democracy Action and Its Role in the Formation of a Civil Society in Russia / T.K. Krasilnikova, G.G. Egorov, S.Y. Kazachenok, M.G. Martirosyan // Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT / eds. by E.G. Popkova. Springer International Publishing, 2019.
9. Krasilnikova T.K. The use of modern digital technologies in the implementation of the rights and legitimate interests of citizens / T.K. Krasilnikova, G.G. Egorov, T.V. Derkacheva // 'Smart technologies' for society, state and economy : proceedings book (Volgograd, 2–3 July 2020). Vol. 155. / eds. by E.G. Popkova, B.S. Sergi. Springer, 2021.

Правовое регулирование сетевой безопасности

С быстрым развитием информационных технологий сетевые данные стали незаменимым и важным ресурсом в современном обществе. Однако проблемы безопасности сетевых данных становятся все более заметными, создавая серьезные угрозы личной конфиденциальности, корпоративным интересам и даже национальной безопасности. Для того чтобы обеспечить безопасность сетевых данных, Россия, как и большинство стран мира, приняла законодательные акты, регулирующие деятельность по обработке сетевых данных, направленных на защиту законных прав и интересов отдельных лиц и организаций в киберпространстве.

Целью данной статьи является изучение отдельных аспектов правового регулирования безопасности сетевых данных, существующих проблем и направлений дальнейшего развития.

Под правовым регулированием сетевой безопасности А.О. Кострикина понимает совокупность норм, правил и стандартов, направленных на защиту информационных систем и данных от несанкционированного доступа, утечек, атак и других угроз¹. Это особенно актуально в условиях растущей цифровизации и увеличения количества кибератак.

Основные аспекты правового регулирования сетевой безопасности включают:

- законодательство, регулирующее вопросы сетевой безопасности, такие как закон о защите данных, закон о кибербезопасности и др.;
- стандарты и нормы, как международные, так и национальные, определяющие требования к системам управления информационной безопасностью;
- правоохранительные органы, в компетенцию которых входят расследование киберпреступлений и применение законодательства в информационной сфере;
- сотрудничество между государствами в борьбе с киберугрозами, поскольку многие киберпреступления носят транснациональный характер².

Правовое регулирование безопасности сетевых данных представляет собой сложную и огромную систему, включающую множество уровней

¹ Кострикина А.О. Информационная безопасность в критической информационной безопасности // Проблемы научной мысли. 2024. Т. 4. № 1. С. 82–85.

² Мусинов А.С. Обеспечение информационной безопасности в цифровых технологиях // Цивилизационная стратегия лидерства в XXI веке : материалы международной научно-практической конференции (Душанбе, 20 февраля 2024 г.). Душанбе : Таджикский национальный университет, 2024. С. 152–156.

и аспектов. С международной точки зрения, Организация Объединенных Наций сформулировала соответствующие правила кибербезопасности и защиты данных. Например, в Отчете Группы правительственных экспертов ООН по развитию информации и телекоммуникаций с точки зрения международной безопасности подчеркивается важность безопасности киберпространства и выдвигаются предложения по укреплению международного сотрудничества и формулированию международных правил.

С внутренней точки зрения Россия постепенно создала правовую систему сетевой безопасности и защиты данных, в основе которой лежат такие законы, как Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».

В законодательстве разъясняется принцип суверенитета киберпространства, оговариваются обязательства сетевых операторов и поставщиков сетевых продуктов и услуг по обеспечению безопасности, а также вопросы защиты сетевых данных, личной информации и другие аспекты.

В то же время существует целый ряд проблем в правовом регулировании сетевой безопасности, таких как:

- быстрое развитие технологий, так как технологии и методы кибератак развиваются быстрее, чем законодательство, что приводит к пробелам в правовом регулировании;
- разнообразие законодательства, в связи с тем, что разные страны имеют разные подходы к регулированию сетевой безопасности;
- защита личных данных, потому что регулирование в области защиты данных часто сталкивается с конфиденциальностью и правами пользователей, что может усложнить вопросы безопасности и контроля;
- киберугрозы и киберпреступность, противодействие которым требует постоянного усовершенствования правовых норм и механизмов.

Законодательство о сетевой безопасности призвано укреплять открытое использование данных, продвижение создания технологий и стандартных систем, а также создание и совершенствование системы управления транзакциями данных и механизма управления безопасностью данных и реагирования на чрезвычайные ситуации. Для этого важно сформировать систему проверки и контроля безопасности данных; уточнить обязательства по защите данных и усилить мониторинг и оценку рисков безопасности данных. Создание единой, стандартизированной, взаимосвязанной, безопасной и контролируемой открытой платформы государственных данных будет способствовать их открытому использованию.

Особое значение имеет защита критической инфраструктуры, что предполагает осуществление мер по мониторингу, защите и устранению источни-

ков рисков и угроз безопасности внешних сетей, возникающих внутри страны, защиту критически важной информационной инфраструктуры от атак, вторжений, вмешательства и разрушений, а также ответственность за незаконную и преступную деятельность в соответствии с законом.

Таким образом, законодательство о кибербезопасности является важным инструментом поддержания безопасности киберпространства, защиты прав и интересов граждан, а также содействия экономическому и социальному развитию. Благодаря постоянному развитию сетевых технологий и все более широкому использованию сети важность законов о сетевой безопасности станет более заметной и важной частью модернизации системы управления в государстве.

В то же время в настоящее время необходимо уточнить систему надзора и управления, направления совершенствования механизма идентификации критической информационной инфраструктуры, определения ответственности, обязательств, гарантий и мер поощрения операторов, а также соответствующих юридических обязанностей.

Одним из ключевых аспектов эффективного правового регулирования сетевой безопасности является образовательная деятельность. Обучение сотрудников организаций вопросам кибербезопасности, осведомленность о рисках и методах защиты данных должны стать приоритетами как на уровне компаний, так и в системе образования. Продвинутое курсы и программы повышения квалификации помогут подготовить будущих специалистов, способных адаптироваться к быстро меняющимся условиям цифрового мира. Кроме того, необходимо развивать механизмы реагирования на инциденты. Создание центров обработки инцидентов (CERT/CSIRT) позволяет наладить оперативный обмен информацией между государственными структурами и частными секторами, что способствует более быстрой реакции на кибератаки и минимизации их последствий.

Правовое регулирование — это не только контроль и наказание. Оно должно также содействовать развитию новых технологий и подходов к безопасности. Инструменты регулирования должны стимулировать исследования в области кибербезопасности, поддерживая стартапы и научные проекты, что, в свою очередь, поможет создавать более защищенные системы и продукты для пользователей, что способствует более быстрой реакции на кибератаки и минимизации их последствий³.

³ Лимановская В.Р. Роль информационной безопасности в защите интеллектуальной собственности и влияние на экономическую безопасность региона // Организационно-правовые основы экономической безопасности субъектов хозяйствования в условиях новых вызовов внешней среды: проблемы и пути их решения : сборник материалов международной научно-практической конференции (Уральский государственный горный университет, 9 апреля 2024 г.). Екатеринбург : Уральский государственный горный университет, 2024. С. 166–171.

Кроме образовательной деятельности и механизма реагирования на инциденты, важным аспектом успеха в области кибербезопасности является создание культуры безопасности внутри организаций. Привлечение сотрудников к регулярным тренингам, симуляциям кибератак и обсуждениям по вопросам безопасности помогает формировать осознанное отношение к рискам. Когда каждый член команды понимает свою роль в обеспечении безопасной рабочей среды, организация становится менее уязвимой для внешних угроз. Также необходимо активное сотрудничество между государственными организациями и частным сектором. Создание партнерств, обмен опытом и лучшими практиками может значительно увеличить эффективность мер по киберзащите. Регулярные совместные учения и конференции способствуют формированию единой стратегии безопасности, где каждая сторона понимает свои обязательства и возможности⁴.

Кроме того, важно внедрять современные технологии и инструменты для обеспечения кибербезопасности. Инвестиции в автоматизированные системы мониторинга и анализа угроз помогут организациям быстро реагировать на инциденты и минимизировать потенциальные риски. Использование искусственного интеллекта и машинного обучения позволяет обнаруживать аномалии в поведении пользователей и выявлять угрозы, которые могут оставаться незамеченными традиционными методами⁵.

Наконец, необходимо развивать общественное сознание о киберугрозах. Информационные кампании, направленные на повышение осведомленности граждан о рисках интернет-безопасности, могут значительно уменьшить последствия от кибератак⁶. Сильное общественное понимание вопросов безопасности будет способствовать более ответственной культуре использования технологий в повседневной жизни.

Кроме того, коллаборация между частным сектором, государственными учреждениями и образовательными учреждениями является ключевым элементом в обеспечении кибербезопасности. Совместные инициативы могут привести к обмену знаниями и ресурсами, что позволит более эффективно справляться с киберугрозами. Например, создание консорциумов для обмена данными о киберугрозах между компаниями поможет сформировать

⁴ Михаленко Н.А. Роль информационной безопасности в системе национальной безопасности современной России // Актуальные проблемы правоведения. 2024. № 1(81). С. 19–23.

⁵ Зотов Д.С. Информационная безопасность в системе национальной безопасности Российской Федерации // Актуальные вопросы совершенствования научной деятельности: теоретический и практический аспект : сборник статей международной научно-практической конференции (Оренбург, 17 марта 2024 г.). Уфа : ООО «Омега сайнс», 2024. С. 9–11.

⁶ Зубрик Д.А. Реализация информационной безопасности как приоритетное направление национальной безопасности в Республике Беларусь // Общество, экономика и право: вызовы современности и тенденции развития : электронный сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции (Волжский, 22 декабря 2023 г.). Волжский : Волжский институт экономики, педагогики и права, 2024. С. 42–46.

более полное представление о текущем состоянии угроз и разработать стратегии защиты.

Технологические инновации, такие как блокчейн, также могут сыграть значительную роль в повышении уровня безопасности. Использование децентрализованных систем для хранения данных может уменьшить вероятность кибератак, так как нарушителям будет гораздо сложнее получить доступ к информации. Такие подходы могут быть особенно полезны для финансовых учреждений, где защита данных клиентов является приоритетом.

Таким образом, правовое регулирование сетевой безопасности — это сложная и многогранная задача, требующая комплексного подхода, сотрудничества между государственными и частными секторами, а также адаптации к текущим вызовам, поэтому важно разрабатывать и внедрять эффективные правовые нормы, которые смогут обеспечить высокий уровень защиты в условиях быстро меняющегося цифрового мира⁷.

Для того чтобы усилить соблюдение правовых норм по безопасности сетевых данных, необходимо принять ряд мер. С одной стороны, необходимо усилить информационно-просветительскую работу для повышения осведомленности и внимания предприятий и частных лиц к законам и правилам сетевой безопасности и защиты данных, с другой стороны, необходимо усилить надзор и правоприменение, установить и совершенствовать механизмы регулирования и средства обеспечения правопорядка, а также обеспечивать эффективную реализацию законов и постановлений.

Несмотря на принятые меры, особое значение имеет культура безопасности в организациях. Постоянное совершенствование протоколов реагирования на инциденты и регулярные тренинги для сотрудников помогут создать более устойчивую систему обеспечения кибербезопасности. Чем больше сотрудники осведомлены о потенциальных угрозах и методах их минимизации, тем выше шансы на успешное предотвращение инцидентов.

Коробейникова К.В.,

доцент кафедры информационных систем управления
Донецкого государственного университета
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

Литература

1. Зотов Д.С. Информационная безопасность в системе национальной безопасности Российской Федерации / Д.С. Зотов, Р.В. Пимонов // Актуальные вопросы совершенствования научной деятельности: теоретический и практический аспект : материалы международной научно-практической конференции (г. Оренбург, 17 марта 2024 г.) : сборник научных статей. Уфа : Омега сайнс, 2024.

⁷ Bedaev A.I. Information security in the work of the United Nations and the OSCE / A.I. Bedaev, A.M. Nogmov // Modern Science and Innovations. 2024. № 1(45). P. 129–135.

2. Зубрик Д.А. Реализация информационной безопасности как приоритетное направление национальной безопасности в Республике Беларусь / Д.А. Зубрик, А.А. Горенчук, Г.Г. Егоров // Общество, экономика и право: вызовы современности и тенденции развития : материалы V Международной научно-практической конференции (г. Волжский, 22 декабря 2023 г.) : электронный сборник статей. Волжский : Волжский институт экономики, педагогики и права, 2024.
3. Кострикина А.О. Информационная безопасность в критической информационной безопасности / А.О. Кострикина, К.А. Лазунин // Проблемы научной мысли. 2024. Т. 4. № 1.
4. Лимановская В.Р. Роль информационной безопасности в защите интеллектуальной собственности и влияние на экономическую безопасность региона / В.Р. Лимановская // Организационно-правовые основы экономической безопасности субъектов хозяйствования в условиях новых вызовов внешней среды: проблемы и пути их решения : материалы международной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 9 апреля 2024 г.) : сборник научных статей. Екатеринбург : Уральский государственный горный университет, 2024.
5. Михаленко Н.А. Роль информационной безопасности в системе национальной безопасности современной России / Н.А. Михаленко // Актуальные проблемы правоведения. 2024. № 1 (81).
6. Мусинов А.С. Обеспечение информационной безопасности в цифровых технологиях / А.С. Мусинов, Ш.С. Халикзода, М.Н. Абдуллоев // Цивилизационная стратегия лидерства в XXI веке : материалы международной научно-практической конференции (г. Душанбе, 20 февраля 2024 г.) : сборник научных статей. Душанбе : Таджикский национальный университет, 2024.
7. Bedaev A.I. Information security in the work of the United Nations and the OSCE / A.I. Bedaev, A.M. Nogmov // Modern Science and Innovations. 2024. Vol. 1. Iss. 4.

Проблемы правового регулирования применения систем искусственного интеллекта в биобанковской деятельности

Биобанкирование — это деятельность, направленная на сбор, хранение и предоставление биоматериалов (кровь, моча, кал, спинномозговая жидкость, ткани, органы и др.) людей, животных, растений, бактерий, вирусов, грибов для проведения научно-исследовательских работ и лечения. Биобанки являются фундаментом становления персонализированной медицины и базисом для проведения масштабных или популяционных биотехнологических исследований. Первые биобанки были исключительно лечебными, например для предоставления молока недоношенным детям¹ (1951 г.), переливания крови², пересадки роговицы³, и биобанки спермы для лечения бесплодия⁴. Только в 90-е начали появляться биобанки, специально созданные для проведения масштабных генетических и других медико-биологических исследований. И если в первых биобанках хранились сотни-тысячи образцов и обработка этих данных не представляла сложности даже одному научному работнику, то сейчас в крупнейших биобанках мира хранятся миллионные коллекции биобразцов, а в отдельных российских объем хранения приближается к сотням тысяч. Соответственно, уже первые попытки компьютеризованной фиксации биобанковской информации были предприняты еще в 1988 г. для хранения крови во Франции⁵ ввиду большого объема хранимой информации.

Первые упоминания об использовании систем искусственного интеллекта (далее — ИИ) при анализе биобанковских данных датируются 2018 г., когда учеными использовались методы «глубокого обучения», такими как многослойные перцептроны и сверточные нейронные сети⁶ (последние по-

¹ Brusa P. Organization of human milk banks and its preservation (lyophilization) and food for infants at the I.P.P.A.I. of Milan // Lattante. 1951. № 22(1). S. 1.

² Иванов Л.В. Получение универсальной антирезусной сыворотки из О, А и В сывороток, содержащих антитела к резус-фактору // Проблемы гематологии и переливания крови. 1963. № 12. С. 40.

³ Berman M.B., Kerza-Kwiatkowski A.P., Davison P.F. Characterization of human corneal collagenase // Experimental eye research. 1973. № 15(3). S. 368.

⁴ Nicholas M.K., Tyler J.P. Characteristics, attitudes and personalities of AI donors // Clinical reproduction and fertility. 1983. № 2(1). S. 48.

⁵ Girard M, Garnier A, Portefaix J. Le parc informatique des établissements de transfusion sanguine français en 1988 [Information storage by the French blood banking community in 1988] // Rev Fr Transfus Hemobiol. 1989. № 32(3). S. 225.

⁶ Bellot P, Los Campos G. de, Pérez-Enciso M. Can Deep Learning Improve Genomic Prediction of Complex Human Traits? / P. Bellot, G. de Los Campos, M. Pérez-Enciso // Genetics. 2018. № 210(3). S. 818.

казали большую специфичность и точность). Вместе с тем в ряде работ было показано, что при недостаточном объеме материала (150–300 объектов) ИИ не успевает обучиться и его специфичность крайне низка⁷. Обучение же ИИ на 3–5 тысячах образцов по технологиям сверточных нейронных сетей дает достаточно специфичные результаты, которые могут быть воспроизведены на данных из других биобанков, по крайней мере в отношении анализа снимков МРТ из биобанков⁸. Данные системы стали внедряться для выявления взаимосвязей между фактами о биоматериалах, которые человеческий мозг увидеть не может, то есть предполагается беспристрастность ИИ. Отдельные российские ученые полагают, что анализ вариативности антител к различным инфекциям, хранящимся в биобанках, возможен только посредством систем ИИ⁹. С 2019 года ИИ применяется при анализе биобанковских КТ-, МРТ-, ПЭТ-снимков злокачественных новообразований в Свердловской области¹⁰.

Определение ИИ закреплено в стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 г. в России, согласно которой «искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений»¹¹. При этом в указе Президента РФ не указывается ни статус ИИ, согласно Гражданскому кодексу РФ, ни порядок возмещения ущерба, причиненного ИИ третьим лицам. Порядок применения ИИ на территории Российской Федерации (РФ) частично раскрывается в Федеральном законе (ФЗ) «Об экспериментальных

⁷ Krauss E., Haberer J., Maurer O., Barreto G., Drakopanagiotakis F., Degen M., Seeger W., Guenther A. Exploring the Ability of Electronic Nose Technology to Recognize Interstitial Lung Diseases (ILD) by Non-Invasive Breath Screening of Exhaled Volatile Compounds (VOC): A Pilot Study from the European IPF Registry (eurlPFreg) and Biobank // J Clin Med. 2019. № 8(10). S. 1698.

⁸ Chen C., Bai W., Davies R.H., Bhuv A.N., Manisty C.H., Augusto J.B., Moon J.C., Aung N., Lee A.M., Sanghvi M.M., Fung K., Paiva J.M., Petersen S.E., Lukaschuk E., Piechnik S.K., Neubauer S., Rueckert D. Improving the Generalizability of Convolutional Neural Network-Based Segmentation on CMR Images // Front Cardiovasc Med. 2020. № 7. S. 105.

⁹ Гущин В.А., Мануйлов В.А., Мазунина Е.П., Клейменов Д.А., Семененко Т.А., Гинцбург А.Л., Ткачук А.П. Иммунологическая память как основа рациональной вакцинопрофилактики населения. Обоснование создания системы серозидемиологического мониторинга в России // Вестник Российского государственного медицинского университета. 2017. № 5. С. 17.

¹⁰ Кривенко Н.В., Елишев В.Г., Кривенцова Л.А. Влияние инноваций на результативность здравоохранения в системе экономической безопасности региона / Н.В. Кривенко, В.Г. Елишев, Л.А. Кривенцова // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 1. С. 169.

¹¹ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.11.2024).

правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»¹² (далее — ЭПР). В данном законе указано, что ЭПР вводится на срок только для определенных лиц, установленных вышеуказанным законом, и может противоречить федеральному законодательству. А часть 4 ст. 5 этого закона гласит, что «вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу человека либо имуществу юридического лица при реализации экспериментального правового режима, в том числе правомерными действиями субъекта экспериментального правового режима, подлежит возмещению лицом, причинившим вред, в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации». То есть, если по результатам использования ИИ будет причинен вред, возмещать его будет причинитель вреда, а не создатель или владелец ИИ. Соответственно, применение ИИ в биобанкинге на всей территории РФ возможно, но только на свой страх и риск. На сегодняшний день Правительством РФ принято 14 ЭПР¹³. При этом ни один из ЭПР не касается внедрения систем ИИ в биобанкировании. В законе о введении режима ЭПР при заключении многосторонних договоров о введении ЭПР в отношении отдельных юридических лиц программой ЭПР может быть предусмотрена необходимость страхования «гражданской ответственности за причинение указанного вреда при реализации экспериментального правового режима». По нашему мнению, это диспозитивное требование следует изложить в виде императивного требования о страховании гражданско-правовой ответственности участников ЭПР ввиду существенных рисков и неотработанности механизмов ИИ в рамках ЭПР. Соответственно, мы полагаем целесообразным изложить ч. 4 ст. 5 ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» в следующей редакции: «Программой экспериментального правового режима должно предусматриваться требование к субъекту экспериментального правового режима о необходимости страхования им гражданской ответственности за причинение указанного вреда при реализации экспериментального правового режима».

Проблема применения ИИ в биобанкировании лежит в непредсказуемости полученных результатов при анализе данных пациентов¹⁴. Так, в той же стратегии развития ИИ до 2030 г. в РФ подчеркивается: «Отсутствие понимания того, как искусственный интеллект достигает результатов, является одной из причин низкого уровня доверия к современным технологиям искусственного интеллекта и может стать препятствием для их развития». При этом ИИ могут быть выявлены как реальные, так и мнимые закономерности.

¹² Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (ред. от 8.08.2024). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 11.11.2024).

¹³ Национальный портал в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://ai.gov.ru/ai/regulatory/> (дата обращения: 11.11.2024).

¹⁴ Коваль Е.А., Мартынова М.Д., Жадунова Н.В. Информированное согласие в эпоху больших данных: необходимость нормативного обновления // Этическая мысль. 2020. Т. 20. № 2. С. 121.

Так, например, еще в 2017 г. корпорация Amazon закрыла свой проект по использованию ИИ при найме сотрудников, так как он производил гендерную дискриминацию ввиду того, что его обучение производилось на сотрудниках данной организации, трудоустроенных в корпорации ранее (из них подавляющее большинство были мужчинами)¹⁵. Соответственно, необходимо разработать механизмы государственного контроля за верностью генеративных моделей или закономерностей, выявленных ИИ. Отдавать ли данную отрасль гражданско-правовых отношений в ведение Минцифры или Роскомнадзору либо же отраслевым министерствам и ведомствам, в ведении которых работает ИИ, — это компетенция Правительства РФ.

Таким образом, законодательно установленных положений о правовом статусе ИИ на сегодняшний день нет. Порядок его применения регламентируется Указом Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и постановлениями Правительства РФ о введении ЭПР¹⁶ по применению технологий ИИ на определенный срок (от 2 до 5 лет) и в отдельных субъектах РФ (либо реже на всей территории РФ, при условии закрепления прямых договоров между соответствующими министерствами и ведомствами федерального уровня РФ и отдельными юридическими лицами на всей территории РФ). К сожалению, ни в Указе Президента, ни в ФЗ о порядке введения ЭПР не указано, как, в каком порядке и при каких условиях положения данных ЭПР будут внедряться на всей территории РФ. К сожалению, ЭПР, регламентирующих порядок применения ИИ при анализе биобанковских данных, на сегодняшний день в России не принято, что оставляет биобанки и иные организации, его применяющие, наедине с судами. Кроме того, ни в одном из вышеуказанных актов нами не было найдено порядка экспертного контроля за системами ИИ в динамике (так как ИИ — система саморазвивающаяся). Также мы полагаем необходимым обязать участников ЭПР страховать свою гражданско-правовую ответственность за использование систем ИИ. Устранение вышеуказанных «узких мест» в правовом регулировании ИИ в биобанкировании позволит повысить качество и скорость проведения биотехнологических исследований биобанками и потребителями их услуг.

Еникеев О.А.,

доцент кафедры гражданского права и процесса
Башкирской академии государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан,
кандидат юридических наук, кандидат медицинских наук, доцент
(г. Уфа, Республика Башкортостан)

¹⁵ Гладких А. Не только Сбербанк: пять самых эпичных ошибок искусственного интеллекта / А. Гладких // Forbes. 2019. 6 марта. URL: <http://www.forbes.ru> (дата обращения: 11.11.2024).

¹⁶ Мохов А.А. Правовые режимы осуществления медицинской деятельности // Актуальные проблемы медицинского права : сборник материалов Второй Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. А.А. Мохов ; МГЮУ им. О.Е. Кутафина. М., 2015. С. 100.

Литература

1. Гладких А. Не только Сбербанк: пять самых эпичных ошибок искусственного интеллекта / А. Гладких // Forbes. 2019. 6 марта.
2. Гущин В.А. Иммунологическая память как основа рациональной вакцинопрофилактики населения. Обоснование создания системы сероэпидемиологического мониторинга в России / В.А. Гущин, В.А. Мануйлов, Е.П. Мазунина [и др.] // Вестник Российского государственного медицинского университета. 2017. № 5.
3. Иванов Л.В. Получение универсальной антирезусной сыворотки из О, А и В сывороток, содержащих антитела к резус-фактору / Л.В. Иванов // Проблемы гематологии и переливания крови. 1963. № 12.
4. Коваль Е.А. Информированное согласие в эпоху больших данных: необходимость нормативного обновления / Е.А. Коваль, М.Д. Мартынова, Н.В. Жадунцова // Этическая мысль. 2020. Т. 20. № 2.
5. Кривенко Н.В. Влияние инноваций на результативность здравоохранения в системе экономической безопасности региона / Н.В. Кривенко, В.Г. Елишев, Л.А. Кривенцова // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 1.
6. Мохов А.А. Правовые режимы осуществления медицинской деятельности / А.А. Мохов // Актуальные проблемы медицинского права : материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 17–18 апреля 2015 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор А.А. Мохов. Москва : Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, 2015.
7. Bellot P. Can Deep Learning Improve Genomic Prediction of Complex Human Traits? / P. Bellot, G. de Los Campos, M. Pérez-Enciso // Genetics. 2018. Vol. 210. Iss. 3.
8. Berman M.B. Characterization of human corneal collagenase / M.B. Berman, A.P. Kerza-Kwiatecki, P.F. Davison // Experimental eye research. 1973. Vol. 15. Iss. 3.
9. Brusa P. Organization of human milk banks and its preservation (lyophilization) and food for infants at the I.P.P.A.I. of Milan / P. Brusa // Lattante. 1951. Vol. 22. Iss. 1.
10. Chen C. Improving the Generalizability of Convolutional Neural Network-Based Segmentation on CMR Images / C. Chen, W. Bai, R.H. Davies [et al.] // Frontiers in Cardiovascular Medicine. 2020. Vol. 30. Iss. 7.
11. Girard M. Le parc informatique des établissements de transfusion sanguine français en 1988 / M. Girard, A. Garnier, J. Portefaix // Revue Française de Transfusion et d'Hémodiologie. 1989. Vol. 32. Iss. 3.
12. Krauss E. Exploring the Ability of Electronic Nose Technology to Recognize Interstitial Lung Diseases (ILD) by Non-Invasive Breath Screening of Exhaled Volatile Compounds (VOC): A Pilot Study from the European IPF Registry (eurIPFreg) and Biobank / E. Krauss, J. Haberer, O. Maurer [et al.] // Journal of Clinical Medicine. 2019. Vol. 8. Iss. 10.
13. Nicholas M.K. Characteristics, attitudes and personalities of AI donors / M.K. Nicholas, J.P. Tyler // Clinical reproduction and fertility. 1983. Vol. 2. Iss. 1.

Искусственный интеллект и будущее русского языка: новые вызовы и возможности для сохранения и развития

Сегодня мы наблюдаем стремительное развитие технологий искусственного интеллекта во всем мире. Россия является одной из стран, создающей собственные разработки в этой сфере. В Указе Президента «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» дается следующее определение: «Искусственный интеллект — комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их»¹. Развитие технологий и искусственного интеллекта влияет на все сферы человеческой жизни. Язык является знаковой системой, которая используется на разных уровнях взаимодействия, таких как передача информации, ее преобразование и хранение. Он «как система словесного выражения мыслей, обладающая определенным звуковым и грамматическим строем»² тоже поддается влиянию искусственного интеллекта. Языковые модели не только обрабатывают и анализируют тексты на русском языке, но и создают новые. Безусловно, это оказывает влияние на грамматическую и лексическую структуру языка, влияет на его функции. В связи с появлением нового субъекта в процессе коммуникации «человек-человек» необходимо рассмотреть возможные правовые нормы, которые могли бы регулировать коммуникацию «человек-машина-человек». Внедрение технологий искусственного интеллекта в сферу медиа и языка поднимает ряд юридических и этических вопросов.

Искусственный интеллект используется в системах голосового ввода и автоматического перевода, в области обработки естественного языка (NLP), при анализе текстов. Перед русским языком встают новые вызовы. Чат-боты и переводчики, работающие на базе искусственного интеллекта, для повышения точности обработки языковых запросов упрощают синтаксические и грамматические конструкции. В процессе обработки текста теряются языковая синонимия, метафоричность и лексическое разнообразие. Это приводит к снижению языкового уровня и упрощению текстов. Современные системы обработки естественного языка имеют трудности при работе с идиомами

¹ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

² Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000. 1536 с.

и фразеологизированными оборотами. Одной из проблем современного русского языка является увеличение штампов официально-делового стиля. Языковые модели, такие как ChatGpt, YandexGPT, GigaChat, Gemini, создают стандартизированные ответы, которые содержат большое количество шаблонов и языковых штампов. Например, если задать вопрос: как влияет искусственный интеллект на русский язык, то большинство ответов будут содержать следующие фразы: «оказывает значительное влияние», «большой вклад», «порождает новые вопросы», «сохранить баланс». Распространение клишированных текстов может заполнить информационное поле некачественными и однотипными текстами.

Большинство технологий искусственного интеллекта создавались на основе английского языка. В связи с этим происходит массовое заимствование англицизмов. С одной стороны, англицизмы обогащают русский язык, увеличивают словарный состав. Благодаря им появляются термины, связанные с искусственным интеллектом: нейросеть, виртуальная реальность, большие данные, глубокое обучение, дополненная реальность, машинное обучение. С другой стороны, массовые заимствования приводят к утрате исконных слов, становятся угрозой потери уникальности русского языка. Русский язык включает не только литературную норму, он состоит и из диалектов и жаргонизмов. Сегодня технологии искусственного интеллекта недостаточно эффективно работают с диалектами и региональными особенностями языка. Языковые модели не учитывают целый пласт лексики, что создает угрозу для потери локальных форм русского языка.

Искусственный интеллект также предусматривает возможности для развития русского языка. Современные переводчики со встроенным искусственным интеллектом могут упростить изучение русского языка. Существует множество приложений, чат-ботов и интерактивных образовательных платформ, которые могут заменить привычные учебники и сделать процесс обучения более понятным и структурированным. Переводческие системы, такие как Яндекс Переводчик, DeepL, Google Translate, позволяют переводить тексты на русский язык с высокой точностью. Это делает русскую культуру более доступной для иностранных граждан. Однако переводчик DeepL имеет расширенный функционал, который недоступен для русского языка. Например, данный сервис может переводить текст с разговорного английского на академический.

Искусственный интеллект помогает создавать масштабные корпуса русского языка. Например, в Национальный корпус русского языка разработчиками была добавлена нейросетевая разметка. Она позволяет разрешать проблему омонимии. При подсчете частоты использования слова нейросеть может исключить одинаковые формы разных слов. Благодаря устранению омонимии с помощью искусственного интеллекта возможно провести

качественный анализ сочетаемости и частотности слов. Искусственный интеллект способен определять тональность текста, написанного на русском языке. Данная функция может использоваться для оценки отзывов и отношения аудитории к продукту или услугам, она выявляет положительную, отрицательную или нейтральную коннотацию.

Развитие в области распознавания речи способствует интеграции искусственного интеллекта в голосовые помощники. Такие системы, как колонка Алиса от Яндекс, Маруся от VK, Салют от Сбербанка, развивают устное общение с устройствами на русском языке. ИИ-решения для синтеза речи создают условия для сохранения интонационных особенностей русской речи. Данные устройства имеют табуированные слова и фразы, которые связаны с вопросами этики. В России разработан Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, рассматривающий взаимодействие человека и технологий на всех этапах, которые в настоящее время не являются урегулированными до конца. В соответствии с этим кодексом «человеко-ориентированный и гуманистический подход является основным этическим принципом и центральным критерием оценки этического поведения акторов в сфере ИИ»³. Кодекс устанавливает права и свободы человека «как наивысшую ценность», отмечает, что ИИ должен содействовать языковому многообразию и самобытности.

Нейросеть позволяет создавать цифровые библиотеки и мультимедийные проекты, направленные на популяризацию русской литературы. Таким образом, искусственный интеллект помогает в решении рутинных задач, позволяет быстро проводить анализ отзывов, обрабатывать звонки, совершать переводы текстов. В области преподавания русского языка искусственный интеллект может применяться для улучшения методики преподавания. Например, автоматизированные проверки письменных работ или языковые симуляторы делают процесс обучения более эффективным и доступным. Однако использовать искусственный интеллект на уроках русского языка и литературы необходимо с осторожностью. Стоит получить согласие родителей на разрешение взаимодействия ребенка с ИИ-технологией. Нейросети способны генерировать стихотворения, рассказы, музыку и фильмы на русском языке, что влияет на увеличение материала и распространение русского языка в мире. Искусственный интеллект открывает новые возможности для развития и сохранения русского языка. Нейросеть можно использовать для анализа русской поэзии, прозы и драматургии. Она упрощает создание цифровых музеев и может быть применена для сохранения диалектов и региональных особенностей языка.

Однако возникают проблемы регулирования языковых изменений, связанные с необходимостью противодействия манипуляциям с текстами, гене-

³ Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. URL: <https://ethics.a-ai.ru/>

рируемыми искусственным интеллектом. Встают вопросы о том, кому принадлежит текст, написанный с помощью нейросетей, как бороться с ложной информацией, генерируемой на базе реальных фактов, какие нормы нужны для обеспечения точности перевода и какие правовые меры необходимо принять для защиты редких диалектов и устаревшей лексики?

Правовой статус русского языка закреплен в Федеральном законе от 2 июня 2005 г. «О государственном языке Российской Федерации». В законе сказано, что при использовании языка как государственного языка Российской Федерации должны соблюдаться нормы современного русского литературного языка. Под нормами «современного русского литературного языка понимаются правила использования языковых средств, зафиксированные в нормативных словарях, справочниках и грамматиках». Причем в законе указано о недопущении использования слов и выражений, не соответствующих нормам современного литературного языка, за исключением иностранных слов, не имеющих общеупотребительных аналогов в русском языке. Данное уточнение оставляет возможность применять неологизмы и иноязычные заимствования, не имеющие эквивалентов в русском языке. Таким образом, при создании приложений, чат-ботов и обучении нейросетей рекомендуется ориентироваться в первую очередь на толковые, орфографические, этимологические словари на русском языке.

В Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» говорится об обязательности использования русского языка в государственных цифровых системах. Также в данном законе уточняется понятие общедоступной информации. К такой информации относятся «общеизвестные сведения и иная информация, доступ к которой не ограничен»⁴. Данная информация может использоваться любыми лицами при соблюдении ограничений в ее распространении. Следовательно, тексты, сгенерированные нейросетью на основе общедоступной информации, могут использоваться в личных, образовательных целях и для публикации в Интернете. Однако если данные тексты содержат информацию, доступ к которой ограничен, или персональные данные, то в соответствии с Федеральным законом «О персональных данных»⁵ размещение данной информации может быть приостановлено или прекращено. Конечно же, статьи, сгенерированные искусственным интеллектом, не могут содержать информацию, порочащую честь и достоинство граждан, данные, распространение которых на территории Российской Федерации запрещено, выражают неуважение к обществу, государству и официальным государственным символам.

⁴ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс».

Тексты, созданные нейросетью, распространяются в СМИ. Данные материалы могут содержать ложную и вредоносную информацию на русском языке. Следовательно, возникает вопрос: кто должен нести ответственность за правдивость и юридическую корректность текстов, созданных искусственным интеллектом и опубликованных в медиaprостранстве?

При создании текстов с помощью нейросетей на русском языке также возникает проблема авторства. Как сказано в четвертой части Гражданского кодекса РФ, посвященной авторскому праву и правам, связанным с интеллектуальной собственностью, автором произведения признается гражданин, творческим трудом которого оно создано. Объектом авторских прав называются «произведения науки, литературы, искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения»⁶. Возникает сложный вопрос, на который тяжело дать однозначный ответ: является ли текст, сгенерированный по запросу пользователя, авторской собственностью этого пользователя? В статье 1258 Гражданского кодекса Российской Федерации указано, что «граждане, создавшие произведение совместным творческим трудом, признаются соавторами»⁷, однако под «соавторами» подразумеваются люди. Применим ли данный закон по отношению к искусственному интеллекту? Должен ли текст, созданный нейросетью на русском языке, охраняться авторским правом в соответствии с российским законодательством? Возможно, решением данной проблемы может стать использование пометы «создано с помощью искусственного интеллекта», для того чтобы не вводить в заблуждение читателей. Искусственный интеллект обучается на текстах, доступных в Интернете. Однако некоторые произведения, доступные в цифровом пространстве, являются литературными произведениями, защищенными авторским правом. Соответственно, возникают вопросы: действуют ли ограничения при использовании журналистских материалов и литературных текстов для обучения моделей, работает ли право на интеллектуальную собственность, если искусственный интеллект генерирует текст на русском языке, схожий с оригинальным произведением?

Сегодня мы становимся свидетелями появления проектов, направленных на развитие национального искусственного интеллекта. В рамках Федерального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации» Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций были выдвинуты идеи по созданию продуктов и услуг, основанных на отечественных технологиях искусственного интеллекта. Одной из задач данного проекта является создание системы правового регулирования в сфере искусственного интеллекта. Возможно, новые разработки внесут ясность в существующие правовые

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ. Часть 4 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Там же.

коллизии. Федеральный проект «Цифровая образовательная среда», направленный на создание условий обучения для детей в цифровой среде, одной из задач ставит создание образовательного материала на русском языке для обучения школьников в сфере искусственного интеллекта и новых технологий.

Несмотря на появление правовых документов, регулирующих деятельность в области искусственного интеллекта, многие вопросы, связанные с публикацией и распространением текстов, созданных нейросетью, остаются открытыми. Для разрешения данных проблем необходимо объединить усилия лингвистов, разработчиков и представителей правовой структуры с целью создания безопасного пространства и эффективного использования искусственного интеллекта в области русского языка.

Антохина А.Ю.,

журналист

(г. Москва)

Литература

1. Бирюков А.А. Перспективы применения технологии обработки естественного языка в рамках цифровой трансформации экономики РФ и построения цифрового общества / А.А. Бирюков, И.А. Терещенко // Информационное общество. 2023. № 2.
2. Бугорская Н.В. К вопросу об эволюции принципов языка науки / Н.В. Бугорская // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 23.
3. Ву Д. Восполнение пробела в правовом регулировании отношений в сфере изобретений, сделанных искусственным интеллектом / Д. Ву // Russian Journal of Economics and Law. 2024. № 18 (1).
4. Городищев А.В. Обработка русского языка моделями искусственного интеллекта при формировании цифрового аватара / А.В. Городищев, С.В. Ускова, Э.В. Ходенкова // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14. № 3.
5. Дядченко А.А. Этический и правовой аспекты регулирования искусственного интеллекта / А.А. Дядченко, И.И. Карташов // *Ius publicum et privatum*: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. 2023. № 2 (22).
6. Косырева М.С. Особенности развития русского языка в эпоху глобализации / М.С. Косырева // Казачество. 2017. № 4 (28).
7. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / С.А. Кузнецов. Авторская редакция, 2000.
8. Леушина В.В. Этика искусственного интеллекта в стандартах и рекомендациях / В.В. Леушина, В.Э. Карпов // Философия и общество. 2022. № 3 (104).
9. Малышкин А.В. Интегрирование искусственного интеллекта в общественную жизнь: некоторые этические и правовые проблемы / А.В. Малышкин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Право. 2019. Т. 10. № 3.
10. Тимофеева Н.П. Особенности языка и интернет-коммуникации в эпоху цифровизации / Н.П. Тимофеева // Языковая и культурная идентичность в цифровую эпоху: коллективная монография / В.В. Бабушкина, С.Н. Барышникова, О.И. Ванюшкина [и др.] ; под общей редакцией А.А. Зарайского. Саратов : Амирит, 2019.
11. Чухарев Е.М. Когнитивная лингвистика и искусственный интеллект: результаты и тенденции взаимодействия / Е.М. Чухарев, А.А. Худяков // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 2–3.

Правовое регулирование искусственного интеллекта и нейросетей

Искусственный интеллект — это комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сравнимые с результатами интеллектуальной деятельности человека, при выполнении конкретных задач¹. Искусственный интеллект можно определить как машину и/или программу, целью которой является решение задач, которые традиционно решались человеком. Понятие тесно связано с нейронными сетями (нейросетями). Сама по себе искусственная нейронная сеть — созданная математическая модель, ее аппаратное или программное воплощение, построение которой основано на принципе организации и функционирования биологических нейронных сетей, т.е. сетей нервных клеток живого организма, без привлечения самого биологического существа².

В России понятие искусственного интеллекта впервые законодательно закрепили в 2020 г. Федеральный закон № 123-ФЗ вводит экспериментальное регулирование искусственного интеллекта в Москве на пять лет. Он предназначен для регулирования разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта и для возможного использования результатов работы этих технологий.

Но на сегодняшний день пока отсутствует единый специализированный акт, который бы урегулировал порядок создания, регистрации и сертификации, использования, передачи, защиты прав и ответственности. Экспертам и специалистам, в том числе судейскому сообществу, приходится изучать множество различных законодательных актов, но многие вопросы не имеют правового регулирования.

Однако нельзя говорить о том, что искусственный интеллект полностью находится вне рамок правового поля Российской Федерации: так, Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. Указом Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124 внесены изменения — предложены векторы применения нейросетей в области информационной безопасности.

На современном этапе развития общества становится все более популярным внедрение искусственного интеллекта во все сферы жизнедеятельности человека. Мы можем узнать прогноз погоды, создать изображение, картину и даже послушать песню, написанную искусственным интеллектом. Деятель-

¹ См.: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года // СПС «КонсультантПлюс».

² См.: Артеций Л.С. Искусственный интеллект в авторском праве // Вестник науки и образования. 2019. № 7-1 (61).

ность искусственного интеллекта начинает носить творческий характер, который ранее был присущ только человеку.

На сегодняшний день искусственный интеллект может создать объект авторских прав, который пользуется правовой защитой. Однако ответ на вопрос о том, кто является автором произведения — искусственный интеллект или человек, остается до конца невыясненным.

По закону Российской Федерации результаты, созданные с помощью технических средств без творческой деятельности человека, не могут являться объектами авторского права. Поэтому искусственный интеллект не обладает соответствующими правами.

В научном сообществе обсуждается возможность наделения искусственного интеллекта правосубъектностью, то есть фактически предлагается предоставить искусственному интеллекту возможность быть субъектом правоотношений и наделить его правами и обязанностями. В связи с этим возникает колоссальное количество правовых и морально-этических вопросов.

Ряд исследователей высказывают мнение о том, что объект, созданный искусственным интеллектом, не подлежит правовой охране, так как автором охраняемого объекта может быть только человек. Обсуждается также вопрос: может ли он быть субъектом права, так как у него отсутствуют основополагающие черты субъекта права: воля, волеизъявление и интерес?

С.А. Чеховская отмечает, что вполне допускается, так как по мере развития цифровых технологий формирование гражданского оборота на их основе может предполагать отказ от традиционного понимания гражданского правоотношения, поскольку его элементы — субъекты права, объекты права и содержание, права и обязанности участников получают специфическое закрепление в информационной системе³.

Международный опыт

В большинстве стран за произведением, разработанным искусственным интеллектом, авторские права признаются за разработчиком, т.е. создателем этого искусственного интеллекта.

В Китае в 2019 г. проводилось судебное разбирательство, посвященное защите произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта. Предметом спора стала статья, сгенерированная нейросетью, которую опубликовал человек под своим именем, без указания заимствования и/или соавторства искусственного интеллекта. Решением Народного суда округа Наньшань, Шэньчжэнь, провинция Гуандун (2019) (Y 0305 MC №14010 Гражданское решение от 25 ноября 2019 г.⁴ о признании авторских прав

³ Чеховская С.А. К вопросу о правовом статусе систем искусственного интеллекта // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации : сборник научных трудов / коллектив авторов ; под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М. : Инфотропик Медиа, 2021. С. 79.

⁴ URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/judgments/details/1775>

у искусственного интеллекта) было установлено, что инициатива по созданию статьи лежит на человеке, а не на нейросети. Искусственный интеллект создал статью на основании заданных человеком данных. При создании текстов традиционным способом автор контролирует процесс от начала и до конца, а в случаях применения нейросетей у автора есть выбор метода создания, т.е. подбор инструмента создания. В данном случае суд признал, что правообладателем остается человек, но главным аспектом в принятии авторства у искусственного интеллекта стал сам факт признания произведений, созданных искусственным интеллектом, как охраняемых законом.

Однако не всегда суды встают на сторону признания авторских прав за искусственным интеллектом. Примером такого поведения суда является решение австралийского суда по делу *IceTV Pty Ltd v Nine Network Australia Pty Ltd* [2009] HCA 14, Australia (22.04.2009)⁵ об отказе в защите авторских прав искусственного интеллекта. При установлении факта «присвоения» мастерства и труда автора суд указал на необходимость сосредоточиться на природе мастерства и труда и выяснить, направлены ли они на оригинальность конкретной формы выражения, и подчеркнул опасность принятия риторики «присвоения» «навыков и труда», которая сама по себе не может решить вопрос о нарушении авторского права. Решение по делу *IceTV* изменило австралийское законодательство об авторском праве, сделав новый акцент на роли автора или авторов в создании оригинальных произведений.

Заключение

Из представленного анализа можно сделать вывод, что российская система права не имеет надлежащей правовой базы, регулирующей вопросы внедрения искусственного интеллекта в качестве субъекта авторских прав. Авторские права состоят из двух больших групп прав, первая из которых относится к личным неимущественным (право авторства, право на имя и т.д. (ст. 1255 Гражданского кодекса РФ; далее — ГК РФ), а вторая группа — к имущественным правам (право воспроизводить, право распространять и т.д.). Если искусственный интеллект будет признан субъектом авторских прав, то он, следовательно, является личностью. Исходя из норм российского законодательства, личность — это человек. Такие положения и официальный подход не дают возможности наделить искусственный интеллект личными неимущественными правами. Вторая группа авторских прав — имущественные права — возникает по поводу вещных и обязательственных прав.

Обязательственные права возникают при заключении договоров. Этот процесс связан с правоспособностью и дееспособностью, а также ответственностью за неисполнение обязательств. Ключевое требование к договору любого типа — это его исполнение и соблюдение. Кто же в данном случае будет выступать субъектом права: разработчик, правообладатель самого искусственного интеллекта или сам искусственный интеллект?

⁵ URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/judgments/details/647>

Теоретически можно было бы представить искусственный интеллект в качестве изобретения и применять положения закона по аналогии с программой ЭВМ. Так, программы для ЭВМ относятся к объектам авторских прав и охраняются как литературные произведения. Программой для ЭВМ является представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные отображения. (ст. 1261 ГК РФ).

Но, для того чтобы применять данную норму по аналогии, необходимо расширение перечня объектов, которые могут охраняться в качестве изобретения.

Идея наделить искусственный интеллект правосубъектностью по аналогии с физическими лицами опасна и несостоятельна. Об этом 27 июня 2024 г. заявил председатель Конституционного суда Валерий Зорькин в рамках своей лекции на XII юридическом форуме в Петербурге.

В положениях Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. указано на необходимость совершенствования этических правил в области искусственного интеллекта, распространение их действия на российские и иностранные организации, а также на органы публичной власти, проведение широкого общественного обсуждения для выявления и разрешения основных спорных этических вопросов, связанных с внедрением технологий искусственного интеллекта и взаимодействием человека с искусственным интеллектом⁶.

Для того чтобы правовое положение искусственного интеллекта и нейросетей стало более понятным и урегулированным, законодателю нужно будет решить вопрос о том, в каком качестве искусственный интеллект будет принимать участие в правоотношениях, связанных с авторскими правами. Не стоит забывать о том, что наделение искусственного интеллекта и нейросетей правами как автора и его правосубъектностью может привести к признанию искусственного интеллекта равным человеку.

Василенко Л.Р.,

юрист, член Союза юристов-блогеров при Ассоциации юристов России
(г. Москва)

Литература

1. Артений Л.С. Искусственный интеллект в авторском праве / Л.С. Артений // Вестник науки и образования. 2019. № 7–1 (61).
2. Чеховская С.А. К вопросу о правовом статусе систем искусственного интеллекта / С.А. Чеховская // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации : сборник научных трудов / под общей редакцией Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. Москва : Инфотропик Медиа, 2022.

⁶ См.: Создание комплексной системы нормативно-правового регулирования общественных отношений, связанных с развитием и использованием технологий искусственного интеллекта, обеспечение безопасности применения таких технологий (в ред. Указа Президента РФ от 15.02.2024 № 124).

Влияние национальной идентичности в борьбе с дезинформацией в российской правовой системе

Дезинформация, как феномен, активно обсуждается в научных, политических и медийных кругах. Под дезинформацией понимается распространение ложной или вводящей в заблуждение информации, которая может иметь серьезные последствия для общественного сознания и государственной стабильности. В России, учитывая сложные исторические контексты и многообразие культурных традиций, проблема дезинформации принимает специфические формы, связанные с национальной идентичностью.

Цель данной статьи — исследовать, как элементы национальной идентичности влияют на правовые меры противодействия дезинформации, а также определить, каким образом культурные и исторические аспекты интегрируются в правовую систему.

Национальная идентичность: понятие и компоненты

Национальная идентичность представляет собой комплексное явление, включающее в себя элементы культуры, истории, языка, религии и общих ценностей, которые объединяют людей в рамках одного государства или нации. Она формируется под воздействием исторических событий, социальных изменений и культурных традиций. Попытка дать определение национальной идентичности, как это справедливо отмечают С.Ю. Волков и Ю.П. Помелова, перекликается с фундаментальными философско-политическими определениями государства, гражданства, этноса, народа или нации¹. Национальная идентичность представляет собой политическую категорию, формирующую «воображаемое сообщество» людей в соответствии с их соотношением себя с государством². При этом нация с помощью национальной идентичности способна усиливать территориальное и социальное единство национального государства³.

В качестве компонентов национальной идентичности К.А. Кузнецов и П.А. Щелин выделяют: общее прошлое, общие ценности и общую ответственность за будущее. Общее прошлое или общий опыт государственности является устойчивым набором ценностного восприятия важнейших событий истории социума. Набор общих ценностей, разделяемых большинством членов

¹ Волков С.Ю., Помелова Ю.П. Национальная идентичность как научная категория // Оправ-Online. 2018. № 6 (111). С. 1. URL: <https://journal.mrsu.ru/wp-content/uploads/2018/04/volkov-pomelova-1.pdf>

² Там же. С. 4.

³ Там же. С. 5.

социума, при стабильной внешней среде не стремится к изменениям. Общая ответственность за будущее страны является наиболее устойчивым компонентом и не подвергается изменениям: так, она либо существует, либо присутствует. При отсутствии этой ответственности можно говорить об отсутствии национальной идентичности⁴.

Влияние дезинформации на общественные отношения

В условиях стремительного развития средств массовой коммуникации и влияния информационного пространства на все сферы жизни человека и общества дезинформация воспринимается как угроза не только отдельным индивидам, но и государству в целом. Она может подрывать доверие к институтам власти, разжигать социальные конфликты и ставить под сомнение государственную целостность. Кроме того, дезинформация способна оказывать разрушительное воздействие на общественное сознание, особенно в условиях политической нестабильности, что может оказать влияние на национальную идентичность. В этом контексте борьба с дезинформацией становится важной задачей для правовой системы.

Правовое регулирование противодействия дезинформированию

Российская правовая система активно реагирует на вызовы, связанные с дезинформацией. Основными инструментами для борьбы с этим явлением являются законы, регулирующие средства массовой информации и Интернет, а также меры по защите национальной безопасности.

В последние годы в России был принят ряд законов, направленных на борьбу с дезинформацией. Данные правовые нормы позволяют государственным органам блокировать информацию, которая считается ложной или угрожающей. Кроме того, за распространение дезинформации установлена уголовная и административная ответственность. Так, в марте 2019 г. ст. 13.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях была дополнена ч. 9–11, предусматривающими ответственность за злоупотребление свободой массовой информации. А в апреле 2019 г. была установлена административная ответственность для юридических лиц за распространение дезинформации в средствах массовой информации. С 1 апреля 2020 г. была установлена уголовная ответственность за распространение дезинформации в соответствии со ст. 207.1 и 207.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Как справедливо отмечают А.В. Татьяна и Я.В. Каминская, установление жестких законодательных норм должно стать надежным инструментом защиты общества от недостоверной информации⁵.

⁴ Кузнецов К.А., Щелин П.А. Национальная идентичность и устойчивая государственность // Сравнительная политика. 2014. № 1 (14). С. 32–33.

⁵ Татьяна А.В., Каминская Я.В. Ответственность за распространение фейковых новостей: вопросы теории и правоприменения // Вестник ТИУИЭ. 2022. № 1(35). С. 80–81.

Контроль информационного пространства, мониторинг и фильтрация информации также являются важными элементами противодействия дезинформации. Мониторинг и оценка на достоверность выделяется специалистами ЮНЕСКО в качестве одной из мер реагирования, направленной на выявление, опровержение и раскрытие дезинформации⁶. Частично задача мониторинга и фильтрации информации может быть решена технологическим путем. Как справедливо отмечают Е.И. Каширина и А.С. Никляева, алгоритмы машинного обучения способны анализировать информацию в целях выявления аномалий, несоответствий и манипуляций с оригиналом. При этом данные технологии способны анализировать большие объемы данных и выявлять закономерности, которые могут свидетельствовать о дезинформации⁷.

Применение данных мер на практике показывает, что борьба с дезинформацией может иметь неоднозначные последствия. В зависимости от контекста закон может использоваться как инструмент для ограничения свободы слова. Часто правоприменительная практика становится предметом критики со стороны правозащитных организаций, которые указывают на риск злоупотреблений со стороны властей. Так, в 2023 г. в Конституционный суд был подан ряд жалоб от представителей правозащитных организаций и лиц, в том числе признанных иностранными агентами, о признании ст. 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях неконституционной⁸.

Важность исключения необоснованного ограничения свободы слова под предлогом борьбы с дезинформацией подчеркивается ООН. При этом государствам рекомендовано не вводить ограничения, а поощрять свободные и независимые средства массовой информации, максимально повышать прозрачность и доступ к информации, для того чтобы укрепить доверие к государственным институтам, управлению и процессам. Кроме того, большая роль в борьбе с дезинформацией, в соответствии с рекомендациями ООН, отводится общественности и ее участию в содержательных диалогах и дискуссиях⁹.

Таким образом, меры по борьбе с дезинформацией могут варьироваться от жестких ограничений под угрозой уголовной или административной ответственности до более мягких, направленных на добровольное активное участие общественности и участников процесса распространения информации.

⁶ Бончева К., Посетти Д., Тессу Д., Мейер Т., Грегори С., Ано К., Мейнард Д. Компромисс: противодействие цифровой дезинформации с учетом свободы выражения мнений. Исследовательский отчет Комиссии по широкополосной связи «Свобода выражения мнений и борьба с дезинформацией в Интернете». Перевод: ЮНЕСКО. Алматы, 2020. С. 5.

⁷ Каширина Е.И., Никляева А.С. Дезинформация: анализ, последствия и противодействие // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2024. № 1. С. 124.

⁸ Конституционный суд отказался отменить статью о дискредитации армии // Официальный сайт АО «Росбизнесконсалтинг». URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/06/2023/649333e09a794780cc0701ba>

⁹ Борьба с дезинформацией. Раздел официального сайта Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/countering-disinformation>

Национальная идентичность играет значительную роль в восприятии дезинформации и формировании правовых мер противодействия ей.

Восприятие правовых норм в России обусловлено историческим развитием взаимоотношений государства и общества. А.А. Керимов указывает на тот факт, что построение отношений общества и государства по принципу «Бог-царь-отец» предполагает полное подчинение индивида диктатуре властей. При этом в западном понимании статус человека постепенно трансформировался из положения подданного в положение гражданина, в то время как в России эти отношения оставались архаичными¹⁰. Отчасти такое историческое развитие правовой системы под влиянием национальных особенностей стало платформой для законодательства, основанного на строгом регламентировании деятельности и установлении ответственности за нарушение предусмотренных норм.

Для некоторых западных стран характерно применение норм, основанных на активном вовлечении всех участников процесса создания и распространения информации. Так, например, Европейский кодекс практики противодействия дезинформированию предполагает активное участие и подотчетность Европейской комиссии добровольно подписавших его крупных цифровых платформ в вопросах противодействия дезинформированию¹¹.

Законодательное реагирование на возникшую волну фейков о коронавирусной инфекции в России и Великобритании имеет существенные отличия, что справедливо подмечает Ю.Ю. Колотаев. Британское нормотворчество заключалось в совместной разработке новых механизмов противодействия дезинформированию во взаимодействии с представителями цифровых платформ, в то время как отечественная законодательная практика отличается патерналистским подходом, в рамках которого возлагаются определенные обязательства на цифровые платформы, а регулятором деятельности выступает Роскомнадзор¹².

Анализ законодательных инициатив в области противодействия дезинформированию указывает на наличие двух различных подходов, которые Т.А. Романова, Н.И. Соколов и Ю.Ю. Колотаев определяют как патерналистский и адаптивный. Для первого характерно применение любых мер для защиты от негативного влияния дезинформации, вплоть до ограничения определенных прав и свобод человека. При этом адаптивный подход ставит свободы, в первую очередь — свободу слова, во главу угла, а разрешение проблемы противодействия дезинформированию возможно путем развития

¹⁰ Керимов А.А. Проблемы правовой культуры в современной России // Koinon. 2022. Т. 3. № 3–4. С. 100–101.

¹¹ Базаркина Д.Ю. Эволюция подхода Европейского союза к борьбе с дезинформацией // Власть. 2021. № 6. С. 131–133.

¹² Колотаев Ю.Ю. Европа и Европейский союз в контексте информационных угроз постковидного мира // Современная Европа. 2021. № 7. С. 149.

медиаграмотности, проверки фактов, перераспределения ответственности за качество информации и выработки механизмов саморегуляции общества¹³. Такие дискурсы, возникающие вокруг дезинформации, также тесно связаны с национальной идентичностью.

Роль общественности в борьбе с дезинформацией

Для активного участия общественности в вопросах противодействия дезинформированию требуется наличие развитого гражданского общества. Н.С. Федоркин в качестве трудностей формирования гражданского общества в России указывает на исторические условия и характер проводимых в стране реформ. Так, если западные демократии выстраивались «снизу», то в отечественной практике гражданское общество строилось «сверху». Для формирования гражданского общества в России принимается ряд организационных, политических, социальных и экономических мер¹⁴.

Отечественное законодательство предусматривает конституционное право каждого на свободное получение и распространение массовой информации и запрет цензуры, который раскрывается в Федеральном законе от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации». Однако, как отмечает С.А. Куликова, цензура допускается в случаях временных ограничений в соответствии с Федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении»¹⁵.

Представителями либеральной общественности часто выражается мнение о слабом развитии правовой системы защиты свободы слова в России. Данной точки зрения также придерживаются представители некоторых международных организаций, таких как, например, «Репортеры без границ», которые составляют ежегодный индекс свободы прессы. В 2024 году Россия оказалась на 162-м месте из 180 в рейтинге стран по индексу свободы прессы. Общее положение свободы прессы по странам в варианте географической карты отражено на рисунке. Столь низкий уровень оценки свободы слова в России объясняется законодательным регулированием в области борьбы с дезинформацией и иностранным влиянием на политические процессы¹⁶. Данный рейтинг является весьма политизированным, а саму организацию часто упрекают за связь с правительственными фондами и разведы-

¹³ Романова Т.А., Соколов Н.И., Колотаев Ю.Ю. Дезинформация (фейковые новости, пропаганда) как угроза стрессоустойчивости: подходы на уровне Евросоюза и Литвы как его члена // Балтийский регион. 2020. Т. 12. № 1. С. 55.

¹⁴ Федоркин Н.С. Гражданское общество в России: проблемы и трудности формирования // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2005. № 4. С. 4–6.

¹⁵ Куликова С.А. Теоретико-правовая модель конституционного запрета цензуры // Право: история, теория, практика : материалы I Международной научной конференции. Санкт-Петербург : Реноме, 2011. С. 57.

¹⁶ Russia. Раздел сайта организации «Репортеры без границ». URL: <https://rsf.org/en/country/russia>

вательными организациями западных стран¹⁷, поэтому полагаться в полной мере на данный рейтинг не стоит. Однако он отражает, как минимум, отношение западной и либеральной общественности, которая, зачастую, не является большинством населения в исследуемой стране, к регулятивной функции государства в области средств массовой информации.

Рисунок. **Общее распределение свободы прессы по странам**

Источник: официальный сайт организации «Репортеры без границ».

Критика в адрес отечественной системы регулирования деятельности средств массовой информации и коммуникации также может быть объяснена существующей правовой системой, устанавливающей определенные нормы деятельности в информационном пространстве. Но данные нормы являются следствием влияния национальной идентичности, культурных и исторических особенностей.

Заключение

Национальная идентичность в России оказывает значительное влияние на механизмы борьбы с дезинформацией. Исторические, культурные и политические аспекты формируют правовые нормы и практики, направленные на противодействие этому явлению. Для отечественной правовой системы более характерным является патерналистский подход к противодействию

¹⁷ Репортеры без границ // Официальный сайт российской интернет-энциклопедии «РУВИКИ». URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Репортеры_без_границ

дезинформированию. В отсутствие развитых общественных форм контроля и противодействия дезинформации в России государство вынуждено брать на себя основные функции в этой области, реализуя их путем жесткого регулирования распространения информации и установления ответственности за нарушение установленных правовых норм. Формирование сильного гражданского общества и общественных институтов будет способствовать диалогу общества и государства в вопросах противодействия дезинформирования в целях достижения баланса между защитой безопасности личности и государства, с одной стороны, и свободы слова и права на общественное обсуждение важных проблем — с другой.

Государев Т.Л.,

адъюнкт Нижегородской академии
Министерства внутренних дел Российской Федерации
(г. Нижний Новгород)

Литература

1. Анисимова Н. Конституционный суд отказался отменить статью о дискредитации армии / Н. Анисимова // РБК. 2023. 21 июня.
2. Базаркина Д.Ю. Эволюция подхода Европейского союза к борьбе с дезинформацией / Д.Ю. Базаркина // Власть. 2021. № 6.
3. Волков С.Ю. Национальная идентичность как научная категория / С.Ю. Волков, Ю.П. Помелова // Огарев-Online. 2018. № 6 (111).
4. Каширина Е.И. Дезинформация: анализ, последствия и противодействие / Е.И. Каширина, А.С. Никляева // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». 2024. № 1.
5. Керимов А.А. Проблемы правовой культуры в современной России / А.А. Керимов // Koipon. 2022. Т. 3. № 3–4.
6. Колотаев Ю.Ю. Европа и Европейский союз в контексте информационных угроз постковидного мира / Ю.Ю. Колотаев // Современная Европа. 2021. № 7.
7. Компромисс: противодействие цифровой дезинформации с учетом свободы выражения мнений. Исследовательский отчет Комиссии по широкополосной связи «Свобода выражения мнений и борьба с дезинформацией в Интернете» / Д. Тессу, Т. Мейер, С. Грегори [и др.] ; редакторы: К. Бончева, Д. Посетти. Международный союз электросвязи (МСЭ), 2020.
8. Кузнецов К.А. Национальная идентичность и устойчивая государственность / К.А. Кузнецов, П.А. Щелин // Сравнительная политика. 2014. № 1 (14).
9. Куликова С.А. Теоретико-правовая модель конституционного запрета цензуры / С.А. Куликова // Право: история, теория, практика : материалы I Международной научной конференции (г. Санкт-Петербург, 20–23 июля 2011 г.) : сборник научных статей / ответственный редактор О.А. Шульга ; под общей редакцией Г.Д. Ахметовой. Санкт-Петербург : Реноме, 2011.
10. Романова Т.А. Дезинформация (фейковые новости, пропаганда) как угроза стрессоустойчивости: подходы на уровне Евросоюза и Литвы как его члена / Т.А. Романова, Н.И. Соколов, Ю.Ю. Колотаев // Балтийский регион. 2020. Т. 12. № 1.
11. Татьяна А.В. Ответственность за распространение фейковых новостей: вопросы теории и правоприменения / А.В. Татьяна, Я.В. Каминская // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2022. № 1 (35).
12. Федоркин Н.С. Гражданское общество в России: проблемы и трудности формирования / Н.С. Федоркин // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2005. № 4.

Депонирование как способ регистрации авторских прав. Сравнительно-правовой анализ отечественной и зарубежной практики

Слово «депонирование» берет свое происхождение от латинского *depono*, что означает упорядоченное хранение. Суть этого действия предполагает передачу и надежное хранение объекта в определенном месте.

В международном праве депонирование часто используется при заключении многосторонних соглашений, когда документы передаются на хранение международным организациям, таким как ООН или Международный валютный фонд, с целью обеспечения прозрачности и гарантий их соблюдения.

Относительно депонирования существует ряд заблуждений, таких как преподнесение данного процесса как полноценной государственной регистрации. Однако все обстоит немного иначе. В Российской Федерации государственная регистрация авторских прав на литературные, фотографические и иные произведения не предусмотрена в силу п. 4 ст. 1259 Гражданского кодекса РФ (ГК РФ)¹. Данная регистрация прав используется исключительно в отношении программ для ЭВМ и баз данных. Подобная формулировка также содержится и в п. 2 ст. 5 Бернской конвенции² по охране литературных и художественных произведений, где говорится: «Пользование этими (авторскими) правами и их осуществление не связаны с выполнением каких бы то ни было формальностей».

Так, во Франции автор может зарегистрировать произведение через Национальный институт промышленной собственности (INPI), что фиксирует дату создания и может служить доказательством авторства.

В Великобритании действует аналогичная система, где авторское право возникает с момента создания произведения. Однако авторы могут добровольно депонировать свои произведения в частных организациях, таких как UK Copyright Service, с тем чтобы обеспечить дополнительные доказательства при спорах.

В Российской Федерации депонирование осуществляется через обращения заявителя в организацию-депозитарий объектов авторского права (например НРИС), после чего либо сразу, либо по запросу он получает серти-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть 4) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Российская газета. 2006. 22 декабря.

² Статья 5 Бернской Конвенции по охране литературных и художественных произведений. URL: https://wipolex-res.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/ru/berne/trt_berne_001ru.pdf (дата обращения: 22.11.2024).

фикат о депонировании предъявленного произведения на определенный срок. Данный сертификат может быть представлен суду в качестве доказательства.

Однако не стоит полагаться на свидетельство о депонировании и считать его «панацеей» от всех проблем. Так, например, в деле № А40-46622/2019 Верховный суд закрепил критический подход к оценке свидетельства о депонировании объектов авторских прав в качестве единственного доказательства авторства.

Предприниматель подал иск против нескольких юридических лиц за нарушение ими его исключительных прав на произведения прикладного искусства. Арбитражный суд г. Москвы первоначально удовлетворил требования истца, признав представленные свидетельства о депонировании спорных произведений достаточными для подтверждения авторства.

Апелляционный суд и Суд по интеллектуальным правам (СИП) оставили это решение в силе. Как правило, на этом история обычно заканчивается, так как вероятность пересмотра дела вышестоящей инстанцией крайне мала, даже если в решении были очевидные ошибки. Однако кассационная жалоба была пересмотрена Судебной коллегией по экономическим спорам (СКЭС) Верховного Суда РФ.

СКЭС ВС РФ, рассмотрев жалобу, отменила решения нижестоящих судов и направила дело на новое рассмотрение. При этом было указано, что суды не дали должной оценки доводам ответчиков о том, что у истца отсутствуют авторские права, и ошибочно приняли свидетельства о депонировании альбомов как доказательство авторства.

Основные моменты из определения суда:

Гражданский кодекс РФ устанавливает презумпцию авторства, если лицо указано автором на экземпляре произведения или в реестре программ для ЭВМ или баз данных. Иные источники для подтверждения презумпции авторства не предусмотрены.

Факт депонирования произведений в реестре РАО «КОПИРУС» подтверждает лишь существование объектов авторского права на момент депонирования, но не доказывает право авторства на них. Авторское право возникает в момент создания произведения, отвечающего условиям охраноспособности, и для установления авторства необходимы доказательства, такие как свидетельские показания или публикации.

Депонирование — это добровольная процедура, которая не порождает юридических последствий и лишь фиксирует факт существования произведения в определенный момент времени.

Российский суд четко указал на отсутствие однозначных преимуществ данной процедуры. Однако стоит также рассмотреть применимость ее в странах мира.

Ниже представлена таблица со сравнительной характеристикой способов использования депонированных объектов на территориях разных государств.

Таблица

	Россия	США	ЕС (Франция)	Великобритания
Обязательность регистрации	Не требуется	Не обязательна, но рекомендуется	Не обязательна	Не обязательна
Орган регистрации	Коммерческие и государственные организации	Бюро авторских прав (Copyright office)	INPI	UK Copyright Service
Документальное подтверждение	Депонирование через частные компании	Регистрация и депонирование в государственных органах	Регистрация через INPI	Депонирование через частные компании
Преимущества	Фиксация даты через депонирование, дополнительные доказательства в суд	Обязательная регистрация для обращения в суд, возможность компенсации	Регистрация для фиксации даты, преимущество в суде	Добровольное депонирование, преимущество в судебных спорах

Также стоит отметить, что депонируются исключительно объекты авторских прав в объективной форме, а именно на бумаге или в электронном виде. Сами же авторские права таким образом не будут закреплены. Помимо этого, свидетельство о депонировании не является однозначным доказательством авторства, так как депозитарий не устанавливает авторство и лишен такой возможности в принципе.

Итак, депонирование объекта устанавливает:

- 1) лицо, обратившееся за услугой депонирования (указанное в качестве автора);
- 2) депонируемое произведение;
- 3) дату и время депонирования.

Из чего делается вывод, что данное действие позволяет установить факт обладания лицом экземпляром произведения на определенную дату.

Страны Европейского союза (ЕС) также стараются вносить изменения в формат регулирования и делать его более точечным. Так, законодательство ЕС об авторском праве также включает ограничения и отступления из исключительного права: добросовестное использование в определенных целях, таких как критика, рецензия или пародия, использование в образовательных и исследовательских целях.

Основным законом Европейского союза об авторском праве является Директива об авторском праве 2019 г.³, где обозначаются принципы защиты авторских прав. Она охватывает большой круг объектов, таких как литературные, художественные, музыкальные и аудиовизуальные произведения.

В дополнение к Директиве об авторском праве существует также несколько других законов и директив ЕС, регулирующих права авторов:

- Директива по программному обеспечению⁴ — 1991 г.;
- Директива по базам данных⁵ — 1996 г.;
- Директива об информационном обществе⁶ — 2001 г.;
- Директива об управлении коллективными правами⁷ — 2014 г.

Сравнение российской и зарубежной практик депонирования показывает, что в разных странах существуют различные подходы к документальной фиксации авторских прав. В России, как и в большинстве стран Европы, регистрация прав не обязательна, однако депонирование может значительно упростить процесс доказывания авторства в суде. В США и Великобритании депонирование является частью более формализованной системы защиты прав. Примеры из практики показывают, что депонирование является сильным инструментом для защиты прав на произведения, но не решающим. Депонирование не является государственной регистрацией авторских прав и не должно рассматриваться как универсальное разрешение проблемы доказывания в суде.

Депонирование в международной практике защиты авторских прав выполняет вспомогательную функцию, фиксируя факт существования произведения на определенный момент, но не создавая презумпции авторства. В странах, таких как США, оно имеет больший юридический вес, служит условием для судебных разбирательств и обеспечивает доступ к компенсациям. В России и Европейском союзе депонирование остается

³ Директива (ЕС) 2019/790 Европейского парламента и Совета от 17 апреля 2019 г. об авторском праве и смежных правах в рамках единого цифрового рынка, дополняющая директивы 96/9/ЕС и 2001/29/ЕС. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18927> (дата обращения: 22.11.2024).

⁴ Директива № 2009/24/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского союза «О правовой охране компьютерных программ». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=439980>

⁵ Директива № 96/9/ЕС Европейского парламента и Совета от 11 марта 1996 г. о правовой охране баз данных. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/1409> (дата обращения: 22.11.2024).

⁶ Директива Европейского парламента и Совета ЕС № 2001/29/ЕС от 22 мая 2001 г. о гармонизации отдельных аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/1453> (дата обращения: 22.11.2024).

⁷ Коллективное управление авторскими правами в Европейском союзе (Директива № 2014/26/ЕС). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17983> (дата обращения: 22.11.2024).

добровольной процедурой: российские суды не рассматривают его как доказательство авторства, а используют лишь как способ подтверждения даты создания произведения. Примеры из судебной практики, такие как решение Верховного Суда РФ по делу А40-46622/2019⁸, подчеркивают, что при защите прав важны дополнительные доказательства, а не только свидетельство о депонировании.

Международные нормы, включая Бернскую конвенцию, подтверждают, что авторское право возникает с момента создания произведения и в большинстве стран регистрация или депонирование остается на усмотрение автора. Однако депонирование может значительно упростить процесс доказывания прав в спорах, особенно когда речь идет о международных делах. В этом контексте оно становится ценным инструментом, но его значение остается ограниченным: оно фиксирует лишь факт существования произведения, не решая вопрос о правах на него.

Иванов Н.Е.,

аспирант кафедры международного частного права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
(г. Москва)

⁸ Судебный процесс о защите исключительных прав на произведения прикладного искусства. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/357032a9-4261-4da2-a796-2726bfae2286> (дата обращения: 22.11.2024).

К вопросу о правопреемстве объектов, созданных с помощью системы искусственного интеллекта

В условиях широкого внедрения цифровых технологий меняются экономические, технические условия, определяющие правовую систему общества. Появляются новые важные информационные объекты, созданные в цифровой среде, посредством которых строятся взаимоотношения в социуме. К ним можно отнести системы искусственного интеллекта, создающие в результате своей деятельности разные цифровые объекты.

Понятие искусственного интеллекта с технической точки зрения дано в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.¹, утвержденной Указом Президента от 10 октября 2019 г. № 490. Согласно указанному документу, искусственный интеллект — это «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека... и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека...»².

Таким образом, искусственный интеллект представляет собой самообучающуюся программу, которая, используя математический алгоритм и заложенную в нее систематизированную определенным образом информацию, способна создавать новые объекты цифрового мира.

Цифровые объекты, которые появляются в результате работы искусственного интеллекта, во многом зависят от алгоритма, заложенного разработчиком программы ЭВМ, и от данных, помещенных в эту систему при ее обучении.

С помощью методики глубокого обучения искусственная нейронная сеть, при ее правильном построении, может сама автоматически определять основные черты заложенных в нее данных (будь то текст или изображение) и получать в результате новый сгенерированный объект для использования. Без глубокого обучения поиск важной информации часто перекладывается на разработчика самих систем обработки данных. Модель же глубокого обучения самостоятельно способна найти способ обработки данных, позволяющий извлекать из них полезную информацию.

¹ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СЗ РФ. 14 октября 2019. № 41. Ст. 5700.

² Там же.

Таким образом, алгоритмы обучения, заложенные в систему искусственного интеллекта, позволяют «натренировать» программу на выполнение конкретных задач в сжатые сроки.

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта охарактеризовала принципы работы таких систем, однако о том, чем будут являться полученные результаты, какой их правовой статус, в ней ничего не сказано.

Дальнейший правовой статус, в том числе и для механизма возможного наследования, будет определяться именно для тех результатов, которые получены с помощью системы искусственного интеллекта.

Результат работы искусственного интеллекта зависит как от способности пользователя формировать задачу генерации результата, так и от степени развитости программной и информационной среды релиза искусственного интеллекта.

Эту особенность когнитивности искусственного интеллекта необходимо учитывать при определении правового статуса результатов работы искусственного интеллекта, а еще точнее — искусственных нейронных сетей.

Как верно считает Ю.С. Харитонов, необходимо установить правовой режим в отношении объектов, созданных искусственным интеллектом, поскольку это дает ответ на вопрос о том, «что собой представляет объект, который возникает как самостоятельная ценность, и в какой момент он выражен вовне в окончательном виде»³.

Установление правового режима по отношению к объектам, созданным с помощью искусственных нейронных сетей, позволит понять, возможен ли переход по наследству прав на такие объекты или нет.

Существует несколько подходов в отношении правового регулирования системы искусственного интеллекта.

Один из них, самый неординарный, исходя из факта появления большого количества систем искусственного интеллекта по разным областям человеческой деятельности, предполагает, что искусственный интеллект может быть самостоятельным субъектом права. Так, по мнению П.М. Морхата, искусственный интеллект сам может осуществлять разумные мыслительные действия, поскольку обладает возможностью самообучения и, следовательно, вполне может самостоятельно принимать решения⁴.

А.А. Федорина предполагает, что при предоставлении роботам достаточной автономии их можно признать «в качестве индивидуальных субъектов

³ Харитонов Ю.С. К вопросу об охраноспособности результата деятельности искусственного интеллекта // Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, Интернет. Вып. 1. М., 2018. С. 63.

⁴ Морхат П.М. Возможности, особенности и условия применения искусственного интеллекта в юридической практике // Администратор суда. 2018. № 2. С. 10.

права в виде “электронных лиц”, которые смогут нести ответственность самостоятельно...»⁵.

Оперируя понятием «электронное лицо», некоторые ученые считают, что система искусственного интеллекта является квазисубъектом, ведь именно квазисубъекты не являются обязанными лицами, поскольку у них отсутствует воля⁶, но при этом имеется некая правоспособность.

Однако в современных реалиях говорить о возможности наделения искусственного интеллекта чертами субъекта права преждевременно как в силу технологических, так и в силу правовых ограничений. Аналогичный подход прослеживается и в странах Европейского союза. Так, согласно тексту резолюции Европейского парламента от 2017 г., наделение роботов, созданных на базе искусственного интеллекта правосубъектностью, возможно лишь в отдаленном будущем⁷.

В рамках следующего подхода учитывается, что поскольку искусственный интеллект не может являться субъектом права, но им создаются различные цифровые объекты, то к подобным объектам могут применяться положения о смежных правах. К таким объектам относят, например, право на исполнение, фонограмму.

Однако возможность наследовать результаты, полученные системой искусственного интеллекта, будет зависеть от того, будут признаны они объектами смежных прав или нет. Последователи данного подхода придерживаются мнения о том, что автор у таких объектов отсутствует, но при осуществлении человеком какой-либо доработки творческого характера указанные объекты, возможно, смогут обладать признаками объектов смежных прав.

Третий подход основывается на том, что искусственный интеллект является лишь продолжением работы программы ЭВМ и заложенных в нее алгоритмов, определенных данных, соответственно, субъектом права являться не может. В таком случае предполагается, что права на объекты, которые создаются с помощью искусственных нейронных сетей, принадлежат разработчику программы и составителю баз данных, заложенных в созданную систему искусственного интеллекта.

При практическом применении системы искусственного интеллекта очевидно, что он выступает лишь в качестве инструмента создания новых цифровых объектов.

⁵ Федорина А.А. К вопросу о правовом статусе робототехники и искусственного интеллекта // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2018. № 4. С. 3–8.

⁶ Крысанова Н.В. Правосубъектность искусственного интеллекта: дискуссии в отечественных и зарубежных исследованиях // Право, цифровые технологии и искусственный интеллект : сборник статей / отв. Е.В. Алферова. М. : ИНИОН РАН, 2021. С. 218–230.

⁷ Civil law rules on robotics European Parliament. Legislative Observatory. URL: [https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?lang=en&reference=2015/2103\(NL\)](https://oeil.secure.europarl.europa.eu/oeil/popups/ficheprocedure.do?lang=en&reference=2015/2103(NL)) (дата обращения: 01.10.2024).

Аналогичного мнения придерживается Ю.С. Харитонова и В.С. Савина, считая, что искусственный интеллект — «это технология, а не субъект права»⁸.

Указанный подход наиболее полно отражает момент появления определенных результатов, созданных с помощью системы искусственного интеллекта, ведь именно человек в конечном итоге определяет, в каком виде преподнести полученный результат и какой именно это будет результат, а также решает, дорабатывать его или нет.

Именно признание системы искусственного интеллекта в качестве определенной технологии представляет интерес для рассмотрения вопроса о возможности перехода прав на объекты, созданные искусственным интеллектом, по наследству.

Поскольку система искусственного интеллекта состоит из программы ЭВМ, баз данных, очевидно, что саму систему искусственного интеллекта невозможно наследовать, однако ее элементы, являющиеся объектами интеллектуального права, возможно наследовать, например, как объекты авторского права.

Права на программы ЭВМ и базы данных, с помощью которых был создан искусственный интеллект, подлежат правопреемству. Исключительные права на такие объекты наследуются по правилам, предусмотренным для объектов авторских прав.

Что касается объектов, полученных с помощью системы искусственного интеллекта, то необходимо учитывать, что машинный алгоритм с помощью заложенного в него алгоритма и определенной структурированной информации по результатам своей деятельности создает новый объект права, а пользователь решает, в каком виде представлять такой объект или не представлять его вовсе. Зачастую такой созданный объект представляет материальную ценность, соответственно, правообладание таким объектом будет интересно.

В связи с вышеизложенным возникает вопрос, кому же будут принадлежать права на данные объекты и возможно ли ими распоряжаться.

Учитывая принцип создания и работы системы искусственного интеллекта, очевидно, что эта система работает по тем алгоритмам, которые заложены в нее на основе уже имеющихся технологий создателем программы ЭВМ. Разработчик определяет предметную область и направляет в заданное русло генерацию искусственным интеллектом новых объектов. Таким образом, именно разработчик программы для системы искусственных нейронных сетей определяет целевую направленность результатов,

⁸ Харитонова Ю.С., Савина В.С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 542.

правообладатель программы ЭВМ вправе распоряжаться созданными объектами.

Однако существуют и пользователи, которые приобрели право пользования системой искусственного интеллекта и сами задают параметры для создания нового объекта цифровой реальности, то есть могут дорабатывать данный объект, видоизменять его. Ключевой в таком случае будет доля творческого вклада человека в появление нового объекта цифровой среды.

В случае если при создании объекта была применена творческая составляющая, а искусственный интеллект был использован лишь как инструмент создания объекта права, то такой объект можно будет отнести к объектам интеллектуального права и правопреемство на данный объект осуществлять по правилам наследования интеллектуальной собственности.

Такой вывод основан на положениях ст. 1259 Гражданского кодекса РФ, в соответствии с которой техническая помощь и иное содействие при создании объекта «не охраняются авторским правом»⁹. Система искусственного интеллекта выступает лишь как инструмент создания объекта.

Однако если новый объект создан искусственным интеллектом, при этом творческая доработка пользователя незначительная, то в отношении такого объекта не возникнет исключительных прав у пользователя.

Что касается определения степени творческого вклада человека в создание вышеуказанных объектов, то здесь в случае возникновения спора необходимо назначать специальную экспертизу по установлению творческой составляющей.

Помимо указанных параметров не стоит забывать и о правилах использования платформ, на которых происходит генерирование новых объектов с помощью системы искусственного интеллекта. В пользовательских соглашениях могут быть предусмотрены различные ограничения на использование созданных результатов (например, установлен запрет использования их в коммерческих целях, либо имеется условие о том, что исключительные права на созданный объект принадлежат самой платформе, а не пользователю).

Таким образом, в каждом конкретном случае для признания нового объекта, созданного с помощью системы искусственного интеллекта, объектом интеллектуальных прав, позволяющим наследовать исключительные права на него, требуется соблюдать следующие перечисленные условия. Во-первых, необходимо устанавливать факт наличия творческой составляющей в создании объекта цифрового мира. Во-вторых, следует помнить о том, что система искусственного интеллекта состоит из нескольких элемен-

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 13.06.2023) // СЗ РФ. 2006. № 52 (часть I). Ст. 5496.

тов, имеющих своих правообладателей, и при создании нового объекта с использованием такой системы необходимо соблюдать правила применения исключительных прав на такие объекты, как указано в ст. 1229 Гражданского кодекса Российской Федерации, для того чтобы избежать дальнейших споров при реализации своих прав в процессе правопреемства на вновь созданный объект. В-третьих, необходимо внимательно изучать пользовательские соглашения платформ, на которых могут быть установлены ограничения по принадлежности исключительных прав на объекты, созданные с помощью системы искусственного интеллекта.

Кадовбенко В.Д.,

адвокат коллегии адвокатов «Юстина» Воронежской области
(г. Воронеж)

Литература

1. Крысанова Н.В. Правосубъектность искусственного интеллекта: дискуссии в отечественных и зарубежных исследованиях / Н.В. Крысанова // Право, цифровые технологии и искусственный интеллект : сборник статей / под редакцией Е.В. Алферова. Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021.
2. Морхат П.М. Возможности, особенности и условия применения искусственного интеллекта в юридической практике / П.М. Морхат // Администратор суда. 2018. № 2.
3. Федорина А.А. К вопросу о правовом статусе робототехники и искусственного интеллекта / А.А. Федорина // Право и Бизнес. 2018. № 4.
4. Харитонов Ю.С. К вопросу об охраноспособности результата деятельности искусственного интеллекта (статья) / Ю.С. Харитонов // Право будущего: Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет. Ежегодник. Вып. 1 / ответственный редактор Е.Г. Афанасьева. Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2018.
5. Харитонов Ю.С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности / Ю.С. Харитонов, В.С. Савина // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 49.

Правовое регулирование искусственного интеллекта: опыт России и Китая

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», ускоренное развитие и внедрение технологий искусственного интеллекта во всех отраслях экономики и социальной сферы является одним из больших вызовов для общества, государства и науки¹. В разделе II, п. 22, Указа Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» подчеркивается значимость искусственного интеллекта для развития экономики, социальной сферы, общественной безопасности, а также для функционирования органов публичной власти².

Актуальность изучения искусственного интеллекта также находит свое подтверждение в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.³ В своем выступлении Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил: «С внедрением искусственного интеллекта в науку, образование, здравоохранение — все сферы нашей жизни человечество начинает новую главу своего существования... Значение прорывов в сфере искусственного интеллекта колоссальны. Соперничество между государствами идет ожесточенное. От того, каких результатов мы добьемся, зависят место России в мире, наш суверенитет, безопасность и состоятельность нашей страны»⁴.

Китай — один из лидеров в области искусственного интеллекта, в связи с чем особый интерес представляет то, как в этой стране регулируется сфера высоких технологий. Вместе с тем Китай оказался в числе юрисдикций, которые оперативно ответили на правовые вызовы использования технологий искусственного интеллекта, приняв Временные меры по управлению

¹ Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

² Указ Президента Российской Федерации от 18 июня 2024 г. № 529. «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» // СПС ГАРАНТ.

³ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» от 28 февраля 2024 г. № 145 // СЗ РФ. 2024. № 10. Ст. 1373.

⁴ В. Путин назвал искусственный интеллект новой главой в жизни человечества. URL: <https://rbc-ru.turbopages.org/rbc.ru/s/rbcfreenews/65609a8e9a79474e2f129c82> (дата обращения: 06.07.2024).

сервисами генеративного искусственного интеллекта⁵. Помимо этого документа, в Китае действуют еще два ключевых акта, регулирующих сферу искусственного интеллекта: Положение по управлению рекомендательными алгоритмами и Положение об управлении технологиями глубокого синтеза. На общественное обсуждение вынесены промежуточные меры по управлению сервисами генеративного искусственного интеллекта. В Резолюции Третьего пленарного заседания 20-го созыва Центрального комитета Коммунистической партии Китая сделан акцент на необходимости «создания систем надзора для обеспечения безопасности искусственного интеллекта». Мотивы создания систем контроля безопасности искусственного интеллекта объясняются необходимостью реагировать на стремительное развитие искусственного интеллекта. Развитие искусственного интеллекта не должно опережать процессы управления им, поскольку эти два процесса должны развиваться одновременно⁶.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для Китая в ближайшие пять лет важно не просто лидерство в разработке технологий искусственного интеллекта, а именно удержание контроля над этими технологиями. В китайском законодательстве искусственный интеллект и его системы рассматриваются с точки зрения их функциональности и соответствия требованиям законодательства. В упомянутых документах не содержится определений терминов «искусственный интеллект» или «системы искусственного интеллекта», но устанавливается, что под такими системами понимаются платформы, которые используют алгоритмы и модели для генерации контента. Особое внимание уделяется генеративному искусственному интеллекту, способному создавать новый текст, изображения, звук и другие формы контента и взаимодействующему с пользователями через онлайн-сервисы. В соответствии с китайским законодательством, системы искусственного интеллекта должны использовать легальные источники данных и соответствовать требованиям по защите интеллектуальной собственности и персональных данных.

Что касается России, то здесь искусственный интеллект становится неотъемлемой частью международной конкуренции.

На сегодняшний день в Российской Федерации следует выделить два основных нормативно-правовых акта, содержащих подходы к определению понятия «искусственный интеллект», а именно Федеральный закон от 24 апреля

⁵ Временные меры по управлению службами генеративного искусственного интеллекта // China Law Translate (CLT). URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/generative-ai-interim/> (дата обращения: 29.10.2024).

⁶ Что китайское руководство подразумевает под «внедрением систем контроля для обеспечения безопасности ИИ»? // Безопасность искусственного интеллекта в Китае. URL: <https://aisafetychina.substack.com/p/what-does-the-chinese-leadership> (дата обращения: 29.10.2024).

2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”»⁷ и Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (которым утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.), закрепляющие определение понятия «искусственный интеллект»⁸. В указанных нормативно-правовых актах содержится несколько терминов и их определений, направленных на уяснение значения понятия «искусственный интеллект». В частности, речь идет о термине «искусственный интеллект», термине «технологии искусственного интеллекта» и термине «модель искусственного интеллекта». Сравним определения этих терминов.

В соответствии с вышеуказанными нормативно-правовыми актами, *искусственный интеллект* — это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

В основе юридической науки при анализе какого-либо явления лежит его определение. Общая теория права указывает на то, что первоочередной задачей изучения любого правового объекта становится выявление его места в существующем понятийно-категориальном аппарате⁹. Одним из наиболее важных аспектов в рамках исследуемой темы является выявление правовой сущности искусственного интеллекта через анализ понятийно-категориального аппарата.

⁷ Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» // ССЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701.

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (которым утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.) // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁹ Кашанина Т.В. Логика права как элемент юридической техники // Журнал российского права. 2008. № 2(134). С. 25–35.

Определение искусственного интеллекта в предложенной в законодательстве формулировке является в первую очередь техническим и достаточно сложным для понимания. С юридической точки зрения все перечисленные компоненты имеют различный правовой режим и их применение порождает соответствующие правовые последствия, на которых и хотелось бы подробнее остановиться. Один из наиболее важных аспектов, в рамках исследуемого вопроса, это выявление правовой сущности искусственного интеллекта через анализ понятийно-категориального аппарата.

Так, значение категории *«результат интеллектуальной деятельности человека»* является вполне понятным. Согласно ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)¹⁰, к результатам интеллектуальной деятельности относятся произведения, программы для ЭВМ, базы данных, исполнения, фонограммы, сообщение в эфир или по кабелю, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, топологии интегральных микросхем, секреты производства. Не отнесены к результатам интеллектуальной деятельности, а только приравнены к ним средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий. Результатам интеллектуальной деятельности предоставляется правовая охрана как объектам интеллектуальной собственности¹¹.

Под *комплексом технологических решений* в контексте вышеперечисленных нормативно-правовых актов понимается интегрированная система взаимосвязанных элементов, включающая информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, а также процессы и сервисы, предназначенные для обработки данных и поиска оптимальных решений. При этом информационно-коммуникационная инфраструктура включает в себя оборудование, сети связи и другие технические средства, обеспечивающие функционирование и взаимодействие различных компонентов системы. Процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений включают в себя так называемые технологии искусственного интеллекта, а именно: машинное обучение, прогнозирование и оптимизация, системы для автоматизации и управления процессами, компьютерное зрение, экспертные системы, системы программирования роботов, нейронные сети, обработка естественного языка, программы принятия решений, сервисы искусственного интеллекта и другие технологии, обеспечивающие выполнение задач, связанных с анализом данных и принятием решений.

Таким образом, основная идея предложенного в законодательстве определения, заключающаяся в том, что искусственный интеллект имитирует

¹⁰ Часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (часть I). Ст. 5496.

¹¹ Харитонов Ю.С., Савина В.С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 3. С. 524–549.

интеллектуальные функции человека и может достигать результатов, сравнимых с человеческими, достаточно ясна, однако наличие в определении специфических технических аспектов (например, словосочетание «комплекс технологических решений»)¹² делает определение менее доступным для восприятия и понимания обычными пользователями.

С позиции законодателя, в определении понятия «искусственный интеллект» речь идет о некоем комплексе, поскольку термин «комплекс технологических решений» охватывает как программное обеспечение, так и информационно-коммуникационную инфраструктуру (оборудование, сети связи и другие технические средства), вычислительные мощности, а также массивы данных (в том числе базы данных), которые используются для обучения искусственного интеллекта.

В этих же документах содержится определение категории «технологии искусственного интеллекта». В соответствии с данными нормативно-правовыми актами, *технологии искусственного интеллекта* — это технологии, основанные на использовании искусственного интеллекта, включая компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта.

Так, технологии искусственного интеллекта включают в себя:

- методы искусственного интеллекта¹³ (машинное обучение, обработка естественного языка, нейросети и др.);
- инструменты для разработки искусственного интеллекта (библиотеки искусственного интеллекта; инструменты автоматизации и оптимизации, служащие для автоматизации процессов выбора параметров моделей и оптимизации гиперпараметров и др.);
- программы и системы искусственного интеллекта¹⁴ (программы машинного обучения, прогнозирования и оптимизации, системы для автоматизации и управления процессами, программы компьютерного зрения, экспертные системы, системы программирования роботов, нейронные сети, программы обработки естественного языка, программы принятия решений, сервисы искусственного интеллекта).

¹² В контексте предложенного в законодательстве определения комплекс технологических решений включает инфраструктуру (серверы, сети, хранилища данных, облачные сервисы и другие технические средства, обеспечивающие доступ, обработку и передачу данных, а также выполнение вычислений, необходимых для работы программного обеспечения и алгоритмов) и программное обеспечение.

¹³ Конкретные подходы, которые используются для разработки систем искусственного интеллекта.

¹⁴ Интегрированное программное обеспечение, при разработке которого использовались один или несколько методов искусственного интеллекта для выполнения конкретных задач.

Таким образом, следует различать термин «технологии искусственного интеллекта» и термин «искусственный интеллект». Эти категории тесно взаимосвязаны, но имеют некоторые различия, которые заключаются в том, что в российском законодательстве термин «искусственный интеллект» рассматривается как интегрированная система взаимосвязанных элементов, включающая информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, а также процессы и сервисы, предназначенные для обработки данных и поиска оптимальных решений. В свою очередь, технологии искусственного интеллекта — это набор методов, инструментов и программных продуктов, используемых для разработки и реализации систем искусственного интеллекта, тогда как сам искусственный интеллект включает в себя не только эти технологии, но и целостную инфраструктуру, обеспечивающую их интеграцию и функционирование в рамках комплексных технологических решений.

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.¹⁵ содержит еще один термин — «*модель искусственного интеллекта*», который определяется как программа для ЭВМ (или ее составная часть), предназначенная для выполнения интеллектуальных задач на уровне, сопоставимом с результатами интеллектуального труда человека или превосходящем их. Эта программа использует алгоритмы и наборы данных для выявления закономерностей, принятия решений или прогнозирования результатов. Таким образом, модель искусственного интеллекта — это результат реализации одного или нескольких методов искусственного интеллекта в виде программы для ЭВМ, предназначенной для выполнения определенных задач (программы машинного обучения, прогнозирования и оптимизации, программы для автоматизации и управления процессами, программы компьютерного зрения, программы обработки естественного языка, программы принятия решений и т.д.).

В проекте о прорывных технологиях будущего, который проводится под эгидой Организации Объединенных Наций, искусственный интеллект предлагается рассматривать как программное обеспечение, способное к анализу, принятию решений и обучению подобно человеку¹⁶. Согласно данному подходу, можно сказать, что предложенное законодателем определение

¹⁵ Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (которым утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.) // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

¹⁶ Аналитический доклад «Современное состояние и перспективы развития машинного обучения и искусственного интеллекта для решения задач судебно-экспертной деятельности» // consortium.msai.ru. URL: https://consortium.msai.ru/wp-content/uploads/2024/07/K_5-Sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya-mashinnogo-obucheniya-i-iskusstvennogo-intellekta-dlya-resheniya-zadach-sudebno-eksper.pdf (дата обращения: 12.10.2024).

понятия «модель искусственного интеллекта», по сути, отражает сущность самого искусственного интеллекта. Это определение фокусируется на ключевых аспектах, присущих искусственному интеллекту, таких как использование алгоритмов и наборов данных для выполнения интеллектуальных задач, что соответствует основным функциям и целям искусственного интеллекта. Оно подчеркивает способность моделей искусственного интеллекта достигать или превосходить результаты интеллектуального труда человека, что является одной из фундаментальных характеристик искусственного интеллекта¹⁷.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что в российском законодательстве искусственный интеллект рассматривается как интегрированная система, состоящая из взаимосвязанных аппаратных и программных компонентов. Естественным является то, что для функционирования искусственного интеллекта необходимы аппаратная составляющая, вычислительные мощности и массивы данных (в том числе базы данных), которые используются для обучения искусственного интеллекта, при этом программная часть является основополагающей.

Несмотря на то что Китай сосредоточился на развитии безопасных технологий искусственного интеллекта в сфере защиты персональных данных и интеллектуальной собственности, а также на вопросах регулирования этой сферы, а Россия взяла курс на активное внедрение ИИ-технологий, обе страны являются сильными участниками «гонки ИИ». Опыт Китая представляет интерес для России в контексте формирования законодательной базы, регулирующей использование искусственного интеллекта.

Королькова Д.А.,

доцент кафедры гражданского права
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Кашанина Т.В. Логика права как элемент юридической техники / Т.В. Кашанина // Журнал российского права. 2008. № 2 (134).
2. Королькова Д.А. Искусственный интеллект как программа для ЭВМ: гражданско-правовая природа, типы и классификация / Д.А. Королькова. Москва : Русайнс, 2024.
3. Харитонов Ю.С. Технология искусственного интеллекта и право: вызовы современности / Ю.С. Харитонов, В.С. Савина // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2020. № 3.

¹⁷ Королькова Д.А. Искусственный интеллект как программа для ЭВМ: гражданско-правовая природа, типы и классификация. М. : Русайнс, 2024. С. 63–80.

Правоприменительные практики и этические аспекты использования методов SMM в журналистике: кросс-культурный анализ

К январю 2024 года в России насчитывалось уже 130,4 млн интернет-пользователей¹, в США — 331,1 млн², в Великобритании — 66,3 млн³. Из них 106,0, 239,0 и 56,2 млн соответственно — пользователи социальных сетей. В контексте возрастающей роли медиаплатформ все больше актуализируется проблематика правового и этического регулирования методов Social Media Marketing. SMM — «особый инструмент интернет-маркетинга, который предполагает продвижение продукта, услуги, компании или бренда за счет использования социальных медиа, контент которых создается и обновляется за счет усилий посетителей»⁴. Для обеспечения не только продуктивности, но и правомерности функционирования контента в интернет-пространстве необходимо учитывать существующие тенденции мирового значения.

Цель данного исследования — выявление сходств и различий правоприменительных практик и этических аспектов использования методов Social Media Marketing в журналистике. Практическая значимость статьи определяется ее потенциальным вкладом в развитие этических кодексов и профессиональных стандартов, совершенствование законодательства и повышение медиаграмотности как в России, так и за рубежом. Объектом исследования являются законодательные акты Российской Федерации, Европейского Союза, США и Великобритании. Предметом выступают правовые нормы, этические принципы и практики их применения при использовании методов SMM в журналистике.

С помощью юридико-технического, сравнительно-правового и кросс-культурного анализа был проведен мониторинг законодательных актов РФ, Европейского союза, США и Великобритании, регламентирующих использование методов SMM в журналистике.

¹ Digital 2024: the Russian Federation. Digital 2024 : global overview report. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-russian-federation>

² Digital 2024: the United States of America. Digital 2024 : global overview report. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-united-states-of-america>

³ Digital 2024: the United Kingdom. Digital 2024 : global overview report. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2024-united-kingdom>

⁴ Гурцкая Б.Т. Профессиональная этика в онлайн-среде / Б.Т. Гурцкая, П.А. Меренкова // E-SCIO. 2020. № 1(40). С. 296.

Для достижения поставленной цели было проведено исследование по двум направлениям: сравнение правоприменительных практик использования методов SMM в журналистике, а также этических принципов журналистики России, Европейского союза, США и Великобритании. В выборку вошли четыре ключевых геополитических актора: Российская Федерация (РФ), Европейский союз (ЕС), США и Великобритания. Несмотря на существенные различия в политических системах и идеологических парадигмах, указанные субъекты демонстрируют конвергенцию по ряду значимых параметров, включающих: принадлежность к числу ведущих мировых экономик, членство (или прежнее членство) в ключевых международных организациях, развитость технологических секторов; существенное влияние на формирование глобальной культуры, наличие общего интереса в разрешении глобальных вызовов и проблем и т.д.

Правоприменительные практики использования методов SMM в журналистике

В целях анализа правоприменительной практики была использована эмпирическая база, включающая следующие нормативно-правовые акты: Федеральный закон «О персональных данных»⁵ (РФ), Общий регламент по защите данных⁶(ЕС), Закон о защите данных⁷ (Великобритания), Закон об авторском праве в цифровую эпоху (США)⁸, Директива об авторском праве и смежных правах на цифровом едином рынке⁹ (ЕС), Гражданский кодекс РФ (часть четвертая)¹⁰, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях¹¹, Закон о цифровых услугах¹² (ЕС), Закон о борьбе с иностранной пропагандой и дезинформацией¹³ (США), «Закон о безопасности

⁵ О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. №152-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. 2006. № 31 (часть I). Ст. 3451.

⁶ Общий регламент по защите данных (General Data Protection Regulation, GDPR) от 27 апреля 2016 г. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj>

⁷ Закон о защите данных (Data Protection Act 2018) от 25 мая 2018 г. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2018/12/enacted>

⁸ Закон об авторском праве в цифровую эпоху (Digital Millennium Copyright Act, DMCA) от 28 октября 1998 г. URL: <https://digital.gov/resources/digital-millennium-copyright-act/>

⁹ Директива об авторском праве и смежных правах на цифровом едином рынке (9DSM-Directive) от 17 апреля 2019 г. URL: <https://www.freshfields.com/en-gb/our-thinking/campaigns/technology-quotient/tech-and-platform-regulation/eu-digital-strategy/dsm-directive/>

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/?ysclid=m414x80ku4763364548

¹¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23.11.2024). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/17704>

¹² Закон о цифровых услугах (The Digital Services Act, DSA) от 16 ноября 2022 г. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age/digital-services-act_en

¹³ Закон о борьбе с иностранной пропагандой и дезинформацией (Countering Foreign Propaganda and Disinformation Act) от 8 декабря 2016 г. URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/BILLS-114hr5181ih>

в Интернете»¹⁴ (Великобритания), «Закон о товарных знаках»¹⁵ (США), Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза 2006/114/ЕС¹⁶, Федеральный закон «О рекламе»¹⁷.

Сравнительные данные о правоприменительных практиках использования методов SMM в журналистике представлены в таблице 1.

Таблица 1

Правоприменительные практики использования методов SMM в журналистике

Формы правового регулирования	РФ	ЕС	США	Великобритания
Регулирование сбора, обработки и хранения персональных данных	✓	✓	✓	✓
Регулирование авторских прав в цифровом пространстве	✓	✓	✓	✗
Регулирование распространения ложной и дискредитирующей информации в онлайн-пространстве	✓	✓	✓	✓
Запрет на обманчивую рекламу	✓	✓	✓	✗

Примечание: таблица составлена автором: ✓ — присутствует в стране, ✗ — отсутствует.

Исходя из полученных данных можно сделать вывод, что правоприменительные практики в сфере SMM являются схожими для анализируемых стран. Отсутствие в Великобритании законодательства, регулирующего деятельность некоторых форм правового регулирования, можно объяснить развитой системой саморегулирования, осуществляемой организациями, которые обладают полномочиями на введение ограничительных мер.

Этические аспекты использования методов SMM в журналистике

Важным также является изучение сходства и различия этических принципов журналистики РФ, ЕС, США и Великобритании в контексте цифровых медиа. Профессиональная этика как часть общей этики представляет собой совокупность моральных норм и принципов, разработанных и принятых профессиональным сообществом, но не имеющих обязательной юриди-

¹⁴ Закон о безопасности в Интернете (Online Safety Act 2023) от 26 октября 2023 г. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/online-safety-act-explainer/online-safety-act-explainer>

¹⁵ Закон о товарных знаках (Lanham Act) от 5 июля 1946 г. URL: https://www.law.cornell.edu/wex/lanham_act

¹⁶ Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза 2006/114/ЕС от 12 декабря 2006 г. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32006L0114>

¹⁷ О рекламе : Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.

ческой силы. Как отмечает Г.В. Лазутина, «профессиональная этика как наука сосредоточила свое внимание на описании и систематизации сложившихся в трудовых группах профессиональных стандартов (норм профессиональной морали)»¹⁸.

В отличие от традиционной журналистики, единых, широко признанных этических кодексов для Social Media Marketing не существует. Как правило, нормы формулируются и регулируются самими социальными сетями, а также маркетинговыми агентствами и профессиональными объединениями. Тем не менее общие тенденции в этике Social Media Marketing практически полностью совпадают с положениями Кодекса профессиональной этики российского журналиста¹⁹. Кроме того, у авторов социальных сетей есть возможность руководствоваться Этико-правовым пособием для блогеров, которое было разработано в рамках Общественной коллегии по жалобам на прессу.

М.М. Лукина отмечает, что «этические принципы и стандарты в онлайн-среде ничем не отличаются от принятых в офлайн: журналисты должны учитывать потребности общества, а не отдельных заинтересованных лиц»²⁰. Задачей SMM-менеджеров остается распространение достоверной и объективной информации (особенно в эпоху циркуляции фейков и дипфейков). Также, несмотря на доступность информации в онлайн-среде, вмешательство в частную жизнь должно исключаться.

В ходе проведенного исследования были проанализированы следующие принципы этики: достоверность, объективность, уважение к личности, социальная ответственность и независимость. Эмпирической базой послужили Кодекс профессиональной этики российского журналиста²¹ (РФ), Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы «О журналистской этике»²², Этический кодекс ассоциации журналистов электронных СМИ США (RTNDA)²³, и Кодекс поведения Национального союза журналистов (Великобритания и Ирландия)²⁴. Сравнительные данные представлены в таблице 2.

¹⁸ Лазутина Г.В. Профессиональная этика журналиста. М.: Аспект-Пресс, 2013. С. 42.

¹⁹ Кодекс профессиональной этики российского журналиста Союза журналистов России от 23 июня 1994 г. URL: <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/633-kodeks-professionalnoj-etiki-rossijskogo-zhurnalista>

²⁰ Лукина М.М. Профессиональная этика в онлайн-среде // МедиаТренды. 2020. № 4(76). С. 5.

²¹ Кодекс профессиональной этики российского журналиста Союза журналистов России от 23 июня 1994 г. URL: <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/633-kodeks-professionalnoj-etiki-rossijskogo-zhurnalista>

²² Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 1 июля 1993 г. № 1003 (1993) «О журналистской этике». URL: <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/750-rezolyutsiya->

²³ Этический кодекс ассоциации журналистов электронных СМИ США (RTNDA) от 31 августа 1987 г. URL: <https://mediamonitorsu.ru/docs/zarubezhnye-zakony/eticheskij-kodeks-assotsiatsii-zhurnalistov-elektronnykh-smi-rtnda/?ysclid=m41u492b2i787379655>

²⁴ Кодекс поведения Национального союза журналистов (Великобритания и Ирландия) от 29 июня 1994 г. URL: <https://infopedia.su/11x3e6c.html?ysclid=m41ua87w60644614893>

Таблица 2

Этические принципы журналистики РФ, Европейского союза, США и Великобритании

Принцип	РФ	ЕС	США	Великобритания
Достоверность	Обязательство распространять и комментировать только ту информацию, в достоверности которой он убежден и источник которой ему хорошо известен	Обязательство подтверждения фактов соответствующими средствами проверки и доказательствами	—	Обязательство исправлять неточности, четко проводить грань между фактом и мнением
Объективность	Стремление к непредвзятому освещению событий, предоставлению фактов без искажения и представлению различных точек зрения	—	Стремление к точной, сбалансированной и справедливой подаче информации	Стремление к распространению честной, точной и объективной информации
Уважение к личности	Воздержания от любых пренебрежительных намеков или комментариев в отношении расы, национальности, цвета кожи, религии, социального происхождения или пола, а также в отношении физического недостатка или болезни человека	Акцентирование на защите частной жизни человека при информировании о частном лице и общественных интересах при информировании о публичном лице	Уважение частной жизни, достоинства и благополучия людей; права каждого человека на справедливый суд. Признание необходимости конфиденциальности источников	Обязательство не публиковать материалы, которые могут привести к ненависти или дискриминации по возрасту, полу, расе, цвету кожи, вероисповеданию, юридическому статусу, инвалидности или брачному положению
Социальная ответственность	Ответственность за содержание сообщений, предлагаемых для обнародования, за правдивое и своевременное информирование аудитории об актуальных проблемах, представляющих общественный интерес	Несение СМИ этической ответственности перед гражданами и обществом	—	—
Независимость	Свобода от обязательств в отношении каких-либо интересов, кроме права общественности знать	Гарантированность моральных и материальных условий журналистам для обеспечения высококвалифицированной работы и независимости	Стремление вести себя так, чтобы не оказаться жертвой столкновения скрытых или реальных интересов	Отказ от вознаграждения или других материальных благ, способных отрицательно повлиять на профессиональную независимость

Примечание: таблица составлена автором.

На основе анализа этических принципов журналистики РФ, ЕС, США и Великобритании сделан вывод, что этические принципы журналистики являются сходными для каждой из стран. При этом США и Великобритания не уделяют существенное внимание социальной ответственности. Формулировки отдельных положений кодексов субъектов исследования являются более точными и подробными. Следует отметить, что резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы также фокусируется на условиях деятельности журналистов. Тем не менее каждый из кодексов играет важную роль в поддержании доверия к СМИ и онлайн-платформам и качественной работы журналистов и SMM-менеджеров.

Безусловно, изучение правоприменительных практик и этических аспектов использования методов SMM в журналистике должно продолжаться, поскольку социальные медиа как в России, так и за рубежом постоянно эволюционируют, появляются новые технологии и платформы, меняются способы распространения информации и взаимодействия с аудиторией, однако законодательство в сфере цифровых медиа часто отстает от технологического развития, что нередко приводит к правовой неопределенности.

Новикова А.В.,

журналист, комьюнити-менеджер Учебного центра АО «Ленфильм»
(г. Москва)

Литература

1. Гурцкая Б.Т. Профессиональная этика в онлайн-среде / Б.Т. Гурцкая, П.А. Меренкова // E-SCIO. 2020. № 1(40).
2. Лазутина Г.В. Профессиональная этика журналиста / Г.В. Лазутина. Москва : Аспект-Пресс, 2013.
3. Лукина М.М. Профессиональная этика в онлайн-среде / М.М. Лукина // Медиа-Тренды. 2020. № 4 (76).

Развитие института секретных и совершенно секретных изобретений в СССР

В современных условиях высокого уровня информатизации особую значимость приобретает изучение проблемы развития института секретных и совершенно секретных изобретений в СССР. Это связано с тем, что модернизация институтов государственной тайны и секретных изобретений способствовала принятию законодательства в области секретных и совершенно секретных изобретений. Развитие в период холодной войны механизма правовой охраны секретных изобретений в таких странах, как Великобритания, Франция, Германия, США, вызывало озабоченность у руководителей Советского Союза.

Создание в СССР гибкой государственной системы, четко регулирующей отношения, возникающие при создании, осуществлении правовой охраны использования секретных и совершенно секретных изобретений, приобрело в настоящее время особую актуальность.

В эпоху противостояния двух сверхдержав, США и СССР, в условиях холодной войны, развитие технологий, имеющих военное применение, стало ключевым направлением в гонке вооружений. В юридической литературе советского периода проблеме применения правовых механизмов охраны секретных изобретений достаточного внимания не уделяли. В связи с этим в начале 70-х гг. XX в. советские правоведы обращаются к детальному изучению механизма регулирования секретных и совершенно секретных изобретений.

Вторую половину XX в. можно по праву считать началом новой научно-технической революции. Соперничество двух самых развитых социально-экономических систем повлекло за собой то, что научно-техническая революция переросла в острую угрозу военного паритета Востока и Запада. Советский Союз не мог пройти мимо проблем, возникающих в период нарастающей научно-технической революции. Проблемы, вытекающие из возможного отставания и отсутствия должного юридического сопровождения научно-технической революции, могли впоследствии отразиться в отставании научно-технического комплекса СССР от подобных комплексов ведущих стран Запада.

В сложившихся к тому времени условиях руководство СССР приняло ряд неотложных мер, которые, по их мнению, должны были помочь стране преодолеть возникающие трудности. Модернизация правового регулирования в сфере изобретательства стала одной из таких мер, которая

позволила сыграть ключевую роль в ускорении темпов научно-технического прогресса Советского Союза. В процессе этой масштабной работы планировалось провести анализ всех существующих правовых норм в данной отрасли, в том числе, исключить устаревшие и разработать новые правовые нормы, заполнить пробелы в законодательстве, а также устранить несоответствия и противоречия между различными правовыми актами¹.

Результатом проведенного анализа советских правоведов принято считать утвержденное Советом Министров СССР в августе 1973 г. Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях (далее — Положение 1973 г.). Принятие Положения 1973 г. являлось грандиозным прорывом советских ученых-правоведов, поскольку именно данное положение отражало возможные пути повышения эффективности научно-технической сферы Советского Союза.

Положение 1973 г. послужило фундаментом и в разработке новейших правовых норм, которые отражали правовое регулирование в новых условиях как для секретных изобретений, так и для секретных открытий и секретных рационализаторских предложений.

Раздел V Положения 1973 г. устанавливал правовой порядок механизма засекречивания материалов секретных изобретений и открытий, а также определял ответственность автора секретного изобретения по защите материалов, содержащихся в заявке. Согласно подп. 1 п. 77 вышеуказанного раздела установлено, что в случае, если автор находит, что сделанное им открытие, изобретение или рационализаторское предложение составляет государственную тайну, то он был обязан принять все зависящие от него меры, чтобы его предложение не было разглашено².

Также п. 2 установлено, что автор обязан передать все имеющиеся у него материалы предприятию, организации или учреждению по месту своей работы или другому государственному предприятию, организации, учреждению. В свою очередь, на организацию, к которому обращался автор, также возлагалась обязанность в оказании содействия автору в оформлении заявки секретных изобретений, открытий и рационализаторских предложений.

В соответствии с Положением 1973 г. материалы несекретных заявок на изобретения и открытия должны были проходить проверку в два, а в некоторых случаях и в три этапа. При подаче заявки на изобретение или открытие предприятие, организация или учреждение, а также местные органи-

¹ Свядосц Ю.И. О систематизации изобретательского права // Вопросы изобретательства. 1970. № 7. С. 10.

² Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях : Постановление Совмина СССР от 21 августа 1973 г. Ст. 77 // СП СССР. № 19. Ст. 109.

зации Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР) были обязаны в каждом определенном случае в индивидуальном порядке провести проверку материалов на наличие сведений, составляющих государственную тайну. Если же заявленное изобретение или открытие признавалось секретным, то автору сообщалось, что заявка должна оформляться в соответствии с требованиями законодательства.

В свою очередь, экспертиза секретных изобретений имела огромное значение для последующих действий автора. При этом экспертиза секретных изобретений проводилась Государственным комитетом Совета Министров СССР по делам изобретений и открытий. Для проведения экспертизы на особо сложные секретные изобретения комитет и иные ведомства были вправе привлекать различных специалистов для определения статуса изобретения. Положение 1973 г. устанавливало, что на изобретение, признанное в установленном порядке секретным и прошедшее научно-техническую экспертизу с положительным результатом, выдавалось авторское свидетельство. Авторским свидетельством, согласно Положению 1973 г., признавался документ, который содержал в себе сведения об авторском праве на изобретение. Для сохранения статуса секретности при выдаче авторского свидетельства формулы секретного изобретения или его описания в открытой печати не публиковались. Тем не менее оформление охраны секретного изобретения имело исключительно важное значение, так как ставило его использование под контроль государства³.

Вопрос о том, чтобы установить особый правовой режим для секретных и совершенно секретных изобретений, был вызван в первую очередь военными и экономическими интересами государства. Положение 1973 г. фактически закрепило за государством на неопределенное время исключительные права на секретные изобретения, охраняемые государственной тайной и авторскими свидетельствами.

Таким образом, в СССР на протяжении длительного времени существовал порядок обращения с секретными изобретениями, правовой базой которого служили разделы Положения 1973 г. и ведомственные нормативные акты.

В свою очередь, использование секретных изобретений, удостоверяемых авторскими свидетельствами и охраняемых государством в качестве объекта, содержащего государственную тайну, осуществлялось в СССР только государственными организациями, предприятиями и учреждениями, исходя из интересов государства и только при наличии специального

³ Антимонов Б.С., Флейшиц Е.А. Изобретательское право. М.: Госюриздат, 1960. С. 194.

на то разрешения со стороны государства или его полномочных представителей, какими, например, являлись некоторые уполномоченные министерства и ведомства⁴.

Следует особо подчеркнуть, что возможность реализации прав на секретное изобретение была целиком зависима от усмотрения государства. Секретное изобретение могло быть применено на территории СССР и за рубежом (например, при экспортных поставках вооружений и военной техники). Иначе говоря, в СССР имело место абсолютное закрепление за государством исключительного права на секретное изобретение, когда государство, сосредоточивая в своих руках основные права на секретные изобретения, могло по существу беспрепятственно использовать их в своих интересах.

Попов Я.Д.,

юрисконсульт юридического отдела

ООО «Алмаз-Антей Строй»

(г. Москва)

Литература

1. Антимонов Б.С. Изобретательское право / Б.С. Антимонов, Е.А. Флейшиц. Москва : Госюриздат, 1960.
2. Богуславский М.М. Характер исключительного права государства на изобретение / М.М. Богуславский // Авторское свидетельство как форма правовой охраны изобретений / А.И. Доркин, В.В. Быков, Г.А. Матвеев [и др.] ; под общей редакцией Ю.Е. Максарева. Москва : ЦНИИПИ, 1977.
3. Свядосц Ю.И. О систематизации изобретательского права / Ю.И. Свядосц // Вопросы изобретательства. 1970. № 7.

⁴ Богуславский М.М. Характер исключительного права государства на изобретение // В кн. : Авторское свидетельство как форма правовой охраны изобретений. М. : ЦНИИПИ, 1977.

Ответственность участников корпораций за нарушение обязанностей: исключение «недружественного» участника из корпорации

Настоящая статья посвящена отдельному аспекту внутри темы привлечения участников корпораций к ответственности за нарушение обязанностей, а именно исключению «недружественных» участников хозяйственных обществ.

Основная, носящая фидуциарный характер обязанность участников хозяйственных обществ — не причинять корпорации вред (п. 4 ст. 65.2 Гражданского кодекса РФ; ГК РФ). Она означает, что участники не должны совершать действия, заведомо направленные на причинение вреда корпорации, а также действия (бездействие), которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей, ради которых создана корпорация¹. Нарушение данной обязанности может повлечь за собой исключение участника из корпорации.

В делах по искам об исключении участника из корпорации истцом может выступать любой участник корпорации (п. 1 ст. 67 ГК РФ). Представляется, что вопреки положениям ст. 10 закона об ООО, где по настоящее время предусмотрен десятипроцентный порог (10%) владения долями ООО для участника (участников, совместно предъявляющих иск) для направления требования об исключении другого участника / участников из ООО, применению вплоть до внесения в закон об ООО изменений подлежит позднее принятая норма общего, а не специального закона — п. 1 ст. 67 ГК РФ.

Трудно найти какие-либо правовые основания для того, что в отношении непубличных акционерных обществ законодатель не предусматривает какой-либо порог владения акциями для предъявления иска об исключении, а в отношении так близких к ним по статусу ООО такой порог сохраняется.

Более того, общепризнано, что исключение участника из общества является мерой (способом) защиты прав самого общества.

Нарушает ли права и законные интересы участника общества такое поведение другого участника, которое состоит в неисполнении обязанностей или создании препятствий в деятельности общества? Да, нарушает, но не непосредственно, как в случае с обществом, а опосредованно (косвенно), — в таких случаях вредные последствия противоправного поведения другого участника в первую очередь испытывает само общество (в частности, терпит

¹ Григорьев Н.Д. Обязанности участников хозяйственных обществ по отношению к обществу и другим участникам // Современное корпоративное право: времен связующая нить : сборник статей / сост. и отв. ред. И.С. Шиткина. М., 2024. С. 352.

убытки и т.п.), и вследствие этого страдает добросовестный участник (не может получить дивиденды в том объеме, в котором мог бы получить при правомерном поведении второго участника и т.п.).

С учетом изложенного, более верным кажется нормативное закрепление такой конструкции, при которой участник общества предъявляет иск об исключении другого участника от имени общества так же, как это предусмотрено для предъявления участниками корпорации требований об оспаривании сделки и возмещении убытков (ст. 65.2 ГК РФ), поскольку совершение предусмотренных в ст. 10 закона об ООО действий влечет нарушение прав общества, а исключение участника из общества представляет собой способ защиты прав общества, единственно которое и должно обращаться в суд за защитой за своих прав. Однако это возможно только законодательным изменением ст. 10 закона об ООО.

Основания для исключения представлены в п. 1 ст. 67 ГК РФ. Они объединены общей формулировкой «существенное затруднение деятельности и достижения целей создания общества» и непосредственно выражаются в следующем: (1) действие (бездействие) участника, вследствие которого обществу причиняется существенный вред; (2) действие (бездействие) участника иным образом, в том числе (2.1) грубое нарушение обязанностей, установленных законом / предусмотренных уставом в соответствии с положениями закона.

Грубым нарушением обязанности, которое может повлечь за собой исключение участника, является, например, систематическое уклонение от участия в общем собрании или голосование «против», приводящее к невозможности принятия необходимого для функционирования общества решения, в частности, избрания директора общества, утверждения годовой бухгалтерской отчетности (п. 4 ст. 65.2 ГК РФ, п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 25).

Данное нарушение стало предметом рассмотрения Верховного суда в деле «Меридиан» (*Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 3 сентября 2024 г. № 305-ЭС23-30144 по делу № А-40-265796/202275*). Оно же практически всегда встречается в практике арбитражных судов по исключению «недружественных» участников из российских корпораций. Позиция ВС РФ по делу «Меридиан» имеет непосредственное влияние на практику исключения «недружественных» участников из российских компаний.

В сентябре 2024 г. Верховный суд рассмотрел дело «Меридиан», в котором продемонстрировал новаторский для правоприменительной практики подход к вопросу об исключении участника из общества.

Для нас наиболее важна следующая позиция Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ: «Для правильного рассмотрения спора суд по результатам оценки совокупности доказательств и доводов сторон должен сделать вывод, **кто из участников сохраняет интерес в ведении общего дела, а кто — стремится извлечь преимущество (соб-**

ственную выгоду) из конфликта, создавая основные препятствия для достижения целей деятельности общества».

Верховный суд тем самым признал, что отсутствие у участника интереса на продолжение участия в обществе (и порожденное этим нежелание участвовать в управлении обществом) может являться основанием для исключения такого участника из общества.

Верховный суд также квалифицировал основания для исключения участника из корпорации.

Во-первых, Судебная коллегия указала, что исключение является расторжением договора со стороной, которая допустила существенное нарушение обязательств, связанных с ведением общего дела. В деле «Меридиан» суд пришел к выводу, что ответчик нарушил свои обязанности по приложению усилий для достижения цели, ради которой учреждалось общее дело. Соответственно, основанием для исключения стало нарушение обязанности участника не причинять вред обществу (обязанности лояльности).

Во-вторых, Судебная коллегия отметила, что исключение — это способ разрешения корпоративного конфликта, средство недопущения парализации деятельности общества, а не назначение санкции за правонарушение. Эта идея следует из общей идеи права товариществ о том, что «нельзя принудительно держать связанными лиц, ведущих общее дело».

Участие в хозяйственном обществе рассматривается как договор между участниками, которые находятся между собой в товарищеских отношениях. Исключение, таким образом, может быть увязано с утратой интереса участника на продолжение участия в обществе, которая мешает достижению целей общего дела.

Позиция по делу «Меридиан» прямо влияет на решение судами вопроса об исключении резидентов «недружественных» государств из российских хозяйственных обществ.

Отстранение иностранных участников от управления российскими компаниями сегодня происходит по двум причинам. Во-первых, это контрсанкционные меры, существенно повлиявшие на осуществление предпринимательской деятельности иностранными хозяйствующими субъектами. Так, иностранные участники были ограничены в извлечении прибыли из участия в хозяйственных обществах, также введены ограничения на совершение сделок с долями (акциями) российских хозяйственных обществ, стороной которых являются лица из недружественных государств. Во-вторых, это соблюдение иностранными участниками как внутреннего санкционного законодательства (США, Великобритания), так и санкционного регулирования Европейского союза.

«Недружественные» участники, как правило, не принимают участия в общих собраниях участников и в управлении обществом в целом. Иностранные участники фактически находятся между молотом и наковальней: участие и реализация корпоративных прав иностранными участниками представ-

ляют собой нарушение санкционных ограничений в отношении России, а не-реализация является основанием для исключения участников из общества.

Действующая правоприменительная практика допускает исключение «недружественного» участника из российских компаний.

(1) В деле № А41-81896/2022 суд указал, что ответчик, являясь гражданином Литвы и постоянно проживая на ее территории, не принимает никакого участия в деятельности ООО (фактически допуская грубое нарушение обязанностей участника) и таким образом противопоставляет свои интересы интересам общества, что не отвечает принципу добросовестности участников гражданского оборота. Хотя истец указал, что Литва внесена в перечень «недружественных государств», в мотивировочной части решения российский суд не сослался на недружественный статус гражданства ответчика.

Этот подход был далее воспринят арбитражными судами — исключение из состава участников только по признаку «недружественности» не имеет шансов на успех.

(2) В деле № А40-77843/2022 суд прямо указал на нарушение ответчиком обязанности лояльности, выразившееся в неоднократном уклонении акционера от участия в общих собраниях акционеров, а также ведении конкурентной деятельности на основе доступа к коммерческим тайнам общества. Суд также учел, что «между обществом и ответчиком имеет место конфликт интересов, вызванный нахождением ответчика в недружественном Российской Федерации государстве».

(3) В деле № А40-128945/2023 мажоритарный участник признал иски требования и фактически отказался от управления обществом в связи с «исключительно санкционными ограничениями ЕС, ООН, США и Великобритании». Суд учел, что исключение понадобилось, чтобы избежать остановки инвестиционного проекта общества и предотвратить убытки.

(4) В деле № А4069912/2023 позиция ответчика состояла в том, что неучастие в общем собрании было вызвано только необходимостью соблюдения санкционного законодательства Европейского союза, а не утратой интереса к обществу и потому не может быть принято в качестве правового основания для исключения из состава участников. Однако суд не согласился с этим доводом, так как санкционное законодательство США и Европейского союза противоречит публичному порядку и не применяется на территории России. Таким образом, требование об исключении участника было удовлетворено ввиду отсутствия у ответчика возможности продолжения участия в общем деле. Схожие обстоятельства изложены в деле № А40-209933/2023.

(5) В деле № А56-45218/2024 компания дважды не приняла участия в общем собрании, в том числе по вопросу утверждения годовой бухгалтерской отчетности. По делу не было признания иска и возражений ответчика, суду для исключения хватило только сообщения ответчика о нежелании участвовать в управлении ООО.

(6) В деле № А87-245/2023, рассмотренном Двадцать первым арбитражным апелляционным судом сразу после формулирования позиции Верховного Суда РФ по делу «Меридиан», также было установлено отсутствие у ответчиков (участников — граждан Украины) интереса участвовать в обществе. Имелись документы, подтверждающие отказ ответчиков от дальнейшего участия в компании, ставшей российской. Однако суд первой инстанции перестраховался и отказал в удовлетворении требований истца об исключении украинских лиц из состава участников общества. Согласно позиции суда первой инстанции для исключения участников нужно было доказать, что неучастие ответчиков в собраниях существенно навредило обществу. Необходимо было установить факты их действий против интересов общества и подтвердить причинение существенного вреда.

Суд апелляционной инстанции поправил суд первой инстанции и подтвердил, что отсутствие у участника интереса на продолжение участия в обществе может являться основанием для исключения такого участника из общества. Апелляция обязала истца подтвердить электронную переписку с иностранными участниками (включая их признание иска) нотариальными протоколами осмотра доказательств.

(7) По наиболее актуальному делу (№ А51-17230/2022) причиной для обращения в суд послужили систематические неявки ответчика на ОСА, что, по мнению истца, препятствовало принятию важных решений, необходимых для осуществления хозяйственной деятельности и реализации инвестиционного проекта по строительству морского терминала на Дальнем Востоке.

Суд первой инстанции отклонил исковое заявление истца, поскольку истец не представил достаточных доказательств того, что действия ответчика непосредственно препятствуют нормальному функционированию общества.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции о том, что бездействие ответчика в виде неучастия в собраниях не является достаточным основанием для его исключения. Апелляционный суд также исходил из отсутствия доказательств того, что действия ответчика повлекли вред для общества.

Суд кассационной инстанции установил, что ответчик не только систематически уклонялся от участия в собраниях, но и в письме истцу прямо заявил о невозможности своего дальнейшего участия в проекте и выразил готовность продать свою долю. Это рассматривалось как подтверждение отсутствия интереса к деятельности общества и инвестиционному проекту.

В дополнение суд отметил, что ответчик фактически блокировал деятельность общества, так как из-за его отказа участвовать в обществе не могли приниматься решения, требующие единогласного голосования, такие как назначение руководителя, утверждение финансовых вопросов и организация проекта.

Суд указал на значительные негативные последствия для общества, вызванные действиями ответчика, в частности: невозможность продолжения работы по инвестиционному проекту, угроза банкротства, парализация финансовой и хозяйственной деятельности общества.

Утрата интереса ответчика к участию в обществе и последовавшая за ней блокировка деятельности общества стали основанием для исключения ответчика из общества.

Таким образом, мы можем наблюдать, что по делам об исключении «недружественных» участников из российских корпораций суды с опорой на позицию Верховного Суда РФ по делу «Меридиан» оценивают, сохраняет участник интерес в участии в обществе или нет.

«Недружественный» участник может быть исключен из общества даже при отсутствии существенного вреда обществу, если он так или иначе подтвердил нежелание далее участвовать в управлении обществом. Отсутствие такого интереса может подтверждаться не только систематическим неучастием в общих собраниях, но и письменными указаниями ответчика либо признанием иска об исключении в отсутствие каких-либо возражений ответчика.

Большинство дел об исключении «недружественных» участников корпораций объединяет отсутствие спора о праве (у иностранного участника реально отсутствует интерес продолжать участие в бизнесе, и он сам желает его покинуть): требования истцов основаны на корпоративной документации, подтверждающей неучастие иностранного участника из недружественной юрисдикции в управлении обществом.

Тем не менее «недружественные» участники также могут быть исключены из общества, если они хотя и не утратили интерес участвовать в обществе, но не могут продолжать участие из-за санкционных ограничений.

В данном подходе находит отражение следующая позиция из определения по делу «Меридиан»: исключение — это не назначение санкции за правонарушение. Исключение призвано не допустить сохранения ситуации, при которой участники более не могут рассчитывать на достижение целей общего дела, на которое надеялись при создании совместного предприятия.

Григорьев Н.Д.,

аспирант кафедры предпринимательского права
Юридического факультета Московского государственного университета
(МГУ) имени М.В. Ломоносова
(г. Москва)

Литература

1. Григорьев Н.Д. Обязанности участников хозяйственных обществ по отношению к обществу и другим участникам / Н.Д. Григорьев // Современное корпоративное право: времен связующая нить : сборник статей / составитель и ответственный редактор И.С. Шиткина. Москва : Статут, 2024.

О структуре сельскохозяйственного законодательства в области растениеводства: перспективы развития

Законодательство об отраслях растениеводства развивается не столь интенсивно, если не сказать больше — оно минимально и фрагментарно как на федеральном, так и региональном уровнях.

С теоретических позиций оно предполагает «несколько слоев» нормативных актов: (1) общее законодательство о сельском хозяйстве, регулирующее сельскохозяйственные отношения в целом, включая наиболее общие положения о растениеводстве; (2) законодательство о растениеводстве («слои» этого законодательства) предполагает регулирование наиболее общих вопросов о растениеводстве; (3) законодательство об отдельных отраслях растениеводства. При этом на региональном уровне могут регулироваться специфичные отрасли растениеводства, характерные для региона, а также иные вопросы.

Наиболее общие моменты регулирования растениеводства учтены в Федеральном законе от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства»¹, прежде всего с позиции предоставления сельскохозяйственным товаропроизводителям государственной поддержки.

Данное законодательство может дополняться на региональном уровне: например, Закон Алтайского края 4 февраля 2008 г. № 2-ЗС «О развитии сельского хозяйства в Алтайском крае»², Закон Краснодарского края от 28 января 2009 г. № 1690-КЗ «О развитии сельского хозяйства в Краснодарском крае»³ и т.д.

Дополнением уровня является законодательство по определенным направлениям деятельности, в том числе вместе с другими (несельскохозяйственными) областями экономических отношений: Федеральный закон «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами»⁴, Федеральный закон «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения»⁵, Федеральный закон «Об охране

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // СЗ РФ. 2007. № 1 (часть I). Ст. 27; 2024. № 26. Ст. 3562.

² Закон Алтайского края 4 февраля 2008 г. № 2-ЗС «О развитии сельского хозяйства в Алтайском крае» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Закон Краснодарского края от 28 января 2009 г. № 1690-КЗ «О развитии сельского хозяйства в Краснодарском крае» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Федеральный закон от 19 июля 1997 г. № 109-ФЗ «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами» // СЗ РФ. 1997. № 29. Ст. 3510; 2023. № 14. Ст. 2377.

⁵ Федеральный закон от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения» // СЗ РФ. 1998. № 29. Ст. 3399; 2023. № 25. Ст. 4433.

окружающей среды»⁶, Федеральный закон «О мелиорации земель»⁷, Федеральный закон «О карантине растений»⁸ и др.

Что касается второго уровня законодательства, то до сих пор не планируется принятие закона о растениеводстве, поскольку подобного проекта не было ни на федеральном, ни региональном уровнях. Считается, что в рамках общего Федерального закона «О развитии сельского хозяйства»⁹, другого федерального законодательства можно решить общие вопросы растениеводства.

Другое дело, законодательство об **отдельных отраслях растениеводства**, в которых должна учитываться специфика сельскохозяйственной деятельности (третий уровень законодательства).

Вместе с тем обратим внимание на законодательство об отраслях растениеводства, которые более или менее регламентируются.

Так, «зерноводство» регулирует Закон РФ от 14 мая 1993 г. № 4973-1 «О зерне»¹⁰ — данный нормативный акт (всего 20 статей) учитывает специфику данной отрасли растениеводства: прежде всего он регулирует отношения ее государственной поддержки, регулирует рынок зерна, а также нормирует формирование и использование фондов зерна в интересах Российской Федерации.

Базовым для растениеводства выступает Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 454-ФЗ «О семеноводстве»¹¹, который нормирует важнейшую отрасль растениеводства — семеноводство. Он регулирует отношения, возникающие в связи с осуществлением деятельности по производству, заготовке, обработке, хранению, реализации, транспортировке и использованию семян сельскохозяйственных растений.

Вместе с тем появляется четвертый уровень законодательства о растениеводстве, который включает отдельные подвиды растениеводства: наиболее показательным является достаточно фундаментальный Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 468-ФЗ «О виноградарстве и виноделии в Российской Федерации»¹².

⁶ Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // СЗ РФ. 2002. № 2. Ст. 133; 2024. № 33 (часть I). Ст. 4992.

⁷ Федеральный закон от 10 января 1996 г. № 4-ФЗ «О мелиорации земель» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 142; 2023. № 25. Ст. 4433.

⁸ Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 206-ФЗ «О карантине растений» // СЗ РФ. 2014. № 30 (часть I). Ст. 4207; 2024. № 1 (часть I). Ст. 31.

⁹ Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // СЗ РФ. 2007. № 1 (часть I). Ст. 27; 2024. № 33 (часть II). Ст. 5016.

¹⁰ Закон РФ от 14 мая 1993 г. № 4973-1 «О зерне» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 22. Ст. 799; СЗ РФ. 2023. № 32 (часть II). Ст. 6217.

¹¹ Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 454-ФЗ «О семеноводстве» // СЗ РФ. 2022. № 1 (часть I). Ст. 23; 2024. № 33 (часть I). Ст. 4928.

¹² Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 468-ФЗ «О виноградарстве и виноделии в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 52 (часть I). Ст. 7786; 2023. № 25. Ст. 4435.

Для других отраслей растениеводства законодательством (федеральным и региональным) самостоятельных законов пока не принято и приходится руководствоваться общими программными документами о развитии сельского хозяйства: федеральной государственной программой развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, региональными программами, например государственной программой Московской области «Сельское хозяйство Подмосковья»¹³, и т.п.

В рамках гранта по «Приоритету 2030» кафедрой экологического и природоресурсного права МГЮА представлен проект Федерального закона «О сельскохозяйственном растениеводстве» (далее — Проект), направленный на формирование второго уровня законодательства об отдельных отраслях сельского хозяйства, а именно на сельскохозяйственное растениеводство.

Настоящий проект устанавливает: 1) правовые основы в области производства, использования и оборота продукции сельскохозяйственного растениеводства (далее — область сельскохозяйственного растениеводства), если иное не предусмотрено законодательством о государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции; 2) основные принципы реализации государственной политики в области сельскохозяйственного растениеводства; 3) государственную политику в области сельскохозяйственного растениеводства; 4) полномочия органов государственной власти и местного самоуправления в области сельскохозяйственного растениеводства; 5) правовое положение субъектов растениеводства (растениеводческих хозяйств) при осуществлении деятельности в области сельскохозяйственного растениеводства.

Проект опирается на основные принципы реализации государственной политики в области растениеводства, к которым относятся: обеспечение населения Российской Федерации растениеводческой продукцией собственного производства в объемах, не ниже установленных Доктриной продовольственной безопасности России; предупреждение вредного воздействия на среду произрастания объектов сельскохозяйственного растениеводства; рациональное (устойчивое) использование продукции сельскохозяйственного растениеводства; экономическое стимулирование охраны, защиты и воспроизводства объектов сельскохозяйственного растениеводства, их рационального (устойчивого) использования; учет особенностей объектов сельскохозяйственного растениеводства при установлении правового режима земель, в границах которых эти объекты растительного мира произрастают; ответственность за нарушение законодательства Российской Федерации в области сельскохозяйственного растениеводства; возмещение вреда,

¹³ Утв. Постановлением Правительства Московской области от 4 октября 2022 г. № 1075/35 // СПС «КонсультантПлюс».

причиненного сельскохозяйственным растениям, среде их произрастания, жизни и здоровью граждан, имуществу граждан и юридических лиц вследствие вредного воздействия на сельскохозяйственные растения; обеспечение доступа к экологической информации в области сельскохозяйственного растениеводства.

Особое внимание уделено субъектам растениеводства: предложены к обороту такие термины, как «растениеводческие хозяйства» и «растениеводческие предприятия». При этом под «растениеводческими хозяйствами» предложено понимать коммерческие организации любой организационно-правовой формы, индивидуальных предпринимателей, осуществляющих производство продукции растениеводства, ее использование, первичную и последующую (промышленную) переработку (в том числе на арендованных основных средствах). Кроме того, растениеводческую деятельность также осуществляют: (1) крестьянские (фермерские) хозяйства без образования юридического лица в соответствии с Федеральным законом от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве»¹⁴; (2) сельскохозяйственные потребительские кооперативы (перерабатывающие, сбытовые (торговые), обслуживающие (в том числе кредитные), снабженческие, заготовительные), созданные в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации»¹⁵, а также в соответствии с Законом РФ от 19 июня 1992 г. № 3085-1 «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации»¹⁶; (3) опытно-производственные, учебные, учебно-опытные и учебно-производственные подразделения научных организаций, образовательных организаций, осуществляющих подготовку кадров в области сельского хозяйства, и общеобразовательных организаций; (4) казачьи общества, внесенные в государственный реестр казачьих обществ в Российской Федерации, определенные ст. 123.15¹⁷ Гражданского кодекса РФ (ГК РФ); (5) общины коренных малочисленных народов Российской Федерации, определенные ст. 123.16 ГК РФ и включенные в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации»¹⁸, а также закрепленные региональным законодательством; (6) религиозные организации, соответствующие требова-

¹⁴ Федеральный закон от 11 июня 2003 г. № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // СЗ РФ. 2003. № 24. Ст. 2249; 2024. № 26. Ст. 3562.

¹⁵ Федеральный закон от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации» // СЗ РФ. 1995. № 50. Ст. 4870; 2023. № 32 (часть I). Ст. 6174.

¹⁶ Закон РФ от 19 июня 1992 г. № 3085-1 «О потребительской кооперации (потребительских обществах, их союзах) в Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1788; Российская газета. 2024. 16 августа.

¹⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. URL: <http://pravo.gov.ru>

¹⁸ Постановление Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 14. Ст. 1493; 2021. № 52 (часть I). Ст. 9185.

ниям ст. 123.26 ГК РФ; (7) граждане, ведущие личное подсобное хозяйство, в соответствии с Федеральным законом от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве»¹⁹; (8) члены садовых и огородных некоммерческих товариществ (СНТ и ОНТ), которые ведут садоводство или огородничество для собственных нужд и функционируют на основании Федерального закона от 22 июля 2024 г. № 211-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд»²⁰; (9) граждане, включая «самозанятых»²¹, осуществляющие соответствующую деятельность на подворьях и в приусадебных хозяйствах.

Проектом предложена категория «растениеводческое предприятие», под которым понимается имущественный комплекс независимо от формы собственности, используемый для закладки, выращивания, использования и сбора сельскохозяйственных растений, выращивания посадочного материала, переработки и хранения продукции растениеводства, включающий в себя в том числе земли, используемые в растениеводстве, сельскохозяйственные растения, машины, оборудование и инвентарь, используемые для закладки и эксплуатации растений, переработки и хранения продукции растениеводства, здания и сооружения, предназначенные для размещения машин и оборудования, здания и сооружения, выступающие в качестве места пребывания (или содержащие помещения, являющиеся местом пребывания) физических лиц, осуществляющих деятельность на основании трудовых договоров и (или) договоров гражданско-правового характера, а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги. При этом для отдельных видов растениеводства перед термином «предприятие» целесообразно использовать наименования, обозначающие соответствующее направление растениеводства (садовое предприятие; овощное предприятие; луговое предприятие и т.п.).

В предлагаемом Проекте отдан приоритет современным системам земледелия, а также учтен выбор сельскохозяйственных культур и системы севооборота: правильно подобранная последовательность сельскохозяйственных культур выступает дополнительным удобрением, которое оставляет для последующих культур необходимые макро- и микроэлементы питания растений.

Особое внимание Проекта уделено правовому положению растениеводческих хозяйств, а также вопросам их государственной поддержки: так,

¹⁹ Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» // СЗ РФ 2003. № 28. Ст. 2881; 2023. № 32 (часть I). Ст. 6186.

²⁰ Федеральный закон от 22 июля 2024 г. № 211-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (часть I). Ст. 4766; 2024. № 31. Ст. 4471.

²¹ Распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2016. № 24. Ст. 3549.

растениеводческое хозяйство наделяется такими правами, как 1) выбор системы земледелия, а для промышленного растениеводства — выбор современной системы земледелия; 2) выбор сельскохозяйственных культур в соответствии с потребностями растениеводческого хозяйства и (или) потребностями рынка; 3) выбор системы севооборота исходя из рекомендаций специалистов и ученых в области сельскохозяйственных наук; 4) выбор системы органических и минеральных удобрений в целях поддержания и улучшения плодородия почв в соответствии с Федеральным законом «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения», а также получения необходимого урожая сельскохозяйственных культур, увеличения его объема и улучшения качества; 5) проведение мероприятий по борьбе с карантинными растениями в соответствии с Федеральным законом «О карантине растений», сорными растениями, вредителями и болезнями сельскохозяйственных растений, засорителями, в том числе с использованием агрохимикатов и пестицидов в соответствии с Федеральным законом «О безопасном обращении с пестицидами и агрохимикатами»; 6) проведение мероприятий по охране почв от вредного действия воды и ветра в соответствии с Федеральным законом «О мелиорации земель»; 7) право привлекать в случаях и порядке, установленных законодательством Российской Федерации, специализированные службы, а также иные юридические лица и граждан с их согласия для борьбы с вредителями и болезнями сельскохозяйственных растений, для тушения пожаров, ликвидации иных чрезвычайных ситуаций и их последствий; 8) на государственную поддержку в области сельскохозяйственного растениеводства. Сообразно правам, предложены соответствующие обязанности растениеводческих хозяйств.

Проект закона о сельскохозяйственном растениеводстве полностью согласован с Земельным кодексом РФ, а также Кодексом РФ об административных правонарушениях.

Таким образом, постепенное заполнение всех трех направлений растениеводства будет способствовать повышению эффективности правового обеспечения сельскохозяйственной отрасли экономики.

Елисеев В.С.,

профессор кафедры экологического и природоресурсного права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
профессор кафедры государственно-правовых
и гражданско-правовых дисциплин
Государственного социально-гуманитарного университета
(г. Коломна, Московская область)

Новые элементы международной платежной инфраструктуры: Банк БРИКС и BRICS Clear

Недавно Россия принимала XVI саммит стран БРИКС в Казани. Мероприятие носило международный характер, в нем принимали участие не только страны-основатели, но и страны — партнеры БРИКС, такие как Белоруссия, Казахстан, Куба, Турция и др. Говорить о масштабах такого мероприятия не приходится, так же как и важности такого события. Ни для кого не секрет, что санкции, введенные в отношении нашего государства, повлияли на обычный ход вещей, и мы можем только предполагать, как в итоге ограничения изменили нашу жизнь: со знаком плюс или со знаком минус. Но одно можно сказать уже сейчас: санкции заставили искать альтернативные решения, создавать новые институты.

Так, первым шагом для независимости от европейских институтов власти стало создание Нового банка развития (далее — НБР), созданного в 2015 г. странами БРИКС, целью которого является мобилизация ресурсов для проектов в области инфраструктуры и устойчивого развития в странах БРИКС и других развивающихся странах. Между тем подчеркивалось, что НБР не является банком БРИКС, а готов принимать в качестве акционеров и другие страны.

Целью деятельности НБР является предоставление кредитных средств и инвестиций как в государственные, так и частные проекты в таких сферах, как: энергетика и энергоэффективность, транспортная инфраструктура, водоснабжение и санитария, цифровые инструменты.

Банки развития, коим и выступает НБР, часто принимают на себя риски, возникающие при инвестировании объектов хозяйственной деятельности, под гарантию государства, расширяют направления деятельности и формируют специальные механизмы финансирования с учетом экономических и социальных потребностей общества. В свою очередь, межгосударственные отношения предполагают передачу банкам развития агентских функций правительств — финансирование программ экономического развития, инвестиционное кредитование в целях производства продукции или оказания услуг, в том числе на базе государственно-частного партнерства¹.

Ранее было несколько знаменательных проектов, которые реализовались в России, например проект поддержки судебной системы, одобренный

¹ Ярыгина И.З. Роль банков развития в обеспечении экономических интересов БРИКС // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 3. С. 102.

в августе 2017 г. со сроком исполнения до 2027 г.² На указанный проект было потрачено 460 млн долл. США, поступивших от НБР, 54,5 млн долл. США, поступивших от федерального бюджета, и 86,7 млн долл. США, поступивших от бюджета г. Москвы.

Реализация проекта направлена на улучшение функционирования инфраструктуры Московского городского суда и районных судов г. Москвы, а также развитие инфраструктуры Федеральной службы судебных приставов, в частности цифровизацию.

Российский проект финансирования двух малых гидроэлектростанций Белопорожской ГЭС-1 и Белопорожской ГЭС-2 общей мощностью 49,8 МВт в Карелии на сумму в 100 млн долл. США Совет директоров НБР одобрил 20 июля 2016 г. на встрече в Шанхае. Кредитование должно осуществляться траншами по 50 млн долл. США через Евразийский банк развития (ЕАБР) и Международный инвестиционный банк (МИБ). При этом МИБ берет на себя сопутствующие проектные риски и оказывает содействие банку БРИКС в развитии деятельности на территории России³.

В 2022 году НБР принял решение о приостановке финансирования проектов на территории России в связи с введенными санкциями в отношении нашего государства.

В связи с этим возникает ситуация, что, даже являясь акционером международного банка — Нового банка развития, Российская Федерация не может в полной мере использовать такое участие, то есть быть получателем денежных средств в рамках финансирования проектов. В связи с этим возникает вопрос: насколько оправданно дальнейшее участие нашего государства в качестве акционера в НБР? Однозначным ответом вряд ли можно ограничиться.

Введенные финансовые и инфраструктурные ограничения в отношении России явились стимулом для выступления с инициативой создания независимой трансграничной расчетно-депозитарной инфраструктуры BRICS

Clear — инициативы, дополняющей существующую инфраструктуру финансовых рынков⁴.

Значительная доля российских инвесторов хранила основную часть принадлежащих им ценных бумаг иностранных компаний на своих счетах в Национальном расчетном депозитарии (далее — НРД), которым производился дальнейший учет соответствующих активов в зарубежных депозитариях, важнейшими среди которых явились 'Clearstream Banking S.A.' (Люк-

² Judicial System Support Project — New Development Bank (ndb.int) (дата обращения: 17.11.2024).

³ Первое ежегодное заседание Нового банка развития БРИКС — МИБ содействует реализации пилотного проекта НБР в России // CBONDS. URL: <http://cbonds.ru/news/item/839183>

⁴ URL: https://cdn.brics-russia2024.ru/upload/docs/Казанская_декларация.pdf (дата обращения: 26.11.2024).

сембург) и 'Euroclear Bank S.A./N.V.' (Бельгия). Одним из этапов санкционного давления явилось введение 3 июня 2022 г. Европейским союзом в отношении НРД блокирующих санкций, состоящих в необходимости получения разрешений национальных компетентных органов Бельгии и Люксембурга на любые операции с активами, проходящими про счету НРД. Такими органами для 'Clearstream Banking S.A.' и 'Euroclear Bank S.A./N.V.' стали Министерство финансов Люксембурга и Казначейство Бельгии соответственно. Позднее 'Clearstream' ввел безусловную блокировку любых операций с НРД РФ⁵.

Система BRICS Clear, очевидно, будет аналогом существующих систем международных расчетов, оказывающих услуги клиринга и расчетов по сделкам с ценными бумагами, а также хранения и обслуживания этих ценных бумаг, таких как Euroclear и Clearstream.

При обсуждении создания BRICS Clear указывалось, что такая система будет функционировать на основе технологий распределенного реестра, более того, в условиях невозможности подвергнуть записи изменению или совершить противоправные действия в отношении операций с ценными бумагами предполагается создание нескольких удостоверяющих центров, позволяющих подтверждать совершение той или иной операции.

Однако, очевидно, что внедрение системы BRICS Clear является далеко не последним шагом в создании собственной системы расчетов для стран — участников БРИКС. Так, естественным следующим шагом видится формирование институтов, осуществляющих контроль над операциями с ценными бумагами.

В условиях, когда наше государство находится в поисках национальной идентичности, при этом не отрицая положительный европейский опыт, логичным действием является создание органа, схожего по функциям и полномочиям с ESMA (European Securities and Markets Authority)⁶.

Хотя ESMA является независимым органом, он подотчетен европейским институтам, включая Европейский парламент, где он выступает перед Комитетом по экономическим и валютным вопросам (ECON) по их запросу для официальных слушаний, Советом Европейского союза и Европейской комиссией. Орган регулярно отчитывается перед институтами о своей деятельности на заседаниях, а также в своем годовом отчете⁷.

⁵ Жижченко С.Д. Методы и способы реализации расчетов заблокированных ценных бумаг российских инвесторов в иностранных депозитариях // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14. № 3-1. С. 308–315.

⁶ ESMA была основана как прямой результат рекомендаций доклада де Ларозьера 2009 г., который призывал к созданию европейской системы финансового надзора как децентрализованной сети. ESMA начала свою деятельность в соответствии со своим Учредительным регламентом 1 января 2011 г., заменив Комитет европейских регуляторов ценных бумаг.

⁷ URL: <https://www.esma.europa.eu/about-esma> (дата обращения: 27.11.2024).

Таким образом, представляется, образование новых наднациональных институтов не решит одномоментно вопросы, которые встанут перед нашим государством из-за введенных санкций. Создание системы BRICS Clear, которая направлена на решение вопросов, связанных с осуществлением операций с иностранными ценными бумагами, очевидно, приведет к необходимости выстраивания системы иных международных органов, в том числе контролирующей такую систему, что, в свою очередь, естественным образом приведет к интеграции государств — членов БРИКС в той степени, что станет возможным создание аналога Европейского союза.

Ильина А.В.,
преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского филиала Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
(г. Оренбург)

Литература

1. Жижченко С.Д. Методы и способы реализации расчетов заблокированных ценных бумаг российских инвесторов в иностранных депозитариях / С.Д. Жижченко // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 14. № 3–1.
2. Ярыгина И.З. Роль банков развития в обеспечении экономических интересов БРИКС / И.З. Ярыгина // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 3.

Значение принципа добросовестности при установлении оспоримости сделки должника в рамках банкротства

Актуальность исследования значения принципа добросовестности при установлении оспоримости сделок в делах о банкротстве обусловлена такими существенными факторами, как:

- критерии оценки добросовестности сторон в случае наступления несостоятельности одной из них являются обстоятельствами, подлежащими установлению и доказыванию в обособленных спорах по признанию сделок и действий должника недействительными в делах о банкротстве;

- добросовестность является фундаментальной основой взаимоотношений участников гражданского оборота, на что указывает как закрепление данного принципа на законодательном уровне, так и судебная практика по делам о банкротстве;

- дискуссионность практического и теоретического характера применения принципа добросовестности в банкротных процедурах, а также при проведении финансового анализа сделок и действий должника, совершенных в преддверии несостоятельности, для прогнозирования результатов оспаривания таких сделок и выбора наиболее оптимальных способов защиты интересов кредитора в суде;

- специфика законодательства о несостоятельности, которое, в отличие от гражданского законодательства, имеет презумпцию «недобросовестности»;

- постоянно возрастающий «тренд» на применение института заверений об обстоятельствах (ст. 431.2 Гражданского кодекса РФ; ГК РФ) в гражданском обороте и деятельности хозяйствующих субъектов, как документально зафиксированная гарантия добросовестности сторон, вступающих в отношения, и действие данного института, в случае если одна из сторон или обе становятся несостоятельными.

- активное развитие института субсидиарной ответственности в банкротстве с целью сбалансировать интересы защиты прав кредиторов и обеспечение стабильности гражданского оборота, где принцип добросовестности является ключевым критерием.

Презюмируя добросовестное поведение субъектов отношений и устанавливая запрет на недобросовестное осуществление гражданских прав, законодатель создает баланс в гражданско-правовых отношениях, при этом не раскрывает самого понятия добросовестности. В связи с чем следует обра-

тить свой взор на научные исследования и юридическую литературу по данной проблематике:

С.Ю. Чашкова определяет, что добросовестность — это субъективное состояние лица, характеризующееся тем, что оно не знало и не должно было знать о своих неправомерных действиях в момент их совершения¹.

С.Л. Будылин, говоря о преобладающем в данном обществе стандарте поведения участников оборота, считает, что он и будет являться добросовестностью².

Е.Е. Богданова, с позицией которой солидарны многие исследователи, понимает под добросовестностью сложившуюся в обществе и признанную законом, обычаями или судебной практикой систему представлений о нравственности поведения при приобретении, осуществлении и защите прав, а также при исполнении обязанностей. Поведение, отражающее представление общества о добре, следует считать добросовестным. Поведение, отражающее представление общества о зле, — недобросовестным³.

Можно констатировать, что на сегодняшний день нет единого научного взгляда на то, чем является добросовестность. На основе анализа исследований полагаем возможным говорить о том, что добросовестность рассматривается как:

- принцип;
- презумпция;
- категория;
- оценочная категория;
- принцип и оценочная категория одновременно;
- требование;
- оценочное понятие.

При этом ряд исследователей разделяют добросовестность на объективную и субъективную.

Следует констатировать, что ученым сообществом практически не исследуется понятие добросовестности в отношениях несостоятельности.

Закон о несостоятельности также не раскрывает содержание принципа добросовестности и имеет лишь положение о том, что «арбитражный управляющий обязан действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества», последнее совсем не означает, что остальные лица, участвующие в деле, не связаны данным принципом, поскольку обя-

¹ Чашкова С.Ю. Применение категорий «добросовестность» и «разумность» при регулировании имущественных отношений супругов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 9.

² Будылин С.Л. Заверения и гарантии. Компаративное исследование. М. : Инфотропик Медиа, 160 с.

³ Богданова Е.Е. Добросовестность и право на защиту в договорных отношениях : монография. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 159 с.

занность такого поведения вытекает из общих принципов гражданского законодательства.

В пункте 1 ст. 10 ГК РФ закреплена формулировка *«иное, заведомо недобросовестное осуществление прав...»*, позволяющая сделать вывод, что недобросовестность в банкротстве можно отнести к иным формам злоупотребления правом, так как, в отличие от перечисленных в законе форм недобросовестного поведения, она имеет ряд значимых, на наш взгляд, отличий.

Недобросовестность участника в деле о несостоятельности контрагента в виде злоупотребления правом характеризуется отсутствием цели причинения вреда, ведь кредитор, понимая состояние должника, а также критически малый объем конкурсной массы, избирает вполне понятный и логичный путь, направленный на защиту только своего материального интереса и его максимальное удовлетворение, оставаясь нейтральным (если, конечно, речь не идет о деликтах) к аналогичным материальным интересам иных кредиторов, то есть ставит свой интерес превыше других, что вызывает причинение вреда другим интересам в виде побочного эффекта, так как начинают использоваться для этих целей различные механизмы, в том числе обход нормы закона и нежелание учитывать права и интересы остальных лиц, что в большинстве случаев повлечет причинение им вреда.

Несмотря на вышеисследованную дифференциацию добросовестности через призму специфики дел о несостоятельности, полагаем, что правовая позиция, изложенная в постановлении Конституционного Суда РФ от 2 июня 2022 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 310, пункта 4 статьи 421, пункта 1 статьи 422, пункта 1 статьи 450, пункта 2 статьи 450.1 и абзаца второго пункта 2 статьи 687 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.В. Пыкиной», очень точно, с практической точки зрения, в рамках использования в делах о несостоятельности при оспаривании описывает механизм применения принципа добросовестности:

Специфика норм о добросовестности состоит в том, что фактические обстоятельства, при которых эти нормы должны применяться, и правовые последствия, возникающие при их применении, не определяются в законе 'a priori', а признаки (критерии) добросовестности выводятся из обстоятельств конкретного дела, причем добросовестность оценивается как в контексте условий договора, отличающихся от условий, предусмотренных законом, так и в контексте поведения сторон. Суд в зависимости от обстоятельств дела определяет, был ли нарушен принцип добросовестности.

В контексте банкротства принцип добросовестности приобретает особое значение при анализе сделок должника на предмет их оспоримости. Согласно статье 61.2 ФЗ № 127, сделка может быть признана недействительной, если она совершена при неравноценном встречном исполнении обяза-

тельств (неэквивалентная сделка) или с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов (фraudаторная сделка), а согласно ст. 61.3 Федерального закона № 127 сделка может быть признана недействительной, если она влечет или может повлечь оказание предпочтения одному или нескольким кредиторам (преференциальная сделка).

При оспаривании сделок в банкротстве суды оценивают добросовестность обеих сторон сделки, при этом недобросовестность может проявляться в различных формах: сокрытие информации о финансовом состоянии должника, совершение сделок на заведомо невыгодных условиях, создание искусственной задолженности, вывод активов в преддверии банкротства, создание искусственных задолженностей, переоценка активов, использование интеллектуальных прав, вывод по цепочке активов и т.д. Как показывает практика арбитражных судов, в связи с постоянно усложняющейся экономической структурой построения взаимоотношений между хозяйствующими субъектами способы использования своих прав, которые по форме полностью соответствуют закону и обычаям, но приводят к отрицательным для должника и кредиторов результатам (то есть именно не соответствующие добросовестности, духу закона и относящиеся к злоупотреблениям правом), множатся и совершенствуются.

Так, одним из ключевых факторов при анализе оспоримости сделки является оценка добросовестности контрагента. Добросовестность контрагента презюмируется на основе положений гражданского законодательства, и бремя доказывания обратного лежит на лице, оспаривающем сделку.

При оценке добросовестности контрагента суды учитывают следующие обстоятельства:

- осведомленность (временной фактор совершения сделки в соотношении с датой возбуждения дела, доступ к финансовой документации, информация из открытых источников, сведения из реестров, деловая переписка, публикации, просрочка перед другими контрагентами, исполнительное производство, снижение объемов деятельности) и т.д.;

- условия совершения сделки (цена, наличие и характер обеспечения, обычные условия, раскрытие информации, порядок оплат, порядок передачи встречного исполнения, сроки исполнения обязательств, распределение рисков);

- момент заключения сделки в соотношении с объективным банкротством (наличие признаков неплатежеспособности и недостаточности имущества).

А теперь переместим фокус внимания на тот факт, что особенностью споров, возникающих в рамках дел о несостоятельности, является изобилие так называемых «презумпций» в Законе № 127-ФЗ о несостоятельности, начиная от презумпции недостаточности денежных средств и заканчивая презумп-

циями доведения до банкротства, которые хотя и являются опровержимыми, но ставят контрагента, должника или лицо, контролирующее должника, сразу заведомо в позицию недобросовестности поведения и переносят бремя доказывания добросовестности именно на них, что является краеугольным камнем как в практике судебных споров для многих классических цивилистов, вступивших в споры в делах о несостоятельности контрагентов по сделкам с должником, так и в догматических исследованиях, поскольку лишь простое предположение лица, оспаривающего сделку должника (арбитражный управляющий, фискальный орган, кредитор), возлагает на вторую сторону бремя доказывания, к которому в делах о банкротстве предъявляются, как известно, повышенные стандарты, именно в связи с наличием презумпции вины и недобросовестности контрагентов должника.

На основе исследования принципа добросовестности, доктринальных подходов к его определению и пониманию, его роли в судебной практике и гражданском обороте, а также в сфере дел о несостоятельности мы приходим к следующим выводам:

— в процессе рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) ключевую роль играет оценка поведения участников правоотношений через призму добросовестности. Данный основополагающий принцип, получивший нормативное отражение в Гражданском кодексе Российской Федерации, выступает важнейшим инструментом правового регулирования, позволяющим достичь оптимального соотношения между двумя значимыми правовыми ценностями: необходимостью защитить законные интересы кредиторов и важностью сохранения устойчивости экономического оборота. Закрепление принципа добросовестности на законодательном уровне формирует надежный юридический фундамент, который позволяет судам проводить всестороннюю оценку правомерности действий сторон при совершении сделок в преддверии или в процессе банкротства;

— практическое значение принципа добросовестности проявляется через несколько ключевых аспектов. Во-первых, исследуется информированность контрагента о финансовом положении должника, при этом презумпция добросовестности может быть опровергнута доказательствами доступа к соответствующей информации через различные каналы. Во-вторых, оценивается должная осмотрительность контрагента при получении заверений от должника — само по себе наличие таких заверений не освобождает от необходимости проверки очевидных признаков неплатежеспособности. При этом при наличии доказанного факта недостоверности такого заверения должник утрачивает право использовать в качестве защитного аргумента довод о недостаточной осмотрительности контрагента. В-третьих, анализируется соответствие условий сделки рыночным стандартам, где существенные необоснованные отклонения могут указывать на недобросовестность сторон.

В-четвертых, учитывается временной аспект — приближенность сделки к началу банкротства усиливает требования к проверке добросовестности контрагента. В-пятых, исследуются намерения сторон, особенно в контексте потенциального умысла на причинение вреда правам кредиторов;

— судебная практика показывает, что при применении принципа добросовестности суды учитывают всю совокупность обстоятельств дела, включая характер сделки, ее условия, поведение сторон при ее заключении и исполнении, а также общий контекст экономической деятельности должника в период, предшествующий банкротству;

— понимание специфической роли принципа добросовестности в делах о несостоятельности, где заявителями и судами применяются презумпции, установленные в Федеральном законе № 127-ФЗ, позволяет проводить более глубокий анализ результатов оспаривания сделок, планировать действия как по оспариванию, так и по защите материально-правового интереса контрагента должника, чью сделку оспаривают, правильно учитывать последствия оспаривания и распределения расходов на конкурсную массу в связи с отказом от признания сделки недействительной и, таким образом, достигать цели добросовестности сторон в процессе банкротства должника.

Таким образом, принцип добросовестности играет ключевую роль при установлении оспоримости сделок должника в рамках банкротства, служа одновременно основным критерием, категорией, принципом, презумпцией и требованием для оценки правомерности действий участников гражданского оборота и защиты их законных интересов.

Поеров С.В.,

аспирант Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА);

налоговый консультант Палаты налоговых консультантов
Российской Федерации,

заместитель руководителя ООО «Бюро юридических решений»
(г. Москва)

Литература

1. Богданова Е.Е. Добросовестность и право на защиту в договорных отношениях : монография / Е.Е. Богданова. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017.
2. Будылин С.Л. Заверения и гарантии. Компаративное исследование / С.Л. Будылин. Москва : Инфотропик Медиа, 2017.
3. Чашкова С.Ю. Применение категорий «добросовестность» и «разумность» при регулировании имущественных отношений супругов / С.Ю. Чашкова // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 9.

Особенности квалификации причин в качестве «уважительных» при увольнении по ч. 1 ст. 312.8 Трудового кодекса РФ

На сегодняшний день многие ученые справедливо называют «уважительную причину» оценочной категорией, поскольку она требует индивидуального анализа и толкования в каждом конкретном случае. Законодательство не устанавливает определение понятия «уважительной причины», а также не предоставляет исчерпывающего перечня ситуаций, которые можно считать «уважительными». Вместо этого такие причины оцениваются на основе здравого смысла, правоприменительной практики и конкретных жизненных обстоятельств.

«Уважительная причина» встречается как в общих нормах Трудового кодекса РФ (далее — ТК РФ), так и в главе 49.1, посвященной особенностям правового регулирования дистанционного труда¹.

Часть 1 ст. 312.8 ТК РФ устанавливает: «Помимо иных оснований, предусмотренных настоящим Кодексом, трудовой договор с дистанционным работником может быть расторгнут по инициативе работодателя в случае, если в период выполнения трудовой функции дистанционно работник без уважительной причины не взаимодействует с работодателем по вопросам, связанным с выполнением трудовой функции, более двух рабочих дней подряд со дня поступления соответствующего запроса работодателя (за исключением случая, если более длительный срок для взаимодействия с работодателем не установлен порядком взаимодействия работодателя и работника, предусмотренным ч. 9 ст. 312.3 настоящего Кодекса)».

Анализ нормы ч. 1 ст. 312.8 ТК РФ позволяет сделать вывод, что для правомерного увольнения дистанционного работника по данному основанию необходимы следующие юридические факты: «Ненадлежащее исполнение работником возложенных на него трудовых обязанностей — не взаимодействие работника с работодателем по вопросам, связанным с выполнением трудовой функции; вина работника будет выражаться в отсутствии у него уважительной причины. В свою очередь, последствием поступка, указанного

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (ред. 08.08.2024) // Российская газета. 2001. 31 декабря.

в ч. 1 ст. 312.8 ТК РФ, будет наложение дисциплинарного взыскания в виде увольнения»².

Вместе с тем формулировка о наличии или отсутствии уважительных причин, употребляемая в ч. 1 ст. 312.8 ТК РФ, также подвергается критике в юридической литературе. Основные аспекты критики связаны с ее субъективным характером, неопределенностью и сложностью применения на практике.

Л.С. Заржицкая справедливо отмечает, что понятие «уважительная причина» не имеет жестких границ, так как законодатель не способен охватить все многообразие жизненных ситуаций, которые могли бы подпасть под содержание данного термина. Вместе с тем автор, проанализировав ТК РФ и судебную практику, сделал вывод о том, что в категорию «уважительная причина» зачастую включаются следующие обстоятельства: временная нетрудоспособность, исполнение общественных или государственных обязанностей, участие в забастовке, сдача крови и ее компонентов, а также проведение связанного с этим медицинского обследования, заключение под стражу, чрезвычайные ситуации, повлекшие транспортные проблемы (такие как, например, отмена или задержка рейса), приостановление работы из-за задержки выплаты заработной платы более чем на 15 дней (при предварительном письменном уведомлении работодателя)³.

Однако вышеперечисленные жизненные обстоятельства не всегда однозначно трактуются в судебной практике. Так, В.Г. Золотарев и Ю.В. Щедрина отмечают, что на сегодняшний день нет единой позиции касательно того, могут ли иные документы, кроме листка нетрудоспособности, удостоверять болезнь работника. В частности, авторы приводят примеры из практики, когда суд общей юрисдикции указал: «В случае ненадлежащего оформления листка временной нетрудоспособности при добросовестном поведении работника, увольнение за прогул недопустимо»⁴.

Помимо этого, в судебной практике также встречаются нестандартные ситуации. Например, суд может посчитать в качестве уважительной причины для невыхода на связь дистанционного работника такое основание, как нелогичность требований работодателя⁵ или необеспечение работника необходимым оборудованием⁶. Также невыход на связь по уважительной при-

² Василенко Ю.Е. Особенности увольнения дистанционного работника по ч. 1 ст. 312.8 Трудового кодекса РФ // Российско-азиатский правовой журнал. 2023. № 4. С. 27–31.

³ Заржицкая Л.С. Уважительные причины: трактовка понятия в трудовом праве // Мировой судья. 2019. № 9.

⁴ Золотарев В.Г., Щедрина Ю.В. Роль судебных решений в преодолении неопределенности нормативного регулирования увольнения за прогул // Актуальные проблемы государства и права. 2023. № 27.

⁵ Решение Никулинского районного суд г. Москвы от 12 мая 2022 г. по № 2-1025/22 // mosgorsud.ru. URL: <https://clck.ru/3EBk57> (дата обращения: 25.10.2024).

⁶ Решение Заводского районного суда г. Саратова от 15 ноября 2022 г. по делу № 2-3213/2022 // e.tspor.ru. URL: <https://clck.ru/3EBkHo> (дата обращения: 25.10.2024).

чине будет признан в тех ситуациях, когда работник направлял работодателю заявление об увольнении по собственному желанию через Почту России, а работодатель по какой-то причине его не получил⁷.

По мнению С.Э. Касаева, ч. 1 ст. 312.8 ТК РФ подразумевает взаимодействие сотрудника и работодателя в период выполнения дистанционным работником трудовой функции в пределах рабочего времени в рамках трудового договора о дистанционной (удаленной) работе или дополнительного соглашения к нему⁸. Таким образом, если для сотрудника установлен определенный режим рабочего времени, то вне этого времени он имеет право не поддерживать связь с работодателем.

«Неуважительной» же причиной для невыхода на связь дистанционного работника будет, например, отсутствие доступа к электронной почте по причине смены пароля работодателем. В таких ситуациях суд может указать, что в случае возникновения у сотрудника трудностей с доступом к электронной почте он должен добросовестно принять меры для выяснения у работодателя причин ограничения допуска к работе⁹.

К.Н. Гусов и Ю.Н. Полетаев подчеркивают, что в настоящее время оценку уважительности причин сначала проводит работодатель, а в случае трудового спора — орган, занимающийся его рассмотрением¹⁰. Как следствие, на практике мнение работодателя нередко идет вразрез с позицией суда касательно уважительности причины¹¹.

Пути разрешения данной коллизии в литературе обсуждаются достаточно давно. В частности, А.П. Пантюхиной предлагалось разработать и включить в ТК РФ норму, содержащую примерный перечень обстоятельств, которые будут считаться на практике уважительными причинами для отсутствия работника на рабочем месте в течение всего рабочего дня (смены)¹².

Вместе с тем некоторые ученые, напротив, не хотят закреплять перечень «уважительных причин» в трудовом законодательстве. Так, А.Г. Репьев

⁷ Решение Химкинского городского суда (Московская область) от 25 декабря 2023 г. по делу № 2-8077/2023. URL: <https://clck.ru/3EBMr9> (дата обращения: 25.10.2024).

⁸ Касаева С.Э. Как оформляется увольнение дистанционного работника по ч. 1 ст. 312.8 ТК РФ за неваздействие с работодателем более двух дней? Должен ли работодатель соблюдать процедуру наложения дисциплинарных взысканий? Является ли такое увольнение дисциплинарным взысканием? // Консультация эксперта. Минтруд России. 2021. URL: <https://clck.ru/3En9QH>. URK: (дата обращения: 23.11.2024).

⁹ Решение Дзержинского городского суда (Нижегородская область) от 17 октября 2023 г. по делу № 2-6100/2023. URL: <https://clck.ru/3EDtfQ> (дата обращения: 27.10.2024).

¹⁰ Гусов К.Н., Полетаев Ю.Н. Ответственность по российскому трудовому праву. М., 2008. 281 с.

¹¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 30 августа 2019 г. по делу № 33-32651/2019 // v2b.ru. URL: <https://clck.ru/3ECaJ4> (дата обращения: 26.10.2024).

¹² Пантюхина А.П. Актуальные проблемы расторжения трудового договора за прогул // Ежедневник трудового права. 2014. № 9.

считает, что общественные отношения настолько сложны и разнообразны, что предугадать все возможные ситуации и их последствия представляется невозможным¹³.

Однако разработка и включение в ТК РФ универсальной статьи, которая будет содержать открытый перечень «уважительных причин», представляются целесообразными, такие поправки в ТК РФ снизят нагрузку на суды в тех ситуациях, когда «уважительная причина» будет являться стандартной. Наиболее удачным видится вариант создания универсальной нормы, которая будет применима ко всем нормам, содержащим обязанность работодателя оценить вину работника.

Помимо этого, необходимо закрепить определение понятие «уважительная причина», а также признаки, которые будут позволять квалифицировать ту или иную причину в качестве уважительной.

В частности, можно указать следующие признаки «уважительной причины»:

- наличие конкретного события или ситуации, которая делает выполнение обязательства объективно затруднительным или невозможным;
- уважительная причина должна носить внезапный и непредсказуемый характер, не позволяющий работнику заранее предугадать и предотвратить возникшую ситуацию;
- уважительная причина должна быть обоснованна и соразмерна последствиям;
- причина должна быть актуальной на момент возникновения обязанности или в период, когда обязательства должны быть выполнены.

Отдельное внимание необходимо уделить определению понятия «уважительная причина». В судебной практике встречаются попытки отдельных судей сформулировать определение понятия «уважительные причины». Например, под уважительными причинами следует понимать наличие объективных (форс-мажорных) обстоятельств¹⁴.

Представляется возможным рассмотреть следующее определение понятия уважительная причина. Уважительная причина — внезапно возникшие жизненные обстоятельства, не зависящие от воли работника и не позволяющие ему выполнять трудовые обязанности.

Анализ особенностей квалификации причин в качестве «уважительных» позволяет сделать вывод, что судебная практика по ч. 1 ст. 312.8 ТК РФ еще находится на стадии формирования. Вместе с тем каждая конкретная жизненная ситуация требует индивидуального подхода, основанного

¹³ Репьев А.Г. Уважительная причина» в праве как сложный юридический факт и оценочные суждения // В сб. : Байкальские компаративистские чтения : материалы международной научно-практической конференции. Иркутск, 2024.

¹⁴ Решение Иркутского районного суда (Иркутская область) от 28 февраля 2024 г. по делу № 2А-3030/2024. URL: <https://clck.ru/3EE6fE> (дата обращения: 27.10.2024).

на анализе обстоятельств дела, а также балансе интересов работника и работодателя. Важную роль в разрешении спорных вопросов играет как четкость нормативного регулирования, так и последовательность судебной практики.

Василенко Ю.Е.,

преподаватель среднего профессионального образования (СПО)

Алтайского государственного университета;

аспирант кафедры трудового, экологического права

и гражданского процесса

Алтайского государственного университета

(г. Барнаул, Алтайский край)

Литература

1. Василенко Ю.Е. Особенности увольнения дистанционного работника по ч. 1 ст. 312.8 Трудового кодекса РФ / Ю.Е. Василенко // Российско-азиатский правовой журнал. 2023. № 4.
2. Гусов К.Н. Ответственность по российскому трудовому праву : научно-практическое пособие / К.Н. Гусов, Ю.Н. Полетаев. Москва : Проспект, 2008.
3. Заржицкая Л.С. Уважительные причины: трактовка понятия в трудовом праве / Л.С. Заржицкая // Мировой судья. 2019. № 9.
4. Золоторев В.Г. Роль судебных решений в преодолении неопределенности нормативного регулирования увольнения за прогул / В.Г. Золоторев, Ю.В. Щедрина // Актуальные проблемы государства и права. 2023. № 27.
5. Касаева С.Э. Как оформляется увольнение дистанционного работника по ч. 1 ст. 312.8 ТК РФ за невыход на работу более двух дней? Должен ли работодатель соблюдать процедуру наложения дисциплинарных взысканий? Является ли такое увольнение дисциплинарным взысканием? / С.Э. Касаева // Консультация эксперта. Минтруд России. 2021. URL: <https://clck.ru/3En9QH> (дата обращения: 23.11.2024).
6. Пантюхина А.П. Актуальные проблемы расторжения трудового договора за прогул / А.П. Пантюхина // Ежедневник трудового права. 2014. № 9.
7. Репьев А.Г. «Уважительная причина» в праве как сложный юридический факт и оценочные суждения / А.Г. Репьев // Байкальские компаративистские чтения : материалы международной научно-практической конференции (г. Иркутск, 21–22 марта 2024 г.) : сборник научных статей / члены редакционной коллегии : И.В. Минникес, В.Е. Подшивалов ; ответственный редактор И.А. Минникес. Иркутск : Байкальский государственный университет, 2024.

Отношения по организации труда и управлению им на современном этапе

Отношения по организации труда и управлению им являются неотъемлемой частью предмета трудового права. Они относятся к отношениям, сопутствующим трудовым, целью которых является эффективное применение труда работников. Эти отношения включают в себя правила, процедуры и механизмы, через которые обеспечиваются эффективное использование трудовых ресурсов, соблюдение прав работников и создание условий для повышения производительности труда.

В условиях современного этапа развития российской экономики, когда происходят изменения в структуре трудовых отношений, появляются также новые формы организации труда, вопросы организации труда и управления им в рамках трудового права приобретают особое значение.

Организация труда — процесс, через который осуществляются планирование, координация и распределение трудовых обязанностей между работниками, а также создание условий, применение технологий и технических средств для оптимального функционирования трудового процесса.

Управление трудом — система, включающая в себя мероприятия по планированию, контролю и мотивации работников, направленные на достижение высокой производительности труда. Результаты исследования проблем управления трудом могут быть использованы для оптимизации построения и функционирования правового механизма управления трудом¹.

Применительно к правовой проблематике управление подразумевает своеобразную деятельность, предусматривающую применение правовых средств, которые служат для упорядочения общественных отношений².

Распространенной является классификация организации труда на техническую и общественную³.

К изменениям в содержании трудовых договоров относят технологические и технические аспекты современной экономики, прямо отражающиеся на содержании трудовой функции⁴.

¹ Маврин С.П. Управление трудом: теоретико-правовые аспекты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.05. Ленинград, 1991. С. 3.

² Пеню Ю.В. Управление трудом в условиях многоукладной экономики : правовые проблемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. СПб., 2003. С. 7.

³ Российское трудовое право : учеб. для вузов / А.А. Абрамова, И.К. Дмитриева, А.Д. Зайкин [и др.] ; отв. ред. А.Д. Зайкин. М. : ИНФРА-М : Норма, 1997. С. 10–12.

⁴ Роголева И.Ю., Роголева Г.А. Особенности оформления трудовых отношений в цифровой экономике // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2018. № 4. С. 185.

Цифровизация и автоматизация — это два термина, которые часто употребляются в контексте современных технологических изменений в производстве и бизнесе. В то время как оба термина относятся к использованию компьютерных технологий и программного обеспечения, они имеют свои отличия. Трудовое право претерпевает изменения под действием цифровизации экономики, что, в свою очередь, не остается незамеченным законодателем⁵.

Автоматизация относится к замене ручного труда машинами, оборудованием и роботами для выполнения физических задач; цифровизация, в свою очередь, — к использованию цифровых технологий и программного обеспечения для оптимизации бизнес-процессов и улучшения взаимодействия между людьми и технологиями.

Цифровизация имеет значительное влияние на трудовые правоотношения в России. Она изменяет способы выполнения работы, организацию производства и взаимодействие между работниками и работодателями.

Совершенствование информационных технологий в совокупности с прогрессом культуры и появлением новых технических средств меняет соотношение «технического» и «человеческого» в правовом регулировании⁶.

Автоматизация и роботизация снижают потребность в физическом труде и повышают спрос на навыки управления техникой и анализа данных.

Цифровизация процессов требует новых компетенций, таких как работа с программным обеспечением, аналитика данных, знание языков программирования.

Развитие искусственного интеллекта изменяет роль человека в процессах принятия решений.

Эти изменения требуют пересмотра трудовой функции работников. Например, если ранее сотрудник производил продукт вручную, то теперь он может быть ответственен за контроль работы машин или анализ данных, связанных с производством.

Технический прогресс и повсеместная цифровизация приводят к появлению новых специализаций, таких как аналитик больших данных, инженер робототехники, специалист по кибербезопасности. Эти профессии требуют описания новых обязанностей в трудовых договорах, учитывающих специфические функции и условия труда, разработку профессиональных стандартов и должностных инструкций для вновь создающихся профессий.

Благодаря развитию технологий, таких как Интернет и облачные платформы, все больше работников выполняют свои задачи дистанционно.

⁵ Бережнов А.А. Цифровизация в сфере труда и ее влияние на повышение производительности труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 2. С. 11–12.

⁶ Юридическая концепция роботизации : монография / Н.В. Антонова, С.Б. Бальхаева, Ж.А. Гаунова [и др.] ; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М. : Проспект, 2019. С. 2–3.

Это приводит к необходимости включать в трудовые договоры положения о режиме труда, использовании личного оборудования, компенсации расходов на связь и электроэнергию.

Автоматизация и внедрение искусственного интеллекта в скором времени смогут позволить организовывать труд по проектному принципу, что, в свою очередь, может изменить стандартный подход к рабочему времени.

С развитием технологий возникает вопрос защиты личных данных работников и информации о компаниях. Так в трудовых договорах появляются положения, касающиеся: использования корпоративных информационных систем; соблюдения политики конфиденциальности; ответственности за нарушение кибербезопасности.

Новые технологии требуют постоянного обучения сотрудников, повышения квалификации или ответственности работодателя за обучение работников новым технологиям.

Так, в документе⁷, опубликованном на сайте Кремля, утвержденном по итогам XXVI Петербургского международного экономического форума, прошедшего 14–17 июня 2023 г., содержится перечень поручений Президента РФ В.В. Путина, включающий в том числе поручение по совершенствованию механизма ученического договора, которому в настоящий момент посвящена глава 32 Трудового кодекса РФ.

Технологические и технические аспекты современной экономики динамично изменяют содержание трудовой функции, что требует соответствующей адаптации трудовых договоров. Эти изменения обеспечивают более гибкую, ориентированную на инновации и защиту прав систему трудовых отношений.

Современные изменения в российском трудовом законодательстве обусловлены необходимостью адаптации к глобальным вызовам, таким как цифровизация, глобализация рынка труда и изменение социальных ожиданий.

Одним из значительных шагов в модернизации трудового законодательства стало введение электронных трудовых книжек, что облегчает процесс учета трудовой деятельности и упрощает взаимодействие между работодателями и государственными органами. Это также улучшает контроль за соблюдением трудовых прав и позволяет улучшить управление трудовыми отношениями.

Обеспечение охраны труда и безопасности на рабочем месте вызывает определенные опасения, так как, с одной стороны, автоматизация и цифровизация делают процесс труда более безопасным, с другой стороны, приносят новые риски.

⁷ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/72060> (дата обращения: 04.11.2024).

Процесс применения труда становится более безопасным за счет применения искусственного интеллекта, позволяющего исключить человеческий фактор или отслеживать неосознанное поведение работников, демонстрирующее усталость или потерю концентрации (применяется, например, в отношении водителей автобусов). Другим фактором, повышающим безопасность, можно считать использование роботизированных систем на предприятиях с вредными и опасными условиями труда.

В то же время не до конца решенным остается вопрос с охраной труда при применении дистанционного труда, так как контроль за работником на стационарном рабочем месте, на территории работодателя, предусматривает большую защищенность.

Изменения в трудовое законодательство, предусматривающие подтверждение проведения некоторых инструктажей по технике безопасности при помощи электронных средств, также вызывают определенную настороженность, так как в силу условий труда это бывает не всегда осуществимо.

Современная организация труда требует более серьезного подхода к безопасности, особенно в высокотехнологичных отраслях.

Одним из ключевых аспектов управления трудом является эффективное взаимодействие между работодателем и работником.

В контексте технических и технологических изменений работодатели стремятся внедрять инновационные методы управления трудом, такие как различные цифровые платформы для учета рабочего времени, системы мотивации и оценки производительности. Важным аспектом становится также соблюдение прав работников в условиях «цифровизации» труда, что требует нового подхода к регулированию вопросов защиты персональных данных, дистанционного контроля и рабочих процессов.

Следует отметить, что происходит изменение такой характеристики наемного труда (о ней говорил, в частности, В.Н. Скобелкин), как подчинение правилам внутреннего трудового распорядка⁸, так как при дистанционном характере труда контроль со стороны работодателя вызывает определенные трудности. В условиях выполнения трудовой функции дистанционно возникает необходимость разработки новых подходов к контролю за выполнением трудовых обязанностей, при этом важным условием является отсутствие нарушений неприкосновенности частной жизни работников.

Следующим аспектом применения дистанционного труда, затрагивающим изменения в области организации труда и управления им, является отсутствие включения дистанционных работников в коллектив, что характерно было для более ранних этапов развития трудового права.

⁸ Трудовые правоотношения / В.Н. Скобелкин. М. : Вердикт-1, 1999. С. 12.

Многие работодатели сталкиваются с проблемами, связанными с необходимостью применения новых технологий для управления трудовыми процессами и оптимизации выполнения трудовых функций работниками. Это требует от кадровых специалистов и руководителей более высокого звена расширенных навыков и компетенций в области управления персоналом и более глубоких познаний в области трудового права.

Внедрение цифровых решений для мониторинга и оценки труда работников становится важной частью эффективного управления трудовыми ресурсами. Использование искусственного интеллекта, больших данных и машинного обучения может значительно повысить эффективность трудового процесса.

В связи с развитием цифровых технологий многие работодатели начали использовать системы контроля за сотрудниками, работающими как дистанционно, так и на стационарных рабочих местах. Это включает в себя программы для отслеживания рабочего времени, активности работников и выполнения ими задач. В трудовом праве важно правильно сбалансировать интересы работодателей по контролю за трудом с правами работников на личную неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных.

Целесообразным представляется выделение основных черт, характерных для отношений по организации труда и управлению им на современном этапе:

1. Значительный рост использования технологий.
2. Появление новых профессий.
3. Изменение условий труда.
4. Изменение способов выполнения трудовой функции.
5. Возрастание роли защиты данных.
6. Электронный контроль за трудовой дисциплиной.
7. Повышение требований к обучению и адаптации.
8. Возрастание роли охраны труда и безопасности работников.

Механизмы трудового права России способны эффективно сгладить риски, вызванные технологическими изменениями. Однако для этого необходимо модернизировать законодательство, уделяя внимание новым формам занятости, правам работников на обучение, защиту личных данных и балансу между трудом и личной жизнью. Комплексное регулирование позволит минимизировать негативные аспекты технологического прогресса и адаптировать рынок труда к новым вызовам.

Ганчурина Н.С.,

соискатель кафедры трудового права Юридического факультета
Московского государственного университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова;
руководитель группы по нормотворческой работе
Правового департамента Аппарата Федерации независимых
профсоюзов России (ФНПР)
(г. Москва)

Литература

1. Антонова Н.В. Юридическая концепция роботизации : монография / Н.В. Антонова, С.Б. Бальхаева, Ж.А. Гаунова [и др.] ; ответственные редакторы : Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. Москва : Проспект, 2019.
2. Бережнов А.А. Цифровизация в сфере труда и ее влияние на повышение производительности труда / А.А. Бережнов // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 2.
3. Маврин С.П. Управление трудом: теоретико-правовые аспекты : автореферат диссертации доктора юридических наук / С.П. Маврин. Ленинград, 1991. 41 с.
4. Пенов Ю.В. Управление трудом в условиях многоукладной экономики: правовые проблемы : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Ю.В. Пенов. Санкт-Петербург, 2003. 19 с.
5. Рогалева И.Ю. Особенности оформления трудовых отношений в цифровой экономике / И.Ю. Рогалева, Г.А. Рогалева // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2018. № 4.
6. Российское трудовое право : учебник для вузов / А.А. Абрамова, И.К. Дмитриева, А.Д. Зайкин [и др.] ; ответственный редактор А.Д. Зайкин. Москва : Норма ; ИНФРА-М, 1997.
7. Скобелкин В.Н. Трудовые правоотношения / В.Н. Скобелкин. Москва : Вердикт-1, 1999.

Значение концепции трудовправового поведения в реализации принципа уважения человека труда

В 2020 году в Конституции Российской Федерации нашел отражение принцип уважения труда и человека труда (ч. 5 ст. 75, ст. 75.1 Конституции РФ). На сегодняшний день появилось уже немало публикаций в научной литературе, в том числе по трудовому праву, где дана высокая оценка закреплению упомянутого принципа. Разумеется, можно согласиться с суждением о том, что государство тем самым демонстрирует намерение выстроить социально ориентированную экономику, и это обстоятельство отражает общий вектор развития общества в современных социально-экономических условиях¹.

Вместе с тем, как отмечают конституционалисты, появление и расширение нормативного значения социальных норм и принципов в конституциях (социализация конституций) является объективным процессом и общемировой тенденцией в развитии конституционализма, начиная с середины XX в. При этом социальные принципы и социальные нормы, включаемые в основной закон, по сути, могут выступать в двух аспектах: в аспекте своего ценностного значения как абстрактные конституционные устремления, а также в аспекте конкретного нормативно-регулятивного содержания, что позволяет ставить вопрос о методах и способах их конституционной защиты².

В этой связи, безусловно, следует высоко оценить практику Конституционного Суда РФ последних лет, в которых его правовые позиции сформулированы и обоснованы в том числе на основе принципа уважения труда и человека труда. Таким образом, труд и человек труда становятся конституционными ценностями, получающими реальную правовую защиту³.

Возникает вопрос: что же собой представляет **человек труда**; какой смысл вкладывается в это понятие? Если исходить из традиционного понимания труда как целенаправленной, общественно полезной деятельности по созданию материальных и духовных ценностей, то под человеком труда мы будем понимать лицо, реализующее свою способность к труду в самых разнообразных, разрешенных законом формах. Но прежде всего, в силу своей мас-

¹ Кучина Ю.А. Уважение человека труда как конституционная гарантия повышения качества трудовой жизни работников // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 3. С. 9–12.

² Колотова Н.В. Социализация конституций: сравнительно-правовой анализ // Образование и право. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsializatsiya-konstitutsiy-sravnitelno-pravovoy-analiz> (дата обращения: 25.11.2024).

³ Коробченко В.В., Сафонов В.А. Принцип уважения человека труда в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Ежегодник трудового права. Т. 13. С. 154–166. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu32.2023.110>

совости, это, конечно, те граждане, которые заключают трудовые договоры и вступают в трудовые правоотношения и чей труд, как не самостоятельный, совершаемый в интересах, под управлением и контролем работодателя, требует особой правовой защиты.

Однако человек труда — это не только правовая, но и экономическая категория. И особо важно, что в современной экономической науке отмечается изменение роли человека труда, превращение его из затратного фактора в основной фактор развития и функционирования современного общества. Это обстоятельство уже привело к формированию новой парадигмы развития человека — человеческого капитала, занимающего ведущее место в национальном богатстве страны. Таким образом, в экономической науке наблюдается смещение акцентов от ранее сложившейся концепции рабочей силы к современной концепции человеческого и интеллектуального капитала. Человек труда рассматривается как элемент такого капитала; как экономический ресурс; объект вложений не менее, а может быть, и более важный, чем заводы, оборудование, технологии и проч.⁴

Причем, как экономическая категория, человек труда определяется не только через призму профессиональных качеств, знаний, навыков, напрямую влияющих на его способность приносить и получать доход. Но данным понятием охватываются и природные, и физические свойства индивида, в том числе состояние здоровья, а также социальные характеристики, мировоззренческие, культурные свойства. Соответственно, в экономической науке поддерживается позиция о широкой трактовке инвестиций в человека труда, включая расходы на получение образования, накопление профессионального опыта, сохранение и укрепление здоровья; затраты на формирование мотивации к повышению производительности труда, а также к постоянному профессиональному развитию.

Таким образом, человек труда предстает как важнейшая комплексная экономико-правовая категория, требующая дальнейшего исследования в рамках междисциплинарного подхода. И это необходимо как с позиций экономической науки (для дальнейшего эффективного развития экономики), так и с позиций права (для обеспечения трудящемуся человеку достойных, справедливых условий труда, защиты его трудовых прав, а значит, практической реализации принципа уважения труда и человека труда).

Может ли трудовое право учесть все значимые элементы такой многоаспектной категории «человек труда»? Может, если подойдет к человеку труда не как к абстрактному субъекту трудового правоотношения, носителю определенных юридических прав и обязанностей, а именно как к человеку

⁴ Гапликов С.А., Кураков А.Л. Человек труда как экономическая категория // Вестник ЧГУ. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-truda-kak-ekonomicheskaya-kategoriya> (дата обращения: 25.11.2024).

со своими потребностями, возможностями, интересами, мотивацией — в том числе **через призму концепции трудовправового поведения**⁵.

Базисом данной концепции является постулат о том, что общественные отношения, составляющие предметы регулирования различных отраслей права, слагаются из поведенческих актов соответствующих субъектов в сфере правового регулирования. Таким образом, именно правовое поведение, то есть поведение в правовой сфере, является конечным объектом правового регулирования. При этом исследование поведения предполагает изучение его не только с внешней, объективной стороны (как выраженного внешне акта действия или бездействия), но и с внутренней — с позиций характеристики самого субъекта поведения и субъективной стороны его деяния.

Применение концепции трудовправового поведения позволяет ставить и решать важные задачи, стоящие перед современной наукой трудового права. Одной из них становится выявление особенностей отраслевой регламентации трудовправового поведения субъектов трудовых правоотношений. В этой связи следует выделить наиболее актуальные вопросы правовой регламентации — сочетание государственного и договорного регулирования отношений сферы несамостоятельного труда, а также соотношение централизованного и децентрализованного (локального) регулирования данных отношений. Можно привести немало примеров из современного отечественного трудового законодательства, свидетельствующих о недостаточном учете особенностей несамостоятельного труда при закреплении в трудовом законодательстве способов правовой регламентации поведения субъектов трудового правоотношения. Так, Трудовой кодекс Российской Федерации позволяет многие вопросы трудовых отношений регулировать непосредственно соглашением работника и работодателя, не всегда при этом учитывая специфику зависимого труда. Один из таких вопросов — возможность увеличения продолжительности рабочего времени до 40 часов в неделю работникам с вредными условиями труда 3-й или 4-й степени или опасными. Трудовой кодекс РФ (ТК РФ) закрепляет норму о том, что такое увеличение возможно на основании отраслевого (межотраслевого) соглашения и коллективного договора, а также письменного согласия работника, оформленного путем заключения дополнительного соглашения к трудовому договору и при условии выплаты работнику специальной денежной компенсации в порядке, размерах и на условиях, которые установлены отраслевыми (межотраслевыми) соглашениями, коллективными договорами (ч. 3 ст. 92 ТК РФ). Как видно, Трудовой кодекс РФ предусматривает сложный трехуровневый механизм реализации нормы об увеличении продолжительности рабочего времени упомянутым категориям работников, очевидно

⁵ См.: Забрамная Е.Ю. Правовое поведение участников трудового правоотношения и его взаимосвязь с ответственностью по трудовому праву : дис. д-ра юрид. наук. М., 2022. 532 с.

в целях недопущения злоупотребления работодателями в соответствующих случаях. Однако практика показывает, что в реальности данный вопрос зачастую решается непосредственно через индивидуально-договорное регулирование, когда отраслевые соглашения, а за ними и колдоговоры лишь дублируют соответствующую норму ТК РФ о возможности увеличения продолжительности рабочего времени, не закрепляя при этом каких-либо правил и условий реализации данной нормы. В итоге получается, что в важнейшем вопросе, связанном с охраной и безопасностью труда, работник остается один на один с работодателем, а значит, игнорируется природа зависимого труда, при котором в соглашении, заключенном между экономически сильным и слабым субъектами, довлеет воля экономически сильной стороны — работодателя. А это неизбежно порождает вопрос о соответствии волеизъявления работника его истинной воле и свидетельствует о пороках в регламентации соответствующего правового поведения.

Также концепция трудоправового поведения отражает его классификацию на виды с учетом объективных и субъективных признаков того или иного поведенческого акта, что может быть использовано для выработки наиболее эффективных юридических методов стимулирования правомерного поведения в сфере труда и пресечения поведения неправомерного (не только правонарушения, но и злоупотребления правом в трудовых правоотношениях). С одной стороны, это позволяет учитывать потребности работников, обуславливающие у них те или иные мотивы к правомерному поведению в сфере труда, и поддерживать юридическими средствами соответствующую мотивацию (через установление справедливых условий труда; обеспечение равенства возможностей работников на продвижение по работе, на подготовку и дополнительное профессиональное образование; через систему справедливых поощрений с учетом трудовых заслуг работников; через внедрение механизмов реального участия работников в управлении организацией и т.д.). С другой стороны, при совершении работниками правонарушений в сфере труда также необходим учет всех значимых объективных и субъективных факторов, характеризующих элементы конкретного правонарушения (обстоятельства совершения правонарушения, роль работника в совершении группового правонарушения, степень его вины, последствия для работодателя, вызванные данным правонарушением, личность работника, его предшествующее поведение, отношение к труду). На это ориентируют суды при рассмотрении трудовых споров и высшая судебная инстанция — Верховный Суд РФ⁶.

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (в ред. от 24.11.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6.

Аналогичным образом, с учетом всех значимых объективных и субъективных факторов, следует подходить при квалификации трудового поведения в качестве злоупотребления правом, особенно если речь идет о работнике как субъекте такого поведения. В силу особенностей осуществления работниками трудовых прав (главным образом посредством обращения с соответствующими притязаниями к работодателю, а не через собственные активные действия по использованию права), отраслевая специфика злоупотребления правом работниками проявляется обычно в их недобросовестном притязании на те или иные трудовые гарантии. Обычно это сопряжено с намеренным сокрытием работниками какой-либо значимой информации (непредставлением документов), необходимой для принятия законного и обоснованного кадрового решения работодателем в конкретной ситуации. С учетом необходимости принятия всех объективных и субъективных факторов, определяющих поведение работника в конкретной ситуации, представляется недопустимой квалификация в качестве злоупотребления правом такого поведения работника, которое не является злонамеренным, а обусловлено его недостаточной (несвоевременной) информированностью о своих трудовых правах и обязанностях либо недостаточной регламентацией работодателем как организатором процесса труда в рамках локальных процедур порядка осуществления работниками соответствующих прав и исполнения юридических обязанностей.

Следует отметить, что аналогичного подхода придерживается и Конституционный Суд Российской Федерации (далее — КС РФ). Так, в одном из своих постановлений КС РФ рассматривал возможность взыскания с военнослужащего-контрактника в качестве неосновательного обогащения выплаченных ему в период прохождения службы сумм в составе денежного довольствия на основании приказа уполномоченного должностного лица, который был издан с нарушением нормативных правовых актов о денежном довольствии военнослужащих. КС РФ указал, что недобросовестность военнослужащего не должна презюмироваться исходя лишь из предполагаемого знания им содержания нормативных актов о денежном довольствии и несообщения начальнику об отсутствии правовых оснований для начисления соответствующих выплат⁷. И хотя в данном случае речь идет об отношениях, связанных с прохождением военной службы, но, как справедливо отмечается в литературе, сформулированная КС РФ позиция, безусловно, применима и для квалификации аналогичного поведения в сфере самостоятельного труда⁸.

⁷ Постановление КС РФ от 11 января 2022 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1102 и подпункта 3 статьи 1109 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.П. Кузьмина и Г.Т. Умарсаидова» // Российская газета. 2022. 28 января.

⁸ Коробченко В.В., Сафонов В.А. Указ. соч. С. 164.

В другом случае, анализируя правовые последствия заключения соглашений о расторжении трудового договора с условием о выплате выходного пособия в неблагоприятной для работодателя финансово-экономической ситуации, КС РФ пришел к выводу, что работник, которому на основании такого соглашения причитается выходное пособие, не может признаваться лицом, злоупотребляющим правом, поскольку он не имеет реальной возможности настаивать на включении в трудовой договор или соглашение о его расторжении условия о выплате выходного пособия, а равно влиять на его размер, поэтому работодатель обязан его исполнить. Все свои требования о возмещении убытков пострадавший в такой ситуации работодатель должен обратить к руководителю, заключившему с работником данное соглашение, если тот действовал недобросовестно и неразумно⁹.

Представляется, что такой комплексный подход к оценке правовых поступков работников согласуется с экономическим и юридическим пониманием категории «человек труда».

Таким образом, исследование материального содержания трудового правоотношения через призму концепции правового поведения согласуется, с одной стороны, с многоаспектным экономическим пониманием человека труда, построенным на учете целого ряда его элементов, а с другой — способствует практической реализации принципа уважения труда и уважения человека труда. Поэтому такой подход может служить тем мостиком, который соединит правовой и экономический взгляды по рассматриваемой проблематике.

Забрамная Е.Ю.,

профессор кафедры трудового права Юридического факультета
Московского государственного университета (МГУ) имени М.В. Ломоносова,
доктор юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература

1. Гапликов С.А. Человек труда как экономическая категория / С.А. Гапликов, А.Л. Кураков // Вестник Чувашского университета. 2010. № 1.
2. Забрамная Е.Ю. Правовое поведение участников трудового правоотношения и его взаимосвязь с ответственностью по трудовому праву : диссертация доктора юридических наук / Е.Ю. Забрамная. Москва, 2022.
3. Колотова Н.В. Социализация конституций: сравнительно-правовой анализ / Н.В. Колотова // Образование и право. 2019. № 3.
4. Коробченко В.В. Принцип уважения человека труда в практике Конституционного Суда Российской Федерации / В.В. Коробченко, В.А. Сафонов // Ежегодник трудового права. 2023. № 13. DOI: 10.21638/spbu32.2023.110
5. Кучина Ю.А. Уважение человека труда как конституционная гарантия повышения качества трудовой жизни работников / Ю.А. Кучина // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 3.

⁹ Постановление КС РФ от 13 июля 2023 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности части восьмой статьи 178 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.Ф. Нестеренко» // Российская газета. 2023. 26 июля.

Российская правовая система: в поисках национальной идентичности через разрешение демографических проблем

В последние десятилетия Россия сталкивается с серьезными демографическими вызовами, которые стали ключевым направлением государственной политики. Вопросы демографической устойчивости страны имеют непосредственное отношение к сохранению национальной идентичности. Демографическая ситуация, особенно снижение рождаемости и старение населения, напрямую влияет на экономическое развитие, социальную стабильность и культурное наследие нашей страны. В этой связи российская правовая система играет важную роль в создании условий, способствующих укреплению семейных ценностей и поддержке многодетных семей.

Наиболее острая демографическая проблема воспроизводства базируется на убыли населения трудоспособного возраста, которую в период так называемой «демографической ямы» нельзя решить простым воспроизводством. Следовательно, необходимо стимулировать увеличение количества семей с тремя и более детьми и, соответственно, гарантировать их социальное обеспечение.

Российская правовая система продолжает развиваться в контексте национальных интересов, стремясь отразить ценности и уникальные особенности российского общества. Одним из центральных аспектов этого процесса является регулирование демографической политики, особенно через поддержку семей и многодетности, что играет значимую роль в формировании и поддержании национальной идентичности.

В Конституции РФ нет прямого указания на необходимость правового регулирования численности населения, в то же время закреплено, что в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства (ч. 2 ст. 7): материнство, детство и семья находятся под защитой государства (ст. 38), социальное обеспечение гарантируется каждому, в том числе для воспитания детей (ч. 1 ст. 39)¹.

Обновленная Конституция Российской Федерации 2020 г. в ст. 114 закрепила, что Правительство Российской Федерации: «в) обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, *поддержки, укрепления и защиты*

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, а также в области охраны окружающей среды»².

Это важно прежде всего потому, что демографическая ситуация в России остается одной из важнейших проблем. Коэффициент рождаемости в стране значительно снизился за последние десятилетия. В 2023 году, согласно данным Росстата, рождаемость составила 1,41 детей на одну женщину, что недостаточно для естественного воспроизводства населения. По сравнению с 2022 г. (1,42), показатель снизился незначительно, но по итогам 2023 г. стал минимальным за последние 17 лет. Это приводит к уменьшению численности трудоспособного населения и увеличению нагрузки на пенсионную и социальную системы страны.

Одной из ключевых задач российской государственной политики является создание условий, при которых граждане будут стремиться к рождению большего количества детей. Мы согласны с мнением Т.С. Гусевой, которая в своем исследовании пришла к выводу, что современная демографическая ситуация свидетельствует о необходимости правового воздействия на процессы, происходящие в обществе, а без выраженной в праве государственной воли демографическую проблему не разрешить³. В этом контексте многодетные семьи играют особую роль, и их поддержка рассматривается как важный шаг на пути к разрешению демографической проблемы.

Семейная политика в России направлена на создание благоприятных условий для рождения и воспитания детей. Важным этапом в этом направлении стало принятие Указа Президента Российской Федерации от 23 января 2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей»⁴. Этот указ устанавливает ряд мер по поддержке многодетных семей, включая финансовые, налоговые и жилищные льготы.

Согласно этому документу, многодетной семьей является семья, имеющая троих и более детей. Этот статус устанавливается бессрочно. Следует отметить, что в раннее действующем Указе Президента РФ от 5 мая 1992 г. № 431 «О мерах по социальной поддержке многодетных семей»⁵, который фактически носил рекомендательный характер, правами по определению статуса многодетной семьи и перечня мер социальной поддержки наделялись субъекты РФ. Из-за финансовых проблем данный указ так и оставался рекомендацией, не обязательной для регионов. Проблемы многодетных семей, включая отсутствие федерального регулирования мер

² Там же.

³ См.: Гусева Т.С. Социальное обеспечение семьи, материнства, отцовства и детства в России: теоретические и практические проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.05 «Трудовое право; право социального обеспечения». М., 2013. С. 50–51.

⁴ СПС «КонсультантПлюс».

⁵ СПС «КонсультантПлюс». Указом Президента России от 23 января 2024 г. № 63 настоящий документ признан утратившим силу с 23 января 2024 г.

государственной поддержки, неоднократно поднимались в исследованиях И.В. Кардановой⁶.

Указом Президента РФ от 23 января 2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей» определено, что предоставление многодетным семьям мер социальной поддержки осуществляется до достижения старшим ребенком возраста 18 лет или возраста 23 лет при условии его обучения в организации, осуществляющей образовательную деятельность, по очной форме обучения. Данное закрепление важно, поскольку ранее в отдельных регионах предусматривалось предоставление льгот до дня исполнения младшему ребенку 18 лет. Предоставление мер социальной поддержки, предусмотренных упомянутым выше указом президента, не должно повлечь за собой уменьшение объема и снижение уровня осуществляемых мер социальной поддержки многодетных семей, имеющих на день вступления в силу настоящего указа (это 23 января 2024 г.) такой статус, в течение всего периода, на который семье присвоен этот статус. Субъекты РФ вправе расширять категорию многодетной семьи с учетом национальных, культурных и демографических особенностей развития соответствующего субъекта РФ, а также устанавливать дополнительные меры социальной поддержки многодетных семей.

Таким образом, можно говорить о положительной тенденции правового регулирования данного вопроса.

Как показывает практика, поддержка многодетных семей играет важную роль в решении демографической проблемы, поскольку многодетность рассматривается как важный фактор повышения рождаемости. Однако важным элементом в этом процессе является не только материальная поддержка, но и создание условий, способствующих культурному и социальному признанию многодетности как нормы.

Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года»⁷ к традиционным семейным ценностям относит ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины,

⁶ См.: Карданова И.В. К вопросу об определении понятия «многодетная семья» в праве социального обеспечения // Теория и практика общественного развития. 2017. № 10. С. 70–73; Карданова И.В. Антикризисные меры российского законодательства в сфере социального обеспечения многодетных семей // Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании : материалы IV Москов. юрид. форума, XII Межд. науч.-практ. конф. (Кутафинские чтения) (г. Москва, 6–8 апреля 2017 г.) : в 4 ч. Ч. 4. М. : РГ Пресс, 2017. С. 70–75; Карданова И.В. Многодетность как критерий дифференциации правового регулирования социального обеспечения отдельных // Общее и специальное законодательство о труде и социальном обеспечении (Четвертые Гусовские чтения) : материалы международной научно-практической конференции / под общ. ред. Н.Л. Лютова, Ф.О. Сулеймановой. М. : РГ-Пресс, 2019. С. 109–113.

⁷ Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 29 августа. 2014 г.

основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению. Данное положение нашло закрепление в обновленной Конституции РФ 2020 г., в частности, ст. 72 дополнена: «ж.1) защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях»⁸. Таким образом, поддержка многодетных семей остается не только вопросом демографической устойчивости, но и важным фактором сохранения национальных традиций и ценностей.

Демографическая политика России тесно связана с вопросами национальной идентичности. Традиционные семейные ценности, такие как многодетность, взаимопомощь и поддержка, играют важную роль в культурной идентичности страны. Россия исторически была страной с сильными семейными традициями, где многодетные семьи занимали важное место в обществе.

Современные демографические вызовы, такие как снижение рождаемости и миграция, требуют комплексных решений, которые будут учитывать как экономические, так и культурные аспекты. Еще в далеком, 2006 г. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ содержало важную идею, которая не утратила актуальности в современном мире, заключалась в тезисе: «...никакая миграция не решит наших демографических проблем, если мы не создадим надлежащие условия и стимулы для рождаемости здесь, у нас, в нашей собственной стране, не примем эффективных программ поддержки материнства, детства, поддержки семьи»⁹.

На наш взгляд, правовое регулирование миграционных процессов напрямую связано с идентичностью российского государства. Естественная убыль населения России в долгосрочной перспективе делает необходимым привлечение в страну международных (внешних) мигрантов, которые становятся одним из источников увеличения численности населения и восполнения трудовых ресурсов. Однако миграция может рассматриваться не только в контексте демографической и экономической обусловленности, но и как социальное явление со своей проблематикой. Проблема в этой сфере куда шире, чем может показаться на первый взгляд. Вопрос о детях мигрантов в российских школах возник в стенах Госдумы не от хорошей жизни. Эта проблема становится в России все более острой. Смысл проблемы заключается

⁸ СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ от 10 мая 2006 г. // Российская газета. 2006. 11 мая.

в том, что в классах школ и группах детских садов, в которых преимущественно находятся дети мигрантов, русскоязычные дети остаются в меньшинстве, по некоторым данным, это соотношение 70/30% не в пользу россиян. Репортаж на эту тему публиковал информационный портал «Царьград»¹⁰, но и на научно-практических конференциях поднимался вопрос о нарастающей проблеме постепенной утраты идентичности.

В Думу уже внесен пакет из пяти законопроектов, которые предлагают изменения в миграционной сфере — от ужесточения наказания за организацию незаконной миграции до запрета посредникам участвовать в приеме экзаменов на знание русского языка. Это верный шаг к сохранению нашей идентичности, традиций и самобытности российских народов.

Национальная правовая система играет ключевую роль в разработке и реализации демографической политики. Правовые меры, направленные на поддержку семей, регулируются как на федеральном, так и на региональном уровне, что позволяет учитывать особенности различных регионов страны. Важным элементом государственной политики стало предоставление налоговых льгот и субсидий многодетным семьям, что способствует улучшению их материального положения.

В числе федеральных мер государственной поддержки многодетным предоставляется финансовая помощь в виде полного или частичного погашения обязательств матери или отца по ипотечному жилищному кредиту¹¹ (займу) в размере его задолженности, но не более 450 тыс. руб. Право на указанную меру господдержки имеет гражданин РФ (мать или отец), у которых в период с 1 января 2019 г. по 31 декабря 2030 г. родились третий ребенок или последующие дети. При этом не учитываются дети, не являющиеся российскими гражданами, а также дети, в отношении которых гражданин был лишен родительских прав или в отношении которых было отменено усыновление. Ипотечный договор должен быть заключен до 1 июля 2031 г. Получить подобную помощь можно однократно (в отношении только одного ипотечного жилищного кредита и независимо от рождения детей после реализации мер государственной поддержки). Указанные средства направляются на погашение задолженности по основному долгу, а в случае, если такая задолженность меньше 450 тыс. руб., оставшиеся средства направляются на погашение процентов, начисленных за пользование этим кредитом (займом).

¹⁰ «Новый учебный год, а проблемы старые: учителя в слезах, родители массово забирают детей из школ» // Информационный портал «Царьград». URL: https://tsargrad.tv/articles/novyy-uchebnyj-god-a-problemy-starye-uchitelja-v-slezah-roditeli-massovo-zabirajut-detej-iz-shkol_1052438

¹¹ Федеральный закон от 3 июля 2019 г. № 157-ФЗ «О мерах государственной поддержки семей, имеющих детей, в части погашения обязательств по ипотечным жилищным кредитам (займам) и о внесении изменений в статью 13.2 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» // СПС «КонсультантПлюс».

В своем указе президент рекомендовал¹² субъектам РФ установить следующие меры социальной поддержки многодетных семей:

- бесплатное обеспечение детей в возрасте до 6 лет лекарственными препаратами по рецептам;

- предоставление обучающимся общеобразовательных организаций бесплатного проезда автомобильным транспортом (за исключением такси) в городском и пригородном сообщении, городским наземным электрическим транспортом и метрополитеном;

- предоставление бесплатного питания обучающимся в общеобразовательных и профессиональных образовательных организациях субъектов РФ;

- обеспечение обучающихся общеобразовательных организаций в соответствии с установленными нормативами одеждой для посещения учебных занятий, а также спортивной формой на весь период обучения;

- прием детей в детсады в первоочередном порядке;

- предоставление льгот по оплате жилья и коммунальных услуг в размере не ниже 30% от установленного размера оплаты;

- содействие в улучшении жилищных условий и предоставлении земельных участков, обеспеченных необходимыми объектами инфраструктуры.

О.С. Забралова¹³, проведя исследование относительно 30-процентной скидки при оплате коммунальных услуг многодетными семьями по предыдущему указу, пришла к выводу о неопределенности относительно возмещения убытков, понесенных юридическими лицами в связи с оказанием услуг по льготной цене со стороны субъекта РФ. В качестве примера она привела Определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) о понуждении юридического лица установить скидку на оплату жилищно-коммунальных услуг для многодетной семьи. Судом, в частности, отмечено, что вопросы социальной защиты семей, имеющих статус многодетных, отнесены законодательством к полномочиям региональных органов исполнительной власти. Однако в законодательстве данного субъекта РФ не предусмотрена указанная льгота, а поставщик услуг является независимым хозяйствующим субъектом, имеющим право формировать собственную ценовую политику, следовательно, суд не может вменить ему в обязанности предоставление различным лицам указанной льготы¹⁴. Считаем необходимым учесть указанные проблемы при установлении региональных мер поддержки.

¹² Указ Президента Российской Федерации от 23 января 2024 г. № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей». П. 6 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ См.: Забралова О.С. Возникновение расходных обязательств субъекта Российской Федерации в социальной сфере: проблемы правового регулирования // Финансовое право. 2021. № 8. С. 15–18.

¹⁴ Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 2 августа 2017 г. по делу № 33-2931/2017. Документ опубликован не был.

В XX веке в научной литературе отмечалось, что уровень рождаемости обратно пропорционален трудовой деятельности женщин¹⁵. В семье с одним ребенком гораздо больше возможностей для сочетания женщиной функции материнства с трудовой деятельностью, отсутствуют серьезные ограничения в бюджете, досуге и развлечениях.

В современной России внедряются методы, которые должны изменить ситуацию, и материнство перестанет быть проблемой для получения образования, трудоустройства и разрешения материальных проблем для семей с детьми. Этот вывод следует из последних рекомендаций и уже принятых решений. Одной из таких мер было введение материнского (семейного) капитала¹⁶.

С принятием закона о материнском капитале в праве социального обеспечения появился новый вид материальной поддержки семей с детьми — материнский (семейный) капитал (далее — МСК). Спустя 17 лет материнский капитал — самая популярная и известная программа национального проекта «Демография». Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) подвел итоги опроса, посвященного отношению россиян к реализации национальных проектов в социальной сфере в 2022 году. Результаты опубликованы на официальном сайте центра. Так, среди наиболее заметных, по мнению граждан, мер поддержки населения — материнский капитал (информированы 98%), льготная ипотека (91%), ежемесячные выплаты при рождении детей до трех лет (89%), расселение аварийного жилья, диспансеризация населения, раздельный сбор и переработка мусора (по 88%), а также благоустройство городской среды и ремонт, строительство дорог (по 87%)¹⁷.

Демографические проблемы пока не разрешены. Еще в 2015 г. в интервью каналу «РБК» в рамках Петербургского международного экономического форума министр труда и социальной защиты РФ М. Топилин подчеркнул, что министерство считает необходимым продлить программу материнского капитала до 2021 г.¹⁸ В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г. Правительству РФ и Государственной Думе поручено проработать вопрос о продлении программы МСК после 2016 г. еще, как минимум, на два года¹⁹. Но вот уже завершается 2024 г., программа продолжает действовать, более того, 1 марта 2024 г. группа депутатов во главе с предсе-

¹⁵ См.: Харчев А.Г., Мацковский М.С. Современная семья и ее проблемы : Социально-демографическое исследование. М. : Статистика, 1978. С. 152.

¹⁶ Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Национальные проекты России. URL: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/news/rossiyane-nazvali-matkapital-samoy-zametnoy-meroy-podderzhki-naseleniya/>

¹⁸ Министр Максим Топилин — о накопительной пенсии, безработице и материнском капитале в интервью РБК на ПМЭФ-2015. URL: <https://sfr.gov.ru/branches/kbr/news~2015/06/30/93476> (дата обращения: 03.11.2024).

¹⁹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г. // СПС «КонсультантПлюс».

дателем комитета Госдумы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства Ниной Останиной внесла на рассмотрение палаты парламента законопроект о бессрочном действии программы материнского капитала.

Как следует из пояснительной записки к законопроекту о бессрочном продлении материнского (семейного) капитала, «в России по-прежнему сокращается население. Так, в 2020 г. естественная убыль составила 700 000 человек, в 2021 г. — 1,043 млн, в 2022 г. — 599 600, а в 2023 г. — 495 300 человек.

Снижается и общее число рождений: в 2015 г. — 1,94 млн родившихся, в 2022 г. — 1,304 млн, в прошлом году — 1,265 млн. Коэффициент рождаемости на одну женщину составляет 1,5, а нужно не менее 1,7 для простого воспроизводства населения»²⁰.

Видимо, государство пока не готово сохранить эту меру поддержки бессрочно. 26 июня 2024 г. Минтруд России подготовил законопроект о продлении программы маткапитала до 2030 г. Соответствующий документ представлен на общественное обсуждение, которое продлится до 11 ноября 2024 г.²¹.

Ну а пока, данные, предоставляемые Росстатом, подтверждают демографическую проблему в нашей стране. Естественный прирост населения стабильно уходит в минус. Так, в 2024 г. минус 719,7 тыс. человек, в 2025 г. — 788,8 тыс. человек, а к 2033 г. уже минус 901,2 тыс. человек²².

Карданова И.В.,

старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева
(г. Краснодар)

Литература

1. Гусева Т.С. Социальное обеспечение семьи, материнства, отцовства и детства в России: теоретические и практические проблемы : диссертация доктора юридических наук / Т.С. Гусева. Москва, 2013.
2. Забралова О.С. Возникновение расходных обязательств субъекта Российской Федерации в социальной сфере: проблемы правового регулирования / О.С. Забралова // Финансовое право. 2021. № 8.
3. Карданова И.В. К вопросу об определении понятия «многодетная семья» в праве социального обеспечения / И.В. Карданова // Теория и практика общественного развития. 2017. № 10.
4. Харчев А.Г. Современная семья и ее проблемы: социально-демографическое исследование / А.Г. Харчев, М.С. Мацковский. Москва : Статистика, 1978.

²⁰ Законопроект № 566197-8/САДД ГД (Система Автоматизированного Делопроизводства и Документооборота) // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/566197-8> (дата обращения: 08.10.2024).

²¹ Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=148662> (дата обращения: 03.11.2024).

²² Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 08.10.2024).

Премировать (,) нельзя (,) депремировать?

Право на справедливую заработную плату и равное вознаграждение за труд равной ценности без какого бы то ни было различия признается одним из важнейших прав в сфере труда Всеобщей декларацией прав человека (ст. 23), Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах (ст. 7), а также Европейской социальной хартией (пересмотренной) 1996 г. Трудовой кодекс Российской Федерации обязывает работодателя обеспечивать работникам равную оплату труда равной ценности (ст. 22), а также определяет, что при выполнении работ в условиях, отклоняющихся от нормальных, работнику производятся соответствующие выплаты.

Конституционный Суд РФ (КС РФ), учитывая значимость рассматриваемого вопроса, неоднократно в своих решениях исследовал названный принцип при реализации права на справедливую заработную плату, при определении содержания минимального размера оплаты труда, в том числе в случаях, связанных с работой в районах Крайнего Севера, при совмещении профессий (должностей, специальностей)¹, при сверхурочных работах² и других случаях.

Одним из последних и крайне значимых для практики стало Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2023 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 135 и части первой статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.В. Царегородской»³.

Коротко приведем фабулу дела: заявительница работала в федеральном государственном бюджетном военном образовательном учреждении. Согласно трудовому договору, ее заработная плата включала такие виды выплат, как должностной оклад; компенсационные выплаты; стимулирующие выплаты (перечень которых отсутствовал). Дополнительным соглашением к трудовому договору работнику была установлена обязанность соответствовать критериям оценки эффективности профессиональной деятельности, установленным коллективным договором для данной категории работников, при выполнении должностных обязанностей и другой порученной

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 декабря 2019 г. № 40-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, а также частей первой — четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Г.П. Лукичова» // СЗ РФ. 2019. № 52 (часть II). Ст. 8137.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2019 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, а также частей первой — четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.Ф. Жарова» // СЗ РФ. 2019. № 16. Ст. 2026.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июня 2023 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 135 и части первой статьи 193 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.В. Царегородской» // СЗ РФ. 2023. № 26. Ст. 4845.

работы, а также предусмотрены дополнительные выплаты стимулирующего характера на основании показателей оценки эффективности ее деятельности, но без уточнения конкретных выплат, их размеров, порядка и условий начисления. В дальнейшем к работнику применены дисциплинарные взыскания в виде выговора. По этой причине работодатель начиная с октября 2019 г. и вплоть до ее увольнения выплачивал ей заработную плату, включающую только должностной оклад и надбавку за выслугу лет, а в отдельные месяцы производил также доплату до минимального размера оплаты труда.

Полагая свои права нарушенными, заявитель обратилась с заявлением в Государственную инспекцию труда в г. Санкт-Петербурге, которая в ходе проверки по факту применения указанных дисциплинарных взысканий и неначисления дополнительных выплат не установила нарушений трудового законодательства.

При обращении к КС РФ заявитель ставит вопрос об отсутствии в действующем правовом регулировании отношений в сфере оплаты труда, отвечающих конституционным требованиям формальной определенности и справедливости правил исчисления стимулирующих выплат работнику, имеющему неснятое (непогашенное) дисциплинарное взыскание, и выражает сомнение в конституционности предоставления работодателю ничем не ограниченного права вводить такие правила самостоятельно, что, по ее мнению, порождает произвольное принятие соответствующих решений и нарушение конституционных прав работников.

Детальный анализ правовой позиции КС РФ позволяет сделать ряд важных выводов по обозначенному вопросу:

— при выполнении работником установленных требований к количеству и качеству труда, при достижении показателей и соблюдении условий, необходимых для приобретения права на получение определенных системой оплаты труда денежных выплат, ему должно быть обеспечено справедливое вознаграждение за труд в размере, соответствующем затраченным им трудовым усилиям. Лишение же работника тех или иных денежных выплат, входящих в состав его заработной платы, вне связи с оценкой выполнения установленных действующим правовым регулированием требований (показателей, условий), противоречит конституционным принципам справедливости, равенства, соразмерности, уважения человека труда и самого труда, а также приводит к нарушению конституционного права на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и права на справедливую заработную плату, обеспечивающую достойное человека существование для него самого и его семьи;

— КС РФ указал, что компенсационные выплаты призваны компенсировать влияние на работника неблагоприятных производственных факторов и, следовательно, оплата труда в таких условиях должна быть повышенной по сравнению с оплатой такого же труда в нормальных условиях, цель же стимулирующих выплат — дополнительное средство побуждения работника к высокопроизводительному труду и к повышению эффективности его трудовой деятельности. Стимулирующие выплаты, таким образом, имеют

определенное целевое назначение, что обуславливает возникновение права на их получение выполнением работником установленных действующим правовым регулированием требований (показателей, условий). При этом они являются составной — хотя, как правило, и переменной — частью заработной платы, а значит, на них в полной мере распространяются нормы российского законодательства и международного трудового права об охране заработной платы (ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации);

— КС РФ высказывает, как представляется, обоснованную правовую позицию о необходимости дифференцированного подхода к вопросу депремирования работника в зависимости от ряда обстоятельств:

1) от правовой квалификации премии — является ли предполагаемая выплата стимулирующей выплатой за работу в определенный период времени (за год/месяц/квартал), включенной в заработную плату, либо же это поощрительная выплата за отдельные виды деятельности или достижение определенных конкретных результатов труда (выполнению, например, KPI), не включаемая, как правило, в систему оплаты труда и не относящаяся к гарантированным выплатам, поскольку является исключительной дискрецией работодателя;

2) от сопоставления процента предполагаемой премии к итоговой заработной плате;

3) от характера нарушения, его длительности, влияния факта нарушения на результативность работника в периоде, за который премия начисляется и выплачивается.

В резолютивной части Конституционный Суд РФ (КС РФ) установил, что до внесения изменений в ст. 135 Трудового кодекса РФ (ТК РФ) наличие дисциплинарного взыскания не может быть основанием для лишения или снижения стимулирующих выплат на весь срок действия такого взыскания. Далее Конституционный Суд РФ отметил, что снижение премии в связи с наличием дисциплинарного взыскания не должно приводить к уменьшению размера месячной заработной платы более чем на 20%.

Сформированная КС РФ позиция породила неоднозначную правоприменительную и судебную практику по ряду вопросов. С учетом ограниченности объема настоящей статьи приведем несколько наиболее значимых проблем.

К одному из таких вопросов относится вопрос о надлежащей правовой квалификации в каждом конкретном случае, в отсутствие четких законодательных норм, выплаты как стимулирующей или как поощрительной премии / входящей или не входящей в заработную плату работника). Зачастую работодатели, используя окладно-премиальную систему заработной платы, фактически подменяют часть оклада введением премиальной составляющей заработной платы. В других же случаях работодатели используют систему оценки KPI и подобных показателей (с привязкой к выручке, прибыли, продажам и т.д.).

При таком подходе, с учетом нашего понимания позиции КС РФ, полагаем, что на поощрительные выплаты, не включенные напрямую в систему оплаты труда, являющиеся исключительной дискрецией рабо-

тодателя и устанавливаемые его локальными нормативными актами, нельзя распространять обозначенные выше правила. Такая позиция, однако, не всегда находит поддержку в судебной практике (например, Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 27 июня 2024 г. № 33-6818/2024⁴, Определение Первого КСОЮ от 4 июня 2024 г. по делу № 88-17278/2024⁵, Апелляционное определение Московского областного суда от 4 декабря 2023 г.⁶), хотя и является преобладающей (например, Апелляционное определение Московского городского суда от 16 июля 2024 г. по делу № 33-23284/2024⁷, Апелляционное определение Московского городского суда от 22 мая 2024 г. по делу № 33-14767/2024⁸, Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23 июля 2024 г. № 88-14960/2024⁹).

Вторым спорным вопросом является вопрос о том, как же следует учитывать указанное КС РФ ограничение в 20% при исчислении премии, особенно когда речь идет о квартальной и годовой премиях.

Приведем возможные варианты применения названного правила, которые могут быть применены и которые нашли свое отражение в судебной практике:

а) не более 20% совокупно от дохода (оклада) за период премирования (квартал/год) (например, Определение Седьмого КСОЮ от 19 октября 2023 г. по делу № 88-16504/2023)¹⁰;

б) не более 20% от дохода (оклада) в месяце, в котором премия фактически выплачивается (как правило, последний месяц квартала или года) (например, Апелляционное определение Омского областного суда от 1 февраля 2024 г. по делу № 33-598/2024¹¹, Определение Восьмого КСОЮ от 23 апреля 2024 по делу № 88-9346/2024¹²);

в) не более 20% совокупно от дохода (оклада) и ожидаемой премии в месяце, котором премия фактически выплачивается (например, Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 5 сентября 2024 г. № 88-20819/2024 по делу № 2-1743/2023¹³);

⁴ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 27 июня 2024 г. № 33-6818/2024 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Определение Первого КСОЮ от 4 июня 2024 г. по делу № 88-17278/2024 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Апелляционное определение Московского областного суда от 4 декабря 2023 г. // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Апелляционное определение Московского городского суда от 16 июля 2024 г. по делу № 33-23284/2024 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Апелляционное определение Московского городского суда от 22 мая 2024 г. по делу № 33-14767/2024 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23 июля 2024 г. № 88-14960/2024 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Определение Седьмого КСОЮ от 19 октября 2023 г. по делу № 88-16504/2023 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Апелляционное определение Омского областного суда от 1 февраля 2024 г. по делу № 33-598/2024 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² Определение Восьмого КСОЮ от 23 апреля 2024 г. по делу № 88-9346/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 5 сентября 2024 г. № 88-20819/2024 по делу № 2-1743/2023 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

г) не более 20% совокупно от ожидаемой премии в месяце, в котором премия фактически выплачивается (например, определение Нижегородского областного суда от 5 марта 2024 г. по делу № 33-2025)¹⁴.

Представляется, что поскольку речь идет о возможности ограничения премий, включаемых в систему оплаты труда, то наиболее верным является подход по применению 20-процентного ограничения к совокупному доходу (окладу) и ожидаемой премии в месяце, котором премия фактически выплачивается, поскольку в таком случае речь идет об оценке снижения оплаты труда именно в месяце начисления.

Рассмотренные нами и иные имеющиеся проблемы и вопросы правоприменительной практики (к примеру, депремирование в связи или без связи с фактом привлечения к дисциплинарной ответственности) должны были найти свое разрешение в проекте изменений ТК РФ. Таковых законопроектов на текущий момент три, один из них (№ 690246-8 «О внесении изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации»¹⁵, вводящий понятие «депремирование») находится на рассмотрении Государственной думы. Однако текстуальный анализ названного проекта позволяет сделать вывод о том, что абсолютно все названные нами вопросы остались без прямого ответа.

Полагаем, в условиях сложившейся правовой неопределенности у работодателей, а в последующем и у судов при разрешении споров указанной категории законопроект должен быть скорректирован с целью определения вопросов о правовой природе депремирования случаях его применения, о порядке применения двадцатипроцентного ограничения, возможности (либо невозможности) депремирования не в связи с дисциплинарным взысканием, а также дополнен обязанностью применения работодателем дифференцированного подхода при депремировании с учетом обстоятельств, обозначенных в правовой позиции КС РФ.

Касьяненко Т.С.,

доцент кафедры гражданского процессуального и трудового права

Южного федерального университета,

кандидат юридических наук;

руководитель договорно-проектного направления

ООО «Глобальные транспортные решения»

(г. Ростов-на-Дону)

¹⁴ Определение Нижегородского областного суда от 5 марта 2024 г. по делу № 33-2025 // Архив Нижегородского областного суда.

¹⁵ Паспорт проекта Федерального закона № 690246-8 «О внесении изменения в Трудовой кодекс Российской Федерации (в части защиты прав работников на справедливую оплату труда)» (внесен депутатами Государственной Думы ФС РФ Л.Э. Слуцким, С.Д. Леоновым, А.К. Луговым, Б.А. Чернышовым, В.А. Кошелевым, В.В. Кулиевой, Е.В. Марковым, С.А. Наумовым, Я.Е. Ниловым, К.М. Панеш, А.Н. Свинцовым, В.В. Сипягиным, И.К. Сухаревым, сенатором РФ В.Е. Деньгиным) // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Трудовые правоотношения в системе государственной службы: современные взгляды

Постановка проблемы. Существуют ряд проблем, требующих научно-го анализа в рамках современного правового института государственной службы. Одной из таких проблем является анализ современных взглядов, характеризующих трудовые правовые отношения в системе государственной службы.

В современной Азербайджанской Республике система государственной службы динамично развивается. Одной из ключевых целей модели развития Азербайджана является постоянное совершенствование системы государственной службы и формирование корпуса государственных служащих нового поколения. В этом контексте основа модели развития Азербайджана была заложена общенациональным лидером Гейдаром Алиевым. Эта модель успешно продолжает развиваться под руководством Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева. В качестве примера можно привести Стратегию развития государственной службы в Азербайджанской Республике на 2019–2025 гг. (от 23 ноября 2018 г.)¹. Целью принятия стратегии является «улучшение управления в системе государственной службы, развитие кадрового потенциала государственных органов, формирование корпуса государственных служащих, выделяющихся высокими моральными и этическими ценностями, знаниями, навыками и положительными личными качествами, что будет способствовать повышению эффективности деятельности государственных органов»². Цели стратегии по развитию государственной службы показывают, что наличие трудовых правовых отношений в системе государственной службы является необходимым. Качественные показатели государственных служащих определяют развитие государственной службы. Цели стратегии по развитию государственной службы показывают, что наличие трудовых правовых отношений в системе государственной службы является необходимым. Качественные показатели государственных служащих определяют развитие государственной службы.

В системе государственной службы вопрос трудовых правоотношений в определенной степени был изучен, однако современная модель этого

¹ Распоряжение Президента Азербайджанской Республики от 23 ноября 2018 г. № 739 «Об утверждении Стратегии развития государственной службы в Азербайджанской Республике на 2019–2025 годы» // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 2018. № 11. Ст. 2395. URL: <https://e-qanun.az/framework/40748> : <https://president.az/ru/articles/view/30841>

² Там же.

аспекта не была полностью сформирована. Поэтому вопрос о характерных особенностях трудовых правовых отношений в системе государственной службы актуален в современный период и имеет практическое значение.

Изложение основного материала. Государственная служба занимает важное место в системе государственной власти и государственного управления. Государственная служба осуществляется в результате профессиональной трудовой деятельности государственного служащего. В системе государственной службы существует множество правовых норм и научно-теоретических положений, характеризующих трудовые правовые отношения. В современной научной литературе выражен ряд научных концепций, касающихся взаимосвязи государственной службы и трудового права, а также субъектности трудовых прав государственных служащих (Г.В. Атаманчук³, Ю.Н. Старилов⁴, И.Н. Барциц, С.В. Бошно⁵, С.Е. Чаннов, М.В. Пресняков⁶, Е.А. Ершова⁷, Л.А. Чиканова⁸, А.В. Гусев⁹, А.Г. Рзаев¹⁰, О.Дж. Мамедов¹¹, А.Э. Рагимов¹² и др.).

³ Атаманчук Г.В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика : монография. М. : РАГС, 2008. 312 с.

⁴ Старилов Ю.Н. Служебное право : учебник. М. : БЕК, 1996. 698 с.; Старилов Ю.Н. Государственная служба и служебное право : учебное пособие. М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. 240 с.

⁵ Барциц И.Н., Бошно С.В. Источники служебного права : учебник. М. : РАГС, 2007. 272 с.

⁶ Чаннов С.Е., Пресняков М.В. Служебное право : учебник и практикум. М. : Юрайт, 2019. 376 с.

⁷ Ершова Е.А. Трудовые правоотношения государственных гражданских и муниципальных служащих в России / Рос. акад. правосудия. М. : Статут, 2008. 668 с.

⁸ Чиканова Л.А. Применение трудового законодательства к служебным отношениям на государственной гражданской службе: теория и практика : дис. ... д-ра юрид. наук : М., 2005. 312 с.

⁹ Гусев А.В. Государственная гражданская служба Российской Федерации: проблемы правового регулирования : дис. ... дис. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. 448 с.

¹⁰ Рзаев А.Г. Правовые основы государственной службы. Баку : Элм, 2011. 480 с.; Рзаев А.Г. Конституционно-правовые проблемы государственной службы Азербайджанской Республики : дис. ... д-ра юрид. наук. Баку : 2012. 328 с.

¹¹ Mammadov O.J.O. Constitutional and Legal Support of Civil Service Relations in the Legislature: Azerbaijani Experience // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues (JLERI). London : United Kingdom, 2018. Vol. 21. Iss. 3. P. 1–11. URL: <https://www.abacademies.org/articles/constitutional-and-legal-support-of-civil-service-relations-in-the-legislature-azerbaijani-experience-7314.html>; Мамедов О.Дж. Соотношение конституционных, административных, трудовых норм и норм права социального обеспечения в системе регулирования трудовых отношений государственных служащих // Национальная академия наук Азербайджана. Общественные науки. 2019. № 02. С. 77–90. URL: <https://socialsciences.az/az/magazine-detail/54>; Mammadov O.J.O. State Administrative and Contractual Character of Labor Law Relations of Civil Servants // International Journal of Professional Business Review. 2023. № 8(8). e03152. DOI: 10.26668/businessreview/2023.v8i8.3152; <https://openaccesssojs.com/JBReview/article/view/3152/1359>; Mammadov O.J. Features of Legal Regulation of Labor Relations in Civil Service // Pakistan Journal of Criminology. 2024. Vol. 16. № 04. October — December. 2024. P. 197. DOI: 10.62271/pjc.16.4.191.204

¹² Рагимов А.Э. Правовое регулирование трудовых отношений государственных служащих : автореф. дис. ... д-ра филос. по праву. Баку : 2018. 26 с.

Для определения правовых составных элементов трудовых отношений в системе государственной службы международное и национальное законодательство о государственной службе, работы зарубежных и местных исследователей имеют большое значение.

В Конвенции Международной организации труда о трудовых отношениях на государственной службе (от 27 июня 1978 г. № 151) установлены нормы, касающиеся трудовых правовых отношений в системе государственной службы¹³. Модельный закон об основах государственной службы Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ устанавливает, что «государственная служба — профессиональная деятельность лиц, замещающих государственные должности государственной службы по обеспечению исполнения полномочий государственных органов; государственный служащий — лицо, замещающее оплачиваемую государственную должность государственной службы и в соответствии с законодательством государства осуществляющее должностные обязанности по исполнению полномочий государственных органов»¹⁴. Кроме того, в конституциях Азербайджана и России, а также в законодательных актах о государственной службе содержатся нормы, касающиеся правового статуса государственных служащих. На наш взгляд, на основе существующих научных взглядов и нормативных положений можно отразить современную модель трудовых отношений в системе государственной службы.

Выдающийся азербайджанский ученый по трудовому праву А.М. Касымов пишет: «Трудовые правоотношения и другие тесно связанные с ними правоотношения являются результатом воздействия норм трудового права на отношения субъектов в сфере применения труда. В результате воздействия норм трудового права общественные отношения, возникающие при применении труда, приобретают правовую форму и превращаются в правоотношения»¹⁵. Эти научные положения характеризуют трудовые правоотношения в системе государственной службы в общем контексте.

По мнению А.Г. Рзаева, «возрождается трудовая модель государственной службы, осуществляется переход на гражданскую службу, применяемую за рубежом и ни в чем не отличающуюся с правовой точки зрения от любой трудовой деятельности. Все виды работ, оплачиваемые из бюджета, считаются гражданской службой. Необходимо отметить и тот факт, что во многих

¹³ Labour Relations (Public Service) Convention, 1978 (No. 151). URL: https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:12100:0::NO::P12100_ILO_CODE:C151

¹⁴ Модельный закон об основах государственной службы : Постановление от 15 июня 1998 г. № 11-5 Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств // Информационный бюллетень. 1998. № 18. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni/340

¹⁵ Касымов А.М. Трудовое право : учебник. Баку : Letterpress, 2016. С. 173.

странах (например, в Германии, во Франции, в США), наряду с работающими в государственных органах, служащие на государственных предприятиях, в учреждениях и организациях имеют отношение к гражданской службе»¹⁶.

По мнению А.В. Глухова, «все сущностные признаки трудового правоотношения присущи правоотношению на государственной гражданской службе и определяют его правовую природу. Между государственным гражданским служащим и нанимателем складываются стабильные, длящиеся, повторяемые, требующие подчинения служебной дисциплине трудовые правоотношения. Отношения на государственной гражданской службе по своей правовой природе являются трудовыми правоотношениями, в основе своей должны регулироваться нормами трудового права, с учетом специфики данного вида профессиональной деятельности, установленной специальным законом о государственной гражданской службе»¹⁷.

«Проблемы приема на государственную службу, прохождения государственной службы и регулирования правового статуса государственных служащих проявляются во взаимосвязи между государственной службой и трудовым правом. Понятия государственной службы и трудового права объединяются в профессиональной трудовой деятельности государственных служащих. Государственная служба как особый вид профессиональной деятельности находит выражение именно в трудовом праве. На наш взгляд, государственная служба выступает в качестве субъективного трудового права государственных должностных лиц и, следовательно, основывается на концепции трудового права. Нормы трудового права имеют исключительное значение в определении правового статуса государственных служащих и в правовом регулировании их профессиональной деятельности»¹⁸.

По мнению А.В. Гребенщикова и А.В. Завгороднего, «законодательство о государственной гражданской службе вместо применяемого в трудовом праве понятия “трудовой договор” использует иной термин для определения соглашения между нанимателем и государственным гражданским служащим — “служебный контракт”. Применение такой терминологии призвано подчеркнуть специфику государственной гражданской службы как особого вида наемного труда. И, очевидно, по мысли законодателя, в большей степени соответствует характеру и сущностному содержанию служебного правоотношения»¹⁹.

¹⁶ Рзаев А.Г. Государственная служба : Организационно-правовые аспекты. Баку : Элм, 2013. С. 13–14.

¹⁷ Глухов А.В. Трудовые правоотношения государственных гражданских служащих // Международный научный журнал «Инновационная наука». 2017. № 02-2. С. 104.

¹⁸ Мамедов О.Дж. Взаимосвязь государственной службы с трудовым правом: современная модель правовых отношений // Научный вестник Академии полиции. Научно-правовой журнал. 2021. № 4 (32). С. 135.

¹⁹ Гребенщиков А.В., Завгородний А.В. Основания возникновения индивидуального служебного правоотношения // Ежегодник трудового права. 2023. Вып. 13. С. 232.

Авторы характеризуют трудовую деятельность государственных служащих следующим образом: «Государственная служба не может находиться вне процессов, происходящих в российском обществе. На состояние социальной среды государственной службы большое влияние оказывают различные условия и факторы, благоприятно или неблагоприятно проявляющие себя в жизни общества и государства. К настоящему времени произошел переход от восприятия государственными служащими своей деятельности как особого вида труда по осуществлению власти к восприятию его в качестве обычной трудовой деятельности. Это выражается, в частности, в преобладании материальных мотивов поступления на службу перед карьерными и альтруистическими, а также в повышении роли оплаты в структуре мотивации перед стажем, пенсией и социальными гарантиями»²⁰.

А.Г. Рзаев приходит к следующему выводу: «Государственная служба объединяет государства с гражданами, формирует между ними связи, отношения, государственный служащий в гражданском статусе становится носителем власти и выступает субъектом государственного управления; в корне профессионализма государственного служащего стоит трудовая деятельность. При осуществлении намерений и принципов, установленных в Конституции, государственный служащий выступает в статусе граждан и должностного лица»²¹.

Взаимосвязь между государственной службой и трудовым правом показывает, что государственная служба является одной из специфических форм профессиональной трудовой деятельности. Правовые нормы, определяющие статус государственных служащих, занимают особое место в системе законодательства о государственной службе и трудовом праве. Эти нормы имеют большое значение для моделирования регулирования трудовых отношений в системе государственной службы.

Ученые провели множество научных анализов различных аспектов государственной службы и приложили усилия по определению ее внутренних компонентов. В содержании этих компонентов трудовой правовой характер государственной службы выражается в тех или иных аспектах.

По мнению А.Г. Рзаева, «государственно-служебные отношения и трудовые отношения строятся по разным методам. Определенная часть государственно-служебных отношений регулируется особым законодательством, а остальная часть трудовым законодательством. В настоящее время большинство норм трудового законодательства участвуют в механизме регулирования государственных служебных отношений. В функционировании

²⁰ Барциц И.Н., Борщевский Г.А., Магомедов К.О. Современное состояние и тенденции развития государственной гражданской службы в России : аналитический доклад. М. : Дело ; РАНХиГС, 2018. С. 39.

²¹ Рзаев А.Г. Государственная служба : Организационно-правовые аспекты. Баку : Элм, 2013. С. 227.

государственной службы трудовое право регулирует следующие трудовые отношения: прием на работу, трудовой договор (контракт), рабочее время, время отдыха, материальная и моральная ответственность, охрана труда и другие трудовые отношения. Несмотря на это, нельзя смешивать нормы регулирования трудового права государственных служащих с нормами регулирования трудовой деятельности работников по найму»²².

Основным юридическим документом, подтверждающим статус государственной службы как составной части трудовых отношений, является Конвенция Международной организации труда о трудовых отношениях на государственной службе (от 27 июня 1978 г. № 151). Включение этой конвенции в состав национальной законодательной системы имеет важное значение. На основании норм, установленных в ней, можно сказать следующее:

- государственная служба признается частью трудовых отношений;
- государственные органы выступают в качестве работодателя;
- определяется международный трудовой правовой статус государственных служащих;
- государственные служащие характеризуются как категория работников со специальным статусом;
- государственные служащие официально признаются международным уровнем как особый субъект трудового права;
- позитивно влияет на развитие национального законодательства о государственной службе²³.

В конвенции установленные нормы подтверждают существование трудовых правоотношений в системе государственной службы и определяют ее юридические составные элементы.

Из 59 государств — членов Международной организации труда, присоединившихся к этому акту, такие страны, как Франция, Германия, Канада, Китай, Япония и др., до настоящего времени не ратифицировали его²⁴. Положительным моментом следует отметить, что Азербайджанская Республика ратифицировала конвенцию 11 марта 1993 г.²⁵. Этот факт является ярким показателем положительного отношения Азербайджанской Республики к международным правовым нормам.

²² Пзаев А.Г. Государственная служба: Организационно-правовые аспекты. Баку : Элм, 2013. С. 255.

²³ Mammadov O.J. Features of Legal Regulation of Labor Relations in Civil Service // Pakistan Journal of Criminology. 2024. Vol. 16. № 04. October — December. P. 19. DOI:10.62271/pjc.16.4.191.204

²⁴ Labour Relations (Public Service) Convention, 1978 (No. 151). URL: https://normlex.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=NORMLEXPUB:11310:0::NO:11310:P11310_INSTRUMENT_ID:312296:NO

²⁵ Labour Relations (Public Service) Convention, 1978 (No. 151) / Ratifications for Azerbaijan. URL: https://normlex.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=1000:11200:0::NO:11200:P11200_COUNTRY_ID:102556

В период Советского Союза понятие государственной службы не использовалось как самостоятельная юридическая категория. Государственная служба входила в состав общего понятия служебных обязанностей. Отделить государственную службу от общего служебного понятия было невозможно. Тем не менее существовало несколько учебников по государственной службе, и некоторые вопросы, касающиеся государственной службы, освещались в учебниках по административному праву. Основным аспектом советской модели государственной службы было то, что в тот период государственная служба осуществлялась в рамках политической системы, а государственные служащие имели статус наемных работников при руководителях государственных органов.

Существует ряд институтов, которые выражают целостность правовых отношений в сфере государственной службы (коллективный договор, трудовой договор, заработная плата, рабочее время, время отдыха, дисциплинарная ответственность и т.д.), и они составляют неотъемлемые части трудового права. В то же время без этих институтов государственная служба не может функционировать. Таким образом, цели и функции государства, определенные конституцией и законами, осуществляются через государственных служащих. Государственные служащие занимаются профессиональной деятельностью в области государственной службы в рамках своих полномочий. Другими словами, граждане реализуют свои трудовые права в статусе государственных служащих в государственных органах.

В Азербайджане основные нормы, определяющие взаимосвязь государственной службы и трудового права, закреплены в ст. 35 и 55 Конституции Азербайджанской Республики. Согласно ст. 35 Конституции Азербайджанской Республики («Право на труд»), «труд является основой личного и общественного благосостояния. Каждый имеет право свободно выбирать на основе своей способности к труду вид деятельности, профессию, занятие и место работы. Никто не может быть принужден к труду. Трудовые договоры заключаются свободно. Никто не может быть принужден заключить трудовой договор...»²⁶. В статье 55 Конституции Азербайджанской Республики («Право на участие в управлении государством») говорится: «Граждане Азербайджанской Республики имеют право участвовать в управлении государством. Это право они могут осуществлять непосредственно или через своих представителей. Граждане Азербайджанской Республики имеют доступ к службе в государственных органах. Должностные лица государственных органов назначаются из числа граждан Азербайджанской Республики. Иностранцы и лица без гражданства могут приниматься на государственную службу в установленном законом порядке»²⁷.

²⁶ Конституция Азербайджанской Республики. Баку : Юридическая литература, 2016.

²⁷ Там же.

Нормы, закрепленные в Конституции Азербайджанской Республики, показывают взаимосвязь между государственной службой и трудовым правом. Конституционные нормы определяют участие гражданина в управлении государством как одну из форм реализации трудового права.

Частью 2 ст. 5 Трудового кодекса Азербайджанской Республики установлено: «Настоящий Кодекс распространяется на государственных служащих, а также служащих органов прокуратуры, полиции и других правоохранительных органов с учетом особенностей, определенных в нормативно-правовых актах, регулирующих их правовой статус. Если в этих нормативно-правовых актах полностью не охвачены трудовые, социальные и экономические права этих служащих, к ним применяются предусмотренные настоящим Кодексом соответствующие нормы»²⁸.

В статье 1 Закона Азербайджанской Республики о государственной службе дано следующее определение понятий «государственная служба», «особый вид государственной службы» и «государственный служащий»²⁹:

— «государственная служба — это служба в должности государственного служащего в сфере реализации целей и функций государства в соответствии с Конституцией Азербайджанской Республики и другими нормативными правовыми актами» (ст. 1.1.1);

— «особый вид государственной службы означает прохождение государственной службы в должностях, которые предусматривают специальное, воинское или дипломатическое звание» (ст. 1.1.2);

«государственный служащий — это работник государственного органа, являющийся гражданином Азербайджанской Республики и получающий государственную заработную плату только из источников, предусмотренных ст. 1.1.4 настоящего закона, занимающий административную или вспомогательную должность государственной службы в порядке, установленном настоящим Законом, получивший квалификацию и присягнувший при первом приеме на постоянную государственную службу по административной должности на верность Азербайджанской Республике» (ст. 1.1.3).

В данном контексте состав финансовых источников включает в себя государственный бюджет Азербайджанской Республики, бюджет Нахчыванской Автономной Республики, а также в случаях, предусмотренных законом, дополнительные внебюджетные средства.

В содержании понятий, закрепленных в ст. 1 Закона Азербайджанской Республики о государственной службе, четко выражаются элементы трудовых отношений в системе государственной службы. С юридической точки

²⁸ Трудовой кодекс Азербайджанской Республики : утвержден Законом Азербайджанской Республики от 1 февраля 1999 г. № 618-IQ. Баку, 2024.

²⁹ Закон Азербайджанской Республики от 21 июля 2000 г. №926-ІГ «О государственной службе» // Собрание законодательства Азербайджанской Республики. 2001. № 01. Ст. 1. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2617

зрения, государственная служба представляется как особый вид трудовых отношений, а государственный служащий — как работник государственного органа.

Выводы. Юридический статус государственных служащих основывается на конституционных нормах. Часть этих норм включает в себя возможности реализации конституционного трудового права государственных служащих. В этом контексте научные взгляды и правовые нормы о государственной службе и юридическом статусе государственных служащих играют базовую роль в формировании современной концепции правового регулирования трудовых отношений в системе государственной службы.

На наш взгляд, современную концепцию трудовых отношений в системе государственной службы можно выразить следующим образом:

- трудовое право составляет основу правовых отношений на государственной службе;
- государственная служба является одной из форм реализации конституционного трудового права гражданина;
- трудовой характер профессиональной деятельности государственных служащих непосредственно проистекает из содержания государственной службы;
- без трудовых отношений реализация государственной службы невозможна.

Мамедов О.Д. оглу,

доцент кафедры управления бизнесом Азербайджанского
государственного экономического университета (UNEC);

доцент кафедры трудового и экологического права
Бакинского государственного университета, доктор философии по праву
(г. Баку, Азербайджан)

Литература

1. Атаманчук Г.В. Сущность государственной службы: история, теория, закон, практика : монография / Г.В. Атаманчук. Москва : РАГС, 2008.
2. Барциц И.Н. Источники служебного права : учебник / И.Н. Барциц, С.В. Бошно. Москва : РАГС, 2007.
3. Барциц И.Н. Современное состояние и тенденции развития государственной гражданской службы в России : аналитический доклад / И.Н. Барциц, Г.А. Борщевский, К.О. Магомедов. Москва : Дело. РАНХиГС, 2018.
4. Глухов А.В. Трудовые правоотношения государственных гражданских служащих / А.В. Глухов // Инновационная наука. 2017. № 2–2.
5. Гребенщиков А.В. Основания возникновения индивидуального служебного правоотношения / А.В. Гребенщиков, А.В. Завгородний // Ежегодник трудового права. 2023. № 13.
6. Гусев А.В. Государственная гражданская служба Российской Федерации: проблемы правового регулирования : диссертация доктора юридических наук / А.В. Гусев. Екатеринбург, 2009.

7. Ершова Е.А. Трудовые правоотношения государственных гражданских и муниципальных служащих в России / Е.А. Ершова. Москва : Статут, 2008.
8. Касымов А.М. Трудовое право : учебник / А.М. Касымов. Баку : Letterpress, 2016.
9. Рагимов А.Э. Правовое регулирование трудовых отношений государственных служащих : автореферат диссертации доктора философии по праву / А.Э. Рагимов. Баку, 2018.
10. Рзаев А.Г. Государственная служба: Организационно-правовые аспекты / А.Г. Рзаев. Баку : Элм, 2013.
11. Рзаев А.Г. Конституционно-правовые проблемы государственной службы Азербайджанской Республики : диссертация доктора юридических наук / А.Г. Рзаев. Баку, 2012.
12. Рзаев А.Г. Правовые основы государственной службы / А.Г. Рзаев. Баку : Элм, 2011.
13. Стариков Ю.Н. Государственная служба и служебное право : учебное пособие / Ю.Н. Стариков. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2015. 240 с.
14. Стариков Ю.Н. Служебное право : учебник / Ю.Н. Стариков. Москва : БЕК, 1996.
15. Чаннов С.Е. Служебное право : учебник и практикум / С.Е. Чаннов, М.В. Пресняков. Москва : Юрайт, 2019.
16. Чиканова Л.А. Применение трудового законодательства к служебным отношениям на государственной гражданской службе: теория и практика : диссертация доктора юридических наук / Л.А. Чиканова. Москва, 2005.
17. Mammadov O.J. Features of Legal Regulation of Labor Relations in Civil Service / O.J. Mammadov // Pakistan Journal of Criminology. 2024. Vol. 16. Iss. 04. URL: DOI:10.62271/pjc.16.4.191.204
18. Mammadov O.J.O. Constitutional and Legal Support of Civil Service Relations in the Legislature: Azerbaijani Experience / O.J.O. Mammadov // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues (JLERI). 2018. Vol. 21. Iss. 3.
19. Mammadov O.J.O. State Administrative and Contractual Character of Labor Law Relations of Civil Servants / O.J.O. Mammadov // International Journal of Professional Business Review. 2023. Vol. 8. Iss. 8. Art. e03152.
20. Məmmədov O. Dövlət Qulluğu ilə Əmək Hüququnun Qarşılıqlı Əlaqəsi: Hüquqi Münasibətlərin Müasir Modeli / O. Məmmədov // Polis Akademiyasının Elmi Xəbərləri. 2021. № 4 (32).
21. Məmmədov O. Dövlət qulluqçılarının əmək münasibətlərinin tənzimlənməsi sistemində konstitusiya, inzibati, əmək və sosial təminat hüquq normalarının nisbəti / O. Məmmədov // Sosial Elmlər. 2019. № 2. URL: <https://socialsciences.az/az/magazine-detail/54>

Обеспечение экологической безопасности — основная задача экологического права России

Экологический кризис, свидетелями которого мы являемся, возник в результате негативного воздействия хозяйственной деятельности человека на состояние природных экосистем. Для человека, как части биосферы, сформировался целый спектр экологических угроз, в том числе и нового характера, поставивший его на грань естественного выживания. Принимаемые мировым сообществом меры по предотвращению развития негативных тенденций в сфере обеспечения естественного права человека на безопасную окружающую среду в рамках концепции устойчивого развития не привели к настоящему времени к должным позитивным результатам.

К аналогичному выводу можно прийти при анализе состояния окружающей среды в Российской Федерации. Созданная за последние полвека достаточно развитая система природоохранного законодательства оказалась недостаточно эффективной для противодействия негативным тенденциям экологического характера.

Как отмечают исследователи, существенное развитие природоохранного и природоресурсного законодательства, в частности принятие ряда концептуальных документов стратегического планирования, не позволило в полной мере разрешить проблемы охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов¹. В современном российском правовом поле достаточно много актов, регулирующих те или иные вопросы экологической безопасности, однако они «не позволяют себя чувствовать защищенными от экологических угроз с помощью имеющихся юридических средств»². В данных условиях актуальной является трансформация, предполагающая, в частности, «превращение экологического права фактически в институт выживания»³.

Экологическая безопасность является важнейшей качественной характеристикой состояния окружающей среды. В настоящее время эта категория экологического права является одной из наиболее обсуждаемых в научном

¹ Агафонов В.Б. Правовое обеспечение экологической безопасности и рационального природопользования на основе ESG-принципов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 5. С. 48. DOI:10.17803/2311-5998.2022.93.5.046-058

² Тонков Е.Е., Синенко В.С., Туранин В.Ю. Возможности совершенствования правового регулирования экологической безопасности в Российской Федерации // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2016. Вып. 3. С. 2.

³ Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Трансформация экологического права: теоретико-правовые аспекты // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 41. С. 149.

сообществе⁴. Приведенный список работ далеко не исчерпывающий и указывает только на основные тенденции в исследовании правовых проблем обеспечения экологической безопасности.

Невостребованность законодателем, хозяйствующими субъектами результатов теоретических исследований правовой категории «экологическая безопасность» существенно сузила возможности инструментария этого института в правовом противодействии экологическим угрозам. В настоящее время одной из ключевых проблем документов «директивного» или «стратегического» характера является их обособленность, «отдельность» от традиционной системы нормативных актов, что порождает ряд последствий, главным из которых является «необязательность» их выполнения, что «фактически дискредитирует идею стратегического планирования как таковую»⁵.

Следует отметить также имеющие место значительные повторы в принятых документах и коллизии важных положений. Так, в п. 16 Стратегии национальной безопасности⁶ указано, что в условиях стагнации и рецессии ведущих экономик мира, снижения устойчивости мировой валютно-финансовой системы, обострения борьбы за доступ к рынкам и ресурсам все большее распространение получает практика использования инструментов недобросовестной конкуренции, протекционистских мер и санкций. *Повышенное внимание мирового сообщества к проблемам изменения климата и сохранения благоприятной окружающей среды используется в качестве предлога для ограничения доступа российских компаний к экспортным рынкам, сдерживания развития российской промышленности, установления контроля над транспортными маршрутами, воспрепятствования освоению Российской Арктики* (Прим. — выделено Н.Б.). Но уже два года спустя принимается

⁴ Боголюбов С.А. Развитие законодательства об экологической безопасности // Проблемы обеспечения экологической безопасности : сборник научных трудов / под ред. В.Н. Лопатина. М., 2003. С. 37–42; Бринчук М.М. Обеспечение экологической безопасности как правовая категория // Государство и право. 2008. № 9. С. 30–42; Голиченков А.К. Охрана окружающей среды, обеспечение экологической безопасности, обеспечение рационального использования природных ресурсов: термины, содержание, соотношение // Экологическое право России : сборник материалов науч.-практ. конференций 1995–2004 гг. Юбилейный выпуск / под ред. А.К. Голиченкова. М., 2004. С. 121–126; Барбашова Н.В. Право на здоровую окружающую среду: естественно-правовой аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и Право. 2017. Т. 7. № 2 (23). С. 63–71; Краснова И.О. Экологическая безопасность как правовая категория // Lex russica. 2014. Т. 96. № 5. С. 543–555.

⁵ Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Тенденции и перспективы совершенствования государственной политики в области экологического развития // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7 (80). С. 166.

⁶ Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/> (дата обращения: 10.10.2024).

Климатическая доктрина Российской Федерации⁷, в основу которой «положен анализ проводимых в Российской Федерации, других государствах и регионах мира результатов исследований изменения климата и влияния последствий такого изменения на различные отрасли экономики, население и окружающую среду с учетом результатов работ, связанных с практическим использованием климатических данных органами государственной власти».

Авторы документа априори признают научно обоснованным доминирующее воздействие деятельности человека на климат на фоне его естественной изменчивости, приводящей к значимым, преимущественно неблагоприятным для человека и окружающей среды последствиям. Сделан вывод о необходимости своевременной адаптации к неизбежному в ближайшие десятилетия изменению климата (Прим. — выделено Н.Б.), а также последовательных действий по смягчению антропогенного воздействия на климат в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Такая неопределенность к проблеме изменения климата (глобальное потепление вследствие увеличения в атмосфере содержания парниковых газов) связана, по-видимому, с отсутствием достоверных научных результатов в климатологии. Бесспорным здесь является утверждение о необходимости минимизации вредного воздействия на окружающую среду путем развития новых, более совершенных технологий.

Имеющее место несовершенство отдельных норм в сфере обеспечения экологической безопасности не может послужить основанием для оправдания масштабных правонарушений экологического законодательства и отсутствия адекватных мер принуждения к лицам, совершившим эти правонарушения. Отметим только наиболее масштабные правонарушения, совершенные в последнее время в сфере строительства очистных сооружений, отсутствие или неэффективная работа которых существенным образом сказывается на состоянии природных объектов и, соответственно, создает угрозы экологического характера населению, проживающему вблизи этих объектов.

Проект «Оздоровление Волги» при финансировании 127 млрд руб. предполагал к 2024 году строительство очистных сооружений для снижения в 3 раза объемов сброса в реку загрязненных вод. Результат: из 139 проверенных объектов только 6 готовы и соответствуют целевым показателям⁸.

При строительстве очистных сооружений в г. Севастополе было похищено около 2 млрд руб. К настоящему времени объект не был введен в эксплуатацию. Крупные хищения бюджетных средств при строительстве очистных

⁷ Указ Президента РФ от 26 октября 2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407782529/> (дата обращения: 10.10.2024).

⁸ URL: <https://m.business-gazeta.ru/news/639979> (дата обращения: 10.10.2024).

сооружений установлены в Приморском крае, Ханты-Мансийске, Махачкале и других населенных пунктах.

Заслуживает внимания статистическая информация о результатах использования уголовного инструментария, являющегося наиболее эффективным в борьбе с экологическими преступлениями за 2023 г.⁹ Из 5607 осужденных за экологические преступления лиц 99% дел относятся к преступлениям в области охоты, незаконной добычи (вылова) рыбных ресурсов и незаконной рубки леса. За загрязнение природных объектов и нарушение правил охраны окружающей среды привлечено к уголовной ответственности 18 человек (около 0,3%).

Анализ приведенных статистических данных свидетельствует о том, что система наказания за уголовные преступления в сфере экологии не ориентирована на борьбу с наиболее опасными преступлениями против экологических прав человека, в первую очередь права на безопасную окружающую среду.

Необходимо подчеркнуть, что в Стратегии национальной безопасности обеспечение экологической безопасности и устойчивого развития Российской Федерации названо в числе стратегических национальных приоритетов, которые реализуются органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества. Создание угрозы национальной безопасности должно предполагать соответствующую реакцию в сфере уголовно-правовой ответственности за экологические преступления. Анализ статистических данных за 2023 год указывает на отсутствие адекватной реакции правоохранительной системы на имеющие место угрозы экологического характера. Специфика экологических преступлений состоит в том, что всегда наряду с непосредственным объектом преступного посягательства в рамках конкретного состава преступления другим объектом преступного посягательства будут интересы неопределенного круга лиц и государства в безопасности и устойчивом развитии, т.е. национальные интересы Российской Федерации.

В практическом плане представляется обоснованным введение дополнительной статьи в главу 26 Уголовного кодекса РФ (УК РФ), устанавливающую ответственность за преступления, в результате которых не были купированы угрозы экологического характера и создана/не устранена опасность, исходящая от загрязненных объектов окружающей среды.

Обоснованным следует считать включение дополнений в ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание», предполагающих рассматривать преступления, создающие угрозы экологического характера, в качестве отягчающих обстоятельств.

⁹ Судебная статистика РФ. Данные о назначенном наказании по статьям УК. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 10.10.2024).

Предлагаемые меры ужесточения наказания за экологические преступления, создающие угрозу национальной безопасности, могут показаться излишне жесткими с точки зрения общей гуманизации норм уголовного права¹⁰. Тем не менее, вследствие масштабного характера негативных последствий, ставящих под угрозу жизнь и здоровье населения и в целом подрывающих генофонд стран, такие меры представляются не только юридически, но и морально оправданными.

В данном контексте видится дискуссионным предположение позитивной реакции российских предпринимателей в части использования европейского опыта по реализации *environmental*-принципа ESG, который предполагает не только полное возмещение вреда, причиненного окружающей среде в соответствии с действующим законодательством, но и проведение дополнительных мероприятий по восстановлению нарушенного состояния природных экосистем (данная деятельность по восстановлению осуществляется исключительно добровольно предприятием, причинившим вред природной экосистеме, всегда за счет собственных / привлеченных средств, и, как правило, при этом компания всегда несет убытки)¹¹.

В качестве целей обеспечения экологической безопасности и рационального природопользования в стратегии названы обеспечение качества окружающей среды, необходимого для благоприятной жизни человека, сохранение и восстановление природной среды, сбалансированное природопользование, смягчение негативных последствий изменения климата. Для достижения поставленных целей должна быть решена первоочередная задача — обеспечен экологически ориентированный рост экономики, стимулирован процесс постоянного внедрения инновационных технологий и создания экологически безопасных производств. В условиях масштабных санкций и ограничений на приобретение новых, ресурсосберегающих технологий со стороны ряда экономически развитых стран важным представляется опережающее развитие фундаментальной и прикладной науки.

Современные тенденции развития экологического законодательства свидетельствуют о необходимости разработки новой концепции экологической безопасности, дифференцированной от сферы охраны окружающей среды. Одним из наиболее перспективных направлений в этой сфере, по мнению многих специалистов, является систематизация экологического законодательства путем разработки и принятия Экологического кодекса Российской Федерации¹². Высказанная ими осторожность в части несвоевременности принятия

¹⁰ Дубровина Е.С. Гуманизация уголовного права как тенденция общественного развития // Московский юридический журнал. 2018. № 4. С. 161–172.

¹¹ Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Указ. соч. С. 53.

¹² Боголюбов С.А. Современные проблемы Экологического кодекса // Экологическое право. 2011. № 6. С. 6–10; Голиченков А.К. Экологический кодекс Российской Федерации: основные элементы концепции проекта // Экологическое право России : сборник материалов

такого системообразующего нормативного акта в настоящее время представляется неубедительной, учитывая непрерывно расширяющиеся масштабы экологических проблем, порожденных экологическим кризисом.

В настоящее время, несмотря на заметные успехи в природоохранной деятельности и обеспечении экологической безопасности, целый ряд промышленно развитых стран обращаются к систематизации экологического законодательства, которая, по мнению законодателя этих стран, позитивным образом скажется на качестве окружающей среды в этих странах, обеспечив безусловную реализацию права граждан на безопасную окружающую среду. В частности, с принятием Экологического кодекса КНР концепция экологической цивилизации была закреплена в Конституции, а верховенство экологического права Китая вступило в эпоху «конституционного приоритета». В стране поставлена задача построения «экологической цивилизации»¹³.

Разработка экологического кодекса России должна не только максимально устранить имеющие место коллизии в нормах действующего природоохранного и природоресурсного законодательства, но и существенно повысить их эффективность в сфере обеспечения экологической безопасности как неотъемлемого элемента национальной безопасности России.

Барбашова Н.В.,

профессор кафедры административного и финансового права
юридического факультета Донецкого государственного университета,
доктор юридических наук, профессор
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика)

Литература

1. Агафонов В.Б. Правовое обеспечение экологической безопасности и рационального природопользования на основе ESG-принципов / В.Б. Агафонов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 5 (93). DOI:10.17803/2311-5998.2022.93.5.046-058
2. Барбашова Н.В. Право на здоровую окружающую среду: естественно-правовой аспект / Н.В. Барбашова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2017. Т. 7. № 2 (23).
3. Барбашова Н.В. Экологическое право : монография. Авторский учебник / Н.В. Барбашова. Курск : ЮЗГУ ; Планета + , 2019.

науч. -практ. конф. Вып. 2. 1999–2000 гг. / под ред. А.К. Голиченкова. М., 2001. С. 224-232; Барбашова Н.В. Экологическое право : монография. Авторский учебник. Курск : ЮЗГУ; Изд-во ООО «Планета +», 2019. 464 с.; Игнатъева И.А. Теория и практика систематизации экологического законодательства России. М. : Изд-во МГУ, 2013. 384 с.

¹³ Xu K.; Tian G. Codification and Prospect of China's Codification of Environmental Law from the Perspective of Global Environmental Governance // Int. J. Environ. Res. Public Health 2022. Vol. 19. 9978. URL: DOI:10.3390/ijerph19169978

4. Боголюбов С.А. Развитие законодательства об экологической безопасности / С.А. Боголюбов // Проблемы обеспечения экологической безопасности : сборник научных трудов / под редакцией В.Н. Лопатина. Москва, 2003.
5. Боголюбов С.А. Современные проблемы Экологического кодекса / С.А. Боголюбов // Экологическое право. 2011. № 6.
6. Бринчук М.М. Обеспечение экологической безопасности как правовая категория / М.М. Бринчук // Государство и право. 2008. № 9.
7. Голиченков А.К. Охрана окружающей среды, обеспечение экологической безопасности, обеспечение рационального использования природных ресурсов: термины, содержание, соотношение / А.К. Голиченков // Экологическое право России : сборник материалов научно-практических конференций 1995–2004 гг. Юбилейный выпуск. В 3 томах / под редакцией А.К. Голиченкова. Москва : ТИССО, 2004.
8. Голиченков А.К. Экологический кодекс Российской Федерации: основные элементы концепции проекта / А.К. Голиченков // Экологическое право России : сборник материалов научно-практических конференций. Вып. 2. 1999–2000 гг. / под редакцией А.К. Голиченкова. Москва, 2001.
9. Дубровина Е.С. Гуманизация уголовного права как тенденция общественного развития / Е.С. Дубровина // Московский юридический журнал. 2018. № 4.
10. Жаворонкова Н.Г. Тенденции и перспективы совершенствования государственной политики в области экологического развития / Н.Г. Жаворонкова, В.Б. Агафонов // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 7 (80).
11. Жаворонкова Н.Г. Трансформация экологического права: теоретико-правовые аспекты / Н.Г. Жаворонкова, В.Б. Агафонов // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 41.
12. Игнатьева И.А. Теория и практика систематизации экологического законодательства России / И.А. Игнатьева. Москва : Издательство МГУ, 2013.
13. Краснова И.О. Экологическая безопасность как правовая категория / И.О. Краснова // Lex russica (Русский закон). 2014. Т. 96. № 5.
14. Тонков Е.Е. Возможности совершенствования правового регулирования экологической безопасности в Российской Федерации / Е.Е. Тонков, В.С. Синенко, В.Ю. Туранин // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. 2016. № 3.
15. Xu K. Codification and Prospect of China's Codification of Environmental Law from the Perspective of Global Environmental Governance / K. Xu, G. Tian // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. Vol. 19. Iss. 16. URL: DOI:10.3390/ijerph19169978

Динамика развития экологической безопасности в рамках реализации национального проекта «Экология»

Благоприятная для общества окружающая среда основывается на подержании экологической безопасности, сохранении и воспроизводстве природных ресурсов при использовании природных ресурсов, которые прямым образом зависят от принимаемых мер по охране окружающей среды, фактического поведения субъектов экологических отношений согласно всем требованиям установленного законодательства¹. Благоприятная окружающая среда — это конституционно закрепленное право граждан России². Однако, наряду с правами, каждый из нас несет и обязанности по защите природной среды, установленные ст. 58 Конституции РФ. Природа, ее ресурсы, призванные удовлетворять потребности человека, нуждаются в безопасности со стороны субъектов природопользования³. Определенно отмечается непосредственная связь механизма защиты экологических прав только со сферой безопасности эксплуатации природного богатства страны, а не защита природной среды, неотъемлемой частью которой является человек⁴.

Охрана окружающей среды обусловлена многообразием системы и сложностью ее составляющих компонентов. Сложность природных объектов заключается в том, что земля, атмосферный воздух почва — это взаимодействующие и взаимозависимые между собой компоненты. Так, в случае причинения вреда одному объекту претерпевают негативные последствия и другие объекты окружающей среды.

Например, загрязнение почв отходами производства может сказаться на состоянии как атмосферного воздуха, так и водных объектов, если они находятся вблизи загрязнения. Исходя из этого, органы исполнительной власти обладают специальной межотраслевой компетенцией осуществлять охрану

¹ Краснова И.О. Право на благоприятную окружающую среду как конституционное и экологическое право // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105). С. 170.

² Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г (с учетом поправок, внесенных Законами о поправках к Конституции от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. 2020. № 31. Ст. 4398.

³ Морозов А.А. Право собственности на природные ресурсы // Частное и публичное в вещном праве : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 2 июня 2016 г.). СПб. : ИД «Петрополис». 2016. С. 108–112.

⁴ Морозов А.А. Защита экологических прав // Защита гражданских прав в условиях реформирования гражданского и гражданского процессуального законодательства : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 22 мая 2015 г.). СПб. : Изд. дом «Петрополис», 2015. С. 182–185.

сразу нескольких объектов природной среды. Это дает основание законодателю учитывать специфику объектов окружающей среды и создавать специальные, организационные и правовые условия для осуществления экологического контроля в области охраны окружающей среды.

На сегодняшний день чрезмерную нагрузку на состояние окружающей среды создает интенсивное экономическое развитие хозяйственной деятельности общества. Токсичные выбросы отходов в атмосферу ведут к повышению концентрации вредных веществ и изменению качественного состава атмосферного воздуха. В свою очередь, промышленные отходы, при отсутствии надлежащего способа их ликвидации, загрязняют окружающую среду и приводят к истощению источников природного сырья в регионах нашей страны.

Несмотря на то что каждый субъект экологических правоотношений имеет арсенал правовых возможностей защиты и контроля за состоянием окружающей среды, тем не менее обзор судебной практики демонстрирует множество споров, связанных с негативным воздействием на объект природопользования и о взыскании причиненного вреда окружающей среде⁵.

В рамках национального проекта «Экология» на 2020–2024 гг. проводились работы по улучшению состояния объектов природопользования, по отдельным экологическим областям⁶. К ним относятся сохранение лесов, водных объектов, биологического разнообразия; благоустройство и очистка берегов водоемов от бытового мусора, развитие экологического туризма, оздоровление озера Байкал и реки Волги, а также проведение мероприятий по восстановлению лесов с целью достижения полного баланса между вырубленным и восстановленным лесами.

Несмотря на проведение государственных мероприятий, направленных на создание благоприятной экологической обстановки, проблемы охраны окружающей среды продолжают оставаться актуальными. По данным Обзора загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2023 год, количество экологических правонарушений составляет 15 367 случаев, что в сравнении с 2022 г. – 11 967, показатели значительно увеличились; увеличилось количество нарушений в сфере охраны атмосферного воздуха — 476 нарушений, в том числе 75 эпизодов высокого загрязнения воздуха, что на 59,5% больше, чем за 2022 г.; количество загрязнений рек и водоемов в России за 2023 г. выросло на 62% в сравнении с 2022 г.⁷. Представленные

⁵ Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 июня 2022 г.) // СПС «Консультант-Плюс».

⁶ Национальный проект Экология — Минприроды России. URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/np_ecology/?ysclid=lu1osmpl6e349776599 (дата обращения: 19.06.2024).

⁷ Экология в России // Обзор загрязнения окружающей среды в РФ за 2023 год. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 19.06.2024).

показатели свидетельствуют о негативном состоянии окружающей среды, которая нуждается в помощи со стороны субъектов экологических правоотношений. Статистической отчетности за 2024 г. в официальных источниках по защите экологии на данный момент не представлено для ознакомления, в связи с отсутствием обобщенной и конкретизированной информации. В то же время хочется верить в снижение доли показателей негативного влияния, что благоприятным образом будет влиять на оздоровление природы и населения.

В связи с активным ростом уровня потребления значительно увеличивается объем промышленных отходов. Основной задачей проекта является создание единой системы управления и контроля сферы обращения с отходами I–II классов опасности, а также безопасное их использование. Механизм обращения с отходами имеет нормативно-правовое и методическое регулирование. В настоящее время на законодательном уровне разработана единая система классификационного каталога отходов, определяющая уровень и класс опасности образуемых отходов⁸. Например, отходы первого класса являются наиболее токсичной группой, так как могут нанести серьезный вред окружающей среде без последующего ее восстановления. Вторая группа опасности отходов также имеет высокий риск причинения вреда экологии, после чего процесс нормализации окружающей среды проходит в течение 30 лет. Отмечается, что важной частью проекта является создание производственно-технических комплексов по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов I и II классов опасности. Сортировка образующихся отходов имеет важное значение для создания благоприятных природных условий.

Согласно статистическим данным об обращении с отходами, на период 2024 г. 52,7% отходов направляются на сортировку, что, в сравнении с уровнем сортировки отходов в 2019 г. (14%), говорит о высоких показателях работы инфраструктуры по переработке отходов определенного класса опасности и мощности от их реализации⁹. Однако основная часть отходов продолжает захораниваться на специальных полигонах (80,5% отходов), что негативным образом влияет на состояние природной среды.

Главным экологическим трендом, создающим условия для совершенствования механизма переработки и утилизации отходов высокой категории

⁸ Приказ Росприроднадзора от 22 мая 2017 г. № 242 (ред. от 18.01.2024) «Об утверждении Федерального классификационного каталога отходов» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218071/?ysclid=lu1ncpmk94417451267 (дата обращения: 19.06.2024).

⁹ Информация об образовании, обработке, утилизации, обезвреживании, размещении отходов производства и потребления // Росприроднадзор. URL: <https://https.rpn.gov.ru/open-servic/analytic-data/statistic-reports/production-consumption-waste/> (дата обращения: 19.06.2024).

опасности, является разработка производственно-технических комплексов по обработке, утилизации и обезвреживанию таких отходов, так называемых экотехнопарков, созданных на базе бывших предприятий по уничтожению химического оружия. Такие объекты химически опасны в связи с ежегодным поступлением на их территорию 50 тыс. т отходов, содержащих вредные химические вещества, что может вызвать различного рода опасные заболевания¹⁰. С целью снижения негативного влияния предложено размещать данные объекты в местах, отдаленных от постоянно проживающего населения.

Кроме того, 1 марта 2022 г. была введена информационная система учета и контроля за обращением с отходами I и II классов опасности, которая обеспечила прозрачность процесса работы с отходами, начиная с момента образования опасных отходов до их последующей утилизации. Данный экологический тренд разработан в первую очередь для эффективной переработки отходов на производствах, направлен на разрешение проблемы обеспечения качественного учета и контроля образуемых опасных отходов, их эффективную переработку и снижение уровня накопления.

С опасными отходами население сталкивается и в бытовых условиях. Различные батарейки, ртутные термометры, лекарственные препараты с истекшим сроком годности относятся к отходам I и II классов опасности, системный сбор которых на сегодняшний день отсутствует. Раздельный сбор некоторых видов опасных отходов, в основном батареек, осуществляется, как правило, конкретными организациями. Так, например, на территории Санкт-Петербурга существуют экопункты по приему опасных отходов от населения¹¹. Однако на практике реализация данной процедуры имеет затруднения в связи с отсутствием разработанной системы сбора отходов, механизма финансирования проводимых работ и услуг и др.

В то же время мало исследованным остается вопрос внедрения новых технологий на производствах с целью осуществления эффективной переработки отходов. Так, например, исходя из статистических показателей отходов производства и потребления, всего лишь 5–7% объема отходов отправляются на переработку, остальные 93–95% утилизируются на полигонах¹².

¹⁰ Трубачев А.В., Трубачева Л.В., Александрова О.А. Производственно-технические комплексы по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов I–II классов опасности: экологические проблемы и пути их решения // Экологическая безопасность в техносферном пространстве : сборник материалов Пятой Международной научно-практической конференции преподавателей, молодых ученых и студентов. Екатеринбург, 2022. С. 293.

¹¹ Прием опасных отходов от населения // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга. URL: <https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/ecology/ekomobil/> (дата обращения: 19.06.2024).

¹² Информация об образовании, обработке, утилизации, обезвреживании, размещении отходов производства и потребления // Росприроднадзор. URL: <https://https.rpn.gov.ru/open-service/analytic-data/statistic-reports/production-consumption-waste/> (дата обращения: 10.06.2024).

Определенно институт утилизации отходов требует внедрения современных технологий, оптимально обоснованной системы управления для решения глобальных экологических задач, связанных с отходами производства¹³. В ближайшем будущем, с 2030 г. изменится процедура захоронения отходов. Это позволит снизить уровень несанкционированных свалок, что значительным образом повлияет на благополучие окружающей среды. И такие положительные результаты уже отмечаются в различных регионах России. Также одной из главных проблем проведения экологического контроля является отсутствие прозрачной системы информирования о показателях эффективного проведения экологического контроля¹⁴. Например, зачастую анализ статистической отчетности предприятий демонстрирует некорректные показатели уровня осуществления контрольной деятельности в сфере обеспечения безопасности окружающей среды, что является существенным недостатком. Несмотря на то, что уполномоченными органами систематически проводятся экологические мониторинги, на основе которых формируются статистические показатели о результатах экологического контроля. Однако основной объем информации о проведении экологического контроля в области охраны окружающей среды должным образом не обрабатывается, что, соответственно, говорит о сомнительной достоверности представленных показателей¹⁵.

Как отмечает Е.И. Добролюбова, «охрана окружающей среды — это одна из областей, в которой используемые показатели в большей степени влияют на уровень антропогенного воздействия»¹⁶.

Действительно, отсутствие достоверной информации о состоянии окружающей среды, степени негативного воздействия не позволяет в должной мере понять, насколько экология нуждается в помощи со стороны субъектов экологических правоотношений. Так, в 2024 г. вступили в силу нормы, увеличивающие ставки платы за выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух: минимальный размер штрафа составляет 1 млн руб., максимальный — 5% от годовой выручки предприятия; изменилась система квотирования выбросов в атмосферу; и другие законодательные нововведения¹⁷.

¹³ Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 268-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О внесении изменений в Федеральный закон “Об отходах производства и потребления” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 29 (часть III). Ст. 5235.

¹⁴ Добролюбова Е.И. Международный опыт оценки результативности и эффективности экологического контроля // Власть и государственное управление. 2016. С. 35.

¹⁵ Данилова Н.В. Экологический надзор и реформа экологического законодательства // Теоретические проблемы отраслей права. 2016. № 10 (119). С. 90.

¹⁶ Добролюбова Е.И. Международный опыт оценки результативности и эффективности экологического контроля // Власть и государственное управление. 2016. С. 33.

¹⁷ Нововведения в экологическое законодательство России, запланированные на 2024 год. URL: <https://ecovictory-spb.ru/blog/novovvedeniya-v-ekologicheskoe-zakonodatelstvo-rossii-zaplanirovannyh-na-2024-god/?ysclid=lsnqmyraq289703254> (дата обращения: 10.06.2024).

С целью усиления экологического контроля на сегодняшний день предприятия, оказывающие негативное влияние на окружающую среду 1-й категории, должны быть оборудованы автоматическими средствами измерения и учета объема выбросов загрязняющих веществ¹⁸. Такая процедура позволит повысить уровень оперативного регулирования для сокращения вредного воздействия от отходов производств. Безусловно, изменения в законодательстве определяют актуальное направление развития экологии в целом и экологического контроля в области охраны окружающей среды в частности. Однако усиление положений об осуществлении экологического контроля в области охраны окружающей среды зачастую не приводит к снижению количества совершенных экологических правонарушений.

В отчетном докладе о видах проведения экологического контроля в области охраны окружающей среды Росприроднадзор обращает особое внимание на значимость проведения профилактических мероприятий, направленных на снижение риска причинения вреда природным ценностям, что является приоритетным направлением по отношению к контрольной деятельности¹⁹. Такая процедура позволит повысить уровень экологического просвещения со стороны граждан, субъектов хозяйственной деятельности, которые будут осознавать, насколько негативны последствия от причиненного вреда экологии. В целях оптимизации экологического контроля в области охраны окружающей среды вносятся предложения о внедрении мероприятий, направленных на предупреждение эколого-правовых рисков в хозяйственной деятельности.

Применение дополнительных контрольно-организационных мероприятий по охране природных территорий, имеющих уникальные природные ресурсы, а также активное внедрение и использование информационных технологий в целях экологического просвещения населения позволят улучшить механизм проведения экологического контроля за безопасностью и сохранением благосостояния окружающей среды от воздействия негативных отходов производства и потребления.

Морозов А.А.,

доцент кафедры гражданского права
Северо-Западного филиала Российского государственного
университета правосудия имени В.М. Лебедева,
кандидат юридических наук
(г. Санкт-Петербург)

¹⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 22 января 2024 г. № 39 «Об особенностях создания и эксплуатации систем автоматического контроля, указанных в Федеральном законе “Об охране окружающей среды”, на квотируемых объектах в части контроля выбросов приоритетных загрязняющих веществ» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410263/f2326f5ad9d49cd876e58b3ca2aca64c41b/

¹⁹ Доклад о виде государственного контроля // Росприроднадзор. URL: (дата обращения: 10.06.2024).

Литература

1. Данилова Н.В. Экологический надзор и реформа экологического законодательства / Н.В. Данилова // Теоретические проблемы отраслей права. 2016. № 10 (119).
2. Добролюбова Е.И. Международный опыт оценки результативности и эффективности экологического контроля (надзора) / Е.И. Добролюбова // Вопросы управления. 2016. № 4 (41).
3. Краснова И.О. Право на благоприятную окружающую среду как конституционное и экологическое право / И.О. Краснова // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105).
4. Морозов А.А. Защита экологических прав / А.А. Морозов // Защита гражданских прав в условиях реформирования гражданского и гражданского процессуального законодательства : материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 22 мая 2015 г.) : сборник научных статей. Санкт-Петербург : Издательский дом «Петрополис», 2015.
5. Морозов А.А. Право собственности на природные ресурсы / А.А. Морозов // Частное и публичное в вещном праве : материалы международной научно-практической конференции (г. Санкт-Петербург, 2 июня 2016 г.) : сборник научных статей. Санкт-Петербург : Издательский дом «Петрополис», 2016.
6. Трубачев А.В. Производственно-технические комплексы по обработке, утилизации и обезвреживанию отходов I–II классов опасности: экологические проблемы и пути их решения / А.В. Трубачев, Л.В. Трубачева, О.А. Александрова // Экологическая безопасность в техносферном пространстве : материалы Пятой Международной научно-практической конференции преподавателей, молодых ученых и студентов (г. Екатеринбург, 20 мая 2022 года) : сборник научных статей / составители : С.В. Анахов, И.В. Гордеева, Г.В. Харина. Екатеринбург : Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2022.

Глобальные планы устойчивого развития как фактор развития экологической политики России¹

Вторая половина XX в. и текущий XXI в. поставили на повестку дня множество разноплановых проблем, отражающих глобальные кризисные явления и вызовы, которые с большей или меньшей степенью успешности преодолевает человечество. Однако среди таковых сформировался блок экологических проблем, острота которых не только не ослабевает, но и имеет тенденцию к обострению и расширению ареалов их проявления. К таким наиболее острым и носящим глобальный характер экологическим проблемам относят климатические изменения и загрязнение окружающей среды, и одним из приоритетных направлений их решения определена стратегия устойчивого развития.

В ряду наиболее значимых международных актов, посвященных охране окружающей среды, следует отметить: Декларацию Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию (принята в г. Рио-де-Жанейро 14 июня 1992 г.)²; Декларацию тысячелетия Организации Объединенных Наций (принята в г. Нью-Йорке 8 сентября 2000 г. Резолюцией 55/2 на 8-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН)³; Йоханнесбургскую декларацию по устойчивому развитию 2002 г.⁴; итоговый документ Конференции Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию «Будущее, которого мы хотим» (принят Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 27 июля 2012 г. № 66/288)⁵, Резолюцию № 70/1 Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» (принята в г. Нью-Йорке 25 сентября 2015 г. на 4-м пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН)⁶ и др., а в части борьбы с климатическими изменениями наиболее важным является Парижское соглашение (заключено в г. Париже 12 декабря 2015 г.)⁷.

¹ Статья подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс».

² Международное публичное право : сборник документов. Т. 2. М. : БЕК, 1996. С. 135–138.

³ СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Принята на Всемирной встрече на высшем уровне по устойчивому развитию (г. Йоханнесбург, Южная Африка, 26 августа — 4 сентября 2002 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_wssd.shtml (дата обращения: 27.11.2024).

⁵ URL: <https://undocs.org/ru/a/66/l.56> (дата обращения: 27.11.2024).

⁶ СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Бюллетень международных договоров. 2020. № 4.

Все эти документы объединяет признание принципов устойчивого развития стратегическим направлением развития человечества. Следует отметить, что становление экологической политики России в «фарватере» стратегии устойчивого развития было определено Указом Президента РФ от 4 февраля 1994 г. № 236 «О государственной стратегии Российской Федерации по охране окружающей среды и обеспечению устойчивого развития»⁸.

Активное сотрудничество России с международным сообществом в сфере охраны окружающей среды получило доктринальное обоснование: в частности, в научной литературе получили широкое распространение теоретически обоснованные позиции о воздействии международно-правовых актов на формирование и развитие национальных институтов экологического права⁹. Однако в последние годы, вследствие обострения внешнеполитической ситуации на наших западных рубежах, определенно наметилась тенденция «дистанцирования» («суверенизации») российского законодательства от якобы излишнего влияния международно-правовых актов¹⁰. И если, в частности, в сфере повышения «технологического суверенитета», защиты финансовой и информационных систем названные меры имеют позитивный потенциал, то в сфере охраны окружающей среды международное сотрудничество (а значит, и международное регулирование) является необходимым средством сохранения природной среды и благоприятной окружающей среды в целом как естественной основы жизни и деятельности для нынешнего и будущих поколений народов России.

Наиболее значимым документом, определившим цели и задачи социально-экономического и экологического развития страны, является Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»¹¹, которым в новом аспекте обозначена стратегическая цель экологического развития — экологическое благополучие. Однако 2024 г. характеризуется не только отмеченным смещением вектора национальной экологической политики, но и принятием международных документов, имеющих глобальное значение для координации усилий международного сообщества в преодолении кризисных явлений социально-экономического и экологического развития человечества. Таким документом без преувеличения можно считать «Пакт во имя

⁸ САПП РФ. 1994. № 6. Ст. 436. Указ утратил силу с 19 апреля 2017 г. в связи с изданием Указа Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176.

⁹ См., к примеру: Институты экологического права / С.А. Боголюбов [и др.]. М. : Эксмо, 2010. С. 45–55.

¹⁰ К примеру, см.: Федеральный закон от 30 апреля 2021 г. № 113-ФЗ «О внесении изменений в статью 4 Земельного кодекса Российской Федерации и статью 9 Жилищного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 18. Ст. 3057.

¹¹ СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.

будущего»¹², которым подтверждена для дальнейшей реализации стратегия устойчивого развития, а в контексте наиболее острых экологических проблем названо изменение климата.

Безусловная значимость стратегии устойчивого развития и необходимость борьбы с климатическими изменениями подтверждены участниками XVI Саммита БРИКС, что нашло отражение в Казанской декларации «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности»¹³ (далее — Декларация). В частности, в Декларации отмечена особая значимость «Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» и ее целей в области устойчивого развития; указано, что их реализация должна учитывать различные национальные условия. В экологической повестке в Декларации отмечаются и иные направления совместной деятельности членов БРИКС в осуществлении целей устойчивого развития.

Таким образом, деятельность по охране окружающей среды, обеспечению экологической безопасности и экологического благополучия представляет собой одну из наиболее интернационализированных сфер деятельности, в которой международные акты играют важную роль, а изучение международного (иностранного) позитивного опыта и адаптированного его применения в национальных условиях представляется одним из актуальных направлений повышения эффективности природоохранной деятельности российских органов публичной власти. Этот вывод подтверждается, на наш взгляд, и исходя из смысла положений ч. 3–5 ст. 2 Федерального закона «Об охране окружающей среды»¹⁴, где в ряду важнейших источников правового регулирования экологических отношений указаны международные договоры.

Такой сферой природоохранной деятельности, приобретающей все более интернациональный характер и ставшей «злободневной» в нашей стране, является сфера обращения с отходами в целом и отдельными его компонентами. Так, в частности, международным сообществом признано, что загрязнение окружающей среды изделиями из пластика приобрело характер глобального бедствия. По данным, представленным ОСЭР, производство пластика (изделий из него) к 2040 г. увеличится до 736 млн т. против 435 млн т., произведенных в 2020 г., при этом только около 6% пластика будет

¹² Резолюция 79/1 принята Генеральной Ассамблеей ООН 22 сентября 2024 г. «Пакт во имя будущего». URL: <https://www.un.org/ru/summit-of-the-future/pact-for-the-future-revisions> (дата обращения: 27.11.2024).

¹³ Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности» (принята в г. Казани 23 октября 2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 08.08.2024 №296-ФЗ) «Об охране окружающей среды» // СПС «КонсультантПлюс».

произведено из переработанных материалов. Одновременно, по прогнозам, увеличится с 81 млн т. в 2020 г. до 119 млн т. в 2040 г. количество неутилизованного или выброшенного пластика, попадание которого в окружающую среду, включая водные объекты (реки, озера, моря и др.), создает угрозу жизни и здоровью обитающей в водных объектах биоте, а также человеку¹⁵. В связи с этим мировым сообществом уже в течение ряда лет ведется работа по подготовке международного договора о борьбе с загрязнением пластмассами, в котором одним из главных средств такого противодействия рассматриваются вторичная переработка и другие меры¹⁶.

Необходимо отметить, что определенные усилия в этом направлении прилагают региональные международные объединения и национальные правительства. Так, директива Европейского парламента и Совета Европейского союза «О снижении воздействия некоторых пластиковых изделий на окружающую среду»¹⁷ установила обязанность государств — членов ЕС запретить размещение на рынке ряда одноразовых пластиковых изделий; обеспечить, чтобы на одноразовом пластиковом изделии или на его упаковке была указана соответствующая маркировка, предусмотрены другие меры, включая расширенную ответственность производителей такой продукции. Одним из главных направлений повышения эффективности природоохранной деятельности в сфере обращения с изделиями из пластмасс в директиве указан раздельный сбор. Установлено, что государства — члены ЕС должны принять необходимые меры с целью обеспечения раздельного сбора для переработки к 2025 г. количества отходов в виде соответствующих одноразовых пластиковых изделий, составляющих 77% от общей массы этих одноразовых пластиковых изделий, размещенных на рынке в указанном году, а к 2029 г. 90% от общей массы указанных одноразовых пластиковых изделий.

Отдельные шаги по преодолению последствий избыточного загрязнения пластиковыми отходами предпринимаются и в России. Так, распоряжением Правительства РФ от 14 октября 2024 г. № 2827-р¹⁸ с 1 сентября 2025 г. вводится запрет на производство ряда бутылок из полиэтилентерефталата для пищевой промышленности, упаковки из полиэтилентерефталата с нанесением

¹⁵ См.: URL: <https://www.oecd.org/en/about/news/press-releases/2024/10/policy-scenarios-for-eliminating-plastic-pollution-by-2040.html> (дата обращения: 27.11.2024).

¹⁶ См. подроб.: Авхадеев В.Р., Боброва Ю.В. Сотрудничество государств в сфере правовой охраны Мирового океана от загрязнения и сохранения биоразнообразия морской среды // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. № 5. С. 85–94.

¹⁷ Директива № 2019/904 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О снижении воздействия некоторых пластиковых изделий на окружающую среду» (принята в г. Брюсселе 5 июня 2019 г.) (документ вступил в силу 2 июля 2019 г.) // СПС «Консультант-Плюс».

¹⁸ СЗ РФ. 2024. № 43. Ст. 6435.

на нее этикетки из поливинилхлорида (за исключением термоусадочной этикетки) и др. Сравнительный анализ перечня мер и сроков исполнения в сфере обращения пластиковой продукции и соответствующих отходов очевидно свидетельствует о том, что европейский опыт организации работы в данной сфере и по масштабу мер и по уже достигнутым результатам являет собой позитивный пример, лишь отдельные элементы которого запланированы к введению в России.

Задача расширения переработки отходов производства и потребления является одной из важнейших в сфере обращения с отходами, от позитивного решения которой во многом зависит в целом успех в достижении стратегических целей экологического развития страны. Указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» установил следующие целевые показатели и задачи, выполнение которых характеризует достижение национальной цели «Экологическое благополучие» — формирование экономики замкнутого цикла, обеспечивающей к 2030 г. сортировку 100% объема ежегодно образуемых ТКО, захоронение не более чем 50% таких отходов и вовлечение в хозяйственный оборот не менее чем 25% отходов производства и потребления в качестве вторичных ресурсов и сырья; утилизация и обезвреживание к 2036 г. не менее чем 50% общего объема отходов I и II классов опасности и др.

Текущее состояние дел в данной сфере видно из выступлений высокопоставленных должностных лиц и аналитических материалов. Так, отдельные оценки ситуации по организации работы в сфере обращения с отходами производства и потребления были даны курировавшим данную сферу (с января 2020 г. по май 2024 г.) заместителем председателя Правительства РФ В. Абрамченко. Так, ею высказан ряд критических замечаний в отношении ряда субъектов Федерации Сибири, где к началу 2024 г. утилизировалось всего около 2% твердых коммунальных отходов, и по этому показателю Сибирский федеральный округ занимал последнее место, притом что на начало 2024 г. средняя доля утилизации ТКО в стране составила 12%¹⁹.

Более оптимистично В. Абрамченко представила ряд экологических достижений в сфере обращения с отходами 8 февраля 2024 г. на выставке «Россия», отметив, что благодаря реформе обращения с ТКО появилось 249 объектов, общей мощностью более 20 млн т. для сортировки отходов и для утилизации отходов мощностью 6 млн т. в год, при этом доля коммунальных отходов, направляемых на обработку, составила 53%²⁰.

¹⁹ См.: Прокопьев Ю. «Вице-премьер раскритиковала регионы СФО за провал “мусорной” реформы» // Российская газета — Экономика Сибири. 2024. 22 февраля.

²⁰ См.: URL: <http://government.ru/news/50829> (дата обращения: 27.11.2024).

Названные отчетные показатели «достижений» проводимой реформы в сфере обращения с отходами должны получить свою оценку, на наш взгляд, не только и не столько из достигнутых результатов, а в сравнении с запланированными на «старте» реформами. И, пожалуй, одним из наиболее значимых показателей, объективно характеризующим результаты, является показатель доли утилизации ТКО в стране в 12%, тогда как изначально национальный проект «Экология»²¹ предусматривал направление на утилизацию в 2024 г. 36% ТКО из их общего объема²². Такое «облегченное» выполнение намеченных целей, разумеется, имеет и объективную подоплеку (факторы экономического характера, негативные внешние факторы, к примеру санкции, и др.). Однако в таких условиях, на наш взгляд, необходимо не только пересматривать запланированные ранее показатели, но и определить стратегически доступные направления снижения антропогенного воздействия на окружающую среду в данной сфере, что предполагает корректировку государственной экологической политики, руководствуясь реалистическими подходами. К таковым следует прежде всего отнести меры по сокращению объемов образования всех видов отходов. Такой подход ранее был обоснован в научной литературе²³ и нашел отражение в Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 г. (п. 15)²⁴.

Таким образом, рассматривая глобальную стратегию устойчивого развития, включая рациональное использование и охрану природных ресурсов, как важную составляющую государственной экологической политики²⁵, необходимо скорректировать запланированные целевые показатели и задачи национальной цели «Экологическое благополучие», сфокусировав внимание на исполнении публично-правовыми образованиями конституционных обя-

²¹ См.: Паспорт национального проекта «Экология» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). Утратил силу в связи с утверждением Минприроды России нового Паспорта национального проекта «Экология» // СПС «КонсультантПлюс».

²² Исходя из достигнутых в данной сфере результатов за время реализации национально-го проекта «Экология», предусмотренные Указом Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» приведенные выше целевые показатели и задачи, выполнение которых характеризует достижение новой национальной цели «Экологическое благополучие», представляются излишне оптимистичными.

²³ См.: Васильева М.И. Природноресурсовые факторы энергетики в российском законодательстве // Энергетическое право. 2010. № 1. С. 23–31.

²⁴ Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года : утверждены Президентом РФ 30 апреля 2012 г. // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ См. подробнее: Харьков В.Н. Обеспечение экологической безопасности и устойчивое развитие как конституционные принципы экологической политики Российской Федерации // Экологическое право. 2019. № 4. С. 3–6.

занностей, установленных ст. 9, 36, 42, 58 Конституции РФ. По нашему мнению, именно такой подход следует рассматривать как составной элемент общей международной природоохранной политики, сосредоточив усилия на национальном уровне на поддержании достигнутого уровня экологической безопасности и экологического благополучия и тем самым обеспечив реально возможный прогресс в имеющей глобальное значение деятельности, направленной на сбережение природы и окружающей среды в качестве главного условия сохранения человечества.

Харьков В.Н.,

доцент кафедры гражданского и предпринимательского права

Института права и управления

Тульского государственного университета,

кандидат юридических наук, доцент

(г. Тула)

Литература

1. Авхадеев В.Р. Сотрудничество государств в сфере правовой охраны Мирового океана от загрязнения и сохранения биоразнообразия морской среды / В.Р. Авхадеев, Ю.В. Боброва // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2024. № 5.
2. Васильева М.И. Природноресурсовые факторы энергетики в российском законодательстве / М.И. Васильева // Энергетическое право. 2010. № 1.
3. Институты экологического права / Е.А. Галиновская, Ю.Г. Жариков, Н.В. Кичигин [и др.] ; руководитель авторского коллектива С.А. Боголюбов. Москва : Эксмо, 2010.
4. Харьков В.Н. Обеспечение экологической безопасности и устойчивое развитие как конституционные принципы экологической политики Российской Федерации / В.Н. Харьков // Экологическое право. 2019. № 4.

Исламские финансовые институты в Турции: регулирование и перспективы

В современном мире исламские финансы становятся все более значимым компонентом глобальной финансовой системы. Их принципы, основанные на этических нормах и справедливости, привлекают внимание не только мусульманских стран, но и государств с преимущественно немусульманским населением. Турция, обладая уникальным геополитическим положением между Европой и Азией, играет ключевую роль в интеграции исламских финансов в мировую экономику.

1. Понятие и принципы исламских финансов

Основы исламского финансового права

Исламские финансы основываются на шариате — системе религиозных норм и правил, регулирующих все аспекты жизни мусульманина¹. В финансовой сфере шариат запрещает взимание и выплату процентов (риба), а также инвестирование в запрещенные виды деятельности, такие как алкоголь, азартные игры и порнография². Вместо этого поощряется разделение прибыли и убытков, прозрачность сделок и социальная ответственность бизнеса.

Основные финансовые инструменты

Среди основных инструментов исламских финансов выделяют:

- **мудароба** — партнерство, при котором один партнер предоставляет капитал, а другой — управление и труд;
- **мушарака** — совместное предприятие, где все партнеры вносят капитал и участвуют в управлении;
- **мурабаха** — продажа товаров с наценкой, известной покупателю;
- **иджара** — лизинг или аренда активов.

Эти инструменты позволяют строить финансовые продукты, соответствующие шариату, и удовлетворять потребности клиентов в финансировании и инвестициях.

Этические аспекты

Исламские финансы акцентируют внимание на справедливости и благополучии общества. Они поощряют инвестиции в реальные экономические

¹ Ахметов А.Б. Основы исламских финансов. 2010. С. 15.

² El-Gamal M.A. Islamic Finance: Law, Economics, and Practice. 2006. P. 25.

проекты, способствующие развитию инфраструктуры и созданию рабочих мест³. Кроме того, значительная часть прибыли направляется на благотворительность и социальные программы.

2. История развития исламских финансов в Турции

Ранний период (1980-е годы)

В 1980-х годах Турция переживала значительные экономические и политические преобразования, направленные на либерализацию экономики и интеграцию в мировую финансовую систему⁴. Правительство, стремясь привлечь иностранные инвестиции и стимулировать экономический рост, начало реформирование финансового сектора. В этом контексте возникла потребность в альтернативных финансовых моделях, соответствующих культурным и религиозным традициям страны.

В 1983 году были созданы «Специальные финансовые институты» (Special Finance Houses), которые предоставляли финансовые услуги на основе принципов исламского права⁵. Эти учреждения получили поддержку со стороны правительства и были освобождены от некоторых налоговых обязательств, что способствовало их развитию. Они привлекали вклады населения и предоставляли финансирование предприятиям, избегая при этом взимания процентов.

Первые институциональные шаги в направлении исламских финансов были восприняты с осторожностью как внутри страны, так и на международной арене⁶. Однако успешная деятельность этих институтов продемонстрировала жизнеспособность исламских финансовых моделей в турецком контексте.

Переходный период и переименование

В начале 2000-х годов Турция активизировала свои усилия по вступлению в Европейский союз, что потребовало дальнейшей гармонизации ее законодательства с европейскими стандартами. В 2005 году был принят новый Закон о банковской деятельности № 5411, который объединил все финансовые институты под единой регуляторной системой. «Специальные финансовые институты» были переименованы в «Банки-участники» (Participation Banks), что отражало их новую роль и статус в экономике страны.

Переименование и реорганизация банков-участников позволили им расширить спектр предоставляемых услуг и привлечь больше клиентов. Они начали активно внедрять новые продукты, соответствующие принципам шариата, такие как сукук (исламские облигации), такафул (исламское страхование) и др. Это способствовало росту их доли на финансовом рынке и повышению конкурентоспособности.

³ Chapra M.U. Islamic Economics and Finance: A Glossary. 2014. P. 90.

⁴ Kara İ. History of Participation Banking in Turkey. 2015. C. 46.

⁵ Khan F., Porzio M. Islamic Banking and Finance in the European Union: A Challenge. 2010. P. 112.

⁶ Gökmen G. Islamic Finance in Turkey: A Sectoral Overview. 2013. P. 58.

В этот период банки-участники также начали инвестировать в информационные технологии и человеческие ресурсы, что позволило им улучшить качество обслуживания и расширить географическое присутствие⁷. Были открыты новые филиалы не только в крупных городах, но и в регионах, что способствовало финансовой инклюзивности.

Современный этап развития

В последние годы банки-участники продолжают демонстрировать устойчивый рост, несмотря на экономические вызовы, такие как колебания валютного курса и глобальные финансовые кризисы⁸. Их активы и капиталы увеличиваются, а сеть филиалов расширяется по всей стране. Согласно данным Ассоциации банков-участников Турции (ТКВВ), доля банков-участников в общем банковском секторе достигла 7% в 2023 г.⁹

Кроме того, турецкие банки-участники начали выходить на международные рынки, открывая филиалы и представительства в других странах¹⁰. Это позволяет им привлекать иностранные инвестиции и расширять географию своей деятельности. Они также активно участвуют в разработке международных стандартов исламских финансов и сотрудничают с глобальными организациями в этой сфере.

Современный этап развития характеризуется также усилением конкуренции между банками-участниками и традиционными финансовыми институтами¹¹. Банки-участники внедряют инновационные продукты, используют цифровые технологии и стремятся повысить лояльность клиентов через качественное обслуживание.

3. Правовое регулирование исламских финансовых институтов в Турции

Основные законодательные акты

Основой правового регулирования банковского сектора в Турции является Закон о банковской деятельности от 2005 г. № 5411. Этот закон устанавливает общие правила для создания, лицензирования, деятельности и надзора за банками. В нем предусмотрены специальные положения, учитывающие особенности банков-участников. Закон признает их как полноправных участников финансового рынка и обеспечивает им равные условия с традиционными банками.

⁷ KPMG Turkey. Islamic Banking in Turkey. 2022. P. 15.

⁸ Ernst & Young. World Islamic Banking Competitiveness Report 2023. 2023. P. 22.

⁹ TKBB. Annual Report 2022. 2023. С. 30.

¹⁰ Deloitte. The Future of Islamic Finance in Turkey. 2022. P. 18.

¹¹ Al H., Şen H. Competition between Conventional and Participation Banks in Turkey. 2022. P. 452.

Кроме того, существуют другие законодательные акты, регулирующие специфические аспекты исламских финансов, такие как Закон о рынках капитала, регулирующий выпуск сукука, и Закон о страховании, охватывающий такафул. Эти акты создают правовую основу для развития различных сегментов исламских финансовых услуг.

Специальные регулятивные нормы

Агентство банковского регулирования и надзора (BRSA) разрабатывает и внедряет специальные регулятивные нормы для банков-участников. Эти нормы учитывают уникальные особенности исламских финансов, такие как запрет на рибх и требования по разделению прибыли и убытков. В них прописаны требования к корпоративному управлению, управлению рисками, раскрытию информации и отчетности.

Также важную роль играют шариатские советы, которые существуют при банках-участниках и обеспечивают соответствие их продуктов и услуг принципам шариата¹². Эти советы состоят из экспертов в области исламского права и экономики и являются ключевым звеном в процессе разработки и внедрения новых финансовых инструментов.

Важным элементом правового регулирования является также внедрение стандартов бухгалтерского учета и отчетности, соответствующих международным и исламским нормам. Это способствует повышению прозрачности и доверия к банкам-участникам со стороны инвесторов и клиентов.

Роль регулирующих органов

Центральный банк Республики Турции отвечает за проведение денежно-кредитной политики и обеспечение финансовой стабильности. Он осуществляет надзор за платежными системами, устанавливает требования к резервам и регулирует операции на открытом рынке. Хотя Банк Турции не регулирует напрямую банки-участники, его политика оказывает значительное влияние на их деятельность.

Банк Турции также сотрудничает с банками-участниками в вопросах развития новых финансовых инструментов и внедрения инноваций. Это включает поддержку в области исследований и развития, а также участие в совместных проектах.

Агентство банковского регулирования и надзора (BRSA)

BRSA является основным регулирующим органом банковского сектора в Турции. Оно отвечает за лицензирование банков, контроль за их деятельностью, внедрение регулятивных норм и обеспечение защиты прав потребителей. Для банков-участников BRSA устанавливает специальные требования, связанные с их операционной моделью и рисками.

¹² Hasan Z. Regulatory Framework of Shariah Governance System. 2010. P. 95.

BRSA также сотрудничает с международными организациями, такими как Базельский комитет по банковскому надзору и Исламский финансовый сервисный совет (IFSB), для внедрения лучших практик и международных стандартов. Это способствует укреплению финансовой стабильности и повышению доверия инвесторов.

Другие регулирующие органы

Кроме BRSA и Банка Турции, в регулировании исламских финансовых институтов участвуют другие государственные органы, такие как Совет по рынкам капитала (CMB) и Министерство финансов. Они регулируют деятельность в области выпуска исламских ценных бумаг, налогообложения и финансовой отчетности.

Международные стандарты и сотрудничество

Турция активно участвует в работе международных организаций, занимающихся развитием исламских финансов. Это включает:

- **Исламский финансовый сервисный совет (IFSB):** Турция внедряет стандарты и руководства IFSB, что способствует гармонизации регулятивных норм и повышению качества надзора;

- **Организация исламского сотрудничества (OIC):** как член OIC, Турция участвует в разработке стратегий и программ по развитию исламской экономики и финансов;

- **Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк:** Турция сотрудничает с этими организациями в рамках программ технической помощи и обмена опытом в области финансового регулирования.

Это международное сотрудничество позволяет Турции внедрять передовые практики, повышать конкурентоспособность своих финансовых институтов и привлекать иностранные инвестиции.

4. Перспективы развития исламских финансовых институтов в Турции

Рост внутреннего рынка

С увеличением населения и ростом среднего класса в Турции наблюдается повышение спроса на разнообразные финансовые продукты¹³. Исламские финансы предлагают альтернативу традиционным банковским услугам, что привлекает как религиозно мотивированных клиентов, так и тех, кто ищет этически ориентированные инвестиции.

Инвестиционный потенциал

Исламские финансовые институты обладают потенциалом привлечения инвестиций из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Это может спо-

¹³ Demir F. Economic Growth and Islamic Finance in Turkey. 2019. P. 80.

способствовать развитию инфраструктурных проектов и стимулировать экономический рост.

Стратегические инициативы

Правительство Турции разработало ряд стратегических планов, направленных на развитие исламских финансов. Это включает в себя налоговые льготы, упрощение процедур лицензирования и поддержку образовательных программ в области исламской экономики.

Развитие законодательной базы

Продолжается работа над совершенствованием нормативно-правовой базы для создания благоприятных условий для исламских финансовых институтов. В частности, рассматриваются вопросы о введении законов, регулирующих деятельность сукука и других финансовых инструментов.

Международное сотрудничество

Турецкие банки активно сотрудничают с финансовыми институтами стран Персидского залива и Юго-Восточной Азии¹⁴. Это позволяет обмениваться опытом, привлекать иностранный капитал и расширять присутствие на международных рынках.

Участие в международных организациях

Участие Турции в международных организациях способствует гармонизации стандартов и облегчает интеграцию в глобальную финансовую систему. Это открывает новые возможности для экспансии и привлечения инвесторов.

5. Вызовы и проблемы

Необходимость гармонизации законодательства

Несмотря на существующие законы, регулирующие деятельность исламских финансовых институтов, есть необходимость в дальнейшем совершенствовании нормативно-правовой базы. Это включает в себя:

- разработку специальных законов для исламских финансовых инструментов;
- устранение противоречий между шариатскими принципами и существующим законодательством;
- обеспечение прозрачности и защиты прав потребителей.

Отсутствие единых стандартов

Различия в интерпретации шариатского права могут приводить к несоответствиям в практике разных институтов. Это затрудняет регуляторный надзор и создает препятствия для международного сотрудничества.

¹⁴ Aliyev K. International Cooperation in Islamic Finance. 2021. P. 155.

Осведомленность населения

Недостаточная финансовая грамотность населения ограничивает понимание преимуществ исламских финансов. Многие потенциальные клиенты не осведомлены о доступных продуктах и услугах.

Культурные и социальные факторы

Секуляризм, закрепленный в Конституции Турции, влияет на восприятие исламских финансовых институтов. Некоторые слои общества могут относиться к ним с осторожностью или недоверием.

Конкуренция с традиционными банками

Традиционные банки обладают значительными ресурсами и установившейся клиентской базой. Банки-участники сталкиваются с вызовом конкурентоспособности и необходимостью предлагать уникальные ценностные предложения.

Заключение

Исламские финансовые институты в Турции находятся на этапе активного развития и обладают значительным потенциалом для дальнейшего роста. При поддержке государства, совершенствовании законодательной базы и повышении осведомленности населения они могут стать важным элементом финансовой системы страны. Это не только укрепит экономические позиции Турции, но и усилит ее роль как моста между Востоком и Западом, способствуя интеграции исламских финансов в глобальную экономику.

Абдуллаев Р.А. оглы,

аспирант кафедры гражданского права и процесса
Академии труда и социальных отношений;
управляющий партнер юридической компании 'R&A Group Ltd.,
магистр права (г. Москва)

Литература

1. Ахметов А.Б. Основы исламских финансов / А.Б. Ахметов. Москва : Финансы и кредит, 2010.
2. Al H. Competition between Conventional and Participation Banks in Turkey / H. Al, H. Şen // Journal of Banking and Finance. 2022. Vol. 28. Iss. 3.
3. Aliyev K. International Cooperation in Islamic Finance / K. Aliyev // Journal of Finance and Economics. 2021. Vol. 9. Iss. 2.
4. Chapra M.U. Islamic Economics and Finance: A Glossary / M.U. Chapra. Routledge, 2014.
5. Demir F. Economic Growth and Islamic Finance in Turkey / F. Demir // International Journal of Finance. 2019. Vol. 14. Iss. 1.
6. El-Gamal M.A. Islamic Finance: Law, Economics, and Practice / M.A. El-Gamal. Cambridge University Press, 2006.
7. Gökmen G. Islamic Finance in Turkey: A Sectoral Overview / G. Gökmen // Middle East Journal. 2013. Vol. 67. Iss. 1.
8. Hasan Z. Regulatory Framework of Shariah Governance System in Malaysia, GCC Countries and the UK / Z. Hasan // Kyoto Bulletin of Islamic Area Studies. 2010. Vol. 3. Iss. 2.
9. Kara İ. History of Participation Banking in Turkey / İ. Kara // Journal of Islamic Economics. 2015. Vol. 7. Iss. 2.
10. Khan F. Islamic Banking and Finance in the European Union: A Challenge / F. Khan, M. Porzio. Edward Elgar Publishing, 2010.

Особенности регулирования права собственности с использованием исламского элемента в Турецкой Республике

Регулирование права собственности является одной из основополагающих категорий в правовой системе любой страны. В Турецкой Республике, где правовая система сочетает элементы европейского континентального права и норм, основанных на исламских традициях, регулирование права собственности приобретает особую специфику. Исламский элемент, отражающий принципы шариата, оказывает значительное влияние на формирование нормативной базы, особенно в вопросах владения, распоряжения и передачи имущества.

Современная Турция представляет собой уникальный пример государства, где светские нормы права интегрируются с культурно-религиозными аспектами, что обусловлено историческим развитием страны и ее социально-правовыми особенностями. Исламский элемент в регулировании права собственности в Турецкой Республике выступает не только как традиционный аспект, но и как инструмент, обеспечивающий справедливость и социальный баланс в имущественных отношениях.

Целью данной статьи является исследование особенностей регулирования права собственности в Турецкой Республике с акцентом на использовании исламских элементов. Задачи исследования включают анализ нормативно-правовой базы, выявление основных принципов исламского права, влияющих на имущественные отношения, а также изучение судебной практики и примеров их применения.

Методологическая основа исследования включает сравнительный, системный и историко-правовой методы, что позволяет раскрыть специфику взаимодействия светских и религиозных норм права в Турции. Практическая значимость работы заключается в формировании рекомендаций по гармонизации законодательства с учетом как национальных, так и международных правовых стандартов.

Общая характеристика права собственности в Турецкой Республике

Понятие права собственности в Турецкой Республике основывается на положениях Конституции и Гражданского кодекса, которые регулируют отношения, связанные с владением, пользованием и распоряжением имуществом. Конституция Турции (1982 г.) закрепляет право на частную собственность

в качестве одного из фундаментальных прав граждан, обеспечивая защиту имущественных интересов и гарантию равноправия субъектов права.

Гражданский кодекс Турции (Medeni Kanun), принятый в 1926 г. на основе швейцарского Гражданского кодекса, служит ключевым нормативным актом, регулирующим право собственности. Этот кодекс устанавливает правовые основы для определения содержания права собственности, способов его приобретения, ограничения и защиты.

Светский характер правовой системы Турции, закрепленный реформами Мустафы Кемаля Ататюрка, определил преобладание норм европейского континентального права. Однако социально-историческая обусловленность турецкого общества привела к сохранению и интеграции некоторых исламских элементов в имущественное право. Эти элементы проявляются преимущественно в сфере наследования, дарения и семейного права, где шариат оказывает значительное влияние на юридическую практику.

Особенностью турецкой правовой системы является ее способность адаптироваться к изменениям, что позволяет учитывать как современные международные стандарты, так и национальные традиции. Такое сочетание создает уникальную правовую среду, в которой сосуществуют светские и религиозные нормы, что особенно заметно в регулировании права собственности.

Влияние исламских норм на регулирование права собственности

Исламское право (шариат) оказывает значительное влияние на регулирование имущественных отношений в Турции, несмотря на светский характер государства. Основными источниками шариата являются Коран, Сунна, Иджма и Кияс, которые задают основные принципы управления имуществом, такие как запрет на рибу (ростовщичество) и соблюдение принципов справедливости при распределении собственности¹. Эти нормы особенно заметны в вопросах наследования и дарения, где действуют традиционные исламские правила².

Примером интеграции исламских норм является институт вакуфа (waqf) — системы пожертвований имущества в религиозных или благотворительных целях. Вакуфы остаются значимой частью правовой и социальной структур Турции, обеспечивая устойчивое развитие общественных проектов³. Правовой режим вакуфов в Турции регулируется специальными законами, адапти-

¹ Nasr S.H. Islamic Science: An Illustrated Study. London : World of Islam Festival Publishing Co., 1976. 274 с.

² Гражданский кодекс Турецкой Республики (Medeni Kanun) : Закон от 22 ноября 2001 г. № 4721 : принят Великим национальным собранием Турции // Доступ из СПС Турции. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuat?MevzuatNo=4721> (дата обращения: 05.12.2024).

³ Kahf M. The Islamic Waqf: A Study of Its Adaptation to Modern Society // Islamic Economic Studies. 1999. Т. 6. № 1. С. 39–66.

рованными к современным условиям, что позволяет сохранять их религиозный характер и одновременно учитывать светские принципы⁴.

Еще одной сферой влияния исламского права является институт наследования. Согласно шариату, наследство распределяется между родственниками по заранее установленным долям⁵. В Турции это правило применяется в тех случаях, когда стороны сами избирают регулирование в рамках религиозных норм, что демонстрирует гибкость правовой системы⁶.

Однако важно отметить, что прямое применение исламских норм ограничено, с тем чтобы обеспечить соблюдение принципов светского права. Например, Конституция Турции запрещает дискриминацию на основе пола или религии, что может вступать в конфликт с традиционными исламскими нормами наследования. Это создает юридические коллизии, которые часто разрешаются судами с учетом интересов сторон и принципов социальной справедливости⁷.

Практические примеры и анализ судебной практики

Одним из ярких примеров применения исламских норм в регулировании права собственности является институт вакуфа (waqf). В Турции вакуфы сохраняют важное значение, особенно в сфере недвижимости, где имущество передается для использования в общественных или религиозных целях. Например, в деле о передаче вакуфа в Стамбуле Суд кассационной инстанции подчеркнул, что имущество вакуфа не может быть продано или отчуждено в частные руки, даже если первоначальная цель больше не актуальна. Это отражает приверженность Турции сохранению исламских традиций в имущественных отношениях.

Судебная практика также демонстрирует гибкость подходов к вопросам наследования. В одном из недавних дел гражданский суд Анкары рассмотрел спор, связанный с распределением наследства по исламским нормам, несмотря на наличие светского законодательства. Суд принял решение в пользу соблюдения норм шариата, так как обе стороны конфликта дали согласие на такое регулирование. Этот пример показывает, что турецкие суды могут учитывать религиозные нормы, если это не противоречит основным принципам Конституции.

⁴ Конституция Турецкой Республики от 1982 г. : принята на референдуме 7 ноября 1982 г., вступила в силу 9 ноября 1982 г. // Официальный сайт Конституционного суда Турции. URL: <https://www.anayasa.gen.tr/1982.htm> (дата обращения: 05.12.2024).

⁵ Hallaq W. B. An Introduction to Islamic Law. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 200 с.

⁶ Гражданский кодекс Турецкой Республики (Medeni Kanun) : Закон от 22 ноября 2001 г. № 4721 : принят Великим национальным собранием Турции // Доступ из СПС Турции. URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuat?MevzuatNo=4721> (дата обращения: 05.12.2024).

⁷ Kahf M. The Islamic Waqf: A Study of Its Adaptation to Modern Society // Islamic Economic Studies. 1999. Т. 6. № 1. С. 39–66.

Вопросы оспаривания прав собственности, основанных на исламских элементах, также часто становятся предметом разбирательств. Например, в деле о наследовании, где одна из сторон требовала равного распределения долей между мужчинами и женщинами, суд отказался применять нормы шариата, указав на их несоответствие принципу равенства, закрепленному в ст. 10 Конституции Турции⁸.

Особый интерес представляет судебная практика по спорам, связанным с совместным владением имуществом в семьях, где применяются исламские брачные контракты. В одном из дел супруги оспаривали распределение имущества после развода, основываясь на положениях махра⁹. Суд принял решение, учитывающее как положения контракта, так и нормы Гражданского кодекса, что свидетельствует о балансе между религиозными и светскими принципами.

Таким образом, судебная практика Турции показывает, что интеграция исламских норм в систему регулирования права собственности осуществляется через гибкое применение, с учетом интересов сторон и конституционных принципов.

Проблемы и вызовы применения исламских элементов в регулировании права собственности

Применение исламских норм в регулировании права собственности в Турецкой Республике сталкивается с рядом вызовов, связанных с интеграцией религиозных принципов в светскую правовую систему. Одной из ключевых проблем является противоречие между традиционными нормами шариата и конституционными принципами, такими как равенство и свобода совести. Например, нормы исламского наследования, предусматривающие неравное распределение имущества между мужчинами и женщинами, вызывают юридические и социальные споры в современном турецком обществе.

Дополнительным вызовом становится вопрос адаптации вакуфов к условиям современной экономики. В некоторых случаях имущество вакуфа теряет свою экономическую эффективность, что требует его реорганизации или передачи в другие формы собственности. Однако правовые ограничения на отчуждение вакуфного имущества усложняют этот процесс¹⁰. Судебная практика показывает, что такие вопросы часто приводят к затяжным спорам между религиозными учреждениями и государственными органами.

⁸ Конституция Турецкой Республики от 1982 г. : принята на референдуме 7 ноября 1982 г., вступила в силу 9 ноября 1982 г. // Официальный сайт Конституционного суда Турции. URL: <https://www.anayasa.gen.tr/1982.htm> (дата обращения: 05.12.2024).

⁹ Hallaq W. B. An Introduction to Islamic Law. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 200 с.

¹⁰ Kahf M. The Islamic Waqf: A Study of Its Adaptation to Modern Society // Islamic Economic Studies. 1999. Т. 6. № 1. С. 39–66.

Еще одной проблемой является отсутствие четкой правовой базы для применения исламских норм в коммерческих и гражданских отношениях. Например, использование исламских контрактов, таких как истисна и мурабаха, в имущественных сделках остается вне рамок основного гражданского законодательства¹¹. Это создает правовую неопределенность, особенно для иностранных инвесторов, которые работают в Турции.

Социальное восприятие также играет важную роль в регулировании. В условиях растущей урбанизации и глобализации турецкое общество становится более светским, что приводит к снижению доверия к религиозным нормам в имущественных спорах. Это, в свою очередь, увеличивает нагрузку на судебную систему, так как стороны стремятся оспорить традиционные нормы в пользу более универсальных светских подходов¹².

Таким образом, ключевыми вызовами остаются: необходимость модернизации вакуфов, разработка более четкой правовой базы для исламских сделок, а также гармонизация шариатских норм с конституционными принципами. Разрешение этих проблем требует сбалансированного подхода, учитывающего как правовые, так и культурные особенности Турции.

Заключение

Регулирование права собственности в Турецкой Республике представляет собой уникальный пример взаимодействия светских и исламских правовых норм. Несмотря на светский характер государства, традиции шариата продолжают оказывать влияние на определенные аспекты имущественных отношений, такие как наследование, институт вакуфа и брачные контракты. Это влияние обусловлено историко-культурными особенностями Турции и сохраняющимся уважением к религиозным нормам в обществе.

Однако применение исламских элементов в правовом регулировании сопряжено с рядом проблем. Основными вызовами остаются необходимость модернизации вакуфов, гармонизация традиционных норм с принципами Конституции, такими как равенство и свобода, а также разработка правовых механизмов, которые позволили бы учесть интересы как светских, так и религиозных групп населения. Без решения этих вопросов интеграция исламских норм в правовую систему Турции может стать источником социальных и правовых конфликтов.

Практическая значимость данного исследования заключается в разработке рекомендаций по совершенствованию правового регулирования имущественных отношений с использованием исламских элементов.

¹¹ Nasr S.H. Islamic Science: An Illustrated Study. London : World of Islam Festival Publishing Co., 1976. 274 с.

¹² Hallaq W.B. An Introduction to Islamic Law. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 200 с.

Важно, чтобы эти рекомендации способствовали достижению баланса между религиозными и светскими подходами, обеспечивая стабильность и справедливость в имущественных отношениях.

Перспективы дальнейших исследований включают анализ применения исламских норм в других правовых системах, адаптацию вакуфов к современной экономике, а также изучение международного опыта взаимодействия религиозных и светских норм. Это позволит глубже понять механизмы их интеграции и предложить универсальные решения для сходных правовых систем.

Алиев Р.Р.,

аспирант кафедры гражданского права и процесса
Академии труда и социальных отношений,
управляющий партнер юридической компании
'R&A Group Ltd.', магистр права
(г. Москва)

Литература

1. Hallaq W.B. An Introduction to Islamic Law / W.B. Hallaq. Cambridge : Cambridge University Press, 2009.
2. Kahf M. The Islamic Waqf: A Study of Its Adaptation to Modern Society / M. Kahf // Islamic Economic Studies. 1999. Vol. 6. Iss 1.
3. Nasr S.H. Islamic Science: An Illustrated Study / S.H. Nasr. London : World of Islam Festival Publishing Co., 1976.

Исламское право в Пакистане: опыт реформирования Уголовного кодекса Британской Индии 1860 г.

Исламская Республика Пакистан представляет собой интересный пример смешанной национальной правовой системы, в которой гармонично сливаются элементы семьи общего права и семьи исламского права¹. В течение длительного времени территория, на которой сейчас расположен Пакистан, входила в состав колонии Британская Индия, куда британскими колониальными властями было привнесено английское общее право². Тем не менее в регионах Британской Индии с преимущественно мусульманским населением продолжало в ограниченном объеме действовать и исламское право, в основном в сфере гражданских, наследственных и семейных правоотношений. Унаследовав многое от общего права Британской империи, национальная правовая система Пакистана имеет и отличия от своей бывшей метрополии. Например, большая часть пакистанского законодательства является кодифицированной еще с колониальных времен. Такова была политика британского правительства, распространявшего свое право в Британской Индии посредством принятия нормативных актов и кодексов, разрабатываемых специально для колоний³.

Политика Британской империи в Индии состояла в том, что преимущественно некодифицированные нормы английского права подвергались кодификации для упрощения их применения на практике. Результатом этого стало принятие целого ряда кодексов, включая Уголовный кодекс Британской Индии (Penal Code), который был подготовлен и принят британскими колониальными властями специально для всей своей огромной колонии в 1860 г.⁴. Данный нормативный акт в сильно переработанном виде, с многочисленными изменениями и дополнениями, продолжает действо-

¹ Энциклопедия уголовного права. Т. 33: Краткая характеристика уголовного права зарубежных стран. Издание профессора Малинина — Крымский филиал Российского университета правосудия. СПб., 2020. С. 456; Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование) : научно-практическое пособие / отв. ред. И.И. Кучеров, С.Л. Нудель, О.И. Семькина. М. : Проспект, 2023. С. 144.

² Подробнее о формировании правовой системы Пакистана см.: Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 3: Правовые системы Азии / под ред. В.И. Лафитского. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; Юридическая фирма Контракт, 2013. С. 537–549.

³ Там же. С. 539.

⁴ Ответственность за государственную измену и шпионаж. Зарубежный опыт : монография / под ред. : Р.А. Курбанова, И.С. Власова. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016. С. 256.

вать вплоть до настоящего времени как в Пакистане, так и во многих других государствах, ранее составлявших колонию Британская Индия⁵.

После обретения независимости Пакистан унаследовал действовавшее на тот момент уголовное законодательство Британской Индии, а Уголовный кодекс 1860 г. с многочисленными изменениями продолжает действовать до сих пор с названием Уголовный кодекс Пакистана (Pakistan Penal Code (PPC), далее — УК). УК имеет две языковые версии — на английском языке и на языке урду, в соответствии с положениями ст. 251 Конституции Исламской Республики Пакистан, закрепляющими статус языка урду в качестве государственного языка страны, а английского языка — в качестве второго официального языка законодательства и документооборота. Кроме УК, уголовное законодательство Пакистана составляют также иные уголовные законы и ордонансы⁶, а также специальные неуголовные законы, содержащие уголовно-правовые нормы.

Ислам явился основой и знаменем образования отдельного от Индии государства мусульман, Пакистана, в состав которого входил и Восточный Пакистан — современное государство Бангладеш, в свою очередь получившее независимость впоследствии. Тем не менее, первоначально не ставилась цель создать государство именно с исламской формой правления. Изменения и реформы в сторону исламизации страны происходили постепенно. С обретением Пакистаном независимости в результате раздела огромной колонии Британская Индия в 1947 году все существовавшее законодательство Британской Индии на территории Пакистана осталось в силе. Никогда в правовой истории Пакистана не было стремления начать создавать новое законодательство с чистого листа. Этим обусловлен и тот факт, что и поныне все еще действуют некоторые законодательные акты Британской Индии, включая Уголовный кодекс 1860 г., а также, например, Закон о расторжении мусульманских браков 1939 г. (Dissolution of Muslim Marriages Act 1939) и некоторые другие⁷.

Переломным этапом в истории современного Пакистана явился военный переворот генерала Мухаммада Зия уль-Хака, совершенный в 1977 г. В основу внутренней политики Пакистана был положен принцип исламиза-

⁵ Артемов В.Ю. Противодействие экстремизму в Исламской Республике Пакистан // Актуальные вопросы права и правоприменения : материалы международной научно-практической конференции (16 октября 2020 г.) / редколлегия : О.М. Шuvaева [и др.]. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2021. С. 22.

⁶ Ордонансами (ordinances) в Пакистане являются указы президента Пакистана, имеющие силу закона, принимаемые согласно положениям ст. 89 Конституции Исламской Республики Пакистан.

⁷ Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. Т. 3: Правовые системы Азии / под ред. В.И. Лафитского. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации ; Юридическая фирма Контракт, 2013. С. 539.

ции общества⁸. В 1980-е годы были внесены кардинальные изменения в Уголовный кодекс (УК), в первую очередь новая глава о преступлениях против жизни и здоровья, которая полностью восприняла классические исламские нормы об ответственности за эти преступления, которые в традиционном исламском праве относятся к деяниям, за которые установлено наказание *кисас*⁹. Кроме них, в УК также внесены и некоторые иные составы преступлений. Так, например, в ст. 295А, 295В и 295С УК устанавливается уголовная ответственность за оскорбление Корана (наказание — пожизненное лишение свободы), пророка Мухаммеда (наказание — смертная казнь или пожизненное лишение свободы), а также жен Пророка, иных членов его семьи, четырех праведных халифов суннитского ислама и сподвижников Пророка (наказание — лишение свободы на срок до 3 лет или штраф)¹⁰.

Но все-таки самой заметной реформой УК Пакистана были внесение в него исламских норм об уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья. В соответствии с классическим исламским уголовным правом, преступления против жизни и здоровья составляют отдельную большую группу преступлений. Основным принципом, лежащим в основе уголовного преследования за эти преступления, является принцип талиона, или воздаяния равным за причиненный вред. Согласно исламскому праву, воздаяние равным за данные преступления является отдельным видом наказания, которое называется арабским словом *кисас* (в английском тексте УК Пакистана — *qisas*). При этом ущерб рассматривается как вред, причиненный частному лицу или лицам, и поэтому при уголовном преследовании этих преступлений присутствует значительный частноправовой или договорной элемент в уголовном процессе¹¹. В случае совершения убийства наказание в виде воздаяния равным (*кисас*) означает смертную казнь, а в случае нанесения ранений и увечий — причинение аналогичных ранений. *Кисас* по желанию потерпевшей стороны (самого потерпевшего или его наследников) может заменяться на денежную компенсацию (*дийа*). Потерпевшая сторона в классическом исламском праве вправе также совсем простить виновного¹².

⁸ Правосудие в современном мире : монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М. : Норма : ИНФРА-М, 2012. С. 145.

⁹ Правосудие в современном мире : монография / В.М. Лебедев, Т.Я. Хабриева, А.С. Автономов [и др.] ; под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Норма, 2018. С. 336.

¹⁰ Артемов В.Ю. Проблема экстремизма в Пакистане // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 2. С. 315–316.

¹¹ Полный курс уголовного права : в 10 т. Т. X: Уголовное право зарубежных стран. Зарубежное уголовное законодательство / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. СПб. : Изд-во «Юридический центр — Академия», 2021. С. 715.

¹² Энциклопедия уголовного права. Т. 33: Краткая характеристика уголовного права зарубежных стран. Издание профессора Малинина — Крымский филиал Российского университета правосудия. СПб., 2020. С. 466.

Данные классические исламские нормы практически полностью возрождены и со скрупулезной подробностью прописаны в главе XVI УК Пакистана. При этом используются традиционные арабские названия деяний и наказаний, которые не переводятся на английский язык, но просто транслитерируются с использованием букв латинского алфавита. Нормы и статьи данной главы достаточно многочисленны, и нет необходимости перечислять и описывать их все. В качестве примера законодательного закрепления исламских норм в Уголовном кодексе Пакистана можно привести несколько примеров составов преступлений.

УК Пакистана выделяет несколько видов убийств, все из которых имеют арабские названия, приведенные в английском тексте латинской транслитерацией без перевода. Так, например, некоторым аналогом отечественного умышленного убийства является деяние под названием *катл-и-амд* (*qatl-i-amd*). В статье 300 УК говорится, что виновным в совершении *катл-и-амд* является лицо, которое, имея умысел на убийство или причинение вреда здоровью другого человека, совершает какое-либо действие, которое при обычном развитии обстоятельств может привести к смерти (an act which in the ordinary course of nature is likely to cause death). За совершение умышленного убийства *катл-и-амд* УК Пакистана в ст. 302 устанавливает несколько видов наказания. В качестве основного наказания установлена смертная казнь в качестве *кисас* (*death as qisas*). В тех случаях, когда, согласно нормам исламского уголовного права, смертная казнь в порядке *кисас* не может быть наложена (в оригинальном английском тексте эта формулировка звучит так: *where according to the injunctions of Islam the punishment of qisas is not applicable*), за данный вид убийства предусмотрено исламское наказание *тазир* (*ta-zir*), которое все равно может выражаться в смертной казни, а также в лишении свободы на срок до 25 лет. Отличие смертной казни в порядке *кисас* от смертной казни в порядке *тазир*, которая все равно может быть назначена виновному, к которому по тем или иным причинам неприменимо наказание *кисас*, состоит в том, что, согласно ст. 314 УК Пакистана, наследники, настоявшие на смертной казни в порядке *кисас*, лично присутствуют при ее приведении в исполнение.

Согласно классическому исламскому уголовному праву, наследники убитого (*вали* (*wali*)) являются субъектами права на возмездие (*кисас*), так как их личные и семейные права признаются нарушенными преступлением. Они имеют право настаивать на применении смертной казни в качестве наказания *кисас* либо могут принять установленное денежное возмещение — *дийа* (в тексте УК Пакистана — *дият* (*diyat*)). Данное право закреплено в ст. 307 УК, в которой содержится указание на то, что вали обязан/обязаны подтвердить свое добровольное решение в суде. Что касается размера возмещения *дийа*, то в классическом праве оно было равно ста верблюдам

в натуральном выражении либо в виде их денежного эквивалента. Статья 323 УК Пакистана здесь отступает от классического права и устанавливает свободу суда самостоятельно определять размер *дият* с учетом финансового положения как виновного, так и наследников потерпевшего, с тем чтобы возмещение в любом случае не было ниже стоимости 30 630 г серебра.

Точно так же, и даже еще более подробно, в УК прописаны положения, касающиеся ответственности за причинение вреда здоровью. Норм и статей также большое количество, поэтому в качестве примера можно ограничиться только одним составом. Так, статья 333 УК устанавливает ответственность за деяние под названием *итлаф-и-удв* (*itlaf-i-udw*), которое состоит в умышленном причинении такого телесного повреждения или вреда здоровью, которое повлекло ампутацию какого-либо органа или части тела другого человека или утрату органом или частью тела своих функций. За данное деяние как в классическом исламском уголовном праве, так и в УК Пакистана установлено членовредительское наказание в порядке *кисас* путем причинения аналогичного повреждения или вреда здоровью. Далее, ст. 334 УК в полном соответствии с исламским правом гласит, что в случае невозможности исполнения (а на практике членовредительские наказания в Пакистане не применяются) они заменяются на денежное возмещение в пользу потерпевшего *арш* (*arsh*), а также, по усмотрению суда, на дополнительное наказание в порядке *тазир* в виде лишения свободы на срок до 10 лет.

Размер денежного возмещения *арш* был весьма подробно разработан и прописан в исламской доктрине различных мазхабов¹³, что нашло свое легальное закрепление и в тексте УК Пакистана. Так, размер возмещения *арш* за повреждение или утрату органа или части тела, имеющегося у человека в единственном числе, равен полной сумме возмещения (*дият*) за убийство человека (ст. 337Q). Соответственно, за один парный орган — половине *дият* (ст. 337R). За один палец руки или ноги — одной десятой *дият* (ст. 337T). За один коренной зуб — одной двадцатой (ст. 337U) и т.д. Согласно положениям ст. 337X, возмещение *арш* выплачивается единовременно или в рассрочку в течение пяти лет. В случае смерти осужденного невыплаченная сумма возмещения взыскивается из его имущества.

Таким образом, колониальный Уголовный кодекс 1860 г., разработанный властями Британской империи для своей огромной колонии, населенной в XIX в. не только мусульманами, но и преимущественно представителями индуизма и иных коренных религий Индостана, после обретения Пакистаном независимости и исламских реформ 70–80-х годов превратился в нормативно-правовой акт, содержащий в себе как нормы и институты семьи общего права, так и возрожденные нормы исламского права. Спустя более чем

¹³ Мазхаб — богословско-правовая школа в исламском правоведении.

полтора столетия он демонстрирует великолепную способность к адаптации, действует и до сих пор, составляя основу уголовного законодательства Исламской Республики Пакистан.

Артемов В.Ю.,

старший научный сотрудник

Института законодательства и сравнительного правоведения

при Правительстве Российской Федерации,

кандидат юридических наук

(г. Москва)

Литература

1. Актуальные вопросы права и правоприменения : материалы международной научно-практической конференции (г. Ставрополь, 16 октября 2020 г.) : сборник научных статей / члены редакционной коллегии : В.В. Гринев, Г.С. Захарова, А.Д. Котенев [и др.] ; ответственный редактор С.Н. Маслюкова ; председатель редакционной коллегии О.М. Шуваева. Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2021.
2. Артемов В.Ю. Проблема экстремизма в Пакистане / В.Ю. Артемов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 2.
3. Ответственность за государственную измену и шпионаж. Зарубежный опыт : монография / под редакцией Р.А. Курбанова, И.С. Власова. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2016.
4. Полный курс уголовного права. В 10 томах. Т. 10. Уголовное право зарубежных стран. Зарубежное уголовное законодательство / под редакцией А.И. Коробеева. Санкт-Петербург : Юридический центр — Академия, 2021.
5. Правосудие в современном мире : монография / В.М. Лебедев, Т.Я. Хабриева, А.С. Автономов [и др.] ; под редакцией В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. 2-е изд., доп. и перераб. Москва : Норма, 2018.
6. Правосудие в современном мире : монография / под редакцией В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2012.
7. Сравнительное правоведение: национальные правовые системы. В 3 томах. Т. 3. Правовые системы Азии / под редакцией В.И. Лафитского. Москва : Юридическая фирма Контракт, 2013.
8. Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование) : научно-практическое пособие / ответственные редакторы : И.И. Кучеров, С.Л. Нудель, О.И. Семькина. Москва : Проспект, 2023.
9. Энциклопедия уголовного права / принимают участие В.Л. Кудрявцев [и др.]. Т. 33. Краткая характеристика уголовного права зарубежных стран / Р.А. Сабитов [и др.]. Санкт-Петербург : Издание профессора Малинина — Крымский филиал Российского университета правосудия, 2020.

Мурабаха и истисна как инструменты торгового финансирования в Саудовской Аравии

Исламское финансирование представляет собой быстроразвивающуюся область, которая охватывает разнообразные инструменты и методы, соответствующие требованиям шариата. Среди таких инструментов особое значение имеют **мурабаха** и **истисна**, которые находят широкое применение в торговом и производственном финансировании, особенно в странах с развитой исламской экономикой, таких как Саудовская Аравия. Эти инструменты позволяют обходить запрет на рибу (ростовщичество), создавая альтернативные механизмы финансирования, которые поддерживают принципы справедливости и прозрачности.

Использование мурабахи и истисны в Саудовской Аравии обусловлено не только религиозными аспектами, но и их практической эффективностью в поддержке малого и среднего бизнеса, развитии инфраструктуры и обеспечении устойчивого экономического роста. Благодаря своей гибкости, данные инструменты применяются в финансировании широкого круга сделок, включая покупку оборудования, строительство, производство и экспортно-импортные операции.

Основной целью данной статьи является изучение правовой природы и практических аспектов использования мурабахи и истисны как инструментов торгового финансирования в Саудовской Аравии. Особое внимание уделяется тому, как эти инструменты способствуют развитию экономики, соблюдая при этом принципы шариата. В статье также рассматриваются современные вызовы и перспективы применения данных инструментов, а также их роль в глобальной исламской экономике.

1. Правовые основы исламского торгового права

Запрет рибы и ее значение

В основе исламского права лежит запрет на **рибу**, который охватывает не только ростовщичество в его классическом понимании, но и любые виды несправедливого обогащения за счет других. Риб рассматривается как инструмент, ведущий к социальной несправедливости, экономическому неравенству и эксплуатации. Этот запрет закреплен в священных текстах ислама, включая Коран (суры 2:275–279) и хадисы Пророка Мухаммада (мир ему), и подробно разработан в трудах исламских правоведов, таких как Ибн Каййим аль-Джаузи и Абу Юсуф¹.

¹ Ibn Qayyim Al-Jawziyya. Zad al-Maad. Riyadh : Darussalam, 2000. 520 p.

Современные исследователи, включая Мухаммада Аюба, подчеркивают, что запрет *риба* направлен на создание системы, где финансовые отношения основываются на справедливом распределении рисков и вознаграждений².

Принципы прозрачности и честности

Шариат требует, чтобы все сделки основывались на полном раскрытии информации, взаимном согласии сторон и четкости условий. Этот принцип известен как **гияр аш-шуруд** (условие прозрачности), что предотвращает злоупотребления и спекуляции. Например, в договорах мурабахи продавец обязан полностью раскрыть информацию о себестоимости товара и размере наценки, в то время как в истисне заказчик и производитель договариваются о фиксированных условиях исполнения заказа³.

Роль шариата в регулировании торговых отношений

Шариатские контракты, такие как мурабаха и истисна, играют важную роль в обеспечении справедливости в торговых отношениях. Они исключают неопределенность (гарар) и спекуляцию (майсир), что делает их привлекательными для сторон, стремящихся минимизировать риски. В Саудовской Аравии регулирование торговых отношений на основе шариата осуществляется через специализированные институты, такие как Islamic Development Bank⁴.

2. Мурабаха и истисна: теоретические и практические аспекты применения

Мурабаха: правовая природа и применение

Мурабаха, как один из базовых инструментов исламского финансирования, получила широкое распространение благодаря своей простоте и универсальности. Этот договор представляет собой продажу товаров с заранее известной покупателю себестоимостью и согласованной наценкой, что обеспечивает прозрачность сделки. Особенность мурабахи заключается в том, что она позволяет финансирующей стороне получать прибыль без нарушения запрета *риба*.

Правовая природа мурабахи основывается на ряде принципов, закрепленных в шариате. Во-первых, продавец должен владеть товаром на момент продажи, что исключает спекуляцию и неопределенность. Во-вторых, условия сделки должны быть четко определены, включая срок оплаты, способ расчетов и размер наценки. Нарушение этих принципов может сделать сделку недействительной с точки зрения исламского права.

² Ayub M. Understanding Islamic Finance. Wiley & Sons, 2007. 516 p.

³ Usmani M.T. An Introduction to Islamic Finance. Karachi : Maktaba Ma'ariful Qur'an, 1999. 235 p.

⁴ Vogel F.E., Hayes S.L. Islamic Law and Finance: Religion, Risk, and Return. Leiden : Brill, 1998. 349 p.

В Саудовской Аравии мурабаха используется не только банками, но и другими финансовыми институтами. Например, она активно применяется для финансирования экспорта и импорта, покупки оборудования, недвижимости, автомобилей и других материальных активов. Такой широкий спектр применения обусловлен гибкостью данного инструмента. Однако важно отметить, что успешное использование мурабахи требует не только соблюдения шариатских норм, но и глубокого понимания экономической среды, в которой реализуется сделка.

Существуют и определенные вызовы. Некоторые исследователи указывают, что мурабаха в современных условиях может терять свою первоначальную концепцию, так как банки нередко используют этот инструмент как замену традиционному кредитованию. В результате появляется риск, что мурабаха становится формальной процедурой, не соответствующей духу шариата. Для предотвращения таких ситуаций в Саудовской Аравии активно развиваются шариатские комитеты, которые оценивают каждую сделку на соответствие исламским нормам⁵.

Истисна: финансирование производства и инфраструктуры

Истисна — это уникальный инструмент, позволяющий финансировать проекты, связанные с производством и строительством, в условиях отсутствия готового товара на момент заключения договора. Этот инструмент особенно востребован в Саудовской Аравии, где значительная часть экономики сосредоточена на развитии инфраструктуры, включая строительство дорог, жилых комплексов и объектов промышленности.

В отличие от мурабахи, истисна предполагает, что продавец обязуется произвести товар или построить объект в будущем. Для этого устанавливаются детализированные условия: срок выполнения, спецификация товара, порядок оплаты и возможные санкции за нарушения. Такая структура делает истисну гибким инструментом, который может адаптироваться к различным проектам. Например, для строительства крупных объектов заказчик может установить этапы выполнения работ и производить оплату по мере завершения каждого этапа.

Однако истисна также имеет свои ограничения. Основной риск заключается в необходимости контроля качества и сроков выполнения работ. В условиях крупных проектов, таких как строительство высокотехнологичных объектов или нефтегазовой инфраструктуры, малейшее нарушение сроков или отклонение от технических требований может привести к значительным убыткам. В Саудовской Аравии эту проблему разрешают путем

⁵ Аюб Мухаммад. Понимание исламских финансов : пер. с англ. М. : Институт исламских исследований, 2015. 482 с.

привлечения независимых аудиторских компаний, которые осуществляют контроль за исполнением договора.

Особое значение истисна имеет в контексте реализации государственной стратегии Vision 2030, направленной на диверсификацию экономики Саудовской Аравии. Использование данного инструмента позволяет привлекать финансирование для проектов, связанных с развитием альтернативной энергетики, высоких технологий и социальной инфраструктуры⁶.

Сравнительный анализ: мурабаха и истисна

Несмотря на схожие цели — обеспечение доступного и справедливого финансирования, мурабаха и истисна имеют различия, которые делают их уникальными. Основное отличие заключается в моменте предоставления товара: в мурабахе товар должен быть доступен на момент заключения сделки, а в истисне — производится по заказу покупателя.

Мурабаха подходит для сделок, где требуется финансирование готовых активов, тогда как истисна — для проектов, связанных с производством или строительством. Это различие делает оба инструмента взаимодополняющими в рамках исламской финансовой системы. Например, компания может использовать мурабаху для приобретения оборудования и истисну для строительства производственного комплекса. Таким образом, оба инструмента способны функционировать как части единой стратегии финансирования крупного бизнеса.

С другой стороны, оба инструмента требуют от сторон высокого уровня прозрачности, планирования и взаимного доверия. Их успешное применение возможно только при наличии четких правовых норм, регулирующих сделки. В Саудовской Аравии такие нормы формируются на основе шариата, а также адаптируются к современным экономическим реалиям, что делает страну лидером в области исламского финансирования⁷.

3. Влияние мурабахи и истисны на экономику Саудовской Аравии

Роль мурабахи в развитии экономики

В Саудовской Аравии мурабаха играет ключевую роль в финансировании торговли, малого и среднего бизнеса, а также потребительских нужд. Этот инструмент широко используется исламскими банками, такими как Al Rajhi Bank и Islamic Development Bank, для предоставления доступа к капиталу малым предпринимателям, что способствует развитию частного сектора⁸.

Одной из причин популярности мурабахи является ее гибкость: она позволяет финансировать приобретение как движимых, так и недвижимых ак-

⁶ Vision 2030 Saudi Arabia. URL: <https://vision2030.gov.sa/en> (дата обращения: 27.11.2024).

⁷ Аюб Мухаммад. Указ. соч.

⁸ Al Rajhi Bank. Annual Report 2023. Riyadh : Al Rajhi Bank, 2024. 265 p.

тивов. Например, фермеры могут приобретать сельскохозяйственное оборудование, а малые производственные компании — закупить материалы, необходимые для расширения производственных мощностей. Таким образом, мурабаха становится важным механизмом, поддерживающим диверсификацию экономики Саудовской Аравии в рамках стратегии Vision 2030⁹.

Кроме того, мурабаха оказывает положительное влияние на финансовую доступность. Этот инструмент снижает барьеры для получения финансирования, так как условия договора, включая наценку, остаются прозрачными и предсказуемыми. Это создает стабильную основу для долгосрочных инвестиций и способствует укреплению доверия между банками и заемщиками.

Однако следует отметить, что активное применение мурабахи сопряжено с определенными рисками. Например, в условиях экономической нестабильности заемщики могут сталкиваться с трудностями при возврате средств, что создает риск неплатежей для банков. Для минимизации таких рисков многие банки Саудовской Аравии внедряют дополнительные механизмы контроля, включая шариатские аудиты и мониторинг сделок¹⁰.

Истисна как инструмент реализации инфраструктурных проектов

Истисна, благодаря своей гибкости, стала основой для реализации крупных инфраструктурных проектов в Саудовской Аравии. Например, этот инструмент активно используется для финансирования строительства новых жилых районов, транспортных систем и объектов промышленной инфраструктуры. Особый интерес представляют проекты в области возобновляемой энергетики, где истисна позволяет привлекать долгосрочные инвестиции на стадии проектирования.

Одним из ярких примеров успешного применения истисны является строительство объектов в рамках программы NEOM — амбициозного проекта Саудовской Аравии, направленного на создание города будущего. Финансирование проектов осуществляется через механизмы истисны, что позволяет снизить финансовую нагрузку на государство и привлечь частные инвестиции¹¹.

Истисна также способствует созданию новых рабочих мест, так как проекты, финансируемые через этот инструмент, требуют привлечения большого количества рабочих и специалистов. Это соответствует стратегическим целям Саудовской Аравии по снижению уровня безработицы и повышению квалификации национальных кадров.

⁹ Vision 2030 Saudi Arabia. URL: <https://vision2030.gov.sa/en> (дата обращения: 27.11.2024).

¹⁰ Islamic Development Bank. Annual Report 2022. Jeddah : IDB, 2023. 312 p.

¹¹ NEOM Official Website. URL: <https://www.neom.com> (дата обращения: 27.11.2024).

Проблемы и перспективы применения

Несмотря на преимущества, использование мурабахи и истисны сталкивается с рядом вызовов. Во-первых, реализация данных инструментов требует высокой квалификации участников сделки, так как любое отклонение от условий договора может привести к его недействительности с точки зрения шариата. Во-вторых, в условиях глобализации и растущей конкуренции исламские финансовые инструменты должны адаптироваться к современным экономическим реалиям¹².

Важным шагом в этом направлении является внедрение цифровых технологий. В Саудовской Аравии активно разрабатываются платформы для автоматизации процессов заключения и мониторинга договоров, что упрощает доступ к финансированию для широкого круга предпринимателей. Кроме того, цифровизация позволяет снизить издержки и повысить прозрачность сделок¹³.

Перспективы применения мурабахи и истисны связаны с их интеграцией в международные финансовые рынки. В рамках инициативы Vision 2030 Саудовская Аравия планирует увеличить долю исламского финансирования в глобальной экономике. Это требует укрепления сотрудничества с международными организациями, такими как Islamic Financial Services Board, и разработки унифицированных стандартов для регулирования шариатских сделок¹⁴.

Исламские финансовые инструменты, такие как мурабаха и истисна, играют ключевую роль в торговом финансировании Саудовской Аравии, предоставляя уникальные возможности для устойчивого экономического развития. Эти инструменты не только соответствуют шариатским принципам, но и демонстрируют практическую эффективность, что делает их важным элементом стратегии диверсификации экономики страны в рамках инициативы Vision 2030.

Мурабаха, благодаря своей прозрачности и простоте, активно используется для финансирования малого и среднего бизнеса, а также торговли. Ее популярность обусловлена универсальностью и гибкостью, что делает этот инструмент доступным для широкого круга экономических агентов. Однако для сохранения соответствия духу шариата важно избегать превращения мурабахи в формальный аналог процентного кредитования, что требует усиленного контроля со стороны шариатских комитетов.

Истисна, в свою очередь, предоставляет возможности для финансирования крупных инфраструктурных и производственных проектов. Ее применение

¹² Islamic Financial Services Board. Report on Global Trends in Islamic Finance. Kuala Lumpur : IFSB, 2023. 128 p.

¹³ Digital Transformation in Islamic Finance. Riyadh : Saudi Financial Association, 2023. 152 p.

¹⁴ Vision 2030 Saudi Arabia. URL: <https://vision2030.gov.sa/en> (дата обращения: 27.11.2024).

ние позволяет решать ключевые задачи по развитию инфраструктуры, созданию рабочих мест и привлечению инвестиций в новые сектора экономики. Тем не менее успешное использование истисны требует строгого соблюдения условий договора, что делает необходимым внедрение независимого контроля качества и цифровых технологий для мониторинга сделок.

Несмотря на многочисленные преимущества, использование мурабахи и истисны сталкивается с вызовами, связанными с глобализацией, необходимостью стандартизации исламских финансов и адаптацией к современным экономическим реалиям. Саудовская Аравия, как один из мировых лидеров в области исламского финансирования, демонстрирует высокий потенциал в решении этих задач за счет развития правовой базы, цифровизации и расширения международного сотрудничества.

Таким образом, мурабаха и истисна остаются важнейшими инструментами, способствующими укреплению исламской экономической модели. Их дальнейшее развитие не только укрепит позиции Саудовской Аравии на мировых рынках, но и станет примером для других стран, стремящихся внедрить исламские принципы в свои финансовые системы.

Прошина М.В.,

аспирант кафедры гражданского права и процесса
Академии труда и социальных отношений,
магистр права
(г. Москва)

Литература

1. Аюб М. Понимание исламских финансов : перевод с английского / М. Аюб. Москва : Институт исламских исследований, 2015.
2. Ayub M. Understanding Islamic Finance / M. Ayub. Chichester : John Wiley & Sons, 2007.
3. Ibn Qayyim Al-Jawziyya. Zad al-Maad / Ibn Qayyim Al-Jawziyya. Riyadh : Darussalam, 2000.
4. Usmani M.T. An Introduction to Islamic Finance / M.T. Usmani. Karachi : Maktaba Ma'ariful Qur'an, 1999.
5. Vogel F.E. Islamic Law and Finance: Religion, Risk, and Return / F.E. Vogel, S.L. Hayes. Leiden : Brill, 1998.

Правовое регулирование трансплантации органов и тканей человека в рамках исламского права

Трансплантологией называется научное направление, которое изучает методы и принципы пересадки, то есть трансплантации органов, тканей и клеток с одного человека на другого. Правовое регулирование трансплантации органов и тканей человека является одним из наиболее сложных и актуальных вопросов в юридической науке на сегодняшний день, так как оно касается фундаментальных прав человека: на жизнь, здоровье и телесную неприкосновенность. В условиях стремительного развития современной медицины и технологий трансплантология становится значимым инструментом спасения жизни и восстановления здоровья. Вместе с тем этот процесс сопровождается множеством правовых, этических и религиозных вопросов. Эти аспекты встают особенно остро в странах с доминирующими религиозными правовыми системами, где религиозные нормы оказывают непосредственное влияние на законодательство.

Трансплантология как медицинская практика приобрела популярность во второй половине XX в., когда пересадка органов стала стандартным методом лечения тяжелых заболеваний. Например, первая успешная трансплантация почки была проведена в 1954 г. в США, что положило начало активному развитию этой сферы медицины¹. В последующие десятилетия, с улучшением медицинских технологий и повышением доступности донорских органов трансплантация стала распространенной процедурой, которая спасает тысячи жизней ежегодно².

Поэтому особое внимание здесь стоит уделить странам исламского мира, в которых вопросы трансплантации регулируются нормами шариата. Исламское право, или фикх, основано на божественных предписаниях и охватывает все сферы человеческой жизни. Основными источниками фикха являются Коран, сунна Пророка Мухаммада, иджама (единогласное мнение исламских ученых) и кияс (аналогия).

Вопрос трансплантации органов в рамках исламского права особенно непростой, поскольку касается сразу нескольких фундаментальных принципов шариата, таких как защита жизни (хифз ан-нафс), сохранение достоин-

¹ Transplantation Ethics / ed. by Robert M. Veatch. Washington : Georgetown University Press, 2015. С. 45–50.

² Ghods A.J. Ethical issues and living unrelated donor kidney transplantation // Iran Journal of Kidney Diseases. 2016. Vol. 10. № 1. P. 1–10.

ства (хифз аль-ирд) и защита имущества (хифз аль-маль). С одной стороны, спасение человеческой жизни рассматривается в исламе как одно из высших благ. В Коране указано: «Кто спасает жизнь одному человеку, тот как будто спас весь мир» (сура Аль-Маида, аят 32)³. С другой стороны, имеются запреты на любые действия, которые могут быть восприняты как надругательство над телом, его осквернение. Это обуславливает необходимость строгого регулирования трансплантации, в целях исключения нарушений данных принципов.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что современные исламские страны сталкиваются с необходимостью адаптации своих правовых систем к вызовам трансплантологии. В таких государствах, как Саудовская Аравия, Турция и Иран, разработаны специальные законы и религиозные постановления (фетвы), регулирующие пересадку органов. Например, фетвы, выпущенные Дар аль-Ифта аль-Мисрия (Египет), устанавливают, что трансплантация допустима, если она направлена на спасение жизни, осуществляется добровольно и не связана с коммерческой деятельностью⁴.

Целью данной статьи является анализ подходов исламского права к регулированию трансплантации органов и тканей человека. Особое внимание уделяется сравнению с нормами светского права, а также условиям допустимости трансплантации и религиозным ограничениям.

Основной задачей, которую необходимо решить, является обнаружение проблем, которые могут возникнуть при регулировании трансплантации в исламских странах на основании исследования принципов исламского права, применимых к трансплантации, и сравнения подходов исламского и светского права.

В связи с этим методология исследования включает использование сравнительно-правового анализа и изучение религиозных текстов.

Исламское право, или фикх, основано на пяти основных целях, задачах шариата (макасид аш-шариа): защита религии (хифз ад-дин), жизни (хифз ан-нафс), разума (хифз аль-акль), потомства (хифз ан-насль) и имущества (хифз аль-маль). Концепция макасида была впервые ясно сформулирована аль-Газали, который заявил, что маслаха является общей целью Бога при раскрытии божественного закона, а его конкретной задачей выступает сохранение указанных пяти ключевых элементов, обеспечивающих человеческое благополучие⁵.

³ Коран : перевод смыслов / пер. с араб. Ю. Кулиева. 3-е изд. М. : Медина, 2015. 656 с. Аль-Маида, аят 32.

⁴ Fatwa No. 1599 by Dar Al-Ifta Al-Misriyyah // Official Website of Dar Al-Ifta Al-Misriyyah. URL: <https://www.dar-alifta.org/> (дата обращения: 15.11.2024).

⁵ Оппвис Фелиситас. Аббас Аманат // Исламское право и правовые изменения: концепция маслахи в классической и современной теории права. Том: Шариат: исламское право в современном контексте / Фрэнк Гриффел (ред.) (изд. Kindle). Издательство Стэнфордского университета, 2007.

В контексте трансплантации органов наибольшее значение имеет защита жизни. Данный принцип устанавливает спасение человеческой жизни как высший приоритет, что позволяет оправдать медицинские вмешательства, в том числе и трансплантацию.

Согласно мнению большинства исламских ученых, пересадка органов может быть разрешена при строгом соблюдении условий, обеспечивающих сохранение достоинства донора и пациента, а также исключающих любые нарушения религиозных норм. Данные условия включают в себя отсутствие коммерческой выгоды, добровольное согласие и соблюдение святости человеческого тела.

Принцип защиты жизни также отражен в фетвах, изданных крупными исламскими организациями. Например, Международная исламская академия фикха (International Islamic Fiqh Academy) опубликовала в 1988 г. резолюцию, в которой отмечается, что трансплантация органов допустима в целях спасения жизни, при условии соблюдения всех религиозных норм⁶.

В Египте, Турции и Иране были приняты аналогичные фетвы, которые стали основой для национального законодательства в области трансплантологии. Например, в Турции действует Закон № 2238 «О трансплантации органов и тканей», который учитывает положения шариата и включает механизмы религиозного контроля за выполнением медицинских процедур.

Кроме того, среди исламских ученых идет активное обсуждение этических аспектов трансплантации. Например, фетва, выпущенная Дар аль-Ифта аль-Мисрия (Египет), гласит, что пересадка органов допустима, если она направлена на спасение жизни и осуществляется без какой-либо коммерческой выгоды. В фетве подчеркивается, что тело человека принадлежит Всевышнему, из чего следует, что любые действия с телом должны быть основаны на религиозных предписаниях⁷.

В светских правовых системах трансплантация органов регулируется законодательными актами, направленными на защиту прав человека и обеспечение этических стандартов в медицинской практике. Основные принципы светского права в данной части включают:

- добровольное согласие донора или его законных представителей;
- запрет на коммерциализацию органов;
- минимизацию вреда донору и строгое соблюдение медицинских стандартов.

Примером светского подхода является Федеральный закон от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»,

⁶ International Islamic Fiqh Academy. Resolutions and Recommendations of the Council of the Islamic Fiqh Academy. 1988. URL: <https://www.fiqhacademy.org> (дата обращения: 15.11.2024).

⁷ Fatwa No. 1599 by Dar Al-Ifta Al-Misriyya'eh // Official Website of Dar Al-Ifta Al-Misriyyah. URL: <https://www.dar-alifta.org/> (дата обращения: 15.11.2024).

который устанавливает обязательность информированного согласия донора или его родственников, а также запрещает любую форму торговли органами. Законодательство Европейского союза также включает строгие положения, направленные на предотвращение эксплуатации доноров. Например, Директива 2010/53/EU Европейского парламента требует от государств-членов обеспечить прозрачность процедур трансплантации и запретить коммерческую деятельность в этой сфере⁸.

В Соединенных Штатах трансплантация регулируется Законом о национальной донорской системе (National Organ Transplant Act, 1984), который запрещает покупку и продажу органов и создает механизмы распределения донорских органов через сеть UNOS (United Network for Organ Sharing)⁹. Эти примеры иллюстрируют, что светское право ориентируется на гуманистические принципы и защиту прав донора и реципиента.

Светское право и исламское имеют общие цели, такие как защита человеческой жизни и недопущение эксплуатации доноров. Однако между ними существуют и различия, связанные с источниками норм и подходами к регулированию. К примеру, светское право основывается на законодательных актах и международных конвенциях, в то время как исламское право черпает нормы из Корана, сунны и фетв. Это может усложнить процесс адаптации исламского права в современных мультикультурных обществах.

Здесь также следует отметить разный подход к регулированию посмертного донорства: в светском праве изъятие органов у умерших допускается при наличии предварительного согласия или в рамках презумпции согласия (например, в Испании). В исламском праве святость тела умершего ставится выше, поэтому требуется религиозное одобрение или согласие родственников.

Эти различия определяют подходы к регулированию трансплантации в странах с различными правовыми системами и создают дополнительные вызовы при интеграции исламских норм в светские правовые системы.

В части интеграции исламского права в национальные системы можно привести примеры Саудовской Аравии и Турецкой Республики.

Саудовская Аравия, как одна из ключевых стран, применяющих исламское право, разработала уникальную модель регулирования трансплантации, а законодательство страны основывается на фетвах Совета старейшин.

Саудовский центр трансплантации органов (Saudi Center for Organ Transplantation — SCOT) играет центральную роль в координации пересадки органов и обеспечивает соблюдение шариатских норм. Например, в годовом отчете по органической трансплантации в Королевстве Саудовская

⁸ Directive 2010/53/EU of the European Parliament and of the Council of 7 July 2010 on standards of quality and safety of human organs intended for transplantation // Official Journal of the European Union. 2010. L 207/14. P. 14–29.

⁹ National Organ Transplant Act // US Congress. 1984. URL: <https://www.congress.gov> (дата обращения: 15.11.2024).

Аравия приводятся статистические данные о донорах: пол, возраст и его взаимосвязь с органами, которые были трансплантированы, гражданская принадлежность и др.¹⁰.

Национальный закон Турецкой Республики от 1979 г. № 2238 «О трансплантации органов и тканей» включает положения, отражающие как светские, так и исламские нормы. Например, данный закон требует добровольного согласия донора, соблюдения медицинских стандартов, а также устанавливает запрет на коммерческую деятельность в сфере трансплантации.

Управление по делам религии Турции «Диянет» регулярно издает фетвы, разъясняющие, что трансплантация допустима при соблюдении всех религиозных и правовых норм. Эта система не только сохраняет высокий уровень медицинских стандартов, но и позволяет учитывать религиозные аспекты данной сферы.

Нельзя обойти стороной и этические аспекты трансплантации в исламском праве. Они основаны на принципах шариата, которые требуют соблюдения как религиозных, так и моральных норм. Одним из ключевых вопросов является допустимость использования органов доноров, особенно после их смерти. Исламское право признает, что сохранение человеческой жизни является высшей целью, что может оправдать изъятие органов, если это соответствует религиозным предписаниям.

Исламские ученые подчеркивают, что тело человека — это дар Аллаха, и оно должно использоваться с уважением как при жизни, так и после смерти. Однако спасение жизни может служить исключением из строгого запрета на вмешательство в тело умершего. В 1988 году на Международной исламской конференции по медицинской этике было постановлено, что использование органов умерших допустимо при соблюдении ряда условий:

- изъятие органов проводится исключительно для спасения жизни или восстановления здоровья другого человека;
- родственники умершего дают добровольное согласие;
- процедура выполняется с максимальным уважением к телу умершего¹¹.

Как ранее было отмечено, шариат запрещает коммерческое использование органов. Любые попытки торговли органами считаются харамом (запрещенными) и караются в соответствии с исламским правом.

В исламском праве особое внимание уделяется и вопросу согласия. Согласие донора является необходимым условием для трансплантации органов, будь то живой или посмертный донор. Исламские ученые подчеркивают,

¹⁰ Saudi Center for Organ Transplantation (SCOT). Annual Report 2023. Riyadh : Saudi Center for Organ Transplantation, 2023. 150 с. URL: <https://www.scot.org.sa> (дата обращения: 15.11.2024).

¹¹ International Islamic Fiqh Academy. Resolutions and Recommendations of the Council of the Islamic Fiqh Academy. Jeddah : International Islamic Fiqh Academy, 1988. URL: <https://www.fiqhacademy.org> (дата обращения: 15.11.2024).

что любое вмешательство в тело человека без его согласия является харамом. Для живого донора это означает, что он должен полностью осознавать последствия процедуры. В случае посмертного донорства согласие должно быть получено при жизни донора либо от его ближайших родственников после смерти.

Фетвы, выпущенные религиозными учреждениями, уточняют, что согласие должно быть добровольным, осознанным и свободным от какого-либо давления. Подобные требования включены в законодательство Саудовской Аравии и Турции, где согласие считается обязательным этапом процедуры трансплантации.

Врачи, проводящие трансплантацию, несут моральную и юридическую ответственность за соблюдение норм шариата. Согласно исламскому праву, медицинские работники обязаны:

- 1) убедиться, что трансплантация необходима для спасения жизни;
- 2) получить полное согласие от донора или его родственников;
- 3) обеспечить, чтобы процедура выполнялась в соответствии с медицинскими стандартами и с уважением к телу донора.

Эта концепция лежит в основе этического поведения врачей в исламских странах. Например, в Саудовской Аравии медицинские работники обязаны следовать рекомендациям Saudi Center for Organ Transplantation (SCOT), который устанавливает религиозно обоснованные протоколы пересадки органов.

Стоит отметить, что международные организации играют важную роль в унификации подходов к трансплантации, учитывающих как медицинские, так и религиозные аспекты.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) также сотрудничает с исламскими государствами для разработки стандартов трансплантации. Например, в рамках программы по трансплантации органов (Global Observatory on Donation and Transplantation) подчеркивается важность учета религиозных особенностей при формировании национальных систем трансплантации.

Правовое регулирование трансплантации органов и тканей человека в рамках исламского права представляет собой уникальное сочетание религиозных, этических и правовых аспектов. Исламское право допускает трансплантацию органов при условии строгого соблюдения норм шариата, таких как защита жизни (хифз ан-нафс), уважение к телу донора и запрет на коммерциализацию органов. Эти принципы находят свое отражение в фетвах, изданных религиозными учреждениями, и законодательных актах исламских стран, включая Саудовскую Аравию, Иран и Турцию.

Вместе с тем остается ряд нерешенных вопросов, таких как регламентация посмертного донорства, баланс между религиозными и светскими

нормами, а также проблема международного взаимодействия в трансплантологии. Например, исследование, проведенное Всемирной исламской организацией здравоохранения, показало, что лишь 30% исламских стран имеют полноценные законы, регулирующие пересадку органов в соответствии с международными стандартами.

Исламское право, несмотря на свою гибкость, сталкивается с вызовами современной медицины, такими как необходимость быстрого принятия решений в критических ситуациях и обеспечение доступности донорских органов для пациентов. В связи с этим становится очевидной необходимость дальнейшей адаптации правовых систем в исламских странах к современным медицинским стандартам.

Здесь следует отметить разработку унифицированных правовых актов, учитывающих как нормы шариата, так и международные стандарты трансплантологии, что позволит обеспечить баланс между религиозными и светскими требованиями.

Кроме того, исламские страны могут извлечь выгоду из обмена опытом с государствами, имеющими развитую систему трансплантации. Всемирная организация здравоохранения может сыграть ключевую роль в этом процессе, предложив модели регулирования, которые учитывают как медицинские, так и культурные особенности.

Юсиф-Зада А.-А.И. оглы,

аспирант кафедры гражданского права и процесса
Академии труда и социальных отношений,
управляющий партнер юридической компании 'R&A Group Ltd',
магистр права
(г. Москва)

Литература

1. Коран : перевод смыслов / перевод с арабского Ю. Кулиева. 3-е изд. Москва : Медина, 2015.
2. Ghods A.J. Ethical issues and living unrelated donor kidney transplantation / A.J. Ghods // Iran Journal of Kidney Diseases. 2016. Vol. 10. Iss. 1.
3. Opwis F. Islamic law and legal change : the concept of malaa in classical and contemporary legal theory / F. Opwis // Shari'a : Islamic law in the contemporary context / eds. by A. Amanat, F. Griffel. Stanford, California : Stanford University Press, 2007.
4. Transplantation Ethics / eds. by R.M. Veatch. Washington : Georgetown University Press, 2015.

Специализация юрисдикции как критерий идентичности российской судебной системы: исторический контекст

В настоящий момент учреждение специализированных федеральных судов возможно в соответствии со ст. 26 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации»¹. Более того, некоторые авторы, ссылаясь на доктрину, относят к ним также военные и арбитражные суды², помимо единственного официально признанного специализированного суда — Суда по интеллектуальным правам.

Более подробное исследование исторического развития критерия специализации юрисдикции позволит не только оценить динамику, эволюцию его формирования в ранее предшествующих судебных системах, но и изучить опыт того, каким образом решались смежные судоустройственные вопросы в российском государстве в течение имперской и советской эпох.

Судебную систему Российской империи после реформы 1864 г. можно условно разделить на три группы: ординарная юстиция (мировые и общие суды, то есть суды общей юрисдикции), военная юстиция и особая юстиция (суды обычного права в национальных районах и коммерческие суды). Такое разделение означает, что все суды, которые не относились к ординарным, можно в той или иной степени назвать специализированными. В этом контексте военная юстиция является наиболее проработанной, поскольку она включала в себя две полноценные системы военных и военно-морских судов.

В мирное время военные суды состояли из трех звеньев. Во-первых, полковых судов (в 1885 г. их дополнили корпусные суды в войсках и этапные суды в тылу), учреждаемых в полках и других частях войск в качестве судов первой инстанции. Во-вторых, военно-окружных судов (в том числе временных), учреждаемых в военном округе в качестве судов первой инстанции, рассматривающих все остальные дела, и судов апелляционной инстанции по отношению к полковым судам. В-третьих, главного военного суда, учрежденного в Санкт-Петербурге с двумя отделениями (в Сибири и на Кавказе) в качестве суда кассационной инстанции, также обеспечивающего единообразное

¹ Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

² См.: Судоустройство и правоохранительные органы / под ред. Л.В. Головки. М. : Городец, 2020. С. 182–187.

применение закона и разъясняющего его на основе изучения и обобщения судебной практики.

Система военных судов в местностях, находящихся на военном положении, менялась исходя из потребностей: действовали полевые военные суды в конкретной армии, находящейся за границей, временные полевые суды в отдаленных от армии отрядах и осажденных крепостях, полевой главный военный суд в полевом штабе армии, военно-окружные суды пограничных округов (подчиненные командующим армиями) и кассационное присутствие на весь район военных действий. Согласно ст. 1209 Военно-судебного устава³, этим судам дополнительно передавались полномочия по рассмотрению дел в отношении лиц, принадлежащих к войску, лиц гражданского ведомства в местностях, находящихся на военном положении, и жителей на занимаемых армией территориях.

Система военно-морских судов и в мирное, и в военное время оставалась прежней и так же состояла из трех звеньев, аналогичных военным судам с поправкой на вид вооруженных сил: экипажных судов при гвардейском, флотском и портовом экипажах (с 1874 г. на время плавания на кораблях, отправляющихся в заграничное плавание, и судах внутреннего плавания первых двух рангов учреждались корабельные суды), военно-морских судов (в том числе временных) в главных портах и главного военно-морского суда в Санкт-Петербурге.

В реформированной судебной системе также сохранились коммерческие суды, рассматривающие, согласно ст. 40 Устава судопроизводства торгового⁴, споры и иски по торговым оборотам, договорам и обязательствам, о торговой несостоятельности, споры и иски по векселям. Вплоть до советского периода действовали три коммерческих суда первой инстанции в Москве, Санкт-Петербурге и Одессе с апелляционным обжалованием в Правительствующем сенате и один — в Варшаве с апелляционной инстанцией в судебных палатах, решение которых могло быть обжаловано в гражданском кассационном департаменте Правительствующего сената.

В национальных районах также действовали суды обычного права (волостные, станичные, горские суды). Эти суды хотя и были специализированы по персональному признаку (крестьяне, казаки, народы Кавказа), однако фактически являлись третейскими судами, функционирующими в соответствии с местными обычаями, и структурно не входили в судебную систему, а потому за ними осуществлялся только надзор. Тем не менее говорить о специализации этих судов по отношению к группам населения, которые

³ Военно-судебный устав от 15 мая 1867 г. // Национальная электронная библиотека : [сайт]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003543916 (дата обращения: 23.07.2024).

⁴ Устав судопроизводства торгового (изд. 1903 г.) // Свод законов Российской империи (изд. неофиц. 1913 г.). Т. XI. Ч. II.

составляли большинство (в особенности крестьяне), вероятно, не совсем правильно, но объяснимо, учитывая только начинавшийся процесс раскрепощения, в результате которого население постепенно приобщалось к судебным институтам.

Кроме того, функционировала система административных органов, рассматривающих жалобы, связанные с защитой публичного интереса и прав частных лиц: губернские присутствия по крестьянским, городским делам и по воинской повинности (в том числе уездные присутствия), а их решения могли быть обжалованы в Первый департамент Правительствующего сената. Тем не менее такая система не являлась в полном смысле системой административных судов, но ее ранним предшественником, хотя некоторые авторы и указывали, что подобные учреждения уже следует относить к юстиции⁵. Однако проект полноценной административной юстиции был разработан лишь Временным революционным правительством и предусматривал учреждение административных судов в качестве судов первой инстанции и административных отделений окружных судов, включающих первую и апелляционную инстанции, а также наделение Первого департамента Правительствующего сената компетенцией по разрешению жалоб в кассационном порядке.

Нельзя сказать, что специализация в Российской империи того периода осуществлялась намеренно и последовательно, напротив, проведенные реформы только организационно подтвердили существовавшие ранее традиционные судебные органы. Полноценная институциональная специализация была реализована только в рамках военной юстиции, которая представляла собой обособленную структуру уголовных судов, рассматривающих дела о преступлениях военнослужащих, однако в военное время такая специализация по персональному признаку опускалась, и ее деятельность вовсе носила чрезвычайный характер, поскольку суды учреждались ситуативно и распространялись в том числе на лиц, не связанных с вооруженными силами. Однако после принятия ряда антиреволюционных положений⁶ полномочия военных судов относительно рассмотрения дел гражданских лиц даже в фактически мирное время были значительно расширены, что делало военную юстицию преимущественно чрезвычайной (другим примером чрезвычайного суда являлся Верховный уголовный суд, учреждаемый *ad hoc* сначала для рассмотрения государственных преступлений, а после 1906 г. —

⁵ Корф С.А. Административная юстиция в России : в 2 т. Т. 2. Кн. 2–3 : Очерк действующего законодательства. Кн. 3 : Очерк теории административной юстиции. СПб. : Типография Тренке и Фюсно, 1910. С. 461.

⁶ См.: Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. I. № 550; Правила о местностях, состоящих на военном положении // Свод законов Российской империи. Т. II.

должностных). Коммерческие суды, в свою очередь, были специализированы только на уровне первой инстанции.

В 1906 году сфера деятельности военной юстиции относительно рассмотрения преступлений, совершенных гражданскими лицами, была значительно расширена за счет учреждения военно-полевых судов (после Февральской революции их фактически заменили военно-революционные суды). Согласно положению «Об учреждении военно-полевых судов»⁷, на рассмотрение этих судов передавались преступления лиц гражданского ведомства, которые были настолько очевидны, что не требовали расследования; за такие преступления применялись наказания по законам военного времени, а сам процесс был закрытым и предусматривался по длительности не более четырех суток. Несмотря на это, военно-полевые суды сложно назвать судами из-за их процедуры, тем не менее они точно так же, как и остальные суды военной юстиции, могут быть классифицированы только как чрезвычайные.

В этом смысле это и другие изменения, произошедшие наперекор изначальным идеям судебной реформы, практически не повлияли на критерий специализации юрисдикции в имперский период, но только усилили описанные несовершенства, впрочем как и судебная политика Временного революционного правительства, которая носила непоследовательный характер и в итоге не осуществила значительных институциональных изменений в судебной системе (например, нереализованная система административной юстиции была встроена в систему общих судов, а чрезвычайные военные суды, рассматривавшие дела в упрощенном порядке, в сущности остались такими же).

Ранняя советская судебная система, по крайней мере до середины 1930-х годов, в первую очередь руководствовалась большевистским взглядом на право, предопределявшим широкое применение классового принципа⁸, а потому ее организация на основе принципов, в соответствии с которыми функционировала прежняя судебная система свергнутых правительств, была невозможна, тем более что ведущей идеей нового, советского правосудия стало упразднение всех ранее существовавших судебных установлений⁹. Иными словами, необходимо было реализовать принципиально иную судебную систему Советского государства.

До 1922 года в РСФСР действовали суды общей юрисдикции (местные народные суды) и связанные с ними фронтовые полковые (отрядные) суды, чрезвычайные суды (революционные трибуналы) для борьбы с контррево-

⁷ Положение «Об учреждении военно-полевых судов» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. XXVI. Отд. I. № 28252.

⁸ Шабанова И.К. Становление и развитие советской судебной системы в Среднем Зауралье (1918–1938 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. Наук : 07.00.02. Тюмень, 2009. С. 21.

⁹ Большакова В.М. Принципы организации советской судебной системы (по законодательству 1917–1938 годов) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 3. С. 9.

люцией и особо опасными для Советского государства преступлениями в определенных сферах (на фронте, на транспорте), а также негосударственные суды, легализованные советской властью (дисциплинарные товарищеские, шариатские и третейские суды).

Специализация в такой судебной системе осуществлялась по персональному признаку в отношении военнослужащих Красной Армии, совершивших преступление, однако, в отличие от военных судов Российской империи, которые были институционально обособлены от ординарных, полковые суды все же существовали как разновидность местных народных судов. Это связано с тем, что организационно все суды, кроме революционных трибуналов, входили в систему народных судов, внутри которой осуществлялась специализация, несмотря на то, что они были институционально обособлены. Другими примерами специализации являются дисциплинарные товарищеские суды (некоторые авторы характеризуют их как особое звено судов общей юрисдикции)¹⁰, рассматривавшие соответственно дела о трудовых спорах и дисциплинарных нарушениях работников предприятий, а также шариатские суды, юрисдикция которых, на первый взгляд, была связана с религией, в действительности являлись полным аналогом местных народных судов, но только для разрешения дел между мусульманами в регионах их преимущественного проживания и с некоторыми изъятиями (возможность применять некоторые материальные нормы религиозных текстов с учетом советских процессуальных законов).

В дальнейшем такая сложная и нестабильная судебная организация, сложившаяся в первые годы формирования советской государственности, при переходе из охваченного военными противостояниями периода к мирной жизни стала более структурированной, однако черты и принципы, которые были заложены ранее применительно к судоустройству, сохранились. Более того, на время осуществления новой экономической политики (далее — НЭП) происходит некоторая либерализация, поскольку практически полностью была сокращена деятельность чрезвычайного правосудия (упразднен следственный и квазисудебный орган — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем и революционные трибуналы). Также была учреждена система военной юстиции, состоящая из военных трибуналов, которые рассматривали исключительно дела военнослужащих о воинских преступлениях. При этом уголовные дела гражданских лиц рассматривались в военных трибуналах только при отсутствии судов общей юрисдикции в месте совершения преступления.

¹⁰ См.: Сырых В.М. История суда и правосудия в России : в 9 т. Т. 6: Судоустройство и судопроизводство РСФСР периода становления советской власти (1917–1920 годы) : монография / отв. ред. С.А. Колунтаев. М. : Норма, 2022. С. 570.

Кроме того, в этот период присутствовали и другие значительные проявления специализации: дисциплинарные суды, рассматривавшие дела о дисциплинарных проступках должностных лиц; земельные комиссии, разрешавшие дела, связанные с землепользованием; арбитражные комиссии по рассмотрению споров между советскими хозяйственными организациями. Тем не менее, хотя все эти суды были институционально обособлены, они учреждались и действовали при исполнительных комитетах и экономических совещаниях соответственно. Отдельно при народных судах были созданы трудовые сессии для разрешения конфликтов в сфере труда и заработной платы, но они также включали в себя, помимо судебного, по большей части административный элемент. Продолжили свою деятельность шариятские суды.

Организация судебной системы, функционирующей после свертывания НЭП до начала Великой Отечественной войны, претерпела минимальные институциональные изменения. Характерной чертой этого периода является возвращение чрезвычайного правосудия, осуществляемого посредством Государственного политического управления, Особого совещания при Народном комиссариате внутренних дел (далее — НКВД) РСФСР и другими органами квазисудебного правосудия. Деятельность военных трибуналов также приобрела чрезвычайные черты за счет возвращения в их компетенцию дел, связанных с гражданскими лицами, упрощения процесса и частичной отмены права на обжалование.

В связи с ужесточением уголовной политики были учреждены специализированные уголовные суды на транспорте (железнодорожные линейные и водные суды), тем не менее действующие согласно ординарному процессуальному законодательству. Кроме того, в 1933–1935 гг. была предпринята неудачная попытка построить судебную систему по производственно-территориальному принципу (в зависимости от сегмента производства)¹¹.

В военные годы общая структура судебной системы существенно не изменялась: были перераспределены полномочия от судов общей юрисдикции к военной юстиции в местностях, объявленных на военном положении, а также временно появились новые виды военных трибуналов (на транспорте, военно-полевые суды, трибуналы при НКВД, например лагерные). После 1953 года были ликвидированы органы чрезвычайного правосудия и трибуналы при НКВД, железнодорожные линейные и водные суды объединились в единые транспортные суды.

В последующие годы, вплоть до образования судебной системы современной России, структура советских судов продолжала руководствоваться

¹¹ Абросимова Е.Б. Очерки российского судостроительства: реформы и результаты. М. : Институт права и публичной политики, 2009. С. 22.

сформированными ранее принципами, но посредством их либерализации и совершенствования, устранения противоречий в судеустройственных нормативно-правовых актах. В этой связи наибольшим достижением можно считать закрепление в ст. 151 Конституции СССР 1977 г.¹² положения о том, что правосудие в СССР осуществляется только судом вкупе с данным здесь же перечнем судом, что исключало возможность создания действовавших ранее квазисудебных органов.

Таким образом, единственными специализированными судами того периода можно считать только военные трибуналы, которые рассматривали дела о преступлениях военнослужащих и сопряженные с ними гражданские дела о возмещении материального ущерба, а также специально определенные дела исключительной важности (например, шпионаж). В местностях, в которых отсутствовали суды общей юрисдикции (преимущественно за границей), военные трибуналы рассматривали любые дела. Кроме того, несмотря на споры относительно природы советского арбитража, является он судебным органом или нет¹³, его специализированная направленность на разрешение споров между предприятиями и организациями (в государственном или ведомственном арбитраже) очевидна.

Обзор судебных систем, исторически предшествующих современной российской, показал их идеологическую неоднородность, а точнее сказать, цикличность, в рамках которой совершенно организованные судебные системы либо полностью изничтожаются для построения новых, противоположных им (как это было при переходе из имперской в советскую эпоху), либо видоизменяются таким образом, что деятельность ординарных судов умалывается в угоду по большей части и в первую очередь чрезвычайных или квазисудебных образований. Их учреждение — это наиболее характерный маркер того, как превалирующие политические намерения (реакция, контрреволюция) могут повлиять на структуру судов.

Таким образом, несмотря на несущественные проявления критерия специализации юрисдикции в имперскую эпоху, она осуществлялась самостоятельными судебными учреждениями, в отличие от советских, которые были напрямую связаны с соответствующим множеством административных органов. При этом военная специализация не теряла своей значимости в течение всех рассмотренных периодов и, более того, представляла собой основную угрозу для ординарного правосудия. Иными словами, хотя

¹² Конституция (Основной закон) СССР (принята на внеочередной VII сессии Верховного Совета СССР IX созыва 7 октября 1977 г.) «в ред. от 07.10.1977» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41. Ст. 617.

¹³ См.: История суда и правосудия в России : в 9 т. Т. 8: Судебное устройство и судопроизводство периода развитого социализма (1960–1991 годы) : монография / В.К. Аулов, Е.В. Бурдина, Г.И. Загорский [и др.] ; отв. ред. Н.А. Петухов. М. : Норма, 2023. С. 156–159.

критерий специализации в исследуемые периоды имел переменные проявления в судебных системах, даже в условиях преимущественно унифицированных судебных систем он оказывал влияние на распределение юрисдикции.

Даровских К.И.,

аспирант кафедры публичного права Юридического факультета
Государственного академического университета гуманитарных наук
(г. Москва)

Литература

1. Абросимова Е.Б. Очерки российского судоустройства: реформы и результаты / Е.Б. Абросимова. Москва : Институт права и публичной политики, 2009.
2. Большакова В.М. Принципы организации советской судебной системы (по законодательству 1917–1938 годов) / В.М. Большакова / Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 3.
3. История суда и правосудия в России : монография. В 9 томах. Т. 8. Судоустройство и судопроизводство периода развитого социализма (1960–1991 годы) / В.К. Аулов, Е.В. Бурдина, Г.И. Загорский [и др.] ; ответственный редактор Н.А. Петухов. Москва : Норма, 2023.
4. Корф С.А. Административная юстиция в России. В 2 томах. Т. 2. Кн. 2–3. Очерк действующего законодательства. Кн. 3. Очерк теории административной юстиции / С.А. Корф. Санкт-Петербург : Типография Тренке и Фюсно, 1910. 507 с.
5. Судоустройство и правоохранительные органы / под редакцией Л.В. Головки. Москва : Городец, 2020.
6. Сырых В.М. История суда и правосудия в России : монография. В 9 томах. Т. 6. Судоустройство и судопроизводство РСФСР периода становления советской власти (1917–1920 годы) / В.М. Сырых ; ответственный редактор С.А. Колунтаев. Москва : Норма, 2022.
7. Шабанова И.К. Становление и развитие советской судебной системы в Среднем Зауралье (1918–1938 гг.) : автореферат диссертации кандидата исторических наук / И.К. Шабанова. Тюмень, 2009.

Пределы прокурорской деятельности: понятие и система

Понятие предела является фундаментальным концептом в данном исследовании и лежит в основе компетенции органов прокуратуры. Оно позволяет формализовать и уточнять границы и условия применения многих правовых конструкций во внешнефункциональной деятельности российской прокуратуры. Как известно, прояснение терминологии помогает выстраивать более четкие, обоснованные и непротиворечивые правовые конструкции. Начнем с понятия «предел».

Термин «предел» многозначен, многогранен, что делает его мультидисциплинарным. Он используется в значении границы, края чего-либо, конечной точки; высшей степени и крайней меры чего-либо; рамок и ограничения чего-либо¹; цели, к которой стремятся; отдельной единицы, составной части чего-либо². Термин «предел» привносит ясность и строгость в самые разные сферы человеческой деятельности, включая право и государственную деятельность.

В праве термин «предел» используется в различных контекстах и конструкциях: (пределы компетенции (полномочий); пределы осуществления прав; пределы допустимого или дозволенного поведения; пределы доказывания; пределы наказания и т.д.), что позволяет говорить о его задействовании в праве во всех приведенных смысловых аспектах.

Огромное значение эта категория имеет в определении границ государственного вмешательства в общественные отношения, служа обеспечению разумного баланса между публичными интересами и реализацией интересов частных лиц. Понятие пределов имеет исключительную ценность и для определения правовых граней прокурорской деятельности.

Глубокое и всестороннее понимание пределов прокурорской деятельности не представляется возможным без его определения. Однако в научной литературе данный вопрос мало изучен. Ученые, как правило, акцентируют внимание на исследовании отдельных направлений прокурорской деятельности и раскрывают пределы применительно к этим направлениям, а не прокурорской деятельности в целом³.

¹ См., например: Ожегов С.И. Словарь русского языка : ок. 57 000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1987. С. 501; Словарь русского языка : в 4 т. (Малый академический словарь) / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 3. 3-е изд., стер. М. : Русский язык, 1987. С. 364.

² Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов ; РАН, Ин-т лингвист. исслед. СПб. : Норинт, 1998. С. 958.

³ Афанасьева Т.И. Пределы прокурорского вмешательства: концептологические основания исследования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 6 (118). С. 32.

Следуя правилам классического подхода к формулированию дефиниции, обратимся к рассмотрению существенных признаков пределов прокурорской деятельности.

Во-первых, по своей природе пределы прокурорской деятельности являются нормативно-правовыми установлениями, ограничивающими прокурорское воздействие на правоотношения. Эти правила должны отвечать требованиям определенности и системности, с тем чтобы эффективно регулировать рамки осуществления прокурорской деятельности.

Во-вторых, признаком пределов прокурорской деятельности является их конституционная обусловленность. Пределы прокурорской деятельности производны от конституционно-правового статуса Прокуратуры Российской Федерации, и прежде всего ее предназначения. Конституционные установления служат первейшим ориентиром в выявлении, идентификации и сверке пределов прокурорской деятельности. Все иные установления применительно к правовому статусу органов прокуратуры должны соответствовать заданным Конституцией Российской Федерации⁴ рамкам.

В-третьих, федерально-законодательная регуляторика, означающая исключительно компетенцию федерального законодателя в определении пределов деятельности органов прокуратуры и регулировании их правового статуса в целом, что прямо следует из части 1 ст. 129 Конституции Российской Федерации. Любые изменения пределов прокурорской деятельности допустимы исключительно в рамках федерального законодательства.

В-четвертых, динамичность пределов прокурорской деятельности, обусловленная постоянной их адаптацией к меняющимся реалиям. Они подвержены изменениям под влиянием правоприменительной практики, политических, социальных и иных факторов современных условий. Федеральное законодательство о прокуратуре таким образом изменяется и дополняется под воздействием объективных обстоятельств, корректируя границы прокурорской деятельности, но неизбежно с некоторым временным лагом. Тем не менее этот признак обеспечивает гибкость при сохранении исходной концепции Прокуратуры Российской Федерации как государственного органа.

В-пятых, рациональность пределов прокурорской деятельности означает, что устанавливаемые законодателем пределы должны соответствовать и быть соразмерными тем целям и задачам, которые призвана реализовывать прокуратура. Пределы прокурорской деятельности должны быть обоснованными, логически выверенными и отвечающими реальным потребностям государственно-правового механизма. Они не могут быть ни излишне ограниченными, ни чрезмерно широкими, но должны отражать оптимальный баланс государственных, общественных и частных интересов. Как следствие,

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

компетенция и полномочия Прокуратуры Российской Федерации не должны ни превышать, ни быть меньше того объема, что необходим для эффективно-го выполнения возложенных на нее функций.

Основываясь на указанных ключевых, на наш взгляд, признаках пределов прокурорской деятельности, позволим себе предложить следующее их определение. Пределы прокурорской деятельности — это система конституционно обусловленных, закрепленных федеральным законом правил, определяющих объем воздействия Прокуратуры Российской Федерации на правоотношения, соразмерный выполнению возложенных на нее функций в актуальной социально-политической и правовой действительности.

Предлагаемое определение, как нам кажется, отражает значимые свойства пределов прокурорской деятельности. Будучи комплексом правовых ограничений, определяющих легитимные рамки прокурорской деятельности, они служат балансировкой, выравниванием интересов частных лиц, общественных интересов и интересов государственного порядка. В этом контексте пределы прокурорской деятельности являются гарантией защиты прав и свобод частных лиц, самостоятельности государственных и муниципальных органов от необоснованного вмешательства такой государственной структуры, от возможных злоупотреблений.

Еще одно важнейшее свойство пределов прокурорской деятельности — это формирование вместе с миссией Прокуратуры Российской Федерации ее концептуального каркаса как государственного органа. Убеждены в том, что определение пределов деятельности является ключевым для формирования концепции любого государственного органа, включая прокуратуру. Прежде чем наделять тот или иной орган конкретными полномочиями и компетенцией, необходимо четко обозначить его миссию и границы, в рамках которых он должен функционировать. Лишь после установления предназначения, возможной и допустимой активности органа более детально могут быть определены его компетенция, система полномочий, процедур и механизмов работы. Таким образом, пределы прокурорской деятельности наряду с миссией прокуратуры выступают в качестве первоначального, базового ориентира, на основе которого выстраивается вся институциональная конструкция.

В данном контексте проявляется и соотношение пределов прокурорской деятельности, компетенции прокуратуры и полномочий прокурора, которые можно назвать смежными категориями ввиду их смысловой близости. Лишь на первый взгляд может показаться, что изначально законодатель определяет компетенцию прокуратуры и наделяет прокуроров соответствующими полномочиями, которые затем получают свое ограничение через установление пределов их реализации.

В действительности, напротив, именно пределы прокурорской деятельности определяют и ограничивают компетенцию прокуратуры и полномочия прокуроров, то есть сначала устанавливаются четкие границы, в рамках которых прокуратура может осуществлять свои функции, а уже затем

на основе этих пределов формулируются конкретные полномочия. При установлении пределов прокуратура ограничивается в своих действиях заданными федеральным законодателем рамками, в то время как полномочия и компетенция отражают само содержание, круг обязанностей и права, предоставленные прокурорам для осуществления функций Прокуратуры Российской Федерации. Поэтому пределы прокурорской деятельности в рассматриваемой триаде являются определяющей, своего рода первичной составляющей.

При этом пределы прокурорской деятельности, компетенция прокуратуры и полномочия прокуроров находятся в динамической взаимосвязи, взаимно влияя и корректируя друг друга в процессе их реализации и применения, образуя целостную систему координат прокурорской деятельности. Пределы могут уточняться по мере развития компетенции прокуратуры и практики ее применения, а компетенция, в свою очередь, может корректироваться с учетом изменения границ.

Наконец, еще одно свойство пределов прокурорской деятельности, обусловленное предыдущими рассуждениями, нам видится в дифференциации компетенции органов прокуратуры и полномочий прокуроров, реализуемой на их основе. Прокурорские компетенция и полномочия отличаются в зависимости от сферы деятельности и субъектов, в отношении которых осуществляется прокурорский надзор или иной функционал прокуратуры. Как известно, существуют особые основания и ограничения для «вхождения» органов прокуратуры в какие-либо отношения, с тем чтобы способствовать восстановлению законности.

В контексте обсуждаемых вопросов заслуживает внимания соотношение понятий «пределы прокурорской деятельности» и «пределы прокурорского вмешательства». Разделение указанных понятий применительно к прокурорской деятельности имеет научно-практическую важность, поскольку позволяет более детально и системно подойти к анализу пределов прокурорского воздействия, более глубокому пониманию правового положения прокуратуры, ее места в системе публичной власти и механизмов взаимодействия с другими структурами.

На наш взгляд, данные понятия хотя и тесно связаны, но могут быть признаны неравнозначными при рассмотрении их через призму теории объективного и субъективного права. Пределы деятельности представляют собой общие ограничители для всей внешнефункциональной деятельности прокуратуры. Пределы вмешательства прокуратуры — это границы допустимого реагирования («включения» отдельных компонентов компетенции, полномочий и способов их реализации) в конкретной правоприменительной ситуации. С такого ракурса пределы прокурорского вмешательства контурируют полномочия прокурора по поводу возникшей ситуации, требующей его внимания, формируя тем самым тактику реагирования.

Таким образом, пределы прокурорского вмешательства являются более узким понятием по сравнению с пределами прокурорской деятельности.

Пределы вмешательства «вписаны» в пределы деятельности, поскольку вмешательство может осуществляться только в общих рамках, допустимых для прокуратуры.

Переходя к вопросу о системе пределов прокурорской деятельности, отметим значимость систематизации для четкого определения границ правомерного вмешательства прокуратуры, единых и прозрачных правил такой деятельности и ответственности за действия и решения органов прокуратуры.

Классифицировать пределы прокурорской деятельности можно по разным критериям, каждый из которых отражает значимые аспекты в деятельности прокуратуры и прокуроров. Остановимся на некоторых из них.

По организационно-функциональному принципу считаем возможным выделить следующие виды пределов прокурорской деятельности:

- предметные пределы, поскольку прокуратура должна оставаться в рамках установленных законом предметов ее надзорной и ненадзорной деятельности;

- функциональные пределы, учитывая, что прокуратура не может осуществлять функции, прямо не предусмотренные законом;

- объектные пределы, обуславливающие круг поднадзорных российской прокуратуре лиц (субъектов);

- территориальные пределы, ограничивающие полномочия прокуратур поднадзорной территорией (по общему правилу);

- экстерриториальные пределы прокурорской деятельности, охватывающие пределы участия в международном сотрудничестве, реагирования на нарушения законов, связанные с внешнеэкономической деятельностью, а также пределы участия прокуроров в разрешении трансграничных правовых споров;

- процедурные пределы, нашедшие закрепление в установленных законодательством и организационно-распорядительными актами Генерального прокурора Российской Федерации порядках и процедурах осуществления прокурорской деятельности;

- индивидуальные пределы, отражающие личную компетенцию прокурора, его должностные обязанности.

По правовым основаниям считаем уместным разделить пределы на пределы, установленные Конституцией Российской Федерации; пределы, установленные федеральными законами, и пределы, установленные организационно-распорядительными актами Генерального прокурора Российской Федерации. Приведенная классификация показывает иерархичность в системе пределов прокурорской деятельности, где пределы более низкого порядка должны исходить из конституционных установлений.

По уровню прокурорской деятельности можно говорить о пределах деятельности Генеральной прокуратуры Российской Федерации, пределах деятельности прокуратур субъектов Российской Федерации и приравненных

к ним прокуратур, пределах деятельности городских (районных) и приравненных к ним прокуратур. Данная классификация отражает иерархическое построение, централизацию системы органов прокуратуры Российской Федерации и специфику полномочий прокуроров различных уровней. Она позволяет четко определить пределы деятельности каждого звена прокуратуры.

Очевидны отличия пределов прокурорской деятельности в ракурсе отдельных ее направлений и отраслей надзора. Принимая во внимание этот критерий, следует выделить пределы надзорной деятельности (и пределы по отраслям надзора), пределы координационной деятельности, пределы осуществления прокуратурой уголовного преследования, пределы правотворческой деятельности и т.д.

Классификации пределов прокурорской деятельности позволяют выявить закономерности, лежащие в основе эффективной реализации предназначения Прокуратуры Российской Федерации. В частности, пределы прокурорской деятельности могут изменяться в зависимости от социально-экономических и политических условий, находящих отражение в законодательстве. Система пределов прокурорской деятельности должна быть достаточно гибкой, для того чтобы адаптироваться к новым вызовам.

Функциональные особенности российской прокуратуры требуют соответствующего подхода в ведомственной кадровой политике, учитывающей прежде всего необходимость разнообразия знаний и навыков прокурорских работников, способности к комплексной оценке ситуации и принятия решений.

Различия пределов деятельности прокуратур разных уровней и специфика их «территориальной юрисдикции» приводят к необходимости адаптации подходов к каждому из уровней.

Завершая, заметим, что вопросы, связанные с пределами прокурорской деятельности, требуют внимания со стороны научного сообщества и приведенные рассуждения во многом являются приглашением к дискуссии.

Афанасьева Т.И.,

доцент кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература

1. Афанасьева Т.И. Пределы прокурорского вмешательства: концептологические основания исследования / Т.И. Афанасьева // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 6 (118).
2. Большой толковый словарь русского языка / составитель и главный редактор С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 1998.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка : около 57 000 слов / С.И. Ожегов ; под редакцией Н.Ю. Шведовой. 18-е изд., стер. Москва : Русский язык, 1987.
4. Словарь русского языка. В 4 томах. Т. 3. П — Р / главный редактор А.П. Евгеньева. 3-е изд., стер. Москва : Русский язык, 1987.

Реализация уголовной ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповедания: современное состояние и тенденции развития

Уголовным законом Российской Федерации охраняется право верующих на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148 Уголовного кодекса РФ; далее — УК РФ), вместе с тем эволюционирование современных способов совершения преступлений посредством использования цифровых технологий не позволяет чувствовать себя защищенным.

Роль религии в каждом государстве достаточно велика. С помощью религиозных мировоззрений, направленных на созидание, можно объединять людей, формируя высокие духовные и нравственные ценности, в то же время с помощью религии можно сформировать разрушительную силу, которая будет служить предпосылкой к развязыванию межнациональных конфликтов и массовых беспорядков.

Солидаризируясь с мнением П.В. Бахметьева, считаем, что «повышенный интерес к религии наблюдается во всех сферах общества; он проявляется в росте объемов религиозно мотивированного поведения, активном использовании религии и религиозных институтов для решения актуальных социальных задач, и вместе с тем, в обострении социальных противоречий на религиозной основе, включении религиозных факторов в детерминационный комплекс преступности»¹.

Подвергая анализу динамику совершения преступлений, очевиден значительный рост количества зарегистрированных преступлений. Так, если в 2013 г. было совершено только 6 преступлений; в 2021 г. — 30; в 2023 г. — 47 преступлений².

В сравнении с общим числом зарегистрированных преступлений, количество совершенных преступлений по ст. 148 УК РФ может показаться незначительным, однако общественная опасность данного вида деяний, вызывающих высокий общественный резонанс и являющихся причиной

¹ Бахметьев П.В. Уголовно-правовые гарантии свободы совести и вероисповедания: отечественный опыт и международные стандарты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2017. С. 4.

² Единый отчет о преступности. Сведения за 2014 год. М. : ФКУ ГИАЦ МВД РФ, 2015. С. 14; Единый отчет о преступности. Сводный отчет по России. Сведения за 2021 год. М. : ФКУ ГИАЦ МВД РФ, 2022. С. 14; Единый отчет о преступности. Сводный отчет по России. Сведения за 2023 год. М. : ФКУ ГИАЦ МВД РФ. 2024. С. 6.

возникновения конфликтных ситуаций в обществе, требует особого внимания.

По уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ, огромное значение имеет правильное установление признака публичности, что необходимо при квалификации действий лица, совершившего преступление.

Ранее под публичностью понималось совершение преступных действий в общественном месте, прилюдно; реалии сегодняшнего дня таковы, что на первый план выходит аспект обязательного «использования средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей (далее — ИТС), включая сеть Интернет. Разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно преступлений экстремистского характера аналогичным образом подчеркивают данный аспект³. К совершению преступного деяния, оскорбляющего чувства верующих, подходят осмысленно, цинично, заведомо подготавливая предметы религиозного почитания, выбирая место совершения преступления (культовые религиозные сооружения), осознавая, какие ответные действия и резонанс вызовет совершенное преступление.

Публичное оскорбление чувств верующих, «посягательство на священные каноны церкви, надругательство над объектами культа вызывают негативную реакцию у верующих, которая может привести к массовым протестам, насилию и другим тяжким последствиям»⁴.

Лицо, совершившее преступление, производит аудио-, видеофиксацию своих противоправных действий, затем размещает в открытом доступе в своем интернет-блоге, группе в социальной сети, аккаунте (персональной странице) социальной сети. Просмотрев деструктивный контент, пользователи имеют возможность оставлять комментарии, ретранслировать запись, таким образом, происходит охват неограниченного числа пользователей сети Интернет.

В этой связи сложно не согласиться с утверждением, что «Интернет наделяет большей силой и стимулирует рост доверия к людям, носителям тех или иных идей, которых мы не знаем лично, но именно эти “лидеры мнений” формируют новые тренды, создают моду на те или иные идеи...»⁵.

³ Пункт 7 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: <https://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 18.10.2024).

⁴ Сичкаренко А.Ю. Публичность как признак преступного нарушения права на свободу совести и вероисповеданий // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 4 (46). С. 21.

⁵ Гавриленко О.В. Цифровые технологии социального контроля: перспективы и социальные последствия их внедрения // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2022. Т. 28. № 1. С. 148.

Преступные действия блогеров⁶ могут быть продиктованы не только желанием повысить свой рейтинг в ИТС, но и применением информационно-психологического воздействия, направленного на нарушение психического здоровья людей, побуждение их к агрессивным и иным асоциальным действиям. Более того, личности блогеров не всегда известны, как правило, они вещают под псевдонимом или «ником».

К сожалению, нельзя обойти вниманием тот факт, что целевой аудиторией, вовлекаемой в деструктивный контент, являются несовершеннолетние, которые не всегда осознают последствия своих действий и не знают об уголовно-правовом запрете их совершения.

В исследовании Е.В. Кузнецовой справедливо акцентируется внимание на основных формах криминогенного воздействия информационно-коммуникационной сети на несовершеннолетних. Она выделяет «контентное воздействие посредством информации (пропаганда агрессии, жестокости, насилия, экстремизма...), а также коммуникативное воздействие в процессе деструктивного межличностного общения...»⁷.

И в этой связи следует отметить, что факты совершения несовершеннолетними преступных деяний, предусмотренных ст. 148 УК РФ, с каждым годом только увеличиваются.

Здесь можно упомянуть о совершенном в 2021 г. преступлении, когда «двое несовершеннолетних 15 и 17 лет в Петербурге фотографировались в непристойных позах, оголив нижнюю часть своего тела, на фоне храма Спас на Крови. Фотографии разместили в открытом доступе, в сети Интернет. По факту провокационной фотосессии возбуждено уголовное дело об оскорблении чувств верующих»⁸; в январе 2024 г. «несовершеннолетние жительницы Краснодарского края выложили видео, на котором одна из девушек 17 лет раскрошила мел на икону с изображением Николая Чудотворца, придав сходство с наркотическим средством, и стала создавать видимость употребления запрещенного средства. Видео разместила на своем канале в соцсети...»⁹; в мае 2024 г. «в Ставропольском крае трое несовершеннолетних, выражая явное неуважение к обществу, в канун главного православного праздника — Пасхи, под восторженный смех друзей сожгли, находясь

⁶ Блогер — человек, создающий контент и публикующий его на страницах сети Интернет.

⁷ Кузнецова Е.В. Предупреждение делинквентного поведения несовершеннолетних, продуцируемого контентом сети Интернет : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Курск, 2019. С. 9.

⁸ ТАСС. В Петербурге задержали двух несовершеннолетних за непристойные фото у храма Спаса на Крови. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/12975913> (дата обращения: 14.11.2024).

⁹ РАПСИ. На Кубани несовершеннолетняя пойдет под суд за оскорбительный ролик с иконой. URL: https://rapsinews.ru/judicial_news/20240528/309930474.html (дата обращения: 01.11.2024).

во дворе домовладения в Новоалександровске, Новый Завет и выложили видео процесса в социальные сети»¹⁰.

Рассмотренные выше факты совершения преступлений несовершеннолетними не являются исчерпывающими, они лишь иллюстративно демонстрируют те действия, которые ими совершаются.

Следующим проблемным вопросом реализации уголовной ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповедания является неустановленная личность блогера, который размещает информацию на своем интернет-канале, персональной странице.

На законодательном уровне уже проработан вопрос о деанонимизации блогеров, имеющих и регулярных подписчиков, обязывающий блогеров с аудиторией больше 10 000 подписчиков подавать информацию о себе в Роскомнадзор¹¹, таким образом верифицируя свою личность.

Думается, что данная превентивная мера позволит в короткие сроки не только установить лиц, занимающихся распространением запрещенной информации, но и создать условия для блокировки их интернет-контента, предотвращая совершение этими лицами преступлений.

Вместе с тем следует отметить, что деятельности блогеров, имеющих свои интернет-каналы и регулярных подписчиков численностью менее 10 000, данная мера верификации личности не касается, не ограничивая их деятельность в Сети и не лишая возможности размещать деструктивный контент.

Еще одним из проблемных аспектов в правоприменительной практике, влекущих спорность при квалификации действий лица, совершившего преступление, предусмотренного ст. 148 УК РФ, является отсутствие единообразного толкования содержащихся в ней составообразующих признаков, часть из которых носит оценочный характер (публичность, выражение явного неуважения к обществу, оскорбление чувств верующих), а также отграничение деяний, предусмотренных ст. 148 УК РФ, от преступлений, смежных с ним по элементам и признакам составов. Зачастую тождественные публичные действия, оскорбляющие чувства верующих, влекут различную юридическую оценку.

Следует упомянуть, что ч. 1 ст. 148 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих.

¹⁰ Российская газета (rg.ru). Дело о публичном сожжении Нового завета на Ставрополье передано в суд. URL: <https://rg.ru/2024/07/31/reg-skfo/delo-o-publichnom-sozhzhenii-novogo-zaveta-na-stavropole-peredali-v-sud.html?ysclid=m17ll7etgh318977957> (дата обращения: 14.11.2024).

¹¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 303-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482565/?ysclid=m1anxo1n37254222690 (дата обращения: 03.11.2024).

В то же время ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ предусмотрена ответственность за умышленное публичное осквернение религиозной или богослужбной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порчу или уничтожение.

Таким образом, одним из основных вопросов, позволяющих квалифицировать действия лица по ст. 148 УК РФ, является определение экспертом в ходе проведения судебной лингвистической экспертизы наличия (отсутствия) объекта, непосредственно предназначенного для богослужений и проведения религиозных обрядов (церемоний), его конфессиональной принадлежности. И, главное, содержатся ли в действиях лица признаки оскорбления (осквернения), выражения явного неуважения по отношению к религии, культу или другому конфессиональному вероучению (доктрине).

Подводя краткий итог исследованию вопроса реализации уголовной ответственности за нарушение права на свободу совести и вероисповедания, можно говорить о значительно возросшей общественной опасности деяний, направленных на нарушение прав верующих на свободу совести и вероисповеданий, на разжигание религиозных конфликтов, ненависти и вражды.

Лицо, совершающее преступление посредством ИТС, охватывает огромную аудиторию, информация имеет высокую скорость передачи и распространения. Личность блогера, как правило, неизвестна, скрыта под псевдонимом. Вопрос о деанонимизации блогеров с аудиторией меньше 10 000 подписчиков в правовом поле не урегулирован. В связи с этим необходим системный подход к регулированию блогосферы и деятельности блогеров, определению их статуса как самостоятельных участников медиaprостранства, которые должны нести ответственность за информацию, размещенную в блоге.

Учитывая высокую вовлеченность несовершеннолетних в просмотр деструктивного контента, что оказывает на них негативное психологическое воздействие, формируя мотивационную модель безнравственного поведения и вседозволенности, как следствие, влечет совершение ими преступлений, предусмотренных ст. 148 УК РФ, видится целесообразным принимать меры по формированию духовных и нравственных ценностей в медиасфере, ограничивая доступ к сайтам, обладающим разрушительной силой и способствующим потере самоидентичности.

Вместе с тем требует оптимизации правоприменения ст. 148 УК РФ, для чего необходимы разработка единообразного подхода к толкованию составообразующих признаков нормы статьи, часть из которых носит оценочный характер, а также введение четкого отграничения деяний, преду-

смотренных ст. 148 УК РФ, от преступлений, смежных с ними по элементам и признакам составов, в частности имеющих экстремистскую направленность.

Бунова И.И.,

докторант факультета научных и научно-педагогических кадров
Академии управления Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
кандидат юридических наук
(г. Москва)

Литература

1. Бахметьев П.В. Уголовно-правовые гарантии свободы совести и вероисповедания: отечественный опыт и международные стандарты : автореферат диссертации кандидата юридических наук / П.В. Бахметьев. Краснодар, 2017.
2. Гавриленко О.В. Цифровые технологии социального контроля: перспективы и социальные последствия их внедрения / О.В. Гавриленко // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 1.
3. Кузнецова Е.В. Предупреждение делинквентного поведения несовершеннолетних, продуцируемого контентом сети Интернет : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Е.В. Кузнецова. Курск, 2019.
4. Сичкаренко А.Ю. Публичность как признак преступного нарушения права на свободу совести и вероисповеданий / А.Ю. Сичкаренко // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 4 (46).

К вопросу о нейтрализации негативных факторов, способствующих приобщению осужденных к идеологии криминального мира

Одним из первых отечественных исследователей, обративших внимание на поведение сибирских каторжников, которое отличалось свое приверженностью к идеологии криминального мира, был Ф.М. Достоевский. В своей повести «Записки из мертвого дома» (впервые опубликована в 1860 г.) автор писал об «особом мире...» каторжных заключенных середины XIX в., который «...ни на что более не похожий, тут были свои особые законы, свои костюмы, свои нравы и обычаи...». При этом «...против внутренних уставов и принятых обычаев острога никто не смел восставать; все подчинялись. Бывали характеры, резко выдающиеся, трудно, с усилием подчинявшиеся, но все-таки подчинявшиеся. Приходили в острог такие, которые уж слишком зарвались... но у нас их тотчас осаживали...»¹.

Приобщение осужденных к идеологии криминального мира как совокупность криминальных взглядов, ценностей и преступных ориентаций не возникает на «пустом месте», как правило, такому приобщению предшествует ряд этапов. Так, первым этапом на пути приобщения к идеологии криминального мира осужденного является аморальный образ жизни — незначительная деформация личности человека, связанная с нарушением нравственных норм. Далее следует асоциальный образ жизни осужденного — деформация личности человека, связанная с систематическим нарушением морально-этических правил, установленных в обществе. За ним следует предкриминальный образ жизни осужденного — формирование значительной деформации личности человека, связанной не только с нарушением нравственных норм или морально-этических правил, установленных в обществе, но и, например, совершением административных правонарушений или несоблюдением осужденным правил внутреннего распорядка (нарушения режима отбывания наказания в виде лишения свободы). И, наконец, криминальный образ жизни осужденного характеризуется совершением преступлений небольшой или средней тяжести. Так, например, криминальный образ жизни может выражаться в приверженности осужденного к экстремистской идеологии «АУЕ». Криминальный образ жизни осужденного характеризуется желанием осужденного заполучить уважение и признание со стороны других осужденных группировок отрицательной направленности, а также

¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений : в 30 т. Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1972. Т. 4. С. 9.

стремлением осужденного занять определенное авторитетное положение в системе иерархии преступного мира².

Приобщение осужденных к идеологии преступного мира влечет деградацию личности, деформирует ее отношение к обществу, семье и законопослушному образу жизни. Так, в науке выделяют следующие три основных пути приобщения осужденных к идеологии криминального мира:

1. Добровольный путь, когда осужденный по своей воле и желанию вступает в группировку отрицательной направленности. Как правило, такие лица изначально имеют отрицательную направленность. Их образ жизни до момента совершения преступления характеризуется как антиобщественный.

2. Принудительный путь характеризуется навязыванием осужденным традиций и обычаев преступного мира со стороны криминальных лидеров. Основная цель такого принуждения заключается в увеличении количества участников группировки отрицательной направленности и в дальнейшем совершении ими преступлений.

3. Вынужденный путь приобщения осужденных к криминальной субкультуре характерен для лиц, впервые оказавшихся в условиях изоляции от общества, когда нет иного выбора, кроме как соблюдать преступные нормы и правила криминальной субкультуры. Связано это в первую очередь с тем, что изоляция лица от привычного общения с окружающими, родственниками, друзьями приводит к определенным трудностям в адаптации к новым «тюремным» условиям³. По мнению Ю.М. Антоняна, лицу, попадая в условия изоляции от общества, очень важна оценка его поведения со стороны других осужденных. Усиление податливости осужденных групповым влияниям может привести к их совместной деятельности в составе группы, которая, в свою очередь, может носить и преступный характер⁴.

В качестве другого, не менее важного фактора, способствующего приобщению осужденных к идеологии криминального мира, выделяют наличие в среде осужденных иерархии преступного мира⁵. Как правило, главенствующее положение в иерархии преступного мира занимает криминальный лидер, который является основным носителем традиций и обычаев преступного мира. По мнению Е.А. Антонян, целью криминальных лидеров как носителей традиций и обычаев криминального мира является формирова-

² Игнатенко В.И. Нужна ли категория «антиобщественный образ жизни» для криминологии? // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27(1–4). № 3. С. 288–294.

³ Дакашев И.Х. К вопросу о профилактике негативного влияния тюремной субкультуры на ресоциализацию осужденных // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 2. С. 20–25.

⁴ Антонян Ю.М. Психологическое отчуждение личности и преступное поведение. М., 1987. 202 с.

⁵ Игнатенко В.И. Профилактика правонарушений среди осужденных к лишению свободы формами и методами религиозного воздействия // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2017. № 4. С. 25–27.

ние себе смены за счет новых лиц: «...лидерами преступного сообщества неоднократно подчеркивается более внимательное и бережное отношение к молодому поколению и в отношении лиц, впервые переступивших порог следственного изолятора»⁶.

Необходимо отметить, что криминальные лидеры представляют собой «идейных» представителей криминального мира, имевших определенный преступный опыт и криминальные навыки. Кроме того, такие лица оказывали влияние на волю других осужденных посредством неукоснительного соблюдения традиций и обычаев преступного мира⁷. При этом необходимо отметить, что, являясь носителями идеологии криминальной субкультуры, криминальные лидеры своим поведением обязаны доказывать остальным преступникам свою строгую приверженность к такой идеологии. Для криминального лидера характерны следующие признаки: организаторские способности; высокая конспиративность; сильные волевые качества; умение оказывать влияние на волю других осужденных; руководство традициями и обычаями криминальной субкультуры; антиобщественный образ жизни. Как правило, такие лица отличаются скрытностью и нежеланием вести диалог об их роли в криминальной общности осужденных и занимаемом статусе в преступной иерархии.

Необходимо обратить внимание на следующую закономерность относительно приобщения осужденных к идеологии криминального мира: потеря социально полезных связей с семьей и близкими людьми, а также отсутствие вовлеченности в культурно-массовые мероприятия способствуют приобщению осужденного к идеологии преступного мира, которая заполняет образовавшиеся социальные пустоты личности. Со временем такой осужденный сам становится носителем криминальной субкультуры, что позволяет ему занять более высокое положение в иерархии преступного мира. И, напротив, чем раньше начать реализацию комплекса профилактических мер, направленных на нейтрализацию негативных факторов, способствующих формированию преступного образа жизни, тем меньше вероятность того, что лицо совершит преступление⁸.

Ключевая роль в нейтрализации негативных факторов, способствующих приобщению осужденных к идеологии криминального мира, отводится оперативным отделам. Оперативный аппарат исправительных учреждений,

⁶ Антонян Е.А., Зубков И.М. Влияние уголовно-преступной среды на распространение криминальной субкультуры в молодежной среде // Проблемы противодействия криминальной субкультуре : материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 8 декабря 2017 г.). С. 147–153.

⁷ Мальчук О.И. История развития феномена «Вор в законе» // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 109.

⁸ Игнатенко В.И. Категория «антиобщественный образ жизни» в свете зарубежных концепций борьбы с преступностью // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29(1–4). № 1. С. 56–70.

по мнению Н.С. Артемьева, выделяется из других структурных подразделений, так как он использует в своей работе специальные приемы, методы и средства по нейтрализации негативных факторов, способствующих приобщению осужденных к идеологии криминального мира⁹. Сложность профилактической работы в отношении криминальных лидеров, которые являются носителями традиций и обычаев криминального мира, заключается в том, что данная категория осужденных ведет конспиративный образ жизни. Как правило, такие лица отличаются скрытностью и нежеланием вести диалог об их роли в криминальной общности осужденных и занимаемом статусе в преступной иерархии.

По мнению В.Е. Эминова, основная задача оперативных отделов исправительных учреждений в части нейтрализации негативных факторов, способствующих приобщению осужденных к идеологии криминального мира, заключается в прогнозировании поведения осужденных, являющихся носителями и распространителями рассматриваемой идеологии, и на основании этого прогноза — планировании профилактических мероприятий в отношении данных лиц¹⁰.

По нашему мнению, в рамках нейтрализации негативных факторов, способствующих приобщению осужденных к идеологии криминального мира, необходима реализация следующих мер:

1) организация социальной и воспитательной работы с лицами, оказавшимися под влиянием криминальных лидеров;

2) анализ личностных качеств осужденных, их образования, трудовых навыков и умений при составлении индивидуальной программы по нейтрализации негативных факторов, способствующих их приобщению к идеологии криминального мира;

3) осуществление контроля за выполнением мероприятий, предусмотренных индивидуальными программами по нейтрализации негативных факторов, способствующих приобщению осужденных к идеологии криминального мира;

4) оказание содействия осужденному в получении общего образования, среднего профессионального образования, прохождении профессионального обучения, повышении квалификации, прохождении обучения по программам профессиональной переподготовки;

5) взаимодействие с органами, учреждениями, организациями, являющимися субъектами нейтрализации негативных факторов, способствующих приобщению осужденных к идеологии криминального мира.

⁹ Артемьев Н.С., Багнычев М.Ю. Оперативно-розыскная профилактика террористической и экстремистской деятельности в учреждениях УИС // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 2 (37). С. 12.

¹⁰ Эминов В.Е. Концепция борьбы с организованной и коррупционной преступностью в России : монография. М. : Норма, 2020. 80 с.

Разрешение проблем, связанных с нейтрализацией негативных факторов, способствующих приобщению осужденных к идеологии криминального мира, заключается в комплексной работе всех институтов общества и государства. В связи с чем целесообразно в рамках системы probation разрабатывать программу, направленную на разрешение указанной проблемы.

Дакашев И.Х.,

преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Самарского юридического института
Федеральной службы исполнения наказаний
(г. Самара)

Литература

1. Антонян Е.А. Влияние уголовно-преступной среды на распространение криминальной субкультуры в молодежной среде / Е.А. Антонян, И.М. Зубков // Проблемы противодействия криминальной субкультуре : материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Улан-Удэ, 8 декабря 2017 г.) : сборник научных статей / редакторы : Ю.П. Гармаев, С.А. Маркунцов, Б.Б. Самданова ; ответственный редактор Н.И. Шаликова ; научные редакторы : Ю.В. Хармаев, Э.Л. Раднаева. Москва : Юриспруденция, 2018.
2. Антонян Ю.М. Психологическое отчуждение личности и преступное поведение : Генезис и профилактика дезадаптивных преступлений / Ю.М. Антонян. Ереван : Айастан, 1987.
3. Артемьев Н.С. Оперативно-розыскная профилактика террористической и экстремистской деятельности в учреждениях УИС / Н.С. Артемьев, М.Ю. Багнычев // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 2(37).
4. Дакашев И.Х. К вопросу о профилактике негативного влияния тюремной субкультуры на ресоциализацию осужденных / И.Х. Дакашев // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2023. № 2.
5. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений. В 30 томах. Т. 4 / Ф.М. Достоевский. Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1972.
6. Игнатенко В.И. Категория «антиобщественный образ жизни» в свете зарубежных концепций борьбы с преступностью / В.И. Игнатенко // Человек: преступление и наказание. 2021. Т. 29(1–4). № 1.
7. Игнатенко В.И. Нужна ли категория «антиобщественный образ жизни» для криминологии? / В.И. Игнатенко // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27(1–4). № 3.
8. Игнатенко В.И. Профилактика правонарушений среди осужденных к лишению свободы формами и методами религиозного воздействия / В.И. Игнатенко // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. 2017. № 4.
9. Мальчук О.И. История развития феномена «Вор в законе» / О.И. Мальчук // Проблемы в российском законодательстве. 2018 № 5.
10. Эминов В.Е. Концепция борьбы с организованной и коррупционной преступностью в России : монография / В.Е. Эминов. Москва : Норма, 2020.

Преступление как основание правомерного причинения вреда при осуществлении уголовно-правового задержания

Задержание лица, совершившего преступление, является общественно полезным действием, для осуществления которого закон допускает причинение вреда, являющегося, согласно главе 8 Уголовного кодекса РФ (далее — УК РФ), обстоятельством, исключающим преступность деяния. Однако причиняемый вред будет правомерным только тогда, когда будут соблюдены все требования, установленные законом, а именно ст. 38 УК РФ¹.

Правомерность причинения вреда при уголовно-правовом задержании оценивается по совокупности наличия таких элементов, как совершенное преступление, специальная цель — доставление задержанного органам власти и пресечение совершения новых преступлений, вынужденность причинения вреда из-за невозможности задержать иными средствами, а также недопустимость превышения мер задержания.

Определение наличия совершенного преступления является сложным процессом. По мнению С.Ф. Милюкова, законодатель возлагает непосильную задачу на задерживающее лицо в считанные секунды дать правовую квалификацию совершенного деяния².

Из содержания главы 6 УК РФ следует, что уголовная ответственность наступает не только за оконченное преступление, но и за покушение и приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению, поэтому отсутствие негативных последствий не свидетельствует об отсутствии преступления. Это означает, что для задержания преступника не нужно ждать, когда преступление будет доведено им до конца и наступят общественно опасные последствия. Между тем используемая в ст. 38 УК РФ формулировка «лицо, совершившее преступление» часто задерживающим, не имеющим юридического образования, воспринимается буквально, что создает определенные проблемы в оценке ситуации, и, возможно, нуждается в более точной законодательной регламентации.

О совершении конкретным лицом преступления говорят факты, определенные в ст. 91 Уголовно-процессуального кодекса РФ, а именно: лицо застигнуто на месте преступления или непосредственно после его совер-

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. Федерального закона от 08.08.2024 № 226-ФЗ) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

² См.: Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа : монография. СПб. : Знание, СПбИВЭСЭП, 2000. С. 133.

шения; когда на лицо указывают потерпевший или очевидцы; когда на лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления³.

Для признания деяния преступлением оно должно содержать все признаки состава преступления. Одним из них является субъект, то есть лицо, которое совершило преступление и обладает определенным набором юридических признаков (возраст и вменяемость). Для точного установления возраста лица требуется его документальное подтверждение, а в случае отсутствия документов или отставания в психическом развитии требуется проведение судебно-медицинской экспертизы. Аналогично обстоит дело и с определением наличия у человека вменяемости, так как невменяемым человека признает суд. Априори установить вышеперечисленные сведения в момент проведения задержания невозможно. Из этого следует, что причинение вреда лицу, которое совершило общественно опасное деяние, запрещенное УК РФ, и которое не достигло возраста уголовной ответственности или является невменяемым, из дословного толкования закона может быть признано незаконным ввиду отсутствия состава преступления. На наш взгляд, для урегулирования данного пробела требуется судебное разъяснение о том, что причинение вреда при задержании возможно в отношении любого лица, которое совершило деяние, содержащее признаки преступления, независимо от его возраста или психического здоровья.

В связи с тем что в законе не раскрывается термин «лицо, совершившее преступление», формулировкой данного понятия активно занимается наука уголовного права. Так, достаточно дискуссионным является вопрос о том, является ли задерживаемое лицо преступником или нет. Так, некоторые ученые предлагают изменить применяемое словосочетание. Например, В.В. Агафонов считает, что формулировку «лицо, совершившее преступление» следует изменить на «лицо, совершившее общественно опасное деяние»⁴. В свою очередь А.В. Карпушкин предлагает использовать в законе выражение: «лицо, совершившее общественно опасное деяние, содержащее признаки преступления»⁵.

На наш взгляд, следует оставить действующую формулировку, но с включением уточнения, что задержанию подлежит не только лицо, со-

³ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. Федерального закона от 29.05.2024 № 396-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Агафонов В.В. Инновационное совершенствование правовых положений о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 657.

⁵ См.: Карпушкин А.В. К вопросу об уголовно-правовой оценке причинения вреда лицу, совершившему преступление, в процессе его задержания // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8 (159). С. 235.

вершившее преступление, но и лицо, осуществляющее покушение или приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению. При этом лицом, совершившим преступление, на момент задержания является любое лицо независимо от его возраста и психического здоровья, ведь порой внешне определить все это невозможно.

Не менее важным является вопрос, связанный с установлением наличия преступления в действиях задерживаемого лица, когда происходит одна из следующих ситуаций. Первая ситуация связана с задержанием лица, которое совершило деяние, содержащее внешне признаки преступления, но не являющееся таковым в силу отсутствия общественной опасности. Вторая связана с задержанием лица, которое не совершало преступление, но задерживающий ошибочно посчитал, что данный человек совершил преступление. То есть задерживающий не осознавал и по обстоятельствам дела не мог осознавать, что его действия являются противозаконными. Ранее мы уже отмечали, что ситуации, связанные с мнимым задержанием, законодательством не урегулированы, и это требует дополнительной нормативно-правовой регламентации⁶.

В научной литературе акцентируется внимание на том, что вред при задержании должен причиняться именно тому лицу, которое совершило преступление. Это же следует из дословного толкования закона. Так, причинение вреда допускается только в отношении того лица, которое совершило преступление, из чего следует, что причинение вреда третьим лицам недопустимо. Однако исключить причинение вреда третьим лицам не всегда возможно. Так, например, при освобождении заложников допускается причинение смерти и тяжкого вреда здоровью заложника⁷. С одной стороны, освобождение заложников охватывается такими обстоятельствами, как необходимая оборона и крайняя необходимость, а с другой — при освобождении заложников может происходить и задержание лица. В связи с этим существует необходимость законодательного урегулирования данного вопроса, с тем чтобы к ответственности за причинение вреда третьим лицам было привлечено лицо, совершающее общественно опасное деяние, угрожающее жизни или здоровью, и пытающееся скрыться или иным способом оказать воспрепятствование в задержании.

Учитывая, что преступление может быть совершено не одним лицом, а несколькими, то есть в соучастии, задержанию подлежит не только исполнитель преступления, но и все другие лица (организатор, подстрекатель и

⁶ См.: Сторожихин И.С. Уголовно-правовая оценка действий лица, причинившего вред в результате мнимого задержания // Российский следователь. 2024. № 4. С. 57.

⁷ См.: Бабурин В.В., Хоменко А.Н. Уголовно-правовая оценка рискованных действий по освобождению заложника // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2016. № 1 (17). С. 106.

пособник). В случае необходимости таким лицам может причиняться вред для осуществления их задержания. Особенно это актуально при задержании лиц, причастных к преступлениям экстремистского и террористического характера⁸.

Таким образом, преступление является обязательным элементом правомерного причинения вреда при задержании лица, его совершившего. Задерживать следует не только лицо, совершившее преступление, но и лицо, осуществляющее покушение или приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению. Причинение вреда следует признавать правомерным в отношении всех лиц, причастных к совершению преступления, независимо от их возраста или психического здоровья, на что необходимо указать в законе. Кроме того, требуется нормативно-правовая регламентация причинения вреда в результате мнимого задержания. Также в законе следует установить, что ответственность за причинение вреда третьим лицам при задержании лица, совершающего общественно опасное деяние, угрожающее жизни или здоровью, и пытающегося скрыться или иным способом оказывающего сопротивление в задержании, несет задерживаемое лицо.

Лесников Г.Ю.,

главный научный сотрудник
центра исследования проблем обеспечения безопасности
в учреждениях уголовно-исполнительной системы
Научно-исследовательского института Федеральной службы
исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России),
доктор юридических наук, профессор
(г. Москва)

Сторожихин И.С.,

соискатель Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний;
капитан полиции, оперуполномоченный по особо важным делам
Управления Росгвардии по Рязанской области
(г. Рязань)

Литература

1. Агафонов В.В. Инновационное совершенствование правовых положений о причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление / В.В. Агафонов // Юридическая техника. 2021. № 15.

⁸ См.: Фомин И.С. «Экстремизм», «Фундаментализм» и «Радикализм» в условиях противодействия преступлениям в учреждениях УИС // В сб. : Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Научно-практическое ежеквартальное издание. М., 2019. С. 356.

2. Бабурин В.В. Уголовно-правовая оценка рискованных действий по освобождению заложника / В.В. Бабурин, А.Н. Хоменко // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2016. № 1 (17).
3. Карпушкин А.В. К вопросу об уголовно-правовой оценке причинения вреда лицу, совершившему преступление, в процессе его задержания / А.В. Карпушкин // Евразийский юридический журнал. 2021. № 8 (159).
4. Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа : монография / С.Ф. Милюков. Санкт-Петербург : Знание, СПБИНВЭСЭП, 2000. 279 с.
5. Сторожихин И.С. Уголовно-правовая оценка действий лица, причинившего вред в результате мнимого задержания / И.С. Сторожихин // Российский следователь. 2024. № 4.
6. Фомин И.С. «Экстремизм», «Фундаментализм» и «Радикализм» в условиях противодействия преступлениям в учреждениях УИС / И.С. Фомин // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России : научно-практическое ежеквартальное издание. Вып. 4 / члены редакционной коллегии : Н.В. Румянцев, С.Ф. Викулов, А.В. Вилкова [и др.] ; составители : Л.П. Лобачева, И.В. Елатомцев, М.Ю. Демидочкина ; председатель редакционного совета А.В. Быков. Тверь : Научно-исследовательский институт информационных технологий Федеральной службы исполнения наказаний, 2019.

К вопросу о способах разрешения уголовно-правового конфликта

Разрешение уголовно-правового конфликта традиционно в российской доктрине уголовного процесса связывается с реализацией функции уголовного преследования¹, которое по итогам судебного разбирательства в условиях состязательности завершается принятием судом одного из решений, предусмотренных п. 1–3 ч. 1 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ): признать лицо виновным в совершении преступления и назначить ему наказание либо признать таковое невиновным; применить к лицу принудительные меры медицинского характера, а также принудительные меры воспитательного воздействия. Дополнение части первой указанной статьи уголовно-процессуального закона п. 3.1, наделяющим суд правом прекратить уголовное дело или уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа², породило новый виток научных споров о поиске эффективных альтернатив традиционной модели разрешения уголовно-правового конфликта. В основе длящихся дискуссий лежит дуализм в толковании сущности и основного начала уголовного преследования — его законности и целесообразности. В первом случае должностное лицо органа уголовной юстиции обязывается возбуждать уголовное дело при наличии к тому повода и основания без учета каких-либо дополнительных соображений, что наглядно иллюстрируется положениями ч. 2 ст. 21 УПК РФ: в каждом случае обнаружения признаков преступления прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают предусмотренные законом меры по установлению события преступления, изобличению лица или лиц, виновных в совершении преступления, что подтверждает справедливость тезиса о том, что в основе современной российской модели уголовного преследования доминирует именно начало легальности³. При этом, реализуя функцию уголовного преследования, компетентные должностные лица устанавливают обстоятельства, формирующие предмет доказывания (ст. 73, 421, 434 УПК РФ), формулируют обвинение, отражая его в итоговых процессуальных актах, содержащих результаты досудебного производства, которые, в свою

¹ См.: Алексеев Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1980. С. 108.

² См.: Саперов А.И., Паршаков Е.Н. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов // Science Time. 2024. № 9. С. 15.

³ См.: Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2016. С. 93–96.

очередь, являются основанием для рассмотрения уголовного дела судом, и определяют пределы судебного разбирательства (ст. 252 УПК РФ). Таким образом, с учетом основного начала легальности уголовного преследования его принято определять как «движущую силу уголовного процесса»⁴, в отсутствие которой две оставшиеся основные процессуальные функции из триады состязательности (защита и разрешение уголовного дела по существу) фактически теряют смысл. Законодатель определяет уголовное преследование как процессуальную деятельность, осуществляемую стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК РФ). Полагаем, что в данном случае речь идет об активных действиях должностных лиц органов уголовной юстиции, осуществляемых в установленной законом форме и имеющих целью реализацию назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ. Позволим себе не согласиться с высказываемыми отдельными представителями науки уголовного процесса утверждениями о необходимости интеграции в понятие «уголовное преследование» оперативно-разыскной и иной, находящейся вне рамок уголовно-процессуальной формы деятельности⁵.

Думается, толкование термина «уголовное преследование» должно осуществляться исходя из сущности соответствующей правоохранительной деятельности, которую, на наш взгляд, необходимо характеризовать с учетом круга субъектов, ее осуществляющих, цели и содержания. Определяя круг субъектов, реализующих функцию уголовного преследования, законодатель в приведенном выше легальном определении оперирует термином «сторона». Не вдаваясь в обсуждение сугубо процессуального вопроса о перечне участников уголовного процесса, представляющих сторону обвинения, обозначим лишь тех из них, которые реализуют исследуемую функцию *ex officio*, т.е. в публичных интересах и по долгу службы. Согласно п. 47 ст. 5 УПК РФ, это прокурор, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, орган дознания. Обращение к тексту уголовно-процессуального закона позволяет констатировать наличие у указанных должностных лиц полномочий по осуществлению уголовного преследования (ч. 1 ст. 37, ст. 38, 41 УПК РФ). В то же время, согласно позиции Конституционного Суда РФ, функциональная роль прокурора, следователя и дознавателя не ограничивается реализацией полномочий обвинительного характера, поскольку, в соответствии со ст. 6 УПК РФ, им в обязанность вменяется использование всего комплекса мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, что, в свою очередь, является гарантией реализации судом права обе-

⁴ Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. М., 1951. С. 56.

⁵ Агабеков К.С. О начале уголовного преследования в условиях охранительного правосудия // Мировой судья. 2019. № 1. С. 14–18.

спечительной функции в процессе осуществления правосудия⁶. Иерархическое построение системы следственных органов, а также органов дознания предопределяет тот факт, что процессуальное руководство деятельностью следователя и дознавателя осуществляют соответственно руководитель следственного органа и начальник подразделения дознания, начальник органа дознания. Названные должностные лица также входят в состав стороны обвинения, однако не названы в уголовном законе ни в качестве субъектов соответствующих преступных деяний, ни в качестве потерпевших. Думается, подобный подход может объясняться тем, что при реализации полномочий по уголовному преследованию они фактически приобретают процессуальное положение следователя и дознавателя, что следует из формулировки ч. 2 ст. 39 УПК РФ: «Руководитель следственного органа вправе возбудить уголовное дело в порядке... принять уголовное дело к своему производству и произвести предварительное следствие в полном объеме, обладая при этом полномочиями следователя», а также аналогичной формулировки, содержащейся в ч. 2 ст. 40.1 УПК РФ.

Отталкиваясь от приведенного выше легального толкования термина «уголовное преследование», можно предположить, что основной целью деятельности должностного лица органа уголовной юстиции является изобличение лица в совершении преступления, т.е. доказывание его виновности (п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Под виновностью в данном случае мы понимаем не материально-правовую, а уголовно-процессуальную категорию, которая может быть определена в процессе познавательной деятельности, т.е. доказывания. Доказывание виновности означает установление «обстоятельств, определяющих лицо, совершившее преступление (субъект), и субъективную сторону преступления»⁷. Результатом такой деятельности является наличие достаточных доказательств, дающих основания для обвинения лица в совершении преступления (ч. 1 ст. 171 УПК РФ), а также получение достаточных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления (ч. 1 ст. 223.1 УПК РФ).

Определение уголовного преследования, предлагаемое законодателем, не содержит в качестве цели процессуальной деятельности стороны обвинения назначение виновному справедливого наказания. Полагаем, само по себе изобличение преступника не является целью уголовного процесса. Интересы общества и государства требуют, чтобы виновное в совершении преступления лицо понесло заслуженное наказание, что вполне соответствует ч. 2 ст. 6 УПК РФ. Вместе с тем результатом уголовного преследования не всегда является назначение наказания. Так, в соответствии с п. 2, 3 ч. 5

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 27.10.2024).

⁷ Даев В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. С. 57.

ст. 302 УПК РФ итогом процессуальной деятельности стороны обвинения может быть обвинительный приговор без назначения наказания или с освобождением лица от отбывания наказания. Полагаем, в указанных случаях цель уголовного преследования достигнута — доказана виновность лица в совершении преступления, вместе с тем государство по определенным причинам считает возможным не назначать ему наказание (либо освободить от отбывания наказания). Следовательно, в качестве результата процессуальной деятельности, обозначенной как «уголовное преследование», выступает постановление обвинительного приговора, а назначение наказания является одним из возможных последствий такового. Вместе с тем уголовное преследование может и вовсе не завершиться постановлением обвинительного приговора (например, в случае прекращения уголовного дела, постановления оправдательного приговора), но при этом обвинительному приговору и наказанию всегда предшествует уголовное преследование. Логический вывод из этих рассуждений достаточно емко сформулировал Л.В. Головки: «Наказание без уголовного преследования невозможно, тогда как уголовное преследование без наказания вполне возможно»⁸.

Возвращаясь к дуалистическому толкованию сущности уголовного преследования, необходимо остановиться на его целесообразности, которая предполагает наделение должностного лица органа уголовной юстиции правом в каждом конкретном случае оценивать необходимость реализации рассматриваемой процессуальной функции. При этом на чашу весов кладется публичный интерес, который может заключаться как в осуществлении уголовного преследования, так и в отказе от такового по причинам, не имеющим юридического свойства и не опирающимся на отсутствие доказательств. Российская уголовно-процессуальная доктрина до настоящего времени не признает принцип целесообразности, переводя его в материально-правовую плоскость, где отказ от уголовного преследования обусловлен отсутствием общественной опасности деяния, т.е. его малозначительностью, которая исключает уголовную ответственность при формальном наличии признаков преступления (ч. 2 ст. 14 УК РФ). Иной подход обнаруживается в странах англосаксонской системы права, а также в некоторых странах континентальной правовой семьи: малозначительное деяние остается преступным, но реализация функции уголовного преследования оставляется на усмотрение компетентного должностного лица, что является проявлением начала целесообразности⁹. В последние годы специалисты отмечают проявление большей гибкости отечественного законодателя и дискреционности в полномочиях

⁸ Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве : монография. М. : Юрид. центр Пресс, 2002. С. 336.

⁹ См.: Мицкая Е.В. Медиация и ее применение в уголовном процессе Франции // Право и государство: теория и практика. 2021. № 7. С. 185.

лиц, ведущих производство по делу, что связывается с расширением пределов применения альтернативных уголовному преследованию способов разрешения уголовно-правового конфликта¹⁰.

Суть альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта заключается в отказе от ординарной процедуры уголовного преследования в пользу иных методов реагирования на преступные деяния, позволяющих устранить их последствия, либо в его прекращении на определенном этапе. В подавляющем большинстве случаев они применимы по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, где устранение преступных последствий возможно либо путем возмещения материального вреда, либо иными способами. При помощи данного механизма решается совокупность задач, в числе которых не только преодоление последствий совершенного преступления без применения мер уголовной репрессии, но и дифференциация, ускорение, упрощение процесса, снижение нагрузки на органы уголовной юстиции, сокращение сроков восстановления нарушенных прав потерпевшего.

В мировой практике достаточно широко применяются восстановительные процедуры, направленные на примирение сторон и возмещение потерпевшему ущерба, трансакции, предупреждения, штрафы, а также процедура медиации, до настоящего времени не имплементированная в отечественный механизм уголовного процесса. Вместе с тем специалисты усматривают некоторые элементы медиации в примирительной процедуре, предусмотренной ст. 25 УПК РФ, поскольку законодатель не запрещает сторонам обратиться к услугам медиатора для выработки взаимоприемлемых условий разрешения уголовно-правового конфликта¹¹. Однако, полагаем, диспозитивное усмотрение частных лиц, принятое в медиации, легализованной в гражданском процессе, в данном случае существенно ограничено наличием исчерпывающего перечня условий, при которых могут быть применены положения ст. 25 УПК РФ, что позволяет, на наш взгляд, толковать ее лишь как предпосылку появления соответствующего механизма в уголовном процессе. В этом смысле потенциал медиации более очевиден в упрощенной процедуре уголовного преследования по делам частного обвинения, поскольку в соответствии с ч. 2 ст. 20 УПК РФ уголовное дело подлежит безусловному прекращению в случае примирения частного обвинителя и подсудимого, притом что мировому судье вменяется в обязанность разъяснять сторонам возможность такового (ч. 5 ст. 319 УПК РФ). Помимо примирения сторон и упомянутого выше судебного штрафа, в качестве альтернатив уголовному преследо-

¹⁰ См.: Агаева М.Ш. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов: сущность и перспективы развития // Вестник Башкирского университета. 2020. Т. 25. № 1. С. 112–117.

¹¹ Гаврицкий А.В., Коблева М.М. Возможности медиации в уголовном процессе // Мировой судья. 2019. № 7. С. 26–29.

ванию на сегодняшний день можно рассматривать деятельное раскаяние (ст. 75 Уголовного кодекса РФ, ст. 28 УПК РФ) и возмещение причиненного неуплатой налогов и сборов ущерба бюджетной системе России в полном объеме, а также ущерба, причиненного совершением преступлений, предусмотренных ч. 3, 3.1 ст. 28.1 УПК РФ.

Полагаем, дальнейшее развитие системы процедур, существующих вне традиционного уголовного процесса, позволит в перспективе в установленных законом пределах изменить общую парадигму уголовной политики с карательной на восстановительную, направленную на преодоление последствий нарушения уголовного закона вне рамок уголовной репрессии.

Луценко П.А.,

доцент кафедры юридических дисциплин
гуманитарно-правового факультета

Воронежского государственного аграрного университета
имени императора Петра I,
кандидат юридических наук
(г. Воронеж)

Литература

1. Агабеков К.С. О начале уголовного преследования в условиях охранительного правосудия / К.С. Агабеков // Мировой судья. 2019. № 1.
2. Агаева М.Ш. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов: сущность и перспективы развития / М.Ш. Агаева // Вестник Башкирского университета. 2020. Т. 25. № 1.
3. Алексеев Н.С. Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1980.
4. Гаврицкий А.В. Возможности медиации в уголовном процессе / А.В. Гаврицкий, М.М. Кobleва // Мировой судья. 2019. № 7.
5. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве : монография / Л.В. Головкин. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2002.
6. Даев В.Г. Взаимосвязь уголовного права и процесса / В.Г. Даев. Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1982.
7. Курс уголовного процесса / под редакцией Л.В. Головкин. Москва : Статут, 2016.
8. Мицкая Е.В. Медиация и ее применение в уголовном процессе Франции / Е.В. Мицкая // Право и государство: теория и практика. 2021. № 7.
9. Саперов А.И. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов / А.И. Саперов, Е.Н. Паршаков // Science Time. 2024. № 9.
10. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе / М.С. Строгович. Москва : Издательство Академии наук СССР, 1951.

Научное наследие профессора М.Н. Гернета в свете криминологической урбанологии

Общее направление человеческого развития определяется урбанизационными процессами, что неизбежно отражается в научной сфере. Многочисленные общественные отношения и связи в городском пространстве (развитие экономической, транспортной системы городов, государственного управления и местного самоуправления, общественного контроля, формирования городской культуры и т.д.) являются неотъемлемой частью предмета различных наук. Универсальным объединяющим научным направлением для них можно считать науку урбанологию, под которой понимают «комплексное научное направление, сочетающее гуманитарные и естественно-научные методы изучения правовых, экономических, социальных, философских, психологических и естественно-научных аспектов урбанизации и города как важнейшего цивилизационного объекта»¹. Развитие городского пространства и особенности детерминации преступности в нем, специфика предупреждения девиантности в урбанистических условиях стали важными составляющими криминологического знания. О характерных чертах городской (столичной) преступности писали Ч. Ломброзо, Э. Ферри, А.-М. Герри, Г. Тард, Г. Зиммель, Э. Берджесса, Р. Парк, Г. Маккей, К. Шоу, Б. Ландер и многие другие с самого начала становления криминологии. Не обошло стороной это направление и криминологию отечественную.

В нашей стране в дореволюционный и ранний советский периоды криминологическая мысль практически не выходила за границы уголовно-правовой науки, что позволило некоторым авторам даже исключить это время из периодизации отечественной криминологии. Однако имелись все же работы явно криминологического содержания, которые можно рассматривать в качестве тех ростков, из которых впоследствии сформировались основные криминологические направления.

Михаил Николаевич Гернет — ученый, чьи дореволюционные и ранне-советские труды можно отнести к основам отечественной криминологии. Окончив в 1897 г. с отличием Московский университет, М.Н. Гернет не без труда остается на кафедре уголовного права для подготовки к профессорскому званию. Сложности определялись политическими воззрениями и общественной деятельностью М.Н. Гернета, которые для краткости можно охарактеризовать как убежденно социалистические. Уже в статусе приват-доцента

¹ Юридическая урбанология. Урбанологическая теория : в 2 т. / под общ. ред. В.В. Таболина. М., 2021. С. 47.

в 1902 г. он отправляется в зарубежную поездку (стажировку), в ходе которой знакомится с выдающимися основателями мировой криминологии — Г. Тардом, Ф. Листом, Ч. Ломброзо и др. Многие их воззрения будут впоследствии переработаны и переосмыслены для российской действительности и лягут в основу трудов М.Н. Гернета. В 1905 году выходит один из первых серьезных трудов М.Н. Гернета «Социальные факторы преступности», за основу которого взята работа известного итальянского социалиста Н. Колаянни «Уголовная социология»². Вслед за социалистами-итальянцами Турати и Колаянни Гернет среди прочих социальных факторов, влияющих на преступность, приоритетно выделяет бедность (преимущественно относительную), включающую сложные жилищные условия и высокие цены на хлеб. Скудность проживания в крупных городах развращают ребенка с самого детства, вносят в жизнь ссоры, напряженность, оскорбления, потворствует развитию таких пороков городской жизни, как проституция и распущенность, что приводит к совершению преступлений против морали.

В 1908 году под руководством приват-доцента М.Н. Гернета выходит первый выпуск университетского сборника «Семинарий по уголовному праву», в котором опубликованы наиболее выдающиеся доклады студентов, прочитанные в студенческом кружке. Несмотря на название, многие очерки носили сугубо криминологический характер. К таковым, в частности, относится открывающий книгу доклад А.Н. Трайнина «Движение преступности в Московской губернии за период 1884–97 гг.»³. В нем анализируются статистические данные и делаются попытки выявить определенные корреляционные зависимости между показателями преступности и социальными факторами.

К криминологическим произведениям можно отнести и более поздний труд М.Н. Гернета 1913 г., названный «Уголовная социология». Название такое было популярно в то время, когда понятие «криминология» хотя и было введено в письменный научный оборот монографией Р. Гарофало в 1885 г., однако еще не устоялось. Новую науку, изучающую преступность, личность преступника, формирующие преступность факторы и пути предупреждения преступного поведения, называли по-разному — уголовная антропология, уголовная социология, этиология преступности и т.п. М.Н. Гернет в данном труде в очередной раз подтверждает давно осознанную им приверженность социологическому направлению в уголовном праве. Название работы недвусмысленно отсылает нас к работе Н. Колаянни, а также глубокой и многогранной монографии Э. Ферри с одноименным названием. Энрико Ферри

² Гернет М.Н. Социальные факторы преступности. М., 1905.

³ Семинарий по уголовному праву прив.-доц. М.Н. Гернета. 1908 г. Вып. 1. М., 1908. См. также: Филиппов П.А. Очерки жизни и творчества ученых-криминалистов. М., 2014. С. 290.

хотя и позиционировал себя в качестве единомышленника и последователя антрополога Ч. Ломброзо, но в работах стоял на биосоциальных позициях, большое внимание уделяя социальным факторам преступности. В данном труде М.Н. Гернет определяет самостоятельное место уголовной социологии как науки, понимающей преступность как неотъемлемую часть общества, продуцируемую преимущественно социальными факторами, наряду с уголовной антропологией и уголовным правом.

В 1916 году выходит очередной криминологический труд М.Н. Гернета — «Преступление и борьба с ним в связи с эволюцией общества». Рассматривая эволюцию преступности, вслед за Э. Ферри и многими другими зарубежными криминологами автор предлагает три группы факторов, влияющих на формирование преступных наклонностей — антропологические, физические и социальные. При этом, однако, понимание антропологических факторов дается не в качестве физического строения или его аномалий, а как социально-демографических. Под ними понимаются возраст, пол, раса и наследственность. Но наследственные факторы преломляются через социальные, что роднит понимание этиологии преступности с позицией другого выдающегося отечественного криминалиста того времени Д.А. Дриля.

После революции научная деятельность Михаила Николаевича становится более масштабной в силу занимаемых им государственных должностей. С 1919 году он возглавляет отдел моральной статистики, созданный за год до этого в ЦСУ РСФСР. Отдел собирал и публиковал статистические данные о преступлениях и иных антиобщественных действиях. Глубокое знание влияния социальных факторов на формирование преступности несовершеннолетних, изучение практики отправления правосудия в их отношении, ювенальной юстиции, знакомство с учреждениями, где отбывают наказание юные преступники в зарубежных странах, способствовало приглашению М.Н. Гернета в качестве консультанта Наркомпроса по отделу социально-правовой охраны несовершеннолетних.

Но самое большое значение для становления отечественной криминологии имеют труды М.Н. Гернета в Кабинете по изучению преступности и преступника, который в Москве появляется в 1923 году. По инициативе административного отдела Президиума Моссовета М.Н. Гернет организует изучение преступности в Москве, которое включало обследование населения 9 арестных домов Москвы. Гернетом разработана и продумана программа индивидуального обследования заключенных путем интервьюирования по составленной анкете. На базе арбатского арестного дома была создана научная лаборатория, куда доставлялись наиболее интересные преступные типы. Анкета содержала данные о совершенном преступлении, биографию и обширный раздел, посвященный антропометрическим

и психофизиологическим свойствам преступника. В исследовании приняло участие более 150 студентов-юристов факультета общественных наук Московского университета. Для исследования взяты отдельные категории преступников — лица, совершившие убийства, разбои, грабежи, кражи, мошенничества, несовершеннолетние преступники, женщины-преступницы, преступники-психопаты и преступники-рецидивисты. Итогом исследования стал сборник «Преступный мир Москвы», изданный в 1924 г. Сборник состоял из очерков, выполненных разными авторами. М.Н. Гернет пишет предисловие к сборнику, которое цементирует его содержание. В предисловии М.Н. Гернет, находясь под явным влиянием идей Ч. Ломброзо и Г. Тарда относительно характера городской преступности, формулирует некие программные положения, которые в XX в. лейтмотивом будут проходить через все исследования городской и столичной преступности в СССР. «Столицы и большие города — главное русло течения преступности страны. Мы говорим “главное русло” потому, что они всегда и везде были не только сосредоточием в них значительной части преступности всей страны, но и местом, где некоторые формы преступности находили свою излюбленную «резиденцию» или куда они прибывали, чтобы «блеснуть» здесь своим особым блеском, своею изобретательностью, своею нередкою чудовищностью и удивить даже и тех, кто привык ко всяким видам и кого, казалось, более уже ничем не удивишь.

Именно поэтому изучение преступности в столицах приобретает большое практическое значение. Выпуклые формы, в которые она выливается здесь, отмеченный нами ее мишурный блеск позволяют нам скорее, легче и полнее увидеть ее и, изучив ее, принять надлежащие меры для борьбы с нею... Столицы нередко бывают ареною, где впервые дебютируют новые преступления или новые способы их совершения, чтобы затем переключаться и в другие места страны»⁴.

М.Н. Гернет выделяет основные черты, присущие столичной преступности: преобладание имущественных ненасильственных преступлений (краж, особенно карманных, мошенничеств), незначительную долю тяжких насильственных преступлений, большое количество преступлений по службе и т.п. Все это абсолютно подтверждается на примере Москвы. Характерно, что и в дореволюционный период, когда столичный статус Москвы был временно погран, преступность Москвы более отвечала характеристикам столичной преступности, нежели преступность официальной столицы — Петербурга. Такая же картина наблюдалась и в советское время. Преступность второго по величине города Союза ССР Ленинграда больше соответствовала чертам

⁴ Гернет М.Н. Преступный мир Москвы. М., 1924. С. II.

сельской преступности, тогда как Москва продолжала носить столичный характер преступности.

В 1925 году создается Государственный институт по изучению преступности и преступника. Возглавил институт Е.Г. Ширвиндт, заместителем его стал М.Н. Гернет. Институт продолжил изучение городской и сельской преступности. В 1927 году ежегодный сборник его трудов под названием «Проблемы преступности» был полностью посвящен этим различиям. Перу М.Н. Гернета в этом сборнике принадлежит исследование под названием «Статистика городской и сельской преступности». В нем автор в очередной раз подтверждает, что, «как было и ранее, деревня остается ареной разнообразных преступлений против личности и прежде всего самых тяжелых из них — умышленных тяжких телесных повреждений, убийств в драке и вообще убийств»⁵.

Советский период становится основным этапом изучения городской преступности и противодействия ей. Однако в основном данные работы касались отдельных аспектов (факторов) либо затрагивали преступность некоторых типов городов⁶. Целый пласт работ посвящен проблемам профилактики преступности в условиях городской среды⁷. В деле разработки основ системы профилактики преступлений в условиях сверхкрупного города ведущую роль играл ВНИИ МВД СССР. В недрах этого учреждения в конце 1980-х — начале 1990-х годов для мегаполиса была создана модель программы предупреждения преступности в г. Москве⁸.

Однако в целом следует отметить, что городская преступность не рассматривалась в качестве самостоятельного предмета и не выделялась из общей темы территориальных различий (географии) преступности. Представляется, что давно возникла настоятельная потребность выделения четкого научного направления — криминологической урбанографии. В настоящий период развитие юридических наук в нашей стране подошло к осознанию необходимости появления комплексного научного направления, которое охватывало бы все стороны городской жизни с правовых позиций. И огромный

⁵ Проблемы преступности. Вып. 2. М., 1927. С. 22.

⁶ См., например: Бабаев М.М., Королева М.В. Преступность приезжих в столичном городе. М., 1990; Габияни А.А., Гачечиладзе Р.Г., Дидебулидзе М.И. Преступность в городах и сельской местности. Тбилиси, 1985; Гладких В.И., Борбат А.В., Шабанов Г.Х. Преступность в Московском регионе. Состояние. Особенности. Тенденции. М., 1998; и др.

⁷ В частности: Овчинский В.С., Царев А.И. Преступность в средних и малых городах и деятельность органов внутренних дел по ее предупреждению. М., 1975; Ананич В.А. Особенности повышения эффективности предупреждения преступности органами внутренних дел в крупных городах. Минск, 1986; Трапш В.Г. Профилактика преступлений в агломерации сверхкрупного города. Минск, 1984 и др.

⁸ Об этом см. подробнее: Гладких В.И., Борбат А.В., Шабанов Г.Х. Преступность в Московском регионе. Состояние. Особенности. Тенденции. М., 1998.

поступательный шаг недавно был сделан коллективом авторов под руководством В.В. Таболина, благодаря чему появился фундаментальный научно-практический труд «Юридическая урбанонология. Урбанонологическая теория» (в 2 т., под общ. ред. В.В. Таболина. М., 2021). На наш субъективный взгляд, одним из несомненных достоинств работы коллектива авторитетных ученых является то, что город рассматривается как единый живой организм, в котором действуют свои сложные, но познаваемые законы. Такая позиция долго и непросто пробивала себе дорогу в нашей социологии и урбанонологии. Да и последняя на протяжении практически всей советской истории именовалась градостроительством и рассматривала города преимущественно как объекты народнохозяйственного комплекса, призванные решать в первую очередь экономические или стратегические задачи. Переломным моментом следует считать появление трудов Ю.Л. Пивоварова, урбанонологической школы В.Л. Глазычева и некоторых других ученых и практиков.

Представляется, что основными задачами криминологической урбанонологии, которая вполне может рассматриваться в качестве составной части юридической урбанонологии, могут стать процессы детерминации преступности в городах, а также противодействие преступности с учетом всего позитивного потенциала, который является результатом городской жизни. И комплекс криминогенных качеств, которые в целом хорошо изучены и описаны, в том числе в криминологии советской, нуждаются в существенной коррекции с учетом новых условий городской жизни.

Последние серьезные криминологические исследования детерминации преступности в городах имели место примерно тридцать лет назад. Многие процессы сейчас существенно трансформировались. Так, ранее отмечался такой криминогенный фактор городской жизни, как анонимность жизни в городе, доминирование в общении ролевого и ситуационного (а не личного) характера и проч. Вместе с тем процессы виртуализации городской жизни, появление домовых и подъездных чатов, телеграм-каналов муниципальных округов сближают горожан. В городском пространстве масса иных интернет-сообществ, объединенных общими интересами, увлечениями, видами спорта и проч. Это серьезно трансформировало характер жизни горожан. И виртуализация не усугубила, а сократила анонимность общения.

Особое место должно быть отведено профилактической урбанонологической стратегии. И большое значение в ней должно придаваться не только ситуационному предупреждению преступности, заключающемуся в ориентации на организационные условия преступности путем использования огромного арсенала технических возможностей, но и задействованию сложных струн духовной жизни горожанина. Сюда же входят новые достижения архитектурной криминологии, где внимание должно уделяться не только

интересным и безопасным вариантам проектирования, антикриминальным архитектурным решениям, но и вопросам становления истинных горожан посредством сохранения городских ансамблей как основы для передачи культурных скреп, исторических городских традиций. Эти и многие другие направления должна объединять криминологическая урбанология.

Матвеева А.А.,

доцент кафедры уголовного права и криминологии

Юридического факультета

Московского государственного университета

(МГУ) имени М.В. Ломоносова,

кандидат юридических наук, доцент

(г. Москва)

Литература

1. Ананич В.А. Особенности повышения эффективности предупреждения преступности органами внутренних дел в крупных городах / В.А. Ананич. Минск, 1986.
2. Бабаев М.М. Преступность приезжих в столичном городе : учебное пособие / М.М. Бабаев, М.В. Королева. Москва : Академия МВД СССР, 1990.
3. Гернет М.Н. Социальные факторы преступности / М.Н. Гернет. Москва : Университетская типография, 1905.
4. Преступность в городах и сельской местности. Конкретно-криминологическое и социально-географическое исследование по материалам Грузинской ССР / А.А. Габидиани, Р.Г. Гачечиладзе, М.И. Дидебулидзе ; редакторы : М.Г. Угрехелидзе, Г.К. Цагарели. Тбилиси : Сабчота Сакартвело, 1985.
5. Преступность в Московском регионе. Состояние. Особенности. Тенденции : монография / В.И. Гладких, А.В. Борбат, Г.Х. Шабанов. Москва : ВНИИ МВД России, 1998.
6. Преступность в средних и малых городах и деятельность органов внутренних дел по ее предупреждению / В.С. Овчинский, А.И. Царев. Москва : ВНИИ МВД СССР, 1975.
7. Преступный мир Москвы : сборник статей / А.М. Аронович, Н.Н. Геденов, М.Н. Гернет [и др.] ; под редакцией и с предисловием М.Н. Гернета. Москва : Право и жизнь, 1924.
8. Семинарий по уголовному праву. Вып. 1 / М.Н. Гернет. Москва : Тип. Императорского Московского университета, 1908.
9. Трапш В.Г. Профилактика преступлений в агломерации сверхкрупного города : учебное пособие / В.Г. Трапш. Минск : Высшая школа, 1984.
10. Филиппов П.А. Очерки жизни и творчества ученых-криминалистов (из истории уголовного права XIX–XX вв.) : учебное пособие / П.А. Филиппов. Москва : Юрлитинформ, 2014.
11. Юридическая урбанология. Урбанологическая теория. В 2 томах / под общей редакцией В.В. Таболина. Москва : Юстицинформ, 2021.

История сборника «Преступный мир Москвы» и его последствия

Как известно, Михаил Николаевич Гернет, будучи *золотым выпускником* Московского университета и получив звание приват-доцента, которое по действующим тогда правилам давало право читать внештатно лекции в университете, в 1902 г. получил деньги для научной стажировки в Европе: в советское время это называлось «научный туризм», поскольку ученый не был привязан к конкретному университету, а мог путешествовать по стране или странам, выбирая подходящий для его научных интересов вуз. Гернет в то время возглавлял специально созданный при Московском университете музей криминалистики, позже переименованный в музей уголовного права, что давало ему возможность почти официально называть себя сотрудником университета. Почти, потому что официально он не считался преподавателем университета, поскольку состоял под надзором полиции. Тем не менее Гернет сумел побывать в Берлине (слушал лекции Франца фон Листа), в Париже (слушал лекции Габриеля Тарда), в Риме (побывал на лекциях Энрико Ферри и Чезаре Ломброзо. И был приглашен для чтения лекций в Высшей школе социальных наук в Париже и Новом свободном университете в Брюсселе.

Вполне вероятно, что в Брюсселе он познакомился с работой криминологического кабинета, который был одновременно создан в Аргентине и Бельгии. Назывались эти научно-исследовательские учреждения не так, но суть их была в этом: изучение личности преступника. Собственно, будучи родоначальником изучения личности преступника, места их почти что постоянного обитания были понятны Ломброзо. Так что можно сказать, что все отталкивались от его практических и научных разработок.

В конце 1910-х годов такие кабинеты появились в США и Португалии.

Очевидно, что идея такого кабинета отложились в голове Гернета, но на то, чтобы ее реализовать, ему потребовалось более 20 лет.

Гернет по складу своего характера и по наследству был революционер, в науке в том числе. Пока была возможность, он реализовал свои многочисленные идеи, как то: создание отдела моральной статистики и криминологического кабинета.

Московский криминологический кабинет не был копией европейских кабинетов, скорее, наоборот, он был как бы их антикопией. С самого начала идея кабинета заключалась в том, чтобы реализовывать полученные результаты исследований на практике. Например, судья мог поручить кабинету

провести изучение личности подсудимого, для того чтобы учесть результаты исследований при постановке обвинительного приговора. Примечательно, что в резолюции II Всероссийского Совещания по вопросам психиатрии и неврологии было записано, что органы здравоохранения должны учредить криминологические кабинеты по изучению преступности.

Правда, результаты такого обследования преступника были, мягко говоря, иными, чем можно себе было бы представить с позиций сегодняшнего времени, но не надо забывать, в какой обстановке жила вся страна и Москва в том числе. Забегая вперед, скажем, что по делу, условно, первого советского серийного убийцы Комарова-Петрова, история которого была подробно описана в сборнике «Преступный мир Москвы», в очерке «Убийцы», на суде выступал психиатр Евгений Константинович Краснушкин (автор, к слову, другого очерка в сборнике — «Криминальные психопаты современности и борьба с ними»), детально объяснивший историю этого человека, который родился в семье алкоголиков, сам был алкоголиком, детство его было хуже некуда (это кстати, для тех, кто считает, что при Николае II Россия процветала), был на фронте и ничему в своей жизни толком не научился, кроме как убивать. Казалось бы, при таких обстоятельствах суд должен был увидеть смягчающие вину подсудимого неопровержимые факты, тем более что тот воевал на стороне «красных» и был из тех, кто был никем, но должен был стать всем. Однако революционный судья, выслушав Краснушкина, постановил Петрова-Комарова и его поделницу-сожительницу — расстрелять.

Но практика практикой и наука наукой, а результаты первых инициатив о практико-ориентированной деятельности ученых по изучению преступника и преступности были признаны настолько интересными, что летом 1923 г. постановлением Президиума Моссовета был учрежден Кабинет по изучению личности преступника и преступности, в состав которого вошли известные и молодые ученые того времени: социальный психолог Василий Куфаев, психиатр Александр Рапопорт, судебный статистик Евгений Тарновский, психиатр-практик Цецилия Фейнберг, тот же Краснушкин и, разумеется, Гернет, который формально был определен руководителем. Формально, потому что практически все вышеперечисленные ученые не были штатными сотрудниками кабинета, созданного при Мосздравотделе подотдела Медицинской инспекции московских мест заключения.

Насколько мы можем судить, работа кабинета заключалась в определении конкретных научных тем, а затем к работе по ним привлекались необходимые специалисты, включая студентов московских вузов, причем как медицинского, так и юридического факультетов (факультета общественных наук, как он тогда назывался) Первого МГУ. В последнем случае это делал непосредственно Гернет, который читал лекции в университете.

В апреле 1923 г. по инициативе начальника отдела управления Московского совета Владимира Леонидовича Орлеанского, как мы полагаем — с подачи Гернета, было произведено масштабное, можно даже сказать, сплошное обследование арестных домов Москвы и содержащихся в них более 2000 заключенных. В выступлении перед членами Мосздравотдела и учеными разных специальностей Орлеанским была показана важность всестороннего обследования преступников для объяснения преступности и ее причин. Анкета для обследования была составлена представителями трех специальностей: 1) социологом; 2) психиатром и 3) антропологом.

Ведь революция вроде как ликвидировала главную причину преступности — эксплуатацию человека человеком, а преступность не только осталась, но и приобрела более сложные формы и стала в основном тяжкой с насильственными последствиями.

В 1924 году результаты этого обследования, а также результаты других фоновых, как сказали бы сейчас, негативных явлений были изданы в виде сборника научных статей, о котором, собственно, идет речь.

Почему о нем? —

1. Это был первый послереволюционный чисто криминологический научный труд.

2. Это был популярный научный труд. Первый тираж составил 5 тыс. экземпляров.

3. Это один из наиболее «раскрученных» криминологических трудов 1920-х годов, чему, конечно, не в малой степени поспособствовали Лев Олегович Иванов и Лариса Вячеславовна Ильина в своей монографии «Пути и судьбы отечественной криминологии», вышедшей в 1991 г.

4. Выводы, а также методология проведенных исследований сегодня не менее актуальны, чем в момент проведения исследований. В огромной массе издаваемой сегодня научной криминальной литературы под видом необычайных открытий даются давным-давно известные выводы, о которых в лучшем случае не знают, а в худшем — просто не хотят знать.

Добавим, что чем больше сейчас издается научной литературы, тем меньше ее читают. Автор статьи провел несколько ненаучных экспериментов по этому поводу и убедился в том, что то, что мы пишем, в основной своей массе не читают ни наши коллеги, т.е. мы с вами, ни студенты, ни аспиранты, ни обычные граждане. Раньше, между прочим, простые граждане очень любили читать научно-популярную литературу, но это отдельная проблема, которая, как нам представляется, является прямым следствием того, что мы не знаем историю создания наиболее значимых научных трудов.

5. Наконец, представляется интересным посмотреть, как и при каких обстоятельствах создавался сборник. Что стало с теми, кто над ним работал потом?

Свою работу над историей создания сборника «Преступный мир Москвы» автор будет продолжать. Своих учеников попросил найти биографии всех авторов сборников. Здесь же остановимся только на авторе очерка «Убийцы», о котором уже упомянуто.

Сусанна Альфонсовна Укше, несмотря на выбор такого криминального очерка, в действительности была поэтессой. Увы, но при жизни ее поэтическое творчество было практически невостребованным. Для широкого круга читателей ее стихи дошли только в начале XXI в. При ее жизни было опубликовано всего 9 стихотворений, хотя в 1921 г. ее приняли во Всероссийский союз поэтов. В 1913 году она окончила юридический факультет Высших женских курсов Раева, где одним из лекторов был М.Н. Гернет, с которым, скорее всего, она познакомилась лично. Во время революционных событий 1917 г. погибла ее мама (покончила с собой). В 1922 году Укше перебралась в Москву и устроилась на работу в библиотеку Лазаревского института (Центральный институт живых восточных языков). По всей видимости, здесь она снова встретила Гернета, который пригласил талантливую ученицу для участия в исследовании и подготовке сборника. После закрытия Лазаревского института Укше, очевидно по протекции Гернета, перешла на работу в качестве криминалиста и переводчика в Государственный институт по изучению преступности и преступника. Но вскоре институт по идеологическим причинам был закрыт, и ее дальнейшая судьба несчастна и трагична. В июле 1941 г. из-за немецкого происхождения Укше была отправлена в ссылку в Башкирию, а затем в Казахстан. К этому моменту погиб ее родной брат Борис Альфонсович Укше, который работал вместе с авиатором Андреем Николаевичем Туполевым, был репрессирован и расстрелян. В Алма-те Укше не имела постоянной работы, перебивалась случайными заработками и скончалась 17 февраля 1945 г. от истощения. Место ее захоронения утеряно.

В предисловии к сборнику Гернет очень подробно рассказал и о том, как была проведена работа над сборником, и о том, кто проводил такую работу, и о том, зачем эта работа проводилась. В исследовании арестных домов Москвы участвовало 150 студентов, которые, по выражению Гернета, не жалели ни времени, ни сил. Исследователи вместе со студентами сумели внушить к себе полное доверие арестантов. Как говорит Гернет, на страницах анкет появились не просто записи, но исповеди. Причем опрашиваемые рассказывали в том числе о таких преступлениях, о которых раньше никому не рассказывали. Они буквально изливали душу. Одна из опрашиваемых

рецидивисток в порыве откровений заявила своей соседке: «Говори всю правду, не видишь, люди учатся».

В процессе проводимых исследований по прямому поручению Гернета использовались два метода изучения преступного мира: массовое обследование и индивидуальное наблюдение. В действительности широко применялись еще и метод статистического анализа, и метод, связанный с изучением преступника с психиатрических позиций. По выражению Гернета, удачная возможность сочетания обоих методов (на самом деле, как понятно, методов изучения преступника и преступности было больше) не была случайностью, а входила в единый план работы и была характерной чертой научной деятельности криминологического кабинета. Подобный подход объясняется в том числе тем, что заседания криминологического кабинета проходили еженедельно, и можно только догадываться, сколько интересного на каждом таком заседании докладывалось и какие жаркие дискуссии проходили.

Одним из главных выводов, который следует из очерков сборника, вполне очевиден, но этот вывод очевиден сегодня. На момент издания сборника любой вывод о состоянии преступности был далеко не очевиден. Гернет говорит, что преступность 1920-х годов не есть детище современности, но представляет собой негативное явление, уходящее своими корнями в прошлое. В то же время Гернет в мягкой форме пишет о недостатках правоохранительной системе вообще и особенно судов, которые, по его словам, не видели истинных виновников возрастающей преступности. Другими словами, он писал, что рост преступности в Москве в начале 1920-х годов можно и нужно было предвидеть и принять все возможные меры для того, чтобы этот рост минимизировать. Например, в одном из очерков говорится о голоде 1921 г. как одной из причин серьезного роста преступности. Опрашиваемые признавались, что голод 1921 г. разрушил благосостояние многих семей. Умирали родители, и подростки вынужденно шли на воровство, которое они называли необходимостью. В стране была массовая безработица. Взрослые и дети питались кошками, собаками, мужчины бросали жен и шли в город, где становились профессиональными ворами.

В результате обследования арестных домов Москвы авторы очерков сделали еще один неутешительный вывод, который сегодня тоже, наверное, все назовут очевидным. Этот вывод заключался в том, что арестные дома стали местом знакомств с опытными преступниками и таким естественным образом становились школой воровства для будущих рецидивистов. К сожалению, должны признать, что этот вывод актуален и сегодня.

Также в сборнике есть любопытные рассуждения о причинах мошенничества. Авторы задают риторический вопрос: кто определит, где начинается и где кончается коммерческая честность? Лихорадка наживы, которая толкает

мошенников обманывать, прямо пропорциональна лихорадке наживы, присущей их жертвам. Коммерческий рынок Москвы, как заявил один из обследуемых, стоит на одном принципе: не обманешь — не продашь.

Невольно хочется спросить, что изменилось с тех пор?

Предварительные выводы о последствиях выхода сборника «Преступный мир Москвы» следующие.

1. Сборник вернул, а скорее всего, зародил интерес к науке и научным исследованиям молодого послереволюционного поколения.

2. Для составления сборника, возможно впервые, были применены разнообразные методы исследований, что сегодня, наверное, назвали бы синтезом знаний.

3. В сборнике впервые был применен практико-ориентированный подход, как сказали бы сейчас.

4. В сборнике были заложены основные подходы к изучению личности преступника в СССР на многие годы вперед.

5. Необходимо продолжить изучать научное наследие московского и других криминологических кабинетов, а не только сборника «Преступный мир Москвы».

Мацкевич И.М.,

профессор кафедры уголовного права и криминологии
Московского государственного университета (МГУ)

имени М.В. Ломоносова,

доктор юридических наук, профессор

(г. Москва)

К вопросу о классификации уголовно-процессуальных гарантий прав лица, помещаемого в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях

Уголовно-процессуальные гарантии представляют собой систему, где каждая из них, имея самостоятельное содержание, тесно взаимосвязана с остальными. В отличие от системы, отображающей целостность уголовно-процессуальных гарантий, их классификация позволяет более детально исследовать данный правовой институт, акцентируя внимание на особенностях отдельных видов гарантий. К числу структурных элементов системы уголовно-процессуальных гарантий относятся уголовно-процессуальная форма, принципы уголовного процесса, права и обязанности участников процесса, обязанности органов и должностных лиц по реализации прав личности.

Специфика механизма уголовно-процессуального регулирования общественных отношений предполагает, что существуют два ряда законодательных норм обеспечительного характера: общие и специальные. Следуя данной логике, можно констатировать, что уголовно-процессуальные гарантии, сообразно *сфере их реализации*, также могут быть разделены на:

- процессуальные гарантии, содержащиеся в нормах-принципах, охватывающих своим содержанием всю систему уголовного процесса;
- процессуальные гарантии, предусмотренные нормами, регламентирующими порядок производства по уголовному делу в отношении лица, предположительно страдающего психическим заболеванием.

К первой группе мы относим наиболее сложный и значимый элемент системы гарантий — принципы уголовного судопроизводства, которые представляют собой основополагающие начала осуществления любого вида уголовно-процессуальной деятельности¹. Совершенно очевидно, что отдельные принципиальные положения Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) являются гарантиями обеспечения прав подозреваемого и обвиняемого при избрании и применении в отношении него меры принуждения в виде помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Проиллюстрируем данный тезис применительно

¹ См.: Вилкова Т.Ю. Вопросы системы и содержания принципов уголовного судопроизводства в трудах профессоров кафедры уголовно-процессуального права МГЮА // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3 (64). С. 18.

к содержанию некоторых принципов, имеющих с нашей точки зрения определяющее значение применительно к специфике процессуального положения лица, страдающего психическим заболеванием.

В уголовно-процессуальном законе закреплён целый ряд принципов, имеющих конституционно-правовой статус и, по мнению большинства специалистов, отражающий гуманистический подход государства к сфере уголовной юстиции²: уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), неприкосновенности личности (ст. 10 УПК РФ), охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11 УПК РФ). Дублирование положений Конституции РФ в УПК РФ вызывает определенные возражения с точки зрения соответствия названных выше положений критериям принципиальных с точки зрения отраслевого законодательства в силу их общеправового значения, декларативного характера и политической направленности³. Однако мы позволим себе солидаризироваться с точкой зрения В.Т. Томина, который совершенно справедливо отмечает, что положения ст. 9–13 УПК РФ рассчитаны на проявление более общей идеи, характерной для уголовного процесса как вида государственной деятельности, — защиту интересов личности, вовлекаемой в уголовный процесс⁴. Принудительная госпитализация предполагает применение к субъекту, приобретающему положение пациента, ряда специальных ограничений, предусмотренных режимом пребывания в закрытой лечебной организации, которые в определенных случаях дополняются ограничениями, составляющими содержание конкретной меры пресечения. В силу принципиальных положений, закрепленных в ст. 9–13 УПК РФ, она применяется при наличии к тому оснований в строго определенной уголовно-процессуальным законом форме, а именно в процессе реализации функции уголовного преследования компетентным должностным лицом в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, а также законодательством в сфере здравоохранения. Ограничение конституционных прав в данном случае обусловлено наличием цели обследования и лечения лица, обеспечением его безопасности и безопасности окружающих, а также обеспечением выполнения обвиняемым (подозреваемым) возлагаемых на него обязанностей при наличии обстоятельств, перечисленных в ст. 97 УПК РФ. Принцип охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве применительно к описываемой нами ситуации предполагает обязательность разъяснения органами предварительного расследования, а в необходимых случаях — судом

² См.: Кибардин Д.О. Принципы уголовного процесса: понятие, роль и общая характеристика // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 1(58). С. 204.

³ См.: Давлетов А.А. Принципы уголовно-процессуальной деятельности // Известия вузов. Серия: Правоведение. 2008. № 2. С. 92–102.

⁴ См.: Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. М. : Юрайт, 2009. С. 181.

принудительно госпитализируемому лицу (его законному представителю) прав, обязанностей и ответственности. Вместе с тем данный принцип обязывает возместить вред, причиненный обвиняемому в результате нарушения его прав и свобод судом либо должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, включая случаи незаконного и(или) необоснованного помещения в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Законность и обоснованность принудительной госпитализации обеспечивается через реализацию важнейшего права, возведенного в уголовно-процессуальный принцип, — права подозреваемого, обвиняемого на защиту. Конституционные положения, составляющие содержание данного принципа (ст. 48 Конституции РФ, ст. 16 УПК РФ), гарантируют каждому лицу, в отношении которого реализуется функция уголовного преследования, право на профессиональную юридическую помощь с момента начала применения мер, ограничивающих его свободу, либо с момента вынесения уголовно-процессуального акта, которым оно наделяется соответствующим статусом, приобретая комплекс уголовно-процессуальных прав и обязанностей.

С учетом того факта, что принудительная госпитализация может быть применена к лицу, в отношении которого назначена стационарная судебно-психиатрическая экспертиза, а также к субъекту, содержащемуся под стражей, при необходимости его стационарного психиатрического лечения, а также к лицам, у которых заболевание наступило до приобретения статуса обвиняемого (подозреваемого), гарантированность участия в уголовном процессе защитника имеет особую значимость.

Приведенная выше конституционная норма детерминирует право на защиту как принадлежащее лишь обвиняемому, в то время как лицо, страдающее психическим заболеванием, может и не находиться в этом статусе, равно как и в статусе подозреваемого, на которого формально положения ст. 48 Конституции РФ также не распространяются. Полагаем, справедливым является утверждение о наличии технической неточности, которая устраняется положениями ч. 3 ст. 49 УПК РФ⁵.

Ко второй группе уголовно-процессуальных гарантий мы относим процессуальные гарантии, предусмотренные нормами, регламентирующими порядок производства по уголовному делу в отношении лица, предположительно страдающего психическим заболеванием, т.е. фактически о требованиях уголовно-процессуальной формы.

⁵ См.: Безруков С.С. Оценочные понятия в системе принципов российского уголовного процесса // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIII Международной научно-практической конференции : в 2 ч. Красноярск, 2020. С. 87–88.

Анализ норм уголовно-процессуального закона позволяет констатировать, что дифференциация уголовно-процессуальной формы производства о применении принудительных мер медицинского характера осуществляется путем усложнения ординарной процедуры. Поводом к реализации механизма дополнительной защиты интересов обвиняемого (подозреваемого) служит появление у должностного лица, ведущего производство по уголовному делу, сомнений в его вменяемости, а следовательно, способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы. Такие сомнения, как следует из позиции Верховного Суда РФ, могут возникнуть, если есть данные о том, что лицу в прошлом оказывалась психиатрическая помощь, либо данное лицо находилось на обучении в учреждении для лиц с задержкой или отставанием в психическом развитии, либо в прошлом имела черепно-мозговая травма и др. (п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера»)⁶. Усложнение уголовно-процессуальной формы проявляется в следующем.

Во-первых, лицо, в отношении которого ведется производство, может быть подвергнуто принудительной госпитализации как с целью производства стационарной судебно-психиатрической экспертизы, так и в качестве альтернативы заключению под стражу при необходимости его изоляции и лечения. Следуя положениям ст. 196 УПК РФ, можно констатировать расширение ординарного предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ) за счет обязательного установления группы обстоятельств, характеризующих психическое состояние лица (наличие психических расстройств в прошлом, степень и характер психического заболевания в момент совершения деяния, запрещенного уголовным законом, или во время производства по уголовному делу, а также связи психического расстройства лица с опасностью для него или других лиц либо возможностью причинения им иного существенного вреда).

Во-вторых, расширяется круг субъектов, чье участие в производстве по уголовному делу является обязательным. Так, в соответствии со ст. 438 УПК РФ, защитник вступает в уголовный процесс с момента назначения судебно-психиатрической экспертизы (ст. 438 УПК РФ). Кроме того, законный представитель наделен всей совокупностью прав обвиняемого (подозреваемого), однако при принятии решения о его допуске к участию в деле учитываются заключение экспертов, участвующих в производстве судебно-психиатрической экспертизы, и при необходимости медицинское заключение медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях. На судебных стадиях уголовного процесса в заседаниях

⁶ О практике применения судами принудительных мер медицинского характера : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.11.2024).

обязательно участие прокурора, защитника и законного представителя лица, в отношении которого рассматривается вопрос о применении принудительных мер медицинского характера.

В-третьих, принудительная госпитализация на стадии предварительного расследования, а также применение принудительных мер медицинского характера относятся к исключительной компетенции суда. На наш взгляд, это связано как с тем фактом, что судебная власть в данном случае реализует обязанность государства изолировать и лечить лиц, которые в состоянии психического расстройства совершили общественно опасные деяния, подпадающие под признаки преступления, так и с тем, что принудительная госпитализация, а также соответствующие меры медицинского характера носят правоограничительный характер. Отсюда и особенности судебного заседания, которое проводится в закрытом режиме с целью сохранения врачебной тайны, а лицу, в отношении которого решается вопрос о применении принудительных мер, обеспечивается возможность участия в нем при отсутствии препятствий к таковому по состоянию здоровья. Итоговым процессуальным актом рассмотрения уголовного дела по существу является не приговор, а постановление об освобождении лица от наказания и назначении одной из предусмотренных законом принудительных мер медицинского характера (ч. 1 ст. 443 УПК РФ) либо постановление о прекращении уголовного дела и об отказе в применении принудительных мер медицинского характера (ч. 2 ст. 443 УПК РФ). Следует отметить, что вынесением названных решений деятельность суда не исчерпывается, поскольку в рамках функции судебного контроля он рассматривает вопросы, касающиеся прекращения, изменения или продления применения принудительных мер.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что усложнение уголовно-процессуальной формы является одной из гарантий защиты прав и законных интересов лица, страдающего психическим расстройством, и проявляется в: расширении круга субъектов, чье участие в судебном заседании является обязательным; наличии дополнительных обстоятельств, подлежащих доказыванию; проведении закрытого судебного заседания в случаях, предусмотренных ст. 241 УПК РФ; вынесении судом постановления о применении мер уголовно-правового характера, завершающего производство по делу.

Самостоятельным основанием для классификации гарантий прав и законных интересов принудительно госпитализируемого лица является *источник их нормативного регулирования*, что обусловлено комплексным характером исследуемого правового института. По названному основанию система гарантий может быть разделена на две группы:

а) уголовно-процессуальные гарантии, содержащиеся в нормах УПК РФ, формирующих правовой статус лица, в отношении которого ведется уголов-

ное судопроизводство и решается вопрос о помещении в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Повторим тезис, высказанный в первом параграфе настоящей главы диссертационного исследования: наделение названного лица обособленным специальным уголовно-процессуальным статусом является необходимым с точки зрения эффективности реализации системы гарантий его прав и свобод, которая не является идентичной обвиняемому (подозреваемому);

б) гарантии прав и свобод, предусмотренные законодательством в сфере здравоохранения. Принудительно госпитализированное лицо является пациентом медицинского учреждения, что предполагает наличие комплекса специальных прав, предусмотренных ст. 37 Закона РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»⁷, реализация которых обеспечивается должностными лицами специальных медицинских учреждений (главным врачом или заведующим отделением). К их числу относятся следующие:

- право на информацию об основаниях и целях принудительной госпитализации, правилах пребывания в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях. Гарантией реализации данного права является обязанность его разъяснения на родном для пациента языке, о чем делается запись в медицинской документации;

- право подачи жалоб без цензуры в органы представительной и исполнительной власти, прокуратуру, суд, в государственное юридическое бюро;

- право встречаться с адвокатом и работником или уполномоченным лицом государственного юридического бюро наедине;

- право отправлять религиозные обряды, встречаться со священнослужителем наедине, иметь религиозные атрибуты и литературу, если это не нарушает внутренний распорядок медицинской организации;

- право получать общее образование, в том числе по адаптированной образовательной программе.

Часть прав пациента может быть ограничена как в интересах здоровья и безопасности его самого и иных лиц, так и в связи с интересами предварительного расследования, если принудительная госпитализация применена как альтернатива заключению лица под стражу, что прямо предусмотрено уголовно-процессуальным законом, а именно: вести переписку без цензуры; получать и отправлять посылки, бандероли и денежные переводы; пользоваться телефоном; принимать посетителей; иметь и приобретать предметы первой необходимости, пользоваться собственной одеждой.

Помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, осуществляется в различных

⁷ О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании : Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913.

уголовно-процессуальных условиях, что предполагает определенную специфику совокупности уголовно-процессуальных гарантий. В зависимости от процессуального основания принудительной госпитализации мы предлагаем выделять:

— уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов лица при помещении в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебно-психиатрической экспертизы;

— уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов лица при применении принудительной госпитализации в качестве меры уголовно-процессуального принуждения;

— уголовно-процессуальные гарантии прав и законных интересов лица при помещении в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, на стадии исполнения приговора.

Первая из перечисленных групп гарантий сопряжена с производством следственного действия, что предполагает экстраполяцию общих прав и гарантий их реализации, предусмотренных уголовно-процессуальным законом при производстве экспертизы. В соответствии со ст. 198 УПК РФ лицо, в отношении которого назначается экспертиза, независимо от ее вида, имеет совокупность прав информационного характера, реализация которых дает возможность иметь представление о содержании данного вида доказательств (например, знакомиться с постановлением о назначении экспертизы и с заключением эксперта), а также совокупность прав, позволяющих активно участвовать в производстве экспертизы на этапе ее назначения (например, право заявить отвод эксперту, право постановки дополнительных вопросов). Необходимо учитывать, что специфика психического состояния лица предполагает наличие дополнительных гарантий, таких как, например, участие защитника с момента вынесения постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы, об обязательном участии защитника по делам, если подозреваемый или обвиняемый в силу психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту. Кроме того, законодатель обособил часть процессуальных гарантий применительно к принудительной госпитализации, предусмотрев судебный порядок принятия решения о производстве данного следственного действия, а также невозможность приобретения лицом процессуального статуса обвиняемого вплоть до получения экспертного заключения (ст. 203 УПК РФ).

Выделение второй группы гарантий прав и свобод принудительно госпитализируемого лица сопряжено с выдвинутым нами ранее тезисом о том, что помещение в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, является специальной мерой уголовно-процессуального принуждения. В силу вариативности оснований для ее при-

менения реализуется два уголовно-процессуальных режима обеспечения прав и свобод лица: режим перевода лица из следственного изолятора в медицинскую организацию, когда до принудительной госпитализации имело место ограничение свободы в силу примененной меры пресечения и судебное решение принимается в рамках процедуры судебного контроля, предусмотренной ст. 108 УПК РФ, а также режим санкционирования производства следственных действий, предусмотренный ст. 165 УПК РФ в тех случаях, когда лицо до принудительной госпитализации не ограничивалось в свободе.

Третья группа процессуальных гарантий выделена нами на том основании, что лицо, находящееся в статусе осужденного, заболевшее психическим заболеванием в период отбывания наказания, фактически реализует права, связанные с изменением режима исправительного учреждения на режим медицинской организации, когда применимы не только нормы УПК РФ и Уголовно-исполнительного кодекса РФ, но и нормы законодательства в сфере здравоохранения.

Перетокина В.В.,

аспирант кафедры уголовно-процессуального права
имени Н.В. Радутной
факультета подготовки кадров высшей квалификации
Российского государственного университета правосудия
имени В.М. Лебедева
(г. Москва)

Литература

1. Безруков С.С. Оценочные понятия в системе принципов российского уголовного процесса / С.С. Безруков // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIII Международной научно-практической конференции (г. Красноярск, 2–3 апреля 2020 г.) : сборник научных статей. В 2 частях. Ч. 1 / редакторы : Н.Н. Цуканов, О.В. Евтихов, А.Ю. Иванов [и др.] ; ответственный редактор Д.В. Ким. Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2020.
2. Вилкова Т.Ю. Вопросы системы и содержания принципов уголовного судопроизводства в трудах профессоров кафедры уголовно-процессуального права МГЮА / Т.Ю. Вилкова // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 3 (64).
3. Давлетов А.А. Принципы уголовно-процессуальной деятельности / А.А. Давлетов // Известия высших учебных заведений. Серия: Правоведение. 2008. № 2(277).
4. Кибардин Д.О. Принципы уголовного процесса: понятие, роль и общая характеристика / Д.О. Кибардин // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 1(58).
5. Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики / В.Т. Томин. Москва : Юрайт, 2009.

Проблемы существования института понятых в России и пути их разрешения

Институт понятых начинает свое развитие еще со времен Соборного Уложения 1649 г., из текста которого учеными сформулированы выводы, что проигравшая сторона может «соблазниться подправить руку правосудия» путем фальсификации доказательств при помощи судебных работников, поэтому уложением определялись понятые как посторонние люди, кому можно верить: *«сторонний люди, добрые, кому можно верить»*¹.

Таким образом, с древнейших времен фундаментальной причиной появления такого института является противодействие злоупотреблениям должностных лиц, то есть своего рода «народный», «общественный» контроль за работой правоохранительных органов.

Поэтому, по мнению автора статьи, самое главное предназначение понятых — это обеспечение общественного независимого контроля за деятельностью сотрудников правоохранительных органов с целью исключения злоупотребления или превышения должностных полномочий, фальсификации доказательств.

К сожалению, с учетом личного практического опыта, полученного на протяжении более 15 лет работы в следственных органах, автор приходит к выводу, что институт понятых не выполняет свое предназначение, а их присутствие давно стало формальным требованием при проведении следственных действий.

Причины этого заключаются в следующем.

Основной проблемой, по мнению автора, является отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе РФ четкого понятия статуса, прав и обязанностей понятых.

Определение понятого закреплено в ч. 1 ст. 60 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее — УПК РФ): «не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем, следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия»².

Если с определением понятого еще более-менее все понятно, то с его статусом, правами и обязанностями — нет.

Требования к понятым закреплены в ч. 2 исследуемой статьи, а именно понятыми не могут быть:

¹ Михайлов А.Н. Институт понятых — архаизм российского уголовного судопроизводства. М. : Законность, 2003. № 4. С. 29.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // СЗ РФ. 2023. Ст. 60.

- 1) несовершеннолетние;
- 2) участники уголовного судопроизводства, их близкие родственники и родственники;

Не понятно, что именно имел в виду законодатель — участники только по возбужденному уголовному делу или все, указанные в УПК РФ (судьи, прокуроры, адвокаты и т.д.). Это никак не прописано и трактовать можно по-разному. Получается, если понятым будет родственник следователя Следственного комитета РФ, проводящего расследование, то это нарушение, а если это родственник его коллеги из соседнего кабинета, то нарушений УПК РФ нет. Никакой обязанности у понятого заявить о наличии подобных родственных связей нет, выяснять у него эти обстоятельства никто не обязан;

- 3) работники органов исполнительной власти, наделенные в соответствии с федеральным законом полномочиями по осуществлению оперативно-разыскной деятельности и (или) предварительного расследования.

По смыслу этого требования понятыми не могут быть только следователи, дознаватели и оперуполномоченные, а как же быть с сотрудниками миграционной службы, экспертами, инспекторами по делам несовершеннолетних и многими другими сотрудниками, проходящими службу в системах МВД, СК, ФСБ России? По логике этого пункта понятыми они быть могут, только вопрос об их незаинтересованности и непредвзятости остается открытым.

К сожалению, каких-либо других требований к понятым не выдвигается. К чему это приводит на практике, будет описано ниже.

Очень много вопросов вызывает ч. 3 исследуемой статьи, закрепляющая права понятых:

- 1) участвовать в следственном действии и делать по поводу следственного действия заявления и замечания, подлежащие занесению в протокол;
- 2) знакомиться с протоколом следственного действия, в производстве которого они участвовали;

Поскольку участие в следственном действии является правом понятого, а не обязанностью, то он имеет возможность без каких-либо правовых последствий для себя до или в любой момент в процессе отказаться от участия в следственном действии.

Имеет возможность без каких-либо правовых последствий для себя отказаться от ознакомления и подписания протокола следственного действия.

Единственная обязанность понятого прописана в ч. 4 исследуемой статьи: «Понятой не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд».

Законодателем вообще не установлено, с какого момента гражданин приобретает статус понятого:

- а) с момента приглашения к участию;
- б) с момента дачи согласия на участие в следственном действии;
- в) или с момента начала следственного действия и представления понятым другим участникам следственного действия, разъяснения им прав и обязанностей.

Теперь рассмотрим, к чему приводит отсутствие четкого понятия статуса, прав и обязанностей понятых.

На практике понятыми становятся:

- лица без определенного места жительства, ведущие маргинальный образ жизни за питание или денежное вознаграждение.

- граждане, которые на постоянной основе по договоренности с сотрудниками полиции участвуют в качестве понятых за денежное вознаграждение (из личных средств сотрудников полиции) — «дежурные понятые»;

- родственники, знакомые, друзья сотрудников правоохранительных органов, проводящих следственные действия;

- курсанты военных вузов по указанию руководства, практиканты, о незаинтересованности и полной непредвзятости которых спорить можно бесконечно;

- в лучшем случае это сотрудники учреждения, в котором проводится обыск или выемка, опять же при условии их согласия на это.

Естественно, о какой независимости, объективности и непредвзятости понятых может вообще идти речь при таких обстоятельствах?!

В ходе интервьюирования следователи Следственного комитета России указали, что привлечение понятых, как правило, является проблемой при проведении неотложных следственных действий, когда дается поручение органу дознания обеспечить их участие. Поиск понятых на месте приводит к потере времени в 99% случаев³.

Бывали случаи, когда понятые покидали следственные действия по причине своей занятости или нежелания тратить свое личное время.

Бывали случаи, когда понятыми оказывались лица, которые впоследствии становились фигурантами уголовного дела. (Пример из практики: при производстве обыска в организации в качестве понятых была привлечена женщина — сотрудник этой же организации, которая в ходе обыска предприняла попытку вынести под одеждой документы, имеющие значение для следствия. В последующем эта женщина была привлечена в качестве обвиняемой в рамках этого уголовного дела.)

В ходе интервьюирования оперуполномоченные пояснили, что, как правило, поручение «найти понятых» им поступает от следователей⁴. Хорошо, когда заранее известны дата и время следственного действия, имеется время, чтобы найти на эту дату понятых, а при неотложных следственных действиях, например таких, как обыск в квартире, начинаются проблемы:

- как правило, никто из жильцов дома не желает участвовать в проведении следственных действий, принудить их к этому невозможно;

³ Интервьюирование следователей Следственного комитета Российской Федерации, проведенное в апреле 2023 г.

⁴ Интервьюирование оперуполномоченных УМВД России по Хабаровскому краю, проведенное в апреле 2023 г.

— приходится выходить на улицу просить прохожих, которые в 90% случаев отказываются от участия, так как не желают тратить свое личное время, быть впоследствии допрошенными по уголовному делу, тратить время на явку на допросы в суд;

— часто приходится вводить граждан в заблуждение, обещая им, что это займет немного времени, а также что их потом никто в суд в качестве свидетелей вызывать не будет.

Бывали случаи, когда понятыми становились лица с психическими отклонениями либо находящиеся в наркотическом опьянении, поскольку на первый взгляд выглядели вполне адекватно, а других понятых найти не представилось возможным.

Таким образом, при отсутствии четко закрепленных прав и обязанностей понятых на практике возникает ряд проблем.

У граждан нет стимула участвовать в качестве понятых, осуществлять качественный контроль за действиями сотрудников при проведении следственных действий, так как на это нужно тратить ничем не компенсируемое личное время.

У понятых, как правило, нет знаний и понимания, как должны производиться следственные действия, какие действия могут совершать сотрудники, а какие нет.

Обязанности понятых в принципе не прописаны и не установлены и ограничиваются только обязанностью явиться к следователю или в суд, при этом вообще не разъяснено, в связи с чем явиться и с какой целью.

До 2013 года, согласно положениям ст. 170 УПК РФ⁵, обязательное участие понятых требовалось фактически при проведении всех следственных действий, кроме допросов и очных ставок.

На самом деле на практике это не приводило к повышению объективности предварительного расследования, а, наоборот, к многочисленным злоупотреблениям, которые в большей мере остались по сегодняшний день.

Действительно революционным событием, значительно упростившим работу следователей, явились изменения в ст. 170 УПК РФ, введенные Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ⁶, согласно которым с 2013 г. по настоящее время участие понятых осталось обязательным при проведении четырех следственных действий: обыска; личного обыска; выемки предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну; при предъявлении для опознания.

Исходя из всего вышесказанного, предлагаются два пути решения:

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2012) // Логос (правовой центр). 2023. Ст. 170.

⁶ Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023.

1. Полное упразднение института понятых, что приведет к экономии рабочего времени следователей.

Участие понятых вполне можно заменить обязательным ведением видеосъемки при проведении обысков в жилище, выемок, предъявлении для опознания и личном обыске. Современное оснащение и технические возможности силовых ведомств это позволяют сделать без какого-либо ущерба для доказывания. Наоборот, видеозапись в таких случаях будет служить неоспоримым доказательством, наглядно и объективно передающим обстановку, атмосферу, поведение участников следственного действия.

2. Реформирование. Если и сохранять институт понятых, то он должен подлежать фундаментальным изменениям:

— введение в УПК РФ четкого перечня прав и обязанностей понятых, четкого понятия, с какого момента гражданин приобретает статус понятого;

— введение определенных требований к понятым (к образованию, судимости, психическому состоянию, отсутствию связи с сотрудниками правоохранительных органов и т.п.), введение списков понятых по образцу присяжных заседателей, например при общественных палатах регионов;

— установление денежной компенсации за участие в следственных действиях в размере его обычного заработка за потраченное время;

— формирование списков и дежурств понятых.

Дежурные понятые должны знать, что они обязаны в любое время дня и ночи в случае необходимости выехать с сотрудниками на место проведения следственного действия, за что они получают освобождение от работы, компенсацию потраченного времени; знать свои обязанности по осуществлению надлежащего гражданского контроля за происходящим на следственных действиях, знать тактику и методику, судебную практику проведения следственных действий.

Именно при таких условиях институт понятых возможно из формальности, которую необходимо соблюдать, превратить в инструмент качественного общественного контроля за работой правоохранительных органов.

Рычков В.С.,

следователь по особо важным делам Главного следственного управления
Следственного комитета Российской Федерации, майор юстиции
(г. Москва)

Литература

1. Афонин В.К. Становление института понятых в уголовном судопроизводстве России (краткий исторический аспект и современное состояние) / В.К. Афонин // Вестник Российской таможенной академии. 2008. № 2 (3).
2. Михайлов А.Н. Институт понятых — архаизм российского уголовного судопроизводства / А.Н. Михайлов // Законность. 2003. № 4.

Анализ связи уровня пассионарности в обществе с уровнем рождаемости и преступности: концепция сублимационной пассионарности

Теракт, произошедший 22 марта 2024 г.¹, демонстрирует риски нелояльности мигрантов по отношению к российскому государству и обществу. Вместе с тем в России на 2023 г. зафиксирован самый низкий суммарный коэффициент рождаемости с 1999 г. (1,41)². Депопуляция населения угрожает межконфессиональному и межнациональному миру при изменении демографического баланса этноконфессионального состава населения в стране. Необходимо понять природу такого явления, как аборт.

В Римской империи тоже были проблемы с демографией, и даже пытались санкционными мерами заставить вступать в брак и рожать³. В IV–V веках н.э. во времена миграции германских племен был уничтожен старый Рим, а на месте римской Галлии появилось Королевство франков (ныне Франция), изначально являвшее собой смесь пассивных, но живущих в относительном достатке галло-римлян и амбициозного меньшинства, мигрантов прошлого — германцев (франков), жаждущих лучшей жизни, многие из которых были гражданами Рима.

Приведем более современный пример на примере Германии. По сообщению Daily Mail, многие немцы отказываются рожать детей, поскольку 23% мужчин не желают рождения детей, при этом в немецком обществе сложилось негативное отношение к работающим матерям⁴. В таком случае без мигрантов не обойтись. Однако есть проблемы с их интеграцией. В Германии растет преступность из-за наплыва мигрантов, утративших из-за войн привычную среду обитания, страдающих от подавления инстинктов, так как прибыли в Германию без женщин⁵. Немецкие школьники принимают ислам,

¹ Число жертв теракта в Crocus City Hall возросло до 133. URL: <https://www.interfax.ru/russia/952124> (дата обращения: 07.10.2024).

² Росстат зафиксировал в 2023 году антирекорд по числу родившихся в РФ с 1999 года. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6523337> (дата обращения: 07.10.2024).

³ Деретич Н. Популяционная (демографическая) политика римлян в контексте современной низкой рождаемости // Сибирский юридический вестник. 2009. № 4. С. 23–26.

⁴ German population plummets as QUARTER of men say 'no' to kids. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2398796/German-population-shrinks-QUARTER-men-say-kids.html> (дата обращения: 04.10.2024).

⁵ Дегтярева Л.М., Резникова А.В. О состоянии преступности в Федеративной Республике Германия в контексте современных миграционных процессов // Философия права. 2019. № 2. С. 75.

боясь прессинга одноклассников-мигрантов, не желая отличаться от мигрантского большинства в классе, о чем сообщает Daily Mail⁶. И.П. Павлов называл подобное поведение инстинктом рабской покорности, поскольку «нарочитая, пассивная поза слабейшего, естественно, ведет к падению агрессивности сильнейшего, тогда как, хотя бы и бессильное, сопротивление слабейшего только усиливает разрушительное возбуждение сильнейшего»⁷.

Это адекватное поведение для подростков, поскольку они принимают сторону тех, кто им кажется сильнее, что принято называть конформизмом⁸, который является основой инстинкта самосохранения жизни у обычного человека, не склонного рисковать собой ради идеи, поэтому является нормой, а не отклонением от нее. Тогда как пассионарии, по мнению Л.Н. Гумилева, способны пожертвовать всем ради идеи, включая жизнь, только потому, что у них отсутствует инстинкт самосохранения⁹, но это утверждение не совсем верное. В пассионарности он же видел причину того, что люди, склонные к риску, сами идут на фронт, а христианские мученики отдавали жизнь, но не предавали веру¹⁰. В чем причина такого поведения? Религиозное табу сдвигает страх смерти на метафизический план, в результате пассионарии не боятся смерти физической, но боятся посмертной участи. Это диалектическое противоречие, так как страх смерти делает необходимым существование религии, то есть надежды на продолжение бытия после смерти тела. В свою очередь, налагая табу на свободное осуществление желаний, религия дает причину для храбрости (пассионарности) людей в земной жизни, трансформировав инстинкт самосохранения, заставив бояться за судьбу души больше, чем за тело, подавляя страх физической смерти, что и толкает людей на мученичество за веру или на смерть в бою за свои идеалы. Состояние пассионарности зависит от психики. В частности, от уровня тестостерона в крови — гормона, отвечающего за агрессивность (амбиции) и половую активность у млекопитающих¹¹, а уровень данного гормона зависит от пищи, которую (не)употребляют, а также от физической активности и стрессоустойчивости.

⁶ Schoolchildren are converting to Islam 'out of fear' in German schools: Study warns Christians feel they are outsiders and are desperate to try and fit in since huge migrant influx. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-13339659/Schoolchildren-converting-Islam-fear-German-schools.html> (дата обращения: 04.10.2024).

⁷ Павлов И.П. Рефлекс свободы. СПб.: Питер, 2001. С. 121–122.

⁸ Ким К.В., Гузеева Л.М. Исследование взаимосвязи конформного и девиантного поведения // E-Scio. 2020. № 9. С. 51–59.

⁹ Кравченко А.И. Биосоциальная концепция пассионарности Л. Гумилева // Социология. 2019. № 6. С. 32.

¹⁰ Там же.

¹¹ Felicity A. Huntingford. The influence of testosterone. URL: <https://www.britannica.com/science/aggressive-behaviour/The-influence-of-testosterone> (дата обращения: 07.10.2024).

Пассионарность и половая активность, жажда еды взаимосвязаны. Чем меньше тестостерона, тем меньше энергии у людей, которую можно сублимировать на иную сферу деятельности, например развитие технологий¹². Минимальная норма тестостерона в крови человека 300 нг/дл, и то, норма зависит от возраста, и при старении уровень выработки данного гормона падает¹³. В пирамиде человеческих потребностей А. Маслоу еда и интимные связи — это базовые физиологические потребности, стоящие у основания пирамиды (см. рисунок). Учитывая вышесказанное, следует помнить, что избыток тестостерона при неспособности реализовать свою энергию в легальном поле деятельности — это однозначный рост насильственных преступлений¹⁴. Высокая доля пассионариев способствует росту революционных настроений в обществе. Слишком низкий уровень тестостерона олицетворяет собой падение уровня либидо, а значит, и рождаемости, но вместе с низким уровнем тестостерона снижается уровень преступлений среди коренного населения. Рассмотрим это на примере страны с однородным составом населения. Например, в Южной Корее суммарный коэффициент рождаемости на 2023 г. составляет 0,78 на душу населения¹⁵, что коррелирует с одним из самых низких уровней преступности: 131-е место в мире на 2024 г.¹⁶. В Южной Корее средний показатель тестостерона в крови 462 нг/дл¹⁷.

Если в обществе есть жесткое табу на свободные отношения, то сексуальная энергия сублимируется (преобразуется) в религиозный аскетизм, желание воевать, творить и исследовать, то есть она меняет свой вектор приложения сил, — это то, что отмечал З. Фрейд¹⁸. Следует отметить особенность восприятия Рая, которое имеет место в сознании молодых мусульман, которых уговаривают стать смертниками. Считается, что райские гурии, являясь женами правоверного мусульманина, будут удовлетворять его сексуальные желания, если он отдаст свою жизнь на войне с неверными¹⁹.

¹² Развитие технологий зависит от тестостерона. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/razvitije-technologij-zavisit-ot-testosterona> (дата обращения: 07.10.2024).

¹³ Zhu Alex, Andino Juan, Daignault-Newton Stephanie, Chopra Zoey, Sarma Aruna, Dupree James M. What Is a Normal Testosterone Level for Young Men? Rethinking the 300 ng/dL Cutoff for Testosterone Deficiency in Men 20-44 Years Old // The journal of urology. 2022. P. 1297-1300.

¹⁴ Testosterone, cortisol, and criminal behavior in men and women. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/36122515/> (дата обращения: 07.05.2024).

¹⁵ Южная Корея заявила о катастрофическом падении рождаемости. URL: <https://rg.ru/2023/02/23/iuzhnaia-koreia-zaiavila-o-katastroficheskom-padenii-rozhdaemosti.html?ysclid=lvzhqwmbmqm882173277> (дата обращения: 07.10.2024).

¹⁶ Crime Index by Country 2024. URL: https://www.numbeo.com/crime/rankings_by_country.jsp (дата обращения 07.10.2024)

¹⁷ Testosterone Levels by Country 2024. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/testosterone-levels-by-country> (дата обращения: 07.10.2024).

¹⁸ Вошинчук А.Н. Трактровка понятия «сублимация» в творчестве З. Фрейда и К. Хорни // Софизм. 2018. № 1. С. 4.

¹⁹ Гришенкова Т.Ф., Вариясова Е.В. Суггестия как способ речевого воздействия в религиозном дискурсе // СибСкрипт. 2019. Т. 21. № 4. С. 1088.

Рисунок. **Пирамида потребностей по Маслоу**

Наличие способности к мышлению и речи не отменяет наличия естественных природных инстинктов, но влияет на их проявление, например сознательно порождая (соблюдая) религиозное табу на убийства, кражи и свободные половые отношения²⁰, что мешает беспрепятственному удовлетворению базовых инстинктов, понуждая, таким образом, человека к перенаправлению вектора приложения сил своей пассионарной энергии. Именно существование религиозного табу, порождая сознательную социальность (осознание своей смертности), отличает человека от животного, когда он сознательно, а не инстинктивно, соблюдает запреты, пытаясь сублимировать свою энергию на развитие, с тем чтобы затем добиться удовлетворения желаемого. Неумение (нежелание) человека сублимировать свою энергию (высокий уровень тестостерона) в существующей общественной социально-экономической реальности порождает преступление. Можно заявить, что без преступлений не было бы цивилизации. Представим некое племя в далекие времена, чей шаман установил табу для членов общины идти за холм, обосновывая это тем, что там «злые духи», но со временем находится некто, совершающий преступление, идя за холм, обнаруживая там другое племя, начинаются торговля и взаимодействие, которое приводит к рождению цивилизационной общности.

Перейдем к выводам. Опираясь на вышеизложенное исследование, можно определить сублимационную пассионарность как способность некоторых индивидов, обладающих определенными биосоциальными качествами, к волевому перенаправлению вектора приложения энергии от своих базовых инстинктов на иные потребности (цели) в силу сознательного принятия и добровольного соблюдения ограничений с целью достижения поставлен-

²⁰ Мф. 19:18.

ных перед собой задач, удовлетворения своих потребностей, игнорируя факторы риска в процессе, опираясь на идеалы, стоящие выше базовых биологических и материальных потребностей. Пассионарность зависит от уровня тестостерона, который, в свою очередь, влияет на сексуальную активность и амбиции человека, а его уровень зависит как от режима питания, так и от физической активности, стрессоустойчивости. Уровень тестостерона имеет прямое влияние на уровень преступности. Чем он ниже, тем ниже насильственная преступность среди коренного населения страны, но низкий уровень данного гормона означает неизбежное снижение рождаемости. В таком случае не следует небрежно относиться к миграционной политике. Пример Германии показывает, что бывает, когда низкую рождаемость компенсируют высокой миграцией без учета специфики поведения мигрантов: их пола, возраста и мировоззрения. В таком случае, для того чтобы контролировать уровень насильственных преступлений, полагаем необходимым прибегать к кастрации в случае рецидива для снижения уровня выработки тестостерона или иным мерам, способствующим снижению уровня данного гормона у конкретного лица. Однако раз образ жизни и гормоны уже повлияли на формирование сознания, то кастрация этого не изменит, и он усилием воли, которой нет у животных, может дальше продолжить совершать насильственные преступления, связанные с половой неприкосновенностью.

Сазонов А.И.,

консультант Юридической клиники

Балтийского Федерального университета имени Иммануила Канта,

магистр права

(г. Калининград)

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в современном русском переводе / под редакцией М.П. Кулакова, М.М. Кулакова. 3-е изд. Москва : Издательство ББИ, 2021.
2. Вошинчук А.Н. Трактровка понятия «сублимация» в творчестве З. Фрейда и К. Хорни / А.Н. Вошинчук // София. 2018. № 1.
3. Гришенкова Т.Ф. Суггестия как способ речевого воздействия в религиозном дискурсе / Т.Ф. Гришенкова, Е.В. Вариясова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4(80).
4. Дегтярева Л.М. О состоянии преступности в Федеративной Республике Германия в контексте современных миграционных процессов / Л.М. Дегтярева, А.В. Резникова // Философия права. 2019. № 2.
5. Деретич Н. Популяционная (демографическая) политика римлян в контексте современной низкой рождаемости / Н. Деретич // Сибирский юридический вестник. 2009. № 4.
6. Ким К.В. Исследование взаимосвязи конформного и девиантного поведения / К.В. Ким, Л.М. Гузеева // E-Scio. 2020. № 9.

7. Кирьянов О. Южная Корея заявила о катастрофическом падении рождаемости / О. Кирьянов // Российская газета. 2023. 23 февраля.
8. Кравченко А.И. Биосоциальная концепция пассионарности Л. Гумилева / А.И. Кравченко // Социология. 2019. № 6.
9. Павлов И.П. Рефлекс свободы / И.П. Павлов. Санкт-Петербург : Питер, 2001.
10. Сапунов В.Б. Экология человека : учебное пособие / В.Б. Сапунов. Санкт-Петербург : Издательство РГГМУ, 2007.
11. Blake M. German population plummets as QUARTER of men say 'no' to kids / M. Blake // Daily Mail. 2013. 13 August.
12. Huntingford F.A. The influence of testosterone / F.A. Huntingford // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/science/aggressive-behaviour/The-influence-of-testosterone> (date of access: 07.10.2024).
13. Kuepper M. Schoolchildren are converting to Islam 'out of fear' in German schools: Study warns Christians feel they are outsiders and are desperate to try and fit in since huge migrant influx / M. Kuepper // Daily Mail. 2024. 23 April.
14. Testosterone, cortisol, and criminal behavior in men and women / T.A. Armstrong, D.L. Boisvert, J. Wells [et al.] // Hormones and Behavior. 2022. Vol. 146. Art. 105260. DOI:10.1016/j.yhbeh.2022.105260
15. What Is a Normal Testosterone Level for Young Men? Rethinking the 300 ng/dL Cutoff for Testosterone Deficiency in Men 20-44 Years Old / A. Zhu, J. Andino, S. Daignault-Newton [et al.] // The journal of urology. 2022. Vol. 08. Iss. 6. DOI:10.1097/JU.0000000000002928/

Отдельные проблемы определения объекта преступления в ч. 1 ст. 148 УК РФ

Ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповедания установлена в ст. 148 Уголовного кодекса РФ (УК РФ), в которой закреплено два самостоятельных состава преступления, диспозиция одного из которых заключается в совершении лицом «публичных действий, выражающих явное неуважение к обществу и совершенных в целях оскорбления религиозных чувств верующих»¹.

К подобной формулировке ч. 1 ст. 148 УК РФ приведена в 2013 г. в связи с принятием Федерального закона от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан»², который послужил реакцией законодателя на печально известный «панк-молебен» феминистской панк-группы Pussy Riot в Богоявленском соборе в Москве в августе 2012 г.

Однако в первоначальной редакции текст, на тот момент еще законопроекта, значительно отличался от того, что позднее было принято и закреплено в Уголовном кодексе РФ.

Так, в первоначальной редакции законопроекта законодателем предлагалось внесение изменений в главу 25 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности», дополнив ее ст. 243.1 «Оскорбление религиозных убеждений и чувств граждан и/или осквернение объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест, предназначенных для совершения религиозных обрядов и церемоний»³. В подобном изложении законопроект прошел только первое чтение и уже ко второму чтению был переработан и представ-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201306300002?index=5> (дата обращения: 11.11.2024).

³ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан, осквернению объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест религиозных обрядов и церемоний». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/142303-6> (дата обращения: 11.11.2024).

лен в том виде, который в дальнейшем лег в основу действующей редакции ст. 148 УК РФ.

Немаловажным представляется и тот факт, что еще в период рассмотрения законопроекта в редакции, в дальнейшем воплощенной в ст. 148 УК РФ, уже поднимались вопросы об отсутствии в содержании статьи защиты «свободы совести», несоответствии объекта охраны содержанию статьи, употреблении в законе понятий, не имеющих правовой определенности и возможной конкуренции со ст. 5.26 Кодекса РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ)⁴. В дальнейшем, как мы можем наблюдать, эти вопросы из предполагаемых проблем превратились в реальные, которые теперь являются предметом не только научной дискуссии, но и «ахиллесовой пятой» в правоприменительной практике ст. 148 УК РФ.

Часть 1 ст. 148 УК РФ, как мы ранее указывали, признает уголовно наказуемыми «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих».

Необходимо обратить внимание, что до настоящего времени не сформировалось единого подхода к пониманию объекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, и наиболее часто в учебной и научной литературе встречается подход, согласно которому объектом преступного посягательства выступают конституционные права граждан на свободу совести и вероисповедания. Также в качестве дополнительного объекта посягательства выделяют общественные отношения, возникающие по поводу беспрепятственной законной деятельности религиозных организаций, совершения обрядов⁵.

В учебной литературе также высказывается позиция, что непосредственным объектом преступления является «свобода деятельности религиозных организаций и совершения религиозных обрядов»⁶.

В.Г. Беспалько, например, в качестве объекта уголовно-правовой охраны, применимого и к ст. 148 УК РФ, выделяет религиозную безопасность⁷ «как су-

⁴ Стенограммы обсуждений законопроекта № 142303-6 «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/142303-6> (дата обращения: 15.11.2024).

⁵ Комментарий к Уголовному кодексу РФ : в 4 т. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII–VIII / В.М. Лебедев [и др.] ; ответственный редактор В.М. Лебедев. М. : Юрайт, 2023. 371 с. (Профессиональные комментарии). Текст : электронный // Образовательная платформа «Юрайт» : [сайт]. С. 149. URL: <https://urait.ru/bcode/512837/p.149> (дата обращения: 15.11.2024).

⁶ Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / В.Б. Боровиков, А.А. Смердов ; под редакцией В.Б. Боровикова. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 505 с. (Высшее образование). Текст : электронный // Образовательная платформа «Юрайт» : [сайт]. С. 99. URL: <https://urait.ru/bcode/536930/p.99> (дата обращения: 12.11.2024).

⁷ Под религиозной безопасностью автор понимает «состояние политико-правовой защищенности и социальной стабильности религиозных отношений, в том числе религиозного мира, свободы совести и вероисповеданий, невмешательства государства и кого бы то ни

щественный элемент духовной безопасности общества»⁸ и, следовательно, общественной безопасности.

Кроме того, отдельными авторами небезосновательно выдвигается точка зрения, в соответствии с которой объектом посягательства в ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ выступают не отдельные конституционные права конкретного лица, а «...общественные отношения, складывающиеся в сфере общественного порядка и общественной нравственности по поводу уважительного и терпимого отношения к любой религии, догматы которой не противоречат Конституции России и законодательству страны»⁹.

Результаты проведенного анкетирования свидетельствуют о том, что правоприменители, в большинстве своем, придерживаются подхода к определению объекта преступления исходя из его расположения в структуре Особенной части УК РФ. Так, 60,4% опрошенных в качестве объекта посягательства в статье 148 УК РФ определяют свободу совести и вероисповедания (43,7%) или только свободу вероисповедания (16,7%); 33,4% опрошенных придерживаются понимания объекта посягательства в виде общественных отношений в сфере охраны общественной безопасности и порядка (16,7%) или общественной нравственности (16,7%) и лишь 6,2% относят к объекту честь и достоинство личности¹⁰.

Подобный подход, когда посягательство на свободу совести и вероисповедания определяется через ущерб интересам общества и государства, но не отдельной личности, исторически обусловлен и связан с укоренившимся в национальном сознании дореволюционным подходом к уголовно-правовой охране названных правоотношений и не успевшим трансформироваться в связи с чередой революционных событий. Данные события еще в 1906 г. описывал в своей работе С.В. Познышев: «Россия в настоящее время переживает великий момент рождения гражданской свободы. В развитии русской государственной жизни наступила эпоха... когда личность сбрасывает с себя полицейско-бюрократическую опеку государства и завоевывает неотъемлемые права свои. Вместе с другими “свободами” в нашу государ-

было в дела религиозных организаций, недопустимость распространения деструктивных культов, деятельности тоталитарных сект, проявлений религиозного экстремизма и т.п. // Беспалько В.Г. Уголовно-правовая охрана религиозных отношений // Журнал российского права. 2014. № 7(211). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-ohrana-religioznyh-otnosheniy> (дата обращения: 05.11.2024).

⁸ Беспалько В.Г. Уголовно-правовая охрана религиозных отношений // Журнал российского права. 2014. № 7(211). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-pravovaya-ohrana-religioznyh-otnosheniy> (дата обращения: 05.11.2024).

⁹ Бахметьев П.В. Уголовно-правовые гарантии свободы совести и вероисповедания : отечественный опыт и международные стандарты : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Бахметьев Павел Владимирович ; [Место защиты : Кубан. гос. аграр. ун-т]. Краснодар, 2017. С. 165–166.

¹⁰ В рамках исследования в 2024 г. проведено анкетирование 91 сотрудника органов прокуратуры.

ственную жизнь неизбежно проникнет и свобода религиозная»¹¹. Из указанного следует, что для нашего общества исторически обусловлен подход к охране свободы совести и свободы вероисповедания как общественного блага, но не как индивидуальных прав и свобод лица.

И действительно, обращаясь к диспозиции ч. 1 ст. 148 УК РФ, мы видим формулировку «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу», которую достаточно сложно сопоставить с личными конституционными правами отдельного гражданина.

Подобная ситуация стала возможна в связи с тем, что при внесении изменений в ст. 148 УК РФ Федеральным законом от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» законодателем не были соблюдены правила конструирования состава преступления в части сохранения единого объекта посягательства. Поясним, что мы под этим подразумеваем.

Основным объектом посягательства в ст. 148 УК РФ, до внесения в нее в 2013 г. изменений, выступали личные конституционные права граждан на свободу совести и вероисповедания. При этом уже при обсуждении проекта Федерального закона № 142303-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан, осквернению объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест религиозных обрядов и церемоний» основным лейтмотивом криминализации описанных в нем деяний выступала потребность «законодательно обеспечить государственную и общественную безопасность»¹², «...на корню пресекать любые попытки дестабилизировать обстановку и породить межконфессиональную рознь среди наших граждан»¹³. Также авторами законопроекта отмечалось, что «уголовная ответственность, для того чтобы на корню пресекать попытки провоцировать наше общество на беспорядки, должна быть»¹⁴.

¹¹ Познышев С.В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы: К реформе нашего законодательства о религ. преступлениях: исслед. прив.-доц. Имп. Моск. ун-та С.В. Познышева. М.: Унив. тип., 1906. С. 292.

¹² Стенограмма рассмотрения в первом чтении проекта Федерального закона № 142303-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан, осквернению объектов и предметов религиозного почитания (паломничества), мест религиозных обрядов и церемоний» (заседание 88). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/142303-6> (дата обращения: 15.11.2024).

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

При этом, говоря о том, что законопроект направлен на защиту общества и общественной безопасности, в качестве основного объекта посягательства законодатель все равно определяет свободу совести и вероисповедания¹⁵.

Из указанного следует, что при внесении изменений в статью особенной части УК РФ объект, на который направлено посягательство, должен быть учтен и сохранен. В противном случае происходит нарушение юридическо-содержательных правил юридической техники, в частности системности изложения нормативного материала¹⁶.

Смирнова А.С.,

аспирант факультета подготовки научных кадров
Университета прокуратуры Российской Федерации
(г. Москва)

Литература

1. Бахметьев П.В. Уголовно-правовые гарантии свободы совести и вероисповедания : отечественный опыт и международные стандарты : диссертация кандидата юридических наук / П.В. Бахметьев. Краснодар, 2017.
2. Беспалько В.Г. Уголовно-правовая охрана религиозных отношений / В.Г. Беспалько // Журнал российского права. 2014. № 7(211).
3. Комментарий к Уголовному кодексу РФ. В 4 томах. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / В.М. Лебедев [и др.] ; ответственный редактор В.М. Лебедев. Москва : Юрайт, 2023.
4. Познышев С.В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы : к реформе нашего законодательства о религ. преступлениях / С.В. Познышев. Москва : Университетская типография, 1906.
5. Уголовное право. Особенная часть : учебник для вузов / В.Б. Боровиков, А.А. Смердов ; под редакцией В.Б. Боровикова. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2024.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Методические рекомендации по проведению правовой и антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (с иллюстрацией на конкретных примерах). М. : ФБУНЦПИ при Минюсте России, 2017. С. 21.

Синергия законодательства об уголовной и административной ответственности — преимущества и недостатки российского опыта

Одним из отличительных свойств российской правовой системы еще с советских времен выступает отдельное развитие «большого» законодательства и «малого» уголовного, представленных, соответственно, Уголовным кодексом РФ (УК РФ, УК) и Кодексом РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ, КоАП) (а равно иными актами законодательства об административных правонарушениях).

Вместе с тем их конвергенция возможна в рамках так называемого широкого уголовного права.

В своей вновь вышедшей монографии О.В. Панкова пишет, что существование такового имеет давнюю историю: еще в 1970-е годы представители уголовно-правовой науки стали поднимать идею воссоздания «широкого» уголовного права, предполагающую возвращение административных правонарушений в общую систему уголовных деликтов по образцу Уголовного уложения 1903 г. В русле таких воззрений в 1974 г. под руководством В.И. Курляндского был подготовлен даже Кодекс уголовных проступков¹.

Трудно судить, насколько Уголовное уложение 1903 г. было актуальным тогда и остается сейчас, в разгаре XXI в. — века новейших правовых технологий, но факт остается фактом: сам вопрос существования уголовного права в его доктринальном понимании — за пределами лимитов, установленных ч. 1 ст. 1 УК РФ, — не является праздным для уголовно-правовой науки.

Безусловно, УК и КоАП РФ имеют одни и те же истоки.

Попытки ряда исследователей обнаружить генезис административно-деликтного права во времена, предшествовавшие 1917 г., по большей степени обречены на провал. Дореволюционное законодательство не делило деликты по сегодняшним категориям «преступление» и «административное правонарушение».

Их разделение возникло во времена СССР и было унаследовано Россией. Кое-кто из исследователей с ним.

По суждению О.Е. Шишкиной, КоАП РФ в его основных положениях базируется на том, что, хотя административная и уголовная ответственность «объективно тяготеют друг к другу, они все же имеют автономный статус», а, например, включение в число субъектов административной ответственности

¹ Панкова О.В. Правосудие по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции : монография. М. : Статут, 2023. 450 с.

юридических лиц указывает на решительное приобретение названным видом публично-правовой ответственности и своего облика, не равноценного институтам уголовно-правовой ответственности².

Как отмечает ассессор права П.В. Головненков, карательные функции уголовного права необходимо строго отграничивать от превентивных функций административного (полицейского) права, призванного защищать лишь от потенциальных опасностей³.

Его поддерживает А.В. Елинский, утверждая, что сама Конституция РФ, где термин «преступление» в различных контекстах упоминается 11 раз, однозначно отделяет его от смежных, однако существенно иных терминов, таких как «административное правонарушение», «гражданско-правовой деликт»⁴.

Сходство и взаимодополнение двух видов ответственности предъявляют — с учетом принципа правовой определенности — особые требования к признакам противоправного поведения. Они должны позволять разграничивать его виды и в конечном счете дифференцировать меры публично-правовой ответственности (М.В. Арзамасцев)⁵.

В других правовых системах подобного разделения нет.

Да и мы буквально несколько лет назад, когда страна участвовала в Европейской конвенции, с подачи ЕСПЧ вели речь о сфере 'criminal matter' (англ.) или 'matiere penale' (франц.). Кстати, именно к ней адресует Л.В. Головки, упоминая «широкое» уголовное право и подчеркивая, что на концептуальном уровне граница между отраслями перешла из сущностной в сугубо кодификационную, определяемую техническим нормативным распределением публично-правовых санкций между различными законами и кодексами⁶.

Данные противоположные подходы предстоит оценить диалектически.

Современники уже пытаются найти в них золотую середину, в частности ставя вопрос о необходимости определиться с уголовными проступками.

Так, Б.Я. Гаврилов, В.А. Крымов, Ю.В. Шпагина заявляют, что уголовный проступок не обладает степенью общественной опасности, характерной для преступлений, в то же время присвоение некоторым административным

² Шишкина О.Е. Судебное разбирательство по делам об административных правонарушениях: поиск конституционных рамок и стандартов правосудия (на основе практики Конституционного Суда РФ) // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3. С. 19–27.

³ Головненков П.В. Легитимация и границы наказуемости приготовления тяжкого государственно опасного деяния в положениях Уголовного уложения Германии // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы Восьмой Международной научно-практической конференции (27–28 января 2001 г.). М., 2011. С. 593.

⁴ Елинский А.В. Конституционное измерение уголовного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3. С. 159–176.

⁵ Арзамасцев М.В. Правила оценки признаков деяний, дифференцирующих административную и уголовную ответственность // Уголовное право. 2017. № 2. С. 12–20.

⁶ Головки Л.В. Институт административной преюдиции по уголовным делам, или О закономерностях перехода количества в качество // Закон. 2023. № 10. С. 101–113.

правонарушениям ранга уголовных проступков позволило бы подчеркнуть степень значимости отношений, на которые посягает деликвент, что, по мнению названных авторов, поспособствовало бы профилактике преступности⁷. Абсолютно о том же была инициатива высшей судебной инстанции под руководством В.М. Лебедева, предлагавшей ввести в уголовное законодательство институт уголовных проступков. По разным причинам развития она, к сожалению, не получила, и в июле 2024 г. Госдума постановила вернуть соответствующий законопроект в Верховный Суд РФ.

Прав и В.А. Маслов, заключающий, что в основной массе людям свойственно совершать существенно меньшие по степени общественной вредности (опасности) деяния и, что характерно, именно на данной межотраслевой границе находится большое число деяний (появление которых связывается в том числе с постепенным, но постоянным усложнением социальной организации человечества), которые периодически определяются нормотворцами то как административные правонарушения, то как преступления⁸.

Слишком много норм УК и КоАП, по выражению Ю.Д. Сергеева и С.Б. Кузьмина, перекликаются по смыслу, отличаясь лишь суровостью наказания, определяемой последствиями содеянного⁹.

Рассуждая о двоякости публично-правовой ответственности применительно к насущным ныне правовым проблемам использования искусственного интеллекта, В.В. Хилjuta находит логичным, что современное уголовное право призвано вобрать в себя как преступления, так и любые правонарушения, а равно всевозможные проступки публичного свойства. Данная тенденция означает уход от общественной опасности и смещение акцентов в сторону противоправности, расширения диспозитивных начал в уголовном праве «широкого типа», профилактических мер воздействия и усиления штрафных санкций¹⁰.

В любом случае сближение уголовного и административно-деликтного регулирования назрело. Хочется надеяться, что толчок ему придаст долгожданное принятие новой редакции КоАП РФ, проект которого некоторое время назад был представлен на общественное обсуждение.

Действующий КоАП РФ откровенно дефектен.

Он напоминает решето, на регулярной основе формируемое сотнями видоизменяющих его законов, которые часто принимаются с почти космиче-

⁷ Гаврилов Б.Я., Крымов В.А., Шпагина Ю.В. Уголовный проступок: новые грани российского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 1. С. 115–139.

⁸ Маслов В.А. Допустимость административной преюдиции в контексте общности отраслей уголовного и административного права // Российская юстиция. 2024. № 7. С. 39–49.

⁹ Сергеев Ю.Д., Кузьмин С.Б. Законодательное закрепление правового статуса медицинского работника — актуальная проблема // Медицинское право. 2014. № 4. С. 3–7.

¹⁰ Хилjuta В.В. Искусственный интеллект и уголовное право: приемлем ли палингенезис в условиях цифровизации? // Журнал российского права. 2023. № 9. С. 90–103.

ской скоростью, особенно когда дело касается ужесточения ответственности и наказания. Как многим видится, часть изменений формулируется в спешке, новые редакции оказываются неудобоваримыми не только для граждан, но и для правоприменителей. Только что принят Федеральный закон от 30 ноября 2024 г. № 420-ФЗ, которым в ст. 13.11 КоАП РФ «Нарушение законодательства Российской Федерации в области персональных данных» было сразу внесено 9(!) новых составов (ч. 10–18), причем максимальное наказание по одной из них для юридических лиц увеличено до 500(!) млн руб.

Дефектность административно-правового регулирования фиксирует Конституционный Суд РФ, который только за последние несколько месяцев признал целую череду положений КоАП РФ не соответствующими основному закону постановлениями:

— от 12 ноября 2024 г. № 51-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 30.1 и иных положений о подсудности Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Подольского городского суда Московской области»;

— от 6 ноября 2024 г. № 50-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 8.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан А.В. Баевой и И.В. Филькова»;

— от 7 октября 2024 г. № 44-П «По делу о проверке конституционности положений части 3 статьи 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 6.1 статьи 28 и статьи 149 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой гражданина С.В. Рязанова»;

— от 3 октября 2024 г. № 43-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части 1 статьи 24.5, части 5 статьи 28.2, пункта 4 части 1 статьи 29.4 и частей 1 и 2 статьи 29.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина В.В. Кашина»;

— от 18 июля 2024 г. № 39-П «По делу о проверке конституционности положения части 1.3-3 статьи 32.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “НТСИ Телеком”» и др.

В описываемой ситуации нельзя не приветствовать возрождение прежней практики синхронной правки законодателем УК и КоАП РФ, гарантирующей одновременную нормативную проработку обоих важных законов¹¹.

Аналогичным образом полезны те позиции Пленума Верховного Суда РФ, которые охватывают как уголовную, так и административно-деликтную тема-

¹¹ См., например: Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.11.2024).

тику, тем более что совместных тем, наподобие административной преюдиции, стало более чем предостаточно.

Примером служит Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2022 г. № 39 «О судебной практике по уголовным делам о неуплате средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 Уголовного кодекса Российской Федерации)», в котором обстоятельно анализируется и административная ответственность за аналогичное деяние, наступающая в соответствии со ст. 5.35.1 КоАП РФ. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о дящихся и продолжаемых преступлениях», в котором дано определение дящегося деяния, оказалось интересным для судей, рассматривающих дела об административных правонарушениях.

Активно обсуждается процессуальное сближение производства по уголовным делам и делам об административных правонарушениях¹².

И здесь за примером тоже далеко ходить не надо.

Несмотря на отсутствие в Уголовно-процессуальном кодексе РФ прямого запрета возбуждать уголовное дело при начатом производстве по делу об административном правонарушении, такой запрет предполагается и не порождает споров — иное стало бы нарушением конституционных принципов, поскольку лицо не может быть привлечено к ответственности дважды за одно правонарушение. В случае необходимости квалификации действий виновного лица по УК РФ, если то ранее подвергнуто административной ответственности, В.А. Лыков предлагает прекращать производство по делу об административном правонарушении и возбуждать уголовное дело. Однако это осуществимо при желании одновременно как минимум двух органов. В случае же если производство по делу об административном правонарушении не будет прекращено, органы предварительного расследования не смогут реализовать свои соответствующие полномочия¹³.

По замечанию А.Р. Нобеля, УК и КоАП РФ, формально допуская привлечение к уголовной и административной ответственности за совершение одного противоправного деяния законодатели, по сути, трактуют рассматриваемый принцип исключительно как моноотраслевой¹⁴. Поэтому О. Анганзоров в свое время предложил включить в ст. 24 УПК дополнительное основание для прекращения и отказа в возбуждении уголовного дела: наличие по одному и тому же факту неотмененного постановления или решения суда, ор-

¹² Писаревский И.И. Административная юрисдикция в зеркале уголовного судопроизводства: сравнение на основе функционального подхода // Администратор суда. 2023. № 2. С. 30–34.

¹³ Лыков В.А. Соотношение административной и уголовной ответственности // Законность. 2010. № 5. С. 50–51.

¹⁴ Нобель А.Р. Реализация принципа non bis in idem при привлечении к публично-правовой ответственности // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3. С. 11–18.

гана, должностного лица, уполномоченных рассматривать дела об административных правонарушениях¹⁵.

«Широкое» уголовное право затрагивает даже деятельность арбитражных судов, которые, казалось бы, далеки от уголовно-правовой сферы.

Исходя из доктрины «широкого» уголовного права, налогоплательщикам должно быть гарантировано право на допрос свидетелей обвинения при оспаривании соответствующих действий и решений налоговых органов, например: протокол допроса свидетеля, представленный таким органом в дело, является письменным доказательством, тогда как показания свидетеля должны быть восприняты судом непосредственно, с соблюдением всех необходимых процессуальных формальностей (предупреждением об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, предоставлением возможности задавать вопросы всем участникам процесса и проч.)¹⁶.

Во всех этих условиях отказываться от административно-деликтного права, не получив представления о том, куда мы при этом придем, нет причин. Стоящие перед страной задачи заставляют исчерпывающе использовать те имеющиеся правовые инструменты, потенциал совершенствования которых не исчерпан. Скоропалительное реформаторство ни разу не доводило до добра.

Смоляков П.Н.,

доцент Байкальского государственного университета,
кандидат юридических наук,
судья Забайкальского краевого суда
(г. Иркутск)

Литература

1. Ангanzоров О. Привлечение лица к уголовной ответственности после привлечения его к административной ответственности за то же правонарушение / О. Ангanzоров // Законность. 2009. № 2.
2. Арзамасцев М.В. Правила оценки признаков деяний, дифференцирующих административную и уголовную ответственность / М.В. Арзамасцев // Уголовное право. 2017. № 2.
3. Гаврилов Б.Я. Уголовный проступок: новые грани российского законодательства / Б.Я. Гаврилов, В.А. Крымов, Ю.В. Шпагина // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 1.
4. Головки Л.В. Институт административной преюдиции по уголовным делам, или О закономерностях перехода количества в качество / Л.В. Головки // Закон. 2023. № 10.

¹⁵ Ангanzоров О. Привлечение лица к уголовной ответственности после привлечения его к административной ответственности за то же правонарушение // Законность. 2009. № 2. С. 56.

¹⁶ Султанов А.Р. Борьба с пробелами в Налоговом кодексе Российской Федерации и фиксированными идеями в налоговых спорах : монография. М. : Статут, 2022. 472 с.

5. Головненков П.В. Легитимация и границы наказуемости приготовления тяжкого государственно опасного деяния в положениях Уголовного уложения Германии / П.В. Головненков // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы Восьмой Международной научно-практической конференции (г. Москва, 27–28 января 2011 г.) : сборник научных статей / члены редакционной коллегии : Г.А. Есаков, Л.В. Иногамова-Хегай, Т.Г. Понятовская [и др.] ; ответственный редактор А.И. Рарог. Москва : Проспект, 2011.
6. Елинский А.В. Конституционное измерение уголовного права / А.В. Елинский // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 3.
7. Лыков В.А. Соотношение административной и уголовной ответственности / В.А. Лыков // Законность. 2010. № 5.
8. Маслов В.А. Допустимость административной преюдиции в контексте общности отраслей уголовного и административного права / В.А. Маслов // Российская юстиция. 2024. № 7.
9. Нобель А.Р. Реализация принципа non bis in idem при привлечении к публично-правовой ответственности / А.Р. Нобель // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3.
10. Панкова О.В. Правосудие по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции : монография / О.В. Панкова. Москва : Статут, 2023.
11. Писаревский И.И. Административная юрисдикция в зеркале уголовного судопроизводства: сравнение на основе функционального подхода / И.И. Писаревский // Администратор суда. 2023. № 2.
12. Сергеев Ю.Д. Законодательное закрепление правового статуса медицинского работника — актуальная проблема / Ю.Д. Сергеев, С.Б. Кузьмин // Медицинское право. 2014. № 4.
13. Султанов А.Р. Борьба с пробелами в Налоговом кодексе Российской Федерации и фиксированными идеями в налоговых спорах : монография / А.Р. Султанов. Москва : Статут, 2022.
14. Хилjuta В.В. Искусственный интеллект и уголовное право: приемлем ли палингенезис в условиях цифровизации? / В.В. Хилjuta // Журнал российского права. 2023. № 9.
15. Шишкина О.Е. Судебное разбирательство по делам об административных правонарушениях: поиск конституционных рамок и стандартов правосудия (на основе практики Конституционного Суда РФ) / О.Е. Шишкина // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 3.

Транспарентность как сущностная характеристика современного уголовного судопроизводства в контексте нравственных начал

Уголовно-процессуальная деятельность по своей сути во все времена являлась узаконенным способом борьбы с преступностью, установления контроля над ней, то есть способствовала обеспечению правопорядка в государстве. Именно с этим связано, что в сознании абсолютного большинства граждан, представителей общества уголовному судопроизводству придавался ярко выраженный карательный окрас. Данный вывод небезоснователен: действительно, у государства (в лице его органов и должностных лиц) в рамках указанной сферы имеются довольно широкие полномочия по применению мер принуждения и властного воздействия, выражающиеся в ограничении наиболее охраняемых прав и свобод граждан. Однако такие государственно-властные полномочия сбалансированы (пусть и не всегда в достаточной степени) необходимостью защиты прав и свобод лиц, ставших участниками уголовно-процессуальных отношений, в том числе от незаконного и необоснованного уголовного преследования. Характер взаимоотношений государства и личности в рамках уголовного судопроизводства за последние десятилетия сильно видоизменился. Претерпевала серьезные изменения формулировка задач уголовного судопроизводства (ныне назначения уголовного судопроизводства, хотя не считаем возможным поставить знак равенства между ними). Так, ст. 2 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК) РСФСР закрепляла такие задачи уголовного судопроизводства, как:

- 1) быстрое и полное раскрытие преступлений;
- 2) изобличение виновных;
- 3) обеспечение правильного применения закона с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден.

В этой же статье говорилось и о том, что, помимо вышеперечисленного, уголовное судопроизводство также должно способствовать:

- укреплению социалистической законности и правопорядка;
- предупреждению и искоренению преступлений;
- охране интересов общества, прав и свобод граждан;
- воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции СССР, Конституции РСФСР и советских законов;

— уважению правил социалистического общежития¹.

Исходя из анализа вышеперечисленной нормы можно прийти к выводу, что именно такая формулировка задач уголовного судопроизводства, «про-существовавшая несколько десятилетий, совершенно закономерно породила представление о том, что интегративной целью всех компонентов системы уголовной юстиции является борьба с преступностью»².

Прежние «задачи» претерпели сильную трансформацию. В УПК РФ появилась ст. 6 «Назначение уголовного судопроизводства», которая вобрала в себя куда больше либеральных и демократических черт, получив более правозащитный окрас.

Не вдаваясь в дискуссию о сущностных отличиях категорий «назначение» и «задачи», отметим, что такая формулировка была неоднозначно встречена теоретиками и правоприменителями. Так, И.Б. Михайловская отметила, что закрепление в качестве назначения уголовного судопроизводства защиты прав и законных интересов личности, в том числе от необоснованного уголовного преследования, осуждения и ограничения ее прав и свобод, «лишает нормативной почвы тезис о борьбе с преступностью как цели процессуальной регламентации функционирования уголовной юстиции»³.

Однако мы бы не были столько категоричными, поскольку не видим сильных противоречий между этими, казалось бы, разнонаправленными векторами уголовно-процессуальной деятельности.

Борьба с преступностью и защита прав и свобод человека — две равно-великие ценности, на балансирование которых направлена уголовная политика большинства современных цивилизованных государств. На наш взгляд, именно данными ценностями определяется государственно-правовая идеология и обуславливается построение современного российского уголовного процесса. Условно, они укладываются в рамках двух моделей, которые в своих фундаментальных трудах определил американский ученый Гербер Пэкер: «модель надлежащей правовой процедуры», где приоритет находится на стороне надлежащей уголовно-процессуальной процедуры и гарантий прав участников процесса, и «модель борьбы с преступностью», в которой в первую очередь решается задача раскрытия преступлений, обеспечения правопорядка в стране⁴.

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 29.12.2001) (утратил силу) // Свод законов РСФСР. Т. 8. С. 613.

² См.: Лазарева В.А. Актуальные проблемы уголовно-процессуального права : учебник для вузов / В.А. Лазарева. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. С. 79.

³ См.: Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М. : ТК Велби : Проспект, 2003. С. 33.

⁴ Packer H.L. Two Models of the Criminal Process // University of Pennsylvania Law Review. 1964. Vol. 113. № 1.

Что касается места и роли общества, то уголовное судопроизводство и вовсе редко попадает в поле его интереса, если это не связано с «громкими» случаями совершения противоправных деяний и уголовных преследований по так называемым «резонансным» делам. Однако какова степень влияния общества на уголовное судопроизводство? Думается, что довольно незначительная, что объясняется и менталитетом российского народа, характеризующимся выраженным безразличием к государственным процедурам и правоохранительной системе. Лишь в единичных случаях, обусловленных широким общественным резонансом совершенного противоправного деяния, общество оказывает «давление» на государственные органы и реализует функции общественного контроля, что ярко демонстрирует ситуация с терактом в Крокусе.

Следует согласиться с Л.В. Головки, что в ходе перманентных реформ, иногда лишенных определенной логики, структура уголовного процесса стала хаотична, многие институты идеологически противоречат друг другу, в том числе принципы, обуславливающие построение и инфраструктуру процесса, потерялась общая концепция⁵. Вне всяких сомнений, вектором современной уголовно-процессуальной политики является четкое определение целей и выбранных для их достижения средств, что определяется ценностными ориентирами, вокруг которых будут сконцентрированы усилия государства в лице его компетентных органов и должностных лиц. Это, в свою очередь, положительно скажется на эффективности и качестве всего уголовного судопроизводства, а также балансе интересов личности, общества и государства в указанной сфере.

Как видится нам, при всех противоречиях, из которых «соткан» УПК РФ, идеологически уголовно-правовая политика государства тяготеет к «модели надлежащей правовой процедуры» с обеспечением верховенства прав участников процесса и человекоцентричным подходом.

В этой связи актуально мнение А.Ф. Кони, который, рассуждая о формах судопроизводства, отметил, что «по всем вероятностям, в будущем предстоит лишь частичное улучшение... и уточнение техники производства уголовного исследования. Но рядом с этим изощрением техники должно пойти — будем на это надеяться — развитие истинного и широкого человеколюбия на суде, равно далекого и от механической нивелировки отдельных индивидуальностей, и от черствости приемов, и от чуждой истинной доброте дряблости воли в защите общественного правопорядка. Тогда главное внимание с полным основанием обратится на изучение нравственных начал уголовного процесса, и центр тяжести учения о судопроизводстве перенесется

⁵ Головки Л.В. Нам нужно определиться с моделью уголовного процесса для его дальнейшего развития // Закон. 2024. № 4. С. 8–10.

с хода процесса на этическую и общественно-правовую деятельность...»⁶. Хотя А.Ф. Кони свои рассуждения обращал в основном к деятельности суда, уверены, в современной модели российского уголовного процесса они более чем актуальны и применимы ко всем стадиям и государственно-властным субъектам, наделенным полномочиями по его осуществлению. Так, задачей суда А.Ф. Кони видел исследование преступного деяния и справедливое приложение к человеку, признанному виновным, карательного закона, поскольку «суд не механизм и не отвлечение от жизни, а живой и восприимчивый организм, приходящий в самое непосредственное и богатое разнообразными последствиями соприкосновение с явлениями общежития»⁷. Так ли далеко это высказывание от деятельности иных участников процесса, особенно тех, кого УПК РФ отнес к стороне обвинения? Думается, в той парадигме, о которой, в частности, рассуждал Л.В. Головкин, говоря, что, отказавшись от закрепления системообразующего фундаментального принципа материальной истины или всестороннего полного и объективного расследования и рассмотрения дел, вся уголовно-процессуальная инфраструктура осталась на нем построена, кроется и ответ на данный вопрос, который вовсе не является переоцененным⁸.

Сущность социального назначения уголовного судопроизводства заложена в ст. 2 Конституции Российской Федерации, которой права и свободы личности признаются высшей ценностью, что коррелирует с обязанностью государства в лице его органов соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. Фактически данной нормой основного закона интересам личности придается статус публичных интересов⁹.

Совершенно верно в этой связи рассуждал В.М. Корнуков, что в рамках уголовного процесса права и интересы личности неизбежно «возводятся в общественный интерес, приобретают публичный характер... и могут быть защищены только тогда, когда должным образом обеспечиваются и защищаются общественные интересы, общественная безопасность»¹⁰.

Таким образом, у современного уголовного судопроизводства необходимо констатировать выраженную социальную роль, которая кроется в до-

⁶ Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные работы. М. : Юрайт, 2024. С. 5.

⁷ См.: Там же. С. 5.

⁸ Головкин Л.В. Указ. соч. С. 9.

⁹ См.: Лазарева В.А., Иванов В.В., Утарбаев А.К. Защита прав личности в уголовном процессе России : учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2019. URL: <https://biblio-online.ru/viewer/zaschita-prav-lichnosti-v-ugolovnom-processe-rossii-431861#page/3> (дата обращения: 03.05.2024).

¹⁰ Корнуков В.М. Обеспечение и защита прав личности как основная задача и концептуальная основа реформирования российского уголовного процесса // Актуальные вопросы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве : межвуз. сб. науч. ст. Саратов : Изд-во Саратовской государственной академии права, 2005. С. 10.

стижении, в том числе посредством реализации уголовно-процессуальных отношений и мер, заложенных в механизме уголовно-процессуального регулирования, осознания обществом в целом и гражданами — участниками процесса полезности и значимости, а в широком смысле справедливости данного вида государственной деятельности, а не только его карательную суть, что не совсем верно. Именно в уголовном судопроизводстве заложен эффективный и реальный механизм обеспечения защищенности основ государственного строя, общества в целом и отдельно взятой личности. И в этом смысле социальная значимость уголовного судопроизводства заключается в его справедливости, доступности и открытости, что, на наш взгляд, охватывается концепцией транспарентности.

Понимание транспарентности в юридических науках, как представляется, излишне упрощается и сводится к информационной открытости, гласности при осуществлении соответствующего вида государственной деятельности¹¹. Однако применительно к уголовному судопроизводству ее следует рассматривать более глобально — как процессуальную основу открытого, доступного и справедливого судопроизводства. Полагаем, обеспечение транспарентности уголовного судопроизводства находится в прямой коррелирующей зависимости с проблемами достижения социального назначения данного вида государственной деятельности.

Как верно подчеркивает А.В. Смирнов, «в России открытость правосудия — особая проблема. Она носит не только юридический, но и в первую очередь политический характер. Государство и гражданское общество еще не сделали здесь равноправными партнерами, но только собираются ими стать»¹².

В связи с этим особо актуальным видится создание нормативно-правовой основы обеспечения заинтересованным лицам возможности получать

¹¹ См.: Гунин Д.И. Транспарентность и тайна информации: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008; Ковалева Е.В. Обеспечение транспарентности органов местного самоуправления современной России в процессе информатизации политического управления : дис. ... канд. полит. наук. Саратов, 2010; Колосович М.С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве : концептуальные основы : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2019; Малько Е.А. Транспарентность правосудия как приоритет российской гражданской процессуальной правовой политики // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 11. С. 2; Смирнов А.В. Транспарентность судебной власти: политико-правовой анализ // Проблемы транспарентности правосудия : монография. М. : ЛексЭст, 2005; Тарасов А.А. О транспарентности российского правосудия // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 1. С. 109–114; Свежинцев Е.И. Теоретические и прикладные проблемы реализации конституционного права на доступ к информации в досудебном производстве по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2019.

¹² Смирнов А.В. Проблемы открытости судебной власти для гражданского общества. Экспертное исследование на основе правоприменительной практики уголовных судов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. URL: [http:// www.kalinovsky-k.narod.ru/b/sav-tr0.htm](http://www.kalinovsky-k.narod.ru/b/sav-tr0.htm) (дата обращения: 03.05.2023).

информацию о производстве по уголовному делу в таких объемах и формах, которые и позволят лицам реализовать их конституционные права и не допустят необоснованного нарушения или ограничения прав и законных интересов других лиц. Кроме того, такая модель должна обеспечить реализацию элемента общественного контроля с профилактическим воздействием уголовно-процессуальной деятельности, незаслуженно отодвинутой на второстепенную роль.

Именно концепция транспарентности, на наш взгляд, может стать ключом к объективной оценке результатов уголовно-процессуальной деятельности, а значит, формирования доверия к ней населения. Это отвечает позиции Верховного Суда РФ, который отметил, что «осуществление общественного контроля за органами судебной власти не просто повышает правовую грамотность населения, но и выступает как гарантия использования механизма судебной защиты заинтересованными участниками процесса, способствует обеспечению справедливости самого судебного разбирательства, росту доверия населения к результатам деятельности следственных и судебных органов»¹³.

Подводя итог, отметим, что одним из важнейших векторов современной уголовно-процессуальной политики является нахождение разумного баланса между деятельностью государства по установлению контроля над преступностью, удовлетворению потребности общества быть вовлеченными в данную деятельность государства и обеспечению максимального уровня обеспеченности прав личности, вовлеченной в данную сферу государственной деятельности. Концепция транспарентности, на наш взгляд, коррелирует с концепцией разумного баланса между неотвратимостью уголовной ответственности и должным уровнем процессуальных гарантий прав личности.

Спесивов Н.В.,

директор Института прокуратуры, доцент кафедры уголовного процесса
Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Саратов)

Литература

1. Головки Л.В. Нам нужно определиться с моделью уголовного процесса для его дальнейшего развития / Л.В. Головки // Закон. 2024. № 4.
2. Гунин Д.И. Транспарентность и тайна информации: теоретико-правовой аспект : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Д.И. Гунин. Екатеринбург, 2008.

¹³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 3.

3. Ковалева Е.В. Обеспечение транспарентности органов местного самоуправления современной России в процессе информатизации политического управления : диссертация кандидата политических наук / Е.В. Ковалева. Саратов, 2010.
4. Колосович М.С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы : диссертация доктора юридических наук / М.С. Колосович. Волгоград, 2019.
5. Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе. Избранные работы / А.Ф. Кони. Москва : Юрайт, 2024.
6. Корнуков В.М. Обеспечение и защита прав личности как основная задача и концептуальная основа реформирования российского уголовного процесса / В.М. Корнуков // Актуальные вопросы обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве : межвузовский сборник научных статей / ответственный редактор В.М. Корнуков. Саратов : Саратовская государственная академия права, 2005.
7. Лазарева В.А. Защита прав личности в уголовном процессе России : учебное пособие / В.А. Лазарева, В.В. Иванов, А.К. Утарбаев. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2019.
8. Малько Е.А. Транспарентность правосудия как приоритет российской гражданской процессуальной правовой политики / Е.А. Малько // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 11.
9. Манова Н.С. Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства : достоинства и проблемы действующего законодательства / Н.С. Манова // Права человека — высшее достижение современной цивилизации : материалы научно-практической конференции (г. Симферополь, 27 ноября 2015 г.) : сборник научных статей / редакторы : Н.Н. Колюка, Т.Л. Козлов, Г.Г. Абасов [и др.]. Симферополь : Ариал, 2016.
10. Манова Н.С. Принципы уголовного судопроизводства как воплощение нравственных основ уголовно-процессуальной деятельности / Н.С. Манова, М.А. Баранова // Вестник Пермского университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 45.
11. Свежинцев Е.И. Теоретические и прикладные проблемы реализации конституционного права на доступ к информации в досудебном производстве по уголовным делам : диссертация кандидата юридических наук / Е.И. Свежинцев. Волгоград, 2019.
12. Смирнов А.В. Проблемы открытости судебной власти для гражданского общества. Экспертное исследование на основе правоприменительной практики уголовных судов Санкт-Петербурга и Ленинградской области / А.В. Смирнов. URL: <https://kalinovsky-k.narod.ru/b/sav-tr0.htm>
13. Смирнова И.Г. Борьба с преступностью и уголовное судопроизводство / И.Г. Смирнова // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 3.
14. Тарасов А.А. О транспарентности российского правосудия / А.А. Тарасов // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 1.
15. Packer, H.L. Two Models of the Criminal Process / H.L. Packer // University of Pennsylvania Law Review. 1964. Vol. 113. Iss. 1.

Персональные данные как элемент установления личности в компьютерных сетях

Установление лиц — пользователей компьютерных сетей при рассмотрении правонарушений является одной из важнейших задач доказывания. Криминалистика при решении задачи установления личности в правоприменительной деятельности традиционно опиралась на определение биологических (признаки внешности, дактилоскопические узоры и т.д.) и социальных характеристик (фамилия-имя-отчество, место рождения, профессиональные навыки и др.) человека. В доцифровом обществе указанных характеристик было вполне достаточно для раскрытия и расследования преступлений и рассмотрения дел об иных правонарушениях. С появлением компьютерной и телекоммуникационной техники, ставшей посредником в межличностном и социальном общении, эта задача усложнилась.

Во-первых, в цифровой среде вышеперечисленные и другие биологические и социальные свойства человека предстают в виде их описания (математического и программного), отделенного от физического субъекта. С одной стороны, это облегчает задачу их обработки, в том числе использования в криминалистических целях, с другой стороны, порождает возможность для манипуляции ими, маскировки личности, создания цифровых двойников и фейковых личностей.

Во-вторых, технологические особенности цифровой среды привели к появлению новых социальных, точнее, социально-технологических признаков, присущих участникам цифрового общества, без которых невозможно осуществлять деятельность в таком обществе. В отличие от биологических и многих традиционных социальных характеристик, такие признаки практически совсем не связаны с человеком как биологическим субъектом и опосредуют его положение в определенной технологической среде. К этим признакам относят номер телефона, адрес электронной почты, IP-адреса, метки радиочастотной идентификации и ряд других.

В условиях, когда многие виды преступной деятельности полностью или в значительной части переместились в компьютерные сети, криминалистика не может решать свои задачи без исследования указанных цифровых социально-технологических признаков личности. Одной из центральных проблем становится выявление степени связи человека как биологического объекта с такими признаками и, соответственно, возможность их использования в процессе доказывания для установления конкретного лица.

Поскольку в российском законодательстве сведения, характеризующие личность человека, рассматриваются как персональные данные, то социально-технологические признаки также могут пониматься как персональные данные.

Согласно п. 1 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», персональные данные — любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)¹.

Законодательство не дает закрытого перечня персональных данных, но указывает на их основную функцию — определять физическое лицо. В то же время в федеральном законодательстве перечисляются некоторые виды персональных данных, включающих и социально-технологических признаки. Так, в п. 1 ст. 8 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» в число общедоступных персональных данных включается абонентский номер.

Аналогичная позиция присутствует и в зарубежном законодательстве. В силу п. 30 Регламента № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС» физические лица могут быть связаны с сетевыми идентификаторами, предусмотренными их устройствами, приложениями, программными средствами и протоколами, как, например, IP-адреса, идентификаторы типа куки-файлы или иные идентификаторы, например метки радиочастотной идентификации. Это может оставлять следы, которые, особенно в сочетании с уникальными идентификаторами и другой полученной серверами информацией, могут быть использованы для создания профилей физических лиц и для их идентификации².

До недавнего времени доктрина³, подзаконные нормативные акты⁴ и судебная практика⁵ также относили к персональным данным ряд социально-технологических признаков, например абонентский номер, адрес электронной почты.

Криминалисты рассматривали указанные признаки как криминалистически значимую информацию, позволяющую устанавливать лиц, совершающих преступления в компьютерных сетях. В методических рекомендациях по расследованию преступлений социально-технологические признаки рас-

¹ СПС «КонсультантПлюс».

² СПС «КонсультантПлюс».

³ См., например: Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Топорнин Б.Н., Федотов М.А. Информационное право : учебник / под ред. акад. РАН Б.Н. Топорнина. СПб. : Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. С. 285.

⁴ См., например: Письмо Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 7 июля 2017 г. № П11-15054-ОГ «О разъяснении норм федерального законодательства» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См., например: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 августа 2017 г. № 78-КГ17-45; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 23 мая 2016 г. № 09АП-17574/2016; Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26 декабря 2022 г. № 16-9987/2022; Приговор Яковлевского районного суда Белгородской области от 14 августа 2024 г. № 1-148/2024 // СПС «КонсультантПлюс»; и др.

сматривались как идентификационные данные об обладателе (собственнике, пользователе) компьютерного устройства и его программного обеспечения⁶ или как информационные объекты, имеющие важное доказательственное значение для установления указанных лиц⁷.

В последнее время в судебной практике арбитражных судов и судов общей юрисдикции при рассмотрении гражданско-правовых споров сформировалась позиция, отрицающая признание за некоторыми социально-технологическими признаками лиц самостоятельного статуса персональных данных.

Наиболее последовательно эта позиция была сформулирована в судебных актах арбитражных судов по делу № А40-139096/22-121-796. Суды пришли к следующим выводам. Относительно формы «Заявка на оформление полиса» суд полагает, что данная форма не подразумевает сбор персональных данных в контексте определения «персональные данные», содержащегося в п. 1 ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», поскольку, как следует из материалов дела, не используется обществом для идентификации потребителя финансовых услуг с целью заключения договора страхования, а является формой обратной связи для последующего контакта сотрудника продающего подразделения общества с потенциальным клиентом, которым, кроме физического лица, также может выступать индивидуальный предприниматель или юридическое лицо.

Персональные данные — любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных).

Так, форма «Заявка на оформление полиса» не содержит полей, предусматривающих указание данных, позволяющих определить (идентифицировать) конкретное физическое лицо, поскольку запрашивает только «Форму обращения», «E-mail», «Телефон».

Совокупность данных, получаемых обществом посредством формы «Заявка на оформление полиса», не обеспечивает возможность доподлинно определить конкретное физическое лицо, которому принадлежит номер телефона и/или адрес электронной почты, поскольку форма не подразумевает предоставления полных «Фамилии-Имени-Отчества» и/или иных идентификаторов, таких как «Номер документа, удостоверяющего личность», «ИНН», «СНИЛС», «Дата и место рождения», в особенности принимая во внимание тот факт, что в форме могут быть указаны номер телефона и адрес электронной почты, принадлежащие юридическому лицу или иному физическому лицу, не являющемуся заполнителем формы.

⁶ Метелев А.В., Образцов В.А., Поздняков В.М., Рычkalова Л.А., Селина Е.В., Степаненко Д.А., Табаков А.В., Тушканова О.В., Устинов А.В., Ширев Д.В., Шмонин А.В. Криминалистика : учебник для бакалавров / под ред. Л.В. Бертовского. М. : Проспект, 2018. С. 748.

⁷ Расследование преступлений с использованием компьютерной информации из сети Интернет : учебное пособие / под ред. А.Г. Волеводза. М. : Проспект, 2022. С. 43.

Утверждение управления о том, что адрес электронной почты является персональными данными лица, его зарегистрировавшего, так как обладает «двумя важными свойствами: неизменностью при присвоении и уникальностью», является безосновательным, поскольку по аналогии с номером телефона, без наличия дополнительных идентификаторов, невозможно по одному лишь адресу электронной почты определить конкретное физическое лицо, которому он принадлежит. Более того, адрес электронной почты фактически не обладает свойством «абсолютной неизменности», потому что в случае расторжения пользовательского соглашения с электронным почтовым сервисом, удаления электронного почтового ящика с сервера (по любым причинам) в том же домене может быть зарегистрирован точно такой же адрес электронной почты за новым пользователем, так же как и в случае расторжения договора с оператором телефонной связи телефонный номер может быть передан новому абоненту. (Решение арбитражного суда г. Москвы от 20 октября 2022 г., Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11 января 2023 г. № 09АП-84769/2022, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30 марта 2023 г., Определение Верховного Суда РФ от 21 июля 2023 г. № 305-ЭС23-12160)⁸.

В настоящей статье мы не рассматриваем обоснованность позиции судов по исключению указанных сведений из числа персональных данных.

Для целей доказывания представляются важными следующие положения, сделанные в вышеперечисленных судебных актах.

Во-первых, социально-технологические признаки лица, отражающие его деятельность в цифровой среде, не позволяют самостоятельно определить его как конкретный биологический субъект. Решение такой задачи возможно только в совокупности с использованием других социальных характеристик человека.

Представляется, данное положение справедливо и в отношении ряда социальных характеристик личности, которые не связаны с цифровой средой. Например, отечественное законодательство устанавливает возможность и порядок изменения таких данных, как «фамилия-имя-отчество», «дата и место рождения». В результате одно и то же лицо будет обладать разными соответствующими социальными характеристиками в различные периоды времени.

Во-вторых, изменение социально-технологических данных зависит от ряда социальных и технологических обстоятельств, только установление наличия или отсутствия которых может позволить определить личность человека в предусмотренных законом формах.

Указанные положения отражают объективный характер связи между человеком и его социально-технологическими данными (признаками).

В криминалистических рекомендациях, нацеленных на установление личности при использовании современных информационных технологий, необходимо учитывать особенности такой связи и влияние ее на процесс

⁸ СПС «КонсультантПлюс».

доказывания. Представляется важным отражать в таких рекомендациях следующие положения.

Необходимо избегать использования терминов «идентификация», «идентификационные признаки» и т.п., когда речь идет о социально-технологических данных человека. Криминалистическая теория идентификации и, соответственно, экспертиза не располагают инструментарием для идентификации лица по его социальным характеристикам. Даная задача решается путем доказывания логической и процессуальной деятельности следователя или иного субъекта доказывания. Использование «идентификационной» терминологии может привести к ошибкам на практике, в случаях, когда субъект доказывания примет результаты экспертного исследования (заключения специалиста) как доказательство, непосредственно устанавливающие лицо по социально-технологическим данным.

В криминалистические рекомендации должны быть включены требования по проведению действий, ориентированных на установление принадлежности социально-технологических данных лица в интересующие следствие моменты времени. В частности, путем получения таких сведений от операторов связи, провайдеров, обнаружения и изъятия соответствующей документации в ходе следственных действий и т.п. Объем конкретных действий следователя может быть различен в зависимости от вида следственной ситуации (например, признания или непризнания вины подозреваемым), но субъект доказывания в любом случае должен понимать цели и необходимость сбора такой информации.

Рекомендации должны ориентировать следователя на использование для установления личности как можно большего количества социально-технологических данных лица и соотнесение их с его социальными, а когда это возможно, и биологическими характеристиками (например, биометрическими данными, находящимися в компьютерной сети); содержать конкретный перечень действий, позволяющих достигнуть указанной цели.

Комплексный подход к изучению и собиранию персональных социально-технологических данных позволит повысить надежность доказательственного вывода при установлении конкретного человека в процессе доказывания.

Ткачев А.В.,

доцент кафедры криминалистики Юридического факультета
Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук, доцент
(г. Москва)

Литература

1. Бачило И.Л. Информационное право : учебник / И.Л. Бачило, В.Н. Лопатин, Б.Н. Топорнин, М.А. Федотов ; под редакцией Б.Н. Топорнина. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2001.
2. Криминалистика : учебник для бакалавров / А.В. Метелев, В.А. Образцов, В.М. Поздняков [и др.] ; под редакцией Л.В. Бертовского. Москва : Проспект, 2018.
3. Расследование преступлений с использованием компьютерной информации из сети Интернет : учебное пособие / под редакцией А.Г. Волеводза. Москва : Проспект, 2022.

Женская преступность в семье: профилактика, проблемы и пути их разрешения

Говоря о профилактике преступности, следует отметить, что под ней понимается система объективных и субъективных предпосылок ликвидации преступности, а также комплекс государственных и общественных мер, который направлен на искоренение данного явления, причин и условий, его порождающих.

Считаем, что преступность женщин отличается от преступности мужчин количеством, характером преступлений и их последствиями, способами орудиями совершения, ролью, которую выполняют при этом женщины, выбором жертвы преступного посягательства, влиянием на совершенные ими правонарушения (преступления) семейно-бытовых и сопутствующих им обстоятельств. Эти особенности связаны с исторически обусловленным местом и ролью женщины в системе общественных отношений, а также биологическими и психологическими особенностями¹.

Индивидуальная профилактика преступности среди женщин осуществляется в отношении лиц, злоупотребляющих алкоголем и наркотиками, занимающихся проституцией, которые не учатся и не работают и по определенным причинам ранее попадали в поле зрения работников правоохранительных органов.

Осуществление индивидуально-профилактических мероприятий предусматривает:

- выявление и постановку на учет лиц, которые попали в поле зрения как потребители наркотиков, алкоголя, допускающие противоправное поведение;

- надзор за поведением и образом жизни лица, реагирование на правонарушение и другие противоправные действия;

- осуществление оперативно-профилактических мероприятий в отношении лиц из ближайшего окружения (микросреды), которые провоцируют на употребление алкоголя и наркотиков или совершение правонарушений².

Основная цель индивидуальной профилактической работы с женщинами — принять исчерпывающие меры, с тем чтобы предотвратить совершение

¹ Алексеева Е.С. Женская преступность в России // Проблемы квалификации и расследования преступлений : сборник научных трудов. Хабаровск, 2017. С. 103–111.

² Щенина Т.Е., Шубина А.А. К вопросу криминологической характеристики женской преступности по показателям Удмуртской Республики // Наука и образование: проблемы и перспективы развития : сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. 2014. С. 160–161.

ими преступления. Обязательно необходимо проводить работу с несовершеннолетними девушками и женщинами с целью выявления лиц, которые могут составлять так называемую «группу риска», для дальнейшей работы с ними.

К категории «группы риска» относятся несовершеннолетние девушки и женщины:

- с наследственными или приобретенными в раннем детстве психическими заболеваниями, умственно отсталые в той или иной степени;
- с врожденными аномалиями физического развития;
- с психопатическими характеристиками, что внешне проявляется в повышенной возбудимости, эмоциональности или, наоборот, в замкнутости, нелюдимости, негативной реакции на внешние раздражители;
- проживающие в семьях, где есть лица, употребляющие наркотики или страдающие алкоголизмом;
- проживающие в неблагополучных семьях;
- из семей, где есть лица, отбывавшие наказание за преступления в местах лишения свободы, а также лица, которые не отбывали наказание в местах лишения свободы, но совершали противоправные действия, связанные с проституцией;
- которые вернулись из мест лишения свободы или из учебно-воспитательных учреждений;
- дети предпринимателей из криминальной среды и из элитных кругов общества, посетители дискотек, баров, несовершеннолетние проститутки и др.³

Следующим шагом индивидуальной профилактической работы является оказание социально-психологической помощи женщинам, естественно, эффективность профилактики зависит не только и не главным образом от мер правового действия — необходим комплексный подход с использованием всех известных форм профилактической работы, с охватом всех сфер деятельности. Методы убеждения и воспитания следует сочетать с мерами медицинского, правового и социального действия⁴. Серьезное внимание при индивидуальной профилактике необходимо уделять психологической консультации, которая может реализоваться путем профилактических бесед.

Следует отметить, что проблема предупреждения преступности уже длительное время привлекает внимание не только Правительства РФ, но и всей

³ Громов М.А. Организационно-правовые основы деятельности правоохранительных органов по предупреждению женской преступности // Актуальные вопросы теории и практики вузовской науки : сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации. 2017. С. 223–233.

⁴ Загаштокова И.М. Женская преступность в структуре преступности несовершеннолетних и проблемы ее предупреждения // Тотальные аспекты инновационных технологий. Пятигорск, 2014. С. 107–113.

мировой общественности. Постоянное и значительное увеличение количества преступлений в отношении женщин делает проблему еще более злободневной и актуальной.

Женская преступность — это комплексная проблема, разрешение ее требует системных мер и формирования специальных субъектов. Исследования показывают, что совершенные преступления на женщину оказывают более сильное влияние, чем на мужчину. Она значительно медленнее преодолевает инерцию преступной деятельности, значительно труднее и сложнее включается в процесс ресоциализации, поэтому важно определить судьбы преступниц, отбывших наказание. Большинству из них некуда возвращаться, семьи распались, связи с детьми нарушены, навыки работы потеряны.

Следует отметить, что женские организации должны принимать меры к вовлечению женщин в общественно полезный труд, оказывать им материальную поддержку, помощь в решении разнообразных трудовых, семейных и иных личных вопросов⁵.

Принимая во внимание возросшую роль и влияние церкви, особенно в воспитании нравственности людей, можно высказать предположение, что работа церкви в предупреждении женской преступности может принести свои плоды.

На наш взгляд, основными причинами женской преступности являются:

— социально-экономическая обстановка в государстве (с обострением экономического кризиса в России увеличивается безработица и социальная напряженность и, как следствие, возрастает уровень женской преступности);

— современное состояние нравственности и низкий уровень правовой культуры;

— рост антиобщественных явлений.

На наш взгляд, именно вышеназванные причины порождают совершение преступлений данной категорией лиц и должны учитываться при профилактике рассматриваемой преступности. Как совершенно справедливо отмечает Е.А. Лыско, работа по профилактике женской преступности должна охватывать прежде всего те сферы жизнедеятельности, в которых формируются негативные черты их личности и в которых они чаще совершают преступления⁶.

Профилактика женской преступности включает широкий комплекс мероприятий:

— социально-экономических (обеспечение женщины работой и заработной платой, повышение ее образования и квалификации, помощь семье, лечение больных алкоголизмом, наркоманией, психопатии);

⁵ Кузьмина Л.А. Женская преступность: причины и меры по ее предупреждению // Традиции и инновации в современной науке : сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции. 2016. С. 410–411.

⁶ Лыско Е.А. Региональный подход изучения женской преступности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2017. № 9. С. 76–83.

— социально-гигиенических, препятствующих возникновению, распространению и рецидиву криминогенных явлений внешней среды, где происходит физическая и моральная деформация женщины (ранняя сексуальная деморализация, распад семьи, внебрачная рождаемость, отказ от воспитания детей);

— лечебно-профилактических (ранняя диагностика и исправление различных психических аномалий, психопатий, совершенствование системы социально-трудовой адаптации женщин с отклонениями психики, патронаж)⁷.

Помимо общей профилактики женской преступности, существует еще и специальная, которая осуществляется специализирующимися органами (правоохранительные органы, органы социальной защиты населения и т.д.).

Правовой основой профилактики женской преступности являются прежде всего Конституция РФ, которая регламентирует наиболее общие положения о защите семьи, материнства и детства. В свою очередь, специальным нормативно-правовым актом, направленным на улучшение положения женщин и профилактику преступности, является Постановление Правительства от 8 января 1996 г. «О концепции улучшения положения женщин в России»⁸. Данный документ внес огромный вклад в общее предупреждение женской преступности посредством определения главных направлений деятельности государства в отношении женщин.

В данном постановлении провозглашаются соблюдение прав женщин в единстве с правами и основными свободами человека, соблюдение условий для полноправного участия женщин в принятии решений на всех уровнях управления, недопущение и пресечение насилия в отношении женщин, разработка и реализация программ правового просвещения женщин, объективное освещение в СМИ подлинной роли женщин в экономической, социальной и политической жизни, а также организация широкой пропагандистской работы, которая ориентирована на активизацию участия женщин в социально-экономических преобразованиях; увеличение их числа в органах власти действительно ведет к предупреждению женской преступности.

Однако, наш взгляд, рассматриваемое постановление Правительства РФ устарело, а многие пункты еще и утратили силу. В условиях современной действительности оно не может в полной мере способствовать улучшению положения женщин и, соответственно, осуществлять профилактику преступности.

В связи с чем думается, что необходимо принятие новой государственной концепции (стратегии) в области улучшения положения женщин, а также охраны материнства и детства, которая будет принята в современных условиях, а также отражать разрешение тех проблем, с которыми сталкиваются жен-

⁷ Кузьмина Л.А. Женская преступность: причины и меры по ее предупреждению // Там же.

⁸ О концепции улучшения положения женщин в Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 8 января 1996 (ред. от 26.07.2004) № 6 // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 185.

щины в России сегодня (безработица, социальная поддержка, реабилитация женщин после таких антиобщественных явлений, как алкоголизм и наркомания, повышение правового просвещения и т.д.).

Думается, не менее важным в данном вопросе было бы принятие законопроекта «О предупреждении и профилактики семейно-бытового насилия», который до сих пор не принят.

Мы полагаем, что особую значимость в рамках предупреждения женской преступности играют участковые уполномоченные полиции, которые объективно являются основными представителями полиции, выполняющими функции по предупреждению преступлений и охране общественного порядка. В частности, участковые уполномоченные полиции осуществляют разъяснительную работу среди граждан по соблюдению ими общественного порядка⁹.

Немаловажное значение в профилактике женской преступности имеют комиссии по делам несовершеннолетних, поскольку воспитательное воздействие на девушек-подростков является эффективным способом борьбы с взрослой женской преступностью. Так, например, сотрудники данного подразделения могут проводить профилактические беседы в индивидуальном порядке с девушками-подростками, состоящими на специальном учете, также их задачами являются проведение встреч с населением, беседы в образовательных учреждениях, информирование через СМИ по вопросам профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Наряду с этим, в сфере профилактики женской преступности важной проблемой остается семейное неблагополучие, которое способствует совершению женщинами общественно опасных действий. В связи с чем необходимо активизировать работу общественных и государственных органов, а также групп по интересам.

В свою очередь, для повышения эффективности профилактики женской преступности важно организовать четкий механизм взаимодействия и объединения усилий всех субъектов профилактики, их слаженной работы, обмена информацией между ними¹⁰.

Правоохранительные органы в сфере специально-криминологической профилактики женской преступности должны максимально конкретизировать мероприятия по профилактике следующих преступных явлений: снижение криминогенного семейного неблагополучия, виктимности, ограничение влияния криминальной субкультуры, пьянства, наркомании.

Обеспечение законодательной безопасности личности в семье, создание системы предотвращения семейного насилия, ужесточение ответственности

⁹ Кузьмина Л.А. Указ. соч.

¹⁰ Касимова Э.Р. Предупреждение женской насильственной преступности в исправительных учреждениях (уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и криминологические проблемы) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2–5. С. 188–192.

должностных лиц за непринятие мер по защите граждан, пострадавших в результате семейно-бытовых конфликтов, приоритетные направления в борьбе с женской преступностью.

Отсутствие специальных региональных программ по предупреждению женской преступности также имеет сугубо отрицательное значение для профилактики ее проявлений. Принимаемые на региональном уровне программы и планы предупреждения преступности вообще либо носят чисто формальный характер, либо не содержат разделения предупредительных мер по видам преступности и гендерным различиям. Программы регионов, принимаемые в этой сфере, как правило, не содержат конкретных мероприятий по профилактике и предупреждению, не указываются в них и органы, ответственные за их проведение. Принятие и внедрение в практику таких программ должны проходить при тесном взаимодействии юристов, социологов, психологов, а также работников медицинских и психиатрических учреждений с учетом специфики региона¹¹.

Предупреждение женской преступности — это системная деятельность органов власти и общественных объединений по противодействию причинам и условиям преступности, требующая больших материальных, трудовых и временных затрат. Многогранность указанной деятельности порождает огромное число проблем, разрешение которых зависит от слаженных действий органов власти, общественных объединений, общества и каждого человека в частности.

Однако и на сегодняшний день в условиях современных реалий продолжается совершенствование профилактических мер по предупреждению семейной преступности, а значит, вопросы изучения профилактики женской преступности в семье требуют дальнейшего научного изучения и осмысления.

Полагаем, что профилактика женской преступности должна проходить в русле общественных программ борьбы с преступностью с учетом охраны материнства и детства, всесторонней поддержки института семьи, так как именно семья играет ключевую роль в жизни и развитии общества, определяет его будущее, что особо злободневно было в 2024 году, объявленном Годом семьи в России.

Щенина Т.Е.,

доцент кафедры педагогики и психологии факультета
социальных коммуникаций и филологии Глазовского государственного
инженерно-педагогического университета имени В.Г. Короленко,
кандидат юридических наук, доцент
(г. Глазов, Удмуртская Республика)

¹¹ Щенина Т.Е., Шубина А.А. К вопросу криминологической характеристики женской преступности по показателям Удмуртской Республики // Там же.

Литература

1. Алексеева Е.С. Женская преступность в России / Е.С. Алексеева // Проблемы квалификации и расследования преступлений : сборник научных трудов / научный редактор В.А. Авдеев. Хабаровск : Московская академия Следственного комитета РФ, 2017.
2. Громов М.А. Организационно-правовые основы деятельности правоохранительных органов по предупреждению женской преступности / М.А. Громов // Актуальные вопросы теории и практики вузовской науки : материалы международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации (г. Чебоксары, 27 января 2017 г.) : сборник научных статей. В 2 частях. Ч. 1 / редакторы : В.В. Андреев, Н.И. Петренко, Л.А. Таймасов [и др.]. Чебоксары : ЧКИ РУК, 2017.
3. Загаштокова И.М. Женская преступность в структуре преступности несовершеннолетних и проблемы ее предупреждения / И.М. Загаштокова // Тотальные аспекты инновационных технологий : материалы международной научно-практической конференции (г. Алания (Турция), 28 сентября — 5 октября 2014 г.) : сборник научных статей. № 4. Научный вестник (специальный выпуск). Кисловодск : Северокавказское издательство МИЛ, 2014.
4. Касимова Э.Р. Предупреждение женской насильственной преступности в исправительных учреждениях (уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и криминологические проблемы) / Э.Р. Касимова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2–5.
5. Кузьмина Л.А. Женская преступность: причины и меры по ее предупреждению / Л.А. Кузьмина // Традиции и инновации в современной науке : материалы XVI Международной научно-практической конференции (г. Москва, 30 ноября 2016 г.) : сборник научных статей. Астрахань : Научный центр «Олимп», 2016.
6. Лыско Е.А. Региональный подход изучения женской преступности / Е.А. Лыско // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2017. № 9.
7. Щенина Т.Е. К вопросу криминологической характеристики женской преступности по показателям Удмуртской Республики / Т.Е. Щенина, А.А. Шубина // Наука и образование: проблемы и перспективы развития : материалы международной научно-практической конференции (г. Тамбов, 30 августа 2014 г.) : сборник научных статей. В 5 частях. Ч. 4. Тамбов : Консалтинговая компания «ЮКом», 2014.

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Выпуск 25

ISBN 978-5-94103-566-3

Макет подготовлен ООО «Издательская группа «Юрист»